

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

(1859-1917)

1

*Всем потрудившимся
на ниве отечественной археологии
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**THE IMPERIAL
ARCHAEOLOGICAL
COMMISSION
(1859-1917)**

**HISTORY OF THE FIRST STATE INSTITUTION
OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY
FROM THE BEGINNING UNTIL THE REFORM**

Volume 1

Edited by
Alexander Musin & Maria Medvedeva

2nd revised edition

Saint Petersburg
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры

**ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ
(1859-1917)**

**ИСТОРИЯ ПЕРВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ОТ ОСНОВАНИЯ ДО РЕФОРМЫ**

Том 1

Научные редакторы-составители
А. Е. Мусин и М. В. Медведева

2-е издание,
переработанное и дополненное

Санкт-Петербург
2019

УДК 930.25
ББК 63.4(2)
И54

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07–01–512а)

Первое издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09–01–16101д)

И54 Императорская археологическая комиссия (1859–1917) : история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы : Коллективная монография : в 2 т. Т. 1 / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : ИИМК РАН, 2019. — 888 (1616) с.

ISBN 978-5-9072-9806-4
DOI 10.31600/978-5-9072-9806-4

Книга посвящена истории Императорской археологической комиссии, первого государственного археологического учреждения в России. Комиссия сыграла важную роль в становлении российской археологии как науки, в сложении теории и практики реставрации объектов культурного наследия и формировании мер по охране памятников культуры в России XIX — начала XX в. В книге впервые систематически изложена и охарактеризована разносторонняя деятельность ИАК, даны биографии членов и сотрудников Комиссии, опубликован справочный материал по ее исследовательской деятельности. В богато иллюстрированном издании использованы уникальные фотографии из Научного архива ИИМК РАН. Второе издание коллективного труда, переработанное и дополненное, предназначено специалистам в области отечественной археологии и истории, историкам искусства и реставраторам, общественным и политическим деятелям, сотрудникам органов охраны памятников, студентам исторических специальностей, всем, интересующимся судьбой памятников культуры.

УДК 930.25
ББК 63.4(2)

Рецензенты:

чл.-корр. РАН И. В. Тункина, к.и.н. О. А. Сиротина

Редакционная коллегия:

к.и.н. О. И. Богуславский, д.и.н. В. А. Лапшин (председатель),
к.и.н. М. В. Медведева (науч. ред.-сост.), д.и.н. А. Е. Мусин (науч. ред.-сост.),
д.и.н. Н. И. Платонова

Предисловие — д.и.н. В. А. Лапшин; Предисловие к первому изданию — чл.-корр. РАН Е. Н. Носов;
Предисловие составителей — д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М. В. Медведева; Введение и история архива —
д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М. В. Медведева, д.и.н. Г. В. Длужневская, Н. А. Белова; Летопись ИАК —
д.и.н. А. Е. Мусин; Глава I — д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М. В. Медведева, д.и.н. Н. И. Платонова, Л. М. Всевиов,
д.и.н. И. Л. Тихонов; Глава II — д.и.н. Ю. А. Виноградов; Глава III — к.и.н. М. Ю. Вахтина; Глава IV —
д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. А. Е. Мусин; Глава V — к.и.н. Р. В. Стоянов; Глава VI — д.и.н. Н. И. Платонова,
д.и.н. А. Е. Мусин, д.и.н. С. А. Васильев; Глава VII — д.и.н. Г. В. Длужневская, Н. А. Лазаревская; Глава VIII —
к.и.н. О. В. Игнатьева-Вильбоа, д.и.н. Н. Б. Крыласова, д.и.н. А. М. Белавин; Глава IX — к.и.н. М. Б. Рысин,
В. Я. Стеганцева; Глава X — д.и.н. Г. В. Длужневская, д.и.н. Л. Б. Кирчо; Глава XI — д.и.н. А. Е. Мусин,
д.и.н. Г. В. Длужневская, к.и.н. М. В. Медведева, д.и.н. Н. И. Платонова; Глава XII — к.и.н. Д. Д. Ёлшин;
Глава XIII — д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М. В. Медведева; Глава XIV — д.и.н. А. Е. Мусин, д.и.н. Н. И. Платонова;
Биографии — д.и.н. И. Л. Тихонов, д.и.н. А. Е. Мусин; Библиография — Л. М. Всевиов; Английское резюме —
А. В. Гилевич; Указатели — д.и.н. А. Е. Мусин; Подготовка иллюстративного материала — Т. А. Ершова

В оформлении обложки использованы материалы ФО НА ИИМК РАН

© ИИМК РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Том 1

Предисловие	7
Предисловие к первому изданию	9
Предисловие составителей	13
Введение. История формирования архива Императорской археологической комиссии и обзор ее фондов в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН	29
Летопись Императорской археологической комиссии	41
Сотрудники Императорской / Российской археологической комиссии, 1859–1918	56
ГЛАВА I. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг.	62
ГЛАВА II. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского	354
ГЛАВА III. Императорская археологическая комиссия и изучение скифских древностей	537
ГЛАВА IV. Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии и Березани	654
ГЛАВА V. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического	743
ГЛАВА VI. Императорская археологическая комиссия и первобытные древности	783
ГЛАВА VII. Археологические памятники Сибири в исследованиях Императорской археологической комиссии	833

Том 2

ГЛАВА VIII. Императорская археологическая комиссия и археология Пермского края	895
ГЛАВА IX. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья	921
ГЛАВА X. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии	1056
ГЛАВА XI. Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской археологической комиссии	1092
ГЛАВА XII. Императорская археологическая комиссия и раскопки в Киеве 1908–1914 гг.	1202
ГЛАВА XIII. Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры	1237
ГЛАВА XIV. Императорская археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг.	1401
Summary	1463
Список сокращений	1469
Библиография изданий Императорской / Российской археологической комиссии	1476
Библиография	1482
Указатель географических названий	1561
Указатель имен	1586
Информация об авторах	1609

CONTENTS

Volume 1

FOREWORD	7
FOREWORD TO THE FIRST EDITION	9
FOREWORD OF EDITORS	13
INTRODUCTION. The history of archives of the Imperial Archaeological Commission and surveys of its collection in the depository of the Institute for the History of the Material Culture, Saint Petersburg	29
Chronicles of the Imperial Archaeological Commission	41
Staff of the Imperial / Russian Archaeological Commission, 1859–1918	56
CHAPTER I. Essay on the history of the Imperial Archaeological Commission in 1859–1917	62
CHAPTER II. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the Cimmerian Bosphoros	354
CHAPTER III. The Imperial Archaeological Commission and Scythian archaeology	537
CHAPTER IV. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of ancient Greek cities of Olbia and Berezan Island	654
CHAPTER V. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the Tauric Chersonesos	743
CHAPTER VI. The Imperial Archaeological Commission and prehistoric archaeology	783
CHAPTER VII. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of Siberia	833

Volume 2

CHAPTER VIII. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the historical region of Perm	895
CHAPTER IX. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the Caucasus and Ciscaucasia	921
CHAPTER X. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of Central Asia	1056
CHAPTER XI. The Imperial Archaeological Commission and Slavic and Russian mediaeval archaeology	1092
CHAPTER XII. The Imperial Archaeological Commission and excavations in Kyiv in 1908–1914	1202
CHAPTER XIII. The Imperial Archaeological Commission: restoration and protection of monuments and sites	1237
CHAPTER XIV. The Imperial Archaeological Commission and its reform in 1917–1919	1401
Summary	1463
Abbreviations	1469
Bibliography of the publications of the Imperial / Russian Archaeological Commission	1476
Bibliography	1482
Index of places	1561
Index of names	1586
About the authors	1609

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2019 году исполнилось 160 лет со дня основания первого государственного археологического учреждения России — Императорской археологической комиссии (ИАК). Положение об Императорской археологической комиссии было утверждено Александром II 2 февраля 1859 г. В первом параграфе Положения определялись цели Комиссии: «1) розыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией; 2) собрание сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятниках древности; 3) ученая оценка открываемых древностей». Таким образом, впервые исследование археологических памятников, их учет и охрана были декларированы как государственная задача.

Началом отечественной археологии принято считать указ Петра I от 13 февраля 1718 г. о сборе старинных вещей, найденных «в земле или воде». Но и этот указ имеет еще более давнюю предысторию. В 1697–1698 гг. Петр I в составе Великого посольства посетил Западную Европу. Особенно плодотворным лично для царя стало пребывание в Голландии. Встречал и руководил его «культурной программой» бургомистр Амстердама

Николаас Витсен, признанный знаток России. Побывав в Московии в составе посольства Нидерландов еще в 1664–1665 гг., Н. Витсен «заболел» Россией и всю жизнь собирал о ней разнообразные сведения. В доме Витсена Петр I и увидел впервые коллекцию находок из сибирских курганов. По-видимому, эти впечатления впоследствии сыграли роль при издании первых указов о собирании древностей, основании Кунсткамеры, формировании «сибирской коллекции» Петра.

Следующие полтора столетия были периодом формирования и кристаллизации идей изучения и сохранения памятников старины, временем основания первых музеев. Эти процессы подробно описаны в первой главе данного издания. Создание ИАК явилось закономерным результатом развития русской истории и культуры. Это событие следует рассматривать в русле реформ Александра II. Их целью была модернизация экономической, политической и общественной жизни России, необходимость которой стала очевидной после болезненного для национально-самосознания поражения в Крымской войне. Впервые в истории России появилось государственное учреждение, на которое была возложена ответственность за сбережение памятников отечественной истории и культуры,

собираение и пополнение древностями отечественных музеев, выдача разрешений на археологические раскопки. Деятельность ИАК сыграла решающую роль не только в формировании целого ряда научных дисциплин — археологии, этнографии, палеографии, нумизматики, но и для формирования музеев, охраны памятников, реставрации объектов культурного наследия. Впервые была осознана необходимость государственной охраны памятников истории и культуры. Штат Императорской археологической комиссии был весьма ограничен, но ее сотрудники опирались на поддержку возникавших одна за другой общественных организаций: Русского археологического общества (РАО), Московского археологического общества (МАО), губернских ученых архивных комиссий.

В результате революционных событий 1917 г. произошло полное разрушение экономики, политической и социальной структуры Российской империи. Не избежала общей участи и ИАК, ликвидированная в 1918 г. Важно, что созданная в 1919 г. Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), трансформировавшаяся позднее в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), восприняла, продолжила и развила основные идеи и опыт ИАК.

Главное наследие ИАК — государственный контроль за проведением полевых археологических работ, выдача Открытых листов — практика, введенная ИАК и существующая и поныне. Не менее важен сбор всех полевых отчетов в едином архивном центре. Эти меры в условиях огромной территории России совершенно необходимы. Фонды ИАК и ГАИМК в составе Научного архива Института истории материальной культуры РАН не теряют своего научного значения как ценнейшие археологические источники.

К 150-летию образования ИАК в 2009 г. Институтом истории материальной культуры РАН было подготовлено и издано юбилейное исследование, посвященное ее истории. Настоящая книга является вторым, дополненным и переработанным изданием этого коллективного труда. Она — дань нашего глубокого уважения предшественникам, стоявшим у истоков изучения древностей и их охраны в России. Осознание преемственности ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК РАН помогает понять, откуда и куда мы идем, и на чьи плечи опирается археологическая наука XXI века.

д.и.н. В. А. Лапшин
директор ИИМК РАН
Санкт-Петербург, 2019 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В 2009 г. исполнилось 150 лет со дня основания первого государственного археологического учреждения России — Императорской археологической комиссии, создание которой явилось закономерным итогом развития русской истории и культуры. Ни в коей мере не умаляя личных качеств, настойчивости и энтузиазма тех, кто стоял у ее истоков и способствовал ее становлению, правильнее объяснить появление этой организации не чьей-либо индивидуальной прозорливостью, а общими потребностями российского общества в подобном учреждении. Середина и третья четверть XIX в. явились периодом великих реформ в России, которые затронули все население страны. Отсталое состояние экономики страны, военного дела, юридической структуры, общественного устройства, по сравнению с ведущими европейскими державами, стало особенно очевидно после проигранной Крымской войны. Вопиюще обидно проявилась в глазах нации вся гнилостность и несовершенство существовавшей государственной системы и структур управления. Военное поражение заставило всех признать, будь это западники или славянофилы, что России требуется переустройство во всех сферах жизни, в том числе в отношении к человеку как личности и субъекту права, а не как к рабу, что и стало причиной

отмены крепостничества. В обществе крепло сознание того, что народ и сама страна являются самобытными субъектами истории, со своим неповторимым прошлым, выдающимися памятниками истории и культуры. Одновременно росло понимание того, что национальные древности являются предметом гордости и требуют сохранения, изучения и бережного к ним отношения. Первоначальное зарождение интереса к российским древностям, разумеется, стало проявляться ранее и выразилось в создании первых археологических музеев, прежде всего на Юге страны, образовании обществ любителей старины, но именно в середине столетия отношение к древностям изменилось кардинально. Появилось государственное учреждение, на которое была возложена ответственность за сохранение памятников отечественной истории и культуры, их собирание и пополнение этими древностями отечественных музеев, выдачу разрешений на археологические раскопки, разработку принципов их проведения и формирование архивов. Инициатива сохранения старины и ее охраны была поддержана царствующим домом, а присвоение созданной Археологической комиссии титула «Императорская» придало ей особый статус и авторитет. Чтобы оценить значение Археологической комиссии

в жизни России, нужно вспомнить юбилейный рескрипт императора Николая II по случаю пятидесятилетия учреждения Комиссии в 1909 г., помещенный на первых страницах этой книги.

Члены Императорской археологической комиссии, как и другие исследователи и любители древности, тесно сотрудничавшие с ней, внесли неоценимый вклад в становление отечественной археологии. Их трудами были сохранены уникальные свидетельства о древностях различных племен и народов огромных территорий Российской империи от каменного века вплоть до современной им этнографии: описания, картотеки, рисунки, фотографии. Это бесценный вклад в сокровищницу многонациональной культуры не только нашей страны, но и всего мира. Многие из того, что было отмечено и зафиксировано, исчезло в лихолетья XX в., но созданные Археологической комиссией архивные фонды сами стали неоценимым источником наших знаний.

Издательская деятельность Комиссии также заслуживает самой высокой оценки. Под ее грифом вышли полные публикации материалов отдельных археологических памятников, древностей целых территорий, разнообразные отчеты, сообщения и инструкции. Следует подчеркнуть особую роль в этом процессе одного из патриархов отечественной археологии А. А. Спицына. Необходимо специально отметить чрезвычайно высокий полиграфический уровень изданий. Даже большинство парадных археологических публикаций советского времени по своему качеству не идет ни в какое сравнение с ними, не говоря уж о рядовых книгах областных издательств, исполненных на желтеющей бумаге с размытыми невнятными фотографиями.

Императорская археологическая комиссия стояла у истоков зарождения системы и структуры охраны древностей в стране, выработки принципов подхода к их сохранению и реставрации. С нее началась практика выдачи Открытых листов, являющихся разрешением на археологические раскопки, и требование сдачи необходимой документации в обязательном порядке в централизованный архив Комиссии. Целесообразность такого подхода, в российских условиях наиболее рационального, была подтверждена в советский период при масштабных археологических работах в зонах новостроек и в удаленных областях страны. Только в самое последнее время, под надуманными предложениями «соблюдения законности», предпринимаются и частично осуществляются попытки децентрализации проверенной десятилетиями археологической практики, что может привести в масштабах огромной страны к разрушению принципов, заложенных деятельностью Императорской археологической комиссии, а вслед за этим и к бесконтрольному отношению к древностям со стороны местных администраций, в большинстве случаев не имеющих никакого представления о значении археологии.

После октябрьского переворота судьба Императорской археологической комиссии была предрешена. В результате ряда организационных перестроений на ее основе была создана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК). Это было государственное учреждение уже нового типа, с гораздо большим штатом сотрудников и развитой структурой подразделений. Именно в стенах РАИМК, переименованной в 1926 г. в Государственную академию истории

материальной культуры (ГАИМК), была начата разработка многих важнейших научных направлений, на последующие десятилетия определивших развитие советской археологии. Государственная академия истории материальной культуры положила начало Институту истории материальной культуры АН СССР в Ленинграде и его Отделению в Москве. Сегодня, в начале XXI в., необходимо отметить, что РАИМК и ГАИМК, после ряда реформ, все-таки восприняли важнейшую функцию Императорской археологической комиссии — выдачу Открытых листов на право проведения археологических раскопок. В советский период значение этого направления деятельности центрального государственного археологического учреждения многократно возросло. Дело в том, что в связи с ликвидацией частной собственности на землю Открытый лист стал необходимым разрешением не только для бывших казенных земель, но для всех земель, в одночасье ставших государственными.

В 1943 г., после блокадной эвакуации сотрудников Института из Ленинграда в Елабугу, Ташкент, Москву и гибели от голода и на фронте больше половины предвоенного штата ленинградской части института, дирекция ИИМК была переведена в Москву, а в городе на Неве осталось лишь отделение Института. Однако сейчас важно обратить внимание не столько на эти организационные передвижки, сколько на то, что уже в 1919 г. на основе реформируемой Археологической комиссии была создана государственная организация академического характера, которая, изменяясь, все же продолжала заложенные Комиссией традиции. Именно на этой базе выросли крупнейшие современные академические центры страны в Ленинграде

(Санкт-Петербурге) и в Москве — Институт истории материальной культуры РАН и Институт археологии РАН. Вся история существования Археологической комиссии и созданных на ее основе институтов неоспоримо доказывает, что охрана древностей, реставрация памятников и серьезные, научные, академические по своему характеру исследования неразрывно связаны и неотделимы друг от друга. Наблюдаемые в наши дни попытки разделить эту триаду или отодвинуть в сторону при решении вопросов охраны древностей академическую археологию ничего, кроме вреда, отечественной культуре и истории принести не могут.

Предлагаемая книга является итогом многолетних изысканий и размышлений большого коллектива исследователей, которые, в большинстве своем, представляют Институт истории материальной культуры РАН. В ней мы попытались осветить важнейшие стороны деятельности Императорской археологической комиссии на всем протяжении ее истории. Стараясь придать подаче материала определенную целостность, редакторы тем не менее не стремились унифицировать тексты, а поэтому отдельные разделы полностью сохраняют авторскую манеру изложения и стиль. Особо хочу отметить вклад в работу над этой книгой, энтузиазм и энергию Александра Евгеньевича Мусина, взявшего на себя труд по координации усилий творческого коллектива и непосредственному редактированию издания.

Выход в свет этой книги естественным образом оказался приурочен к научной конференции и юбилейным торжествам, посвященным 150-летию Императорской археологической комиссии. В организации этих

мероприятий приняли участие Институт археологии РАН (директор чл.-корр. РАН Н. А. Макаров), Государственный Эрмитаж (директор чл.-корр. РАН М. Б. Пиотровский), Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (руководитель А. В. Кибовский) и Государственный центр фотографии РОСФОТО (директор З. М. Коловский). Без сотрудничества всех этих учреждений, их руководителей и коллективов было бы невозможно достойно отметить юбилей Императорской археологической комиссии.

Следует сказать слова благодарности всем, кто способствовал работе над этой историей, поискам и подбору материалов в фондах архивов и музеев. Первые слова признательности — семье Бобринских, потомкам последнего председателя Императорской археологической комиссии, а именно — протопресвитеру-профессору Б. А. Бобринскому и Е. Ю. Бобринской, и Я. Н. Мальмберг, которая является наследницей сразу двух членов Комиссии — К. Е. Думберга и В. К. Мальмберга, а также члену-корреспонденту РАН М. Б. Пиотровскому, директору Государственного Эрмитажа, и его сотрудникам, директору Санкт-Петербургского

филиала архива Российской академии наук д. и. н. И. В. Тункиной и сотрудникам ее архива, директору Российского государственного архива социально-политической истории О. В. Наумову и его коллективу, хранителям и сотрудникам Отдела письменных источников Государственного исторического музея, руководству и сотрудникам Керченского историко-археологического заповедника и Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Крым, Украина), сотрудникам Российского государственного исторического архива и Музея истории Санкт-Петербургского государственного университета, прежде всего Н. Н. Жервэ и Я. А. Страховой, а также фонду «Дом наук о человеке» в Париже (Франция), благодаря помощи которого нам удалось познакомиться с обширной литературой по становлению археологии и охране культурного наследия в Европе, дабы сравнить этот процесс с историей отечественной науки. Считаю своим долгом поблагодарить сотрудников издательства «Дмитрий Буланин» за подготовку первого издания этой книги.

Член-корреспондент РАН Е. Н. Носов
директор ИИМК РАН в 1998–2015 гг.
Санкт-Петербург, 2009 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Со времени первого издания истории Императорской археологической комиссии прошло более 10 лет. Тогда мы праздновали 150-летие со дня создания Комиссии. 2019 год может быть назван годом ее 160-летия. Цифра круглая, но явно не юбилейная. Впрочем, с ней совпало столетие «академической археологии», берущей свой отсчет от создания в 1919 г. Российской академии истории материальной культуры — «прабабки» современных археологических институтов в России.

Эти две цифры могут считаться поводом для второго издания истории ИАК от основания до реформ, но отнюдь не его причиной. Настоящих причин несколько. Из них две достойны внимания читателя: это страсть и недовольство. Не будет преувеличением сказать, что, по крайней мере, для части авторов первого издания общение с архивными делами, со страниц которых с ними говорили их предшественники, стало потребностью.

Однако первое издание книги принесло не только радость, но и неудовлетворенность. Юбилейная поспешность оставила после себя ошибки и опечатки, очевидные для всех, неверные атрибуции фотографий, явные для избранных, и промахи, видимые только редактору и даже не всегда — автору. Той же «юбилейностью» могут

объясняться и неизбежные тогда, связанные с радостью первооткрывателя, апологетические тенденции книги в стремлении везде увидеть и подчеркнуть роль ИАК в становлении российской археологии.

Прошло десять лет. Прочитаны новые книги и новые архивные дела. Авторы смогли взглянуть по-новому на свой труд. Им помогли друзья и коллеги, прочитавшие книгу. Особое слово здесь — об Александре Сергеевиче Смирнове (1949–2015).

Похоже, написанное им стало единственной опубликованной рецензией на книгу (Смирнов 2014). Он назвал наш труд уникальным по полноте содержания и тщательности исследования, присовокупив, что «ни одна археологическая институция России не удостоивалась столь солидного исследования». Однако А.С. Смирнов не обошел вниманием и недостатки книги, связанные с возможностями иной интерпретации событий, уточнением их хронологии, абсолютизацией заслуг ИАК, целесообразностью привлечения материалов иных архивов и др.

Свои мнения о книге высказали И.А. Сорокина и С.П. Щавелев, на неточности указала Е.Ф. Королькова. Впрочем, не только они. Эти замечания породили в авторах желание исправить уже сделанное. К тому же за 10 лет

книга стала весьма редкой и труднодоступной. Для нее захотелось иной судьбы. Все это побудило авторов не только взяться за перо, но и отложить его для завершения во многом технической работы. В результате перед читателем новая книга.

Насколько новая книга отличается от старой? Судить читателю. Здесь исправлены ошибки и неточности, уточнены ссылки, расставлены новые акценты в оценке и описании событий, по мере наших сил учтены публикации, вышедшие после 2009 г. Появились в книге и новые эпизоды и разделы, например, археологическая эпопея Березани, участие ИАК в охране памятников Польши и реставрации кремля в Новгороде. Удалось узнать новое о жизни некоторых из наших героев, уточнить их вклад в развитие археологической науки. Однако в новом издании мы сознательно решили отказаться от публикации описей архивных материалов, связанных с деятельностью Комиссии, сосредоточившись исключительно на рассказе о ее истории.

Вместе с тем издание сохранило прежнюю архитектуру. Это касается как оглавления книги, так и содержания глав. Иногда их структура может показаться тяжеловесной, нелегкой для восприятия, что связано как с обилием информации, так и неизбежным возвращением к, казалось бы, ранее затронутым темам и сюжетам. Но эта структура оправдала себя, как свидетельствуют отзывы читателей. Еще во время подготовки первого издания не всегда было легко сочетать три главных принципа нашего исследования — хронологический, тематический и географический.

Так, согласованию этих принципов подчиняется первая глава,

посвященная истории ИАК в целом. Присутствующее в книге постоянное возвращение к некоторым сюжетам иллюзорно и подчинено законам времени. Например, Комиссии пришлось решать административные вопросы, связанные с правом проведения археологических раскопок и охраной памятников старины на каждом этапе своего существования — в «эпоху Строганова», «эпоху Васильчикова», «эпоху Бобринского», наконец, в эпоху русской революции. Каждой эпохе были присущи свои вызовы, на которые Комиссия предлагала свои ответы. Точно так же кадровый состав Комиссии представлен «по нисходящей» для разных периодов деятельности ИАК: от председателей и действительных членов до членов-корреспондентов и сверхштатных членов, однако хронология изложения может быть подчинена конкретным результатам участия исследователя в деятельности Комиссии.

Исследования «мест памяти» археологии Российской империи — Керчи, Ольвии, Березани, Херсонеса, Сибири и Азии, Кавказа и Предкавказья уравниваются главами, посвященными основным направлениям ученой стратегии того времени: скифским и средневековым древностям, памятникам первобытным и памятникам старины. В последнем случае соответствующая глава содержит анализ конкретных примеров деятельности ИАК, тогда как параллельно перед читателем разворачивается административно-правовая деятельность Комиссии в этой сфере культуры, описанная в первой, общей главе.

Добавим, что авторский коллектив исходил из того, что готовит для коллег не столько легкое чтение, сколько свод базовых сведений по истории

отечественной археологии энциклопедического характера. Книга, в конце концов, и стала справочником для специалистов и просто интересующихся историей, снабженным внутренними перекрестными ссылками в тексте глав и по возможности исчерпывающими указателями: именным, географическим, архивным, библиографическим.

В своих трудах над новым изданием авторы и редакторы осознанно остались на позициях своеобразного «иакоцентризма», сосредотачиваясь преимущественно на изучении архива Комиссии. Несомненно, знакомство с иными архивами способно дополнить изучаемую тему важной информацией. Однако в какой-то степени это был бы взгляд со стороны, тогда как смысл книги — взгляд из самого центра событий. Так, авторы сознательно отказались (пока?) от изучения документов, хранящихся в личных архивах семьи Бобринских в РГАДА (Ф. 1412) и РГИА (Ф. 899). Это было сделано в том числе и для того, чтобы избежать персонализации истории первого государственного учреждения отечественной археологии. Впрочем, привлечение в некоторых случаях материалов иных хранилищ, прежде всего ОПИ ГИМ, СПбФ АРАН, РГАЛИ, ГАПК, ГААК, АВ ИВР РАН, ГАГС, музея в Херсонесе и ряда других было необходимо и лишь обогатило книгу.

Несколько слов нужно сказать о принятом в издании оформлении ссылок на архивные документы из Рукописного и Фотографического отделов Научного архива ИИМК РАН (РО и ФО НА ИИМК РАН). Редакторы посчитали разумным давать здесь лишь указание на отдел (РО или ФО). Заметим, что в книге преимущественно используются дела из рукописного фонда № 1 нашего архива, где сосредоточены

материалы ИАК. Для этого фонда характерно погодное формирование дел. Посему в шифре используется обозначение отдела (РО), фонда (Ф. 1), описи (Оп. 1), года начала архивного дела и его номер. В ссылках на изображения, хранящиеся в Фотографическом отделе, указывается отдел (ФО) и шифр архивного хранения: номер негатива (нег.), отпечатка (отп.) или альбома. Авторство снимка или рисунка указывается лишь в случае безусловности известной информации. В случаях пространных и прерывающихся цитат ссылка на архивное дело дается преимущественно в конце сюжета. Ссылки на материалы других архивов даются в соответствии с существующими правилами и особенностями фондообразования в этих хранилищах.

В соответствии с принятыми сегодня нормами в названии учреждений изучаемой эпохи только первое слово пишется с прописной буквы. Подобным образом определены археографические принципы цитирования документов. Все цитаты приводятся по правилам современной орфографии и пунктуации русского языка (см.: Правила издания исторических документов 1990). Исключения составляют те случаи, когда автор и редактор не смогли устоять перед соблазном передать неповторимый колорит эпохи, заключенный в слове. Даты приводятся по календарному стилю, принятому в стране или регионе на момент события, или рождения и смерти персонажа. Подобным образом территориально-административная приуроченность памятников и населенных пунктов, связанных с деятельностью ИАК/РАК, указывается в соответствии с политической картой эпохи, как это и принято

в историографических исследованиях. Редакторы-составители надеются, что читатели нашего издания окажутся способны соотнести губернии и уезды с территориями независимых государств, возникших на руинах империй.

Добавим, что второму изданию не сказано повезло с рецензентами. Ими согласились стать директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН д. и. н. И. В. Тункина и заведующая отделом письменных источников ГИМ, ныне ученый секретарь музея к. и. н. О. А. Сиротина, профессиональные архивисты, люди с тонким чутьем истории. Благодаря их внимательному чтению и порожденным этим чтением замечаниям, иногда весьма критическим, но всегда доброжелательным, многие недостатки нашей книги исчезли. Наши рецензенты приобщили нас к некоторым архивным материалам, ранее нам неизвестным или недостаточно изученным. Благодаря им книга стала лучше, что не означает, что авторы и редакторы согласились со всем сказанным. Мы надеемся, что не злоупотребили нашим правом.

Особую благодарность хотелось бы принести сотрудницам Научного архива ИИМК РАН Н. А. Беловой, О. В. Григорьевой, В. Н. Ивановой, Д. А. Кукиной, Н. А. Лазаревской, М. В. Мандрик, Н. Д. Моисеевой, Е. В. Четверкиной. Они взяли на себя труд провести полную

сверку архивных шифров всех дел и фотографий, в ней упомянутых, что особенно важно в таком издании, а Н. А. Белова и Н. А. Лазаревская стали и соавторами книги. Достигнутая здесь точность и максимально возможная непогрешимость — выражение нашего уважения к читателю. Т. А. Ершова традиционно занялась подготовкой иллюстраций издания. Притягивающая зрелищность книги — ее удача. То, что книга состоялась, не только наша заслуга. За страницами этой книги стоят люди, чей труд и умение позволил написанному стать напечатанным — редакторы, верстальщики, корректоры, издатели... Всем им наш низкий поклон.

А. С. Смирнов — не единственный, кто ушел с той поры, когда история ИАК впервые увидела свет. Нет с нами в этой жизни Г. В. Длужневской (1946–2014), Е. В. Бобровской (1958–2018) и Е. Н. Носова (1949–2019), без которых нельзя представить появление первой книги. Настоящее издание — это не только посвящение всем, потрудившимся на ниве отечественной археологии в ее сколь возможно широком смысле, но и дань памяти нашим друзьям, незримо помогавшим нам в нашей работе.

А. Е. Мусин,
М. В. Медведева

Александр II, император Всероссийский (1855–1881)

На подлинномъ Г. Министромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора написано:
*Высочайше утверждено.*⁴
Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 2-го дня 1859 года.
Подписалъ: *Графъ Адлербергеръ.*

ПОЛОЖЕНИЕ

ОБЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИСИИ.

Положенія общія.

§ 1. ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Коммисія состоитъ отдѣльнымъ учрежденіемъ въ Министерствѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора, и имѣеть цѣлю: 1-е.) розысканіе предметовъ древности, преимущественно относящихся къ отечественной исторіи и жизни народовъ, обитавшихъ некогда на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ Россією; 2-е.) собраніе свѣдѣній о находившихся въ Государствѣ какъ народныхъ, такъ и другихъ памятникахъ древности; 3-е.) ученую оцѣнку отрываемыхъ древностей.

§ 2. Составъ Коммисіи опредѣляется прилагаемымъ у сего штатомъ. Она находится подъ ближайшимъ начальствомъ Предсѣдателя, въ вѣдѣніи Министра ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.

§ 3. Въ завѣдываніи Археологической Коммисіи состоятъ Керченскій Музей древностей и Гимекая Коммисія археологическихъ розысканій.

§ 4. Коммисія имѣеть Почетныхъ Членовъ и Членовъ-корреспондентовъ, содѣйствующихъ ей въ достиженіи ея цѣлей.

Дѣятелія Коммисіи.

§ 5. Для изысканія древностей Коммисія раскапываетъ древніе курганы и производитъ земляныя раскопки на мѣстностяхъ, или замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи, или дающихъ поводъ рассчитывать на открытіе древностей.

§ 6. Коммисіи предоставляется слѣдить за всѣми дѣлющимися въ Государствѣ открытіями предметовъ древности, о которыхъ извѣщаютъ ее также и мѣстныя начальства, а если не представляется затрудненія, то пересылаютъ и самыя находимыя древности на ея разсмотрѣніе.

§ 7. Коммисія, въ мѣрѣ средствъ своихъ, заботится, чтобы въ томъ случаѣ, когда встаетъ надобность уничтожить какой-либо остатокъ древности, какъ-то: намятшия зодчества, курганы и проч., или произвести большія земляныя работы на мѣстѣ древняго города, или замѣчательнаго урочища, которыя находятся на земляхъ казенныхъ, или общественныхъ, приняты были, по возможности, нужныя археологическія мѣры, и если при работахъ этихъ ожидаются важныя археологическія открытія, то чтобы къ нимъ могли быть допущены ея чиновники.

§ 8. Коммисія слѣдитъ за земляными работами, предпринимаемыми въ большихъ размѣрахъ, какъ напримѣръ: при проведеніи линий желѣзныхъ дорогъ, шоссе и проч., дабы, на сколько окажется возможнымъ, воспользоваться этими случаями для археологическихъ открытій.

§ 9. Для достижения цѣлей, изложенныхъ въ предыдущихъ параграфахъ 5, 6, 7 и 8-мъ, Предсѣдатель Комиссiи входить въ предварительныя сношенiя и согласенiя съ тѣми правительственными мѣстами и лицами, отъ коихъ будетъ зависеть содѣйствiе.

§ 10. Для поощренiя къ представленiю въ Археологическую Комиссiю находимыхъ древнихъ вещей, денежное вознагражденiе за нихъ опредѣляется не только цѣною золота, серебра, или иного вещества, изъ котораго онѣ сдѣланы, но и археологическимъ достоинствомъ ихъ и рѣдкостью.

§ 11. Замѣчательнѣйшiя изъ вещей, открываемыхъ Комиссiею, для поступающихъ въ нее, представляются на воззрѣнiе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и, съ дозволенiя ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, помѣщаются въ ИМПЕРАТОРСКИЙ Музей Эрмитажа, или въ другiя Высочайше назначенныя мѣста.

§ 12. Древности, представленныя въ Комиссiю, но не приобретенныя ею, возвращаются по принадлежности.

§ 13. Всѣ вещи, открытыя Комиссiею, которыя не получаютъ Высочайшаго назначенiя, остаются въ ея закладѣ, и ей предоставляется отдавать ихъ въ общественныя древне-хранища, или обмѣнивать на другiе предметы.

§ 14. По истеченiи каждаго года Предсѣдатель Комиссiи доставляетъ Министру ИМПЕРАТОРСКАГО Двора отчетъ о ея дѣйствiяхъ, для всеподданнѣйшаго представленiя на Высочайшее благоусмотрѣнiе.

§ 15. По Высочайшему разсмотрѣнiю отчета, извлеченiе изъ него печатается для всеобщаго свѣдѣнiя.

§ 16. Всеподданнѣйшiе по Археологической Комиссiи доклады представляются ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Министромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.

Внутреннее устройство Комиссiи.

§ 17. Предсѣдатель Комиссiи назначается Высочайшимъ указомъ.

§ 18. Предсѣдатель входить отъ своего имени въ сношенiе со всеми правительственными мѣстами и лицами.

§ 19. Опредѣленiе и увольненiе чиновниковъ Комиссiи до VI-го класса включительно предоставляется ея Предсѣдателю.

§ 20. Распределенiе занятiй между лицами, служащими въ Комиссiи, зависитъ отъ усмотрѣнiя Предсѣдателя. Главнѣйшая обязанность полагаемыхъ по штату Членовъ Комиссiи состоитъ въ производствѣ археологическихъ розысканiй и описанiй ихъ.

§ 21. Почетные Члены и Члены-корреспонденты Комиссiи избираются Предсѣдателемъ и утверждаются въ званiяхъ этихъ Министромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.

§ 22. Предсѣдатель Комиссiи представляетъ, установленнымъ порядкомъ, къ награжденiю чиновниковъ Комиссiи, заслужившихъ се, и представленiе это прилагаетъ къ каждому отчету.

§ 23. Члены-корреспонденты, отличившiеся важными открытiями, и оказавшiе своею дѣятельностью большiя услуги Комиссiи, могутъ быть также представляемы къ наградамъ.

§ 24. Денежныя средства Комиссiи, согласно со штатомъ, представляются распоряженiю Предсѣдателя. Денежная отчетность поступаетъ на ревизiю Контроля Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.

§ 25. Комиссiя имѣетъ печать съ государственнымъ гербомъ и надписью: „печать ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссiи“.

§ 26. Всѣ бумаги и посылки, какъ самой Комиссiи, такъ и Членовъ, адресуемыя въ нее на имя Предсѣдателя, пересылаются черезъ почту безденежно.

§ 27. Чины Комиссiи имѣютъ мундиръ Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора. Пенсiи назначаются по уставу о пенсiяхъ по придворному вѣдомству.

Подписалъ: Министръ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора *Графъ Адлербергъ.*

На подлинномъ Г. Министромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора патшаю:

„Высочайше утверждено.“

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 2 дня 1859 года.

Подписаль: *Графъ Адлербергъ.*

ШТАТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМ-

МИСИИ И КЕРЧЕНСКАГО МУЗЕЯ.

	Число инт.	Годовое содержаніе.			Разряды.	
		О д н о м у.		Всѣмъ.	По долж-ности.	По мун-диру.
		Жало-ванья.	Столо-выхъ.			
		Руб.	Руб.	Руб.		
<i>Коммисія.</i>						
Предсѣдатель - - - -	1	„	„	„	VI	VI
Старшій Членъ - - - -	1	800	400	1,200	VI	VI
Младшихъ Членовъ - - - -	2	600	400	2,000	VII	VII
Производитель дѣлъ - - - -	1	500	300	800	VIII	VIII
Журналистъ - - - -	1	350	„	350	X	X
Канцелярскій чиновникъ - - - -	1	200	„	200	„ X	„ X
Художникъ - - - -	1	500	„	500	„ X	„ X
На наемъ сторожа, на письмен-ные и рисовальные матеріалы -	„	„	„	550	„	„
Итого - -	8	„	„	5,600	„	„
<i>Керченскій Музей.</i>						
Директоръ - - - -	1	600	328	928	VI	VI
Помощникъ его - - - -	1	400	172	572	VII	VII
На содержаніе сторожа при Музее, надсмотрщика при розысканіяхъ, на разряды Директора и Помощника и на канцелярскіе расходы Директору - - - -	„	„	„	664	„	„
Итого - -	2	„	„	2,164	„	„
На дѣйствія Комисіи по розысканіямъ въ Россіи - - - -	„	„	„	10,000	„	„
Всего - -	„	„	„	17,764	„	„

Если по нѣкоторымъ статьямъ этого штата положенныхъ суммъ будетъ недостаточ-но, то онны могутъ быть покрываемы остатками отъ другихъ статей.

Сумма, могущая остаться въ теченіе года за удовлетвореніемъ всѣхъ штатныхъ рас-ходовъ, находится въ распоряженіи Предсѣдателя.

Подписаль: Министръ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора *Графъ Адлербергъ.*

Александр III, император Всероссийский (1881–1894)

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ, ПРЕДЛОЖЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ

Министромъ Юстиціи.

552. О предоставленіи Императорской археологической комисіи исключительнаго права производства и разрѣшенія раскопокъ, съ археологическою цѣлью, на земляхъ казенныхъ, принадлежащихъ разнымъ установленіямъ и общественнымъ.

Министръ Императорскаго Двора увѣдомилъ Министра Юстиціи, что Государь Императоръ, 11 марта 1889 года, Высочайше изволилъ повелѣть: 1) исключительное право производства и разрѣшенія, съ археологическою цѣлью, раскопокъ въ Имперіи, на земляхъ казенныхъ, принадлежащихъ разнымъ установленіямъ, и общественныхъ—предоставить Императорской археологической комисіи. Всѣ учрежденія и лица, предполагающія производить подобныя раскопки, обязаны, независимо отъ сношенія съ начальствомъ, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ упомянутыя земли, входить въ предварительное соглашеніе съ Императорскою археологическою комисіею. Открываемыя при раскопкахъ цѣнныя и особо важныя въ научномъ отношеніи предметы должны быть присылаемы въ Императорскую археологическую комисію, для представленія на Высочайшее воззрѣніе. 2) Реставрацію монументальныхъ памятниковъ древности производить по предварительному соглашенію съ Императорскою археологическою комисіею и по сношенію ея съ Императорскою академіею художествъ.

Высочайшее повеление от 11 марта 1889 г. (Р. О. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 12 об.)

Николай II, император Всероссийский (1894–1917)

Императоръ Петръ
 Великій, въ заботахъ о массаженіи
 просвѣщенія въ Россіи, положили
 основаніе дѣлу собиранія и хранения
 находимыхъ въ землѣ древностей. Въ
 Высочайшихъ указахъ Травни-
 телствующему Сенату и Сибирско-
 му Губернатору о курганныхъ пред-
 метахъ, далеко опередивъ свое время
 въ оцѣнкѣ значенія памятниковъ
 старины. Они указали надлежащій
 путь къ составленію археологиче-
 скихъ музеевъ.

Императоръ Александръ
 I^й, придавая особо важное значеніе
 древнимъ памятникамъ, возложили

ведение раскопок в Империи на Государственного Канцлера Грасфа Румянцева, известного радителя старины.

Традиция **Еллой**, Императоръ **Николай I**, даровал средства къ широкой организации правительственных раскопок на юге Россіи, въ особенности въ Керчи, каковая местность является неистощимой сокровищницею произведений греческаго искусства. Сложное дело это было поручено сначала Грасфу Пировскому состоявшему елминистрант Внутренних Делъ, а затѣмъ Грасфу Сергѣю Григорьевичу Строганову, при которомъ, въ Царствование **Инда Еллоего**, Императора **Александра II** учреждена 2 Февраля 1859 года Императорская Археологическая Комиссія, какъ особое устройство елминистер

ства Императорскаго Двора.

Возникшая въ крайнюю составъ, съ цѣлью розысканія предметовъ старинны и ихъ научной оцѣнки, Археологическая Коммиссія вскорѣ одарила русскую науку замѣчательными предметами и обогатила Императорскій Эрмитажъ выдающимся собраніемъ древностей.

Исключительный Погрудель Елоу, Императоръ Александръ III, возложилъ на Коммиссію исследование древняго Керсонеса и поставилъ ее во главѣ всѣхъ археологическихъ изысканій въ Россіи, даровалъ Коммиссіи въ 1889 году исключительное право на производство раскопокъ въ Имперіи на земляхъ казенныхъ и общественныхъ. Одновременно на Коммиссію, согласно съ Императорскою Академіей

Художество, возложено было и раз-
решение вопросов о реставрации
старинных памятников соде-
ства.

Соучаственно сядя за труда-
ми Археологической Комиссии, по-
степенно расширяющей круг своей
деятельности, за раскопками и
многочисленными ея изданиями,
Евро приятно въ настоящій день
50-лѣтняго ея существованія под-
твердить, что она оправдала по-
стоянное доброе, оказанное ей
Евроми Предками и **Евро**ю.

Выражая **Евро**е благоволение
Председателю Археологической
Комиссии, Сенатору, Гофмейстеру
Графу Бобринскому, всему ея со-
ставу, а также лицам, особо по-
трудившимся въ дѣлѣ организаціи
работъ по розысканію древностей

и научной их оценки, Я вполне
уверен, что деятельность Ком -
миссии и впредь будет неизменно
стоять на высоте порученна -
го ей ответственного научного
дела.

Николай

Царское село
2 февраля 1909 г.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИВА ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И ОБЗОР ЕЕ ФОНДОВ В НАУЧНОМ АРХИВЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Книга, которую держит в руках читатель, обязана своему появлению многолетней работе авторов с материалами архива Императорской археологической комиссии, ныне хранящегося в Институте истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге. Удивительное богатство сбереженных в нем рукописей, рисунков и фотографий было невозможно уместить под ее обложкой. Однако в книге, как в капле воды, отражено все многообразие архивного собрания. Можно сказать, что печатное слово книги оказалось зависимым от хранящихся на архивных полках рукописных страниц и старых фотографий. Поэтому было бы правильным познакомить читателя с историей и структурой архива, что стало бы своеобразным введением ко всему исследованию.

Архивный фонд Императорской археологической комиссии (Ф. 1) является одним из основных фондов Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН, поступив сюда через РАИМК — ГАИМК. Его формирование положило начало созданию замечательного собрания материалов по истории, археологии, нумизматике, этнографии, истории искусства, реставрации древних

памятников, истории архитектуры и пр. Сегодня фонд состоит из четырех описей (Оп. 1–3, оп. 5) и насчитывает 9032 единиц хранения (ед. хр.), в основном относящихся к периоду 1859–1919 гг., хотя в составе некоторых дел встречаются и документы начала XIX в. Комплектование архива ИАК фактически началось в 1859 г., когда в Комиссию были переданы дела ее предшественников — 3-го стола I Отделения Департамента общих дел Министерства внутренних дел, III Отделения Министерства императорского двора, Канцелярии Министерства уделов и Строгановской Комиссии, которые впоследствии были выделены в самостоятельные фонды (РО. Ф. 6; Ф. 9; Ф. 14; Ф. 63) (Доманская, Пескарева 1979: 29). Весной 1921 г., когда архив ИАК под руководством заведующего архивом С. А. Жебелева был перевезен из Зимнего дворца в Мраморный дворец, где располагалась новая Академия, в фонде числилось 8546 дел. Одновременно было зафиксировано отсутствие 180 дел. На 1 октября 1927 г. в фонде числилось 9303 дела.

История формирования фонда ИАК неразрывно связана с ее организацией и историей. В описи 1 собрана

документация, касающаяся основной деятельности Комиссии: материалы археологических исследований и сведения по их организации, информация о находках древних вещей, монет и кладов, материалы, относящиеся к ремонту, реставрации и охране древних памятников, изданию научных трудов, участию членов ИАК в Археологических съездах, к экспертизе научно-общественных проектов, организации археологических выставок, штатному составу Комиссии, финансовой отчетности и др.

Опись построена по хронологическому признаку, и ед. хр. каждого года имеют собственную нумерацию. Дела формировались по году начала делопроизводства, определявшемуся в ИАК поступлением первых документов, касающихся конкретного памятника, лица или организации. Впоследствии к уже сформированным делам подкладывались документы последующих лет. В особой степени это относится к делам по реставрации, когда исследователям неоднократно приходилось обращаться к изучению состояния памятника, а также к материалам археологических изысканий, поскольку находки, спустя некоторое время после их обработки и публикации, могли передаваться в музеи. Причины, объясняющих такую временную протяженность формирования некоторых дел, было достаточно: задержка отчетов и длительная переписка об их присылке, удобство поиска документов, длительная реставрация памятника и т. д.

В разное время интенсивность поступления документов в ИАК была различна. Если с 1859 по 1881 г. в Археологической комиссии ежегодно формировались от 23 до 44 дел, то в период с 1882 по 1888 г. — от 55 до 83 дел,

а в 1889 г. образовались 110 ед. хр. После 1890 г. количество дел резко увеличивается от 200 до 417 дел в 1913 г., что было связано с Высочайшим повелением 11 марта 1889 г. об исключительном праве ИАК на выдачу разрешений на полевые исследования на казенных, общественных и ведомственных землях России и на реставрационные работы. Затем отмечено существенное уменьшение поступления дел — 54 ед. хр. в 1918 г., что определенно объясняется военным временем и политическими переворотами.

Если обратиться к материалам описей за 1859–1881 гг., мы увидим, что здесь преобладают дела о случайных находках монет, древних вещей, кладов, присылаемых в ИАК, или сообщения о них. В 1859 г. в описи отмечены лишь 4 дела о раскопках, 12 — о присылке монет и древних вещей; в последующие годы разрыв увеличился: в 1872 г. отмечены 2 дела о раскопках и 24 — о присылке древних вещей. В дальнейшем этот расклад меняется в сторону преобладания дел о раскопках и реставрации памятников археологии и архитектуры.

К числу дел, постоянно оседавших в архиве ИАК, стоит отнести материалы раскопок и исследований директоров и сотрудников Керченского музея, которые проводились на Европейском и Азиатском Боспоре ежегодно и почти круглогодично. Среди документов присутствуют подробные журналы раскопок, описи находок и их рисунки, копии встречающихся надписей, планы курганов, рапорты о проводимых исследованиях, покупке древних вещей и охране памятников, переписка с председателем ИАК, с Императорским Эрмитажем о передаче находок, документы финансовой отчетности и др. Пакет

материалов о раскопках, присылаемых из Керченского музея, на протяжении многих лет оставался стабильным и наиболее информативным. Впоследствии подобной стабильностью и солидностью отличались материалы раскопок Херсонеса (с 1888 г.), Ольвии (с 1902 г.) и Десятинной (Успения Пресвятой Богородицы) церкви в Киеве (с 1908 г.), что было связано с проведением систематических исследований этих памятников ИАК на основе Высочайших повелений. Как правило, материалы таких раскопок занимают первые позиции в перечне дел соответствующего года, наравне с материалами финансовой отчетности, документами, касающимися взаимоотношений с Министерством императорского двора, и перепиской, не составляющей особых дел.

Одновременно в ИАК поступали материалы об исследованиях в других регионах России, что до 1890 г. все же носило эпизодический характер. Все материалы археологических исследований оформлялись в архивные дела. Они различны по насыщенности, информативности. Как правило, дела состояли из переписки о разрешении раскопок, Открытого листа или разрешения ИАК, отчета о проведенных исследованиях, описей, рисунков и планов, иногда исследователь ограничивался краткими сведениями о проведенных исследованиях. Все зависело от его научной подготовленности, опыта и добросовестности. Свидетельства на право проведения исследований и рукописные Открытые листы составлялись в основном в произвольной форме. В Комиссию поступали и материалы несанкционированных раскопок, раскопок на частных землях, большое количество

предложений от кладоискателей, которым, как правило, отказывалось в выдаче разрешения.

Особую группу дел составляет переписка с местными учеными обществами — статистическими комитетами, позднее — губернскими учеными архивными комиссиями. Поступавшая в ИАК информация носила в основном краеведческий характер, или же в Петербург доставлялись сведения и донесения об «открывающихся в государстве предметах древности», наблюдения за которыми входили в обязанности ИАК согласно пункту 6 Высочайше утвержденного Положения о ней. Со своей стороны ИАК высылала научным и государственным учреждениям, комитетам и комиссиям свои публикации. В фонде представлены дела по рассылке таких изданий.

Следующая группа документов — это материалы о взаимодействии ИАК с Главным управлением путей сообщения и публичных зданий. Целью этого взаимодействия были охранные мероприятия, сравнимые с «новостроечными исследованиями» и «спасательными работами» и связанные с «содействием Императорской археологической комиссии в сохранении древностей при уничтожении древних памятников зодчества, проведении дорог и т. д.». Формирование архивного дела, в котором откладывались документы по данным вопросам, началось в 1862 г. В нем на 187 листах представлены материалы вплоть до 1914 г. Среди них — переписка ИАК с Департаментом железных дорог и правлением округов путей сообщения о предоставлении в ИАК сведений о направлении проводимых дорог, случайно обнаруженных находках древностей, их отправке в Санкт-Петербург и т. п.

Почти ежегодно формировалось несколько дел о находках древних вещей при строительстве железных дорог. В них представлена переписка о находках, их передаче в музеи, иногда рисунки, планы местностей и другие документы. В некоторых случаях находки древностей во время железнодорожного строительства способствовали организации систематических раскопок в этой местности. Активное участие ИАК в таком характерном явлении жизни России второй половины XIX в., как возникновение сети железных дорог, привело к исчезновению подорожных грамот, часто встречающихся в делопроизводстве первых лет существования Комиссии как вид документа.

С 1868 г. в архивной описи появляются дела о покупке кладов. Так, в 1868–1870 гг. ИАК приобрела Муромский, Вятский, Донецкий, Чулекский и Феодосийский клады, в 1880 г. — Киевский клад и др. В 1873 г. появляется новый вид документа — книга с записями поступивших в Комиссию кладов (первая такая книга датируется 23 октября 1873 г. — 22 июля 1882 г.). В ней приводятся следующие данные: дата получения древних вещей; фамилия лица, от которого они поступили; расписка о передаче вещей или монет на экспертизу или определение; вес, проба, оценка; место, куда клад был отправлен после обработки. С 1879 г. здесь проставлялись номера дел, в которых концентрировались архивные материалы. Записи велись в произвольной форме, без нумерации, красными чернилами выделялись сведения о передаче вещей и отправке находчикам денежных сумм. Подобные книги, ведшиеся по той же форме, в которых фиксировалось поступление как

монетных, так и вещевых кладов, заводились и для других периодов: 8 августа 1882 г. — 23 декабря 1885 г., 3 марта 1886 г. — 31 августа 1887 г., 1 сентября 1887 г. — 30 декабря 1890 г., с 1891 г. по 1894 г. и т.д. Материалы передавались в другие музеи иногда спустя 2–3 года. В некоторых случаях дело о кладах или случайных открытиях формировалось по факту находки, в других — по ее местонахождению с губернской приуроченностью.

Позднее к учетным материалам прибавляется книга предметов древности из раскопок с 1869 по 1890 г., присланных в ИАК. Она представлена в виде таблицы с графами: № по порядку, название и количество находок, их местонахождение, год находки, упоминание в соответствующем печатном отчете ИАК. Номера архивных дел описи приводятся начиная с единиц хранения 1871 г. Имеются и графы со сведениями о передаче вещей в российские музеи. Предположительно книга была заведена в 1883–1884 гг. при разборке коллекций, хранящихся в ИАК, и их последующей передаче в Эрмитаж и другие музеи. Имеются указания председателя ИАК о передаче находок и номера сопроводительных писем начиная с 1884 г.

В 1888 г. в опись вносятся новые виды документа — протоколы заседания ИАК, на которых рассматривались общие вопросы: выдача Открытых листов, проведение реставрационных мероприятий, вопросы охраны памятников, приобретения древностей и т.д. В деле присутствуют дата заседаний и вопросы, вынесенные на обсуждение, постановление и подписи присутствующих. Очевидно новшество было связано с появлением у ИАК нового председателя — графа А.А. Бобринского.

С 1891 г. реставрационные дела стали рассматриваться на отдельных заседаниях, наметилась тенденция к составлению отдельных протоколов. Такие протоколы велись вплоть до 1918 г., однако они доступны не только в архиве ИИМК РАН, поскольку публиковались с 1908 г. в виде отдельных выпусков «Известий ИАК», которые имели свою дополнительную нумерацию (1908–1918 гг. Вып. 26 (1) — 66 (19)).

Необходимо отметить, что для периода 1860–1886 гг. в фонде ИАК присутствует особая группа дел, определенным образом связанная с охраной памятников и реставрацией, — это дела о сломке крепостных стен или их поддержании в Азове, Смоленске, Туле, Коломне, Гдове, Каменце-Подольском, Феодосии, Ревеле, в Баре Подольской губернии. Иногда дела сопровождаются рисунками, чертежами, описаниями и т. д.

В целом же статистика соотношений дел разных категорий в «эпоху Бобринского» существенно меняется. Если в 1889 г. 33 дела были связаны с проведением полевых исследований и 54 — с присылкой в Комиссию случайных находок и кладов, то в 1892 г. раскопкам было посвящено уже 44 дела, 148 дел имели отношение к находкам икладам, а 4 дела были связаны с реставрацией древних памятников. В 1896 г. это соотношение изменилось: 58 : 151 : 14; в 1905 г. — 53 : 66 : 50; в 1913 г. — 64 : 94 : 219; в 1916 г. — 6 : 4 : 15. Значительное количество дел описи 1, связанных с охраной и реставрацией памятников церковной архитектуры, составляют поступившие в 1890 г. из Императорской академии художеств (ИАХ), в целях сосредоточения в едином исследовательском центре, документы описательно-статистического характера — «Метрики для получения

верных сведений о древне-православных храмах Божьих, зданиях и художественных предметах», собранные ИАХ в 1887–1889 гг. Эта отдельная коллекция Р-III насчитывает 7080 ед. хр., однако часть метрик была перемещена непосредственно в дела, посвященные реставрации конкретного храма.

С 1891 г. в описи появляется книга записей на выданные разрешения на полевые исследования с такими графами, как: номер Открытого листа, адресат, номер дела архива, место проведения раскопок, по ходатайству какого общества или лица осуществлялись исследования, источник финансовых средств, отметка о доставлении отчета. Открытые листы нумеровались согласно порядковому номеру исходящего журнала. Книги выдачи Открытых листов велись вплоть до 1918 г.

ИАК большое внимание уделяла пополнению библиотеки. В фонде начиная с 1863 г. обязательно имеются 1–2 дела о присылке сочинений в дар ИАК или о покупке книг. Непрофильные труды или дублетные экземпляры Комиссия передавала в другие учреждения и библиотеки, например, в Императорскую Публичную библиотеку или в библиотеку Санкт-Петербургского университета. Ежегодно ИАК рассылала свои издания за границу, что также фиксировалось в особых делах.

Дела об участии членов ИАК в Археологических съездах и других научных мероприятиях, в том числе и зарубежных, появляются в описи начиная с 1866 г. В них содержатся переписка об организации как всероссийских, так и областных съездов; программы симпозиумов; информация об использовании материалов ИАК при подготовке к Археологическим съездам; печатные материалы и газетные публикации.

Известно, что одной из ежегодных задач ИАК было предоставление открытых древностей на Высочайшее обозрение. Особую категорию архивных дел составляют подборки документов, связанных с организацией и проведением подобных мероприятий.

В архиве имеются и личные дела членов и сотрудников ИАК, а также дела о штатном расписании Комиссии и его реформировании. Здесь представлена официальная и частная переписка, формулярные списки, переписка о прохождении службы, о командировании за границу, о пособиях, сведения о наградах и другие документы.

Помимо основной описи 1 фонда ИАК существует еще ряд архивных описей, связанных с деятельностью Комиссии. Так, опись 2 включает в себя архивные дела, не имеющие дат. Семьдесят ед. хр. этой описи состоят из описания памятников древности, газетных вырезок, выписок и других материалов, распределенных по губерниям. Опись 3 (60 ед. хр.) содержит журналы входящей и исходящей корреспонденции с 1856 по 1919 г. Здесь приводятся дата и номер документа, указывается его краткое содержание, а начиная с 1862 г. приводятся номера дел по описи, куда была приложена соответствующая корреспонденция. Опись 4 объединяла финансовые документы, которые впоследствии, в 2001 г., были присоединены к описи 1, а дублетные материалы утилизированы.

Последняя опись, 5-я, насчитывает 24 дела и содержит информационно-справочные материалы. Она включает именные и географические указатели к фонду ИАК. Необходимо отметить, что ряд документов и дел, связанных с реформированием ИАК и ее преобразованием в РАИМК, были выделены

из состава фонда Комиссии и переданы в фонд Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) (РО. Ф. 2; 1919–1937 гг.), который начал формироваться в 1919 г.

С самого начала деятельности ИАК, а именно 1 ноября 1859 г., председатель Комиссии С.Г. Строганов установил, что «все письменные дела Комиссии для ближайшего надзора и облегчения во всякое время сношения с Комиссией помещаются при ней ее производителем дел», а именно в Строгановском дворце (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 14). Производителями дел Комиссии последовательно были А.С. Линеви́ч (1859–1861), В.Г. Тизенгаузен (1861–1873), П.И. Лерх (1873–1877), И.А. Суслов (1877–1902), А.С. Раевский (1903–1910) и И.С. Сутулло (1910–1919). Однако роль И.А. Суслова в создании архива Комиссии была во многом определяющей. В 1891 г. в своем рапорте министру Двора графу И.И. Воронцову-Дашкову о присвоении И.А. Суслову очередного чина А.А. Бобринской, упоминая, что в то время в Комиссии хранилось несколько десятков тысяч вещей, ожидающих распределения по музеям Российской империи, напишет: «Между тем каждый предмет в ИАК хранится в определенном месте, записывается в особую книгу, каждой раскопке или находке ведется особое дело. Вся эта кропотливая и неблагодарная работа требует большой усидчивости и обусловлена многими трудовыми часами, тем более, когда делопроизводство ведется в том образцовом порядке, который заведен в Комиссии. Этим порядком ИАК обязана И.А. Суслову» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 146 — 146 об.). Новый этап в систематизации и ведении архивного дела в ИАК начался в 1896 г. в связи

с изданием А. А. Бобринским инструкции о распределении обязанностей среди членов и сотрудников Комиссии.

Несколько иначе обстояло дело с формированием коллекции фотографических снимков и негативов периода деятельности Императорской археологической комиссии. При фондообразовании, состоявшемся только в 1961 г., фонд получил название «Императорская археологическая комиссия (1859–1917)», однако здесь отложились и немногочисленные материалы Российской государственной археологической комиссии (1918–1919). В основу собрания легла коллекция фотографа ИАК И. Ф. Чистякова (более 20 000 негативов), поступившая в РГАК в 1918 г. (Длужневская 2013: 295). Затем отпечатки и негативы, связанные с деятельностью ИАК, активно передавались в архив из различных подразделений Академии на протяжении 1920–1930-х гг. и к 1946 г. фотографический фонд ИАК включал 26 662 негатива, 30 746 фотографий и 244 диапозитива (Девель 1950: 290).

Снимки представляют полевые работы как членов ИАК, так и других исследователей, материалы раскопок, случайные находки, процесс реставрации памятников архитектуры, монументальной и станковой живописи на территории бывшей Российской империи, иллюстративный материал к археологическим изданиям. Фотографии по различной тематике собирались в Комиссии с момента ее основания, отчетные альбомы иллюстраций о раскопках в Керчи сопровождались фотографиями находок уже с начала 1860-х гг. (Медведева 2017с), с 1870-х гг. появилась практика фотофиксации производившихся работ, а с 1890-х гг. — собственные фотографы,

после чего начался период наиболее активного накопления фотоматериалов в ИАК.

Начало формированию фотографических коллекций ИАК, связанных с реставрационными работами и охраной архитектурных памятников, положила коллекция снимков памятников зодчества и предметов старины центральных районов России, в меньшей степени Крыма и Кавказа, сделанных известным русским фотографом И. Ф. Барщевским (1880–1890-е гг.). В 1886 г. он отослал в Министерство императорского двора фотографии часовни близ Переславля-Залесского, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и собора Спаса Преображения в Псковском Мирожском монастыре, обращая внимание властей империи на бедственное состояние этих памятников. Снимки были переданы в ИАК, которая дополнительно попросила фотографа прислать ей имеющиеся у него изображения древних памятников. В результате в начале 1887 г. в Санкт-Петербурге было получено 1307 отпечатков, выполненных И. Ф. Барщевским.

Большая часть снимков древностей, хранящаяся в фонде ИАК, была произведена в 1896–1918 гг. фотографом ИАК И. Ф. Чистяковым в специально организованной фотолаборатории. Снимки 1891–1895 гг. выполнены фотографом М. Е. Романовичем, художником С. М. Дудиным и членом ИАК В. Г. Дружининым. Снимки также присылались в ИАК в составе отчетов, для оценки случайных находок, с реставрационными проектами. В таких случаях они чаще всего выполнялись местными фотографами либо авторами работ. Основное количество фотоматериалов ИАК связано с местами наиболее интенсивной исследовательской

и реставрационной деятельности ИАК в европейской части Российской империи, а также на Северном Кавказе и в Закавказье. Большое научное и культурное значение имеют фотографии раскопок курганов скифского времени на Юге России под руководством Н.И. Веселовского, работ в Ольвии Б.В. Фармаковского и многолетних археологических исследований в Керчи и Херсонесе. Работы в Средней Азии представлены небольшим количеством снимков раскопок В.В. Бартольда на Афрасиабе (1904) и находок из раскопок А.А. Козырева и Н.П. Петровского в ур. Кара-Агач Акмолинской области (1901–1905). Фотоматериалы запечатлели и некоторые эпизоды исследований в Сибири, в Енисейской и Томской губерниях, Якутии и Урянхайском крае, где отдельно стоит отметить снимки из поездки С.Р. Минцлова в 1914 г. (Девель 1950: 291–295).

Весьма многочисленны снимки реставрационных работ, проводившихся под наблюдением ИАК. Прежде всего, это исследования в северных и западных районах России (Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Вятская, Петербургская, Витебская, Минская, Гродненская, Виленская губернии), реставрация и обследование кремлевских стен в Пскове и Смоленске (П.П. Покрышкин, 1903–1904, 1908–1910, 1912–1915), а также в центральных районах (Рязанская, Тамбовская, Тверская, Калужская, Тульская губернии). Здесь стоит отметить обследование К.К. Романовым Георгиевского собора в Юрьеве-Польском в 1909–1910 гг. (1005 ед.), Д.В. Милеевым — Ипатьевского монастыря в Костроме в 1910–1912 гг. (1897 ед.), П.П. Покрышкиным — стен и башен московского Кремля в 1911 г. (ок. 150 ед.)

Сохранилась фотофиксация ремонтно-реставрационных работ ИАК в Казанском кремле и соборах Свяжска (70 ед.), в Орловской, Курской, Воронежской и Астраханской губерниях, области Войска Донского — в Старочеркасском соборе, и в Кубанской области — в Сентинском монастыре. Особую коллекцию составляют материалы об архитектурных работах в Крыму: обследование С.С. Некрасовым Бахчисарайского дворца в 1913–1915 гг. (209 ед.), информация по генуэзским памятникам Феодосии, церковному зодчеству в Керчи и ханской мечети в Евпатории (114 ед.). Многочисленны снимки об исследовании памятников на Украине (Волинская, Полтавская, Киевская, Харьковская, Черниговская и Бессарабская губернии). Здесь представлены работы П.П. Покрышкина в Васильевском храме в Овруче в 1907–1908 гг. (137 ед.) и церкви Спаса на Берестове в 1909–1912 и 1914 гг. (501 ед.), а также обследование крепости Хотин на Днестре.

Работы, связанные с охраной памятников в Средней Азии, представлены сериями снимков из поездки Н.И. Веселовского в Самарканд в 1895 г. (мечети и мавзолеи, 315 ед.), В.А. Жуковского в Туркмению в 1896 г. (Анау, Меана, Мерв, 18 ед.) и художника Л.Е. Дмитриева в 1890-х гг. в Самарканд и Мерв (2 ед.). В Сибири производились работы по сохранению Якутского деревянного острога, башен в Илимске и ряда храмов в Тобольске и Тюмени, которые также нашли отражение в фотоматериалах.

В архиве сохранились уникальная серия снимков памятников церковной архитектуры из поездки П.П. Покрышкина в Буковину в составе Комиссии по охране и спасению памятников

древности, науки и техники, коллекций и учреждений в местностях, где велись военные действия (Сучава, Драгомирны, Гуморы, Радовицы, Воронеж и др. на территории современной Румынии) в 1916–1917 гг. (319 ед.), а также материалы по исследованию памятников на территории Польши — обследование в 1909 г. старинных башен в окрестностях Холма и археологические исследования 1910 и 1912 гг. на Соборной горе в Холме; расчистка стенописи костела в Люблине в 1903 г. (32 ед.) и реставрационные работы 1907–1909 гг. в Благовещенской церкви Супрасльского монастыря и в Черском замке (Девель 1950: 295).

Альбомы, составленные П.П. Покрышкиным, являются основой фотографической части фонда Императорской археологической комиссии. Они содержат снимки, сделанные им и его сотрудниками в 1907–1917 гг. В архиве имеется значительный фотоматериал по северному деревянному зодчеству художников И. Я. Билибина (1904–1905), В. А. Плотникова (1907–1909) и архитектора Д. В. Милеева (1907), выполненный в большинстве случаев непосредственно по заданию ИАК. Памятники центральных районов фиксировались фотографом В. Д. Машуковым (1890–1903). Фотографы В. Д. Машуков, В. М. Щербаковский (1905) и Н. Ушаков привезли в собрание ИАК снимки памятников на территории Украины. Архитектура Грузии и Армении представлена сериями снимков фотографов Д. И. Ермакова, М. Папазяна, О. Кюркчяна. Средняя Азия зафиксирована в снимках В. А. Жуковского, С. М. Дудина (1905 г., детальная съемка орнаментации мавзолеев Шахи Зинда в Самарканде), а также ряда других фотографов конца XIX — начала XX в.:

Г. А. Панкратьева, А. Мишона из Баку, В. Ф. Козловского, А. Г. Полякова, Д. И. Ермакова, инженера Н. П. Петровского, П. Надара (сына знаменитого парижского фотографа).

В архиве имеются и фотографии памятников, находящихся вне территории России. Зарубежный материал представлен фотографиями, привезенными из путешествий академиком Н. П. Кондаковым — на Афон (1898) и в Македонию (1900), архитектором П. П. Покрышкиным — в Месемврию (1900) и Сербию (1902). Здесь же присутствует небольшая коллекция фотографий известных западноевропейских фотографов с памятников античной Греции и Италии, с произведений искусства Италии эпохи Возрождения; значительная серия снимков равеннской мозаики создана фотографом Риччи. Интересный материал поступил в фонд ИАК по Монголии, Китаю и Восточному Туркестану от Русской учено-торговой экспедиции в Китай в 1874–1875 гг. под руководством Ю. А. Сосновского (фотограф А.-Н. Э. Боярский, 160 ед.). Необходимо отметить, что значительное количество архивных дел, связанных с полевыми исследованиями, реставрацией и охраной памятников, также содержит фотографические материалы, выявление и систематизация которых еще не закончена и является одним из приоритетов научной деятельности НА ИИМК РАН.

В фотособрании ИИМК РАН сохранились и другие фотографические материалы XIX — начала XX в., которые уже после реорганизации и упразднения ИАК поступили в фотоархив Академии истории материальной культуры из Императорского русского археологического общества (ФО. Ф. 2, 1056 ед.) и Петроградского

археологического института (ФО. Ф. 3, 1585 ед.). К ним относятся снимки вещевых находок из раскопок Н.К. Рериха и П.А. Путятина в Новгородской губернии, Н.И. Репникова в Крыму, фотографии исследований Н.И. Бранденбурга и В.В. Суслова в Старой Ладоге 1880-х гг., раскопок Н.Е. Макаренко и В.В. Саханева Мордовинского кургана в 1914 г. и другие материалы. Безусловную ценность среди документов РАО представляет «Туркестанский альбом» А.Л. Куна 1871–1872 гг., содержащий этнографическую и археологическую части. В 1924–1925 и 1927–1932 гг. в Академию истории материальной культуры поступили материалы из «Библиотеки Мраморного дворца», где РАИМК — ГАИМК размещалась в 1919–1937 гг. В первую очередь к ним относятся фотоальбомы, принадлежавшие великим князьям генерал-адмиралу Константину Николаевичу и его сыну — Константину Константиновичу, который был президентом Императорской академии наук. Среди них — виды памятников архитектуры, живописи и скульптуры стран Европы, Азии и Африки, российские древности и ландшафты, этнографические снимки Кавказа и Сибири 1850–1910-х гг. (Длужневская 2005: 274–290). Эти фотоматериалы не имеют непосредственного отношения к деятельности ИАК, составляя отдельный фонд (260 негативов, 4531 отпечаток), однако дают превосходное представление о фотоделе той эпохи и логичным образом дополняют фотографическое собрание ИАК в составе архива Института.

То же следует сказать и о личных фондах председателя ИАК А.А. Бобринского (ФО. Ф. 11, 146 негативов и 937 отпечатков; РО. Ф. 25, 266 дел)

и ее членов Н.Я. Марра (ФО. Ф. 23, 1490 негативов и 2952 отпечатка) и А.А. Спицына (ФО. Ф. 34, 4481 негатив и отпечаток). Рукописные материалы А.А. Спицына 1880–1931 гг. (РО. Ф. 5) поступили в ГАИМК в 1932 г. Этот фонд включает 180 томов специальных папок, называемых «корочками Спицына», 20 томов систематически подобранных иллюстраций, зарисовок и вырезок из различных изданий, распределенных по темам, и материалы к «Словарю русской старины» в виде картотеки, включающей более 100 тысяч карточек, алфавитный и библиографический указатели к пяти тысячам листов иллюстраций.

Кроме названных выше, с деятельностью ИАК следует считать связанными материалы личных фондов художника-реставратора Ф.А. Каликина по русской иконе XVI–XVIII вв., медному литью и деревянному зодчеству Северо-Запада европейской части России (ФО. Ф. 18, 81 ед.; 1912–1914 гг.) архитекторов В.В. Суслова (ФО. Ф. 36, 679 ед.; 1880–1919 гг.), К.К. Романова (ФО. Ф. 30, 3586 ед.) и Н.П. Сычева (ФО. Ф. 37, 2907 ед.). Фотодокументы периода ИАК, непосредственно связанные с ее деятельностью, сохранились в фондах археолога Б.В. Фармаковского (ФО. Ф. 39, 1050 ед.; 1905–1909 гг.), а также археолога, художника Н.Е. Макаренко (ФО. Ф. 21, 621 ед., до 1917 г.). Личный фонд фотографа И.Ф. Чистякова (ФО. Ф. 40) включает 2666 негативов и отпечатков с крайними датами 1900–1918 гг., а фонд Я.И. Смирнова (ФО. Ф. 32) — 1290 негативов и отпечатков, датируемых 1889–1914 гг.

Помимо этих фондов в РО НА ИИМК РАН хранятся документы и материалы П.П. Покрышкина (РО. Ф. 21, 1627 дел), К.К. Романова (РО. Ф. 29,

1437 дел), В.Г. Тизенгаузена (РО. Ф. 31, 13 дел), Н.И. Веселовского (РО. Ф. 18, 519 дел), П.С. Савельева (РО. Ф. 8, 20 дел), С.Г. Строганова (РО. Ф. 17, 23 дела), Б.В. Фармаковского (РО. Ф. 23, 372 дела), Я.И. Смирнова (РО. Ф. 11, 371 дело), Н.И. Репникова (РО. Ф. 10, 43 дела), Е.Е. Люценко (РО. Ф. 28, 23 дела) и Н.В. Султанова (РО. Ф. 16, 38 дел). С деятельностью ИАК связаны и коллекции Р-I и Р-II, хранящие изобразительные материалы (10219 ед. хр.) и эстампажи.

В начале 1920-х гг. в архив РАИМК поступили фонды археологических обществ — ИМАО (РО. Ф. 4, 1113 дел за 1865–1920 гг.) и ИРАО (РО. Ф. 3, 747 дел за 1846–1925 гг.). Здесь же стоит упомянуть и материалы Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, возникшего в Санкт-Петербурге в 1909 г. (РО. Ф. 68, 66 ед. хр., 1909–1917 гг.). Они поступили в ГАИМК в 1929 г. из Ленинградского отделения Центрального исторического архива (Медведева 2007с: 259–267).

Необходимо отметить, что формирование архива Императорской археологической комиссии составляло одну из важнейших задач этого учреждения уже в проекте положения о Главной археологической комиссии, составленном С.Г. Строгановым в 1857 г. К сожалению, в Положении 1859 г. это не нашло своего отражения, однако эта потенциальная обязанность Комиссии никогда не предавалась забвению. Вопрос о формировании общедоступного научного архива ИАК обсуждался 18–22 апреля 1889 г. на встрече членов Комиссии и представителей ученых обществ России, посвященной условиям реализации Высочайшего повеления 11 марта 1889 г. Судя по имеющимся

материалам, этот архив действительно стал свободным и открытым. Дела и фотографии в ряде случаев даже высылались из ИАК по запросам научных обществ и отдельных ученых для выполнения их исследовательских или издательских задач с последующим возвратом в архив.

В дореволюционный период архивное и книжное собрания не выделялись в отдельные структурные единицы и входили в состав библиотеки ИАК, затем РГАК. Рукописные документы составляли отдел старых дел, графические хранились в отделе книг, карт, чертежей и рисунков (Доманская, Пескарева 1979: 29), негативы находились у фотографов, снимки хранились в кабинетах членов ИАК, полевая съемка — у руководителей экспедиций (Доманская, Пескарева 1979: 32). Пополнением, хранением и регистрацией огромной фотоколлекции по архитектуре занимался академик архитектуры П.П. Покрышкин. В сентябре-октябре 1919 г. была разработана структура РАИМК, куда помимо научных подразделений вошли рукописный архив и библиотека с фотоархивом как самостоятельные вспомогательные отделы. В отдельную структуру Фотоархив выделился только в 1930-е гг. (Доманская, Пескарева 1979: 32). За исключением военных лет рукописный и фотографический архивы оставались самостоятельными подразделениями как в составе Академии, так и Института до 2004 г., когда они стали отделами единого Научного архива ИИМК РАН.

Сразу же после переезда в Мраморный дворец, уже в конце 1921 г., архив был открыт для исследователей ежедневно, кроме субботы, с 16:00 до 17:00 часов. Сегодня архив ИИМК РАН и его сотрудники хранят

добрые традиции, заложенные еще в эпоху существования Императорской археологической комиссии. Мы должны назвать имена тех, кто после реорганизации и упразднения ИАК в 1919 г. сохранил ее архивные сокровища. В Рукописном отделе трудились С.А. Желобев (1921–1923), М.Н. Никитин (1923–1929), А.В. Суслов (1929–1930), С.Н. Валк, А.В. Мачинский (1932–1935), Г.Ф. Корзухина (1935–1937), Т.Н. Барсукова (1937–1942), Е.И. Власова (1940-е гг.), О.И. Бич (1942–1963), К.М. Пескарева (1967–1984) и Р.В. Васильева (1984–2000). Фотографическим архивом заведовали Н.П. Сычев (1919–1924), Н.В. Малицкий (1924–1932), Т.М. Девель (1932–1956), Т.Б. Томес (1956–1974) и Э.С. Доманская (1974–1984). Должны мы назвать и тех, кто вместе с архивом на протяжении XX в. хранил и уникальную библиотеку ИАК, составляющую более 150 тысяч томов: это В.Н. Бенешевич,

И.М. Гревс, П.И. Прозоров, А.Ф. Добрынин, Л.А. Федоров, В.Б. Ечеитова, В.Н. Денемарк, А.А. Любимова, Н.А. Винберг и Р.Ш. Левина (Длужневская 2013).

Авторский коллектив надеется, что эта публикация послужит стимулом к более активному использованию архивных материалов ИАК в научных изысканиях, не ограниченному лишь различными разделами археологии.

Подводя итог краткому обзору архивных фондов ИАК и истории их сложения, стоит еще раз подчеркнуть уникальный характер этих материалов как важного исторического источника по культуре и этнографии стран и народов Европы и Азии, который еще ждет своего исследователя.

А.Е. Мусин,
М.В. Медведева,
Г.В. Длужневская,
Н.А. Белова

ЛЕТОПИСЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

1859

2 февраля. Высочайшее утверждение Положения об ИАК

9 февраля. Назначение С. Г. Строганова председателем ИАК

26 февраля. Назначение П. С. Савельева старшим членом ИАК

26 февраля. Назначение А. С. Линевича производителем дел ИАК

26 февраля. Перевод в ИАК директора Керченского музея А. Е. Люценко

26 февраля. Перевод в ИАК помощника директора Керченского музея К. Р. Бегичева

3 апреля. Определение И. Н. Медведева художником ИАК

19 мая. Кончина старшего члена ИАК П. С. Савельева

9 июня. Назначение И. Е. Забелина младшим членом ИАК

Июль–сентябрь. Раскопки курганов Близицы в Екатеринославской губернии И. Е. Забелиным

1 ноября. Попытка получить для ИАК новое помещение вне Строгановского дворца

4 декабря. Доклад академика Ф. Г. Солнцева императору о состоянии средневековой стенописи и архитектуры во Владимире

20 декабря. Особое Высочайшее повеление об отнесении к обязанностям ИАК отыскания и возобновления

древней стеной иконной живописи в старинных православных храмах; причисление к ИАК Ф. Г. Солнцева и П. И. Вольского

1860

2 марта. Избрание Л. Э. Стефани членом-корреспондентом ИАК

Июнь. Исследование курганов на Белом озере в Новгородской губернии Я. М. Лазаревским и Ю. Б. Иверсеном

1861

1 апреля. Определение Н. Д. Иванова канцелярским служащим ИАК

4 апреля. Назначение С. А. Гедеонова заведующим Римской археологической комиссией

23 ноября. Кончина делопроизводителя ИАК А. С. Линевича

21 декабря. Определение В. Г. Тизенгаузена делопроизводителем ИАК

1862

1 февраля. Именной указ «О продолжении существования Императорской археологической комиссии и Керченского музея древностей» «на прежнем основании»

7 марта. Кончина помощника директора Керченского музея К. Р. Бегичева

1 сентября. Назначение Ф.И. Гросса помощником директора Керченского музея

19 ноября. Письмо С.Г. Строганова в Главное управление путей сообщений и публичных зданий и в Инженерный департамент о доставлении в ИАК сведений о направлении проводимых дорог, производстве работ и сделанных находках

29 ноября. Письмо С.Г. Строганова в Центральный статистический комитет МВД с предложением о сотрудничестве в деле изучения и сохранения памятников старины

1863

27 апреля. Циркуляр МВД по губернским статистическим комитетам «О доставлении сведений о памятниках древностей российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся», рассылка «Программы археологических исследований, по которым ожидается содействие Статистических комитетов», составленной ИАК

9 июня. Назначение И.Е. Забелина старшим членом ИАК. Назначение С.А. Гедеонова директором Императорского Эрмитажа

Июль–август. Открытие И.Е. Забелиным скифского царского погребения в кургане Чертомлык

1864

31 марта. Назначение В.Г. Тизенгаузена младшим членом ИАК

8 сентября. Записка В.Г. Тизенгаузена о сохранении Царского кургана в Керчи

14 сентября. Кончина сторожа ИАК А. Афанасьева

31 декабря. Увольнение канцелярского служащего ИАК Н.Д. Иванова

Начало раскопок В.Г. Тизенгаузена на Нижнем Дону

1865

29 января. Отношение ИАК в Департамент железных дорог с просьбой уведомлять Комиссию о производстве работ в местах расположения курганов и городищ и о сдаче в Комиссию археологических находок

Экспедиция П.И. Лерха в Олонецкую, Вологодскую и Вятскую губернии для разыскания первобытных древностей

Раскопки В.В. Радловым Большого Катандинского кургана

1866

1 января. Назначение И.А. Сулова журналистом ИАК

Апрель. «Приватное принятие» в ИАК Ф. Ланга для составления археологической библиографии

4 ноября. Циркуляр МВД о воспрещении кладоискательства и о доставлении по просьбе ИАК сведений о древних зданиях и находимых древностях вообще в Департамент общих дел

Издание первого выпуска «Материалов по археологии России»

Новочеркасский клад

1867

7 января. Письмо С.Г. Строганова Г.А. Кушелеву-Безбородко о выработке условий для проведения археологических розысканий в Ольвии

Определение У. Михайлова сторожем ИАК

Первый Гнездовский клад

1868

9 сентября. Кончина П.И. Вольского

29 ноября. Определение М.П. Клодта фон Юргенсбурга на место П.И. Вольского

1869

Январь. «Приватное принятие» в ИАК Э. Боннеля для составления библиографии

11 ноября. Циркуляр МВД губернаторам о доставлении в Технико-строительный комитет подробного описания и чертежей памятников, крепостей и других зданий древности с объяснением прочности и мер, предпринимаемых местным начальством к сохранению и исправному содержанию этих зданий, с напоминанием, что по действующему Уставу строительному, т. XII Свода законов (по продолжению 1868 г.), ст. 181, 182, эти остатки строжайше воспрещено разрушать

1870

17 апреля. Назначение А.В. Адлерберга министром императорского двора и уделов

1873

2 марта. Определение П.И. Лерха делопроизводителем ИАК

1 мая. Увольнение М.П. Клодта фон Юргенсбурга

Договор между ИАК и владельцами земли с. Парутино (Ольвия) на 5 лет о ведении археологических работ. Начало раскопок И.Е. Забелина и В.Г. Тизенгаузена в Ольвии

1874

14 февраля. Заключение великого кн. Владимира Александровича по проекту наиболее действенных мер для охранения отечественных памятников

1875

Июль–август. Начало раскопок В.Г. Тизенгаузенем Семибратних курганов

1876

26 мая. Создание «Комиссии для обсуждения мер к охранению памятников древности» под председателем А.Б. Лобанова-Ростовского

3 июня. Увольнение И.Е. Забелина

17 июня. Назначение Н.П. Кондакова младшим членом ИАК

26 июля. Назначение В.Г. Тизенгаузена старшим членом ИАК

1877

3 февраля. Назначение И.А. Суслова исполняющим обязанности делопроизводителя ИАК

1878

1 января. Назначение И.Д. Деля младшим членом ИАК

1 января. Увольнение П.И. Лерха от должности делопроизводителя ИАК, определение И.А. Суслова делопроизводителем ИАК

1 апреля. Увольнение А.Е. Люценко от должности директора Керченского музея

1 апреля. Назначение С.И. Веребрюсова директором Керченского музея

15 сентября. Кончина С.А. Геденова

1879

24 октября. Кончина И. Д. Деля

1881

17 августа. Назначение И.И. Воронцова-Дашкова министром императорского двора и уделов

1882

17 января. Реформа Министерства императорского двора и уделов**7 марта.** Увольнение С.Г. Строганова от должности председателя ИАК, назначение председателем ИАК А.А. Васильчикова**27 марта.** Кончина С.Г. Строганова**20 октября.** Представление А.А. Васильчиковым министру императорского двора проектов «Об изменении устава и штата ИАК» и положения об ИАК с поручением ей охраны исторических памятников в России

1883

18 января. Ходатайство А.А. Васильчикова о дозволении г. Шлиману археологических исследований на Кавказе**11 февраля.** Определение И.С. Султолло на канцелярскую службу в ИАК по вольному найму**19 февраля.** Высочайшее постановление об охране и сбережении памятников древности в Финляндии
Черниговский клад

1884

6 марта. Кончина директора Керченского музея С.И. Верebrюсова**8 марта.** Назначение Ф.И. Гросса директором Керченского музея**19 июня.** Учреждение Археологической комиссии для заведования памятниками древности в Финляндии**5 июля — 26 июля.** Предписание Святейшего Синода епархиальным архиереям об обязательности сношений с ИАК в вопросе реставрации монументальных памятников церковной старины**4 сентября.** Кончина П.И. Лерха
Начало раскопок Н.Н. Пантусовым несторианских средневековых кладбищ в Семиреченской области

1885

Март—июль. Раскопки Н.И. Веселовского на Афрасиабе**4 мая.** Начало работы Н.П. Кондакова над русско-византийскимикладами

1886

12 января. Высочайшее повеление ИАК об издании русско-византийских кладов**1 февраля.** Увольнение А.А. Васильчикова от должности председателя ИАК, назначение председателем ИАК А.А. Бобринского**11 марта.** Кончина художника ИАК И.Н. Медведева**3 мая.** Начало исследования Н.Е. Бранденбургом памятников Старой Ладogi при поддержке ИАК**7 мая.** Памятная записка В.Г. Тизенгаузена о деятельности и заслугах ИАК в 1859–1886 гг.**16 мая.** Докладная записка В.Г. Тизенгаузена о кандидатурах для избрания в почетные члены и члены-корреспонденты ИАК

31 мая. Утверждение избрания Л. Э. Стефани и И. Е. Забелина почетными членами ИАК

8 июня. Записка И. И. Толстого об утилизации монетных кладов, поступающих в ИАК

22 августа. Утверждение избрания В. В. Стасова, В. В. Радлова, Ю. Б. Иверсена и Д. Я. Самоквасова членами-корреспондентами ИАК

1 сентября. Назначение И. И. Толстого младшим членом ИАК

26 сентября. Циркуляр ИАК епископату Греко-Российской Православной церкви о содействии духовных властей в противодействии кладоискательству на церковных землях и в сохранении отечественных древностей от уничтожения

20 ноября. Поручение Министерства императорского двора Императорской археологической комиссии принять меры к сохранению Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Спасского собора в Мирожском монастыре в Пскове и двух часовен близ Переславля-Залесского, перечисленных в записке И. Ф. Барщевского

26 ноября. Циркуляр МВД гражданским губернаторам о «воспрещении кому бы то ни было предпринимать какие-либо археологические раскопки на казенных, церковных или общественных землях» без специального разрешения на то ИАК

28 ноября. Утверждение избрания Н. И. Веселовского членом-корреспондентом ИАК

1 декабря. Циркуляр ИАК епископату Римско-Католической церкви о содействии духовных властей в противодействии кладоискательству на церковных землях и в сохранении отечественных древностей от уничтожения

1887

11 января. Циркуляр Санкт-Петербургского археологического института губернским архивным комиссиям о необходимости присылки случайных археологических находок в ИАК

21 января. Докладная записка председателя и членов ИАК в Императорскую академию художеств и Министерство императорского двора и уделов о необходимости юридического уточнения полномочий ИАК

4 марта. Мнение А. А. Бобринского по поводу предложения Археологического института о контроле со стороны губернских ученых архивных комиссий за продажей на публичных торгах древностей, принадлежащих частным лицам

8 марта. Докладная записка министра народного просвещения И. Д. Делянова в Комитет министров «По вопросу о мерах к охранению памятников старины от истребления, порчи и самовольных переделок»

Апрель. Начало осуществления программы систематического археологического исследования Киевского Полесья В. Б. Антоновичем

23 мая. Докладная записка Н. М. Ядринцева о состоянии археологических исследований и музейного дела в Сибири

12 июня. Высочайшее повеление об археологических исследованиях Херсонеса под руководством ИАК

13 июня. Рапорт А. А. Бобринского министру императорского двора о выделении 600–700 руб. для составления полного библиографического указателя археологической литературы

5 июля. Циркуляр МВД губернаторам о составлении описей древностей

при продаже с торгов имущества частных лиц и о доставлении их в губернские ученые архивные комиссии

27 ноября. Письмо А. А. Бобринского министру народного просвещения с просьбой подтвердить подведомственным ему организациям, ученым учреждениям и частным ученым обществам необходимость соблюдения узаконений, касающихся полномочий ИАК в области контроля над раскопками на землях казенных и общественных

28 ноября. Начало исследования Старо-Рязанского городища при участии ИАК

Начало исследования Дрогичина Надбужского Н. П. Авенариусом

1888

15 февраля. Утверждение И. А. Лопатина членом-корреспондентом ИАК

22 февраля. Письмо А. А. Бобринского министру народного просвещения об установлении общероссийского порядка в деле собирания и охранения древностей

18 апреля. Создание Комиссии по реставрации Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Спасского собора в Мирожском монастыре в Пскове и двух часовен близ Переяславля-Залеского при участии ИАК

24 апреля. Утверждение новых штатов ИАК

1 мая. Определение И. С. Сузулло регистратором ИАК

Май. Начало систематических раскопок Херсонеса Таврического под общим руководством ИАК

8 декабря. Назначение М. П. Боткина сверхштатным членом ИАК

Открытие Мощинского клада в Калужской губернии Н. И. Булычевым

1889

11 марта. Высочайшее повеление об исключительном праве ИАК на производство и разрешение с археологической целью раскопок в империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям, и общественных, и о производстве реставрации монументальных памятников древности по предварительному соглашению с ИАК и по сношению ее с Императорской академией художеств

17–24 апреля. Археологическая конференция в Санкт-Петербурге, посвященная выработке соглашения ИАК с учеными обществами в области осуществления Высочайшего повеления от 11 марта

16 июня. Назначение В. Г. Дружинина членом ИАК без содержания для исполнения обязанностей ученого секретаря

28 июня. Высочайшее поручение члену ИАК Н. П. Кондакову составить описи древностей в монастырях и церквях на Кавказе и произвести их оценку

10 декабря. Назначение А. А. Бобринского вице-президентом Академии художеств

15 декабря. Совещание о соглашении ИАК с Эрмитажем и Историческим музеем по вопросу передачи древностей

1890

16 марта. Передача метрик со сведениями о православных храмах из Императорской академии художеств в ИАК

27 апреля. Завершение переезда ИАК в новые помещения в Зимнем дворце

11 мая. Кончина А. А. Васильчикова
Экспедиция В. А. Жуковского в Мерв

1 сентября. Определение И. Ф. Чистякова сторожем ИАК

31 октября. Утверждение «Правил о порядке рассмотрения Археологической комиссией и Академией художеств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников» министром императорского двора

20 декабря. Отставка А. А. Бобринского с поста вице-президента Академии художеств

Исследование Люцинского могильника Е. Р. Романовым

1891

5 января. Увольнение И. И. Толстого от должности члена ИАК

15 января. Назначение В. Г. Дружина членом ИАК

21 января. Увольнение Н. П. Кондакова от должности члена ИАК

11 февраля. Перевод Д. Я. Самоквасова из члена-корреспондента ИАК в ее сверхштатного члена

31 марта. Увольнение Ф. И. Гросса от должности директора Керченского музея, назначение К. Е. Думберга

4 мая. Циркуляр МВД губернаторам о точном и неременном соблюдении Высочайшего повеления от 11 марта 1889 г. в связи с тем, что «некоторые сельские общества составляют приговоры о дозволении частным лицам производить по своему усмотрению раскопки на общественных землях, чем наносится вред исследованию и сохранению древностей»

18 мая. Приказ по Ведомству путей сообщения о содействии ИАК в деле разыскания и охранения памятников отечественной старины, о сообщении сведений о направлениях проводимых дорог и о включении в контракты на подряды по земляным работам

положения о сохранении и доставлении в ИАК всех остатков древности

1 июля. Принятие дел Керченского музея К. Е. Думбергом

1892

8 января. Определение М. Викторова сторожем ИАК

1 февраля. Назначение В. Б. Антоновича и Н. И. Веселовского сверхштатными членами ИАК

3 марта. Кончина Ф. Г. Солнцева

23 марта. Назначение А. А. Спицына членом ИАК

26 мая. Введение нагрудного знака «Надсмотрщик Керченского музея» и приказ по Кабинету его императорского величества об обязательном составлении акта полицейскими чинами о производстве незаконных раскопок в присутствии служащих Комиссии

28 июля. Утверждение избрания В. В. Латышева членом-корреспондентом ИАК

Начало раскопок Н. Я. Марра в Ани

12 ноября. Предложение А. А. Бобринского МВД проводить земляные работы в Керчи в присутствии представителя Керченского музея и об усилении полицейского надзора и уголовной и гражданской ответственности за кладоискательство

11 декабря. Назначение Н. В. Покровского сверхштатным членом ИАК

1893

11 апреля. Вторичное подтверждение Высочайшей воли о полномочиях ИАК в области реставрации монументальных памятников зодчества

26 апреля. Принятие Н. И. Сулова на канцелярскую службу в ИАК по вольному найму

10 мая. Высочайшее посещение раскопок в Херсонесе императором Александром III

26 мая. Избрание А.Л. Бертье-Делагарда и А.С. Лаппо-Данилевского членами-корреспондентами ИАК

15 октября. Включение Высочайшего повеления от 11 марта 1889 г. во временный устав Императорской академии художеств

Начало реставрации Софийского собора в Новгороде

1894

23 мая. Избрание Ю.А. Кулаковского и Н.Н. Пантусова членами-корреспондентами ИАК

25 августа. Предписание Кабинета е. и. в. частным ученым обществам о дозволении проведения раскопок на «Высочайше дарованные средства» только при разрешении ИАК

10 ноября. Циркулярное подтверждение МВД по губерниям о доставлении всех случайных археологических и нумизматических находок в ИАК

16 ноября. Определение Святейшего Синода о точном исполнении Высочайшего повеления от 11 марта 1889 г. касательно реставрации монументальных памятников древности

22 декабря. Поручение ИАК А.И. Шляпкину исследований граффити Софийского собора и памятников новгородской эпиграфики

29 декабря. Назначение В.Г. Тизенгаузена товарищем председателя ИАК

Начало реставрации Бахчисарайского дворца в Крыму

1895

1 января. Назначение Н.И. Веселовского старшим членом ИАК

6 января. Избрание В.А. Жуковско-го, И.С. Китнера и Г.И. Котова членами-корреспондентами ИАК

20 февраля. Избрание В.К. Мальмберга членом-корреспондентом ИАК

20 ноября. Учреждение нагрудного знака «Надсмотрщик ИАК», надеваемого при отправлении служебных обязанностей

1896

20 февраля. Письмо А.А. Бобринского епископату Греко-Российской Православной церкви с просьбой о доставлении в ИАК изданных описаний церквей и монастырей

10 апреля. Предложение А.А. Бобринского в МВД о введении в инструкции урядникам статьи о наблюдении за раскопками и доставлении в ИАК найденных древностей

12 ноября. Кончина Ф.И. Гросса.

22 ноября. Увольнение В.Г. Дружинина от должности члена ИАК

27 ноября. Утверждение А.А. Бобринским «Положения о распределении обязанностей служащих ИАК»

1 декабря. Назначение Ф.А. Брауна членом ИАК

Открытие склепа Деметры в Керчи
Раскопки Н.Н. Новокрещенных Гляденовского костыща в Пермской губернии

1897

20 марта. Назначение Н.В. Султанова сверхштатным членом ИАК

6 мая. Назначение В.Б. Фредерикса министром императорского двора и уделов

Раскопки Н.И. Веселовским Майкопского кургана

Начало проекта по изданию памятников древнерусской эпиграфики

1898

4 марта. Предложение А. А. Бобринского о создании при губернских статистических комитетах отделений по учету памятников древности

7 марта. Избрание К. К. Косцюшко-Валюжинича членом-корреспондентом ИАК

27 марта. Утверждение избрания А. Е. Комаровского сверхштатным членом ИАК

26 апреля. Определение Н. И. Сулова канцелярским служителем ИАК

20 июля. Определение Н. В. Суходольского на канцелярскую службу в ИАК по вольному найму

22 августа. Посещение раскопок Херсонеса Таврического императором Николаем II

1899

14 августа. Кончина А. Е. Комаровского

Осмотр Н. В. Султановым Псковских крепостных стен

1900

26 февраля. Определение А. С. Раевского на службу в ИАК

13 апреля. Кончина Ю. Б. Иверсена

27 мая. Увольнение В. Г. Тизенгаузена от должности товарища председателя ИАК

27 мая. Высочайшее повеление о возложении на ИАК систематических раскопок в Ольвии

29 июня. Назначение В. В. Латышева товарищем председателя ИАК

16 декабря. Увольнение Ф. А. Брауна от должности члена ИАК и назначение его сверхштатным членом ИАК

Издание новой редакции Строительного устава, учитывающей Высочайшее

повеление от 11 марта 1889 г. о реставрации монументальных памятников

Начало работ С. И. Сергеева в Гнездово

1901

1 января. Определение Д. Павлова сторожем ИАК

1 марта. Назначение Б. В. Фармаковского членом ИАК

2 июля. Начало систематических раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии

15 июля. Увольнение К. Е. Думберга из Керченского музея

16 июля. Принятие дел Керченского музея В. В. Шкорпилом

6 сентября. Циркуляр МВД губернаторам, градоначальникам и оберполицмейстерам о представлении в министерство списков памятников старины

Начало издания «Известий Императорской археологической комиссии»

1902

5 января. Назначение В. В. Шкорпила директором Керченского музея

12 января. Определение А. С. Раевского делопроизводителем ИАК

18 января. Избрание С. А. Жебелева членом-корреспондентом ИАК

2 февраля. Кончина В. Г. Тизенгаузена

Сентябрь. Посещение императором Николаем II раскопок Херсонеса

2 ноября. Увольнение И. А. Сулова

6 декабря. Введение новых штатов ИАК

6 декабря. Определение Н. В. Суходольского чиновником XII класса — канцелярским служащим ИАК

16 декабря. Назначение П. П. Покрышкина членом ИАК

1903

1 января. Определение Н. И. Сулова чиновником XII класса — канцелярским служащим ИАК

18 февраля. Избрание Э. А. Реслера членом-корреспондентом ИАК

22 марта. Назначение Н. И. Булычева сверхштатным членом ИАК

23 ноября. Замечания А. А. Бобринского по поводу предполагаемой реформы архивного дела в России, направленные им в канцелярию Министерства императорского двора и уделов

Реставрация фресок в костеле св. Троицы Люблинского замка

1904

9 апреля. Посещение императором Николаем II Археологической комиссии

30 апреля. Предложение МВД духовным установлениям иностранных исповеданий о соблюдении повеления 1889 г. в части реставрации культовых зданий

Апрель—май. Командировка в Грецию В. В. Шкорпила

Июнь—сентябрь. Раскопки Н. И. Веселовским Келермесских курганов

Декабрь. Образование Особой комиссии МВД по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий

Раскопки могильника Суук-Су в Крыму

1905

10 июня. Назначение Б. И. Ханенко сверхштатным членом ИАК

Открытие А. А. Спицыным палеолитической стоянки у села Борщево

Публикация первого выпуска «Мечетей Самарканда»

1906

20—26 июня. Областной историко-археологический съезд во Владимире

10 октября. Кончина В. В. Стасова

1907

12 апреля. Избрание А. К. Маркова и Н. Я. Марра членами-корреспондентами ИАК

16 декабря. Кончина заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича

1908

1 апреля. Назначение Р. Х. Лепера членом ИАК и заведующим раскопками в Херсонесе

2 апреля. Высочайшее повеление ИАК об археологических исследованиях в Киеве

2 сентября. Кончина Н. В. Султанова

1909

4 февраля. Предложение А. А. Бобринского Государственной думе о распространении положений Высочайшего повеления от 11 марта 1889 г. на памятники археологии, находящиеся на крестьянских усадебных наделах

5 февраля. Празднование 50-летнего юбилея ИАК

20 апреля. Назначение Э. Р. фон Штерна сверхштатным членом ИАК

1 октября. Увольнение Н. И. Сулова и определение Д. В. Милеева чиновником XII класса — канцелярским служащим ИАК

15 ноября. Кончина И. А. Лопатина

1910

1 января. Определение А. С. Раевского на должность библиотекаря ИАК, И. С. Сутулло — делопроизводителем ИАК и Н. В. Суходольского — регистратором ИАК

18 мая. Определение Л. А. Филиппова чиновником XII класса — канцелярским служащим ИАК

14 июня. Принятие Государственной думой закона «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском владении» для проведения раскопок археологических памятников, находящихся на укрепленных в личную собственность крестьян участках, с соблюдением правил, установленных Высочайшим повелением от 11 марта 1889 г.

14 декабря. Избрание К. К. Романова членом-корреспондентом ИАК

Начало деятельности «полевой археологической школы» А. А. Спицына в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии

Осмотр П. П. Покрышкиным смоленских крепостных стен

Начало реставрации Успенского собора Московского Кремля

1911

1 февраля. Празднование 25-летнего юбилея служения А. А. Бобринского председателем ИАК

1 марта. Увольнение Э. Р. Штерна из сверхштатных членов ИАК

7 марта. Назначение Ю. А. Кулаковского сверхштатным членом ИАК

12 июня. Начало исследования места находки Перещепинского клада

6 августа. Кончина Д. Я. Самоквасова

29 октября. Внесение в Государственную думу «Положения об охране древностей», выработанного Межведомственной комиссией

Начало реставрации Ипатьевского монастыря в Костроме

1912

Август. Командировка А. А. Спицына в Стокгольм на Международный археологический конгресс

7 октября. Назначение А. А. Ширинского-Шихматова и М. И. Ростовцева сверхштатными членами ИАК

Укрепление колокольни Успенской церкви в Архангельске

1913

Март. Поездка А. А. Бобринского, Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева и Э. Р. Штерна в Лондон на Международный конгресс историков

Июль. Посещение императором Николаем II раскопок Херсонеса

1 августа. Высочайшее соизволение на учреждение под председательством великого князя Георгия Михайловича Особого совещания для выработки основ законопроекта о всероссийском национальном музее в память 300-летия царствования дома Романовых

Июль–август. Открытие Н. И. Веселовским царского захоронения в кургане Солоха

1 октября. Определение в ИАК Е. Н. Щербаковой для канцелярских занятий

25 ноября. Избрание членом-корреспондентом ИАК М. В. Фармаковского

21 декабря. Завершение работы Комиссии по приему коллекции Ф. М. Плюшкина при участии ИАК

1914

22 января. Кончина М. П. Боткина

19 июля. Кончина Д. В. Милеева

1 октября. Увольнение Р. Х. Лепера от должности члена ИАК

1 ноября. Определение К. И. Высокотина чиновником XII класса — канцелярским служащим ИАК

1915

29 января. Создание Комиссии Святейшего Синода по вопросу «устранения затруднений при перестройках и ремонтах церквей, имеющих археологическое значение» под председательством архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения (Стадницкого)

20 июля. Указ Святейшего Синода о порядке разрешения споров между ИАК и духовными консисториями путем передачи дела в Синод

1 декабря. Рассылка статьи П. П. Покрышкина «Краткие сведения по вопросам ремонта памятников старины и искусства» в духовные консистории

14 декабря. Назначение Л. А. Моисеева членом ИАК и заведующим раскопками в Херсонесе

1916

11 февраля. Увольнение Е. Н. Щербаковой

10 апреля. Присвоение А. А. Спицыну по ходатайству А. А. Бобринского «в виде исключения» чина действительного статского советника

20 мая. Кончина И. И. Толстого

16 августа. Письмо Канцелярии Святейшего Синода А. А. Бобринскому с разъяснением позиции Синода по поводу указа от 20 июля 1915 г. и с подтверждением его действительности

1917

8 февраля. Избрание А. И. Малеина членом-корреспондентом ИАК

6 марта. Постановление Археологической комиссии на своем экстренном заседании «всецело руководствоваться в своей дальнейшей деятельности распоряжениями Временного правительства»

8 марта. Кончина Н. В. Покровского

8 марта. Назначение Ф. А. Головина комиссаром над бывшим Министерством императорского двора и уделов

12 марта. Учреждение Союза деятелей искусств при участии ИАК

23 мая. Принятие положения о Российской археологической комиссии ее пленарным собранием

26 мая. Кончина Б. И. Ханенко

20 июня. Включение представителей РАК в Комиссию по приему и охране дворцовых имуществ Москвы при Городской думе

27 июня. Учреждение Кавказского историко-археологического института в Тифлисе

1 сентября. Приказ о вывозе из Петрограда ценностей, находящихся во дворцах Эрмитажа и других хранилищах бывшего Министерства двора

8 декабря. Приказ народного комиссара по просвещению и ведомству дворцов и музеев республики А. В. Луначарского о переезде РАК совместно с Археологическим институтом в бывшее здание Управления воздушным флотом

1918

4 января. Кончина В. А. Жуковского

22 февраля. Утверждение Поместным собором Православной Российской церкви «Определения о епархиальном

управлении», исключавшего РАК из порядка рассмотрения дел о реставрации памятников церковной старины и передававшего эти вопросы в ведение епархиальных архиереев

26 марта. Образование Хозяйственного комитета РАК

12 апреля. Кончина Н. И. Веселовского

9 мая. Утверждение избрания А. А. Спицына старшим членом РАК

12 мая. Кончина В. В. Радлова.

15 мая. Избрание А. П. Удаленкова исполняющим обязанности члена РАК, С. Н. Наседкина — временным сотрудником и В. Г. Самойлова — каталогизатором РАК

16 мая. Назначение Н. Я. Марра штатным членом РАК

1 июня. Увольнение К. И. Высотина

Июнь. Преобразование РАК в РГАК в ведении Народного комиссариата просвещения

1 июля. Избрание А. Д. Руднева и Н. А. Энман ассистентами РГАК, Е. О. Прушевской и К. В. Тревер — регистраторами научных коллекций РГАК

21 июля. Подписание А. А. Бобринским последних документов от имени РАК в Петрограде и его отъезд на юг России

1 август. Избрание Н. П. Удаленкова техником-чертежником РГАК

13 августа. Избрание Е. П. Столицы корректором РГАК

15 августа. Избрание Г. В. Стебницкого регистратором научных коллекций РГАК

1 сентября. Избрание С. Ф. Ольденбурга членом РГАК

3 сентября. Возвращение РГАК в Зимний дворец

24 сентября. Обсуждение проекта нового устройства Комиссии и избрание А. Л. Бертье-Делагарда,

Ф. А. Брауна, С. А. Жебелева, Г. И. Котова, Ю. А. Кулаковского, А. С. Лаппо-Данилевского, В. К. Мальмберга, А. К. Маркова, А. И. Малеина, М. И. Ростовцева, Э. Р. фон Штерна и М. В. Фармаковского членами Совета РГАК

1 октября. Принятие устава РГАК, избрание В. В. Бартольда, А. А. Ильина, С. Ф. Платонова, Н. П. Сычева и Б. А. Тураева членами Совета РГАК

4 октября. Кончина Р. Х. Лепера

17 октября. Утверждение устава РГАК А. В. Луначарским, избрание А. А. Васильева, В. К. Шилейко и Н. П. Остроумова членами РГАК и С. Г. Елисеева — ассистентом РГАК

22 октября. Избрание А. А. Миллера и К. К. Романова членами РГАК

13 ноября. Избрание Н. Я. Марра председателем РГАК

28 ноября. Первое заседание Библиотечного комитета РГАК

5 декабря. Избрание И. А. Орбели членом Совета РГАК и С. С. Лукьянова — ассистентом РГАК

26 декабря. Избрание Н. П. Сычева членом РГАК и А. А. Семенова — ассистентом РГАК

27 декабря. Убийство В. В. Шкорпила

1919

3 января. Избрание В. Н. Крейтона, В. Е. Лавровского, А. Н. Малова и иеромонаха Иннокентия (Тихонова) научными сотрудниками РГАК

16 января. Избрание Н. Е. Макаренко членом Совета РГАК и А. И. Кудрявцева — ассистентом РГАК

23 января. Обращение председателя РГАК Н. Я. Марра к патриарху Тихону (Белавину) с призывом к сотрудничеству духовенства с Археологическим отделом при Всероссийской коллегии

по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата просвещения

7 февраля. Кончина А. С. Лаппо-Данилевского

6 марта. Вступление коллектива служащих РГАК в Союз работников культурно-просветительских и учебно-воспитательных учреждений города Петрограда и его окрестностей

17 марта. Обсуждение на Совете РГАК проекта Положения о Российской Государственной академии археологических знаний

20 марта. Утверждение инструкций Библиотечного комитета для руководства объединенной библиотекой РГАК

2 апреля. Создание комитета младших служащих РГАК

18 апреля. Декрет о создании в Петрограде Российской Академии истории материальной культуры в системе Народного комиссариата просвещения на основе РГАК

27 мая. Оглашение Декрета о РАИМК на совете РГАК

31 мая. Решение Коллегии Народного комиссариата просвещения о предоставлении Мраморного дворца в распоряжение РАИМК

4 июня. Утверждение Коллегией Народного комиссариата просвещения инструкции по выбору членов РАИМК

21 июня. Чрезвычайное заседание Совета РГАК, начало реорганизации Комиссии

15 июля. Первые выборы членов РАИМК на заседании Совета РГАК

5–7 августа. Избирательное собрание РАИМК

7 августа. Прекращение работы РГАК — начало деятельности РАИМК

1926

12 января. Утверждение Государственным Ученым советом Устава Государственной Академии истории материальной культуры

1937

30 июня. Приказ народного комиссара просвещения о передаче ГАИМК и ее Московского отделения в ведение АН СССР

5 августа. Преобразование Государственной Академии истории материальной культуры в Институт истории материальной культуры в системе Академии наук СССР, создание Московского отделения Института истории материальной культуры

5 октября. Постановление Президиума АН СССР об определении задач и утверждении структуры ИИМК

1943

15–16 октября. Постановление Президиума АН СССР о руководстве ИИМК АН СССР, освобождение М. И. Артамонова от обязанностей директора и назначение академика Б. Д. Грекова и. о. директора Института; перевод дирекции Института истории материальной культуры из Ленинграда в Москву

1945

9 февраля. Решение Президиума АН СССР о преобразовании Московского отделения ИИМК в основной Институт и о создании Ленинградского отделения ИИМК

1959

4 сентября. Постановление Президиума АН СССР о переименовании Института истории материальной культуры в Институт археологии

1984

Публикация в журнале «Советская археология» статьи К.М. Пескаревой

и Е. А. Рябина, посвященной 125-летию ИАК

1991

25 июня. Постановление Президиума АН СССР о преобразовании Ленинградского отделения Института археологии в Институт истории материальной культуры

А. Е. Мусин

СОТРУДНИКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ / РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ, 1859–1918

Председатели Императорской археологической комиссии

Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882)	9 февраля 1859 — 7 марта 1882
Александр Алексеевич Васильчиков (1832–1890)	7 марта 1882 — 1 февраля 1886
Алексей Александрович Бобринской (1852–1927)	1 февраля 1886 — 13 ноября 1918

Товарищи председателя Императорской археологической комиссии

Владимир Густавович Тизенгаузен (1825–1902)	29 декабря 1894 — 27 мая 1900; старший член с 26 июля 1876; младший член с 31 марта 1864; делопроизводитель с 21 декабря 1861
Василий Васильевич Латышев (1855–1921)	29 июня 1900; член-корреспондент с 28 июля 1892

Старшие члены Императорской археологической комиссии

Павел Степанович Савельев (1814–1859)	26 февраля — 19 мая 1859
Иван Егорович Забелин (1820–1908)	9 июня 1863 — 3 июня 1876; младший член с 9 июня 1859
Николай Иванович Веселовский (1848–1918)	1 января 1895; сверхштатный член с 10 декабря 1891; член-корреспондент с 22 ноября 1886

Члены Императорской археологической комиссии

Никодим Павлович Кондаков (1844–1925)	24 апреля 1888 — 1891; младший член с 17 июня 1876
Федор Иванович Гросс (1822 [?]-1897)	24 апреля 1888 — 31 марта 1891

Иван Иванович Толстой (1858–1916)	24 апреля 1888 — 5 января 1891; младший член с 1 сентября 1886
Василий Григорьевич Дружинин (1859–1936)	5 января 1891 — 22 ноября 1896; член ИАК «без содержания» с 16 июня 1889
Карл Евгеньевич Думберг (1862–1931)	31 марта 1891 — 15 июля 1901
Александр Андреевич Спицын (1858–1931)	1 февраля 1892
Фридрих фон Браун (1862–1942)	1 декабря 1896 — 14 апреля 1900
Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928)	1 марта 1901
Владислав Вячеславович Шкорпил (1853–1918)	16 июля 1901
Карл Казимирович Косцюшко- Валюжинич (1847–1907)	6 декабря 1902; член-корреспондент с 27 марта 1898
Петр Петрович Покрышкин (1870–1922)	6 декабря 1902
Роберт Георг Христиан Лепер (1865–1918)	1 апреля 1908 — 1 октября 1914
Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882–1946)	14 декабря 1915
Николай Яковлевич Марр (1864–1934)	16 мая 1918; член-корреспондент с 12 апреля 1907

Младшие члены Императорской археологической комиссии

Иван Давыдович Дель (1832–1879)	1 января 1878 — 24 октября 1879
---------------------------------	---------------------------------

Сверхштатные члены Императорской археологической комиссии

Михаил Петрович Боткин (1839–1914)	8 декабря 1888
Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911)	11 февраля 1891; член-корреспондент с 22 августа 1886
Владимир Бонифатиевич Антонович (1834–1908)	10 декабря 1891
Николай Васильевич Покровский (1848–1917)	11 декабря 1892
Фридрих фон Браун (1862–1942)	1 декабря 1900
Николай Владимирович Султанов (1850–1908)	20 марта 1897

Алексей Егорович Комаровский (1841–1899)	27 марта 1898
Николай Иванович Булычев (1852–1919)	22 марта 1903
Богдан Иванович Ханенко (1849–1917)	21 января 1905
Эрнест фон Штерн (1859–1924)	1 апреля 1909
Юлиан Андреевич Кулаковский (1855–1919)	7 марта 1911; член-корреспондент с 23 мая 1894
Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952)	7 апреля 1912
Алексей Александрович Ширинский- Шихматов (1862–1930)	7 апреля 1912

Почетные члены Императорской археологической комиссии

Лудольф Эдуардович Стефани (1816–1887)	22 августа 1886; член-корреспондент со 2 марта 1860
Иван Егорович Забелин (1820–1908)	22 августа 1886

Члены-корреспонденты Императорской археологической комиссии

Василий Васильевич Радлов (1837–1918)	31 мая 1886
Владимир Васильевич Стасов (1824–1906)	31 мая 1886
Готлиб Иверсен (1823–1900)	22 августа 1886
Иннокентий Александрович Лопатин (1839–1909)	15 февраля 1888
Александр Львович Бертье-Делагард (1842–1920)	26 мая 1893
Александр Сергеевич Лаппо-Данилев- ский (1863–1919)	26 мая 1893
Николай Николаевич Пантусов (1849–1909)	23 мая 1894
Валентин Алексеевич Жуковский (1858–1919)	6 января 1895
Иероним Севастианович Китнер (1839–1929)	6 января 1895
Григорий Иванович Котов (1859–1942)	6 января 1895

Владимир Константинович Мальмберг (1860–1921)	20 февраля 1895
Сергей Александрович Жебелев (1867–1941)	18 января 1902
Эмиль Реслер (?–?)	18 февраля 1903
Алексей Константинович Марков (1858–1920)	12 апреля 1907
Константин Константинович Романов (1882–1942)	14 декабря 1910
Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946)	25 ноября 1913
Александр Иустинович Малейн (1869–1938)	8 февраля 1917

Директора Керченского музея Императорской археологической комиссии

Александр Ефимович Люценко (1807–1884)	30 марта 1853 — 1 апреля 1878
Степан Иванович Веребрюсов (1819 [?]-1884)	1 апреля 1878 — 6 марта 1884
Федор Иванович Гросс (1822 [?]-1897)	8 марта 1884 — 31 марта 1891
Карл Евгеньевич Думберг (1862–1931)	31 марта 1891 — 15 июля 1901
Владислав Вячеславович Шкорпил (1853–1918)	16 июля 1901

Помощники директора Керченского музея древностей

Кирилл Родионович Бегичев (1819–1862)	19 апреля 1853 — 7 марта 1862
Федор Иванович Гросс (1822 [?]-1897)	1 апреля 1862 — 8 марта 1884

Производители работ и заведующие раскопками и «Складом местных древностей» в Херсонесе

Никодим Павлович Кондаков (1844–1925)	1888–1891
Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич (1847–1907)	19 мая 1888
Роберт Георг Христиан Лепер (1865–1918)	1 апреля 1908 — 1 октября 1914
Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882–1946)	сентябрь 1914

Заведующие-попечители Римской комиссии

Григорий Петрович Волконский (1808–1882)	10 декабря 1850 — 4 апреля 1861
Степан Александрович Гедеонов (1816–1878)	4 апреля 1861 — 1863; помощник заведующего с 10 декабря 1850

Сотрудники Римской комиссии

Петр Иванович Лерх (1827–1884), секретарь	1 января 1858 — 1863
Александр Христофорович Ливен (1806–1885), причислен «без содержания»	27 мая 1853 — 1863

**Производители дел Императорской
археологической комиссии**

Александр Станиславович Линевич 1830 [?]-1861)	26 февраля 1859 — 23 ноября 1861
Павел Иванович Лерх (1827–1884)	12 марта 1873 — 1 января 1878
Илья Алексеевич Суслов (1835–1919)	1 января 1878 — 2 ноября 1902; журналист с 1 января 1866
Александр Сергеевич Раевский (1871– 1920 [?])	1 декабря 1902 — 1 января 1910
Илья Семенович Сутолло (1859–?)	1 января 1910; регистратор с 18 июля 1888

**Регистраторы Императорской
археологической комиссии**

Николай Викторович Суходольский (1871–?)	1 января 1910; канцелярский чиновник с 1 января 1903; писец с 17 июля 1898
---	---

**Канцелярские служители Императорской
археологической комиссии**

Николай Данилович Иванов (?-?)	1 апреля 1861 — 31 декабря 1864
--------------------------------	---------------------------------

**Канцелярские чиновники XII класса Императорской
археологической комиссии**

Николай Ильич Суслов (1874–?)	1 января 1903 — 1909; канцелярский служащий с 26 апреля 1898; вольнораемный с 25 апреля 1895
Дмитрий Васильевич Милеев (1878–1914)	1 октября 1909
Леонид Александрович Филиппов (?–?)	18 мая 1910
Константин Иванович Высотин (1886–?)	1 ноября 1914 — 1 июня 1918

Художники Императорской археологической комиссии

Федор Григорьевич Солнцев (1801–1892)	20 декабря 1859 — 1873
Иван Петрович Вольский (1817–1868)	20 декабря 1859 — 9 сентября 1868
Иван Никитич Медведев (1828–1886)	3 апреля 1862 — 1886
Михаил Петрович Клодт фон Юргенсбург (1835–1914)	29 ноября 1868 — 1 мая 1873

Библиотекарь Императорской археологической комиссии

Александр Сергеевич Раевский (1871–1920[?])	26 февраля 1900 — 1919
---	------------------------

«Приватные» сотрудники Императорской археологической комиссии

Федор Ланг (?–?)	апрель 1866 — 1868
Эрнест Иванович Боннель (1816–1893)	январь 1869 — 1877
Васильев, художник (?–?)	январь 1887 — октябрь 1887

**Вольнораемные канцелярские служащие Императорской
археологической комиссии**

Куркин (?–?)	январь 1890
Павел Александрович Прытков (?–?)	10 января 1900
Екатерина Николаевна Щербакова (?–?)	1 октября 1913 — 11 февраля 1916

*ГЛАВА I***ОЧЕРК ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1859–1917 ГГ.****I**

В начале правления императора Александра II, по ходу осуществления масштабных реформ, направленных на либерализацию многих сторон жизни российского общества, был поднят вопрос о государственном сохранении древностей как национально-культурного наследия. Результатом стало создание в 1859 г. Императорской археологической комиссии (далее ИАК, Археологическая комиссия или Комиссия) — государственного органа, в компетенцию которого входили в числе прочего организация и финансирование археологических исследований. Сама по себе идея была не нова. Подобный проект впервые возник в России еще в 30-х годах XIX в. (Тункина 1995: 24–25), но его воплощение в жизнь стало возможным лишь в эпоху Великих реформ.

На протяжении второй половины XIX — первых десятилетий XX в. ИАК оставалась единственным центральным государственным органом империи, ведавшим археологией. Но только в конце XX в. ее деятельность стала, наконец, предметом углубленного исследования. Систематическое изложение истории ИАК в формате монографии также стало возможным лишь в наши

дни. В отличие от Русского и Московского императорских археологических обществ и Одесского общества истории и древностей, публиковавших свои истории или биографические сведения о сотрудниках (Юргевич 1889; Анучин 1890; Веселовский 1900; Императорское Московское археологическое общество 1915; см. также: Жебелев 2017; на эту тему: Тункина 2015), ИАК, будучи подразделением Министерства императорского двора, похоже, не обладала необходимой компетенцией и свободой для такого рода размышлений о себе самой.

Конечно, в периодических и справочных изданиях самой Комиссии регулярно публиковалась информация о текущей деятельности. Однако осмысленные результаты и подведение итогов работы осуществлялось руководством ИАК преимущественно в форме отчетов вышестоящему органу. Так появились «Записка о деятельности Комиссии от 31 декабря 1881 г.», составленная ее председателем С.Г. Строгановым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 22–23, 24 — 25 об.), и «Очерк деятельности Комиссии за время царствования императора Александра III» нового главы Комиссии А.А. Бобринского (РО. Ф. 1.

Оп. 1-1900 г. Д. 174). К этим отчетам и очеркам стоит добавить небольшой очерк об Археологической комиссии, включенный в обзор деятельности Министерства императорского двора (Обзор деятельности Министерства императорского двора 1901: 109–130), а также публикации, связанные с юбилеем председателя Комиссии А. А. Бобринского (Рудаков 1911) или имевшие информационный, энциклопедический характер (И. Б. 1911; Спицын 1911а; Кондаков 1914).

Однако именно с последней из статей, как ни странно — вышедшей из-под пера действительного члена ИАК, в общественном мнении окончательно утвердился ряд стереотипов, определивших отношение к Комиссии вплоть до начала XXI в. Так, ИАК справедливо характеризовалась как единственное к началу 1910-х гг. правительственное учреждение в области изучения и охраны древностей с важными, но ограниченными государственными функциями. Находясь вне подчинения ведомств, владеющих памятниками зодчества, Комиссия признавалась независимой в решении вопросов их ремонта и реставрации, что имело благие последствия.

Однако здесь же читатель мог узнать, что «согласно издавна установившейся традиции» ИАК «вплоть до настоящего времени», т. е. 1910-х гг., направляет свои исследования и поиски «почти исключительно» на классические и скифо-сарматские древности и вообще «имеет ввиду интересы» Императорского Эрмитажа. Впрочем, такое внимание признавалось не безосновательным: именно эти памятники подвергаются наибольшей опасности и разрушениям от кладоискателей. Однако, как мы увидим, утверждение, что лишь императорское повеление 1889 г.

побудило Комиссию обратить внимание на изучение всех российских памятников старины во всем их объеме, представляется слишком категоричным. Впрочем, такой взгляд А. А. Спицына на деятельность ИАК имел свои причины и был связан как с рядом противоречий внутри самой Комиссии, так и с некоторыми стереотипами, сложившимися к этому времени в российском обществе. Однако к пониманию этого нас приведет знакомство с длинной цепью событий, касающихся ее истории. Сейчас же стоит обратиться к тому, как российское общество и научное сообщество во второй половине XIX — XX в. воспринимало роль и значение Комиссии и результаты ее деятельности.

Еще ранее Д. Н. Анучин в статье «Россия в археологическом отношении», написанной для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, прямо утверждал, что Императорская археологическая комиссия была основана при Эрмитаже (Анучин 1899: 424). Подобного же рода заблуждения о том, что Археологическая комиссия «была при Эрмитаже», встречаются и в современной литературе (Гаврилов 2007: 196).

В предшествующий период, преимущественно в периодике, время от времени появлялись публикации о деятельности Комиссии — главным образом о раскопках, ею организованных (Струве 1867; Яковлев 1888; Миронов 1900). Отдельный интерес представляют заметки, связанные с политикой ИАК в области охраны памятников и противодействия самовольным раскопкам. Примером тому служит жаркая газетная полемика 1887–1888 гг., вызванная стремлением Комиссии установить правительственный надзор за всеми раскопками на казенных,

общественных и церковных землях, путем введения системы Открытых листов и обязательных отчетов. На страницах газет «Новое Время», «Новости», «Русские Ведомости», «Московские Ведомости» тогда появилось не менее 20 статей, заметок и писем в редакцию на эту тему. В большинстве случаев общество выражало активное недовольство «административной опекой над наукой». Хотя многие публикации являлись анонимными или подписанными псевдонимами («Z», «Археолог-Легитимист», «Москвич» и т. д.), не приходится сомневаться, что они выражали позицию МАО и лично графини П. С. Уваровой, стремившейся придать руководимому ею обществу все права и функции государственного органа (об этом см.: Смирнов 2011а: 90–91).

Характерная риторика газетных публикаций 1887–1888 гг., обвинявших ИАК в «бюрократическом режиме», «некомпетентности», «властолюбивых притязаниях», «присвоении чужих трудов и материальных затрат» и даже в «стремлении к наживе» (см.: Русские Ведомости. 1888. № 89), изначально сформировала в дальнейшем ряд расхожих штампов, которые на протяжении сотни лет влияли на представления отечественных ученых о Комиссии — ее целях, трудах и главных лицах. Дезавуировать эти обвинения могли лишь архивные свидетельства, однако вдумчивое исследование архива ИАК началось не ранее 1980-х гг.

Интересно, что в первые годы нового политического устройства в России в оценках Комиссии не преобладали отмеченные выше тенденции. Это было связано, как кажется, с тем, что авторами информации об ИАК в это время были люди, некогда связанные с Комиссией и знавшие ее проблемы

«изнутри». В 1920-х гг. краткие сведения об истории Комиссии нашли отражение в трудах ее недавних сотрудников: С. А. Жебелева, ставшего автором первого учебника истории и теории археологического знания (Жебелев 1923), и Б. В. Фармаковского, автора брошюры, посвященной преобразованию ИАК в Академию истории материальной культуры (Фармаковский 1921а). История раскопок ИАК в Северном Причерноморье вполне благожелательно освещалась в юбилейных изданиях, посвященных Керченскому и Херсонесскому музеям (Марти 1926; Гриневиц 1927), и в более общих сводках В. П. Бузескула по истории античной археологии (Бузескул 1924; 1927).

Однако в начале 1930-х гг. тональность публикаций резко меняется. В книгах В. И. Равдоникаса и М. Г. Худякова (Равдоникас 1930; Худяков 1933) деятельность ИАК оценивалась уже с позиций возобладовавшего тогда в науке вульгарно-социологического подхода. «Феодално-буржуазная» сущность учреждения, функционировавшего в рамках Министерства двора, представлялась авторам очевидной. Впрочем, даже они не могли совершенно отрицать немалый вклад Комиссии в развитие отечественной археологии.

Принадлежность к Министерству двора (вкуче с титулом «императорская») способствовала настороженному отношению к ИАК в течение всей советской эпохи. Деятельность первого в России государственного учреждения, производившего археологические исследования и архитектурно-реставрационные работы, собравшего уникальную историко-культурную информацию, участвовавшего в меру сил в охране культурного наследия, зачастую оценивалась с гиперкритических позиций.

В конце 1950-х — 1960-х гг., на волне интереса к истории России и охране памятников, Комиссия, наряду с археологическими обществами, стала упоминаться в контексте истории музейного дела как «поставщик артефактов» для музейных коллекций. Ежегодные выставки, организуемые ИАК в Эрмитаже, рассматривались как элемент формирования методики организации археологической экспозиции. В целом роль Комиссии в деле охраны памятников продолжала оцениваться негативно: ограниченные возможности ИАК и дублирование функций с другими государственными учреждениями оставляли древности без надлежащего надзора (Разгон 1957: 89–90, 97, 98, 101, 123; 1960; 1961: 191–198, 210–213, 224, 228, 229; 1971; ср. современное видение проблемы в: Николаева 2013). Даже человек с тонким чувством истории, говоря об охране памятников в России и российском обществе, писал, что Археологическая комиссия, осуществлявшая надзор за всеми раскопками, продолжала традиции начала XIX в. и занималась главным образом остатками античной культуры в Причерноморье (Формозов 2018: 65; ср.: Формозов 1986; 1990). Отметим здесь же, что за этой оценкой стояла не только историографическая традиция, но своего рода «корпоративная солидарность», поскольку она исходила от представителя московской науки, естественным образом солидаризовавшегося с позицией МАО и П. С. Уваровой.

Похожим образом через 20 лет после этих публикаций авторы юбилейного сборника, изданного к 60-летию Института археологии АН СССР, начинали институциональную историю отечественной археологии с 1919 г., старательно дистанцируясь от учреждения,

ставшего базой и прообразом системы археологических институций XX века в нашей стране (см.: КСИА. 1980. № 163).

Пожалуй, первая, пусть и «юбилейная» попытка объективного исследования истории ИАК на основе архивных документов была предпринята только в начале 1980-х гг. (Пескарева, Рябинин 1984). Публикация появилась на страницах журнала «Советская археология» в связи со 125-летним юбилеем Комиссии. Продолжением работы в том же направлении стала подробная характеристика заключительного этапа деятельности ИАК, данная Н. И. Платоновой на основе изучения архивных источников (Платонова 1989). На этих публикациях основывался Г. С. Лебедев, включивший сведения об ИАК в свой учебник истории отечественной археологии (Лебедев 1992: 88–91, 142–145). Именно в это время наметились новые, вполне концептуальные акценты в оценке деятельности Комиссии, связанные с историософией археологической науки в России. Так, Г. С. Лебедев противопоставил ИАК и МАО как «правительственную бюрократическую машину» и независимое от нее общество, которое естественно оказалось во главе всероссийского научно-общественного движения (Лебедев 1992: 99), поскольку научные общества вообще представлялись первичной формой объединения ученых, предшествующей научно-исследовательским институциям (ср.: Степанский 1975: 54–55).

Интересно отметить внимание к истории Императорской археологической комиссии в польской археологической науке, не в последнюю очередь — в трудах историографической школы Института археологии университета г. Лодзь в 1980–2010-х гг. Польские

исследователи много сделали для правильного понимания значения и роли ИАК для сохранения культурного наследия Центральной и Восточной Европы. Они справедливо отметили недостатки в деятельности Комиссии, которой не хватало системности. Часть проблем была связана с противоречиями в имперском законодательстве (Szczerba 2012b), в частности, функции охраны памятников дублировались администрацией местных губернаторов. Комиссии не хватало сотрудников и финансовых средств для эффективного надзора над качеством реставрации. Российская администрация на территории Царства Польского не хотела осложнять отношения с Римско-католическим костелом и старалась не привлекать ИАК к реставрации католических святынь. В ряде случаев деятельность ИАК была вписана в политическую активность империи по поиску «русских корней» местного населения и его культуры на землях Речи Посполитой. В деятельности Комиссии присутствовала и негативная оценка православно-католических форм культуры, связанных с деятельностью Греко-католической церкви, третируемых как «униатские», тогда как «русское православное искусство» рассматривалось в качестве эстетического образца.

Среди важных выводов и наблюдений возможно встретить тем не менее оценки деятельности Комиссии, схожие как со штампами советской эпохи, так и с критикой в адрес ИАК, инициированной МАО. Этому имеется объяснение: в обоих общественных дискурсах, но по разным причинам, имперское наследие оценивалось негативно, что естественным образом распространялось и на Комиссию, носившую название «императорская». Так,

в польской науке ИАК иногда рассматривалась как «репрессивный орган» Российской империи, препятствовавший свободным изысканиям польских ученых (Abramowicz 1991: 12, 13, 14–15). Поляки, проводившие в XIX–XX вв. исследования на территории России (Blombergowa 1993; 1997; 2005a; 2005b; 2005c; Бломбергова 1999), предпочитали сотрудничать с Московским археологическим обществом (Бломбергова 1986; Blombergowa 1988; ср.: Rózewicz 1984), которое считали более демократичным. Впрочем, контакты с ИАК, например, для Г. Оссовского и Ю. Талько-Грынцевича были неизбежны, поскольку этого требовало правовое поле империи (Blombergowa 1989; 2001; 2003; Эйльбарт 2003; ср.: Staszal, Wójcik 2010; Supady 2012).

В трудах польских коллег по истории архитектуры и реставрации подчеркивалось, что ИАК на территории Царства Польского провела лишь несколько реставрационных мероприятий, интересуясь главным образом памятниками культуры византийского круга и обращая меньше внимания на исторические здания, относящиеся к культуре западноевропейской (Dettloff 2010a: 127–128). Лишь участие Комиссии в сохранении замка в Черске получило в историографии позитивную оценку (Jamski 2010). Сегодня продолжается дискуссия о характере трудов ИАК в 1902–1914 гг. по консервации фресок 1407–1418 гг. в костеле Святой Троицы Люблинского замка (Bilewicz 1999; Белковская 2015). Эти труды некогда были оценены как поспешная расчистка живописи на большой площади без надлежащего старания и необходимого применения реставрационных методов (Różycka-Bryzek 2000: 18). В последнее

время в польской науке появились статьи и монографии, посвященные оценке деятельности Комиссии в Российской империи в целом (Szczerba 2010), однако ее роль в охране археологических памятников на землях бывшей Речи Посполитой практически не затрагивалась (Szczerba 2012a).

В позднем СССР, а затем в России продолжали появляться труды, воспроизводившие штампы и ярлыки столетней давности, «приклеенные» ИАК в ходе ее полемики с МАО. Так, например, в монографии Г. И. Вздорнова, посвященной истории открытия и изучения древнерусской живописи, сюжеты, связанные с Археологической комиссией, освещались именно с этих позиций (Вздорнов 1986: 157–163). Современные исследования не оставляют сомнений в ошибочности подобной трактовки (Рославский 2004: 172–200; Платонова 2015a).

Стоит упомянуть коллективный труд, посвященный истории архитектурной реставрации в России, где значительное место уделено именно деятельности ИАК и ее месту в системе сохранения монументальных памятников прошлого (Памятники архитектуры... 2002). Основное внимание в нем занимает становление теории и идеологии реставрации, а не ее методика и специфика конкретных технологических решений. Эта книга весьма содержательна; она отразила заметную эволюцию представлений отечественных архитекторов и историков о роли ИАК в деле охраны и реставрации монументальных древностей, по сравнению с советским периодом. Однако «трудная судьба» публикации, пролежавшей в издательстве более десятка лет, все же не может служить извинением недостатков подготовки и редакционного оформления

тома. К сожалению, авторы лишь изредка привлекали информацию из архивных дел фонда Комиссии, довольствуясь отчетами о реставрационных заседаниях, опубликованными в «Известиях ИАК». Графика и фотоматериалы Комиссии представлены в этом, несомненно, солидном издании без ссылок на шифры архивного хранения. В свою очередь, ссылки на дела фонда ИАК, составляющего важнейшую часть Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН, даны некорректно: в них отсутствует год начала оформления документации — неотъемлемая часть шифра, которая в существующей системе заменяет номер описи. Поэтому найти по ссылке конкретное дело попросту невозможно. Впрочем, буквально накануне этого издания его авторы утверждали, что Комиссия занималась преимущественно раскопками и изучением античных, скифских и др. языческих древностей в Причерноморье, хотя после 1889 г. и начала заниматься охраной памятников церковной старины, якобы пользуясь здесь поддержкой Святейшего Синода (Щенков 2001).

Нельзя не упомянуть и ряд поверхностных публикаций, освещающих историю ИАК с многочисленными ошибками (Хартанович 2004; 2006: 109–127; рец. см.: Тихонов 2007a) или вообще ставящих под сомнение некоторые стороны и результаты ее деятельности (Медведь 2002). Свое место среди них занимает тезисная публикация, в которой без использования источников автор делает вывод о вреде, который деятельность Комиссии якобы нанесла изучению археологии Боспора и его памятникам (Баукова 2006). Продолжается тиражирование легковесного мнения о том, что в 60–70-е гг. XIX в. деятельность ИАК

«была направлена на изучение преимущественно классических древностей (Николаева 2008: 266).

Новое, основанное на работе с архивными материалами, обращение к истории ИАК произошло лишь в первые десятилетия XXI века. В результате появилось полноценное и в меру объективное исследование истории и деятельности ИАК, посвященное 150-летию ее создания (Императорская археологическая комиссия... 2009; см. рец.: Смирнов 2014).

Юбилей стал, несомненно, важным стимулом в архивных поисках и размышлениях, однако главным для творческого коллектива была возможность диалога с историей (Васильева 2000; Носов 2003; Длужневская 2006а; Тихонов 2006; 2008а; 2008b; 2009а; 2009с; 2012; Мусин 2007а; 2007b; ср.: Смирнов 2011а: 80–92; 2013).

Важным направлением поиска стало осмысление роли Археологической комиссии в деле охраны древностей (Лапшин 2002; Медведева 2007b; Медникова 1995; Медведева 2004; 2005; 2007а; 2017а–b; Медведева, Мусин, Александрович 2017; Платонова 2015а; 2015b; Мусин 2006; 2010).

Вопросы формирования этого фонда, в частности, коллекций фотографий и негативов Комиссии, ставших основой Фотографического отдела Научного архива ИИМК РАН, а также деятельность фотографов ИАК стали предметом исследований Г.В. Длужневской и М.В. Медведевой (Длужневская 2006b; 2007а; 2011; 2014; Медведева 2015b).

Из печати вышли многочисленные очерки, посвященные личной и творческой биографии председателей и сотрудников ИАК: С.Г. Строганова (Гурулева 2005; Платонова 2009а; 2010с); А.А. Бобринского (Бобринский

2003; Тихонов 2003b; Смирнов 2015); В.Г. Тизенгаузена (Тихонов 2007b; Musin 2018); В.Г. Дружинина (Гайдук 2010); А.А. Спицына (Тихонов 2003с; 2008с; Платонова 2004; 2009b; 2010а: 99–112); П.П. Покрышкина (Платонова 2015а; 2017); Д.В. Милеева (Ёлшин, Мелюх, Ходаковский 2015). Изучение научной биографии Д.В. Милеева производилось в тесной связи с анализом тех методических новаций, которые были привнесены им в практику исследований городского культурного слоя в ходе раскопок ИАК в Киеве в 1908–1914 гг. (Ёлшин 2007; 2008). Тогда же, в начале 2000-х гг., в связи с передачей дворца графов Бобринских на Галерной улице Санкт-Петербургскому университету, Г.С. Лебедев выступил с концепцией проекта «Археология России и вклад А.А. Бобринского в развитие российской археологической науки» (Михайлова 2017).

Наконец, существует большое количество исследований, в которых деятельность ИАК проанализирована в связи с одним избранным регионом или группой археологических памятников (археологической культурой, эпохой и пр.). Такие работы существуют в различных форматах — от монографического и диссертационного до формата небольшой заметки. Серия таких работ была опубликована членами авторского коллектива в ходе подготовки первого издания настоящего труда (Васильев 2008; Длужневская 2008; Ёлшин 2008; Мусин 2007с; Стеганцева 2008; История и практика археологических исследований 2008).

Интерес к истории российской археологии в то время захватил не только авторов, писавших историю ИАК. Желание найти опору в прошлом становилось всеобщим для коллег-археологов.

Это был знак времени, второе пришествие «рефлектирующей археологии», согласно терминологической находке Г. С. Лебедева, вновь характеризующее кризис российского общества, сложные отношения между наукой и властью. Над историей, теорией и практикой полевых исследований в России и ролью политической власти в сложении археологии как науки одновременно трудились коллеги и друзья из Института археологии в Москве (Сорокина 2008; 2009; Смирнов 2011а).

Не будет преувеличением сказать, что появление этих трудов завершило формирование московской школы истории археологической науки. Ее начало стоит отнести к индивидуальным поискам А. А. Формозова (1986; 1990; ср.: Формозов 2004а; 2004б; 2005; 2011; дискуссию см.: Хорошкевич 2004; 2011; РА. №3. 2006: 165–181) и коллективным трудам отдела теории и методики Института археологии, получившим форму «Очерков истории отечественной археологии» (Очерки истории отечественной археологии 1991; 1998; 2002). Это произошло почти одновременно с появлением одного из первых концептуальных описаний истории российской археологии (Лебедев 1992), что вновь указывает на стадильные совпадения в развитии региональных школ археологии.

Новый этап в истории московской школы начался во второй половине 2000-х — первой половине 2010-х гг. Капитальный труд И. А. Сорокиной, посвященный складыванию государственного подхода к археологии и формированию норм современной регламентации археологических исследований, не только выявил основные этапы и события становления этих научно-общественных феноменов, но и подчеркнул

роль ИАК в этом процессе. В результате автор приходит к важнейшему выводу о том, что основы современных принципов исследования памятников археологии в России закладывались уже с середины XIX в., а не только в советское время, как было принято думать раньше. Соответственно, сложение системы государственного учета и контроля в области полевой археологии уже связано с деятельностью ИАК 1860–1880-х гг. (Сорокина 2008: 27, 36).

Сейчас уже вполне очевидно: именно ИАК в конечном счете создала систему регламентации полевых археологических исследований, принятую в основе своей до сих пор. Основной вклад Императорской археологической комиссии в процесс становления полевой археологии в России видится в осознании необходимости централизованной регламентации и последовательной борьбе за ее учреждение и внедрение. Необходимость и жизнеспособность такого порядка подтверждены тем, что он не только не был уничтожен с приходом новой власти в России, подобно многим явлениям предыдущей эпохи, но постоянно совершенствовался и укреплялся. Это во многом способствовало сохранению археологического наследия, поскольку с самого начала помимо административного аспекта регламентация предполагала и научный: защиту памятников от некачественных раскопок, максимально полное сохранение археологической информации в научных отчетах (Сорокина 2009; Смирнов 2011б; ср.: Сорокина 2018б).

Именно членами Комиссии, «твердо стоявшими на позициях верховенства государственного начала в области полевой археологической деятельности и использования археологического

наследия страны», была сформулирована «парадигма государственной ответственности за сохранение древних памятников...» (Смирнов 2011а: 90; ср.: Смирнов 2011b). Именно Комиссия предложила ряд мер по контролю над соблюдением установленных норм в этой области, в связи с допуском специалистов к полевым работам. Методические рекомендации, разработанные ею в конце XIX в., с некоторыми изменениями просуществовали в России до последнего времени. Это в большой степени способствовало сохранению отечественного археологического наследия (Сорокина 2008: 28, 39; 2009).

В 2012 г. в Санкт-Петербурге и Москве почти одновременно были защищены две докторских диссертации, посвященные институциональной истории российской археологии (Смирнов 2013; Тихонов 2012). Хотя история ИАК не являлась в них основным предметом исследования, однако в обоих случаях ей были посвящены обширные разделы. Защита диссертации А.С. Смирнова «Археологические организации и властные структуры Российской империи (в контексте внутренней и внешней политики второй половины XIX — начала XX века)» предшествовала публикация его обширной монографии «Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века)» (Смирнов 2011а; 2011b). Несмотря на разные названия, тексты книги и диссертации практически совпадают. В центре внимания автора все время остается проблема взаимоотношения науки и власти, науки и идеологии, науки и внутренней или внешней политики правительства. Истории самих институций уделено не так уж много места, но зато тщательно рассмотрены их

внешние связи. И в этом плане объемный труд А.С. Смирнова является новаторским для изучения истории отечественной археологии (Кузьминых, Сорокин 2015). Отметим также более объективное освещение автором роли ИАК в развитии дела охраны памятников в России по сравнению с его предшествующей работой на эту тему, вызвавшей критические замечания (Смирнов 2006).

Параллельное обращение к прошлому вносило взаимные коррективы в построения исследователей. Труды московской школы истории археологической науки позволили проверить, насколько выводы авторов первого издания истории Императорской археологической комиссии были правдивы и правильны. Такие параллельные труды создавали стереоскопическое видение места Комиссии в истории России и отечественной археологической науки. Так, стало возможным уточнить значение ИАК в становлении и развитии археологии и охраны культурного наследия России второй половины XIX — начала XX в. Комиссия так не стала органом, объединяющим провинциальные структуры, что значительно снизило ее эффективность в области управления историческим наследием и вынуждало прибегать к помощи иных ведомств, в первую очередь МВД. Штат Комиссии был одним из наиболее скромных среди археологических институций России. Его не сравнить с человеческими возможностями археологических обществ, поэтому не стоит абсолютизировать достижения ИАК как в организационном, так и в научном плане. В итоге Комиссия не всегда могла сформулировать научные приоритеты, адекватные общественной и исследовательской ситуации, особенно при

оценке заявок на раскопки, поступавших не от членов ИАК. Это отразилось и на области регулирования авторского права на раскопки, которое, впрочем, еще только начинало формироваться (см.: Смирнов 2014).

Изменила ли каким-либо образом первая публикация истории Императорской археологической комиссии изучение истории российской археологии? Однозначно ответить на этот вопрос затруднительно. Уже отмечалось, что ее появление стало итогом саморефлексии в отечественной археологии, параллельно разворачивавшейся в разных научных центрах, влиявших друг на друга, но трудившихся в различных жанрах (о жанровости в истории археологии см.: Тихонов 2015).

Наверное, книга стала своего рода энциклопедией, изменившей систему поиска, обработки и осмысления информации по истории науки. Издание достаточно прочно вошло в научный аппарат большинства исследований по истории археологии в России, Украине и Беларуси. Важным стало то, что информация и наблюдения из книги оказались востребованы в региональных исследованиях. Так, роль ИАК в развитии науки и культуры российской провинции виделась в архивировании археологической информации, регламентации процедуры полевых и камеральных исследований, инициировании полевых исследований наиболее значимых археологических объектов в губерниях, научное консультирование местных деятелей, выборочное финансирование археологических экспедиций, контроль над сохранением памятников церковного зодчества (Захарова 2014; Давыдов 2012; 2013). Книга оказалась востребована в общих работах по истории сохранения культурного

наследия в России и в учебных пособиях на ту же тему (Шаманаев 2017; Шаманаев, Зырянова 2018), в решении частных вопросов изучения и сохранения ключевых памятников, входивших в сферу интересов Комиссии (Шаманаев 2014; 2015а; 2015b; ср.: Хрушкова 2017; Калиновский 2017). Материалы книги нашли применение в международных проектах, посвященных истории христианской археологии (Personenlexikon zur Christlichen Archäologie 2012; ср.: Musin 2010; Krushkova 2011–2015).

Впрочем, некоторым исследователям, занимавшимся периодизацией сибирской археологии, взаимоотношениями археологии и общества в Оренбуржье, историей древностей и охраной памятников Кубани, Северного Кавказа и Херсонеса, наше издание осталось неизвестно (Медведев 2011; Шматько 2011; Кац 2014; Китова 2014; Евгенийев 2018), очевидно, в силу нелюбопытства авторов.

Говорят: *post hoc ergo propter hoc*. Но говорят, что и *post hoc non propter hoc*. Появление книги не привело к информационному взрыву, который бы изменил общую картину прошлого археологической науки. Однако самопознание археологической науки продолжается после появления книги не как ее следствие (*ergo*) и не вопреки ей (*non*). Оно — само по себе. Изучение истории науки продолжает развиваться по своим законам. В результате ИАК продолжает оставаться единственной институцией в России, удостоившейся столь солидного монографического исследования (ср.: Смирнов 2014: 619; но ср.: Николаев 2008).

Это не значит, что книга, в которой А.С. Смирнов призывал увидеть «побудительный пример» (Смирнов

2014: 631), не стала стимулом. Определенно продолжением «проекта ИАК» представляется серия очерков под одной обложкой, посвященная истории РАИМК / ГАИМК / ЛОИА / ИИМК в 1919–2014 гг. (Академическая археология на берегах Невы 2013). Увидел свет давно написанный труд С.А. Жебелева, посвященный истории РАО и снабженный высоконаучными современными комментариями (Жебелев 2017; ср.: Щавелев 2019). Опубликованы дневники В.А. Городцова (Городцов 2014; 2019; см.: Платонова 2017b). В декабре 2013 г. в Липецком государственном педагогическом университете прошла конференция, посвященная 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской археологической комиссии в Липецком крае. Активизировалось обсуждение истории науки на встречах в Институте археологии в Москве, в 2013 г. состоялся круглый стол, инициированный А.С. Смирновым, И.А. Сорокиной, С.В. Кузьминых и И.В. Тункиной, в 2015 и 2017 гг. проведены большие конференции по истории археологии, продолжилась серия «Очерков истории отечественной археологии», начатая А.А. Формозовым (Очерки истории отечественной археологии 2015).

Однако налицо парадокс. Появившиеся подробности истории ИАК не изменили в целом весьма статичные представления и устоявшиеся стереотипы о роли и значении Комиссии в истории восточноевропейской археологии. Об этом свидетельствуют капитальные труды по истории мировой и отечественной археологии, появившиеся в недавнее время. ИАК может признаваться головным учреждением археологической науки, главным археологическим органом, или рассматриваться

лишь как зародыш центрального государственного учреждения, занимающегося сбором сведений о древностях, стимулированием их исследований и экспертизой. Никуда не делось убеждение, что Комиссия на первых порах проводила главным образом раскопки скифских курганов, пополняя Эрмитаж, в то время как МАО стимулировало раскопки более широкого круга памятников как по хронологии, так и по территории. Окончательно устоялось представление о полицентричности развития российской археологии, которая формировалась вокруг двух сосуществующих устоев — ИАК и МАО. Однако их конкуренция способствовала расколу в науке и оформлению двух региональных школ — петербургской, за которой стояли Эрмитаж, ИАК и государство и которая выступала за более профессиональный подход, предпочитая вещеведение, строгость методов и близость к материалу, и московской — с Историческим музеем, МАО, общественностью, отличавшейся расположенностью к любительству, широтой интересов и смелостью обобщающих выводов (Клейн 2011b: 4; 2014a: 48, 49, 53, 292–297, 372–89).

Очевидно, что у книг, как и у человека — своя судьба. Сосредоточенное в них знание должно раствориться в людском сознании и мыслях. Не будет преувеличением сказать, что это один из тех случаев, когда количество, т. е. тираж, переходит в качество. Но не только этим стоит объяснить второе издание книги, посвященной истории Императорской археологической комиссии. Это издание — не вынужденная мера, а результат продолжающегося диалога с прошлым, который стал потребностью для большинства авторов первой книги. Исправления в уже

опубликованном были необходимы, но дополнения и уточнения были продиктованы не столько необходимостью сделать второе издание «исправленным и дополненным», сколько продолжающимися размышлениями авторов над ролью истории археологии в современном понимании материальных остатков прошлого. За прошедшее десятилетие эти размышления воплотились в многочисленных монографиях и статьях, основное содержание которых вошло в новую книгу (см.: Вахтина

2016; 2017a; 2017b; 2018; Виноградов 2010; 2012; 2013; 2014a-d; 2015; 2017a-f; Виноградов, Медведева 2017; Длужневская 2011; 2014; Ёлшин, Мелюх, Ходаковский 2015; Медведева 2015a; 2015b; 2017a-c; Медведева, Мусин, Александрович 2017; Мусин 2010; 2018a; 2018b; 2018c; Платонова 2014; 2015a; 2015b; 2015c; 2017a; 2019; Musin 2010; 2017a-b; 2018; 2019). Это еще раз подтверждает, что археология, как и история, связана не с событием, а с процессом, на сей раз творческим.

II

Создание Императорской археологической комиссии в 1859 г. ознаменовало собой завершение длительного процесса организации системы государственного покровительства только начинающей свое становление археологии. Сведения о памятниках археологии (курганах, городищах, кладах, каменных изваяниях и т. д.) встречаются уже в древнерусских летописях, которые писались при монастырях или княжеских дворах. Там же возникали и первые сокровищницы, в которые попадали самыми разными путями старинные вещи. В документах начала XVI в. впервые упоминается Оружейная палата как наиболее раннее отечественное собрание вещественных древностей, выросшее из сокровищницы московских князей (Успенский 1902). В позднее средневековье широко распространяются представления о том, что в земле сокрыто много ценного. Целый пласт русского фольклора посвящен кладам и способам их добычи, с XVII в. этими «сыскными делами» начинают интересоваться и государственные органы (Низовский 2001; Бердинских 2005). Однако по мнению

известного историка XIX в. К. Н. Бестужева-Рюмина, средневековая Русь «не занималась собиранием древностей как древностей: она хранила старые вещи или как святыни в ризницах, или как драгоценность в царских казнохранилищах; если и обращали внимание на какие-нибудь находки, то с практической целью» (Смолин 1917: 122).

Тем не менее именно в XVII в. появляются первые признаки внимания со стороны правительства к вещественным памятникам старины. В грамоте времен царя Алексея Михайловича (1670) говорилось о том, что в Тобольском уезде «русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуду, чего ради велено взять известия: откуда те татары в прежние лета такое золото и серебро получали, или из которого государства оно к ним привезено было» (цит. по: Смолин 1917: 123). К 1679 г. относится эпизод с обнаружением в окрестностях Воронежа костей «волота», о чем воронежский воевода сообщал в Москву. В ответ от имени царя Федора Алексеевича была направлена

*Петр Великий (1672–1725),
император Российский (ФО. Отп. Q 223-1)*

грамота, предписывавшая кости тщательно раскопать и «сделать всему роспись и чертеж».

Осознанный, постепенно возрастающий интерес российских правителей к вещественным древностям начинается только с эпохи Петра I (см.: Тункина 2002а; 2013а). Ко времени его правления и можно отнести преконцептуальные истоки отечественной археологии. Ряд указов и распоряжений великого реформатора положил начало целенаправленным поискам, коллекционированию и описанию древних вещей и памятников в России. Указ от 13 февраля 1718 г., посвященный в основном «монстрам», в то же время гласил: «...Ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи... также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, та кож бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи,

понеже не видав, положить нельзя цены...» (ПСЗРИ. Т. 5. 1830: 541–542, № 3159; см. также: Охрана памятников 1978: 21). Еще раннее, в 1714 г., была создана Кунсткамера — первый российский музей, куда и стали поступать подобные находки. В 1715 г. уральский промышленник А.Н. Демидов преподнес по случаю рождения наследника престола цесаревича Петра Петровича коллекцию «бугровых сибирских вещей». Эти находки заинтересовали царя, и он отдал распоряжение сибирскому генерал-губернатору о розыске подобных вещей для Кунсткамеры. В январе 1716 г. губернатор М.П. Гагарин, выполняя это распоряжение, прислал десять золотых вещей, а в декабре того же года 122 предмета, которые составили основу знаменитой сибирской коллекции Петра I (Завитухина 1977; Королькова 2003а; см. также об эпохе: Клейн 2011а: 257; Клейн 2014а: 34–41; Формозов 2018: 26–36). В 1721 г. последовал указ сибирскому губернатору А.М. Черкасскому о запрещении переплавлять найденные в могилах старинные золотые вещи и о присылке их в Берг-коллегию для доклада царю.

По личной инициативе царя в Сибирь была направлена научная экспедиция под руководством Д.Г. Мессершмидта, в задачи которой в том числе входили и сбор сведений о памятниках старины, и сбор древних вещей (Тункина, Савинов 2017). Эта экспедиция провела одни из первых раскопок курганов с научными целями на территории Российской империи. В 1733 г. в Сибирь отправилась Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга Петербургской Академии наук, в академический отряд которой входили натуралист И.Г. Гмелин и историк Г.Ф. Миллер, продолжившие раскопки курганов, описание и сбор

сведений о других памятниках древности и составившие первую инструкцию для археологических исследований. В 1764 г. из-под пера Г.Ф. Миллера вышла первая научная публикация на русском языке об археологических памятниках (Элерт 1990; Тункина 2006а; Tunkina 2007; Тихонов 2007с). В 1768 — начале 1780-х гг. были предприняты новые экспедиции в Сибирь и Поволжье, на Урал, но с последней четверти XVIII в. внимание переключилось на остатки античной культуры в Северном Причерноморье. Начинаются раскопки курганов и некрополей в окрестностях Керчи, на Тамани, в местах других древнегреческих поселений северного побережья Черного моря. В 1803 г. возникает первый кабинет редкостей в Николаеве при Черноморском депо карт, в 1811 г. открывается городской музей древностей в Феодосии (Тункина 2002а: 190–202; 2011).

В 1818 г. император Александр I посетил Керчь, где ему были показаны раскопки на горе Митридат, открытые склепы и гробницы, а также коллекции, собранные Полем Дюбрюксом (Дюбрюкс 2010). Известно, что 1810-х — начале 1830-х гг. П. Дюбрюкс частично на средства А.Ф. Ланжерона, частично на личные средства государственного канцлера гр. Н.П. Румянцева предпринял раскопки и разведки в Восточном Крыму и на Таманском полуострове (Тункина 2010а; 2010с). Еще ранее, в 1804 г., император выделил 2000 руб. из средств своего Кабинета на поездку в Северное Причерноморье хранителя I Отделения Эрмитажа академика Е.Е. Келера. Чуть позже, в 1822 г., по результатам новой экспедиции Е.Е. Келера в Крым, предпринятой на средства Академии наук, последовало специальное распоряжение «О средствах к сохранению древних достопамятностей

Тавриды» и выделено на эти нужды 10 тысяч руб. Это был первый в России случай выделения значительных государственных средств на охрану и исследование древних памятников (Тункина 2002а: 67; 2013b).

В 1823 г. И.А. Стемпковский представляет новороссийскому генерал-губернатору графу М.С. Воронцову записку «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае», где предлагается широкая государственная программа по изучению и сохранению археологических памятников на юге России, вскоре частично реализованная (Тункина 2000а; 2002а: 120–139). В 1825 г. М.С. Воронцов сообщил министру народного просвещения о том, что докладывал императору «об учреждении систематического и основанного на известных правилах вскрытия и обозрения курганов, развалин или других мест, где могут быть найдены всякого рода древности». По итогам этого доклада в 1825 г. был основан Музей древностей в Одессе и в следующем, 1826 г. — музей в Керчи, их директором стал И.П. Бларамберг, который с 1810-х гг. по собственной инициативе и за свои средства вел раскопки Ольвии, а во второй половине 1820-х гг. по поручению и на средства, выделенные генерал-губернатором Новороссии М.С. Воронцовым, — раскопки близ Керчи и в Неаполе Скифском (1827). Тогда он был назначен специальным чиновником при новороссийском генерал-губернаторе с годовым жалованием в 3000 руб., которому поручалось «отыскание такого рода древностей, раскапывание курганов, в которых они заключаются, собирание их в музеи и надзор за сими последними» (Охрана памятников 1978: 38; Тункина 2002а: 108–118).

Николай I, император Российский (1825–1855). Фотография с миниатюры Рокштуля. 1850 г. (ФО. Отп. Q 243-62)

Определенное внимание вопросам охраны и изучения древних памятников истории и культуры стало уделяться правительством императора Николая I со второй четверти XIX в. В 1826 г. последовал циркуляр всем губернаторам с требованием о доставлении сведений о древних памятниках архитектуры и воспрещении разрушать их. В 1830 г. императору были представлены великолепные находки скифских вещей, случайно открытых в кургане Куль-Оба близ Керчи. Эти сокровища, равных которым не было ни в одном из европейских музеев, настолько заинтересовали царя, что он повелел продолжать раскопки и выделил на их проведение ежегодные денежные средства. С 1831 г. систематические раскопки погребальных памятников на Керченском и Таманском полуостровах производились чиновником

керченского градоначальства Д. В. Карейшей на средства Кабинета его императорского величества, а с 1833 г. на средства Новороссийского края исследования параллельно проводил новый директор Керченского музея А. Б. Ашик (Тункина 2002а: 158–160, 180–182 и др.; 2010b).

С 1835 г. Керченский музей ежегодно получал «от казны» 5000 руб., для него строится специальное здание на горе Митридат. Все наиболее интересные находки из этих раскопок поступают в Эрмитаж, и в 1854 г. на средства, выделенные императором из сумм своего Кабинета (почти 30 000 руб.), было осуществлено роскошное трехтомное издание «Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа» (Жиль 1854). Стоит упомянуть и о первых попытках раскопок христианских храмов в Херсонесе, предпринятых Карлом Крузе в 1827 г. (Тункина 2001; 2002а: 511–516).

Необходимо упомянуть и о трудах Петра Ивановича Кеппена, который еще в 1817 г. снял план древнего поселения в Ольвии, а в 1830-е гг. изучал топографию и топонимику южного берега Крыма, издав свой знаменитый «Крымский сборник» (Кеппен 1837; 2016; Тункина 2002а: 90–96).

Происходило и организационное оформление науки о древностях и интереса к ним. В 1839 г. в Одессе начинает действовать Одесское общество истории и древностей, которому правительство оказывает финансовую поддержку. Его трудами были созданы первые документы методического характера, непосредственно касающиеся полевой археологии, — «Правила, которые надлежит соблюдать при разрытии курганов и вскрытии в них древностей»

и «Наставление, как надлежит приступить при открытии древностей» (Тункина 2002а: 634–638).

В 1846 г. в Петербурге учреждено Археолого-нумизматическое общество, переименованное в 1866 г. в Русское археологическое общество (Тункина 2017а). В 1851 г. году трудами его члена И.П. Сахарова составлена

«Записка для обозрения русских древностей» (Сахаров 1851). По ходатайству министра народного просвещения графа С.С. Уварова Общество с 1847 г. стало получать ежегодное пособие от казны в 3000 руб. (Веселовский 1900: 50–53, 361). Таковы были археологические силы и достижения России к моменту создания ИАК.

III

Несмотря на уже совершенное в деле изучения древностей, стоит подчеркнуть, что до начала 1850-х гг. какая-либо координация правительственных действий в области археологии отсутствовала, здесь пересекались и часто сталкивались интересы различных центральных и местных ведомств: Министерств внутренних дел и императорского двора, Кабинета его императорского величества, канцелярий генерал-губернатора Новороссийского края М.С. Воронцова и керченского градоначальства. Установить свой контроль над всеми южнорусскими музеями пыталось и Одесское общество истории и древностей. Между тем еще в 1831 г. у президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина возникла мысль о создании правительственного органа, который ведал бы всеми делами, относящимися к археологии (АВ ИВР РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 11. Л. 3). Продолжал А.Н. Оленин разрабатывать этот проект и в 1835 г., предлагая названия для нового органа: «Археологическая комиссия», «Попечительский комитет» или «Главное управление изыскания древностей». Этот новый орган должен был заняться разведкой и раскопкой древностей в Крыму и на Кавказе, систематизацией и описанием памятников, их изданием,

выработкой инструкций, сосредоточением в своих руках всех средств, выделяемых на раскопки, налаживанием руководства и контроля над работой исполнителей на местах. Все эти мысли были изложены в письме к министру императорского двора князю П.М. Волконскому, однако по финансовым соображениям проект остался нереализованным (Тункина 2002а: 189).

В 1830–1840-е гг. функции контроля за сохранением памятников древности исполняло Министерство внутренних дел, туда же поступала информация об археологических находках. Императорский указ от 3 июня 1837 г. предписывал обо всех находимых древностях немедленно сообщать МВД с «надлежащею точностью и подробностью» (Галай 2004: 133). На страницах журнала МВД только за десятилетие 1830-х гг. было опубликовано почти полсотни археологических публикаций (Формозов 1995а: 30). 21 августа 1839 г. положением Комитета министров был окончательно утвержден устав Керченского музея. Одновременно МВД предпринимались меры для каталогизации памятников отечественной старины (Глаголев 1838; 1840). Соответственно этому положению дел руководство археологическими изысканиями сосредоточилось в руках министра внутренних дел

ОЛЕНИН Алексей Николаевич (28.11.1763 — 17.04.1843) — государственный деятель, историк, писатель, археолог, коллекционер. Образование получил в Страсбургском университете. Участвовал в шведской кампании 1789–1790-х гг. и в действиях против польских конфедератов в 1792 г. При Павле I был обер-прокурором Сената и директором школы титулярных юнкеров, учрежденной для образования юристов. В 1803 г. назначен товарищем министра уделов, в 1811 г. — директором Императорской Публичной библиотеки, в 1817 г. — президентом Императорской Академии художеств. Член Государственного совета с 1827 г. Почетный член Императорской Академии наук (1809).

Принимал участие в составлении славяно-русского словаря. Автор одного из первых сочинений по русской палеографии, исследователь древнерусских и античных памятников. Инициатор издания «Древности Российского государства». Объединял вокруг себя группу любителей и знатоков древностей. В 1835 г. предлагал создать общегосударственный центр

археологии — Археологическую комиссию.

Осн. соч.: Очерк нового библиографического порядка для Императорской публичной библиотеки. СПб., 1809; Краткое историческое сведение о состоянии Императорской академии художеств в 1764–1824 годы. СПб., 1829.

Лит. о нем: Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб., 2006; Клейн Л. С. Сانونый археолог: А. Н. Оленин // Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 233–260.

(Ил.: Гравюра Н. И. Уткина по рисунку Ф. Крюгера, 1836 г.)

в 1841–1852 гг. графа Льва Алексеевича Перовского (1792–1856), который был известным коллекционером и любителем древностей.

В 1843 г. министр, по предложению саратовского губернатора, начал раскопки в Нижнем Поволжье на месте столицы Золотой Орды города Сарая-Берке, которые до 1851 г. осуществлял чиновник его министерства действительный статский советник Александр Власевич Терещенко (1806–1865) (Рудаков 2000; Игарев 2015: 16–17). В течение 9 лет эти работы проводились на средства Министерства внутренних дел, а собранные коллекции поступали в Императорский Эрмитаж. В 1851 г. Л. А. Перовский поручил раскопки владимирских курганов ориенталисту П. С. Савельеву и своему племяннику графу А. С. Уварову. Последний даже отказался от карьеры дипломата в ведомстве Министерства иностранных дел и специально перешел на службу в Министерство внутренних дел, чтобы полностью посвятить себя археологии.

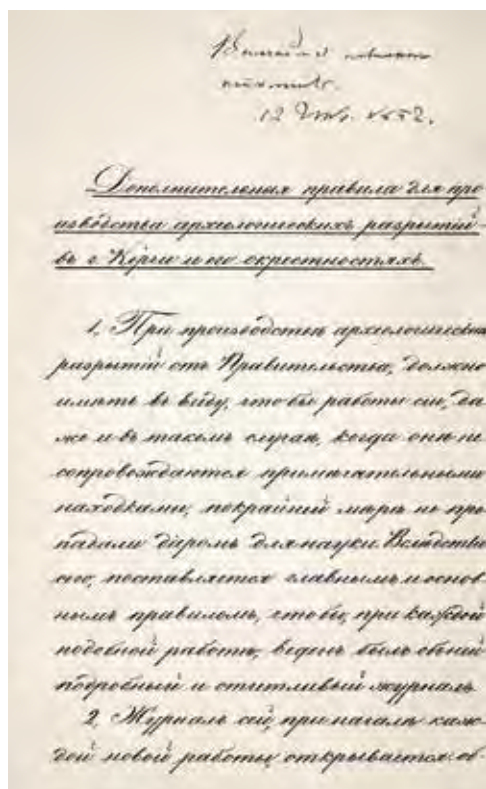

ПЕРОВСКИЙ Лев Алексеевич (9.09.1792 — 10.11.1856) — государственный деятель, действ. статский советник, граф. Внебрачный сын графа А.К. Разумовского. Окончив курс в Московском университете, служил колонновожатым в свите его величества, во время войны 1812 г. был ранен; перейдя на гражданскую службу, был членом, потом вице-президентом Департамента уделов, товарищем министра уделов. Член Союза спасения и Союза благоденствия, гофмаршал и сенатор. В 1841 г. назначен министром внутренних дел с сохранением должности товарища министра уделов. В 1852 г. был назначен министром уделов и управляющим Кабинетом его величества с подчинением ему Академии художеств, московских Дворцового архитектурного училища и Художественного училища и Ботанического сада. С 1855 г. генерал от инфантерии, с 1856 г. генерал-адъютант. Ему принадлежит ряд преобразований в управлении и устройстве удельных крестьян. В 1840-е гг. создал Управление (Комиссию) для исследования древностей, положив начало государственной организации археологии

в России. Петербургский знакомый А.С. Пушкина.

(Ил.: Копия Ф. Иентцена с оригинала Ф. Крюгера. Берлин. Середина XIX в. (ГЭ. № ЭРГ-8296))

Л.А. Перовский пытался создать в рамках Министерства внутренних дел и некий орган в виде Комиссии для изыскания или исследования древностей, но до придания ему официального статуса тогда дело так и не дошло. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие устоявшегося названия данного подразделения, иногда именованного «Управлением археологическими разысканиями» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 2. Л. 4). Тем не менее группой сотрудников Л.А. Перовского была разработана программа систематических раскопок на юге России, проводимых на правительственные средства. Сам Л.А. Перовский 27 октября 1851 г. представил императору доклад «О проводимых близ Керчи археологических разысканиях», в котором обращал внимание на то, что эти работы ведутся без всякого плана, связи и единства, отрывочно и наугад. В итоге императором были утверждены «Общие правила для предъявления правительству древних вещей, находимых в Керченском градоначальстве и его окрестностях», регламентирующие порядок и процедуру выплат находчикам. Тогда же Л.А. Перовским были разработаны и специальные «Дополнительные правила для производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях», Высочайше утвержденные 12 января 1852 г. Этот документ, по существу являвшийся первой правительственной инструкцией по проведению раскопок, требовал неукоснительного ведения специального журнала,

«Дополнительные правила производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях», утвержденные 12 января 1852 г. (РО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Л. 16)

в который бы заносились все сведения о производимых работах и присутствии на раскопках чиновников, «занимающихся собственно археологической частью». Правила также предписывали доводить раскопки до конца, даже если они не сулили значительных находок, делать рисунки на месте, описывать отношение предметов друг к другу (РО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Л. 16–19; ср.: Тункина 2002а: 253, 636, 638).

В мае 1852 г. Л. А. Перовский отправился на юг России с инспекционной поездкой. Объезжая Крым и Тамань, министр предписал местной администрации усилить контроль за охраной древностей и добился увеличения

ассигнований на раскопки на 1000 руб. Близ станицы Сенной — «в центре всех раскопок на Таманском полуострове» — был выстроен специальный дом — своего рода «археологическая база» (Марти 1926: 21; Тункина 2002а: 303). По инициативе Перовского в Крыму и Причерноморье начались новые исследования. Еще в конце 1840-х гг. А. С. Уваров совершил сюда «ученое путешествие», осмотрел некоторые памятники и сделал планы ряда городищ, а в 1853 г. попробовал себя в качестве исследователя епископской базилики, впоследствии ставшей «Уваровской» (Тункина 1996). В 1852 г. А. А. Сибирский, будучи отправлен Л. А. Перовским на поиски местоположения древней Феодосии в Крыму, провел археологическое исследование нескольких курганных насыпей близ города (Тункина 2011: 65–67).

Тогда же, в августе 1852 г., Л. А. Перовский стал главой новообразованного Министерства уделов и управляющим Кабинетом его императорского величества. Упомянутые выше подготовительные мероприятия привели к тому, что в императорском указе об этом назначении значилось: «министру внутренних дел, действительному статскому советнику графу Перовскому... повелеваем быть министром уделов и управляющим Кабинетом нашим, подчинив главному его начальству... все археологические в России розыскания» (ПСЗРИ. Т. 30. Отд. 1. 1856: 4, № 26650).

В развитие этого указа 28 июня 1853 г. последовало Высочайшее повеление о том, чтобы «керченский музей, археологическую в Риме комиссию и все археологические работы считать при Кабинете» (200-летие Кабинета 1911: 422), которое, по сути дела, подтверждало предшествующий

указ (ПСЗРИ. Т. 28. Отд. 1. 1854: 322, № 27389). В результате одиннадцать «чиновников по археологической части, состоявшие на сверхштатных должностях при МВД или Кабинете, были все причислены к Кабинету его императорского величества» (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 28). Такое подчинение археологии Кабинету подтвердилось и в 1855 г. (ПСЗРИ. Т. 30. Доп. 1856: 4), а в 1856 г. в документах появляется новое название уже существовавшего подразделения — «Комиссия разыскания древностей» (ПСЗРИ. Т. 31. Отд. 1. 1857: 1021–1022, № 31166), которая, будучи подразделением Кабинета, формально находилась в составе Министерства императорского двора, однако только в конце 1856 г., уже после смерти А. Л. Перовского, она официально и окончательно вошла в состав министерства.

А. С. Уваров, перейдя в штат Кабинета, получил звание камер-юнкера. Сформированный таким образом коллектив «археологов» приступил к реализации намеченной программы. Помимо продолжения раскопок древнерусских курганов во Владимирской губернии, осуществлявшихся А. С. Уваровым и П. С. Савельевым, были начаты раскопки скифского Александропольского кургана, порученные первоначально А. В. Терещенко, а затем П. С. Савельеву и А. Е. Люценко. В том же 1853 г. Л. А. Перовский поручил А. С. Уварову провести археологические исследования в Ольвии, Херсонесе и Неаполе Скифском, а князю А. А. Сибирскому — в Феодосии. К этим работам был привлечен и московский профессор П. М. Леонтьев, проводивший исследования в Нижнем Подонье. Всего в 1853 г. была выделена довольно крупная сумма в 56051 руб. на раскопки в различных

губерниях, приобретение древностей, издания и содержание Керченского музея, который тоже перешел в ведение графа Перовского, а его новый директор А. Е. Люценко был причислен к Кабинету его императорского величества.

По результатам раскопок 1853 г. было издано специальное «Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г.» (СПб., 1855) — роскошная книга в тисненном золотом переплете с крупным и редким шрифтом, богато и качественно иллюстрированная. Она состояла из трех разделов. В первом приводились сведения о случайных археологических находках по губерниям, в основном о монетных или вещественныхкладах. Примерно с одинаковой степенью информативности перечислялись: огромный клад, состоящий из более 14000 золотоордынских серебряных монет XIV в., найденный в Екатеринославской губернии близ села Воскресенка, и находка в Киеве медной византийской монеты (без указания времени) или клад серебряных копеек времени Петра I, не представляющий никакой исторической ценности. Второй раздел содержал сведения о древностях, приобретенных покупкою в Турции, Египте, Крыму. Оба эти раздела представляли собой скорее чиновничий отчет, чем аналитическое описание предметов. Основная — третья часть, именуемая «Местности, на которых проводились археологические розыскания», имела более научный характер, так как содержала описание раскопок и найденных вещей. Например, при описании исследований владимирских курганов, проведенных П. С. Савельевым, приводились рисунки таких столь типичных для этих памятников находок, как наконецники копий и стрел, фибулы, шумящие

подвески, височные кольца, шейные гривны, перстни и т. д. Уже в этом издании были выработаны форма и стиль подачи материала, которых в дальнейшем стала придерживаться ИАК в своих «Отчетах».

Все вышесказанное позволяет с определенной долей условности считать 1852 г. началом нового этапа в сложении практики планомерных раскопок на территории Российской империи. Проводимые на государственные средства, они стали приобретать

систематический и целенаправленный характер, связанный с изучением различных регионов и исторических периодов Восточной Европы, выйдя за культурно-хронологические рамки античных древностей, навязанные обществу эстетикой классицизма. Однако дальнейшему развертыванию деятельности комиссии Л. А. Перовского помешала начавшаяся война с Турцией, переросшая в войну с Англией и Францией и приведшая к переносу военных действий на юг России.

IV

В 1856 г. граф Л. А. Перовский умер, а вслед за этим последовала новая министерская реформа. Дабы продолжить начатое им дело

государственного контроля за раскопками, 24 ноября 1856 г. последовал указ Александра II министру императорского двора графу В. Ф. Адлербергу: «Заведование археологическими разысканиями, поступившими ныне в состав Министерства императорского двора, возлагаем на члена Государственного совета, генерал-адъютанта, генерала от кавалерии графа Строганова 1-го под ведением вашим» (Р. О. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 2). В 1857 г. все дела об археологических разысканиях из канцелярии министра уделов и Кабинета были переданы С. Г. Строганову, под его же начало должны были перейти и лица, служащие по этой части в Кабинете, Керченском музее и Римской археологической комиссии. Последняя была некогда создана в составе Императорской академии художеств «для приискания древностей», в служебные обязанности которой входили также оказание содействия и руководство пенсионерами Академии, находящимися в Италии (Сборник 1866: 151).

В ведение С. Г. Строганова также были переданы денежные суммы, отпускаемые ежегодно из Главного

Владимир Федорович Адлерберг (1790–1884), министр императорского двора в 1852–1870 гг. Копия П. Ф. Бореля с оригинальной фотографии А. Деньера (ГЭ. № ЭРГ-1502)

казначейства на содержание Керченского музея и раскопки в Южной России — 4128 руб. и из Кабинета — 7500 руб. Большую часть средств, выделяемых Кабинетом, составляло жалование «чиновникам по археологической части» Савельеву и Медведеву 1700 руб., Терещенко и Пискареву 1500 руб., князю Сибирскому и графу Уварову 2400 руб., и только 2000 руб. на проведение раскопок (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 10, 17).

Поручение этого дела Сергею Григорьевичу Строганову не было случайностью, поскольку он являлся одним из крупнейших деятелей русского просвещения XIX в., пользовался широкой известностью как меценат, любитель искусств и археологии. Более 30 лет (с 1837 г.) он возглавлял Общество истории и древностей российских при Московском университете. Еще в 1825 г. он на свои средства основал в Москве бесплатную школу рисования, вошедшую в историю русского искусства под именем Строгановского училища.

Обладатель многочисленных коллекций, в первую очередь нумизматических, С.Г. Строганов в 1841 г. опубликовал небольшое исследование о кладях серебряных украшений, найденных во Владимире и Ярославской губернии, а в 1849 г. — монографию о Дмитриевском соборе во Владимире. В 1839–1853 гг. под его руководством было осуществлено шеститомное издание «Древностей Российского государства» — первая сводка письменных источников отечественной истории. Являясь с 1835 по 1847 г. попечителем Московского учебного округа, С.Г. Строганов много заботился о пополнении Московского университета молодыми талантливыми преподавателями. «Строгановская эпоха»

в истории Московского университета ознаменовалась блестящими именами историков, филологов, искусствоведов: Т.Н. Грановского, О.М. Бодянского, Ф.И. Буслаева, С.М. Соловьева и др.

Все биографы С.Г. Строганова отмечали, что его блестящая карьера на посту московского попечителя оборвалась из-за конфликта и все более нарастающих разногласий с министром народного просвещения Сергеем Семеновичем Уваровым, отцом А.С. Уварова (Гурулева 2005: 164; Платонова 2009а; 2010с). Долгое время непосредственным поводом для отставки считалась одобренная Строгановым публикация в октябрьской книжке «Чтений в Обществе истории и древностей российских» за 1848 г. перевода сочинения английского дипломата и путешественника XVI в. Дж. Флетчера, содержащая нелестные отзывы о Московском царстве. В мемуарах Ф.И. Буслаева эти два события — отставка С.Г. Строганова и скандал в связи с публикацией в ЧОИДР — ошибочно были совмещены и поставлены в прямую связь друг с другом (Буслаев 1897: 305–306). Вслед за мемуаристом, указанную ошибку повторили многие историки. На самом деле указанные события разделял почти год. В данном вопросе правильнее будет следовать за биографом С.Г. Строганова А. Гартвигом, который имел в своем распоряжении документы с точными датами.

В действительности дело обстояло так: в начале 1847 г. С.С. Уваров разослал попечителям проект нового университетского устава, где, в частности, предлагалось принимать выпускников гимназий в университет без экзаменов, уничтожить заодно и переводные сессии, предоставить выбор курсов на усмотрение желающим и т.п. С.Г. Строганов не согласился ни с одним

СТРОГАНОВ Сергей Григорьевич (8.11.1794 — 28.03.1882) — граф, государственный деятель, генерал-адъютант, член Государственного совета, сенатор, коллекционер, меценат, историк искусства, археолог. В 1811 г. закончил Институт корпуса инженеров путей сообщения. Поступил на военную службу. Участвовал в Отечественной войне 1812 г., отличившись в Бородинской битве, а также в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и Крымской войне 1853–1856 гг. В 1825 г. основал на свои средства в Москве бесплатную школу рисования (ныне МГХПУ им. С.Г. Строганова). С 1835 по 1847 г. попечитель Московского учебного округа. С 1837 по 1874 г. председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете. В 1849–1853 гг. руководил изданием шести томов «Древностей российского государства». В 1860 г. был приглашен ко двору в качестве воспитателя цесаревича Николая Александровича. Основатель и председатель Императорской археологической комиссии с 1859 по 1882 г.

Осн. соч.: Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме, строенный с 1194 по 1197 г. СПб., 1849; Русское искусство Е. Виолле ле Дюка и архитектура в России от X по XVIII вв. СПб., 1878.

Лит. о нем: Гурулева В.В. С.Г. Строганов — первый президент Императорской археологической комиссии // Хранитель. Исследователь. Учитель: к 85-летию В.М. Потина. СПб., 2005. С. 163–169; Клейн Л.С. Создатель археологического центра: С.Г. Строганов // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 281–296.

(Ил.: Портрет П.Ф. Бореля (ГЭ. № ЭРГ-1521))

из пунктов устава, найдя их «разрушительными» для университетов, и изложил свое особое мнение в письме к императору. Проект был провален. Ответный удар оскорбленного министра не заставил себя ждать.

Поводом послужили публичные выступления славянофилов. Незадолго до этого, в конце 1846 г., граф Строганов приостановил продажу книги (магистерской диссертации) К.С. Аксакова с резкими выпадами против Петра I и призвал к ответу совет факультета, разрешивший ее публикацию. Автору пришлось изъять и переработать некоторые страницы. Однако в марте 1847 г. защита все-таки состоялась и прошла успешно (Аксаков 1988: 341, 647). Тем не менее, с подачи С.С. Уварова, попечителя округа отныне обязали установить «наблюдение за славянофильской пропагандой». Реакция Строганова была вполне предсказуема: он счел это «выходящим из пределов ведомства» и приличным, скорее, III Отделению.

3 ноября 1847 г. было написано «всеподданнейшее письмо государю», в котором Сергей Григорьевич просил об отставке, указывая на свое «несогласие с графом Уваровым и невозможность оставаться безгласным исполнителем его направлений» (Гартвиг 1901: 96). Просьба была неожиданно удовлетворена. Все дальнейшее на поминало дурной фарс. Студенты решили поднести бывшему попечителю благодарственный адрес и вкладчину приобрели красивый альбом с тремя рисунками университетских зданий. Но, видимо, С. С. Уваров торопился выместить сопернику все прежние обиды. Поднесение альбома было запрещено. Император разрешил лишь передать его графу через нового попечителя Д. П. Голохвастова. Для внесения подписей в альбом студенты должны были являться на квартиру инспектора. Несмотря на все это, в альбоме расписались 182 человека.

Год спустя, осенью 1848 г., вспыхнул новый скандал, на сей раз, действительно, связанный с публикацией проф. О. М. Бодянским русского перевода «Записок» Дж. Флетчера о Москве. Министр в донесении государю тут же указал на «зловредность» распространения в публике сочинений, где русское правительство рисуется такими черными красками. Донос имел полный успех: в тот момент вся Европа полыхала революциями... О. М. Бодянского наказали переводом из Москвы в Казань, издания ОИДР подчинили общей цензуре, а С. Г. Строганову объявили от имени государя «строжайший выговор» через московского генерал-губернатора А. А. Закревского. В ответ он немедленно сложил с себя полномочия председателя Общества, а вот ученика своего О. М. Бодянского

в конечном счете сумел защитить. Два года спустя, уже после ухода С. С. Уварова со своего поста, тот вернулся к преподаванию в Москве, а периодическая серия ОИДР — этого «духовного детища» С. Г. Строганова — возобновилась вновь под названием «Вестника» (Речи... 1893: 13; Гартвиг 1901: 97–98).

Разумеется, граф Сергей Григорьевич меньше всего годился на роль безответной жертвы. Он неплохо умел за себя постоять, и последний удар в поединке с Уваровым остался все-таки за ним. В бумагах Н. И. Веселовского, собиравшего в 1909 г. к пятидесятилетию Археологической комиссии сведения об ее истории и личности ее основателя, содержалось указание на то, что сам С. С. Уваров лишился министерского поста в 1849 г. именно вследствие доклада С. Г. Строганова императору обо всех подробностях этой неблагоприятной интриги (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 145. Л. 1).

Для нас же сейчас важно то, что в семействе Уваровых С. Г. Строганов воспринимался в качестве личного врага. В этом контексте становится понятным, почему А. С. Уваров сразу же после назначения С. Г. Строганова переходит в другое ведомство и «в начале зимы 1857 г. переселяется из Петербурга в Москву... назначенный помощником попечителя Московского учебного округа» (Уварова 2005: 35). Служить под началом врага своего отца, к тому же, по бытовавшему мнению, виновника его отставки, А. С. Уваров никак не желал. Путь в существовавшее в Москве еще с 1804 г. Общество истории и древностей российских для него также был закрыт, поскольку С. Г. Строганов уже вновь принял там обязанности председателя.

УВАРОВ Алексей Сергеевич (28.02.1825 — 29.12.1884) — граф, археолог, коллекционер, меценат. Сын министра народного просвещения, президента Академии наук. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, слушал лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах. В 1846 г. выступил одним из учредителей-организаторов Петербургского археологического нумизматического общества (будущего ИРАО). Почетный член Академии наук (1857), учредитель Уваровских премий. Чиновник «по археологической части» при министре внутренних дел Л. А. Перовском, который приходился ему дядей. Помощник попечителя Московского учебного округа (1857–1859). Создатель и первый председатель (1864–1884) Московского археологического общества. Один из организаторов Исторического музея в Москве (1872). Инициатор и организатор проведения Всероссийских археологических съездов. Задачу археологии видел в реконструкции быта древнего населения. Производил раскопки в Ольвии, Херсонесе, Неаполе Скифском. Совместно с П. С. Савельевым осуществил раскопки более

семи тысяч курганов во Владимиро-Суздальском Ополе (1851–1854). Автор первой обобщающей работы по каменному веку России. На II Археологическом съезде в Петербурге в 1871 г. по его инициативе был обсужден вопрос «О мерах к сохранению памятников». На III Археологическом съезде в Киеве в 1874 г. он делает сообщение: «Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа?»

Осн. соч.: Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. М., 1851; Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. М., 1869; Археология России. Каменный период. М., 1881. Т. 1–2; Символика древнехристианского искусства. М., 1909.

Лит. о нем.: Ардашев Н. Н. Граф А. С. Уваров как теоретик археологии // Древности. Труды МАО. 1911. Т. 23. Вып. 1. С. 29–40; Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 228–245; Клейн Л. С. Строитель российской археологии: А. С. Уваров // Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 297–326.

(Фото: ФО. Отп. О.778-24)

Оставалось одно — создавать собственное научное общество, что А. С. Уваров блестяще и реализовал в 1864 г. учреждением Московского археологического общества. Его он рассматривал в качестве альтернативы Комиссии. Таким образом, вопреки широко распространенному мнению о том, что конфликт между ИАК и МАО разгорелся лишь в 1880-е гг., становится очевидным: это противостояние

существовало изначально, и причины его носили личностный характер (см.: Тихонов 2006). Таким образом, вражда этих двух людей напрямую отразилась на судьбах русской археологии.

После назначения С.Г. Строганова группа сотрудников Л.А. Перовского «по археологической части» распалась, в том числе и по соображениям личного характера. Примеру А.С. Уварова последовал князь А.А. Сибирский, вышедший в отставку «по болезни» в декабре 1857 г. Следует учитывать и тот факт, что в России всегда огромную роль играли личностные связи с «патроном». Так, например, тремя десятилетиями раньше, после смерти канцлера Н.П. Румянцева, сразу же распался существовавший вокруг него кружок исследователей русских древностей.

Из прежних сотрудников активно начал помогать С.Г. Строганову, пожалуй, только П.С. Савельев. 24 декабря 1856 г. он писал в Керчь А.Е. Люценко: «Спешу... успокоить Вас насчет будущности археологических разысканий вообще и Керченского музея в особенности. Начальником археологических в России разысканий... назначен граф Сергей Григорьевич Строганов, страстный археолог и владелец одного из богатейших частных музеев. Он хочет усердно приняться за эту часть и устроить ее на прочных основаниях. Тяжкая болезнь его отца до сих пор препятствовала ему приняться за дело; ждем также ассигнования сумм на раскопки на будущий год» (Тункина 2002а: 255).

Было и еще одно обстоятельство, «препятствующее» С.Г. Строганову активно заняться делом организации археологической службы в столице: до 1860 г. он жил в Москве, а в 1859–1860 гг. был даже московским генерал-губернатором. После воцарения

Александра II карьера С.Г. Строганова быстро пошла вверх: с 1856 г. он член Государственного совета, именно ему царь поручает воспитание и образование наследника престола цесаревича Николая. Не будет преувеличением сказать, что в это время С.Г. Строганов становится одним из самых приближенных лиц к императору и одним из самых высокопоставленных сановников империи. Занятость на государственных постах, конечно, отвлекала графа от занятий археологией.

Фактически С.Г. Строганову пришлось собирать коллектив археологов заново. 30 декабря 1857 г. И.Е. Забелин записал в своем дневнике следующий разговор с С.Г. Строгановым, состоявшийся в Москве:

«Государь мне поручил всю археологическую часть, находящуюся в заведовании Перовского, при Кабинете. Я хочу составить Комиссию. Вы не откажетесь?» — «Помилуйте, Ваше Сиятельство, вы меня осчастливите». — «Я думаю пригласить сюда Кене — он, кажется, лучше всех других по западной археологии, Савельева П.С. по нумизматике, русской и восточной археологии и вас по русской. Вы будете получать 1000 руб. в VI классе» (Забелин 2001: 37).

Несколькими месяцами ранее С.Г. Строганов написал А.Е. Люценко личное письмо, прося его поделиться своими соображениями о путях развития музея и определения направления дальнейших раскопок. В ответ в ноябре 1857 г. А.Е. Люценко подготовил специальную записку «О продолжении занятий Керченского музея, прерванных событиями минувшей войны», в которой предлагал сосредоточить внимание и силы на изучении памятников Керченского и Таманского полуостровов.

В это же время С.Г. Строганов разрабатывает проект положения о «Главной археологической комиссии» (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 — 33 об.). Название предполагаемого органа, вероятно, было взято по аналогии с существующей с 1834 г. при Министерстве народного просвещения Археографической комиссии. Впрочем, сам термин «археологическая комиссия», казалось, просто витал в воздухе. Муниципальная археологическая комиссия существовала в Риме. 29 апреля 1855 г. было Высочайше утверждено «Положение о Музее древностей и Временной археологической комиссии в Вильно» (ПСЗРИ. Т. 30. Отд. 1. 1856: 303–305, № 29267). Временная комиссия, будучи своеобразным сочетанием археографической комиссии и статистического комитета, была создана для систематического обозрения всех памятников древности в здешнем крае и просуществовала до 1863 г. Затем, в связи с изменением культурной политики в западных губерниях Российской империи, во избежание продолжения существования «пантеона литовско-польской старины в крае», на ее основе в начале 1864 г. была создана Комиссия для разбора и издания древних актов, будущая Виленская археографическая комиссия (Турцевич 1906; Пятидесятилетие Виленской Комиссии... 1914).

Однако создание подобного учреждения может быть поставлено в некоторую связь с возникновением подобных учреждений в Европе конца XVII — середины XIX в., прежде всего в Италии и во Франции. На основе сравнительного изучения деятельности российских и зарубежных учреждений, связанных с охраной памятников, можно предположить, что организация ИАК отчасти ориентировалась на Францию с ее общенациональными Генеральной

инспекцией исторических памятников / Комитетом исторических памятников (1830 / 1837), как раз в это время преобразованными в Отдел изящных искусств и исторических памятников при Министерстве императорского двора и изящных искусств Наполеона III (1852–1870). Необходимо отметить, однако, и существенную разницу между французской моделью и созданием Комиссии. В России французский опыт был использован в минимальной степени, прежде всего — в части подчинения ИАК Министерству императорского двора, которая не стала органом, объединяющим губернские структуры и обладающим региональными представительствами. Это снижало ее эффективность в области сохранения и изучения исторического наследия государства, вынуждая прибегать к помощи иных ведомств и министерств, в частности Министерства внутренних дел (ср.: Смирнов 2014: 625).

Комиссии древностей, созданные после окончания наполеоновских войн в ряде французских департаментов, предшествовали появлению общенациональной структуры, возникшей в 1830-х гг. в системе МВД в эпоху преобразований Франсуа Гизо (1787–1874). В 1834 г. в русле этой деятельности создается Комитет исторических и научных работ (Charmes 1886). В его задачи входили, прежде всего, изучение, описание и сбор сведений о памятниках с целью составления их классификационного списка в соответствии с их культурной значимостью (Verdier 1935). Это учреждение неоднократно подвергалось реформам и переименованиям, и в 1839 г., как Дирекция гражданских зданий и общественных памятников, оно было передано в ведение Министерства общественного

труда. В 1840 г., благодаря его трудам, за государством было признано право отчуждать в свою пользу памятники искусства (Bercé 2000: 24–25).

Декрет 14 февраля 1853 г. окончательно изъял функцию охраны памятников из ведения МВД Франции и передал ее в подчинение государственного Министерства императорского дома. Здесь было создано Отделение исторических памятников (Léon 1935: 17–52; 1951; Verdier 1935: 53–426). Очевидно, ситуация была весьма схожа с той, что наблюдалась в России, но хронологически опережала ее. В 1863 г. во Франции создается Служба изящных искусств и исторических памятников уже в ведении Министерства императорского двора и изящных искусств. Не случайно второй председатель ИАК А. А. Васильчиков, настаивая на необходимости реорганизации Комиссии в 1882 г., будет апеллировать именно к этому прецеденту.

Парадокс российской системы археологических изысканий XIX в. (не охраны культурного наследия!) заключался в том, что, будучи отчасти административно скопированной с французского образца, она существенно отличалась от него по своим целям и месту в структуре национальной археологии. Если на всем протяжении своей деятельности ИАК рассматривала полевые исследования как основную форму своей активности, что сыграло основополагающую роль в сложении археологии в России как науки, то во Франции Комитет 1837 г. и наследовавшие ему организационные структуры рассматривали раскопки как сферу деятельности, вспомогательную для реставрации. Современная французская археология слагалась как государственный институт на основе развития

колониальных исследований. В свою очередь, археология метрополии (галло-римские, меровингские и иные исследования) развивалась как следствие интереса любителей древностей и их объединений (Gran-Aymerich 1998). В целом система археологических исследований во Франции была предельно децентрализована (Boüard 1985: 35–46; Vadelorge 2003: 67–86; Gran-Aymerich 2003: 199–210).

Вопреки выводам, сделанным на основе формального сравнения процессов становления системы государственной охраны памятников в двух странах (Николаева 2008: 261–270), ни одно из мероприятий российского правительства до создания ИАК, в том числе и циркуляр МВД от 31 декабря 1826 г. «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные» (Сборник материалов, относящихся до архивной части в России 1916: 586–587), не может рассматриваться как поворотный момент в отношении к отечественным древностям. Циркуляр не инициировал создание системы охранных мер и соответствующих охранных структур в данной области, не говоря уж о составлении общенационального списка памятников древности. Восприятие французского опыта в России не было непосредственным и несколько запаздывало, а в плане организационной структуры и вовсе не соответствовало французской модели.

Существует еще целый ряд моментов, дополнительно позволяющих воспринимать деятельность Археологической комиссии в европейском контексте. Представление найденных древностей на «Высочайшее воззрение», практиковавшееся ИАК ежегодно, было

отголоском обычного права, которое действует, например, в Великобритании до настоящего времени, а первые упоминания о нем относятся к XIII в. Речь идет о том, что монарх рассматривался как сюзерен и собственник не только подвластной ему земли, но и спрятанных в ней кладов, прежде всего монет и изделий из драгоценных металлов (ср. терминологию: *la prérogative régale*, *treasure trove*). В случае с археологическими памятниками действовало расширительное толкование такой традиции. Естественно, во Франции с ее республиканскими устоями такая практика в XIX в. не могла уже иметь места, хотя кодификация обычая в этой области активно происходила здесь в 1543–1642 гг. (Bercé 2004: 45–46, 52, 64, 153–161; *Archéologie et droit de l'urbanisme* 1995: 42).

Еще одной вполне «монархической», централизованной и государственной структурой, которая могла бы рассматриваться как некий прообраз ИАК, была система археологических раскопок и охраны древностей, созданная Неаполитанским «королем-археологом» Карлом III Бурбоном (1734–1759) и распространенная его сыном Фердинандом IV (1759–1806) на Сицилийское королевство (Jokilehto 2002: 57–59). Издание археологических отчетов об исследованиях Геркуланума (*Le Antichità 1755–1792*), составленных *Accademia Ercolanese*, и исключительные монаршие права как на проведение археологических раскопок, так и на их результаты, характерны и для будущего Королевства обеих Сицилий (1816–1861). Они вполне сопоставимы с особенностями устройства Комиссии С.Г. Строганова.

Вряд ли образцом для России могли послужить соответствующие

учреждения Центральной Европы. Только в июне 1875 г. австро-венгерский поверенный в делах Х. Вреде обратился к управляющему Министерством иностранных дел барону Жомини с просьбой предоставить ему информацию об Императорской археологической комиссии и имеющихся постановлениях и распоряжениях по охране памятников в России. Это было сделано в связи с созданием в Вене в 1873 г. Императорско-королевской центральной комиссии для изучения и сохранения исторических памятников (*Kaiserliche und Königl. Zentralkommission für die Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale*) и в связи с подготовкой соответствующего законодательства в Австро-Венгерской империи (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 10. Л. 26 – 29 об.; об этой комиссии см.: Brückler, Nimeth 2001; Rampley 2013: 66–72, 187–188, 193–201; о деятельности комиссии в Польше и Румынии см.: Romstorfer 1913; Frycz 1975; Szyposz 1994; Solcanu 2000; Sobol 2008; Niculică 2010; Woźny 2011; 2018). Впоследствии австрийская комиссия неоднократно сверяла свою деятельность с практикой российских коллег. 4 июня 1891 г. через своего посла графа Волкенштейна Австрия вновь просила прислать ей правила об охране древностей, изданные после 1875 г. Подобный запрос повторялся и в 1895 г. 25 ноября 1891 г. похожие документы были вручены и итальянскому уполномоченному графу Баттара-Коста (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 93). 7 декабря 1910 г. итальянское правительство, в связи с намерением создать при Главной директории изящных искусств особую юридическую библиотеку по вопросам охраны древностей, также через структуры российского Министерства иностранных дел

обращалось за консультативной помощью в ИАК, прося предоставить тексты всех действующих в России постановлений; с подобным запросом обращалась и Нидерландская миссия при российском императорском дворе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 109, 111).

В конечном счете необходимо признать, что французская система археологии и охраны памятников весьма сильно повлияла на подобные структуры и процессы в Европе. Так, созданный лидерами *Comité historique des Arts et Monuments* Луи Витэ и Шарлем Ленорманом «Вопросник» 1838 г., посвященный картированию и описанию исторических памятников по эпохам, определил структуру подобного документа в Испании 1844 г. (Trujillo s.a.). Есть основания полагать, что он повлиял и на появление в недрах РАО «Записки для обозрения русских древностей» 1851 г. Однако, как уже было отмечено, это влияние не отразилось в системе государственных органов охраны культурного наследия, где отсутствовала централизованная структура государственного взаимодействия с региональными органами.

Впрочем, не исключалось и обратное. 15 марта 1914 г., очевидно в связи с принятием соответствующего закона, в российское Министерство иностранных дел обратилось посольство Французской республики с просьбой сообщить сведения о существующих в России правилах относительно археологических раскопок и охраны древностей, обнаруженных в процессе исследований (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 593). Как раз в это время, после серии скандалов с вывозом национальных древностей, добытых в процессе археологических раскопок, за рубежом, во Франции был принят закон об охране

исторических памятников от 31 декабря 1913 г. / 4 января 1914 г. Он не вводил обязательного государственного разрешения на осуществление раскопок, однако обязывал префектуры наблюдать за происходящими исследованиями и открытиями (*Journal officiel de la République française* 1914; Recambert 1996: 15–21, 245–255; Audac 2003: 173–198; *Le nouveau droit...* 2004).

Таким образом, появление ИАК логично рассматривать в общем контексте становления органов охраны памятников в Европе, не замалчивая существовавших различий. Отчасти оно определялось их тогдашними особенностями, отчасти — влияло на их дальнейшую деятельность.

Было бы неверным, однако, утверждать, что С.Г. Строганов не думал о такого рода взаимодействии центрального археологического учреждения в Санкт-Петербурге с губернскими и региональными учеными организациями. Слово «Главная» в названии проектируемой С.Г. Строгановым Комиссии должно было подчеркнуть общегосударственный характер нового учреждения. Очень важно отметить, что в этом проекте С.Г. Строганов стремится придать Комиссии статус центрального государственного органа, главной задачей которого является «разыскание древностей посредством земляных раскопок». Этим Комиссия изначально отличалась бы от археологических обществ, которые трактовали археологию очень широко, как изучение любых памятников старины, в том числе и невещественных.

Первый параграф проекта гласил: «Главной археологической комиссии подлежит заведование всеми археологическими раскопками в России и местными музеями древностей».

Восьмой параграф указывал, что «раскопки на землях казенных и общественных производятся не иначе, как с разрешения председателя комиссии» (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 — 23 об.). Очевидно, что те вопросы, которые через 30 лет стали камнем преткновения в дискуссии с некоторыми археологическими обществами, С.Г. Строгановым изначально закладывались в проект устава Комиссии.

С.Г. Строганов выдвинул также предложение о создании архива Комиссии, в котором бы сосредоточивались все дела об археологических разысканиях в России и соответствующие им планы, рисунки, модели. Ставилась задача «с течением времени собрать и все прежде производимые дела (об исследованиях. — *Авт.*), дабы в ней сосредоточены были все сведения о древних достопамятностях государства» (Пескарева, Рябинин 1984: 301; Длужневская 2006b: 271). Штат Комиссии предполагался в составе председателя, трех членов, производителя дел и журналиста, а годовой бюджет определялся в 11 628 руб., т. е. увеличения расходов не предполагалось, поскольку эта сумма и ранее тратилась на нужды археологии из Государственного казначейства и средств Кабинета его величества. Правда, в другом варианте проекта бюджета предусматривалась сумма на «расход по археологической части» почти вдвое большая — 22 764 руб. (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 75).

В 1858 г. граф С.Г. Строганов подает на имя министра императорского двора графа В.Ф. Адлерберга «Записку о современном положении археологических разысканий и предлагаемых в них изменениях», содержащую очерк археологической деятельности правительственных учреждений и ставящую

вопрос о создании государственного археологического органа с четко регламентированным финансированием и постоянным штатом сотрудников (Там же. Л. 28–34). Приложением к этой записке как раз и стал проект положения об Археологической комиссии.

При обсуждении этих документов в министерстве проект претерпевает немалые изменения. В декабре 1858 г. В.Ф. Адлерберг предлагает создать «Археологическую комиссию Министерства императорского двора», указывая, что с 1831 по 1852 г. раскопки на юге России финансировались и велись под эгидой именно этого министерства и только в 1852 г. были переданы в Министерство внутренних дел.

Похоже, что министр осознанно путает последовательность событий и соответствующие ведомства, дабы подчеркнуть неизбежность проведения археологических раскопок именно его министерством. В действительности Министерство двора никогда не занималось организацией полевых разысканий, поскольку до 1852 г. контроль над ними принадлежал Министерству внутренних дел, а с 1852 г. — Министерству уделов, выделенному из Министерства двора, и Кабинету его величества, инкорпорированному в новое министерство. Граф, только что возглавивший новое объединение ведомств двора и уделов в 1856 г., был заинтересован в расширении своего влияния.

В результате речь пошла не о центральном государственном, а ведомственном учреждении, так как министр вполне справедливо указывал, что если иметь в виду главное археологическое учреждение в государстве, то это дело должно рассматриваться Государственным советом. В процессе обсуждения проекта в названии вместо слова

«Главная» появляется вписанное чьей-то рукой слово «Императорская» (РО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 35, 88 — 91 об.). «Императорскими» в России именовались многие университеты, научные и культурные учреждения и общества. Этот титул, указывающий на то, что учреждение или общество находятся под покровительством Высочайшей власти, был весьма почетным, и его всячески добивались. Представляется, что титул внес С.Г. Строганов, который, являясь сам членом Государственного совета, хорошо понимал, что вынесение вопроса на его рассмотрение может затянуть реализацию проекта на неопределенно

долгий срок. Поэтому он был вынужден согласиться на половинчатые и неопределенные полномочия создаваемой Комиссии, а приставка «Императорская» в названии понадобилась для поднятия статуса учреждения и для указания на то, что оно находится в ведении Министерства императорского двора. Следует заметить, что данное министерство занимало в российской системе государственного управления особенное место ввиду того, что министр двора подчинялся только императору, и ни одно учреждение не могло делать ему никаких предписаний, а равно и требовать от него каких-либо отчетов.

V

В окончательном виде проект Положения об Императорской археологической комиссии в виде опыта на 3 года был утвержден Александром II по докладу министра двора 2 февраля 1859 г. (ПСЗРИ. Т. 34. Отд. 1. 1861: 70–72, №34109; Т. 34. Доп. 1861: 13). В первом параграфе Положения определялись цели Комиссии: «1) разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией; 2) собрание сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятниках древности; 3) ученая оценка открываемых древностей». В разделе «Действия Комиссии» определялся круг ее задач и способы достижения поставленных целей: «§ 5. Для изыскания древностей Комиссия раскапывает древние курганы и производит земляные раскопки на местах, или замечательных в историческом отношении, или дающих повод рассчитывать на открытие древностей. § 6. Комиссии предоставляется

следить за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности... § 7. Комиссия, в меру средств своих, заботится, чтобы в том случае, когда настает надобность уничтожить какой-либо остаток древности, как-то: памятник зодчества, курган и проч., или произвести большие земляные работы на месте древнего города или замечательного урочища, которые находятся на землях казенных или общественных, приняты были, по возможности, нужные археологические меры и если при работах этих ожидаются важные археологические открытия, то чтобы к ним мог быть допущен ее чиновник» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 3 — 6 об.).

Восьмой параграф был логическим продолжением предыдущего: «Комиссия следит за земляными работами, предпринимаемыми в больших размерах, как, например: при проведении линий железных дорог, шоссе и проч., дабы, насколько окажется возможным, воспользоваться этими случаями для археологических открытий».

Как видим, в утвержденном Положении уже не было пункта о разрешении раскопок на казенных и общественных землях, а формулировки были довольно расплывчаты и неопределенны, никаких конкретных рычагов воздействия для осуществления своих полномочий Комиссия не получала.

Параграф 10 для поощрения к предъявлению случайных находок в Археологическую комиссию устанавливал денежное вознаграждение находчикам древних вещей «не только ценою золота, серебра или иного вещества, из которого они сделаны, но и археологическим достоинством их и редкостью». Следующие параграфы 11–13 определяли порядок, при котором «замечательнейшие из вещей, открываемых Комиссией или поступивших в нее, представляются на воззрение государя императора и, с соизволения его императорского величества, помещаются в императорский музей Эрмитаж или в другие Высочайше назначенные места». Вещи из раскопок самой Комиссии, не получившие «Высочайшего назначения», остаются в ее распоряжении, и она может передавать их по своему усмотрению в другие музеи и «древнехранилища». Все почтовые отправления самой Комиссии и ее членов, адресуемые на имя председателя, подлежали бесплатной пересылке.

Очевидно, что параграфы Положения в окончательной редакции приобрели более неопределенное звучание, нежели пункты проекта С.Г. Строганова. Так, параграф 6 проекта четко регламентировал функции новой Комиссии: «Как разыскания древностей предоставляются Комиссии, поэтому никакие земляные работы, предпринимаемые с этой целью, не могут быть допущены на землях казенных

и общественных без предварительного сношения с ее председателем, который для всех подобных работ выдает пояснительные инструкции, как для более успешного производства их, так и для того, чтоб они не лишались того значения, которое они имеют для науки». Параграф 13 проекта предполагал создание всероссийского археологического архива: «Археологическая комиссия хранит у себя все дела об археологических разысканиях и открытиях, равно как и принадлежащие к ним рисунки, планы и модели. Не прибегая к усиленным мерам, она должна с течением времени собрать и все прежде производимые по этому дела, дабы в ней сосредоточены были все сведения о древних достопамятностях государства». Эти пункты не нашли отражения в уставе ИАК, что в конце концов предопределило сложность ее взаимоотношений с учеными обществами (Пескарева, Рябинин 1984: 301).

Тот факт, что ИАК, согласно пунктам 1 и 2 Положения, «находилась в ведении» Министерства императорского двора и состояла в нем «отдельным учреждением», заставляет нас обратиться к истории этого министерства, чтобы оценить ту систему взаимных отношений, которая сложилась между Комиссией и ведомством, частью которого она являлась. Министерство было образовано 22 августа 1826 г. как Министерство императорского двора и уделов, объединив в себе различные ведомства, связанные преимущественно с обеспечением российской императорской фамилии, которые, однако, могли выполнять и общественно-правовые функции. Такая двойственность министерства и его принципиальное отличие от подобных учреждений в Европе неоднократно подчеркивались

Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888), министр императорского двора в 1870–1881 гг.

Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916), министр императорского двора в 1881–1897 гг.

исследователями его истории и юридического статуса (Ивановский 1895–1896: 407–422). В разное время в него вошли Кабинет его императорского величества, Департамент уделов, Канцелярия, Капитул российских императорских орденов, Придворная конюшенная контора, Егермейстерская и Гофинтендантская конторы, Придворное духовенство, Придворная певческая капелла, Великокняжеские дворы, Дворцовые управления, Контроль Министерства императорского двора, Эрмитаж, Императорская академия художеств, Дирекция императорских Санкт-Петербургских театров, Управление императорских фарфоровых и стекольных заводов, Петергофская гранильная фабрика, Санкт-Петербургский ботанический сад. Ведомство обладало достаточно внушительным штатом: в 1878 г. здесь служил 1151 чиновник, а в 1914 — 1157 штатных и 124 внештатных чиновника. 30 августа 1852 г.

Министерство императорского двора и уделов было разделено на собственно Министерство императорского двора и Министерство уделов; во главе последнего и встал бывший министр внутренних дел Л. А. Перовский. Однако уже 24 ноября 1856 г., после его кончины, Министерство императорского двора и уделов восстановлено в прежнем составе. Именно в ведение реформированного министерства и вошла ИАК. Это ведомство подверглось существенной реформе по «Учреждению Министерства императорского двора» от 16 апреля 1893 г., что отчасти затронуло, как мы увидим, и саму Комиссию.

Первым министром двора был П. М. Волконский (1826–1852), а начальный период деятельности ИАК пришелся на время заведования министерством В. Ф. Адлербергом (1852–1870) и А. В. Адлербергом (1870–1881). Таким образом, «эпоха Строганова» в ИАК (1859–1882) совпадала с «эпохой двух

Владимир Борисович Фредерикс (1838–1927), министр императорского двора в 1897–1917 гг. Виньетка Н. С. Самокиша. 1883 г. (ГЭ. № ЭРГ-16028)

Адлербергов». Следующими министрами были И.И. Воронцов-Дашков (1881–1897) и В.Б. Фредерикс (1897–28 февраля 1917).

Первоначальный штат Археологической комиссии состоял из председателя, назначаемого Высочайшим повелением, которому никакого жалования не предусматривалось; одного старшего члена с 1200 руб. жалования в год; двух младших членов по 1000 руб., производителя дел (800 руб.); журналиста (350 руб.); канцелярского чиновника (200 руб.) и художника (500 руб.). В штат Комиссии были включены директор Керченского музея (928 руб.) и его помощник (572 руб.). На раскопки выделялось 10 000 руб. ежегодно. Таким образом, общий годовой бюджет Археологической комиссии первоначально составлял 17 764 руб. Разместилась Комиссия в двух небольших комнатках, выделенных для нее С.Г. Строгановым

Строгановский дворец, Невский проспект, 17 — первое помещение Императорской археологической комиссии (ФО. Нег. II 2548)

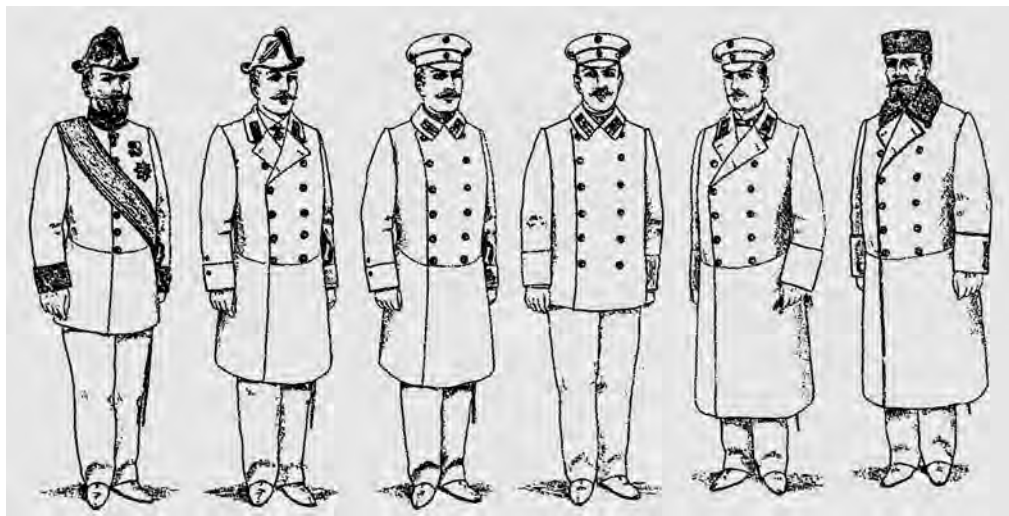
в собственном дворце на углу Невского проспекта и Мойки (Невский проспект, 17). В скором времени, 1 ноября 1859 г., он был вынужден ходатайствовать о предоставлении другого помещения, так как в его доме весьма тесно, но на это предложение уже 5 ноября последовал отказ министерства, и до 1882 г., до переезда в Эрмитаж, Комиссия не имела своего помещения, ютясь в Строгановском дворце, что, по собственному высказыванию графа, делало ее существование «крайне стеснительным» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 7–15).

То, что Комиссия была учреждением Министерства императорского двора, позволяло ее служащим носить мундир министерства (параграф 27 Положения об ИАК). В отставку они также выходили с «правом ношения мундира». Он был из темно-зеленого сукна с алым суконным воротником и обшлагами с золотым шитьем. В начале деятельности Комиссии его носили согласно «Описанию формы одежды чинам гражданского

*Мундир чиновников Министерства императорского двора, 1855–1856 гг.
(по: Шепелев 2005)*

ведомства и правилам ношения сей формы» от 2 июня 1855 г. и «Описанию изменениям в форме одежды чинов гражданского ведомства» от 8 марта 1856 г.

*Покрой форменной одежды российских чиновников по законам 1903–1904 гг.
(по: Шепелев 2005: 294)*

САВЕЛЬЕВ Павел Степанович (23.06.1814 — 19.05.1859) — археолог, востоковед-арабист, нумизмат. Совершил целый ряд открытий в области золотоордынской нумизматики и топографии монетных кладов в России, популяризатор нумизматико-археологических сведений о Востоке. Сын купца, воспитанник Санкт-Петербургского университета (занимался арабским и турецким языками) и Института восточных языков при Министерстве иностранных дел. С 1837 по 1841 г. работал помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения». Более 10 лет служил в Комитете иностранной цензуры. В 1846 г. им написана «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII–XI веков в России и прибалтийских странах», удостоенная Демидовской премии. Был членом парижского Азиатского общества (1837); членом и основателем Русского археологического общества (1846), секретарем и редактором его «Записок», «Трудов» и «Известий». Всего в изданиях общества П. С. Савельев напечатал до 70 статей, из которых большая часть

относится к нумизматике и археологии Средней и Передней Азии. С 1847 г. — член Санкт-Петербургского географического общества, позже входит в его совет. В 1853 г. переведен в Министерство уделов и причислен к Кабинету его величества для археологических работ. С 1853 г. производил раскопки во Владимирской, Ярославской и Екатеринославской губерниях. Изучал Спасо-Преображенский собор, соборную площадь и прилегающие к ней валы Переславля-Залесского, культурный слой городища Александрова гора под Переславлем, Сарское городище под Ростовом.

Осн. соч.: Обзорение географических открытий и путешествий, совершенных в средней части Азии с древнейших времен до наших. СПб., 1848; Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де-Ланноа в 1412–1414 гг. // Географические известия. СПб., 1850. С. 17–135; Введение и примечания к запискам о Коканском ханстве хорунжого Потанина // Вестник ИРГО за 1856 г. 1857. Ч. 18 (6). С. 255–289.

Лит. о нем: Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева. СПб., 1861; Аграфонов П. Г. Забытый исследователь Ярославского края // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 1 (7). С. 7–12.

(Ил.: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-С. Д. 319. Л. 1)

Впоследствии форменная одежда была упрощена и ей была придана большая практичность. Изменился фасон мундира, превратившийся в полукафтан за счет уменьшения длины фалд. Следующий «Свод правил о ношении форменной одежды» появился 6 мая 1894 г.

Наконец, в результате реформы 1 июля 1904 г. была установлена новая

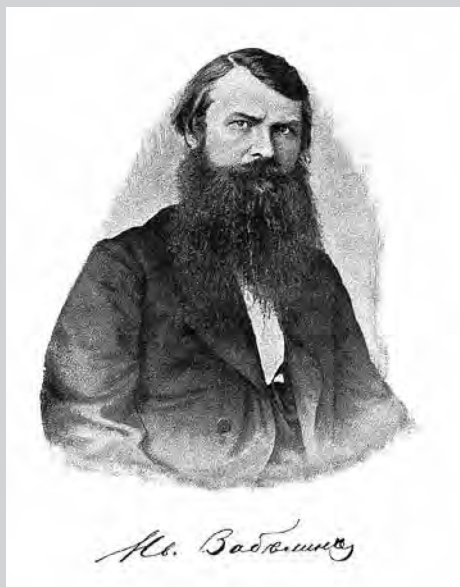
форма, существовавшая до 1917 г., основными элементами которой, кроме известного полукафтана, становились сюртук и тужурка (Шепелев 1999: 233–256, 394–398; 2005: 266–276, 294–295, 346–350).

С.Г. Строганову пришлось не только создавать коллектив профессиональных исследователей, но и искать людей, способных обеспечить их деятельность, а также контролировать процесс археологических исследований и обнаружения случайных находок на территории России. Одним из первых сотрудников нового учреждения стал Павел Степанович Савельев, выпускник Петербургского университета, специалист по восточным языкам и нумизматике, который из канцелярии Комитета правления Академии наук был еще в январе 1853 г. причислен к Кабинету. В мае того же года вместе с А.С. Уваровым он отправился на раскопки владимирских курганов (Уваров 1871). П.С. Савельев умер 19 мая 1859 г., вскоре после назначения в ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 35). Стоит отметить, что его научное наследие, а именно материалы раскопок во Владимиро-Суздальском Ополе, так и не было востребовано ИАК, и в 1861 г. его попытались использовать РАО. 14 марта 1861 г. Общество обратилось к С.Г. Строганову с вопросом, «не найдется ли препятствий к изданию» полевых дневников П.С. Савельева с планами и рисунками 1853–1854 гг. и нет ли других материалов по этому поводу в архиве ИАК. Материалов более не было, но препятствий не встретилось (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 13. Л. 3).

Младшим членом Комиссии был назначен Иван Егорович Забелин (о нем см.: Формозов 1984). Их предварительная договоренность с С.Г. Строгановым состоялась еще в конце 1857 г.,

что явствует как из дневников самого И.Е. Забелина, так и из официальной переписки. Сам граф, будучи назначенным на должность председателя Комиссии в Петербурге 9 февраля 1859 г., но продолжавший проводить значительную часть времени в Москве, уже 6 марта сделал И.Е. Забелину официальное предложение перейти на работу в Комиссию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 5). 29 марта 1859 г. Министерство императорского двора разрешает ему перейти в ИАК по завершении дел архивариуса в Московской дворцовой конторе. Однако 8 июня 1859 г. С.Г. Строганов просит ускорить перевод И.Е. Забелина в Комиссию в связи с тем, что он предполагает командировать его на раскопки в Екатеринославскую губернию (Там же. Л. 12). В результате 3 июля 1859 г. И.Е. Забелин был задним числом, с 9 июня, переведен в Комиссию на должность младшего члена.

Известно, что труды И.Е. Забелина в Комиссии в значительной степени способствовали созданию фонда археологических источников по археологии Северного Причерноморья. Однако его подлинный интерес всегда был связан с древностями русского быта, и, несмотря на необходимость исполнять служебные обязанности, И.Е. Забелин всегда искал возможность трудиться в раз и навсегда избранной им области. Об этом, в частности, свидетельствует переписка председателя ИАК С.Г. Строганова с руководителями государственных архивов на предмет допуска И.Е. Забелина к фондам этих собраний. 21 апреля 1860 г. С.Г. Строганов просил канцлера А.М. Горчакова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 12. Л. 1) разрешить И.Е. Забелину ознакомиться с делами приказа Тайных дел, хранящимися в Государственном архиве

ЗАБЕЛИН Иван Егорович (17.09.1820 — 31.12.1908) — историк, археолог, коллекционер, музейвед. Уроженец Твери. Образование получил в Преображенском сиротском училище. По окончании училища в 1837 г. зачислен канцелярским служащим в Оружейную палату. В 1840 г. написал первую работу. В 1848 г. был назначен помощником архивариуса, в 1855 г. — архивариусом Московской дворцовой конторы. В 1850 г. член-сотрудник, затем в 1888 г. действительный и в 1892 г. почетный член РАО. Действительный (1864) и почетный (1894) член МАО. С 1859 г. — младший, затем старший, с 1886 г. почетный член ИАК. До 1873 г. проводил раскопки скифских курганов в Поднепровье и на Таманском полуострове. Результаты раскопок описаны в «Древностях Геродотовой Скифии» (1866, 1873) и в «Отчетах» Археологической комиссии. В 1871 г. получил степень почетного доктора русской истории в университете св. Владимира в Киеве, в 1884 г. — в Московском

университете, в 1885 г. — в Петербургском университете. В 1879 г. избран председателем Общества истории и древностей российских. С 1884 г. член-корреспондент, а с 1892 г. — почетный член Академии наук. С 1872 г. входил в комиссию по постройке здания Исторического музея. В 1884 г. был назначен товарищем председателя музея. В 1880 г. назначен руководителем группы по написанию истории Москвы. Им была собрана огромная коллекция — рукописи, карты, иконы, эстампы, нумизматические знаки, обширная библиотека. По завещанию коллекция передана в Исторический музей. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Осн. соч.: Домашний быт русских царей в XVI–XVII веках. М., 1862 (переизд.: М., 1990); Домашний быт русских цариц в XVI–XVII веках. М., 1869; Историческое описание московского Донского монастыря. М., 1865; Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873; Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки. М., 1887; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891–1894.

Лит. о нем: Анучин Д. Н. И. Е. Забелин как археолог. М., 1909; Кузьминский К. С. И. Е. Забелин и его печатные труды. М., 1912; Арциховский А. В. Забелин-археолог // Историко-археологический сборник. М., 1948. С. 5–11; Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984; И. Е. Забелин. Библиографический указатель / сост. О. Ф. Бойкова. М., 1988; Клейн Л. С. Археолог поневоле: И. Е. Забелин // Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 431–466.

(Ил.: Забелин 1918)

МИД, с целью исследования домашнего быта русских царей, что после доклада императору ему было разрешено с условием, что выписки не могут быть опубликованы без предварительного рассмотрения их председателем ИАК С.Г. Строгановым. Другое письмо в мае было отправлено министру двора В.Ф. Адлербергу с просьбой разрешить И.Е. Забелину, исследующему русские древности, доступ в архивы Московской дворцовой канцелярии и Оружейной палаты. 18 мая 1863 г. подобное письмо направляется министру юстиции с просьбой допустить в московский архив министерства (Там же. Л. 3–5). Эти документы свидетельствуют об определенном противоречии между задачами, которые И.Е. Забелин ставил себе сам, и задачами, которые ставила перед ним служба в ИАК.

Не без оснований предполагаем, что уход И.Е. Забелина из Комиссии в 1876 г. в значительной степени мотивировался драматической ситуацией, когда он был вынужден заниматься не тем, что его интересовало и чем он продолжал заниматься на самом деле, — русской средневековой культурой. Сам И.Е. Забелин записал в 1866 г. в своем дневнике: «Я сделался чиновником для раскопок, в то время как ваше сиятельство при определении меня назначали, словом, быть членом для “русских древностей”. Держите нас весьма умеренной степени вознаграждения за отличие» (Забелин 2001: 89).

И.Е. Забелин был в момент перехода в Комиссию в расцвете творческих сил — ему исполнилось 39 лет. По мнению А.А. Формозова, наиболее вдумчивого биографа Ивана Егоровича, неожиданное решение кардинально изменить свою жизнь, принять должность в ИАК и вплотную заняться

археологическими раскопками на юге России было продиктовано стремлением открыть новый путь изучения русской истории, всегда его интересовавшей (Формозов 1984: 98–99). По выражению рано умершего друга И.Е. Забелина В.В. Пассека, раскопки курганов и городищ открыли бы новую летопись, «не обезображенную переписчиками, непроверяемую для наших кабинетных скептиков» (цит. по: Формозов 1984: 98).

«Эти идеи, несомненно, были близки Забелину, — пишет А.А. Формозов. — Взвзвешивая за раскопки, он надеялся получить принципиально новый обширный материал о быте Древней Руси в первые века ее истории...» (Там же: 99). Однако в годы службы в ИАК эти интересы не реализовывались в его полевой деятельности: от И.Е. Забелина «требовали новых и новых золотых вещей для пополнения Эрмитажа, а ему хотелось спокойно искать следы древнего домашнего быта. Его перекидывали с Днепра на Тамань, оттуда на Буг и не давали приблизиться к более северным коренным русским краям» (Там же: 110–111).

Впрочем, необходимо отметить и другое. Положение И.Е. Забелина в научном мире изначально было очень сложным. В России середины XIX в. талантливый самоучка без образования не имел ни малейших перспектив служебного роста (и, соответственно, обретения достойных условий существования). Своим благополучием на склоне лет он был всецело обязан С.Г. Строганову и службе в Комиссии. Там Иван Егорович успешно достиг весьма высокой ступени табели о рангах, дослужившись до чина статского генерала (Там же: 38, 108–109).

После ухода И.Е. Забелина младшим членом Комиссии с 1 июня 1876 г.

КОНДАКОВ Никодим Павлович (1.11.1844 — 17.02.1925) — историк византийского и древнерусского искусства, археолог. Образование получил на историко-филологическом факультете Московского университета. С 1870 г. преподавал в Новороссийском университете в Одессе. В 1877 г. получил звание профессора, защитил докторскую диссертацию «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей». Удостоен за нее золотой медали ИРАО. В 1870–1890-е гг. совершил несколько экспедиций по странам Востока и Европы с целью сбора научного материала. С 1876 г. — младший член Императорской археологической комиссии, с февраля 1891 г. уволен по собственному прошению. Проводил исследования монастырей на Кавказе. Обследовал памятники Синая, Сирии, Палестины, Афона, Македонии. Работал в крупнейших музеях Европы, изучал памятники Константинополя, древности русских городов. С 1888 по 1897 г. — профессор кафедры истории искусств Санкт-Петербургского университета, преподавал также на петербургских Высших

женских курсах. В 1888–1893 гг. — старший хранитель Отделения искусства средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа. Действительный (1886) и почетный (1896) член, помощник председателя (1916–1918) и председатель (1918–1922) ИРАО. В 1898 г. избран членом Императорской академии наук. В 1901 г. организовал Комитет попечительства о русской иконописи, а затем руководил им. С 1919 г. в эмиграции. Жил в Софии, с 1922 г. — в Праге. Преподавал в Карловом университете, где объединил вокруг себя кружок молодых ученых, известный под названием *Seminarium Kondakovianum*, который в 1931 г. преобразован в Археологический институт им. Кондакова.

Осн. соч.: Путешествие на Синай. Древности Синайского монастыря. Одесса, 1882; Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1887; Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1898. Т. 1; Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 1905; Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909; Иконография Богоматери. СПб., 1914; Пг., 1915. Т. 1–2; Русская икона. Прага, 1928–1933. Т. 1–4.

Лит. о нем: Редин Е.К. Никодим Павлович Кондаков. СПб., 1897; Лазарев В. Н. Н.П. Кондаков. 1844–1925. М., 1925; Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. СПб., 2001; Клейн Л.С. Византиец: Н.П. Кондаков // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 541–565; Кызласова И.Л. Академик Н.П. Кондаков: поиски и свершения. СПб., 2018.

(Фото: РГАЛИ. Ф. 1937. Оп. 3. Ед. хр. 41)

становится Н.П. Кондаков, профессор Новороссийского университета (с 1877 г.), специалист по византийскому и древнерусскому христианскому искусству (см. о нем: Лазарев 1925; Кызласова 2018). Очевидно, не без связи с готовящейся отставкой И.Е. Забелина, известный знаток русских древностей и заведующий коллекцией Оружейной палаты Г.Д. Филимонов 24 апреля 1876 г. обратился к председателю ИАК С.Г. Строганову с просьбой о переводе его в состав Комиссии. В прошении говорилось: «Осмелюсь просить Ваше сиятельство оказать мне высокую милость переводом меня из безысходной моей службы в Оружейной Палате под непосредственное начало Ваше» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1876 г. Д. 6. Л. 8). 26 апреля последовал ответ С.Г. Строганова, который не мог исполнить просьбы: на вакантное место уже был приглашен Н.П. Кондаков.

Назначение Н.П. Кондакова в штат ИАК должно объясняться его изначальным вниманием к античному искусству, проявившимся в магистерской диссертации 1873 г. и археологических поездках по Северному Причерноморью. Впоследствии Н.П. Кондаков как младший член ИАК занимался исключительно археологическими исследованиями в Керчи (1876, 1878, 1882, 1883, 1885), на Таманском полуострове и Кубани (1877, 1878, 1880), под Евпаторией (1887), в Феодосии (1887) и Херсонесе, хотя здесь он выполнял свою миссию исключительно формально (1888–1890) (Никодим Павлович Кондаков... 2001). Однако к моменту назначения он уже в полной мере заявил о себе как о крупном специалисте по христианскому искусству, а не античному. Впрочем, по наблюдению В.Г. Дружинина, члена Комиссии

в 1889–1896 гг. (о нем см. ниже), из-за присущей ему осторожности Н.П. Кондаков не брал на себя ответственность за атрибуцию предметов, признавая их фальшивыми. Так было, например, с серебряным блюдом с изображением Юстиниана, найденным близ Керчи, которое впоследствии стало предметом изучения Н.В. Покровского и Й. Стржиговского (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 178). Уход Н.П. Кондакова из Комиссии в 1891 г. помимо причин личного характера, очевидно, был продиктован и непреодолимыми противоречиями между основными научными интересами исследователя и его служебными обязанностями как члена ИАК.

Не исключено, что подобное отношение к славяно-русским и средневековым древностям со стороны ИАК диктовалось воззрениями ее председателя. С.Г. Строганов был достойнейшим человеком, храбрым генералом, любителем и знатоком искусств, имевшим, по словам того же И.Е. Забелина, «редкий талант... охранять людей науки от антинаучных напастей и невзгод» (Забелин 1893: 5).

При этом граф всю жизнь оставался крайним и ярким «западником», убежденным в том, что «никакого русского искусства до реформы Петра не могло существовать, что если и есть какие-либо достойные памятники, то все они воспроизведены иностранными мастерами...» (цит. по: Формозов 1984: 39). Отсюда его интерес к Дмитриевскому собору во Владимире, в резьбе которого он почувствовал Францию задолго до того, как это было доказано научно (Строганов 1849; Иоаннисян 2007: 277–315).

Формирование штата Комиссии при С.Г. Строганове происходило весьма

ЛИНЕВИЧ Александр Станиславович (ок. 1830 — 23.11.1861) — действительный статский советник, из мящан. Окончил курс в Московском университете по юридическому факультету в 1852 г. Определен на службу чиновником при Керченском музее в 1853 г. Уволен в 1855 г. по состоянию здоровья. Зачислен на службу в ИАК в качестве производителя дел в 1859 г.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 2; РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 28.

ТИЗЕНГАУЗЕН Владимир Густавович (Эрнст Вольдемар) фон (21.02.1825 — 2.02.1902) — востоковед-арабист, нумизмат, археолог. Родился в Нарве. В 1848 г. окончил курс в Санкт-Петербургском университете по отделению восточной словесности. После окончания служил письмоводителем, а затем столоначальником в разных учреждениях. В 1861 г. поступил в ИАК, в которой прослужил почти до самой смерти. Занимал должности: производитель дел (1861–1864), младший (1864–1876), старший (1876–1894) член, товарищ председателя (1894–1900) и редактор «Отчетов ИАК» (1861–1897). В 1864–1884 гг. по заданию ИАК провел многочисленные раскопки курганов и городищ

на Нижнем Дону, в Поволжье, на Таманском полуострове, в Ольвии. Главные его работы посвящены восточной нумизматике, им проделан огромный труд по собиранию сведений (из арабских, персидских и турецких источников) о Золотой Орде. Чл.-корр. (1854), член (1866), почетный член (1891), первый официальный хранитель музея (1861–1866) РАО. Действительный член Германского восточного общества (1848), МАО (1865–1889), общества антикваров Нормандии (1868), ООИД (1882), ТУАК (1889). Чл.-корр. по разряду восточной словесности ИАН (1893), почетный член РАИК (1896).

Осн. соч.: О саманидских монетах. СПб., 1855; Монеты восточного халифата. СПб., 1873; Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике. СПб., 1876; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечение из арабских источников. СПб., 1884. Т. 1; Материалы для библиографии мусульманской археологии. Из бумаг В.Г. Тизенгаузена // Записки Восточного отделения ИРАО. Вып. 1. 1906. Т. 16; С. 79–145; Вып. 3. С. 213–416.

Лит. о нем: Барон В.Г. Тизенгаузен: Некролог; Библиографический список трудов // Известия ИАК. 1902. Вып. 2. С. 112–126; Розен В. Памяти барона В.Г. Тизенгаузена // Записки восточного отделения ИРАО. 1904. Т. 16. Вып. 2–3. С. 231–236; Тихонов И.Л. Русский востоковед, нумизмат, археолог В.Г. Тизенгаузен // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антикведческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб., 2007. С. 220–244; Мальмберг Я.Н. Из глубины времен (В.К. Мальмберг — К.Е. Думберг — В.Г. Тизенгаузен) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №2 (24). С. 77–83.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Т. Д. 3. Л. 1)

активно, но место старшего члена продолжало оставаться не занятым. В конце декабря 1877 г. к С.Г. Строганову обратился помощник хранителя древностей Эрмитажа, ганноверский подданный, член-корреспондент Археологического института в Риме Иван Давыдович Дель (1832–1879) с просьбой принять его на службу в ИАК с оставлением, однако, при прежней должности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 35). Поскольку со стороны Эрмитажа возражений не встретилось, то он стал младшим членом Комиссии 1 января 1878 г., однако заметного следа в ее деятельности не оставил. Уже в мае он был уволен в отпуск по состоянию здоровья, в сентябре 1879 г. был командирован министром двора за границу для изучения методов составления коллекционных каталогов, где 24 октября и скончался (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 57).

Определенную роль в организации деятельности Комиссии сыграл Александр Станиславович Линевиц. 24 февраля 1859 г. он обратился к С.Г. Строганову с просьбой принять его в Комиссию на должность производителя дел, на следующий день последовала положительная резолюция председателя, а еще через день — просьба графа о переводе просителя из Кабинета его императорского величества в Комиссию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 2. Л. 4, 5). Однако 23 ноября 1861 г. он скончался «после тяжелой болезни», и уже 24 ноября С.Г. Строганов в письме просил И.Е. Забелина приехать в Петербург как можно скорее, чтобы принять дела ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 28. Л. 1, 3).

Новым делопроизводителем Комиссии с 23 декабря 1861 года стал Владимир Густавович (Эрнст Вольдемар) Тизенгаузен, член-корреспондент

Императорского Русского археологического общества, секретарь его Восточного отделения и хранитель отделения музея. Его роль в истории Комиссии значительна, выходит за рамки первоначально занимаемой им должности и требует отдельного рассмотрения. Да и сам В.Г. Тизенгаузен, обращаясь 27 ноября 1861 г. к С.Г. Строганову и не будучи лично с ним знакомым, вряд ли предполагал, что он придет в ИАК в качестве делопроизводителя. В заявлении он писал: «Занимаясь исследованиями по части истории и древностей Востока и желая принять участие в археологических разысканиях, производимых в России по распоряжению Министерства императорского двора, я счел бы за особую честь поступить в состав находящейся под ведением вашего сиятельства Императорской археологической комиссии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 30. Л. 1). При этом он ссылался на свои работы об арабских монетах и сообщал о намерении представить в ИАК записку о важности раскопок в Булгаре, а также собрать материалы письменных источников о Золотой Орде.

Очевидно кончина А.С. Линевица ускорила появление этого письма, однако сам Тизенгаузен явно предполагал заниматься в составе Комиссии научной деятельностью. 15 декабря С.Г. Строганов наложил на письме резолюцию об определении В.Г. Тизенгаузена на место скончавшегося делопроизводителя. С 1857 г. он состоял на службе в Строительной конторе Министерства императорского двора. Через три года после назначения в Комиссию, 31 марта 1864 г., В.Г. Тизенгаузен перевели на должность младшего члена с сохранением обязанностей производителя, которые он выполнял

до 1873 г., с прибавкой 1000 руб. жалования в год. С 1 июля 1876 г. он стал старшим членом, с 1886 г. начал «исправлять должность» председателя ИАК в случае его отъездов. В декабре 1894 г. именно для В.Г. Тизенгаузена была введена не предусмотренная Положением об ИАК экстраординарная должность товарища председателя Императорской археологической комиссии.

В.Г. Тизенгаузен, ученик академика Х.Д. Френа, был близок с людьми, чья деятельность также была связана с ИАК, — П.С. Савельевым и П.И. Лерхом. Можно считать, что благодаря В.Г. Тизенгаузену П.И. Лерх пришел в ИАК в качестве делопроизводителя в 1873 г. (об этом ниже, см. также: Розен 1906: 231–236; Веселовский 1887а: СХIV–СХХ; Тихонов 2007b: 220–244).

Обратимся к научным заслугам В.Г. Тизенгаузена. В 1868 г. В.Г. Тизенгаузен был избран членом-корреспондентом Нормандского общества антиквариетов (Musin 2018: 58). Если его уход из Русского археологического общества не находит убедительных объяснений, кроме чрезвычайной занятости делами ИАК, то в 1889 г. он осознанно сложил с себя полученное в феврале 1865 г. звание члена Московского археологического общества из-за возникших разногласий между Археологической комиссией и МАО.

С именем В.Г. Тизенгаузена связано развитие «восточного направления» в деятельности ИАК, а его раскопки 1860-х гг. положили начало изучению «меотских» памятников. В мае 1863 г. ему было выделено 600 руб. из бюджета Комиссии, чтобы он мог познакомиться с раскопками, проводимыми ИАК на юге России. Первый опыт В.Г. Тизенгаузен получил под

руководством старшего члена ИАК И.Е. Забелина на завершающем этапе раскопок Чертомлыцкого кургана. С 1867 г. он вел раскопки на Тамани, а в 1875 г. руководил исследованием Семибратних курганов, на что была выделена весьма солидная сумма, составившая 5850 руб., почти половина годового бюджета Комиссии в то время (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 3. Л. 10).

Однако его подлинным научным интересом всегда оставалась восточная археология и древности Золотой Орды. С деятельностью этого члена ИАК связано издание и исследование письменных сведений восточных авторов о Золотой Орде. Этот проект, рассчитанный на четыре тома, был принят В.Г. Тизенгаузенем на личные средства его непосредственного «патрона» по Археологической комиссии графа С.Г. Строганова (Сборник материалов 1884). Второй том увидел свет лишь много лет спустя. Ради этого предприятия В.Г. Тизенгаузен не только представил пояснительную записку к изданию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 5. Л. 5–6), но и собирался совершить ученое шестимесячное путешествие по Европе и посетить Берлин, Лейпциг, Бонн, Мюнхен, Вену, Лейден, Париж и Лондон. С.Г. Строганов в январе 1880 г. обратился к министру народного просвещения Д.А. Толстому за материальной поддержкой этого предприятия, прося на все расходы даровать 2000 руб. и указывая, что накануне 500-летнего юбилея Куликовской битвы подобное издание пришлось бы весьма кстати. Министр во вспомоществовании отказал, однако переслал подписанный Д.А. Дорном, В.Р. Розеном и А.А. Куником положительный отзыв на проект издания конференции Академии наук (Там же. Л. 2–3).

В марте 1880 г. средства на поездку все же были получены от министра императорского двора.

Пожалуй, именно В. Г. Тизенгаузену принадлежала важная, едва ли не центральная роль в организации деятельности ИАК в первые три десятилетия существования. Особенно она возросла после отставки графа С. Г. Строганова в 1882 г., когда новый председатель Комиссии А. А. Васильчиков, одновременно занимавший пост директора Императорского Эрмитажа, не мог уделять много времени делам ИАК. Именно в это время В. Г. Тизенгаузен практически в одиночку ведет огромную переписку с исследователями на местах, в 1882–1886 гг. работает над проектами нового Положения и штатов Комиссии, защищает ИАК от попыток ее реорганизации или просто вытеснения из общественного пространства империи. Немало труда он потратил на приведение в порядок библиотеки Комиссии, каталоги которой часто вел собственноручно. Вплоть до 1897 г. он редактировал и готовил к изданию «Отчеты» Комиссии и переписывался с авторами раскопок. Интересно, что в 1880–1890 гг. В. Г. Тизенгаузен предлагал Комиссии сосредоточиться на «разыскании предметов древности, относящихся к отечественной истории», что очевидно было связано с началом осуществления национально-ориентированной культурной политики Александра III.

Отмечая заслуги В. Г. Тизенгаузена в организации работы Комиссии, необходимо указать, что непосредственным создателем делопроизводства ИАК стал Илья Алексеевич Суслов, принятый на должность журналиста Комиссии 1 января 1866 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24). Он происходил из солдатских

СУСЛОВ Илья Алексеевич (20.06.1835 — август 1919) — происходил из солдатских детей лейб-гвардии Семеновского полка, имел музыкальное образование. С 1866 г. журналист, с 1878 по 1902 г. — делопроизводитель ИАК, много сделал для налаживания делопроизводства и унификации отчетности Комиссии. С 1888 г. — коллежский советник. 1 декабря 1902 г. вышел в отставку из-за конфликта с членами комиссии Н. И. Веселовским и А. А. Спицыным.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24; *Орешиников А. В.* Дневник. 1915–1933 / ред. П. Г. Гайдуков. М., 2010. Кн. 1. С. 290.

(Фото: ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 52, фрагмент)

детей лейб-гвардии Семеновского полка; образование имел музыкальное. В ИАК он пришел коллежским регистратором и достаточно быстро сделал там чиновную карьеру: в 1871 г. он губернский секретарь, в 1875 г. титулярный советник, в 1878 г. коллежский асессор, в 1882 г. произведен в надворные

ЛЕРХ Петр Иванович (1828 — 4.09.1884) — востоковед и археолог, один из первых исследователей каменного века в России. В 1850 г. окончил курс в Петербургском университете по отделению восточной словесности. С 1861 г. библиотекарь РАО, с 1862 г. секретарь отделения западной и классической археологии. В 1873–1877 гг. секретарь Археологической комиссии, в 1877 г. получил место библиотекаря Петербургского университета. Изучал язык, историю и быт курдских племен. В 1858 г. сопровождал в Хиву и Бухару посольство полковника Н.П. Игнатьева. Летом 1865 г. по заданию ИАК совершил поездку по Олонекской, Вологодской и Вятской губерниям с целью обзора местных древностей. Собранные им материалы изданы в «Отчете Археологической Комиссии» за 1865 г. и изложены в реферате, который он прочел в 1869 г. на антропологическом и историческом Международном съезде в Копенгагене. В начале 1870-х гг. занялся пехлевийским, зендским, согдийским языками и дешифровал

надписи на монетах, чеканенных в Бухаре в VII–VIII вв. Об этом открытии был сделан доклад на третьем Международном конгрессе ориенталистов в Петербурге в 1876 г., в подготовке которого он принимал активное участие. Готовил обширное исследование «Монеты Бухар-худатов», приблизительно половина исследования была напечатана. Скончался в Гамбурге.

Осн. соч.: Исследования об иранских курдах и их предках, северных халдеях. СПб., 1856–1858. Т. 1–3; Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870; Орудия каменного и бронзового веков в Европе // Известия ИРАО. 1863. Т. 4. Вып. 2. С. 145–169; 1863. Т. 4. Вып. 4. С. 310–323; 1865. Т. 5. Вып. 4. С. 201–220; Обзор материалов по части доисторических древностей, собранных во время командировки в Северную Россию // ОИАК за 1865. 1866. С. XII–XV; Археологическое путешествие в северные губернии // Известия ИРГО. 1865. Ч. 1 (10). С. 196–197.

Лит. о нем: Тизенгаузен В. Г., Веселовский Н.И. Петр Иванович Лерх (некролог) // ЖМНП. 1884. № 11. Отд. 4, ноябрь. Ч. 236. С. 57–66; Памяти П.И. Лерха (1827–1884) // Записки ИРАО. 1884. Т. I. С. 104–114; Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 34–37.

(Ил.: Портрет К.К. Кастелли. Ок. 1878 г. (ГЭ. № ЭРГ-28836))

советники за «отлично-усердную службу», в 1888 г. он становится коллежским советником. 1 декабря 1902 г. И.А. Суслов был уволен на пенсию по болезни с сохранением права ношения мундира (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 265 — 265 об.). Будучи журналистом ИАК, он

с 3 февраля 1877 г. начал исполнять обязанности делопроизводителя (в связи с болезнью П.И. Лерха, см. ниже), а с 1 января 1878 г. был утвержден в этой должности. Интересно, что в конце 1900-х гг. И.А. Суслов, имея в виду получить для себя новые льготы и выплаты, настаивал на 49 с половиной годах государственной службы, тогда как А.А. Бобринской везде указывал 36 лет и 10 месяцев его службы в Комиссии. К причине такого «несовпадения в счете» мы еще вернемся. Необходимо отметить, что именно с деятельностью И.А. Суслова связана унификация многих форм отчетной и корреспондентской документации ИАК в 1870–1890-х гг. При нем в 1899 г. в делопроизводство вводится печатная машинка.

Его преданность делу ИАК сказывалась и на образе жизни. По воспоминаниям В.Г. Дружинина, И.А. Суслов к 11 часам утра приходил на службу, оставался здесь до 5–6 часов вечера, ел сухо, а затем шел в какой-то клуб, где просиживал ночь до утра за картами, возвращался оттуда домой, спал и опять шел на службу. Он же описывает следующую забавную историю: «Суслов был большой патриот Комиссии, и в Кабинете [его императорского величества] над ним давно подсмеивались и поддразнивали его. Однажды сидел он в приемной управляющего Кабинетом и ожидал доклада. К нему подсели чиновники и стали умалять заслуги Комиссии. Слово за слово, чтобы опровергнуть мнение Суслова, они спросили его: “Да каков же годовой бюджет Комиссии?” На это Суслов с пафосом заявил, что Комиссия тратит в год до тридцати тысяч рублей. Тогда чиновники сказали ему: “Ну что же это за учреждение! Метельная команда Зимнего Дворца стоит в год двести тысяч рублей — вот это действительно

учреждение!” Суслов так громко протестовал, что собеседникам его пришлось увести его из приемной во избежание скандала» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д 7. Л. 201, 204).

Человеком, которого И.А. Суслов непосредственно сменил на посту делопроизводителя Комиссии, был Петр Иванович Лерх, который пришел в ИАК, очевидно, не без совета В.Г. Тизенгаузена, чьи «восточные интересы» он также разделял. 12 марта 1873 г. П.И. Лерх, будучи помощником библиотекаря Петербургского университета, пишет прошение о занятии открывающейся вакансии производителя дел. Именно от В.Г. Тизенгаузена он принял эту должность. Специалист по восточным языкам, П.И. Лерх посещал в 1850-х гг. Рославль, где изучал жизнь пленных курдов, а в 1857 г. с научными целями ездил в Хиву и Бухару (см.: Смирнов 2015: 7).

Кроме изучения восточной культуры необходимо отметить вклад П.И. Лерха в изучение древностей каменного и бронзового веков, особенно на Северо-Западе России (Формозов 1986: 187) (подробнее см. главу VI). Уже в 1865 г., будучи членом ИРАО, П.И. Лерх командировался ИАК для обозрения древностей в Вологодской, Олонецкой и Вятской губерниях и выявления «следов доисторических переселений» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 15. Л. 4 об.; ОИАК за 1865 г. 1866: XII–XV). Он продолжал свои научные занятия в области первобытных древностей и в рамках ИАК. С 15 июля по 15 августа 1874 г. П.И. Лерх принимал участие в Стокгольмском съезде археологов. Он уже участвовал в подобной встрече в 1869 г. в Копенгагене, будучи командирован туда Министерством народного просвещения. ИАК обратилась

ЛЮЦЕНКО Александр Ефимович (31.07.1807 — 28.01.1884) — инженер путей сообщений, археолог, коллекционер монет. Член-корреспондент МАО (1869). В 1825–1837 г. служил в корпусе инженеров в различных округах путей сообщения. С 1838 по 1852 г. — преподаватель училища гражданских инженеров. В 1853 г. занял место директора Керченского музея. С 1859 г. в штате ИАК. Производил раскопки в окрестностях Феодосии, Керчи, на Таманском полуострове, доисследовал Александропольский курган. Впервые ввел в практику съемку планов разыскиваемых курганов, его научные отчеты отличались большой обстоятельностью. В 1878 г. вышел в отставку. Умер в Петербурге.

Осн. соч.: Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища. СПб., 1880.

Лит. о нем: Марти Ю. Сто лет Керченского музея: Исторический очерк. Керчь, 1926; Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003.

(Ил.: Марти 1926)

к министру двора с обоснованием такой поездки и необходимости ее финансирования. В письме, в частности, говорилось об успешном развитии в Европе доисторической археологии. Восприятие зарубежного опыта в России представлялось крайне важным для осмысления и обработки «случайно добытого материала» и современной «подъемки». Одновременно в Стокгольме П.И. Лерх имел бы возможность ознакомиться с доисторическими древностями в Национальном музее Швеции.

Однако карьера П.И. Лерха, потрясаяще работоспособного исследователя (по воспоминаниям современников, «он душою и телом предавался делу: можно сказать, ночей недосыпал, обеда не доедал, обращался ко всем и каждому, от кого можно было ожидать доставки интересных предметов»), в Комиссии продлилась недолго.

После большого труда по подготовке выставки к Международному съезду ориенталистов в Петербурге в 1876 г. в феврале 1877 г. его разбил паралич: «к хлопотам по выставке, к занятиям в Университете и в Археологической Комиссии присоединились и нравственные потрясения, вызванные болезнями отца и умиравшего дяди». Он просит об увольнении со службы по причине расстроенного здоровья с 1 января 1878 г. Архивное дело сохранило его личную подпись под этим заявлением, сделанную нетвердой рукой. Впоследствии он выезжает в Германию, где в Гамбурге его и настигает кончина (Тизенгаузен, Веселовский 1884: 57–66; ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 10. Л. 1, 7, 19–20, 31, 35).

Не реализовалось желание старшего чиновника канцелярии Императорского Эрмитажа, коллежского секретаря Константина Александровича

Фельдта (1845 — не ранее 1885), ранее служившего в Императорской Публичной библиотеке, который 6 декабря 1879 г. обращается к С.Г. Строганову с просьбой о зачислении его на должность журналиста Комиссии с оставлением при должности в Эрмитаже. Директор А.А. Васильчиков в ответ на запрос председателя ИАК не возражал против такого совместительства, однако 18 декабря С.Г. Строганов пишет просителю, что «вследствие изменившихся обстоятельств определение состояться не может» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 36. Л. 1, 10). Предположительно, функции журналиста продолжал выполнять И.А. Суслов, получая за это дополнительное вознаграждение.

Художником Комиссии уже в 1859 г. стал губернский секретарь Иван Никитич Медведев (1828–1886). Он окончил Дворцовое архитектурное училище, служил в Санкт-Петербургском губернском правлении, а с 1852 г. был прикомандирован к А.С. Уварову, работал с ним в Херсонесе и поступил на службу в Министерство уделов, откуда впоследствии перешел в Министерство двора и ИАК. 1 апреля 1861 г. на вакансию канцелярского служителя Комиссии был определен воспитанник Гатчинского сиротского института Николай Данилович Иванов, однако 31 декабря 1864 г. он подал прошение об отставке по здоровью и ввиду домашних обстоятельств (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 8; РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 30).

В архиве ИАК сохранились имена нескольких сторожей Комиссии, в основном из отставных унтер-офицеров. Одним из первых здесь служил Афанасий Афанасьев, который с 1854 г. был швейцаром в Академии художеств, а в ИАК оказался не ранее осени 1861 г.

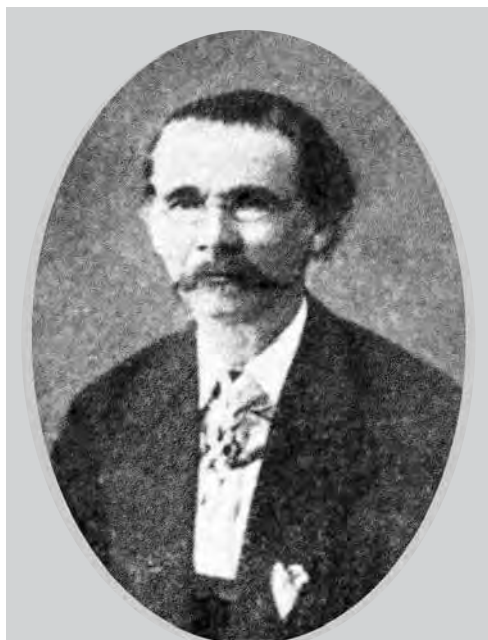

БЕГИЧЕВ Кирилл Родионович (1819 — 7.03.1862). Поступил в дворянский полк в 1835 г. В 1837 г. прикомандирован к учебному карабинерскому полку для испытания по службе. С 1843 г. служил в Виленском егерском полку. В 1845 г. уволен в чине штабс-капитана по собственному прошению. С 1853 по 1862 г. помощник директора Керченского музея. Известны его карандашные, акварельные и гравированные рисунки. Некоторые из них украсили роскошное издание «Древности Боспора Киммерийского». СПб., 1854.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 3; РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 3; РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 6; РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 9.

Лит. о нем: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 298–299; *Виноградов Ю.А.* Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Симферополь, Керчь, 2017.

(Фото: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 146. Л. 1).

ГРОСС Федор Иванович (Фридрих Иоганн) (1822 [?] — 12.11.1897) — художник, археолог. Родился в Симферополе, получил домашнее воспитание, живописи учился у своего отца Иоганна Людвига Гросса. В 1854–1855 гг. занимался живописью и литографией в Одессе. С 1857 г. — учитель рисования, черчения и чистописания при керченском Кушниковском девичьем училище. Исправлял должность помощника директора Керченского музея с 1.04.1862 по 1884 г. С 8.03.1884 по 1891 г. — директор Керченского музея. В 1888 г. назначен членом ИАК с возложением обязанностей директора музея. В 1864 г. организует четыре большие выставки своих картин под общим названием «Виды Крыма». В 1867 г. пожалован золотым перстнем с алмазными камнями за альбом с крымскими видами, поднесенный императору. Создал прекрасный альбом рисунков керченских ваз. В 1871 г. за исполнение обширного и сложного труда по снятию снимков с фресок

катакомбы, открытой в Керчи, получил благодарность от ИАК и денежное вознаграждение. Его рисунки — замечательная иллюстрация деятельности археологов на Керченском полуострове. 1 мая 1891 г. по состоянию здоровья был уволен со службы. В настоящее время место захоронения на городском кладбище в Керчи утеряно.

Осн. соч.: Коллекция живописных видов Крыма. Одесса, 1846; Альбом с 15-ю видами Одессы с картин Гросса. Одесса, 1854–1855.

Лит. о нем: Мальгина М. Художественная литография XIX в. и загадка Ф. Гросса // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1996. № 13. С. 31–35; Лазенкова Л. М. Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003.

(Ил.: Марти 1926)

Новым сторожем стал П. С. Клекин, отставной унтер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка, думавший служить в таможне в должности швейцара, но определенный в ИАК. С 1867 г. сторожем был Устин Михайлов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 23. Л. 1, 8; РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 14. Л. 1, 8).

Достаточно быстро сформировался штат «южного фланга» Комиссии — Керченского музея древностей. Должность директора унаследовал Александр Ефимович Люценко, возглавлявший музей с марта 1853 г. Он был уволен в 1878 г. согласно прошению, в связи с «расстроеным здоровьем». Его помощником стал Кирилл Родионович Бегичев (см. о нем: Виноградов 2017b: 8–21, 37–287), отставной штабс-капитан, занимавший эту должность с 1853 г. После его кончины в 1862 г. «условно допущенным к исправлению должности» помощника

директора с испытательным сроком 22 апреля стал учитель рисования, черчения и чистописания при керченском Кушниковском училище живописец и фотограф Федор Иванович Гросс (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 9; см. также: Виноградов 2017b: 22–287).

6 апреля 1873 г. А.Е. Люценко подает в ИАК рапорт с просьбой утвердить Ф.И. Гросса в занимаемой должности с 1 сентября 1862 г., что и было сделано. Однако в № 116 «Правительственного вестника» ошибочно сообщалось, что Ф.И. Гросс утвержден именно «директором» музея, что заставило честолюбивого А.Е. Люценко писать тревожные письма в Петербург, а С.Г. Строганова в ответном письме указать на ошибку официального издания (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 29. Л. 1 — 3 об., 13).

Интересно, что Ф.И. Гросс был не единственным кандидатом на должность помощника. О подобном назначении для себя ходатайствовал уже 13 марта 1862 г. Андрей Максимович Стефанский, учитель рисования Керченского уездного училища. Изначально ответственность за выбор помощника С.Г. Строганов возложил на самого директора, однако тот предпочел переложить этот долг на председателя, предложив ему лично отвечать А.М. Стефанскому, но присовокупив, однако, что совет Академии художеств дал «невыгодный отзыв» на его работы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 9. Л. 4, 6).

Стоит отметить, что за год до этого, 17 января 1862 г., керченский градоначальник контр-адмирал А.П. Спицын ходатайствовал о причислении в качестве фотографа к Керченскому музею местного купца Маркуса Эдельштейна и пересылал в качестве доказательства профессионализма последнего

сделанные им снимки пьедесталов и надгробной плиты. А.Е. Люценко, будучи вопрошен председателем о целесообразности такого шага, в ответном рапорте 26 мая 1861 г. написал, что неходит такое причисление «не удобным» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 24).

В начале 1870-х гг. здоровье директора пошатнулось, что оказалось сопряжено по времени с материальными затруднениями в его жизни. В феврале 1869 г. А.Е. Люценко попросил С.Г. Строганова о своей отставке, а также о выделении ему под Феодосией участка земли, дабы он смог прокормить себя. При этом он предлагал назначить директором вместо себя исследователя местных древностей П.И. Хицунова, а сам предполагал получить звание члена-корреспондента ИАК. С.Г. Строганов принял иное решение: не увольнять директора, а дать ему отпуск с годовым содержанием 928 руб. На время отпуска исполняющим обязанности директора был назначен В.Г. Тизенгаузен, и в том же году Керченский музей переехал из дома Померанцева на съемную квартиру в доме Кулисича (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 7. Л. 1–5, 7–8, 14).

Новым директором музея в конце концов стал не П.И. Хицунов, а статский советник Степан Иванович Веребрюсов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 30. Л. 1–2). Еще в конце 1877 г. он сообщил С.Г. Строганову о пошатнувшемся здоровье А.Е. Люценко и о его желании уйти в отставку, намекая на свою кандидатуру на замещение освободившегося места. 9 января 1878 г. ему было предложено подать соответствующее прошение в ИАК, которое было написано 30 января. С.И. Веребрюсов, купеческого происхождения, бывший инспектор Таганрогской гимназии, родом из Феодосии,

ВЕРЕБРЮСОВ Степан Иванович (1819 [?] — 7.03.1884) — статский советник, из купеческих детей, окончил курс Харьковского университета в звании кандидата. Служил в канцелярии новороссийского генерал-губернатора. В 1842 г. определен учителем русской словесности в Екатеринославскую губернию. В 1858 г. переведен инспектором в Таганрогскую комиссию по 1865 г. Директор Феодосийского музея древностей, в 1878–1884 гг. — директор Керченского музея.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 30; РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 8.

(Ил.: Марти 1926)

где он владел 600 десятинами земли, был председателем Феодосийского уездного училищного совета и директором Феодосийского музея древностей, который с 1851 г. состоял в ведении Императорского Одесского общества истории и древностей. Один из резонов к занятию новой должности С.И. Веребрюсов видел в том, что должностные члены общества, как и директор музея, окладов не получали, тогда как должность директора Керченского музея

состояла «в известном классе, иначе являлась штатной» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 30. Л. 4). При этом он просил о назначении на должность с сохранением пенсии положенного по штату жалования 600 руб., но с выдачей «столовых денег» 328 руб. в год. Официально С.И. Веребрюсов был назначен на эту должность 1 апреля 1878 г., и все же вместо пенсии ему было назначено жалование (Там же. Л. 17). Судя по всему, новый директор не торопился прибыть в Керчь, где А.Е. Люценко тяготился созданным положением, уже прочитав о своей отставке в прессе, хотя новое назначение так еще и не было официально произведено.

Только 12 мая С.И. Веребрюсов принял музей и уже 22 февраля 1883 г. был представлен к получению чина действительного статского советника.

Однако в ночь с 6 на 7 марта 1884 г. С.И. Веребрюсов скончался, и в должности директора с 8 марта был утвержден Ф.И. Гросс, который принял музей 14 марта (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 11). На сей раз тоже не обошлось без интриги. На следующий день после кончины директора, 8 марта, статский советник Илья Степанович Бескровный, член-корреспондент ООИД, бывший (до 1864 г.) заведующий Феодосийским музеем древностей, который в то время уже заведовал гробницей при Мелек-Чесменском кургане, просил керчь-еникальского градоначальника контр-адмирала Николая Карловича Вейса исходатайствовать ему освободившуюся должность. 14 марта градоначальник изложил председателю ИАК А.А. Васильчикову эту просьбу, присокупив, что ему «ни мало неизвестно», насколько И.С. Бескровный может исполнять эту должность, но то, что тот постоянно избирается в почетные

мировые судьи, говорит о многом. 26 марта И.С. Бескровный сам пишет в Петербург, однако Ф.И. Гросс еще в своем рапорте от 13 марта выражает беспокойство совершающейся интригой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 11. Л. 3, 11 — 11 об., 14 — 14 об.). Параллельно развивалась еще одна интрига: 28 марта титулярный советник Василий Христофорович Кондараки из Ялты тоже просит назначить его на должность директора Керченского музея, ссылаясь при этом на свои связи с ООИД (Там же. Л. 16 — 16 об.). История деятельности ИАК на юге Российской империи всегда была в значительной степени связана с личностным фактором...

Еще одним подразделением ИАК была «Римская комиссия археологических разысканий», о деятельности которой сохранились весьма немногочисленные свидетельства. Существует мнение, что ее создание связано с тем, что в 1846 г. русское правительство приобрело участок земли на Палатинском холме в Риме. На следующий год итальянский археолог Анджело Весковали (1826–1895) начал производить здесь раскопки, и Римская комиссия должна была наблюдать за этими изысканиями (Охрана памятников 1978: 334, примеч. 16). Однако, официально созданная еще в середине 1840-х гг., она практически начала действовать лишь с назначением 10 декабря 1850 г. князя Григория Петровича Волконского на должность «заведующего комиссией» и «попечителя над находящимися в Риме пенсионерами Академии художеств». В его служебные обязанности входило оказание содействия и руководство этими художниками. Помощником заведующего тогда же был назначен Степан Александрович Геденов (Сотрудники Императорского

Эрмитажа 2004: 49–51), который позднее, с 4 апреля 1861 г., стал руководителем комиссии. С 27 мая 1853 г. к комиссии был причислен князь Александр Христофорович Ливен. Секретарем при попечителе — заведующем комиссией состоял с 1 января 1858 г. титулярный советник П.И. Лерх (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 25. Л. 11–15; Сборник 1866: 151).

Однако, когда в 1863 г. С.А. Геденов был назначен первым директором Императорского Эрмитажа, Римская археологическая комиссия «тихо умерла», поскольку ее функции взял на себя сам «Императорский Музеум». В 1869–1870-е гг. С.А. Геденов, чередуясь с Л.Э. Стефани, бывшим в это время членом-корреспондентом ИАК (об этом см. ниже), исполнял обязанности председателя Комиссии во время отпусков и отъездов С.Г. Строганова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 7. Л. 3, 7).

Необходимо упомянуть еще об одном направлении деятельности Комиссии, порученном ей изначально, и о связанных с ним личностях, но, однако, до конца столетия так и не ставшем одним из ее приоритетов. Почти с самого начала существования Комиссии ей была поручена миссия, которая в силу ряда причин, в том числе правовых и организационных, практически не могла быть ею исполнена. 20 декабря 1859 г. последовало «особое Высочайшее повеление» № 5823, возлагающее на Комиссию обязанность «отыскания и возобновления древней стенной иконной живописи в старинных православных церквях» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 53. Л. 7 об.). Следствием этого повеления стало причисление к Комиссии членов Императорской академии художеств Федора Григорьевича Солнцева

ГЕДЕОНОВ Степан Александрович (1.06.1816 — 15.09.1878) — гофмейстер, тайный советник, историк, археолог-искусствовед, театральная деятельность. Из старинного смоленского шляхетского рода. В 1832 г. поступил на службу в московскую Дворцовую контору. В 1835 г. окончил Санкт-Петербургский университет, историко-филологический факультет, и был определен секретарем при президенте Академии наук. С 1849 г. — чиновник по особым поручениям при Министерстве народного образования. В 1850 г. назначен помощником заведующего, а в 1861 г. заведующим Римской археологической комиссией. В 1863 г. назначен директором Эрмитажа. Приобрел для музея ряд шедевров мирового искусства. Автор каталога древней скульптуры. В 1867–1875 гг. одновременно руководил Императорскими театрами. В 1874 г. временно назначен заведующим делами ИАК. Был удостоен Уваровской премии за труд «Варяги и Русь». Почетный член Императорской академии наук (1863). Действительный член

Общества любителей российской словесности (1863), МАО (1864), Общества истории и древностей (1875).

Осн. соч.: Варяги и Русь. СПб., 1876; Галерея древней скульптуры. СПб., 1866.

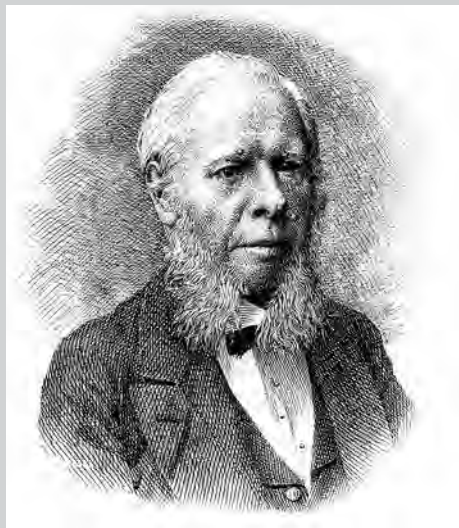
Лит. о нем: Русский биографический словарь. Т. Гааг-Гербель. СПб., 1914; Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: биобиблиографический справочник. СПб., 2004. С. 49–51.

(Ил.: Сотрудники... 2004: 49)

и Ивана Петровича Вольского. Судя по имеющимся документам, это повеление было инспирировано самим Ф.Г. Солнцевым, который летом 1859 г. осматривал памятники древнерусской архитектуры во Владимире и в декабре докладывал императору об их печальном состоянии.

Граф Строганов расценивал подобную миссию как совершенно чуждую вверенной ему Комиссии и всячески пытался сложить ее с себя. Во всяком случае, вплоть до 1880-х гг. Комиссия практически не занималась проблемами охраны памятников церковной старины. Вместе с тем необходимо отметить, что уже с 1860-х гг. Комиссия была вовлечена в процесс охраны и ремонта памятников гражданского и военного зодчества в Туле, Гдове, Каменце-Подольском, Ревеле, которые тогда активно приводились в порядок или же подвергались угрозе разборки и разрушения (подробнее см. главу XIII).

В результате повеления «причисленные к Комиссии» академики Ф.Г. Солнцев и И.П. Вольский исправно получали денежное вознаграждение: первый от Кабинета — 857 руб. 14 коп., второй из Казначейства — 500 руб. год.

СОЛНЦЕВ Федор Григорьевич (14.04.1801 — 3.03.1892) — художник, археолог. Родился в крестьянской семье в Ярославской губернии. Окончил Императорскую Академию художеств. Под руководством А.Н. Оленина изучал русские древности. В 1830 г. был командирован по России для срисовывания старинных предметов, утвари, одежды, оружия. Часть этих рисунков вошла в издания «Памятники московской древности» (1842–1845) и «Древности Российского государства» (1849–1853). В 1836 г. получил звание академика за картину «Свидание князя Святослава с Иоанном Цимисхием». С 1841 г. работал по заказу Святейшего Синода. Участвовал в реставрации Софийского собора в Киеве, открыл там древнюю живопись и мозаику, сделал рисунки и прориси с древних изображений. В 1876 г. удостоен звания профессора. Действительный член МАО с 1875 г. В декабре 1859 г. был причислен к ИАК для «отыскивания и возобновления древней стеной иконной живописи в старинных православных церквях».

Осн. соч.: Русские святые — предстатели перед Богом за царя и Святую

Русь. СПб. 1880; Святой благоверный князь Александр Невский. СПб., 1884; Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. 1876. Т. 15. Январь. С. 109–128; февраль. С. 311–323; март. С. 617–644; май. С. 147–160; июнь. С. 263–302; Рязанские древности или известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 году близ с. Старая Рязань. СПб., 1834 (в соавторстве с А.Н. Олениным); Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. Рис. Ф.Г. Солнцева. СПб., 1854.

Лит. о нем: Собко Н. П. Ф. Г. Солнцев и его художественно-археологическая деятельность // Вестник изящных искусств. 1883. Т. 1. Вып. 3. С. 471–481; *Верховец Я.Д.* Федор Григорьевич Солнцев — художник-археолог. СПб., 1899; *Маслов К.И.* Академик Ф.Г. Солнцев. Художник-археолог, реставратор // Искусство христианского мира. 1999. №3. С. 209–219; *Евтушенко М. М.* Академик живописи Ф.Г. Солнцев (1801–1892). М., 2017.

(Ил.: Портрет И.П. Пожалостина (ГЭ. № ЭРГ-15747))

И если И.П. Вольский еще участвовал в деятельности ИАК, сопровождая В.Г. Тизенгаузена в его ученых путешествиях по южным губерниям России, то Ф.Г. Солнцев, похоже, расценил получаемые деньги как заслуженный пенсион. Пожалуй, единственный раз, когда его участие в делах ИАК оказалось зафиксировано в архивном деле, был связан с его миссией по копированию надгробных надписей в музее Университета св. Владимира в Киеве. 15 мая 1867 г. С.Г. Строганов, узнав, что по поручению РАО Ф.Г. Солнцев отправляется на лето в Киев, попросил того сфотографировать или сделать «бумажные

ВОЛЬСКИЙ Иван Петрович (1817 — 9.09.1868) — титулярный советник, получил воспитание в Академии художеств, в 1839 г. выпущен в звании художника, ученик М.Н. Воробьева. В 1840 г. причислен к Оружейной палате. В 1844 г. послан в Московскую губернию для снятия копий с росписей в Ново-Иерусалимском и Саввино-Сторожевском монастырях. Причислен к ИАК с 1859 по 1868 г. Преподавал рисование в Мариинском институте (1867). Кисти Вольского принадлежат акварели с изображением парадных интерьеров дворцов, хранящиеся в коллекции Эрмитажа.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 29. Л. 7–10; РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 11.

СТЕФАНИ Лудольф Эдуардович (17.03.1816 — 30.05.1887) — археолог и филолог, академик. В 1841 г. окончил Лейпцигский университет со степенью доктора филологии. В 1842–1843 гг. посетил Афины, Смирну, Константинополь, Северную Грецию, Рим. С 1846 г. профессор археологии

на кафедре классической филологии Дерптского университета. По поручению Академии наук издавал труды академика Е. Е. Келера. В 1850 г. был избран членом Императорской Академии наук и переселился в Петербург. В 1852 г. назначен директором Нумизматического и Египетского музеев при Академии наук. В 1851–1887 гг. был хранителем греческих и римских древностей при I Отделении Эрмитажа. С 1860 г. член-корреспондент ИАК, с 1859 по 1883 г. принимал непосредственное участие в написании и издании отчетов ИАК. В 1886 г. получил звание почетного члена ИАК. Состоял членом многих ученых обществ.

Осн. соч.: Der Kampf zwischen Theseus und Minotaurus. Leipzig, 1842; Titulorum graecorum. T. I–V. Dörpt, 1848–1850; Reise durch einige Gegenden des nördlichen Griechenlandes. Leipzig, 1843; Antiquités du Bosphore Cimmerien. Saint-Pétersbourg, 1854; Apollon Boëdromios. Saint-Pétersbourg, 1860; Die Vasensammlung der Kaiserlichen Ermitage. Saint-Pétersbourg, 1869; Die Silbervase von Nikopol. Saint-Pétersbourg, 1873.

Лит. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Библиографический справочник. СПб., 2004. С. 139–141; *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX века). СПб., 2002.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-С. Д. 26. Л. 1)

оттиски» с хранившихся там надгробий, а также выяснить их происхождение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 13. Л. 1–3).

В 1868 г. вместо И.П. Вольского, скончавшегося 9 сентября, к ИАК был причислен академик живописи барон Михаил Петрович Клодт фон

Юргенсбург (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 27. Л. 4, 5, 8; РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 38. Л. 3 — 3 об.). Он был уверен, что И.П. Вольский был «художником» Комиссии, и 13 сентября просил определить его в ИАК именно на эту должность. Однако такое «причисление» носило весьма непродолжительный характер: по семейным обстоятельствам барон попросил уволить его с мая 1873 г.

Кадровый вопрос всегда был одним из самых острых в деятельности ИАК. С 1872 г. сведения о составе Комиссии стали регулярно публиковаться в адрес-календаре Министерства императорского двора, который издавался Департаментом герольдии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 38). Согласно пунктам 4, 21 и 23 Положения об ИАК, она могла иметь почетных членов и членов-корреспондентов, содействующих в достижении Комиссией ее целей и даже имеющих право быть представленными к наградам за важные открытия и оказанные большие услуги. Привлечение членов-корреспондентов в ИАК могло бы решить некоторые проблемы ее научной активности и восполнить недостатки сотрудников, однако только один раз С.Г. Строганов прибегнул к такой возможности: 2 марта 1860 г. хранитель Эрмитажа академик Лудольф Эдуардович Стефани был избран в члены-корреспонденты (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 7. Л. 3). Труды Л.Э. Стефани по обработке

и публикации материалов из раскопок Комиссии были щедро вознаграждены. В 1876 г. председатель Археологической комиссии ходатайствовал об установлении академику на 12 лет «ежегодной аренды» по 1200 руб. В итоге рассмотрения этого дела в вышестоящих инстанциях аренда была заменена выплатой из средств Государственного казначейства, для чего потребовался специальный указ императора. Вплоть до 1886 г. новых избраний не производилось. Таким образом, Л.Э. Стефани в течение долгих лет был практически единственным «внештатным сотрудником» Комиссии.

ИАК привлекала также к своей деятельности лиц, не связанных с ней организационно. В апреле 1864 г. заслуженный профессор Филипп Карлович Брун (1804–1880) из Ришельевского лицея в Одессе, по его собственной инициативе, был командирован Комиссией в Бессарабский и Новороссийский края для сравнения современных географических условий с информацией из произведений античных авторов о Геродотовой Скифии. На таковые «проверку и сличение» ему было выдано 600 руб. В октябре 1865 г. он представил в Комиссию «Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях» как введение к готовившемуся изданию о скифских древностях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 13. Л. 1–10; ср.: Брун 1872).

VI

Одной из первых задач ИАК стало создание административного делопроизводства, связанного с проведением археологических исследований на территории Российской империи и согласованного с существующим правовым

пространством. Необходимо было найти форму документа, обеспечивающего контроль государства над раскопками и находками на казенных и общественных землях. Открытый лист — документ, который сегодня является одним

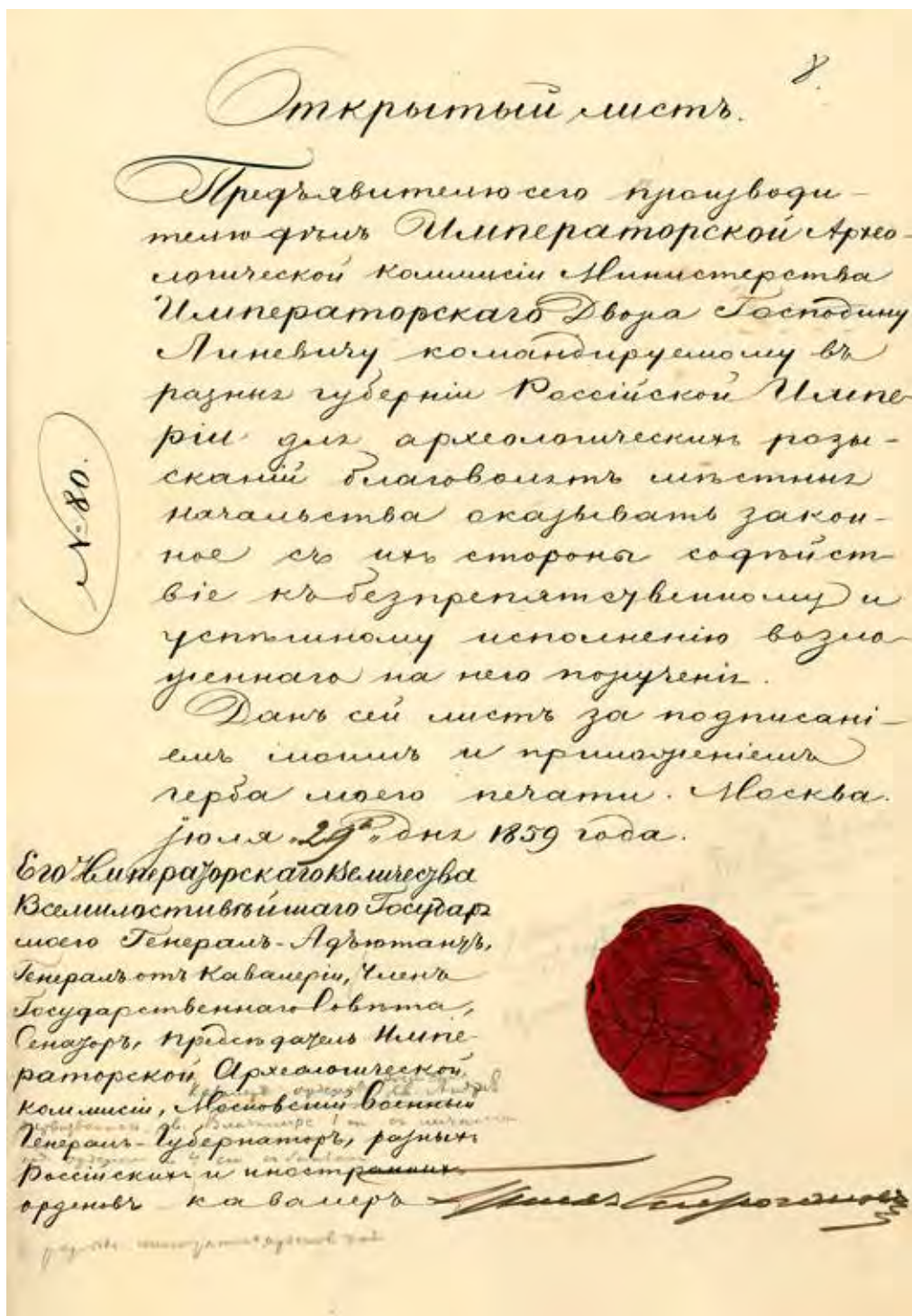
из главных регуляторов деятельности археологического сообщества и дает право на проведение археологических исследований — изначально присутствовал в деятельности ИАК. Годом начала выдачи Открытых листов, подтверждающих право их владельцев на производство археологических исследований, надлежит считать 1859, поскольку в 1889 г., как будет показано ниже, такая практика получила лишь окончательную кодификацию в имперском законодательстве и в силу этого — беспрекословное признание со стороны членов археологического сообщества (ср.: Сорокина 2008: 28, 29, 37, 38).

Само явление пришло в науку из бюрократической процедуры и до определенного времени обозначало лишь пропуск (*laissez passer*) как разрешение на свободный проезд по определенной территории по служебной надобности, содержащее обращение к местным властям о содействии в исполнении возложенной на чиновника миссии. Существовало и другое значение: Открытый лист позволял физическому лицу беспрепятственное следование через государственную границу и предоставлял право на свободный и беспошлинный провоз находящегося при нем багажа через таможенную той страны, властями которой он выдан. В таком виде Открытый лист до сих пор сохраняется в дипломатическом обиходе. Академик А. Н. Крылов в своих воспоминаниях красочно описывает, как он в 1913 г. получал Открытые листы «на 15 мест вещей» и командировочный паспорт в Министерстве иностранных дел для испытания новых судовых устройств в северной Атлантике. Пять рублей, вовремя данные курьеру и делопроизводителю, избавили его от хождения по замкнутому

кругу от начальника канцелярии к руководителям департаментов (Крылов 2003: 195).

В России Открытые листы выдавались конкретными ведомствами, командировавшими своих чиновников и служащих для исполнения соответствующих миссий на территории империи и за ее пределами. Один из первых листов от имени ИАК был выдан 29 июня 1859 г. делопроизводителю ИАК А. С. Линевицу для поездки в ряд южных губерний Астраханской области с целью определения перспективности продолжения раскопок на Царевском городище и выработки стратегии исследований кубанских памятников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 17. Л. 8). Этот лист, как и последующие, был выдан С. Г. Строгановым и содержал следующую фразу: «Предъявителю сего... командируемому в разные губернии Российской империи для археологических разысканий, благоволят местные начальства оказывать законное с их стороны содействие к беспрепятственному и успешному исполнению возложенного на него поручения. Дан сей лист за подписанием моим и приложением герба моего печати» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 22. Л. 3).

Однако подобные документы до определенного времени могли дублироваться на местах. Одновременно с этим документом А. С. Линевиц пользовался в поездке «Открытыми предписаниями» Астраханского губернатора от 21 августа и «исправляющего должность наказного атамана» Войска Донского от 28 августа, а также «Открытым листом» Екатеринославского губернатора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 17. Л. 9, 10, 11) и даже «Открытым приказом» главного атамана Войска Донского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 22. Л. 4).

Изначальная форма Открытого листа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 17. Л. 8)

Все документы подтверждали полномочия археолога перед лицом местного начальства и обязывали оказывать ему всяческое содействие. Появление подобных документов было результатом личного обращения председателя ИАК к губернаторской власти (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 6. Л. 14). Однако они сравнимы с современной практикой регистрации Открытого листа в органах местной власти и охраны памятников.

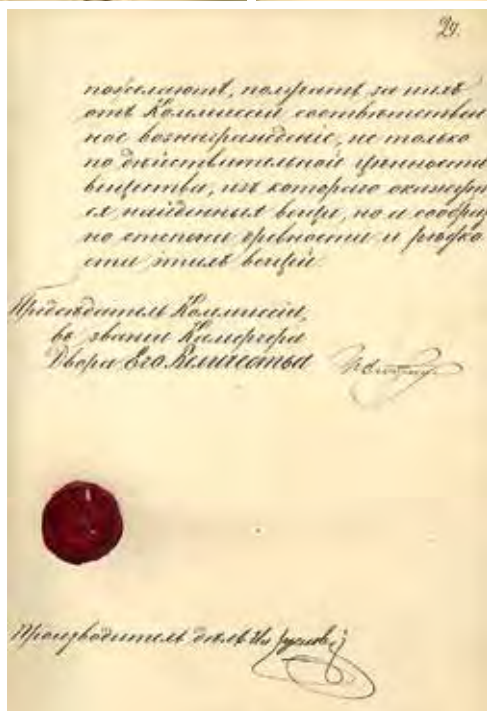
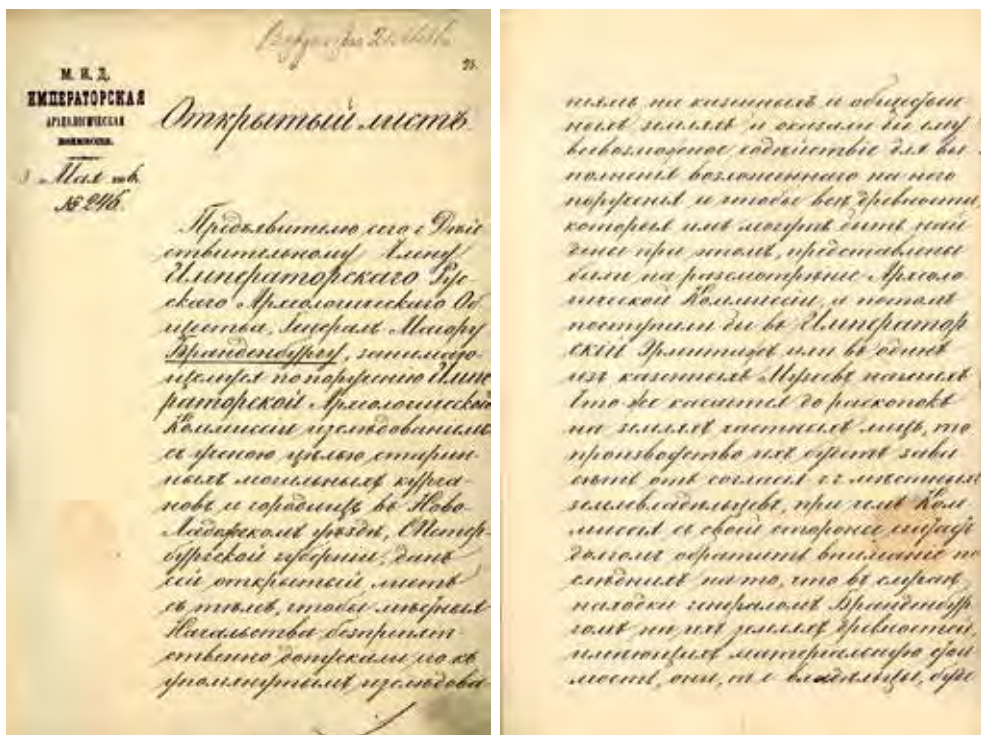
Текст Открытых листов варьировался в зависимости от исполняемой миссии. Так, Я.М. Лазаревскому, отправлявшемуся на Белое озеро, был выдан лист на «археологическое исследование древних насыпей» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 15. Л. 38) и подорожная грамота, а самый первый лист на «архитектурно-археологические исследования» был выписан 31 мая 1860 г. А.С. Линевицу для осмотра древних церквей г. Владимира в преддверии их возможной реставрации (Там же. Д. 9. Л. 29).

10 июня 1888 г. Открытый лист был выдан И.И. Толстому, который собирался посетить с «инспекторской целью» раскопки на Старорязанском городище, на «осмотр и исследование всех остатков древности». Интересно, что это один из немногих документов Комиссии, где право такого осмотра и исследования распространялось на «казенные, церковные и общественные земли», что, как будет показано ниже, отражало определенный этап в борьбе ИАК за свои полномочия по охране и исследованию российской старины (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 45. Л. 9). Листы могли выдаваться «на раскопки развалин древней церкви», как это было сделано 27 апреля 1887 г. для Н.Е. Бранденбурга и его работ в Старой Ладого, «на изучение мест древних

сражений» или на «осмотр древней фресковой живописи в связи с возможным изданием». Такой лист на посещение Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове 17 марта 1893 г. получил В.В. Суслов (Там же. Д. 636. Л. 9).

В апреле 1865 г., в связи с административными реформами в империи, ИАК была вынуждена запрашивать бланки Открытых листов в Министерстве внутренних дел: в департаменте исполнительной полиции и в департаменте общих дел — с обязательством сообщать, кому эти листы были выданы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 14. Л. 2, 4, 6). Однако известия о таком порядке выдачи листов относятся лишь к одному году. В 1891 г. в связи с введением единой формы Открытых листов 1889 г. была заведена книга их выдачи.

Мнение о том, что Открытый лист был своего рода «подорожной» и давал право беспрепятственно пользоваться в дороге государственными лошадьми, оказывается несостоятельным. Подорожные запрашивались отдельно в управлении военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга. Их использование было регламентировано и подлежало строгой отчетности перед выдавшей их организацией: ИАК сообщало генерал-губернатору кто и для каких целей воспользовался выданными документами. Так, в феврале 1860 г. ИАК запросила пять подорожных, в мае того же года — еще пять (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 3. Л. 1–4). С 1867 г. подорожные выдавало Распорядительное отделение Канцелярии Санкт-Петербургского губернатора, а с 1869 г. существовала особая форма «Отчета о приходе и расходе подорожных бланков по казенной надобности» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 14. Л. 26–27).

Открытый лист Н. Е. Бранденбурга 3 мая 1886 г. на исследование в Старой Ладоге (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 17. Л. 23–24)

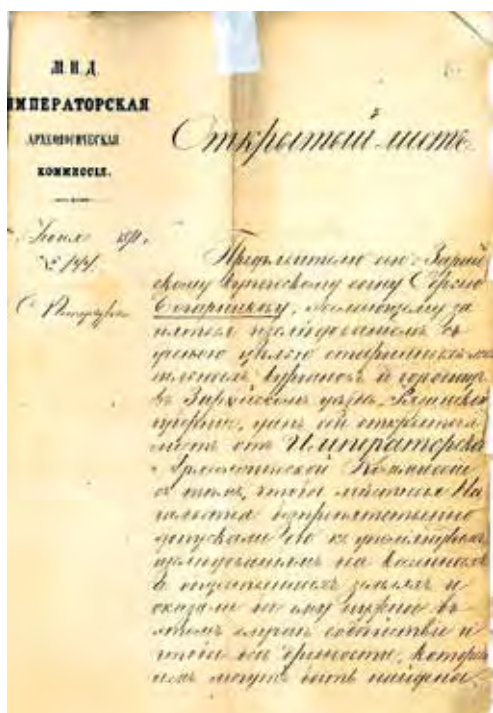
Подорожный бланк Я.М. Лазаревскому для поездки на Белоозеро
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 15. Л. 37)

Примечательно, что Открытые листы изначально выдавались лишь сотрудникам ИАК или лицам, которых ИАК отправляла на места с официальной миссией. Так, в 1867 г., коломенскому участковому мировому судье А.П. Кикину, запросившему разрешение на исследования курганов в Коломенском уезде «на землях частных и государственных крестьян», ИАК просто ответила, что с ее стороны «не встречается препятствий к дозволению» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 32. Л. 1 — 3 об.; ср.: ЦИАМ. Ф. 16. Д. 3338).

П.А. Шишкину, который в 1869 г. выразил желание исследовать курганы в Псковской губернии на земле крестьян государственных имуществ, 25 февраля было выдано «свидетельство» «в том, [что] Императорская археологическая комиссия на основании Высочайше утвержденного 2 февраля 1859 года

устава ее разрешает ему производить под личным его наблюдением и за его собственный счет на казенной земле <...> в течение летнего времени текущего 1869 года» раскопки. На будущий год свидетельство было возобновлено (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 5. Л. 2 — 2 об.). В июне 1871 г. был выдан Открытый лист купеческому сыну Сергею Бочарникову на исследование за свой счет городищ и курганов без указания формы собственности на землю (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 15. Л. 6). Похоже, процедура выдачи разрешений на раскопки к началу 1870-х гг. начала стандартизироваться, однако, похоже, что такой документ, как Открытый лист, распространялся лишь на подведомственные Комиссии казенные земли.

Для зарубежных миссий существовал иной официальный набор документов. В 1880 г. В.Г. Тизенгаузену,

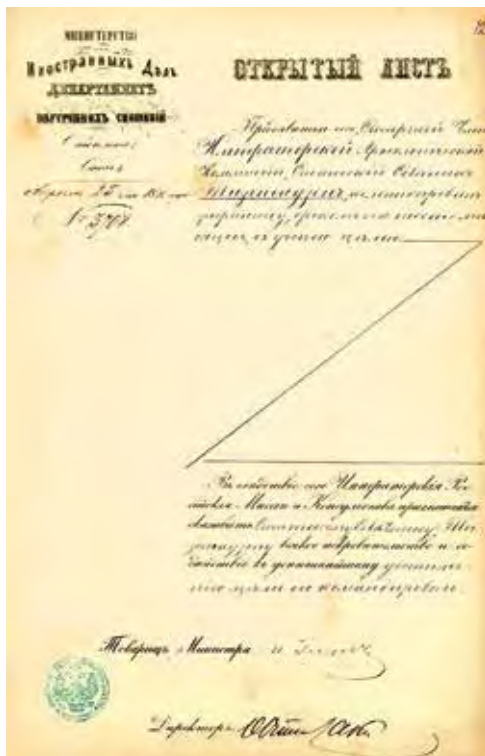

Открытый лист С. Бочарникова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 15. Л. 6 — 6 об.)

который был командирован в Европу, по запросу С.Г. Строганова Министерство иностранных дел выдало Открытый лист и паспорт на поездку за границу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 5. Л. 12, 13–13а). П.И. Лерх для поездки в Швецию в 1874 г. получил подорожную грамоту.

Не меньше сложностей в деятельность ИАК вносила и финансовая отчетность. 26 декабря 1863 г. при Министерстве двора была открыта «единая касса» и введены новые кассовые ведомости, в частности «требовательная ведомость содержания» чиновником и служащим и форма «счета в употреблении аванса». ИАК в своей деятельности руководствовалась «Правилами бухгалтерского счетоводства в распорядительных управлениях»

Открытый лист В. Г. Тизенгаузена
на поездку за границу в 1880 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 5. Л. 12)

Заграничный паспорт В.Г. Тизенгаузена (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 5. Л. 13–13а)

Бланк счета в употреблении аванса
Императорской археологической комиссии
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 45. Л. 46–47)

и «Правил о поступлении государственных доходов и производстве государственных расходов».

В 1866 г. вышли новые временные правила по проверке материальной отчетности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 1. Л. 1–2, 142 — 150 об.). В соответствии с подобными правилами Комиссия должна была представлять «Отчет о приходах, расходах и остатке сумм, припасов и материалов по ИАК и Керченскому музею» в виде огромных «простыней». Так, отчет за 1863 г. не был доставлен вовремя, и контроль Министерства двора должен был напомнить об этом председателю ИАК в феврале 1864 г. Сегодня может показаться странным как то, что С.Г. Строганов объяснял причины остатка «некомплектom чинов Комиссии», так и то, что, при общем расходе за 1863 г. в 22430 руб. и 20 с четвертью коп., остаток суммы на расходы и оборудование в размере 73 руб. 99 коп. обратно в кассы министерства не изымался, а продолжал оставаться в распоряжении председателя (Там же. Д. 2. Л. 8–9).

Таковы были первые сотрудники и первые заботы созданной в 1859 г. Императорской археологической комиссии. Стоит задаться вопросом: насколько ее создание изменило ситуацию с изучением и собиранием древностей Российской империи, стало важным рубежом в этом процессе? Можно сформулировать вопрос иначе: в какой мере создание ИАК оказалось действительно судьбоносным событием, кардинально поменявшим организационную структуру, функции и возможности главного государственного органа «археологических разысканий»?

Нам уже известно, что еще в 1852 г. министру двора и уделов стали подчиняться все археологические

исследования в России, которые год спустя были сосредоточены в Кабинете его императорского величества, для чего существовал особый штат «археологических чиновников», собирательно названных «комиссией разыскания древностей». Однако было бы неосторожно согласиться с мнением, что именно эта «комиссия», пусть с другим персональным составом, была преобразована в 1859 г. в Императорскую археологическую комиссию. Согласно этому мнению, указ императора не создавал нового подразделения министерства, а повышал формальный статус уже существовавшего и законодательно утвержденного ведомства, ранее подчинявшегося Кабинету его императорского величества, а теперь становившегося отдельным подразделением министерства с подчинением непосредственно его главе. Таким образом, 1859 г. оказывается лишь условной датой основания ИАК (ср.: Смирнов 2014: 621–622).

Однако знакомство с планами С.Г. Строганова и обстоятельствами учреждения Комиссии позволяет уточнить эти наблюдения. В действительности происшедшие в 1859 г. события создали совершенно новый орган, пусть и основанный на опыте государственной организации археологических исследований 1852–1858 гг. Это было инновационное подразделение государственной структуры, которое обладало высокой степенью автономности. Ему были присущи новые возможности и полномочия.

Эта организация обладала возможностью самостоятельно ставить перед собой научные задачи, носившие в целом системный характер и потенциально обладавшие широкой географической и культурно-хронологической

направленностью. Благородные, но весьма далекие от продуманной программы и системы исследовательские порывы археологических чиновников начала 1850-х гг., весьма непостоянных в своих интересах, сменились

целенаправленной работой по изучению региональных древностей, основанной на серьезных финансовых возможностях и государственной поддержке. Изучение дальнейшей истории ИАК способно укрепить этот вывод.

VII

В первый же год своего существования Комиссия провела раскопки на юге России: в Керчи, на Таманском полуострове и «в стране гирров» в поисках погребений царей скифов-скотлов, описанных Геродотом (Миронов 1900: 240). Помимо степей Нижнего Поднепровья на долгие годы основным районом раскопок Археологической комиссии стала территория, некогда входившая в Боспорское царство, — Керченский и Таманский полуострова. Этому можно предложить ряд объяснений. Нам уже известно, что сам С.Г. Строганов, воспитанный на традициях античного искусства, полагал главной целью Археологической комиссии поиск его ярких произведений. Однако мнение С.А. Жебелева по поводу полевой деятельности Археологической комиссии в первую четверть века ее существования представляется слишком категоричным: «Пополнение Эрмитажа стояло, несомненно, на первом плане деятельности Комиссии. Так как наибольшую и наиболее богатую поживу в получении вещественных памятников могли обещать места погребений как греческих колонистов, так и скифских царей и вельмож, то раскопки сосредотачивались, преимущественно, на расследовании некрополей» (Жебелев 1923: 112). Как мы увидим в дальнейшем, не только греческие колонисты и скифские цари интересовали Комиссию в это время.

В отношении качества археологических изысканий ИАК стоит отметить, что сотрудники Комиссии проводили свои полевые работы в то время, когда существовали несколько другие, отличные от современных, представления о целях и задачах исследований. Можно вспомнить и критическое отношение к деятельности членов ИАК, высказанное М.И. Ростовцевым (кстати, бывшим ее сверхштатным членом), который писал по поводу исследования керченских памятников, что присылаемые из Петербурга археологи действовали как «хорошие чиновники, уделяя основное внимание поиску предметов из драгоценных металлов в ущерб их антуражу», т. е. археологическому контексту. Он указывал на отсутствие системы в исследованиях и неудовлетворительное состояние полевой отчетности, связанное с недостаточным уровнем фиксации найденных артефактов на планах и картах (Ростовцев 1914а: 3–4). Этим объясняется и преимущественное внимание к погребальным памятникам, где, конечно, шансов найти что-нибудь эффективное было намного больше, чем в слоях поселений. Раскопки, не увенчавшиеся подобными открытиями, расценивались как неудачные, и, например, щепетильный барон В.Г. Тизенгаузен нередко сетовал по поводу впустую потраченных казенных денег (Тихонов 2007b: 237).

Стоит вспомнить и характеристику полевых работ ИАК, которую дал М.И. Артамонов еще в 1932 г.: «Выполняя поручения Комиссии по раскопкам курганов и древних городищ, И.Е. Забелин воспринял тот опыт полевой археологической работы, который выработался к его времени, и был, в сущности, совершенно неподготовлен к самостоятельной оценке тех памятников, которые ему предстояло исследовать. Специалист по московской старине, он совершенно не знал античного искусства, с предметами которого ему приходилось в работах на юге постоянно сталкиваться. Незнание же скифских памятников было общим. Естественно, что роль Забелина свелась к добыче вещей. Обработка же полученных материалов производилась ученым хранителем Эрмитажа и членом-корреспондентом ИАК Л.Э. Стефани. Ясно, что такой разрыв между полевой и кабинетной работой не мог привести к выработке самостоятельного и вполне сознательного отношения И.Е. Забелина к задачам полевого исследования. Поэтому и приемы его раскопок не отличаются от принятых в его время и, с нашей точки зрения, представляются в высшей степени неудовлетворительными. Экономя время и деньги и имея целью отыскать поскорее главное богатое погребение, громадные скифские курганы раскапывались траншеями, оставляя значительную часть их вовсе не исследованными. Когда убеждались в бедности содержимого, в сомнительности желаемых результатов, бросали начатый курган и переходили к новому... В погоне за вещами почти не обращали внимания на устройство кургана и самих могил, на расположение вещей. Чертежи если и делались, то приблизительные, иногда по памяти.

Дневник, как правило, не велся. Все, не представляющее интереса для Музея, выбрасывалось. Так, например, костные остатки и керамика оставались без внимания» (цит. по: Алексеев 2004: 42; ср.: Тихонов 2009с: 42).

Однако было бы явной натяжкой утверждать, что археологические исследования членов Комиссии сводились к «добыче вещей». Сам М.И. Артамонов в итоге приходил к выводу, что как ни плохи раскопки И.Е. Забелина, все же они во многих отношениях лучше произведенных в ту же эпоху другими археологами. С точки зрения сегодняшнего развития археологической науки можно утверждать, что И.Е. Забелин добросовестно проводил раскопки Чертомлыка на достаточном для своего времени уровне, отмечая на чертеже ряд конструктивных особенностей насыпи; понимал практически не осуществимую в то время желательность полного сноса курганной насыпи, сделал важную догадку о возможности датировки памятника по найденным в нем греческим амфорным клеймам (Алексеев 2003: 41–45).

К сожалению, полевые работы В.Г. Тизенгаузена отличались весьма низким уровнем фиксации, поскольку в его отчетах редко встречались чертежи, рисунки, размеры могильных ям, зарисовки расположения вещей в погребениях (Тихонов 2007b: 237–238). О главной цели раскопок — поиске ярких, эффектных вещей — свидетельствуют и воспоминания о работах А.Е. Люценко: «Иногда А.Е. показывался из могильника весь сияющий и преобразившийся, тогда мы уже знали, что ни скифы, ни генуэзцы не успели побывать в кургане раньше нас» (Лазенкова 2003: 26). Впрочем, И.В. Тункина приводит сведения о том,

что отчеты А.Е. Люценко отличались подробностью и обстоятельностью и были снабжены многочисленными рисунками и планами, что не исключало последующих упреков М.И. Ростовцева о небрежном отношении директора Керченского музея к уже открытым памятникам (Тункина 2002а: 304).

У читателя может сложиться впечатление, что члены Археологической комиссии в это время полагали свои функции законченными после завершения раскопок и доставления находок в Петербург и практически не занимались научной обработкой добытого материала, за исключением подготовки небольших текстов о самих раскопках к ежегодно публикуемому «Отчету». Такое разделение «полевой» и «кабинетной» работы до некоторой степени преодолевалось в Санкт-Петербурге: «объяснением», т. е. обработкой и публикацией почти всего добытого на юге России материала занимался академик Л.Э. Стефани, с 1851 г. являвшийся хранителем Отделения классических древностей Императорского Эрмитажа.

До 1881 г. публикуемый ежегодно «Отчет археологической комиссии», который во многом готовился самим Л.Э. Стефани, состоял из двух частей: в первой давалась информация о проводимых Комиссией раскопках — «систематические разыскания», а во второй, не уступающей, а чаще и превосходящей первую по объему, — описание кладов и поступлений — «случайные находки», выполненные Л.Э. Стефани. Е.Е. Люценко (брат директора Керченского музея А.Е. Люценко) иронизировал по его поводу в своей «Археологической оде»:

Он учредил свой главный штаб
В археологическом отчете

И, пичкая из года в год
Отчет тот длинными статьями,
Бранится на казенный счет
С берлинскими профессорами,
Сбивая им киченья рог.
Он туп при всей своей гордыне,
Понеже изучить не мог
Язык российский и поныне.
(Маркевич 1910: 76–77)

Насколько подобная ирония имела под собой основания — судить трудно. Несомненная эрудиция Л.Э. Стефани далеко простиралась за описания конкретных найденных вещей, сопровождая находки пространными наблюдениями об античном искусстве и его сюжетах (ОИАК за 1880 г. 1880: 6–219).

Поскольку в 1862 г. истекал трехлетний опытный срок деятельности ИАК, утвержденный в феврале 1859 г., С.Г. Строганов 17 января ходатайствовал перед министром двора о продолжении работы Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 16 — 16 об.). 7 февраля 1862 г. Александр II подписал указ «О продолжении существования Императорской археологической комиссии и Керченского музея древностей», который гласил, что «поскольку в положении и штатах не встретилось в течение данного времени никаких существенных затруднений... оставить оба учреждения на будущее время на прежнем основании» (Смолин 1917: 143).

Оценивая деятельность Императорской археологической комиссии, С.А. Жебелев писал: «...Комиссия по традиции вела регулярные исследования лишь на юге России...; исследования же в остальных пунктах территории России, как бы важны ни были их результаты, носили бессистемный характер... Упрекать за это Археологическую комиссию, однако же, вряд ли было бы справедливо. Создавшееся

положение вещей оправдывалось естественными причинами: для исследования классических и «скифских» древностей существовала уже довольно прочная научная база, при исследовании же всякого рода иных древностей такой базы не было, и приходилось лишь нащупывать почву» (Жебелев 1923: 111).

Однако в историографии существует и иное мнение. Говоря о деятельности ИАК, М. И. Ростовцев писал: «Создание Археологической комиссии в 1859 г. обеспечило делу добывания, публикации и изучения материала необходимую последовательность и преемственность. Не довольствуясь продолжением раскопок в некрополях Пантикапея и соседних городов крымского побережья Керченского пролива и развитием раскопок на Тамани, Археологическая комиссия последовательно расширяла круг своей деятельности, включив в него прежде всего курганные погребения степного Приднепровья, затем курганные погребения и городища Среднего Приднепровья, наконец, курганные некрополи Кубани и Придонья. Во всех этих местах курганные раскопки велись систематически, из года в год, и давали ежегодно богатый научный материал... Важно отметить еще, что Археологическая комиссия пыталась связать исследование Северного Причерноморья с изучением Кавказа, Закавказья и Туркестана с одной стороны, и изучением праистории Средней России, Приволжья, Прикамья и Приуралья [с другой]» (цит. по: Тункина 1993: 25).

Естественно, что диспропорция между вниманием Комиссии к скифским и античным памятникам и к прочим древностям очевидна. Однако утверждение, что ИАК не занималась изучением и собиранием древностей других регионов России,

представляется в принципе неверным. Помимо исследования памятников Восточного Крыма и Тамани уже в «эпоху Строганова» в деятельности Комиссии можно наблюдать тенденции к расширению сферы научных интересов, географии своих исследований и налаживанию учета и контроля за археологическими исследованиями, проводимыми на частный счет на частных землях. Прежде всего, это справедливо для сибирских древностей и средневековых памятников Восточной Европы. Уже в 1864 г. в поле зрения Комиссии попал Ананьинский могильник, а в 1865 г. — Большой Катандинский курган с уникальными по сохранности предметами искусства, одежды и утвари древних алтайских племен. Исследования В. В. Радлова в Сибири, выполненные им по поручению ИАК еще при С. Г. Строганове, были опубликованы лишь позднее, в «эпоху Бобринского» (Радлов 1888; 1891: 41–80; 1894: 81–132; 1902). В «эпоху Строганова» в Средней Азии на р. Сырдарье начал свои работы Н. Н. Пантусов (Пантусов 1887), а в 1867 г. поездку в Туркестанский край для обследования развалин древнего Джаникента в устье Сырдарьи совершил будущий делопроизводитель Комиссии П. И. Лерх (ОИАК за 1867 г. 1868: XXII–XXXII; Лерх 1868f). Это объяснялось «успехами военных действий... в Средней Азии» (ОИАК за 1868 г. 1870: XXI). Отметим и уже упоминавшееся «восточное направление», связанное с золотоордынскими древностями, как и интерес некоторых членов Комиссии к первобытному, в том числе и «курганному», древностям (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 15).

Помимо накопления информационной базы в отношении определенных эпох, культур и территорий, изучение

отношений ИАК с краеведами на местах способно пролить свет на становление общественных представлений историко-археологического характера. Уже в 1859 г. штабс-капитан Ефим Шумаков сообщал в ИАК о своей коллекции окаменелостей из Курской губернии и прислал их опись, связывая их с окрестными курганами и городищами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 24. Л. 9 — 12 об.), а К.Д. Невярдovsky из г. Тельши Ковенской губернии писал о виденных им здесь каменных курганах, которые, по его мнению, являлись славянскими могилами и изучение которых могло иметь важное «политическое значение» (Там же. Л. 19 — 20 об.).

В связи с предстоящим празднованием 1000-летия России в 1862 г. Комиссия поддержала инициативу по обследованию памятников «эпохи призвания варягов» на Белом озере (ОИАК за 1860 г. 1862: XII; РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 15. Л. 1), а в 1863 г. — раскопки курганов и монастыря во Владимирской губернии (ОИАК за 1863 г. 1864: XVI–XVIII). Позднее в Комиссию стала поступать информация и об археологических раскопках и разведках славяно-русских памятников. Характерно, что в основном она касалась южно- и западнороссийских губерний, что было связано с уровнем общественного самосознания местной интеллигенции (подробнее см. главу XI).

Курьезный случай, который свидетельствует, на наш взгляд, и о недостаточной степени готовности ИАК быть информационным центром российской археологии, и о плохом понимании обществом разницы между Археологической комиссией и археологическими обществами, произошел с Алексеем Гатцуком. В 1863 г. он раскопал несколько курганов в окрестностях

Москвы и отправил отчет о «частных археологических разысканиях» в ИАК для опубликования, сообщив при этом, что вещи и черепа из раскопанных курганов хранятся у него и будут впоследствии переданы в Румянцевский музей в Москве. 4 декабря С.Г. Строганов и В.Г. Тизенгаузен благодарят адресанта за интересные результаты раскопок, но указывают на невозможность опубликования их от имени Комиссии, ибо Комиссия «издает отчеты лишь о своих собственных изысканиях». Председатель ИАК предложил передать отчет в РАО для опубликования в «Известиях» общества, и тут же выяснилось, что А. Гатцук, по его собственным словам, совершил «грубую ошибку»: он предполагал, что отправил отчет именно в то общество, которое издает «Известия». В результате отчет был передан в РАО редактору его издания В.В. Стасову (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 21. Л. 1, 3).

Не менее курьезный случай произошел и с киевлянами. В октябре 1866 г. граф Строганов, узнав из газеты «Киевлянин» о раскопках курганов в Васильковском уезде и продаже найденных вещей неким Д. Х., пишет Александру Павловичу Безаку (1800–1868), генерал-губернатору Юго-Западного края, командующему войсками Киевского военного округа и соученику А. С. Пушкина по Царскосельскому лицей, дабы уточнить владельческий статус земель и в случае, если эти земли окажутся казенными, выяснить, имел ли раскопщик соответствующие разрешения. Если закон был нарушен, то вещи должны быть отображены и доставлены в ИАК. Очевидно, к этому времени сложилась определенная практика: отслеживая в газетах сведения о раскопках, Комиссия не вмешивалась в раскопки на частных землях, но строго следила

за нарушением своего права на казенные земли.

Генерал-губернатор переправил это письмо Киевскому губернскому правлению, где, в ходе дознания, проведенного уездным исправником, выяснилось, что Д. Х. — это мещанин Хмелевский, который собирал «подъемный материал» на поле в с. Дулицком на землях графа Браницкого, но без дозволения местного начальства. В результате «монеты и древности в двух тюках» были сначала доставлены в губернское правление, а затем отправлены в... «Императорскую московскую археологическую комиссию», почему в 1868 г. и попали в МАО (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 26. Л. 1 — 1 об., 5–6, 7).

Стоит обратить внимание на попытки расширить географию исследований Комиссии в Северном Причерноморье. Прежде всего, речь идет об интересе, проявленном С.Г. Строгановым к раскопкам 1860–1861 гг. на территории Херсонесского городища, которые предшествовали постройке собора св. князя Владимира. Несмотря на готовность председателя получить подробную информацию о раскопках и даже выделить определенное финансирование, переписка с настоятелем монастыря игуменом Евгением (Отмарштейном), начавшаяся по инициативе министра двора, закончилась безрезультатно (ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 4–5; РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 33. Л. 1–6; Шаманаев, Мусин 2009). Известно также, что в 1872 г. Д.М. Струков, совершавший ученые путешествия по Крыму и даже проводивший здесь раскопки, в 1868 и 1871 гг. предложил Министерству императорского двора издать свои рисунки (73 листа) и описания Инкермана, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Феодосии, Судака и других

памятников, испрашивая на издание 6000 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 35. Л. 3–30). Его письмо было переправлено министром в ИАК, и в январе 1873 г. С.Г. Строганов предложил обратиться с подобным предложением в одно из ученых обществ, однако посчитал возможным выдать художнику вознаграждение из казны. Ольвия также неизменно привлекала внимание руководства ИАК, уже начиная с середины 1860-х гг. (подробнее см. главу IV), чем сказывалось преемство деятельности Комиссии в научных мероприятиях.

Накопление археологических знаний в Комиссии происходило и в области «иудейских древностей» и истории еврейской диаспоры в Северном Причерноморье. Так, А.Е. Люценко обнаружил и зафиксировал 60 целых и фрагментированных надгробных плит с изображением семисвечников (Люценко 1876: 577–580; табл. III–VI). Впоследствии И.Е. Забелиным и В.Г. Тизенгаузеном были обнаружены еще 60 аналогичных надгробий, в частности у городища Фанагория в районе станицы Сенная (Хвольсон 1884). Находки были перевезены в Петербург, в Строгановский дворец, однако их нынешнее местонахождение неизвестно, за исключением плиты, переданной в Азиатский музей Императорской академии наук и потом в Эрмитаж (Носоновский 2002: 161). Изучение иудейских древностей продолжалось и позднее (Шкорпил 1914а: 92–114; ср.: КБН 1965: 417, 425, 428, 443), а архив Комиссии до сих пор хранит исключительную информацию о надгробиях такого типа, которая сегодня оказалась востребованной (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 39. Л. 77; РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 140. Л. 124; Кашаев, Кашовская 2006а: 312; 2006b: 55–60; 2004: 14–15; 2009: 55–77).

Еще одним из основных направлений деятельности Комиссии стала работа с поступавшими в Петербург кладами и определение их дальнейшей судьбы. В основном клады были представлены русскими монетами XVII–XVIII вв. В соответствии с их нумизматической и археологической ценностью они поступали либо в музеи, либо на Монетный двор на переплавку. Уже в 1859 г. в Комиссию поступило 10 кладов из Полтавской, Витебской, Могилевской, Архангельской, Екатеринославской, Астраханской и Новгородской губерний (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 4, 4а, 9, 13, 14, 15, 17, 20, 23), в 1860 г. ИАК было заведено 39 дел, так или иначе связанных с монетными кладами, в 1873 г. ИАК приняла 11 кладов, а в 1885 г. — 50. В среднем в начальный период деятельности ИАК не менее 30 % дел были так или иначе связаны с этой категорией древностей. Для их фиксации существовала специальная книга, имеющая заглавие «Клады, присылаемые в Императорскую археологическую комиссию» и охватывающая значительный период: с 23 октября 1873 г. по 22 июля 1882 г., что можно связать с появлением в Комиссии своего производителя дел П.И. Лерха. С 1875 г. в книге велась более тщательная фиксация присылаемых находок, которую, очевидно, осуществлял журналист Комиссии И. А. Суслов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 36. Л. 7 об.).

Первым исследователем «ежегодно присылаемых в большом количестве монетных кладов» был Юлий Богданович Иверсен (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 68–69, где, к сожалению, ничего не сообщается о его деятельности в ИАК), который безвозмездно рассматривал и определял их содержание и нумизматическое

Форма ответа Императорской археологической комиссии об отсутствии нумизматической ценности монетного клада (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 12. Л. 3)

значение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 7. Л. 4 об.). Монеты и клады, представлявшие научную ценность, после определения и описания поступали в Императорский Эрмитаж, составив впоследствии значительную часть его коллекции. Монеты, не имеющие вовсе нумизматического интереса («нумизматического характера») и не содержащие драгоценных металлов, возвращались владельцу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г. Д. 15. Л. 2, 3, 5, 7).

Серебросодержащие клады из Археологической комиссии поступали в Особую канцелярию по кредитной части Министерства финансов и далее на Санкт-Петербургский монетный двор

ИВЕРСЕН Готлиб (Юлий Богданович) (5.04.1823 — 13.04.1900) — исследователь нумизматики и русских медалей. Учился в Дерптском университете с 1842 по 1846 г. С 1851 по 1855 г. работал преподавателем древних языков в Англиканской и Реформатской церковных школах в Санкт-Петербурге. С 1855 по 1880 г. преподавал греческий и латинский языки в St. Petri-Schule. С 1859 г. занимался разбором монетных кладов, присланных в ИАК. В 1877 г. зачислен в Эрмитаж сверх штата. В 1879 г. назначен помощником хранителя, а с 1884 г. — хранитель Отделения монет и медалей. За свои исследования был удостоен серебряной (1873) и золотой медалей (1884) ИРАО. В 1886 г. получил звание члена-корреспондента ИАК. Член РАО, МАО, ООИД и др.

Осн. соч.: Медали на деяния Петра Великого. СПб., 1872; Словарь медальеров и других лиц, имена которых встречаются на русских медалях. СПб., 1874; Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1877–1896. Т. 1–3; Медали,

выбитые в царствование императора Александра II. СПб., 1880.

Лит. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Библиографический справочник. СПб., 2004. С. 68–69; *Спасский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. 1764–1964 // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 123–234.

(Ил.: Портрет К. К. Кастелли. Ок. 1878 г. (ГЭ. № ЭРГ-28817))

в переплавку. Стоимость драгоценного металла, определяемая на основе «Расчета о серебре, полученном по сплавке древних серебряных монет», переправлялась в Комиссию. Так, 14 мая 1878 г. Монетный двор переслал в ИАК 60 руб. 75 коп. чеком и 68 руб. 25 коп. разменной монетой, которые причитались за 4 клада. Из этих денег выплачивалось вознаграждение находчикам, которое представляло собой сумму «металлической ценности» самого клада и 30% этой стоимости в целях поощрения (РО. Ф. 1. Оп. 1–1877 г. Д. 15. Л. 9–12).

С начала 1880-х гг. передача кладов из ИАК на Монетный двор происходила уже через департамент Государственного казначейства. В то же время в делопроизводстве Комиссии появился ряд специальных типографских бланков, разработчиком которых мог быть И. А. Суслев. Это были бланки ответа об отсутствии нумизматической ценности монетного клада, передаче клада в Департамент для переплавки на Монетном дворе и последующем возвращении денег в Комиссию, а также сообщение находчику клада о вознаграждении за находку (РО. Ф. 1. Оп. 1–1880 г. Д. 12. Л. 3, 12).

К моменту прихода в Комиссию графа И. И. Толстого, занявшегося в свою очередь разбором кладов, такая

практика уже вызывала существенные нарекания со стороны общественности. К тому же объем поступающих в ИАК кладов продолжал оставаться не соизмеримым с научными возможностями по их обработке. Именно этим и была вызвана докладная записка И.И. Толстого в ИАК от 8 июня 1886 г., посвященная доставляемым в Комиссию монетным сокровищам (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 36. Л. 1 — 2 об.).

И.И. Толстой, после разбора нескольких кладов, задавался вопросом: насколько полно используется содержащаяся в них историческая и нумизматическая информация? Так, описывая один из кладов, состоящий из 7500 монет, он отметил среди ценных лишь несколько десятков, указав, что остальные не имеют археологической ценности. При этом он указал на субъективность собственной оценки, имеющей «лишь относительную цену»: «на основании одного моего приговора относительно научного значения монет клада они будут уничтожены». К тому же он не мог быть специалистом в различных областях нумизматики одновременно. Кроме того, изучение кладов требует усидчивой работы, дабы не навлечь обвинений в поспешности: так, на клад в 7500 монет нужно было потратить 120 часов.

При этом он охарактеризовал весь комплекс информации, получаемой при разборе кладов: выделение наиболее крупных монетных серий, их количественная оценка, типология. Любой клад был способен предоставить информацию двоякого рода: о новых разновидностях монет (собственно нумизматическую), входящих в состав клада, и по истории денежного обращения, включавшую в себя выводы историко-этнографического характера,

связанные с топографией, составом и временем сокрытия клада.

Возражение графа вызывала и дальнейшая судьба кладов, которая преследовала две цели: выплату вознаграждения находчику и передачу клада в компетентные руки. Переплавка кладов на Монетном дворе расценивалась специалистами как «уничтожение нумизматических сокровищ», и отказ от нее позволил бы избежать обвинений в вандализме, которые неоднократно выслушивал сам И.И. Толстой.

Он предлагал следующий алгоритм. Тотчас по доставлении клада в ИАК находчику высылается минимальное вознаграждение. После систематизации и описания клада в самой Комиссии и осуществления Эрмитажем приоритетного права отбора монет для своей коллекции традиционно устраивалась публичная выставка. Целью такой выставки являлось как можно широкое обозрение клада наибольшим числом специалистов для оценки оставшихся монет и их распределения по российским музеям. Это позволило бы настоящему оценить клад, что доставило бы находчику более справедливое вознаграждение, а обзор специалистов избавил бы ИАК от промахов при нумизматической оценке сокровища. Единственное возражение против такого «бригадного подхода» связано с тем, что клад как единый комплекс оказался бы раздроблен. Необходимо отметить, что И.И. Толстой не отказывался от обозрения кладов, но считал себя ограниченным специалистом в некоторых областях нумизматики.

Впрочем, записка так и не привела к серьезному изменению отношения ккладам, а сам И.И. Толстой продолжал подписывать заключения, обрекавшие кладов на раздробление

и частичное уничтожение (см., напр.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 6. Л. 3 — 3 об.). К тому же после передачи клада из ИАК в коллекцию Эрмитажа он прекращал свое существование как цельный нумизматический и археологический памятник. Составлявшие его монеты разделялись между коллекциями, основанными на региональном принципе в соответствии со страной выпуска. Восстановить изначальный состав клада в большинстве случаев не представляется возможным (см.: Минасян 1977). Полные описи монет кладов в соответствии с их составом сохранились в архиве ИАК, однако здесь фиксировались лишь номиналы и даты чека на, тогда как какие-либо индивидуальные признаки не указывались. Все это не позволяет надеяться на создание надежного алгоритма идентификации монет конкретных сокровищ в существующих коллекциях.

Не менее сложной была работа по осмыслению вещевых кладов, представленных ювелирными изделиями. По сути дела, именно сбор информации о кладах домонгольского периода в ИАК, контроль за их поступлением в Эрмитаж и первые аналитические публикации найденных сокровищ заложили основы современной науки о прикладном искусстве Древней Руси. Одной из первых публикаций явился труд библиотекаря Императорской публичной библиотеки В.В. Стасова по изданию и описанию клада 1865 г. из Владимира. Впоследствии комплексное исследование доставленных в Эрмитаж через ИАК кладов древнерусского времени было поручено младшему члену Комиссии Н.П. Кондакову распоряжением министра двора от 3 мая 1885 г., о чем в Комиссию сообщил главный контролер министерства Н.С. Петров

(РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 64 — 64 об.). Однако это предприятие было по неизвестным причинам приостановлено в августе и получило новый импульс лишь в декабре, в связи с инициативой А.В. Прахова продолжить издание «Древностей Российского государства» (см. подробнее ниже).

Серьезными проблемами являлись не только охранение случайно открытых кладов от расхищения и их научное описание, но и вопрос собственности на них и выплаты соответственного вознаграждения. В 1880 г. в Киеве на Большой Житомирской улице крестьянином Трофимом Поповым был найден клад древнерусских украшений и серебряных денежных гривен «киевского типа». По оценке С.Г. Строганова, он включал в себя убранство великокняжеского облачения X–XI вв. и из всех собственно русских кладов являлся одним из самых интересных и примечательных. Граф предполагал выплатить находчику 2000 руб. Однако уже 25 января 1881 г. киевский губернатор оповещал ИАК о попытке киевского городского головы получить клад в ведение Киевского городского общественного управления, так как по смыслу 120-й ст. Городового положения все улицы составляют городскую собственность, и, следовательно, в силу 430-й ст. Свода гражданских законов клад принадлежит владельцу земли (ср.: Городовое положение... 1871; Свод законов... 1832). В результате вопрос об адресате денежного вознаграждения должен был решиться на основе судебного разбирательства. 12 февраля в ответном письме С.Г. Строганов писал, что по смыслу закона Т. Попов имеет право на половину суммы вознаграждения, и предложил Правлению отказаться в пользу находчика и от второй тысячи,

«Смоленская гривна» — древнерусский амулет-«змевик»
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 38. Л. 2)

однако 7 апреля правление 24 голосами против трех отклонило это предложение. В конце концов Т. Попову была выдана 1000 руб., а вторая осталась дожидаться своей участи в казначействе до решения вопроса о праве города на эти деньги (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 12. Л. 54–56, 64–67).

31 июля 1882 г. Киевский окружной суд присудил городу вторую половину вознаграждения, что вызвало продолжительную переписку между тогдашним председателем ИАК графом А. А. Васильчиковым и министром внутренних дел графом Д. А. Толстым. А. А. Васильчиков приводит целый ряд законодательных актов: 430-я ст. 1-й части 10-го т. Свода гражданских законов, где указывается, что клад как сокрытое в земле сокровище принадлежит владельцу земли, за исключением Черниговской и Полтавской

губерний, где половина клада принадлежит находчику; 3-й пункт приложения к 539-й статье, согласно которому стоимость древностей, найденных в местностях, подведомственных станковым правлениям, выдается находчику клада; ст. 414 ч. 1 т. 10. Свода законов, где говорится, что городские земли являются общественными и по сему подлежат контролю ИАК. В то же время, уточняя ситуацию на будущее в связи с грядущим пересмотром Устава гражданских законов, он спрашивает министра: признает ли тот за городами право собственности на исторические древности государственного характера? В ответ на это министр выражает полное согласие с решением окружного суда, поскольку на основе городского положения 1870 г. земли городов составляют именно городскую, а не казенную собственность. При этом

он указывает, что 539-я статья Свода гражданских законов говорит лишь о предметах, найденных на поверхности, тогда как все найденное в недрах несомненно принадлежит владельцу земли, на что рука В.Г. Тизенгаузена делает на письме карандашную помету: «обратите внимание на ст. 424, ч. 1, т. X» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 12. Л. 71, 79 — 84 об.).

Комиссии приходилось отстаивать права культуры не только перед лицом городского самоуправления, но и перед чиновниками и простыми гражданами.

Весьма анекдотичный случай, непосредственно связанный со спорами о праве владения археологическими находками, в которых пришлось участвовать ИАК, произошел в 1886–1887 гг., когда крестьянин Капитон Филиппов на казенной земле в д. Ковшич Зверовической волости Краснинского уезда Смоленской губернии нашел знаменитую «смоленскую гривну» (Толстой 1888: 382. № 13; Николаева, Чернецов 1991: 59, 98. № 14, табл. V: 2. ГЭ № 2032/1) — золотой «змеевик» с образом Божией Матери Одигитрия весом 12 золотников и 60 долей, или около 54 граммов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 38. Л. 2).

Узнав о находке, ИАК вознамерилась приобрести ее за 65 руб. через Смоленский статистический комитет, однако к этому времени крестьянин уже успел продать ее уездному казначею Петру Юницкому за 69 руб. Одновременно выяснилось, что иконка приобреталась служащими местного казначейства в складчину для поднесения в дар своему непосредственному начальнику — управляющему Смоленской казенной палатой Владимиру Тилену и была передана на хранение губернскому казначею Джунковскому,

ближайший родственник которого, как выяснилось, также служил по этому ведомству в Краснинском уезде.

26 сентября 1886 г. А.А. Бобринской обращается к губернатору В.И. Сосновскому с просьбой выслать змеевик в Петербург, выделив 69 руб. в качестве компенсации. Однако ушлые чиновники уже направили губернатору записку с просьбой передать это дело на Высочайшее рассмотрение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 38. Л. 11–12), о чем губернатор известил графа. В записке говорилось, что если государю императору будет угодно, то они «как дети» готовы отдать эту икону безвозмездно, однако здесь же сквозит надежда, что государь повелит возвратить ее им. Утверждая, что у них есть сведения, будто эта «святая икона на золотой медали не составляет собой археологической редкости», бухгалтеры писали: «Много есть святынь, хранящихся в семействах, и мы не можем думать, чтобы Археологическая комиссия ради археологии могла их вытребовать и за них вознаграждать, а посему мы хотим эту святую икону оставить в нашем служебном семействе». 10 декабря 1886 г. А.А. Бобринской был вынужден «конфиденциально» писать губернатору «о неосновательности и надуманности такого заявления» и предложил негласно «возвратить это прошение» адресантам и объяснить им, что дело идет о незаконно приобретенной гривне, вопреки существующей процедуре представления находок на Высочайшее воззрение. В любом случае Комиссия не посягает на «семейные святыни господ чиновников». В ответном письме 21 января 1887 г. разумный губернатор подтвердил свое полное согласие с предложением председателя ИАК, и конфликт был улажен (Там же. Л. 10, 15 — 15 об.).

N 57
1862
4 Июл 1862 г.
Строгонов, а не Строгоновъ
52
12

Милостивый Государь,
 Графъ Сергій Григорьевичъ,
 Сошлю уреченію Вашему Сіятельства, въгражденному въ письмѣ отъ 18-го января сего года за N: 4, чиня честь препроводить къ Вамъ, Милостивый Государь, копию съ циркулярнаго распоряженія по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 27-го Апрѣля, N: 63, о содѣйствіи губернскихъ и Областныхъ Статистическихъ Комитетовъ въ изысканіяхъ, состоящихъ подъ Вашимъ предѣлительствомъ, Археологической Комиссіи и утвердить Ваше
 Св Сіятѣ Графу С. Г.
 Строгонову.

Автограф председателя Императорской археологической комиссии С. Г. Строганова о правописании собственной фамилии: «Строгонов, а не Строгоновъ» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 12)

Кроме работы с кладами и случайными находками проводилась работа и с кладоискателями. Так, в марте 1865 г. в РАО обратился отставной надворный советник П. П. Дорнштруб из Переяславля Полтавской губернии, отец которого был некогда управляющим в имении генерал-лейтенанта Голенищева-Кутузова в Кидомле Бежецкого уезда Тверской губернии. Согласно местной легенде, во время войны 1812 г. на железных цепях под мост через местную речку было опущено 40 засмоленных дубовых бочек с драгоценностями, после чего сама река вместе с мостом была засыпана землей и «сровнена с общей местностью». Доказательством этому является то, что во время пахоты на этом месте попадаются разные вещи. Естественно, этот клад предлагалось найти. В ответе на это обращение В. Г. Тизенгаузен писал, что «отыскание подобных сказочных кладов не входит в круг занятий» ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 24. Л. 6 — 7 об., 8 — 8 об.).

Показательно, что российские власти весьма плохо представляли разницу между археологическими исследованиями и кладоискательством. Когда в сентябре 1866 г. коллежский регистратор из Владимира Егоров обратился в МВД за разрешением отыскивать ему клад в Петушках Владимирской губернии, то местный губернатор В. Н. Струков, «принимая во внимание важность могущих быть открытий», ходатайствовал перед ИАК о таком разрешении. Естественно, С. Г. Строганов отписал отказ, мотивируя это тем, что поиск предпринимается не в научных целях, а в корыстных видах (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 27. Л. 4—5). Однако когда мировой судья А. П. Кикин запросил МВД о предоставлении ему права «разрывать курганы» в Коломенском уезде, с тем, чтобы вещи

были переданы в Московский этнографический музей, чиновники внутренних дел восприняли это как еще одну попытку кладоискательства (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 32. Л. 3).

Председатель ИАК использовал подобные запросы как повод к обращению в МВД о запрете кладоискательства вообще. Осенью 1866 г. С. Г. Строганов обратился к министру с предложением: предписать начальникам губерний, согласно ст. 430 т. 10 ч. 1 Свода гражданских законов и ст. 40 и 181 Устава строительного, «ни под каким видом не допускать кладоискательства и неизбежного от того разрушения памятников древности». Такой циркуляр на имя губернаторов за подписью статс-секретаря МВД П. А. Валуева был разослан 4 ноября 1866 г. и впоследствии возобновлялся 4 ноября 1882 г. (№ 26), 31 мая 1884 г. (№ 11) и 27 ноября 1886 г. (№ 251) (ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 27. Л. 7). В нем говорилось: «По сведениям, дошедшим до Императорской археологической комиссии, оказывается, что некоторые лица, получая от местных начальств дозволения отыскивать клады, под этим предлогом раскапывают курганы и городища и таким образом портят и уничтожают достойные внимания памятники древности. Вследствие сего председатель упомянутой Комиссии, генерал-адъютант граф Строгонов (*sic!*) просит меня сообщить губернаторам, чтобы они, согласно статье 430 т. 10 ч. 1 Свода гражданских законов и статей 40 и 181 Устава строительного, ни под каким видом не допускали кладоискательства и неизбежного от того разрушения памятников древности.

Имею честь уведомить о вышеизложенном Ваше превосходительство для руководства, присовокупляя, что

на основании статьи 1311 т. 1 ч. 2 Свода законов по продолжению 1863 г. сведения о древних зданиях и вообще о находимых древностях должны быть доставляемы в Министерство внутренних дел, по Департаменту общих дел» (Сборник циркуляров и инструкций... 1873: 432; ср.: Охрана памятников 1978: 85). Впрочем, циркуляр требовал сведения о находимых древностях доставлять не в Археологическую комиссию, а в МВД. Кроме МВД вопрос о производстве археологических изысканий частными лицами интересовал и Министерство двора, от имени которого 24 января 1875 г. в ИАК был сделан запрос о том, какие правила для ограничения подобной деятельности здесь установлены, по поводу чего была составлена докладная записка (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 10. Л. 2, 3). Следующий этап борьбы с кладоискательством приходится уже на «эпоху Бобринского».

С.Г. Строганов приложил немало усилий, дабы информация о Комиссии

и ее деятельности распространялась как можно шире. Так, отчет о деятельности ИАК за первый год работы Комиссии был отправлен не только в Керченский музей и Императорскую академию наук, но 24 мая 1861 г. 23 экземпляра были соответственно отправлены секретарю Академии наук в Стокгольме, в Академии наук в Уппсале, Копенгагене, Лондоне, Эдинбурге и Дублине, в Философское общество в Кембридже, в Бодлеанскую библиотеку в Оксфорде, в Академии Берлина, Мюнхена, Геттингена, Лейпцига, Вены, Амстердама, Брюсселя, Парижа, Дижона, Лиона, Турина, в Институт археологической корреспонденции в Риме, в Папскую академию археологии и в Академию Геркуланума в Неаполе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 18). По просьбе председателя Комиссии в адрес-календаре Императорской академии наук за 1864 г. были опубликованы извлечения из Положения об ИАК, а также список ее членов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 10. Л. 1).

VIII

Несмотря на изначально ограниченные возможности Комиссии и на определенную специфику понимания председателем ИАК функций археологической науки, С.Г. Строганов предпринял целый ряд мер как для выполнения зафиксированных в уставе обязанностей Комиссии, так и для создания единого «административно-общественного фронта» по защите памятников отечественной старины. Первыми контрагентами ИАК стали Управление путей сообщений и губернские статистические комитеты.

19 ноября 1862 г. С.Г. Строганов отправляет письма Петру Петровичу

Мельникову в Главное управление путей сообщений и публичных зданий и Эдуарду Ивановичу Тотлебену в Инженерный департамент (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 26. Л. 1–2, 3 — 3 об.). Указывая, что на основании пунктов 7 и 8 Положения ИАК обязана следить за производимыми в империи земляными работами, он просит сделать необходимые распоряжения о доставлении в ИАК сведений о направлении проводимых дорог, производстве работ и сделанных находках. Дабы стимулировать находчиков, упоминалось, что им на основании 11-го и 12-го пунктов Положения об ИАК будет выдаваться

денежное вознаграждение. При этом предлагалось принимать в расчет не только стоимость вещи, но и ее археологические достоинства и редкость. С.Г. Строганов также писал, что с его стороны будут приняты все меры, чтобы действия Комиссии не замедляли строительных работ. Соответствующие ведомственные предписания последовали в том же ноябре 1862 г. Однако сам С.Г. Строганов понимал необходимость контакта между ИАК и сотрудниками инженерных ведомств на местах. 6 апреля 1866 г. он обращается в Управление путей сообщений и просит разрешить непосредственные сношения с дистанционными офицерами, распоряжающимися производством работ. После получения необходимого разрешения и соответствующего списка офицерам Московско-Курской дороги 11 мая было отправлено 21 письмо, отпечатанное типографским способом (Там же. Л. 8, 10 — 10 об., 11–12).

Председатель ИАК объективно оценивал возможности своего ведомства по надзору за подобными работами и не стремился его монополизировать. Он сознательно привлекал для этих целей местные ученые общества. Так, в марте 1863 г., во время строительства дороги Одесса — Парканы, он вступил в переговоры с секретарем Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевичем, в результате чего была достигнута договоренность о том, что именно это общество будет наблюдать за прокладкой путей (Там же. Л. 6). Вместе с тем он отстаивал приоритетное положение Комиссии в деле собирания информации о найденных кладках. Так, 1 июня 1866 г. он писал киевскому генерал-губернатору А.П. Безаку о необходимости пересылать находки не в университет

св. Владимира в Киеве, а непосредственно в ИАК, особенно те из них, которые были найдены в процессе работ по строительству железных дорог (Там же. Л. 15).

Отсутствие устоявшейся процедуры в этой области ощущалось весьма сильно. Так, 7 февраля 1867 г. председатель ИАК обратился в Департамент общих дел МВД о повсеместном нарушении в связи со строительными работами норм приложения к ст. № 39 (прим. 2) ч. 1 т. X. Свода гражданских законов «о доставлении кладов местному начальству и отсылке их по принадлежности», т. е. в ИАК (Там же. Л. 18 — 18 об.). Призыв к сотрудничеству между строителями и Комиссией был сразу же напечатан в «Северной почте» по поручению МВД, однако само министерство не преминуло взять с ИАК деньги за такое объявление. Призыв был услышан на местах. В марте 1867 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор П.Е. Коцебу обязал командиров рабочих бригад объявлять начальству обо всех сделанных находках. Приглашение к сотрудничеству было продублировано в 1868 г., а 21 января 1869 г. ИАК вновь подтвердила свое намерение непосредственно входить в контакт со строителями и правительственными инспекторами на местах.

С 1871 г. интенсивность контактов ИАК с железнодорожным ведомством несколько снижается, чтобы обрести второе дыхание в середине 1880-х гг. Однако стоит отметить, что за 10 лет активной прокладки дорог деятельность Комиссии так или иначе охватила все крупные мероприятия того времени: Харьковско-Азовскую, Рязско-Моршанскую, Лозовско-Севастопольскую, Кременчугско-Харьковскую, Московско-Смоленскую, Курско-Харьковскую,

«Программа археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 14 — 14 об.)

Орловско-Грязинскую, Рыбинско-Бологовскую, Тирасполь-Кишиневскую, Петербургско-Гельсингфорсскую, Киево-Балтскую, Балтийскую, Ярославско-Сергиевскую, Тамбовско-Кирсановскую, Елецко-Орловскую и другие дороги. Активное строительство транспортных путей в России уничтожило такой характерный документ раннего периода деятельности ИАК, как «подорожные».

Другим научным партнером ИАК в деле изучения отечественных древностей и собирания информации о них стали губернские и областные статистические комитеты, созданные еще 20 декабря 1834 г. согласно «Положению о создании губернских и областных статистических комитетов» и «Правилам для статистического отделения

при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях» и реорганизованные 26 декабря 1860 г. на основе нового «Положения о губернских и областных статистических комитетах» (ПСЗРИ. Т. 9. 1834: 280–283, № 7684; Т. 35. Отд. 2. 1862: 504–511, № 36453; см. на эту тему: Комарова 1987; Смирнов 2011b).

Отправной точкой стал уже памятный нам ноябрь 1862 г. Очевидно, к этому времени ИАК сумела организовать свою деятельность в области изучения причерноморских древностей и их предоставление на «Высочайшее воззрение», что освободило дополнительные возможности для выполнения иных, предписанных Положением, функций. Так, в частности, в Керчи в 1865 г. Археологическая комиссия

провела первые работы по «музеефикации» археологических объектов, на ее средства был расчищен от наносов и обвалов склеп Царского кургана в Керчи; сам склеп и дромос частично отреставрированы и укреплены; при кургане построено караульное помещение для сторожа. В 1871 г. аналогичные меры были предприняты для спасения Мелек-Чесменского кургана.

Отношения со статистическими комитетами развивались следующим образом. 29 ноября 1862 г. С.Г. Строганов обращается в Центральный статистический комитет МВД (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 1–2). Подчеркивая «незначительность» состава ИАК, члены которой главным образом заняты «производством археологических раскопок и описанием открываемых вещей», и «крайнее равнодушие общества к археологическим исследованиям и памятникам... древности», он пишет, что «собрание обстоятельных и правильных сведений» о старине «становится чрезвычайно затруднительным и почти невозможным без содействия других правительственных учреждений». Статистические комитеты по кругу своих обязанностей и территориальному расположению, по мнению председателя, могли бы внести существенный вклад в это дело.

Действительно, согласно «Положению о губернских и областных статистических комитетах», утвержденных 26 декабря 1860 г., в их задачи входило не только «собрание точных статистических сведений о количестве и качестве земель, народонаселении и производительных силах» (п. 2), но и «забота о составлении, по мере возможностей... подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также городов и особенно почему-либо

замечательных в губернии или области местностей в отношении... историческом... и издании трудов своих в свет» (п. 3) (ПСЗРИ. Т. 35. Отд. 2. 1862: 504–511, № 36453; Отд. 3. 1862: 601).

На первом этапе предполагалось собирание материалов для археологической статистики и составление археологических карт — «нанесение на карты пунктов, замечательных в археологических отношениях», второй этап предполагал привлечение к исследованию памятников лиц, знакомых с местными древностями, и осуществление контроля за состоянием старины. Характерно, что, судя по сохранившимся в архиве ИАК карандашным заметкам В.Г. Тизенгаузена на полях «Положения о статистических комитетах», руководство Комиссии предполагало возможность командирования членов этих комитетов для осмотра памятников и материальной поддержки создаваемых ими экспедиций, что соответствовало пунктам 14 и 15 упомянутого Положения.

Главной задачей становилось «обратить внимание общества на памятники нашей старины» и со временем, как в других государствах, образовать местные археологические комиссии. Последнее замечание представляется нам указанием на определенную связь с практикой подобных учреждений во Франции 1820–1850-х гг., которая в деятельности ИАК так и не нашла окончательного воплощения. В заключение С.Г. Строганов спрашивал, «не встретится ли со стороны Центрального статистического комитета» каких-либо препятствий к такому сотрудничеству. Уже 12 декабря 1862 г. товарищ министра А.Г. Тройницкий отвечал, что здесь «не только не может встретиться каких-либо затруднений, но что МВД с особенной готовностью употребит зависящие

от него меры к осуществлению предложений Комиссии». При этом он предложил Комиссии установить единство действий и сообщить Центральному статистическому комитету программу предполагаемых изысканий для рассылки в губернии от имени министерства (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 7–8). 18 января 1863 г. ИАК препроводила в министерство 200 экземпляров «Программы археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов» (Там же. Л. 9–10, 14 — 14 об.). 27 апреля 1863 г. циркуляр за подписью А.Г. Троицкого был разослан в губернии. Повторяя преамбулу письма С.Г. Строганова, министерство «признавало полезным, чтобы губернские и областные статистические комитеты приняли участие в собирании сведений об отечественных древностях, разумеется, в такой мере, чтобы труды эти не отвлекали комитеты от главных служебных занятий». На места была отправлена не только программа, но и «Записка для обозрения русских древностей» И.П. Сахарова.

Сама программа из 6 пунктов делала упор на уездных сотрудниках комитетов, которые должны были доставлять сведения в ИАК. Она предполагала «приведение в известность наличных памятников древности», под чем понимались статистические сведения о памятниках старины в самом обширном смысле: от городищ вплоть до местных преданий, — а также составление карт по каждому разряду памятников на основе уже известной записки 1851 г. Четвертый пункт гласил, что «в случае, когда будет настоять надобность уничтожить какой-нибудь остаток древности... как, например, при проведении железных дорог, шоссе... Комиссия просит сообщать ей о том ближайше

сведения, дабы она имела возможность воспользоваться этим для археологических открытий». Предполагалось, что статистические комитеты будут привлекать к своей деятельности местных любителей и знатоков старины, собирать сведения о случайных находках, а также активно сотрудничать с художниками и чертежниками, которым предполагалась выплата вознаграждения за «графическую фиксацию».

В течение лета 1863 г. Вологодский, Воронежский, Тверской, Ковенский и Костромской комитеты откликнулись на этот циркуляр непосредственно в ИАК просьбой о доставлении дополнительных экземпляров «Записки для обозрения русских древностей». Лишь Киевский комитет в письме упомянул, что в губернии существует Комиссия для разбора древних актов, в круг занятий которой входят и «археологические исследования», и посоветовал ИАК обратиться туда. 23 декабря 1863 г. С.Г. Строганов был вынужден непосредственно просить Киевский комитет о содействии ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 20 — 20 об.).

Отношения ИАК с самой киевской Временной комиссией для разбора древних актов складывались менее продуктивно. 23 декабря 1863 г. С.Г. Строганов обратился туда с предложением о совместном исследовании Екатеринославских курганов скифского времени после замечательных открытий, сделанных в 1855–1856 гг. Однако Временная комиссия не проявила к этому никакого интереса, предложив 5 марта вместо этого исследовать фрески церкви Спаса на Берестове, недавно открытые протоиереем П. Лебединцевым. В том же письме сообщалось, что она против открытия археографической комиссии в Вильно, поскольку,

при отсутствии «вполне способных к тому русских деятелей», ее организация повлечет за собой большие расходы. 30 апреля 1864 г. председатель ИАК просил прислать снимки фресок, которые, похоже, так и не были высланы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 22. Л. 5, 6).

Характерно, что при общем согласии содействовать ИАК практически все статистические комитеты переадресовали программу приходскому духовенству (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 17, 18) под видом вовлечения священнослужителей в деятельность по охране памятников отечественной старины. Так, Казанский комитет на заседании 16 августа 1863 г. постановил, что «действительные члены комитета, большей частью состоящие на службе, не могут принести существенно важной пользы в настоящем случае», и пригласил к занятиям археологией настоятелей монастырей, городских и сельских священников, вследствие чего было принято обращение к архиепископу Афанасию (Соколову), а также учителей. Одновременно комитет обратился в Казанский университет к профессорам П.П. Буличу, В.И. Григоровичу, Н.И. Ильминскому и Н.А. Толмачеву с просьбой «почтить участием статистический комитет в его археологических исследованиях» с принятием званий действительных членов комитета (Там же. Л. 26–27).

Подобным образом 11 сентября 1863 г. поступил Иркутский статистический комитет, который решил опубликовать циркуляр и программу в «Губернских ведомостях», а также просить епископа Парфения (Попова, на кафедре 1860–1873) «о поставлении в обязанность» благочинным и приходским священникам сотрудничества с комитетом в области археологии. Такое же

обращение было принято к уездным исправникам и действительным членам в округах — доставить в Комитет сведения, нет ли на местах памятников, замечательных в археологическом отношении. 5 августа 1863 г. Смоленский комитет также возложил ответственность за сбор археологической информации на уездных исправников, станowych приставов и духовное ведомство (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 8. Л. 16). 21 марта 1864 г. к своему правящему архиерею обратился и Архангельский комитет (Там же. Л. 1 — 2 об.).

В мае 1866 г. ИАК вновь разослала письмо во все статистические комитеты, упомянув о предшествующем циркуляре МВД от 27 апреля 1863 г. по поводу участия комитетов в собирании сведений о местных древностях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 8. Л. 1). В письме сообщалось, что двухлетнее сотрудничество уже успело принести некоторую пользу, в результате чего в Археологическую комиссию были доставлены сведения о местных древностях, а несколько случайных археологических находок были сохранены от истребления. Для закрепления сложившихся контактов ИАК разослала по губернским комитетам некоторые археологические издания: «Известия РАО», «Труды МАО», а также «Отчет» о деятельности Комиссии за 1864 г.

Определенный итог этому сотрудничеству подвел В.Г. Тизенгаузен в своей «Записке» о деятельности Археологической комиссии от 7 мая 1886 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 73. Л. 1 — 2 об.): «Комиссия пыталась привлечь к ее деятельности основные провинциальные научные силы — членов статистических комитетов. Но это была слабая поддержка, и от научного комитета ожидать нечего, даже если бы он

оплачивался из казны». К этому мнению восходит и отзыв 1898 г. нового председателя Комиссии А.А. Бобринского о том, что привлечение к делу охраны памятников статистических комитетов «не оправдало тех надежд, которые Археологическая комиссия возлагала на них» (Охрана памятников 1978: 146). В марте того же года он представил министру внутренних дел проект создания отделений по составлению Свода памятников старины и их охране при губернских статистических комитетах (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 362–365; Охрана памятников 1978: 145–150; Лапшин 2002: 83), но эта попытка также не увенчалась успехом. В целом нужно признать, что с 1866 г. отношения ИАК с комитетами практически прекратились, несмотря на то, что в предшествующее время в Петербург были присланы некоторые местные древности, краеведческие описания и местные издания историко-археологического характера, а также губернские памятные книжки.

Так, Калужский комитет переслал в ИАК рукопись о монетах удельных князей на территории Калужской земли и опубликованные описания нескольких монастырей: Боровского, Тихоновского Козельского и Козельской Введенской пустыни, попросив, впрочем, вернуть книги по «минованию в них надобности» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 27. Л. 22). Курский комитет сообщал о находке клада 874 серебряных монет XVII в. при строительстве дома (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 8. Л. 3 — 3 об.), а Витебский переслал в ИАК каменный молоток и бронзовые пряжки из курганов, в том числе и из «Рогнединского кургана» у истоков р. Дриссы, раскопанных на землях Блясинского сельского общества мировым посредником

Полоцкого уезда А.Р. Гернгроссом и членом комитета В.О. Дуве.

В результате вещи были отправлены в Московский музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 5. Л. 2). Самостоятельный интерес представляет присланная из комитета области Войска Донского в 1868 г. записка его члена Х.И. Попова с описанием курганов и городищ в Усть-Медведицком и Хоперском округах (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 8. Л. 22–44).

Недавний анализ деятельности статистических комитетов в области археологии, произведенный А.С. Смирновым, не оставляет сомнений, что на практике она была интенсивнее, чем это отразилось в переписке с ИАК. Однако зачастую комитеты предпочитали иметь дело с МАО, которое активно входило с ними в сношения, или с местными музеями. От столичной Комиссии многие из них дистанцировались, неизменно подозревая, что доставленные сведения будут использованы ею как материал для собственных исследований, без упоминания их вклада (см.: Смирнов 2011b: 28–37).

При поверхностном взгляде на деятельность ИАК в 1860–1870-е гг. может показаться, что ее сотрудничество со статистическими комитетами и строителями не принесло существенных результатов. Однако именно в это время складывалась система взаимоотношений ИАК с учеными коллективами на местах: Одесское общество в 1863 г. и Киевский статистический комитет в 1866 г. выполняли надзорные функции при прокладке железных дорог в соответствующих губерниях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 8. Л. 4 — 4 об.). Кроме того, вовремя замеченные членами ИАК газетные сообщения о находках археологических предметов при строительстве путей сообщения

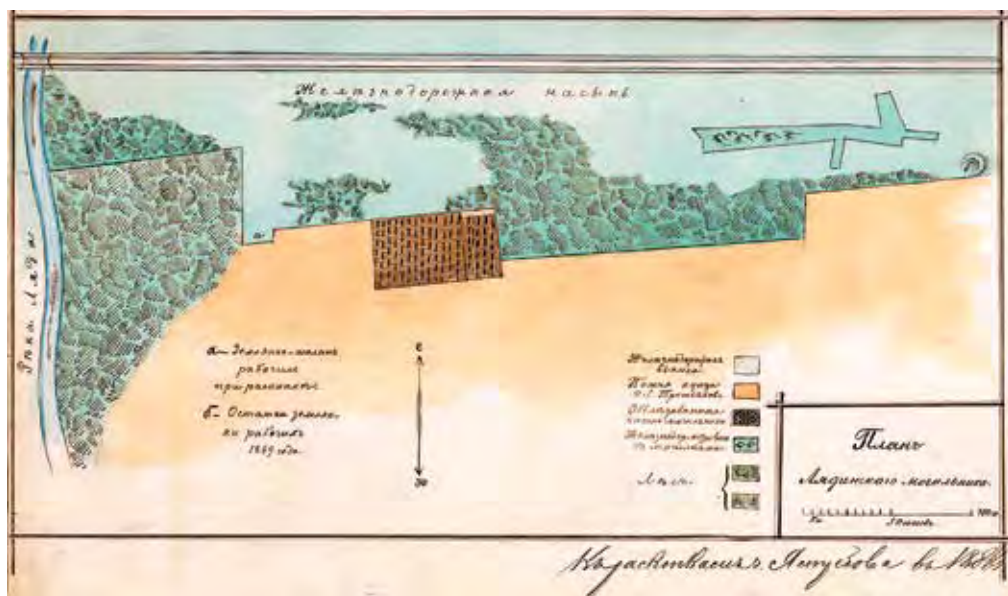
позволяли не только спасти их для последующего музейного хранения, но превратить впоследствии найденные комплексы в эталонные памятники при изучении археологии Восточной Европы. Просмотр газет на предмет сообщений о находках кладов, случайных вещей и несанкционированных раскопках и последующие меры стали одной из важных форм деятельности ИАК по сохранению культурного наследия.

Так, в ноябре 1867 г. ИАК «случайно узнала», что при устройстве Орловско-Витебской железной дороги были найдены серебряные древние предметы и куфические монеты, о чем был сделан запрос в МВД. В ответ, однако, было сообщено, что на территории Поречского уезда в Смоленской губернии при проведении соответствующих работ действительно были обнаружены глиняные горшки, черепа (очевидно, строительством был затронут курганный могильник), а также «шведские и ливонские монеты», которые заведующий дистанцией инженер-поручик Рипас передал в Смоленск (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 14. Л. 1, 2). Впрочем, ни о серебряных изделиях, ни о куфических монетах не сообщалось, в силу чего непонятно, шла ли речь об одной и той же находке.

Равным образом, обратив внимание на газетную информацию об обнаружении при строительстве Тамбовско-Саратовской железной дороги близ Кирсанова древних предметов, в июне 1869 г. С.Г. Строганов оправляет запрос инспектору А.И. Бедряге (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 20. Л. 5). В результате выяснилось, что в процессе земляных работ было найдено не менее 5 погребений, план которых и наиболее репрезентативные бронзовые серебряные и железные вещи (оружие,

стремена, удила, украшения) инспектор переслал в ИАК (Там же. Л. 6–8, 9, 17–25). В 1884 г. вещи были частично переданы в Российский исторический музей. Однако позднее, уже в «эпоху Бобринского», из 15-го выпуска «Известий Тамбовской архивной комиссии» за 1887 г. Комиссии стало известно, что часть вещей из этого комплекса член Архивной комиссии В. Вышеславец пожертвовал в местный музей. Это вновь пробудило интерес к найденным древностям. В декабре 1887 г. ИАК обращается к владельцам земли Сазоновым и их арендатору купцу Третьякову в связи с необходимостью доследования участка, на что было получено согласие безо всяких предварительных условий и «без возмещения убытков» (Там же. Л. 38–39). В феврале 1888 г. появляется памятная записка Н.Е. Бранденбурга «Тамбовский могильник и его археологическое значение» (Там же. Л. 40 — 59 об.), а 20 июня Владимиру Николаевичу Ястребову, преподавателю Елизаветградского реального училища, был выдан Открытый лист на раскопки в этой местности, для чего было выделено 400 руб. (Там же. Л. 68). В результате предоставленного отчета (Там же. Л. 85–195) и более чем 20-летней истории увидела свет публикация материалов Лядинского могильника — классического памятника мордвы X–XI вв. на территории Древней Руси (Ястребов 1893).

Если отношения ИАК и ИРАО в Санкт-Петербурге складывались достаточно органично, то созданное А.С. Уваровым в 1864 г. Московское археологическое общество с самого начала рассматривало себя в качестве альтернативы ИАК. Как было показано выше, в основе такого противостояния лежал личностный конфликт

План Лядинского могильника, Тамбовская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 20. Л. 194)

А. С. Уварова со С. Г. Строгановым, который впоследствии дополнился соперничеством столиц и дискуссией научных школ. Археологическая комиссия отнеслась весьма прохладно к подготовке и проведению «Уваровских» съездов. 26 февраля 1866 г. МАО прислало приглашение к участию в предварительном комитете I Археологического съезда в Москве на адрес «Санкт-Петербургской императорской археологической комиссии», будто подчеркивая тем самым равенство своего положения с ней по региональному признаку (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 4. Л. 1 — 2 об.). 10 марта С. Г. Строганов отвечал в том духе, что Комиссия «вполне сочувствует предложенной обществом мысли о съезде и со своей стороны считает долгом принять живейшее участие в этом деле». В предварительный комитет съезда был назначен И. Е. Забелин. 27 апреля 1868 г. было получено разрешение на съезд от министра народного просвещения, в ведении которого

находилось МАО. С. Г. Строганову было отправлено персональное приглашение, однако не как председателю ИАК, а как председателю ОИДР. Несмотря на то, что типографский формуляр содержал позицию для подписи самого А. С. Уварова, оно было подписано лишь секретарем общества К. К. Герцом. В результате на приглашении появилась эмоциональная резолюция Строганова: «Не намерен принимать участия ни в делах Комитета, ни съезда гг. археологов» (Там же. Л. 6 — 7 об.).

Многие положения предстоящего съезда вызвали его пометы в виде вопросительных знаков и язвительных замечаний. Вопросительные знаки появились у 1-го параграфа положения о съезде, где к числу «главных вопросов, которые будут подвергнуты обсуждению», были отнесены состояние русской археологии и ее развитие; сохранение и приведение в известность памятников как языческой, так и христианской древности в России;

точнейшее определение методов и приемов в исследовании памятников; составление подробной инструкции археологических изысканий; картирование и т. д. Напротив 2-го пункта о том, что «съезд будет продолжаться не более трех недель», приписано: «И одного часа много».

Особенное возмущение С.Г. Строганова вызвало, судя по пометам, намерение А.С. Уварова «допустить» «к участию в съезде» депутатов от всех ученых обществ, «предметы занятия которых соприкасаются с русской археологией, а также всех ученых, заявивших себя археологическими трудами или выразивших председателю съезда желание участвовать в занятиях оно и им к такому участию допущенных». Рядом с «допустить» С.Г. Строганов дописал альтернативное «пригласить» (Там же. Л. 6).

6 марта 1869 г. ИАК приняла решение не назначать со стороны Комиссии особого депутата, кроме В.Г. Тизенгаузена, который уже был членом предварительного комитета. На II Археологический съезд в Петербурге в 1871 г. также был отправлен В.Г. Тизенгаузен. Он же представлял ИАК и на V съезде 1881 г. в Тифлисе, хотя по болезни в заседаниях предварительного комитета и не участвовал (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 35. Л. 2, 3). Сам Строганов не участвовал ни в одном съезде, так же как и сменивший его в 1882 г. А.А. Васильчиков.

Археологическая комиссия не посылала официальных делегатов на IV (Казань, 1877 г.), XI (Киев, 1899 г.), XII (Харьков, 1902 г.) и XIII (Екатеринослав, 1905 г.) Археологические съезды, как и на XVI съезд (Псков, 1914 г.), который не состоялся из-за начавшейся Первой мировой войны (о съездах см.: Серых 2011; Szczerba 2013; ср.: Шаманаев

2017; о влиянии политической власти и контроле над работой съездов см.: Смирнов 2011а: 198–199).

Необходимо отметить, что не только проведение съездов, но и многие другие интересные инициативы, поступавшие в Комиссию, оставались без соответствующего внимания, несмотря на то, что потенциальные возможности ИАК, несомненно, расширились. Ее деятельность начинала становиться известной. Так, российский консул в г. Кандии (ныне Ираклион, Крит) Александр Евфимович Лаговской, через Азиатский департамент Министерства иностранных дел, информировал С.Г. Строганова о находке двух античных статуй у г. Аптера на южном берегу Судского залива близ г. Канеи (ныне Ханья) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 10. Л. 14–15).

Одно из самых интересных предложений пришло в ИАК в июле 1871 г. от известного византиниста и коллекционера А.Д. Мордтманна (A.D. Mordtmann, 1811–1879) через российское посольство в Стамбуле. Он предложил приобрести у него 600 византийских свинцовых печатей, в том числе и из Херсонеса, сопроводив их подробным указателем. 20 августа ИАК попросила его указать возможную стоимость коллекции и прислать ее каталог. Это и было сделано 14 октября 1871 г., причем все фотографии были переданы старшему хранителю монетного отделения Эрмитажа М.И. Броссе (1802–1880) (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 25–27).

Однако в ответном письме последний указал, что, несмотря на интерес коллекции, приобретена она быть не может «по неимению в настоящее время свободных сумм» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 28. Л. 3–4). Формирование коллекции моливдовулов

Храм св. Софии, обращенный в мечеть. София, Болгария. 1878 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 22. Л. 3)

Эрмитажа отодвинулось на несколько десятилетий. Стоит вспомнить и об отказе ИАК принять предложение французского археолога Жана Жака Мари де Моргана участвовать в изучении древностей Месопотамии под предлогом того, что «исследования эти в северной части Персии вряд ли могут дать особенно блестящие результаты» (см.: Смирнов 2014; ср.: РГВИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 143. Л. 1).

Это были не единственные предложения, поступившие Комиссии из-за рубежа. 15 июля 1878 г. военный губернатор болгарской Софии Петр Алабин выступил с идеей собственными силами, с привлечением лишь отчасти средств Комиссии, раскопать уникальный многослойный памятник позднеантичной и византийской эпохи — Софийский собор в Сердик-Софии, пользуясь русским временным военным присутствием в Болгарии. Ситуация

упрощалась тем, что по предложению Алабина раскопкам должен был быть подвергнут лишь алтарь, апсида которого, при превращении храма в мечеть, была разобрана, а проем заложен.

Полукружие фундамента апсиды хорошо читалось на местности, и именно здесь и предполагалось сосредоточить исследования. Однако отвечавший за отсутствием председателя на вопрос академик Л.Э. Стефани указал, что все специалисты Археологической комиссии командированы на раскопки в Крым, и сама Комиссия не располагает дополнительными денежными средствами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 22. Л. 1–2, 4).

Отметим, что впоследствии во время Первой мировой войны по занятии русскими войсками Трапезунда экспедицией Ф.И. Успенского в 1916–1917 гг. здесь были проведены архитектурно-археологические работы в трех храмах византийской эпохи (Басаргина

1991; Беляев 1998: 210–211; Старостин 2014; Цыпкина 2015; 2016a; 2016b; Захарова, Цыпкина 2016), впрочем, без участия Комиссии.

Архитектурно-археологические работы вообще первоначально не входили в число приоритетов ИАК, хотя и были ей поручены. Точно так же С.Г. Строганов не посчитал нужным поддержать инициативу президента Академии художеств князя Г.Г. Гагарина в 1860 г. о привлечении общественного внимания к бедственному состоянию Богоявленского собора в Костроме (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 5. Л. 1 — 20 об.) и постарался снять с Комиссии ответственность за реставрационные работы на памятниках владимиро-суздальского зодчества (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 9).

Не заинтересовало его и исследование собора на Протоке в Смоленске М.Н. Полесским-Щепило в 1867–1868 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 7).

Впрочем, в мае 1871 г. в ИАК узнали из газет об открытии в Феодосии древнего христианского храма и поручили барону Клодту фон Юргенсбургу, причисленному к Комиссии после И.П. Вольского, сделать его рисунки, о чем было направлено соответствующее письмо и в Феодосийский музей древностей.

Однако о судьбе этого предприятия нам ничего не известно (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 23). Похоже, что такая позиция председателя ИАК в деле охраны и изучения архитектурных памятников была учтена А.С. Уваровым, который добился от Св. Синода в 1879 г. запрета на самовольные переделки в древних храмах без предварительных консультаций духовенства с археологическими обществами, в перечень которых ИАК не входила (подробнее см. главу XIII). Такая ситуация могла стать общим фоном скорой отставки С.Г. Строганова.

IX

Председателю Археологической комиссии С.Г. Строганову еще в 1874 г. исполнилось 80 лет, и ему, занимавшему и другие важные государственные должности, было уже трудно уделять много внимания и отстаивать прерогативы Комиссии. С мая по декабрь 1877 г. С.Г. Строганов отсутствовал в Петербурге, поскольку с разрешения министра отбыл в отпуск на лечение в деревню, его обязанности исправлял С.А. Гедеонов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г. Д. 11). К концу 1881 г. С.Г. Строганов в своих рапортах признает, что уменьшился штат Комиссии и сократилось количество проводимых ею раскопок. Как явствует из пояснительной записки 24 апреля 1882 г., составленной

А.А. Васильчиковым на имя министра двора И.И. Воронцова-Дашкова, с конца 1870-х гг. С.Г. Строганов возвращал до 50 % бюджетных ассигнований на деятельность Комиссии в ведомство контроля Министерства императорского двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 5 об. — 6). Такой неоправданный отказ от активизации деятельности Комиссии требует своего объяснения, что не может быть связано лишь с болезнью 87-летнего С.Г. Строганова и нездоровьем В.Г. Тизенгаузена, а объясняется и сложным положением самой Комиссии.

Как человек, обладающий трезвым государственным умом, председатель ИАК, видимо, хорошо понимал

Получено в Марта 1882 г.
57
66

Гр. Св. Св. Императорскому Синоду
 во прошле ваше, симуламенту
 доверженности составили и предло-
 жили логотипом. Я с особенным
 вниманием Всемилостивымше
 уволит вас от обязанности Три-
 суды Императорской Археоло-
 гической Комиссии. Будучи ос-
 нована 2го Января 1859 года, Ком-
 иссия, с самаго начала своего су-
 ществования, состоя под вашим
 просветленным руководством, од-
 ружаема широкое внимание на им-
 скане древностей, относящихся
 к периоду процветания славянских
 колоний на русском Северо-восточном
 побережье и во области административной

Копия письма Александра III в связи с отставкой С.Г. Строганова, 13 марта 1882 г.
 (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 66)

Новороссійскаго вѣдѣнія Синодскими пис-
 манами. Пронзвѣденная въ теченіи
 23^{лѣт} работа раскопки въ этомъ мѣстѣ
 стала пріиски въ отдаленно оубо-
 ное количество находившихся
 памятникоев древности и оубогаи
 Императорской Эрмитажѣ оубо
 радонъ замѣтательное оубо
 и оубогаи произведеній древне-
 го мѣра. Середъ оубо, оубогаи оубо оубогаи
 оубогаи археологическими находками
 оубогаи для науки оубогаи. Оубо
 оубогаи оубогаи замѣтательное оубо
 оубогаи древности, оубогаи оубогаи оубо
 оубогаи въ Эрмитажѣ, оубогаи оубогаи
 оубогаи оубогаи оубогаи оубогаи. Оубо
 оубогаи оубогаи оубогаи оубогаи оубогаи

Копия письма Александра III в связи с отставкой С.Г. Строганова, 13 марта 1882 г.
 (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 66 об.)

67

считать драгоценнейшим вкладом в
 науку, ее драгоценнейшим угодни-
 ком которой будет навсегда сохра-
 нено во драгоценнейшей памяти
 нашей царя Преподобная сие во вни-
 мание. Я пишу тебе настоятельную
 просьбу, чтобы ухаживали за
 Моею иудейскою принадлежностью.
 Преподобная в царя Императора
 морского министра Самсона на
 всегда драгоценнейший

и искренно уважающий и
 любящий Вас

Александр

Екатерина
 18. Марта 1882

Копия письма Александра III в связи с отставкой С.Г. Строганова, 13 марта 1882 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 67)

ВАСИЛЬЧИКОВ Александр Алексеевич (30.9.1832 — 11.5.1890) — гофмейстер, дипломат, историк искусства, коллекционер. Окончил Московский университет (1855), служил в дипломатических миссиях в Риме и Карлсруэ.

Дружил с П. Виардо и И. С. Тургеневым. С 1879 по 1888 г. — директор Императорского Эрмитажа, при нем музей пополнился многочисленными коллекциями произведений древнего и нового искусства, была введена новая структура с разделением на пять частей, привлечены многие новые сотрудники.

Изучал русскую иконографию, а также генеалогию и историю рода Разумовских. В 1882–1886 гг. был председателем ИАК.

Осн. соч.: О портретах Петра Великого. М., 1872; Словарь русских портретов. М., 1875; Семейство Разумовских. СПб., 1880–1887.

Лит. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917. Библиографический справочник. СПб. 2004. С. 34–36.

(Ил.: Всемирная иллюстрация. 1881. Т. 26. № 651. С. 13. Портрет П. Ф. Бореля)

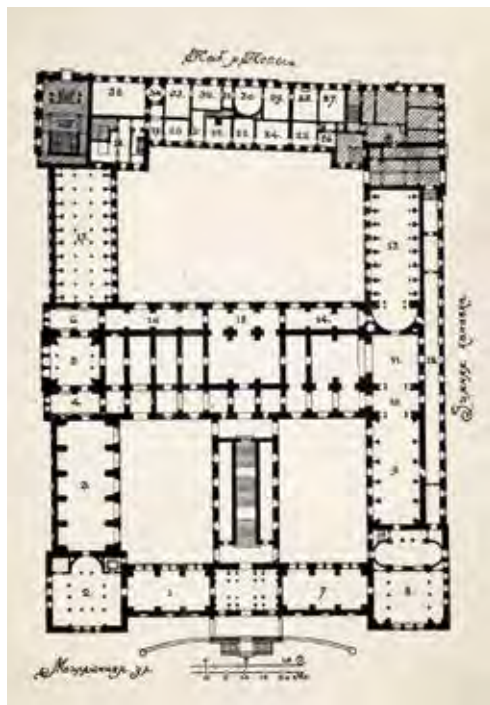
ситуацию и сам подыскивал себе замену. В феврале 1881 г. он подает первое прошение о своей отставке, мотивируя ее «болезненным состоянием и летами», что не позволяет ему более заниматься делами. При этом он предлагает передать дела, в соответствии с хорошо отработанной практикой предшествующего времени, директору Императорского Эрмитажа А. А. Васильчикову. В архиве сохранилось два варианта прошения — окончательный вариант датирован 31 декабря 1881 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 13. Л. 1, 2). В первом случае С. Г. Строганов лишь просит на время сохранить личный состав Комиссии, в частности В. Г. Тизенгаузена и И. А. Сулова, во втором — рекомендует поступить именно так, дабы сохранить «многолетние ученые предания и опытность» (Васильева 2000: 177–187). Очевидно, он в некоторой степени опасался за судьбу Комиссии, предвидя, что со сменой руководства сменится и личный состав ИАК.

Это было время определенного подведения итогов деятельности Комиссии «строгановского периода». Весьма вероятно, что именно В. Г. Тизенгаузен от имени С. Г. Строганова были составлены записки от 14 января 1880 г. и 31 декабря 1882 г. министру двора с краткой характеристикой деятельности ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 22, 24 — 25 об.). Именно здесь говорилось, что до сих пор ИАК «обращала главное внимание на изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье». Из числа исследованных памятников упоминались Керчь, Чертомлык в Екатеринославской губернии, Большая Близница и Семибратние курганы на Кубани и Артюховский курган близ станицы Сенной.

За 23 года работы ИАК издала 19 томов отчетов и два выпуска «Древностей Геродотовой Скифии». Другой важной обязанностью Комиссии было наблюдение за случайными археологическими находками. Ежегодно ИАК получала 17 764 руб. из Казначейства, на издание отчетов 6000 руб. и 3700 руб. из Кабинета его императорского величества, всего 27 464 руб. В последние годы, вследствие сокращения личного состава Комиссии (очевидно, имелся в виду уход из ИАК старшего члена И.Е. Забелина в 1876 г. и кончина младшего члена И. Деля в 1879 г.) и уменьшения объема раскопок, в среднем ИАК использовала 22 500 руб., при этом на содержание личного состава всего 4800 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 13. Л. 3 – 4 об.).

Год в истории России, последовавший за событиями 1 марта 1881 г., выдался сложным. Именно этим, а также болезнью самого С.Г. Строганова, и должен объясняться временной разрыв между первым и вторым прошениями. Указ императора Александра III об увольнении С.Г. Строганова последовал только 7 марта 1882 г., в котором говорилось лишь о «расстроенном здоровье» председателя ИАК.

13 марта датировано личное письмо императора графу с благодарностями за службу России, и тем же числом датировано назначение А.А. Васильчикова председателем Комиссии с оставлением его в должности директора Эрмитажа (Там же. Л. 5, 6–7, 8). Известно, что А.А. Васильчиков был родственником С.Г. Строганова. Существуют документы, свидетельствующие об обсуждении ими «преемства власти» в ИАК. Еще в начале января 1882 г. А.А. Васильчиков собственноручно заготовил рапорт о вступлении в должность, однако болезнь С.Г. Строганова заставила отложить его

План Нового Эрмитажа: помещения Императорской археологической комиссии после переезда 1882 г. располагались на углу Зимней канавки и Миллионной улицы (по: Макаренко 1916)

до личного общения с графом, которое состоялось не позднее 16 января (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 53. Л. 18–21).

Подобное совмещение должностей в системе Министерства императорского двора было нередким, так, например, предшественник А.А. Васильчикова на посту директора Эрмитажа — С.А. Геденов — в 1867–1875 гг. одновременно руководил Императорскими театрами, а сменивший А.А. Васильчикова в 1888 г. на посту директора Эрмитажа И.А. Всеволожский также исполнял эту должность.

Александр Алексеевич Васильчиков (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 34–36) был сыном сенатора Алексея Васильевича Васильчикова

ГРИММ Александр Иванович (1819 — 2.01.1884) — нумизмат, хранитель Императорского Эрмитажа. В 1842 г. окончил Дерптский университет и поступил переводчиком в Министерство иностранных дел. С 1860 г. служил хранителем западноевропейских монет и медалей в Эрмитаже. В рукописи сохранились его сочинения: «Древние монеты: греческие и римские», «План каталога греческих и римских монет Императорского Эрмитажа». С 1876 г. заведовал собственными его императорского величества библиотеками и арсеналами. Член-корреспондент РАО.

Осн. соч.: О сочинении академика И. Горностаева под заглавием «История искусства и костюма у народов древнего мира» // Тридцать первое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. 25 мая 1862 года. СПб., 1862. С. 91–101; Реферат о Петербургской нумизматической коллекции и в особенности о находящихся в ней Боспорских монетах // Труды

II Археологического съезда в Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 30–31.

Лит. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Библиографический справочник. СПб., 2004. С. 55–56; *Спасский И.Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. 1764–1964 // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 123–234.

(Ил.: Портрет К.К. Кастелли (ГЭ. № ЭРГ-28815))

(княжеского титула эта ветвь рода Васильчиковых не имела). В 1855 г. он закончил юридический факультет Московского университета и более 10 лет служил при российских дипломатических миссиях в Риме и Карлсруэ, а в 1866 г. был назначен церемониймейстером двора, в служебные функции которого входила организация различных придворных церемоний и соблюдение сложных правил придворного этикета, которым в период царствования Александра II уделялось очень большое внимание (Шепелев 1999: 405).

Наряду со служебными обязанностями он занимался коллекционированием, преимущественно гравюр и портретов, весьма успешно изучал русскую иконографию, издав в 1870-е гг. книги «О портретах Петра Великого» и «Словарь русских портретов», а в 1880-е гг. генеалогию рода Разумовских. За свои труды он был избран членом Русского археологического общества и Одесского общества истории и древностей, членом-корреспондентом Московского археологического общества. В 1879 г. А.А. Васильчиков получил более высокий придворный чин гофмейстера (III класс по Табели о рангах) и был назначен директором Императорского Эрмитажа.

Являясь, скорее, искусствоведом и историком, серьезного опыта по части археологии Васильчиков не имел, но выбор Строганова, вероятно, определялся его высоким положением при дворе и тесными связями Комиссии и Эрмитажа. Сразу же следует заметить, что в определенном смысле надежды Строганова оправдались, и новый председатель Археологической комиссии активно включился в борьбу за ее права и привилегии.

Естественно, что назначение директора Эрмитажа председателем Археологической комиссии не могло не сказаться на еще большем упрочении связей Комиссии с Эрмитажем. Именно с этого времени Комиссия переезжает из тесных помещений Строгановского дворца в здание Эрмитажа. 21 июня 1882 г. А. А. Васильчиков подает рапорт министру императорского двора графу И. И. Воронцову-Дашкову, в котором просит выделить 800 руб. на переезд Комиссии, обустройство новых помещений и заказ мебели для нее.

20 июля министерство предложило председателю ИАК составить проект предполагаемого переезда. Относительно конкретного места размещения Комиссии рапорт содержит следующие сведения: «Канцелярия Комиссии будет помещаться сверху Эрмитажа, в одном из отделений недоступного для публики, так называемого фарфорового павильона, а архив ее в отведенном по моему приказанию отделении картинной кладовой, внизу здания, под галереей скульптуры» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 13. Л. 16). По всей вероятности, под «фарфоровым павильоном» подразумевались помещения третьего этажа здания Нового Эрмитажа на углу Зимней канавки и Миллионной улицы. Об этом, в частности, косвенно свидетельствуют

сведения о том, что в 1881 г. А. А. Васильчиков намеревался разместить экспозицию фарфора в конце Рафаэлевой галереи на углу Миллионной и Зимней канавки (Казакевич 2005: 11), а «Галереей скульптуры» на плане, приложенном к путеводителю Ф. А. Жилия (Жиль 1861), именовался зал XI в центральной части здания, позднее он назывался «шестой залой скульптуры», что отражено на плане, приложенном к путеводителю Н. Е. Макаренко (Макаренко 1916). Работы по подготовке переезда начались в середине сентября, и к 14 октября 1882 г. он в основном завершился, однако 27 декабря А. А. Васильчиков просил министерство выделить дополнительные средства на обустройство Комиссии в новых помещениях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 13. Л. 14, 15, 19, 21–22, 28).

За время руководства Эрмитажем А. А. Васильчикова значительнополнились собрания древностей музея. Помимо материалов из раскопок, организуемых Археологической комиссией, туда поступили великолепные частные собрания антиков князей Ф. А. и М. А. Голицыных, А. Д. Блудова, И. И. Константинова, Е. Р. Запорожского, Е. М. Кирьякова и, конечно же, коллекция танагрских терракот П. А. Сабурова (Неверов 1990: 176). При А. А. Васильчикове была принята новая структура музея с разделением на пять отделений, из которых первое было посвящено классической археологии. Васильчиков привлек для работы в музее египтолога В. С. Голенищева, младшего члена Археологической комиссии Н. П. Кондакова, антиковеда Г. Е. Кизерицкого. Обращаясь в ноябре 1879 г. к министру народного просвещения Д. А. Толстому, в ведомстве которого служил Г. Е. Кизерицкий, с просьбой

о переводе его в Эрмитаж в качестве помощника престарелого Л.Э. Стефани, А.А. Васильчиков особо отмечал, что «помощник этот должен быть, с одной стороны, научно подготовлен, а с другой — должен всецело посвятить себя как Эрмитажу, так и Археологической комиссии, неустанно пополняющей коллекции наши» (Половцов 1904: 11). Продолжая практику, введенную еще С.Г. Строгановым, А.А. Васильчиков, отправляясь в отпуск, передавал заведование Археологической комиссией хранителю медалей и монет Эрмитажа Александру Ивановичу Гримму (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 55–56). Все это свидетельствует, что А.А. Васильчиков рассматривал Археологическую комиссию если не как часть подведомственного ему Эрмитажа, то по крайней мере как учреждение, теснейшим образом с ним связанное.

Некоторые современные авторы излишне категорично утверждают, что деятельность А.А. Васильчикова в Археологической комиссии была менее плодотворна, чем в Эрмитаже, и административное значение Комиссии упало после смерти графа С.Г. Строганова (Комарова 2007). Другие вообще не числят его среди председателей (Хартанович 2006: 113). Совершенно иную оценку деятельности А.А. Васильчикова по руководству Императорской археологической комиссией способно дать серьезное обращение к материалам ее архива.

В действительности А.А. Васильчиков активно участвовал в делах Комиссии. Летом 1882 г. он намеревался посетить Керчь, Анапу, Таманский полуостров для ознакомления на месте с археологическими раскопками, проводимыми там Комиссией и Керченским

музеем. Однако из-за несвоевременно отпущенных средств на эту командировку она не состоялась. В 1883 г. Васильчикову пришлось рассматривать запрос Генриха Шлимана о разрешении ему раскопок на Черноморском побережье Кавказа. Председатель Археологической комиссии (отмечая, что средств и сил ее недостаточно для организации раскопок в этом регионе) сочувственно отнесся к просьбе именитого археолога-любителя и поддержал его ходатайство перед министром императорского двора. Само письмо Г. Шлимана не сохранилось, но 18 января 1883 г. А.А. Васильчиков сообщил министру двора о том, что Г. Шлиман обратился к нему с просьбой дозволить производить археологические раскопки в Закавказье по Черноморскому побережью за свой счет с предоставлением всех находок в Эрмитаж, «однако причины политического и гражданского свойства не позволяют ему вернуться в Россию без Высочайшего разрешения и всемилостивейшего помилования». Характеризуя раскопки, проведенные Г. Шлиманом в Гиссарлыке (1871–1873, 1878–1879, 1882), в Микенах (1874–1876), на Итаке (1878) и в Орхоменосе (1881), он говорит об их «блистательных результатах» (ср.: Клейн 2011а: 389–411). По мнению председателя Комиссии, для Эрмитажа и ИАК, при относительной ограниченности средств последней, согласие на эти исследования «весьма выгодно» и «не следовало бы отклонять прибыльное... предложение». Ответ министра в деле не сохранился, впрочем, известно, что Г. Шлиман в Колхиде не копал, ибо в 1884–1885 гг. он работал в Тиринфе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 2. Л. 2–3).

Относительно сложностей его приезда в Россию известно, что их причиной мог быть его скандальный развод

с женой Екатериной Лыжиной, проживавшей с детьми в Петербурге. Покинув Россию после 1864 г., Г. Шлиман развёлся через суд в США и венчался вторым церковным браком с Софией Вимпос, племянницей архиепископа Греческого и всея Эллады, имея официально не расторгнутым первый брак (Клейн 1998: 9, 14). Собственно, утверждение, что Г. Шлиман не сможет въехать в Россию без «Высочайшего на то соизволения и великодушного помилования», находится не в «ответе» министра двора И.И. Воронцова-Дашкова на предложение А. А. Васильчикова, который в деле не сохранился, а в записке самого председателя ИАК, предупреждающего министра о существующих проблемах и трудностях (ср.: Клейн 1998: 13). Очевидно, это и имел в виду А. А. Васильчиков, когда говорил о причинах «гражданского свойства», не позволяющих ему вернуться в Россию. Остается непонятным, совпадало ли в данном случае «гражданское» и «политическое».

При обращении к деятельности ИАК в первой половине 1880-х гг. заметно, что после ухода С.Г. Строганова в работе Комиссии наступает заметный спад. Об этом напрямую писал в небольшой записке о А. А. Васильчикове Я.И. Смирнов, хорошо осведомленный через Н.П. Кондакова о положении дел в Комиссии: «Менее плодотворна была деятельность его в Императорской археологической комиссии, не выпустившей за время его председательствования ни одного тома отчетов, столь аккуратно выходивших ранее, и значительно потерявшей свое административное значение со смертью графа Строганова и научный авторитет со смертью Л. Стефани» (РО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 355. Л. 2). Действительно, во время председательствования

А.А. Васильчикова ежегодные издания отчетов ИАК прекратились: суммарное издание отчетов за 1882–1888 гг. состоялось лишь в 1891 г. Сложно сказать, чем это было вызвано, поскольку в 1883 г. А.А. Васильчиков обращался с рапортом к министру двора с просьбой об издании отчета за 1882 г., к которому был приложен и сам рукописный текст отчета на русском и французском языках. В ответ последовало и разрешение министра на это издание с сообщением о выделении 6000 руб., предусмотренных в ежегодном бюджете Комиссии на эти цели. Но следующий документ в этом деле датируется только январем 1887 г. и подписан уже новым председателем Комиссии А.А. Бобринским (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 24). Возможно, это было связано с тем, что престарелый Л.Э. Стефани не смог подготовить свою часть с описанием ранее найденных предметов, которая, как выше уже упоминалось, составляла большую по объему часть отчета.

Однако именно в «эпоху Васильчикова» вызревают необходимые предпосылки к развитию нового этапа в деятельности Комиссии, возникает понимание необходимости обобщения и издания не только классических и скифских древностей, но и славяно-русских («русско-византийских» в терминологии ИАК), складываются информационные и политические предпосылки публикации сибирских древностей и древностей Западного края. Именно в это время формируются основные направления и главные принципы деятельности ИАК на ближайшие 30 лет.

Среди заслуг А.А. Васильчикова стоит особо отметить его борьбу за сохранение Комиссии как единого государственного учреждения и ее полномочий в деле изучения, описания,

издания памятников отечественной старины и сбережения от посягательств самого различного рода, подчас неожиданных и курьезных. Известно, что еще в 1869 г. МАО выступило с проектом Положения об охране памятников древности, игнорирующим сам факт существования Археологической комиссии.

После одобрения на I Археологическом съезде проект с некоторыми незначительными изменениями, принятыми комиссией из членов МАО и РАО, был утвержден на II Археологическом съезде в 1871 г. в Санкт-Петербурге по случаю 25-летнего юбилея Русского археологического общества (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69а. Л. 1 — 2 об.). Территорию России предполагалось разделить на 5 археологических округов: Петербургский, Московский, Киевский, Казанский и Одесский. Составление описи древностей доверялось местным археологическим обществам, которые избирали в каждую губернию «блюстителя». Московское археологическое общество, в связи с тем, что «блюстителям» предстояли большие расходы на осмотр памятников, предложило дать им статус государственных служащих МВД (Охрана памятников 1978: 86–91). Окончательный список памятников, подлежащих охране, планировалось рассмотреть в заседаниях Особой комиссии, созданной из представителей обществ, Академий наук и художеств, университетов, Министерства внутренних дел, высших учреждений духовных ведомств. Комиссия должна была распределить древности на две категории по степени их исторического значения и соответствующих мер по их сохранению (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69а. Л. 2).

После II Археологического съезда граф А. С. Уваров обратился к министру

народного просвещения Д. А. Толстому с предложением поддержать законопроект об охране памятников. Министерство по этому поводу направило запросы в ведущие научные учреждения России, пытаясь выявить их мнение. В заключении «по проекту наиболее действенных мер для охранения отечественных памятников» Академии художеств от 14 февраля 1874 г., подписанном великим князем Владимиром Александровичем, утверждалось, что неудача предшествующих мер связана с тем, что они возлагались на лиц, «которые очень мало, а иногда и вовсе не были подготовлены к занятиям такого рода».

Автор заключения указывал на недостаточность ассигнований, выступал против дублирования функций ИАК и предлагал рассмотреть проект в специальной комиссии, на «которую возложить пересмотр всех уставов Археологических императорских и частных обществ, с тем, чтобы изыскать путь к соединению их деятельности в одном общем месте с одним Уставом и с одною кассою» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 21б. Л. 1–2).

В том же духе был выдержан отзыв Академии наук, составленный 15 ноября 1875 г. Конференцией академии в лице Л. Э. Стефани, А. А. Шифера и А. А. Куника, которые, поддерживая цели проекта, обратили особое внимание на отсутствие в нем упоминания об Императорской археологической комиссии и указали на недопустимость замалчивания ее деятельности, «тогда как эта деятельность, блестящая по результатам, уже давно признана по всей Европе достойной подражания», «заслужила полное доверие внутри государства у любителей древности и у правительственных учреждений

и служит посредником между любителями древностей, открывателями археологических предметов и проч.». Академики указывали на «необходимость обсуждения» мер по охране старины в многосторонней комиссии, где «особо почетное место должно принадлежать председателю ИАК, на которой в настоящее время лежат заботы о сохранении памятников древности» (Там же, Л. 3–4). К этому можно добавить, что в 1881 г. список заграничных ученых учреждений, которым ИАК посылала свои издания, насчитывал 104 названия, и в него входили практически все крупнейшие европейские академии, археологические общества, университеты, библиотеки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1881 г. Д. 6. Л. 17 — 18 об.).

В итоге 26 мая 1876 г. по докладу министра народного просвещения Д.А. Толстого императору Александру II при Министерстве народного просвещения под председательством товарища министра народного просвещения князя Александра Борисовича Лобанова-Ростовского была создана «Комиссия для обсуждения мер к охранению памятников древности». Ее деятельность, значимая сама по себе, оказала свое влияние и на проект нового Положения об ИАК при А.А. Васильчикове (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 52. Л. 4 об., 5; см. ниже). Депутатом от Археологической комиссии стал ее делопроизводитель П.И. Лерх. Через год, в апреле 1877 г., «комиссией Лобанова-Ростовского» был подготовлен «Проект правил о сохранении исторических памятников» (Охрана памятников 1978: 101–106), который хотя и был подписан П.И. Лерхом, но опять-таки игнорировал существование ИАК. В предполагаемом Санкт-Петербургском археологическом округе среди ученых

учреждений назывались университет, Русское археологическое общество и Санкт-Петербургское общество архитекторов (Там же: 108). Полномочия предлагаемого органа практически полностью перекрывали основные направления деятельности Комиссии. Проект бюджета нового государственного учреждения охраны памятников «Императорской комиссии о сохранении исторических памятников» предусматривал ежегодно 36 900 руб., что было значительно больше бюджета Археологической комиссии. Одновременно, 20 апреля 1877 г., А.Б. Лобанов-Ростовский направил в Министерство народного просвещения отношение с обзором мер по охранению памятников в Европе и в России.

Сотрудникам Комиссии так или иначе пришлось включиться и в полемику по поводу разработанного «комиссией Лобанова-Ростовского» проекта. В своих рапортах они доказывали нецелесообразность создания нового бюрократического органа, особо отмечая, что «обе Российские Академии долгом сочли указать графу Толстому, что в России, у самого подножия престола, существует уже учреждение, призванное охранять и разыскивать остатки древности и которому по праву должна принадлежать полнейшая опека над отечественными памятниками. Учреждение это Императорская археологическая комиссия» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 52. Л. 5). Проект нового Положения о Комиссии, разработанный под руководством А.А. Васильчикова, тоже явился своеобразным ответом на попытку узурпации прав ИАК. Здесь он указывал на нецелесообразность создания нового органа: «Сумма, требуемая Министерством народного просвещения из Государственного

*Здание Исторического музея в Москве
(ФО. Опн. О.517-35)*

казначейства на содержание новой Комиссии, решила участь всего дела. Министр финансов отношением... от 30 июля 1877 г. ... сообщил: «что при настоящих обстоятельствах он не может изъявить согласия на производство из сумм Государственного казначейства нового расхода, и потому полагал учреждение новой Комиссии отложить до более благоприятных времен»». А.А. Васильчиков считал, что вместо 36 900 руб., требуемых для новой комиссии, ИАК могла бы удовлетворяться лишь небольшим дополнением в 6000 руб. к уже имеющемуся бюджету. Увеличение бюрократического аппарата также вряд ли способствовало бы успеху дела: известно, «что без департаментов, без лишних чиновников и штатов Пруссия, Австрия, Франция, Италия умеют... обогащать свои художественные собрания, развивать эстетические потребности в народных массах, сохранять свои исторические памятники...» (Там же. Л. 3 об., 8 об.). После ясно выраженного мнения

министра финансов вопрос о создании новой комиссии отпал сам собой (Охрана памятников 1978: 110).

Однако попытки ограничить влияние Археологической комиссии не прекратились. В 1884 г. Министерство народного просвещения выступило с новым проектом наделяния Исторического музея в Москве всеми полномочиями по контролю за раскопками и охране памятников древности. Этот проект был разработан Московским археологическим обществом под руководством А.С. Уварова, который добился в 1872 г. учреждения, а в 1883 г. открытия в специально построенном здании на Красной площади Императорского Российского исторического музея. Еще в 1875 г. в ИАК поступило предложение о включении ее члена в конкурсную комиссию для проекта здания «Музея имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича», в название которого на печатном бланке А.С. Уваров собственноручно вписывает слово «исторического». В конкурсную комиссию от ИАК был направлен И.Е. Забелин, который, впрочем, уже с мая 1874 г. входил в состав Ученой комиссии, учрежденной при Управлении музеем (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 10. Л. 8–11).

Но строительство, начатое в 1872 г. и к 1878 г. оказавшееся в кризисной ситуации, так и не завершилось, и 29 мая 1881 г. было принято решение о его окончании и о переименовании музея в «Императорский». В декабре 1882 г. поступило предложение пересмотреть устав нового музея, для чего при Министерстве народного просвещения была создана комиссия, в которую входили А.Ф. Бычков, В.В. Майков, Е.Е. Замысловский, В.Г. Васильевский, И.В. Помяловский и А.В. Прахов. Уже при первых

обсуждениях А. А. Бунге отметил, что на музей возлагаются те же обязанности, что и на ИАК, и что его устав должен быть согласован с Высочайшим повелением 1859 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 53. Л. 43 — 44 об.).

Однако в результате за основу «нового» проекта устава в 1884 г. все-таки были взяты «старые» Положения 1877 г., поскольку предлагалось разделить всю территорию Российской империи на 17 археологических округов, в которых действовали бы местные комиссии, подчиненные музею. Реализация такого проекта требовала бы 130 850 руб. в год, что было в два раза больше, чем отпускалось на содержание Публичной библиотеки в Петербурге и Румянцевского музея в Москве вместе взятых. 31 октября 1884 г. министром народного просвещения Иваном Давидовичем Деляновым (1818–1897) устав и штаты нового «музея», которые еще в конце 1882 г. были рассмотрены Министерством финансов, были направлены непосредственно в Министерство двора.

Здесь, в частности, предполагалось, что, согласно параграфу 17, «местные археологические комиссии» будут сами решать вопросы создания экспедиций и выдавать разрешения на производство археологических исследований. Параграф 26 предусматривал образование пресловутых «археологических округов» для исследования «древних памятников на местах их нахождения». Согласно параграфу 28, для заведования округами создавались местные комиссии в составе председателя и двух членов из представителей местных археологических обществ, известных успехами в археологии. Все они должны были утверждаться председателем музея (параграф 29). Из числа местных

Иван Давидович Делянов (1818–1897), министр народного просвещения (СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Д. Д. 21. Л. 1)

жителей должны были избираться «блюстители» древностей (параграф 33) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 53. Л. 3 — 10 об.). В дискуссиях, развернувшихся вокруг проекта, даже ставился вопрос о возможном слиянии Исторического музея с Комиссией, которая должна бы была пополнять его фонды.

Естественно, что подобные предложения вызвали резкие возражения со стороны ИАК. В. Г. Тизенгаузен дважды, 9 ноября и 12 ноября 1884 г., писал, что осуществление проекта «потребуется упразднение самой Археологической комиссии», а учреждение округов будет самообманом, поскольку в провинциях не найдется достаточного числа квалифицированных специалистов для

местных комиссий (Там же. Л. 14–15). Он также замечал, что если государю императору благоугодно будет признать нужным продолжение действия ИАК, «славного учреждения императора Николая I», которая 50 лет всюду отыскивает памятники старины (по сути дела, В.Г. Тизенгаузен ведет отчет деятельности Комиссии с 1835 г., включая в ее историю и исследования «чиновников по археологической части», трудившихся в МВД и при Кабинете его императорского величества!) и заслужила одобрение всех компетентных лиц в России и за границей, то проект московского музея должен быть пересмотрен. В заключение автор полагал передать дело о разрешении вопроса об охране древностей «первенствующему ученому сословию в России», т. е. Академии наук, благорасположение которой к ИАК было хорошо известно. А.А. Васильчиков в своей записке дополнительно отмечал, что подобных столь широких полномочий не имеет ни один музей в мире, и они далеко выходят за рамки основного предназначения музеев. ИАК рекомендовала министру двора ходатайствовать о непредоставлении музею права ведения археологических исследований («бездумное повальное разрытие курганов», которые оказывались бы в результате «не раскопаны, а уничтожены для науки») и открытия памятников древности («насильственное собирание памятников»). При этом предлагалось вообще принять особое правило о разрешении археологическим обществам производить раскопки лишь при соглашении с ИАК. В отношении самого проекта предусматривалось исключение ряда пунктов и соответственное сокращение бюджета (Там же. Л. 25–31).

В письме министра императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова министру народного просвещения И.Д. Делянову в феврале 1885 г. уже содержалось встречное предложение: «Было бы желательно, чтобы особым постановлением состоялось правило, которым бы разрешалось как Музею, так и Археологическим обществам производить археологические исследования древностей не иначе, как при соглашении с Императорской археологической комиссией, которая в таком случае и являлась бы прямою охранительницей памятников при таковых исследованиях» (Там же. Л. 32 — 33 об.). В результате министр народного просвещения 26 декабря 1885 г. посчитал нужным передать окончательное решение по этому вопросу на усмотрение Государственного совета.

Государственный совет, в соединенных заседаниях Департаментов государственной экономии и законов, прислушавшись к мнению Эрмитажа и Археологической комиссии, 8 мая 1886 г. отклонил проект наделения Исторического музея такими широкими полномочиями. В решении говорилось, что Департаменты «не могли не остановиться прежде всего на том обстоятельстве, что разыскание древних памятников, принятие мер к их охранению, а равно и наблюдение за раскопками составляет задачу специального учреждения для сей цели правительственного установления, а именно ИАК, которой предоставлены определенные в сем отношении права». Совет посчитал, что «включение в программу деятельности Исторического музея тех широких задач, которые указаны в проекте его устава, едва ли может быть признано целесообразным и необходимым», а «одновременное существование ИАК

и управления музея, т. е. двух независимых друг от друга учреждений с теми же правами и обязанностями, могло бы привести к такой двойственности мероприятий и распоряжений в деле исследования и охранения древних памятников, которая создала бы весьма серьезные затруднения и для местных властей, и для тех учреждений и лиц, в ведении коих состоят означенные памятники». К тому же Совет посчитал, что научная оценка памятников в музее будет затруднена «по неимению в Москве тех ученых сил, которыми располагают в Петербурге Императорская Академия наук и Факультет восточных языков», оказывающие постоянное содействие ИАК. Впрочем, предложение А. С. Уварова учредить при музее Высшие курсы археологических и исторических наук для подготовки новых молодых кадров также не получило поддержки (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 321. Л. 108).

Одновременно отмечалось, что желательный успех в деле охраны памятников старины до сих пор так и не был достигнут, что «объясняется, с одной стороны, трудностью и сложностью самого дела, которое мало подвигается даже в наиболее просвещенных европейских государствах, а с другой стороны, неблагоприятной обстановкой, при которой приходится действовать у нас археологическим учреждениям». Неблагоприятная обстановка была связана со «сравнительной неразвитостью массы населения», «слабым сочувствием к археологии», отсутствием общественной поддержки и шаткостью материального положения ученых учреждений. Исправить положение могли лишь время и просвещение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 53. Л. 64–67).

На фоне постоянных попыток лишить Археологическую комиссию

части ее полномочий, усилия А. А. Васильчикова, направленные на реформу Комиссии, представляются чрезвычайно важными. Быть может в создаваемых им, пусть и не реализованных, проектах и состояла главная заслуга его председательства.

А. А. Васильчиков как минимум трижды обращался с проектом реформы ИАК к министру императорского двора (20 октября 1882 г., 22 декабря 1882 г., 26 ноября 1883 г.), в котором помимо существенного расширения полномочий Комиссии просил об увеличении штатов Комиссии до двух старших и четырех младших членов и удвоении жалования ее сотрудников, а также о том, чтобы сверхштатные суммы, отпускаемые в предшествующие годы (они доходили до 27 664 руб.), были включены в ежегодный бюджет Комиссии, который мог бы возрасти до 43 000 руб., из которых 20 000 руб. выделялись бы на раскопки против прежних 10 000 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 1–11, 50–65). Сложно ответить на вопрос об авторстве записок, были ли они составлены самим председателем или многоопытным бароном В. Г. Тизенгаузеном. Известно, что в начале 1880-х гг. именно В. Г. Тизенгаузен ведет обширную переписку Комиссии с корреспондентами на местах и нередко заменяет часто отсутствующего А. А. Васильчикова (Тихонов 2007b: 241).

Не менее значимы были и его непрестанные усилия не только по увеличению штата ИАК, но и по приданию ей нового статуса, для чего и был выработан проект нового Положения об ИАК, включающий передачу ей функций охранения древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 31–39). Характерен разительный аргумент в пользу организации в России службы охраны

памятников. Говоря о том, что такая практика существует во всех европейских государствах, А.А. Васильчиков пишет: «Даже в Турции есть нечто подобное». Знакомство с материалами архива Комиссии позволяет предположить, что человеком, являвшимся автором и исполнителем многих идей, знаменующих собой «эпоху Васильчикова», был не кто иной, как старший член ИАК В.Г. Тизенгаузен. Он обладал как длительным опытом работы в этом учреждении Министерства двора, так и непосредственными возможностями в период 1882–1886 г. разрабатывать тактику и стратегию деятельности Комиссии, которую и проводил в жизнь А.А. Васильчиков, более занятый делами Эрмитажа. Таким образом, именно В.Г. Тизенгаузеном вместе с А.А. Васильчиковым была начата борьба за новые штаты и новые полномочия Комиссии.

В связи с реформой министерства (отметим, что Комиссия по реорганизации Министерства императорского двора была создана только 21 июля 1882 г.) еще 27 июня 1882 г. граф предоставил соображения по поводу нового состава ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 1, 4–18). 20 октября им было сделано новое представление с пояснительной запиской (Там же. Л. 20 — 30 об.). Директор Эрмитажа не мог обойти особой роли Министерства двора, которое *de facto* являлось «министерством изящных искусств» (*Ministère des Beaux Arts*), аналогов которому нигде в Европе не существовало (что было верно лишь отчасти, ибо во Франции в эпоху Второй империи таковое как раз существовало). Но именно такая функция министерства позволила ему предложить системный взгляд на место и роль ИАК в деятельности самого ведомства и в жизни страны.

В связи с этим А.А. Васильчиков предлагал расширить функции ИАК и закрепить это законодательно в Положении о ней. Основные меры сводились к следующему: верховное наблюдение за сохранением всех памятников старины со стороны Комиссии, вне зависимости от форм собственности, их каталогизация, графическая фиксация, активное вовлечение в работу Комиссии почетных членов и членов-корреспондентов, контроль за «распоряжением памятниками церковной старины», числящимися по духовному ведомству, исключительное право ИАК на выдачу разрешений на раскопки. Как мы увидим, все эти принципы воплотились в деятельности ИАК «эпохи Бобринского».

В результате А.А. Васильчиков предложил проект нового Положения о Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 31–39), в котором «разыскание предметов древности» — основная функция ИАК с 1859 г. — отчасти отодвигалось на задний план. При этом в Положении активно использовались нормы, выработанные группой чиновников под председательством товарища министра народного просвещения А.Б. Лобанова-Ростовского для так и не созданной «Императорской комиссии о сохранении исторических памятников» (об этой комиссии см. выше).

Так, первая часть параграфа 1 «положения Васильчикова», заимствованная из параграфа 2 «правил Лобанова-Ростовского», гласила, что ИАК вменяется в обязанность «главное наблюдение за сохранением от разрушений и несоответствующих изменений и исправлений всех памятников в России, имеющих историческое, художественное или археологическое значение и составляющих правительственную,

церковную или общественную собственность». При этом в понятие «памятники» входили «курганы, могилы, городища, валы и другие древние земляные сооружения, древние каменные и деревянные здания, развалины древних замков, стен крепостей, башен, старинные храмы, колокольни, звонницы, монастырские стены, башни и здания, часовни, каменные и другие изваяния, иконы, фрески, надписи, древняя церковная и домашняя утварь, монеты — все остатки старины, заслуживающие сохранения по их историческому, художественному или археологическому значению», что также было заимствовано из «правил Лобанова-Ростовского».

Только вторая часть касалась разыскания предметов древности. Третья часть дополнительно включала в себя «составление подробных списков» и соби́рание сведений о памятниках, что было заимствовано из пункта 10 «правил Лобанова-Ростовского». В примечании подчеркивалась не только важность, но и трудоемкость такого мероприятия: Франция лишь после 52-летней деятельности добилась в каталогизации существенных успехов (Там же. Л. 32).

Третий параграф исключал давно упраздненную Римскую археологическую комиссию из ведения ИАК. Согласно 4-му параграфу, почетные члены и члены-корреспонденты Комиссии теперь уже не просто «содействовали достижению целей» ИАК вообще, но и «охранению памятников древности» в особенности. Для этого Комиссия снабжает их необходимыми на этот счет инструкциями и указаниями. Параграф 6 не просто предоставлял Комиссии право «следить» за делающимися в государстве открытиями, но «обязывал» ее это делать.

Вводился параграф 7, гласивший, что «для обсуждения важнейших вопросов, относящихся до сохранения исторических памятников, Комиссии предоставляется, кроме представителей тех ведомств, в ведении которых находится памятник, сохранение которого подлежит рассмотрению, приглашать еще на совещание представителей тех археологических, исторических и других ученых и художественных обществ, которые изъявляют согласие принять участие в трудах Комиссии по охранению памятников, равно и тех ученых специалистов, содействие которых будет признано Комиссией полезным и необходимым».

Параграф 8 был заимствован из 25-го параграфа «правил Лобанова-Ростовского»: «Духовному ведомству, равно всем прочим правительственным и общественным учреждениям вменяется в обязанность прежде какого-либо отчуждения предметов, имеющих историческое значение, или работе по исправлению и переделке памятников, входить в сношение с ИАК и без ведома и разрешения ее не приступать ни к каким изменениям и подновлениям памятника».

Параграф 9 соответствовал пункту Ж параграфа 10 «правил Лобанова-Ростовского»: «В случаях, не терпящих отлагательства, Археологической комиссии предоставляется право требовать от подлежащего ведомства немедленной приостановки как работ по сломке или перестройке зданий, так и распоряжения по отчуждению и переделке предметов, признанных Комиссией достойными сохранения». Принципиально важным был параграф 10, определявший порядок финансирования Комиссии и реставрационных работ: «На отпуск сумм, которые

могут понадобиться на поддержание или рациональное исправление того или другого памятника, одобренное Археологической комиссией и требующее особенного ассигнования, то ведомство, которому принадлежит памятник, надлежащий поддержанию и исправлению, обязано каждый раз испрашивать Высочайшее разрешение. Оно обязано вслед за тем приводить в исполнение работы по программе, утвержденной Археологической комиссией, причем последняя имеет право для наблюдения за правильностью работ назначить от себя при работах представителя». Параграф 11, бывший 7-м в «Положении» 1859 г., касался графической фиксации памятников, однако слова о «надобности уничтожить остаток древности» были заменены на «полную невозможность сохранить от уничтожения». Совершенно новым был параграф 12: «Без разрешения Археологической комиссии никому не дозволяется проводить раскопки на землях казенных и общественных», поскольку рядом было приписано «и церковных» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 35).

13-й параграф соответствовал 8-му пункту старых правил и касался наблюдения за земляными работами, 14-й соответствовал 9-му, однако уточнялось, что Комиссия не просто входит в «предварительные сношения и соглашения» с правительственными местами и лицами, но «требует» содействия тех, от кого зависит охрана памятников, 15-й повторял 10-й и касался поощрения находчикам древних вещей, 16-й соответствовал 11-му (представление замечательнейших находок на воззрение государя императора), 17-й — 12-му (возвращение не приобретенных древностей по принадлежности),

18-й — 13-му (судьба вещей, не получивших Высочайшего назначения), 19-й — 14-му (предоставлении отчета на Высочайшее благоусмотрение), 20-й — 15-му (печатание отчетов), 21-й — 16-му (предоставление доклада через министра двора, а не непосредственно). Внутреннее устройство Комиссии практически не менялось (пункты 17–27 старого Положения), однако 25-й (бывший 20-й) содержал добавления, касающиеся обязанности всех членов Археологической комиссии заботиться об охране исторических памятников, а 26-й (бывший 21-й) предлагал ввести понятие «провинциальный член-сотрудник».

27-й пункт был новым: на почетных членов и членов-корреспондентов возлагалось составление каталога памятников в местности проживания, наблюдение за их состоянием и доставление в Комиссию сведений о всех тех памятниках, которым угрожала опасность, а также контроль за точным исполнением на местах мер, предложенных Комиссией. 29-й параграф предполагал, что награды почетным членам и членам-корреспондентам ИАК полагаются не только за важные открытия и за особые услуги, но и за рвение в деле охраны памятников. Всего в проекте нового Положения было 33 параграфа.

Ответа на этот проект не последовало, и 26 ноября 1883 г. А. А. Васильчиков вновь пишет министру, повторяя рапорт и подчеркивая заслуги Комиссии в деле открытия древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 50–58, 69), демонстрируя при этом, впрочем, достаточно наивные представления о культурном слое: благодаря трудам Археологической комиссии «верхний слой земли» и отчасти даже «материк» истощены, а новые клады находятся на еще большей глубине (Там же. Л. 62).

Этим А. А. Васильчиков и мотивирует необходимость введения новых штатов и окладов ИАК, которые он предложил в следующем виде. В ИАК должно быть 2 старших члена с денежным содержанием 3500 руб., 4 младших члена — 2300 руб., делопроизводитель — 2000 руб., журналист — 900 руб., канцелярский чиновник — 600 руб., сторож — 360 руб. При этом на расходные материалы планировалось выделить 400 руб., на приобретение книг — 200 руб., на издание отчетов — 6000 руб., на исследование и путевые расходы — 25 000 руб. Для Керченского музея предполагалось следующее: директор должен был получать 2500 руб., помощник директора — 750 руб., старший надсмотрщик — 350 руб., младший надсмотрщик — 300 руб., писец — 180 руб., сторож музея — 225 руб., сторож кургана — 150 руб. Временные расходы на художника составляли 700 руб. На расходные материалы планировалось выделить 200 руб., наем помещений для музея и их отопление — 800 руб. Общий бюджет ИАК и Музея составлял бы 58 115 руб., причем остаток суммы должен был находиться в распоряжении председателя (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 12–13). Однако борьба за новый штат пришла уже на «эпоху Бобринского».

На активность А. А. Васильчикова могло повлиять еще одно событие, практически не известное в истории охраны памятников на территории империи. 19 февраля 1883 г., с согласия земских чинов Финляндии, состоялось Высочайшее постановление об охране памятников на территории княжества (Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. № 16. 1883; см. также: Immonen, Taavitsainen 2011). 2-й пункт говорил о создании

«Археологической комиссии из сведущих лиц, назначаемой Хозяйственным департаментом Финляндского сената, для заведования памятниками древности в крае». В ее функции входило составление каталога памятников, а также принятие решений об изменении или сносе недвижимых памятников древности. Пункт 4 вообще предоставлял Археологической комиссии право делать все распоряжения об исправлении, фиксации или исследовании «посредством раскопки или же иным образом» недвижимых остатков древности с условием, чтобы об этом было предварительно объявлено владельцу или содержателю земли и с последующей выдачей вознаграждения в случае причинения ему через подобные исследования убытка или издержек. Постановление предполагало и рекультивацию объекта: по окончании изысканий остаток древности должен быть, по мере возможности, восстановлен в своем прежнем наружном виде. Если иное, не связанное с комиссией лицо, пожелает исследовать с научной целью какой-либо известный древний памятник, то оно обязано просить на то разрешения Археологической комиссии, которая принимает окончательное решение.

Пункт 5 гласил, что в случае открытия памятника при строительных работах его чертеж и описание должны быть доставлены в Археологическую комиссию. 7-й пункт вводил ответственность за повреждение древности: всякий, кто разрушит, повредит, переместит или снесет памятник, должен был уплатить штраф в размере от 10 до 200 марок. В случае если виновник знал или должен был знать об исторической ценности разрушенного, то он был обязан восстановить памятник, а если он

отказывался совершить это, то восстановление осуществлялось государством за его счет. Церкви также были подчинены ведению Археологической комиссии: их нельзя перестраивать без ее разрешения и продавать храмовые предметы. Постановление, которое должно было быть объявлено в церквях, вступало в силу с 1 июля 1883 г.

Высочайшим объявлением от 19 июня 1884 г. для заведования памятниками древности Финляндии была учреждена Археологическая комиссия из 7 членов со статс-археологом во главе, которые избирались на три года от ученых обществ: Финского общества наук, Александровского университета, Финского литературного общества, Финского общества древностей и Финского исторического общества. Статс-археолог назначался императором, инструкция для его деятельности составлялась Сенатом (Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. № 12. 1884: 5–7).

Бюджет комиссии составлял 15 500 марок, при этом статс-археолог

получал 7500, сторож — 200, на канцелярские расходы выделялось 400, на разного рода вознаграждения — 1400, на научные исследования и фотофиксацию — 6000. В 1892 г. согласно петиции Сената для исследования и хранения научной коллекции были дополнительно кооптированы 2 интенданта и 1 консерватор «со степенью кандидата философии по историко-филологическому отделению».

17 августа 1893 г. надзору комиссии были подчинены коллекции Александровского университета в Гельсингфорсе. Представляется весьма вероятным, что на форму, в которую было облечено первое ведомство охраны памятников Финляндии, повлияло существование ИАК, тогда как некоторые положения проекта А. А. Васильчикова, в частности подчинение духовного ведомства контролю комиссии, оказались созвучны и современны постановлению 1883 г. Таким образом, проекты второго председателя Комиссии вполне могут рассматриваться как стимулы к ее дальнейшему развитию.

X

Это развитие не обещало быть легким. Московское археологическое общество и его руководители были не единственными, кто намеревался подменить Комиссию новым учреждением или посягнуть на часть ее полномочий. С их попытками конкурировали и вполне частные инициативы. Противостояние им пришлось на смену двух эпох в истории ИАК — «эпохи Васильчикова» и «эпохи Бобринского».

2 декабря 1885 г. Адриан Викторович Прахов написал министру двора И. И. Воронцову-Дашкову о необходимости продолжения издания

«Древностей Российского государства» (Снегирев 1849–1853), в письме выражалась надежда, что министр будет «возобновителем» и «вторым основателем» этого издания (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 4 — 7 об.).

После краткого обзора издания автор записки указывает, что при Александре II вышли тома, посвященные древним знаменам и фрескам и архитектуре Софийского собора в Киеве, однако впоследствии издание прекратилось из-за распыления материалов и средств и из-за одновременного возникновения нескольких археологических обществ.

ПРАХОВ Адриан Викторович (4.03.1846 — 1.05.1916) — историк искусства, востоковед, археолог, художник. Член МАО с 1874 г. Член Общества ревнителей русского и исторического просвещения. В 1867 г. окончил Санкт-Петербургский университет по историко-филологическому факультету. Был хранителем Музея изящных искусств и древностей при Петербургском университете. Работал в музеях Германии, Франции, Англии и Италии, исследуя преимущественно памятники античного искусства. В 1873 г. защитил диссертацию «Исследования по истории греческого искусства», получив степень магистра. С 1873 г. доцент, затем профессор Петербургского университета по кафедре теории и истории искусств. В 1879 г. по защите диссертации «Зодчество Древнего Египта» получил степень доктора. В 1887 г. А.В. Прахову было поручено руководство внутренней отделкой строящегося Владимирского собора в Киеве, в течение десяти лет занимал кафедру истории искусств в Киевском университете. В 1875–1878 гг. редактировал иллюстрированный журнал «Пчела». С 1875 по 1887 г. преподавал историю и теорию изящных искусств

в Императорской академии художеств. Изучал историю древнерусского искусства и обследовал древнерусские храмы и соборы в Киеве и памятники Волыни. Ему принадлежит открытие фресок Кирилловской церкви XII в. в Киеве.

Осн. соч.: Критические исследования по истории греческого искусства. Описание древних памятников из Ксанфа в Ликий. СПб., 1872; Критические наблюдения над памятниками древнего искусства. Зодчество древнего Египта. СПб., 1879; Киевское искусство X, XI и XII веков: Каталог выставки копий с памятников искусства в Киеве X, XI и XII веков, исполненных А.В. Праховым. СПб., 1883; Открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII века. СПб., 1883; Археологическая поездка профессора А.В. Прахова по Волыни летом 1886 года. СПб., 1887.

Лит. о нем: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1896. Т. 2. С. 123; А.В. Прахов. Некролог // Зодчий. 1916. № 20. С. 195–196; *Коростовцев М. А., Ходжаш С.И.* Адриан Викторович Прахов (1846–1916) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1960. Вып. 3. С. 111–118; *Жарков Є.І.* Перша єгипетська подорож Адріана Прахова 1881–1882 рр.: реконструкція-ітнерарій у світлі записок, листів та спогадів // Просемінарій: Медієвістика, історія Церкви, науки та культури. Київ, 2008. Вип. 7. С. 501–550; *Сторчай О.* Адріан Прахов: мистецтвознавча та викладацька діяльність в Україні (1880–1890-ті рр.) // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Зб. наук. праць. Київ, 2007. Вип. 4. С. 329–362; *Жарков Є.І.* Мистецька діяльність Адріана Прахова у сприйнятті та оцінках Степана Яремича // Київська старовина. 2011. № 3 (349). С. 95–100; *Ковпаненко Н.Г.* Архітектурно-мистецька спадщина Наддніпрянської України у вітчизняних історичних дослідженнях (кінець XIX — початок XX ст.). Київ, 2013.

(Ил.: портрет И.Е. Репина, 1886 г., ГРМ)

Начиная с этого времени ИАК, следя за находками кладов, собрала их в значительном количестве. А.В. Прахов упоминает Рязанский клад 1822 г., Владимирский клад 1865 г., Орловский клад 1878 г., Киевский клад 1881 г., Черниговский клад 1883 г., Полтавский клад 1885 г. и Киевский клад 1885 г. В связи с этим он предложил издать весь комплекс памятников в одном томе по образцу изданных ранее «Древностей Босфора Киммерийского».

В то же время он обращал внимание министра, что наука древнерусского искусства за последнее время обогатилась открытием образцов монументальной стеновой живописи XII в. (церковь Спаса на Нередице, 1885 г.; Кирилловская церковь и Михайловский монастырь в Киеве, 1880–1885 гг.), что доказывает, что это было время самостоятельного русского творчества, а не копирования у греков. Все эти памятники он предлагает издать в двух томах, намереваясь предоставить для подготовки книг имеющийся у него коллектив «рисовальщиков», и пишет, что «был бы счастлив», если бы ему «суждено было приложить свои силы» к этому изданию.

В ответе на запрос министра А.А. Васильчиков почти дословно повторил текст записки А.В. Прахова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 8 — 9 об.). Этому есть объяснение, поскольку И.А. Суслов на копии ответа приписал, что записка приготовлена «рукою проф. Прахова» (Там же. Л. 8). А.А. Васильчиков лишь несколько переставил акценты, предлагая первым томом издать древнерусское зодчество и стенопись, причем первый выпуск должен был быть посвящен Киеву, второй Нередицкому храму (тираж 1000 экземпляров, стоимость 19 000 руб.), а вторым томом — клады. В том же письме

он предлагал привлечь в число членов ИАК самого А.В. Прахова, а его вознаграждение предоставить на усмотрение министра.

Похоже, А.А. Васильчиков сочувствовал праховской идее, если привлек его к составлению ответа министерству. Это тем более парадоксально, что весной того же года исследование кладов и подготовка соответствующей публикации были поручены распоряжением министра 3 мая 1885 г. члену ИАК Н.П. Кондакову. Очевидно, в связи с возникшей перепиской, порожденной предложением А.В. Прахова, А.А. Васильчиков 3 декабря 1885 г. просит Н.П. Кондакова сообщить, что именно у него готово к планируемому изданию. Сам же А.В. Прахов, уже находившийся в это время в конфликте с Академией художеств и проживавший то в Москве (Малая Дмитровка), то в Киеве (Алексеевская улица), рассматривал, очевидно, это издание как возможность остаться в Петербурге. 12 января 1886 г. государь «соизволил сосредоточить издание древностей» в ИАК и поручить это дело А.В. Прахову. Одновременно сам Н.П. Кондаков 16 января пишет в Комиссию рапорт о том, что, несмотря на «частное извещение» В.Г. Тизенгаузена от 19 августа 1885 г., предложившего ему, по неизвестным причинам, приостановить работы над древнерусскими кладами, он все-таки не прекратил своих трудов по изучению кладов. Исследователь был готов издать этот труд в каком бы то ни было «археологическом сборнике», и теперь, получив «словесное распоряжение», намеревался продолжить работу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885. Д. 59. Л. 12–13).

Вдохновленный достигнутым успехом А.В. Прахов 25 февраля 1886 г. пишет новый рапорт в министерство,

в котором содержится критика ИАК и утверждение о неспособности Комиссии к издательской деятельности. По его мнению, ИАК преследует лишь задачу добычи и приобретения вещей и игнорирует собственно русскую историю: «Комиссия с такой последовательностью сосредоточила свою задачу на изыскании классических и скифских древностей, что, когда Забелин в конце 60-х годов предложил заняться раскопками в русских городах, возникновение которых относится до XI века, с целью выяснить вопрос о расселении славянских племен», его предложение было отклонено «как не входящее в задачу деятельности Комиссии». В целом Комиссия представлялась ему учреждением, которое «доставляет для обозначения известную часть археологического материала наряду со многими другими археологическими учреждениями и лицами», и памятником ее деятельности является лишь «длинный ряд отчетов». В связи с этим интересы Комиссии лишь частично пересекаются с задачами исследования «Древностей Государства Российского». Для восполнения существующего разрыва А.В. Прахов не только предлагает существенно переориентировать деятельность ИАК, но и создать для издательских целей «специальную организацию» (Там же. Л. 14–20).

В связи с этим он разработал проект Устава «Императорской редакции для издания „Древностей государства Российского“», которая должна быть учреждена «при Императорской археологической комиссии, однако находиться под начальством министра», из 19 параграфов, а также проект штата редакции, куда бы вошли редактор, ученый секретарь, действительный член, делопроизводитель

и канцелярский чиновник. Бюджет редакции предусматривал 9500 руб. на оклады и 28000 руб. на издательскую деятельность (Там же. Л. 20 об. — 25). Претенциозный проект остался без ответа, Н.П. Кондаков продолжил свою работу над изданием «русско-византийских древностей», завершившимся публикацией в 1896 г. его труда «Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода» (Кондаков 1896), а новый председатель Комиссии в мае 1886 г. предложил А.В. Прахову «взять на себя труд» лишь по описанию Киевского клада 1885 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 26–28). Поскольку это не соответствовало амбициям последнего, то на этом его попытки потеснить ИАК в культурном пространстве России на время приостановились. К тому же в том же году А.В. Прахов вступил в конфликт с ИАК из-за самостоятельных раскопок Мстиславова Успенского храма XII в. и урочища Федоровщина во Владимире-Волинском (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 65а).

А.В. Прахов вернулся к своему проекту в 1887 г. 21 ноября в заседании ИАК он публично изложил свой план продолжения издания «Древностей», подчеркивая, что Высочайшее повеление, поручившее это издание Комиссии под руководством самого А.В. Прахова, было сообщено А.А. Васильчикову еще 12 января 1886 г. Сведения об этом содержатся в рапорте от 30 ноября 1887 г. члена ИАК И.И. Толстого, который присутствовал на заседании. Оппоненты А.В. Прахова отмечали, что некоторые стороны предполагаемого мероприятия «несомненно должны нанести вред казенному интересу» и «научному достоинству труда», которым занимается ИАК. Прежде всего, речь шла о нереальном объеме издания, расходы

на которое не поддаются определению. Сам план издания произволен и вызывает возражение.

Результатом его осуществления видится напрасная трата казенных денег и подрыв доверия к «правительственному учреждению» со «славным прошлым» — ИАК. В данном случае было необходимо прояснить смысл «повеления» и указать, на ком конкретно лежит ответственность за публикацию, поскольку обилие действующих лиц распяляет эту ответственность. В итоге констатируется, что «Комиссия могла бы в этом деле играть лишь пассивную роль исполнительницы единомышленных решений» А.В. Прахова, «неся на себе, однако, всю ответственность как денежную, так и по исполнению издания». Также было непонятно, как разрешать возможные пререкания между Комиссией, «г. руководителем» и авторами. Вставал и вопрос о «замещении проф. Прахова в случае его смерти или отказа от руководства делом». И.И. Толстой предлагал единственный, по его мнению, возможный выход: доложить министру о недоразумениях и в конце концов поручить дело издания либо самому А.В. Прахову, либо Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 96–100).

В результате в декабре 1887 — январе 1888 г. было принято решение, что издание с абстрактным названием «Сборник русско-византийских древностей» будет поручено ИАК (Там же. Л. 105). Очевидно, кроме собственно тома «Кладов», изданного Н.П. Кондаковым, материалы, собранные для этого проекта, отчасти нашли свое применение в дальнейшем в совместном издании И.И. Толстого и Н.П. Кондакова, которое завершилось уже после их ухода из самой Комиссии (Толстой,

Кондаков 1889–1899), а сам Кондаков до конца жизни трудился над вторым томом исследования, подготовил для него рисунки, фотографии и иллюстративные таблицы (оригиналы, пробные оттиски и подготовленные к печати 50 таблиц в кол. 500 экз. хранятся в СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 2. Д. 17, частично опубликованы в: Гуцин 1936), а саму рукопись вывез с собой в эмиграцию (Тункина 1995b: 102, 106, 108; 2004: 760–761).

Дальнейшую борьбу за превращение Археологической комиссии в центральный государственный орган археологии и охраны памятников старины пришлось вести уже следующему председателю А.А. Бобринскому, которому пришлось столкнуться с гораздо более курьезным предложением. Оно поступило министру императорского двора от коллекционера древностей Т.В. Кибальчича. Он был представлен министру еще в начале февраля 1886 г. и 22 февраля подал на его имя записку, которая явно задевала ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 10а. Л. 2–5). Здесь утверждалось, что из-за развития кладоискательства «русские древности на юге России не обеспечены в своем сохранении»: «случайные археологические находки, делаемые в разных местах, попадают в руки жидов, затем в руки агентов западноевропейских музеев».

В этой связи он задается вопросом: в какой мере члены ИАК могли бы противостоять иностранным исследователям? Естественно, было бы разумно послать сотрудников ИАК туда, где действует «вражеская агентура», однако этому препятствуют сложности с самой Комиссией. Она до сих пор не определила планы своих действий и те отделы русской археологии, которые подлежат

ее ведению; не зафиксирован правовой статус находок, провинциальных научных учреждений и самой ИАК. При этом Комиссия «не всегда с должным вниманием и снисходительностью относилась к трудам тех лиц и учреждений, которые посвятили себя русской археологии». Поэтому агентура «противодействия» должна состоять из частных лиц, независимых от ИАК. В своей записке Т.В. Кибальчич выражает сомнение в полезности ИАК вообще и предлагает ее полную реорганизацию.

В ведение Комиссии должны входить «древности государства Российского и доисторические древности, находящиеся в пределах России». Новая Комиссия должна состоять из новых лиц, и автор записки изъявлял готовность быть одним из таковых. Впоследствии Т.В. Кибальчич «одумался» и решил сотрудничать с ИАК в ее тогдашнем виде: 15 мая 1887 г., «желая быть полезным», он обратился в ИАК в надежде стать ее корреспондентом и продать ей свою археологическую коллекцию. В вежливом ответе А.А. Бобринской старательно обошел тему занятия адресатом конкретной должности, подчеркивая, что Комиссия обращалась и обращается ко всем с просьбой содействовать ей в охране древностей, однако указал, что на приобретение собрания у нее нет денег (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 4. Л. 78 — 79 об.).

10 марта 1886 г. А.А. Бобринской в ответ на запрос министра признает установленные факты продажи древностей за границу: «Сбыт русских древностей за пределы империи достиг в последнее время обширных размеров». Он указал на Кавказ, где «русские археологи и любители старины» занимаются раскопками «по заданию» извне и печатают свои научные

сообщения в иностранных археологических изданиях. При этом уже в рапорте А.А. Васильчикову от 23 декабря 1885 г. сообщалось, что это происходит при содействии некоторых русских правительственных учреждений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 10а. Л. 8 об.).

Однако в этот момент реорганизация ИАК представлялась новому председателю излишней, поскольку ее законодательно закрепленные полномочия, как он считал, были вполне достаточны. Тогда он полагал, что никаких изменений законоположений не требуется. А.А. Бобринской указывал, что в качестве сотрудников на местах закон позволяет Комиссии иметь своих членов-корреспондентов, и сама Комиссия имеет возможность привлекать в свою среду лиц, могущих быть ей полезными. Если ИАК начнет тесные сношения с археологическими обществами и будет следить за исследованиями, то это нейтрализует деятельность иностранцев. По сути дела, А.А. Бобринской предлагал создание «сетевой организации» в рамках существующего положения с привлечением местных археологов. В качестве дополнительных мер он рекомендовал запретить Высочайшим повелением вывоз древностей за рубеж, в чем был поддержан князем А.М. Дондуковым-Корсаковым (1820–1893), главноначальствующим на Кавказе. Также было сделано предложение подчинить ИАК археологический отдел Кавказского музея в Тифлисе и создать здесь особое археологическое учреждение, напрямую связанное с Комиссией.

Не исключено, что февральские записки 1886 г., созданные А.В. Праховым и Т.В. Кибальчичем, как раз рассчитывали на определенную сумятицу в министерстве в связи с назначением 1 февраля нового председателя вместо

А.А. Васильчикова, «эпоха» которого должна быть оценена как время небывалой активности Археологической

комиссии по сохранению своего статуса и выработки новых направлений и методов собственной деятельности.

XI

Именно с «эпохой Бобринского» и был связан заметный подъем деятельности ИАК, который произошел во второй половине 1880-х гг. Это отмечали практически все современные исследователи ее истории (Пескарева, Рябинин 1984: 302; Васильева 2000: 180–181; Длужневская 2006а: 112; 2006б: 273; Тихонов 2003б: 103–107; 2006: 368; Мусин 2006: 49; Медведева 2007а-с). Если в плане создания системы регламентации археологической деятельности и государственного контроля и учета в области полевой археологии в период 1860–1880-х гг. ИАК еще только предпринимала шаги, ориентированные на привлечение внимания к проблемам сохранения археологического наследия со стороны различных государственных ведомств, то начиная со второй половины 1880-х гг. происходит становление самой системы (Сорокина 2008: 36). Граф Алексей Александрович Бобринский, возглавивший Археологическую комиссию с 1 февраля 1886 г., в отличие от двух предшественников на этом посту имел опыт археологических раскопок, которые проводил начиная с конца 1870-х гг. в Киевской губернии на территории собственного огромного имения Смела. В 1882 г. А.А. Бобринский был избран действительным членом Русского археологического общества, неоднократно выступал на его заседаниях с докладами о раскопках. До 1917 г. его фамилия всегда приводилась только в таком написании. Впоследствии в историографии распространилась

форма «Бобринский». В настоящем издании она приводится в изначальном варианте.

В апреле 1884 г. Русское археологическое общество избрало А.А. Бобринского представителем на VI Археологический съезд, состоявшийся в Одессе, где он прочитал доклад о своих раскопках. В 1885 г. он был избран действительным членом Одесского общества истории и древностей и Общества любителей древней письменности, а в Русском археологическом обществе — управляющим Отделением славяно-русской археологии. Последнюю должность он занимал до 1894 г. К моменту назначения на пост председателя Археологической комиссии А.А. Бобринский был уже достаточно известным археологом.

Свою более чем тридцатилетнюю деятельность по руководству Комиссией ему приходилось сочетать с разнообразными общественными и государственными должностями. В разные годы он являлся губернским предводителем Санкт-Петербургского дворянства, сенатором, членом Государственного совета, депутатом Государственной думы, председателем Санкт-Петербургской городской думы, вице-президентом Академии художеств, товарищем министра внутренних дел, министром земледелия, председателем Совета Русско-английского банка.

Этот самый краткий и неполный перечень его постов и должностей показывает, какое высокое положение А.А. Бобринский занимал в обществе

БОБРИНСКОЙ Алексей Александрович (19.05.1852 — 2.09.1927) — граф, общественный и политический деятель, археолог. Получил домашнее образование под руководством В.Я. Стоюнина, учился в частном пансионе в г. Вэвэ, Швейцария, в 1870–1872 гг. на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Сенатор (с 1896 г.), обер-гофмейстер (1916), член Государственного Совета (1912), председатель ИАК (1886–1918), вице-президент Академии художеств (декабрь 1889 — декабрь 1890), товарищ министра внутренних дел (март–июнь 1916), министр земледелия (июль–ноябрь 1916), депутат III Государственной думы (1907), председатель Совета объединенного дворянства (1906–1912), с 1919 г. в эмиграции. Внес большой вклад в создание системы государственного контроля за археологическими раскопками и охраной памятников старины, провел раскопки более 500 курганов.

Осн. соч.: Курганы и случайные археологические находки близ

местечка Смелы. СПб., 1887–1901. Т. 1–3; Херсонес Таврический: исторический очерк. СПб., 1905; Филарет Никитич. Историческая драма в 5-ти действиях. СПб., 1913.

Лит. о нем: *Бобринский А.А.* Граф Алексей Александрович Бобринский (1852–1927). Сын об отце / подгот. к публ., предисл. и примеч. И.Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2003. Вып. 4. С. 479–532; *Тихонов И.Л.* 1) Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А.А. Формозова. СПб., 2003. С. 95–117; 2) Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог, граф А.А. Бобринский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002. Т. 1. С. 72–88; *Клейн Л.С.* Археолог царского рода: А.А. Бобринский // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 372–389.

(Фото: 1890-е гг. (ФО. Отп. О.614-2))

и чиновничьей бюрократии Российской империи конца XIX — начала XX в. (Тихонов 2002; 2003b). Приход в Комиссию энергичного тридцатитрехлетнего графа Бобринского, человека, близко-го царской семье, не мог не сказаться на упрочении ее положения. Это осознавали и современники, так, старший член Комиссии В.Г. Тизенгаузен в апреле 1886 г. писал Д.Я. Самоквасову: «С новым председателем Комиссии, по-видимому, дела ее будут поведены несколько энергичнее, чем при его предшественнике» (Археология... 2007: 362).

Действительно, по воспоминаниям В.Г. Дружинина, новый председатель был человеком со связями в высших сферах, пользовался своей близостью

к министру двора И. И. Воронцову-Дашкову и успешно вел дело ИАК, добывая экстренные суммы в несколько тысяч рублей для покупки выдающихся кладов и предметов древности, предлагавшихся к продаже. Он почти ежедневно посещал ИАК, председательствовал на ее заседаниях, с членами Комиссии вел себя очень любезно, но авторитета как археолог не имел, несмотря на имевшийся опыт археологических раскопок (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 168, 172).

Впрочем, некоторые считали, что если А. А. Бобринской решал вопросы существования Комиссии на высшем государственном уровне, то фактическим руководителем ее повседневной жизни в 1890-е гг. был В. Г. Тизенгаузен. Он бывал на службе каждый день, вел себя по-товарищески, не играл роли старшего, часто шутил, но никогда не переходил границы, редактировал отчеты, хотя по традиции признавал лишь скифские и греческие древности, предметов же каменного века не признавал (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 173, 177).

Стоит, однако, отметить, что Комиссия обязана в это время своему расцвету не только личным заслугам А. А. Бобринского. Налицо общее изменение социально-политической ситуации в России, формирование новых общественных подходов к функции археологической науки, рост интереса российского общества к истории и культурному наследию (см.: Смирнов 2014). Всем этим, несомненно, и воспользовался новый председатель.

Прежде всего, А. А. Бобринскому пришлось включиться во все более накаляющуюся борьбу вокруг прав Археологической комиссии на выдачу разрешений на раскопки, а по сути

дела — борьбу за превращение ИАК, бывшей в глазах общественности «придворной конторой по добыванию древностей для Эрмитажа», в центральное учреждение российской археологии. Ему пришлось принять эстафету «эпохи Васильчикова» в борьбе против фактического упразднения ИАК, что предусматривалось разными «проектами». Одним из свидетельств этой борьбы является, очевидно, составленная 7 мая 1886 г. по просьбе нового председателя информационная записка В. Г. Тизенгаузена о деятельности Археологической комиссии, которая включала 9 пунктов (здесь и далее цит. по: РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 73. Л. 1 — 2 об.).

В записке говорилось, что деятельность ИАК никогда не ограничивалась археологическими разысканиями, но включала в себя охрану и наблюдение за состоянием монументальных памятников. МВД неоднократно обращалось в Комиссию по вопросам поддержания и сохранения старинных построек. Согласие на слом давалось лишь в случае, если памятник находился в руинированном состоянии, если он или его боковые компартименты не представляли научного интереса, или же если казна отказывала в выделении средств на его поддержание. В случае слома памятника каждый раз проводилась его графическая фиксация. Также Комиссия организовала на свои средства охрану Царского кургана в Керчи, наняв сторожа и построив караульное помещение, и принимала определенное участие в возобновлении древнего Успенского собора во Владимире и спасении замка князей Острожских на Волыни.

ИАК неоднократно обращалась к общественности и местным властям с призывами к спасению открываемых

древностей и установила вознаграждение за находку кладов из собственных средств. Найденные древности передавались в музеи: Эрмитаж, Исторический и Румянцевский музеи в Москве, а также в нижегородский, саратовский, псковский и другие музеи.

Ведя контроль над археологическими разысканиями в России, ИАК не всегда «имела возможности противодействовать... бесшабашному и какому-то ожесточенному раскапыванию, прикрываемому некоторыми археологическими обществами». Обвинение ИАК в погоне за одними лишь драгоценными по металлу древностями свидетельствует о полном незнакомстве обвинителей ни с деятельностью Комиссии, ни даже с изданиями ее. Если внимание Комиссии и было приковано к памятникам юга России, то лишь потому, что тамошние курганы, вследствие ценности находимых предметов, были более всего подвержены тайным раскопкам. Таким образом, говоря современным языком, ИАК практиковала «превентивные археологические исследования», направленные на защиту памятников от грабителей. При этом выделялись средства и на исследования иных памятников: на работы Я. М. Лазаревского на Белом озере, В. В. Радлова в Сибири, П. И. Лерха в Вологодской, Олонецкой и Вятской губерниях, Д. Я. Самоквасова на Днепре, Н. Н. Пантусова на Сырдарье, П. И. Хицунова на Дону, Н. И. Веселовского в Туркестанском крае. Так, несмотря на явные приоритеты ИАК, связанные с добыванием и изучением памятников античной культуры, к 1886 г. были сформированы зачатки основных направлений будущей деятельности Комиссии «эпохи Бобринского» — Северо-Западная Россия с ее славяно-русскими и финно-угорскими древностями, Сибирь, Средняя Азия...

В целях «приведения в известность вещественных памятников древности в России» ИАК уже на I Археологическом съезде предложила издавать сборник археологической библиографии, но, к сожалению, ни одно из археологических обществ не отозвалось на это предложение. Более того, вместо поддержки со стороны ученых обществ, получающих казенные субсидии, ИАК сталкивалась с их противодействием, ибо производимые ими раскопки совершались на казенных и общественных землях без ее разрешения. К тому же некоторые общества перекупали случайные находки и клады, которые по закону должны были поступить в казну. Комиссия пыталась привлечь к своей деятельности и основные провинциальные научные силы — членов статистических комитетов, хотя это и была весьма слабая поддержка.

Упоминая проект по наделению Российского Исторического музея полномочиями и средствами, В. Г. Тизенгаузен справедливо отмечал, что при таких средствах ИАК могла бы сама гораздо шире развернуть свою деятельность. В связи с этим он задавался вопросом: для чего стоит уничтожать старое, хорошо поставленное дело и передавать его в другие, неподготовленные руки? В заключение отмечалось, что во всех европейских государствах центральная археологическая комиссия всегда находится в главной столице, где сосредоточиваются основные силы и средства (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 73. Л. 1 — 2 об.). Аргументы этой записки, активно использовавшиеся новым председателем в своей деятельности, надолго положили предел наступлению на права ИАК.

Как человек, учившийся на юридическом факультете Петербургского университета, А. А. Бобринской не мог

не понимать, что, прежде всего, нужно было создать юридическую базу для дальнейшего упрочения роли Комиссии в России. Такая база предполагала подтверждение и уточнение прав и прерогатив ИАК. Борьба с кладоискательством и несанкционированными вторжениями в археологические памятники под видом научных изысканий с самого начала стала одним из приоритетов деятельности нового председателя. Первый этап пришелся на осень 1886 г. 12 сентября из газет ИАК стало известно о раскопках А.В. Прахова в Мстиславском Успенском храме во Владимире-Волынском, и А.А. Бобринской высказал свою озабоченность как министру внутренних дел, так и обер-прокурору Святейшего Синода. В письме говорилось, что по закону Комиссия должна следить за всеми осуществляемыми в России раскопками на государственных и общественных землях, но без сочувствия местной администрации сама ИАК оказывается здесь бессильна. В письме на имя К.П. Победоносцева председатель Комиссии просил «не отказывать в просвещенном содействии, дабы высшие духовные лица не давали дозволения на производство раскопок на церковных землях, хотя бы и с научной целью (*«Вестник Европы»* сообщал, что раскопки на Волыни производились с разрешения местного епископа. — *Авт.*), без особого разрешения ИАК». Дополнительно сообщалось, что «Комиссия никогда не преминет принять все зависящие от нее меры к производству изысканий и раскопок в таких местах, которые будут указаны духовенством, но Комиссия не может не обратить внимания на крайнюю опасность предоставления права раскопок на церковных землях таким

лицам, которые не снабжены на это надлежащим уполномочием» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 50. Л. 1 — 5 об.). Уже 26 ноября 1886 г. появляется циркуляр №25 Министерства внутренних дел гражданским губернаторам «О безусловном воспрещении всякого рода раскопок, кладоискательства и о мерах к сохранению памятников древности», где говорилось о «воспрещении кому бы то ни было предпринимать какие-либо археологические раскопки на казенных, церковных или общественных землях без специального разрешения на то Императорской археологической комиссии» (см. выше; см. также: *Охрана памятников 1978*: 118). Здесь говорилось о «неизбежности требований закона и пользе археологии», а также делались ссылки на приложение к статье 539 части 1 тома 10 Свода гражданских законов и 6-й пункт приложения к статье 2318 части 2 тома 1 Свода законов Российской империи, касающейся учреждения министерства.

5 ноября ответил и К.П. Победоносцев. Он заметил, что волынский епископ никаких разрешений на раскопки не давал, поскольку речь шла лишь реставрации храма, которая производилась официально созданной губернатором комиссией, а раскопки, предпринятые профессором А.В. Праховым рядом с городом, действительно проводились без разрешения. При этом он присовокуплял, что поскольку 5 июля 1884 г. он уже циркулярно предписал епархиальным архиереям входить в сношения с Комиссией по делам реставрации древних храмов, то в данном случае он не считает нужным издавать новое распоряжение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 50. Л. 9 — 10 об.).

Однако еще ранее, 26 сентября 1886 г., председатель ИАК разослал

правлящим архиереям Российской церкви письмо «о содействии духовных властей в противодействии кладоискательству на церковных землях» и о «сохранении отечественных древностей от уничтожения» (Там же. Л. 21–23). В понятие клада он сознательно включил не только собственно монеты и драгоценные предметы, но и случайные археологические находки: железные, медные и каменные орудия. При этом он напоминал, что находчикам из числа крестьян предполагается выдавать денежное вознаграждение от ИАК. Основная сложность состояла в том, что до сих пор это происходило через местных полицейских чиновников, с которыми сами крестьяне зачастую не желали иметь дела. Далее А.А. Бобринской писал: «Борясь с уничтожением древности, ИАК пришла к заключению, что единственным орудием, посредством которого можно было бы несколько противодействовать злу, является содействие в этом деле духовенства, которое тесно общается с крестьянством». Председатель Комиссии был убежден, что «сельские священники не откажут ИАК в посредничестве между ею и крестьянами в деле сохранения памятников старины», и приходское духовенство могло бы взять на себя отправку вещей в Петербург и получение наградных денег.

Некоторые епископы непосредственно откликнулись на обращение председателя: Волынская епархия в лице епископа Палладия (Ганкевича, 1885–1889) согласилась с идеей доставки предметов в ИАК через приходских священников, епископ Туркестанский и Ташкентский Александр (Кульчитский, 1878–1883) просто проинформировал подведомственное ему духовенство, а епископ Рязанский

и Зарайский Феоктист (Попов) объявил приходскому духовенству о просьбе Комиссии через благочинных и обязал их сообщать епархиальному начальству о всех кладах и предметах древности, найденных на церковной земле (Там же. Л. 24 — 25 об.). Подобное послание 1 декабря 1886 г. было отправлено А.А. Бобринским и епископату Римско-католической церкви на территории России (Там же. Л. 36), отклики представителей которого в ИАК были гораздо пространнее.

Второй этап можно датировать 21 января 1887 г. В этот день А.А. Бобринской направляет письмо, подписанное всеми членами ИАК, министру двора графу И.И. Воронцову-Дашкову и президенту Императорской академии художеств — великому князю Владимиру Александровичу. В письме описывалось нынешнее положение дел в области археологических раскопок, мода на которые охватила дилетантов в провинции, и учета открываемых древностей. В конце письма предлагались конкретные меры, воплощенные в «трех пунктах», об исполнении которых следовало бы ходатайствовать перед государем: наделить Комиссию исключительным правом разрешения на производство раскопок, предоставить ей совместно с Академией художеств право на реставрацию монументальных памятников древности, а также ужесточить контроль за поступлением в музеи вновь найденных предметов, обязав их сообщать в Комиссию о всех новых приобретениях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 6 — 9 об.; ср.: Охрана памятников 1978: 121).

Со своей стороны ученые общества, и прежде всего МАО, использовали начальствующее над ними Министерство народного просвещения для

УВАРОВА Прасковья Сергеевна (09.04.1840 — 30.06.1924) — графиня, археолог, коллекционер. Супруга А. С. Уварова, брак состоялся в 1859 г. Урожденная Щербатова. Прообраз Кити Щербацкой в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Ученица Ф. И. Буслаева. Почетный член Академии наук (1894), Дерптского, Харьковского, Казанского, Московского университетов и Петербургского археологического института. Принимала деятельное участие в создании МАО, с 1885 г., после кончины графа А. С. Уварова — постоянный президент Общества; занималась подготовкой археологических съездов, редактировала «Труды» Общества.

Во время ее президентства были созданы Славянская и Восточная (в Тифлисе) комиссии. С 1890 г. возглавляла Комиссию МАО по сохранению древних памятников. П. С. Уварова проводила самостоятельные археологические раскопки, совершила девять путешествий на Кавказ; опубликовала более 170 работ; участвовала в разработке законодательства по охране культурного

наследия, в том числе мер, запрещавших вывоз из страны исторических памятников и произведений искусства. Систематизировала коллекцию А. С. Уварова («Порецкий музей»), составила ее описание в 1910-х гг., большая часть коллекции и архива хранятся в Историческом музее. После октября 1917 г. покинула Россию и скончалась в Югославии.

Осн. соч.: Кавказ. Путевые заметки. М., 1887—1904, Т. 1—3; Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Труды ГИМ. М., 2005.

Лит. о ней: *Соболевский А. И.* П. С. Уварова. 1840—1924. Некролог // Известия Российской академии наук. VI серия. 1925. Т. 19. № 6—8. С. 141—144; *Полякова М. А., Фролов А. И.* Ревнители московских древностей: Алексей Сергеевич Уваров. 1825—1884. Прасковья Сергеевна Уварова. 1840—1924 // Краеведы Москвы. (Историки и знатоки Москвы). Кн. 2 / сост. Л. В. Иванов, С. О. Шмидт. М., 1995. С. 48—64; *Стрижова Н. Б.* Архив А. С. и П. С. Уваровых в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2. С. 85—103.

(Фото: ФО. Отп. Q 697-7)

гарантии собственной независимости от ИАК в области сохранения памятников старины. 8 марта 1887 г. И. Д. Делянов отправил в Комитет министров записку «По вопросу о мерах к охранению памятников старины от истребления, порчи и самовольных переделок», очевидно, инспирированную П. С. Уваровой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 10—26). Поводом для ее составления стало искажение фресок в церкви Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, что в Дьякове под Москвой, засвидетельствованное еще в 1882 г. В итоге в записке звучало ходатайство о Высочайшем

повелении о «неуклонном соблюдении ст. 206 и 209 т. 12 ч. 1 Устава строительного, по продолжению 1876 г., воспрещающих без Высочайшего разрешения приступать к каким-либо обновлениям в древних церквях и во всех подобных памятниках и предписать всем правительственным местам и лицам... сохранять внешний и внутренний вид и не допускать переделок без разрешения высшего начальства», а также предложение создать «Императорскую комиссию» по охране древностей, предложенную уже известным нам «проектом Лобанова-Ростовского».

27 ноября 1887 г. Археологическая комиссия в лице своего председателя А. А. Бобринского обратилась с письмом к министру народного просвещения И. Д. Делянову о сотрудничестве с учеными обществами и установлении большего порядка в деле изучения и собирания древностей, ибо «правительство смотрит на отечественные древности как на государственное достояние» (здесь и далее цит. по: РО. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 28–33). А. А. Бобринской просил министра довести до сведения ученых обществ, как подведомственных министерству учреждений, правила проведения раскопок на казенных общественных и церковных землях, ссылаясь на существующие законодательные акты, прежде всего на Положение об ИАК 1859 г. В письме также содержался протест против приобретения обществами случайных находок и кладов и осуждалась «развившаяся в последние годы страсть к разрытию курганов». Здесь же отводились обвинения в том, что Комиссия якобы пытается подчинить деятельность обществ своему контролю. В письме говорилось, что выполнение соответствующих узаконений в России и деятельность самой ИАК

«затруднена действиями некоторых наших частных ученых обществ (археологических, архивных, географических, антропологических, этнографических и др.), из которых иные, несмотря на то, что существуют только на счет правительственных субсидий, не считают, однако, нужным содействовать правительству в упорядочении означенного дела, а напротив того, прямо нарушают вышеприведенные узаконения, отчасти скупая древности для своих коллекций, помимо Археологической комиссии, отчасти производя раскопки на казенных и общественных землях» без предварительного соглашения с ней. При этом зачастую раскопки поручаются лицам неподготовленным. Отсутствует и продуманный план изучения древностей.

В связи с этим А. А. Бобринской просил министра «в видах установления необходимого порядка в деле изучения, собирания и охранения государственных древностей подтвердить подведомственным обществам необходимость соблюдения узаконений». Проводимые ими научные раскопки будут приветствоваться при соблюдении двух условий: при предоставлении ИАК отчета о научной стороне произведенных раскопок с приложением необходимых чертежей и планов и при доставке всех найденных при раскопках вещей и их описи для представления замечательнейших из них на воззрения государя и для Высочайшего указания об их дальнейшей судьбе. При этом результаты раскопок могут быть опубликованы в любом издании по выбору самих обществ. ИАК предоставляла всем заинтересованным сторонам право пользования хранящимися у нее архивными материалами и археологическими предметами, которые находятся в помещении Комиссии в научном порядке и всегда доступны

для ознакомления. Таким образом, предложения А. А. Бобринского продолжали традиции первого председателя ИАК С. Г. Строганова, который предполагал создание общероссийского археологического архива уже в своем проекте «Главной археологической комиссии» 1857–1858 гг. Известно, что 22 февраля 1888 г. Комиссия вновь обращалась в Министерства народного просвещения и внутренних дел со своими предложениями по наведению порядка в деле археологических раскопок и охраны древностей, ссылаясь на опыт Пруссии и Баварии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 42–43; Императорская археологическая комиссия... 8, 9, 10), однако именно письмо от 27 ноября послужило отправной точкой нового конфликта МАО с Комиссией и травли последней в российской прессе, организованной «частными учеными обществами» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 28–33).

Министр народного просвещения передал отношение Археологической комиссии на рассмотрение археологических обществ. 24 июня 1888 г. была окончательно составлена записка, выработанная в Особом совещании при министерстве по вопросу, возбужденному ИАК и рассмотренному в ученых обществах. Ее текст был подписан А. Ф. Бычковым и И. В. Помяловским. Здесь говорилось, что массовый грабеж курганов, зафиксированный в России, заставляет отнестись с сочувствием к предложению ИАК, наделив ее соответствующими прерогативами, однако в Положении 1859 г. на этот счет не содержится никаких четких указаний. Сама же Комиссия предполагает расширительное толкование пункта 6 Положения, где говорится, что ей «предоставляется следить за всеми делаящимися в государстве открытиями

предметов древности». Именно такое толкование правовых норм и составляет спорность предложения Комиссии. В целом, при данном положении вещей, ИАК не сможет помочь общему делу и своим вмешательством лишь затруднит ученую деятельность обществ. Однако представляется безусловно необходимым действительно установить единый порядок в деле изучения и собирания отечественных древностей при содействии правительства и решить вопрос относительно пользы образования правительственного центра, в настоящее время не существующего, который мог установить научные и практические связи для успешного ведения общего дела. При этом было бы желательно установить взаимные права и обязанности, как это уже было отчасти сделано между ИАК и РАО. Пока же такого центра нет, и нельзя не признать затруднительным для Министерства народного просвещения предписать ученым обществам исполнять требования Комиссии. Впрочем, еще в 1876 г., во время работы «комиссии Лобанова-Ростовского», было признано правильным изменить положение об ИАК в сторону расширения ее прав. Ныне же представляется полезным возбудить вопрос об установлении для государственной пользы необходимого порядка в деле нахождения, собирания, охранения и исследования и с Высочайшего разрешения разработать в среде ИАК при участии представителей ученых обществ по общему соглашению проект изменений и дополнений в ныне действующее законодательство (Там же. Л. 46 — 51 об.; Императорская археологическая комиссия... 15).

Этому предшествовали отзывы самих археологических обществ, зачастую гораздо более жесткие. 19 марта

1888 г. появился отзыв РАО, выдержанный в спокойных и конструктивных тонах, тем более что он был подписан уже упоминавшимся А.Ф. Бычковым и членом ИАК, секретарем общества И.И. Толстым. Общество было готово признать в ИАК тот правительственный орган, который может установить связь не формальную, а ученую с частными обществами на основе взаимных прав и обязанностей, впрочем, при условии, что само Положение об ИАК будет пересмотрено в сторону расширения и уточнения ее прав. Однако авторы ссылались при этом на пункт 4 своего Устава, который предоставлял обществу право самостоятельно производить раскопки. В целом же РАО было готово сообщать ИАК о начале исследований, нести ответственность за лиц, которым оно исходатайствует Открытые листы, и предоставлять в ИАК отчет, опись предметов древности и полевые дневники при сохранении за обществом приоритета в изучении находок и свободном пользовании архивом Комиссии в научных целях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 54 — 58 об.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 74–79; Императорская археологическая комиссия... 13).

Однако появилось и анонимное «Особое мнение некоторых из членов ИРАО», где ИАК инкриминировалось огульное обвинение ученых обществ в незаконной деятельности и необоснованные домогательства на руководство российской археологией, ради которых обществам, стоящим по объему сил намного выше самой Комиссии, не стоило жертвовать «Высочайше дарованным правом» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 16–24; РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 59 — 69 об.). Одним из авторов анонимного «мнения»

определенно был Н.Е. Бранденбург, что подтверждается архивными документами (РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 181. Л. 2–5; Маковская 2001: 14; Клейн 2014а: 360–371). Он был тесно связан с МАО, в силу чего высказанные здесь мысли были близки соответствующему документу П.С. Уваровой, хотя стоит отметить, что именно в это время он получал финансовую поддержку от ИАК для проведения своих археологических исследований.

Московское археологическое общество 2 марта 1888 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 70 — 81 об.) и поддержавшее его Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете 4 мая 1888 г. (Там же. Л. 82 — 85 об.; стоит отметить, что обсуждение этого вопроса в этом обществе было инициировано именно МАО) ответили, что, по их мнению, пункты Положения об ИАК 1859 г. не дают ей никаких особых прав по контролю за деятельностью обществ, претензии Комиссии совершенно безосновательны и являются посягательством на научную деятельность обществ, будучи способны вообще устранить их из археологической практики. П.С. Уварова и секретарь В.К. Трутовский прибегли к демагогии риторических вопросов, подчеркивающих собственную значимость, а также указали, что в Положении об ИАК учреждения, состоящие в ее ведении, прямо поименованы — это Керченский музей и давно не существовавшая к тому времени Римская археологическая комиссия, а другие общества в зависимости от нее не состоят. Они упомянули и якобы имевший место отказ ИАК от соглашения с обществами на Археологическом съезде в Ярославле и тут же выдвинули министру длинный лист предложений

и требований финансового и организационного характера по обеспечению собственной деятельности.

Эта полемика выплеснулась и на страницы газет, которые в 1887–1888 гг. поместили целую серию статей по этому вопросу, причем «Новое время», как правило, озвучивало позицию Археологической комиссии, а «Русские ведомости» и «Московские ведомости» отстаивали взгляды Московского археологического общества. «Московское время» 17 сентября 1888 г. писало, что ИАК, сама индифферентно относящаяся к историческим отечественным памятникам, «запретила самостоятельные раскопки» другим обществам. В этой газетной «дискуссии» приняли непосредственное участие кроме журналистов и анонимных авторов также и сотрудники Археологической комиссии — барон В.Г. Тизенгаузен и граф И.И. Толстой (Имп[ераторская] археологическая комиссия... 16–37).

Ситуация сознательно нагнеталась, и ее разрешение могло ожидать только новым «Высочайшим повелением». Сегодня можно утверждать, что в подготовке закона от 11 марта 1889 г., подтвердившего для ИАК «исключительное право производства и разрешения раскопок» на любых землях, не являющихся частными, значительная роль принадлежала статс-секретарю, управляющему Кабинетом его императорского величества Николаю Степановичу Петрову. 31 октября 1888 г., исполняя должность председателя Комиссии, В.Г. Тизенгаузен обращается к нему с письмом, в котором, ввиду обвинений, бросаемых ИАК со стороны обществ, он призывает положить конец нынешнему «двусмысленному положению». При этом он упоминает о докладе, который он, вместе с И.И. Толстым,

сделал Н.С. Петрову в конце июня — начале июля 1888 г. («лето», «месяца четыре тому назад»), подчеркивая внимание статс-секретаря к этому делу. Из текста письма выясняется, что уже тогда статс-секретарю был предложен проект записки, которую предполагалось подать министру двора. В.Г. Тизенгаузен ходатайствовал о продвижении этой записки и предлагал новую встречу для обсуждения деталей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 88–89).

Несколько позднее была написана еще одна докладная записка Н.С. Петрову, более подробно раскрывающая истоки нынешней ситуации и предлагающая пути ее разрешения. В качестве точки отсчета здесь упоминается 21 января 1887 г., когда члены ИАК обратились к министру двора «мерах, соответствующих современным потребностям вверенного Комиссии дела», т. е. контролю над археологическими изысканиями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 69–73). Текст не датирован, но упоминание мнения Особого совещания Министерства народного просвещения от 24 июня 1888 г. и текстуальная близость к записке на имя министра двора И.И. Воронцова-Дашкова от 17 ноября 1888 г. (Там же. Л. 68–73; Медведева 2007а: 69) очевидно позволяют датировать ее первой половиной — серединой ноября 1888 г.

Записка министру признавала знаменательным, что в процессе газетной полемики, несмотря на неприличный во многих случаях тон статей, никто из авторов не посмел отрицать необходимость регулирования дела сохранения и исследования древностей и что некоторые даже упрекали Комиссию в бездействии в тех случаях, на которые власть ее, по действующему положению, не распространяется. Конкуренция

между обществами, субсидируемыми правительством, в деле приобретения кладов способствовала «росту цен» и наносила прямой убыток казне. Непосредственно ссылаясь на предложенный в 1882 г. «проект Васильчикова», что подчеркивает преемство в деятельности председателей ИАК, и отвергая подозрение в пренебрежении мнением частных ученых обществ, А.А. Бобринский ходатайствовал перед министром «испросить Высочайшего утверждения Государя Императора» на закрепление трех пунктов, касающихся производства раскопок, реставрации и представления находок на Высочайшее воззрение, которые и составили основу будущего повеления 11 марта 1889 г.

Тем временем инициированный А.А. Бобринским циркуляр МВД от 27 ноября 1886 г., практически запрещавший любые раскопки без разрешения Комиссии, начал действовать. Так, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Казанском университете обратилось в Министерство народного просвещения, дабы то ходатайствовало перед ИАК о получении для него такого разрешения. 9 декабря 1888 г. председатель ИАК извещает И.Д. Делянова о том, что подобные раскопки только приветствуются, и намеревается самостоятельно уведомлять начальников губерний о предстоящих исследованиях ученых обществ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 99–100). Одновременно он ищет возможности опереться на исторический прецедент и 3 февраля 1889 г. направляет в МВД запрос о высылке документов о подчинении всех археологических раскопок «начальству графа Перовского» от 30 августа 1852 г., а также циркуляры начальникам губерний, предписывающие последним входить

с представлениями по всем спорным вопросам, касающимся древностей, именно к министру уделов (Там же. Л. 101).

Очевидно, решение императора утвердить предложенные И.И. Воронцовым-Дашковым и А.А. Бобринским правила состоялось много раньше его опубликования, а именно в январе 1889 г. 6 февраля председатель ИАК ходатайствует перед министром двора об официальном утверждении «трех дополнительных пунктов и об обнародовании их для всеобщего сведения», поскольку об этом Высочайшем повелении ИАК пока еще не сообщено (Там же. Л. 103). К тому же А.А. Бобринскому стало известно, что И.Д. Делянов публично сообщил о намерении разослать циркуляр археологическим обществам об урегулировании вопроса о раскопках на казенных землях. 14 февраля председатель ИАК отправляет Н.С. Петрову частное письмо, где спрашивает адресата, не признает ли тот возможным уведомить министра народного просвещения «о сущности состоявшегося по настоящему вопросу Высочайшего повеления», о котором Н.С. Петров сообщил А.А. Бобринскому «на словах еще в прошлом месяце», «для правильного направления дела и во избежание несогласия между Министерством народного просвещения и Министерством императорского двора» (Там же. Л. 104 — 104 об.).

Результатом вышеизложенной комбинации и явилось Высочайшее повеление 11 марта 1889 г. «О предоставлении исключительного права...», определившее правовой статус ИАК до конца ее существования и создавшее соответствующую научную и юридическую практику (ПСЗРИ. Т. 9. 1889: 95, № 5841). Стоит сравнить текст нового постановления с «тремя дополнительными

<p>«Три пункта» записки от 21 января 1887 г. президенту ИАХ и министру двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 8 — 9 об.)</p>	<p>«Три пункта» записки от 17 ноября 1888 г. министру и управляющему кабинетом Министерства двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 94 об. — 95; РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71, 72 об. — 73)</p>	<p>Высочайшее повеление, предложенное Правительствующему Сенату министром юстиции, № 352 от 11 марта 1889 г.</p>
<p>1. Право производства и разрешения раскопок принадлежит исключительно Императорской археологической комиссии, и помимо предварительного с нею соглашения, никакое общество и частное лицо не вправе предпринимать раскопок на казенных, общественных, городских и церковных землях.</p>	<p>1. Императорской археологической комиссии предоставляется исключительное право производства раскопок и их разрешения на казенных, общественных и церковных землях в империи, а посему все лица и учреждения, желающие производить раскопки на этих землях, входят с Комиссией в предварительное соглашение.</p>	<p>1. Исключительное право производства и разрешения с археологической целью раскопок в империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных — предоставить Императорской археологической комиссии. Все учреждения и лица, предполагающие производить подобные раскопки, обязаны, независимо от сношения с начальством, в ведении которых состоят упомянутые земли, входить в предварительное соглашение с Императорской археологической комиссией. Открываемые при раскопках ценные и особо важные в научном отношении предметы должны быть присылаемы на Высочайшее воззрение.</p>
<p>2. Дело сохранения и возобновления монументальных памятников древности в России вручается Императорской археологической комиссии совместно с Императорской академией художеств и без разрешения и руководства этих правительственных учреждений никакая реставрация не может быть производима.</p>	<p>2. Реставрация монументальных памятников древности не может быть производима без предварительного соглашения с Императорской археологической комиссией совместно с Императорской академией художеств.</p>	<p>2. Реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительному соглашению с Императорской археологической комиссией и по сношению ее с Императорской академией художеств.</p>
<p>3. Все как существующие, так и возникающие городские и общественные музеи обязываются по требованию Комиссии доставлять ей сведения о всех поступающих в эти собрания предметах.</p>	<p>3. В случае открытия ценных или особо важных в научном отношении предметов таковые присылаются в Императорскую археологическую комиссию для представления их на Высочайшее Государя Императора воззрение.</p>	

пунктами», которые были сформулированы А. А. Бобринским 21 января 1887 г. и 17 ноября 1888 г. (см. сравнительную таблицу на с. 192).

Интересно отметить, как «три дополнительных пункта» эволюционировали на протяжении 1887–1889 гг. и приобретали более лаконичные, законченные и юридически грамотные формулировки. Именно «пункты 1888 г.» стали основой постановления 11 марта: они вошли в его текст с некоторыми изменениями и стилистической правкой, при этом 1-й и 3-й пункты были объединены. Самая главная поправка касалась владельческого статуса земель, исследования на которых контролировала ИАК. Если в проекте упоминались «казенные, общественные и церковные земли», что восходило к «проекту Васильчикова» 1882 г., то в самом постановлении перечислялись «земли казенные, принадлежащие разным установлениям и общественные». При кажущейся расплывчатости формулировки она могла обнимать собой земли церковные и городские. Таким образом, не затрагивая демонстративно интересы духовного ведомства, повеление 11 марта, при грамотном правовом подходе, не сужало, а существенно расширяло сферу деятельности Комиссии. По оценке современников, «указом 1889 г. в руки Императорской археологической комиссии передавалось руководящее начало в области археологических исследований на русской почве, а также и заботы об охране памятников старины в смысле осмотрительной реставрации этих памятников» (Смолин 1917: 144).

Вместе с тем неопределенность некоторых правовых положений Высочайшего повеления 1889 г. не замедлила отразиться на деятельности

Комиссии. Так, в запросе земского отдела МВД от 31 мая 1896 г., в ответ на отношение ИАК от 13 сентября 1894 г., где была истребована информация о том, как выполняется «указ 1889 г.», спрашивалось: разумел ли этот указ под «общественными землями» земли «крестьянских сельских обществ», так как согласно действующему праву последние существовали двух типов. К первому типу принадлежали усадебные земли в потомственном семейном пользовании на неполном праве личной собственности, а ко второму — мирские усадебные земли в распоряжении общества (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 69. Л. 226–227). Примерно в то же время, 16 ноября 1894 г., председатель Комиссии спрашивал Кабинет его императорского величества, являются ли крестьянские усадьбы частной собственностью или общественной, на что последовал ответ в том духе, что если «усадебные земли в собственности общества» можно отнести к общественным землям, то усадьбы в введении товарищества или конкретного лица таковыми уже не являются (Там же. Л. 275, 280 — 283 об.).

Эта проблема была прояснена много позднее. 4 февраля 1909 г. на заседании Государственной думы прозвучало предложение А. А. Бобринского о необходимости сделать следующее дополнение к пункту 11 III отдела указа от 9 ноября 1906 г., касающегося устройства крестьянской жизни: «Курганы, городища и другие памятники старины, впредь до издания особых по сему предмету узаконений, остаются собственностью обществ. Раскопка их производится с соблюдением правил, установленных Высочайшим повелением 11 марта 1889 г. Это касается только недр земли и несколько не мешает собственникам

эксплуатировать наружную поверхность курганов для своих нужд». В развитие этого предложения 14 июня 1910 г. был принят закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском владении», 21-я статья 1-й главы которого гласила:

«Раскопки курганов, городищ и других памятников старины, находящихся в укрепленных в личную собственность участках, производятся с соблюдением правил, установленных пунктом I Высочайшего повеления 11 марта 1889 г.» (Тютрюмов 1911: 686).

XII

Сразу же после обнародования Высочайшего повеления, 16 марта А.А. Бобринской предложил созвать с 17 по 24 апреля 1889 г. совещание из представителей 13 ученых обществ для доведения до их сведения нового указа и для совместного обсуждения главнейших вопросов по упорядочению дел открытия и сохранения памятников древности в России (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 107 — 107 об.).

Повестка дня состояла из 15 пунктов: форма соглашения общества и ИАК относительно раскопок, район деятельности каждого из обществ, возможность проведения обществом раскопок в своем районе без мотивированного запроса в ИАК, ответственность общества за лицо, ведущее исследование, форма Открытых листов, форма отчета в архив Комиссии, процедура отбора вещей на Высочайшее воззрение, расходы на изготовление рисунков и фотографий, формирование архива Комиссии и право его использования, возможность предоставления обществами информации о раскопках на частных землях и о случайных находках, вопрос об авторском праве на пользование научной собственностью, отраженной в отчетах, меры против незаконных раскопок, возможность контроля со стороны обществ за состоянием памятников на определенных территориях, возможность для ИАК

иметь на местах своих агентов, возможность командирования представителей ИАК на раскопки обществ и приглашение членов обществ на раскопки Комиссии, а также «какого рода реставрация» могла рассматриваться ИАК совместно с Академией художеств, а какая подлежала ведению общества (Там же. Л. 110 — 111 об.).

П.С. Уварова тогда же, 23 марта, обратилась к министру двора, сетуя на то, что к идее совещания «нельзя не отнестись с сочувствием», однако срок для него выбран «не вполне удобный»: осталось мало времени на подготовку к собранию, у многих делегатов в этот момент могут быть экзамены в университетах, отсутствует программа совещания. В силу этого его созыв «едва ли может принести пользу делу». В заключение она выражала надежду, что министр не откажется перенести время встречи. Но уже 13 апреля П.С. Уварова была избрана делегатом МАО для поездки в Петербург (Там же. Л. 120–122).

Совещание было справедливо названо некоторыми участниками «археологической конференцией». Первое заседание открылось в Петербурге в помещении ИАК под председательством ее главы графа А.А. Бобринского 18 апреля 1889 г. Две другие сессии состоялись 19 и 22 апреля (Протоколы соглашения 1889). Секретарем был член Комиссии граф И.И. Толстой.

На совещании присутствовали — от Императорской академии художеств П.Ф. Исаев, от Археологического института И.Е. Андреевский, от Эстонского ученого общества К.Е. Думберг, от Общества истории и древностей Прибалтийских губерний, поименованного «Рижским историческим обществом», Ю.Б. Иверсен, от Общества любителей духовного просвещения И.В. Помяловский, от Русского археологического общества В.Р. Розен, от Московского археологического общества П.С. Уварова, от Общества истории и древностей российских Ю.Д. Филимонов, от ИАК — М.П. Боткин, Н.П. Кондаков и В.Г. Тизенгаузен.

Чуть позднее к ним присоединился представитель Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете Н.Л. Гондатти. Из числа приглашенных лишь Одесское общество истории и древностей, киевское Общество Нестора Летописца и Русское географическое общество не сочли нужным прислать на совещание своих делегатов.

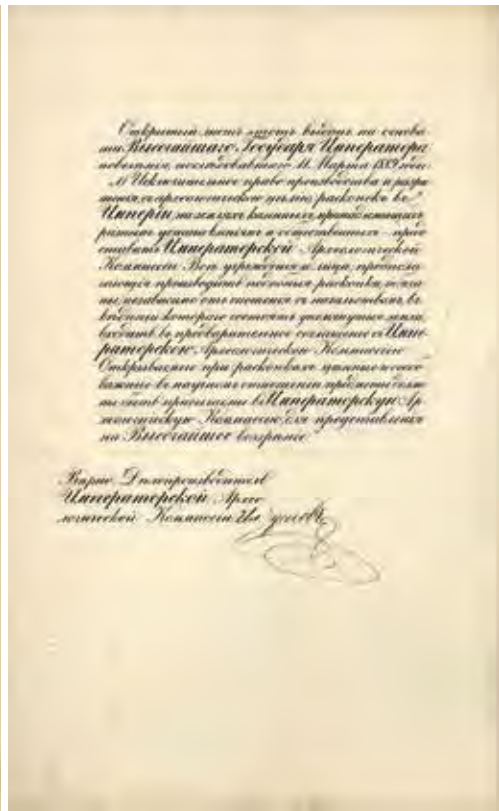
Уже в первый день разгорелся спор между И.Е. Андреевским и П.Ф. Исаевым о правовом содержании указа от 11 марта. В отличие от представителя института, представитель Академии справедливо считал, что в данном случае имело место не просто «Высочайшее повеление», не уничтожающее прав и преимуществ других лиц и учреждений, основанных на предшествующих актах, а повеление, изданное в административном порядке, которое заменяет собою все прежние распоряжения (Протоколы соглашения 1889: 4).

Следующим серьезным вопросом были форма Открытых листов, к тому

времени уже прочно ассоциировавшихся с разрешением на проведение археологических раскопок, и способ их выдачи. Интересно, что И.И. Толстой предлагал сохранить за ИАК лишь «верховную санкцию» на выдачу этих документов, предлагая обществам просто выдавать листы от имени Комиссии. Он предполагал рассылать каждый год в эти организации некоторое количество чистых бланков этих разрешительных документов, которые должны были быть заполняемы на месте в соответствии с потребностями обществ при условии предоставления ИАК научного отчета и найденных при раскопках вещей. Это предложение было поддержано П.С. Уваровой, которая указывала на возможные случаи «безотлагательной надобности» в производстве раскопок: обращение в Петербург за разрешением могло, по ее мнению, существенно осложнить дело. Им резонно возражал И.В. Помяловский, который считал, что подобный отказ ИАК от своих законных прав нежелателен и что за каждым листом общества должны обращаться в Комиссию, предоставляя соответствующую мотивацию.

После утверждения формы листов 19 апреля за норму было принято обращение обществ в Комиссию за потребным количеством разрешений. Впрочем, дальнейшая практика показала, что общества могли поступать двояко: ходатайствовать перед ИАК о получении определенного количества разрешений или обращаться с мотивированными запросами в каждом отдельном случае. Конкретные исследователи могли обращаться в Комиссию за Открытыми листами и в обход обществ.

Во время дискуссии ее участниками был поднят вопрос, каким образом возможно избежать злоупотреблений

Один из первых Открытых листов по новой форме 1889 г., выданный в нетипографском исполнении (РО. Ф. 1. Оп. 1.-1886 г. Д. 45. Л. 56 — 56 об.)

с выдачей подобных разрешений в случае, если общество отказывало в листе конкретному лицу, а лицо, обратившись непосредственно в ИАК, рассчитывало на его получение.

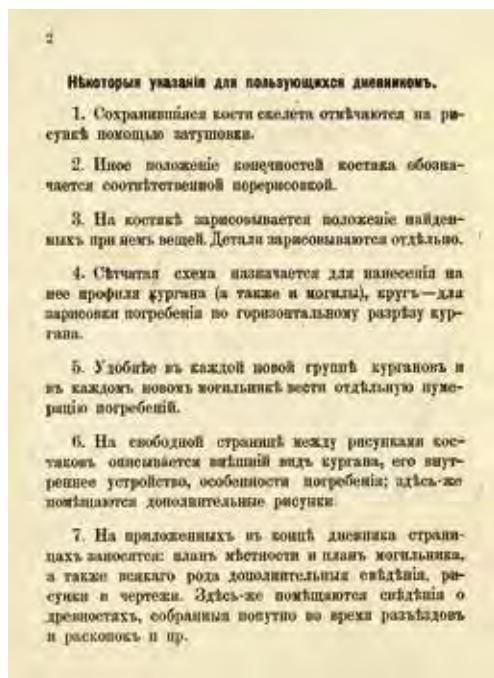
Получив Открытый лист от ИАК, исследователи должны были представлять в Комиссию краткий фактический отчет и опись находок. Комиссия в ряде случаев гарантировала изготовление рисунков и фото за свой счет. Общества соглашались нести нравственную ответственность за лицо, которому они испрашивали Открытый лист.

В связи с формированием при ИАК археологического архива доступ к его материалам был признан свободным, однако был введен пятилетний срок

«авторского права», связанный с приоритетом в изучении и публикации результатов полевых исследований (Протоколы соглашения 1889: 11).

Краткие справки архивного характера, касающиеся исследований, выдавались ИАК безвозмездно. Было рекомендовано передавать антропологические материалы в соответствующее общество при Московском университете.

Общества единогласно высказались против ограничения их исследований и деятельности конкретными географическими зонами, однако признали такой принцип разумным в отношении охраны памятников древности. Было предложено ввести понятия «общей»

Форма дневника раскопок некрополя
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 62. Л. 15, 15 об.,
17 об.)

Форма описи предметов древности из раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 35. Л. 29)

Форма извещения губернатору о выдаче Открытого листа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 59. Л. 3)

Бланк официального письма, встречающего проводить раскопки с целью кладоискательства на основании циркуляра Министерства внутренних дел от 27 ноября 1886 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 26. Л. 7)

Бланк официального письма, встречающего производить раскопки лицу неподготовленному и не преследующему научные цели (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 26. Л. 32)

*Удостоверение на бланке с печатью
Императорской археологической комиссии
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г.
Д. 24. Л. 212)*

и «частной» реставрации, которые были связаны, судя по контексту, с масштабом вторжения в памятник: большими ремонтными работами ведала ИАК, тогда как починку отдельных элементов здания могли контролировать местные общества. 22 апреля стороны пришли к мнению, что до соглашения между ИАК и ИАХ вопросы о реставрации передаются на рассмотрение этих двух учреждений. Также было решено ходатайствовать перед Правительством об ограничении вывоза отечественных древностей за границу.

Характерно активное и заинтересованное участие прибалтийских ученых организаций в обсуждении. 22 апреля К.Е. Думберг огласил предложения профессора Юрьевского университета

Г. Лешке, переведенные им с немецкого. Профессор полагал, что отсылка археологических предметов в столицу технически неисполнима, а в научном отношении нежелательна, поскольку им может быть нанесен урон при перевозке. Он предлагал взять в качестве примера Италию, где существовали археологические округа, что соответствовало проекту «комиссии Лобанова-Ростовского» 1877 г., согласно которому ИАК могла бы исполнять роль центральной комиссии. Хранение предметов древности должно было осуществляться именно в округах, что помогало бы изучению местной истории. При этом не исключалось образование центрального государственного археологического музея.

Сама же ИАК должна заняться подготовкой квалифицированных хранителей археологических коллекций и взять на себя функцию публикации отчетов обо всех исследованиях на территории страны (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 149–167). Стоит отметить отсутствие на встрече представителей Археологической комиссии для заведования памятниками древности в Финляндии. Очевидно, это было связано с особым статусом Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, которое отличалось от юридического положения Прибалтийского края, хотя восприятие опыта и правовых норм этого учреждения вполне могло бы обогатить отечественную археологическую практику.

И само повеление 11 марта, и состоявшееся обсуждение серьезно повлияли на унификацию делопроизводства Комиссии. Помимо стандартной формы Открытого листа и сопровождающего его письма местному губернатору в обиходе Комиссии появляются

типовые описи поступающих в Комиссию кладов и археологических коллекций, передаточные ведомости, а также формы отказа в выдаче разрешения на раскопки в связи с непрофессионализмом просителя или откровенно кладоискательскими целями.

Для археологических исследований погребений печатаются полевые дневники и выпускаются соответствующие инструкции для производства раскопок и разведок (Спицын 1895; 1908; 1910). При этом активно использовался предшествующий полевой опыт, и не только самой Комиссии. Известно, что А. А. Спицын при составлении своих инструкций консультировался с Д. Я. Самоквасовым. Так, 22 сентября 1894 г. он просит его прислать схемы раскопок низких и больших курганов частыми неширокими открытыми минами, поскольку ИАК «занята составлением инструкции для производства раскопок». Д. Я. Самоквасов уже в 1891 г. был сверхштатным членом ИАК, и вряд ли в этом обращении стоит видеть какое-либо лукавство (Археология... 2007: 338–339, 344).

Появлению таких инструкций предшествовала интенсивная работа членов Комиссии по выработке правил разрешения производства раскопок. В архиве ИАК сохранились черновые записки по этому поводу Н. И. Веселовского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 200. Л. 1–2), В. Г. Дружинина (Там же. Л. 3 — 3 об.) и А. А. Спицына (Там же. Л. 4–11). В целом работа свелась к кодификации существовавшей тогда практики. А. А. Спицын предложил положение из 12 пунктов. Согласно тексту, в заявлении на получение разрешения на раскопки должны быть предоставлены следующие сведения: местность исследования, его

цели, средства и учреждение, берущее на себя ответственность за раскопки, а также соображения, в чем могло бы состоять содействие ИАК предпринимаемым археологическим исследованиям. В положении назначался крайний срок сдачи отчетов — декабрь текущего года. Археологические предметы, добытые частными обществами и публичными музеями, должны были быть доступны исследователям. Предполагалось, что ученые архивные комиссии будут получать Открытые листы на общих основаниях.

Особое обсуждение вызвал вопрос о доставлении археологических коллекций в ИАК и о последующей передаче их в музей. Н. И. Веселовский предполагал, что громоздкие предметы или же вещи, не имеющие «археологического значения», должны сразу передаваться в провинциальный музей, а в ИАК могут доставляться лишь фотографии. В. Г. Дружинин предполагал, что лица, которые производят раскопки за свой счет, могут указывать музей, куда ИАК следует передать предметы. Все члены ИАК были согласны в том, что для получения Открытого листа в первый раз соискатель должен предоставить сведения о своей научной деятельности, печатные работы, а также рекомендации опытных археологов.

28 апреля 1889 г. было отпечатано 200 протоколов только что состоявшегося совещания для рассылки заинтересованным лицам и учреждениям. Соглашение имело вид открытого договора, к которому могли присоединиться любые общества (ОИАК за 1889 г. 1892). Несколько позже 756 бланков новой формы Открытого листа на право производства археологических работ было отправлено

всем начальникам губерний с просьбой «сделать распоряжение о рассылке их для сведения гг. уездным исправникам с тем, чтобы лица, не имеющие этих листов, не были допускаемы к археологическим раскопкам на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 183 об.).

Характерно, что МАО тут же нарушило достигнутые договоренности. Уже 20 мая П. С. Уварова обратилась к могилевскому губернатору с просьбой содействовать Е. Р. Романову в проведении археологических раскопок на территории вверенной ему губернии. 21 мая дисциплинированный губернатор, которому были известны как циркуляр от 27 ноября 1886 г. о запрещении раскопок без согласования с Комиссией, так и состоявшееся Высочайшее повеление 11 марта, запрашивал Комиссию, как ему надлежит поступить в данном случае. Естественно, выяснилось, что по состоянию на 9 июня МАО за Открытыми листами в ИАК не обращалось (Там же. Л. 181–182).

15 декабря 1889 г. в ИАК прошло своеобразное «музейное совещание» с временно заведующим Императорским Эрмитажем Сергеем Никитичем Трубецким (1829–1899) (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 151–152) и хранителем Исторического музея Алексеем Васильевичем Орешниковым (1855–1933). Здесь была предпринята попытка согласовать принципы распределения археологических находок между двумя главными имперскими музеями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 205–209). Соглашение предусматривало приоритет Эрмитажа в получении предметов, имеющих художественное значение,

в том числе памятников отечественной древности, важных для истории искусства. Из числа предметов, поступающих в Эрмитаж, совершенно исключались предметы «каменного периода».

При обсуждении судьбы одинаковых или похожих предметов оба музея должны были предоставить веские обоснования для их получения. Эрмитажу также отводился месячный срок на выбор монетных кладов для своих коллекций, с чем впоследствии совершенно не согласился Исторический музей. Во избежание конкуренции в приобретении коллекций и «набивания» цены со стороны продавца предполагалось, что определение стоимости вещей поручается ИАК.

Право на издание находок в течение пяти лет сохранялось за исследователем, и если кто-либо желал опубликовать вещи ранее этого срока, он должен был обращаться в Комиссию. На совещании прозвучало предложение об увеличении средств ИАК, выделяемых на приобретение кладов и археологических находок.

Однако 28 февраля 1891 г. в Комиссию было отправлено письмо И. Е. Забелина, выступавшего против «разбазаривания» курганных коллекций, претендовавшего на приоритетное право в получении Историческим музеем предметов русской старины и выступавшего против некоторых эрмитажных привилегий (Там же. Л. 235 — 240 об.).

В результате в связи с позицией Исторического музея соглашение никогда не было утверждено, а единая общероссийская «фондово-закупочная комиссия», говоря языком современной музейной практики, так и не была создана (Там же. Л. 243 — 243 об.).

ХIII

Определенные изменения происходили и в деле реставрации памятников монументального зодчества. 31 октября 1890 г. министром двора графом И.И. Воронцовым-Дашковым были утверждены «Правила о порядке рассмотрения Археологической комиссией и Академией художеств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников», которые всю работу по сбору заявок, рассмотрению проектов реставрации и ремонтов памятников архитектуры возлагали на Комиссию, оставив представителям Академии художеств только права экспертов. Похоже, что такое «разделение труда» стало возможным потому, что председатель Комиссии граф А.А. Бобринской одновременно с 10 декабря 1889 г. по 20 декабря 1890 г. являлся вице-президентом Академии художеств. Репорт об утверждении «порядка рассмотрения реставрационных дел в виде служебной инструкции в связи с постановлением 1 марта 1889 г.» А.А. Бобринской подает в министерство еще 30 октября.

Правила включали в себя всего 6 пунктов:

«1. Каждый раз, когда в Археологическую комиссию поступит ходатайство о восстановлении древнего монументального памятника или о капитальном ремонте его, сопряженном с изменением внешних и внутренних частей его, Комиссия прежде всего озабочивается представлением ей со стороны ведомства, вносящего такое предложение, тщательно выработанного проекта реставрации и капитального ремонта с необходимыми при этом рисунками и соображениями.

2. По получении проекта Археологическая комиссия обращается

в Совет Императорской академии художеств с просьбою командировать от себя специалистов для обсуждения проекта совместно с Археологической комиссией и с делегатом того ведомства, которое ходатайствует о реставрации.

3. По усмотрению Археологической комиссии в заседания, в которых будет обсуждаться проект, могут быть приглашаемы и другие компетентные лица.

4. По окончательном рассмотрении и утверждении проекта реставрации он препровождается к выполнению в надлежащее ведомство, которое уже и принимает на себя составление сметы, приискание денежных средств и обязанность следить за точным выполнением работ согласно утвержденному проекту.

5. Для осмотра произведенных работ может быть командировано особое специальное лицо со стороны Археологической комиссии или Императорской академии художеств.

6. Все чертежи и рисунки по выполненной реставрации сдаются в архив Археологической комиссии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 170–173).

Появлению этих правил до определенной степени способствовали организационные проблемы реставрации Спасского собора Мирожского монастыря во Пскове и Преображенского собора в Переславле, начавшиеся еще в 1886 г. и выявившие необходимость четкой процедуры рассмотрения реставрационных вопросов и распределения полномочий и ответственности среди участников дела (подробнее см. главу XIII).

В дальнейшем можно отметить неоднократные попытки оспорить заведенный порядок обсуждения

**ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ.**

9 Января 1898.
№ 1112

Въ ИМПЕРАТОРСКУЮ Академію Художествъ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Коммиссія, назначивъ особое засѣданіе въ *Понедѣльникъ, 16 Января*, въ 2 часа дня, для разсмотрѣнія представленной ей *проектъ по реставраціи древнихъ церквей въ городахъ: Ярославль, Новгородъ, Грѣно и Вичурскіахъ уѣздовъ въ г. Олонецкѣ*, имѣетъ честь покорнѣйше просить ИМПЕРАТОРСКУЮ Академію Художествъ назначить съ своей стороны делегатовъ для участія въ упомянутомъ засѣданіи.

Подписалъ: Предсѣдатель Коммиссіи, Губернаторъ
Двора **ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА** Графъ **А. Бобринской.**

Скрѣпилъ Дьяконъ-производитель **И. Сусловъ.**

Вѣрно: Дьяконъ-производитель *И. Сусловъ*

реставрационных проектов. Так, в рапорте А.А. Бобринского в Министерство двора от 22 ноября 1894 г. было отмечено, что, несмотря на уже утвержденные правила рассмотрения дел по реставрации, Собрание Академии художеств вознамерилось изменить «означенный прочно установившийся и вполне рациональный порядок» со ссылкой на свой временный устав 1893 г., расширивший права Собрания, и пожелало «принять реставрационное дело в свое собственное ведение». Собрание Академии посчитало, что установленный порядок не учитывает мнения всех ее членов, что приводит к ущемлению академических прав. В частности, было предложено составить особую Комиссию из числа членов собрания Академии, куда члены ИАК будут приглашаться с правом голоса (Там же. Л. 224 — 225 об.). Впрочем, академическая инициатива не получила развития.

Организация порядка и процедуры рассмотрения дел о ремонте и реставрации древних памятников монументального зодчества была новой обязанностью для ИАК и отнимала много времени и сил председателя Комиссии. С учетом борьбы за научный контроль и соблюдение законодательства об археологических исследованиях это была настоящая «война на два фронта». Одной из главных проблем было отсутствие в ИАК собственного специалиста-архитектора, должность которого не была предусмотрена ее штатным расписанием. «Высочайшее повеление» 11 марта 1889 г. лишь на несколько лет опередило кончину Ф.Г. Солнцева в 1892 г., который в течение 30 лет исправно получал жалование по линии Кабинета его императорского величества, совершенно не участвуя в деятельности

ИАК. В начале 1893 г. граф А.А. Бобринской обращается в министерство, ходатайствуя о передаче денежного содержания Ф.Г. Солнцева иному специалисту, который бы отвечал в Комиссии за реставрационную деятельность. Однако содержание Ф.Г. Солнцева из сумм Кабинета носило персональный и исключительный характер, вследствие чего оно и не могло быть передано другому лицу. 29 мая 1893 г. председатель Комиссии просит назначить нового члена ИАК — архитектора, но 9 июня ему было сообщено, что министр не признал возможным причислять к Комиссии особого специалиста по рассмотрению проектов реставрации (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 81).

10 марта 1894 г. Бобринской вновь обращается с рапортом в Министерство двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 203–207). Указывая на увеличение обязанностей Комиссии после 11 марта 1889 г., особенно в такой новой для нее области, как реставрация, он отмечает недостаточность ее нынешнего кадрового состава. Далее он описывает сложившуюся к тому времени ситуацию. В силу нового закона Комиссия превратилась в «центральное учреждение, в руках которого сосредоточилось наблюдение за сохранением отечественных древностей и обязанность добывать их для наших государственных и общественных музеев». Это способствовало превращению Комиссии в административный и научный центр, где бы можно было получить информацию обо всех древностях, что в свою очередь потребовало обогащения библиотеки и архива рисунков, карт и фотографий. Вменение в обязанности ИАК вопросов реставрации было подтверждено и новым временным уставом Императорской академии художеств 1893 г.

11 апреля 1893 г. вторично состоялось выражение Высочайшей воли в виде резолюции императора Александра III, сообщенной ИАК министром двора.

Однако, по мнению А. А. Бобринского, члены Комиссии, подавленные количеством бумаг, оказались не в силах не то что исполнять научную миссию, но даже выполнять требуемое правилами Контроля министерства ведение материальной отчетности. По этому поводу председатель предлагал следующие меры: не вводить в штат ИАК двух новых членов, поскольку в это время планировалось сокращение штатов учреждений Министерства двора, а лишь прикомандировать их к Комиссии с правами государственной службы и окладом 1200 руб. в год для текущих ученых работ, но в связи с увеличением организационных обязанностей Комиссии учредить должность ученого секретаря для текущей переписки научного характера, а на долю делопроизводителя оставить лишь административно-хозяйственные вопросы. При этом предполагалось увеличить сумму на наем писцов. Для решения реставрационных вопросов А. А. Бобринской предлагал прикомандировать к ИАК члена Академии художеств без дополнительных ассигнований, поскольку предложение о прикомандировании к Комиссии особого архитектора для заключений по проектам с назначением ему бывшего оклада Ф. Г. Солнцева было в свое время отклонено. Осуществление этих проектов могло оказаться реальным с финансовой точки зрения, ибо с утверждением 21 апреля 1894 г. нового положения о Совете при Министерстве императорского двора стало возможным выплачивать разного рода пособия по этому ведомству. Этот рапорт был оставлен министром без ответа.

Изначально предусмотренная коллегиальность обсуждения реставраций находила свое выражение в процедуре «временных» комиссий по рассмотрению проектов отдельных храмов, Высочайше порученных ИАК и Академии художеств. Так, 18 апреля 1888 г. была создана межведомственная «Комиссия по реставрации Георгиевского собора в городе Юрьеве-Польском, Спасского собора в Мирожском монастыре в городе Пскове и двух часовен близ города Переславля-Залесского». Несмотря на то что инициатива ее создания принадлежала именно А. А. Бобринскому, начиная с 1889 г. дело реставрации этих памятников окончательно перешло к Академии художеств, что зачастую ставило ИАК в сложное положение в ее отношениях с местными властями и общественностью (подробнее см. главу XIII).

Однако уже к середине 1890-х гг. практика «временных комиссий» полностью исчерпала себя, продемонстрировав свою несостоятельность. Необходимо было создать более стабильный орган для обсуждения проектов. Начиная с 1894 г. в Археологической комиссии на специальных заседаниях началось «рассмотрение ходатайств о восстановлении, ремонте, сохранении и упразднении древних церквей». Состав реставрационных заседаний не ограничивался приглашенными специалистами: архитекторами и инженерами, на всех заседаниях непременно присутствовали археологи — члены ИАК. В первые годы работы реставрационных заседаний в протоколах Комиссии чаще всего в составе участников собраний фигурируют имена А. А. Бобринского, В. Г. Тизенгаузена, Н. И. Веселовского, В. Г. Дружинина (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 71).

В 1894 г. в Комиссию поступило 12 проектов (ОИАК за 1894 г. 1896: 51–76). Первыми, кто обратился в ИАК с просьбой согласовать реставрацию храма, были черниговский архиерей, пожелавший произвести ремонт своей домово́й церкви, и причт Преображенского собора в Переславле (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 68; РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 73). Если первый случай был продиктован исполнительностью местной консистории, то второй, впрочем, был вызван затянувшимся конфликтом местного духовенства с МАО.

В 1895 г. таких проектов было уже 15, в 1896 г. — 17 (ОИАК за 1896 г. 1898: 144–145), в 1897 г. было 24 ходатайства (ОИАК за 1897 г. 1900: 85–86). С этого времени их число стабилизировалось, но в 1903 г. резко подскочило до 39 (ОИАК за 1903 г. 1906: 181–183). В 1905 г. ИАК рассматривала уже 48 проектов (ОИАК за 1905 г. 1908). Если в 1898 г. дела ИАК, связанные с вопросами церковной старины, занимали чуть более 4%, то в 1916 г. это количество поднялось до 30% (подробнее см. главу XIII). Основные категории дел, приходящих в ИАК, касались создания нового иконостаса, разборки ветхого храма, присылки архитекторов для составления сметы и проекта на ремонт церкви. Корреспонденция приходила в основном на бланках духовных консисторий, в редких случаях в Комиссию обращался церковный причт, еще реже — при необходимости ускорить дело — сам епархиальный архиерей.

Изначально академиком архитектуры, которому в конце 1880 — начале 1890-х гг. ИАК охотно поручала от своего имени вести дела по реставрации древних памятников, был Владимир Васильевич Суслов (Суслова 1959: 191–219; Лисовский 1971; Суслова,

Славина 1978; Суслова 1993: 208–215; Бонитенко 2000: 146–163). В 1892 г. он был избран делегатом от Императорской археологической комиссии на первый Съезд русских зодчих (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 71. Л. 123 об.), который состоялся 9–16 декабря 1892 г., где предложил «примкнуть к задачам Парижского конгресса по охранению древних памятников искусства; чтобы реставрация древних русских памятников зодчества предоставлялась, с разрешения известных археологических обществ, архитекторам; составить краткую историю русского искусства с последующим включением такого курса в образовательную программу учебных заведений» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 181. Л. 8 об.).

Впрочем, сотрудничество ИАК с В.В. Сусловым не было ни долгим, ни продуктивным, что связано с его неоднозначной ролью в исследовании и реставрации Спасского собора Мирожского монастыря во Пскове (1889–1890), собора в Переславле-Залесском (1892–1893) и Софийского собора в Новгороде (1893–1900). Известно, что после завершения X Археологического съезда в Риге в 1896 г. Совет съезда через МАО направил в ИАК ряд предложений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 199. Л. 10 — 10 об.). В частности, Комиссии предлагалось принять меры «против варварства» при реставрации Новгородского Софийского собора. Поводом для этого стало прозвучавшее на съезде сообщение В.В. Суслова о том, что «важные памятники древности частью пострадали, частью совершенно уничтожены».

27 января 1897 г. на имя графини П.С. Уваровой последовал ответ А.А. Бобринского, где граф писал: «Что касается до некоторых “важных”

СУСЛОВ Владимир Васильевич (13.07.1857–31.08.1921) — архитектор-реставратор, археолог, исследователь и пропагандист древней русской архитектуры, один из инициаторов охраны памятников истории и культуры в России. Родился в Москве в семье иконописца. В 1878 г. окончил курс в Московском училище живописи, ваяния и зодчества с малой серебряной медалью и поступил в Академию художеств. В 1883 г. был выпущен со званием классного художника 1 ст. По поручению Академии художеств исследовал памятники древнерусской архитектуры. Посетил побережье Белого моря, Мурманский берег, Северную Двину, Онегу, Сухону и другие более населенные места Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний, а также Швецию. Изучая памятники каменного зодчества, ежегодно предпринимал поездки по России и за границу: в Германию, Францию и Италию. В 1886 г. удостоен звания академика. Занимался сбором древних церковных предметов, внес вклад в церковную

археологию. Собранный обширный материал о древнерусской архитектуре, состоящий из чертежей и рисунков, ежегодно представлялся на Академических выставках, на заседаниях разных ученых и технических обществ. В 1889–1891 гг. реставрировал Преображенский собор (XII в.) и часовню Иоанна Грозного в Переславле-Залеском и собор Мирожского монастыря во Пскове, в 1893–1900 гг. — новгородский Софийский собор. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. сотрудничал с ИАК по вопросам реставрации архитектурных памятников.

Осн. соч.: Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888; Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПб., 1888; Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889; Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1895–1901. Вып. 1–7; Биографические воспоминания (ОР РНБ. Ф. 1199. Ед. хр. № 2).

Лит. о нем: Суслова А. В., Славина Т. А. Владимир Суслов. Л., 1978; Лисовский В. Г. Владимир Васильевич Суслов (каталог выставки). Л., 1971; Вехов Н. В. Архитектор Владимир Суслов // Архитектура и строительство Москвы. 2010. № 1 (549). С. 46–51.

(Ил.: Вздорнов 1989: 29)

памятников древности в Новгородском Софийском соборе, которые, по мнению Рижского археологического съезда, пострадали и уничтожены, то Археологическая комиссия полагала бы желательным выяснить, какие именно важные памятники имелись в виду.

Если же дело касается некоторых, выцарапанных на стене надписей, покрытых штукатуркой при работах академика Суслова, то этот вопрос

КИТНЕР Иероним Себастианович (1839–1929) — архитектор, образование получил в Санкт-Петербургском строительном училище. Представлял рационалистическое направление в русской архитектуре второй половины XIX в., использовал выразительные возможности «ковровой» кирпичной кладки. Автор ряда выдающихся зданий с применением металлических конструкций в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Участвовал в создании дворца великого князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной. Автор проектов зданий ряда учебных заведений, в том числе Института гражданских инженеров. Академик архитектуры (1868). С того же года преподаватель Института гражданских инженеров. С января 1895 г. — член-корреспондент ИАК. Звание получил за сотрудничество при рассмотрении проектов реставрации древних зданий. В 1909–1917 гг. — председатель Петербургского общества архитекторов. Скончался в Германии, в Лейпциге.

Лит. о нем: Барановский Г.В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников

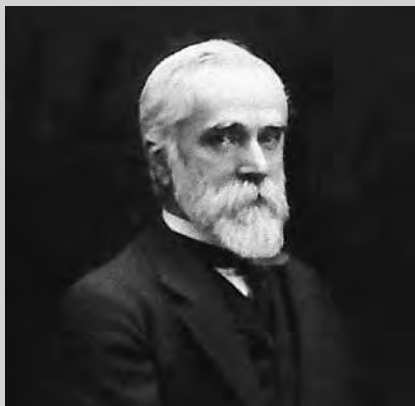
Института гражданских инженеров (Строительного училища). 1842–1892. СПб., 1893. С. 149–153; *Китнер Ю.И.* Архитектор И.С. Китнер // Архитектурное наследство. 1976. Вып. 25. С. 154–175; *Китнер Ю.И., Николаева Т.И.* Иероним Китнер. СПб., 2000; *Николаева Т.И.* Виктор Шретер. Иероним Китнер. СПб., 2007.

может вполне выясниться лишь при ближайшей обработке найденных надписей, труд, который взял на себя доцент С. Петербургского университета И. А. Шляпкин.

Тогда выяснится также, должна ли Комиссия сожалеть о том, что лица, которым она доверила дело, не оправдали ее доверия» (Там же. Л. 12). Впрочем, как будет показано ниже, не все члены Комиссии были согласны с такой оценкой его работы.

Как следует из воспоминаний В. В. Сулова, он надеялся впоследствии стать штатным архитектором Комиссии (Бонитенко 2000: 153). Однако упоминавшиеся проблемы привели к тому, что при формировании нового штата ИАК в 1902 г. Комиссия сделала ставку на привлечение к своим работам более молодого поколения исследователей и назначила на это место архитектора П. П. Покрышкина (об этом ниже). Видимо, В. В. Сулов был глубоко обижен этим обстоятельством, и с 1902 г. период его активного сотрудничества с ИАК практически завершился.

Все это время А. А. Бобринской постоянно искал возможности усилить «реставрационный потенциал» Комиссии. Так, в рапорте от 17 апреля 1898 г. на имя министра двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 236 — 236 об.), в связи с созданием при Кабинете его императорского величества особого

КОТОВ Григорий Иванович (23.07.1859 — 10.03.1942) — архитектор, реставратор. Образование получил в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и в Академии художеств. Академик архитектуры (1887). Профессор Академии художеств, директор Петербургского училища технического рисования барона Штиглица. С января 1895 г. — член-корреспондент ИАК, с сентября 1918 г. — член Совета РГАК. Член-корреспондент МАО с 1902 г. Главные работы: русская церковь в Вене, реставрация собора во Владимире-Волынском, военно-морской павильон на Нижегородской выставке, здание Московской городской думы (совместно с М.Т. Преображенским). Член Ученого комитета по техническому и профессиональному образованию при Министерстве народного просвещения, ряда других комитетов и комиссий, в том числе комиссии по исследованию Новгородского Софийского собора. Реставрировал церковь Спаса на Берестове.

Осн. соч.: Бахчисарайский дворец // Зодчий. 1896. Вып. 1. С. 1–5; Очертание арок во Владимиро-Суздальском зодчестве XII века // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. 2. С. 450–474.

Лит. о нем: ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). М., 1915. Т. 2. С. 12.

(Фото: СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 203. Нег. 4505, фрагмент)

Техническо-строительного комитета, председатель ИАК предлагал вменить в обязанность его членам помощь Комиссии в обсуждении проектов реставрации и капитального ремонта памятников и об осмотре памятников на месте. Он обещал, что о заседаниях по обсуждениям проектов члены комитета будут оповещаться заблаговременно. Похоже, что это начинание также не получило развития.

Здесь же А.А. Бобринской отмечал, что в свое время министерство ограничилось назначением в распоряжение Комиссии 500 руб. на командировки частных лиц по вопросам реставрации. Поскольку ходатайство о назначении еще одного штатного члена ИАК не было поддержано, то с разрешения министра к этому времени в члены-корреспонденты Комиссии были назначены член Техническо-строительного комитета МВД профессор Института гражданских инженеров Иероним Севастианович Китнер и член совета Академии художеств Григорий Иванович Котов, а также в качестве сверхштатного члена — директор Института гражданских инженеров Николай Владимирович Султанов с безвозмездным исполнением обязанностей (Памяти Н.В. Султанова, 1909: 1–4; Савельев 2003а: 194–212; 2003б: 37).

Последний, впрочем, уже с середины 1880-х гг., параллельно с В.В. Суловым, по поручению Комиссии участвовал в натурных осмотрах памятников и составлении и экспертизе проектов реставрации, в частности дворца царевича Дмитрия в Угличе, Мирожского собора во Пскове, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и др. В 1899 г. Н.В. Султанов представлял интересы ИАК на III Съезде русских зодчих (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 199. Л. 5). В своем

СУЛТАНОВ Николай Владимирович (9.02.1850 — 15.09.1908) — архитектор, историк архитектуры, реставратор. В 1873 г. окончил Строительное училище со званием гражданского инженера. Служил в Техническо-строительном комитете МВД (с 1903 г. его председатель). С 1873 г. одновременно преподавал историю архитектуры в Институте гражданских инженеров (с 1896 г. профессор этого института, а с 1895 по 1903 г. его директор) и Технологическом институте, историю искусств — в Петербургском археологическом институте. Академик архитектуры (1905), почетный член Археологического института (1882), действительный член (1893) и член совета Академии художеств. С 1897 г. сверхштатный член ИАК. Автор трудов по истории русского зодчества, архитектуры Древнего мира, теории архитектурных форм. Много ездил по древним русским городам, изучал и реставрировал памятники русского зодчества (Москва и Подмосковье, Нижний Новгород, Владимир, Углич, Ростов Великий). Главное творение — придворный Петропавловский собор в Петергофе. Умер и похоронен в Висбадене (Германия).

Осн. соч.: История архитектуры. Курс лекций с атласами чертежей: в 2 т. СПб., 1879; Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. СПб., 1881; Изразцы в древнерусском искусстве. СПб., 1885; Памятники зодчества у народов древнего и нового мира. СПб., 1895; История архитектурных форм. СПб., 1902.

Лит. о нем: Красовский М. Памяти Николая Владимировича Султанова // Зодчий. 1908. №37. С. 343–346; Шереметев С. Николай Владимирович Султанов. М., 1908; Нащокина М.В. Николай Султанов (1850–1980) // Краеведческие записки: Исследования и материалы. 1993. Вып. 1. С. 119–127; Савельев Ю.Р. 1) Петербургский и московский зодчий Н.В. Султанов // Петербургские чтения–97. СПб., 1997. С. 327–331; 2) Николай Султанов (Архитекторы Санкт-Петербурга). СПб., 2003.

(Ил.: Известия ИАК. Вып. 31. 1909: 1)

выступлении он обратил внимание на несовершенство законодательства по охране памятников старины и призвал к его пересмотру. Н.В. Султанов один из первых понял значимость систематизации и обобщения научного материала, который накапливался в процессе обсуждения вопросов ремонта и восстановления архитектурных памятников на реставрационных заседаниях ИАК, по его инициативе в значительной степени началось издание печатных протоколов заседаний в специальной серии «Известий» Императорской археологической комиссии.

Только с утверждением новых штатов Археологической комиссии 6 декабря 1902 г. стало возможным привлечение к ее работе на постоянной основе специалиста-архитектора. Им стал сверхштатный лектор по начертательной геометрии при Высшем

ПОКРЫШКИН Петр Петрович (22.07.1870 — 18.02.1922) — архитектор, историк древнерусского зодчества и живописи, реставратор, активный деятель охраны памятников. Выпускник Академии художеств (1895), позднее — ее преподаватель, академик архитектуры. Член ИАК (1902), зав. отделом монументального зодчества РГАК (1918–1919). Заведующий Археологическим подотделом Совета коллегии по делам музеев в Петрограде (1918). Член РАИМК (1919–1921). В 1919 г. вступил в резкий конфликт с московскими искусствоведами школы И.Э. Грабаря, стремившимися в ходе реставрации выявить в первую очередь древнейшие формы памятников искусства Древней Руси, пренебрегая позднейшими наслоениями. По его предложению в Петрограде создана лаборатория по разработке новых, щадящих методов реставрации иконописи. В самой РАИМК широкие планы П.П. Покрышкина не получили поддержки. В результате обозначился конфликт с коллегами, не сочувствовавшими его стремлению сделать Археологический подотдел Коллегии

по делам музеев самостоятельным органом, ответственным за охрану и реставрацию памятников. В июле 1920 г. получил отпуск по болезни. В январе 1921 г. прислал письменный отказ от звания члена РАИМК. Принял священный сан и в феврале 1922 г. скончался в сане протоиерея Тихонова монастыря г. Лукоянова Нижегородской губернии, заразившись при посещении больных в сыпнотифозных бараках.

Осн. соч.: Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях // Известия ИАК. 1905. Вып. 16. С. 120–123; Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903–1904 гг. СПб., 1906; Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства // Известия ИАК. 1915. Вып. 57. С. 178–190.

Лит. о нем: Сычев Н.П. Некролог П.П. Покрышкина // РО НА ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 1616; Медникова Е.Ю. Деятельность академика архитектуры П.П. Покрышкина в Императорской археологической комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // АВ. 1995. № 4. С. 302–311; Медведева М.В. Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. 2004. № 11. С. 379–387; Дегтева О.В. Протоиерей Петр Покрышкин // Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и его исторические корни на Нижегородской земле. Нижний Новгород, 2011. С. 147–161; Платонова Н.И. Архитектор-археолог П.П. Покрышкин: страницы биографии // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 422–436; Платонова Н.И. Последние годы П.П. Покрышкина // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб., 2017. С. 445–451.

(Фото: ФО. Отп. О.1638-24)

художественном училище Петр Петрович Покрышкин. Очевидно, между ним и А.А. Бобринским имели место ранее состоявшиеся договоренности: в связи с утверждением новых штатов ИАК напоминала П.П. Покрышкину, что ему следует до 16 декабря 1902 г. подать рапорт о зачислении на службу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 271. Л. 2).

Действительно, начиная с 1895 г. П.П. Покрышкин принимал участие в экспедициях, организованных Императорской археологической комиссией и другими учреждениями, и проводил самостоятельные обследования архитектурных памятников в различных городах Российской империи и за рубежом. В 1895–1896 гг. и в 1898–1900 гг. он участвовал в работах специальной историко-архитектурной экспедиции под руководством Н.И. Веселовского, занимавшейся обследованием, архитектурными обмерами и фотофиксацией мечетей и мавзолеев в Средней Азии.

Со второй половины 1900-х гг. к осмотру, исследованиям и реставрации памятников церковного зодчества, по инициативе П.П. Покрышкина, Комиссия стала привлекать Константина Константиновича Романова, избранного в 1910 г. членом-корреспондентом ИАК (Медведева 2005: 291–301). Еще ранее, 1 октября 1909 г., в связи с архитектурными раскопками на усадьбе Десятинной церкви в Киеве и предстоящими реставрационными работами в Ипатьевском монастыре в Костроме на должность канцелярского чиновника XII класса в ИАК был назначен архитектор художник Дмитрий Васильевич Милеев (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 203). В то же время сложилась процедура «больших» и «малых» реставрационных заседаний. Первые предусматривали расширенный состав

присутствовавших за счет представителей Академии художеств, Синода, МВД и соответствующих ведомств. Однако такие встречи были возможны только во внеканикулярное время, и поэтому до трети реставрационных вопросов рассматривалось на «малых заседаниях», где были преимущественно представлены лишь члены ИАК.

Одной из главных проблем ИАК в области контроля над реставрацией и ремонтом памятников древнего зодчества было выстраивание правильных отношений со Святейшим Синодом, епархиальными архиереями и духовными консисториями. Для А.А. Бобринского охрана памятников церковной старины и взаимоотношения с «ведомством православного исповедания» с самого начала стали приоритетом в его деятельности по спасению российской культуры.

Впоследствии один из его сыновей вспоминал: «Часто отец ездил в другие места России, где были старинные храмы и монастыри. Приходилось иметь дело с духовенством, разные епископы и архиереи иногда не допускали археологов в ризницы своих церквей и противились реставрации икон и самих зданий, в каком бы плохом виде ни находились эти здания. Мой отец нашел выход из затруднений этого порядка, спрашивая благословения епископа на создание при его епархии “архивных комиссий”, причем сам епископ становился покровителем и почетным председателем. Таких “ученых архивных комиссий” мой отец создавал много в разных городах. Ученой архивной комиссии было трудно отказать в просмотре старинных Евангелий и других древностей, находившихся в ведении данного епископа...» (Бобринский 2003: 491). Воспоминания, написанные

РОМАНОВ Константин Константинович (28.09.1882 — 26.01.1942) — архитектор, историк древнерусского зодчества, археолог, реставратор. Основные архитектурно-археологические работы посвящены изучению Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и памятниками Псковской земли. Выпускник Академии художеств (1909), слушатель Петербургского археологического института (1904–1905). Член-корреспондент ИАК с декабря 1910 г. Действительный член РАО (1910). Профессор и декан (1918–1921) Петроградского археологического института. С 1910 г. участвует в работе Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В 1911–1921 гг. хранитель этнографического отдела Русского музея. В 1911–1918 гг. преподавал в училище Штигилица, был его директором (1917–1918). В 1918–1919 гг. член Коллегии по делам музеев при Наркомпросе, один из организаторов преобразования РГАК в РАИМК. Член РАИМК/ГАИМК, активный деятель охраны памятников. В середине 1930-х гг. отошел от научной работы, читал лекции в ряде вузов Ленинграда — по основам проектирования, по истории архитектуры и т. п. Умер в блокаду.

Осн. соч.: Остатки каменных стен XVII в. в Тихвинском Богородицко-Успенском монастыре Новгородской губернии // Известия ИАК. 1909. Вып. 32. С. 141–162; Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском (краткий отчет о разведке) // Известия ИАК. 1910. Вып. 36. С. 70–93; Мелетово как источник истории Псковской земли // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. №9–10. С. 143–215; Развалины храма римского типа в Баш-Гарни // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 100. С. 635–654.

Лит. о нем: Савельев Ю. П. Историк архитектуры К. К. Романов // Краеведческие записки. Исследования и материалы. СПб., 1997. Вып. 5. С. 193–201; Кузьменко М. А. К. К. Романов об охране памятников г. Пскова и о состоянии Псковского музея в 1934 г. // Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Псков, 2002. Вып. 2. С. 141–143; Медведева М. В. Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания научного архива ИИМК РАН // АВ. 2005. № 12. С. 291–301.

(Ил.: Вздорнов 2006: 28)

не ранее конца 1950-х гг., явно смешивают архивные комиссии и церковно-археологические общества. Стоит отметить, что к созданию как тех, так и других председатель Комиссии непосредственного отношения не имел. Однако строки воспоминаний хорошо описывают непростую ситуацию взаимоотношений церкви и культуры в конце XIX в., которая мало чем отличается от ситуации начала XXI в.

Определение Синода 10 октября — 16 ноября 1890 г. лишь подтверждало

МИЛЕЕВ Дмитрий Васильевич (22.08.1878 — 19.07.1914) родился в имении «Хвостиха» Симбирской губернии. В 1898 г. поступил в высшее Художественное училище на архитектурное отделение. Еще учеником был командирован Академией художеств на север для изучения, обмеров и осмотра памятников древнего церковного зодчества. В 1906 г. окончил курс архитектурного отделения, поступил в Петербургский археологический институт. По окончании института в 1908 г. получил от ИАК поручение произвести археологические раскопки в Киеве в сотрудничестве с Б.В. Фармаковским. Выработал метод вертикальных сечений слоя, предварительного изучения насыпей, графической фиксации, обмеров и фотографирования каждого слоя земли, что стало в дальнейшем нормой полевой методики. По результатам раскопок был сделан блестящий доклад в Императорском обществе архитекторов-художников. Следующими работами были реставрация Троицкого собора в Ипатьевском монастыре в Костроме, деревянной церкви в Челмужах Олонецкой губернии, здания Костромского Дворянского собрания в стиле empire. Преподавал в школе Общества

поощрения художеств и на Высших женских курсах архитектурных знаний Е.Ф. Богаевой. Его деятельность была связана и с архитектурной фотографией: он оставил около 6000 негативов большого размера — результаты его поездок по России и цикла его работ.

Осн. соч.: Древние полы в Киевском соборе Святой Софии. СПб., 1911; Вновь открытая церковь XI в. в Киеве и положение исследований в связи с новыми застройками города // Труды IV съезда русских зодчих. СПб., 1911. С. 117–121.

Лит. о нем.: Ёлшин Д. Д., Мелюх Е. А., Ходаковский Е.В. Дмитрий Васильевич Милеев (1878–1914): Архитектурная археология и реставрация в России в начале XX века. СПб., 2015.

(Ил.: Известия ИАК. Вып. 57. 1915: 1)

Указ № 2236 от 20 декабря 1878 г. / 9 января 1879 г. о необходимости санкции Синода и согласия одного из археологических обществ на реставрацию памятников старины.

Прошло более года со времени повеления 11 марта 1889 г., но о нем ни словом не упоминается в синодальном определении. Это представляется тем более странным, что еще в «эпоху Васильчикова» циркуляр обер-прокурора Синода 5/26 июля 1884 г. за № 3192 предписывал епархиальным преосвященным входить в сношения с ИАК по вопросам реставрации памятников старины.

4 ноября 1893 г. граф А.А. Бобринской был вынужден писать в Синод, дабы тот издал распоряжение по духовному ведомству об исполнении этого Высочайшего повеления и об обязательности обращения в ИАК. Синод оправдывал свою медлительность тем, что ему, в отличие от Сената, это повеление так и не было доложено.

Наконец в 1897 г. Синод все же был вынужден напомнить духовному ведомству распоряжение обер-прокурора о представлении в ИАК проектов реставрации храмов, что надлежало делать до конца января наступавшего года. Но уже 20 января 1898 г. А. А. Бобринской пишет в Министерство двора рапорт о постоянном нарушении императорского указа от 11 марта 1889 г. духовным ведомством, особенно в Москве. При этом граф упоминает имевшее место изъятие из ведения Императорской комиссии проектов по реставрации Мирожского монастыря во Пскове и Софийского собора в Новгороде самим обер-прокурором Константином Победоносцевым в 1895 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 233) (подробнее см. главу XIII).

Начинаются бюрократическая чехарда и юридическая неразбериха. Принятый в 1900 г. Строительный устав оказывается исполненным внутренних противоречий. Если статья 78 предписывала проводить реставрацию «монументальных памятников древности» по предварительному соглашению с ИАК и Академией художеств в полном соответствии с указом 11 марта 1889 г., то статья 95, касающаяся поновления древних памятников, основывалась на синодальном распоряжении 1879 г. и предполагала лишь участие археологических обществ. 2 декабря 1901 г. издается новое распоряжение обер-прокурора о точном исполнении повеления 11 марта 1889 г. и Определения Синода. При этом отмечалось, что некоторые консистории, вопреки распоряжению, продолжают согласовывать свои действия с археологическими обществами, что, как это ни парадоксально, соответствовало новому строительному уставу.

20 февраля 1896 г. А. А. Бобринской циркулярно разослал письмо епископату Православной церкви, где спрашивал, не найдут ли те возможным оказать зависящее от них «содействие к присылке в Императорскую археологическую комиссию уже изданных описаний церквей и монастырей епархии, а равным образом к доставлению в Комиссию подобных изданий и статей местных епархиальных ведомостей на будущее время по появлению их в свет». Эту присылку изданий он мотивировал необходимостью иметь исторические справки при рассмотрении проектов реставрации церквей. В результате библиотека ИАК пополнилась рядом брошюр, а архив — несколькими неизданными историческими справками о российских храмах, хотя в нескольких случаях епархиальные пресвященные отправили в Петербург не сами издания, а лишь ссылки на них (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 27. Л. 1–3).

Дополнительная сложность в построении внятных правовых норм церковной реставрации была связана с деятельностью МАО. На основании статьи 4 своего Высочайше утвержденного Устава 1864 г. общество имело право профессионального осмотра церквей, что дополнительно подтверждалось синодальным указом 1879 г. (см.: РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 110). Оспаривая полномочия ИАК, МАО 3 мая 1894 г. ходатайствовало перед Синодом о подтверждении прежнего порядка ремонта древних храмов.

Еще в 1879 г. в рамках общества была создана «Комиссия для осмотра древних церквей». В 1882–1883 гг. она стала именоваться «Комиссией по сохранению древних памятников», в нее входили К. Быковский, И. Забелин, А. Мартынов, Н. Никитин, А. Попов,

В. Румянцев и др. 23 апреля 1890 г. для этой Комиссии были утверждены специальные правила.

Уже их первый пункт грубо противоречил законным полномочиям ИАК, предоставляя МАО право рассматривать проекты о пристройках, перестройках, возобновлении и разборке памятников архитектуры на предмет предупреждения возможного ущерба произведениям, имеющим археологическое значение.

Здесь не было ни слова о региональном характере деятельности московичей, о чем А.А. Бобринской договаривался с обществами, в том числе и с МАО, еще в апреле 1889 г. С 1891 г. протоколы Комиссии по сохранению древних памятников стали публиковаться в виде отдельного тома «Древностей» — официального издания МАО.

Комиссия действительно вела работу огромного масштаба, о которой ИАК со своим ограниченным штатом и финансовыми возможностями не приходилось и мечтать. В 1909 г. на Комиссии рассматривалось 323 дела, посвященных вопросам архитектурных работ, в 1911 г. — 331, в 1912 г. — 477, в 1913 г. — 325, в 1914 г. — 360.

25 ноября 1898 г. А.А. Бобринской подает рапорт министру двора по поводу вмешательства МАО в реставрацию собора Василия Блаженного в Москве. При этом граф свидетельствует, что несколько не желает устранения общества от обсуждения и подготовки реставрационных проектов и что общественное содействие весьма желательно и полезно, однако при обязательном соблюдении закона (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 233 — 234 об., 237–238). В результате в дополнение к указу 1889 г. император, как сообщил министр, «соизволил повелеть»

«сломку, капитальный ремонт и реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительном соглашении с Императорской археологической комиссией и по сношению ее с Императорской академией художеств». Постановления Комиссии по этим вопросам имеют обязательную силу. Новое уточнение существенно расширяло права ИАК (Там же. Л. 235).

На укрепление позиций ИАК графиня П.С. Уварова вновь отреагировала письмом к императору от 14 декабря 1901 г., содержащим просьбу даровать МАО особые полномочия по реставрации памятников церковной старины, «по крайней мере» в районе Московского учебного округа, поскольку эти вопросы требуют «ближайшего надзора и быстрого рассмотрения дел». 4 января 1902 г. государь ответил обществу через Синод. Суть ответа сводилась к тому, что повеление 11 марта остается в силе, но не служит к ограничению деятельности общества, так как на местах консистории могут запрашивать мнение и отзывы МАО, а в исключительных случаях на заседания ИАК приглашаются и члены общества. Графиня П.С. Уварова поняла ответ государя по-своему и вновь написала в Синод письмо с просьбой разослать циркуляр о том, что синодальное распоряжение от 2 декабря 1901 г. о правах ИАК не служит к уничтожению силы Указа 1879 г. о правах МАО (Древности 1904: 174).

В феврале 1905 г. последовало очередное распоряжение обер-прокурора о соблюдении указа 11 марта, причиной чему стали безграмотные ремонты в Кирилловском монастыре и в церкви свв. Козьмы и Дамиана во Пскове (здесь и далее см. материалы и переписку в: РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50;

см. также: Мусин 2010: 51–92). Однако 30 октября 1908 г. Московская консистория вновь предписала благочинным производить ремонт древних храмов только с согласия МАО. Борьба московской общественности с петербургской государственностью была неравной. 24 июня 1908 г. МАО обратилось в ИАК с предложением содействия в решении вопросов о ремонте и реставрации. Граф А. А. Бобринской ответил 2 декабря в достаточно уклончивой манере. Комиссия «не преминет просить предварительного заключения» МАО в тех случаях, когда сочтет специалистов общества более компетентными.

24 января 1908 г. ИАК разослала в епархии новый циркуляр по вопросам реставрации памятников старины. Этот шаг был связан, как следует полагать, с инициированным Синодом обсуждением проекта преобразования Комиссии по разбору и описанию Синодального архива в Архивно-археологическую комиссию, состоявшимся 6 марта 1908 г. Проект предполагал, что сама Комиссия и церковно-археологические общества на местах, подконтрольные епископату, будут самоуправно решать вопросы «охранения, описания и реставрирования памятников старины, находящихся в ведении Св. Синода, в чем бы эти памятники ни заключались» (пункт 2.1), вне контроля со стороны ИАК и археологических обществ. Это обеспокоило МАО, и П. С. Уварова в апреле 1908 г. написала озабоченное письмо в ИАК.

В ответном письме 13 апреля А. А. Бобринской успокоил графиню тем, что право ведомственного надзора за реставрацией из проекта Устава уже изъято. Действительно, в правилах Комиссии, утвержденных Синодом в мае 1909 г., ее археологический отдел (пункты 9 и 12) решал частные вопросы, связанные с «охранением, описанием и поддержанием» предметов старины, находящихся в духовном ведомстве, а также способствовал изысканию мер и средств к распространению интереса к старине.

Правила Архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде и Положение о Церковно-археологических комитетах на местах были приняты 25 апреля — 5 мая 1909 г. Синодом, однако так и не были отправлены на Высочайшее утверждение и, соответственно, никогда не были введены в действие, а сама центральная комиссия так и не была создана.

В результате был издан синодальный Указ 30 ноября 1909 г. по Определению Синода от 28 сентября — 2 ноября 1909 г. за № 7788, вновь запрещающий перестраивать и реставрировать древние церкви без согласования с Археологической комиссией (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 347 — 347 об.). До 1915 г. эти нормы в целом продолжали исполняться, пока Святейший Синод, воспользовавшись общим кризисом Российского государства и общества, вызванным Первой мировой войной, не приступил к их ревизии.

XIV

Описанные выше меры положили начало формированию единой централизованной системы археологических исследований, реставрационных работ

и охраны памятников в Российской империи, где ключевые позиции принадлежали ИАК, стремившейся координировать такого рода деятельность

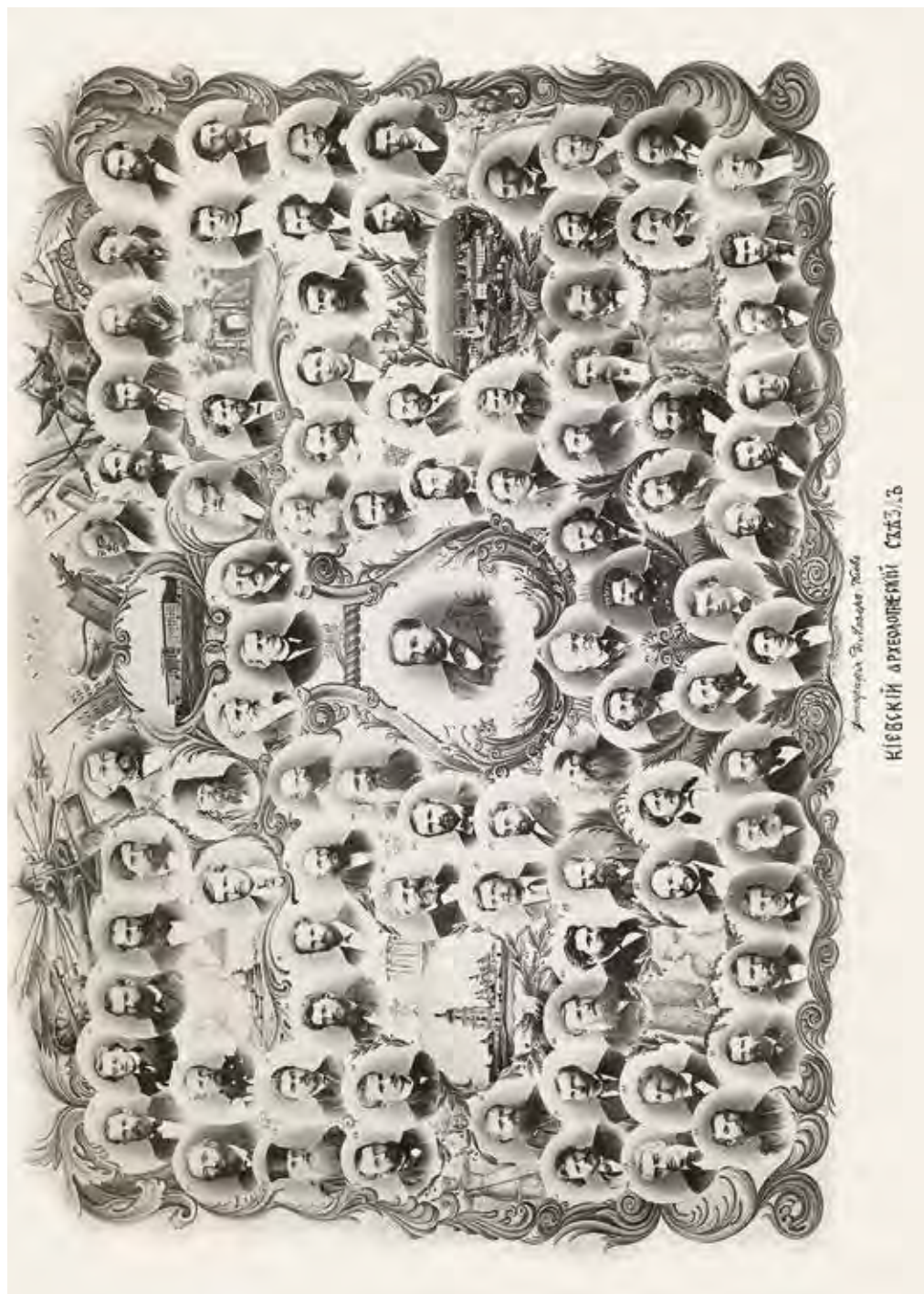
и прилагавшей усилия для создания единой процедуры. К сожалению, не все крупные деятели отечественной археологии того времени понимали своевременность и необходимость подобных мер. Здесь сказывались личные и ведомственные амбиции, конкуренция между различными организациями в борьбе за лидерство. Так графиня П. С. Уварова, возглавившая после смерти мужа Московское археологическое общество, на страницах своих мемуаров представляла дело следующим образом: «Петербург заволновался, всполошился и стал хлопотать, чтобы дело сохранения было распространено и на Археологическую комиссию, чего Петербург и достиг... общерусский интерес уступил петербургским проискам и притязаниям» (Уварова 2005: 194–195).

Несмотря на ясный смысл повеления 1889 г., МАО, постоянно получая субсидии как непосредственно от государя, так и от правительства, спекулируя этим фактом, продолжало вести археологические исследования, игнорируя Комиссию. 8 января 1894 г. А. А. Бобринской был вынужден писать министру двора и ходатайствовать о подтверждении необходимости обращения в Комиссию. 25 августа министр предписал Кабинету его императорского величества, что тот должен напоминать обществам при получении субсидий, что исследования все равно могут проводиться только по разрешению ИАК. Впрочем, 16 февраля 1895 г. председатель ИАК вновь жалуется в Канцелярию министерства на МАО, игнорирующее права ИАК под предлогом производства раскопок за счет «Высочайше дарованных средств» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 286 — 286 об.).

Отношение к Съездам со стороны Комиссии в «эпоху Бобринского» практически не изменилось, хотя, похоже, в начале своего председательства А. А. Бобринской рассчитывал установить рабочие отношения с этим научным форумом. 24 апреля 1887 г. ИАК намеревалась отправить депутатами на VII Археологический съезд — первый в «эпоху Бобринского» — самого председателя Комиссии, Н. П. Кондакова и И. И. Толстого.

Такая представительная компания собиралась посетить детище МАО впервые, ибо еще в 1885 г. А. А. Васильчиков предполагал обойтись лишь одним Н. П. Кондаковым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 61. Л. 7, 8). На открытие VIII Съезда в Москве в январе 1890 г. А. А. Бобринской также отправился лично (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 66. Л. 3).

После посещения XI Археологического съезда в 1899 г. в Киеве он оставил следующие записи: «Впечатления, вынесенные мною из съезда, были самые неудовлетворительные. Научное отношение к делу было вытеснено дилетантизмом, популярничанием, дешевым блеском поверхностных знаний, что, впрочем, и неудивительно, если принять во внимание состав съезда. Членом съезда имеет право быть всякое лицо, уплатившее 4 руб. за билет. В результате — на несколько сот членов съезда можно было насчитать не более двух десятков археологов — все остальные случайные любители и любительницы. Понятно, что от подобных собраний нельзя ожидать серьезных постановлений. Отношение же к делу председательницы съезда, графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, сводилось в большинстве случаев к вопросам личного свойства. На первом плане

Участники XI Археологического съезда в Киеве, 1898 г. (СПбФ АРАН. РХ. Оп. 2. Д. 5. Л. 1)

личное самолюбие, желание, чтобы все разрешалось председательствуемым ею Московским археологическим обществом, и нетерпимость к какому бы то ни было иному археологическому учреждению. К Археологической же комиссии графиня Уварова относится прямо враждебно, протестуя против ее прав и законов, установленных к упорядочиванию дела раскопок и реставраций» (РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 47. Л. 8). Далее А. А. Бобринской обрисовывал ситуацию, когда в вопросах о сохранении и реставрации памятников зодчества в противовес друг другу действуют три силы: Археологическая комиссия, Духовное ведомство, Московское археологическое общество.

7 октября 1899 г. МВД запросило заключение ИАК по вопросу об открытии XII Археологического съезда в Харькове. 9 ноября А. А. Бобринской высказывает свое мнение по поводу регламента работы подобных мероприятий. Он предлагает сократить количество лиц, принимающих участие в постановлениях Съезда, поскольку это право предоставляется всем, кто заплатил 4 руб. вступительного взноса. В итоге постановления и ходатайства съездов превращаются в изъявление пожеланий случайно съехавшихся лиц, большинство из которых слабо знакомо с археологией. По его мнению, правом голоса на съездах должны обладать лишь члены научных учреждений, следует усилить влияние Министерства народного просвещения и его представителей на ход работы съездов, а также ограничить сроки их проведения и принципиально сократить предлагаемую программу вопросов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 221. Л. 1–3). Необходимо отметить, что ИАК старалась как можно более полно отражать

на страницах своих изданий весь ход подготовки и проведения Археологических съездов (Харьковская губерния 1902: 66–67; [Заседание...] 1903: 22–23; Перечень 1903: 97–98).

Впоследствии в связи с укреплением позиций ИАК в культурной и научной жизни мнение П. С. Уваровой по поводу приглашения представителей Комиссии к участию в Археологических съездах серьезно изменилось. Так, в связи с началом подготовки XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. 23 января 1908 г. МАО не просто приглашает членов Комиссии к участию в предварительном комитете, но напрямую просит помочь ИАК в организации этого мероприятия, в частности, путем проведения археологических исследований (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 36. Л. 1), однако, согласно резолюции А. А. Бобринского, Комиссия не имела в это время возможности предпринять крупные раскопки в Северной России. 20 марта со стороны МАО возникает альтернативное предложение: провести съезд в Севастополе, так как многие члены общества настаивают на его проведении именно там с целью ознакомиться с результатами исследований Херсонеса. Однако, по мнению графини, «это может состояться только при условии содействия ИАК» (Там же). Несмотря на полное согласие и сочувствие этой идее со стороны А. А. Бобринского, съезд был все же назначен в Новгороде.

П. С. Уварова и МАО были не одиноки в своих претензиях к ИАК. 27 апреля 1891 г. А. А. Бобринской был вынужден писать попечителю Виленского учебного округа о том, что инспектор Витебской дирекции народных училищ Евдоким Романович Романов (1855–1922), член МАО, выступая 6 января 1891 г.

на заседании предварительного съезда в Вильно, заявил, что в западные губернии приезжают заграничные ученые и дилетанты для производства раскопок, что не вызывает противодействия ИАК, а также о том, что закон 1889 г. «превратился в средство для стеснения деятельности людей... науки, поставив их под контроль урядников и волостных писарей». Вкратце излагая историю археологических исследований Северо-Западного края и контроль над ними со стороны ИАК, А. А. Бобринской упомянул выдачу Комиссией Открытых листов самому Е. Р. Романову на исследования Люцина и Могилева, Э. А. Вольтеру, В. З. Завитневичу и Н. П. Авенариусу на исследования в Гродненской, Виленской и Минской губерниях, а также генералу Иохеру и помещику Шукевичу на раскопки курганов в Витебской губернии. В заключение он выражал недоумение, высказывал ли Е. Р. Романов свое личное мнение, или он был уполномочен на это учебным округом. С самого Е. Р. Романова попечителем учебного округа были потребованы объяснения, где именно происходят «безобразия по археологической части», на что тот не смог ответить ничего вразумительного, несмотря на предоставление 10 августа 1892 г. пространной объяснительной записки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 207. Л. 3 — 4 об., 37 — 41 об.).

Определенное непонимание содержания и значения Высочайшего повеления 1889 г. демонстрировало не только научное сообщество, но и российская бюрократия. В мае 1892 г. в газетах появилось сообщение о том, что член РАО Дмитрий Иванович Эварницкий (1850–1940) будет назначен туркестанским генералом-губернатором чиновником для особых поручений с заведованием

археологическими раскопками. Уже 16 мая А. А. Бобринской предупреждает губернатора, что работы могут проводиться исключительно с разрешения ИАК при условии представления мотивированной программы исследования и научных отчетов. 23 июня он получает губернаторский ответ в том духе, что чиновнику пока поручено лишь изучение края в топографическом отношении, знакомство с местами обнаружения старины и обзор соответствующей литературы. Генерал, не совсем, очевидно, понимая, о чем идет речь, выразил согласие, чтобы его подчиненный занимался археологическими раскопками, в том числе «и по поручению ИАК», и попросил выдать Д. И. Эварницкому такое же разрешение, что 4 августа 1889 г. было выдано Евгению Федоровичу Калю (1861–1891) (Историография 1974; РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 255–257). В мае 1894 г. степной генерал-губернатор М. А. Таубе утвердил «Положение об Археологической комиссии при Западносибирском отделе Русского географического общества», наделив ее «правом на раскопки» безо всякого упоминания ИАК, по поводу чего председателю Комиссии пришлось вновь обращаться в МВД (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 270–272). 10 ноября 1894 г. по инициативе А. А. Бобринского российским губернаторам было циркулярно разослано подтверждение, что все случайные археологические и нумизматические находки должны доставляться в ИАК (Там же. Л. 277).

30 ноября 1895 г. А. А. Бобринской, обратившись к министру юстиции Н. В. Муравьеву, предложил ввести в Уложение о наказаниях статьи за самовольные раскопки, разрушение древних памятников в корыстных или

строительных целях и об ответственности руководства строительством железных и шоссейных дорог в случае, если оно осуществлялось без ведома Комиссии и вело к разрушению памятников древности.

Нарушение повеления 1889 г. на то время могло лишь наказываться мировыми судьями в соответствии с 29-й статьей Уложения в размере 15 руб. «за неисполнение законных распоряжений, требований или постановлений... властей». 550-я статья того же Уложения, которая могла применяться к лицам, производившим самовольные раскопки, сталкивалась со сложностью экспертной оценки казенного убытка. Предложение было передано в Особое совещание при Министерстве юстиции, о чем в Комиссию было сообщено только в январе 1897 г. (Там же. Л. 321 — 332 об., 344–345; РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 174. Л. 44–45).

10 апреля 1896 г. А. А. Бобринской предложил внести в инструкцию урядников две специальные статьи, направленные на привлечение низших полицейских чинов к надзору за производившимися на казенных землях работами и за найденными на них вещами. Статьи предусматривали обязанность урядников следить за тем, чтобы раскопки велись только при наличии разрешения Императорской археологической комиссии и чтобы случайно обнаруженные древности напрямую доставлялись в Комиссию в сохранном виде (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 337–338; РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 174. Л. 46 — 46 об.). В просьбе А. А. Бобринскому было отказано по причине того, что должностные урядников были учреждены не во всех местностях Российской империи, в связи с чем Министерство внутренних дел посчитало, что «включение

в инструкцию полицейским урядникам обязанности по охране предметов древности едва ли будет способствовать целям Археологической комиссии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 339 об.). Таким образом, инициатива Императорской археологической комиссии по реформированию существующего законодательства с внесением дополнительных статей, направленных на привлечение к охране древностей полицейских чинов и на ужесточение наказания за разграбление и уничтожение памятников старины, не нашла поддержки в структурах, от которых зависело их утверждение.

4 марта 1898 г. А. А. Бобринской вновь обращается к министру внутренних дел А. Д. Оболенскому с предложением образовать особую министерскую Комиссию по изучению и сохранению старины с функциями составления списка памятников или хотя бы соответствующие отделения при губернских статистических комитетах, поскольку это не повлечет за собой особых расходов (Там же. Л. 362–365). Напомним, что именно Департамент общих дел МВД, в соответствии с пунктом 10 ст. 372 т. 1 ч. 2 Свода законов, должен был собирать сведения о памятниках древности. Однако эта инициатива тоже не получила продолжения. После отклонения проекта А. А. Бобринского 1898 г. Министерство внутренних дел попыталось разрешить проблему составления перечня древностей, подлежащих охране, путем издания циркуляра от 6 сентября 1901 г. «губернаторам, градоначальникам и обер-полицеймейстерам о представлении списков памятников старины» (Там же. Л. 435; Охрана памятников 1978: 153–154), находящихся на подведомственной им территории.

Циркуляр предписывал доставить в Министерство внутренних дел в течение полугода точный список памятников с приложением рисунков, чертежей, фотографий, подробного описания, исторической справки, оценки их состояния с указанием сумм, требующихся на их поддержание или восстановление. При этом в постановлении совершенно не указывалось, каким образом и кем должна быть организована процедура сбора этих сведений. Специалистов, способных осуществить заданную программу и дать всестороннюю научную оценку памятника, на местах было недостаточно. Требуемые сведения поступили в министерство только к 1905 г., однако они зачастую не соответствовали целям сохранения культурного наследия (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 436 — 437 об.; ср.: Охрана памятников 1978: 153–154, 338). Поэтому данное распоряжение также не принесло ощутимых результатов и не улучшило состояние дела охраны памятников.

24 февраля 1904 г. А.А. Бобринской обратил внимание МВД на крайне неудачную, по его мнению, реставрацию романского собора в Плоцке, и уже 30 апреля министерство разослало предложение Духовным установлениям иностранных исповеданий о необходимости соблюдения 2-го пункта повеления 1889 г., касающегося реставрации памятников монументального зодчества. Такие предложения были направлены Эчмиадзинскому армяно-григорианскому синоду, Римско-Католической духовной коллегии, Евангелическо-лютеранской генеральной консистории, Варшавской евангелическо-аугсбургской консистории, Варшавской евангелическо-реформатской консистории и Виленской

евангелическо-реформатской коллегии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 462 — 464 об.; см. об этом: Musin 2017a).

ИАК пыталась урегулировать отношения и с зарубежными исследователями, рассчитывавшими проводить археологические раскопки на территории России. 29 января 1898 г. П.С. Уварова обратилась к наместнику на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу «с ходатайством о принятии административных мер к охранению древностей и научных богатств Кавказа» прежде всего от иностранных исследователей, проводящих раскопки на частных землях и вывозящих находки за границу. Письмо было переправлено в ИАК, и 19 февраля А.А. Бобринской отвечал наместнику, что введенная ему Комиссия по мере сил пытается воспрепятствовать продаже отечественных древностей за границу, однако не имеет правовых оснований воспретить раскопки на частных землях и контролировать судьбу найденных здесь археологических предметов, заметив при этом, что само МАО зачастую не исполняет существующих законов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 356 — 359 об.).

В начале XX в. участились попытки реформирования законодательства в области охраны памятников. В 1902 г. Государственный совет признал «крайнюю недостаточность и отрывочный характер содержащихся в действующем Строительном уставе (1900 г.) постановлений, касающихся древних памятников и зданий» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 17). В 1903 г. при Техническом строительном комитете Министерства внутренних дел была образована особая Комиссия для рассмотрения проекта нового Строительного устава.

Предполагалось включить в него отдельную главу, посвященную правилам по «сохранению и исправлению древних зданий и общественных памятников». Так как Археологическая комиссия с 1889 г. регулировала вопросы реставрации и ремонта древних монументальных памятников и намеченные изменения в Строительном уставе напрямую касались ее деятельности в этой сфере, 14 марта 1903 г. Техническо-строительный комитет направил А. А. Бобринскому первоначальный проект с просьбой сделать свои замечания и принять участие в заседании по его обсуждению (Там же. Л. 1–2).

Основные положения проекта практически целиком повторяли статьи уже утвержденного в 1900 г. Устава, только в усовершенствованном виде. В нем фиксировались ответственность городских властей за сохранность древних зданий церковной и крепостной архитектуры и скульптурных памятников, обязательность предварительного соглашения о реставрации монументальных памятников с Императорской археологической комиссией и Академией художеств. Нововведение заключалось только в идее составления единого списка всех памятников старины, которое возлагалось на губернские строительные отделения, с последующим разделением их на две категории (общественного и общегосударственного значения) для обозначения степени их защиты.

Видимо, по причине незаконченности и отрывочности положений проекта участники особой Комиссии отклонили его принятие на заседании 20 марта 1903 г. Работа над Уставом продолжилась, и уже в конце апреля в Археологическую комиссию для составления письменного заключения поступил еще один проект (Там же. Л. 7–10). В нем

был расширен список древних памятников, попадающих под действие новых правил. Существенным дополнением стали статьи, затрагивающие право частной собственности. Они предполагали возможность отчуждения памятника старины, находящегося на частной земле, в государственную собственность в случае признания его особого исторического или художественного значения. При любом планирующемся ремонте или изменении такого объекта требовалось получение согласия Археологической комиссии, обязательное предварительное исследование путем осмотра, фотографирования, снятия чертежей, составления подробного описания при участии специалиста, производство работ должно было сопровождаться наблюдением сотрудника ИАК. Во всех означенных случаях предусматривалась денежная компенсация владельцу. Проект также предлагал ввести наказание за «перемещение, снесение или разрушение памятников старины без надлежащего разрешения», вплоть до заключения виновного в тюрьму сроком от двух до четырех месяцев. Археологическая комиссия внесла небольшие поправки и в своем письменном заключении в целом одобрила проект новых правил «об охране древних памятников и зданий» Строительного устава. Несомненно, законодательное утверждение проекта внесло бы значительные изменения в состояние дела охраны древностей в России, но оно так и не состоялось.

В декабре 1904 г., вновь по предложению Государственного совета, вызванному на сей раз безграмотной реставрацией храма в Муроме, была создана Особая комиссия при МВД по пересмотру действующих постановлений об охране древних

памятников и зданий, которую возглавил член Совета МВД С.П. Суходольский. В ее состав вошли сотрудники Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения, Военного министерства, Министерства императорского двора. В Особую комиссию входили также председатель ИАК А.А. Бобринской и два ее члена Н.В. Покровский и Н.В. Султанов, и бывший член Комиссии Н.П. Кондаков от Академии художеств. Основные положения, выработанные комиссией в заседаниях 22 февраля, 7, 14 и 28 марта и 14 апреля 1905 г., сводились к следующему. Речь шла о памятниках и их археологическом значении, но не о памятниках археологии вообще. Ведению нового положения подлежали движимые и недвижимые памятники, вплоть до памятников письменности. Предполагалось, что будет составлен общий каталог памятников, которые должны быть разделены на две группы. Первые, наиболее значимые, подлежали особой заботе правительства. Сама охрана должна была осуществляться «центральным охранительным органом» и сетью местных учреждений, которые обладали бы наблюдательными и исполнительными функциями. Наблюдательные функции таких органов должны были распространяться на памятники, находящиеся в пользовании ведомств и учреждений, реставрация и ремонт которых должны были осуществляться на ведомственные средства. Исполнительная функция касалась памятников, которые не находились в ведомственном использовании. В данном случае охранительные органы имели обязанностью непосредственно производить ремонт приходящих в ветхость памятников старины

за казенный счет. Само понятие «древности» было связано со 150-летним периодом жизни памятника.

Дополнительно Департамент общих дел МВД вновь предложил проект разделения империи на соответствующие округа во главе с местными археологическими обществами. Таких округов было 15: Санкт-Петербургский, Псковский, Виленский с входившими в него Ковенской и Гродненской губерниями, Прибалтийский (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии), Московский, Казанский, Харьковский, Киевский, обнимавший также Минскую, Могилевскую, Волынскую и Подольскую губернии, Варшавский, включавший в себя губернии Привислинского края, Одесский, Кавказский, Оренбургский, Сибирский, Минусинский и Туркестанский. ИАК никак не упоминалась в числе ответственных учреждений. К числу неразрешенных вопросов были отнесены статус памятников, находящихся в частной собственности, степень вмешательства охранительных органов в их охрану, возможность отчуждения подобных памятников. Рассматривалась и роль архивных комиссий в охране местных древностей, а также возможность инвентаризации памятников раз в три года.

После всестороннего обсуждения Положений и сбора мнений всех компетентных организаций предполагалось создать специальную комиссию в составе Министерства императорского двора для «высшего наблюдения за сохранением памятников древности», которая должна была стать координирующим «охранительным» центром, доработать окончательный вариант Положений по охране древностей и представить его на утверждение в законодательные органы. На Комиссию возлагались бы утверждение и издание

свода памятников, подлежащих государственной охране; решение всех спорных вопросов; составление смет расходов и поиск финансового обеспечения охранительных мероприятий, осуществление контроля за деятельностью местных органов охраны памятников и разработка инструкций для них (ср.: Охрана памятников 1978: 163–164). Согласно проекту, она наделялась широким спектром прав.

Комиссия составлялась из представителей от министерств: императорского двора, военного, внутренних дел, народного просвещения, финансов; от Государственного контроля и Духовного ведомства. В ее состав также должны были обязательно войти главы основных научных организаций и государственных ведомств, в ведении которых находились памятники: вице-президенты Академии наук и Академии художеств, председатель Археологической комиссии, председатели Техническо-строительных комитетов при Святейшем Синоде и при Министерстве внутренних дел, директор Археологического института (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 18 — 19 об.). Таким образом, центральный орган охраны памятников объединил бы и компетентных ученых, наиболее близко знакомых с проблемами, и чиновников государственных ведомств, которые обладали исполнительной властью. Подобный союз мог бы вполне привести к успешному осуществлению выработанной программы мер по улучшению состояния дела сохранения национального наследия России. Но и этот проект не состоялся.

Особая комиссия МВД, чьи занятия были прерваны в июне 1905 г. болезнью С.П. Суходольского и общественной нестабильностью в России

1905–1907 гг., возобновила свою работу только 11 мая 1908 г. Председателем комиссии был назначен Н.В. Султанов, его заместителем — член Совета МВД И.Я. Гурлянд. Еще одной причиной промедления в ее работе стало «крайне медленное поступление от учреждений и обществ отзывов на труды комиссии» (Охрана памятников 1978: 181).

Археологическая комиссия тоже не спешила представить свое заключение. Запросы от Министерства внутренних дел поступали в течение 1905 г. и 1906 г. несколько раз. Сохранился проект ответа ИАК, составленный в 1906 г. В нем Комиссия уведомляла, что «реальная охрана памятников древности путем широкого развития специальных органов или же путем назначения огромного количества надсмотрщиков физически немыслима и, сверх того, разорительна для государства» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 30). Со своей стороны Комиссия считала, что для «действительной охраны памятников старины необходимо: 1) чтобы специальным государственным актом памятники древности были признаны собственностью государства, за исключением находящихся на частных землях, 2) чтобы право разрешения исследования памятников древности, соединенного с их порчей или уничтожением, предоставлено было органам правительства, 3) чтобы за нарушения права собственности на памятники древности и права на их исследование назначены были соответствующие наказания по мировому и уголовному уставам» (Там же. Л. 30, 30 об.). Но, видимо, этот документ так и не был отправлен в министерство.

Перед работой нового Совещания Н.В. Султанов летом 1908 г. был командирован министром внутренних дел

на XIV Археологический съезд, где он обратился к Ученому комитету Съезда с просьбой обсудить те меры, которые необходимо принять для сохранения памятников старины, чтобы представить их правительству в виде пожеланий Съезда. По возвращении Н.В. Султанов сделал доклад, в котором обозначил 13 главных положений, выработанных XIV Съездом (Там же. Л. 70).

Основные пункты вновь касались наиболее острых, но неразрешенных проблем в деле охраны памятников: вывоз за границу, формирование правовой системы с введением в законодательном порядке наказания за разрушение памятников старины, возможность их отчуждения правительством из частных рук, увеличение ассигнования ежегодных сумм на цели охраны, разделение государства на археологические округа. Каждый округ возглавлялся бы ученым археологическим или историческим обществом, на них возлагались регистрация памятников и попечение об их сохранении. Для руководства и координации всех действий предлагалось создать в Санкт-Петербурге междуведомственное правительственное учреждение с представителями министерств, Духовного ведомства и научных организаций (Материалы... 1911: 57–58).

В 1909 г. «комиссия Султанова» была преобразована в Межведомственную комиссию, уже под председательством самого И.Я. Гурлянда, возглавившего эту структуру после кончины Н.В. Султанова. В работе этой комиссии также принимали участие председатель ИАК и ее члены: Б.И. Ханенко, Н.В. Покровский, Н.И. Веселовский и бывший член Комиссии, в то время член Археологической комиссии В.Г. Дружинин (Охрана памятников 1978: 340–343).

Министерство внутренних дел повторило свой запрос в научные учреждения, в том числе и в Археологическую комиссию, о предоставлении подробного разбора проекта, составленного в 1905 г. В ответ Комиссия уведомила министерство, что она не составила своего отзыва «вследствие невероятной легкомысленности проекта» и в силу того, что все ученые общества (в том числе Русское и Московское археологические общества) уже дали отрицательные отзывы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 57). И так как уже намечался созыв нового совещания для выработки законодательства по охране памятников, Археологическая комиссия не видела смысла в разборе проекта 1905 г. еще раз, а предлагала обсудить эти проблемы в предстоящих заседаниях на новом уровне.

В задачи новой Комиссии теперь входила «выработка основных положений нового закона об охранении не только древних памятников и зданий, но и вообще — об охранении памятников старины в самом широком смысле этого слова» (Там же. Л. 73), в список охраняемых объектов предполагалось внести и все памятники искусства, а также письменные документы. Заседания возобновились в январе 1909 г. Состав Комиссии был более представительный и расширенный, чем в предыдущий раз. Она включила как чиновников из различных министерств, так и компетентных специалистов из правительственных научных организаций (Охрана памятников 1978: 341–343).

Главными предметами обсуждения межведомственной комиссии стали «вопросы материального права охраны» и порядок «организации охраняющих учреждений». Наилучшим

способом для юридического обоснования к признанию предмета древним и поэтому требующим постановки его на государственную охрану Комиссия сочла повсеместную регистрацию памятников, которая подразумевала «изучение их на месте, классифицирование и занесение в особые реестры в точном порядке, имеющем значение юридического акта» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 105). Все памятники делились на две категории: находящиеся в использовании и распоряжении разных ведомств и учреждений и принадлежащие частным собственникам. Охрана первой группы регулировалась общеустановленными правилами. Во втором случае предусматривалось право правительства на преимущественную покупку древностей, найденных в частных владениях; ограничение вывоза их за границу; в исключительных ситуациях возможность отчуждения памятников выдающегося исторического, археологического или художественного значения в пользу государства. До окончания составления полного перечня памятников охране должны были подлежать все памятники, датирующиеся до 1725 г.

Организационную структуру учреждений, занимавшихся охраной памятников, по проекту предполагалось создать следующим образом. Для работы на местах использовать «существующие археологические силы», объединенные под руководством и наблюдением высшего охраняющего учреждения» в Санкт-Петербурге «в составе Министерства внутренних дел, с наименованием “Комитета по охране древностей”». В его состав должны были войти представители от различных министерств, обладающие исполнительной властью, и деятели культуры и науки. Комитет наделялся широкими

правами, в том числе ему отдавались главные полномочия в регистрации памятников и в утверждении их списков, в координации действий местных организаций, в распределении государственного финансирования на реализацию охранных мероприятий и деятельность органов охраны древностей и многие другие (Охрана памятников 1978: 254–260). Согласно положениям проекта право разрешения всех дел по реставрации древних памятников также принадлежало Комитету. Таким образом, Археологическая комиссия при условии утверждения проекта потеряла бы часть своих функций.

Археологическая деятельность в России оставалась в компетенции Императорской археологической комиссии, причем ее полномочия были расширены, ей предоставлялось исключительное право производства раскопок не только на казенных и общественных, но и на частных землях по соглашению с владельцем (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 221 об.). В проект был введен пункт, согласно которому для проведения раскопок частными лицами на принадлежащих им землях требовалось получение обязательного разрешения от ИАК.

Ограничения права вывоза предметов древности за границу также фиксировались статьями проекта. Древности, находящиеся во владении частных лиц, могли «быть вывозимы за границу лишь после того, как со стороны Комитета по охране древностей последует удостоверение, что Правительство отказывается приобрести их» (Там же. Л. 270 об.).

В заседаниях межведомственной комиссии были также выработаны и внесены в проект положения о правовой ответственности виновных

в нарушении закона об охране памятников, которая выражалась в зависимости от нанесенного ущерба в значительных денежных штрафах либо в тюремном заключении. За наиболее тяжкие нарушения было определено наказание в виде лишения свободы на срок в 1 год и 4 месяца (Там же. Л. 105). Денежные средства, получаемые от наказаний в виде штрафов, должны были перечисляться на нужды центрального комитета охраны памятников. В совместном совещании с представителями Министерства финансов и Государственного контроля были определены суммы ежегодного финансирования деятельности по охране древностей в России как на проведение мероприятий по поддержанию сохранности памятников, так и на работы охранительных организаций.

29 октября 1911 г. министр внутренних дел А. А. Макаров внес проект «Положения об охране древностей», разработанный «комиссией Гурлянда», в Государственную думу для утверждения. В Думе для предварительного редактирования проекта образовалась комиссия под председательством Е. П. Ковалевского. В 1912 г. он послал в Археологическую комиссию как в компетентную в вопросах исследования и сохранения памятников старины организацию приглашение к участию в обсуждении законопроекта с просьбой высказать мнение на заседании организованной при Государственной Думе особой комиссии. В результате представителями ИАК были назначены А. А. Бобринской и Н. И. Веселовский (Там же. Л. 286–287).

В мае 1912 г. Е. П. Ковалевский представил отредактированную версию законопроекта в Думе. В процессе рассмотрения в Думской комиссии

он претерпел существенные изменения. Все правила, касающиеся частной собственности, подверглись обработке. Из положений были исключены как нецелесообразные постановления о преимущественной покупке правительством предметов древности, находящихся в частном владении, и о запрещении вывоза их за границу, отказано также было и в расширении полномочий Археологической комиссии на производство раскопок на частновладельческих землях и на контроль над ними. По вопросу о вывозе исторических памятников за границу думская комиссия внесла поправку, в которой говорилось об обязанности Комитета принять меры для охраны древностей и защиты их от вывоза из России, однако без нарушения чьих-либо прав. Поэтому исполнение этого требования становилось проблематичным. В целом в представленном проекте пожелания ученых практически не учитывались. Главным образом, он был направлен на создание единой централизованной государственной системы охраны памятников, однако сфера ее деятельности оставалась бы весьма ограниченной. В случае принятия законопроекта в таком варианте вновь утвержденная организационная структура не способна была регулировать состояние сохранности всех объектов старины в России, так как статьи, позволявшие контролировать вопросы охраны древностей, находящихся в частном владении, и проблемы их вывоза за границу, были изъяты (Там же. Л. 259–282).

Критика проекта прозвучала со стороны Академии художеств, Московского археологического общества, Общества архитекторов-художников и Общества защиты и сохранения в России памятников искусства

и старины, Императорской археологической комиссии (Охрана памятников 1978: 285–305). Мнение Императорской археологической комиссии по поводу законопроекта по охране памятников 1912 г. в редакции комиссии Государственной думы выразилось в отзыве П.П. Покрышкина, составленном осенью 1913 г. по просьбе А.А. Бобринского (Там же. Л. 123–135).

П.П. Покрышкин подробно рассмотрел положения проекта, особенно в пунктах, касающихся охраны архитектурных памятников, внес свои поправки и высказал соображения, каким образом возможно улучшить состояние дела охраны памятников монументального зодчества. Основной недостаток он видел в способе формирования и составе предполагавшегося руководящего органа охраны. П.П. Покрышкин считал неоправданной передачу всех реставрационных дел в ведение «учреждения, которое совершенно порывает связь с архитектурной археологией, ибо среди 12 его членов только один архитектор — представитель Императорской Академии художеств» (Там же. Л. 123). Он указал на то, что реставрационные заседания Археологической комиссии составлялись из наиболее компетентных лиц и достигли большого опыта в деле «решения судьбы памятников зодчества». Поэтому своими поправками он предложил ограничить функции Центрального комитета и оставить за реставрационными заседаниями ИАК роль непременного совещательного органа при рассмотрении всех вопросов, связанных с ремонтом архитектурных памятников.

П.П. Покрышкин указывал, что регистрация памятников древности требует долгие годы из-за отсутствия

нужного количества специалистов, а предполагаемая в проекте быстрая регистрация местными силами повлечет за собой составление «дилетантских списков», которые «послужат» причиной «уничтожения множества памятников древности» (Там же. Л. 123 об.). Он также предлагал предоставить реставрационным заседаниям ИАК право утверждения реестра древностей, подлежащих охране, при этом до окончания составления такого реестра охрана должна была распространяться на все здания, построенные до 1825 г. (в проекте до 1725 г.).

По его мнению, следовало увеличить суммы кредитов на ремонт и реставрацию памятников древности и усилить состав Центрального комитета еще пятью специалистами по архитектуре: три от Императорской археологической комиссии и два от Техническо-строительных комитетов при Святейшем Синоде и при МВД. В связи с тем, что он предусматривал предоставление широких полномочий в этой области реставрационным заседаниям Императорской археологической комиссии, в заключение рапорта он предложил проект преобразования их в специальный архитектурный отдел, где обозначил основные положения деятельности отдела, составил смету на его организацию, включил в состав ИАК еще пять архитекторов (Там же. Л. 129). Необходимость создания нового отдела он обосновал статистикой, красноречиво свидетельствующей об активной и плодотворной деятельности реставрационных заседаний ИАК в течение предыдущего десятилетия, и невозможностью справиться с огромным наплывом дел в прежнем составе (Там же. Л. 130–135).

Все научные и художественные организации, высказавшие свое мнение,

признали правительственный проект совершенно не жизненным и не соответствующим давно назревшей потребности в принятии серьезных и безотлагательных мер к ограждению от разрушений и порчи имеющихся в России памятников древности. По причине негативной реакции ученой общественности на проект Дума направила его на доработку. До 1917 г. было еще несколько попыток пересмотреть его положения.

В 1913 г. следующий вариант законопроекта по охране памятников был внесен на рассмотрение Думы (Охрана памятников 1978: 14). Он содержал ряд незначительных положительных изменений, но опять не решал проблемы с частной собственностью и вывозом древностей за границу. В конце 1913 г. А.А. Бобринской получил уведомление о предстоящем пленарном заседании Государственной думы по вопросу обсуждения законопроекта по охране древностей и о том, что его планируют пригласить в качестве представителя от Министерства императорского двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 292). Но начало Первой мировой войны приостановило рассмотрение проекта.

Обстоятельства военного времени значительно ухудшили состояние дела охраны отечественных древностей в России. Гибель исторических и художественных памятников в зоне боевых действий, участвовавшие случаи расхищения и неконтролируемого вывоза национальных ценностей за границу требовали принятия срочных мер для их сохранения. В печати неоднократно появлялись сообщения о непрекращающейся продаже частным лицам старинных икон. В обществе складывалось мнение, что они скупались пленными и интернированными германцами и австрийцами и впоследствии вывозились

за пределы России, на Северо-Западе через Финляндию и Архангельск (РО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–2). 18 февраля 1916 г. графиня П.С. Уварова написала по этому поводу министру внутренних дел. Одновременно подобную озабоченность высказал и ряд членов Государственного совета, которые обратили внимание министра на необходимость принятия полноценного закона об охране древностей. 19 апреля председатель Государственной думы М.В. Родзянко официально возвратил министру внутренних дел Б.В. Штюрмеру этот документ (Охрана памятников 1978: 309–319).

16 апреля 1916 г. директор Департамента общих дел МВД П.П. Стремоухов направил председателю ИАК А.А. Бобринскому отношение о необходимости создания совещания для переработки положения об охране древностей (Там же: 315–318). Речь шла не только о разработке нового закона, но и об исполнении Положения об эвакуации культурных ценностей, о недопущении их контрабанды, о судьбе Остробрамской иконы Божией Матери и др. Отношение включало в себя предложение по составу и процедуре работы будущего совещания. 13 сентября 1916 г. министр внутренних дел А.А. Хвостов в своем докладе Николаю II сообщил о необходимости образования Особого совещания для пересмотра законопроекта об охране памятников древности. Во главе Совещания он предложил поставить лицо, «занимающее высокое служебное положение» и «пользующееся известностью в области археологии». В наибольшей степени этим критериям отвечал лишь председатель ИАК А.А. Бобринской, который в это время был не только сенатором, обер-гофмейстером

Высочайшего двора и членом Государственного Совета, но и министром земледелия. 15 сентября в Ставке император наложил резолюцию: «С», что означало «Согласен» (Там же: 325–327). В работе Совещания должны были принять участие представители правительственных учреждений и члены различных ученых, художественных и исторических обществ. Благодаря двум упомянутым критериям А. А. Бобринской обладал доверием с обеих сторон, что, возможно, ускорило бы

принятие обоюдного решения по спорным вопросам.

К сожалению, изменившаяся политическая ситуация в России не позволила продолжить работу Совещания. Однако представляется очевидным, что логика исторического развития России впервые поставила ИАК во главе разработки всеобъемлющего закона об охране культурного наследия страны, что свидетельствовало о высоком авторитете, которым заручилась Комиссия за полвека своего существования.

XV

В организации повседневной деятельности ИАК А. А. Бобринской в полной мере воспользовался теми направлениями и связями, которые сложились еще в «эпоху Строганова». Прежде всего, это касалось контроля над обнаружением памятников древности во время прокладки и строительства железных дорог. Традиция этих мероприятий поддерживалась и при А. А. Васильчикове. 22 мая 1885 г. от имени ИАК офицерам, ответственным за строительство дороги от Самары на Уфу и Златоуст, были разосланы напоминания о том, что «во избежание утайки и уничтожения рабочими древностей» им необходимо объявить о вознаграждении за такие находки. Позднее, в октябре 1886 г. и в мае 1888 г., ИАК предприняла меры по контролю над работами на Керченско-Еникальском канале и при прорытии Перекопского перешейка, также на Джанкойско-Феодосийской железной дороге (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 26. Л. 91, 92, 95).

18 мая 1891 г., по инициативе ИАК, стас-секретарь и министр путей сообщения Адольф Яковлевич Гюббенет (1830–1901) издал приказ

«учреждениям и должностным лицам Ведомства путей сообщения оказывать всевозможное содействие в деле разыскания и охранения памятников отечественной старины, для чего заблаговременно сообщать в Археологическую комиссию сведения о направлениях проводимых дорог и о производстве таких земляных работ, которые подают повод рассчитывать на открытие древностей... а также в контракты на подряды по земляным работам включать непременно условие о сохранении и доставлении в Археологическую комиссию всех остатков древности, которые могут быть найдены при таких работах» (Там же. Л. 108). В результате в Комиссию стали поступать карты прокладки новых путей, в частности из Общества Юго-Западной железной дороги. В марте 1893 г. в Комиссию поступили планы прокладки дороги от Челябинска до Иркутска. Как сообщал начальник работ по постройке Западно-Сибирской железной дороги, «при производстве земляных работ на вверенной мне дороге никаких археологических находок не оказалось» (Там же. Л. 113, 123, 125, 126).

Монеты, найденные при строительстве порта на Карантинной горке в Феодосии,
Боспорское царство, 163 г. н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 26. Л. 115)

«Наконечник» из каменных «мар», разрушенных при строительстве Рязано-Уральской железной дороги (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 26. Л. 152)

Впрочем, в июне 1892 г. от председателя комиссии по устройству коммерческих портов в ИАК поступила монета Тиверия Юлия Евпатора 162 г. чеканки, найденная при работах в Феодосии (Там же. Л. 115).

В 1895–1897 гг. ИАК оказалась вовлечена в скандал, связанный с разрушением каменных «мар» — курганов при прокладке Рязанско-Уральской железной дороги в районе станции Круглозерной. Строители XIX в., почти как их современные коллеги, утверждали 1 декабря 1895 г. от имени министерства, что «полоса отчуждения Покровско-Уральской железной дороги» не захватила ни одного кургана, хотя впоследствии выяснилось, что на 336-й версте рабочими были выкопаны «скелеты и наконечники», а также несколько бронзовых «поделок» (Там же. Л. 127 — 132 об., 138, 144 — 147 об.). В конце концов, бронзовый наконечник стрелы и бронзовая пряжка в 1897 г. все-таки были доставлены в ИАК и переданы в Российский

исторический музей (Там же. Л. 151–153). В январе 1902 г., в связи со скандалом о расхищении вещей из курганов на линии Новосokolьники — Витебск, Общество Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги утверждало, что никаких древних могил и ничего заслуживающего внимания, кроме монет Сигизмунда III, во время работ встречено не было (Там же. Л. 154 — 156 об.). Комиссия реагировала и на «сигналы с мест»: в мае 1912 г. Ставропольская архивная комиссия обратила внимание ИАК на разрушение Азовского городища при строительстве зданий Обществом Владикавказской железной дороги (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 26. Л. 161–163), а в апреле 1914 г., в связи с прокладкой подъездных путей к Педжикенту через Афрасиаб, ИАК обращалась к производителю работ с просьбой «содействия беспрепятственному допущению» ее представителей для производства археологических наблюдений (Там же. Л. 179–181).

«Новостроечные наблюдения» не ограничивались только железнодорожным строительством и контактами с офицерами-путейцами. Как и ранее, ИАК стремилась привлечь к надзору за строительными работами в исторических городах местную интеллигенцию. Так, 8 мая 1912 г. недавно образованному Киевскому обществу охраны памятников старины и искусства был выдан Открытый лист на «раскопки в Киеве и его окрестностях в случае открытия остатков старины при прокладке водопроводных и канализационных труб, постройки домов, устройстве трамвайного сообщения, электрического освещения, мостовых и т.п.» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 142. Л. 4). При строительстве епархиального дома на месте консистории в Новгородском кремле летом 1911 г. наблюдения были поручены членам Новгородского общества любителей древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 83. Л. 2, 11–14).

В «эпоху Бобринского» продолжалось и сотрудничество с губернской общественностью в лице статистических комитетов. Однако в деле сохранения и изучения отечественных древностей у ИАК появились новые контрагенты — губернские ученые архивные комиссии, созданные указом 13 апреля 1884 г. по предложению Н.В. Калачова (1819–1885), а также Археологические институты в Петербурге (1878) и в Москве (1907) (Покровский 1909а: 27–48). Появление в прессе материалов о плодотворной работе архивных комиссий, в частности, в № 140 «Правительственного вестника» за 1886 г., заставило ИАК обратиться к сотрудничеству с ними (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 43. Л. 1). В целях ознакомления с деятельностью комиссий на местах летом 1886 г. А.А. Бобринской рассылает

серию писем в Кострому, Рязань, Тамбов и Тулу с почтительной просьбой доставить ему сведения об их археологической деятельности в виде присылки изданных трудов и отчетов (Там же. Л. 3, 5, 7, 8). Получение просимых сведений породило новые вопросы. 30 сентября 1887 г. ИАК обратилась в Рязанскую комиссию с просьбой о присылке рисунков и фотографий памятников, открытых в Касимове, о чем было упомянуто в трудах комиссии (Там же. Л. 30). Особенности отношения сложились у ИАК с Таврической архивной комиссией, об организации которой таврический губернатор В. П. Попов уведомил А.А. Бобринского лично 17 февраля 1887 г. (Там же. Л. 25). Это становится понятным, если учесть, что к тому времени основные научные интересы ИАК сосредоточивались в этом крае. 30 сентября 1887 г. председатель ИАК сам писал в Таврическую архивную комиссию, указывая, что вверенная ему организация считает своим долгом всячески содействовать ее деятельности (Там же. Л. 59–60). ИАК предоставила в распоряжение Симферопольского музея древности из Судака и Старого Крыма, а также передала ему в декабре того же года 80 дублетных предметов из подведомственного ей Керченского музея (Там же. Л. 46, 47, 48 — 49 об.). В то же время ИАК ходатайствовала перед П.С. Уваровой и Д.А. Хвольсоном, дабы те передали плиты с надписями, выпиленные на Мангупе и Чуфут-Кале, или хотя бы снимки с них в Симферопольский губернский музей древностей.

Развивались отношения ИАК и с Петербургским археологическим институтом, выступавшим «своеобразным куратором» архивных комиссий и готовившим для них ученые кадры. 12 июля 1886 г. А.А. Бобринской

адресовал в Археологический институт письмо о необходимости сотрудничества с ИАК и о доставлении ей сведений о деятельности архивных комиссий. Он мотивировал это тем, что ИАК «желала бы мало-помалу достигнуть между различными археологическими учреждениями и обществами в России того дружеского единства, без которого немыслимо правильное ведение дел» (Там же. Л. 10 — 11 об.). 17 декабря он вновь обращался в институт по поводу распоряжения Тамбовской архивной комиссии о передаче ей найденных в губернии предметов древности и их определении в местный музей, отмечая, что подобное противоречит Высочайше утвержденному положению об ИАК. В письме содержалась просьба передать губернским комиссиям соответствующие указания (Там же. Л. 12–13). В результате 11 января 1887 г. Археологический институт разослал в губернские архивные комиссии циркуляр № 1 о том, что со случайными находками надлежит поступать в соответствии с упомянутым положением, т. е. отправлять их в ИАК для последующего представления на Высочайшее воззрение (Там же. Л. 15–16).

Еще одним камнем преткновения в деле отношения с архивными комиссиями и Археологическим институтом был вопрос о древностях, принадлежавших частным лицам и выставляемых на торги. 16 июня 1886 г. Департамент общих дел МВД, по ходатайству директора Археологического института И.Е. Андреевского, разослал губернаторам циркуляр о том, что при продаже частного имущества вещи, имеющие археологическое значение, должны вноситься в описи и предоставляться на рассмотрение в архивные комиссии. Подобные описи должны были

составляться судебными приставами, и, следовательно, председатели судебных мест сами должны были озаботиться описанием и оценкой предметов древности (Там же. Л. 2 — 2 об.). 25 января 1887 г. МВД отправило этот проект на экспертизу в ИАК, предлагая его дополнить. 4 марта от имени ИАК в Департамент общих дел был отправлен ответ, где говорилось, что, несмотря на благое намерение Археологического института, предложенная им мера вряд ли применима. Составление описей потребует финансовых расходов и повлечет за собой задержку и ограничение прав собственности лиц, заинтересованных в скорейшей и более выгодной продаже частных древностей. При этом отмечалась и неопределенность инструкций, предлагаемых И.Е. Андреевским, где речь шла об абстрактных вещах, которые могут «представлять интерес». К тому же первый пункт правил утверждал, что Археологический институт либо сам приобретает эти предметы, либо предлагает это сделать ИАК. В связи с этим А.А. Бобринской писал, что в круг деятельности Комиссии «входит разыскивание и приобретение не всяких древностей вообще, а только таких, которые открыты в почве России и относятся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространствах, занимаемых ныне Россией» (Там же. Л. 17–21, 23 — 24 об.).

Несмотря на отрицательное мнение ИАК по поводу институтской инициативы, 5 июля 1887 г. МВД вторично разослало губернаторам циркуляр о необходимости производить опись предметов древности, уходящих с торгов, хотя имя самой Комиссии здесь уже не фигурировало (Там же. Л. 67–68 об.). Это не избавило

ИАК от необходимости получать подобные описи и рассматривать их. Уже 19 ноября того же года Воронежский статистический комитет прислал в Петербург опись монетам и медалям умершего коллежского советника К. Попова (Там же. Л. 69 — 72 об.).

В отношениях с Археологическим институтом было важно определить и процедуру археологических исследований. В мае 1886 г. в газетах было заявлено о предстоящей поездке Н.В. Покровского и Д.И. Прозоровского со слушателями институтов на раскопки курганов в Лужский и Псковский уезды, а также для осмотра памятников в Новгороде и Пскове. А.А. Бобринской, прочитавший эту заметку, 12 мая порекомендовал экскурсии института отправиться в Ладугу, где в это время раскопки проводил Н.Е. Бранденбург, а сам Н.В. Покровский намеревался осматривать церкви и фрески. При этом он подчеркивал, что на основе Положения об ИАК Комиссия обязана следить за археологическими раскопками, и просил сообщить, где именно институт намерен проводить исследования. 20 мая директор института И.Е. Андреевский в ответ поблагодарил за приглашение посетить раскопки в Ладогe и указал, что собственные исследования предполагается производить на станции Белой: «если эти раскопки, предпринимаемые в педагогических видах, дадут удовлетворительные результаты, то о них в начале сентября текущего года будет сделано в институте сообщение, которое, может быть, гг. члены Археологической комиссии пожелают украсить своим присутствием» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 17. Л. 20). За этими словами скрывалось полное непонимание прав и полномочий ИАК — ситуация, которая

могла быть разрешена лишь уже известным нам Высочайшим повелением 11 марта 1889 г. Все эти временные недоразумения, однако, не помешали сверхштатному члену ИАК Н.В. Покровскому в свое время возглавить Археологический институт в Петербурге.

В целом, несмотря на продуктивное сотрудничество ИАК и губернских комиссий, в Петербурге о них сложилось свое собственное мнение. Так, в связи с рассмотрением проекта архивной реформы в России Министерство императорского двора 25 июля 1903 г. прислало в Комиссию соответствующие материалы, попросив дать по ним заключение. В исторической справке сообщалось, что в настоящее время рассматриваются два варианта реформы: централизованная архивная система, предполагающая создание центрального органа архивного управления и архивов трех уровней, предложения по которой были сформулированы на Археологическом съезде 1899 г., в частности, П.С. Уваровой и Д.Я. Самоквасовым, и децентрализованная система, делающая упор на губернские ученые архивные комиссии. 23 ноября 1903 г. А.А. Бобринской отправил свои замечания на проект реформы, составленные на основе мнения Н.И. Веселовского. Отдавая в целом предпочтение губернским архивным комиссиям, он писал, что архивные комиссии должны действительно стать архивными и делать архивное дело, заключающееся в разборе, описи и хранении дел и актов, главной своей задачей. Только на этой основе они могут рассчитывать на государственную поддержку. Ныне же губернские комиссии пытаются подражать «столичным ученым обществам»: собираются в заседаниях для заслушивания рефератов, издают

труды, производят раскопки, совершают экскурсии и т. д. По мнению председателя ИАК, подобная «ученая деятельность» вряд ли заслуживает поддержки государства (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 178. Л. 1, 6 — 6 об.).

При этом ИАК достаточно активно сотрудничала с непосредственным детищем архивных комиссий — областными археологическими съездами. Возможно, члены ИАК видели здесь некоторую альтернативу съездам всероссийским. Именно на этих форумах были озвучены некоторые из новых идей А. А. Спицына и А. А. Бобринского, касающиеся славянского расселения и первобытной культуры (РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 57). Впервые подобное мероприятие, носившее тогда официальное название «съезда исследователей истории и древности Ростово-Суздальской области», состоялось в Ярославле 10–14 августа 1901 г. по инициативе профессора Санкт-Петербургского университета Э. Н. Берендтса, поддержанной ярославским губернатором Б. В. Штюмером. Содержанием этой инициативы изначально был «съезд деятелей губернских ученых архивных комиссий определенного региона». Закрывание каждого съезда сопровождалось принятием решения о времени и месте проведения следующего подобного собрания. Съезд в Твери состоялся 10–20 августа 1903 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 221). Третий и четвертый съезды, уже официально именовавшиеся «областными историко-археологическими», прошли соответственно во Владимире 20–26 июня 1906 г. и Костроме 21–29 июня 1909 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 100. Л. 1). Пятый съезд, намеченный на сентябрь 1911 г. в Нижнем Новгороде, не состоялся, в частности, из-за проведения в том же году

22 июля — 6 августа XV Археологического съезда в Великом Новгороде.

Идея организации подобного форума в Тамбове в виде созыва «археологического съезда ученых архивных комиссий средней полосы России», предложенная еще в мае 1901 г. председателем Тамбовской архивной комиссии А. Нариевым, не получила своего развития как из-за организационных сложностей, так и из-за слишком широко и обще сформулированных задач. ИАК предложила комиссии выработать программу более определенную и более связанную с местным краем. А. А. Спицын в своем отзыве писал, что «следует воздержаться от одобрения фантастически-широкого и совершенно невыполнимого проекта», а Н. И. Веселовский назвал программу «сумбурной, для одного съезда не осуществимой» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 62). Попытка организовать пятое подобное мероприятие в Крыму не состоялась из-за мировой войны. В 1914 г. Таврическая архивная комиссия обратилась в МВД с просьбой разрешить ей проведение областного съезда в Симферополе или Севастополе 16–23 августа 1915 г., выслав туда программу предполагаемого мероприятия. Министерство запросило у ИАК «заключение по существу ходатайства», и 14 августа 1914 г. ИАК отписала в МВД об отсутствии у нее возражений, при условии, чтобы по отношению к намечаемым перед съездом раскопкам был соблюден существующий порядок, т. е. предварительное сношение с Комиссией и получение Открытого листа. Действительно, прилагаемое при запросе положение о местном археологическом съезде в Крыму своим 12-м пунктом указывало, что «съезд организует производство археологических раскопок»,

непосредственный труд которых лежит на распорядительном комитете — права Комиссии здесь не упоминались (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 213. Л. 1).

В целом же Комиссия никогда не отказывалась от участия в разного рода общественно-профессиональных форумах. Привлечение культурной и научной общественности к сотрудничеству было одним из принципов ее деятельности. В декабре 1899 г. Санкт-Петербургское общество архитекторов пригласило Комиссию принять участие в III Съезде русских зодчих — нерегулярном форуме, созываемом с целью сближения русских архитекторов и совместного обсуждения общих и специальных вопросов. Тогда на съезд от ИАК были отправлены Н. В. Султанов и Г. И. Котов. IV Съезд состоялся в январе 1911 г. Комиссию здесь представляли Н. И. Веселовский, П. П. Покрышкин и К. К. Романов. На V Съезде 15–22 декабря 1913 г. присутствовали К. К. Романов, Г. И. Котов и П. П. Покрышкин (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 199. Л. 6–10).

С 1890-х гг. ИАК привлекалась для экспертизы проектов реформ, уставов и положений ученых обществ и мероприятий. Так, Ковенский статистический комитет 22 сентября 1887 г. попросил у Комиссии замечания на проект Ковенского губернского естественно-исторического и промышленного музея, что не вызвало никаких возражений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 4. Л. 114).

Однако, когда 25 января 1896 г. в ИАК на экспертное заключение поступил проект правил МАО об устройстве местных отделений этого общества, некоторые его положения вызвали недоумение Комиссии. Здесь говорилось, что иногородние отделения под руководством МАО производят археологические исследования и раскопки.

20 февраля 1896 г. А. А. Бобринской выразил свое согласие на устройство подобных отделений, но посчитал нужным упомянуть в тексте устава, что раскопки производятся с разрешения ИАК. П. С. Уварова пыталась объяснить МВД, что фразы о производстве раскопок «на основании существующих законов империи» было бы совершенно достаточно, и вновь отправила на заключение в министерство слегка переработанный документ. 25 сентября 1897 г. ИАК продолжала настаивать на своей формулировке, приложив при этом докладную записку о порядке производства археологических раскопок на казенных и общественных землях. В письме говорилось, что Высочайшее повеление 11 марта 1889 г. еще не внесено в Свод законов и недостаточно известно, чем и пытается воспользоваться МАО.

Подобная история произошла и в феврале 1899 г., когда МВД препроводило в ИАК для заключения проект устава общества любителей изучения Полтавской губернии. А. А. Бобринской, заинтересованный в соблюдении повеления 11 марта 1889 г., предложил включить в устав упоминание о нем в качестве примечания (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 42).

5 октября 1901 г. на рассмотрение в ИАК попало положение о музее Виленского городского общественного управления, один из пунктов которого упоминал «археологическую коллекцию», в которую вошли бы «разные древние и старинные предметы, могущие быть найденными в городе при раскопках и при постройках зданий, и вообще предметы, представляющие собою следы цивилизации города Вильны в истекшее время». Комиссия предложила в этом пункте сделать оговорку, что при составлении археологических

коллекций следует руководствоваться повелением 11 марта 1889 г., т. е. раскопки производить с разрешения ИАК, а найденные предметы предоставлять на Высочайшее воззрение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 224).

Утверждение устава Бессарабского церковного историко-археологического общества и Кишиневского епархиального древлехранилища, по поводу которых МВД запросило мнение ИАК

4 августа 1902 г., никаких препятствий не встретило: археологические исследования в уставе не упоминались, так как целью общества было абстрактное изучение местных церковных древностей в связи с грядущим в 1913 г. столетием епархии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 193). Точно так же ранее не встретило возражений одобрение проекта устава Астраханского Петровского музея 16 июня 1895 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 160).

XVI

С деятельностью А.А. Бобринского связаны не только труды по превращению ИАК в координирующее археологическое учреждение империи, совмещающее в себе научно-исследовательские и охранно-реставрационные функции, но и значительное увеличение штата Комиссии. Это было неизбежно в связи с тематико-географическим расширением сферы ее академической и практической активности. В «эпоху Васильчикова» весь ее коллектив состоял из 5 человек: старшего члена В.Г. Тизенгаузена, младшего члена Н.П. Кондакова, производителя дел И.А. Суслова, художника И.Н. Медведева и сторожа У. Михайлова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71 Л. 10 — 11 об.). Согласно штатному расписанию председатель трудился бесплатно, один старший член получал 3000 руб., три младших члена — 1800 руб., делопроизводитель-бухгалтер — 1700 руб., журналист — канцелярский чиновник — 900 руб., сторож — 360 руб. На расходные материалы предполагалось тратить 400 руб., покупку книг для библиотеки — 200 руб., на издание отчетов на русском и французском языках — 6000 руб. Археологические раскопки и путевые издержки

предусматривали 20000 руб., включая 3700 руб., выделяемые ежегодно из Кабинета его императорского величества на Керченский музей. В самом музее директор получал 1800 руб., его помощник — 572 руб., старший надсмотрщик — 350 руб., младший надсмотрщик — 300 руб., писец — 180 руб., сторож музея — 225 руб., сторож кургана — 150 руб. На расходные материалы выделялось 200 руб., на наем помещений и отопление — 800 руб. Временно состоявший при Комиссии художник получал 500 руб. Всего ИАК полагалось из казны 43037 руб.

17 мая 1886 г. А.А. Бобринской подает проект нового штата и сметы Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 4–5). Помимо председателя здесь должен был быть один старший член (3000 руб.), 4 младших члена с окладом в 2500 руб., делопроизводитель, он же бухгалтер (2000 руб.), журналист (900 руб.) и сторож (360 руб.). Археологические изыскания и дорожные расходы претерпели значительное сокращение — теперь на них отпускалось 12000 руб., на издание отчетов — 6000 руб., на расходные материалы и приобретение книг — 800 руб. В Керченском музее директор должен был

получать 1200 руб., должность помощника ликвидировалась, музейный сторож получал бы 225 руб., сторож курганов — 180 руб., на наем помещений выделялось 800 руб., на наем писца и художника — 350 руб. Общий бюджет Комиссии составлял 35 815 руб. Дополнительные выплаты распределялись бы следующим образом: 500 руб., которые некогда выплачивались И.П. Вольскому согласно предложению Министерства двора от 20 декабря 1859 г., 700 руб. на наем помещения для директора Керченского музея по распоряжению министра двора от 1864 г., 2000 руб. на сверхштатные путевые расходы председателя ИАК и разного рода вознаграждения, с 1882 г. включенные в сумму общих расходов Комиссии, 6000 руб. на издания, которые до 1883 г. также отпускались сверхштатно. При этом А.А. Бобринской обращал внимание управляющего делами министерства на устарелость штатов 1859 г., инфляцию и требования науки. В основе его предложений лежало уравнение содержания служащих Комиссии с должностными лицами Императорского Эрмитажа, а также сверхштатное выделение крупных сумм вознаграждений, выплачиваемых ИАК, за которыми председатель Комиссии каждый раз входит с особым ходатайством к министру. Помимо этого он планировал включить сторожей в штат Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 1-3).

14 января 1887 г. последовал ответ контролера двора Н.С. Петрова, где говорилось, что новые штаты рассмотрят одновременно с изменением штатов министерства в недалеком времени, а ныне надлежит руководствоваться существующим положением (Там же. Л. 76). Тем не менее А.А. Бобринской

посылает новые обращения министру, в одном из которых, 17 января 1887 г., пишет: «Надоедаю Вам одним письмом за другим по одному и тому же вопросу. Но я ходатайствую не за себя». В том же письме сообщалось о том, что председатель уже готов принять на службу новых сотрудников, в частности учителя классической гимназии во Владикавказе В. Долбежева, но этому мешает отсутствие средств и штатов, и о жалобах В.Г. Тизенгаузена на низкий оклад и его заявлении, что при прежнем положении вещей он не сможет продолжать службу в Комиссии. А.А. Бобринской писал, что лишиться В.Г. Тизенгаузена для Комиссии было бы «незаслуженным и тяжелым ударом». К тому же канцелярия Комиссии существует только благодаря переводам денег из одной статьи сметы в другую. Председатель предложил одновременно повысить оклады старшему члену до 3000 руб., младшему члену до 2500 руб. и делопроизводителю до 2000 руб.

3 марта 1887 г. вновь А.А. Бобринской обращался в Министерство двора с просьбой выдать В.Г. Тизенгаузену и И.А. Суслову новое штатное содержание ввиду их крайне стесненного положения, и уже 3 апреля вплоть до утверждения новых штатов было принято решение выплачивать им соответственно 1900 и 1200 руб. добавочного содержания из кредита министерства на непредвиденные расходы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 104, 107; РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Д. 71-81).

24 апреля 1888 г. министром двора И.И. Воронцовым-Дашковым был утвержден новый штат Археологической комиссии. Он выглядел следующим образом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 9 — 9 об.). Председатель традиционно не получал оклада, один старший

член получал 3500 руб., 3 младших члена — 2000 руб., однако, поскольку одним из младших членов стал директор Керченского музея, реально количество младших членов сократилось до двух, делопроизводитель — 1800 руб., регистратор — 700 руб. При сохранении прежнего количества сотрудников стоит отметить увеличение денежного содержания. При этом Министерство двора имело право назначать сверхштатных членов Комиссии без содержания, но с соответствующими полномочиями. Помимо увеличения окладов на один ранг увеличивался класс должностей, что было немаловажно в иерархической структуре Российской империи, так должность старшего члена ИАК приравнивалась к V, а членов — к VI классу по «Табели о рангах». Это соответствовало денежному содержанию и классу должностей старшего хранителя и хранителей Императорского Эрмитажа (Обзор деятельности 1901: 374, 696). Однако уже 14 мая 1888 г. А.А. Бобринской вновь входит в министерство с просьбой срочной выплаты квартирных денег членам Комиссии.

Через некоторое время, 26 ноября 1893 г., министр двора вновь предложил пересмотреть министерские штаты в связи с превышением расходов и необходимостью «сбережения в личном составе» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 196). 29 января 1894 г. руководителям учреждений было рекомендовано не увеличивать окладов и не повышать классность должностей. 4 марта 1894 г. барон В.Б. Фредерикс, тогда еще товарищ министра, просит А.А. Бобринского предоставить соображения о новых штатах, которые должны быть сокращены (Там же. Л. 202). Это привело к тому, что 26 июля 1894 г. В.Г. Тизенгаузен написал прошение об отставке.

4 октября 1894 г. тогдашний председатель Комиссии граф А.А. Бобринской подал министру двора рапорт, где просил сохранения для В.Г. Тизенгаузена «в виде монаршей милости» 3500 руб., поскольку тот и «по выходу в отставку» намеревался не отказываться от участия в некоторых работах ИАК. При этом он испрашивал «присвоение Тизенгаузену со дня его увольнения в виде личного для него исключения звания товарища председателя ИАК» с сохранением 900 руб. квартирных денег. 29 декабря 1894 г. последовало решение императора — учредить должность товарища председателя ИАК «по V классу», на которую и определить самого В.Г. Тизенгаузена и назначить, во внимание к свыше сорокалетней деятельности его и особым трудам, 4400 руб. содержания в год (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 30. Л. 53, 54–55, 57 — 57 об.).

Впрочем, новая реформа министра не удалась, и в том же году А.А. Бобринской вновь ходатайствовал об увеличении штатов Комиссии, по крайней мере на еще двух членов, ученого секретаря и архитектора, указывая, что после 1889 г. ее функции значительно расширились и перед ней ставится задача создания общедоступного центра научной информации по отечественным древностям. Последнее должно было быть достигнуто за счет доступности дел для исследователей и расширения библиотеки, на пополнение которой стали выделяться специальные средства (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 203–206).

После отставки В.Г. Тизенгаузена в 1900 г. А.А. Бобринской 27 апреля ходатайствовал о назначении члена совета Министерства народного просвещения академика Императорской академии

ЛАТЫШЕВ Василий Васильевич (29.06.1855 — 2.05.1921) — филолог-классик, эпиграфист, историк античности, специалист по византийской агиографии. Учился в Гродненской гимназии (1865–1872), выпускник Петербургского университета (1876). В 1876–1880 гг. преподаватель древних языков в Виленской гимназии. Магистр (1883) и доктор (1887) греческой словесности. Действительный член МАО с 1886 г. Член-сотрудник (1883), действительный член (1886), секретарь Классического отделения (1886–1891) и член редакционного комитета ИРАО. Действительный член Германского археологического общества с 1885 г. Член Императорской академии наук (1893). Состоял членом совета министра народного просвещения, был директором Историко-филологического института. Председатель Российского Палестинского общества (1918–1921). Член-корреспондент ИАК с июля 1892 г., с июня 1900 г. — штатный член, товарищ председателя; редактор «Известий археологической комиссии». По поручению РАО совершил поездки по югу России для копирования и сличения античных

надписей (1882, 1883, 1894, 1900, 1902). Неоднократно командировался за границу с научными целями.

Осн. соч.: О некоторых эолических и дорических календарях. СПб., 1883; Исследования об истории и государственном устройстве Ольвии. СПб., 1887; Свод античных надписей, найденных в Северном Причерноморье. СПб., 1885–1901. Т. 1–2, 4; Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1906. Т. 1–2, вып. 1–5.

Лит. о нем: Памяти В.В. Латышева // СА. 1958. Т. 28. С. 3–4; Фролов Э.Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 233–242; Тункина И. В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного отдела) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / ред. И.П. Медведев. СПб., 1999. С. 172–288.

(Ил.: Жебелев 2017: 388)

наук действительного статского советника В.В. Латышева новым товарищем председателя, что и произошло 29 июня того же года (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 90. Л. 5; Д. 91). Однако в сентябре выяснилось, что должность эта была учреждена без содержания, а В.Г. Тизенгаузен получал лично сохраненный за ним оклад. В.В. Латышеву же, как сохранившему должность при министерстве, положено было лишь 1750 руб. без столовых и квартирных, что было меньше, чем зарплаты остальных членов ИАК (Там же. Д. 91. Л. 38 — 39 об.). 24 октября А.А. Бобринской пишет пространный рапорт, объясняя ненормальность создавшегося положения, и 15 декабря товарищу председателя был присвоен должностной оклад, включавший в себя помимо 1750 руб. еще 900 руб.

квартирных денег и 1750 руб. столовых, причем, в случае «совместительства», квартирные не выплачивались (Там же. Л. 40–45, 46).

26 сентября 1901 г. в связи с новым пересмотром штатов министр императорского двора предложил всем руководителям подразделений представить свои соображения о желательных изменениях в штатном расписании, отмечая, что увеличение служащих может быть допущено лишь при условии доказанной целесообразности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 262. Л. 1 — 2 об.). 30 октября 1901 г. председатель ИАК представил свои предложения и новую штатную сетку, которая уже предполагала, что должность председателя Комиссии соответствовала IV классу. Согласно проекту один старший член должен был получать 3500 руб. (оклад товарища председателя был утвержден ранее), четыре члена, в число которых должен быть включен заведующий раскопками в Херсонесе, — по 2500 руб., вводилась новая должность архитектора Комиссии VI класса (2000 руб.), столько же должен был получать делопроизводитель, оклад регистратора составлял бы 1000 руб., а два канцелярских чиновника и два служителя получали бы по 600 и 300 руб. соответственно (Там же. Л. 3 — 6 об.). Однако 13 августа 1902 г. управляющий Кабинетом предложил ввести иное штатное расписание, которое и было утверждено 6 декабря. Согласно этому штату товарищ председателя получал 4000 руб., старший член столько же, три «старых» члена по 2700 руб., тогда как должности «новоучрежденных» членов предусматривали 2500 руб.; делопроизводитель здесь получал 1800 руб., а регистратор — 900 руб. В штат вводилась новая должность — два чиновника XII класса

с канцелярскими функциями получали 750 и 600 руб. (Там же. Л. 9, 17–18; РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68).

Еще в 1888 г. А. А. Бобринской добывается увеличения финансирования полевой и издательской деятельности Комиссии. В смету также была введена новая статья расходов — «сверхсметные кредиты», которая значительно расширяла возможности по приобретению древностей у частных лиц. При этом Комиссия передавала древности, выкупленные по собственной инициативе за бюджетные деньги, в российские музеи на безвозмездной основе. Так, в период 1881–1894 гг. ИАК передала в Императорский Эрмитаж 453 клада и отдельных находки, в Исторический музей — 270, в другие музеи — 435.

Вообще же, во второй половине 1880-х — 1890-е гг. штатный состав Комиссии значительно изменился. 1 сентября 1886 г., после длительных переговоров с А. А. Бобринским, младшим членом ИАК становится граф Иван Иванович Толстой, с продолжением службы в МВД (Ананьич 2007; Гайдуков 2008а: 203–206, 2008b: 159–166). 19 декабря 1889 г. по ходатайству А. А. Бобринского он был назначен конференц-секретарем Академии художеств, а 1 апреля 1890 г. — гофмейстером двора. Сам А. А. Бобринской, ходатайствуя о присвоении И. И. Толстому придворного звания, указывал, что тот «составил себе имя русской археологией и нумизматикой», однако впоследствии их отношения приобрели конфликтный характер. 19 января 1891 г. И. И. Толстой был уволен согласно собственному прошению, мотивируя это тем, что не имеет «возможности по недостатку к тому времени посещать ИАК» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 48. Л. 43 об., 48–50). Почти одновременно

Проектъ .

Ш Т А Т Ъ

ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссии.

НАИМЕНОВАНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ.	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.		Классъ должно- сти и разрядъ по мун- диру.
		Одному.	Всѣмъ.	
		Р у б л и .		
Товарищъ Предсѣдателя.....	I	4.000	4.000	У
Члены.....	I	4.000	4.000	У
	3	2.700	8.100	
	2	2.250	4.500	
Дѣлопроизводитель.....	I	1.800	1.800	VII
Регистраторъ.....	I	900	900	IX
Чиновники XII класса.....	I	750	750	XII
	I	600	600	
Итого.....	II	-----	24.650	---

Роспись штата Императорской археологической комиссии, 1902 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 262. Л. 9)

ТОЛСТОЙ Иван Иванович (31.12.1858 — 20.05.1916) — граф (1866), гофмейстер (1898), нумизмат и археолог, почетный член Академии наук (1897) и Академии художеств (1905). Сын министра почт и телеграфов И.М. Толстого, отец антиковеда академика И.И. Толстого. В 1880 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1881 г. служил по ведомству внутренних дел. В 1889 г. назначен конференц-секретарем Императорской академии художеств, а в 1893 г. — ее вице-президентом. Принимал деятельное участие в составлении нового устава Академии и ее преобразовании. Способствовал основанию и устройству Русского музея в Петербурге. С 1885 по 1890 г. — секретарь, с 1899 г. — помощник председателя ИРАО. Младший член (1886), член (1888–1891) ИАК, описывал все монетные клады, поступавшие в комиссию. С 1900 г. состоял председателем Русского общества печатного дела. С 1905 по 1906 г. — министр народного просвещения, в 1913–1916 гг. — городской голова Санкт-Петербурга. Автор многочисленных работ по нумизматике и археологии.

Осн. соч.: Древнейшие русские монеты вел. княжества Киевского. СПб.,

1882; Русская допетровская нумизматика. Вып. 1 (Монеты великого Новгорода). СПб., 1884; Вып. 2 (Монеты Псковские). СПб., 1886; Знамя первых наших христианских великих князей // Труды VI Археологического съезда в Одессе в 1884 г. Одесса, 1887. Т. 1. С. 268–272; О русских амулетах, называемых змеевиками // Записки ИРАО. 1888. Т. 3. С. 363–413; Три клада русских денег XV-го и начала XVI в. // Записки ИРАО. 1889. Т. 4. С. 7–19.

Лит. о нем: Жебелев С.А. Граф Иван Иванович Толстой. 1858–1916. Пг., 1916; Сухорукова А.С. Иван Иванович Толстой (1858–1916) — министр, общественный деятель, нумизмат // Из глубины времен: Альманах. СПб., 1997. Вып. 9. С. 46–58; Толстой И.И. Дневник 1906–1916 / публ. Л.И. Толстой. СПб., 1997; Аналич Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007; Гайдуков П. Г. 1) К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // РА. 2008. №4. С. 159–166; 2) Иван Иванович Толстой как коллекционер // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М., 2008. С. 203–205.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Т. Д. 21. Л. 1)

с И.И. Толстым 1 февраля из Комиссии уходит и близкий ему Н.П. Кондаков.

Похоже, что находящиеся между собой в дружеских отношениях граф И.И. Толстой и Н.П. Кондаков просто «не сработались» с новым председателем. Более того, граф И.И. Толстой начал активно интриговать против А.А. Бобринского и в самой Комиссии, и в Академии художеств. Отголоски этого конфликта можно найти и на страницах дневника тестя А.А. Бобринского — государственного секретаря

ДРУЖИНИН Василий Григорьевич (10.08.1859 — 15.01.1936) — историк церковного раскола, археограф, палеограф, коллекционер, член-корреспондент Российской академии наук (1920). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1889 г. получил степень магистра русской истории за диссертацию «Раскол на Дону в конце XVII в.». С 1888 г. секретарь отделения славяно-русской археологии РАО, а с 1890 по 1906 г. секретарь общества. С 1889 по 1896 г. член ИАК, стал ее первым фотографом. В 1896 г. перешел в Археографическую комиссию, с 1921 г. заместитель ее председателя. Член Комитета попечительства о русской иконописи (1903–1918). В 1929 г. исключен из Академии наук и арестован в 1930 г. Сослан в Ростов Великий. Собрал коллекции русского медного литья, старообрядческих рукописей XVII–XX вв.

Осн. соч.: Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889; Священноиерей Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним. СПб., 1908; Словесные науки в Выговской

поморской пустыни. СПб., 1911; Поморский торжественник // Сборник в честь профессора С.Ф. Платонова. СПб., 1911. С. 34–55.

Лит. о нем: Память: Исторический сборник. М., 1976. Вып. 1. С. 383–384; Берестецкая Т. В. В.Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Исследования по русской истории. М., 1994. Вып. 2. С. 214–227; Плигузов А.И. Библиотека В.Г. Дружинина // Отечественные архивы. 1994. №5. С. 20–24; Гайдуков П. Г. «Воспоминания» В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской археологической комиссии // РА. 2010. №4. С. 136–142; Памяти В.Г. Дружинина. Материалы научных чтений / ред. И.М. Беляева. СПб., 2010.

(Фото: СПбФ АРАН. РХ. Оп. 2. Д. 91. Л. 1)

А.А. Половцова, и в дневниковых записях Н.П. Кондакова осенью 1890 г. «Толстой в схватке с Бобринским... помочь в деле укрощения графа Толстого и примирения с Бобринским» (СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 11. Л. 558 об., 460 об.). Определенно об этом писал киевский профессор Ю.А. Кулаковский, посетивший Археологическую комиссию в январе 1891 г.: «В Комиссии теперь такие хлопоты и внутренние нестроения и даже разложения, что трудно что-нибудь закончить и даже столкнуться. Толстой, вытеснивший Бобринского из Академии художеств, вышел неделю тому назад в отставку из Комиссии и заменен Дружининым, числившимся до того сверхштатным ее членом. Теперь подал в отставку и Кондаков — так что Комиссия сконцентрирована в Тизенгаузене, который видимо постарел, но все же один там стоит

крепким столпом. Занят он, как и председатель, выставкой, которую они устраивают после трехлетнего перерыва... Насчет будущего в Комиссии очень много планов и соображений, но все это или тормозится заботами о настоящем, или оказывается очень проблематичным» (Пучков 2004: 99–100). В этом конфликте В. Г. Тизенгаузен считал своим долгом встать на сторону председателя, с которым до определенного времени сохранял вполне дружественные отношения.

В связи с расширением полномочий Комиссии и увеличением трудов по ученой переписке 2 мая 1889 г. А. А. Бобринской ходатайствовал о назначении Василия Григорьевича Дружинина членом ИАК без содержания, в расчете усилить состав Комиссии «ученым секретарем» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 36. Л. 1 — 1 об.).

Это был первый опыт введения в ИАК сверхштатного члена, что стало возможным в связи с утверждением новых штатов Комиссии 1888 г. Коллежский секретарь В. Г. Дружинин состоял при МВД чиновником IX класса и уже был ученым секретарем одного из отделений РАО. Он был кавалером самого экзотического ордена среди членов ИАК — ордена Аннамского дракона, полученного им от императора Аннама, будущего Вьетнама, Тхань Тхай за труды по организации IV Международного тюремного конгресса по линии МВД (Там же. Л. 28).

В результате В. Г. Дружинин был назначен 16 июля, но не членом, а «исправляющим обязанности» члена, поскольку должность самого члена соответствовала VI классу (Там же. Л. 8, 16 — 16 об., 19). Судя по всему, в Комиссию В. Г. Дружинин попал по рекомендации графа И. И. Толстого,

с младшим братом которого, Дмитрием, будущим директором Эрмитажа, он учился в гимназии.

В непосредственные служебные обязанности В. Г. Дружинина входили заведывание библиотекой, подготовка и проведение археологических и рестаурационных заседаний Комиссии, а также редактирование некоторых выпусков «Материалов по археологии России». Он упорядочил имевшийся карточный каталог книжного собрания Комиссии, вел протоколы заседаний.

Вместе с В. Г. Дружининым в работу ИАК пришли два важных новшества: публикация в «Отчетах» Комиссии подробных сведений о находках монетных кладов и неукоснительная практика фотографирования поступающих в ИАК предметов. Так, он предложил составлять списки поступивших кладов и располагать их по алфавиту местностей, откуда они поступали, с указанием судьбы клада и номера архивного дела о нем. Эти списки и стали печататься в Отчетах Комиссии. Стоит отметить, что книги поступления монетных кладов существовали и раньше и были, судя по всему, заведены П. И. Лерхом, однако в 1880-е гг. работа в этом направлении не велась столь интенсивно. Ее возрождение и оптимизация как раз и связаны с именем В. Г. Дружинина.

По поводу фотофиксации он писал: «До меня зарисовывал их простой рисовальщик и эти рисунки вшивались в дело. Я сам был хороший фотограф и доказал, что фотография пригодней ручной зарисовки. Потом я научил фотографировать сторожа Комиссии [И. Ф.] Чистякова, который стал прекрасно исполнять эти работы» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 185, 187 об.).

СПИЦЫН Александр Андреевич (14.08.1858 — 17.09.1931) — археолог, историк, член-корреспондент АН СССР (1927). Крупнейший специалист по средневековым русским древностям. Занимался изучением, систематизацией, каталогизацией древностей России (бронзовый век, скифо-сарматские, волжско-камские, славянские древности), датировал многие важнейшие археологические памятники. В 1878–1882 гг. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. По окончании преподавал в Вятской женской гимназии, изучал историю и древности Вятского края. В 1892 г. переехал в Петербург, где стал членом ИАК. Принимал активное участие в работе ИРАО, с 1907 г. хранитель его музея. Провел ряд экспедиций по исследованию древних памятников Вятской губернии. С 1909 г. читал лекции по археологии в Петербургском университете, с 1914 г. в Петербургском археологическом институте, а также в Новгородской мужской учительской семинарии. Был избран почетным членом Новгородского общества любителей древности. С 1919 г. член РАИМК. Заведовал разрядом русских, финских и литовских древностей. Организовал две комиссии: по изучению русской нумизматики и русской миниатюры. Похоронен на Смоленском кладбище.

Осн. соч.: Археологические разыскания о древних обитателях Вятского края. СПб., 1893; Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СПб., 1899; Удлиненные и длинные русские курганы. СПб., 1903; Археологические раскопки. СПб., 1910; Русская историческая география: учебный курс. Пг., 1917.

Лит. о нем: Жебелев С. А. Археолог-энтузиаст. (Памяти Спицына) // СА. 1948. №10. С. 9–11; Бич О. И. Архив А. А. Спицына // Там же. С. 21–53; Пассек Т. С., Латынин Б. А. К столетию со дня рождения А. А. Спицына (1858–1958) // СА. 1958. №3. С. 3–6; Равдоникас В. И. Памяти А. А. Спицына (1858–1931) // Сообщение ГАИМК. 1931. №9/10. С. 54–62; Платонова Н. И. А. А. Спицын о предмете, задачах и методах археологии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 134–149; История и практика археологических исследований: Материалы межд. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения А. А. Спицына. СПб., 2008; Конигов Б. А. А. А. Спицын и средневековая археология Омского Прииртышья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3. С. 24–27; Тихонов И. Л. Деятельность А. А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892–1931) // РА. 2009. №3. С. 145–154; Клейн Л. С. Собиратель: А. А. Спицын // Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 566–584.

(Фото: ФО. Отп. О.778-65)

Время от времени В. Г. Дружинин направлялся ИАК для проведения исследований на восток и на юг империи (Там же. Л. 29). Судя по всему, полевые исследования не очень привлекали магистра русской истории, во всяком

случае он стремился ограничиться весьма кратковременными и локальными работами, не используя даже большей части финансовых средств, выделенных на их проведение. Как известно, еще в 1894 г. А. А. Бобринской вновь ходатайствовал перед министерством о введении в штат Комиссии должности ученого секретаря. Как только в 1896 г. выдалась возможность перейти на работу в Археографическую комиссию и заняться более традиционным для историка делом, В. Г. Дружинин не преминул ею воспользоваться. Он был уволен 22 декабря 1896 г. согласно собственному прошению (Там же. Л. 25 об.).

1 февраля 1892 г. младшим членом ИАК стал коллежский асессор, преподаватель Вятской Мариинской женской гимназии Александр Андреевич Спицын, с чьим именем связано развитие славяно-русской археологии и археологии эпохи бронзы и железа в рамках деятельности Комиссии.

Вопреки расхожему мнению о роли С. Ф. Платонова и Н. И. Веселовского в приглашении А. А. Спицына в Археологическую комиссию, именно В. Г. Дружинин сыграл здесь решающую роль. Он входил в число немногих близких друзей А. А. Спицына. Их знакомство началось в студенческие годы на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В его квартире (В. Г. Дружинин был сыном богатого купца-старообрядца, владельца Кыштымских заводов на Урале) собиралась дружеская компания студентов этого факультета, на основе которой позднее возник «кружок русских историков». Постоянными посетителями обедов у Дружинина бывали С. Ф. Платонов, И. А. Шляпкин, К. А. Иванов, часто там бывал

и А. А. Спицын (Бухерт 2000: 130). Дружеские связи между участниками этих собраний в дальнейшем поддерживались на протяжении почти всей жизни. В Музее истории СПбГУ хранится серебряный ковшичек-братина, преподнесенный С. Ф. Платонову сотоварищами со студенческих лет по поводу 25-летия его научной деятельности. На дне выгравирована надпись: «С. Ф. Платонову старые друзья 1883 I/III 1908 В. Г. Д. + К. А. И. + А. А. С. + И. А. Ш.».

В переписке В. Г. Дружинина и А. А. Спицына уже с лета 1889 г. обсуждался вопрос о сотрудничестве последнего с Комиссией. Сразу же после назначения В. Г. Дружинина сотрудником Комиссии А. А. Спицын пишет ему из Вятки: «Всего лучше было бы для меня пристроиться не в гимназии, а где-нибудь при архиве и вообще при каких-нибудь кабинетных ученых трудах. Всего было бы лучше, если бы нашлось подходящее место в Археологической комиссии. Давно меня разбирает охота заняться общерусской археологией, и если бы мое желание совпало с желанием Комиссии, то я с удовольствием принял бы участие в ее трудах (конечно, важно, чтобы содержание соответствовало гимназическому — увы! Этот вопрос имеет капитальное значение). Вы ведь знакомы с гр. Толстым, так не можно ли Вас попросить перекинуться с ним об этом словечком-другим? Я знаю, что Комиссия уже давно занята вопросом об общем описании русских древностей, но не знаю, как идет это дело и кто его делает: есть ли у них для него особое лицо или эту работу разобрали члены Комиссии. Вам это нетрудно узнать» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 465. Л. 37).

Сообщая о своих занятиях историей и археологией Вятского края, Спицын писал Дружинину в декабре 1889 г.:

«Ну, значит, теперь в Археологической комиссии у меня рука. Я очень пробирался к архиву Комиссии, где, я знаю, найдется немало для меня интересного, да как доберешься до Питера? Это не в лавочку сходить за вареньем. Не сообщите ли Вы мне, в порядке архив или нет? Можно ли найти в нем все, что относится, например, к древностям вятским? Или все существенное помещается в Отчетах?» (Там же. Л. 41).

В другом письме, датированном февралем 1890 г., сообщалось: «Еще раз спасибо Вам, голубчик, за заботы о привлечении меня в Комиссию, но я, право, боюсь оказаться неблагодарным. Дело в том, что гр. Уварова меня приласкала, снискала своими милостями, и, хотя я, может быть, щедро заплатил ей за внимание, но все же перебегать при этих условиях в чужой лагерь претит совести. Я не из перелетов. Однако от души желаю успеха Археологической комиссии, которая могла бы стать во главе нашей археологии, если бы хотела, и не отказываюсь от мысли со временем принять участие в ее работах. Я медлил своим ответом Вам потому, что у меня было явилась мысль некая — проситься в члены Комиссии с жалованьем (до 1200 р.), чтоб заняться вплотную археологией, оставив гимназию, но думаю, что это невозможно, главное, потому, что я еще не зарекомендовал себя, по крайней мере, в настоящее время. Посмотрим — увидим (членом-наблюдателем от Комиссии в губернии я, конечно, готов быть с большим удовольствием)» (Там же. Л. 46). В январе 1891 г. Спицын вновь писал Дружинину о своих археологических работах и планах, делился сомнениями, полагая, что сначала должен зарекомендовать себя большой работой по археологии: «Втайне я рассчитываю

стать со временем усердным работником для Комиссии, так как, конечно, только она может дать средства для таких предприятий, какие я задумываю, но мне надо, чтобы расставанье с М. А. О. произошло без боли. Так и потрудитесь пока сказать г. Тизенгаузену: рано или поздно я непременно примкну к Комиссии и надеюсь стать одним из деятельнейших ее сотрудников... Еще раз спасибо за участие. В конце концов, Вы приведете же меня в Комиссию, и я надеюсь, что Вы дадите ей если не хорошего, то порядочного работника» (Там же. Л. 54).

Сам В.Г. Дружинин вспоминал, что как только «возник вопрос о замещении двух открывшихся вакансий членов Комиссии, нужно было найти человека, который занялся бы изучением древностей бронзового века, производить раскопки курганов, по поручению Комиссии ездить доследовать хищнические раскопки, обследовать городища и майданы, описывать предметы этого периода и составлять описания поступающих в Комиссию собраний древностей.

Старший член Комиссии, *de facto* ею управляющий (В.Г. Тизенгаузен. — *Авт.*), обратился и ко мне за указанием кандидата. Я назвал ему С[пицына], аттестовал его как местного археолога и принес оттиски его печатных трудов. Мне поручено было с ним списаться и предложить приехать в СПб. для личных переговоров. С[пицын] приехал, понравился, и после переговоров принял должность члена Комиссии. ... Это место давало С[пицыну] 1800 р., что при его скромных потребностях его вполне удовлетворяло. С[пицын] был в восторге, т. к. это ставило его на ученую дорогу и научную работу...» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Л. 12 — 12 об.).

Окончательное предложение принять должность члена ИАК, инициированное В.Г. Дружининым, поступило А.А. Спицыну непосредственно от А.А. Бобринского, как явствует из докладной записки самого А.А. Спицына от 31 декабря 1891 г., где он выражает свое совершенное согласие на сделанное предложение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 199. Л. 1).

1 января 1895 г. на должность старшего члена Комиссии был принят Николай Иванович Веселовский, бывший до этого некоторое время членом-корреспондентом ИАК. 1 декабря 1896 г. членом ИАК становится лектор Императорского Петербургского университета Федор Александрович Браун (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 227. Л. 14), однако 14 апреля 1900 г. подает рапорт об увольнении, мотивируя это своим назначением экстраординарным профессором Петербургского университета (Там же. Л. 16). В конце того же года А.А. Бобринской все же ходатайствует о назначении его сверхштатным членом Комиссии (о нем см.: Тихонов 2016; см. также: Тункина 2000b).

27 ноября 1896 г. А.А. Бобринской утвердил «Положение о распределении обязанностей служащих Археологической комиссии» на основании 20-го пункта Положения об ИАК, где этот вопрос был поставлен в зависимость «от усмотрения председателя». Проект нового Положения принадлежал В.Г. Тизенгаузену. Постоянное расширение деятельности Комиссии привело А.А. Бобринского к убеждению о пользе распределить служебные обязанности и ответственность всех служащих в Комиссии лиц. Каждый из трех штатных членов должен был заведовать отдельным районом. К его миссии относилось ведение археологическими

делами и производство разысканий, собирание сведений о памятниках древности, принятие мер к сохранению случайных находок, их ученая оценка и издание, вопросы реставрации монументальных памятников, приготовление итоговых отчетов об исследованиях для последующей публикации, организация хранения, каталогизации и выставок поступивших в Комиссию древностей для Высочайшего воззрения, а также их распределение по музеям. Первый район включал в себя северную часть Европейской России и Сибирь примерно до 55-й широты, второй — от 55-й широты до Черного моря, Северного Кавказа и Каспия, третий — Северный Кавказ, Закавказье и Среднеазиатские владения России. Четвертый член в должности директора Керченского музея должен был ведать делами своего музея на месте, но вопросы научного характера входили в компетенцию второго члена Комиссии. Каждый из уполномоченных отчитывался по своему району на заседаниях Комиссии. Ведение общих вопросов и издание отчетов входят в обязанности товарища председателя Комиссии, которому были подчинены также библиотека и проведение выставок. Все входящие в ИАК бумаги должны были поступать на рассмотрение председателя (РО. Ф. 25. Д. 241. Л. 1–2). За второй регион до 1900 г. отвечал Ф.А. Браун: так, в конце 1890-х гг. ему было поручено А.А. Бобринским докладывать на заседаниях Комиссии о текущей реставрации Бахчисарайского дворца, крепости в Алуште и осматривать херсонесские раскопки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 19. Л. 137; РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 197. Л. 7), за северные широты — А.А. Спицын, третьим регионом ведал Н.И. Веселовский.

ВЕСЕЛОВСКИЙ Николай Иванович (11.1848 — 30.03.1918) — археолог, востоковед, специалист по истории Крыма, Кавказа, Золотой Орды, Средней Азии, Персии, Китая. Родился в Вологде в семье разночинцев. В 1867 г. окончил Вологодскую гимназию. В 1869–1873 гг. обучался в Петербургском университете на факультете восточных языков. В 1877 г. защитил магистерскую диссертацию. С 1884 г. профессор, ординарный профессор (1890), заслуженный ординарный профессор (1903) кафедры истории Востока Петербургского университета. С 1892 по 1918 г. профессор первобытной археологии в Петербургском археологическом институте. В 1886 г. за исследование Туркестанского края получил звание члена-корреспондента ИАК. С 1895 г. состоял старшим членом ИАК. Действительный член (1889), управляющий Восточным отделением (1908–1918) РАО. Действительный член МАО с 1887 г., ТУАК — с 1889 г. председатель разряда археологии и археографии Военно-исторического общества (1908–1918). Член Географического общества по отделу этнографии и редактор его записок. В 1884 г. командирован Археологической комиссией в Туркестанский край, где предпринял раскопки древних городов Средней Азии, в том числе первые раскопки на городище Афрасиаб. Результатом раскопок

стало открытие эллинистического искусства домусульманского периода в Туркестане. Приобрел в Самарканде для Археологической комиссии значительные коллекции древностей. Принимал активное участие в научной фиксации, охране и проектах реставрации всемирно известных памятников зодчества мусульманского периода в Туркестане. С 1889 по 1917 г. ежегодно проводил археологические раскопки на городищах и могильниках юга России (Таврическая и Ставропольская губернии, Кубанская и Донская области). Раскопал сотни курганов, среди них такие известные памятники, как: Огуз (1891–1894), Деев (1897), Майкопский (1897), Костромской, Ульский, Келермесские, Солоха (1912–1913) и др. Исследовал городища: Недвиговское, Елизаветовское и др. Находки из раскопок явились значительным вкладом в коллекции Эрмитажа, в том числе в сокровищницу «Золотой кладовой». Список печатных трудов насчитывает около 200 работ.

Осн. соч.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890–1898. Т. 1–3; Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII Археологического съезда в Харькове. М., 1905. Т. 1. С. 350–370; Лекции по истории Востока. СПб., 1910; Из находок в кургане Солоха // Известия ИАК. 1913. Вып. 52. Приб. С. 192–195.

Лит. о нем: Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924). М., 2017; *Лунин Б.В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979; *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историко-графические очерки. СПб., 2003. С. 88–92; *Клейн Л.С.* Курганы как искушение: Н.И. Веселовский // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 467–491.

(Фото: СПбФ АРАН. РХ. Оп. 2. Д. 60)

БРАУН Федор Александрович (Фридрих фон) (20.07.1862 — 14.06.1942) — филолог-германист и романист, историк, этнолог. Магистр истории всеобщей литературы (1900), почетный доктор философии Лейпцигского университета (1921). В 1885 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1888 г. читал там лекции по истории западноевропейских литератур и германской филологии. В 1900 г., по защите магистерской диссертации, назначен экстраординарным профессором по кафедре истории западноевропейских литератур, с 1905 г. — ординарный профессор и декан историко-филологического факультета, а с 1906 по 1908 г. — проректор. Член учебного комитета Министерства торговли и промышленности.

С декабря 1896 г. по апрель 1900 г. — член ИАК, затем сверхштатный член; с сентября 1918 г. — член Совета РГАК. Действительный член РАО с 1892 г., член-корреспондент АН СССР (1927), иностранный член-корреспондент Шведской королевской академии литературы, истории и древностей (1926). Провел раскопки на городище Мангуп в Крыму, искал следы готов в Приазовье. Научная деятельность — изучение культурных

взаимоотношений германского и славянского миров; работал над варяжским вопросом, владея в одинаковой степени скандинавским и русским материалом. В 1920 г. эмигрировал в Германию, был профессором университета г. Лейпциг (1922–1932), где основал школу славистики.

Осн. соч.: Die letzten Schicksale der Krimgoten. СПб., 1890; Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V в. Первый период: готы на Висле // Сборник II отд. Императорской Академии наук. Т. 64; Шведская руническая надпись, найденная на острове Березани // Известия ИАК. 1907. Вып. 23. С. 66–75; Den svenska runstenen från ön Berezanj utanför Dneprmyningen // Fornvännen årgång. 1914. Vol. 9. S. 44–48 (совместно с Т. J. Arne).

Лит. о нем: Тункина И. В. Н. Я. Марр и Ф. А. Браун: история взаимоотношений (1920–1925 гг.) // Stratum plus. 2000. № 4. С. 384–392; Тихонов И. Л. Неоднократный декан историко-филологического факультета Ф. А. Браун // Мат-лы XXXI Всероссийской научно-метод. конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 10. Секция истории филологического факультета. СПб., 2002. С. 8–13.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Б. Д. 406. Л. 1)

В 1891 г. поменялось руководство Керченского музея. 3 февраля Ф. И. Гросс подал рапорт об отставке, ссылаясь на ослабленную нервную систему и ревматизм, а также на чрезмерные служебные обязанности, ибо все это время он исполнял должность собственного помощника (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 28. Л. 3 — 3 об.). 2 апреля А. А. Бобринской ходатайствовал о его увольнении с 31 марта, прося до прибытия нового директора продолжать заведование музеем. Однако уже 28 февраля 1891 г. Карл

ДУМБЕРГ Карл Евгеньевич (Карл Теодор Роберт Георг) (12.10.1862 — 02.05.1931) — надворный советник, сын кандидата агрономии Дерптского университета. Окончил курс в Дерптском университете по ист.-филол. факультету в звании учителя исторических наук в гимназиях. Преподавал историю и географию. В 1889 г. избран членом Ученого эстонского общества, где был хранителем Нумизматического кабинета и членом-корреспондентом общества для исследования о. Эзель. В 1891 г. назначен на должность заведующего Керченским музеем и исправляющим должность члена ИАК. Проводил раскопки в Керчи, в 1896–1899 гг. первые крупномасштабные раскопки Пантикапея на северном склоне горы Митридат. В 1894 г. избран действительным

членом ИООИД, в 1899 г. — членом Таврической ученой комиссии в Симферополе. Член-корреспондент Императорского РАО с 1900 г. В 1901 г. уволен от службы, согласно прошению по состоянию здоровья. В дальнейшем работал в статистическом комитете в Керчи, в археологию так и не вернулся. С 1915 г. — старший преподаватель и инспектор частной гимназии, позднее — ассистент минералогического кабинета университета в Дерпте.

Осн. соч.: Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 г. // Известия ИАК. 1901. Вып. 1. С. 80–93; Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г. // Известия ИАК. 1902. Т. 2. С. 40–60.

Лит. о нем: Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерк истории столицы Боспора. М., 1964; Федосеев Н. Ф. Судьбы керченских археологов // Материалы юбилейной конф., посвящ. 175-летию музея (Керчь, 27–29 июля 2001 г.). Керчь, 2001. С. 18–29; Непомнящий А. Карл Думберг — археолог, краевед, подвижник музейной справи в Крыму // Праці Центру пам'яткознавства. 2006. Вип. 9. С. 94–102; Мальмберг Я. Н. Из глубины времен (В.К. Мальмберг — К.Е. Думберг — В.Г. Тизенгаузен) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 77–83.

(Фото: Архив Я.Н. Мальмберг)

Евгеньевич Думберг, преподаватель истории и географии Ревельской гимназии императора Николая I и член Ученого эстонского общества, заранее узнав от В.Г. Тизенгаузена об открывающейся вакансии, обратился к председателю ИАК с рапортом о назначении его директором Керченского музея (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 1).

А. А. Бобринской предполагал изначально сделать его лишь исполняющим должность без утверждения членом Комиссии, однако 31 марта К. Е. Думберг был утвержден министром двора в официальной должности. 1 июля 1891 г. он принимает дела музея и снимает для него новое помещение в доме Парфиевской.

С именем К. Е. Думберга связаны существенные изменения в деятельности Керченского музея, его переезд в новое здание и формирование собственной библиотеки (подробнее см. главу II). В целях придания своим сотрудникам большего общественного веса и успеха борьбы с грабительскими раскопками он 16 декабря 1891 г. предлагает сделать специальные нагрудные бляхи для надсмотрщиков музея и сторожей. 26 мая 1892 г. специальный знак из латуни с надписью «Надсмотрщик Керченского музея» по рисунку архитектора Г. Солтыковича был утвержден министром двора, и одновременно приказом по Кабинету его императорского величества было объявлено, что в случае незаконных раскопок необходимо немедленно уведомить местную полицию и составить соответствующий акт в присутствии надсмотрщика (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 47, 94, 94 об.). 30 октября 1899 г. вновь для поддержания авторитета служащих музея он уже ходатайствует о введении особой формы для сторожей и надсмотрщиков Керченского музея по образцу сторожей ИАК. Стоит отметить, что штат музея в это время состоял из писаря Михаила Чернышева (с 1862 г.), сторожа Антона Основского (с 1894 г.), старшего надсмотрщика Семена Зяблова (с 1876 г.), второго надсмотрщика

Нагрудный знак надсмотрщика Керченского музея, утвержденный 26 мая 1892 г. по рисунку архитектора Г. Солтыковича. Эскиз (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 94–94 об.)

Емельяна Митрова (с 1899 г.) и сторожа при Царском кургане Василия Мазка (с 1895 г.) (Там же. Л. 225, 227).

Несмотря на это, отношения директора музея и председателя ИАК складывались не просто. 27 ноября 1895 г. К. Е. Думберг подал в ИАК рапорт о награждении серебряными медалями на «Станиславовой» ленте музейных надсмотрщиков Семена Зяблова и Павла Варсаблюка, однако сам А. А. Бобринской 9 декабря в то же время просил у министра за Ивана Маленко и Дмитрия Евфимова, которые работали на раскопках с Н. И. Веселовским, и ходатайствовал об их награждении перед керченским градоначальником Митрофаном Егоровичем Колтовским (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 281. Л. 1 — 2 об., 3–4).

Уже 30 декабря 1895 г. М. Е. Колтовский направляет секретный запрос К. Е. Думбергу, не состоят ли выше означенные Маленко и Евфимов

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ.

КЕРЧЕНСКИЙ
МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ.

13 Августа 1894 года.

№ 56

г. Керчь.

Копия 148

Господину Команданту Керченской Кр-
пости.

Господин Военный Министр от-
ношением от 28 Мая 1892 года № 4333,
копия из которого при сем прилагается, сооб-
щает Господину Председателю Импе-
раторской Археологической Комиссии,
что земляная земля Керченской Кр-
пости отдана городу Керчи в аренду, для
производства на ней посевов, древесных
посадок, колбн трав и пастбищ скоту.
Для обеспечения сохранности памятников
древности, могущая обнаружиться, при
обработке арендуемой земли, вникнуло го-
ду в обязанность, принимая поднадле-
жия меры и предосторожности Высочайше Импе-
раторскому Управлению, оказать личн со-
действие в сохранении археологических па-
мятников. Добыча камня и прои-
водство археологических раскопок на арен-
дуемой земле вовсе не допускается - посто-
янно согласно Высочайшему повеле-
нию 11го Марта 1889 г., копия с которого
также при сем прилагается.

Между тем захватываются зем-
ли города Керчи, без всякого на то раз-
решения, один участок земляной
земли за другим и возводятся на них
разного рода постройки. Кроме того

в «счастливицах» и не занимаются ли кладоискательством, нанося тем вред, а не пользу археологии. 1 января 1896 г. К.Е. Думберг, оговариваясь, что прямых доказательств у него нет, свидетельствует о своей убежденности в этом и 2 января пишет по данному поводу самому А.А. Бобринскому (Там же. Л. 5 — 5 об., 6–7). 15 января 1896 г. председателю ИАК отправил письмо и керченский градоначальник: И. Маленко и Д. Евфимов, «закоренелые счастливицы и опытные воры», «несмотря на службу при археологии, есть самые отчаянные враги ее, беспрерывно занимаясь тайным кладоискательством и сбывая все найденные древности не представителям археологии, а частным лицам». Они заслуживают «не награду, а изгнания и устранения от всякого соучастия в археологии» (Там же. Л. 25–26). Инициированное графом награждение не состоялось.

Почти 10-летний период руководства К.Е. Думберга Керченским музеем закончился драматично. 7 марта 1900 г. он подает в Комиссию рапорт о том, что с 1 июля истекает срок аренды дома Парфиевской, в котором располагался музей, и что хозяйка требует увеличения аренды до 1100 руб. в год. 18 марта А.А. Бобринской ходатайствует перед министром о дополнительных средствах, однако уже 12 апреля К.Е. Думберг подает первый рапорт об увольнении. Председатель Комиссии просит его сначала произвести порученные ему работы на Ольвийском некрополе, но 18 апреля появляется новый рапорт, где К.Е. Думберг, со ссылкой на свою ревматическую болезнь, отказывается от этих раскопок и вновь просит об увольнении. Следующий рапорт датируется 28 апреля, где он вновь подчеркивает свои заслуги

и мотивирует необходимость отставки своим болезненным состоянием (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 231, 235, 241, 250, 258–261). Только начатый им переезд музея заставил его еще на один год задержаться в Комиссии.

Именно в это время К.Е. Думберг терпит еще одно поражение в своей борьбе за сохранение керченских древностей, которую он вел с 1897 г. Он боролся за передачу горы Митридат непосредственно в ведение ИАК для окончательного археологического исследования. 14 января 1898 г. Главное инженерное управление Военного министерства, в ответ на письмо А.А. Бобринского от 12 мая 1897 г., вроде бы отклонило ходатайство МВД о передаче этого участка Керченскому городскому правлению и даже предлагало сдать гору в аренду городу с тем непременным условием, чтобы «участки, потребные ИАК для изысканий с научной целью, могли быть выделяемы из аренды во всякое время по первому требованию военного ведомства без всякого за то вознаграждения городу». Однако в 1901 г. вопрос о Митридатовой горе был решен совершенно без участия Комиссии: военные просто произвели обмен этого участка на иную городскую землю (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 187–189, 196–197). 3 мая 1901 г. следует новый рапорт о попытке захвата эспланады горы Митридат Керченским городским правлением, что сопровождалось напоминанием об уже поданной просьбе об увольнении. 12 мая 1901 г. хранителю Мелек-Чесменского кургана преподавателю Керченской Александровской гимназии Владиславу Вячеславовичу Шкорпилу, который уже временно заведовал музеем в мае 1897 г., поступило предложение А.А. Бобринского принять

ШКОРПИЛ Владислав Вячеславович (1853 — 27.12.1918) — археолог, эпиграфист. Действительный член ООИД (1894), ТУАК (1903), Германского археологического института, Общества чешских филологов, Варненского археологического общества. По национальности чех, в 1893 г. принял подданство России. Образование получил в Пражском университете и Русском филологическом семинаре при Лейпцигском университете в 1878 г. По окончании получил назначение в Таврическую губернию — в ялтинскую Александровскую гимназию преподавателем древних языков. Затем переведен в Керченскую гимназию (1886–1903), где заинтересовался памятниками Боспора. В 1894 г. назначен хранителем Мелек-Чесменского кургана в г. Керчи. С 1901 по 1918 г. — член

ИАК и директор Керченского музея древностей (с оставлением преподавателем). В честь 50-летия ИАК (1909) выражена благодарность за удачные раскопки, найденные ценные древности и за труды по искоренению кладочисательства, которое значительно сократилось. Опубликовано около 100 работ. В декабре 1918 г. убит грабителями курганов.

Осн. соч.: Вновь открытая христианская катакомба // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 185–198; Из архива Керченского музея древностей: Ашик и Карейша // Известия ТУАК. 1907. № 40. С. 61–73; Боспорские надписи, найденные в Керчи в 1910 году // Известия ИАК. 1911. Вып. 40. С. 92–114.

Лит. о нем: Марти Ю. Ю. Памяти В. В. Шкорпила // ИТУАК. 1919. № 56. С. 144–147; Шестаков С. А. Жизнь и деятельность Владислава Шкорпила // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Владислава Шкорпила. 1993. Керчь. 1993; Лазенкова Л. М. Керченский музей древностей: Исследователи: В. В. Шкорпил // Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 145–152; Гриненко Л. О. «Керченский коллега» (Роль В. В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея) // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. 9. С. 330–359; Застрожная Е. Г. Внутриполитический кризис в России и археологическое изучение античного наследия Восточного Крыма (1914–1919 гг.) // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / под ред. И. А. Сорокиной. М., 2017. С. 24–26.

(Фото: ФО. Отп. Q 308-19, фрагмент)

у К.Е. Думберга дела, что и было сделано 6 июля. 15 июля 1901 г. прежний директор был отправлен в отставку.

Невозможно не обратить внимания на практически одновременную отставку В.Г. Тизенгаузена, Ф.А. Брауна, К.Е. Думберга и И.А. Сулова (1900–1902). В действительности это не было случайностью, все четверо ушли из Комиссии в результате серьезного конфликта, который имел под собой личностные, административные и научные причины.

Несмотря на то, что одна из сторон конфликта относит его начало к 1892 г., т. е. ко времени прихода А.А. Спицына в Комиссию, вплоть до лета 1899 г. ничто не предвещало серьезных потрясений в этом учреждении. К.Е. Думберг не собирался в отставку: 15 марта 1898 г. он просит представить его к следующему чину, а также ходатайствует о выделении денежного пособия. Более того, он намеревался расширить свою полевую деятельность: 14 июля он запрашивает Открытый лист на раскопки Кобанского могильника в «Сунженском отделе Терской области» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 3. Л. 87 — 87 об., 122 — 123 об.). Возможно, именно здесь, на Северном Кавказе, и столкнулись впервые его научные интересы с планами Н.И. Веселовского, который за год до этого раскопал знаменитый Майкопский курган.

Одновременно назревал конфликт и в Петербурге между «старой гвардией» и «новобранцами». 27 июня 1899 г. исполнялось 50 лет государственной службы В.Г. Тизенгаузена и 45 лет службы И.А. Сулова. По этому поводу последний, «за свой счет», организовал торжественный молебен с придворным духовенством, после чего состоялся скромный праздничный обед.

В адрес юбиляров поступило несколько поздравительных телеграмм. Однако ни Н.И. Веселовский, ни А.А. Спицын, ни И.С. Сутулло никак не поздравили В.Г. Тизенгаузена: если первый просто отсутствовал в Петербурге, то остальные, пребывая в помещениях Комиссии, демонстративно проигнорировали праздничные мероприятия. С возмущением описывая происшедшее на «непризнанном юбилее» в своем письме к А.А. Бобринскому, И.А. Сулов не только дает выход эмоциям, но и указывает на существующие, по его мнению, фундаментальные причины нестроений в Комиссии. Отношение новых членов ИАК к себе и В.Г. Тизенгаузену он объясняет «силой зависти, беспредельной ненавистью, беззубой злобой»: «Мыслимо ли было видеть всю эту мерзость до начала 1892 года?»

Заявляя, что эти сотрудники «губят Комиссию», он характеризует их как «псевдоученых» и «изобретателей прикладной археологии». По его мнению, они ставят себе в заслугу «обработку чужого труда», его «скомпоновку и напечатание под своим флагом, но за счет Комиссии». Непосредственно А.А. Спицын обвиняется в «издании приятельских коллекций». Сравнивая стоимость издания «Древностей камской чуди» и «Русских кладов», он пишет, что «ловко проведенный вопрос об изготовлении для Теплоухова таблиц обошелся для Комиссии дороже I тома труда ак[адемика] Кондакова» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 20–23; Древности камской чуди 1902; Кондаков 1896).

Именно тогда в Комиссии возникло новое напряжение. 2 июня и 18 июня 1899 г. начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского войска генерал-лейтенант Я.Д. Малама сообщал в ИАК из Екатеринодара о разграблении

курганов на Зубовских хуторах, которые якобы находятся на частной земле, а также об открытии древних погребений у селения Гатлукай.

Ф.А. Браун, заведовавший в это время делами ИАК, командировал Н.И. Веселовского, который тогда вел раскопки недалеко от Майкопа, для осмотра открытых памятников и для принятия мер против их разграбления. Однако в письме 7 июля Н.И. Веселовский, ссылаясь на трудности путешествия, практически отказывается от поручения: «Может быть, надумавши, и заеду... Скучно ездить по административным указаниям» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 3 — 4 об.). Судя по последующим письмам, Ф.А. Браун был глубоко задет таким ответом.

Почти одновременно, с июня 1899 г., в Комиссию стала поступать информация о том, что Н.И. Веселовский не присутствует на раскопках, а оставленный им в качестве руководителя керченский надсмотрщик И. Маленко торгует находками и ведет разгульный образ жизни. Сведения об этом в письмах на имя И.А. Сулова сообщал книготорговец из Ростова-на-Дону Ф.С. Романович (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 21 — 23 об.). Действительно, по запросу ИАК, околоточный надзиратель Майкопа Федриков сообщал о кутежах и распутстве И. Маленко, который «уже несколько лет по поручению профессора Веселовского самостоятельно производил раскопки курганов, а профессор приезжал только для того, чтобы забрать то, что найдет Маленко» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 7–10).

К.Е. Думбергу, который и ранее не доверял И. Маленко, было поручено провести расследование инцидента, в результате чего все факты подтвердились, а дополнительно выяснилось, что

сам Н.И. Веселовский в это время находился на даче в Анапе (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 5. Л. 137–140). В связи со скандалом в Майкопе он вновь напомнил руководству Комиссии уже известное нам донесение керчь-еникальского градоначальника о керченских надсмотрщиках Евфимове и Маленко как «закоренелых счастливицах», недостойных государственной награды (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 2 — 2 об.). Поступившее в 1900 г. поручение А.А. Бобринского произвести раскопки в Ольвии было расценено К.Е. Думбергом как ссылка и наказание, своеобразный «карт-бланш» на действия Н.И. Веселовского на Тамани и в Керчи. Очевидно, именно тогда у него сложилось окончательное решение покинуть ИАК — первое прошение об отставке, как мы уже знаем, было подано 12 апреля 1900 г. В.Г. Тизенгаузен и Ф.А. Браун отнесли к происшедшему схожим образом и заявили о дальнейшей невозможности работать в Комиссии: первый уходит в отставку 27 мая, второй — 14 апреля.

Сам К.Е. Думберг продержался в ИАК дольше всех, что было связано, как мы уже знаем, с переездом музея в новое здание. 23 ноября 1900 г. в своем письме И.А. Сулову, с которым поддерживал весьма близкие отношения, он, жалуясь на ревматизм, пишет: «Граф подумает, пожалуй, что я намеренно откладываю все в долгий ящик», имея в виду, очевидно, упомянутый переезд (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 5. Л. 161 — 162 об.). Еще ранее, 14 сентября, он сожалел в одном из писем, что никак не может «избавиться от музея». Здесь же он оценивает, по счастью ошибочно, будущее ИАК: «Что касается судьбы Комиссии, то я более чем убежден, что она рассыплется даже без нас, благодаря одной только глупости

графа», и предрекает, что «Московская X, наверное, скоро начнет войну», имея в виду, судя по всему, П. С. Уварову (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 5. Л. 137–140).

Судьба Комиссии обсуждалась и в Петербурге. А. А. Бобринской весьма переживал случившееся. В своем письме И. А. Суслову от 20 июня 1900 г. он несколько приоткрывает суть происшедшего конфликта и пишет, что именно на нем «лежит “грех” по последним приключениям в Комиссии»: «Грешен я в том, что моим чересчур добрым и любезным отношением, к сожалению, довел до кризиса. Грешен, что не мог ожидать, что люди, как, например, К. Е. Думберг, предпочтут подчиниться капризу, поставят на первый план мелкие личные интересы и пожертвуют судьбой Комиссии и науки». В заключение он утверждает: «Вся трагикомедия, которая разыгралась весной в Комиссии, является делом неразумным и относительно меня — очень не благодарным» (Там же. Л. 74 — 74 об.).

Именно в этих условиях произошла отставка В. Г. Тизенгаузена и начались переговоры о назначении в Комиссию В. В. Латышева, чему сопротивлялся И. А. Суслов. 24 апреля 1900 г. А. А. Бобринской просит делопроизводителя ИАК дать «немедленное дальнейшее движение» его рапорту министру двора в отношении Латышева. Он также пытается успокоить И. А. Суслова: «На чем основаны Ваши опасения — не понимаю и надеюсь, что спокойно обдумав дело — Вы убедитесь, что Ваше положение в Комиссии не будет поколеблено» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 30 — 30 об.). Однако 27 апреля И. А. Суслов предпринял еще одну попытку отстоять свои позиции. В письме А. А. Бобринскому он утверждает, что непредвиденная председателем отставка В. Г. Тизенгаузена,

К. Е. Думберга и Ф. А. Брауна, которая тогда еще только намечалась, но о которой он пишет как о свершившемся факте, поставила председателя ИАК в безвыходное положение. Упоминая, что должность «товарища председателя» была создана исключительно для Тизенгаузена, он нелицеприятно характеризует В. В. Латышева и, указывая, что тот является близким другом Н. И. Веселовского, утверждает, что вся «компания будет стремиться лишь к тому, чтобы ослабить власть председателя». Письмо он заканчивает намеком на свой возможный переход в другое учреждение Министерства двора (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 18–19).

Отношения между И. А. Сусловым и Н. И. Веселовским продолжали портиться. Летом 1901 г. делопроизводитель Комиссии отправил летнее жалование Н. И. Веселовскому по почте в Анапу, где тот пребывал на своей даче. Однако 18 июля 1901 г. Н. И. Веселовский прислал в ИАК безадресную записку, где выказывал свое возмущение как самим фактом перевода, так и произведенными копеечными вычетами на почтовые расходы (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Д. 43. Л. 233). В ответ И. А. Суслов 1 августа пишет Н. И. Веселовскому письмо, где перечисляет все старые обиды. Прежде всего, он упрекает Н. И. Веселовского в узурпации власти в ИАК: после увольнения В. Г. Тизенгаузена, К. Е. Думберга и Ф. А. Брауна тот принял на себя роль владыки и вершителя судеб Комиссии. Были и причины личного характера: в вину профессору ставились «высокомерие», «юпитерский взгляд» и «холодный тон речи». Похоже, что Н. И. Веселовский общался с делопроизводителем через близкого ему регистратора И. С. Сутулло. И. А. Суслов упрекал Н. И. Веселовского в том,

что тот вторгался в сферу его служебных обязанностей, что непосредственно выразилось в самостоятельном заказе ящиков для перевозки археологических коллекций. Это в свою очередь порождало проблемы с Контролем Министерства двора. Пожалуй, самым серьезным обвинением являлось манкирование служебными обязанностями и непрофессионализм. И. А. Суслов писал, что ему пришлось много работать за самого Н. И. Веселовского. В частности, речь шла о «разработке» привезенных Н. И. Веселовским в 1896 г. в огромном количестве древностей, к составлению описи и журнала раскопок которых, по требованию В. Г. Тизенгаузена, он приступил только в апреле 1898 г. И. А. Суслов утверждает, что и то и другое ему пришлось переделывать вместе с В. Г. Тизенгаузеном и И. Ф. Чистяковым летом в течение 4 месяцев по 12 часов ежедневно, поскольку самим Н. И. Веселовским все было составлено так, что «журнал не сходился с описью, опись с вещами, а нумерация вещей ни с тем, ни с другим» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 26 — 29 об.).

Одновременно развернулся новый виток конфликта вокруг личности В. В. Суслова и его трудов по реставрации Софийского собора в Новгороде. В конце 1900 г. тот обратился с прошением на Высочайшее имя о назначении ему пожизненной пенсии. Начальник Канцелярии прошений барон Александр Андреевич Будберг (1853–1914) направил соответствующий запрос в ИАК. 29 декабря А. А. Бобринской дал отрицательный отзыв, упоминающая проблемы при реставрации собора, который оказался «раскрашенным посредственной живописью». Такое же письмо было отправлено К. П. Победоносцеву (Там же. Л. 37 — 39 об.).

В. Г. Тизенгаузен, находившийся в это время в отставке, вместе с тем был в курсе происходящих вокруг ИАК событий. 14 января 1901 г. он адресует А. А. Будбергу свою версию прошедшего, утверждая, что А. А. Бобринской «оклеветал» В. В. Суслова, в частности, упрекая того в небрежности работ в Софийском соборе и преднамеренной утайке некоторых граффити. В неудаче реставрации, по мнению В. Г. Тизенгаузена, виноваты Н. М. Сафонов, М. П. Боткин и, отчасти, ИАК: «В несвоевременном описании, обследовании и сохранении надписей... кругом виновата сама Археологическая комиссия, в чем я откровенно должен сознаться, потому что доля вины этой падает и на меня». Согласно его точке зрения, В. В. Суслов сразу же уведомил Комиссию о возникших проблемах. Поэтому возлагать всю вину на В. В. Суслова недопустимо, что, по его словам, готов подтвердить и И. И. Толстой, который, как мы помним, также находился в конфликте с Комиссией (Там же. Л. 53–54).

Судя по всему, В. Г. Тизенгаузен тяжело переживал свой уход из Комиссии, где прослужил 38 лет. Спустя год после выхода в отставку, 27 мая 1901 г., он пишет И. А. Суслову письмо, в котором сквозь радость «избавления от служебных смут и дрязг» чувствуется своеобразное переживание за судьбу ИАК. «Мирное, скромное и честное строга-новское учреждение» превратилось, по его мнению, в «разгульный приют тех ловких карьеристов», которые «к добру и злу постыдно равнодушны»: «Строганов, думается мне, и на порог Комиссии не пустил бы такого человечка». Упрек в таком положении дел бросается новому председателю: «И это опять делает начальник ученого учреждения,

родовой дворянин, сенатор, блюститель права и закона». Новые сотрудники характеризуются им как «самонадеянные невежды», «беззастенчивые тунеядцы» и «казнокрады особого рода». Так же он оценивает и их научные заслуги: «Читаю теперь последнее произведение Спицына... и не могу надивиться его бестолковщине».

Стоит отметить, что научная полемика между В.Г. Тизенгаузеном и А.А. Спицыным этим не ограничивалась. Известна рецензия первого на весьма слабую и неудачную статью А.А. Спицына «О степени достоверности записки Ибн-Фадлана» (Спицын 1899а: 161–166). Рецензия с характерным названием «В защиту Ибн-Фадлана» указывала на то, что сочинение арабского географа тогда еще не было известно в полном объеме, и на поверхностный и дилетантский характер «вторжения» в данную область А.А. Спицына, даже не знавшего некоторой литературы по этой теме (Тизенгаузен 1900: 024–032).

В архиве В.Г. Тизенгаузена сохранилось письмо А.А. Спицына от 11 декабря 1900 г., представляющее собой ответ оппоненту: «Я уже ознакомился с Вашей защитой Ибн-Фадлана, и очень жалею, что Вы здесь приняли слишком пренебрежительный тон. Поднятый мною вопрос серьезнее, чем думается на первый взгляд, и не так-то легко одним взмахом пера сбить меня с моей позиции. Моя постановка вопроса уже потому вполне серьезна, что она единственно научная, так как сочинение Ибн-Фадлана до сих пор имеет только панегиристов и комментаторов и не имеет критиков. Спорить с Вами много и долго я не буду, потому что не имею на это времени и расположения; я спокоен за свою мысль, зная, что

всякий новый взгляд усваивается только со временем. Смело говорю это, хотя хорошо знаю, что Вы по поводу такого заявления скажете. Искренне благодарный за Ваше доброе отношение ко мне, А. Спицын» (АВ ИВР РАН. Ф. 52. Оп. 2. Д. 11. Л. 1 об.). Довольно резкий тон письма к пожилому, заслуженному ученому объясняется и долгой предысторией конфликта, и тем, что к этому времени бывший товарищ председателя Комиссии уже вышел в отставку.

В заключение своего письма И.А. Суслову от 27 мая В.Г. Тизенгаузен пишет: «Не теряю надежды повидать Вас вскоре у меня на даче» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 38 — 39 об.). Дача В.Г. Тизенгаузена находилась в Меррекуле, курортном местечке на берегу Финского залива, недалеко от Нарвы. Очевидно, И.А. Суслов побывал там в июле того же года, о чем свидетельствует фотография, посланная В.Г. Тизенгаузеном в Петербург 27 июля.

Вместе с тем факты, связанные с жизнью Комиссии, которые вызывали неудовольствие И.А. Суслова, продолжали множиться. Так, благодаря запросу рыбинскому уездному исправнику от 14 декабря 1901 г., удалось выяснить, что вместо раскопок в Киевском уезде А.А. Спицын с 15 мая по 15 августа проживал под Рыбинском в имении общих знакомых (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 52, 62), хотя им были получены командировочные на раскопки в с. Колодистое Звенигородского уезда Киевской губернии, которые он должен был провести совместно со студентом В.Н. Доманицким. Впрочем, из текста отчета действительно следует, что В.Н. Доманицкий какое-то время работал один (ОИАК за 1900 г. 1902: 81–85). И.А. Суслов так и остался непонятым председателем ИАК. Все это привело

*В.Г. Тизенгаузен и И.А. Суслов на даче в Меррекуле под Нарвой, июль 1901 г.
(ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 52)*

к отставке. Летом 1902 г. этот «служака николаевского закала», как он сам себя характеризует, делает последнюю попытку объясниться с А. А. Бобринским. 13 июня он сетует в своем письме, что отношение к нему председателя Комиссии «изменилось с осени 1900 г. не в мою пользу без малейшего повода» с его стороны в результате интриг «известных лиц» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 110 — 111 об.). 1 декабря 1902 г. он выходит в отставку.

Его отставка вызвала шок в археологическом сообществе России. 14 января 1903 г. П.С. Уварова отправляет ему трогательное письмо от имени МАО, где говорится, что общество, «узнав об оставлении Вами занятий в Императорской археологической

комиссии почти накануне исполняющегося 50-летия Вашего служения», «не может не высказать своего искреннего и глубокого своего сожаления по этому поводу». Благодаря И. А. Суслову за сотрудничество, она пишет, что МАО «неизменно встречало с Вашей стороны самое просвещенное, строго корректное и радушное отношение ко всем его нуждам, занятиям и запросам научного характера». Еще ранее, узнав о готовящейся отставке, К.К. Косцюшко-Валюжинич прислал в Комиссию телеграмму, где, обращаясь к И. А. Сулову, писал: «Вы уходите из Комиссии, но не из моего сердца» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 60). Свои сожаления по поводу отставки прислали П.В. Зубов, А.В. Орешников и архимандрит

Хачик (Дадян), а Н.П. Лихачев, узнав об этом, даже приехал к И.А. Суслову на квартиру и в оставленной записке выражал уверенность, что тот пострадал «за неослабное соблюдение служебного долга», и сожалел, что «кривда победила правду» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 58 — 59 об., 68, 80 — 82 об.).

Для того чтобы оценить всю сложность и неоднозначность отношений председателя ИАК и ее делопроизводителя, стоит вспомнить, что по ходатайству А.А. Бобринского в 1886 г. И.А. Суслову была предоставлена казенная квартира и удвоено жалование. Даже после выхода И.А. Суслова в отставку А.А. Бобринской продолжал ходатайствовать об оставлении ему квартиры, увеличении пенсии и постоянных денежных пособиях на воспитание и лечение детей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 24. Л. 242, 262, 266, 268). Сын И.А. Суслова, Николай Ильич Суслов, с 25 апреля 1895 г. состоял вольнонаемным при ИАК для различных занятий, с 26 апреля 1898 г. был канцелярским служителем Комиссии, а 1 января 1903 г. стал здесь же канцелярским чиновником XII класса, занимаясь описанием библиотеки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 238. Л. 40 об.).

Обида И.А. Суслова на ИАК и ее председателя так и не утихла. 23 июня 1914 г., в день 60-летия своей службы, он напоминает А.А. Бобринскому о своем юбилее, отправляя ему телеграмму со следующими словами: «желаю Вам, граф, достичь такого же дня, сохранив общее нелицемерное к Вам уважение...». Подпись — «Бывший ветеран Археологической комиссии Илья Сулов» (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 64). Интересно, что И.А. Сулов не просто сохранил в своем личном архиве подборку документов по истории конфликта

в ИАК 1899–1902 гг., но и своеобразно ею распорядился. В марте–апреле 1917 г. он целенаправленно отправляет А.В. Орешникову в Исторический музей эти материалы, дабы сохранить память о деяниях некоторых членов ИАК: «Я скорблю, очень скорблю, что многое, не лишенное интереса для будущего историка Археологической комиссии, уйдет со мной в могилу» (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 221).

А.В. Орешников уже был в курсе этого конфликта из письма, которое И.А. Сулов направил ему еще 8 декабря 1900 г. (Там же. Л. 212 — 214 об.). Теперь бывший делопроизводитель подводит итог деятельности Комиссии, резко прочерчивая грань между эпохами Строганова и Бобринского. Прежде в ИАК служили люди, не набиравшие себе в сотрудники легион «недоучек-молодцов» для массового уничтожения курганов и городищ, высокоценных для будущих ученых исследователей». Из новых приобретений Комиссии он выделяет только Б.В. Фармаковского. Здесь же он пишет о «захвате власти обольщенного Председателя», лжи, практикуемой ««дельцами» Комиссии в изданиях ее и при ежегодных обзорах выставок древностей», якобы имевших место финансовых злоупотреблениях и перерасходе средств на издания (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 66 — 67 об.).

И позднее И.А. Сулов обращался к А.В. Орешникову. Первое письмо датировано 18 марта 1917 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 221–222; ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 65 — 65 об.). Вместе с ним он отправил в Москву копию своей телеграммы А.А. Бобринскому от 23 июня 1914 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 223) и копию своего письма министру двора В.Б. Фредериксу

от 25 февраля 1913 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 224 — 225 об.). Второе письмо А.В. Орешникову датировано 19 апреля 1917 г. (сохранилось в двух копиях: ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 241 — 241 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9. Л. 66 — 67 об.). К нему И.А. Суслов также присовокупил ряд документов: фотоконии письма Тизенгаузена (оригинал поступил позже, вместе с фондом, очевидно, в 1923 г.: ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 109 — 109 об.), подлинную записку Н.И. Веселовского (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 233, 240), копию своего ответа Н.И. Веселовскому от 1 августа 1901 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43. Л. 234 — 239 об.) и некоторые другие документы.

Летом 1917 г. И.А. Суслов переехал в Ярославль. Здесь он сохранял добрые отношения с В.В. Сусловым, последняя открытка от которого, сообщающая о новостях в Комиссии, датирована 11 января 1918 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 114). И.А. Суслов скончался в августе 1919 г., а основная часть его архива, в частности переписка 1874–1902 гг., была передана в музей несколько позже, уже сыном Сулова — Алексеем Ильичем (1887–1962), впоследствии — архитектором и реставратором в Ярославле (см.: ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. Р-2543). Об этом написал А.В. Орешников в своем дневнике за 31 (18) мая 1921 г.: «...в Музей заходил сын Ильи Андреевича Сулова, умершего в августе 1919 г. и велевшего отдать некоторые свои бумаги в архив Музея; сын обещал их прислать» (Орешников 2010: 290). В Отделе письменных источников ГИМ эти материалы числятся за двумя номерами в Главной инвентарной книге: № 54677 (5 переплетов и 2 папки) был записан 6 июля 1923 г. с указанием в графе «источник

поступления» — «доставлены Алексеем Ильичем Суловым по воле его умершего отца», а № 64195 зафиксирован позднее, от 28 сентября 1928 г. Здесь также указано: «Дар А.И. Сулова». В настоящее время не представляется возможным выяснить, почему комплекс документов был разбит на две части. Нельзя исключить, что они поступили в музей одновременно.

Должность И.А. Сулова с 1 января 1903 г. занял Александр Сергеевич Раевский, младший помощник начальника Архива Министерства народного просвещения, занимая ее до 1 декабря 1910 г., когда согласно прошению он был уволен и тут же принят на внеклассную должность библиотекаря ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 238. Л. 12, 78). Интересно, что на ту же должность еще 30 апреля 1909 г. претендовал преподаватель 6-й гимназии член Археологического института Федор Виноградов (Там же. Л. 72). С именем А.С. Раевского связана организация настоящего библиотечного дела ИАК, которое началось с проведенной им «фактической ревизии». 28 января 1911 г. он подал рапорт на имя А.А. Бобринского, будучи обеспокоенным тем, что в библиотеке начали пропадать книги (Там же. Л. 84). Он предложил ряд мер, связанных с порядком пользования библиотекой, вполне европейского типа. В случае выноса книги из библиотеки он просил оставлять на ее месте «фантом-заместитель» с личной подписью, помимо традиционных расписок за уносимые на дом издания. Также он рекомендовал запретить самостоятельное, без библиотекаря, посещение библиотеки лицами, не служащими в Комиссии. В результате А.А. Бобринской обязал всех, «не принадлежащих к служебному персоналу Комиссии», «с просьбами

РАЕВСКИЙ Александр Сергеевич (1871–1920[?]) — окончил историко-филологический факультет Сибирского университета, с января 1902 г. — делопроизводитель ИАК, с января 1910 г. библиотекарь, осуществил реформу библиотеки ИАК. С 1910 г. гласный Городской думы в Петербурге, с 1911 г. председатель «Комиссии для подробного ознакомления с предметами старины, оставшимися от различных городских сооружений и памятников» Городского общественного управления Санкт-Петербурга, в ноябре 1918 г. назначен помощником библиотекаря РГАК по архиву. В 1918 г. обратился в Комиссию с просьбой о выдаче ему Открытого листа на разведку городища Вырь Путивльского уезда Курской губернии, работы не удалось осуществить в полном объеме из-за непредвиденных обстоятельств. 2 сентября 1919 г. арестован из-за участия в Сибирских городских выборах по спискам партии кадетов в 1917 г. 22 октября отправлен в Москву. В марте 1920 г. находился в Брестской больнице на Пречистенском валу, где лечили больных тифом заключенных московских концлагерей. Место и время смерти не известно.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 238; РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 7; ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. С. 102, 136–137 (см.: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Ra.html>, дата обращения: 15. 11. 2019).

о выдаче книг непременно обращаться к библиотекарю и не брать их из шкафов без его ведома» (Там же. Л. 85). Зимой 1917/18 г. А. С. Раевский, который был к тому же гласным Городской думы, тяжело болел и смог выйти на службу лишь во второй декаде апреля (Там же. Л. 88 об.).

СУТУЛЛО Илья Семенович (16.06.1859 — ?) — надворный советник. Из солдатских детей. Окончил полный курс наук в Московской военно-фельдшерской школе. По окончании утвержден младшим медицинским фельдшером. С 1876 по 1882 г. служил в кавалергардском полку сначала младшим медицинским фельдшером, а с 1879 г. старшим аптечным фельдшером. Сотрудничал с Комиссией «по вольному найму» на канцелярской должности с 1883 г. В 1888 г. поступил в ИАК регистратором, затем получил должность делопроизводителя (1910).

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 32.

18 июля 1888 г. регистратором Комиссии с 1 мая 1888 г. был утвержден Илья Семенович Сутулло (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 32), однако он уже сотрудничал с Комиссией «по вольному найму» на канцелярской должности с 11 февраля 1883 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 4. Л. 1–3). 1 января 1910 г. он был назначен делопроизводителем Комиссии. Освободившуюся таким образом должность регистратора занял Н. В. Суходольский. Леонид Александрович Филиппов попал в ИАК 13 января 1910 г., когда попросил предоставить ему «письменные занятия по вольному найму», а с 1 мая 1910 г. был принят сюда же на должность канцелярского чиновника XII класса. Однако в сентябре 1914 г. он был призван в действующую армию на Галицийский фронт и вернулся к службе в Комиссии лишь 17 апреля 1918 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 17. Л. 21, 41). На его должность с 1 ноября 1914 г. был взят Константин Иванович Высотин.

Стоит добавить, что в 1890–1900-х гг. в Комиссии было уже два

ЧИСТЯКОВ Иван Федорович (5.11.1865 — 7.12.1935) — запасной унтер-офицер 45-го пехотного Новороссийского полка, сторож ИАК (1890) и одновременно бессменный фотограф ИАК/РГАК/РАИМК/ГАИМК (1896–1934). Сотрудник фотографического отдела РАИМК (1919). Его фотографии и негативы отличались высоким качеством. С 1896 г. он вел по-негативную запись и нумерацию всех своих снимков. В 1918 г. передал РГАК свою коллекцию из 20315 аннотированных негативов, положившую начало организации специализированного хранилища — Фотоотдела Научного архива ИИМК РАН.

Источник: РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 12; Ф. 2. Оп. 3. Д. 733.

(Фото: 1914 г. ФО. Нег. II 38219)

сторожа — отставной жандармский фельдфебель Матфей Викторов, пришедший сюда 8 января 1892 г. по вольному найму, и старший унтер-офицер 45-го Новороссийского пехотного полка Иван Чистяков, исполнявший эту должность с 1 сентября 1890 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 12. Л. 1 — 1 об., 10 об., 19 об.). 1 января 1901 г. в Комиссию пришел новый сторож Дмитрий Павлов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 262. Л. 16). С 1896 г. И.Ф. Чистяков, изучивший фотодело под руководством В.Г. Дружинина, стал дополнительно выполнять обязанности фотографа Комиссии (Длужневская 2007а: 254; Медведева 2015b).

Заслуги И.Ф. Чистякова в деле основания археологической фотографии были отмечены председателем ИАК А.А. Бобринским. По его представлению И.Ф. Чистяков был награжден в 1899 г. «золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте» за исполнение по поручению ИАК фотофиксации древних самаркандских памятников зодчества, в 1904 г. «золотой медалью для ношения на шее на Анненской ленте» за исполнение снимков с фресковых росписей церкви Спаса на Нередице близ Новгорода (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 12. Л. 48). Высокая квалификация фотографа И.Ф. Чистякова была подтверждена и профессиональными фотографическими организациями. В 1898 г. совет Императорского русского технического общества утвердил постановление комиссии экспертов Пятой фотографической выставки о награждении И.Ф. Чистякова бронзовой медалью Министерства финансов «за точное исполнение снимков с древних предметов». В 1903 г. эксперты Международной фотографической выставки, состоявшейся в Санкт-Петербурге,

наградили Чистякова малой серебряной медалью Министерства земледелия и государственных имуществ также за прекрасное изготовление фотоснимков древностей (Там же. Л. 47 об.). Фотографии и негативы, сделанные И. Ф. Чистяковым, всегда отличались высоким качеством и точностью фиксации.

Впрочем, В. Г. Дружинин дополняет эту картину забавными бытовыми подробностями внедрения фотографии в научную и культурную жизнь России: «В Эрмитаже не было фотографии и все, кому были нужны снимки с предметов, хранящихся в Эрмитаже, обращались к Чистякову, а он хорошо на этом зарабатывал. Чистякова как фотографа взял с собой Н. И. Веселовский, когда поехал в Ташкент описывать мечети, и поручил ему съемку мечетей. Чистяков составил альбомы снимков и продавал их по 300–400 рублей» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 187 об.)

А. А. Бобринской намеревался наладить обзор научной литературы в ИАК. 13 июня 1887 г. он писал Н. С. Петрову как управляющему делами министерства о том, что Комиссия обязана собирать информацию о памятниках старины, которая в настоящее время недостаточно известна. Для этого было необходимо создать библиографический указатель, идея и «образчик» которого были представлены ИАК еще в 1869 г. на Археологическом съезде в Москве. Председатель предполагал ассигновать для этих целей сумму в 600–700 руб. на наем лица, которому можно было поручить такую работу. Сам А. А. Бобринской предполагал привлечь к составлению библиографии библиотекаря Публичной библиотеки Эрнеста Ивановича Боннеля (1816–1893), «испытанное усердие

и добросовестность» которого были хорошо известны. Министерство выделило Комиссии для этих целей 700 руб. за счет сбережений от кредитов, выделенных на содержание ИАК, и в дальнейшем обзор научной периодики, прежде всего статей из «Чтений в Обществе истории и древностей российских», производил Эдуард Александрович Вольтер (1856–1940) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 37). С 1902 г. обзор современных изданий, выходящих в России, производил профессор Императорского Историко-филологического института Александр Иустиневич Малейн, удостоенный за это звание члена-корреспондента ИАК 8 февраля 1917 г.

В связи с расширением исследовательской программы ИАК в Причерноморье «южный фронт» Комиссии существенно укрепился. В 1901 г. членом ИАК, которому были поручены раскопки в Ольвии, стал Борис Владимирович Фармаковский. В 1908 г. штатным членом Комиссии был назначен Роберт Христианович (Роберт Георг Христиан) Лепер, возглавивший раскопки в Херсонесе после смерти Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича. Его немецкая фамилия писалась Loerer, поэтому в ряде публикаций можно встретить иное написание — Лёпер (см., напр.: Басаргина 2008b; Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017: 15; Лесная, Дорошко 2016; Журавлев, Костромичев 2016; Журавлев, Костромичев 2017; Тункина 2017b; ср.: Жебелев 2017: 61, 86, 155, 168), хотя согласно документам, хранящимся в архиве ИАК, он всегда подписывался как Лепер. Так же он значился в формулярном списке Комиссии.

В данном случае фонетические особенности фамилии очевидны. Еще одно ономастическое недоумение, касающееся Р. Х. Лепера, связано с его двумя

МАЛЕИН Александр Иустинovich (25.08.1869 — 26.10.1938) — филолог-классик, историк античности. Из семьи чиновника, выпускник тверской гимназии (1888). Окончил курс Петербургского историко-филологического института (1892). Профессор того же института, позднее профессор ЛГУ. Член-корреспондент Академии наук (1916). С февраля 1917 г. — член-корреспондент ИАК, с сентября 1918 г. член Совета РГАК. Редактор и редактор-издатель журналов «Филологическое обозрение», «Библиограф», «Гимназия», ЖМНП, «Гермес». С 1925 г. в штате Государственной публичной библиотеки, действительный член Института книговедения, создатель и заведующий Кабинета инкунабулов БАН СССР. С 1931 г. старший ученый хранитель Института книги документа и письма АН СССР, президент Русского библиографического общества. Автор переводов «Записок Сигизмунда Герберштейна» (СПб., 1908), «Дневника путешествия в Московию Корба Иоанна Георга» (СПб., 1906).

Осн. соч.: Библиографический указатель книг и статей по римской истории на русском языке. СПб., б/г.; Латинский церковный язык. Сергиев Посад, 1907; Рукописное предание загадок Альгельма. СПб., 1905.

Лит. о нем: Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф.

А.И. Малеина. Пг., 1922; *Тонкова Р., Новосадский А.* Александр Иустинovich Малеин (1869–1938) // Советская библиография. 1940. №1 (18). С. 221–222; История Библиотеки АН СССР, 1714–1964. М.; Л., 1964. С. 329, 349, 352, 378, 380; Архив А.И. Малеина (1869–1938) // Советская библиография. 1987. №3. С. 86–87.

(Фото: СПбФ АРАН. Ф. 1908. Оп. 1. Д. 50)

именами — Роберт и Роман, встречающимися в документах, причем современные исследователи зачастую предпочитают второе из них (Жебелев 2017: 86; Романчук 2008; Сорочан 2013: 124; Монахов, Кузнецова, Чуркова 2017: 15; Тункина 2017b).

Стоит уточнить, что сам Р.Х. Лепер именовал себя исключительно Робертом, а имя Роман функционировало лишь в русскоязычной бюрократической среде: Романом мог называть Лепера начальник жандармского управления Севастополя, а сын, который как раз носил имя Роман, очевидно, в официальных ситуациях, связанных в том числе с получением документов, мог именоваться Роман Романович (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 22. Л. 82, 94, 101).

Это назначение подчеркивает возросшее значение исследований Херсонеса в деятельности ИАК. Как известно, Косцюшко-Валюжинич, который в 1888–1891 гг. проводил раскопки ИАК на Херсонесском городище при формальном руководстве со стороны Н.П. Кондакова, а в 1891–1907 гг. — самостоятельно, был лишь членом-корреспондентом ИАК, да и то с 1898 г., а не членом Комиссии (подробнее см. главу V).

ФАРМАКОВСКИЙ Борис Владимирович (31.01.1870 — 29.07.1928) — историк античного искусства, археолог, создатель школы полевых исследований античных памятников в России. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета (Одесса) в 1892 г. Ученик Э. Р. фон Штерна и Н.П. Кондакова. Стажировался в Италии, Греции, Франции, Англии, Австро-Венгрии и т. д. (1894–1897). В 1898 г. назначен ученым секретарем РАИК. Член ИАК с марта 1901 г. Продолжил широкомасштабные раскопки в Ольвии. Раскопки прервались в 1915 г. и возобновились в 1924–1926 гг. Член-корреспондент Академии наук (1914). С 1906 до 1919 г. ученый секретарь РАО. Член РАИМК/ГАИМК, принял активное участие в преобразовании РГАК в Академию. С 1921 г. — бессменный ученый секретарь РАИМК/ГАИМК. В 1924 г. избран хранителем Эрмитажа. Член многих археологических и искусствоведческих институтов и обществ. В 1905 г. избран приват-доцентом Петербургского университета, в 1910 г. — профессором Петербургских высших женских курсов, в 1917 г. — доцентом Петроградского

университета, в 1919 г. — профессором Петроградского университета, профессором Педагогического института и Института истории искусств.

Осн. соч.: Стенная живопись Микенской эпохи. СПб., 1897; Второй Международный конгресс классической археологии в Каире. СПб., 1910; Архаический период в России. Пг., 1914; Ольвия. М., 1915; К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры Пг., 1921; Розкопування Ольвії в р. 1926. Одесса, 1929.

Лит. о нем: Б.В. Фармаковский. Некролог (Читан академиком С. А. Жебелевым) // Известия АН СССР. 1928 г. Л., 1929. С. 275–278; *Карасев А.Н.* Борис Владимирович Фармаковский // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 5–47; *Фармаковская Т.И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988; *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999. С. 92–97; *Смаль О.А.* Поиски красоты и совершенства: взгляд Б.В. Фармаковского на античное искусство // Проблемы древней и средневековой истории. Сб. науч. ст. Иваново, 1999. С. 54–59; *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 70–73; *Гаркуша Н.М.* Борис Владимирович Фармаковский. Николаев, 2010; *Клейн Л.С.* Ольвия по-квадратно: Б.В. Фармаковский // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. СПб., 2014. С. 48–59.

(Фото: ФО. Нег. I 65281)

Назначение Р.Х. Лепера оказалось сопряжено с рядом научных и церковных интриг. А.А. Бобринской первоначально рассчитывал назначить в Херсонес Федора Ивановича Шмита

ЛЕПЕР Роберт Христианович (Роберт Георг Христиан) (23.04.1865 — 14.10.1918) — филолог-классик, археолог, эпиграфист. Член-сотрудник РАО с 1894 г. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета. По окончании командирован в Грецию и Италию (1890–1894). С 1897 по 1901 г. преподавал в петербургской гимназии. Ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (РАИК) в 1901–1908 гг. По заданию РАИК провел археологические исследования в Малой Азии. Начал изучение топографии Константинополя. Привел в порядок нумизматическую коллекцию института. Член ИАК с 1908 г. В 1908–1914 гг. возглавлял раскопки в Херсонесе. В 1912 г. провел археологические исследования на Мангупе. Выйдя в отставку, преподавал в Севастополе, затем в Петербурге.

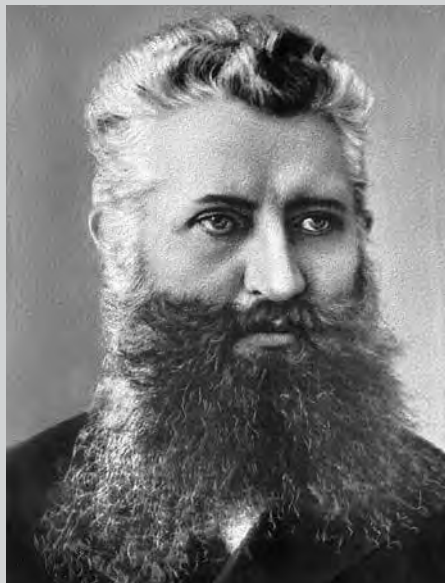
Осн. соч.: Архаическая надпись на Аттике. СПб., 1895; Древний город Афины. СПб., 1911; Херсонские надписи // Известия ИАК. 1912. Вып. 45. С. 23–70.

Лит. о нем: Басаргина Е.Ю. 1) Слово С.А. Жебелева, посвященное памяти Р.Х. Лепера // Деятели

русской науки XIX–XX вв. СПб., 2000. Вып. 1. С. 324–332; Вып 7. С. 249, 253, 264, 272, 327, 432, 437; 2) К биографии Р.Х. Лепера // История и практика археологических исследований. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения А.А. Спицына. СПб., 2008. С. 228–231; *Вдовиченко И.И.* Коллекции древностей Херсонеса Таврического. Расписная керамика из раскопок Р.Х. Лепера // Культура народов Причерноморья. 2006. №83. С. 59–62; *Журавлев Д.В., Костромичев Д.А.* Р.Х. Лепер и его раскопки херсонесского некрополя // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 152–159; *Журавлев Д.В., Костромичев Д.А.* Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Ч. 1: Материалы раскопок Р.Х. Лепера в 1909–1910 гг. М., 2017.

(Фото: ФО. Нег. II 94947)

(1877–1937), специалиста по позднеантичным и византийским мозаикам, одного из секретарей Русского археологического института в Константинополе и преподавателя Петергофской гимназии императора Александра III, о чем свидетельствует письмо графа от 9 февраля 1908 г. Однако уже 14 февраля 1908 г. газета «Слово» (№ 380) опубликовала информацию о том, что назначение Ф.И. Шмита заведующим раскопок Херсонеса вызывает озабоченность археологического сообщества: «Указанное лицо никогда такими раскопками не занималось и вообще мало знакомо с самой техникой раскопок». При этом в числе лиц, заинтересованных в назначении в Херсонес правильного человека,

КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧ

Карл Казимирович (Mikołaj Karol Kościuszko-Waluszyński) (20.04.1847 — 14.12.1907) — инженер, археолог, потомственный дворянин. Образование получил в Горном корпусе. Окончил старший класс в 1867 г. В 1868–1888 гг. служил на разных должностях на Динабургско-Витебской железной дороге. Выйдя в отставку, поселился в Крыму. Принял деятельное участие в организации кружка любителей истории и древностей Крыма с музеем и библиотекой. С 1885 по 1890 г. товарищ директора Севастопольского городского банка. В 1888 г. при формальном руководстве Н. П. Кондакова начал производство работ по исследованию Херсонеса по поручению ИАК, в 1891–1907 гг. непосредственно заведовал раскопками. Назначен член-корреспондентом ИАК в 1898 г. Создатель Музея древностей Херсонеса (1892). Состоял членом ИООИД; Московского нумизматического общества; Рязанской ученой архивной комиссии; ИРАО; Ростовского

музея церковных древностей; Уральского общества любителей естествоведения; Симбирской ученой архивной комиссии.

Лит. о нем: Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич. [Некролог основателя Херсонесского музея древностей и раскопок] // Крымский вестник. 1907. 16 декабря. С. 1, 3; Антонова И. А. Основатель Херсонесского музея // Крымский архив. 1997. №3. С. 57–67; Hochleitner J. Polski badacz Chersonezu — K. K. Kościuszko-Waluszyński. Przyczynek do twórczości naukowej // W kraju i na wychodźstwie: księga pamiątkowa ofiarowana Profesorowi Sławomirowi Kalembece w sześćdziesięciopięćciolecie urodzin/ red. Z. Karpus, N. Kasperek, L. Kuk, J. Sobczak. Toruń, 2001. S. 891–898; Шевченко Т. М., Тарасенко І. Г. Пам'яті К. К. Косцюшка-Валюжинича — видатного дослідника Херсонеса // Археологія. 2007. №3. С. 4–7; Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1: Античный полис; Т. 2: Византийский город. Тюмень, 2008; Романчук А. И. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Этюды повседневности. Saarbrücken, 2014.

упоминалась и председатель МАО П. С. Уварова. Действительно, в своей переписке с графом А. А. Бобринским по поводу организации XV Археологического съезда графиня П. С. Уварова несомненно демонстрировала корпоративную заинтересованность в исходе дела с назначением нового археолога. В своем письме 20 марта 1908 г. она даже предлагает перенести место проведения съезда из Новгорода в Севастополь, открыто свидетельствуя, что в этом случае «немаловажное значение будет иметь для будущего

съезда выбор лица, которое будет призвано заменить в Херсонесе покойного Косцюшко-Валюжинича» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 36. Л. 3 — 3 об.).

Однако для кандидата существовала проблема и гражданского характера: уход Ф.И. Шмита от преподавательской деятельности неминуемо бы повлек за собой его призыв на военную службу. В связи с этим А.А. Бобринской обратился к министру просвещения А.Н. Шварцу о предоставлении будущему заведующему учительской вакансии в Севастополе. Министр отвечал в том духе, что подобное назначение зависит от попечителя Одесского учебного округа, куда непосредственно и рекомендовал графу обратиться. Официальное письмо ИАК из министерства все же было переправлено в Одессу, откуда 29 марта сообщили, что такая вакансия для Ф.И. Шмита имеется. Однако сам Ф.И. Шмит, не дожидаясь ответа, 27 марта отказывается от работы в Херсонесе, ссылаясь на то, что А.А. Бобринской начал процесс его назначения без подачи официального прошения со стороны самого Ф.И. Шмита (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 22. Л. 10).

В то же время появляется и письмо обер-прокурора Синода Петра Петровича Извольского (1863–1928) А.А. Бобринскому. Новый таврический епископ Алексей (Молчанов) уже информировал обер-прокурора о грядущих переменах. Письмо преследовало цель избежать возможных конфликтов между ИАК и монастырем, причину которых прокурор и епископ видели следующим образом: покойный К.К. Косцюшко-Валюжинич, будучи поляком и католиком, «нередко игнорировал в своих действиях справедливые заявления администрации... монастыря

и вообще относился к этой обители без достаточного внимания и уважения», из-за чего и возникали частые недопонимания. При этом адресат указывал, что «личность заведующего раскопками имеет большое значение для монастыря», ибо «раскопки производятся не только в научных целях, но и в целях возвышения той обители, которая располагается на городище»: для этого был нужен «не просто ученый археолог, но и православный верующий человек». Сам таврический епископ просил содействия Синода именно такому назначению. В проекте ответного письма А.А. Бобринской писал, несколько лукавя, что впервые слышит от П.П. Извольского о каких бы то ни было конфликтах: «монастырь никогда не жаловался мне на покойного».

В результате такой сложной комбинации в Херсонес и был назначен Р.Х. Лепер «реформатского исповедания», бывший в то время ученым секретарем РАИК. Его прошение на службу в ИАК, в котором говорилось о желании вернуться в Россию, было датировано 22 марта и согласовано с директором института Ф.И. Успенским и Ф.И. Шмитом. Он был назначен членом ИАК с 1 апреля. Однако на этом история с преподавательской вакансией для члена ИАК не закончилась: 31 июля 1908 г. Министерство народного просвещения, будучи не в курсе отказа Ф.И. Шмита от работы в ИАК, официально уведомляло А.А. Бобринского, что с 1 августа тот назначен на место сверхштатного преподавателя Севастопольской мужской гимназии. В сложившейся ситуации в октябре месяце учебные часы были переданы самому Р.Х. Леперу.

Осуществляя свою кадровую политику, А.А. Бобринской начал активно

СТАСОВ Владимир Васильевич (2.01.1824 — 10.10.1906) — музыкальный и художественный критик, искусствовед. Окончил Училище правоведения. Служил в межевом департаменте Сената, потом в департаменте герольдии и при Министерстве юстиции. В 1851 г. вышел в отставку и до 1854 г. жил во Флоренции и Риме. В 1856 г. поступил на службу в Комитет по собиранию материалов о жизни и царствовании Николая I. С 1856 г. принимал участие во всех работах по художественному отделу Императорской публичной библиотеки. С 1872 г. занял место библиотекаря и заведовал этим отделом. В начале 1860-х гг. был редактором «Известий» ИРАО, секретарем Этнографического отдела музея, устроенного в сотрудничестве с В.А. Прохоровым. В 1866 г. избран действительным членом МАО. Изучал настенную живопись керченских катакомб. В 1886 г. избран членом-корреспондентом ИАК. С 1900 г. почетный член АН. Один из организаторов и идеологов объединения композиторов «Могучая кучка» и художников «Товарищество передвижных выставок».

Осн. соч.: Заметки о древнерусской одежде и вооружении. СПб., 1882; Трон хивинских ханов. СПб., 1886; Армянские рукописи и их орнаменты. СПб., 1886; Собр. соч. Т. 1–4. СПб., 1894–1906; Избр. соч. Т. 1–3. М., 1952; Письма к родным. Т. 1–3. М., 1953–1962.

Лит. о нем: Каренин В. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Ч. 1–2. Л., 1927; Лебедев А.К., Солодовников А.В. В.В. Стасов. Жизнь и творчество. М., 1976.

(Ил.: Жебелев 2017: 550)

пользоваться возможностями параграфа 4 «Положения об Императорской археологической комиссии» 1859 г., который гласил, что «Комиссия имеет почетных членов, членов-корреспондентов, содействующих ей в достижении ее целей». До 1886 г. только Л.Э. Стефани являлся единственным членом-корреспондентом АК. 16 мая 1886 г. В.Г. Тизенгаузен, вероятно по поручению А.А. Бобринского, была составлена докладная записка о кандидатурах на звание почетных членов и членов-корреспондентов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 7. Л. 4–5). Членами-корреспондентами стали 31 мая 1886 г. старший библиотекарь Публичной библиотеки Владимир Васильевич Стасов за описание клада, найденного в 1865 г. во Владимире, издание Скифского сборника и исследованной в Керчи катакомбы с фресковой живописью, директор Азиатского музея Академии наук академик Василий Васильевич Радлов, производивший в 1862–1866 гг. раскопки в Приалтайском крае и составивший сборник «Сибирских древностей», и старший хранитель Эрмитажа Юлий Богданович Иверсен, «безвозмездно рассматривавший и определявший содержание и нумизматическое значение

РАДЛОВ Василий Васильевич (5.01.1837 — 12.05.1918) — востоковед, этнограф, археолог и педагог, один из пионеров сравнительно-исторического изучения тюркских языков и народов. Родился в Берлине, в 1858 г. приехал в Петербург для занятий при Азиатском музее. Для изучения тюркских языков занял учительское место в Барнауле. Он объездил Алтай, восточные киргизские степи, часть губерний Енисейской и Тобольской, Ташкент, Ходжент, Джизак, Самарканд, Монголию. С 1862 по 1866 г. производил для ИАК раскопки в Приалтайском крае. В 1871 г. поселился в Казани, где до 1884 г. занимал должность окружного инспектора магометанских школ, изучая тюркские говоры (приволжские и башкирские), чувашский и черемисский языки. В 1884 г. назначен директором Азиатского музея в Петербурге (по 1890 г.) и избран ординарным академиком Академии наук. В 1886 г. совершил поездку в Крым для изучения языка крымских татар, а в 1887 г. — в Литву и Вольнь для исследования караимского диалекта. В 1886 г. получил звание члена-корреспондента ИАК. В 1891 г. возглавил экспедицию от ИАН для исследования древних памятников долины р. Орхон в Монголии. В 1894 г.

избран директором МАЭ. В 1898 г. организовал Турфанскую экспедицию (Центральная Азия) во главе с Д. А. Клеменцем. Один из организаторов Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. С 1903 по 1918 г. его председатель.

Осн. соч.: Observations sur les Kirghis. Paris, 1864; Proben der Volkslitteratur der turkischen Stamme Südsibirien. Sankt-Petersburg, 1866–1896. Vol. 1–7; Vergleichende Grammatik der nordlichen Türksprachen. T. 1. Phonetik. Leipzig, 1882–1883; Wörterbuch der Kinai-Sprache (Словарь кинайского языка). Sankt-Petersburg, 1874; Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Sankt-Petersburg, 1894, 1899; Мифология и мирозерцание жителей Алтая // Восточное обозрение. 1882. №7, 8; 1883. №8; Altas der Altertumer der Mongolein. Sankt-Petersburg, 1892.

Лит. о нем: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов, М., 1974; Демин М. А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989; Решетов А. М. Академик В. В. Радлов, востоковед и музейевед (Основные этапы деятельности) // Радловские чтения-2002. Материалы годичной научной сессии. СПб., 2002. С. 95–101; Матвеева П. А. «Все человечество едино»: В. В. Радлов и МАЭ. СПб., 2014.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Р. Д. 39. Л. 1)

ежегодно присылаемых в большом количестве монетных кладов». В почетные члены были выдвинуты и «ветераны Археологической комиссии» уже известные нам Л. Э. Стефани и И. Е. Забелин, утвержденные в этом звании 22 августа 1886 г., первый за исследования в области древностей Черноморского края, второй — за блестящие

САМОКВАСОВ Дмитрий Яковлевич (27.05.1843 — 16.08.1911) — историк-правовед, археолог, архивист. В 1868 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Был профессором истории русского права в Варшавском (1873–1892) и Московском (1894–1911) университетах. Читал открытые лекции по археологии и истории. В 1892–1911 гг. — директор Московского архива Министерства юстиции. Занимался археологическими раскопками в разных частях России. Исследовал курган Черная Могила в Чернигове. С 1883 г. проводил раскопки курганов в Приднепровье по поручению ИАК, с 1886 г. — ее член-корреспондент. Интересовался вопросами этногенеза славян, формирования государства и права Древней Руси, возникновения и развития древнерусских городов. Большое внимание уделял изучению истории и современного состояния архивного дела в России и за рубежом. Автор свыше 200 печатных трудов.

Осн. соч.: Древние города России. СПб., 1873; Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава,

1878; История русского права. Варшава, 1878–1884. Вып. 1–2; Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892; Государственные архивы Западной Европы и реформа архивов в России. М., 1900; Архивное дело в России. М., 1902. Т. 1–2; Могилы русской земли. М., 1908; Происхождение русского народа. М., 1908; Крестьяне древней России по новооткрытым документам. М., 1909.

Лит. о нем: Памяти Дмитрия Яковлевича Самоквасова. М., 1912; *Щавелев С.П.* Историк русской земли: Жизнь Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998; *Клейн Л.С.* В поисках славного прошлого: Д.Я. Самоквасов // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. СПб., 2014. С. 329–359.

(Фото: частная коллекция)

археологические открытия на Днепре и Таманском полуострове.

Тогда же членом-корреспондентом Комиссии стал профессор Варшавского университета Дмитрий Яковлевич Самоквасов за раскопки курганов в Приднепровье в 1883 г., а 28 ноября того же года — профессор Петербургского университета Николай Иванович Веселовский. Интересно отметить, что напротив фамилии Веселовского в майском «списке Тизенгаузена» стоит помета «рано», возможно, принадлежавшая самому А.А. Бобринскому. К осени это мнение уже было забыто. 20 сентября председатель ИАК писал в Министерство двора о необходимости утвердить Н.И. Веселовского в звании члена-корреспондента за его археологические исследования и публикации (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 7. Л. 4–5, 19–20). 15 февраля 1888 г. в этом звании был утвержден горный инженер Иннокентий Александрович

ЛОПАТИН Иннокентий Александрович (21.01.1839 — 15.11.1909) — инженер, археолог, коллекционер. В 1852–1860 гг. учился в Институте корпуса горных инженеров. Внес большой вклад в дело естественно-географического изучения Сибири и Дальнего Востока. 1868–1869 гг. посвятил исследовательской работе в Приморье, результатом которой явилась статья о древних урочищах Амурской страны. В 1870 г. был избран действительным членом Русского минералогического общества, в этом же году вышел в отставку по состоянию здоровья. После 1870 г. занялся сбором археологических материалов, на собственные средства производил раскопки. Основные интересы в области археологии относились к бронзовому веку Южной Сибири, преимущественно ее приенисейской части. В течение 15 лет собрал богатую коллекцию, положенную в основу исследований В. В. Радлова, опубликованную в МАР в 1888–1902 гг. (Сибирские древности, СПб. Т. 1–2. МАР № 3, 5, 15, 27). С 1888 г. член-корреспондент ИАК.

Нумизматическая коллекция передана Томскому университету, археологическая коллекция согласно завещанию была передана в Исторический музей.

Лит. о нем: Клеонов И. Л. И. А. Лопатин. Очерк жизни и научной деятельности. Иркутск, 1964.

Лопатин, собравший и передавший Комиссии большую коллекцию древностей бронзового века в Южной Сибири, в особенности в Минусинском крае. 28 июля 1892 г. членом-корреспондентом Комиссии стал академик Василий Васильевич Латышев за издание памятников греческой и латинской эпиграфики из раскопок ИАК 1889–1891 гг. (МАР № 9), 26 мая 1893 г. — генерал-майор Александр Львович Бертье-Делагард за публикацию исследований Херсонеса (МАР № 12) и академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский за раскопки кургана Карагодеуашх, 23 мая 1894 г. — профессор Киевского университета Юлиан Андреевич Кулаковский за раскопки на юге России и публикацию Керченской катакомбы 1890 г. (МАР № 6) и чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области Николай Николаевич Пантусов за многолетние труды по исследованию несторианских кладбищ близ Пишпека и Токмака и другие исследования в Семиреченской области.

6 января 1895 г. в звании членов-корреспондентов были утверждены профессор факультета восточных языков Петербургского университета Валентин Алексеевич Жуковский за исследования Закаспийского края и описание Старого Мерва, академики архитектуры Иероним Севастианович Китнер за сотрудничество при рассмотрении проектов реставрации древних зданий

БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД Александр Львович (26.10.1842 — 14.02.1920) — военный инженер, строитель, археолог, нумизмат, библиофил, коллекционер древностей. Из семьи обрусевших французских эмигрантов-роялистов, сын морского офицера. Учился в Брест-Литовском кадетском корпусе, Константиновском военном училище в Петербурге и Инженерной академии (выпуск 1864 г.). Служил инженером на юге России и работал по строительству портов в Одессе, Ялте, Феодосии и Ростове. По болезни вышел в отставку в чине генерал-майора (1887) и поселился в Ялте. С 1887 г. руководил строительством торговых портов, водопроводов и железных дорог в Одессе, Ялте, Феодосии, Ростове-на-Дону. Член-корреспондент (1886), действительный член (1906) МАО и РАО (1890), член-корреспондент ИАК (1893), действительный член (1880) и вице-президент (1899–1919) ООИД. Собирал книги, карты и образительные материалы о Северном Причерноморье, этнографические, археологические и нумизматические коллекции, связанные с Новороссийским краем. Автор трудов по исторической топографии Крыма, по истории

и древностям Херсонеса, по античной нумизматике. Провел раскопки некрополя Феодосии, исследовал святилище римского времени близ Ялты и раннесредневековый могильник Суук-су в Крыму. Осуществлял обследование Инкерманской крепости, составлял план Херсонского городища. В последние годы занимался изучением Тмутараканского камня. Остались незаконченными исследования о Судаке и памятниках горного Крыма.

Осн. соч.: Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 170–279; Как Владимир осаждал Корсунь. СПб., 1909; Раскопки Херсонеса // МАР. № 12. Древности Южной России. СПб., 1893. Т. 5; Избранные труды. Т. 1–3 / под ред. В. М. Басырова. Киев, 2009–2012.

Лит. о нем: ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / под ред. П. С. Уваровой, И. Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2. С. 9–10; *Кропоткин В. В., Шелов Д. Б.* Памяти А. Л. Бертъе-Делагарда // СА. 1971. № 1. С. 140–142; Бертъе-Делагард Александр Львович (1842–1920): [Биобиблиогр. справ.] / предисл., сост. Н. Н. Колесникова. Симферополь, 2002; *Избаш Т. А.* Два патриарха // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб., 2004. С. 166–175.

(Фото: ФО. Отп. О.1226-53)

и Григорий Иванович Котов за исполнение поручений ИАК по осмотру памятников зодчества и участие в реставрационных заседаниях. 20 февраля 1895 г. это звание получил и. о. ординарного профессора Юрьевского университета Владимир Константинович Мальмберг

ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ Александр Сергеевич (15.01.1863 — 7.02.1919) — историк, археограф, археолог. Из дворян Екатеринославской губернии. Родился в имении Удачное Верхнеднепровского уезда. Среднее образование получил в Симферопольской гимназии, которую окончил в 1882 г. с золотой медалью. Выпускник Петербургского университета. Магистерская диссертация: «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты и до эпохи преобразований» (СПб., 1896). Крупнейший специалист по методологии истории и источниковедения, член Академии наук (1899). Профессор Петербургского археологического института (1891–1899); приват-доцент, председатель кружка историков при Петербургском университете. Действительный член РАО (1889). Принимал участие в Археологических съездах и международных конгрессах. С мая 1893 г. — член-корреспондент ИАК, с сентября 1918 г. член Совета РГАК.

Осн. соч.: Скифские древности. СПб., 1887; Вопрос о делении первобытной культуры на периоды // Историческое обозрение. 1892; Древности кургана Карагодеуаш как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III ст. до Р. Х. // Материалы по археологии России. СПб., 1893. № 13.

Лит. о нем: Тихонов И. Л. Деятельность академика А. С. Лаппо-Данилевского в археологии // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2. С. 154–165; Малинов А., Погодин С. А. С. Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2000; Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб., 2010; Малинов А. В. Социологическое наследие А. С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб., 2017.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Л. Д. 5. Л. 1)

за исследование памятников прикладного искусства из кургана Карагодеуаш (МАР № 13) (см. о нем: Горончаровский 2019). Руководитель раскопок в Херсонесе Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич был удостоен этого звания 7 марта 1898 г., а профессор Петербургского университета Сергей Александрович Жебелев — 18 января 1902 г. за труд, посвященный изучению пантикапейских ниобид. 18 февраля 1903 г. звание члена-корреспондента получил преподаватель Тифлисского кадетского корпуса Эмиль Александрович Реслер за раскопки в Закавказье. Старший хранитель Эрмитажа Алексей Константинович Марков и Николай Яковлевич Марр получили звание 12 апреля 1907 г. Архитектор Константин Константинович Романов, исследовавший Георгиевский собор в Юрьеве-Польском,

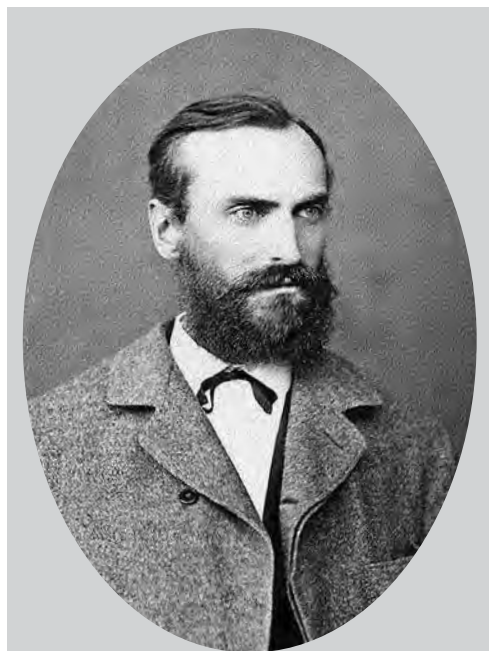
КУЛАКОВСКИЙ Юлиан Андреевич (25.07.1855 — 21.02.1919) — историк Древнего Рима и Византии, профессор университета св. Владимира в Киеве, статский советник, член-корреспондент Академии наук. Сын настоятеля церкви в г. Поневеж. В 1876 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета со степенью кандидата по отделению классической филологии. В 1876–1878 гг. — тьютор (помощник старшего тьютора) в Лицее цесаревича Николая. В 1878–1880 гг. — в научной командировке от Министерства народного просвещения за границей: Бонн, Тюбинген, Берлин. С 1880 г. приват-доцент, с 1884 г. профессор университета св. Владимира в Киеве, председатель Исторического общества Нестора Летописца при университете св. Владимира (в 1905, 1908–1919 гг.). С мая 1894 г. утвержден в звании члена-корреспондента ИАК

за производство археологических раскопок на юге России, составление научного исследования христианской катакомбы, найденной в 1890 г. в Керчи, и открытие там же в 1891 г. катакомбы с фресками. С февраля 1911 г. — сверхштатный член ИАК, с сентября 1918 г. — член Совета РГАК.

Осн. соч.: Керченская христианская катакомба 491 года // МАР. № 6. Древности Южной России. СПб., 1891. Т. 1; Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Киев, 1906; История Византии: в 3 т. Киев, 1910–1915 (переиздания: СПб., 2003–2004, исправ. и доп.).

Лит. о нем: Соболевский А.И. Ю.А. Кулаковский: Некролог // Известия Российской академии наук. 1919. Сер. 6. Т. 13. № 12–18. С. 567–568; Фролов Э.Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999; Матвеева Л.В. Юлиан Кулаковский. Киев, 2002; Пучков А.А. Юлиан Кулаковский и его время. Из истории антиковедения и византистики в России. СПб., 2004; Чеканов В.Ю. Київський візантиніст Юліан Кулаковський та міжнародні конгреси історичних наук на початку ХХ ст. // Вісник Київського славістичного університету. Сер. «Історія». 2009. Вип. 41. С. 202–209.

стал членом-корреспондентом ИАК 14 декабря 1910 г. 25 ноября 1913 г. в качестве члена-корреспондента ИАК был утвержден Мстислав Владимирович Фармаковский за художественные копии фресок погребальных склепов на юге России и научное исследование ювелирных изделий Полтавского клада 1912 г. Последним этого звания

ПАНТУСОВ Николай Николаевич (11.05.1849 — 11.06.1909) — востоковед, статский советник, окончил Петербургский университет по факультету восточных языков с ученой степенью кандидата. В 1872 г. был направлен в Туркестан, с 1883 г. служил чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области. С 1884 по 1903 г. осуществил ряд поездок и археологических раскопок, собирал и отсылал древности в музей Петербурга. С 1886 г. член-сотрудник РАО. В 1894 г. был избран членом-корреспондентом ИАК. С 1903 г. член-корреспондент РКИСВА. В 1886–1892 гг. осуществил археологические исследования несторианских христианских средневековых могильников в Пишпекке и Токмаке в Семиреченской области, башни Бурана, а в 1892 г. вместе с А. М. Фетисовым — обследования в Верненском уезде Семиреченской области. В 1898–1899 гг. совершил поездку по Семиреченской области и прислал в ИАК свои фотографии мавзолеев в Кульдже, снимки могил Чокана

Валиханова близ Кунякузской станции Копальского уезда и Танека Дюсетева близ г. Копала, ряда других сооружений и наскальных изображений.

Осн. соч.: Фергана по запискам султана Бабура. СПб., 1884; Христианские памятники в Семиреченской области. СПб., 1886 (совместно с Д. Д. Хвольсоном); Древности Средней Азии. Казань, 1897–1902. Вып. 1–4; Материалы по изучению казахско-киргизского наречия. Казань, 1900–1903. Вып. 1–6; Тамгалы-Тас Урочище Капчай Копальского уезда Балгалинской вол. СПб., 1898.

Лит. о нем: Горбуров Е., Горбуров К. Николай Николаевич Пантусов (1849–1909) // Емінак. 2016. №3 (2). С. 118–123; Скопа В. А. Н. Н. Пантусов — секретарь Семиреченского областного статистического комитета и выдающийся исследователь Семиречья // Novainfo. ru. 2017. Т. 1. №59. С. 194–198.

(Ил.: Горбуров, Горбуров 2016: 118)

в 1917 г. был удостоен уже упоминавшийся нами Александр Иустинович Малеин.

В 1890-е гг. появляется и новая категория лиц, сотрудничающих с Археологической комиссией, — ее сверхштатные члены, которые не получали жалования, но могли присутствовать на ее заседаниях с правом голоса. Одним из первых таким членом стал академик живописи, директор Музея Общества поощрения художеств, известный коллекционер Михаил Петрович Боткин (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 58. Л. 1–2). 7 декабря 1888 г. А. А. Бобринской подал соответствующий рапорт о назначении его сверхштатным членом без содержания, но со служебными правами должности VI класса, на которую он и был назначен 8 декабря.

ЖУКОВСКИЙ Валентин Алексеевич (24.04.1858 — 4.01.1918) — ориенталист, специалист в области иранского языкознания, литературы, фольклора, этнографии и археологии. Член-корреспондент Академии наук (1899). Родился в Воронеже. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду в 1880 г. В 1883 г. — магистр персидской словесности Петербургского университета. В 1883–1886 гг. находился в научной командировке в Иране (Тегеран, Исфахан, Шираз), изучал персидский язык, его диалекты и литературу.

По возвращении в Петербург (1886) был утвержден в должности приват-доцента с исполнением обязанностей руководителя кафедры персидской словесности и стал читать лекции на факультете восточных языков университета, где и работал до конца жизни. В 1888 г. получает степень доктора, с 1889 г. — профессор. С 1892 по 1902 г. — секретарь, с 1902 по 1911 г. — декан факультета восточных языков. В 1890 г. был командирован Императорской археологической комиссией в Закаспийский край для изучения древнего Мерва. В 1895 г.

получил звание члена-корреспондента ИАК за археологическое исследование Закаспийского края и составление научного описания развалин Старого Мерва, что было первой попыткой описания истории среднеазиатского города в широкой и исчерпывающей форме с привлечением мусульманских источников. Путешествовал по Туркменистану и Ирану в 1896 и 1899 гг. Зав. учебным отделом восточных языков при МИД России (1905).

Значительным вкладом в науку явились работы по персидской литературе, в особенности суфийской.

Осн. соч.: Материалы для изучения персидских наречий. СПб., 1880–1922. Ч. 1–3 (*Persische Grammatik mit Literatur, Chrestomathie und Glossar*. 4 Auf. Leipzig, 1947); Али-Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики. СПб., 1883; Жизнь и речи старца Абу Саида Мейхенейского. Персидский текст. СПб, 1889; Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва // Материалы по археологии России. № 16. СПб., 1894; Человек и познание у персидских мистиков. СПб., 1895.

Лит. о нем: Бартольд В.В. Памяти В.А. Жуковского //ЗВОИРАО. 1921. Т. 25. С. 399–415; Ромаскевич А.А. В.А. Жуковский и персидская народная поэзия // Там же. С. 415–422; Валентин Алексеевич Жуковский. 1858–1918. Попытка характеристики деятельности ученого. (Читано академиком С.Ф. Ольденбургом в заседании Отделения ист. наук и филологии 17 янв. 1918) // Известия РАН. 1918. Серия 6. № 12. Т. 3. С. 2039–2068; Ольденбург С.Ф. Валентин Алексеевич Жуковский, 1858–1918. Пг., 1919; Бушев П.П. Жизнь и деятельность В.А. Жуковского // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. IV. М., 1959. С. 116–136.

МАЛЬМБЕРГ Владимир Константинович (01.12.1860 — 25.10.1921) — историк искусства, археолог, выпускник историко-филологического факультета Казанского университета (1884), оставлен для приготовления к профессорской должности. В 1887 г. перевелся в Дерпт. Неоднократно путешествовал по Греции, Италии, Англии, Германии, Франции, Дании, Швеции для изучения древних памятников. Приват-доцент Казанского университета (1888–1890), экстраординарный профессор Юрьевского университета (1890–1907), с 1907 г. его ординарный профессор, директор Музея изобразительных искусств имп. Александра III в Москве (1913–1921). Главные труды посвящены исследованию памятников греческой декоративной скульптуры. Действительный член (1897) РАО. Член-корреспондент Императорской археологической комиссии с 1895 г., с сентября 1918 г. — член Совета РГАК, затем член РАИМК (Московская секция). Число научных трудов, напечатанных при жизни, достигает 50, неизданных работ — 20.

Осн. соч.: Метопы древнегреческих храмов. Исследование в области декоративной скульптуры. Дерпт,

1892; Успехи современной археологии. Юрьев, 1896; Древнегреческие фронтонные композиции. СПб., 1904; Этюды по древнегреческой вазовой живописи. СПб., 1906–1909. Вып. 1–6; Античные мраморы и бронзы. Юрьев, 1911 (совместно с Б. А. Тураевым); Памятники Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве. М., 1912–13; Курган Карагодеуашх // МАР. № 13. Древности Южной России. Т. 6. СПб., 1894 (совместно с А. С. Лаппо-Данилевским).

Лит. о нем: Щербаков Н. А. Неопубликованное научное наследие проф. В. К. Мальмберга // Труды секции искусствознания РАНИОН. 1928. Т. 2. С. 71–76; *Мальмберг Я. Н.* Из глубины времен (В. К. Мальмберг — К. Е. Думберг — В. Г. Тизенгаузен) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 77–83.

(Фото: ФО. Нег. II 99124, фрагмент)

6 декабря 1902 г. в соответствии с новыми штатами он был переутвержден в своей должности.

М. П. Боткин — личность, несомненно, колоритная, характеризующая культурную жизнь Санкт-Петербурга той эпохи. Кроме «исправного посещения заседаний» Комиссии, его деятельность здесь никаким реальным и полезным вкладом не была отмечена. Про него ходили типичные рассказы, как, например, этот: «Приходит приезжая дама в Археологическую к[омис]сию, приносит крест, который оценивает в 1000 р[ублей]; Боткин от к[омис]сии предлагает ей 100, и она, отказавшись, уходит; Боткин нагоняет ее на набережной и, жалеючи ее, от себя лично предлагает 175; дама тоже отказывается. “Куда же вы теперь понесете крест? Кто же купит?” — “Пойду к Ханенко в Киев, он мне давал приличную

ЖЕБЕЛЕВ Сергей Александрович (10.09.1867 — 28.12.1941) — историк, филолог-классик, археолог-антиковед, историк археологии. Член-корреспондент Императорской академии наук (1914), действ. член АН СССР (1927). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1890 г. Преподавал и служил в университете на различных должностях. Секретарь классического отделения РАО (1894–1919). С января 1902 г. — член-корреспондент ИАК. С сентября 1918 г. — член Совета РГАК. С 1919 г. — член РАИМК/ГАИМК, зав. разрядом Эллады и Рима, товарищ председателя (1923–1928). В ноябре 1941 г. назначен главой ряда академических институтов, оставшихся в блокадном Ленинграде без руководства.

Осн. соч.: Введение в археологию. Пг., 1923; Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории

Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953.

Лит. о нем: Академик Жебелев Сергей Александрович (1867–1941): библиографический указатель / сост. А.А. Пучков. Киев, 1997; Фролов Э.Д. Сергей Александрович Жебелев // Портреты историков. Т. 2: Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 16–27; Тункина И. В. «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. Вып. II. СПб., 2000. С. 116–161.

(Фото: ФО. Нег. I 65490)

РЕСЛЕР Эмиль Александрович (?–?) — статский советник, немецкий педагог, исследователь древностей Закавказья и Азербайджана, основоположник археологии Нагорного Карабаха. В 1893–1898 гг. преподавал в Шушинском реальном училище. Впоследствии преподавал в Тифлисском кадетском корпусе. Производил раскопки по поручению ИАК.

Среди находок наибольший интерес представляет агатовая бусинка (II тыс. до н. э.) с ассирийскими надписями, обнаруженная в 1895 г. Некоторые материалы из его раскопок оказались в Германии у известного антрополога Рудольфа Вирхова (1821–1902). С 1903 г. член-корреспондент ИАК. В октябре 1906 г. уезжает в Германию.

Лит. о нем: Тер-Аветисян С. Памятники древности Карабаха и скифская проблема. Тифлис, 1934; Qədirova-Atəşi N. Emil Röslerin arxeoloji qazintilarinin orijinal hesabatları (tədqiqatların ilkin nəticələri) // Gənc Alimlərin Əsərləri. 2014. № 10. S. 213–219.

(Источник: РО. Ф.1. Оп. 1-1903 г. Д. 34)

МАРКОВ Алексей Константинович (11.04.1858 — 1.08.1920) — крупный русский археолог и нумизмат. Получил образование в Париже и в петербургском Археологическом институте. С 1888 г. работал в Отделе нумизматики Эрмитажа, а с 1900 г. — его руководитель. В 1907 г. избран членом-корреспондентом ИАК за постоянное содействие в течение 20 лет по вопросам восточной и классической нумизматики. Читал курс лекций по античной и русской нумизматике в Археологическом институте. Им издан ряд работ по нумизматике эллинистического Востока, а также по античной и византийской нумизматике. Наиболее близкой областью были восточные монеты. Составленный каталог восточных монет Эрмитажа, топография находок кладов восточных монет до сих пор не потеряли своего первостепенного научного значения.

Осн. соч.: Библиография классической археологии за 1884–1886 гг. СПб., 1886; Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского

Эрмитажа. СПб., 1896; Монеты джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань, 2008; Русская нумизматика. Конспект лекций А.К. Маркова, читанных в СПб. Археологическом институте. СПб., 1905; О чистке древних монет. СПб., 1908; Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

Лит. о нем: Словарь нумизмата / пер. с нем. М., 1993; *Спасский И.Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. 1764–1964 // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8. С. 123–234; Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004; *Калинин В.А., Лепехина Е.В.* Хранители Эрмитажа: А.К. Марков и А.А. Ильин // Нумизматика. 2008. № 19 (ноябрь). С. 54–55.

(Ил.: Рисунок Э.К. Липгарта 1911 г.; по: Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 109)

цену». — «Богдан Иванович? Неужели не знаете... Царство ему небесное (крестится)! Он убит на войне», — и начинает оплакивать его и соболезновать даме, которая, не зная куда сунуться, уступает ему крест. Это была, конечно, смехотворная цена, а Ханенко был жив и здоров» (Вейнер 2008: 110). О способах, которыми М.П. Боткин пополнял свою коллекцию, свидетельствует и такой факт: в Эрмитаже среди сасанидских серебряных блюд из коллекции Строганова была обнаружена гальваноконья, а подлинник «нашелся» у М.П. Боткина, который объяснил это тем, что, получив от владельца разрешение на изготовление копии, «по ошибке» вернул ее вместо оригинала (Там же: 111).

Эти наблюдения подтверждаются воспоминаниями членов Комиссии,

МАРР Николай Яковлевич (25.12.1864 — 20.12.1934) — востоковед, филолог, археолог, историк Кавказа, лингвист. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1888). С 1891 г. — приват-доцент, с 1900 г. — профессор, с 1907 г. член-корреспондент ИАК, в 1911–1919 гг. — декан того же факультета. Академик с 1912 г. С 1892 г. по поручению ИАК проводил масштабные раскопки средневековой столицы Армении — городища Ани, на месте раскопок создал музей. В 1917 г. основал Историко-археологический институт РАН в Тифлисе. Член РГАК с мая 1918 г. С октября того же года — председатель РГАК. С 1919 г. — председатель РАИМК/ГАИМК. Создатель (1921) и директор Яфетического института АН СССР. Директор ГПБ в Ленинграде (1924–1931). С 1930 г. — вице-президент АН СССР. Внес большой вклад в отечественное кавказоведение, в первую очередь как филолог и археолог. Выдающийся организатор, приложил все силы к спасению научных кадров и инфраструктуры отечественной

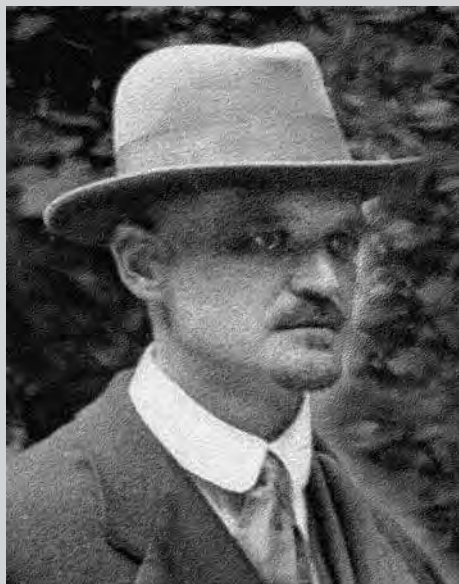
науки после Октябрьского переворота. Автор «нового учения о языке», объявленного «лингвистическим отделом марксизма». Нервные потрясения рубежа 1910–1920-х гг. стали причиной психического заболевания, постепенно прогрессирующего в 1920-х — начале 1930-х гг.

Осн. соч.: Избранные работы. М.; Л., 1933–1937. Т. 1–5; Яфетидология. М., 2002.

Лит. о нем: Николай Яковлевич Марр и советская археология. Л., 1950; *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991; *Голубева О.Д.* Н.Я. Марр. СПб., 2002; *Платонова Н.И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // АВ. 1998. № 5. С. 371–382; *Васильков Я.В.* Трагедия академика Марра // Христианский Восток. Т. 2 (VIII). Новая серия. 2001. С. 390–421; *Илизаров Б.С.* Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012; *Клейн Л.С.* Необузданный интеллект и революция: Н. Я. Марр // Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. СПб., 2014. С. 97–122.

(Фото: ФО. Отп. О.1067-5)

которые характеризовали М.П. Боткина как «весьма лукавого человека, сладкого в обращении и не устойчивого в принципах»: «так, когда приносили в Археологическую комиссию продавать предметы его интересовавшие, он низко их ценил, а сам потом, когда продавец не уступал предметы, забегал к продавцу и покупал их для себя по более возвышенной цене. И на этом его ловили... В Комиссии он присутствовал только в заседаниях и был совершенно бесцветен, поддакивая графу Бобринскому и барону Тизенгаузену. Он,

ФАРМАКОВСКИЙ Мстислав Владимирович (16.09.1873 — 29.03.1946) — специалист по истории древних технологий и научной реставрации, художник. Один из основоположников новой дисциплины — археологической технологии. Окончил Новороссийский университет (1895), Академию художеств в Дюссельдорфе (1902). В 1892–1906 гг. — сотрудник Музея Общества истории и древностей в Одессе. Занимался химией и техникой прикладного искусства в Сорбонне (1906–1908). С 1913 г. — член-корреспондент ИАК. С 1918 г. — сотрудник и хранитель Русского музея. В 1919–1930 гг. — ученый секретарь Института археологической технологии РАИМК/ГАИМК, один из главных организаторов этого начинания.

Уволен из ГАИМК «по категории», в результате «чистки» кадров (1930), сослан в Ярославль. В 1934 г. вернулся в Ленинград. Работал в ГАИМК, где заведовал кафедрой реставрации и консервации (до 1937 г.), и в Русском музее.

Осн. соч.: Блюдо епископа Патерна // Известия ИАК. 1913. Вып. 49. С. 101–127; Горит из кургана Солохи // Известия РАИМК. 1922. Т. 2. С. 23–48; Консервация и реставрация музейных коллекций. М., 1947; Акварель. Ее техника, реставрация и консервация. М., 2000.

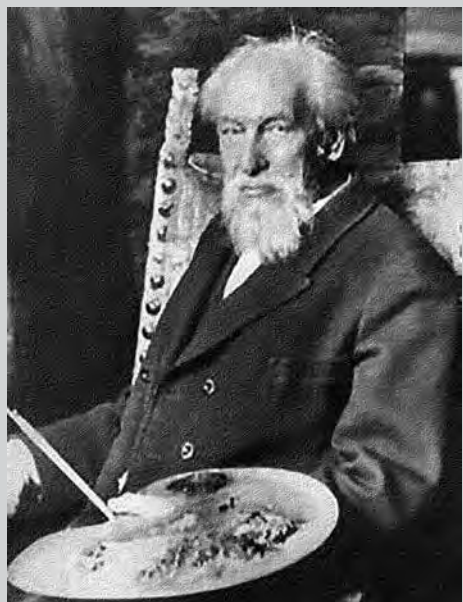
Лит. о нем: Иессен А.А. Мстислав Владимирович Фармаковский // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 165–167; Корнилов П. Е. М.В. Фармаковский // Сообщения Государственного русского музея. 1947. № 2. С. 48–49.

(Фото: ФО. Нег. II 99124, фрагмент)

очевидно, был членом Комиссии для получения чинов и орденов» (см.: Гайдук 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 180, 182).

Впоследствии сверхштатными членами ИАК являлись профессор Варшавского университета, а затем директор Московского архива Министерства юстиции Дмитрий Яковлевич Самоквасов, ставший таковым непосредственно из членов-корреспондентов, с 11 февраля 1891 г., и профессор Киевского университета Владимир Бонифатьевич Антонович — с 10 декабря 1891 г., одновременно с Н.И. Веселовским. Оба были утверждены приказом от 1 февраля 1892 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 180. Л. 20–21). Эти деятели уже ранее проявили себя как полевые археологи и знатоки скифо-сарматских и славяно-русских древностей.

Однако назначение 11 декабря 1892 г. сверхштатным членом Комиссии профессора Петербургской духовной академии и впоследствии директора Петербургского археологического института (с 1898 г.), а тогда его секретаря, Николая Васильевича Покровского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 197. Л. 21,

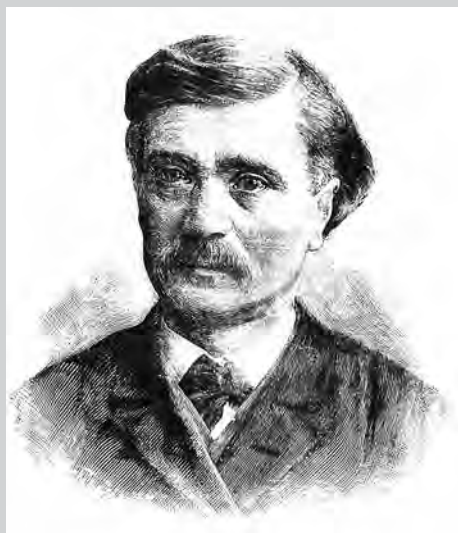

БОТКИН Михаил Петрович (7.08.1839 — 22.01.1914) — художник, гравёр, академик исторической живописи и выдающийся коллекционер. Родился в Москве, в семье известного чаеоторговца П.К. Боткина. В 1856 г. поступил в Императорскую академию художеств. После окончания несколько лет провёл в Германии, Франции и Италии. Здесь сблизился со многими русскими художниками, в особенности с А. Ивановым, в 1880 г. издал книгу «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка». За картины «Вакханка с тамбурином» и «Плач на реках Вавилонских» в 1863 г. получил звание академика. Член совета Академии художеств (с 1879 г.), сверхштатный член ИАК (1888), член Общества поощрения художеств, директор Музея Императорского общества поощрения художеств (с 1896 г.), председатель правления Первого российского страхового общества, член совета Петербургского международного коммерческого банка и др. Постоянно участвовал в делах Общества поощрения художеств,

и комиссиях, учреждаемых для организации художественных начинаний, — распорядитель художественными отделами на Всероссийской промышленной выставке в Москве 1882 г., участвовал в устройстве русского отдела на Международной промышленной выставке в Копенгагене 1888 г. Один из виднейших коллекционеров и меценатов. Из итальянских путешествий 1858–1863 гг. привез ценные памятники ренессансного и античного искусства. Особенно выдающееся собрание ваз и этрусских терракотовых масок происходило из раскопок 1875–1876 гг. в Тарквиниях. Владел уникальной коллекцией произведений прикладного искусства: античного, византийского, древнерусского, готического и ренессансного (выделялись византийские эмали на золоте, французские и немецкие эмали, бронзы романской эпохи и итальянские майолики эпохи Возрождения). В 1920 г. художественные собрания поступили в Государственный Эрмитаж.

Лит. о нем: Собрание М. П. Боткина. СПб., 1911; Некролог М. П. Боткина // Известия ИАК. Приб. к № 46 (Хроника и библиография. № 26). 1914. С. 160–161; *Барышников М. Н.* Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 70–72, 183, 283, 286; *Неверов О. Я.* Боткин // Санкт-Петербург и античность. СПб., 1993; Коллекции Михаила и Сергея Боткиных: [Каталог выставки, Санкт-Петербург. Русский музей, 2011–2012]. СПб., 2011; *Манойленко А. С., Манойленко Ю. Е.* Документы о художнике и коллекционере М. П. Боткине в Российском государственном историческом архиве // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 35–41.

(Ил.: Рюмин 1991: 153)

АНТОНОВИЧ Владимир Бонифатьевич (30.01.1834 — 21.03.1908) — историк, археолог, археограф, фольклорист, общественный деятель, один из основоположников украинской национальной историографии, глава киевской школы украинских историков. Магистр (1868), доктор (1878) русской истории, действительный член МАО (1874), РАО (1894), профессор Киевского университета с 1878 г., декан историко-филологического факультета 1880–1883 гг.

Основатель и председатель Исторического общества Нестора Летописца (1881–1883). Принадлежал к шляхте, разделял демократические идеи. Основные труды посвящены истории Правобережной Украины и Велико-го княжества Литовского, археологии Украины. Издал 9 томов материалов «Архива Юго-Западной России», из которых 4 посвящены казачеству. Исследовал курганы Киевской, Волынской, Черниговской, Подольской, Полтавской губерний, стремясь установить отличительные черты и пределы расселения отдельных племен. Являлся непременным участником всех

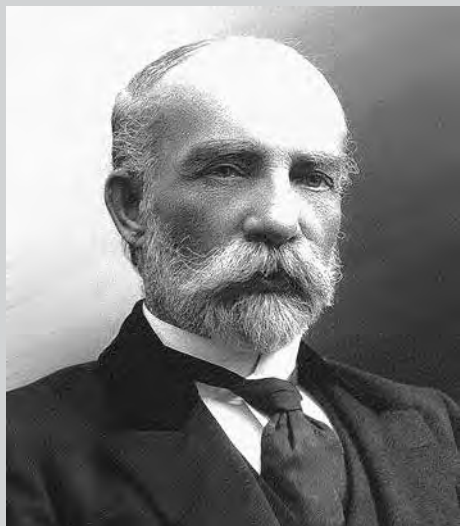
Археологических съездов. Много трудов положил на организацию археологического музея Киевского университета и нумизматического кабинета. В начале XX в. вышел на пенсию по болезни и подолгу жил в Италии.

Осн. соч.: Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г. 1901. Т. 1. С. 1–333; Археологическая карта Киевской губ. М., 1895; Раскопки в стране древлян. СПб., 1893; Бакотский скальный монастырь. Киев, 1880; Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом музее университета св. Владимира. Киев, 1896–1904. Вып. 1–3.

Лит. о нем: Памяти члена-учредителя исторического общества Нестора Летописца, заслуженного ординарного проф. В.Б. Антоновича. Киев, 1904; *Болсуновский К.В.* В.Б. Антонович как нумизмат. СПб., 1912; *Кіян О.І.* Життєвий та творчий шлях В.Б. Антоновича // Український історичний журнал. 1991. № 2. С. 64–76; *Ульяновський В., Короткий В.* Володимир Антонович: образ на тлі епохи. Київ, 1997; *Гордієнко Д.* До участі Володимира Антоновича у XII Археологічному з'їзді в Харкові 1902 р. (за листами Єгора Редіна) // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. III. Київ, 2013. С. 93–107.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-А. Д.13. Л. 1)

23 — 23 об.), представляется деянием совершенно иного порядка, которое может быть по достоинству оценено лишь в свете сложных отношений между ИАК, Синодом и епархиальными архиереями. Н.В. Покровского вполне можно назвать «отцом церковной археологии» в России. Окончив Духовную академию в Петербурге, он в 1880 г. защищает

ПОКРОВСКИЙ Николай Васильевич (20.10.1848 — 8.03.1917) — историк, археолог, искусствовед, «отец церковной археологии» в России. Родился в семье священника в Костромской губернии. Окончил курс в СПбДА со степенью кандидата богословия в 1874 г. В 1876 и 1888 гг. изучал византийские памятники за границей. С 1874 г. — приват-доцент, с 1880 г. — доцент, с 1883 г. — экстраординарный профессор, с 1894 г. — ординарный профессор, с 1899 г. — заслуженный ординарный профессор, с 1905 по 1917 г. — сверхштатный заслуженный ординарный профессор по кафедре церковной археологии и литургики; основатель и заведующий церковно-археологическим музеем (1879) Санкт-Петербургской духовной академии. Именно Н.В. Покровскому, а не Н.П. Кондакову, как принято считать, принадлежит честь создания иконографического метода. Магистр богословия (1880), доктор церковной истории (1892). Действительный (1880) и почетный член (1910), секретарь Русского отделения (1885–1888) ИРАО. Действительный член МАО (1887). Сверхштатный член

ИАК с 1892 г. Почетный член Общества антиквариев в Лондоне (1896). Член Совета Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, заведующий педагогическими курсами учителей и учительниц церковноприходских школ (1897–1898). С 1878 г. профессор кафедры церковных древностей и с 1898 г. директор Петербургского археологического института. Исследовал историю христианского искусства от его истоков вплоть до XVII в. Ввел в научный оборот значительный массив памятников восточнохристианского искусства.

Осн. соч.: Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892; Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб., 1900; Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916.

Лит. о нем: Мусин А.Е. 150 лет со дня рождения Н.В. Покровского // Новгородский исторический сборник. 1999. № 7 (17). С. 262–266; Пивоварова Н.В. Н.В. Покровский: личность, научное наследие, архив // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / ред. И.П. Медведев. СПб., 2004. С. 41–118.

(Фото: частный архив)

магистерскую диссертацию о происхождении древнехристианской базилики, а в 1892 г. — докторскую диссертацию «Евангелие в памятниках иконографии», где через историко-критическое исследование произведений искусства проводит мысль о церковной культуре как воплощенном Священном Предании.

По сути дела, им впервые применяется типологический метод в церковной археологии, где церковный канон предстает как иконографический тип. Знаток русских церковных древностей

ХАНЕНКО Богдан Иванович (3.01.1848 — 26.05.1917) — промышленник, коллекционер, меценат. В 1871 г. окончил Московский университет со степенью кандидата права. Занимал пост мирового судьи в Петербурге. В 1876–1882 гг. — член Варшавского окружного суда. Выйдя в отставку, путешествовал по Западной Европе. С конца 1880-х гг. поселился в Киеве. С 1892 г. — директор-распорядитель, а затем — председатель правления Южно-Русского общества содействия земледелию («Земледельческий синдикат»). С 1896 г. — директор-распорядитель и глава правления Товарищества свеклосахарных и рафинадных заводов братьев Терещенко. В начале 1890-х гг. — член Всероссийского товарищества сахарозаводчиков, Киевского биржевого товарищества, глава Киевского комитета торговли и мануфактуры. В 1906–1912 гг. — выборный член Государственного совета от промышленников. Член партии октябристов. Почетный член Академии художеств,

председатель Киевского общества древностей и искусства, сверхштатный член ИАК, член-корреспондент МАО с 1899 г. Собрал большую коллекцию произведений искусства и библиотеку. Сыграл главную роль в основании Киевского художественно-промышленного и научного музея (официально открыт в 1904 г.), основу экспозиции которого составила археологическая коллекция Ханенко (3145 предметов). По дарственной его супруги В.Н. Ханенко коллекция была передана в Киевский музей западного и восточного искусства, сегодня — Национальный музей искусств имени Богдана и Варвары Ханенко.

Осн. соч.: Древности Приднепровья. 1899–1907; Вып. 1–6. Русские христианские древности. 1899; Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899–1900. Вып. 1–2; (в соавт. с Ханенко В.Н.); Спогади колекціонера. Київ, 2008.

Лит. о нем: Крачковская В. А. Мусульманское искусство в собрании Ханенко. Л., 1926; Історія художнього зібрання відомих київських колекціонерів Богдана та Варвари Ханенків. Київ, 2005; Пескова А.А., Строчкова Л.В. Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б.И. и В.Н. Ханенко. СПб.; Киев, 2012.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 2. Д. 60)

и памятников христианской археологии вообще, человек, пользовавшийся уважением в Синоде и в Церкви, был чрезвычайно важен для А.А. Бобринского в его стремлении влиять на ситуацию с охраной и реставрацией памятников церковной старины.

Директор Института гражданских инженеров Николай Владимирович Султанов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 38.

Л. 2), ставший 20 октября 1903 г. председателем Техническо-строительного комитета МВД, еще 20 марта 1897 г. был кооптирован А. А. Бобринским в Комиссию в качестве сверхштатного члена в связи с возлагаемыми на него ИАК «поручениями по осмотру и исследованию древних памятников зодчества» и «постоянным участием в заседаниях по рассмотрению поступающих в ИАК проектов реставрации храмов и других древних зданий».

Помимо этого в число членов ИАК без содержания были введены бывший хранитель московской Оружейной палаты шталмейстер двора, граф Алексей Егорович Комаровский, управляющий двором принца Александра Ольденбургского (27 марта 1898 г.), который скончался 14 августа 1899 г., никак не проявив себя в деятельности Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 42. Л. 1, 6), известный коллекционер, председатель Киевского общества истории и древностей Богдан Иванович Ханенко (10 июня 1905 г.), член ООИД, профессор Новороссийского, а затем Галльского университета Эрнст Романович фон Штерн (20 апреля 1909 г.), профессор Киевского университета Юлиан Андреевич Кулаковский (7 марта 1911 г.), профессор Петербургского университета Михаил Иванович Ростовцев и князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов (7 апреля 1912 г.) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 298; РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 415).

Стоит отметить назначение 22 марта 1903 г. сверхштатным членом ИАК члена Государственного совета Николая Ивановича Булычева (см. о нем: Добычина, Иванов 2016). Еще 5 февраля А. А. Бобринский подает рапорт министру двора о том, что ИАК нужен сотрудник для разбора монетных кладов

и «ближайшего заведования делами», связанными с находками монет и распределением их по музеям, для чего необходим археолог, хорошо знакомый с отечественной нумизматикой. Таким археологом и стал Н. И. Булычев, сохранивший свой пост при МВД (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 21. Л. 5).

Два последних назначения говорят о А. А. Бобринском как стратеге, готовом обеспечить деятельность своей Комиссии на высоком государственном и общественном уровне с помощью связанных с ИАК известных государственных деятелей. Назначение А. А. Ширинского-Шихматова, который не только, подобно Н. И. Булычеву, был членом Госсовета, но и членом Сената и гофмейстером двора, а с 1903 г. еще и тверским губернатором, нужно рассматривать как создание мощной поддержки деятельности ИАК на уровне принятия общеимперских решений.

К тому же это назначение было важным и в отношениях с Синодом и епархиальными архиереями: новый сверхштатный член долгое время начиная с 1890 г. был юрисконсультom Святейшего Синода, в 1911 г. стал председателем комиссии по реставрации Большого Успенского московского собора. Нельзя сказать, что он был далек от археологии: под его руководством в 1903 г. в его имении Федово Тверской губернии был раскопан древнерусский грунтовой могильник (Ширинский-Шихматов 1906). Несмотря на то, что в интерпретации автора исследований этот памятник был отнесен к «языческим древностям», сегодня его материалы занимают ключевое место в научных представлениях о христианизации Древней Руси вообще и сложении древнерусской погребальной культуры в частности.

ШТЕРН, фон, Эрнст Романович (Эрнст-Валльфрид) (25.06.1859 — 27.04.1924) — историк, филолог-классик, археолог, эпиграфист. Действительный член МАО (1896), сверхштатный член ИАК (1909). Учился в Дерптском и Лейпцигском (1877–1880) университетах. Ученик Ю.-Г. Липсиуса и Г. Лешке. В 1884 г. приглашен преподавать классическую филологию в Новороссийском университете. Приват-доцент, экстраординарный (1896), а затем ординарный профессор (1898). Был деканом историко-филологического факультета и директором Высших женских курсов. Педагогическая деятельность Штерна явилась важным этапом в развитии антиковедения в Одессе. Член ИООИД (1891), хранитель музея древностей Общества (1896–1911). Систематизировал обширные музейные коллекции. Вел широкие полевые исследования на очень высоком методическом уровне, воспитал целое поколение археологов-антиковедов. В 1911 г. переехал в Галле (Германия), где преподавал в университете и прожил до смерти. Избирался деканом и ректором местного университета. В сентябре 1918 г. заочно избран членом Совета РГАК.

Осн. соч.: Полный список трудов помещен в т. 30 ЗООИД; Алебастр Псиакса и Гилина. Исследования в области

греческой керамики. Одесса, 1894; Античная глазированная посуда с юга России. Одесса, 1899; Две хранящиеся в Одесском музее античные вазы строгого краснофигурного стиля. Одесса, 1900; К вопросу об эллинской керамике. Одесса, 1910; О местоположении древнего Херсонеса. Одесса, 1908; Отчет о раскопках на острове Березани летом 1913 года. Одесса, 1915; Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906.

Лит. о нем: Жебелев С.А. Отзыв о трудах Э.Р. фон Штерна. Одесса, 1901; Проводы профессора Э.Р. фон Штерна. Одесса, 1911; Хойслер А. Эрнст фон Штерн, археолог в Одессе и Галле // Традиции российской археологии. СПб., 1996. С. 54–56; Щеглов А.Н. Э.Р. Штерн в России (несколько поправок и замечаний к тезисам А. Хойслера) // Там же. С. 56–57; Фролов Э.Д. Немецкий профессор в русском университете: Эрнст Романович фон Штерн (1859–1924) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2001. Вып. 3. С. 280–285; Кузьмищев А.Г. Археологические исследования Э.Р. фон Штерна: Березань, Тира, Петрены // Археологія і давня історія України. 2012. Вип. 9. С. 139–147; Кузьмищев А.Г. Березань в археологических исследованиях Э.Р. фон Штерна // Боспорские исследования. Вып. XXVI. Симферополь; Керчь. 2012. С. 433–461; Кузьмищев О.Г. Е.Р. фон Штерн у вітчизняній історіографії // Археологія. 2013. №4. С. 121–130; Кузьмищев О. Г. Е.Р. фон Штерн — дослідник античної археології північного Причорномор'я (кін. XIX — поч. XX ст.) // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 1 (14). С. 430–437; Кузьмищев О. Науково-педагогічна та організаційна діяльність Ернста Романовича фон Штерна // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2015. Вип. 19. С. 46–57; Кузьмищев А. Э. Р. фон Штерн и борьба с фальсификациями археологических материалов в конце XIX — начале XX века // ЕМІНАК. 2016. №4. С. 320–326.

РОСТОВЦЕВ Михаил Иванович (29.10.1870 — 20.10.1952) — историк античности и археолог. Образование получил в Киевском и Петербургском университетах. С 1895 по 1898 г. находился в заграничной командировке: Константинополь, Афины, Рим, Вена, Лондон, Париж, Испания, Малая Азия. В 1899 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1903 г. — докторскую. Чл.-корр. (1908), член Академии наук и многих ученых, исторических и археологических обществ. С 1898 г. приват-доцент, в 1901–1918 гг. профессор Петербургского университета. С октября 1912 г. — сверхштатный член ИАК, с сентября 1918 г. — член Совета РГАК. Принял участие в разработке проекта создания на базе ИАК/РГАК Академии археологических знаний (1917–1918). Занимался изучением Помпей, искусством Египта и Востока. В 1918 г. эмигрировал. В 1920–1925 гг. профессор в Мадисоне (штат Висконсин, США), в 1925–1944 гг. профессор Йельского университета в Нью-Хейвене. В 1928–1937 гг. возглавлял раскопки Дура-Европос. Развернул широкие исследования древней культуры и письменности на Ближнем Востоке, создал в США научную школу папирологии. В 1929 г. принял американское гражданство. Президент Американской исторической ассоциации (1935). Исследовал проблемы социально-экономической

истории эллинизма и Римской империи, а также древнюю историю юга России, им было выявлено сложное взаимодействие греческой, иранской и местных культур.

Осн. соч.: Античная декоративная живопись на юге России. СПб. 1913, 1914. Атлас 1913, Текст 1914; Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. СПб., 1908; Скифия и Боспор. Л., 1925; Рождение римской империи. Пг., 1918; Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Berlin; Leipzig, 1910; Mystic Italy. New York, [1927]; Dura-Europos and its art. Oxford, 1938; The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926; A history of the ancient world. Oxford, 1926–27. V. 1–2; The social and economic history of the hellenistic world. Oxford, 1941. V. 1–3.

Лит. о нем: Бороздин И. Ученые заслуги М.И. Ростовцева. [М., 1915]; Скифский роман. М., 1997; Парфянский выстрел. М., 2003; *Алинов П.А.* Историк М.И. Ростовцев: научный успех эмигранта // Новый исторический вестник. 2009. №1 (19). С. 128–133; *Алинов П.А.* Труды М.И. Ростовцева по истории древнего Рима в оценках англо-американской историографии конца 50-х — 70-х годов XX века // Вестник Пермского университета. Политология. История. 2009. Вып. 1 (8). С. 86–91; *Musin A., Dennert M.* Rostovcev Mihail Ivanovič, Arthistoriker, Archäologe // Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis 21. Jahrhundert / Hrsg. S. Heid, M. Dennert. Regensburg, 2012. Bd. 2 (K–Z). S. 1092–1095; *Алинов П.А.* Эпиграфические находки первого сезона раскопок в Дура-Европос и их интерпретация М.И. Ростовцевым // Вопросы эпиграфики. Вып. 7. Ч. 1. 2013. С. 285–298; *Алинов П.А., Соловьев К.А.* Михаил Иванович Ростовцев: «Большевистская теория может привести только к вырождению культуры...» // Российский либерализм: Идеи и люди / под ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2018. Т. 2: XX век. С. 688–701.

(Фото: 1905 г. ФО. Отп. Q 548-50, фрагмент)

ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ
Алексей Александрович (6.11.1862 — 22.12.1930) — князь, государственный, общественно-политический и церковный деятель, публицист. Служил по ведомству Министерства внутренних дел. Помощник юрисконсульта при обер-прокуроре Святейшего Синода (1890), прокурор Московской Синодальной конторы (1894). С 1903 г. — тверской губернатор. С октября 1903 г. — гофмейстер. В мае — товарищ обер-прокурора Синода (1905), обер-прокурор, член Государственного совета (1906). Вице-председатель православного Палестинского общества. Проводил археологические раскопки средневековых погребальных памятников Северо-Запада России. В 1915 г. основал Общество возрождения художественной Руси. После Октябрьского переворота участвовал в деятельности подпольных монархических организаций. Эмигрировал. На съезде правых монархистов (1921 г., Рейхенгаль, Германия) был избран одним из трех членов Высшего монархического совета. Умер во Франции.

Осн. соч.: Федовский могильник: Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. // Труды второго областного

Тверского археологического съезда 1903 г. 10–20 августа. Тверь, 1906. Отд. I. С. 53–62.

Лит. о нем: Жевахов Н.Д. Князь А.А. Ширинский-Шихматов. Новый Сад, 1934; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 700–701.

Пласт грунтовых могильников XI–XII вв. при сопках Федово, Деревяницы, Михаил-Архангел, Нередица (Спицын 1905а; Конецкий 1982; Носов 1982), которые зачастую являются организующим центром некрополя и определяют ориентацию погребенных, позволяют увидеть динамику сложения новой обрядности в конкретных социо-исторических параметрах, связанных с боярской патронимией. Однако стоит признать, что его фраза, написанная им в благодарственном письме А.А. Бобринскому в ответ на извещение об избрании сверхштатным членом ИАК: «В меру скромных моих познаний и слабых сил готов принять деятельное участие в трудах Комиссии, насколько это окажется возможным без ущерба для прямых моих служебных обязанностей», — должна рассматриваться не просто как проявление подобающей скромности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 225. Л. 9).

Кадровая политика А.А. Бобринского вообще отличалась продуманностью и логикой. Так, он практиковал перевод членов-корреспондентов ИАК в сверхштатные члены Комиссии, а последних в действительные, как это имело место с Н.И. Веселовским, занявшим 12 января 1895 г. место старшего члена ИАК, ранее принадлежавшее В.Г. Тиценгаузену, ставшему в тот же день товарищем председателя (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 186. Л. 13, 30 — 30 об.).

БУЛЫЧЕВ Николай Иванович (02.05.1852 — 20.11.1919) — выпускник Петербургского университета. Камергер двора его императорского величества, предводитель дворянства Калужской губернии, член Государственного совета, сверхштатный член ИАК с марта 1903 г., краевед, археолог. Много лет исследовал курганы в Верхнем Поднепровье и Поочье. Проводил раскопки в Калужской и Смоленской губерниях в 1886–1892 гг., в Уфимской губернии (1902), в Пензенской губернии (1897). С 1900 г. — член-корреспондент Московского археологического общества, в том же году избран действительным членом МАО. При баллотировке в РГАК 24 сентября 1918 г. не был переизбран и выбыл из ее состава. Во время революционных событий Булычев находился в Петрограде.

Осн. соч.: Раскопки по берегам Оки. М., 1902.

Лит. о нем: ИМАО в первое пятидесятилетие его существования

(1864–1914 гг.) / под ред. П. С. Уваровой, И. Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2. С. 9–10.

(Фото: Калужский музей изобразительных искусств)

Мероприятия А. А. Бобринского по созданию коллектива членов-корреспондентов и сверхштатных членов ИАК свидетельствуют не только о попытке решить кадровые проблемы самой Комиссии, но и о дипломатическом таланте ее председателя, умело формировавшего общественное мнение и вербовавшего надежных союзников своему ведомству. В своем письме от 6 сентября 1886 г. Д. Я. Самоквасову, сразу после назначения того членом-корреспондентом Комиссии, А. А. Бобринской выражает надежду, что профессор и впредь не будет отказывать Комиссии в ее просьбах (Археология... 2007: 271).

10 марта 1890 г. председатель ИАК обращается к Д. Я. Самоквасову по вопросам классификации курганов в Черкассах (Там же: 85–86), а 14 января 1893 г. запрашивает его мнение о проекте новых правил для археологических раскопок (Там же: 88; РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 260). В своем письме от 9 июля 1906 г. граф вновь просит «не оставлять» его указаниями: «Ежели Вы, опытные исследователи, не станете отказывать в совете и помощи, то можно будет мало-помалу прийти к лучшему положению вещей и сплотить археологические силы России в одно системное целое» (Археология... 2007: 88). Таким образом, мы видим, что А. А. Бобринской сумел привлечь к работе в Археологической комиссии значительное число выдающихся исследователей древности и лиц, обладающих значительным общественным весом в России. Необходимо отметить,

что именно в «эпоху Бобринского» произошло объективное совпадение персональных научных интересов членов Комиссии и выполняемых ею административных и исследовательских задач. С этого времени можно говорить о вкладе сотрудников ИАК в развитие науки и охраны древностей, как и вкладе самого учреждения.

А.А. Бобринской заботился об охране престижа сотрудников и служащих ИАК на местах. Так, 31 октября 1895 г. он обратился к министру двора с просьбой учредить особый нагрудный знак «Надсмотрщик Императорской археологической комиссии» для успешной организации работ, по образцу нагрудного знака надсмотрщика Керченского музея, утвержденного 26 мая 1892 г. Разрешение последовало 20 ноября 1895 г., где особо оговаривалось, что представители ИАК имеют право ношения такого знака при отправлении ими своих служебных обязанностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 316–319). Еще ранее, 4 декабря 1894 г., председатель заказал портному мастеру Ивану Вагину форменное обмундирование сторожам Комиссии по образцу присяжных Петербургского дворцового управления, на что было потрачено, после нудных переговоров с министерством, 183 рубля.

Здесь же стоит добавить, что во время реставрационно-археологических работ в храме Спаса на Берестове в Киеве 23 сентября 1911 г. П.П. Покрышкин ходатайствовал о назначении своего помощника Л.И. Кириллова сверхштатным членом Комиссии с правом ношения мундира и знака прилагаемого образца, который, к сожалению, не сохранился. Это должно было наглядно свидетельствовать о правах и функциях археолога

во время исполнения им своих обязанностей. 11 января 1912 г. А.А. Бобринской ходатайствует об этом перед министром двора, но, судя по всему, проект остался нереализованным (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 322).

Вообще, председатель Комиссии всегда вникал в нужды своих сотрудников. В связи с этим не очень понятно, что имеют в виду современные авторы, пишущие, например, что он «держал в черном теле в Комиссии» А.А. Спицына (Формозов 2004: 29), который для него был «чем-то вроде второго сорта» (Бердинских 2003: 421). Сам же А.А. Спицын подчеркивал, что пользовался полной свободой действий в Археологической комиссии, занимался тем и публиковал то, что сам хотел (Спицын 1928: 332). Также нужно заметить, что А.А. Спицын за годы своей службы под началом А.А. Бобринского регулярно получал новые чины и награды. В декабре 1915 г. А.А. Бобринской подал рапорт министру двора, в котором просил в обход существующих правил производства в новые чины (А.А. Спицын занимал должность VI класса и не прослужил 35 лет): «Не признаете ли Вы возможным обратить особое благосклонное внимание на этого труженика и в награду за его неустанную работу на пользу Археологической комиссии исходатайствовать ему, в виде исключения, чин действительного статского советника (IV класс, «Ваше превосходительство». — *Авт.*)» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 199. Л. 60 — 60 об.). В итоге 10 апреля 1916 г. А.А. Спицын получил этот чин. Он также участвовал во всех мероприятиях, определяемых придворным статусом Комиссии, в частности, в представлении новых находок лично императору. Однажды, возвратившись с такого

представления, А.А. Спицын рассказывал домочадцам, что даже спорил с императором Николаем II по поводу некоторых вещей и перемигивался с великими князьями (Тихонов 2003с: 107). Нелишним будет и упомянуть, что в 1918 г. после смерти Н.И. Веселовского А.А. Спицын был избран старшим членом Комиссии по предложению А.А. Бобринского, и именно на него председатель возложил свои обязанности, покидая Петроград летом того же года.

Совсем иное отношение к А.А. Спицыну было у И.И. Толстого, оставившего следующие записи в своем дневнике: «Спицын докладывал о китайском влиянии на татаро-монгольские и русские произведения вплоть до XIV–XV вв. Менее научного и более слабо обоснованного фактически доклада мне редко приходилось слышать в жизни! Голословность и отсутствие умения обращаться с научными методами исследования сделали то, что интересный сам по себе вопрос не был продвинут ни на йоту к разрешению. Бедный Спицын — несомненно, замечательно туп и не ему заниматься наукой!..» (Толстой 1997: 259). «...Докладчиком был Спицын, причем его изложение было образцом ненаучного отношения к предмету (древности Галиции). Трудно себе представить большего нагромождения фантастических выводов и субъективных решений самых разнообразных вопросов археологии...» (Там же: 261). «...После завтрака я ездил в Археологическую комиссию, а затем к Кондакову. В Комиссии мне показали поразительные находки нынешнего года. Члены, к сожалению, ничего в них не понимают (говорю о Николае Веселовском и Спицыне, которых застал в Комиссии), и они с открытыми ртами

слушали мои объяснения (например, о серебряном блюде...)» (Там же: 588).

На страницах этого же дневника содержатся и довольно резкие характеристики политической деятельности А.А. Бобринского (Там же: 166, 292, 314, 395). Бывшие сотрудники Археологической комиссии граф И.И. Толстой и Н.П. Кондаков продолжали оставаться в жесткой оппозиции председателю ИАК, а по существу и всему возглавляемому им учреждению. Впрочем, о частом необоснованном злословии последнего писали многие мемуаристы. Так, например, сын Н.О. Лосского вспоминал, что в устах Кондакова русские археологи следующего за ним поколения были в большинстве «архиолухами», а о Б.В. Фармаковском Кондаков говорил так: «сорок лет молчал, а потом такое сказал, что лучше бы и совсем рта не открывал» (Лосский 1993: 154–155; ср. подобные оценки, приведенные в мемуарах Б.В. Варнеке: Тункина 2002b).

Предпринимались меры и для «повышения квалификации» сотрудников Археологической комиссии, связанные с их служебными командировками за границу, а также для формирования полноценного представления о деятельности ИАК в европейской науке. Так, 23 января 1897 г. через Ф.И. Успенского в ИАК поступило приглашение на Археологический съезд в Афинах, который должен был открыться 26 апреля в связи с 50-летием Французской археологической школы в этом городе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 18. Л. 1).

ИАК осознавала необходимость профессионального роста своих сотрудников, повышения их квалификации. В 1904 г. планировалась поездка по археологическим памятникам Греции, в связи с чем 29 мая 1903 г.

В. В. Шкорпилу было направлено письмо (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 74. Л. 1). В нем писалось: «Императорская археологическая комиссия, сознавая всю важность ознакомления своих сочленов, ведущих практически дело раскопок, с результатами грандиозных археологических раскопок на почве собственно Греции и с применяемым при производстве их методом, предполагала командировать Вас в Грецию и с этой целью входила с ходатайством к управляющему Афинским отделением Немецкого археологического института профессору В. Дерпфельду о допущении Вас к участию в имеющих состояться в апреле и мае 1904 года под его руководством археологических поездках Германского археологического института по Греции.

Получив ныне согласие профессора Дерпфельда на принятие Вас в число членов указанных поездок, Императорская археологическая комиссия имеет честь уведомить Вас об этом и при сем присовокупляет, что проф. Дерпфельдом Вам будет прислана программа поездок, по получению коей Вы имеете войти в Комиссию с представлением о снабжении Вас нужными на поездку средствами, заграничным паспортом и соответствующими инструкциями, — если, конечно, командировке не воспрепятствуют Ваши служебные обязанности в Керченской гимназии».

Кроме В. В. Шкорпила отправить в поездку по Греции предлагалось также К. К. Косцюшко-Валюжиничу, при этом все расходы (500 руб.) брала на себя Археологическая комиссия. Однако по причине большой занятости, планировавшегося Высочайшего приезда в Херсонес и проч. Косцюшко-Валюжинич отказался от лестного предложения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г.

Д. 74. Л. 5). Директор Керченского музея нашел для этого время и под руководством В. Дерпфельда осмотрел памятники древней Греции, путешествовал по Пелопоннесу (17 дней), по островам (13 дней), посетил Афины (25 дней), а также Трою и Константинополь. Стоит вспомнить и об участии Б. В. Фармаковского и С. А. Жебелева в 1-м Международном археологическом конгрессе в Афинах в 1905 г. (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1905. Д. 29; ср.: Тункина 2006).

Несколько раз ездил за границу для участия в археологических конгрессах и осмотра археологических музеев и А. А. Спицын; так, в частности, в 1912 г. он был на археологическом конгрессе в Стокгольме (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 83). К сожалению, на общей фотографии участников конгресса А. А. Спицына не оказалось (Svedin 2007: fig. 1), однако здесь запечатлен другой член Комиссии Ф. А. Браун. Участвовал в этой встрече и ученик А. А. Спицына А. В. Тищенко.

15 марта 1908 г. в ИАК через Министерство иностранных дел было передано приглашение на Международный археологический конгресс в Каире, куда был отправлен Б. В. Фармаковский. Интересно, что эта поездка имела своим следствием попытку организации Отдела древностей Антиохийского патриархата при одном из русских музеев, в которую была вовлечена и ИАК. Во время конгресса его участники посетили Дамаск, где встречались с недавно избранным патриархом Григорием, который и предложил русскому консулу и Б. В. Фармаковскому вывезти коллекцию христианских древностей Ближнего Востока, «ныне расхищаемых иезуитами и попираемых мусульманами», в Россию. Параллельно с устным предложением записка

подобного содержания была отправлена в Петербург по дипломатическим каналам. Из рапорта самого Б.В. Фармаковского от 22 мая 1909 г. выяснилось, что во время личной беседы с патриархом дело обстояло несколько иначе, чем было изложено в записке: никакой готовой коллекции в патриархате не существовало. В результате Комиссия в своем отзыве увязала «желательность» такого мероприятия с качеством и составом предлагаемых вещей, однако сама возможность организации музея антиохийских древностей в России была признана затруднительной, так как в Турции существовал запрет на вывоз древностей за рубеж (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 66). Интересно, что за поступившим в Россию предложением, в обсуждение которого была вовлечена ИАК, могли стоять и вполне конкретные церковные причины геополитического характера: избрание антиохийским патриархом этнического араба Григория в 1906 г. не было признано греческими патриархатами, и для национальной арабской церкви в Сирии реализация «музейного проекта» стала бы средством прорыва «дипломатической блокады».

3–9 апреля 1913 г. в Лондоне состоялся Международный конгресс исторических наук (International congress of Historical studies), Оргкомитет которого направил соответствующее приглашение в ИАК, названную здесь Imperial Russian Archeological Commission, с предложением организовать особую секцию русских древностей. 30 января 1913 г. А.А. Бобринской подал в Министерство двора рапорт о том, что «участие в занятиях международных съездов вверенной мне Комиссии представляется весьма желательным». В Лондон были отправлены сам председатель ИАК

и Б.В. Фармаковский (Доклады 1914). Интересно, что следующий IV конгресс должен был состояться в 1918 г. в Петербурге, и Академия наук приняла на себя устройство предварительного совещания 18–20 декабря 1913 г., куда от Комиссии был направлен Н.И. Веселовский (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 29. Л. 1 — 2 об., 11).

Еще одно важное направление деятельности А.А. Бобринского на посту председателя Археологической комиссии — это заметная активизация раскопок и расширение их географии в пределах Российской империи, что нашло отражение и в издательской политике Комиссии. Иногда такая стратегия ИАК вступала в противоречие с планами расширения международной научной деятельности прочих российских организаций. В таких случаях А.А. Бобринской достаточно жестко защищал как свои намерения, так и иерархическую позицию Комиссии в системе отечественной науки.

25 октября 1893 г. министр народного просвещения вошел в Государственный совет с предложением создать в Стамбуле Русский археологический институт. Предполагалось, что он будет императорским. Принято считать, что такая инициатива была выдвинута еще послом России в Турции А.И. Нелидовым в 1888 г. Однако в действительности он лишь реанимировал старую идею уже известному нам А.В. Прахова о создании в Константинополе археологической академии, сформулированную им в 1881 г. в письме российскому послу Е.П. Новикову (см.: Смирнов 2014; ср.: АВПРИ. Ф. 180. Оп. 571/2. Д. 4757. Л. 1–2, 9 об. — 10). Институт мыслился как учреждение по изучению христианского Востока и «разработке» его истории,

быта, искусства и науки. Византийская культура рассматривалась здесь как «источник гражданственности», а сам институт оказался бы базой для научных командировок. Реализация проекта предлагалась и в целях упрочения влияния России на православное население Востока. В 1888–1889 гг. идея получила поддержку Святейшего Синода и Министерства иностранных дел, однако необходимые для ее осуществления 12000 руб. золотом вызвали недоумение в Министерстве финансов.

Предлагаемый Министерством народного просвещения проект создания РАИК был составлен Н. П. Кондаковым, Ф. И. Успенским и А. И. Кирпичниковым. В уставе будущего учреждения предполагалось, что в задачи института будет входить: 1) организация и направление «на месте» научных занятий русских ученых древностями и историей Греции, Византийской империи и Передней Азии, 2) «изучение монументальных памятников, географии, топографии, быта и права, эпиграфики и искусства», 3) организация «раскопок по соглашению посла с правительствами Турции и Греции». Предполагалось, что институт будет контролировать перемещения художников и ученых, которые будут обязаны являться к директору с отчетами. Отдельно предполагались стажировки в институте для кандидатов и магистрантов духовных академий (РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 32. Л. 17–25).

4 декабря 1893 г. Государственный совет заслушал это предложение и обратился к российским министерствам и ведомствам с просьбой высказаться по данному вопросу. Свое мнение, с учетом пожеланий и предложений членов Комиссии, в письме на имя министра двора высказал и А. А. Бобринской. Прежде всего, он обратил внимание на то,

что в проекте никак не упоминалась ИАК, занимавшая «первенствующее место среди археологических учреждений России». Председатель ИАК выразил сомнения в перспективности такого начинания и привел в качестве примера судьбу Римской археологической комиссии, вскорости изжившей себя. Он считал, что проще всего было бы не учреждать дорогостоящего института, а если у правительства есть лишние деньги, то предоставить их в распоряжение ИАК на специальную цель изучения византийских древностей: «для сего особых штатных должностей и содержания не потребуется». Не без иронии он писал, что «если в этом деле контроль ИАК и Министерства двора представляется чем-то страшным для составителей проекта (вспомним недавний конфликт ИАК с Н. П. Кондаковым. — *Авт.*), то испрашиваемые деньги могли бы с несравненно большей пользой быть переданы Одесскому обществу». Записка А. А. Бобринского предполагала возможность устройства Института византийских древностей на юге России, дабы изучать многочисленные находящиеся здесь памятники.

В заключение граф писал: «Что же касается упрочения чувства уважения и доверия местного общества к России, то едва ли турецкое общество возгорится особым уважением к учреждению, в коем при штатной сумме в 12000 руб. только 3000 руб. предназначено на научные цели (издание и раскопки), а остальные 9000 руб. будут расходоваться на жалование служащих лиц и на их удобства» (Там же. Л. 1–4). Впрочем, очевидно, что в этом пункте граф, как человек европейской культуры, ошибался. Его мнение и легло в основу соответствующего письма министра двора по поводу учреждения РАИК.

И.И. Воронцов-Дашков указывал, что едва ли можно ожидать, что учреждением в Константинополе Археологического института в том виде, в каком он представлен в проекте устава, будут достигнуты плодотворные результаты. Будущие директор и секретарь не могут обладать необходимыми разнообразными знаниями, чтобы читать в стенах института все курсы, а сложная система разновидностей членства в институте

затрудняет руководство этим учреждением. Отмечалась чрезмерная «цензорская роль» директора по отношению к лицам, посещающим институт. Предполагаемые для организации института средства министр предлагал передать Академии наук или Одесскому обществу истории и древностей (Там же. Л. 8–9). Как известно, средства на институт в Константинополе нашлись, и он был создан в 1894 г. (Басаргина 1999).

XVII

В «эпоху Бобринского» значительно расширился ареал научных интересов Археологической комиссии, лишь намеченных при С.Г. Строганове. Еще в начале 1880-х гг. В.Г. Тизенгаузен писал, что задачи археологических раскопок на юге (Пантикапей, Фанагория, Ольвия, Танаис) в основном выполнены и нужно сосредоточиться на «разыскании предметов древности, относящихся к отечественной истории», и указывал на необходимость изучения Киева и его окрестностей, а также Пермской и Вятской губерний (АВ ИВР РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2).

Позднее С.А. Жебелев писал: «С 80-х гг., когда во главе Комиссии стал А.А. Бобринский, Комиссия постепенно стала производить раскопки и археологические разыскания почти по всей европейской, а отчасти и азиатской России, хотя и тогда основным центром деятельности Комиссии продолжал оставаться юг России» (Жебелев 1923: 108). Изменение стратегии Комиссии хорошо видно и из текста «Очерка деятельности ИАК в царствование в Бозе почивающего Императора Александра III (1 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.)», составленного

по распоряжению от 11 марта 1900 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 174. Л. 2 — 23 об.). К 1899 г. годовой бюджет Комиссии значительно возрос и достиг 57915 руб., из которых выделялось 6000 руб. на раскопки в Херсонесе и 4000 руб. — в Керчи, 12000 на остальные раскопки, 3240 — на приобретение древностей, 7000 — на издания (РО. Ф. 25. Д. 47. Л. 11). Всего только за период с 1881 по 1894 г. на деятельность Комиссии было истрачено почти полмиллиона рублей казенных средств (Обзор деятельности 1901: 125). Для сравнения, в 1886 г. на содержание личного состава ИАК и хозяйственно-операционные расходы было выделено 21600 руб., на Керченский музей 6564 руб. и на путевые издержки и раскопки 2000 и 6300 руб. соответственно (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 1. Л. 2 — 6 об.).

В 1888 г., после Высочайшего повеления 12 июня 1887 г., начались раскопки в Херсонесе, которыми формально руководил Н.П. Кондаков, а непосредственные исследования проводил К.К. Косцюшко-Валюжинич. Иногда встречающееся мнение, что Косцюшко-Валюжинич первое время работал под наблюдением А.Л. Бертье-Делагарда

(Тункина 2017а: 370), не находит подтверждения в имеющейся в архиве переписке того времени (подробнее см. главу V). 10 мая 1893 г. городище посетил император Александр III, который одобрил происходящее своей знаменитой фразой «Теперь виден порядок», о чем лично сказал А.А. Бобринскому пятью днями позже (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 174. Л. 11 об., 63 об.).

Еще более масштабные и систематические раскопки в 1901 г. были начаты в Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского, после того как А.А. Бобринской добился выделения на них специальных средств в сумме 4000 руб. в год (подробнее см. главу IV). Однако даже в местностях традиционного интереса ИАК ее исследовательская политика изменилась. Научные интересы все более выходили за рамки классических памятников античной археологии, в том числе и в Крыму. Так, в 1886 г. В.Д. Смирнову было выделено 150 руб. для разведок и раскопок курганов и погребений в Старом Крыму. 30 марта 1887 г. он представил в Комиссию отчет, в котором фигурировали и христианские по облику некрополи, в частности, упоминался медный крест из могилы у церкви с. Бия (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 25. Л. 3 — 29 об., 36 — 36 об.).

Новый этап наступил и в изучении Сибири. В мае 1886 г. Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894), идеолог «сибирского областничества», отправляясь в поездку по Сибири, предложил ИАК свои услуги по собиранию сведений о коллекциях и раскопах как в Западной, так и в Восточной области за последние 25 лет. Это предложение заинтересовало А.А. Бобринского, которому, судя по его письму, мало что было известно об этом регионе, за исключением

исследований В.В. Радлова, которые велись здесь под наблюдением Комиссии. Одновременно ИАК поручила Н.М. Ядринцеву сбор сведений обо всех остатках древности, включая пещеры, курганы, изваяния и др. По своем возвращении 23 мая 1887 г. он представил в ИАК детальный отчет с предложением конкретных людей на местах, на которых Комиссия может опереться как на своих региональных сотрудников. География отчета охватывала Тюмень, Тобольск, Ишим, Томск, Красноярск, Минусинск, Иркутск и Сургут. К нему прилагалась составленная Д.А. Клеменцем археологическая карта Минусинского округа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 26. Л. 2 — 2 об., 8–10, 15).

В это время Кавказ также надежно вошел в научное поле зрения ИАК, однако первый опыт изучения Комиссией местных христианских древностей имел последствия, далеко выходящие за рамки собственно академических целей. 26 мая 1889 г. член ИАК Н.П. Кондаков подал в Министерство двора записку о вопиющих фактах продажи и расхищения христианских древностей в храмах и монастырях Кавказа. В 1882–1885 гг. разбойники ограбили три монастыря Джумаши и Шемокмеди в Гурии и Мартвили в Мингрелии. Н.П. Кондаков сообщал, что местная спекуляция и поиски иностранных агентов приведут к опустошению богатых ризниц.

Так, тифлисский дворянин Сабинус, по разрешению Синодальной конторы, собрал из ризниц церквей и монастырей старое серебро, забрал дорогие эмали на золоте (иконы XI в., эмали XI–XII вв., Евангелие 1300 г. на пергаменте), «отблагодарив» монастыри новыми иконами в ремесленных окладах. По мнению Н.П. Кондакова, для сохранения

остатков церковных древностей следует собрать их в Гелатском монастыре и в Сионском соборе в Тифлисе.

28 июня по докладу министра состоялось Высочайшее повеление о поручении Н.П. Кондакову составить описи угрожаемых древностей, а ИАК — произвести их научную оценку (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 69. Л. 1–2, 47 — 47 об.). Летом того же года Н.П. Кондаков совместно с товарищем председателя Кавказского археологического общества Д.З. Бакрадзе совершил научную поездку по Кавказу, от которой сохранились уникальные кальки с изображениями изучаемых предметов. Исследователи посетили 14 монастырей Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии. В августе министр велел опубликовать составленную зимой 1889/90 г. опись, а на изготовление фотографий Э. Гоппе в марте 1890 г. выделены 1800 руб. (Кондаков 1890). Н.П. Кондаковым же была инициирована поездка по Крыму и Кавказу тогда еще студента Петербургского университета Я.И. Смирнова. Основным поручением Я.И. Смирнову от ИАК было составление описи древностей Тифлисского музея, что им и было выполнено летом 1889 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 44).

Прошло 14 лет, и «Правительственный вестник» сообщил, что 19 июля 1904 г. был ограблен Гелатский монастырь и похищены «археологические драгоценности». 20 августа А.А. Бобринской запросил из общего архива дело об описании Н.П. Кондаковым кавказских древностей и тогда же написал экзарху Грузии с просьбой прислать в Комиссию полный список похищенных вещей. 16 сентября экзарх пересылает в Петербург список, составленный епископом Имеретинским, в котором из 7 украденных предметов два

были учтены в издании 1890 г. — потир (№ 29) и перстень царя Давида (№ 34). 25 января 1905 г. А.А. Бобринской обратился в Министерство иностранных дел с просьбой передать в главнейшие музеи мира список похищенных вещей ради предостережения иностранных коллекционеров от покупки ворованных древностей. Уже в марте через российского посла в Англии подобное предостережение поступило в Британский музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 69. Л. 35, 42–44). Действия А.А. Бобринского по сути дела предвосхищали современную практику профилактики преступлений против культуры.

Именно в «эпоху Бобринского» исследования Кавказа и Средней Азии, не став приоритетами деятельности ИАК, все же приобрели более систематический характер. В 1891–1893 гг. и с 1904 по 1917 г. Н.Я. Марр вел археологические исследования средневекового армянского города Ани в Карсской области (подробнее см. главу IX). В Азии на смену Н.Н. Пантусову, трудившемуся здесь с 1867 до 1892 г., пришел Н.И. Веселовский, который был в 1884–1885 гг. отправлен ИАК на городище Той-Тюбе Кураминского уезда и Чорлен-тепе близ кишлака Намданак в 40 км от Ташкента. Он также осмотрел памятники Ахсыкета, Касана и Узгена и даже приступил к раскопкам гордища Афрасиаб под Самаркандом. В 1897–1899 гг. Н.И. Веселовский снова был в Средней Азии. В 1898 г. Н.И. Веселовский вместе с сотрудниками экспедиции побывал в Шахрисябзе для обследования дворца Ак-Сарай. Исследование среднеазиатских городов трудами ИАК связано с деятельностью ираниста В.А. Жуковского. В 1890 и 1896 гг. на средства ИАК он совершил поездки в Туркестан: здесь

в 1890 г. осматривал Мешхед и Тус в Мерве и Хорасане, а в Закаспийской области в 1896 г. произвел раскопки на городище Анау (Жуковский 1894) (подробнее см. главу X). Отметим, что А.А. Бобринской в целом поддержал и идею составления карты археологических памятников Кубанской области, предложенную Е.Д. Фелицыным, с условием, что из издания будут удалены собственно этнографические сведения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 16). Это отражало новый этап в исследовании этого традиционного для Комиссии региона.

Одним из приоритетных направлений в «эпоху Бобринского» стала славяно-русская археология, что было связано не только с приходом в ИАК А.А. Спицына, но и с ростом общественного интереса к национальным древностям (подробнее см. главы XI и XIII). В 1886–1887 гг. Императорская археологическая комиссия начала финансирование раскопок в Старой Ладоге и в Старой Рязани, причем в последнем случае материальная поддержка исследований продолжалась вплоть до 1904 г. Напомним, что на подобное предложение, поступившее в Комиссию в 1860 г., С.Г. Строганов ответил отказом. В 1886–1887 гг. в недрах ИАК при участии В.Б. Антоновича и В.З. Завитневича сложилась программа систематических исследований славянских древностей Восточной Европы, преимущественно в Юго-Западном и Северо-Западном краях, на территории современных Беларуси, Восточной Польши и Литвы. Позднее к активным археологическим исследованиям славяно-русских древностей подключился член ИАК А.А. Спицын.

Первые его труды в качестве члена ИАК, ставшие классическими и не утрачившие своего научного значения до сих

пор, были связаны с систематизацией и исследованием погребального инвентаря из раскопок на Ижорском плато и в Причудье. С древностями славяно-русскими неразрывно оказались связаны балтские и финно-угорские средневековые памятники. Труды А.А. Спицына по картированию археологических памятников по губерниям и соответствующие обзоры опирались на традиции, заложенные ИАК в «эпоху Бобринского». Параллельно в его публикациях происходило обобщение и осмысление средневековых древностей (Список 1948: 14–19). Эти работы печатались зачастую в изданиях РАО, что отражает активный уровень взаимодействия Комиссии и Археологического общества.

С деятельностью ИАК связано и начало изучения русской эпиграфики и храмовых граффити. Комиссия поддержала исследование приднестровского пещерного монастыря XIV в. в Бакотах Подольской губернии. В 1894 г. А.А. Бобринской обратился к И.А. Шляпкину с предложением заняться изучением «настенных надписей» Новгородского Софийского собора за счет Комиссии. Этот проект должен был включить в себя не только граффити, но и вещевую палеографию и надгробия XI–XVI вв., но, к сожалению, он так и не осуществился. Зато вышел том Н.П. Кондакова, обобщивший поступившие в Комиссию клады древнерусского времени (подробнее см. главу XI).

Интересно отметить, что именно в 1886 г. начинается ряд важных дел, связанных с реставрацией и исследованием, в том числе и археологическим, целой серии замечательных памятников древнерусского зодчества — Успенского Мстиславова храма XII в. во Владимире-Волынском, чтимых часовен близ Переславля-Залесского,

Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и Преображенского собора и его росписей XII в. в Мирожском монастыре во Пскове (подробнее см. главу XIII).

Деятельности Комиссии не было чуждо и применение естественно-научных анализов в археологических изысканиях. Так, 22 декабря 1896 г. А. А. Бобринской, упоминая предшествующее сотрудничество и договоренности, остающиеся нам в настоящее время неизвестными, обращается к Дмитрию Алексеевичу Сабанееву с просьбой провести для ИАК исследование химического состава древних бронз, на что тот отвечает согласием. Через некоторое время ему направляются 2 археологических предмета, найденных на Кубани, 4 — из Минусинского края и 1 из Елизаветополя. Результатом исследования становится присланная в Комиссию таблица процентного состава химических элементов бронзовых изделий (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 186). С тем же процессом расширения сферы исследовательских интересов и превращения ИАК в координирующее археологическое учреждение России, заботящееся о должном, а следовательно, и методически верном научном поиске, связаны «инспекционные поездки» как членов Комиссии, так и персонально привлекаемых специалистов. Уже в 1887 г. для осмотра раскопок Старо-Рязанского городища, проводимых Рязанской архивной комиссией, был командирован И. И. Толстой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 45. Л. За-4, 9). Летом 1892 г. подобную миссию в отношении раскопок неолитического поселения Коломцы под Новгородом, произведенных В. С. Передольским, взял на себя А. А. Иностранцев. В его обязанности входила не только «ближайшая проверка» осуществленных

исследований и знакомство с приемами раскопок В. С. Передольского с точки зрения их системности и полноты, но и «определить, какое место среди других известных древностей северного края» занимают сделанные находки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 67. Л. 1 — 1 об.). Точно так же в 1905 г. Н. Е. Макаренко, получив 450 руб. аванса, отправился в Воронежскую губернию, в частности, в слободу Верхняя Салты, где местный учитель В. А. Бабенко производил многолетние раскопки Салтовского могильника, будущего эталонного памятника салтово-маяцкой культуры. Целью поездки было знакомство и критическая оценка применяемых местным археологом методик раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 70).

Финансирование Комиссией инициатив отдельных исследователей и обществ в области археологии конкретных памятников должно расцениваться как выражение научного интереса к данной области и тематике.

Важно отметить, что в первые три десятилетия своего существования Археологическая комиссия финансировала, как правило, только раскопки своих сотрудников, лишь изредка выделяя деньги на работы других исследователей. Так, в 1884 г. Д. Я. Самоквасову было выделено 3000 руб. на археологические исследования в Екатеринославской губернии с условием последующего предоставления финансового и научного отчетов, полевой документации и всех найденных вещей. Помимо этой суммы еще 500 руб. выделялось в безотчетное распоряжение на «путевые издержки» (Археология... 2007: 264). Впрочем, из «Книги выдачи открытых листов и авансов за 1891–1897 гг.» можно узнать, что регулярно крупные суммы по несколько тысяч рублей

Документ в Комиссии 20 л. в. 971.

Въ Императорской Археологической Комиссии.

1. Копорь. (Кубанской обл. 1896.)

№ предмета Н. К.
Всесоюзная

Предметы — лезвие ножа; зубцы металла и утолщающая поверхность; кушак и находится отчасти. Пластина желтая и светлозеленая. Металлы представляются по тому что свершено лезвие ножа и содержит:

Медь — 99.7%

Свинец —

Сурь —

} едва заметные следы.

2. Кельт (Минусинского вкр. 1894.)

Кубань д. П. А. А. А. А.

Предметы — лезвие с остатками ножа; зубцы металла и утолщающая поверхность; кушак и находится хорошо, хотя при этом же времени, что происходит известное от легкого позадочной вросшей массы и эмалью и при этом же времени. Пластина желтая и желтая. Металлы содержат:

Медь — 97.4%

Олово — 1.6

Свинец — 0.1

Сурь — следы.

3. Копорь (Минусинского вкр. 1894.)

Минусинск

Зубцы металла и утолщающая поверхность; кушак и находится хорошо. Пластина желтая, желтая. Металлы содержат:

Л.

получали только члены Комиссии К.К. Косцюшко-Валюжинич, К.Е. Думберг, Н.И. Веселовский и Н.Я. Марр в 1891–1892 гг. на раскопки Ани. Остальные исследователи, как сотрудники Комиссии, так и другие, как правило, получали на раскопки денежные суммы в размерах от 50 до 500 руб. Например, в 1890 г. А.А. Спицыну (тогда еще учителю Вятской женской гимназии) было ассигновано 400 руб. на исследования в Вятской губернии.

В 1892 г., когда Спицын уже стал сотрудником Археологической комиссии, эта сумма возросла до 900 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 71. Л. 58, 115), но в дальнейшем он чаще получал по 100 руб. в год на свои раскопки.

После знаменитой «археологической конференции» 1889 г. и установления единой печатной формы Открытого листа с 1891 по 1918 г. в Комиссии велись «Книги записей на выданные разрешения на раскопки», в которых отмечался факт выдачи Открытого листа конкретному обществу или исследователю, сумма аванса, результат исследований в виде предоставления научного и финансового отчетов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 200; РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 295; РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 321). Изначально в книгах существовала графа, указывающая, что раскопки производились «по поручению Комиссии», однако с исчезновением такой графы связь ИАК с организацией полевых исследований надежно фиксируется выдачей аванса на раскопки.

На основании анализа этих книг полевая активность Комиссии, не связанная с исполнением Высочайших повелений на археологические исследования и с проведением раскопок членами ИАК, показана в табл. на с. 312–313.

И количество поддержанных экспедиций, и их география хорошо соответствуют расширению научных интересов и административных полномочий ИАК. Характерно принципиальное различие подходов «эпохи Строганова» и «эпохи Бобринского» к этому вопросу и с точки зрения имевшихся приоритетов, и с точки зрения перспективных планов исследований. 29 апреля 1877 г. А.С. Уваров обратился к С.Г. Строганову с предложением выделить его обществу сумму на снаряжение ученой экспедиции в Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии. Ответ от 3 августа того же года был предельно ясен: «Не желая отвлекать средств, дарованных ИАК, от прямой их цели — от раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове, я не считаю возможным принять деятельное участие в предполагаемых МАО изысканиях» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г. Д. 4. Л. 6 — 6 об., 7). Стоит предположить, что резкость отказа была непосредственно связана с личностью просителя, однако за этим стояла настоящая тактика и стратегия Комиссии. В новую эпоху ИАК неоднократно приходилось подчеркивать, что в предшествующее время она занималась изучением отнюдь не одних памятников античной культуры на территории России.

Главным принципом, которым Комиссия руководствовалась при решении вопроса о выдаче Открытого листа и денежных средств на раскопки, было научное имя заявителя и известность его Комиссии. Никогда не получали отказа уже зарекомендовавшие себя научными работами исследователи. Большие шансы получить Открытый лист, дающий право на раскопки памятников, находящихся на казенных, церковных и общественных землях, имели

Год	Количество поддержанных экспедиций	География экспедиций — округа, края, губернии и области (в порядке выдачи Открытых листов)
1891	13	Таврическая, Херсонская, Тобольская, Томская, Витебская, Киевская, Тифлисская, Казанская, Саратовская, Симбирская, Екатеринославская, Екатеринбургский уезд, Семиреченская, Донская, Терская
1892	23	Терская, Кубанская, Северо-Западный край, Херсонская, Таврическая, Эриванская, Новгородская, Семиреченская, Рязанская, Могилевская, Подольская, Пермская, Нижегородская, Тамбовская, Пензенская, Виленская, Курляндская, Оренбургская
1893	17	Пермская, Астраханская, Рязанская, Могилевская, Витебская, Северо-Западный край, Русская Армения, Архангельская, Черниговская, Казанская, Таврическая, Симбирская, Херсонская, Сырдарьинская, Кубанская
1894	25	Рязанская, Смоленская, Енисейская, Имеретинская, Томская, Херсонская, Екатеринославская, Семиреченская, Елизаветпольская, Вятская, Таврическая, Кубанская, Архангельская, Курляндская, Акмолинская, Харьковская, Пермская, Воронежская, Черниговская, Новгородская, Нижегородская, Енисейская
1895	21	Архангельская, Эриванская, Елизаветпольская, Семиреченская, Херсонская, Минусинский округ, Красноярский округ, Евпаторийский уезд, Акмолинская, Пермская, Вятская, Томская, Ярославская, Саратовская, Таврическая, Полтавская
1896	25	Киевская, Новгородская, Волынская, Архангельская, Херсонская, Кутаисская, Тифлисская, Рязанская, Московская, Томская, Ярославская, Смоленская, Орловская, Минусинский округ, Эриванская
1897	21	Терская, Таврическая, Томская, Казанская, Пермская, Харьковская, Екатеринославская, Елизаветпольская, Семиреченская, Минусинский округ, Амурская, Забайкальская, Приморская
1898	14	Кубанская, Семипалатинская, Терская, Енисейская, Екатеринославская, Елизаветпольская, Уфимская, Вятская, Казанская, Таврическая, Варшавская, Смоленская, Новгородская
1899	19	Таврическая, Бессарабская, Ярославская, Енисейская, Черниговская, Ставропольская, Смоленская, Елизаветпольская, Воронежская, Закавказье, Херсонская, Бахчисарайский уезд, Семипалатинская, Семиреченская, Кубанская
1900	19	Забайкальская, Кубанская, Карская, Семипалатинская, Терская, Эриванская, Пермская, Смоленская, Киевская, Таврическая, Новгородская, Елизаветпольская, Архангельская, Херсонская, Черноморская
1901	15	Таврическая, Пермская, Елизаветпольская, Киевская, Смоленская, Харьковская, Семиреченская, Терская, Кубанская, Акмолинская
1902	13	Черниговская, Таврическая, Войско Донское, Тифлисская, Елизаветпольская, Терская, Витебская, Тамбовская, Рижская, Тверская, Кубанская, Пермская, Енисейская, Волынская
1903	16	Таврическая, Елизаветпольская, Енисейская, Новгородская, Тверская, Петербургская, Смоленская, Волынская, Кубанская, Тифлисская, Пермская, Томская, Енисейская, Ярославская

Год	Количество поддержанных экспедиций	География экспедиций — округа, края, губернии и области (в порядке выдачи Открытых листов)
1904	10	Таврическая, Витебская, Херсонская, Батумская, Карская, Кутаисская, Черноморская, Вятская, Уральская, Петербургская, Эриванская
1905	14	Минская, Херсонская, Елизаветпольская, Тифлисская, Карская, Пермская, Харьковская, Витебская, Волынская, Тамбовская, Черноморская, Вятская, Воронежская, Киевская, Таврическая
1906	20	Елизаветпольская, Войско Донское, Карская, Херсонская, Харьковская, Ставропольская, Киевская, Тамбовская, Воронежская, Полтавская
1907	16	Черниговская, Черноморская, Таврическая, Калужская, Ставропольская, Киевская, Виленская, Архангельская, Воронежская, Карская, Эриванская, Вятская, Херсонская, Киевская
1908	13	Таврическая, Одесский уезд, Кубанская, Екатеринославская, Херсонская, Нижегородская, Воронежская, Виленская, Костромская, Вятская, Киевская
1909	9	Виленская, Семиречье, Кубанская, Ковенская, Херсонская, Новгородская, Эстляндская, Оренбургская, Киевская, Воронежская, Тамбовская, Одесский уезд, Подольская, Саратовская, Петербургская
1910	10	Ставропольская, Пермская, Владимирская, Киевская, Подольская, Новгородская, Тамбовская, Курская, Ковенская, Войско Донское, Херсонская, Люблинская
1911	14	Енисейская, Пермская, Петербургская, Киевская, Вологодская, Ставропольская, Черноморская, Херсонская, Волынская, Подольская, Гродненская, Новгородская, Киевская, Калужская
1912	12	Саратовская, Уфимская, Курская, Таврическая, Воронежская, Подольская, Войско Донское, Киевская, Черноморская, Одесский уезд, Херсонская, Екатеринославская
1913	12	Кубанская, Таврическая, Екатеринославская, Киевская, Петербургская, Новгородская, Архангельская, Черноморская, Тобольская, Курская, Херсонская
1914	13	Пермская, Войско Донское, Кубанская, Таврическая, Гродненская, Саратовская, Самарская, Петербургская, Волынская, Херсонская, Черноморская, Акмолинская, Киевская
1915	3	Таврическая, Херсонская, Владимирская
1916	4	Таврическая, Курская, Оренбургская, Новгородская
1917	6	Киевская, Терская, Кубанская, Подольская, Новгородская, Херсонская, Таврическая
1918	1	Новгородская

представители провинциальной интеллигенции: учителя, врачи, чиновники и т. д. Но и в этом случае, если заявитель впервые обращался за листом, Комиссия, как правило, требовала рекомендаций уже известных ей исследователей. Так, например, в ответ на ходатайство урядника Новочеркасской станицы Федора Акулиничева было постановлено «разрешить раскопки только в том случае, если он укажет лицо, под наблюдением которого будут раскопки, и это лицо будет Комиссией признано сведущим». Сотнику Нестерову были разрешены раскопки только 2–3 курганов в Кубанской области вместо 60, о которых он просил, и то под руководством Е. Д. Фелицына. В другом случае, получив ходатайство от врача К. П. Палинова, Комиссия решила запросить об этом мнение того же Е. Д. Фелицына. Постоянные отказы получали крестьяне, обращавшиеся за разрешением на раскопки с явно кладоискательскими целями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 71. Л. 7 об., 14 об., 85 об.).

Правда, иногда и в этой системе выдачи Открытых листов происходили сбои и серьезные недоразумения. Наиболее крупный скандал разразился в 1904 г., когда выяснилось, что горный техник Д. Г. Шульц, копавший скифские курганы у станицы Келермесской на Кубани по Открытому листу, полученному от Археологической комиссии, присвоил и продал часть найденных золотых вещей. Комиссия, опасаясь за свою репутацию в случае широкой огласки этого дела, не стала доводить его до судебных инстанций (Галанина 1997: 16–24).

Помимо раскопок Комиссия имела средства на приобретение древностей у частных лиц, так в период 1885–1894 гг. на эти цели было отпущено 29 тысяч руб. С 1880-х гг. все

чаще в Археологическую комиссию пересылались клады и отдельные находки, за которые находчикам выплачивалось вознаграждение. Например, только в 1892 г. через Вятский статистический комитет поступило 15 крупных находок, сделанных на территории Вятской губернии, среди них были клад серебряных монет XVI в., серебряная чаша VIII–X вв., за которую находчику было выслано 100 руб. А за огромный клад серебряных слитков, найденный крестьянином В. П. Зуевым в Малмыжском уезде Вятской губернии, Археологическая комиссия выплатила 975 руб. 36 коп. (Бердинских 2005: 155, 165).

И. Г. Спасский в своем очерке по истории нумизматического собрания Эрмитажа особо отмечал, что «во второй половине столетия пополнение нумизматической коллекции Эрмитажа приобрело небывалый размах в связи с успешно развивающейся деятельностью Археологической комиссии, взявшей после 1859 г. в свои руки учет монетных находок в стране. Каждая монета и каждый клад, доставленные в Комиссию, предлагались Эрмитажу» (Спасский 1970: 160). При этом Комиссия неоднократно подчеркивала, что передавала в музеи безвозмездно клады и находки, приобретенные за счет ее бюджета. Одним из самых крупных приобретений была покупка коллекции кавказских древностей полковника К. И. Ольшевского, из которой в Эрмитаж передано 453 предмета, в Исторический музей — 270 и в другие музеи 435 предметов.

Из среды специалистов-археологов нередко раздавалась критика в адрес такой практики распределения находок между музеями, при которой происходило разделение вещей из единых комплексов по принципу их

художественной ценности. Но, как писал Н. Е. Макаренко в письме к главному критику — Д. Я. Самоквасову: «Одно могу сказать об Археологической комиссии, что она здесь менее всех виновата, так как Эрмитажу предоставлено право заниматься выборкой вещей для своих коллекций из вещей, ежегодно доставляемых из различных раскопок в Комиссию» (Археология... 2007: 224).

Об этой же проблеме тому же адресату писал и сам А. А. Бобринской в письме от 9 июля 1906 г., когда на вопрос Д. Я. Самоквасова о том, где находятся найденные им в 1883 г. предметы византийского искусства из курганов Александровского уезда Екатеринославской губернии, председатель Комиссии вынужден был ответить: «...Вероятно, в Эрмитаже, но где именно? При этом позвольте заметить, что

я не назначен директором Эрмитажа, но только председателем Археологической комиссии, посему бессилен по отношению к золотым предметам, остающимся в кладовых Эрмитажа.

Могу только обещать одно, что на будущее время, при распределении добытых раскопками или случайно найденных вещей между музеями России — буду осторожен, постараюсь не разъединять находок одной и той же местности и (между нами) направлять не в Эрмитаж все то, что рискует попасть в кладовые... За последние годы моя Комиссия *de facto* обратилась как бы в поставщика Эрмитажа. По положению же своему ей эта роль не предписана. По закону, государь указывает предметы, которые должны поступить в Эрмитаж. Остальные распределяются между музеями России» (Там же: 89).

XVIII

А. А. Бобринскому удалось добиться и перевода Археологической комиссии в новые, более подходящие для ее занятий помещения. 26 января 1887 г. и вторично 10 февраля 1888 г. он подает рапорт о том, что в занимаемое Комиссией помещение в верхнем этаже одного из павильонов здания Эрмитажа невозможно доставлять тяжелые и громоздкие предметы, и просит предоставить другое. Дополнительным стимулом для переезда было намерение заведующего Главным дворцовым управлением освободить прежнее помещение к весне 1887 г. для ремонта. По воспоминаниям В. Г. Дружинина, чтобы попасть туда, сначала надо было пройти нижним этажом через зал античных мраморов, а потом подняться 110 ступеней по витой железной лестнице на третий этаж. Помещение

из двух комнат было тесное и неудобное, а у председателя не было отдельного кабинета. В основной комнате, где работали сотрудники, был большой стол для разбора поступающих древностей. В другой комнате, узкой и длинной, с единственным окном, располагалась канцелярия (см. Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Л. 17 об.; Там же. Д. 7. Л. 167–169).

В качестве варианта новой резиденции рассматривался бывший Иезуитский дом на углу Итальянской улицы и Екатерининского канала, где некогда находились помещения Экспедиции церемониальных дел (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 72. Л. 1–2). А. А. Бобринской был согласен даже на наем частной квартиры вместе с помещением для склада изданий Комиссии и квартирой для сторожа в пределах 3000 руб.

Лишь в декабре 1889 г., без малого через три года, Комиссия начинает переезжать в новые помещения на первом этаже здания Старого Эрмитажа на углу Дворцовой набережной и Зимней канавки, освободившиеся в 1885 г. после переезда Государственного совета и Комитета министров (ср.: Сивков 2018: 82). Эти помещения были в несколько раз больше прежних, так как металлической антресолю были разделены на два уровня и составляли как бы два этажа, а находящиеся под ними подвальные помещения тоже были впоследствии переданы Комиссии.

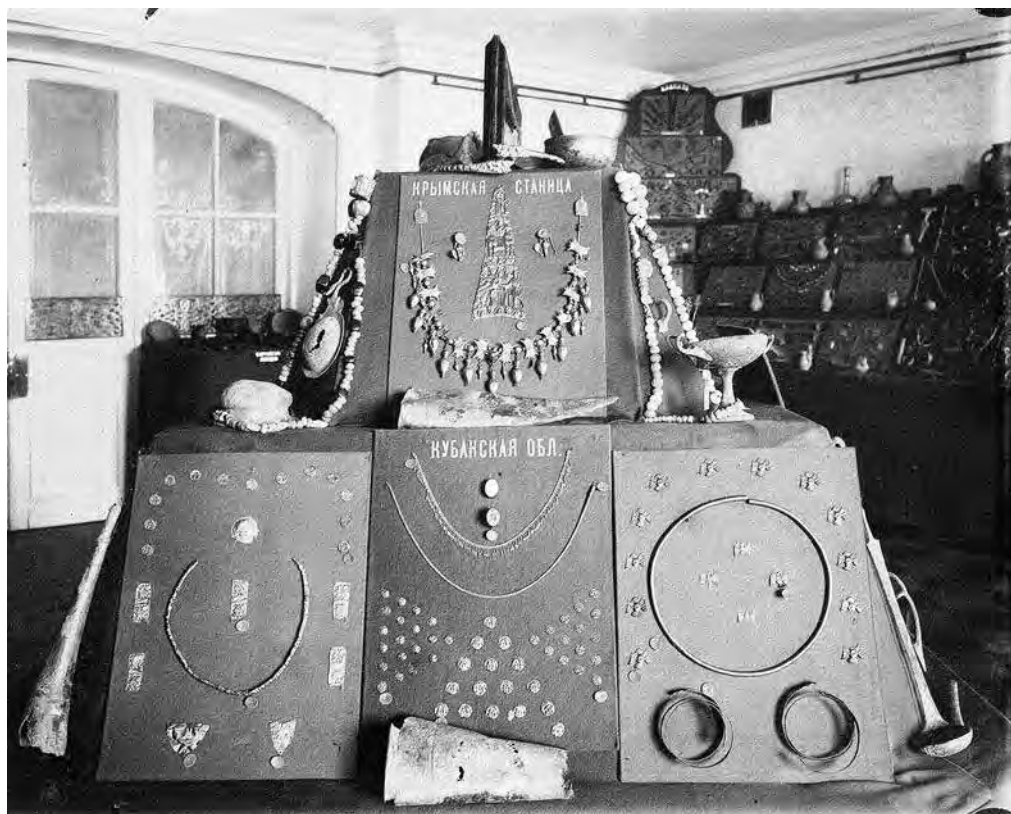
14 декабря 1889 г. А. А. Бобринской обращается к Константину Карловичу Гернету с просьбой сохранить электрическое освещение в новом помещении Комиссии и выделить необходимую для ее деятельности мебель (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 31. Л. 100 — 100 об.). Ему же адресована просьба от 18 декабря произвести ремонт в новом помещении в связи с тем, что в скором времени нужно будет представлять археологические находки на Высочайшее воззрение (Там же. Л. 102). 13 января 1890 г. А. А. Бобринской пишет министру о необходимости изготовления специальной мебели, пересылая ее чертежи, для чего просит выделить специалиста из Технического отдела Кабинета его императорского величества (Там же. Л. 103), однако в результате в помещения Комиссии поступила старая мебель из Таврического дворца. На этот переезд 6 марта 1890 г. было выделено первоначально 500 руб. на «обустройство» и электрическое освещение, а в июне 1890 г. еще 2000 руб. из сумм Кабинета на изготовление шкафов (Там же. Л. 79, 110, 158–159). Основные труды по переезду были совершены нижними чинами лейб-гвардии Преображенского

полка с 19 июня по 7 августа 1890 г., на что было потрачено 18 руб. 80 коп., однако перенесение отдельных вещей продолжалось вплоть до 18 октября. 22 декабря министерство выплатило 65 руб. 30 коп. Герману Корнфельду за изготовление бронзовой вывески и 4 каучуковых штемпелей. Ремонтные работы продолжались до конца февраля 1891 г. Определенную проблему вызвало перемещение библиотеки Комиссии в комнаты второго этажа, и лишь 15 марта 1890 г. Главное дворцовое управление сообщило, что эти антресоли сооружены на железных балках, что позволяет разместить здесь тяжелые шкафы с книгами (Там же. Л. 157). 27 апреля 1890 г. граф А. А. Бобринской подал рапорт о том, что ИАК заняла отведенные ей помещения, однако сообщал о недостатке мебели (Там же. Л. 160). Подвальный этаж был передан Комиссии лишь 14 мая (Там же. Л. 163). Для входа в Комиссию, по особому разрешению Кабинета от 24 апреля, был открыт подъезд бывшего Комитета министров с Дворцовой набережной, куда был поставлен особый швейцар, в соответствии с просьбой самого А. А. Бобринского от 6 апреля 1890 г. (Там же. Л. 159). На этом процесс обустройства ИАК на новом месте не закончился: 29 мая 1893 г. ее председатель ходатайствовал об устройстве здесь отдельного туалета и ремонте форточек.

В. Г. Дружинин вспоминал, что Комиссия теперь получила два зала, семь комнат и одну кладовую. Существовало и два входа: один с Дворцовой набережной «со швейцаром», а другой с Зимней канавки. На первом этаже находился зал для выставок, кабинет председателя и канцелярия. На верхнем этаже был зал заседаний и несколько кабинетов для работы членов Комиссии, где

Помещения Императорской археологической комиссии в Эрмитаже после переезда 1889 г.
(ФО. Отп. Q 646-1; Q 517-3)

Помещения Императорской археологической комиссии в Эрмитаже после переезда 1889 г.
(ФО. Отп. Q 517-9; Q 517-2)

Помещения Императорской археологической комиссии в Эрмитаже после переезда 1889 г. (ФО. Омн. Q 517-29; O.442-13)

размещалась и библиотека (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 170).

Однако в апреле 1897 г. на помещения Археологической комиссии стало претендовать Управление гофмейстерской части Министерства императорского двора в связи с переустройством Эрмитажного театра. Возникает идея о переводе Археологической комиссии в Таврический дворец. На это последовал ответ А. А. Бобринского о крайней нежелательности подобного перемещения, так как между Комиссией и Эрмитажем существуют очень тесные связи (Там же). Комиссия осталась на прежнем месте, и в фондах Эрмитажа сохранились списки посетителей ИАК в ее новом помещении за 1909–1913 гг. (Пиотровский 2000: 267–269).

С самого начала своей деятельности Комиссия часто устраивала выставки наиболее значимых в научном

отношении, ярких и эффектных находок. Естественно, для этого были нужны соответствующие помещения и площади. Изначально выставки устраивались в Голубом зале «запасной половины» Зимнего дворца. В эпоху А. А. Бобринского в новом помещении Комиссии появился особый выставочный зал с полками по стенам, обитыми сукном, однако зачастую выставки продолжались и в кабинете председателя, находившемся рядом. Выставки обычно длились три месяца (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 197–198).

По Положению 1859 г. требовалось представлять находки на «воззрение» императора. Именно в 1890-е гг. посещения выставок императором стали регулярными. Они служили своего рода «отчетом» (помимо печатного) о том, на что Комиссия расходовала государственные средства. После императора

выставку осматривали члены Русского археологического общества и другие лица, интересующиеся археологией. Информация о таких «Высочайших посещениях» публиковалась в «Правительственном вестнике», изданиях Археологической комиссии и столичных газетах. Так, «Известия Археологической Комиссии» за 1904 г. сообщали: «9 апреля в 2 ч. 50 м[ин]. Их Величества Государь Император и Государыня Императрица Александра Федоровна прибыли в помещение Императорской Археологической Комиссии, где были встречены председателем Комиссии, гофмейстером, графом А.А. Бобринским, товарищем председателя академиком В.В. Латышевым и членами Комиссии: Н.И. Веселовским, А.А. Спицыным, Б.В. Фармаковским и П.П. Покрышкиным» (Высочайшее посещение 1904: 1). Поздоровавшись со встречавшими лицами, монарх с супругой прошли в первую комнату, где смотрели предметы, добытые раскопками В.И. Каменского на неолитических стоянках близ Балахны на р. Оке, а также коллекции каменного века с верховьев Волги и оз. Бологое. В других комнатах царственные супруги осмотрели материалы курганных раскопок А.А. Бобринского и Н.И. Веселовского в Среднем Поднепровье и на Кубани, их особое внимание привлекли вещи из раскопок Херсонеса и Керчи. В последней, четвертой комнате монаршие особы осмотрели древнерусские материалы из раскопок В.Н. Глазова и Н.И. Репникова, а фотограф Комиссии преподнес царю фотоальбом с изображением фресок Спасо-Нередицкой церкви под Новгородом. Осмотр выставки занял более часа. Важно отметить, что на выставке показывались не только высокохудожественные вещи, но и рядовой

археологический материал, т. е. тем самым давалось адекватное представление о деятельности археологов как ученых, исследующих древнейшее прошлое, а не «раскопщиков-кладоискателей», добывающих ценные экспонаты для музеев.

В феврале 1913 г. Николай II посетил Археологическую комиссию с дочерьми и другими родственниками. Особый интерес царя вызвали древности Ольвии, Полтавский клад, находки из скифского царского кургана Солоха. С замечательных произведений искусства, найденных при раскопках Солохи и из Перещепинского клада, художником М.В. Фармаковским были изготовлены рисунки, предназначенные в подарок от русского императора германскому кайзеру Вильгельму II, слывшему знатоком и любителем археологии (Высочайшие посещения 1914: 1). Посетителями выставок, устраиваемых Археологической комиссией, были не только высокопоставленные особы, но и студенты, гимназисты, слушательницы Высших женских курсов (Археология... 2007: 241–242).

Несколько раз императоры посещали раскопки Археологической комиссии в Херсонесе. Известно, что в мае 1893 г. Александр III с семьей осмотрел раскопки и «склад древностей», о чем К.К. Косцюшко-Валюжинич составил специальный рапорт председателю Комиссии. В рапорте он сообщал, что император не оставил своим вниманием ни одной интересной находки, удивился большому количеству глиняных лампад, рассматривал железный якорь, каменные ядра, огромные пифосы и собрание амфорных ручек с именами астиномов. Император также выслушал объяснение о значении этих находок для истории Херсонеса.

В августе 1913 г. А.А. Бобринскому удалось организовать визит Николая II в Херсонес, о котором граф сообщал в письме к Б.В. Фармаковскому от 16 августа 1913 г.: «В Херсонесе посещение Государя состоялось, благодаря моей настойчивости. Телеграммами и письмами я неустанно напоминал о лично высказанном нам — помните? — в Царском Селе желании посетить раскопки, и до того я всем надоел, что пробил брешь в свитском равнодушии (чтобы не сказать более) к археологии, и посещение состоялось... Показали мы Государю: могилу мучеников, башню, музей, город с башнями, мозаичные полы храмов и т. д. Для первого номера (могила мучеников) выписал я из Кореиза (по его желанию) М.И. Ростовцева. Конституционист-либерал-профессор приехал в соломенной шляпе и пиджаке, для чего сделал (с 5-ти часов утра) 80 верст в автомобиле. Усерднейше показывал, доказывал, объяснял, предлагал таблицы будущего издания и стоял под зноем без шляпы до того, что Государь двукратно просил его покрыться... За пиджак Ростовцева я извинился перед Государем, предполагая, “что Вашему Величеству важнее были знания М[ихаила] И[вановича], чем его мундир”. — “Конечно, конечно!” (хотя комендант крепости смотрел кисло). Этот визит удался вполне...» (Зуев 1997: 67). Главным результатом этой встречи, продлившейся несколько часов, стало распоряжение царя о выделении специальных средств на публикацию

труда М.И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (Ростовцев 1913–1914; см. переиздание: Rostovtzeff 2002–2004; подробнее об издании см.: Виноградов, Медведева 2017).

Подобные визиты, которые широко освещались прессой, способствовали росту авторитета Археологической комиссии и археологической науки в придворных кругах и, что особенно важно, в глазах административно-чиновничьего аппарата. О том, что это было необходимо, свидетельствует, например, зафиксированный мемуаристами некий скепсис среди определенных влиятельных кругов по отношению к Историческому музею в Москве: «Для чего музей, говорили иные, собирать какие-то черепки? На что?» (Шереметев 2001: 332). Соответственно формирование подобного имиджа археологии в качестве социально значимой и полезной науки могло облегчать деятельность археологов, в частности, неизбежные контакты с местным начальством и требовать от такового содействия их полевым работам. Не случайно член Археологической комиссии А.А. Спицын в своих руководствах по практической деятельности археологов рекомендовал им появляться в местах раскопок в форменном мундире или, по крайней мере, фуражке, которые в глазах местного капитана-исправника или сельского старосты были куда более серьезным аргументом, чем любые малопонятные им научные доводы.

XIX

Издательская деятельность Комиссии заслуживает отдельного очерка (ср.: Всевиов 2018). Значительный масштаб работ и обилие получаемого

материала диктовали необходимость введения этого материала в научный оборот. Результаты исследований начали публиковаться в ежегодных

отчетах, всего с 1859 по 1881 г. был издан 21 том «Отчетов Императорской археологической комиссии». Все они сопровождалось отдельно прекрасно изданными атласами большого формата. Последний изданный таким образом «Отчет» был сводным за 1882–1888 гг. с альбомом к нему. До 1903 г. «Отчеты» издавались параллельно на русском и французском языках, что делало их доступными для европейского читателя. С 1904 г. «Отчеты» публиковались только по-русски.

Публикацией в 1866 г. «Древностей Геродотовой Скифии» было положено начало создания серии «Материалы по археологии России». Всего по 1918 г. было издано 37 томов. В годы председательства А. А. Бобринского заметно активизировалась издательская деятельность Археологической комиссии. В серии «Материалы по археологии России» с 1888 по 1916 г. были выпущены 35 из всех 37 изданий этой серии, которые представляли собой монографические публикации и исследования.

Все выпуски «Материалов» готовились к печати очень тщательно, проводилась большая работа не только авторами, но самим руководством Археологической комиссии. Весьма показательно в этом отношении издание «Сибирских древностей» В. В. Радлова. Для полноты исследования и последующей публикации необходимо было просмотреть материалы экспедиции в Сибирь академика Г. Ф. Миллера, хранящиеся в различных архивах и учреждениях. Разыскания этих материалов Комиссия поручила своему старшему члену барону В. Г. Тизенгаузену.

В архиве ИАК сохранилась часть бюрократической переписки председателя Комиссии графа А. А. Бобринского по этому вопросу. Характерна его

переписка с директором Московского главного архива Министерства иностранных дел бароном Ф. А. Бюлером. Почтительно было испрошено разрешение барону В. Г. Тизенгаузену на работу в архиве для выявления нужных рукописей. Барон исправно трудился и обнаружил там «рисунок сибирской каменной бабы с рунической надписью и 16 рисунков... с так называемых писаниц». Копии с этих рисунков было решено поместить в III выпуске «Сибирских древностей». Граф А. А. Бобринский попросил разрешения переправить эти рисунки в Санкт-Петербургский архив этого же министерства на предмет их фотографирования. Как явствует из официального рапорта председателя Императорской археологической комиссии на имя министра императорского двора, барон Ф. А. Бюлер отказал в просьбе и предложил сделать все в Москве, причем оценил работу в 100 руб. Возмущенный граф вынужден был написать официальную жалобу, причем подписался не как председатель Комиссии, а как гофмейстер двора его величества, не преминув заодно сообщить о нехватке денежных средств и возможности сделать фотографии в Петербурге бесплатно, к тому же мельком заметил о праве Археологической комиссии пользоваться материалами московского архива в Петербурге с приложением копий соответствующих документов. После всех перипетий поступило Высочайшее соизволение уже прямо в Министерство иностранных дел, и нужные документы были получены. Переписка длилась с 20 октября 1889 г. по 30 апреля 1893 г. (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 46)

Более продуктивно было сотрудничество с Академией наук и ее библиотекой, просьбы и. о. председателя

барона В. Г. Тизенгаузена, хотя и не без проволочек, все же достаточно быстро исполнялись. Так, на пожелание барона в письме к Г. Н. Потанину получить в свое распоряжение подробную опись «коллекции древних металлических вещей», хранящихся в музее Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, и рисунки наиболее замечательных предметов был дан самый положительный ответ, в свою очередь музей просил прислать 100 экземпляров оттисков таблиц, если таковые будут сделаны. Все тома «Материалов» не только издавались на высочайшем для того времени научном уровне, но и полиграфическая культура исполнения также заслуживает всяческих похвал. До сего времени «Материалы по археологии России» служат образцом серийного издания и пользуются большой популярностью у современных исследователей, достаточно сказать, что в Библиотеке ИИМК РАН в Санкт-Петербурге «МАРы» являются одними из наиболее спрашиваемых читателями.

5 октября 1894 г. А. А. Спицын подал председателю Археологической комиссии «Представление», где, отмечая важность и полезность для археологической науки издаваемых ИАК «Отчетов» и «Материалов по археологии России», выразил мнение, что эти издания не отражают всю полноту археологических изысканий, производимых Комиссией (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 199). Он спрашивал, не признает ли Комиссия «желательным предпринять, наряду с дорогостоящим изданием “Материалы по археологии России”, еще издание “Сборника материалов по археологии России”, в который полностью входили бы все отчеты и описания, не нашедшие места в “Материалах” и которые издавались бы

возможно дешевым способом». В этом случае ежегодные издания приняли бы следующую стройную систему, состоящую из: «Отчета» о действиях Комиссии за истекший год, в который войдет резюме всех представленных в Комиссию поданных отчетов и краткое описание полученных древностей, томов «Сборников материалов по археологии России», в которые войдут отчеты о раскопках второстепенного значения и достаточно подробное описание поступивших в Комиссию случайных предметов древностей, а также одного или двух выпусков «Материалов», заключающих в себе какую-либо монографию. «Отчеты» и «Сборники» должны были выходить в малом формате, «Материалы» — в большом.

«Представление» поступило в Комиссию 24 октября 1894 г. и было заслушано, однако дальнейшая судьба этого документа не прослеживается. Только несколько лет спустя этому проекту был дан ход. В июне 1901 г. в типографию Главного управления уделов из Археологической комиссии за подписью товарища председателя В. В. Латышева было направлено письмо, в котором сообщалось, что издаваемые Комиссией «Известия» должны быть напечатаны в количестве 875 экземпляров на простой и 25 экземпляров на веленовой бумаге, всего 900 экземпляров (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 49. Л. 2). Уже в августе того же года типографию просили приступить к набору статьи К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе. Эта статья вместе с другими присланными позже и составит первый выпуск. В ноябре того же 1901 г. 1-й выпуск «Известий» был представлен министру императорского двора «для всеподданнейшего поднесения их императорским величествам

государю Императору и государыне Императрице Александре Федоровне».

Всего же с 1901 по 1918 г. вышло в свет 66 выпусков этого издания. «Известия» стали подлинно научным журналом, с присущими подобным изданиям стилем публикаций и структурой, охватывающей обзоры отдельных групп памятников, хронику деятельности археологических обществ и музеев, библиографию. В последнем разделе в первых выпусках обзор литературы и журналов на французском и немецком языках велся лично самим председателем Комиссии. В предисловии к первому выпуску «Известий» редакция, сообщая о выходе нового повременного издания, практически повторяла доводы А. А. Спицына, изложенные в его «Представлении». Стоит отметить, что начиная с этого времени вплоть до реорганизации Комиссии в редактировании всех ее периодических изданий (ИАК, ОАК, МАР) и таких трудов как «Античная декоративная живопись на юге России» М. И. Ростовцева и «Восточное серебро» Я. И. Смирнова, принимал активное участие новый товарищ председателя В. В. Латышев (см.: Тункина 1999).

Структура «Известий» была весьма своеобразна. Некоторые выпуски дополнялись отдельными «Прибавлениями» и имели собственный подзаголовок «Хроника и библиография», всего таких прибавлений насчитывается 32 тома. В собственно «Известиях» печатались отчеты о проводимых Комиссией работах, статьи об отдельных памятниках и предметах, найденных в результате раскопок. В «Хрониках» же освещалась деятельность научных учреждений и ученых обществ, музеев. Здесь же давались «сведения о раскопках, памятниках древности, кладях

и находках и разные известия», о состоянии памятников на местах и их охране или небрежении по отношению к ним. Все сведения, попадавшие на страницы «Хроник», брались из сообщений газет, как столичных, так и губернских.

В этих томах имелся, в отличие от других повременных изданий, раздел «Библиография», где помещались сведения о некоторых, наиболее важных, с точки зрения редакции, вышедших в предшествующем году монографиях и сборниках. Очень важными были два раздела: «Обзор повременных изданий, выходящих в России и за рубежом» и «Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России». Круг расписываемых журналов был чрезвычайно широк, от крупных и солидных до мелких провинциальных изданий. Например, в «Хрониках» за 1908 г. было расписано 41 повременное издание, а в не самом лучшем для России 1917 г. — 69 изданий. Очень жаль, что современный читатель, продвинутый пользователь Интернета, редко обращается к содержанию этих разделов: именно там можно почерпнуть самую любопытную и порой неожиданную информацию. Кроме того, в отдельных томах давалась «экспресс-информация» о самых важных и сенсационных на данный момент археологических событиях. Так, в «Прибавлениях» к 50-му выпуску ИАК была перепечатана заметка о находке знаменитого гребня из кургана Солоха из газеты «Новое время» от 19 июля 1913 г. с поправками автора — графа А. А. Бобринского.

Поскольку в работе Археологической комиссии большое значение придавалось проблемам сохранения и реставрации памятников архитектуры, то именно этой проблематике

посвящалась в рамках «Известий ИАК» подсерия «Вопросы реставрации», всего их насчитывалось 19 номеров. В «Вопросах» печатались протоколы реставрационных заседаний Комиссии, сведения о сохранности памятников деревянного и каменного зодчества. Текст всегда сопровождался огромным количеством иллюстраций прекрасного качества. Эти выпуски содержат значительное количество фотографий архитектурных объектов, ныне исчезнувших в силу тех или иных обстоятельств с лика земли, и поэтому очень важны для современных исследователей.

Широко разбросанные на территории империи археологические раскопки и явно ощущаемая нехватка квалифицированных специалистов-археологов заставили Комиссию обратить внимание на разработку методических пособий. Эту миссию взял на себя выдающийся русский археолог А.А. Спицын. С 1895 по 1910 г. им было опубликовано под грифом Императорской археологической комиссии три работы по методике производства археологических раскопок и разведок (см.: Спицын 1895; 1908; 1910).

Помимо серийных и повременных изданий Археологическая комиссия предпринимала издания монографического плана. Для осуществления подобных начинаний производились подчас огромные затраты сил и средств. Ряд работ имел не только научное, но и политическое значение. Именно таковым было гигантское начинание по описанию и изданию мечетей эпохи Тамерлана в Самарканде, части сравнительно недавно присоединенного к Российской империи Туркестанского края.

В 1895 г. была организована археологическая экспедиция в Самарканд под руководством старшего члена

Археологической комиссии профессора Н.И. Веселовского, работы планировалось закончить через три-четыре года. Исследование велось помимо руководителя двумя художниками, двумя архитекторами и фотографом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 69). Организация подобных работ за пределами исконной России подтверждала включение этих земель в империю и необходимость изучения памятников старины края как памятников именно всероссийского, а далеко не регионального значения. Осенью 1895 г. Самарканд посетил председатель Комиссии граф А.А. Бобринской. Убедившись в высокой степени организации исследований и придавая «национальное значение по своей важности и по лежащей на России обязанности относительно столь исключительных памятников старины», он просит у министра финансов С.Ю. Витте на окончание работ еще 12 000 руб. (Там же. Л. 82). Уже в ноябре 1898 г. председатель Комиссии сообщил С.Ю. Витте об окончании большей части работ и «возможности приступить к первому выпуску издания Самаркандских мечетей, в коем предлагается описать мавзолей Тамерлана» (Там же. Л. 244). Комиссия в лице А.А. Бобринского и Н.И. Веселовского готова представить С.Ю. Витте планы, изображения фасадов и архитектурных деталей и прорисовки надписей. Издание предполагалось осуществить в достойном полиграфическом исполнении. В письме министру финансов от 25 января 1899 г. граф А.А. Бобринской определил смету приблизительно в 13 000 руб., ибо издание это «должно быть образцовым, в европейском смысле, как с технической стороны, так и художественной» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 69а. Л. 2 — 2 об.),

и поэтому работы должны производиться в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Текст предполагалось печатать на лучшей бумаге (тряпичной), и поскольку подобная бумага в России, как дипломатично пишет граф, «изготавливается не столь изящно», то он просит закупить ее за границей и освободить от таможенных пошлин. Подобное издание можно будет поднести высочайшим особам, а для казны гораздо выгоднее: одна таблица вместо 4590 руб. обойдется в 4451 руб. Дело двигалось достаточно быстро, и 5 февраля 1899 г. по всеподданнейшему докладу министра финансов «последовало Высочайшее соизволение на отпуск из Государственного Казначейства 13000 руб. на покрытие расходов по изданию Императорской археологической комиссией «Описания Самаркандских мечетей»» (Там же. Л. 11). После утверждения сметы на испрошенную сумму Экспедиция сообщила Комиссии о посылке ей трех образцов тряпичной бумаги и просила сообщить о сделанном выборе.

Сразу же по получении кредита 3 марта 1899 г. было созвано Собрание по изданию самаркандских древностей. На заседании присутствовали не только члены Археологической комиссии, но и приглашенные представители Академии наук и Академии художеств. Председатель Комиссии сообщил об окончании подготовительных работ, об отпуске нужной суммы и о том, что собравшиеся ученые-востоковеды, архитекторы, художники должны всесторонне обсудить план Н.И. Веселовского по изданию I выпуска, посвященного описанию мечети Гур-Эмир. Н.И. Веселовский доложил, что в I выпуске предполагается поместить 11 таблиц, а весь текст заключить

в четыре главы: 1. Вступление; 2. Архитектурное описание; 3. Публикация надписей с переводом; 4. Исторические сведения, причем вторая глава уже написана П.П. Покрышкиным и А.В. Шусевым. В результате обсуждения было предложено произвести анализ цемента постройки, изложить технику изготовления всех типов изразцов, их позолоты и окраски. Совещание рекомендовало издать только том исследований Гур-Эмира, изложив общие положения о такого рода постройках во вступительной части. Было решено просить Управление Экспедицией заготовления государственных бумаг о возможности печатать рисунки, слабо сделанные карандашом, техникой гелиографуры, надписи же фототипическим способом. Тираж выпуска был определен в 1000–1500 экземпляров, текст было признано желательным поместить параллельно на русском и французском языках, перевод надписей с арабского на французский сделать с подлинников. Совещание выразило желание оказывать всестороннюю помощь в дальнейшей работе.

Подобное начинание тут же вызвало понятный интерес, и читающая публика была информирована «Петербургской газетой» в № 55 от 25 февраля 1899 г. и «Московскими ведомостями» в № 58 от 27 февраля того же года и о подготовке издания, и об отпуске на него денежных средств. Книгу предполагалось выставить на Всемирной парижской выставке 1900 г., однако выпуск задержался, и только 27 апреля председатель Археологической комиссии был уведомлен, что его ходатайство о посвящении издаваемого тома императрице Александре Федоровне удовлетворено, 21 апреля 1905 г. 2 экземпляра первого выпуска и, увы,

последнего — «Описание Самаркандских мечетей» были препровождены для вручения императору и императрице.

Вообще же, Императорская археологическая комиссия достаточно ревниво охраняла добытую ею интеллектуальную собственность. Так, 19 марта 1903 г. А. А. Бобринский писал временно управляющему делами Министерства императорского двора Константину Николаевичу Рыздзевскому для доклада государю о дошедшей до сведения Комиссии информации, что МАО собирается приступить к полному описанию всех археологических памятников Херсонеса. Поскольку для самого общества такое издание было бы финансово непосильно, П. С. Уварова рассчитывала получить деньги от императора.

С точки зрения самого А. А. Бобринского, идея была бы весьма здоровой, если бы речь шла об общем своде древностей, но пока такой свод делать было преждевременно, поскольку новые раскопки неминуемо сделают его неполным. Издание же частных томов нарушило бы весь план исследования Херсонеса. При этом председатель ИАК выгодно подчеркивал заслуги Комиссии в уже состоявшихся изданиях трудов В. К. Мальмберга и А. В. Орешникова (1891), В. В. Латышева (1892, 1895, 1899), А. Л. Бертье-Делагарда (1893), А. А. Павловского (1903), которые были посвящены херсонесским древностям. При этом он писал, что Археологическая комиссия «дорожит правом издавать то, что ее трудами извлечено из земли и сохранено для науки», и в какое бы «затруднительное положение она была бы поставлена, если бы графиней Уваровой удалось исходатайствовать Высочайшее разрешение на издание древностей Херсонеса

на Высочайше дарованные средства без всякого участия Комиссии». В итоге он предполагал, что руководство возможным изданием должно было быть вверено ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 2а. Л. 105–108). Своеобразным ответом на эту попытку со стороны ИАК была публикация А. А. Бобринским очерка по истории Херсонеса (Бобринский 1905с).

Стоит отметить, что МАО все же сумело издать серию работ по археологии Херсонеса, в частности, труд Д. В. Айналова о местных христианских храмах (Айналов 1905). Рецензия на этот труд, написанная близким к ИАК Я. И. Смирновым, но так и оставшаяся неопубликованной, считает изданные Д. В. Айналовым планы храмов не заслуживающими доверия как непрофессиональные и не имеющие органической связи с описанием памятников. Автор отмечал: «Появление книги не снимает с Археологической комиссии обязанности издания, наконец, в надлежащем, отредактированном специалистом-архитектором виде всех развалин, всех многочисленных церквей, которые раскопки, производимые вот уже около 15 лет под [оставлен пробел] Комиссии, вывели из земли на свет божий и... на быстрое разрушение природой и человеком» (РО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 75. Л. 7, 9, 26, 27). Интересно, что одно из своих первых исследований древностей Херсонеса, в частности, описание и идентификация фрагментов мраморных храмовых деталей, в 1890 г. Д. В. Айналов выполнил на средства и по поручению ИАК, на что ему было выделены немалые деньги — 300 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 61. Л. 2 — 2 об., 12–16).

В заключение надо отметить высокую степень востребованности изданий

№	Видность, чина, или и званія, званія старша.	СЪ КВАРТА РАССУДА.				Годной работы.	Въ какомъ году, и въ какомъ мѣсяцѣ погребенъ и похороненъ въ мѣсто, и въ какому году погребенъ и въ какому мѣсяцѣ погребенъ въ мѣсто.	Въ чьей собственности.
		№	№	№	№			
	<p>Князь Министровской Археологической Комиссии, Александръ Александровичъ Пушкинъ, Александръ Александровичъ Пушкинъ, Статскій Советникъ Николай Александровичъ Пушкинъ, Александровичъ Пушкинъ.</p> <p>Дополнительно: Александровичъ Пушкинъ.</p> <p>Князь Александровичъ Пушкинъ, Александровичъ Пушкинъ.</p>	<p>Съ 1</p> <p>Съ 1</p> <p>Съ 1</p> <p>Съ 1</p>	<p>Съ 1</p> <p>Съ 1</p> <p>Съ 1</p> <p>Съ 1</p>	<p>Съ 1</p> <p>Съ 1</p> <p>Съ 1</p> <p>Съ 1</p>	<p>II Класъ 1127</p> <p>Годъ 1187</p> <p>Мѣсяцъ 30/4</p>	<p>Не данъ.</p>	<p>Общественно-музейная коллекция Императорского Эрмитажа (по указу Императора Александра II)</p> <p>На принадлежность къ Императорскому Эрмитажу.</p>	
<p>1880 Председатель Комиссии Чл. Императорской Археологической Комиссии Александровичъ Пушкинъ.</p>								

Списки наград, испрашиваемых для членов Императорской археологической комиссии и Министерства императорского двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 22. Л. 80 об. — 81)

Археологической комиссии и в наше время, поскольку ее публикации с прекрасными фотографиями древних

вещей и архитектурных памятников задали высочайший стандарт археологических публикаций.

XX

Празднование 50-летнего юбилея ИАК, состоявшееся 5 февраля 1909 г., стало важной вехой в истории Комиссии. Более детальное знакомство с его обстоятельствами позволяет не только показать ее достижения и выявить насущные проблемы деятельности, но и вскрыть внутренний мир этого археологического учреждения Российского государства. Еще 25 мая 1908 г. граф Бобринской подал соответствующий рапорт о предстоящем праздновании на имя министра двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 1–2). Здесь предлагалось «ознаменовать юбилей» рядом ценных публикаций «экстренного характера», восстановить право ИАК на бесплатную пересылку изданий и корреспонденции, подобно тому, которое было закреплено за Академией наук и Русским географическим обществом, а также гарантировать ИАК беспшлинное приобретение необходимых материалов для научных изданий — право, которым уже пользовалась Академия художеств. В связи с этим председатель спрашивал министра, не признает ли тот «справедливым исходатайствовать» о выделении на «юбилейные издания» 25 000 руб. Отдельной строкой А. А. Бобринской просил поощрить деятельность сотрудников ИАК юбилейными подарками.

17 сентября 1908 г. министр в ответном письме определил параметры будущего празднования. Возможность восстановления льгот при пересылке изданий представлялась сомнительной, поскольку закон от 16 июня 1905 г.

предполагал сокращение количества бесплатных отправок, а разрешение на беспшлинное приобретение материалов для издательской деятельности зависело не от Министерства двора, а от Государственной думы (Там же. Л. 5–6). Требуемые на издания деньги были выделены двумя траншами после 1 ноября 1908 г. (Там же. Л. 7). Однако министерство категорически отвергло идею раздачи наград к юбилею (Там же. Л. 3 — 3 об.), ибо по существующим законам (примечание к ст. 665 Устава о гражданской службе, т. III, 1896 г.) «празднование юбилеев не должно служить поводом к представлению о наградах». Одновременно барон Б. В. Фредерикс выразил готовность ходатайствовать об изготовлении особого жетона к юбилею ИАК, если ее председатель возбудит этот вопрос перед министерством.

При этом предполагалось строго определить правила награждения жетоном и способ его ношения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 8 об.). 17 января 1909 г. был одобрен эскиз «Высочайше утвержденного юбилейного жетона ИАК», а 10 марта — правила о его ношении на груди. Однако вскоре правила были изменены, так как по закону 1900 г. было признано нежелательным учреждение различными обществами жетонов для ношения на груди: они могли носиться на цепочке от часов. Такова была, очевидно, и практика ношения юбилейного жетона Комиссии. Всего из бюджета министерства на изготовление жетонов 31 января

1909 г. было выделено 1600 руб. Ювелирной фирмой «Эдуард» в Петербурге было изготовлено в общей сложности 15 золотых и 15 серебряных жетонов. Предполагалось, что стоимость золотого жетона, который предназначался председателю, его товарищу и членам Комиссии, составит 75–85 руб., а серебряного — 20–25 руб. Серебряный жетон предназначался для служащих по канцелярии, при этом специально оговаривалось, что жетон мог выдаваться и сотрудникам, хоть и не состоявшим во время вручения на действительной службе, но трудившимся в ИАК до юбилея.

Похоже, что приведенное уточнение имело отношение лишь к одному человеку, бывшему делопроизводителю Комиссии И.А. Суслову. Однако, судя по всему, памятный жетон до адресата не дошел. Об этом свидетельствуют обиженные письма И.А. Суслова от 26 января и 12 марта 1912 г., которые, видимо остались без ответа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 36–37). В этих письмах, обращенных к председателю ИАК, адресант патетически вопрошал: «Вы ли не признали нужным включить меня, ветерана Комиссии», в наградной список? И.А. Сулову прислали в подарок лишь изданное Я.И. Смирновым к юбилею ИАК «Восточное серебро», он благодарит, но дополнительно требует прислать ему некогда заказанные им оригинальные фотографии к этому изданию. Мы знаем, что такая реакция И.А. Суслова была связана с конфликтом в Комиссии 1899–1902 гг.

К сожалению, и образцы подобных жетонов, и их эскизы или описания остаются доселе неизвестны.

Так, золотой жетон должны были получить: сам А.А. Бобринской,

В.В. Латышев, Н.И. Веселовский, А.А. Спицын, Б.В. Фармаковский, П.П. Покрышкин, Р.Х. Лепер, В.В. Шкорпил, Б.И. Ханенко, М.П. Боткин, Н.И. Булычев, Д.Я. Самоквасов, Н.В. Покровский, М.И. Ростовцев, а также Ф.А. Браун, который, впрочем, оставался «под вопросом». В числе получателей серебряного жетона значились: А.С. Раевский, И.С. Сутулло, Н.В. Суходольский, И.А. Сулов, Е.Б. Барсукова, Н.Е. Макаренко, М.И. Скубетов и Н.И. Репников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 38).

Основным юбилейным изданием Комиссии стал атлас «Восточное серебро», вышедший в свет в 1909 г. Это издание имело долгую предысторию и было задумано еще в начале 1890-х гг. под названием «Приуральские древности». В 1893 г. И.И. Толстой отказался от этой работы, и тогда Н.П. Кондаков рекомендовал своего ученика, 24-летнего выпускника Петербургского университета Я.И. Смирнова, который предложил новую программу издания, предусматривающую также включение всех находок с территории России, попавших в европейские собрания. Изучение этих вещей было одной из важнейших целей научных командировок магистранта Я.И. Смирнова за границу в 1894–1897 гг. Он собрал огромный материал, но подготовить его к изданию, прежде всего из-за своей тщательной скрупулезности, смог только по истечении весьма длительного времени (Беленицкий, Зеймаль 1985: 11; Тихонов 2009b).

К самому дню юбилея ИАК был объявлен Высочайший рескрипт «Нашей Археологической комиссии», где император Николай II писал, что ИАК «оправдала постоянное доверие, проявленное предками Нашими и Нами» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 78. Л. 13–14 об.,

39–41). В то же время министр объявил 2 февраля благодарность чинам канцелярии (Там же. Л. 15), в частности А. С. Раевскому, И. С. Сутулло и Н. В. Суходольскому.

Около этого времени естественный спад научной активности ИАК, связанный с русско-японской войной и общественной нестабильностью в России 1904–1908 гг., сопровождался, судя по всему, усиленной аналитической работой самого А. А. Бобринского и его сотрудников, которая была направлена на формирование будущей стратегии деятельности Комиссии. Похоже, что к концу 1900-х гг. у А. А. Бобринского возникли некоторые идеи по поводу дальнейшего реформирования деятельности ИАК, которые он, в частности, обсуждал с Д. Я. Самоквасовым. Последний в своем письме от 7 декабря 1908 г. сообщал А. А. Бобринскому будущие «Основные положения устава Киевского музея русских древностей». Музей должен был состоять в ведомстве непоименованного министерства, а его деятельность — подчиняться направлению и контролю ИАК. Все приобретаемые им коллекции должны поступать на предварительное рассмотрение ИАК, имеющей право их публикации. Коллекции принимаются в музей также с разрешения ИАК. При этом задача музея состоит в изыскании, собирании, хранении, издании и научной обработке древностей губерний области (бассейна) Днепра и его верхних и средних притоков (до порогов). Музей должен был посылать в ИАК копии отчетов своих полевых исследований. Интересно, что при музее планировалось организовать лабораторию для анализа состава древних металлических изделий. Можно предположить, что дело шло к созданию сети региональных научных

учреждений с Комиссией во главе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 162. Л. 25 — 26 об.). Очевидно, подобные идеи обсуждались и с Б. Н. Ханенко, который уже с 1905 г. был членом ИАК.

Несколько ранее, в 1906 г., в переписке с тем же Д. Я. Самоквасовым А. А. Бобринской также «проговаривается» о начале нового этапа своей деятельности как в организационном, так и в тематическом плане. Признавая справедливой критику разделения археологических коллекций между двумя главными музеями империи, он пишет: «С будущего года думаю уже вступить в том отношении на несколько иную дорогу. К тому же я лично так пристрастился к камню и бронзе, что могу только опасаться, не придаю ли слишком много значения тому, что, может быть, до сих пор считалось... хламом». Далее, говоря о трудностях, которые могут возникнуть в связи с поручением одному из членов Комиссии заняться изучением и публикацией древностей центра России («скифо-славянской эпохи»), А. А. Бобринской высказывает новые мысли в отношении организации отечественной науки и периодизации отечественной археологии: «Ежели на предстоящем съезде (XIV Археологический съезд в Чернигове в 1908 г. — *Авт.*) удалось бы выработать нечто в виде соглашения между нашими разными археологическими обществами и учреждениями, то можно было бы в принципе решить, где сосредоточить собирание сведений и исследование Центральной России, и возложить издание этих материалов хотя бы на Археологическую комиссию, открыв широко двери всем заинтересованным в деле и желающим сотрудничать в нем. Следовало бы поставить “рамки”, “а то скифы-сарматы-славяне

простираются чуть не от Кавказских гор до Финского залива»». Также он полагал, что издание материалов проведенных им раскопок Смелы в виде приложений к отчетам ИАК будет первым шагом к новому направлению в трудах Комиссии (Археология... 2007: 88–90).

Тогда же А.А. Спицын составляет и публикует новые инструкции к производству археологических раскопок и разведок (Спицын 1908; 1910). В своих воспоминаниях В.Г. Дружинин пишет: «С[пицын] составил, а Комиссия издала руководство для производства раскопки курганов, обследования майданов и городищ. Это руководство вытерпело два издания и богато иллюстрировано. ...Это было первое научно составленное руководство, а до него каждый археолог копал курганы как ему вздумалось» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Л. 13 об. — 14).

Определенным этапом в жизни ИАК было празднование 25-летнего юбилея служения самого А.А. Бобринского в Комиссии в феврале 1911 г. Помимо «Сборника», выпущенного в его честь, материалы архива хранят много интересных документов, связанных с этим празднованием. В предисловии к «Сборнику» сотрудники ИАК писали: «Вы, Граф, обладаете редчайшей способностью привлекать к себе симпатии всех, кому выпадает на долю вступать в близкое общение с Вами, и неотразимо действовать на них обаянием Вашей личности. Для всех Ваших сотрудников по Комиссии работа в ней под Вашим благожелательным руководством представляет собою не тяжкий обязательный труд, а истинное наслаждение» (Сборник 1911: 1). Сохранилась и рассадка приглашенных на праздничном обеде — всего 34 человека.

Впрочем, «Сборником» и юбилеем были довольны не все. По поводу «Сборника» Н.П. Кондаков, продолжавший крайне негативно относиться к А.А. Бобринскому, отзывался «особенно сурово и жестоко издевался над его сотрудниками по Комиссии, не постыдившимися посвятить целый сборник статей этакому убожеству. Отчего не посвятили сборника швейцару Комиссии? Тот, во всяком случае, был умнее» (СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 91. Л. 56–57; Варнеке 2002: 99). Думается, что подобное высказывание, оскорбительное не только для самого А.А. Бобринского, но и для его коллег по Комиссии, многие из которых были учеными с мировым именем, следует оставить на совести самого Н.П. Кондакова. Его обида могла усугубляться тем, что предложенный им проект изучения Десятинной церкви в Киеве был в конце концов поручен императором Археологической комиссии.

Время конца 1900 — начала 1910-х гг. было связано со многими новыми начинаниями в области исследования древностей Восточной Европы. Почти одновременно с началом исследования Десятинной церкви (996 г.) и Старокиевского городища в 1908 г. ИАК в 1909 г. приступила к реставрации и раскопкам храма Спаса на Берестове в Киеве XI в. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 275) (подробнее см. главу XIII). Одними из ярких эпизодов деятельности ИАК в 1910-е гг. были не только раскопки выдающихся памятников, таких как курган Солоха, за исследование которого Н.И. Веселовский был представлен к ордену св. Анны 1-й степени, который и получил 6 апреля 1914 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 186. Л. 2, 65 об.), но и участие в собирании и исследовании «Перещепинского

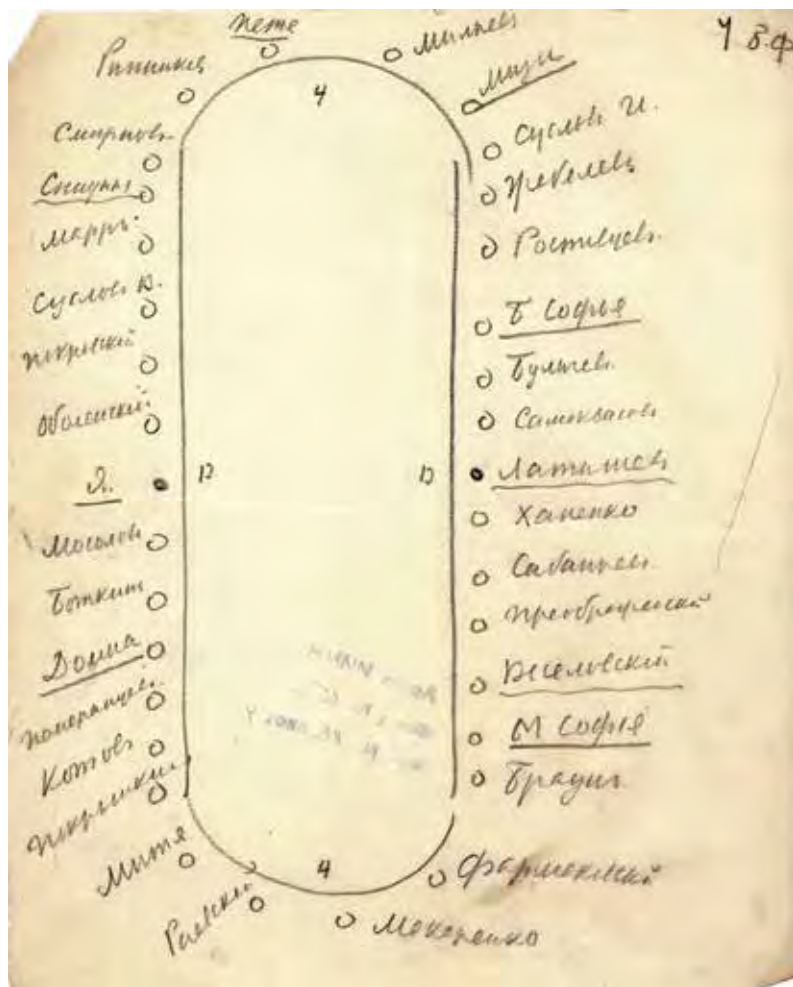
Поздравление А. А. Бобринскому из Херсонеса в связи с 25-летием его службы в Императорской археологической комиссии (РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 87. Л. 15)

Поздравительные телеграммы В. В. Шкорпила, С. А. Жебелева и Н. В. Покровского А. А. Бобринскому в связи с 25-летием его службы в Императорской археологической комиссии (РО. Ф. 25. Д. 87. Л. 28, 29, 30)

Председателю Императорской Археологической Комиссии почтительнейше просить съехать к нему гости отобедать у него в Поместье 2-го Февраля в 7½ часов вечера.

Приглашение на обед в честь 25-летия службы А. А. Бобринского в Императорской археологической комиссии, 2 февраля 1911 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Д. 117)

Рассадка на обеде в честь 25-летия службы А.А. Бобринского в Императорской археологической комиссии, автограф А.А. Бобринского: «Петя (Петр Алексеевич Долгорукий (1883–?), муж Софии, дочери А. А. Бобринского. — Ред.), Милеев, Мизи (? — Ред.), Суслов И., Жебелев, Ростовцев, Б. Софья (Софья Андреевна Бобринская (1829–1912), мать А.А. Бобринского. — Ред.), Булычев, Самоквасов, Латышев, Ханенко, Сабанеев (Д.А. Сабанеев. — Ред.), Преображенский (М.Т. Преображенский. — Ред.), Веселовский, М. Софья (Софья Алексеевна Бобринская (1882–1936), дочь А.А. Бобринского. — Ред.), Браун, Фармаковский, Макаренко, Раевский, Митя (Дмитрий Александрович Шереметев (1885–?), муж Домны, дочери А.А. Бобринского. — Ред.), Покрышкин, Котов, Померанцев (А.Н. Померанцев. — Ред.), Домна (Домна Алексеевна Бобринская, дочь А. А. Бобринского. — Ред.), Боткин, Масолов, я, Оболонский (Дмитрий Александрович Оболонский (1882–?), муж Елены Андреевны, дочери Андрея Александровича Бобринского, брата А.А. Бобринского. — Ред.), Покровский, Суслов В., Марр, Спицын, Смирнов, Репников» (РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 87. Л. 4)

клада» — погребения хана Кубрата (Залесская, Львова и др. 1997). Уже 12 июня 1912 г. по распоряжению ИАК Н.Е. Макаренко был отправлен на Полтавщину скупать оставшиеся вещи и произвести дополнительные раскопки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 174. Л. 7).

Поток новой информации привел к такому явлению, которое А.А. Спицын описывал в своем лекционном курсе за 1909 г.: «Открытия идут за открытиями. Не успеешь освоиться с одним новым разделом древностей, как на смену его выступает другой. Мы, члены ИАК, под потоком новостей чувствуем себя так, словно стоишь в теплый, тихий зимний день под хлопьями мягкого, пушистого снега, непрерывно и равномерно падающего. Уже наслаждался, насмотрелся, а снег все валится и валится. И домой ушел, а он продолжает все так же лететь, и нет ему конца», выражая при этом надежду на благодетельную специализацию, школу, привычку к системе, метод... (Спицын и др. 1910–1911: 8, 9). Однако, несмотря на то, что сами члены ИАК считали себя не справляющимися с этой «снежной лавиной» информации, она не превратилась в «прошлогодний снег», а надежно осела в архиве и публикациях Комиссии. К тому же необходимо отметить, что деятельность ИАК пришлась на эпоху становления археологической науки в России в целом, оформления ее теоретической основы и методологического арсенала, поэтому противоречия в ее деятельности были неизбежны. Помимо практического накопления и систематизации знания надо отметить и теоретические разработки таких членов ИАК, как И.Е. Забелин, Н.П. Кондаков, Н.В. Покровский, А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Спицын, в определенной мере влиявшие

на деятельность их коллег по Комиссии и самого учреждения (см.: Лаппо-Данилевский 1923).

Таким разработкам способствовала активная профессорско-преподавательская, лекционная и педагогическая деятельность членов и членов-корреспондентов ИАК, читающих в Петербургском университете Петра Великого, Археологическом институте, Санкт-Петербургской духовной академии, на провинциальных курсах. Так, дважды, 29 мая — 8 июня 1904 г. и 28 мая — 8 июня 1912 г. в Твери проходили церковно-археологические курсы при участии крупнейших российских историков и археологов, в том числе и членов ИАК (Мусин 1993: 145–156; 1999: 262–266; 2004: 83–86).

В связи с увеличением объема задач Комиссии, после соответствующего рапорта А.А. Бобринского и доклада министра двора императору, 5 марта 1914 г. на Комиссию было возложено составление проекта новых штатов, который был закончен 15 мая. В его основу были положены предложения Б.В. Фармаковского и П.П. Покрышкина. Согласно проекту, товарищ председателя ИАК должен был получать 5500 руб., а один старший член — 4000 руб., тогда как число членов Комиссии с окладом в 2700 руб. должно было быть увеличено до 7 человек. При этом четверо должны были служить в Петербурге, а остальные трое — в Киеве, Херсонесе и Керчи.

Наиболее существенное реформирование должно было коснуться реставрационных сил ИАК. Известно, что в делах, связанных с реставрацией памятников архитектуры, Археологическая комиссия сотрудничала в 1910-е гг. с Обществом защиты и сохранения в России памятников

искусства и старины (см.: Алябьева 2001). В апреле 1912 г. великий князь Николай Михайлович, председатель Общества, послал письмо А. А. Бобринскому с просьбой об оказании содействия и поддержки со стороны Комиссии «в вопросах принятия всех законных мер, отвечающих назначению Общества для более успешного осуществления дела защиты и охранения художественных, бытовых и исторических памятников от разрушения и искажения» (РО. Ф. 68. Д. 4. Л. 1). В своем ответе председатель ИАК писал, что «Императорская археологическая комиссия, глубоко сочувствуя задачам Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, готова содействовать Обществу, поскольку это зависит от нее, и в этом отношении Комиссия предлагает Обществу командировать своего делегата-архитектора для участия в реставрационных заседаниях с правом совещательного голоса» (Там же. Л. 2). Впоследствии ИАК заранее присылала приглашения с программой докладов перед каждым реставрационным заседанием, и представитель Общества мог полноправно принимать участие в обсуждении и решении вопросов ремонта и реставрации памятников древнего зодчества в России. Таким представителем от Общества был избран архитектор А. В. Щусев, но затем в связи с переездом в Москву его заменил молодой архитектор Н. Е. Лансере. С 1912 г. он являлся постоянным участником реставрационных совещаний ИАК (РО. Ф. 21. Д. 11. Л. 4 об.).

К 1914 г. в помощь заведующему реставрационным делом так или иначе были приданы 4 человека: один архитектор, получавший зарплату как канцелярский чиновник XII класса; один помощник, который трудился в Киеве,

Обложка издания «Личный состав Императорской археологической комиссии. 1913 г.» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 415)

получая вознаграждения из личных средств соответствующего члена ИАК; еще один сотрудник привлекался к разным работам без определенного вознаграждения; и, наконец, последний трудился при реставрации Бахчисарайского дворца, получая содержание от МВД. Вместо такой нестабильной структуры в штат ИАК предлагалось ввести троих помощников членов Комиссии по архитектурной части с окладом в 1500 руб.

По новому расписанию делопроизводитель должен был получать 1800 руб., регистратор — 900, двое чиновников XII класса — соответственно 750 и 600, чиновник для поручений для Ольвии — 600, специальный фотограф, ибо «совмещение обязанностей сторожа и фотографа доставляло неудобство», — 1200. Два сторожа должны были получать по 300 руб., и еще

два сторожа дополнительно вводились в штат для охраны раскопок и древностей Ольвии. В штате появлялась и совершенно новая должность — хранитель древностей с окладом в 1500 руб., так как в помещении Комиссии ежегодно скапливались десятки тысяч предметов, и лишь в 1913 г. стоимость хранимых здесь золотых вещей достигала 500 000 руб. Однако 11 августа в свете военных событий процесс принятия новых штатов был остановлен впредь до особого распоряжения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 52. Л. 2–3, 16 — 18 об., 30 об. — 32).

Тогда же, 11 августа 1914 г., дворцовый комендант Свиты его величества «срочно и секретно» «по встретившейся надобности» просит председателя ИАК сообщить ему список германских и австрийских подданных, служащих в его учреждении, и отметить, с какого времени осуществляется эта служба (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 262. Л. 140). Таковых в Комиссии не было, однако происшедший примерно в это время конфликт между Р.Х. Лепером и Севастопольским жандармским управлением, связанный с высылкой его сына из «крепостного района», привел к тому, что осторожный А.А. Бобринский решил просить В.В. Шкорпила 11 сентября принять заведование херсонесскими раскопками и музеем, а самого Р.Х. Лепера 13 сентября — подать прошение об отставке, которое и было написано, где, впрочем, отставка была мотивирована болезнью и усталостью (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 22. Л. 82 — 82 об., 84 об., 90, 92).

Из рапорта начальника Севастопольского жандармского управления от 4 августа известно, что конфликт произошел в канцелярии сыскной

части, где на стене висел большой портрет государя императора. Сын археолога, Роман, остался в фуражке.

О том, что произошло дальше, жандармское донесение повествовало следующее: «На обращенную просьбу к студенту пристава сыскной части во вполне корректной форме снять фуражку отец студента статский советник Лепер стал упрекать пристава в том, что он обращается с его сыном не по-человечески, требуя от него невозможного, при чем выразился так: “перед портретом никто не обязан снимать фуражку, портрет носят и по улице, что ж и там прикажете снимать фуражку, это произвол”».

За отсутствием состава преступления дело против Р.Х. Лепера севастьяпольской прокуратурой было прекращено, однако, по мнению жандармского управления, «публичное выражение неудовольствия на законное требование полиции» «вырисовывало» его, Р.Х. Лепера, «взгляды и степень преданности и уважения Верховной власти».

В результате сношений с Комиссией Управление то ли «потребовало», то ли «признало необходимым» удаление заведующего раскопками из Севастополя, что явствует из письма А.А. Бобринского от 15 сентября. В реальности этот инцидент, скорее всего, был типичным проявлением ксенофобии по отношению к людям с немецкими именами и фамилиями, которая широко развернулась в первые месяцы начавшейся мировой войны, тем более что Херсонес находился почти на территории главной военно-морской базы на Черном море. Р.Х. Лепер вернулся в Петроград, где учительствовал в средней школе до самой своей кончины в 1918 г. (Басаргина 1996: 96–104; 2008b: 228–231).

МОИСЕЕВ Лаврентий Алексеевич (1882–1946) — археолог и гидролог. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1909 г., в 1905–1912 гг. участвовал в раскопках Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского. Стажировался в Гейдельбергском университете. Вернувшись из-за границы в начале Первой мировой войны, принял предложение ИАК стать заведующим раскопками в Херсонесе (1915–1924). Член ИАК с сентября 1915 г. В трудных условиях сумел подготовить к эвакуации херсонесские коллекции и архив и отправить их в Харьков. С ноября 1920 г. — заведующий Севастопольским комитетом по делам музеев, директор Херсонесского музея. Производил разведки неолитических памятников в Крыму. В 1924 г. арестован, пробыл в заключении 5 месяцев. До начала 1930-х гг. работал в Севастопольском отделении Общества по изучению Крыма, увлекся проблемами ирригации и сейсмологии. Позднее работал на Ялтинской оползневой станции.

Осн. соч.: Фрагменты аттических ваз строгого стиля. СПб., 1912;

В защиту римского Геркулеса. СПб., 1916; Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1926. Симферополь, 1927. Т. 9. С. 115–122; Дары Асклепия. Севастополь, 1928; Иранские системы водоснабжения в Крыму // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.; Л., 1939. С. 135–137.

Лит. о нем: Антонова И.А. Херсонесский музей за годы советской власти // Херсонесский сборник. 1959. Вып. 5. С. 3–12; Гриненко Л.О. Из истории Херсонесского музея (1914–1924 гг.) // Древности 1997–1998. Харьков, 2000. С. 187–198; Жуков Ю.И. Операция «Эрмитаж». М., 1993; Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1: Античный полис. Т. 2: Византийский город. Тюмень, 2008.

(Фото: ФО. Отп. О.2730-114)

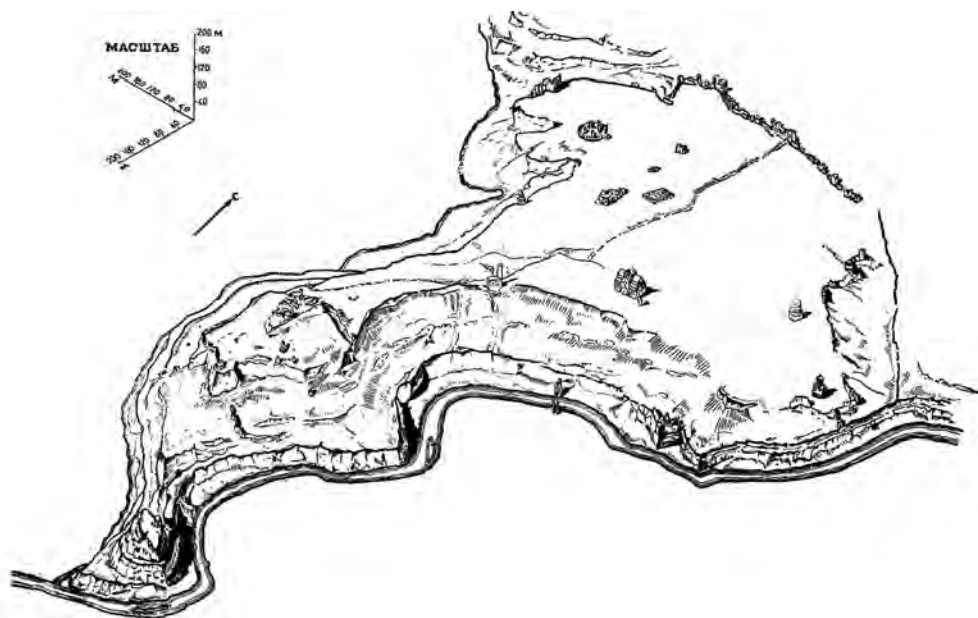
На место Р.Х. Лепера был назначен Лаврентий Алексеевич Моисеев, имевший опыт работы в Ольвии с Б.В. Фармаковским с 1905 по 1912 г. и в сентябре 1914 г. срочно командированный в Херсонес в качестве временно заведующего раскопками. Он еще 17 февраля 1915 г. просил об окончательном назначении на эту должность, однако, как военнообязанный, он мог быть в любой момент мобилизован. 12 мая А.А. Бобринской отправил военному министру В.А. Сухомлинову письмо с просьбой рассмотреть вопрос об освобождении Л.А. Моисеева от воинской повинности. Главный штаб не возражал против такого исхода дела, однако желал бы, чтобы оно свершилось не в порядке ст. 79 Устава о воинской повинности

20 мая 1915 г., предполагавшей льготы для педагогов, а на иных основаниях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 207. Л. 8–9, 10 — 10 об.). Вопрос не был решен в скором времени, и 19 августа 1915 г. МВД объявило Л.А. Моисеева «уклонистом» еще с 1913 г. — именно тогда он ушел с преподавательской службы и отправился в ученую командировку — и было готово принять меры к его безотлагательному призыву на воинскую службу (Там же. Л. 14 — 14 об.). 4 сентября Л.А. Моисеев уже был призван, 9 сентября председатель ИАК ходатайствовал перед главкомом Черноморского флота о возможности оставления его на службе в Севастополе, однако 9 октября Астраханским уездным военным присутствием тот окончательно признан «совершенно неспособным к военной службе» и «воинской повинности не подлежащим» (Там же. Л. 23). В результате Л.А. Моисеев был утвержден членом ИАК задним числом лишь 14 декабря 1915 г.

Трудности с назначением нового члена не остановили активности «крымского направления» в деятельности ИАК. 19 января 1916 г. М.И. Ростовцев предложил провести раскопки в Ласпинской бухте, на что было выдано 600 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 128. Л. 1–2), а 9 сентября А.А. Бобринской, по предложению Л.А. Моисеева, М.И. Ростовцева и Б.В. Фармаковского, подал в министерство рапорт о необходимости проведения археологических исследований в Евпатории-Киркениде на месте строительства грязелечебницы, которые и начались 1 ноября 1916 г. Здесь вновь не обошлось без П.С. Уваровой, которая 26 октября рекомендовала министру возложить эти исследования на М.И. Ростовцева (Там же. Л. 18 — 19 об., 24 — 24 об., 39).

Еще одна сторона деятельности А.А. Бобринского в это время — это постоянная борьба за сохранение памятников старины. Очень показателен в этом отношении эпизод, когда ему понадобилось добиться личной аудиенции у императора Николая II, чтобы предотвратить возможное разрушение знаменитой церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода из-за проекта прокладки там железной дороги. Граф пытался также прекратить использование важнейшего памятника греческой культуры в Причерноморье — острова Березань в качестве стрельбища для кораблей Черноморского флота. Но спорить с Военно-морским ведомством оказалось значительно сложнее, чем с Министерством путей сообщения (Бобринский 2003: 516–517).

Формой охраны старины в деятельности ИАК стала передача памятников и исторических мест в ведение и в собственность Комиссии. 5 мая 1900 г. Департамент государственных земельных имуществ сообщил в ИАК о разрушении местными арендаторами памятников Ани и Беш-Килисса, обратившись при этом с просьбой осмотреть памятники, оценить их историческое значение и принять меры к их охране. В свою очередь 20 мая ИАК предлагает Департаменту каждый раз включать особый пункт об охране древностей в контракты с арендаторами, однако 27 ноября 1901 г. МВД просит ИАК принять эти памятники старины, находящиеся на казенных участках, «в свое ведение». При тогдашней смете ИАК не имела возможностей на наем сторожей и затруднялась назвать, кому конкретно могло бы быть поручено наблюдение за этими древностями на месте (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 98), но по мере раскопок в Ани этот исторический

Ани, перспективный план (ФО. Нег. III 14682)

участок перешел в непосредственное ведение Комиссии.

В то же время, 19 января 1901 г. Департамент государственных земельных имуществ предложил принять в ведение Комиссии развалины Бодзентинского замка Келецкой губернии. Епископский замок, построенный в XIV в. и затем существенно перестроенный в XVII в. по проекту итальянских архитекторов Иоанна Бальцера и Якова Фонтаны, был заброшен уже в первой половине XVIII в. (Gueguin 1974: 94–95, гус. 46, 48). Определенно к 1911 г. этот памятник находился в собственности Комиссии, поскольку 1 апреля 1914 г. в Келецком окружном суде слушалось дело по иску ИАК к крестьянам Войцеху Аниолеку и другим о восстановлении нарушенного владения. В результате было выяснено, что участок Замчиско в посаде Бодзентин Келецкого уезда является собственностью Комиссии, а появившиеся здесь

постройки возведены незаконно. Суд принял решение захватчиков выселить, постройки снести, а участок вернуть законному владельцу. Однако подробности этой передачи, связанные со временем, обстоятельствами и условием получения ИАК этого участка земли и его строений в собственность, остаются неясными, поскольку из-за упомянутого выше процесса 30 октября 1911 г. ИАК препроводила в прокуратуру Царства Польского все касающиеся замка архивные документы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 20).

В некоторых случаях инициатива могла принадлежать самой Комиссии. Так, 28 октября 1915 г. ИАК поставила вопрос об отчуждении в ведение Комиссии участка земли близ колонии Шабо Аккерманского уезда Бессарабской губернии для исследования находящегося на нем кургана. Ввиду ликвидации немецких колоний в губернии появилась опасность, что курган может попасть

*Развалины замка в Бодзентине близ Кельце (Польша), фото П.П. Покрышкина, 1907 г.
(ФО. Отп. О.661-22)*

*Развалины замка в Бодзентине близ Кельце (Польша), фото П.П. Покрышкина, 1907 г.
(ФО. Отп. О.585-40)*

в частные руки и делается недоступным для правительственных исследований или же будет испорчен неумелой раскопкой. Однако в результате выяснилось, что земля, на которой находился курган, принадлежала Покровской церкви и согласно правилам от 2 февраля 1915 г. не подлежала отчуждению (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 217).

В связи с охраной памятников Комиссия принимала участие в подготовке Всероссийского съезда деятелей музеев. Предложение собрать подобный форум было выдвинуто на XV Археологическом съезде в Новгороде в 1911 г. Предварительный съезд был созван в конце 1912 г. при Историческом музее, а сам съезд планировался на 2–7 января 1915 г. 9 сентября 1913 г. Министерство народного просвещения попросило Министерство императорского двора дать экспертное заключение на программу предстоящего съезда, 3 октября 1913 г. министр отправил в ИАК на отзыв полученную им программу. В ответном письме А. А. Бобринской предлагал исключить из будущей программы ряд пунктов как не имеющих прямого отношения к музейному делу. В частности, речь шла о следующих пунктах: «25. Необходимость скорейшего издания закона о мерах охраны памятников старины; 26. Способ охраны памятников старины и участие в этом деле учреждений духовных, светских, земских и городских; 27. Пересмотр действующего законоположения о производстве раскопок и установление правил раскопок на частновладельческих землях». Также он обращал внимание на то, что в программе отсутствует важнейший вопрос о научной системе регистрации (классификации) музейных коллекций (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 264. Л. 3–8).

Музейное движение в это время вообще переживало значительный подъем. В том же году в Государственной думе и в Комитете министров решался вопрос об учреждении в России национального музея в ознаменование 300-летия царствования Романовых. По предложению думцев, этот музей должен был стать хранилищем русских исторических памятников. Предложение было одобрено 15 марта 1913 г., однако оно должно было быть реализовано таким образом, дабы не нанести «ущерба для интересов других музеев».

1 августа было получено Высочайшее соизволение на учреждение под председательством великого князя Георгия Михайловича Особого совещания для выработки главных оснований законопроекта о всероссийском национальном в память 300-летия царствования дома Романовых музее или Романовской палате церковных древностей с бюджетом в 60000 руб. в год. В обсуждении проекта, который так и не был воплощен в жизнь из-за начавшейся Первой мировой войны, от имени Комиссии участвовал Б. В. Фармаковский (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 335. Л. 1–2, 16–17).

В первой половине 1910-х гг. отношения ИАК с учреждениями Ведомства православного исповедания и изучение христианских древностей стали одним из приоритетов ее деятельности. Помимо крупных реставраций церковных и монастырских комплексов, таких как Ипатьевский монастырь, церковь Спаса на Нередице, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, церковная тема преобладала и в «реставрационных заседаниях» в виде обсуждения проектов сноса и переустройства рядовых приходских церквей православного мира. Сведения об этих храмах приходилось

собирать по крупицам. Еще в 1896 г. А.А. Бобринской обращался к епархиальным архиереям с просьбой содействовать отправке в ИАК описаний местных церквей и монастырей. К концу 1900-х гг. Комиссия, благодаря отложившимся в архиве материалам, оказалась способна начать масштабный проект по изданию кратких описаний, фотографий и планов памятников архитектуры российских губерний, прежде всего храмов и часовен. Накануне великих потрясений, когда многие из описанных объектов оказались утрачены, эта инициатива выглядит провидчески, а результаты ее реализации становятся надежным историческим источником.

В 1909 г. собственными силами ИАК были изданы храмы Костромской епархии (Церкви Костромской епархии 1909), что до определенной степени было связано с интересами сверхштатного члена Комиссии Н.В. Покровского — выходца из Костромской губернии. Следующей губернией стала Архангельская (Описание памятников русской архитектуры 1911а: 102–162; 1911b: 78–222). В первой части были изданы городские храмы Архангельска, Архангельского и Кемского уездов, во второй — Кольский, Онежский, Пинежский, Холмогорский и Шенкурский уезды. Описание было составлено по материалам, собранным П.П. Покрышкиным и хранящимся в архиве Комиссии, характерно активное использование данных храмовых метрик 1887 г., переданных из ИАХ в ИАК в 1890 г., а также местных епархиальных и краеведческих изданий. В публикации были фотографии В.В. Суслова, В.А. Плотникова, Д.В. Милеева, И.Я. Билибина. К сожалению, П.П. Покрышкину не удалось найти описание

архангельских церквей, созданное епископом Макарием (Миролюбовым, 1817–1894).

Следующий этап издания памятников сопровождался активным сотрудничеством между местными епархиями и Комиссией. 26 октября 1911 г. из ИАК в Вятскую духовную консисторию поступило предложение издать храмы губернии по образцу Архангельской и Костромской епархий. После решения вопроса о том, на чьи средства будут отнесены расходы по пересылке снимков, в Комиссии были собраны 101 фотография местных храмов и их древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 311. Л. 1–3, 6–10). Издание начало осуществляться на следующий год (Описание памятников русской архитектуры 1912: 95–142).

24 апреля 1913 г., в связи с изданием изображений и описаний церквей Олонецкой епархии, ИАК обратилась в местную духовную консисторию с просьбой о присылке клировых ведомостей. В течение последующего года на их основе был составлен список храмов, которые должны войти в публикацию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 219. Л. 1). 4 октября 1914 г., по поводу описания церквей Полтавской епархии, в полтавскую консисторию была направлена просьба о присылке фотографических снимков церквей, иконостасов, предметов старины и искусства для их издания в «Известиях» ИАК. 29 ноября в ИАК были доставлены три альбома бумаг из Полтавского епархиального древлехранилища (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 283. Л. 1). При попытке издания описания церквей Вологодской епархии 8 февраля 1914 г. Комиссия вновь запросила консисторию о присылке клировых ведомостей, а также материалов, опубликованных в «Епархиальных

ведомостях», и о доставлении фотографий церквей и их древностей при согласии и желании клира. Дополнительно ИАК пришлось 17 марта обращаться в Этнографический отдел Русского музея, Совет которого через год, 9 апреля 1915 г., разрешил Комиссии пользоваться своими фотоматериалами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 81. Л. 1–4). Последним нереализованным проектом было издание описания храмов Тверской епархии, куда ИАК обратилась 4 ноября 1915 г. с просьбой о присылке клировых ведомостей и храмовых фотографий. 16 ноября консистория пересылает в ИАК «Статический епархиальный сборник», изданный И. Добровольским, и сообщает, что препятствий к выдаче распоряжений клиру церквей об отсылке в Петроград фотоснимков не встречается (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 202. Л. 1).

К этому времени Комиссией в лице П. П. Покрышкина были разработаны и основные положения по реставрации и сохранению древних зданий, которые он представил в нескольких статьях, вышедших в серии реставрационных выпусков «Известий ИАК». В 1905 г. П. П. Покрышкин, обобщив свой накопленный опыт, издал «Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях» (Покрышкин 1905: 120–123), где сформулировал несколько важных практических рекомендаций технического характера.

В 1910 г. была опубликована статья П. П. Покрышкина «Проветривание зданий», где он обратил внимание на важность поддержания влажностного микроклимата в древних памятниках архитектуры для наилучшего сохранения фресковых росписей, деревянных конструктивных элементов, старинных документов (Покрышкин 1910: 85–87).

Он вывел несколько правил проветривания зданий в зависимости от времени года, погодных условий, указал на необходимость следить за разницей наружной и внутренней температур. Инструкция предназначалась для лиц, заведовавших памятниками. Автор был убежден, что выполнение этих несложных мер значительно способствовало бы более длительному сохранению древних сооружений, прежде всего православных храмов.

К 1910 г. П. П. Покрышкин разработал свой проект опросных листов для специалистов из комитета по охране памятников по описанию древних церквей и зданий (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 20–33). За основу он взял составленную Академией художеств форму метрик для получения сведений о древних храмах, зданиях и художественных предметах (подробнее см. главу XIII), которую он переработал и дополнил. В опросных листах, составленных П. П. Покрышкиным, первым же пунктом указано на необходимость фотографирования зданий, иконостасов и утвари с 4 сторон: «Многие из ответов на вопросы могли бы быть заменены отчетливыми фотографическими снимками» (Там же. Л. 32 об.). При подаче проектов ремонта, реставрации или расширения древних зданий в ИАК он советовал обращать внимание на наличие в них кроме чертежей здания снимков как фасадов и «частей здания, назначенных к переделке или реставрации, так и находящихся в нем отдельных памятников старины (иконостасов, икон, паникадил, колоколов и т. п.» (Там же. Л. 16).

По поручению ИАК в 1915 г. П. П. Покрышкин составил статью «Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства» (Покрышкин

1915b: 178–190). Археологическая комиссия считала необходимым ознакомиться с инструкцией П.П. Покрышкина всех лиц, причастных к реставрации древних зданий и надзору за их состоянием, особенно техников и составителей проектной документации по ремонту памятников архитектуры, прежде всего православное духовенство. Статья была направлена в 1916 г. в Святейший Синод с просьбой опубликовать ее в «Церковных ведомостях» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 296). 54 экземпляра ИАК послала всем архиереям для издания в епархиальных ведомостях (Там же. Л. 302–305).

Первыми просьбу Комиссии поддержали Архангельская, Псковская и Смоленская епархии. Глава Смоленской епархии даже отметил, что он настоятельно предложил местному духовенству «внимательно прочитать эту статью, дабы не допускать непоправимых ошибок при ремонте церквей и особенно старинных церквей и иконостасов и избежать обвинения в порче памятников старины неумелыми исправлениями их» (Там же. Л. 314). Впрочем, случались и проблемные ситуации. 5 августа 1914 г. А.А. Бобринской с сожалением писал в Тульскую духовную консисторию о ее нежелании представлять в ИАК нужные сведения, что делает ее «печальным исключением из других епархий» (Там же. Л. 298–299). Главой епархии в это время был архиепископ Парфений (Левицкий).

В 1916 г. текст «Краткие советы...» П.П. Покрышкина был разослан в количестве 59 экземпляров губернаторам и начальникам областей, московскому и петроградскому градоначальникам, ученым обществам с просьбой напечатать целиком в местных изданиях «с целью распространить возможно

шире знания, добытые многолетним опытом, и тем самым облегчить задачу лицам, трудящимся над составлением проектов ремонта», поступающих на рассмотрение Комиссии (Там же. Л. 306 — 306 об.). Правда, некоторые чиновники сообщили о невозможности опубликовать бесплатно текст статьи в местных ведомостях. Например, петроградский градоначальник сослался на то, что в ведомостях нет раздела неофициальной информации, а изданию в официальной части содержание статьи не отвечает. И все же большинство одобрило подобную инициативу. Псковский губернатор в 1916 г. написал в Комиссию, что он не только опубликовал статью П.П. Покрышкина в местной центральной газете, но и «отпечатал 100 отдельных экземпляров», которые были разосланы для «руководства учреждениям, техникам и лицам», отвечавшим за составление проектов ремонта и реставрации памятников старины и искусства (Там же. Л. 336).

В 1916 г. П.П. Покрышкин поместил в «Вопросах реставрации» заметку «Указания для перенесения деревянных церквей» (Известия ИАК. Вып. 61. 1916: 191), где дал четкие рекомендации, как поэтапно произвести разборку конструкции и какие правила при этом нужно соблюдать. Он указал на обязательную необходимость производства точных измерений и чертежей до начала работ, подробного документирования процесса и фиксации всех конструктивных элементов, особенно первоначальных. Публикация П.П. Покрышкина сама по себе свидетельствовала, что перенос или переборка деревянных зданий больше не составляли проблем для исследователей, и Комиссия «санкционировала подобного рода работы» (Памятники архитектуры... 2002: 482).

Однако именно в это время осложнились отношения ИАК со Святейшим Синодом по вопросу о реставрации памятников церковной старины (подробнее см. главу XIII). Воспользовавшись общим кризисом российской государственности и общественной нестабильностью военного времени, 20 июля 1915 г. Синод издал указ о порядке разрешения споров между духовными консисториями и ИАК по вопросу о реставрации древних храмов, где в случае возникновения конфликтных ситуаций последнее слово оставалось за «синодалами» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 300; Охрана памятников 1978: 305–309). Все попытки А.А. Бобринского вернуть процесс в законное русло и восстановить предшествующую практику, как об этом свидетельствует отношение канцелярии Синода в ИАК от 16 августа 1916 г., не увенчались успехом (Охрана памятников 1978: 319–325). Отношения с церковной властью наследникам ИАК пришлось строить заново уже в совершенно иных социально-политических условиях...

Необходимо отметить, что ситуация в Российской церкви середины 1910-х гг. вызвала озабоченность не только Императорской археологической комиссии. Одновременно, в 1916 г. при Министерстве юстиции образовалось Особое совещание для выработки законоположения об охране памятников древнерусской иконописи. В состав его участников вошли представители Министерства юстиции, Академии художеств (Н.П. Кондаков), Комитета попечительства о русской иконописи (К.К. Романов), Техническо-строительного комитета при Министерстве внутренних дел (А.Н. Померанцев), Русского музея (П.Н. Шеффер, П.И. Нерадовский), Эрмитажа (Д.И. Толстой),

Ведомства православного исповедания (Н.В. Покровский), Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (А.А. Половцов), Публичной библиотеки (Н.П. Лихачев) (РО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 60. Л. 6). Возглавил работу Совещания товарищ министра юстиции А.Н. Веревкин. Председатель Императорской археологической комиссии попросил включить в состав участников совещания своего сотрудника. Получив полное согласие, он назначил представителями от ИАК П.П. Покрышкина и А.А. Спицына (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 338).

Поводом к созыву Совещания для разработки дополнений к законодательству, касающихся обеспечения сохранности памятников древнерусской иконописи, послужил факт судебного разбирательства о «растрате икон» из сельской церкви в Тверском уезде. По делу обвинялись священник церкви, сельский староста и московский иконописец-реставратор. Первые двое тайно продали иконописцу 15 икон, заменив их копиями. Он отреставрировал иконы и перепродал их в частные руки в несколько раз дороже. Одна из икон «Лицевое Евангелие», самая ценная по своему художественному значению, оказалась приобретена Русским музеем. Данное дело вызвало широкую общественную реакцию, поскольку в нем были затронуты интересы Императорского музея, и это обусловило его рассмотрение на министерском уровне. Самым спорным являлось решение проблемы, как распорядиться дальнейшей судьбой иконы «Лицевое Евангелие» — вернуть в церковную собственность или оставить ее в правительственном музейном собрании. Ко времени созыва Совещания дело тянулось уже несколько лет.

Основными темами для обсуждения стали вопросы: 1) достаточны ли существующие правила об охране предметов церковной старины вообще и памятников древней иконописи в частности, изложенные в уставе духовных консисторий; 2) «если эти правила недостаточны, то в чем они подлежали бы дополнению, притом какие из намечаемых... мер возможно было бы осуществить в порядке административном (распоряжением Святейшего Синода), а какие представлялось бы необходимым установить в порядке законодательном.

В частности, не следовало ли бы установить, что памятники церковной старины, находящиеся в церквях, часовнях, ризницах, не могут быть никому отчуждаемы без особого каждый раз разрешения епархиального начальства»; 3) требовалось ли издание особого законодательного постановления о праве музеев на все приобретаемые ими и внесенные в инвентарь предметы, устанавливающего «неотчуждаемость всех попавших в музей тем или иным путем памятников древнего искусства»; 4) частный вопрос о «правах Русского музея на оставление за собою иконы "Лицевое Евангелие" по окончании уголовного дела, возникшего по поводу похищения ее из церкви в Тверском уезде» (РО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 60. Л. 6).

В течение весны и осени 1916 г. состоялось несколько заседаний нового Особого совещания. Участники заседаний подробно рассмотрели все распоряжения Святейшего Синода, направленные на охрану памятников церковной старины, и признали, что формально они в достаточной мере обеспечивали охрану памятников древней иконописи «как предметов, входящих в состав церковного имущества и подлежащих

в вышеозначенном порядке бдительному надзору со стороны духовных властей. Вместе с тем, однако, совещание заметило, что, как свидетельствует опыт, помянутые постановления закона, к сожалению, не соблюдаются в полном их объеме» (Там же).

На практике предметами повышенного внимания и должного ухода являлись лишь чудотворные или особо чтимые иконы, тогда как сохранность всех остальных находилась под угрозой, условия хранения не отвечали необходимым требованиям. Особенно это касалось обветшавших икон, среди которых часто оказывались экземпляры высокой художественной и исторической ценности. Участники совещания также положительно оценили деятельность Святейшего Синода по составлению подробных описаний предметов исторического, археологического и художественного значения в храмах, монастырях, ризницах, книгохранилищах. Вместе с тем они обратили внимание на то, что «среди представителей местной духовной власти только в виде крайне редких исключений встречаются лица, обладающие познаниями в области церковной старины или же даже хотя бы просто способные составить надлежащую и правильную опись подобных предметов. Кроме того, поддержание памятников церковной старины, и в частности икон, в соответствующем их ценности виде само по себе требует наличности необходимых денежных средств, каковыми средствами епархиальные власти отнюдь не всегда располагают. При недостаточности же таких средств церковные власти зачастую и видят себя вынужденными прибегать к распродаже этих памятников, притом даже без всякого преступного умысла» (Там же).

Поэтому Совецание признало меры по охране памятников церковной старины не вполне достаточными и требующими дальнейшего развития. При этом наиболее целесообразным участникам совещания казалось усовершенствование системы охраны не путем введения новых законодательных положений, а методом усиления контроля за выполнением административных распоряжений Святейшего Синода с объяснением епархиальным архиереям «значения для отечественного искусства старинных икон и прочих предметов церковной старины и с увещанием о впадении за их сохранностью во вверенных им епархиях и принятии для сего соответственных мер». Совецание предложило также «установить, в административном порядке, воспрещение отчуждения без разрешения высшей духовной власти всех без исключения предметов церковной древности», даже если они не внесены в церковные описи (Там же).

Вопрос о неотчуждаемости предметов, приобретенных в государственные музейные хранилища, затрагивал право частной собственности и вызвал бурные прения среди собравшихся. В итоге они разработали проект статьи в законодательство России, согласно которому «имеющие научно-историческую или художественную ценность предметы, возмездно приобретенные музеями, хранилищами... состоящими в ведении правительственных, общественных и научно-просветительных учреждений, остаются в их собственности, хотя бы впоследствии судебным решением было признано, что они были похищены у прежнего их собственника». При этом проект все же сохранял для собственника возможность возвращения «ему означенных предметов по возмещении уплаченной за них

цены и произведенных на них необходимых и полезных издержек» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 175. Л. 10).

В обстановке военного времени и в связи с политическими изменениями, происходившими в России в тот момент, ни один из законопроектов так и не был утвержден. Тем не менее нельзя недооценивать значение активной деятельности научного сообщества России во второй половине XIX — начале XX в. по разработке законодательства по охране национального исторического наследия. Благодаря неоднократному обсуждению этой проблемы, были выработаны основные организационные подходы к созданию системы правовой охраны памятников, к формированию структуры исполнительных охранных органов, признана важность осуществления государственной программы по составлению единого свода древностей, определены критерии их отбора для постановки под охрану. Многие из положений позже легли в основу современного российского законодательства по охране исторических памятников.

Совершенно очевидно, Императорская археологическая комиссия с момента образования была вовлечена в процесс борьбы за сохранение древностей. Эпоха каждого председателя характеризовалась своими особенностями этой борьбы и стоящими перед Комиссией задачами. Ее представители принимали активное участие в работе всех комиссий и совещаний по разработке Положения об охране исторических памятников в России. Более того, планировавшаяся к созданию в 1916 г. Комиссию для окончательного утверждения законопроекта, не состоявшуюся в силу изменения политической ситуации в России, должен был возглавить председатель ИАК А. А. Бобринской.

XXI

В двери стучался 1917 год. Императорская археологическая комиссия вступила в него, не подозревая, какие радикальные перемены несет ей ближайшее будущее... Сейчас, оглядываясь назад, мы можем сказать: значение деятельности ИАК для науки — как надежного хранителя археологической информации, как организующего центра «добычи» этой информации и, наконец, как органа, регламентирующего процедуру полевых и камеральных исследований — не подлежит сомнению. Именно в процессе деятельности Комиссии сформировался основополагающий принцип подхода к сохранению археологических памятников и реставрации памятников архитектуры. Стало очевидно, что охрана культурного наследия должна быть не только неразрывно связана с его научным изучением, но и подчинена исследовательским задачам. Однако сумела ли Комиссия переломить своей активностью общественную инерцию и равнодушие русского человека к своему культурному наследию?

Дабы подвести некоторый итог влиянию Комиссии на общественную жизнь и сознание к началу 1917 г., обратимся к трем эпизодам этого времени. 21 апреля 1916 г. петербуржец Эрих Васильевич Диль был приглашен инженером В.А. Васильевым, начальником работ по изысканиям и составлению проектов орошения в бассейне р. Чу, «произвести археологические обследования местности производства». Похоже, ни тот, ни другой никогда ранее не были связаны с ИАК, однако непосредственно перед выездом в Азию Э.В. Диль просит у Комиссии Открытый лист на раскопки в Семиреченской и Сырдарьинской областях

и подтверждения своих полномочий для фотографической фиксации памятников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 80. Л. 1–2).

Помимо отчетов об археологической разведке Чуйской долины, снабженной подробными картами, он составляет «Инструкцию хранителю древностей» Управления по орошению, а в августе 1916 г., отправляясь в Петроград, предлагает на эту должность архитектора Н.А. Черепанова. Уже первый пункт этой инструкции предполагает глубокий профессионализм и исторический такт: «Все вещи одинаково важны, неважных вещей нет» (Там же. Л. 50–52). Оказавшись затем в революционном Петрограде, Э.В. Диль, будучи по долгу службы в Ораниенбауме, 25 мая 1917 г. препровождает в ИАК, по собственной инициативе, подробный отчет о разрушениях дворца, совершенных погромщиками за несколько дней до этого. Он не только дает социальную характеристику нападавших, но и детально фиксирует произведенные разрушения, вплоть до расстрела из ружей бронзовых фигур вокруг дворца (Там же. Л. 54–59).

Точно так же один корнет 2 октября 1916 г. после посещения Петрозаводска представил в ИАК записку о пяти старинных русских пушках и солнечных часах екатерининского времени, хранящихся во дворе Александровского завода. На всех орудиях были указаны заряд пробного выстрела, вес и общие размеры. На одной из пушек была надпись «Olonez 1717», а на другой — свидетельство, что она была отлита в присутствии Александра I. О находке было сообщено в Артиллерийский музей, и его начальник, поблагодарив Комиссию за сообщение, обещал

Страница 1. Музей. № 100
 1916 г. А. А. Бобринский 2

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА О 5-ТИ ПУШКАХЪ
 находящихя на Александровскомъ, бывшемъ пушечномъ,
 нынѣ снарядномъ, заводѣ въ гор. ПЕТРОЗАВОДСКЪ.

На дворѣ Александровскаго сталелитейнаго завода въ
 Петрозаводскѣ лежать, подъ навѣсомъ, 5 пушекъ, безъ лафетовъ.
 Изъ нихъ одна имѣетъ надпись: "Alone" -1717. 4 остальныхъ
 пушки Александровскихъ временъ. Всѣ изъ нихъ имѣютъ до-
 вольно любопытныя надписи, въ которыхъ указывается зарядъ
 пробнаго выстрѣла для даннаго орудія, вѣсъ его, общіе раз-
 мѣры и проч. На одномъ изъ орудій имѣется надпись, глася-
 щая о томъ что пушка эта была отлита въ присутствіи ИМПЕ-
 РАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, и на ней имѣется собственно-
 ручная отмѣтка Царя. Кромѣ того въ видѣ узора выгравиро-
 вана надпись: "Pacificator Europae" и поставленъ годъ от-
 ливки.

Кромѣ означенныхъ пушекъ, на дворѣ завода заслужива-
 ютъ вниманія, отлитыя во времена Екатерины, датированныя,
 солнечныя часы. Сдѣланы эти часы изъ чугуна. Остріе, нахо-
 дящееся на дискѣ, и показывающее время, - сломано. Поставлены
 эти часы среди кучъ мусора и обломковъ, оставшихся отъ
 производства, никто ими не интересуется и часы, очевидно,
 обречены на гибель.

Что касается пушекъ, то администрація завода полага-
 етъ, что лучше было-бы увезти ихъ въ болѣе подходящее мѣс-
 то, но пока ничего въ этомъ направленіи не предпринимается
 и пушки хранятся крайне небрежно: на нихъ сваливаютъ дрова,
 и мѣсто, гдѣ онѣ лежатъ никогда не подметается, поэтому все
 кругомъ нихъ обросло мохомъ и травой.

Въ гор. Петрозаводскѣ я былъ въ первой четверти
 Апрѣля мѣсяца сего года.

Корнетъ Ф. А. Бобринскаго

Петроградъ, 1 Октября 1916г.

Записка корнета А. А. Бобринского о пушках и солнечных часах Александровского завода в Петрозаводске (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 105. Л. 1)

Б.

Положение шрифта обильное, на септент, рурки
 срезаются на урду или на шепот. Палева на
 забаву. Только адитив косилка, адитива чекан-
 кемант урду спору
 спавуса [Куррант],
 ит шит б. шурра
 нонт половецки,
 голубом на шогрине
 и кастиллеи баш.

Рис. V.

но приделаны и подброду.

6
 27 мая 1916 года, много, шрифт 10 рабочих,
 раскопано место курранта.

7
 1 Куррант. Высота палева 1/2 арш., диаметр б. палева
 в аршин. Косилка б. палева шурра б. 2 арш.

Рис. VI.

Рис. VII.

Рис. VIII.

Находки: 1) Косилка
 Косилка - диаметр Рис. VI.
 [длина - 11 см, ширина - 4 см,
 ит шурра - 1/2 арш. и
 палева - 1/2 арш.; диаметр шурра
 шит 2 арш. диаметр - 2 арш.];

2) Косилка [длина - 11 см, ширина - 4 см, диаметр
 шурра - 1/2 арш.] Рис. VII.

3) Палева Рис. VIII. шурра. [длина
 - 11 см, ширина - 4 см]

Раскопки Ф.Е. Щитникова в Западной Беларуси, 1916 г.
 (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 176. Л. 6)

ходатайствовать о передаче орудий в его фонды. Правда, тут стоит уточнить: корнета звали Алексей Алексеевич Бобринской (1893–1971), и был он сыном председателя ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 105).

Еще один пример также связан с обстоятельствами военного времени. 20 марта 1964 г. из архива Института археологии в Москве в фонд ИАК, хранившийся в ЛОИА, был передан анонимный археологический отчет о раскопках двух курганных могильников, проведенных 21–30 мая 1916 г. группой солдат около д. Калечье-Поле тогдашней Виленской губернии недалеко от дороги Полоцк — Молодечно, где располагалась группа озер Сшо, Пеуя, Долгое, Бобровское, Кривое и Белое (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 176; РО. Дело фонда № 1. Ч. 1. Л. 42–43). В московский институт документ поступил от А.В. Арциховского, которому этот отчет в конце 1940-х гг. передал его сосед Э.К. Фикерт. По словам последнего, автором раскопок был Федор Евгеньевич Щитников, его пасынок, к тому времени скончавшийся. А.В. Арциховский идентифицировал автора отчета со студентом Археологического института Ф.Е. Щитниковым, раскопавшим

в 1912 г. 37 курганов в Лужском уезде (Щитников 1913). Сличение публикации и рукописного отчета позволило отождествить «исследовательские черчерки» и манеру описания и рисунков. И здесь, и там мы сталкиваемся с описанием погребений древнерусского облика с точными обмерами, хорошими рисунками и качественными фотографиями, правда, преимущественно «группового» характера.

Уникальная археологическая информация, которая согласно букве закона и здравому смыслу предназначалась для архива Императорской археологической комиссии, попала в это хранилище через полвека, пережив и самого автора раскопок, и почтенное учреждение императорской России.

Февраль 1917 г., вначале более сказавшийся на названии Императорской археологической комиссии, нежели на ее деятельности, положил начало реорганизации этого учреждения, превратившей Комиссию из организующего центра российской археологии в ведущую научную силу страны...

А. Е. Мусин, М. В. Медведева,
Н. И. Платонова, Л. М. Всевиов,
И. Л. Тихонов

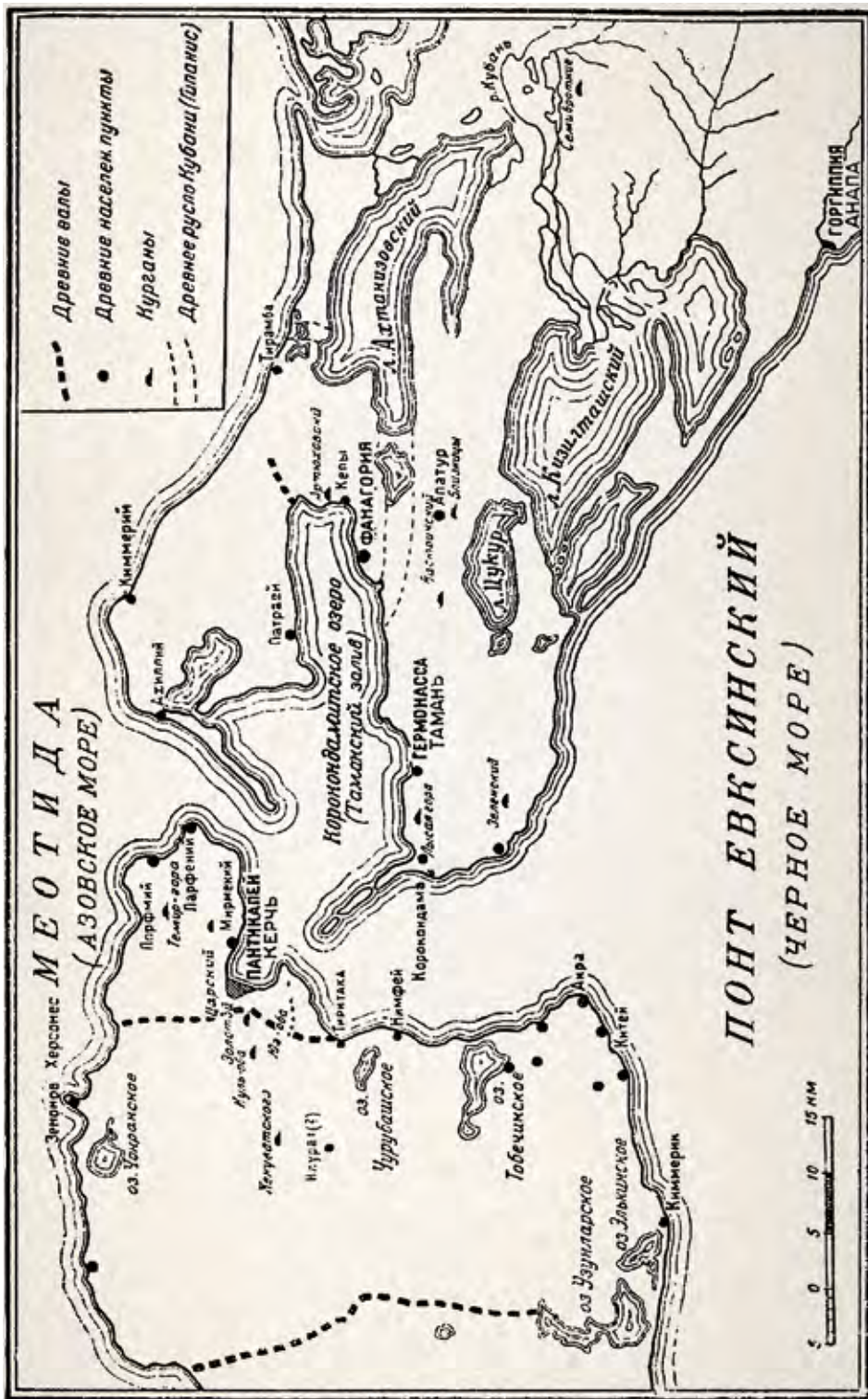
ГЛАВА II

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Античная археология в России начала формироваться много ранее создания Императорской археологической комиссии и к середине XIX в. уже достигла немалых успехов (см.: Виноградов 2000а: 102–103; Тункина 2002а). Однако новое учреждение сыграло очень важную роль в развитии античной археологии в России. Это нововведение сразу стало рассматриваться как одно из проявлений нового мироощущения, характерного для времени Великих реформ, призванных примирить идеи, выработанные западными наукой и опытом, с идеями чисто русскими, глубоко лежащими в истории нашего Отечества (Данилов 1886: 3; ср.: Фармаковский 1921а: 1–7; Лебедев 1992: 89–91).

Создание ИАК в этом отношении можно признать закономерным итогом и развитием наметившихся тенденций. В «Положении» об ее организации, естественно, приоритетные задачи изучения памятников античности специально не оговаривались. Однако первый председатель Комиссии С.Г. Строганов считал, что археологические изыскания в Керчи являются самыми важными в России (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 7. Л. 14 об.). Широко известна фраза из подписанного им исторического очерка деятельности Комиссии, датированного 31 декабря 1881 г.: «Археологическая комиссия с самого начала своего

существования обращала главное внимание на изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами. Раскопки в этих местностях, произведенные ею с этою целью в течение 23-х лет, привели к открытию огромного количества любопытнейших памятников древности и обогатили Императорский Эрмитаж целым рядом замечательных, изящных и ценных художественных произведений древнего мира» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 24; ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 13. Л. 3–4). С самого начала в структуру ИАК был включен Керченский музей древностей, созданный еще в 1826 г. Все это позволило впоследствии утверждать, что Археологическая комиссия занималась главным образом изучением античной культуры Северного Причерноморья (Формозов 1986: 154). Несмотря на то, что архивы ИАК свидетельствуют, что это было отнюдь не так, нельзя не согласиться с тем, что данное направление являлось одним из основных в работе Комиссии и вызывало широкий общественный резонанс. Особое значение в этом отношении имели исследования на берегах Керченского пролива — древнего Боспора Киммерийского (см.: Виноградов 2012а; Vinogradov 2013: 240–252).

Карта Боспора Киммерийского (по В. Ф. Гайдукевичу)

I

Попытаемся проанализировать деятельность Императорской археологической комиссии в области изучения древностей Боспора Киммерийского в первый год ее истории. Прежде всего, необходимо отметить, что для осуществления исследований не хватало квалифицированных специалистов. Хотя система государственных археологических раскопок находилась в процессе становления, подготовка кадров для научной деятельности в этой отрасли знания в России просто отсутствовала. В Керченском музее к тому времени трудились всего два археолога: директор А. Е. Люценко, занимавший эту должность с 30 марта 1853 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г. Д. 9. Л. 23 об.; об ученом см.: Лазенкова 2001а; 2003: 23 и сл.; Зуев 2007; Федосеев 2017: 68) и его помощник К. Р. Бегичев (о нем см.: Лазенкова 2003: 28–29; Виноградов 2017а; 2017b: 8–21; Федосеев 2017: 61). Естественно, первыми проблемами, требующими разрешения, стали кадровые и организационные.

Между Археологической комиссией в Петербурге и подчиненным ей структурным подразделением, Керченским музеем, очень быстро обозначились определенное непонимание и недовольство новым положением со стороны сотрудников музея. К. Р. Бегичев в письме от 27 апреля 1859 г. к С. Г. Строганову писал, что в связи с происшедшими переменами он ожидал улучшения своего материального положения, но его надежды оказались напрасными. Чтобы лучше понять суть начавшегося было конфликта, приведем текст письма (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 7. Л. 11–12): «Простите за смелость, с которой я обращаюсь к Вашему сиятельству. Меня вынуждает к тому крайность,

о которой Ваше сиятельство, конечно, не извещены, но которая ставит меня в положение, близкое к отчаянию. Находясь при Керченском музее 15 лет в качестве рисовальщика, скульптора и розыскателя древностей, я получал постоянно одно и то же жалованье 572 рубля. Недостаток этого содержания был для меня всегда чувствителен и требовал особенных усилий и трудов с моей стороны для поддержания себя. Окончив дела по службе, я принимался за частную работу, *не зная почти никогда, что такое свободное время и покой* (выделенное здесь подчеркнуто в документе. — Авт.). Таким образом, прошли 15 лет, я трудился, жил и надеялся — мне казалось неестественным, чтобы судьба моя, наконец, не изменилась и чтобы хоть на старости лет мне не дали содержания, которое обеспечило бы мое существование без всяких посторонних трудов, для которых здоровье мое не может более служить мне.

Полученные здесь на днях новые штаты лишили меня этой надежды — новыми штатами мне определены все те же 572 рубля, тогда как в Керчи по ее исключительному положению относительно цен на все жизненные потребности нужно по крайней мере втрое более.

При таком положении дел мне остается или искать другое место, или просить об улучшении моей участи. Я предпочитаю последнее, потому что я свыкся здесь с моею обязанностью и могу быть здесь полезен более, чем где-нибудь.

По положению новой Императорской археологической комиссии от Вашего сиятельства все зависит, и я всепокорнейше прошу Вас дать мне другое назначение, какое бы то ни было; я надеюсь оправдать себя, **но** (подчеркнуто

двумя чертами. — *Авт.*) с высшим содержанием или же, если это окажется невозможным, дозволить мне просить у Вашего сиятельства отпуска в С.-Петербург с сохранением содержания для приискания какого-либо места по другому ведомству». Директор музея А.Е. Люценко в письме, направленном С.Г. Строганову 5 мая (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 7. Л. 10), полностью поддержал своего помощника. Он подчеркнул, что считает просьбу К.Р. Бегичева «уважительной и положение его действительно заслуживающим участия». Более того, А.Е. Люценко назвал и свое собственное денежное содержание крайне недостаточным. Он напомнил С.Г. Строганову, что при министре уделов Л.А. Перовском сотрудникам музея периодически выплачивались пособия, без которых в Керчи прожить невозможно. По этой причине директор Керченского музея просил председателя Археологической комиссии оказать ему материальную поддержку или же уволить со службы по расстройству здоровья. В переписке по этому поводу одновременно приводятся важные сведения об организации археологических работ. А.Е. Люценко в письме к С.Г. Строганову через две недели после первого, 18 мая того же года, сообщал: «Успех археологических разысканий в окрестностях Керчи и Тамани <...> вполне зависит от усиления за ними надзора. Окрестности Керчи представляют на пространстве около 140 квадратных верст бесчисленное множество разрытых и полуразрытых курганов, но чем далее они находятся от города и чем они громаднее, тем менее оказываются раскопанными и тем более подают надежду на открытие в них нетронутых гробниц. Таковы, например, курганы Куль-Оба, Золотой и лежащие на скалистых

кряжах, направляющихся от Павловской батареи к западу и от Еникале к северо-западу. Очевидно, что прежние разыскатели затруднялись в раскопках их по недостатку средств к учреждению за ними необходимого надзора и караула. Заметив это, покойный граф Л.А. Перовский предоставил Керченскому музею иметь в своем распоряжении постоянно 3-х конных надсмотрщиков с жалованием по 100 руб. в год и на продовольствие собственных их верховых лошадей по 80 руб. каждому, причем в обязанности их вменялось не только присматривать за работами и за открываемыми гробницами, но и наблюдать непрерывно, чтобы никто из жителей не смел производить в пределах Керченского градоначальства тайных раскопок, следствием которых было появление за границей многих драгоценных вещей, добытых из керченских гробниц. Кроме того, общий надзор за раскопками, производимыми от казны, был усилен назначением в помощь директору трех чиновников: Линевича, Лазаревского и Мазирова, из коих первый уволен в 1855 году, а последние оставили службу в 1856 и 1857 годах» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 7. Л. 7–8).

О введенном новом штате А.Е. Люценко писал, что в музее остался всего один надсмотрщик: «Такое ограничение надзора, если оно касается раскопок, лишает нас возможности следить за ними во всех случаях. Я убежден по опыту, что без постоянных и благонадежных надсмотрщиков, которых в Керчи чрезвычайно трудно найти, нельзя производить раскопки с желаемым успехом в местах, удаленных от города на несколько верст».

В конце письма директор Керченского музея обратился к С.Г. Строганову с просьбами: позволить ему оставить

при музее хотя бы двух конных надсмотрщиков, получающих жалование 60 руб., что не превышало обычной стоимости простого чернорабочего без лошади — 50 коп. в день, и разрешить на прежних основаниях выделять деньги на фураж для верховых лошадей по 107 руб. в год, определить жалование сторожу музея и писарю в размере 100 руб., выделить на письменные и чертежные принадлежности 100 руб. и, наконец, на квартиры для сотрудников музея — 250 руб.

Докладную К.Р. Бегичева председатель Археологической комиссии оставил без ответа, точнее, ответом на все три керченских корреспонденции стало его письмо А.Е. Люценко, датированное 4 июня 1859 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 7. Л. 14–15). В нем граф выразил надежду, что А.Е. Люценко, несмотря на высказанные недовольства, продолжит службу на посту директора музея, а его старания, естественно, не останутся без вознаграждения. Он также указал директору, что главная обязанность его помощника состоит в подготовке нужных рисунков и, по усмотрению директора, в оказании помощи руководству музея. В отношении самого К.Р. Бегичева председатель Археологической комиссии писал: «Что касается до колл[ежского] ас[ессора] Бегичева, то, имея полное уважение к Вашему ходатайству, я не могу перевести его на другое высшее место с высшим содержанием по неимению для него мест ни в здешней комиссии, ни в Римской. Если же, как он излагает в своей докладной записке, для его потребности на этом месте нужно ему получать по крайней мере втрое больше теперешнего его содержания и он полагает искать себе место в другом ведомстве, то я не нахожу к последнему никаких препятствий, но не разрешаю ему для этого

отпуска с содержанием в Петербург, особенно в настоящее время, когда для Вас должен быть нужен помощник. В том случае, когда он останется при своих желаниях или будет уклоняться от исполнения своих обязанностей, покорнейше прошу Вас от моего имени предложить ему подать просьбу об отставке».

Новый штат Керченского музея С.Г. Строганов считал оптимальным, представляющим для директора «особые удобства»: «Одно уже то обстоятельство, что окрестности Керчи представляют на пространстве около 140 кв. верст бесчисленное множество курганов, свидетельствует о недействительности меры иметь для надзора за ними 3-х конных надсмотрщиков, почему они и исключены из штата. Полагаемые же надсмотрщики по новому штату определяются исключительно для надзора во время археологических разысканий, и отсюда видно, что назначать лошадей для таких служителей было бы неуместно».

В результате К.Р. Бегичев до конца своих дней довольствовался содержанием в 572 руб., правда, в январе 1861 г. он получил звание надворного советника (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 3). В марте того же года, когда у К.Р. Бегичева стала быстро прогрессировать чахотка, А.Е. Люценко выхлопотал ему 200 руб. материальной помощи (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 6. Л. 1, 7), но этих средств могло хватить разве что на оплату квартиры за год (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 6. Л. 2 об.), а для достойного лечения их явно недоставало. В марте 1862 г. болезнь свела К.Р. Бегичева в могилу, и на его место был принят Ф.И. Гросс.

А.Е. Люценко тоже напрасно рассчитывал на прибавку к жалованию и увеличение штата музея. Конные

надсмотрщики, которые могли бы оградить керченские древности от грабительских раскопок, новому археологическому начальству показались ненужными. Позиция С.Г. Строганова, исключившего их из штата, в общем, непонятна. Действительно, если иметь трех надсмотрщиков по причине обширности района и насыщенности его археологическими памятниками «недопустимо», то почему бы не увеличить их число на несколько человек? К тому же А.Е. Люценко, знавший положение на месте явно лучше С.Г. Строганова, считал, что в крайнем случае для этого хватило бы двух служащих. Справедливости ради следует отметить, что организация охраны памятников древности непосредственным образом не вменялась в обязанности Археологической комиссии (Охрана памятников... 1978: 10, 63–68) и С.Г. Строганов поначалу имел право не особенно утруждать себя этой проблемой.

Для А.Е. Люценко такое положение все же представлялось недопустимым, и в письме от 22 сентября 1859 г. он вновь обратил внимание С.Г. Строганова на необходимость должной охраны памятников: «В тех же случаях, когда гробница открывается в кургане, значительно удаленном от города и всяких жилых мест, и караульному ей представляется опасение оставаться в поле одному в ночное время, надсмотрщики соглашаются на это с трудом и требуют обыкновенно найма к ним в товарищи кого-нибудь из посторонних или из самих рабочих на курганах. Как в том, так и в другом случае, мера эта не может почитаться верною и удовлетворительною. А потому мне было бы весьма желательно получить приказание Вашего сиятельства относительно охранения гробниц вообще, открываемых

при вышеупомянутых обстоятельствах, и в особенности таких гробниц, которые по важности предполагаемого в них открытия потребуют караула из вооруженной силы для устранения всякого покушения со стороны людей злоумышленных, против которых одного надсмотрщика, даже при нескольких обыкновенных караульных, окажется недостаточно» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 12. Л. 71–72).

С.Г. Строганов остался непреклонен: «Меры для охранения открываемых гробниц, которых расследование по разным причинам должно быть продолжительно, вообще зависят от Вашего усмотрения. Вы можете также к штатным надсмотрщикам нанимать и временных караульных, а в случае экстренном обратиться за содействием и к местному начальству для принятия с его стороны полицейских мер к охранению вверенных Вам казенных интересов. Если на присланных от него сторожей или часовых нужно будет сделать какие-либо расходы от музея, то они не могут быть для него (музея. — *Авт.*) обременительны, так как в содержании большого вооруженного караула при нынешнем мирном положении Керченского градоначальства не может быть надобности» (Там же. Л. 64).

В общем, начальство требовало принять все меры «к еще большему усилению осмотрительности при разысканиях», но дополнительных средств на это выделить не желало или, скорей, не имело возможности. Такое положение, естественно, наносило немалый вред делу охраны памятников Боспора Киммерийского. Тем не менее археологические раскопки 1859 г. в районе Керчи начались 21 апреля, они проходили достаточно успешно и завершились 20 декабря 1859 г. В кратком отчете

о проделанных работах А.Е. Люценко отметил, что в этом сезоне раскопки курганов проводились в семи местах. Выбор пунктов для производства работ определялся не задачами изучения какого-то могильника или микрорайона, а сохранностью курганов, «меньшей степенью их разрытия». В общей сложности было изучено 58 грунтовых и каменных гробниц, некоторые из которых оказались непотревоженными (Там же. Л. 73–74; ОИАК за 1859 г. 1862: VIII). За этими сухими, хотя и весьма впечатляющими цифрами кроется ряд очень важных археологических открытий.

Здесь и далее по ходу изложения нет смысла давать последовательную характеристику всем раскопанным объектам, тем более что информация об этом содержится в томах «Отчетов Императорской археологической комиссии». Важнее обозначить общее направление хода работ, понять логику исследований и, используя документы архива ИАК, хранящегося в ИИМК РАН, по возможности предоставить слово самим археологам позапрошлого века. Что касается раскопок 1859 г., то прежде всего следует отметить, что большое внимание было уделено изучению курганов на хребте Юз-Оба (Сто холмов) под Керчью, начатому в предыдущем, 1858 году. В одном из курганов был открыт неразграбленный каменный склеп «египетской конструкции» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 12. Л. 41; ОИАК за 1859 г. 1862: IX–X; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 44–51). Тогда так называли склепы с уступчатым перекрытием погребальной камеры. Здесь был обнаружен деревянный саркофаг, а среди сопровождающего инвентаря найдены две замечательные краснофигурные вазы, бронзовое зеркало, золотые украшения и пр. Юз-Оба

все более представляла перед исследователями как некрополь боспорской знати IV в. до н. э. (Виноградов 2005а: 272–273).

Среди других важных открытий следует назвать гробницу второй половины IV в. до н. э., обнаруженную в небольшом кургане на северном склоне горы Митридат, в которой наряду с прочим инвентарем была найдена любопытная деревянная пластина (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 12. Л. 1–2, 12, 122–123). Она почти не привлекла внимания ученых, а между тем эту находку можно трактовать как основу седла (Сокольский 1971: 227, 286, табл. XXXIV. 2; Виноградов, Никонов 2007). В таком случае деревянная пластина из керченского кургана, раскопанного в 1859 г., имеет принципиальное значение для понимания ранних стадий генезиса так называемых «твердых седел» в степях Евразии.

В этом же сезоне А.Е. Люценко начал раскопки Кара-Обы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 12. Л. 5, 41 об.; ОИАК за 1859 г. 1862: XI), самого крупного среди курганов в окрестностях Керчи (см. также главу III). Его высота достигала 25,6 м, а диаметр насыпи — около 120 м; масштабность памятника еще более усиливалась от того, что курган был насыпан на одной из вершин холмистой гряды, ведущей от Керчи в открытую степь. Курган раскапывался А.Е. Люценко еще два года (ОИАК за 1860 г. 1862: VI; ОИАК за 1861 г. 1863: V), ему удалось выяснить одну любопытную особенность конструкции памятника — наличие здесь двух мощных крепид.

Исследования, проводившиеся здесь в 60-х гг. XX в. под руководством П.Н. Шульца, привели к открытию еще одной любопытнейшей особенности — курган, скорее всего, имел форму

Раскопки курганного некрополя Юз-Оба в 1859 г. Рисунок К. Р. Бегичева
(РО. Р-1. Оп. 1. Д. 691. Л. 1)

Раскопки курганного некрополя Юз-Оба в 1859 г. Вид с запада. Рисунок К. Р. Бегичева
(РО. Р-1. Оп. 1. Д. 691. Л. 2)

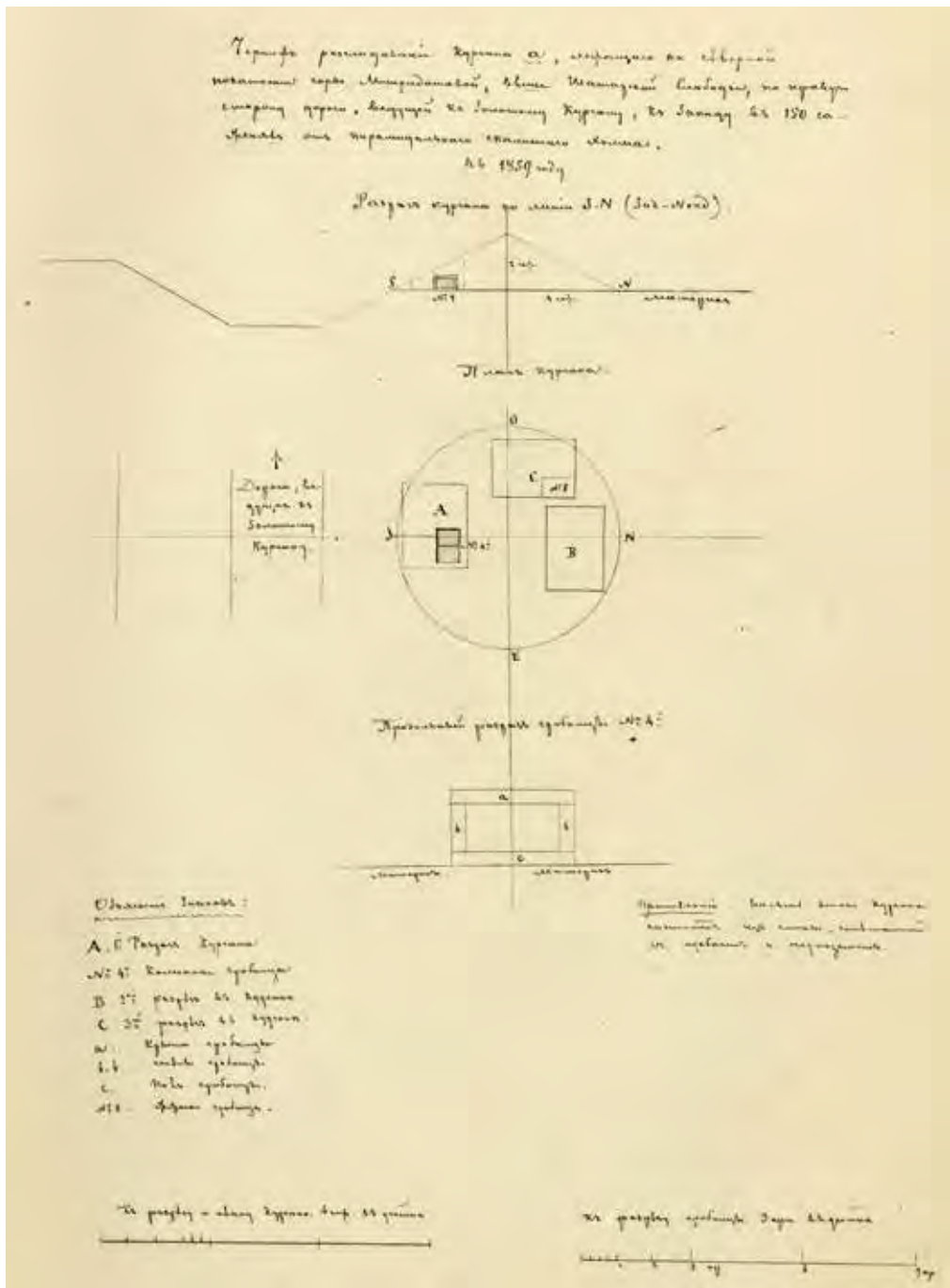
Раскопки курганного некрополя Юз-Оба в 1859 г. Вид с востока. Рисунок К.Р.Бегичева (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 691. Л. 3)

ступенчатого конуса (Шульц 1968: 143; 1971: 59–60). Сделанные при раскопках находки позволяют предполагать, что Кара-Оба была сооружена во II в. до н. э., может быть, даже во второй его половине (Шульц 1971: 62). Обычно считается, что в кургане кроется захоронение одного из боспорских царей, но такое предположение не очень убедительно. Более логичной представляется точка зрения А.Н. Щеглова, полагавшего, что грандиозная уступчатая насыпь была насыпана над могилой воинов понтийского царя Митридата VI Евпатора, погибших в боях за покорение Боспора в конце II в. до н. э. (см.: Виноградов 2004а: 152–154; 2017b: 227; Виноградов, Горнчаровский 2009: 134–135; но ср.: Стоянов 2014: 629).

Помимо членов ИАК, в 1859 г. раскопками на юге России, точнее, на Таманском полуострове, изъявил

желание заняться доцент Московского университета К.К. Герц (о нем см.: Малейн 1912). С.Г. Строганов воспринял такое желание с полным пониманием, отметив, что археологические исследования здесь «могут привести к открытию замечательных памятников древности и вместе с тем послужить для объяснения истории этого края» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 11. Л. 4). Начинающему археологу тогда было предложено на время проведения работ поселиться в станице Сенной в казенном доме, принадлежавшем Императорской археологической комиссии. Ему были даны указания по поводу мест раскопок, а также инструкция о правилах их проведения.

Главным объектом археологического изучения должна была стать Фанагория, где в 1853 г. была найдена каменная плита с посвящением Афродите Урании

Керченский курган 1859 г., в котором была найдена деревянная основа седла (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 12. Л. 83)

Раскопки курганного некрополя Юз-Оба в 1859 г. Вид с севера. Рисунок К. Р. Бегичева
(РО. Р-1. Оп. 1. Д. 691. Л. 7)

Деревянная основа седла из кургана 1859 г.
(ГЭ. Отдел культуры античного мира. П. 1859. 1)

(КБН 972). Подобные находки привлекали очень большое научное внимание, и, соответственно, раскопки были ориентированы на поиски новых эпиграфических документов. Наиболее перспективным для изучения местом городища

была признана прибрежная часть, где находился древний порт и мол. Помимо того, К.К. Герцу рекомендовалось, если представится возможность, провести исследования в других местах, в числе которых названы:

Курган Кара-Оба, раскопки 1860 г. Рисунок К.Р. Бегичева (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 691. Д. 16)

1. Большой курган у с. Фонтана, на котором уже велись раскопки, но гробница не была выявлена.

2. Местность на берегу Ахтанизовского лимана, где в 1818 г. была найдена надпись, посвященная Артемиде Агротере (КБН 1014).

3. Оконечность мыса, известного под названием Дубового Рынка, где видны остатки древних поселений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 11. Л. 4–5).

Инструкция к проведению раскопок, написанная С.Г. Строгановым, настолько интересна, что ее следует привести полностью. Она состояла из восьми очень важных пунктов (Там же. Л. 5–6):

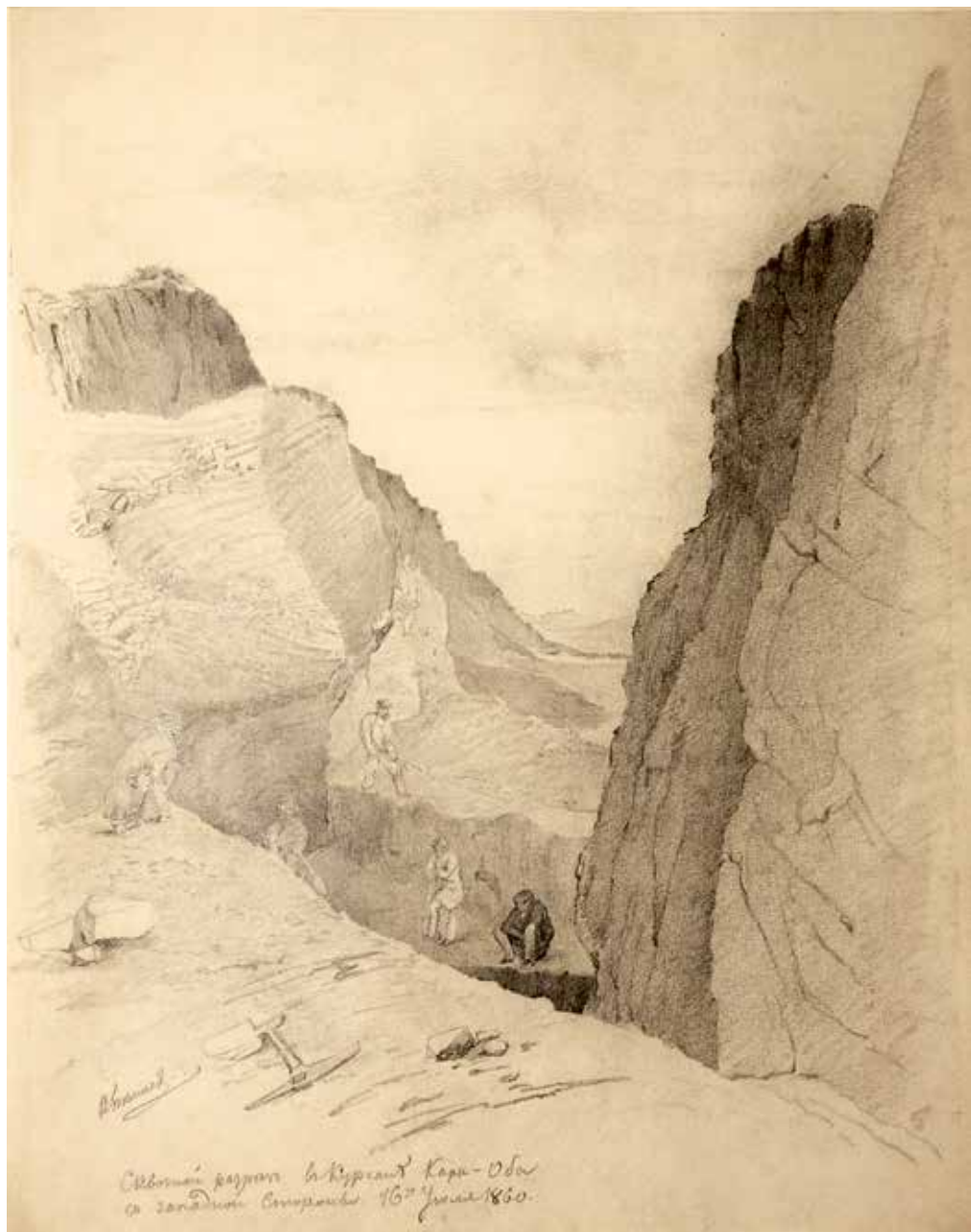
«1. При производстве раскопок не оставлять работы без надзора во время Вашего отсутствия для того, чтобы открываемые вещи не подвергались расхищению.

2. Археологическим раскопкам вести поденный журнал, в котором бы виден был весь ход их со всей подробностью. Так, при расследовании,

напр., кургана должно быть сначала описано топографическое его положение, наружный вид и величина. Затем свойство насыпи его, в каких ее слоях какие попадались вещи, наконец, при открытии в нем гробницы, устройство ее, положение в ней погребенного и расположение около него вещей. Таким образом, чтобы в случае надобности можно было бы реставрировать гробницу в том виде, в каком она была открыта, перенеся ее в музей.

3. К журналу должен быть присоединен план с рисунками, которые могли бы служить для наглядного объяснения замечательнейших в нем мест.

4. В том случае, когда при разысканиях на месте древнего поселения открыты будут остатки древнего оружия или даже покажутся сначала одни архитектурные фрагменты, то не сдвигать их с места до тех пор, пока не объяснится относительное положение их друг к другу, чтобы оно могло быть описано и срисовано.

Курган Кара-Оба, сквозной разрез насыпи, вид с западной стороны. 16 июля 1860 г.
Рисунок К.Р. Бегичева (РО. Р-І. Оп. 1. Д. 691. Л. 17)

5. В случае открытия замечательных гробниц, до прикосновения к находящимся в них древностям, снимать с них точные рисунки. Также

снимать рисунки с тех вещей, которые, будучи вынуты из земли на свежий воздух, приходят в быстрое разрушение.

6. На всех находимых вещах должны находиться номера, по которым все сведения о них можно было бы отыскать в журнале. Без номеров могут оставаться:

а) Монеты совершенно ясные и уже известные, которые могут быть описаны в журнале, и б) Вещи, утерявшие совершенно свою форму.

Что же касается до монет окисленных, то они в особенности не должны быть смешиваемы между собой, так как по очистке они послужат весьма важным указателем времени.

7. Черепа человеческие должны быть сохранены, так же как и самые вещи, для определения по ним племени, к которому принадлежали погребенные. Если скелет найден в гробнице, особенно важной в архитектурном отношении, то он должен быть сохранен в целости, а чтобы кости сохранить от разрушения, напитывать их раствором из простого клея.

8. О ходе работ и открытиях доносить мне, предоставляя и самые найденные вещи.

Об оказании Вам содействия со стороны местного начальства по возложенному на Вас поручению я отнесся к г. наказному атаману Черноморского войска, а также предписал директору Керченского музея древностей оказывать Вам со своей стороны содействие».

Положения инструкции вполне логичны, они созвучны с идеями, высказанными к тому времени П. С. Савельевым (Савельев 1859) и, в общем, понятны современному археологу. Обращает на себя внимание также, что председатель Археологической комиссии настаивал на строгой фиксации всех открываемых объектов, нацеливал полных исследователей на сохранение

древних гробниц для размещения их в музеях, проявлял заботу о сохранении антропологического материала и т. д. Несколько смущает, правда, его отношение к древним монетам хорошей сохранности, которым можно было не давать инвентарных номеров, что закономерно должно было приводить к их перемешиванию. Странно, но такого перемешивания не допускалось для окислившись экземпляров, которые необходимо было подвергать очистке.

На проведение раскопок К. К. Герцу было выделено 3400 руб. На эти деньги в Керчи были набраны рабочие, число которых сначала было небольшим (7 человек), а потом достигало 40 и даже 50. Раскопки проводились непосредственно на городище Фанагория в районе так называемого «центрального вала». К. К. Герц довел свои исследования до материка, обнаружив строительные остатки каких-то сооружений (Герц 1870: 77–79; Кобылина 1956: 6–7). Важным результатом этих раскопок стало открытие эпиграфических документов: посвящение царице Динамии (КБН 979) и надпись царя Реметалка (КБН 976). Одновременно велись работы на курганах, точнее, на 35 из них.

Надо признать, что во время исследований К. К. Герц пытался следовать данной ему инструкции: он снимал планы местности, вел журнал археологических изысканий, в котором давал краткие описания исследуемых объектов и зарисовки некоторых вещей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 11. Л. 49–140). Записи эти, к сожалению, составлены таким небрежным почерком, что прочтение их если и возможно, то требует огромных усилий. Составление отчета о раскопках, естественно, требовало очень большой работы,

ведь одних курганов было раскопано больше трех десятков. Г. С. Строганов всячески торопил К. К. Герца, просил его как можно скорей прислать информацию для публикации в «Отчете Императорской археологической комиссии», но время проходило, а необходимый отчет не поступал. К. К. Герц в письме С. Г. Строганову от 13 февраля 1862 г. (почти через три года после проведения раскопок!) жаловался, что не успевает подготовить отчет по причине большого количества и сложности добытого материала (см.: Малеин 1912: 85–86). Так уж получилось, что подробное описание полевых работ в Фанагории 1859 г. в ОИАК вообще не было опубликовано, там можно найти лишь краткую информацию, составленную на основании рапортов исследователя (ОИАК за 1859 г. 1862: XII–XIV), а полный отчет увидел свет лишь в магистерской диссертации К. К. Герца — «Археологической топографии Таманского полуострова» (Герц 1870: 76–87, 88–98), защищенной в 1870 г. (Малеин 1912: 110). Одного полевого сезона хватило, чтобы московский археолог охладел к раскопкам на Таманском полуострове, во всяком случае, в мае 1864 г. он говорил И. Е. Забелину, что тамошняя почва слишком бедна древностями и что надо обладать особым везением, чтобы рассчитывать на успех (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 14. Л. 8).

Документация о раскопках под Керчью была составлена на достаточно хорошем для своего времени уровне. В связи с общим подходом археологов к фиксации раскапываемых объектов, прежде всего курганов, немалый интерес представляет рапорт К. Р. Бегичева, поданный на имя А. Е. Люценко 10 декабря 1859 г., а затем переправленный

С. Г. Строганову (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 12. Л. 106–107). Выше было сказано, что К. Р. Бегичеву как помощнику директора музея вменялось в обязанности составление всякого рода рисунков; в 1859 г. в ИАК было направлено семь его рисунков с изображениями керченских курганов. По этому поводу исследователь писал, что главное требование к зарисовкам курганов заключается в том, «чтобы впоследствии с рисунком в руках можно было отыскать требуемый курган на месте». Для этого, естественно, необходимо самое подробное и точное изображение всех деталей. К. Р. Бегичев специально отметил, что «все керченские курганы в сущности имеют одну и ту же форму: более или менее плоскую, более или менее острую, но всегда коническую, и различаются только по величине. Притом нет почти ни одного кургана, который бы сохранил свою первобытную форму. На каждом из них заметны более или менее глубокие следы древней или новой раскопки, обезображивающие иногда совершенно форму кургана». Иногда насыпи изуродованы до такой степени, что представляют собой «неправильные груды земли, разбросанной по разным направлениям». В связи с этим археолог поставил перед начальством два вопроса:

1. «Следует ли изображать курган, предназначенный для раскопки, до начала его раскопки и в таком только виде, в каком он представляется в натуре, или же представить такой курган по окончании его раскопок».

2. «Нужно ли изображать каждый курган, подвергнутый расследованию, какой бы он формы и величины ни был и где бы ни находился, или же срисовывать только те курганы, которые по наружному их виду, величине и особому

положению интересны сами по себе или по сделанным в них открытиям».

Ответ на такие вопросы, казалось бы, должен быть один: зарисовок необходимо делать как можно больше, при этом с различных направлений. Однако руководство ИАК в те годы рассуждало иначе. С.Г. Строганов в письме директору Керченского музея от 26 февраля 1860 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 12. Л. 81) отметил, что рисунки К.Р. Бегичева «найжены совершенно удовлетворительными». По поводу поставленных вопросов он заключил, что «на будущее время вид с кургана (рисунок самого кургана. — *Авт.*) должен быть снимаем вообще один раз, именно до раскопки; после же ее, вторично его следует снимать только в тех случаях, когда в них будет обнаружена замечательная постройка или сделаны важные открытия». Зарисовки курганов,

не отличающихся своеобразием формы (а такие под Керчью, как писал К.Р. Бегичев, составляют абсолютное большинство) и ничем не замечательных, по мнению председателя Археологической комиссии, делать вообще не следовало.

Первый год работы ИАК (1859 г.) не был простым: давали о себе знать трудности с финансированием, формированием штата научных сотрудников, фактически возник конфликт руководства Комиссии с сотрудниками Керченского музея древностей. В этих условиях решения Г.С. Строганова, к сожалению, не всегда отвечали должным задачам изучения и сохранения археологических памятников Боспора. Все это так... Но первый, очень нелегкий шаг Археологической комиссией был сделан, и в этом заключается главный итог 1859 г. в становлении отечественной археологии.

II

Деятельность российских археологов XIX в., изучавших курганы Восточного Крыма и Таманского полуострова, в современной научной литературе оценивается двояко. С одной стороны, признается, что ими был добыт огромный фактический материал, обогативший науку ценнейшими данными о культуре Боспора, но, с другой стороны, признается и то, что несовершенство методики раскопок, отсутствие должной полевой документации, пренебрежение рядовыми находками и т. д. снижали значение сделанных тогда открытий (см., напр.: Масленников 1981: 7). С такой оценкой, конечно, невозможно поспорить, но для истории археологической науки в высшей степени важно знать, как же сами ученые того времени оценивали результаты

своих исследований, какие ставили задачи, какой видели перспективу изучения боспорских древностей.

Все эти вопросы нашли отражение в материалах, сохранившихся в архиве Императорской археологической комиссии. Одним из таких документов является рапорт А.Е. Люценко «О причинах перевода раскопок, производимых около Керчи, с одной местности на другую», направленный С.Г. Строганову в феврале 1860 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 6. Л. 3–8). Рапорт был ответом на требование председателя ИАК о том, что раскопки «не должны быть производимы в одно и то же время в местах, разделенных друг от друга значительным пространством, а всегда сосредотачиваемы в одной какой-либо местности и только по окончательному

и непременно систематическому исследованию ее переводимы на другую» (Там же. Л. 3).

Сейчас это требование можно признать разумным, но тогда директор Керченского музея был с ним не вполне согласен, и прежде всего в рапорте он обрисовал, так сказать, общую картину изученности боспорских курганных памятников, какой она представлялась на тот момент. Эта картина в высшей степени любопытна и заслуживает подробной характеристики.

«Классическая почва Керченского градоначальства, — по мнению А.Е. Люценко, — есть почва могильная». Далее он писал: «Верхний слой ее (почвы. — *Авт.*), за некоторыми исключениями, состоит из *сплошных насыпей* (здесь и далее выделено автором), хотя нередко и смежных с курганами, но занимающих гораздо более пространства и менее возвышенных... почему и нельзя считать их курганами; скорее же можно назвать их кладбищами беднейшего и потому самого многочисленного народонаселения древней Пантикапеи. В глубине их заключаются, большею частью, так называемые земляные, черепичные и железные гробницы с костями покойников, при которых находятся самые обыкновенные вещи... Кладбища эти раскопаны весьма поверхностно, и там, где они тронуты более, груды земли, выброшенной из ям, покрывают нераскопанные места. К числу их можно отнести значительные *присыпки*, лежащие у подножья скалистых холмов, но здесь встречаются уже каменные гробницы довольно замечательной постройки» (Там же. Л. 3–4). В этой части рапорта описание керченских памятников и их интерпретация представляются вполне понятными.

Затем А.Е. Люценко описал другие памятники: «Нельзя также считать

курганами *валообразные насыпи с коническими и сферическими вершинами*, прилегающие к поверхности горы Митридат на всем ее протяжении, особенно же с западной стороны. Они состоят из бесчисленного множества черепков битой посуды, смешанных с землей, угольями, золою и морскими ракушками, между коими попадаются амфорные ручки, обломки мрамора и черепицы, весовые глиняные гирьки пирамидальной формы, кости различных животных и медные монеты, относящиеся к различным временам существования Боспорского царства. Глубина сих насыпей в некоторых местах изумительна. Железный бур длиной около 3-х сажень (6,40 м. — *Авт.*) не достигает материка, на котором они лежат. Никто не решался копать их, опасаясь чрезмерных издержек, сопряженных с подобными предприятиями, и потому о них вовсе не упоминается в прежних раскопках. Англичане пытались в 1855 году углубиться в них минами, направленными от подошвы к центру, но безуспешно. Вероятно, в основании этих насыпей, известных под названием *пепелищ*, находятся фундаменты разрушенных стен Пантикапеи» (Там же. Л. 4). Почти нет сомнения, что А.Е. Люценко описал здесь памятники, которые современные археологи именуют зольниками. Боспорские зольники — одно из любопытнейших явлений материальной и, вероятно, духовной культуры местного греко-варварского населения. В научной литературе часто дискутируются вопросы интерпретации зольников Китея, Мирмекия или Илурата (см.: Гайдукович 1965; 1987: 65 и сл.; Виноградов 1992: 110–113; Молева 1995; 2002: 16–23; Бутягин 2005; Бутягин, Чистов 2007), а вот о близких им «пепелищах»

Пантикапеи почти не упоминается (см.: Айбабин, Ачкинази, Голофаст 2003; Власов 2003). Наконец, А.Е. Люценко перешел к главному:

«Затем следуют курганы разной величины, рассеянные на поверхности означенной почвы по всевозможным направлениям, лежащие рядами на хребтах окрестных гор, группирующиеся в равнинах и стоящие, подобно Царскому, отдельно от прочих. Величественные эти памятники, имеющие постоянно коническую форму и заключающие в себе роды гробниц, могли бы одни удовлетворить вышеизложенной цели разысканий (имеется в виду указание С.Г. Строганова на то, что “археологические разыскания имеют цель объяснение быта и вообще истории древних народов по сохранившимся от них памятникам”; см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 6. Л. 3), если бы они были не тронуты. К сожалению, ни один из них не уцелел совершенно. Находящиеся на поверхности их старинные впадины, приписываемые генуэзцам, и глубокие завалившиеся ямы, сделанные в наше время, положительно свидетельствуют о неоднократном раскрытии их. Но, не говоря о старинных раскопках — когда, кем, в какой мере и с какими результатами произведена была большая часть относящихся к нашему времени — остается загадкой, потому что в описаниях многочисленных раскопок Ашика, Карейши и преемников их невозможно приурочить из всего числа курганов, раскопанных около Керчи, даже одной десятой доли. Так не ясно определяли они положение разрываемых ими курганов, величину их и размеры своих разысканий (к этому месту А.Е. Люценко сделал примечание: “В этом упрекнуть меня, кажется, нельзя”. — *Авт.*). Кроме того, производя раскопки в курганах

большую часть на перевал, без отвозки земли в сторону, они загромодили ею не только расследованные части их, но и те, которые остались нетронутыми. А как в прежнее время, кажется, вовсе не думали об окончательном их расследовании, то городские жители и мещане, имевшие надобность в камне, глине и песке для своих построек, стали добывать их из упомянутых курганов, чем обезобразили сии последние еще больше; при добывании же тех материалов нередко находили уцелевшие гробницы, которые и расхищали. Таким образом, на замечательных могильных насыпях и курганах, дурно раскопанных вблизи от Керчи, устроились из означенных материалов целые слободки, оградившие себя каменными стенками и рвами.

Что же касается колоссальных курганов, занимающих вдаль от города отдельные пункты и лежащих в разных местах группами, то многие из них дурно разрыты, быть может, по недостатку средств и терпения у прежних разыскателей, или вследствие тогдашнего обилия нетронутых курганов, побуждавшего их переходить с одной местности на другую, но, как бы они ни были разрыты, одно то, что громадные эти насыпи уже тронуты неизвестно кем и с какими шансами в отношении к открытиям, заставляет колебаться в приступе к систематическому их расследованию» (Там же. Л. 5–6). Задача археологов по исследованию курганов, сконцентрированных в какой-либо местности, по мнению А.Е. Люценко, заключалась в следующем:

«1. Очистить в ней все нерасследованные части от огромного количества земли, набросанной из полуразрытых курганов, особенно там, где они группируются; в случае же надобности снести некоторые избы и ветряные

мельницы, препятствующие производству разысканий. Меры эти необходимы тем более, что к подошвам *многих курганов* прилегают *плоские насыпи*, заключающие в себе гробницы.

2. Подвергнуть *сплошному расследованию* все находящиеся в той местности курганы и плоские насыпи, не исключая значительно раскопанных, ибо, судя по одним завалившимся в них ямам и впадинам, заросшим травой или бурьяном, нельзя ручаться, что прежние разыскатели всегда доводили раскопки свои до поверхности материка, в глубине коего могут быть гробницы и другие памятники, ускользнувшие от их внимания. Старые артельщики говорят, что в прежнее время нередко смешивали плотно улежавшуюся насыпь с материком» (Там же. Л. 6).

Поставив эти задачи, А. Е. Люценко добавляет: «Хотя научная польза подобных исследований (сплошных раскопок курганных групп. — *Авт.*) не подлежит никакому сомнению, однако же, принимая в соображение обширность могильных местностей, лежащих около Керчи (некоторые из них простираются в длину от 3-х до 4-х верст и более), нельзя не согласиться, что каждое из них (расследований. — *Авт.*) может достигнуть циклопических размеров и потребовать для окончания его слишком много времени, чрезвычайных издержек и соразмерного с ними числа рабочих, в которых ощущается здесь крайний недостаток. Притом успех сплошного расследования местностей в отношении к открытиям зависит от шансов совершенно гадательных. Сколько раз, окончив разрытие двух или трех надежных курганов («надежными курганами» А. Е. Люценко называл те, которые казались неграбленными. — *Авт.*), лежащих в одной

какой-либо местности, я приступал к дорогостоящей раскопке прочих, находящихся в той же местности, и приходил к открытию уже разоренных или обысканных гробниц, которого по теории вероятностей и следовало ожидать в курганах с глубокими впадинами. Такие печальные результаты едва ли могут служить к объяснению быта и истории древних народов» (Там же. Л. 7).

Наконец, А. Е. Люценко делает заключение: «Вот почему, заботясь о сколь возможно полезном употреблении вверенной мне археологической суммы и соображаясь с числом находящихся у меня рабочих, я переводил раскопки с одной местности на другую, предоставляющую более надежды к открытию в ней нетронутой гробницы, или производил их на двух и трех местностях (одновременно. — *Авт.*). Одним словом, в лабиринте курганов, раскопанных более или менее около Керчи, я выбирал надежнейшие и старался разрывать их систематически, не позволяя себе спешных исследований, которые могли бы завести меня в область мечтательных поисков и вовлечь в напрасные издержки. Если сделанный мною выбор курганов редко был удачен, то я утешаю себя, по крайней мере, тем, что хотя бы в одном из них открыта была гробница, достойная внимания (имеется в виду гробница, открытая в кургане на Павловской батарее в 1858 г. — *Авт.*)... Наконец, я должен упомянуть, что к числу причин, побуждающих меня переводить раскопки с одной местности на другую, относится наступление холодного осеннего времени, когда рабочие не соглашались продолжать их там, где нет никакого жилья, чтобы укрыться от непогоды и ночевать» (Там же. Л. 7–8). Ознакомившись с этим

любопытнейшим документом, нетрудно понять, какая сложная ситуация сложилась в области изучения боспорских курганов ко времени начала работы ИАК. Большинство курганов тогда так или иначе неизвестно кем и когда уже было раскопано. Археологи были вынуждены буквально метаться среди этих насыпей, обезображенных старыми отвалами, в поисках более или менее «надежных» памятников. Научная методика требовала от них сплошного исследования курганных могильников, но такие масштабные работы могли привести к весьма плачевным результатам, каковыми они понимались в то время. Нетрудно представить ситуацию, что, раскопав все курганы в какой-то местности, исследователь не обнаружил в них ни одной неогрabenной гробницы.

Показательно, что в ответе А.Е. Люценко председатель Археологической комиссии отозвался о содержании

рапорта одобрительно, но настаивал, чтобы раскопки не проводились в различных местностях одновременно. При исследованиях сплошных могильных насыпей, как ему представлялось, не могло быть правильного надзора. С.Г. Строганов подчеркивал, что более важные результаты обещают дать раскопки больших курганов (Там же. Л. 21). В Петербурге явно ждали открытий новых произведений античного искусства, и обозначенное противоречие между чистотой научной методики и реалиями археологических раскопок, нацеленных на подобный практический результат, по большому счету никогда не было преодолено. Да, в 60-х гг. XIX в. отечественным археологам действительно казалось, что одни неогрabenные курганы (и только они одни!) могут дать материал для «объяснения быта и вообще истории древних народов». Для осознания недостаточности такого подхода, естественно, требовалось время.

III

В интересующее нас время раскопки курганов проводились тремя возможными способами. Во-первых, с помощью колодцев, которые закладывались приблизительно посередине насыпи; во-вторых, с помощью траншей, которые могли быть сквозными, т. е. пересекающими всю насыпь, или глухими, т. е. доведенными до середины кургана или даже того меньше; в-третьих, путем заложения мин или галерей (тоннелей), которые чаще всего шли от траншей. Все три способа, естественно, не приводили к полному изучению кургана (Самоквасов 1908: 157), но, в общем, позволяли обнаружить главную гробницу. Чаще всего археологи закладывали траншею, и если она

не достигала гробницы, то от нее в разных направлениях делались «минные галереи», серия более узких траншей. В боспорских курганах с их помощью можно было выйти на каменные стены склепов или хотя бы на скопления каменных «отесков», которые, по понятным причинам, концентрировались в специальных местах для обработки камня, находившихся на небольшом расстоянии от строящихся монументальных гробниц. Такие «отески» справедливо рассматривались как важный указатель на близость сооруженного здесь каменного склепа. К месту, где фиксировались скопления «отесков», немедленно закладывалась очередная более или менее широкая траншея.

Все траншеи и мины фиксировались на плане, по этой причине планы крупных курганов, подвергавшихся многолетним раскопкам (Кара-Оба, Большая и Малая Близницы и др.), выглядят нагромождениями прямоугольников, овалов и пунктирных линий.

К примеру, мина была заложена А.Е. Люценко во время раскопок Мелек-Чесменского кургана, насыпь которого состояла из плотного грунта. По признанию археологов, с ее помощью удалось сократить время на исследование, а также «сохранить кургану его вид». Заложённая мина была оценена как «образец современного искусства в обыскивании насыпей» (ОИАК за 1859 г. 1862: 23). С ее помощью действительно достаточно быстро удалось выйти на каменную стену погребальной конструкции. Из стены были извлечены две плиты, через образовавшееся отверстие раскопщики вошли в дромос, соединённый с гробницей. Таким способом был обнаружен знаменитый уступчатый склеп Мелек-Чесменского кургана.

В случае обнаружения гробницы снимался ее план, давались необходимые разрезы, в особых случаях производился рисунок, а с конца XIX в. фотографирование погребальной камеры. Часто, но совсем не во всех случаях, на плане гробницы обозначалось положение погребенного, расположение сопровождающего инвентаря и т. д. Отдельные находки, происшедшие из погребений и тризн, зарисовывались, при этом порой делались рисунки, казалось бы, совсем непримечательных керамических сосудов (лекифов и пр.), терракотовых статуэток, обломков расписных ваз и пр. Эти рисунки, сделанные К.Р. Бегичевым и Ф.И. Гроссом и сохранившиеся

в архиве ИАК, стали неоценимым подспорьем для современных исследователей, поскольку большинство боеспорских курганов до сих пор не изучено и материалы, происходящие из них, полностью не опубликованы.

Раскопки, производившиеся с помощью траншей и минных галерей, были трудоемкими, дорогостоящими и опасными, к тому же они не гарантировали открытия неограбленных гробниц. Выходом из этой ситуации А.Е. Люценко считал проведение предварительных разведок на курганах, после которых принималось бы решение о начале раскопок. С.Г. Строганов не возражал против их проведения.

Разъясняя свою позицию, А.Е. Люценко в письме, датированном 9 августа 1860 г., писал председателю Археологической комиссии: «Разрешение делать предварительно разведки в керченских курганах до приступления к систематическому их расследованию будет принято мною к неременному руководству на будущее время, и я надеюсь, что оно принесет значительную пользу разысканиям, представляя возможность сосредоточить раскопки только в тех курганах, которые окажутся разрытыми поверхностно или в виде одних попыток. Осмелюсь пояснить эту пользу примером. Положим, что в каком-нибудь кургане М находятся две видные или завалившиеся ямы а и б. С помощью разведок с и d я постараюсь предварительно удостовериться, доведены ли означенные ямы до поверхности материка. Если, судя по слоям насыпи, они не доведены до материка или достигли его, не приведя к открытию гробницы, то очевидно, что курган М можно считать вполне надежным для расследования. В противном случае лучше перейти к другому кургану, чем

Иллюстрация А. Е. Люценко к записке о раскопках курганов (РО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 38)

останавливаться на этом. В сем случае, для убеждения, что в нем не заключаются боковых гробниц, достаточно сделать вокруг него ров шириною не более одной сажени (2,13 м. — *Авт.*). Ров этот непременно перережет где-нибудь слой отесков, ведущих к боковой гробнице, если она находится в кургане М» (РО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 38–39).

Приведенные соображения керченского археолога представляются вполне разумными, применение их на практике действительно могло сократить время на поиск «надежных» курганов

(порой их даже называли «благонадежными») и, соответственно, сберечь выделенные на раскопки денежные средства. Более того, следует отметить, что подобные приемы изучения курганных насыпей, связанные с выявлением в них грабительских раскопов или зондажей более раннего времени и пр., являются неотъемлемой частью современной методики исследований таких памятников. А. Е. Люценко понимал значение данного правила не совсем так, как это обычно делалось позднее, но винить его за это, конечно, недопустимо.

IV

После раскопок Павловского кургана в 1858 г. и сделанных здесь прекрасных находок (о нем см.: ОИАК за 1859 г. 1862: 5–15; Ростовцев 1914а: 107; 1925: 193–195; Шкорпил 1918; Артамонов 1966: 67; Уильямс, Огден 1995: 166–167; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 19–35), С. Г. Строганов настоятельно рекомендовал А. Е. Люценко продолжить изучение

курганов на Павловском мысу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 6. Л. 22). Однако сделать это было не просто, поскольку здесь возводились укрепления, предназначенные для защиты Керчи в случае военного конфликта на Черном море. События Крымской войны продемонстрировали насущную необходимость такого строительства. Руководитель работ на мысу инженер-полковник

А.А. Нат обычно с пониманием относился к просьбам керченских археологов, но в данном случае вынужден был дать отказ, поскольку курганы оказались внутри крепости, а их насыпи использовались в качестве деталей новой фортификационной системы (Там же. Л. 39, 47). А.Е. Люценко продолжил раскопки в других местах, при этом, несмотря на требование секретаря Археологической комиссии, часто в нескольких пунктах одновременно. Тем не менее, как уже упоминалось выше, основное внимание начиная с 1858 г. он уделял исследованиям на гряде Юз-Оба (ОИАК за 1859 г. 1862: IX–X; ОИАК за 1860 г. 1862: III–VI; ОИАК за 1861 г. 1863: VI; ОИАК за 1862 г. 1863: V; ОИАК за 1863 г. 1864: X; ОИАК за 1864 г. 1865: XVIII; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 36–112).

Директор Керченского музея оставил следующую описание этого курганного некрополя: «Холмы с остроконечными насыпями тянутся непрерывною цепью от Павловского и Ак-Бурунского мысов на северо-запад, группируясь в 3-х верстах от батареи на хребте горы Юз-Оба и простираясь дальше. Вероятно, они служили некрополисом важнейших сановников Пантикапеи, живших до Р. Х., ибо в гробницах, открываемых в насыпях, лежащих на этих холмах, не случалось находить стеклянной посуды. К сожалению, все они тронуты более или менее, и исследование их, особенно систематическое, сопряжено с большими затруднениями по причине скал» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 6. Л. 40–41).

Последнее обстоятельство постепенно вынудило А.Е. Люценко прекратить исследования на Юз-Обе и «заняться отысканием других мест, более благоприятных для разумного

употребления суммы, ассигнуемой на производство раскопок около Керчи». В рапорте, датированном 6 июля 1862 г., керченский археолог сообщил еще ряд важных сведений: «Из числа 15-ти больших курганов, исследованных на горе Юз-Оба (на самом деле в журнале раскопок А.Е. Люценко имеются описания, касающиеся исследований не 15, а 17 курганов Юз-Обы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 13. Л. 16). — *Авт.*), только в 6-ти оказались нетронутые гробницы... в остальных девяти курганах найдены гробницы, уже расхищенные в прежнее время; притом каждый из них заключал не более одной гробницы в виде склепа или сожженного костра, в которых *никогда не попадались стеклянные вещи* (в тексте подчеркнуто. — *Авт.*), — обстоятельство весьма замечательное и особенно характеризующее эту местность» (Там же. Л. 9).

Исследователь не случайно акцентировал внимание на отсутствии в погребениях стеклянных сосудов, поскольку для археологов к тому времени стало вполне очевидным, что они принадлежат римскому времени (Муральт 1850: 306–307; Виноградов 2000а: 104). Более того, наблюдения А.Е. Люценко позднее подтвердились: Юз-Оба действительно оказался некрополем боспорской знати, принадлежащим доримской эпохе, вероятнее всего, IV в. до н. э. (Ростовцев 1914а: 99 и сл.; 1925: 188–189, 192, 194, 217; Гриневич 1952; Виноградов 2005а: 271–273; 2013: 39–51; 2016а: 79–99).

Из всех курганов, изученных на Юз-Обе, А.Е. Люценко выделял Острый, даже считал его загадочным по причине отсутствия в нем каменной гробницы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 13. Л. 9 об.; ОИАК за 1861 г. 1863: VI). Тем

Некрополь Юз-Оба. Курганы, в которых были сделаны открытия 14 октября и 14 ноября 1860 г. Вид с востока. Рисунок К.Р.Бегичева (РО. Р-І. Оп. 1. Д. 691. Л. 18)

Курганный некрополь Юз-Оба. Вход в гробницу № 48. Рисунок К.Р.Бегичева (РО. Р-І. Оп. 1. Д. 691. Л. 20)

Юз-Оба, гробница № 47. Рисунок К.Р. Бегичева
(РО. Р-І. Оп. 1. Д. 691. Л. 21)

Юз-Оба, гробница № 48. Рисунок
К.Р. Бегичева (РО. Р-І. Оп. 1. Д. 691. Л. 22)

Вещи из гробницы № 7, открытой на Юз-Обе в 1863 г. (РО. Р-І. Оп. 1. Д. 564. Л. 2 об.)

Вскрытие каменной гробницы № 9 во втором Малом кургане, лежащем на южной покатости хребта Юз-Оба, возле древних каменоломен. 16 марта 1863 г.
Рисунок Ф. И. Гросса. (РО. Р-И. Оп. 1. Д. 564. Л. 5)

Вещи из гробницы № 9 на Юз-Обе, 1863 г. (РО. Р-И. Оп. 1. Д. 564. Л. 6)

не менее гробница в этом кургане была обнаружена, но она представляла нетипичную для Восточного Крыма катакомбу. По этому поводу директор Керченского музея заметил: «Катакомбы, устроенные в глубине скалистых оснований курганов с помощью спусков или галерей, пробитых у подошвы их, принадлежат к числу редких открытий в Керчи» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 16. Л. 69; ОИАК за 1861 г. 1863: VII; см. также: Толстой, Кондаков 1889а: 23). Казалось бы, такое редкое открытие должно было привлечь особое внимание современных исследователей, однако лишь Г. А. Цветаева впоследствии заметила, что эта гробница может служить прототипом для боспорских катакомб первых веков новой эры (Цветаева 1957: 242, примеч. 80). Такая интерпретация представляется очень спорной, правильнее, на мой взгляд, усматривать здесь связь со скифскими катакомбами (Виноградов 2005а: 273). Более того, имеются основания считать, что эта гробница принадлежала одному из создателей Боспорского государства — Левкону I (Виноградов 2014а: 535–552; 2017b: 228–229; 2017с: 153–156).

В 1862 г. А. Е. Люценко обратился к раскопкам курганов, лежащих на мысу Ак-Бурун, т. е. на южной оконечности Керченской бухты (см.: Виноградов 2001; Стародубцев 2005; Бутягин, Виноградов 2014: 22–25). Впрочем, двумя годами ранее он увидел, что Военное ведомство разрывает здесь до основания один большой курган. Исследователь опасался, что в результате работ без ведома чиновников музея будет открыта гробница, но его просьбы, обращенные к военным властям, естественно, не были для них обязательными (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г.

Д. 6. Л. 46 об.). Тем не менее археологов сюда все-таки допустили, и А. Е. Люценко описал это место: «Будучи увенчан рядом огромных курганов, он (мыс Ак-Бурун. — *Авт.*) входит в проект береговых укреплений Павловской батареи. *Первый курган* (здесь и далее выделено автором) этого мыса в западном его направлении совершенно снесен с места по распоряжению строителя укреплений (вероятно, это тот курган, о котором А. Е. Люценко писал в 1860 г. (Там же. Л. 46). — *Авт.*). Инженеры нашли в нем каменный склеп, оказавшийся уже разоренным прежде. *Второй курган*, особенно громадной величины, включает в себе небольшой склеп с цилиндрическим сводом, открытый французами и англичанами посредством минной галереи, направленной к центру насыпи с северо-восточной стороны. Впрочем, они нашли его, кажется, также разоренным в прежнее время. *В третьем кургане* средней величины открыта, быть может, ими же посредством минной галереи, боковая каменная гробница с плоской крышкой. *В четвертом* находился большой склеп, служивший нам в 1855 г. пороховым погребом, который был взорван. Что же касается до *пятого*, т. е. последнего кургана, лежащего на самой оконечности мыса, то, хотя он значительно раскопан вокруг подошвы, однако же никому не известно, была ли в нем когда-либо открыта гробница».

Особый интерес археолога вызвали второй и пятый курганы. Военно-инженерное ведомство пошло ему навстречу, позволив исследовать насыпи без их удаления, т. е. с помощью минных галерей. Изучение второго кургана не дало результатов, в пятом же в его центральной части были открыты плитовая гробница с плоским перекрытием,

оказавшаяся полностью разграбленной, и скелеты двух лошадей, на одном из которых находился богатый убор, исполненный в зверином стиле (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 13. Д. 34–35; ОИАК за 1862 г. 1863: XIV). Этот набор в высшей степени интересен; он датируется не позднее середины V в. до н. э. (Яковенко 1970: 59; 1974: 105) и позволяет считать, что в кургане № 5 на мысе Ак-Бурун был погребен представитель местной племенной знати (Виноградов 2005а: 249; Бутягин, Виноградов 2014: 27–36).

Несмотря на очевидные успехи в изучении керченских курганов, А.Е. Люценко все более казалось, что «замечательные открытия» сделать здесь очень трудно, поскольку самые крупные курганные насыпи уже не раз подвергались раскопкам. В 1863 г. он писал, что в большей степени можно надеяться на исследования небольших курганов или сплошных насыпей

и предлагал перенести работы с Юз-Обы в район Глинища, Арестантских казарм и Карантинной слободки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 5. Л. 12). Раскопки в этих местах, а также в сплошных могильных насыпях горы Митридат, были продолжены весьма активно и, можно сказать, традиционно, пусть со скромным, но постоянным успехом.

Новая страница в изучении боспорских курганов была открыта старшим членом ИАК И.Е. Забелиным (о нем см.: Формозов 1984; Алексеев 2004), который обратился к раскопкам памятников Таманского полуострова. И.Е. Забелин в донесении в Археологическую комиссию отмечал особое значение по величине на Таманском полуострове двух курганов, «именуемых Близницами или Двумя Братьями» (иногда их именовали также Стеблеевскими Близницами). Он писал: «Уже одно их местоположение на высоком хребте, с которого

Ак-Бурун, 1862 г. Находки из конского захоронения (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 691. Л. 39 об.)

открываются далекие виды от северной стороны на Керчь-Еникальский берег Крыма, а с южной на широкий разлив Кубани, Кавказский горный берег и Черное море, давало несомненное удостоверение, что эти насыпи в сравнении с другими должны иметь исключительно важное значение, ибо могли принадлежать лицам царственного происхождения» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 14. Л. 4). И.Е. Забелину вторил директор Керченского музея древностей, который, глядя на Близницы с другой стороны пролива, заметил, что эти курганы «столь огромны, что в ясную погоду видны из Керчи» (Там же. Л. 35).

Раскопки 1864 г., по выражению И.Е. Забелина, были счастливыми (Там же. Л. 4). Он раскопал несколько курганов около Фанагории, но главный успех ждал его на Большой Близнице. Прежде всего, ему удалось обнаружить крупное кострище, а в 8,5 м от него — каменный склеп (№ 1), оказавшийся совершенно не потревоженным. В нем находилось погребение знатной женщины, одежда которой была расшита золотыми бляшками, а голову украшали золотая стленгида и золотой калаф с изображением битвы варваров с грифонами. Любопытной особенностью этого погребального комплекса является наличие четырех конских уборов, в состав которых входили колокольчики, лунницы, бронзовые бляхи (фалары) и пр. (см.: ОИАК за 1864 г. 1865: IV и сл.; Ростовцев 1914а: 10–12; Артамонов 1966: 68–70; Уильямс, Огден 1995: 184–195; Виноградов 2017b: 235–236; 2017с: 172–173).

В конце лета и осенью того же года раскопки Большой Близницы продолжил А.Е. Люценко. Ему повезло меньше, чем И.Е. Забелину, открытый им склеп (№ 2) оказался полностью

разграбленным, но именно это сооружение сохранило великолепную роспись (ОИАК за 1864 г. 1865: VIII и сл.; Ростовцев 1914а: 15 и сл.; Гайдукевич 1949: 286; Ернштедт 1955: 254–255; Артамонов 1966: 73, рис. XVI; Власова 2010: 217–224; Виноградов 2017b: 236–237). Особенно замечательна верхняя плита сооружения, «на внутренней стороне которой изображена яркими красками, — по словам автора раскопок, — *прямолично* (так в тексте отчета. — *Авт.*) женская голова колоссальных размеров с частью рук, поднятых кверху; волосы ее убраны цветами, шея — ожерельем, а левое ухо — сергою; в правой руке у нея находится букет из цветов, в левой — конец повязки или ленты, спускающейся с головы» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 14. Л. 39 об.). А.Е. Люценко датировал это сооружение IV в. до н. э., что в целом верно. Ему также принадлежит очень важное наблюдение, что Большая Близница состоит из нескольких отдельных курганных насыпей, объединенных в единую по причине сделанных к ним присыпок (Там же. Л. 38).

Летом 1865 г. раскопки Большой Близницы были возобновлены под руководством А.Е. Люценко. Тогда в насыпи кургана был обнаружен еще один каменный склеп (№ 3), с деревянным саркофагом, в котором находились мужской остов, семь копий, железный меч и кинжал, несколько кусков бронзового панциря и поножей, а также разломанный на две части бронзовый шлем «особой формы в виде фригийской шапки с заметными следами позолоты» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 9. Л. 4). В погребении было найдено большое количество (почти сотня) золотых штампованных бляшек, украшавших одежду, и другие ценные предметы (см.: ОИАК за 1865 г.

Большая Близница, раскопки 1864 г. Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 564. Л. 21)

Большая Близница, раскопки 1865 г. Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 692. Л. 3)

*Большая Близица, предметы, найденные в склепе № 3
20 июля 1865 г. Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-И. Оп. 1. Д. 692. Л. 6)*

1866: IV и сл.; ОИАК за 1866 г. 1868: 5 и сл., 67 и сл.; Ростовцев 1914а: 13–14; Артамонов 1966: 73; Власова 2010: 224–226; Виноградов 2017b: 237–238; 2017с: 198, 210–211).

В 1868 г. исследования были продолжены, в ходе их был открыт еще один каменный склеп (№ 4), возведенный не на материке, а в насыпи кургана (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 41. Л. 24–25; ОИАК за 1868 г. 1869: V–VII; Тизенгаузен 1869: 42 и сл.; Ростовцев 1914а: 14; Артамонов 1966: 71–72; Власова 2010: 226–227; Виноградов 2017с: 173–174). Он содержал женское захоронение, очень сходное с захоронением в склепе № 1. Погребенная имела золотую стлениду и золотой калаф, пектораль с изображениями животных и другие украшения. Очень большое научное

значение имеет происходящий из погребения набор терракотовых статуэток; он состоит из трех десятков предметов, некоторые из которых стали хрестоматийно известными.

В 1883 г. директор музея С.И. Вербрюсов в юго-восточной части кургана открыл гробницу (склеп № 5), сложенную из каменных плит и перекрытую деревом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 3. Л. 4–6, 20–25, 46 и сл.; о ней см.: Ростовцев 1914а: 14; Артамонов 1966: 72–73; Уильямс, Огден 1995: 180–183; Власова 2010: 227–229; Виноградов 2017b: 239; 2017с: 174). Внутри нее находился деревянный саркофаг, содержащий женское погребение (третье по счету). В этом погребении помимо различных керамических сосудов были найдены ряд ювелирных изделий, семь

любопытных терракотовых статуэток и пр. С.И. Веребрюсов признавал при этом, что обнаруженный им комплекс не является главной, «центральной» гробницей кургана (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. З. Л. 25), т. е. исследования здесь следовало продолжать.

Открытие комплексов Большой Близницы, безусловно, стало важнейшей вехой в изучении курганов Боспора Киммерийского. Практически нет сомнений, что здесь совершались захоронения представителей знатного боспорского рода, занимавших видное положение в религиозной жизни государства. Погребенные женщины, как представляется, выполняли весьма ответственные жреческие функции (Передольская 1962: 46; Артамонов 1966: 68–74; Gajdukevič 1971: 297f). Единой трактовки этих выдающихся по научной значимости комплексов пока не существует (см.: Шауб 1987: 27 и сл.; 2007: 370–385; 2015: 215–218; 2017: 302), но местные особенности культа, связанные с почитанием Великого женского божества, проявляются здесь весьма отчетливо. Относительная хронология комплексов Большой Близницы пока еще четко не разработана, но, вероятнее всего, они были сооружены в пределах довольно узкого отрезка времени. В.И. Пругло полагает, что наиболее поздним среди них является склеп № 4, который она датирует концом IV или концом IV — началом III в. до н. э. (Пругло 1974: 77).

Выводы А. Шварцмайер, проделавшей специальное изучение всех погребений, в принципе не противоречат этой точке зрения. Она считает, что самым ранним комплексом Большой Близницы является так называемое погребение жрицы Деметры (№ 1), совершенное около 330 г. до н. э., все

остальные погребения были произведены позднее, вероятно, в начале III в. до н. э. (Schwarzmaier 1996: 137; ср.: Pfrommer 1990: 270–274).

После успешных раскопок Большой Близницы 3 сентября 1864 г. И.Е. Забелин направил С.Г. Строганову обширное послание, в котором обобщил свои наблюдения о состоянии древних памятников Таманского полуострова, а также очертил круг насущных задач их изучения в будущем. Этот документ настолько интересен, что будет уместно привести его почти полностью:

«Вследствие раскопок, произведенных там (на Таманском полуострове. — *Авт.*) в давние времена гг. Ашиком, Карейшей и другими, не представивших особенно счастливых открытий, составилось постепенно мнение, что тамошняя археологическая почва слишком бедна и что необходимо обладать особым счастьем, чтобы сделать какое-либо достойное трудов и расходов открытие. Такие отзывы мне приходилось слышать не один раз; в этом же уверял меня К. К. Герц, когда в мае месяце я отправился туда на разыскания. Действительно, значительная часть тамошних курганов раскопана или археологами, или же в незапамятные времена искателями кладов. Но ближайшее знакомство с делом обнаруживает, что положительно никак нельзя сказать, чтобы те и другие совсем уже истощили почву любопытных и важных открытий. Напротив, археологическое богатство полуострова, даже на поверхностный взгляд, так еще велико и так еще мало обследовано, что подает несравненно больше надежд, чем доказательств о бесплодности новых разысканий. Даже и раскопанные и, видимо, обысканные курганы не следует оставлять без внимания, ибо после искателей

кладов, производивших раскопы неправильно и торопливо с одной целью поскорей обобрать золото, всегда можно надеяться открыть очень примечательные памятники... Раскопки же, произведенные с археологической целью, сделаны большею частью еще в то время, когда полагали, что гробницы находятся собственно в насыпи, а не в материке, поэтому у многих курганов, раскопанных археологами, как выражаются местные жители, побиты только головы, т. е. раскопы произведены только в вершинах, воронкообразно, с выкидом земли по сторонам.

Очевидно, что таким способом изыскания исследователи не могли составить себе отчетливого понятия о том, что находится в материке и даже на материке, ибо они редко достигали материка, так что необходимо некоторые из подобных курганов снова переисследовать. К тому же большая часть раскопанных курганов находится вблизи предполагаемого древнего городища Фанагории, т. е. вблизи станции Сенной и хуторов гг. Семеняки и Чижевского. Чем больше удаляемся от этого пункта в разных направлениях, тем больше встречается курганов, которые подают сравнительно больше надежд для счастливых открытий.

Особенное же внимание обращают курганы, расположенные на высоких горах и вообще по возвышенностям полуострова. К числу таких принадлежат и Близницы, из которых одна доставила нынешнее открытие. Другая также, судя по всем признакам, должна хранить не менее интересную гробницу. Верстах в трех от этих Близниц к северо-западу — курган на Круглой или Васюринской высокой горе, по тем же признакам заслуживает неотлагательного расследования. Затем возвышенности, идущие

от Близниц далее к западу до Тамани, к востоку до урочища Дубовый Рынок и к северу вблизи селения Ахтанизовки, также изобилуют примечательными курганами и ожидают исследователя. Если бы даже подобные курганы, которыми так богат полуостров, были уже обысканы кладоискателями, то все-таки нельзя покидать их без археологического расследования, ибо в их полах могут быть открыты богатые жженные гробницы, почти всегда по своему местоположению ускользавшие от грабительских поисков.

Но на полуострове не одни курганы важны для исследователя. Там много древних городищ, расследование которых представляет общеисторический интерес. Относясь к эпохе киммерийских мраков истории, эти городища тем самым возбуждают еще большее любопытство в исследователе. Время от времени и большею частью случайно, помимо археологических розысков, в их насыпях открывали очень замечательные надписи, уяснившие несколько любопытных исторических фактов. Между тем ученое расследование их, можно сказать, еще и не начиналось.

Главная причина, которая отвлекала внимание изыскателей от подобных насыпей и вообще от расследования исторических местностей, заключается в том, что археологи, вследствие разных обстоятельств, направляли свою исследовательность (так в источнике. — *Авт.*) исключительно на одни гробницы, а в гробницах на одно золото, сделавшееся чуть ли не единственной целью раскопок и без которого открытия всегда представляли очень мало интереса.

Археологические поиски устремлялись только на одни роскошные и изящные памятники древнего

искусства, оставляя почти с пренебрежением все то, что по своему характеру и значению мало приближалось к искомым предметам.

Столько же существенный и важный вопрос, именно вопрос об определении исторического значения местности, о раскрытии характера цивилизации и культуры угасшего населения посредством раскрытия и объяснения разнородных, хотя бы и ничтожных на взгляд, памятников древней гражданской жизни, — этот всегда оставался в стороне, как дело совершенно постороннее и мало пригодное для главной цели.

Очень понятно, что при таком взгляде на цель разысканий эти разыскания ни в каком случае не могли быть ведены систематически, с целями в точном смысле научными. Они зависели от случайных указаний, от случайных соображений об археологическом значении той или другой группы курганов, той или другой местности. Оттого, несмотря на неоднократные раскопки, произведенные на полуострове, мы все-таки до сих пор не имеем ясного, сколько-нибудь определенного понятия об этой Киммерийской стране, о ее замечательных местностях, когда-то густо населенных, теперь пустынных и загадочных; мы с точностью не можем указать даже местность знаменитой Фанагории.

Таким образом, если иметь в виду не одни только роскошные и художественные памятники, какие доставляют иногда древние греческие гробницы, но вместе с тем и следовать за задачами истории и археологии в более обширном и прямо ученом смысле, то Таманский полуостров, вопреки составленному мнению, представляет в этом отношении такое археологическое богатство, которое трудно будет истощить в целые десятилетия. Необходимо

только руководиться при раскопках как-либо общим планом, необходимо идти в разысканиях последовательно, шаг за шагом, не смущаясь относительно бедностью находок и кажущейся бесплодностью исследований и не покидая известной местности до тех пор, пока не составится полное и отчетливое понятие о ее археологическом и историческом значении; а для этого было бы необходимо прежде всего составить подробную карту всех археологических местностей полуострова, действительно существующих, а не воображаемых, в замене тех именно карт, которые выработаны не по указаниям самой местности, а на основании одних лишь книжных справок. Такая карта в значительной степени облегчила бы труд исследователя и должна способствовать устранению излишних расходов на раскопки, так как при помощи ее указаний всегда можно было бы избирать для исследования местности наиболее примечательные» (Р. О. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 14. Л. 8–11).

Записка И.Е. Забелина примечательна во многих отношениях. Конечно, не он первым обратился к описанию курганов Таманского полуострова (см.: Лазаревский 1861), но внимательный взгляд ученого выделил здесь, так сказать, главные объекты будущих полевых исследований. И.Е. Забелин также обратил внимание на важность изучения древних городищ и, наконец, отметил насущную необходимость составления точных археологических карт. Неудивительно, что дальнейшие исследования курганов осуществлялись почти точно по намеченному И.Е. Забелиным плану: Малая Близница, курганы Васюринской горы, Ахтанизовский курган. Изучение Малой Близницы, правда, началось в один год с Большой, но оно

производилось очень долго, тяжело и, можно сказать, мучительно: 1865, 1868, 1881–1883, 1907 и 1915 гг. (см.: Виноградов 2004b; 2017b: 239–240; 2017c: 170–171; Власова 2010: 229–232). Основным погребением кургана, скорее всего, следует считать кремацию с богатым набором инвентаря, обнаруженную в 1882 г. Долгое время этот комплекс считали относительно поздним. Так, Н.П. Кондаков полагал,

что погребение следует относить к III в. до н. э. (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: 74), а М.И. Ростовцев посчитал даже, что в нем нет вещей, которые можно было бы датировать ранее конца III в. до н. э. (Ростовцев 1925: 375; Rostowzew 1931: 333). Имеющийся материал, однако, позволяет поспорить с этой хронологической атрибуцией и предложить другую — первая половина IV в. до н. э. (Виноградов 2004b: 102).

V

С появлением И.Е. Забелина приоритет в исследованиях был отдан курганам Таманского полуострова. В 1868 г. в изучение классических древностей полуострова активно включился также еще один член Комиссии — барон В.Г. Тизенгаузен. Тогда он провел раскопки городища Гермонасса, исследовал курган, расположенный недалеко от Тамани, в котором был обнаружен каменный склеп, содержащий великолепно украшенный деревянный саркофаг. В нем находилось женское захоронение с весьма богатым набором сопровождающего инвентаря, о котором автор раскопок оставил довольно подробное описание, сделанное в стиле А.Е. Люценко (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 40. Л. 4–5; ОИАК за 1868 г. 1870: X–XI; Тизенгаузен 1869: 40–42; о саркофаге см.: Сокольский 1969: 22–24, № 12). После этого открытия археолог провел раскопки четырех курганов на западном берегу Цукурского лимана (ОИАК за 1868 г. 1870: XIII), но они оказались очень неудачными, что побудило В.Г. Тизенгаузена перенести работы на Васюринскую гору (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 40. Л. 6; ОИАК за 1868 г. 1870: XIII–XIV).

Он приступил к раскопкам самого большого из пяти расположенных здесь

курганов, но в 1868 г. до конца их не довел и попросил продолжить исследования А.Е. Люценко. Директору Керченского музея удалось открыть в этом кургане каменный склеп с так называемым полуциркульным сводом, стены и потолок которого были украшены росписью (Ростовцев 1914a: 30 и сл.; Власова 2004: 159–164; 2010: 234–236). Сооружение оказалось ограбленным, из крупных предметов в нем сохранились стол и скамья, изготовленные из белого мрамора. Склеп был соединен с дромосом, оформленным в виде каменной лестницы. К верхней части лестницы примыкали каменные ящики, в которых находились конские захоронения с богатыми украшениями сбруи. М.И. Ростовцев считал, что их было четыре.

Эти захоронения исследованы В.Г. Тизенгаузенем в 1869 г., но, к сожалению, никаких отчетов об этом открытии не сохранилось, и, надо полагать, что они вовсе не были составлены, имеется лишь опись сделанных тогда находок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 84 об.).

В 1871 г. в среднем кургане Васюринской горы был открыт каменный склеп, очень схожий по устройству с описанным выше, но без росписи (РО.

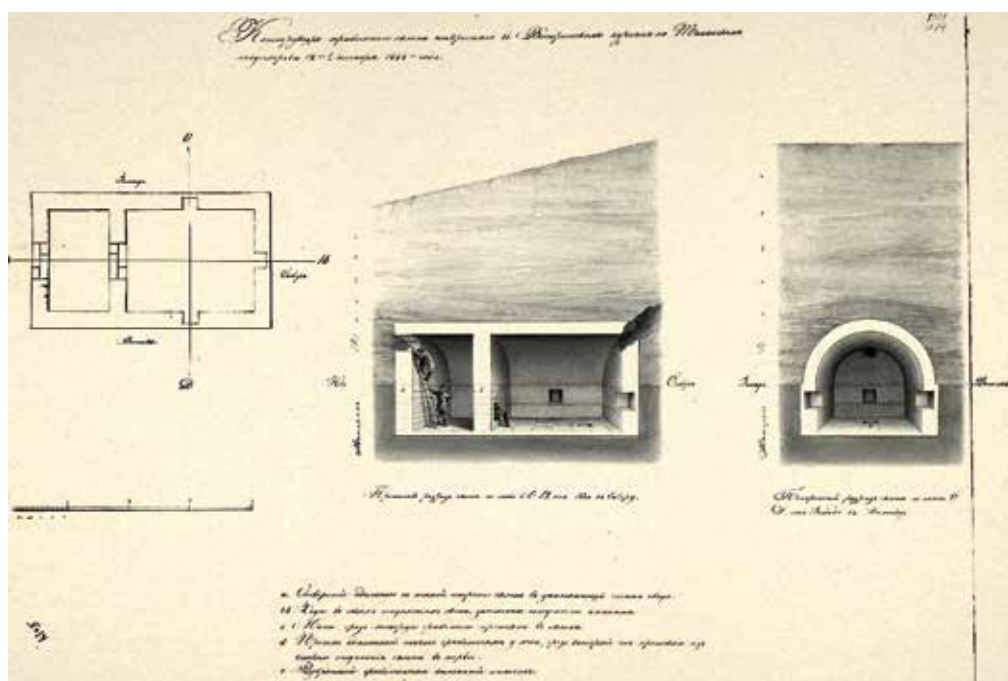
Таманский деревянный саркофаг, открытый 11 июля 1868 г. (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 565. Л. 6)

Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 16. Л. 11–13, 33–36; ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XXXIV–XXXVII; Ростовцев 1914а: 43 и сл.; Власова 2004: 165–168; 2010: 237–239). Он тоже был полностью ограблен, найти удалось лишь три мраморные ножки от стола, обломки мраморной доски и фрагменты желобчатой глиняной вазы. В склеп опять же вела лестница,

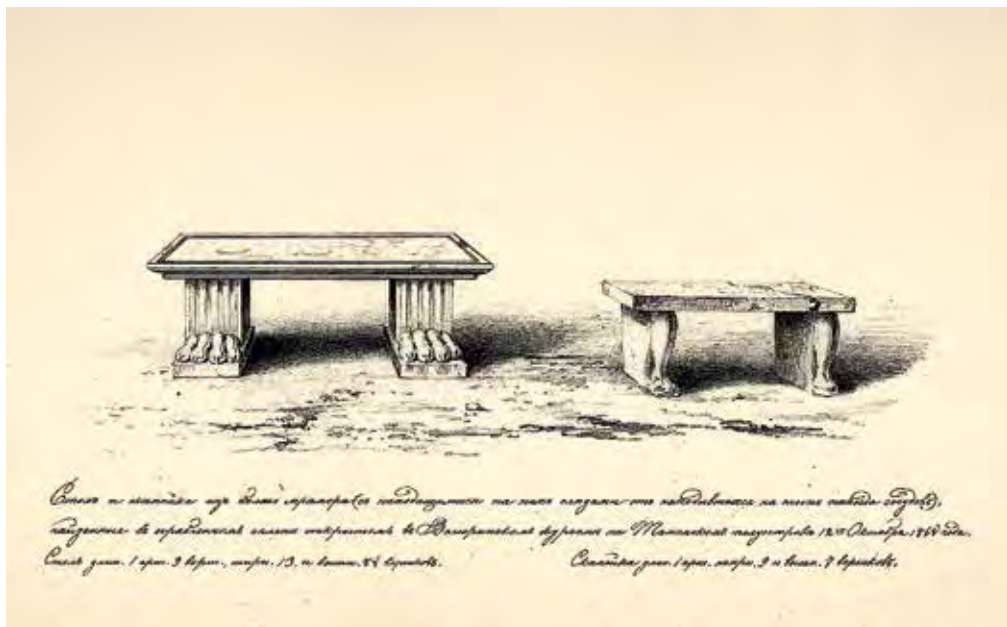
по сторонам которой находились захоронения лошадей. Два из них, устроенные в каменных гробницах, оказались разграбленными, в третьей, вырытой в земле, вместе с конскими костяками были обнаружены обломки железной колесницы, украшенной бронзовыми пластинами с изображением цветов, женскими статуэтками и пр.

Васюринская гора, вид с востока, 1871 г. Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 17)

Ограбленный склеп Васюринской горы, открытый 12 октября 1868 г. (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 565. Л. 8)

Стол и скамья из белого мрамора с сохранившимися на их поверхности следами от поставленных когда-то сосудов. Найдены в разоренном склепе Большого Васюринского кургана. Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 565. Л. 10)

Курган средней величины на Васюринской горе, раскопки 1871 г. Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 14 об.)

Курган средней величины на Васюринской горе. Раскопки 1871 г. Рисунок Ф. И. Гросса (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 14)

До начала раскопок в южной части этого кургана местные жители обнаружили и разграбили плитовую гробницу с большим количеством золотых вещей. По крайней мере, часть из этих предметов была выкуплена и поступила в Эрмитаж (ОИАК за 1870–1871 г. 1874: XVII–XVIII; Ростовцев 1914а: 42–43; Власова 2004: 168–169; 2010: 241–242). М.И. Ростовцев датировал этот комплекс первыми десятилетиями III в. до н. э. (Rostowzew 1931: 331), но М.И. Максимова, указывая на близость некоторых находок к вещам из Артюховского кургана, допускала возможность более поздней атрибуции (Максимова 1962: 130, примеч. 5). Любопытно, что в описи найденных тогда вещей упомянута монета с изображением головы Пана на одной стороне и передней части грифона на другой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1870 г. Д. 23. Л. 9). Об этой

находке исследователи кургана почему-то почти не вспоминают, а она очень важна для хронологической атрибуции комплекса. В.А. Анохин датирует такие монеты в пределах 314–310 гг. до н. э. (Анохин 1986: 140, № 111, 112).

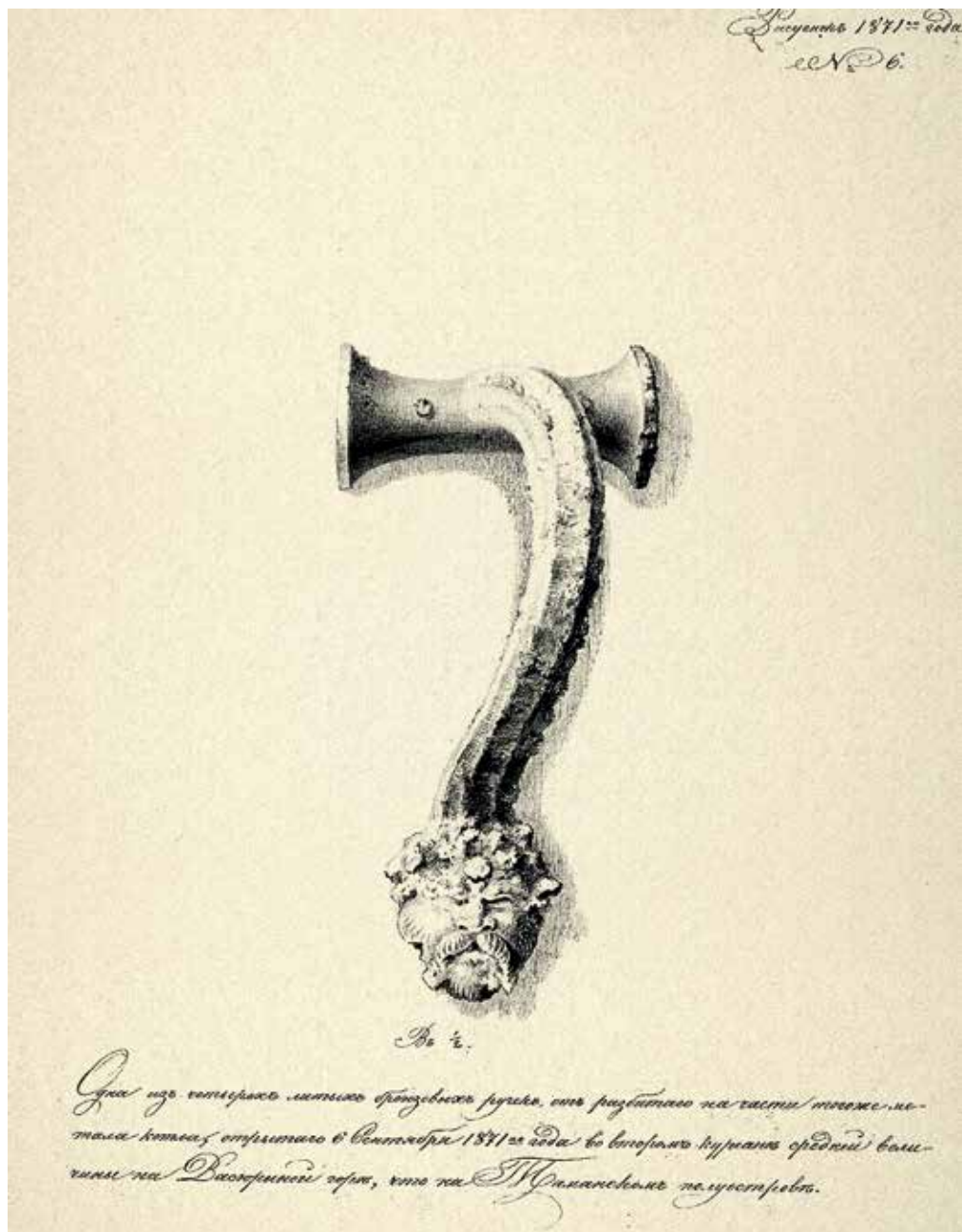
Второй курган средней величины на Васюринской горе раскапывался А.Е. Люценко в 1871–1872 гг. В нем была обнаружена разоренная гробница и расположенная рядом с ней тризна, в которой среди углей и золы было найдено большое количество предметов из листового золота, обломки железных мечей и копий, более 60 фрагментов от «массивной кольчуги или брони» и т. д. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 30. Л. 53; ОИАК за 1872 г. 1875: IX–X; Власова 2004: 171–172; 2010: 244–245). В западной части насыпи был найден большой бронзовый котел с четырьмя массивными ручками.

Хронология погребальных комплексов Васюринской горы, к сожалению, до сих пор остается неясной. М.И. Ростовцев датировал курган, исследованный в 1868–1869 гг., по чернолаковой пиксиде и прочим находкам не позднее середины III в. до н. э. (Ростовцев 1914а: 40; Rostowzew 1931: 332). Курган, раскопанный в 1871 г., он относил приблизительно к тому же самому времени на основании стилистических особенностей украшений колесницы (Ростовцев 1914а: 53 и сл.). Эта атрибуция была принята рядом исследователей без всяких поправок (Гайдукевич 1949: 293 и сл.; Масленников 1981: 79; Gajdukevič 1971: 301; Pfrommer 1987: 101, 184, 261; ср.: Mordvinceva 2001: 73). Однако сам М.И. Ростовцев сомневался в ее бесспорности, в связи с чем высказывал предположение о одновременности данных комплексов. Он обратил внимание, что в конских захоронениях кургана 1869 г. представлены сравнительно поздние вещи (фалары со стеклянными вставками и пр.), близкие находкам из причерноморских степных памятников конца II в. до н. э. (Ростовцев 1925: 373). Как уже говорилось, М.И. Максимова «омолодила» дату плитовой гробницы, открытой в 1870 г. (Максимова 1962: 130, примеч. 5), и эта тенденция находит продолжение в трудах современных исследователей (см.: Полин 1992: 63–64). Е.В. Власова, изучившая все материалы, происходящие с Васюринской горы, пришла к заключению, что она использовалась как место для неоднократных захоронений, по крайней мере в III–II вв. до н. э. (Власова 2004: 172; 2010: 245), и с этим выводом, в целом, следует согласиться (Виноградов 2017с: 189–190).

В 1870 г. И.Е. Забелин продолжил раскопки на холмистой гряде, идущей

от Фанагории в глубь Таманского полуострова, к западу от Большой и Малой Близниц. Здесь он провел исследование крупного кургана, вошедшего в научную литературу как Буерова могила. Его высота достигала 12,8 м, а окружность основания — более 275 м (ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: IX–XII). В южной части кургана было открыто конское захоронение с богатым уздечным набором, состоящим из бронзовых, покрытых серебром и позолотой блях, наносника и пр. К северо-западу от захоронения лошади была обнаружена гробница, сложенная из тесанных известняковых плит. Костяк лежал у северной стены головой на восток, на черепе находился золотой лавровый венчик с круглой пластинкой, украшенной изображением Гелиоса на колеснице. В углу лежали еще два таких венка, справа от костяка у стены находились пять мечей, ножны и рукояти которых были украшены золотом. Серебряные и бронзовые сосуды были сложены возле ног; по всей длине южной стены лежали обломки панциря, состоящего из кованых железных продольных пластин, такие же пластины, вероятно, от щита, обломки бронзового шлема с наушниками, 6 копий и куча железных наконечников стрел.

В 1871 г. изучение кургана было продолжено (ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XXXI–XXXIII). Тогда выяснилось, что вся насыпь кургана, как и в Большой Близнице, сверху состояла из поздних присыпок, под которыми было скрыто раннее сооружение. В поле кургана с западной стороны обнаружен большой «жженный точек», с юга и севера от которого находились две гробницы, заглубленные в материк всего на 0,35 м. Это были кремации, сохранившие пережженные человеческие

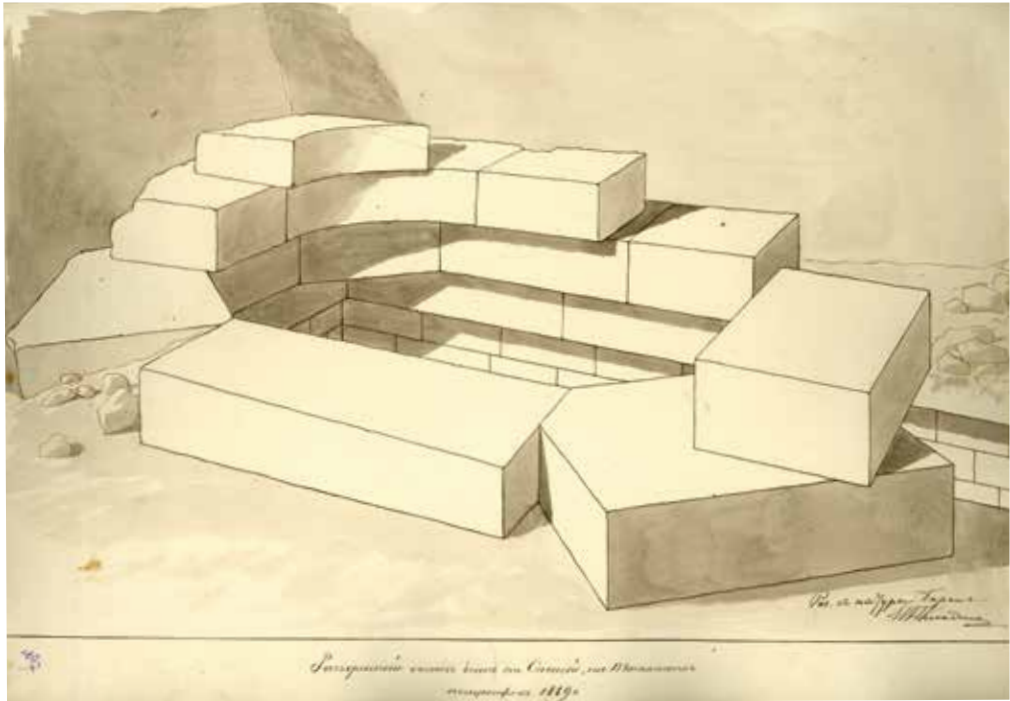
Ручка литой бронзы из насыпи второго кургана средней величины на Васюринской горе,
1871 г. Рисунок Ф. И. Гросса (РО. Р-И. Оп. 1. Д. 693. Л. 16)

кости, обломки керамических сосудов, в том числе от расписных ваз, бронзовые наконечники стрел и т. д. В центре кургана открыта большая каменная гробница, имевшая, вероятно, ложный свод; И. Е. Забелин назвал его «призматическим». К сожалению, погребение в ней было полностью разграблено, и на полу камеры, покрытом широкими каменными плитами, археологи обнаружили лишь обломки деревянного саркофага, бронзовые и железные гвозди, фрагменты алабастра и т. д.

Буерова могила, безусловно, имеет очень большое значение для изучения истории и культуры Боспора. Вполне очевидно, что основной здесь была ограбленная гробница, обнаруженная в 1871 г., вероятнее всего, принадлежащая IV в. или началу III в. до н. э. Гораздо больший научный интерес, однако, представляет неограбленная гробница 1870 г. Этот комплекс вслед за М. И. Ростовцевым обычно датируют III–II вв. до н. э. (Ростовцев 1925: 550). Более точная его хронологическая атрибуция в настоящее время почти невозможна, поскольку богатейший инвентарь этой гробницы, за исключением отдельных предметов, еще не опубликован (Ростовцев 1918а: табл. II, 5, 7, 8; III, 4; Максимова 1969: 58, рис. 18; Кузнецов, Ворошилов, Жуковский 2016: 298–302; Виноградов 2017с: 214–215). Для понимания структуры кургана чрезвычайно ценны масштабные исследования, предпринятые в недавнее время экспедицией Института археологии РАН (Ворошилов и др. 2016; Кузнецов, Ворошилов, Жуковский 2016).

Наряду с раскопками этих крупных курганов весьма интенсивно продолжалось изучение курганного некрополя Фанагории (о нем см.: Ростовцев 1925: 264–272; Паромов 2004а). В 1869 г.,

к примеру, были проведены работы на 21 кургане, в них было открыто 14 «жженных» гробниц (т. е. кремаций), 5 земляных и 7 каменных гробниц, но все они были разорены почти дочиستا (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 9 об.). По этому поводу И. Е. Забелин писал 12 августа 1869 г., что «многочисленные курганы древнефанагорийского городища, как уже обысканные в древнее время, не могут доставить особенно счастливых открытий, однако прежние мои находки, сделанные в тех же курганах в 1864 г., не отнимают надежды, что при других, более счастливых изысканиях возможно еще открывать и здесь, даже в обысканных уже гробницах, памятники высокого достоинства» (Там же. Л. 9–10). И, надо признать, он вновь оказался прав: в том же году около Фанагории В. Г. Тизенгаузенем была обнаружена земляная гробница, содержащая фигурные сосуды (в том числе сосуды в виде сфинкса, Афродиты, рождающей из моря, и т. д.) и другие художественные изделия (об этих находках см.: ОИАК за 1869 г. 1870: V–VII; ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: 5 и сл.; Фармаковский 1921b; Передольская 1936; Паромов 2004b; Виноградов, Шауб 2007; Власова 2010: 202–204). К сожалению, в архиве ИИМК отсутствует документация об этих раскопках, имеется лишь опись найденных тогда вещей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 84–85). Это печальное обстоятельство стало причиной серьезных обвинений по адресу В. Г. Тизенгаузена, высказанных Б. В. Фармаковским. Последний считал, что В. Г. Тизенгаузен в момент открытия вообще отсутствовал на объекте, вероятно, поручив раскопки могил кому-нибудь из своих десятников (Фармаковский 1921b: 10). Если это действительно было так,

Разрушенный склеп, открытый В. Г. Тизенгаузеном около ст. Сенной в 1869 г. (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 4)

то необходимо признать, что по вине археолога оказалась утерянной ценнейшая информация об одном из выдающихся памятников боспорских древностей. Казалось бы, такая ситуация должна вызвать соответствующую реакцию Императорской археологической комиссии. И реакция была, но совсем другого рода: барону Тизенгаузену была пожалована денежная награда в размере 400 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1870 г. Д. 7).

Исследователи, писавшие об открытии 1869 г., почти не обратили внимания на то, что после В. Г. Тизенгаузена этот курган исследовал А. Е. Люценко. В его насыпи тогда были найдены обломки расписного кратера, а в южной стороне кургана — две женские гробницы, в которых находился весьма любопытный инвентарь: «обломки

от крышки небольшого глиняного сосуда с рельефным изображением двух женских фигур и две карикатурные глиняные статуэтки» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1870 г. Д. 23. Л. 23, 35).

В ряду открытий, сделанных В. Г. Тизенгаузеном под Сенной в 1869 г., не замеченным специалистами остался один склеп. Его описание не сохранилось, но на рисунке, сделанном бароном И. П. Клодтом, можно видеть любопытную особенность конструкции. В плане этот склеп имел четырехугольную форму, а его свод, вероятнее всего, был круглым. Во всяком случае, именно об этом могут свидетельствовать заметные в углах диагональные выступы, которые можно сопоставить с пандативами Царского кургана (ср.: Гайдукевич 1949: 248–251, рис. 41). Совсем недавно при исследованиях некрополя

Фанагории был обнаружен круглый склеп с уступчатым перекрытием свода, аналогичный Золотому кургану под Керчью, но, конечно, значительно скромнее его по размерам (Кузнецов 2004; 2007: 10; Виноградов 2007: 14; 2017с: 138). Есть основания полагать, что и знаменитый Царский курган имел в Фанагории свою уменьшенную копию. Именно ее и открыл В.Г. Тизенгаузен 140 лет назад.

В 1871 г. А.Е. Люценко продолжил изучение фанагорийских курганов. Наряду с прочими насыпями ему вновь пришлось доследовать большой курган, который был частично раскопан В.Г. Тизенгаузенем в 1870 г. А.Е. Люценко, как и его предшественнику, не удалось обнаружить здесь признаков каменной гробницы, на основании чего археолог сделал осторожное предположение, «что он (курган. — *Авт.*) чисто скифского происхождения и что под насыпью его в глубине материка находится земляная катакомба с ведущим в него спуском или ходом» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 16. Л. 10, 30–31). Большой полевой опыт исследователя, разумеется, давал основание для такого заключения. В 1872 г. В.Г. Тизенгаузен провел очередной сезон раскопок фанагорийских курганов, но отчетов о них мы вновь не имеем. В архиве сохранилась опись сделанных тогда находок, где кратко указывается, откуда они происходят. Иногда эти указания довольно точны: «в земляной гробнице песчаного кургана близ почтовой станции», а иногда вопиюще небрежны: «в другой земляной гробнице другого кургана» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 15. Л. 12 об.). Следует согласиться с И.Л. Тихоновым, что археология для барона Тизенгаузена не была настоящей наукой, она сводилась лишь

к раскопкам и доставлению находок в Археологическую комиссию (Тихонов 2007b: 240).

О районах дальнейших полевых исследований В.Г. Тизенгаузена можно узнать из рапорта, направленного им С.Г. Строганову 6 августа 1874 г. В нем, в частности, говорится: «Неоднократные неудачные попытки мои по части расследования курганов и городищ Таманского полуострова в таких местностях, которые значительно удалены от Сенной станицы, как, напр., у Цукурского лимана и на так называемом Фонтане, побудили меня в нынешнем году приняться опять за раскопку курганов в ближайших окрестностях этой станицы, где, по крайней мере, можно было надеяться, что среди бесчисленного множества ограбленных и разоренных могил отыщутся, как это случилось в прежние годы, хоть одна или две нетронутые гробницы, обыкновенно вознаграждающие исследователя за остальные неудачи» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 11. Л. 2; ср.: ОИАК за 1874 г. 1877: XVI–XVII).

Эти надежды, однако, не оправдались, что заставило исследователя сделать следующее заключение: «Нельзя, конечно, утверждать положительно, что дальнейшие раскопки около Сенной станицы не могут больше повести к каким-либо интересным открытиям: по всей вероятности, кое-где еще случайно уцелела гробница, в которой заключаются замечательные вещи, но, во всяком случае, опыт позволяет догадываться, что таких гробниц чрезвычайно мало и что шансы на удачные результаты раскопок в этих местах всегда будут весьма сомнительными» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 11. Л. 4 об.; ср.: ОИАК за 1874 г. 1877: XXI). Далее в рапорте В.Г. Тизенгаузен писал

*Раскопки Семибратних курганов в 1875 г., вид с юго-запада. Рисунок Ф.И. Гросса
(РО. Р-1. Оп. 1. Д. 567. Л. 19)*

*Раскопки Семибратних курганов в 1875 г., вид с востока. Рисунок Ф.И. Гросса
(РО. Р-1. Оп. 1. Д. 567. Л. 20)*

о необходимости исследования курганной группы Семь Братьев, расположенной около станицы Варениковской, и важности проведения археологических разведок около Анапы, Новороссийска и вообще по восточному побережью Черного моря (РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 11. Л. 5).

Раскопки Семибратних курганов были начаты в 1875 г. Первоначально предполагалось, что ими будет руководить И.Е. Забелин, но, поскольку он заболел, проведение работ поручили В.Г. Тизенгаузену (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 3. Л. 9–10). В первый же год он провел исследования на всех семи насыпях (ОИАК за 1875 г. 1878: IV и сл.) и, закончив сезон, рапортовал в Археологическую комиссию об открытии двух неогрбленных мужских гробниц с замечательными вещами полугреческого-полуварварского облика (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 3. Л. 15). Семибратние курганы изучались В.Г. Тизенгаузеном также в 1876 и 1878 гг. (ОИАК за 1876 г. 1879: III и сл.; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: III и сл.). В результате этих исследований археологическая наука обогатилась выдающимися памятниками, которые большинство ученых считает погребениями царей Синдики (см.: Ростовцев 1925: 351 и сл.; Коровина 1957; Артамонов 1966: 36–39; Анфимов 1987: 92 и сл.; Уильямс, Огден 1995: 128–131; Виноградов 2005а: 252–254; Виноградов 2017b: 240–245; Власова 2005; 2010: 204–215; Горончаровский 2013; 2014; 2017а: 235–249). В целом, эти курганы можно датировать серединой V — первой четвертью IV в. до н. э. (Силантьева 1967; Бутягин 1996; Виноградов 2005а: 254; Горончаровский 2013; 2014; 2017а: 235–249;).

Курганный некрополь Гермонасы отличается весьма солидными

размерами, хотя и уступает в этом отношении фанагорийскому (Ростовцев 1925: 280–290; Паромов 2002а: 192–193). В 1868 г. раскопки на нем были проведены В.Г. Тизенгаузеном, о чем частично говорилось выше. В 1869 г. к западу от Тамани провел раскопки П.И. Хицунов, но исследовавшиеся им курганы оказались разграбленными (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 24–25; ОИАК за 1869 г. 1870: IX–X).

Первый период изучения курганного некрополя Кеп приходится на 1870–1880 гг., он был увенчан открытием выдающегося памятника позднеэллинистического времени — Артюховского кургана (Паромов 2002b: 274). Первый и самый большой курган, расположенный в группе у хутора сотника Артюхова, раскопал в 1878 г. Н.П. Кондаков (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 11. Л. 9–10; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XI). В 1879 г. раскопки здесь провел В.Г. Тизенгаузен, обнаруживший две гробницы с замечательными вещами (ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XLIV–XLVIII). Нелестную характеристику его работ на кургане оставил Д.Я. Самоквасов (Самоквасов 1908: 158), М.И. Максимова обвинила последнего в ряде неточностей (Максимова 1979: 5–6), но, в общем, ее замечания не меняют главного: В.Г. Тизенгаузен провел раскопки весьма небрежно.

С.И. Веребрюсов, продолживший изучение кургана, составил подробное описание работ и сделанных находок, прежде всего, выявленной им здесь еще одной гробницы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 6. Л. 40–44; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XLVIII–LI). М.И. Ростовцев очень высоко оценил значение сделанных тогда открытий для понимания культуры Боспора в эпоху эллинизма (Ростовцев 1925: 272–280). Изучив все

материалы, добытые исследователями Артюховского кургана, М. И. Максимова отнесла его к середине II в. до н. э. и с полным на то основанием назвала самым показательным и ярким памятником культуры местной знати Таманского полуострова накануне восстания Савмака (Максимова 1979: 22–23).

После Артюховского кургана В. Г. Тизенгаузен приступил к изучению Анапских курганов (о них см.: Ростовцев 1925: 296–299), масштабные раскопки которых были проведены в 1881 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1881 г. Д. 8. Л. 8–14). Некоторые из курганов оказались разграбленными, но археологическое счастье не оставило В. Г. Тизенгаузена и здесь — в подошве одного из курганов ему удалось открыть кремацию, содержащую очень богатый набор погребального инвентаря: серебряную флягу с круглым дном, серебряный алабастр, золотую стлениду в виде волнистых, расчесанных на две стороны волос, золотой венчик, золотой браслет и т. д. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1881 г. Д. 8. Л. 10; ОИАК за 1881 г. 1883: VI и сл.; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: 31 и сл., табл. I; Ростовцев 1925: 297–298; Виноградов,

2017с: 205–206). К сожалению, археолог не сообщал о керамических находках из этого комплекса, а они, вероятнее всего, здесь были.

В том же году на Таманском полуострове много работал С. И. Вереврюсов. Тогда он провел новые исследования на Большой и Малой Близницах, которые не дали никаких результатов. В связи с этим необходимо отметить, что новый директор Керченского музея обратил внимание на курганные некрополи, расположенные около станций Титоровская и Стеблеевская. Под Титоровской С. И. Вереврюсов даже провел раскопки, полученные материалы дали ему возможность признать местные курганы скифскими (РО. Ф. 1. Оп. 1-1881 г. Д. 7. Л. 15–16, 34–37; ОИАК за 1881 г. 1883: XVIII). Основанием для такой этнической атрибуции стала, в частности, бедность этих погребальных комплексов, наличие в них лишь грубой посуды, а также морской травы, необработанных камней и т. д. Сейчас все эти признаки, конечно, не считаются скифскими, они скорее указывают на принадлежность курганов эпохе бронзы.

VI

Исследования на Керченском полуострове в это время находились как бы в тени выдающихся открытий на территории азиатского Боспора. Тем не менее и здесь ежегодно проводились исследования сплошных могильных насыпей на склонах горы Митридат (о них см.: Ростовцев 1925: 160, 176–250; Цветаева 1951; 1957; Fless, Lorenz 2005). В июне 1872 г. работа велась особенно интенсивно, поскольку ожидался приезд в Керчь императора Александра II, и предполагалось,

что одна из гробниц будет вскрыта в присутствии императрицы. Стремясь не ударить в грязь лицом, археологи обнаружили тогда в общей сложности 48 гробниц, но лишь две из них представлялись достойными для лицезрения августейшей особой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 30. Л. 20). Императорский пароход прибыл в Керчь лишь в августе, к тому времени все старания керченских археологов были сведены на нет дождями, да и императрица отказалась сходить на берег (Там же.

Раскопки сплошной могильной насыпи на северном склоне горы Митридат в 1862 г.
Спуск в катакомбу № 63. Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 691. Л. 35)

Л. 1). Именно в этом году была открыта гробница, в которой находилась прекрасная аттическая ваза с изображением спора Афины и Посейдона (Там же. Л. 3, 5–9; о ней см.: Толстой, Кондаков 1889а: 73–76; Блаватский 1953: 268, 270; Соколов 1973: 52–53, № 37). В следующем году раскопки здесь были продолжены с не меньшей интенсивностью, но уже по другой причине. Дело в том, что значительная часть археологического памятника от часовни Стемповского до еврейского кладбища была передана в распоряжение Инженерного ведомства для предполагавшегося сооружения здесь укреплений, установки артиллерийских батарей и пр. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 34. Д. 1). А.Е. Люценко очень опасался, что эта территория будет засыпана грунтом и станет недоступной для

археологов. Его опасения, к счастью, оказались напрасными.

В 1877 г. на склоне горы Митридат был открыт ограбленный склеп, на стенах которого сохранились в высшей степени любопытные росписи (ОИАК за 1877 г. 1880: XIV–XV). По имеющейся там надписи памятник вошел в науку как склеп Анфестерия (Кулаковский 1896: 8; Ростовцев 1914а: 170 и сл.; Гайдукевич 1949: 400–404; Иванова 1953: 152–153).

Необходимо особо отметить, что именно тогда были проведены раскопки на Темир-горе (подробнее см. главу III). В 1869 г. П.И. Хицунов открыл здесь любопытную кремацию с небольшим количеством золотых изделий (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 29; ОИАК за 1869 г.: XII–XIII). Э.В. Яковенко интерпретировала этот комплекс как погребение скифской царицы, датировав

Темир-гора. Курган, исследованный в 1870 г. Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 7)

Внутреннее пространство кургана, исследованного на Темир-горе в 1870 г. Вид с юга. Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 7 об.)

его концом V в. до н. э. (Яковенко 1977; Кузнецова 2002).

Она же назвала эту кремацию погребением №83, что не соответствует имеющейся полевой документации. Дело в том, что П.И. Хицунов вообще не дал номера открытому им погребению. В 1870 г. Е.А. Люценко обнаружил здесь «остатки от двух костров», т. е. тризны, одной из которых он дал №83 и связывал с кремацией знатной женщины (РО. Ф. 1. Оп. 1-1870 г. Д. 23. Л. 30), но, в общем, это разные комплексы.

В следующем году раскопки на Темир-горе предпринял А.Е. Люценко, оценивший их результаты как не совсем удачные, хотя и выделил среди обнаруженных им гробниц одну, в которой находился «глиняный кувшин с замечательным рисунком в архаическом стиле» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1870 г. Д. 23. Л. 22, 29–30; ОИАК за 1870–1871 гг.: XX). С современной точки зрения результат был просто великолепен, поскольку этот кувшин является ойнохоей, относящейся к 40-м гг. VII в. до н. э. (Копейкина 1972: 156) или 640–630 гг. до н. э. (Cook, Dupont 1998: 36), а сама гробница стала одним из важнейших памятников для изучения скифской архаики Северного Причерноморья (Ростовцев 1925: 395–396; Артамонов 1966: 25; Яковенко 1972; Ильинская, Тереножкин 1983: 107; Мурзин 1984: 19; Вахтина 1991; 2002; Кузнецова 2002: 88–89; Алексеев 2003: 116).

На знаменитой Куль-Обе в 1875 г. А.Е. Люценко провел дополнительные раскопки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 10. Л. 94–95; ОИАК за 1875 г. 1878: XXXI–XXXII). Он расчистил склеп, от перекрытия которого к тому времени ничего не осталось, стены сохранились лишь на половину высоты, каменная

Золотой шлем из кургана на мысе Ак-Бурун, 1875 г. (авторская редакция; Толстой, Кондаков 1889: 46, рис. 56)

вымостка пола была полностью разрушена. Во время раскопок никаких сокровищ обнаружено не было, нашли лишь два бронзовых наконечника стрел и три штампованные золотые бляшки, аналогичные уже опубликованным (ДБК: табл. XX, 12; XXI, 10; XXII, 5).

Почти в то же самое время на мысе Ак-Бурун были сделаны два важных открытия. Здесь, как и ранее (см. выше), проводились работы по возведению Керченской крепости. В ходе этих работ в 1874 г. был затронут курган, в котором находилась впускная кремация, содержавшая набор дорогих предметов. Эти вещи не без труда попали в Археологическую комиссию. Важность ак-бурунского комплекса 1874 г. заключается в том, что он является редчайшим на Боспоре элитарным памятником, относящимся к постмитридатовскому времени (Бутягин, Виноградов 2014: 37–52).

В следующем году на Ак-Буруне Ф.И. Гроссом было сделано еще одно очень важное открытие. В результате строительных работ в одном из тамошних курганов было обнаружено и, не по

вине археологов, весьма небрежно раскопано погребение воина со знаменитым золотым «шлемом» (об этих раскопках см.: Виноградов 2001; Стародубцев 2005; Бутягин, Виноградов 2014: 53–66). Это погребение является одним из важнейших памятников времени начавшихся варварских передвижений в степях Причерноморья и связанного с этим крушения Великой Скифии (Виноградов 1993; 2005а: 292–294; Бутягин, Виноградов 2014: 99–110).

Внимание археологов, конечно, постоянно привлекали Нимфейские курганы, но организация раскопок на них была связана с весьма большими сложностями, поскольку некрополь находился на частных землях, принадлежавших помещикам Гурьевым. Переговоры с ними шли очень непросто. В 1868 г. соглашение с владельцами было достигнуто, но не археологами, а частными лицами. Они обнаружили здесь два любопытных погребальных комплекса, в одном из которых находилась крупная бронзовая бляха в виде головы лося. А.Е. Люценко посчитал, что обнаруженные тогда предметы не заключают в себе «ничего нового или изящного» (А. Л. 1869: 55), но торговцы древностями придерживались другого мнения, и вещи из этих и некоторых других Нимфейских курганов попали в Англию и хранятся сейчас в Оксфорде (Черненко 1970; Вахтина 2017с: 93–97; Gardner 1884; Vickers 1979; 2002: 5–55). Долгая история с переговорами о раскопках Нимфейских курганов закончилась лишь в 1875 г. (Силантьева 1959: 9–11; Древний город Нимфей 1999: 14); право на раскопки удалось получить за 1000 руб. серебром (РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 10. Л. 72 и сл.). В 1876 г. исследования здесь начал

А.Е. Люценко, которому почти сразу удалось открыть три нетронутые гробницы с золотыми вещами и замечательной импортной посудой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1876 г. Д. 20. Л. 4 об.). Всего же за один год он изучил здесь 36 курганов различной величины и несколько сплошных могильных насыпей (Там же. Л. 59; см.: ОИАК за 1876 г. 1879: IX и сл.). На протяжении одного месяца Нимфейские курганы изучал также младший член Императорской археологической комиссии Н.П. Кондаков (РО. Ф. 1. Оп. 1-1876 г. Д. 20. Л. 14–23; ОИАК за 1876 г. 1879: XXIII и сл.), но, по словам А.Е. Люценко, за свое кратковременное пребывание он раскопал лишь несколько отдаленных от городища курганов, в которых «оказались уцелевшими только одни большие каменные какого-то неизвестного народа гробницы и при том чрезвычайно бедные; греческие же, открытые им гробницы, были почти все расхищены в давнее время» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1876 г. Д. 20. Л. 59 об.). После 1876 г. ограниченные раскопки курганов проводились С.И. Верebrюсовым в 1878–1880 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 16. Л. 15 и сл.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 6. Л. 14 об. и сл.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 19. Л. 35 и сл.; ОИАК за 1878–1879 г.: XXXVII, LXII–LXV).

После исследований 1880 г. С.И. Верebrюсов обратил внимание, что в Нимфейских курганах нет боковых гробниц, т. е., по его мнению, они не являлись семейными усыпальницами, что характерно для курганов под Пантикапеем или Фанагорией. Нимфейские насыпи сооружались преимущественно «над одинокими гробницами храбрых воинов, предводителей и вожаков, павших в битвах с ордами диких кочевников, наступавших

Царский курган, сентябрь 1863 г. Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-І. Оп. 1. Д. 564. Л. 11)

Царский курган после реставрации 1865–1866 гг. Рисунок Ф. И. Гросса (РО. Р-І. Оп. 1. Д. 692. Л. 14)

на греческие поселения» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 19. Д. 38–39). Мнение исследователя по поводу данных памятников чрезвычайно любопытно, и, в общем, уместно будет привести цитату из его отчета:

«Раскопками прошедших годов открыты в центральных гробницах тех же курганов преимущественно и даже исключительно мужские остовы, при которых находимы были обломки мечей, копий, шлемов, панцирей, наконечников стрел, тут же расположены были боковые гробницы лошадей, одной или нескольких, или остовы оруженосцев с остатками длинного или короткого меча, стрел и т. п. Замечательно, что на всем этом огромном кладбище чрезвычайно редко случалось открывать женские гробницы. Не приводит ли это к тому заключению, что на местности, которую принято считать за древний Нимфеон, располагались преимущественно войска босфорских властителей, их военный стан на возвышенной площади у выдающегося в море скалистого мыса (Кара-Бурун), окруженный высокою насыпью и глубокими рвами, по крайней мере в ту пору их владычества, когда древний город афинян (если он только здесь именно находился) уже не существовал, и обширная бухта его занесена была песком». Хотя заключение С.И. Веребрюсова не нашло поддержки у современных исследователей, его наблюдения об особенностях курганов Нимфея, отсутствия в них боковых гробниц и т. п. заслуживают

самого серьезного внимания. По подсчетам Л.Ф. Силантьевой, за время работ на курганном некрополе Нимфея было раскопано 55 курганов, содержащих 66 погребений, а также 111 погребений были открыты в сплошных могильных насыпях (Силантьева 1959: 12). Особую научную значимость в их ряду имеют элитарные варварские захоронения, свидетельствующие о тесных связях Нимфея с местными племенами во второй половине V в. до н. э. (см.: Ростовцев 1925: 389 и сл.; Силантьева 1959; Артамонов 1966: 34–35; Уильямс, Огден 1995: 132–135; Виноградов 2005а: 249). Этим важным археологическим открытием завершается характеризующий период изучения курганов Керченского полуострова.

Охрана открываемых памятников древности, как уже частично говорилось, в это время археологическое начальство занимала не очень сильно. Местные жители брали глину из курганных насыпей для хозяйственных нужд, каменные склепы без должного надзора постепенно разрушались и т. д. Противостоять этому печальному явлению без должной организации и специального финансирования было невозможно. Тем не менее и допустить разрушение некоторых из боспорских памятников, уже ставших известными во всем мире, конечно, тоже было нельзя. В качестве примера заботы ИАК о сохранности таких объектов можно привести реставрацию Царского кургана в 1865–1866 гг.

VII

Интерес к руинам древних городов Боспора Киммерийского, как известно, пробудился довольно рано, и многие ученые и путешественники пытались

так или иначе реконструировать историческую карту региона. Однако к раскопкам городищ археологи обратились довольно поздно. Что касается

исследований столицы азиатского Боспора, Фанагории, то после раскопок К.К. Герца в 1859 г. они были стимулированы очередной случайной находкой еще одного эпиграфического документа, в котором упомянут боспорский царь Спарток, сын Евмела (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 1. Л. 12–13; КБН 974). Пытаясь найти «древние мраморы», И.Е. Забелин в 1866 г. заложил раскопы на фанагорийских пепелищах между хуторами Семеняки и Боровика, но ничего не обнаружил (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 1. Л. 32, 36, 40; ОИАК за 1866 г. 1868: XII сл.). В 1868 г. близ хутора Боровика удалось открыть колодец квадратной формы, обложенный крупными необработанными камнями. Глубина его составляла более 3 м. Эта постройка лежала на глубине более 6 м от современной поверхности, в перекрывающих ее слоях было найдено 90 амфорных ручек с клеймами, 20 медных монет и пр. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 41. Л. 27; ОИАК за 1868 г. 1870: IX). В 1869 г. И.Е. Забелин продолжил исследования Фанагории (о них см.: ОИАК за 1869 г.: V; Кобылина 1956: 7), при этом его особенно интересовал «акрополис города». Под так называемой средней горой тогда было заложено несколько пробных траншей шириной и глубиной в одну сажень (2,13 м).

Свои впечатления от раскопок исследователь выразил следующим образом: «Местами в пробитых канавах открывались остатки фундаментов от самых простых, быть может, позднейших построек; но оснований городских зданий не оказалось. Хотя преждевременно делать какие-либо решительные заключения, но, видимо, основания древнего городища в первобытном его виде уже не существует.

Оно едва ли не дочиста разорено, перекопано и пересыпано последующими обитателями здешней местности, начиная с хазар и оканчивая турками» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 10).

Несмотря на столь пессимистический вывод, на следующий год И.Е. Забелин был вынужден провести здесь своего рода спасательные работы, поскольку западная часть городища перешла в частное владение и стала использоваться под огороды (РО. Ф. 1. Оп. 1-1870 г. Д. 19. Л. 2; ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: III–V, XXXIII–XXXIV). Особенно масштабными были его раскопки в 1872 г., сосредоточенные в северо-восточном секторе центральной части городища. В ходе раскопок были открыты основания стен древних построек, и И.Е. Забелин даже рапортовал С.Г. Строганову, что ему наконец удалось «впервые открыть действительно древнейший фундамент какого-то здания» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 15. Л. 2 об.; ОИАК за 1872 г. 1875: III–VI). Исследователю представлялось, что этот фундамент принадлежал храму.

Почти одновременно с И.Е. Забелиным в 1874 г. в северной и северо-западных частях городища пробовал копать В.Г. Тизенгаузен (Кобылина 1956: 7), но в его отчетах содержится мало информации (см.: ОИАК за 1874 г. 1877: XVI, XX). В 1879 г. В.Г. Тизенгаузен вновь вернулся на Фанагорию и произвел исследования в южной части, выходящей на почтовую дорогу (ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XLII–XLIV).

В результате проведенных бессистемных работ к 1880 г. городище было почти сплошь изрыто всякого рода траншеями. С.И. Веребрюсов, появившийся на памятнике как раз в этом году, выразил свои впечатления следующим образом: «Обширные насыпи

и пепелища между усадьбами Семеньяки и Шапырева (быв. Боровика) были предметом изысканий многих археологов, истощавших все возможные усилия для открытия памятников древней Фанагории. Глубокие траншеи у подошвы возвышения, где находился акрополь, обширные раскопы на его северных окраинах и у морского берега надолго останутся видимым указанием трудов известнейших наших исследователей. В настоящее время только случайные открытия и особенно важные находки могут послужить поводом к подобным обширным работам. Я полагаю, однако, что при возобновляемых каждый год раскопках на Таманских берегах могут быть допускаемы расследования хотя [бы] некоторых почему-либо выдающихся частей акрополя и насыпей прибрежной полосы, если по ходу прочих работ близ станции Сенной представляется это удобным» (РО. Ф. 1. Оп.1-1880 г. Д. 19. Л. 33 об.).

Тем не менее сам С.И. Веребрюсов именно в 1880 г. заложил раскоп (приблизительно $12,8 \times 6,4$ м, глубина — около 3,2 м) на площади акрополя, окруженной глубокими траншеями (над самой усадьбой Шапырева). Описывая характер культурных напластований, исследователь отметил, что под земляной насыпью, смешанной с пеплом, залегал слой, содержащий значительное количество обломков керамики различных форм, частей архитектурных деталей и пр. Этот слой подстилался земляным грунтом с примесью золы. Стен древних построек, как можно полагать, открыто не было. Образовавшийся глубокий раскоп, естественно, представлял опасность для домашних животных, принадлежавших местным жителям, и С.И. Веребрюсов решил засыпать его грунтом, как

не представляющий «никаких особенных показаний» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 19. Л. 33–34; ОИАК за 1880 г. 1882: XI–XII).

М.И. Ростовцев, оценивая результаты всех этих работ на городище Фанагория, отметил, что они не дали и не могли дать научных результатов, поскольку исследователи не ставили перед собой определенных вопросов, на которые раскопки могли бы дать ответ. Не были установлены границы города, не найдена его оборонительная система, обнаруженные находки не связывались с конкретными культурными слоями и т. д. По его мнению, эти раскопки «были скорее вредны, чем полезны» (Ростовцев 1925: 263). Их единственным ценным результатом можно считать находку нескольких важных для понимания истории Боспора эпиграфических памятников.

На городище Гермонасса, расположенном на месте Тамани, раскопки были предприняты в 1868 г., руководил ими В.Г. Тизенгаузен. Об этих исследованиях мы знаем очень немного (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 40. Л. 3; ОИАК за 1868 г. 1870: IX), но больше, чем о раскопках Тизенгаузена в Фанагории. Из краткого отчета известно, что он заложил «широкий и глубокий разрез» в прибрежной части городища. Как ему представлялось, исследования были доведены до материка, при этом в нижних горизонтах культурных напластований были обнаружены скопления дикарного камня, обломки мрамора и фрагменты различных керамических сосудов, среди которых встретился один фрагмент «с черными фигурами этрусского стиля», головка от терракотовой статуэтки, несколько медных монет и т. д. В одном из «колодцеобразных углублений, проходящих

через всю насыпь и через лежащий под нею материк и служивших, кажется, сточными трубами», была обнаружена амфора с клеймом на горле и фрагментированный краснофигурный кратер. Кроме того, В.Г. Тизенгаузен подверг раскопкам часть насыпи возле двух старинных колодцев, но никакой ясной картины здесь не получил.

В.Г. Тизенгаузен, говоря о планах работ на 1876 г., отметил, что было бы интересно исследовать некоторые части городища, лежащего неподалеку от курганов группы Семь Братьев (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 3. Л. 19), т. е. Семибратнего городища (или города Лабрис) по современной терминологии. Раскопки здесь, однако, были проведены лишь в 1878 г. Городище изучалось «пробными канавами», в результате чего было выяснено, что поселение окружала толстая стена, высота которой достигала 4,5 аршинов (3,2 м). Стена была сложена из огромных, тесаных, хорошо пригнанных друг к другу камней, лишь с северной стороны она состояла из мелкого плитняка. Раскопки внутри стен привели к открытию «слоев мусора и земли», среди которых встречались фундаменты каменных построек. В одном из раскопов в южной части городища на глубине около 2 м было найдено «большое четырехугольное сооружение из огромных тесаных плит, выведенное в три ряда уступами, может быть, основание жертвенника» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 3. Л. 84 об.; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: VIII–IX). Раскопки, предпринятые на городище в сравнительно недавнее время, дали намного более информативные материалы (Горончаровский, Иванчик 2010: 229–232; Горончаровский 2017а: 257–260).

Существуют данные об исследовании других городищ Таманского

полуострова. В 1872 г. в трех верстах к востоку от Тамани близ Соленого озера и кирпичного завода А.Е. Люценко провел небольшие раскопки какого-то «пепелища». Здесь были обнаружены обломки керамики, окислившиеся медные монеты и пр. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 30. Л. 54 об.). В.В. Соколов считал, что это городище находится за валом Фанагорийской крепости, к востоку от нее (Соколов 1919а: 46).

Несколько ранее В.Г. Тизенгаузен предпринял раскопки двух городищ, расположенных около начала косы Чушка. На одном из них (площадь — 0,35–0,4 га, мощность напластований — около 3 м), которое исследователь считал известным из письменных источников Ахиллием, было открыто каменное основание насыпи или обводной стены поселения, при возведении которого было использовано немалое число более ранних надгробий. Остатков жилых или хозяйственных построек В.Г. Тизенгаузен здесь не открыл, но обнаружил пифосы, кувшины, жернова, фрагменты терракотовых статуэток, боспорские монеты II–III вв. н. э. На втором, меньшем по площади городище, остатков построек тоже открыто не было, да и состав находок был приблизительно идентичен с первым памятником (ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XIII–XIV).

Уже говорилось, что в 1881 г. С.И. Вебреюсов провел весьма масштабные раскопки на Таманском полуострове. В основном его интересовали курганы (см. выше), но ученый обратил внимание также на городище, расположенное около станицы Титоровской, точнее, у северной подошвы горы, известной как Дубовый Рынок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1881 г. Д. 7. Л. 35; ОИАК за 1881 г. 1883: XVII). В этих «пепелищах» было заложено

несколько разведочных раскопов, которые практически не документированы. Правда, на основании своих наблюдений автор сделал заключение, что «жилища здешних обитателей возводились не из камня, а из земляного кирпича» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1881 г. Д. 7. Л. 36 об.).

Обращаясь к европейской стороне Боспора, надо признать, что первая попытка изучения Пантикапея была предпринята А.Е. Люценко через четыре года после раскопок К.К. Герца в Фанагории. Осенью 1863 г. были проведены раскопки на Биржевой площади возле Таманской пристани. Они были вызваны тем, что несколько лет назад здесь на глубине порядка 2 м были обнаружены мраморные фрагменты архитектурных деталей и постаменты от статуй с греческими надписями. На Биржевой площади был заложен раскоп (приблизительно 12,1×3,2 м), на котором достигнута глубина 2,5 м от современной поверхности, после чего стала выступать грунтовая вода и работы остановились. Несмотря на очевидную неудачу исследований, на раскопе был обнаружен карниз из белого мрамора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 6. Л. 29 об.).

В 1864 г. директор Керченского музея провел раскопки на террасах горы Митридат около памятника Стемпковскому (ОИАК за 1864 г. 1865: XIV; Блаватский 1951: 17, 26), к чему его побуждали просьбы С.Г. Строганова найти здесь «какие-либо фрагменты из мрамора, замечательные по сохранившимся на них надписям или по художественной их работе» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 9. Л. 3 об.). Как видим, перед исследователем ставилась задача вполне «кладоискательская», да и раскопки он проводил по методике, практиковавшейся в то время при раскопках курганов: от подошвы насыпей

к их центру закладывались траншеи, от которых делались ответвления в виде минных галерей.

Небольшие фрагменты мраморных скульптур тогда действительно были найдены, обнаружили даже золотую цепочку, и А.Е. Люценко выразил надежду, что раскопки на Митридате приведут «к какому-нибудь замечательному открытию». Однако работать приходилось на пепелищах древнего города, заключавших в себе могилы, которые интерпретировались как генуэзские. В основании этих насыпей были выявлены нижние части стен, небрежно сложенных из дикарного известняка, но археологическая методика того времени никак не позволяла связать полученную информацию в сколь-либо ясную картину. Никаких планов раскопов или рисунков стен не делалось, не предпринимались и попытки их датирования. Единственный объект, который был интерпретирован более или менее надежно, — цистерна, «вырубленная в скале и покрытая внутри чрезвычайно крепким цементом». Ее глубина составляла 2 сажени (4,26 м), а поперечник — не более 1 сажени (2,13 м). Эта цистерна имела желоб, направленный от нее в глубину террасы (ОИАК за 1864 г. 1865: XV).

В золистых насыпях было найдено множество обломков античной керамики, десятки амфорных ручек с клеймами, немало медных монет и т. д. Среди обнаруженных надписей имеются чрезвычайно любопытные (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 9. Л. 15–17): проксения Перисада пирейцу (КБН 1), посвящение Деметре при архонте Левконе (КБН 8), посвящение Маниса Гераклу (КБН 16) и часть списка имен, начинающегося с Кефисодота (КБН 110).

В 1865 г. в раскопках на территории Керчи произошли некоторые

Обломки мраморных скульптур, найденных во дворе И. Калькани в 1865 г. (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 692. Л. 13)

изменения. Дело в том, что итальянец Иосиф Калькани, проживавший на Босфорской улице, во время хозяйственных работ во дворе своего дома обнаружил весьма ценные скульптурные находки: торс большой статуи Диониса, голову в венке из виноградных гроздьев, часть правой ноги и правой руки, небольшой торс тигра и пр. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 9. Л. 31–32). Когда А. Е. Люценко узнал об этих открытиях, то во дворе Калькани и, вероятно, в соседнем с ним дворе Войтенко были проведены раскопки, в результате которых были обнаружены головки от мраморных статуй, часть плеча скульптуры, обломок лапы тигра или барса и пр. (Там же. Л. 32; ОИАК за 1865 г. 1866: VIII–IX). Перечисленные находки можно рассматривать как свидетельство того, что в районе дворов Калькани и Войтенко в древности

находилось святилище или даже храм, посвященный Дионису (ср.: Блаватский 1951: 20; 1964а: 88), но полностью он раскрыт не был, да и археологи как будто к этому совсем не стремились, будучи удовлетворены находками обломков мраморных статуй.

В самом конце 1865 г. керченский мещанин Дм. Иванов сделал еще одну любопытную находку. Он добывал камень у памятника Стемпковскому и обнаружил здесь часть мраморной скульптуры, изображающей женщину (Нереиду), сидящую на дельфине. Сделанные находки заставили А. Е. Люценко запланировать раскопки насыпей, в которых добывался камень (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 9. Л. 39; ОИАК за 1866 г. 1868: III). Обстоятельства находки позволяют в полной мере осознать, что для керченских обывателей руины

Пантикапея служили своего рода каменоломней, и городское начальство никак этому не препятствовало.

Раскопки на Митридате были продолжены в 1867 и 1868 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 11. Л. 7, 58, 59; РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 41. Л. 54–55, 58; ОИАК за 1867 г. 1868: III; ОИАК за 1868 г. 1870: III–IV). А.Е. Люценко признавал важность изучения городища, по этому поводу он даже писал: «Вообще, разрытие древних пепелищ, столь многочисленных в окрестностях Керчи и Тамани, представляет большой интерес, но оно обходится слишком дорого и по недостатку места для помещения земли, вынимаемой из раскопов, сопряжено с большими неудобствами, ибо сваливать ее на места, еще не исследованные, не совсем разумно» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 11. Л. 59).

Наряду с прочим данное замечание может служить свидетельством, что директор Керченского музея вполне осознал необходимость удаления отвалов с поверхности городищ.

Весной 1868 г. раскопки А.Е. Люценко привели к серьезному конфликту между керчь-еникальским градоначальником А.П. Спицыным-Первым и археологами. В рапорте С.Г. Строганову директор музея сообщил, что градоначальник Спицын, находя раскопки «уродующими гору Митридат и отнимающими у нее благообразный вид со стороны города и моря», 26 апреля официально потребовал прекратить их, что и было исполнено 4 мая 1868 г. А.Е. Люценко приложил к рапорту переписку, возникшую по этому поводу между ним и градоначальником, прося графа предложить градоначальнику не стеснять его в дальнейшем проведении раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 41. Л. 12). Копии прилагаемых

к рапорту документов, на мой взгляд, очень любопытны и выразительны. Среди них — копия отношения керчь-еникальского градоначальника к директору музея, направленного 26 апреля, в котором он «покорнейше просит» археолога безотлагательно прекратить раскопки на горе. Причины, по которым было принято такое решение, столь ярко обозначены, что необходимо привести длинную цитату: «Проводимые Вашим превосходительством археологические разыскания на горе Митридат не только уродуют эту гору, отнимая у нее благообразный вид с города и моря, но даже выкопанною землею закопана большая часть дороги, ведущей по склону горы к Александровской церкви, засыпается каменная лестница, стоящая огромных денег городу, и кроме того, что гораздо важнее, раскопки Ваши до того подкопали на горе каменную скалу, что она грозит падением, влекущим за собою неминуемо большие несчастья» (Там же. Л. 14).

В ответ на эту бумагу А.Е. Люценко 13 мая направил свою, в которой сообщил о прекращении раскопок, но считал должным заявить следующее:

«1. Археологические изыскания на горе Митридат предприняты по желанию Императорской археологической комиссии с целью открытия “древних мраморов”. Раскопки проводились по специально составленному плану “на перевал”, то есть по такой системе, когда ранее сделанные раскопы засыпались отвалом из других, более поздних. Эта система засыпки со временем возвратила бы горе ее прежний вид, но раскопы, остановленные на полпути и стоившие значительных издержек, такого результата дать не могут.

2. Благообразный вид горы уродуется не столько от деятельности

Раскопки «пепелища» с северной стороны горы Митридат в конце 1867 — начале 1868 г.
Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 565. Л. 1)

археологов, сколько от раскопок местных жителей, которым позволено на Митридате добывать камень с уплатой десятины откупщику городских каменоломен. Со стороны этого откупщика, однако, за деятельностью добытчиков камня нет никакого присмотра.

3. На дорогу, ведущую по склону к Александровской церкви, археологи не вывезли ни единой тачки земли. Отвал уложен аккуратно выше дороги, и если при дожде часть его обвалится, то все будет немедленно очищено.

4. Таким же образом археологи не повинны в засыпке каменной лестницы, ведущей на гору, поскольку та вообще значительно удалена от заложённого раскопа. Лестница эта, при которой нет сторожа, засыпана мальчишками, которые ищут по ее сторонам древние монеты, а земля от их деятельности попадает на ступени.

5. Наконец, никакие скалы, “которые грозили бы падением, влекущим за собою неминуемо большие несчастья”, археологи не подкапывали. Что касается огромной скалы, которая возвышается с правой стороны от раскопа, то она находится в этом положении “с незапамятных времен”» (Там же. Л. 17–18).

Из объяснений А.Е. Люценко, как видим, следует, что неэстетичный вид горы Митридат был связан, прежде всего, с непродуманными действиями властей, сделавшими из древних руин настоящую каменоломню, а также с деятельностью керченских мальчишек, на которых любой власти очень трудно найти управу. Вообще же, по мнению директора музея, «вершина горы Митридат уже давно обезображена раскопками, произведенными на ней искателями кладов» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 41. Л. 16).

На это послание градоначальник отреагировал письмом от 17 мая, при этом уже значительно смягчив свою позицию. Происшедшую метаморфозу, вероятнее всего, следует объяснять тем обстоятельством, что Спицын-Первый, возможно, впервые в жизни узнал, что раскопки производятся не просто по прихоти чудаков-ученых, а по решению Императорской археологической комиссии, а, значит, сам государь император совсем не считает археологию наукой пустой и бесполезной для общества. Ясно, что керчьеникальский градоначальник в этом отношении неожиданно для себя попал в весьма неловкое положение. В общем, он уже не имел претензий по поводу дальнейшего производства раскопок на Митридате при условии, что все углубления будут засыпаны землей (почему-то чиновник упорно называл раскопы углублениями). Вместе с тем в его послании появилось новое, чрезвычайно важное обстоятельство, которое могло бы подкрепить занятую им ранее непримиримую позицию, — раскопки могли быть продолжены только при том условии, если Инженерное ведомство не выразит к этому претензий. Дело в том, что, как следовало из его слов, местность на горе была отведена этому ведомству для строительства укреплений. В заключение директору музея еще раз указывалось: «Независимо от изложенного, имею честь покорнейше просить теперь же распоряжения Вашего превосходительства о засыпке всех углублений и раскопок, сделанных Вами в разных направлениях горы Митридат» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 41. Л. 15).

На послание градоначальника с новыми указаниями и предостережениями А.Е. Люценко ответил 21 мая.

В своем очередном письме он заявил, что по случаю дороговизны рабочей силы и своего отъезда на Таманский полуостров для проведения раскопок не может приступить к засыпке раскопов, но обещает, что постепенно к концу этого года или к началу следующего, когда археологические изыскания на Митридате возобновятся, это будет выполнено. Что же касается приказа о засыпке «всех углублений и раскопок», то по этому поводу Спицыну было рекомендовано обратиться непосредственно в Императорскую археологическую комиссию, ибо директор музея сам по себе не может провести столь масштабные работы, требующие огромных издержек. В отношении Инженерного ведомства в ответе А.Е. Люценко было отмечено, что оттуда в музей еще не поступало никаких требований о прекращении раскопок на горе Митридат. По его мнению, этого вообще было трудно ожидать, поскольку масштабы археологических раскопок слишком незначительны в сравнении с работами, обычно проводимыми этим ведомством (Там же. Л. 16).

Из приведенной переписки нетрудно понять, что директор Керченского музея древностей в конфликте с керчьеникальским градоначальником чувствовал себя достаточно уверенно, по существу не уступив ему ни по одной из позиций. За своей спиной он явно чувствовал серьезную поддержку, и эта поддержка заключалась в существовании ИАК. 30 сентября 1868 г. С.Г. Строганов направил два письма: одно — А.Е. Люценко, другое — градоначальнику Спицыну. В первом он порекомендовал археологу при проведении раскопок «стараться засыпать, насколько возможно, слишком большие углубления». С.Г. Строганов просил

также А.Е. Люценко связаться с местным Инженерным ведомством и выяснить, на каком именно месте горы Митридат предполагается строить укрепления, и не будет ли со стороны этого ведомства препятствий «в предварительном расследовании этой части в археологическом отношении» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 41. Л. 34), т. е., выражаясь современным языком, в проведении спасательных работ.

Письмо к керчь-еникальскому градоначальнику выдержано несколько в ином тоне. Граф сообщил Спицыну-Первому, что проинформирован о его распоряжении прекратить раскопки на горе Митридат и причинах, которыми такое решение было вызвано. Все они признаны несущественными. В конце послания в словах высокопоставленного чиновника явно чувствуются металлические нотки. С.Г. Строганов посчитал своим долгом просить градоначальника «допустить г. Люценко к продолжению этих раскопок, обещающих доставить еще много разных интересных археологических памятников» (Там же. Л. 33). На такую просьбу, разумеется, было очень трудно дать отрицательный ответ. В общем, раскопки «пепелищ» на горе Митридат были продолжены (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 46; РО. Ф. 1. Оп. 1-1870 г. Д. 23. Л. 25, 38; РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 10. Л. 84, 104–105; РО. Ф. 1. Оп. 1-1876 г. Д. 20. Л. 28; РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 16. Л. 32; см.: Блаватский 1951: 17, 19).

В 1871 г. в «пепелище» около церкви св. кн. Александра Невского был открыт водосток, связанный с цистерной глубиной более 2 м. На вершине горы Митридат в том же году были обнаружены остатки стен, сложенных небрежно из кусков камня, но они были столь фрагментарны, что восстановить

план постройки не представилось возможным. А.Е. Люценко по этому поводу лишь заметил: «Можно только с некоторой вероятностью отнести их к тому периоду времени (535 г. по Р. Х.), когда император Юстиниан приказал возобновить стены Пантикапея (Воспора), разрушенные гуннами» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 16. Л. 8, 28). Надо признать, что во время этих раскопок археологи находили немалое количество весьма любопытных предметов, к примеру, фрагмент краснофигурного кратера с изображением женщины, моющей волосы.

В 1876 г. изучение «пепелищ» горы Митридат было продолжено (ОИАК за 1876 г. 1879: XXX–XXXI; Блаватский 1951: 17). В декабре этого года после продолжительных дождей произошел обвал насыпи у церкви св. кн. Александра Невского. В образовавшемся разрезе Ф.И. Гросс увидел фрагменты разноцветной мозаики и обломки архитектурных деталей, которые, возможно, были сброшены сюда с вершины горы Митридат. В 1877 г. здесь были проведены археологические исследования (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г. Д. 8. Л. 3, 4, 6; ОИАК за 1877 г. 1880: XII–XIII; Блаватский 1951: 18, 20, 26), которые, в частности, привели к открытию надписи с посвящением Афродите Урании, владычице Апатура, за архонта и царя Перисада, царицу Камасарию и за Аргота (КБН 75).

Вскоре после этого, 26 мая 1877 г., раскопки в Керчи вообще были прекращены, а керчь-еникальский градоначальник даже потребовал от А.Е. Люценко подготовить музей к возможной эвакуации в Тамань. Причина такого решения кроется в том, что тогда началась очередная Русско-турецкая война (1877–1878 гг.) и нападение

*Раскопки на южной покатости горы Митридат в 1871 г. Рисунок Ф.И. Гросса
(РО. Р-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 13 об.)*

противника на Крым представлялось по крайней мере вероятным. По всей видимости, у многих были еще памятные события Крымской войны, когда в мае 1855 г. неприятельский десант очень легко захватил Керчь (Быковская 2015; Виноградов 2017d). Угроза такого нападения, однако, на сей раз оказалась сильно преувеличенной, и раскопки были возобновлены 5 сентября 1877 г.

В 1878 г. в изучение пантикапейских «пепелищ» включился Н.П. Кондаков (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 11. Л. 7; ОИАК за 1878–1879 гг.: XVIII–XIX). Он провел раскопки на северной покатости горы Митридат, в результате чего обнаружил, что мощность их напластований здесь достигает 8 аршин (почти 5,7 м).

Вскоре Военное инженерное ведомство вновь заявило о намерении открыть обширные работы на горе

с 1880 г. «для устройства эспланады и возведения крепостных верков» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 6. Л. 3 об.). Проведение этих работ, естественно, очень обеспокоило директора музея С.И. Вербрюсова. В 1880 г. на северной покатости Митридата вновь были проведены раскопки, на сей раз имевшие большую нацеленность на конкретный археологический результат. Это связано с тем, что в 1879 г. здесь были обнаружены терракотовые статуэтки, дававшие возможность предполагать, что где-то поблизости находилась мастерская по их изготовлению или лавочка по продаже (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 19. Л. 10 об.). Раскопки на площади 3×3 сажени (6,4×6,4 м) были доведены до глубины 3,2 м, где обнаружена стена, сложенная из необработанных камней. С этой стеной каким-то образом связана находка дикарного камня

Фрагмент краснофигурной вазы, найденной на северном склоне горы Митридат в 1872 г.
Рисунок Ф.И. Гросса (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 19 об.)

с круглым углублением (около 22 см в диаметре и до 18 см в глубину). Оно было заполнено массой, полученной от растирания керамических фрагментов (шамотом); площадь около камня также покрыта слоем такого же шамота. С.И. Веребрюсов предположил, что именно из этой массы изготавливались терракотовые статуэтки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 19. Л. 10 об. — 11).

Археологические исследования боспорского городка Мирмекий, лежавшего на северной оконечности Керченской бухты, были затруднены тем обстоятельством, что на его руинах в 1827 г. был размещен Новый карантин. Однако в 1863 г. А.Е. Люценко попытался раскопать две обширные насыпи, лежавшие за восточной оградой карантина. Первая из них имела форму конуса, а вторая тянулась по берегу пролива, упираясь в подошву

скалистого холма у самого обрыва. Обе насыпи состояли из «наносов глины, смешанной с золою, черепками битой посуды и морскими ракушками». В первой из насыпей было открыто сооружение, интерпретированное исследователем как кладовые для хранения зерна (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 6. Л. 30; ОИАК за 1863 г. 1864: XV). В.Ф. Гайдукевич отказался от такого понимания, справедливо усмотрев в постройке остатки первой мирмекийской винодельни (Гайдукевич 1941а: 101; 1959: 10–11). Во второй насыпи, тянувшейся к обрыву берега моря, А.Е. Люценко не обнаружил никаких строительных остатков. На материке здесь лежали лишь беспорядочно расположенные камни; всю насыпь исследователь трактовал как террасу, ведущую к холму на обрыве берега (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 1. Л. 30–31).

В.Ф. Гайдукевич по поводу этой насыпи не высказал никаких соображений (Гайдукевич 1941а: 102), тем не менее результаты раскопок А.Е. Люценко наводят на некоторые размышления. Дело в том, что сейчас весьма сложным представляется вопрос о восточном секторе фортификации Мирмекия. Все старинные планы выводят ее южный конец к небольшому мысу, за которым в море находятся живописные скалы (см.: Гайдукевич 1941а: 98–99; 1959: 5; Тункина 2002а: рис. 47), но восточная стена городища Мирмекий, открытая раскопками В.Ф. Гайдукевича, находится почти в 50 м к западу от него (Чистов 2006: 196).

Что же представляют собой линии «валов», отмеченные на всех этих планах, и как восточный «вал» соотносится с более западными городскими укреплениями, пока остается непонятным. Совсем не исключено, что этот восточный «вал» является еще одним мирмекийским зольником, во всяком случае, структура его напластований такому предположению не противоречит. Вполне возможно, что жители Мирмекия стали ссыпать здесь золу, образуясь с линией укреплений, в результате чего образовался вал, к оборонительной функции не имеющий никакого отношения. Подобные зольные насыпи, к примеру, расположены около городища Илурат, вдоль его северо-восточной и северо-западной оборонительных стен, при этом мощность их напластований достигает 5,2 м (Гайдукевич 1958а: 136–137).

Первые раскопки, которые можно связывать с площадью городища Нимфей, были проведены в 1876 г. Н.П. Кондаковым (ОИАК за 1876 г. 1879: XXIX–XXX). Исследователи Нимфея нового времени о них упоминают очень кратко

(Худяк 1962: 6; Древний город Нимфей 1999: 14–15), но в отчете о своих работах этого года под Эльтигеном Н.П. Кондаков неоднократно упоминает об акрополе. Исследователь даже раскапывал здесь какие-то валообразные насыпи, из которых происходили некоторые находки: обломки керамики, светильники «грубой глины» и окислившиеся медные монеты. Н.П. Кондаков сопоставил эти валообразные насыпи с «намеренно насыпанными укреплениями» Ольвийского и Фанагорийского городищ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1876 г. Д. 20. Л. 21–22).

После него в 1878 и 1879 гг. на Нимфее провел раскопки С.И. Веребрюсов (ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XXXIV–XXXV, XLVI–XLVII). В 1878 г. им было заложено пять раскопов, причем почти во всех были обнаружены фундаменты древних построек, а в одном (№ 4) — зерновая яма, стенки которой были обложены камнем и оштукатурены (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 16. Л. 19). Летом 1879 г. работы проводились на возвышенной части, которая, как считали исследователи, составляла древний акрополь. На глубине до 2 м открыты остатки древних построек. Под каменным завалом обнаружен колодец, стенки которого сложены из хорошо отесанных плит. Сверху колодец был закрыт каменной плитой, так что на глубину около 4,25 м он оказался совершенно пустым. В этом же году раскапывалось «пепелище», в котором найдено большое количество черепков битой посуды и пр.; материк под ним залегал на глубине не менее 4,8 м (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 6. Л. 31–32).

Исследования памятника Темиргора были начаты П.И. Хицуновым в 1869 г., при этом он обратил внимание не только на тамошние курганы,

Первая мирмекийская винодельня, открытая А. Е. Люценко в 1863 г. Рисунок Ф. И. Гросса
(РО. Р-1. Оп. 1. Д. 564. Л. 10)

но и на остатки древнего поселения, которое археолог посчитал «однородным» с пантикапейским. Он начал раскопки «пепелища» на южной покатости горы (ОИАК за 1869 г. 1870: XI), ставя перед собой четкую задачу — «открыть фундаменты древних зданий или мраморы с надписями» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 28). Важность надписей для изучения древней истории Боспора была понятна, так сказать, изначально, но значение древних фундаментов все еще расценивалось весьма туманно. Однако П. И. Хицунов не открыл там даже фундаментов, ему попадались лишь одни обломки битой посуды. Более удачливым на следующий год оказался А. Е. Люценко, обнаруживший к западу от кургана остатки «обширных укреплений», стены которых сложены из необработанных камней, а также цистерну довольно хорошей сохранности

(РО. Ф. 1. Оп. 1-1870 г. Д. 23. Л. 22 об., 31; ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XXI–XXII). В. Ф. Гайдукевич, изучивший все материалы этих раскопок, пришел к заключению, что на вершине Темир-горы находилась укрепленная сельская усадьба (villa rustica), в структуру которой входила винодельня. Усадьба существовала в первые века н. э., но возникла, вероятно, раньше, еще в эллинистическое время (Гайдукевич 1941b: 59; Кузнецова 2002: 81).

В 1878 г. на Темир-горе провел раскопки С. И. Веребрюсов, исследовавший «пепелище», расположенное с северо-восточной стороны от раскопанного прежде кургана (см. выше). Кроме того, тогда было заложено пять раскопов на южной покатости горы, в результате чего вскрыто подобное «пепелище», состоявшее из глины и пепла с включениями морских раковин. В них обнаружено

*Винодельня, открытая на Темир-горе в 1870 г. Рисунок Ф.И. Гросса
(РО. Р-1. Оп. 1. Д. 693. Л. 8)*

большое количество керамических фрагментов, в том числе с рельефным орнаментом в виде виноградной кисти (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 16. Л. 26–27; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XXXI).

Археологические работы на крупнейшем городище восточной части Скифии — Елизаветовском городище на Дону были предприняты П.И. Хицуновым в 1870 г. Он предполагал там найти древний Танаис (ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XXV). Заложенные им шурфы имели небольшую площадь (от 4,5 до 20,5 кв. м), но результаты этих работ весьма любопытны (Марченко, Житников, Копылов 2000: 16–18). Чрезвычайно показательно, что в одном из них была обнаружена часть каменного фундамента, сложенного из диких камней. Совсем не исключено, что П.И. Хицунову удалось обнаружить остатки построек боспорской

колонии, выведенной сюда после прекращения жизни на варварском городище приблизительно на рубеже IV–III вв. до н. э.; это поселение было застроено наземными домами со стенами, возведенными на каменных цоколях (Марченко, Житников, Копылов 2000: 252 и сл.).

Кратко резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что создание ИАК и первые 20 лет ее работы по изучению древностей Боспора Киммерийского не были связаны с какими-то революционными преобразованиями в этой области. По-прежнему основное внимание уделялось раскопкам курганов, обещавших находки новых произведений древнегреческого искусства. На большинстве боспорских городищ исследования проводились эпизодически, но даже в тех случаях, когда они отличались большей

продолжительностью, масштабностью и определенной последовательностью (Пантикапей, Фанагория), все равно работы археологов нацеливались на открытие «древних мраморов», т. е. древнегреческих статуй или лапидарных надписей, в лучшем случае — на поиск руин храмов или жилищ древних обитателей. До осознания значимости массового археологического материала, разработки методов датировки открываемых объектов и т. д. было еще далеко. Как правильно заметил С.И. Веребрюсов в 1881 г., на местах древнегреческих поселений «археологии еще предстоит довольно занятий в будущем» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1881 г. Д. 7. Л. 5 об.).

Надо признать, что руководство действиями керченских археологов со стороны Археологической комиссии имело безусловное позитивное значение. Столь же оправданно стремление С.Г. Строганова упорядочить систему полевой отчетности, сделать документацию о раскопках более подробной, насыщенной информацией. К сожалению, на практике получалось так, что его требованиями порой пренебрегали сами члены Комиссии, прежде всего барон В.Г. Тизенгаузен.

К концу 70-х гг. постепенно стали уходить люди, олицетворявшие собой боспорскую археологию этого периода; 9 января 1878 г. А.Е. Люценко направил письмо С.Г. Строганову, в котором просил председателя Императорской археологической комиссии об увольнении на пенсию, и его просьба была исполнена. Должность директора Керченского музея древностей А.Е. Люценко занимал 25 лет, и его научная деятельность для боспорской археологии, безусловно, составила целый пласт, насыщенный самыми выдающимися открытиями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г.

Д. 9). На его место с 1 апреля 1878 г. был назначен С.И. Веребрюсов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 30), который ранее возглавлял Феодосийский музей (Петрова 2000: 22; Лазенкова 2003: 29 и сл.; Федосеев 2017: 106). Однако А.Е. Люценко, пока еще оставались силы, продолжал заниматься любимым делом. Уже после ухода на пенсию он составил «Записку» о планах археологических работ на 1879 г., предполагая провести раскопки на Юз-Обе, на продолжении северной покатости горы Митридат до Золотого кургана, в окрестностях Еникале и Темир-горы, под Эльтигеном, на Большой и Малой Близницах, Васюринской горе, Буеровой могиле, Ахтанизовке и т. д. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 6. Л. 3, 6–8). Этот документ действительно можно рассматривать как завещание керченского археолога своим преемникам (Зуев 2007: 10). Стоит отметить при этом, что в 1880 г. А.Е. Люценко получил «Открытый лист» на право проведения раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1880 г. Д. 10).

Новый директор Керченского музея высоко ценил заслуги А.Е. Люценко (но ср.: Самоквасов 1908: 56), и в своих раскопках он стремился следовать правилам, заложенным ранее. Полевые исследования начинались еще зимой и проводились в основном на склонах горы Митридат; по мере наступления весны археологи переходили на памятники, расположенные все дальше от Керчи, затем перебирались на Таманский полуостров; осенью раскопки вновь сосредоточивались на Митридате.

В своем рапорте, направленном С.Г. Строганову 16 января 1879 г., С.И. Веребрюсов, естественно, обратил внимание на ряд первоочередных задач, стоявших перед музеем и вообще перед исследователями древностей

Боспора Киммерийского. Прежде всего, он выразил озабоченность в связи с сохранностью памятников древности и заявил о необходимости возведения нового здания музея, в котором можно было бы разместить все находки, добытые к тому времени по обеим сторонам пролива и часто хранившиеся под открытым небом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 6. Л. 1 об. — 2). Исследователь писал петербургскому начальству о важности пополнения музейной библиотеки новейшими научными изданиями, как отечественными, так и зарубежными, а также о подготовке издания каталога собрания Керченского музея (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 6. Л. 2–3). Среди археологических памятников Восточного Крыма, на которых было необходимо провести раскопки, С.И. Веребрюсов назвал кроме Пантикапея и Нимфея: Акру, Китей, Киммерик, Казеку на берегу Черного моря и Чокрак, Куль-Тепе и другие на берегу Азова. Наконец, он, как представляется, первым среди керченских археологов обратил внимание властей на необходимость приобретения палаток, поскольку продолжительность полевого сезона и случавшиеся дожди или осенние холода требовали этого с полной очевидностью. С.И. Веребрюсов просил разрешения на приобретение двух палаток для рабочих и одной для чиновников музея.

Закключение на этот рапорт было подготовлено В.Г. Тизенгаузенем, который признал, что как ни желательно соединение в одном помещении древностей, открытых на Керченском и Таманском полуостровах, но сделать это невозможно ввиду значительности денежных расходов. Приобретение необходимой музею археологической литературы следовало отнести на счет сумм, оставшихся от ассигнований

прошлого года. Тот же источник должен был быть употреблен на публикацию каталога древностей Керченского музея, но предварительно его следовало представить в Петербург.

О каталоге древностей, хранящихся в Керченском музее, вернее, о его злоключениях, следует сказать особо. Он был направлен в Археологическую комиссию 15 июля 1882 г., при этом предполагалось, что будет опубликовано 100 экземпляров книги на средства, оставшиеся неизрасходованными во время археологических раскопок предыдущего года (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 28. Л. 1). Каталог представлял собой не очень объемный том, в котором все древности были распределены по отделам (I–XII), исходя из материала их изготовления: золото, серебро, бронза, железо, глина и т. д. По существу это была обычная опись хранящихся вещей, при этом несколько одинаковых предметов (к примеру, краснофигурных сосудов или железных мечей) записывалось под одним номером. К сожалению, почти весь этот весьма многочисленный материал был депаспортизирован, и лишь в редких случаях указывалось, что та или иная находка происходит из Куль-Обы, Большой Близицы, Темир-горы и т. д. На лицевой странице каталога имеется карандашная надпись «Печатать не разрешено — В. Т.», поставленная, конечно, В.Г. Тизенгаузенем. Что же стало причиной такого решения? Комиссия посчитала, что каталог не соответствует «практической цели ознакомления обыкновенных посетителей с музеем». Надо было расписать, какой предмет где хранится: в каком шкафу, на какой полке или этажерке, при этом составителям рекомендовалось за образец взять «Древности Боспора

Киммерийского» (Там же. Л. 94). Со-кращенный вариант каталога, состав-ленный в порядке размещения вещей в музейной экспозиции, т. е. буквально «разложенными по полочкам», был по-слан в Комиссию через 6 лет, 4 марта 1888 г. На рапорте о высылке этого ва-рианта имеется пометка К. Е. Думберга о том, что он получен из ИАК 12 июня 1891 г., т. е. возвращен в Керченский музей за ненадобностью.

Даже на приобретение трех пала-ток у Комиссии не нашлось свободных средств (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 6. Л. 10). Ситуация, как видим, развива-лась таким образом, что многое из за-думанного С. И. Верebrюсовым не уда-лось воплотить в реальные дела: но-вое здание музея не было построено,

каталог собрания Керченского музея не был опубликован, раскопки на обо-значенных памятниках не были про-ведены и т. д. Да и самому директору Керченского музея древностей судь-ба отвела не слишком много времени для реализации намеченных планов, он скончался 6 марта 1884 г.

К тому времени С. Г. Строганов уже ушел в отставку с поста председателя Императорской археологической ко-миссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 13. Л. 1, 2, 55). Можно признать, что с этим событием в истории отечественной ар-хеологии закончилось время, которое олицетворяли реформы императора Александра II или, по крайней мере, на котором лежал отблеск Великих ре-форм и связанных с ними надежд.

VIII

12 марта 1882 г. Императорскую археологическую комиссию возглавил А. А. Васильчиков. Его недолгое руко-водство (1882–1886) не внесло замет-ных позитивных перемен в изучение боспорских древностей. Тем не менее новый председатель Комиссии сразу выразил свою обеспокоенность в свя-зи с планами Военно-инженерного ве-домства построить на горе Митри-дат крепостные сооружения. Из это-го ведомства его заверили, однако, что в ближайшее время никакого строи-тельства здесь начато не будет (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 7. Л. 4). Что каса-ется планов изучения древностей Бо-спора Киммерийского, то уже 26 янва-ря 1882 г. А. А. Васильчиков направил директору Керченского музея, С. И. Ве-ребрюсову, официальное письмо, в ко-тором предлагал, во-первых, подгото-вить обзор сделанных к тому времени важнейших археологических открытий

с приложением топографического пла-на, а во-вторых, разработать «мотиви-рованную программу» раскопок под Керчью, близ Феодосии и на Таманском полуострове (Там же. Л. 2). Несколько позднее А. А. Васильчиков с аналогич-ной просьбой обратился к Н. П. Кондако-ву, которому предлагалось: во-первых, сделать «общий вывод относительно местностей, в которых найдены глав-ным образом того или другого рода гробничные сооружения, древнейшие и позднейшие (склепы, катакомбы, ка-менные гробницы, черепичные и земля-ные могилы, остатки сожжения трупов и т. д.), и того или другого рода древ-ности (мраморы, терракоты, расписные сосуды, резные камни, металлические вещи и проч.)»; во-вторых, предложить «мотивированную программу дальней-ших раскопок близ Керчи, которые мо-гут обещать какие-либо открытия» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 19. Л. 1).

Н.П. Кондаков провел соответствующие разведки вокруг Керчи и 20 октября 1882 г. написал в Комиссию, что собранные наблюдения убедили его в следующем: во-первых, «в относительной бесполезности поисков с целью находок на горе Митридат и ее продолжении и необходимости, напротив, систематических или сплошных исследований по северному склону этой горы, где находятся все линии катакомб, ввиду того, что именно эти местности застраиваются с каждым годом более и более, а открытие одной катакомбы с фресками могло бы вознаградить все неудачи»; во-вторых, «в необходимости полного исследования всех больших курганов в наиболее отдаленных местностях Керчь-Еникальского градоначальства... так как именно в этих больших курганах, благодаря каменным их насыпям, добытым из ближайших каменоломов и затруднявшим не только расхищение, но и самые раскопки, могли еще сохраниться древности важного исторического и художественного значения» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 19. Л. 26 об.).

С.И. Веребрюсов в свою очередь отвечал председателю ИАК, что для подготовки топографического плана в его распоряжении нет специалистов соответствующего профиля. Директор Керченского музея был не вполне прав, поскольку в его распоряжении находилась карта Керчь-Еникальского градоначальства, составленная в 1853 г. по указанию Л.А. Перовского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 19. Л. 4, 5). Вопрос о снятии нового плана с обозначением всех керченских курганов вновь возник при А.А. Бобринском в 1889 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 19). К созданию «мотивированной программы» археологических работ С.И. Веребрюсов подошел с предельной

серьезностью и основательностью. Подготовленное им послание в Петербург было названо весьма пространно: «Общий вывод относительно местностей в пределах Керчь-Еникальского градоначальства, в которых производились археологические изыскания, и программа дальнейших раскопок в окрестностях Керчи, на Таманском полуострове и близ Феодосии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 7. Л. 18).

Этот документ для истории отечественной античной археологии настолько ценен, что его следует опубликовать полностью:

«Замечательную в высшей степени местность близ Керчи, где наиболее производились археологические раскопки, представляет гора Митридат. Самая высшая часть ее примыкает к морскому берегу на востоке, а продолжение хребта тянется к западу, соединяясь с возвышенностью под названием Долгой скалы и далее до Золотого кургана и знаменитой в летописях археологии горы Куль-Оба. Обращенная к морю сторона Митридатовой горы до городского кладбища и несколько далее к западу покрыта обширными *пепелищами*, оставшимися от поселения древней Пантикапеи. Далее, на продолжении к западу, скаты ее, как северный, так и южный, состоят из сплошных *могильных насыпей*. Кроме того, на северной покатости, против Татарской слободки, в глубине материка, под сплошными каменными пластами, находится бесчисленное множество *катакомб*, расположенных частью рядами в виде аллей, а еще более устроенных вразброс по северному скату до параллели так называемой Институтской улицы. Таким образом, вся поверхность горы Митридат с давних пор представляла обширное поле для археологических исследований.

Обширные пепелища этой горы, особенно в соседстве с городским кладбищем, до настоящего времени не могли быть окончательно исследованы, во-первых, по своей громадности, во-вторых, по ограниченности сумм музея. В последние годы инженерное ведомство Керченской крепости приняло было в свое распоряжение значительную часть верхней плоскости Митридатовой горы, от памятника Стемповского до Еврейского кладбища, в предположении производить планировку этой местности для возведения новой батареи и укреплений. Производство такой планировки могло бы, с одной стороны, привести к новым открытиям древностей, подобно тому, как было при крепостных работах на Павловской батарее, с другой — многие местности этой обширной поверхности могли быть засыпаны и сделаться недоступными для археологических изысканий. Но с тех пор минуло около трех лет, все слухи о предположенных работах прекратились. Вообще, следует сказать, разрытие пепелищ как в окрестностях Керчи, так и на Таманском полуострове представляет большой интерес, но требует значительных затрат для археологии.

Сплошные могильные насыпи, покрывающие северный и южный скаты горы Митридат, по всему ее протяжению от востока к западу до Золотого кургана, усердно разрабатывались еще с двадцатых годов, преимущественно в осеннее время, иногда зимою при хорошей погоде и с наступлением весны, т. е. в тот период, когда рабочие не могли еще отдалиться от города и своего местожительства. Бесчисленные гробничные сооружения, сокрытые в этих насыпях, разнообразных видов и устройства, относящиеся к разным эпохам и поколениям,

расследованные в течение столь продолжительного времени, доставили огромное количество предметов, составивших обширный материал для изучения древнего быта жителей и истории Пантикапеи, но вследствие столь продолжительных изысканий открытие древностей на Митридатовой горе становится с каждым годом беднее. Так, изыскания, производившиеся в текущем году ранней весной и летом, были вообще малоуспешны, не сопровождались удачными открытиями и, казалось, могли бы вызвать слишком поспешное убеждение, что если вновь добываемые вещи представляют лишь повторение давно известных предметов, если и самые предметы, имеющие какой-либо научный интерес, встречаются здесь весьма редко, то не время ли отказаться от дальнейших раскопок этих насыпей?

Несмотря на то, на обширных склонах горы Митридат еще остаются пространные или мало исследованные, или и совсем нетронутые, и нельзя решительно утверждать, чтобы при продолжении изысканий не были здесь открыты новые, в археологическом отношении любопытные предметы, и, принимая во внимание, что эта местность наиболее доступна почти во всякое время года, что здесь преимущественно находимы были мраморы и надгробные камни с надписями (открытие надписей представляет ныне особенную редкость), монеты, черепки, украшенные рисунками, архитектурные обломки и множество мелких изящной работы вещей, что в пепелищах скрыты еще памятники древностей, необходимо прийти к заключению, что археологические изыскания на почве древней Пантикапеи следует продолжать с неменьшею энергиею,

как они производились до сих пор, придав им более системы и не только включая результаты открытий в журналы работ, но и отмечая на топографическом плане постепенную этих работ последовательность.

Значительное число земляных катакомб, устроенных в глинистом грунте под скалистыми пластами северных скатов горы Митридат от городского кладбища до Золотого кургана и открытых в разное время, привело к убеждению, что едва ли не все они давно уже посещены прежними искателями золота. Вазы с акварельными рисунками преимущественно в них были находимы. К сожалению, оригинальные рисунки эти мгновенно бледнеют и почти исчезают, как только вазы выносятся на воздух. Составляя подражание формам эллинских vaz, сосуды эти, судя по цвету и качеству глины, готовились, по-видимому, на месте, а украшающие их акварели не имеют почти никакого сходства с живописью античных vaz, а потому заслуживают особенного сохранения и изучения вместе с фресковою живописью для исторических выводов о племенах, вошедших в состав населения Пантикапеи. Катакомбы, украшенные фресковою живописью на стенах, имеют также большой исторический интерес, но их открытие всегда считалось чрезвычайною редкостью.

Земляные катакомбы рассеяны также в большом количестве по полям, прилегающим — на севере к Глинищу, на западе — к равнине вдоль ручья Мелек-Чесме. Весною после таяния снегов от проникающей в них воды их своды обрушаются, и тогда катакомбы обыкновенно расследуются: находки здесь достойны внимания вещей слушаются очень редко.

От мыса Ак-Бурун и Керченской крепости в направлении к западу расположена по хребту длинная цепь курганов, от которых и самый хребет получил у татар название Юз-Оба, “Сто могил”. Курганы эти, признаваемые археологами гробницами архонтов древнейшей Пантикапеи, были основательно расследованы преимущественно между 1859–62 годами. Но из 15-ти больших курганов только в шести оказались в центрах уцелевшие каменные склепы с галереями, египетской конструкции, построенные из правильно отесанных массивных камней, добытых на месте самой постройки; в остальных гробницы расхищены в давнее время. Так называемые курганы Острый и Песчаный, несмотря на тщательное расследование, остались неразгаданными: в них не оказалось каменных построек. При всем том открытия, сделанные в нескольких центральных гробницах, доставили много замечательных предметов древности, обогативших Эрмитаж. Но в нерасследованных еще полах этих курганов, по всей вероятности, остаются еще боковые гробницы, которые обещают новые находки, чему убедительным примером служит открытие в текущем году каменного склепа в разбитом по-видимому кургане за селением Баксы. Опытom дознано, что иногда боковые гробницы в полах курганов оказываются важнее центральных.

Сверх того, с южной стороны горы Юз-Оба, вблизи древних каменоломен находится несколько могильных насыпей, имеющих продолговатые основания и плоские вершины. Прежде принимали их за возвышения, образовавшиеся от накопления щебня при разработке каменоломен, но потом дознано, что некоторые из них заключают

в себе гробницы, вырубленные в мягких слоях скалы, и потому в 1863 году подробному расследованию подвергнуты были такие насыпи в 12-ти местах по скатам горы, но результаты этих раскопок оказались маловажны. Впрочем, этими 12-ю местами не ограничиваются гробничные насыпи на южном склоне хребта Юз-Оба, они залегают и далее в направлении к востоку, к крепостным укреплениям.

Курганные возвышения на горе Митридат, а также внутри города и на ближайших его окраинах по течению реки Мелек-Чесме, у здания арестантского отделения, вдоль шоссеиной дороги к карантину и за обширным предместьем города — Глинищем — представляются ныне или совершенно разрушенными, или разрытыми до такой степени, что дальнейшее расследование их не обещает успеха, при том большую частью эти курганы поступили в собственность городских обывателей, окружены постройками, садами и огорожей, а потому недоступны для свободных раскопок, сами же владельцы таких местностей не занимаются раскопками с целью добывания древностей, а в случае обнаружения признаков древних гробниц охотнее сообщают о том Музею в надежде получить вознаграждение. Притом местное Городское Управление при отводе земли в частное владение подтверждает в данных записях особое, изданное для Керчи постановление, на основании которого все владельцы обязаны немедленно заявить начальству города или директору Музея о всех случайных находках и открытиях на их участке.

Кроме сплошных могильных насыпей Митридатовой горы обширные древние народные кладбища находятся и в других местах керченских

окрестностей. Таковы насыпи, покрывающие обширную часть города — Глинище, или расположенные вблизи городских приселков — Катерлес, Булганак, Джарджава, близ Нового карантина, в окрестностях Еникале. В большей части этих насыпей в разное время производились разыскания и разведки, но, говоря сравнительно, более успешными оказались расследования по обеим сторонам шоссеиной дороги, идущей к карантину, и близ казармы арестантского отделения. Но и эти места следует ныне признать значительно истощенными и производить на них новые раскопки можно только разве на удачу или, по местному выражению, “на счастье”. Менее всего подвергались разысканиям насыпи в окрестностях Еникале и селения Баксы по отдаленности этих мест (12 верст от Керчи), а также у селений Катерлес и Джарджава. В настоящее время необходимо прийти к убеждению, что классическая почва окрестностей Керчи после непрерывных поисков в течение нескольких десятков лет значительно истощилась, и если в последние годы изыскания оказывались большею частью малоуспешными, то главною причиною тому следует признать недостаток нетронутых еще могильных насыпей вообще, хотя и нельзя отрицать, что и в тех, которые уже известны, по временам попадают вещи, заслуживающие полного внимания археологов.

Немаловажное препятствие к свободному во всякое время выбору в окрестностях Керчи мест для производства расследований явилось в последние годы распоряжение городского управления, по которому вся пригородная земля градоначальства распределена на мелкие участки в пользование жителей.

Но взамен того, тотчас же за пределами градоначальства на землях частных владельцев по берегам Черного и Азовского морей, даже в глубине Керченского полуострова, встречаются многочисленные курганные насыпи и пепелища на местах древних греческих поселений, валы, развалины урочищ. Эти места ждут еще своих исследователей. Большая часть курганов на землях частных владельцев или никем не копаны, или разрыты весьма поверхностно. До сих пор только немногие местности подвергались правильному расследованию, в смысле археологическом. Таковы были изыскания в окрестностях селения Эльтиген, в 16 верстах от Керчи, производившиеся с 1876 по 1881 годы в течение пяти лет от Керченского музея, изыскания, записанные в журнале работ, следовательно, составившие материал для археологии края. Такого же рода, хотя и безуспешны, были раскопки близ азовского берега при деревне Копрома и на кургане Кара-Оба у селения Тюркмен, недалеко от Керчи.

Главное препятствие к свободному расследованию подобных мест вне градоначальства состоит в том, что частные владельцы требуют иногда несоизмеренно высокой платы за предоставление права производить на их земле раскопки, успех которых быть может еще сомнителен. Впрочем, некоторые землевладельцы (г. Абазали — дер. Тюркмен, г. Айваз-оглу — дер. Кармыш-келечи, верстах в 45 от Керчи по Феодосийской дороге, весьма интересная местность) изъявляют готовность предоставить это право и на том лишь основании, если за вещи, открываемые на их земле, вознаграждение будет им определяемо по усмотрению самой Археологической комиссии.

Из числа местностей, замечательных в археологическом отношении, можно назвать, например, земли разных владельцев на продолжении береговой полосы Черного моря к югу от Керчи: за селением Эльтиген, где еще уцелели курганные возвышения (владельцы — гг. Гурьевы, барон Рот, наслед. Митрова, Симонов), далее у мыса Такиль (г. Антонович), где видны следы греческого поселения Акра, затем на восточном и западном склонах горы Опук, куда приурочивают древние города Киммерион и Китею; далее на юго-западе близ кордона и мыса Таш-Качик заметны следы греческой колонии Казека, лежавшей (судя по остаткам фундаментов на краях берега, обрушенного прибоем волн, по вырубленным в скалистых пластах гробницам) в углублении залива насупротив города Феодосии, расположенной у южной его окраины.

Основанная, как известно, переселенцами Милета за 600 лет до Р. Х. и впоследствии завоеванная босфорским царем Левконом I, Феодосия пользовалась большим значением между босфорскими городами в продолжение правления династии Спартокидов. Почва этого города скрывает в себе памятники своей древней истории. Раскопки князя Сибирского в 1852 году обнаружили замечательные находки с признаками изящного аттического стиля; г-ном Айвазовским по поручению графа Л. А. Перовского в 1853 году найдены в одном кургане превосходные золотые вещи. Затем следовали раскопки директора Керченского музея А. Е. Люценко в конце 1856 года. Вследствие распоряжений графа Льва Алексеевича, г. директор в ноябре 1854 года, в обратный проезд свой в Керчь, осматривал курганы,

расположенные на гребне гор, окружающих город Феодосию и его бухту в виде амфитеатра от часовни св. Илии до Лысой горы, и несколько второстепенных курганов и насыпей, занимающих отдаленные пункты на скатах, и определил число самых замечательных до 50, большею частью поверхностно раскопанных, особенно состоящих из каменистых насыпей. Самые же работы были им предприняты только по окончании Крымской войны, в конце 1856 года, и производились лишь один месяц, с 8 октября по 9 ноября, при обстоятельствах неблагоприятных, к числу которых следует отнести недостаток рабочего инструмента и опытных землекопов, которых пришлось заменить гарнизонными солдатами, не говоря уже о бурной и ненастной погоде столь позднего времени.

При всем том было расследовано до 17 курганов или, лучше сказать, насыпей, имевших вышины лишь от одного до трех аршин (около 2,10 м. — *Авт.*). Результат этих раскопок был весьма ограниченный (золотая застежка, такой же перстень, поврежденные огнем, бронзовая урна, электрова застезка, серебряное кольцо, черепки ваз). Более основательные расследования предположено было возобновить в другое время. С тех пор, однако, раскопки в окрестностях Феодосии не возобновлялись, если не придавать какого-либо значения случайным нападениям разных искателей кладов (турок, греков местных и анатолийских), которым, к сожалению, городская управа разрешает, бывало, делать поиски. Тем настоятельнее задача — заняться основательным расследованием древних насыпей и курганов, рассеянных по нагорным возвышенностям вокруг Феодосии, что с этим находится в связи

разрешение некоторых археологических вопросов (место древней колонии, *παλαίος λιμήν* и пр.) и вероятность новых открытий.

Обширное поле для исследований археологических представляет Таманский полуостров, эта важнейшая часть Босфорского царства, где в отдаленной древности возникли значительные греческие города. Раскопки здесь начались еще в конце прошедшего столетия и, продолжаясь до настоящего времени, еще не истощили богатой почвы этой страны, замечательной в отношении к ее истории, географии и геологии.

Но что особенно важно: все производившиеся там расследования до сих пор не привели к положительным заключениям относительно распределения древних урочищ и городов, имена которых упоминаются у древних писателей. Одно это последнее обстоятельство, эта неразрешенная задача, не говоря о многих открытиях, о замечательных находках, повторяющихся из года в год, представляет достаточное основание, чтобы археологические исследования на Таманском полуострове продолжались с неослабною ревностью и не оставляли бы ни одного выдающегося памятника в неизвестности, включая не только находимые вещи, но и курганы, насыпи, валы и другие сооружения, оставшиеся от древности и требующие подробного описания.

В 1873 году составлена была опись городищ, батарей, курганов и сплошных насыпей, рассеянных на полуострове и подлежащих расследованию, вместе с теми более замечательными урочищами и курганы сняты на план. Ведомость урочищ представлена в Императорскую археологическую комиссию при

донесении директора музея от 5 декабря 1873 года за № 35.

Приняв в основание изложенное выше краткое обозрение современного состояния древних пепелищ, курганов и насыпей на обоих берегах Керченского пролива и на продолжении берега Черного моря до Феодосии, сохраняя притом за Керчью преимущества образовавшегося здесь центра археологических изысканий на юге России, можно предположить следующую программу дальнейших раскопок в окрестностях Керчи, на Таманском полуострове и близ Феодосии.

А. В окрестностях Керчи:

1. Расследование пепелищ на поверхности горы Митридат от вершины ее на востоке и далее к западу, особенно в соседстве с городским кладбищем, для чего потребуются, однако, более значительные средства, нежели те, какими обыкновенно располагает музей.

2. В остающихся нерасследованными могильных насыпях, покрывающих северную и южную покатости той же горы, на продолжении оной к западу от городского кладбища, причем пройденные пространства и краткое указание результатов работ следовало бы означать на топографическом плане, намечая постепенно на том же плане результаты раскопок прежнего времени по сохранившимся в журналах описаниям.

3. Расследование катакомб на северной покатости горы Митридат с целью открытия фресок.

4. В боковых нерасследованных полах курганов, расположенных цепью на хребте Юз-Оба от Керченской крепости к западу до границы, отделяющей городскую землю от дачи Багера.

5. В сплошных могильных насыпях, расположенных поблизости селений Катерлес, Джарджава, Баксы.

6. В курганах и насыпях в окрестности Ени-кале и близ Маяка (древний Парфенион или Порфмион).

7. Вступая в соглашение с владельцами тех мест вне градоначальства, которые подадут надежду на успех археологических изысканий, постепенно проследовать (исследовать. — *Авт.*) все замечательные древние урочища в Крыму.

Б. На Таманском полуострове:

1. Расследование центральной части, а также боковых — северной и северо-восточной — значительного кургана Большая Близница, лежащего на горном хребте в 10 верстах от станции Сенной и в 5-ти от станции Стеблеевки. Замечательные открытия, сделанные в 1864–1866 годах в юго-западной и южной полах этого громадного кургана, сопровождалась превосходными золотыми и другими находками. Тогда же для более успешного хода расследований верхняя часть этого кургана была снята почти до половины его высоты и свезена по сторонам, но затем раскопки были прекращены. Ныне этот курган имеет вид усеченного конуса высотой до 3-х и не более 3,5 сажен (от 6,40 до 7,40 м. — *Авт.*) от материка, а потому доследование его в центре и остальных полах значительно облегчено.

2. Расследование соседнего с предыдущим кургана Малой Близницы в текущем году привело к открытию центральной жженой гробницы, в полах произведены основательные разведки. Но по внимательном обсуждении результата всех раскопок прежних и текущего года, следовало бы произвести еще одну разведку с южной стороны кургана в направлении к разоренной каменной гробнице близ центра, следы которой открыты были еще в 1866 году.

3. В боковых частях курганов, расположенных от Близиц к западу, на продолжении хребта, разделенного глубокими долами, по возвышенностям, носящим названия Васюриной горы, Маркитантской, Карabetовой и др.

4. В городищах, в так называемых батарейках и курганах, находящихся при разных урочищах между Таманью, Цукурским лиманом и Бугазом под разными названиями: хутора — Фрия, Капустина (городище и земляной вал), Паливоды и др. Для основательного определения этих мест необходим предварительный, подробный их осмотр.

5. В боковых частях курганов вокруг станции Сенной и по берегу Таманского залива.

6. В курганах, рассеянных в окрестности станций Старо-Титоровской, Стеблеевской и Ахтанизовской.

7. В селении Фонтан и его окрестностях.

В. В окрестностях Феодосии:

1. В пепелищах, расположенных к югу от верхней дороги в Карантин.

2. В курганах и насыпях на гребне гор, окружающих город и бухту

от восточной старой стены Карантина до рыбного завода, до часовни св. Илии и далее по хребту до Лысой горы.

3. В других местностях по ближайшем осмотре» (Там же. Л. 18–23).

Как нетрудно заметить, краткая записка, подготовленная Н.П. Кондаковым, и пространный документ, составленный С.И. Веребрюсовым, в чем-то согласуются друг с другом, а в чем-то серьезно расходятся. Прежде всего, внимание Н.П. Кондакова было сосредоточено исключительно на курганах, расположенных в отдаленных от Керчи местностях, а также на поисках расписных катакомб. С.И. Веребрюсов тоже считал их изучение чрезвычайно важным, но он к тому же признавал значение таких археологических памятников, как древние поселения, батарейки и урочища, а также валы Керченского и Таманского полуостровов. Как бывший директор Феодосийского музея он дал довольно основательное описание археологических памятников окрестностей Феодосии, чего до него никто не делал, и предложил программу их изучения.

IX

Для того чтобы понять, насколько эти предложения нашли свое воплощение в деятельности ИАК, стоит обратиться к конкретным фактам, связанным с изучением памятников Боспора Киммерийского в 1882–1886 гг. С.И. Веребрюсов, как частично говорилось выше, продолжал раскопки курганов, следуя правилам А.Е. Люценко. Он начал их ранней весной на сплошных могильных насыпях склонов горы Митридат, затем переносил на более отдаленные от Керчи территории, на Таманский полуостров и, наконец, поздней осенью

возвращался, так сказать, к исходной точке. О сколько-нибудь серьезных попытках реализации предложенной им программы археологического изучения памятников Боспора говорить вряд ли возможно. Как уже было сказано, исследователь скончался в ночь с 6 на 7 марта 1884 г., и на его место был назначен Ф.И. Гросс (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 11), занимавший эту должность до 1889 г. (о нем см.: Лазенкова 2003: 33 и сл.; Виногорадов 2015; 2017с: 22–33; Федосеев 2017: 108–109). С его деятельностью связано некоторое усиление интереса

к изучению боспорских городищ и грунтовых некрополей, в чем, возможно, следует видеть влияние С.И. Веребрюсова, но в плане раскопок курганов он придерживался устоявшейся, вполне оправдавшей себя системы.

Н.П. Кондаков, согласно сформулированной им задаче, активнейшим образом принялся за исследование и доисследование больших боспорских курганов. Он безрезультатно копал Песчаный курган у селения Капканы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 23. Л. 7), затем Острый курган на хребте Юз-Оба и не нашел здесь даже признаков гробницы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 23. Л. 8–9). Более успешными были его работы на Змеином кургане в западной части Юз-Обы, который в свое время раскапывал А.Б. Ашик (Ашик 1848: 40; см. также: ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XXXI–XXXII, LXXXIII; ОИАК за 1889 г. 1892: 11 и сл.; см. также: Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 93–97). В основании насыпи Н.П. Кондаков обнаружил «два скелета, лежавшие поперек один другого, по-видимому, двух рабов», рядом с которыми были найдены чашечка из грубой глины и обломки железного ножа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 23. Л. 8–9). От этого места по материке фиксировался сплошной слой амфорных черепков, затем костер от тризны с большим количеством бычьих и рыбьих костей. В особо вырытых ямках были обнаружены аттические чернолаковые и краснофигурные сосуды, а отдельно от них, между поставленными на ребро камнями, стояли краснофигурная ойнохоя и лекиф с рельефным орнаментом, изображающим сцену охоты. В отношении ее Н.П. Кондаков заметил, что эта орнаментация «является настолько близкой по теме и самой композиции к знаменитой вазе

Ксенофанта Афинянина эрмитажного собрания, как повторение или заимствование». Надо признать, что исследователь не ошибся, и расчистка этого лекифа обнаружила здесь подпись мастера Ксенофанта (Передольская 1945: 54; см.: Виноградов 2007b: 8). Раскопки 1885 г. не дали никаких результатов, и Н.П. Кондаков посчитал исследование Змеиного кургана законченным (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 23. Л. 8).

Наиболее яркое открытие в Восточном Крыму было сделано Н.П. Кондаковым при раскопках кургана около села Баксы (совр. Глазовка) в 1882 и 1883 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 19. Л. 15, 16, 18, 19–23; РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 23. Л. 6 об.; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: IV–VIII, XXX–XXXI). Насыпь этого кургана была сооружена из камня и с северной стороны укреплена шестью последовательно построенными стенами, так что склеп здесь находился почти как в «матрешке». Высота насыпи составляла почти 11 м, окружность основания — 190 м. Большая гробница (4,3×3,6 м, высота — 5,3 м) имела уступчатое перекрытие; в ней находился упавший деревянный саркофаг с резными украшениями, янтарными и костяными вставками. Любопытно, что внутри него костей остова не сохранилось, но были обнаружены: железный меч в ножнах с золотой обкладкой, бронзовый стригиль и два деревянных «посоха», один из которых украшен головой лошади. В склепе находились также захоронения трех коней с довольно простой уздой. Вообще, погребальный инвентарь не отличается особенной роскошью, из золотых вещей (помимо украшений меча) здесь найдено всего несколько бляшек. Тем не менее в насыпи кургана были обнаружены обломки большого краснофигурного кратера, а в самом склепе — прекрасная

краснофигурная пелика. Отсутствие единого стиля в украшениях и других предметах сопровождающего инвентаря, найденных в склепе, а также потревоженность праха погребенного (суставы пальцев обнаружены в дромосе) дали автору раскопок возможность считать, что в склепе были совершены два одновременных захоронения (см. также: ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: VII; Rostowzew 1931: 348–349; Gajdukevič 1971: 277; Виноградов 2005а: 249–250, 268). К более раннему, как считается, относятся краснофигурная пелика, которая датируется концом V в. до н. э. (Горбунова, Передольская 1961: 107, рис. 52; Передольская 1971: 54), а также обнаруженный в насыпи разбитый краснофигурный кратер, относящийся к концу V в. до н. э. или чуть более позднему времени (Shefton 1982: 149; Braund 2009).

По мнению Н.П. Кондакова, второе погребение было совершено на четыре или пять столетий позднее (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 19. Л. 15), что представляется крайне маловероятным. Внимательное рассмотрение материалов раскопок позволяет усомниться в обоснованности точки зрения о двух захоронениях в кургане Баксы (ср.: Ростовцев 1925: 395). Разностильность вещей вообще является характерной чертой, в особенности для греко-варварских погребальных комплексов, по этой причине можно предположить, что в кургане у села Баксы был погребен кто-нибудь из самых высокопоставленных лиц Боспорского государства первой половины IV в. до н. э. (Там же). Курганы этого времени не очень богаты драгоценными предметами, во всяком случае, по этому показателю они значительно скромней комплексов второй половины столетия. К тому же склеп подвергался ремонту (разобран дромос, специальной кладкой

обложена западная стена), во время которого часть самых дорогих вещей из него могли просто вынести. На мой взгляд, есть возможность предполагать, что в склепе Баксинского кургана был погребен Сатир I (умер в 389/88 г. до н. э.). При таком понимании, учитывая явные варварские черты погребального обряда, придется считать, что вопрос о варварском (фракийском) происхождении Спартокидов вполне доказан (Виноградов 2014b: 521; 2014c: 529–532; 2017b: 230–231; 2017c: 151–153), но такое ответственное заключение, конечно, нуждается в дополнительной аргументации.

Важным начинанием в деле изучения боспорских древностей стали работы Ф.И. Гросса на некрополе Мирмекия. В 1885 г. он провел раскопки на обширном грунтовом могильнике, лежащем в полуверсте к северо-востоку от городища, около дороги на Еникале, а также на двух расположенных там курганах (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: IX–X). В общей сложности здесь было выявлено 36 гробниц, которые, по выражению исследователя, заключали останки людей «бедного класса». Тем не менее некоторые из обнаруженных там вещей относятся, по выражению автора, «ко времени процветания греческого искусства». Наиболее интересным погребальным комплексом, открытым в этом году в окрестностях Мирмекия, стала каменная гробница «македонского» типа, которую можно датировать в пределах III–II вв. до н. э. (Виноградов 2014d; 2017b: 268; 2017c: 193–194). В общем, исследование под Мирмекием представлялись Ф.И. Гроссу вполне перспективными, по этому поводу он специально отметил: «Гробницы же богатых лиц, как следует полагать, находились тут в курганах, которые, однако же, все разрыты, но, несмотря на это, в них могут быть

еще уцелевшие гробницы» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 10. Л. 9).

Что касается раскопок на Таманском полуострове, то в 1883 г., как уже было сказано, С.И. Верebrьусов провел исследования Большой Близницы и открыл здесь неразграбленную гробницу №5 (ОИАК за 1882–1888 гг.: XXXVIII–XXXIX; Власова 2010: 227–229). В 1884 г., после его смерти, эти раскопки были продолжены новым директором Керченского музея Ф.И. Гроссом в единственной оставшейся нерасследованной северо-западной части насыпи, но никаких погребений здесь обнаружить не удалось (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 47. Л. 9 об., 25 об.). Раскопки 1885 г. тоже не привели к открытиям новых погребальных памятников, что позволило исследователю сделать заключение, что Большая Близница уже полностью изучена (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 10. Л. 7 и сл.).

В 1883 г. в азиатской части Боспора продолжил исследования В.Г. Тизенгаузен. Тогда он закончил изучение курганов под Анапой, а также провел раскопки около станиц Гостогаевской и Николаевской (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 22). Что касается курганов на землях станицы Николаевской, то в расположенной здесь курганной группе были раскопаны три самых больших кургана, вошедшие в науку под названием Тарасовских. В каждом из них был открыт прекрасно сложенный каменный склеп, но все они были «дочиста ограблены» (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XXIX–XXX). М.И. Ростовцев по этому поводу, правда, с горечью заметил, что сомнительно, чтобы «ни в одном из трех сооружений не сохранилось ни одного черепка» (Ростовцев 1914а: 109). Несмотря на сложность датировки, можно признать, что Тарасовские курганы

дают ценнейший образец развития традиции боспорских уступчатых склепов в условиях III–II вв. до н.э. (Виноградов 2017b: 248–249; 2017с: 198–199).

Более успешными оказались раскопки около станицы Благовещенской, где был исследован курган, в котором открыт склеп с полуцилиндрическим сводом, который можно отнести к «македонскому» типу. В нем находилось довольно богатое захоронение женщины; среди хорошо датированных находок — золотая монета царя Лисимаха (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XIX–XXII). М.И. Ростовцев относил этот комплекс ко времени не ранее первой половины III в. до н. э. (Ростовцев 1914а: 111), с чем следует в полной мере согласиться (Виноградов 2017b: 248; 2017с: 192–193).

Большой научный интерес представляет также исследованный В.Г. Тизенгаузеном курган Султан-Гора под Гостогаевской, достигавший в высоту 10 м при окружности основания около 213 м. Здесь был открыт каменный склеп, состоящий из двух погребальных камер с уступчатым перекрытием, а также еще одной камеры с плитовым перекрытием, в которой, вероятно всего, находились захоронения коней (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 22. Л. 8–9; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XXVII–XXIX; см. также: Виноградов 2017с: 199–200). М.И. Ростовцев полагал, что сохранившееся описание не позволяет судить об этом склепе сколь-либо серьезно (Ростовцев 1914а: 111). Тем не менее высказано предположение, что курган относится к IV–III вв. до н. э. (Савостина 1986: 97, №26); поздняя дата, на мой взгляд, предпочтительней (Виноградов 2017с: 200). В общем, этот памятник дает важную дополнительную информацию о культуре местной

племенной знати в составе Боспорско-го государства.

Раскопки В.И. Тизенгаузена были закончены под Анапой в местности, носившей название «Под акациями». Здесь он провел исследования в полах некоторых из курганов, после чего переправился в Керчь и 26 октября 1883 г. сдал весь свой археологический инвентарь в Музей древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 22. Л. 11). После этого никаких раскопок на берегах Керченского пролива ученый больше не проводил.

С.И. Веребрюсов считал необходимым исследование курганов, расположенных на Таманском полуострове около станиц Титоровской и Стеблеевской (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 3. Л. 55), и, как говорилось выше, эти раскопки в небольших объемах здесь были проведены. Ф.И. Гросс продолжил исследования на обозначенной территории (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 47. Л. 26–27). Он также провел раскопки курганов, лежащих на возвышенности в четырех верстах к востоку от Тамани, а кроме того — по дороге на Тузлу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 10. Л. 7–8, 31–33). Его общий вывод по этому поводу сводится к тому, что «курганы, находящиеся на востоке от станицы (Тамань. — *Авт.*) по направлению к Цукурскому лиману и Бугазу, большею частью скифские, эллинские же на западе от Тамани, из них многие еще не раскопаны». Стоит отметить, что «скифскими» Ф.И. Гросс, скорее всего, считал курганы, относящиеся к эпохе бронзы. Выше уже говорилось, что основанием для такой атрибуции послужила их бедность, наличие в могилах лишь грубой керамической посуды, подстилок из морской травы и пр.

Среди курганов, раскопанных Ф.И. Гроссом на Тузле, следует

выделить один, который содержал довольно богатую впускную гробницу, относящуюся к III–II вв. до н.э. (Кашаев 2013: 395–398; Виноградов 2016b; 2017b: 249–250; 2017c: 206–208). Она существенно расширяет наши знания о культуре знати азиатского Боспора в это время.

В 1885 г. раскопки под Старотиторовской были проведены Н.П. Кондаковым, работы которого сосредоточились в трех пунктах: холмистой возвышенности, идущей вдоль Ахтанизовского лимана; на таком же хребте, идущем от Цукурского лимана к горе Нефтяной; в долине между этими возвышенностями, к западу от Титоровки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 23. Л. 6; ОИАК за 1882–1888 гг.: LXXXI–LXXXII). Сам автор признал эти работы крайне неудачными, поскольку в первой группе курганы уже были разрыты, как он посчитал, в 40-х гг. XIX в., а во второй были обнаружены костяки, окрашенные красной краской, не представлявшие для него никакого интереса. После этого Н.П. Кондаков перешел на Буерову могилу, раскопанную в свое время И.Е. Забелиным (см. выше), где предполагал обнаружить захоронения в полах этого огромного кургана. Смелые надежды исследователя, однако, оказались напрасными (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 23. Л. 7 об.; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: LXXXII).

После смерти С.И. Веребрюсова (1884 г.) директором Керченского музея, как уже было сказано, стал его заместитель Ф.И. Гросс (о нем см.: Лазенкова 2003: 33 и сл.; Виноградов 2015; 2017b: 22–33). Он вскоре направил в Санкт-Петербург краткую, но весьма любопытную для истории боспорской археологии записку. Ф.И. Гросс назвал ее «Программа

раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове в 1885 году». Приведем этот документ полностью: «Желая при производстве археологических разысканий открыть также памятники палеографические, пластического и строительного искусств, дополняющих историю Босфорского царства, я намерен, независимо от раскопок курганов и сплошных могильных мест, произвести также раскопки в пепелищах на горе Митридат, в которых уже много было открыто замечательных памятников древности. И мною также в 1876 году была открыта плита с замечательно эллинскою надписью, повествующей о босфорском царе Перисаде III, о котором до открытия этой плиты в истории Босфора еще не было известно (имеется в виду посвящение Афродите Урании за архонта и царя Перисада, царицу Камасарию и за Аргота (КБН 75). Перисад III правил приблизительно в 180–170 гг. до н. э. (Vinogradov 1993: 223). — *Авт.*), то по всему этому можно предположить, что в этих еще очень мало расследованных пепелищах все еще кроются интересные памятники для науки. Затем, кроме упомянутых пепелищ, находятся еще во многих местах в окрестностях Керчи пепелища еще очень мало расследованные, и большинство оных еще совершенно не тронуты разысканиями. Вот перечень оных:

1. Пепелище древнего Мирмекиона находится за Керченским карантинном у берега моря, в котором мною давно замечена древняя кладка, занесенная морским песком и подходящая под пепелище, вышиною более двух сажений (более 4, 27 м. — *Авт.*). В остатках этой каменной кладки могут быть заложены (как это неоднократно встречалось)

плиты с надписями или другие фрагменты, употребленные в числе прочего строевого камня.

2. В двух верстах далее к востоку по направлению к Ени-кале, на скалистом мысу Змеиного Городка, где в настоящее время находится кордон береговой стражи, также находится пепелище еще совершенно нетронутое.

3. Далее у самого Ени-кале и находящегося вблизи татарского аула Ян-Кой находятся тоже древние пепелища, в которых часто татары того аула находят монеты.

4. Пепелище древнего Ахиллеона у Еникальского маяка, при селении Маяки.

5. Пепелище на Темир-горе.

6. Пепелище вокруг скалистого холма к западу, за селением Катерлес.

7. Пепелище на гребне горы при Золотом кургане.

Раскопки в сплошных могильных насыпях, равно и в пепелищах, я намерен произвести весною и осенью. На летний же сезон я намерен отправиться с артелями в Тамань для расследования там курганов, находящихся в отдаленных от Тамани окрестностях, по направлению к мысу Панагия и Бугазу, где разыскателями еще раскопки не производились» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 10. Л. 3–4).

Простим Ф.И. Гросса, разместившего Ахиллий на европейской стороне Боспора, рядом с Маяком, хотя Страбон располагал его на азиатской, напротив Мирмекия и Парфения (Страбон 1964: 494 (XI.2.6)). Автор видел немало остатков древних поселений, которые представлялись ему достойными для проведения археологических раскопок. Другое дело, что цель этих раскопок он видел, в основном, в добычании каменных плит с надписями.

Х

При А.А. Васильчикове продолжалось изучение Боспорских городищ. В декабре 1882 г. керченский мещанин Савелий Борзых на горе Митридат за городским кладбищем случайно нашел обломок верхней части женской мраморной статуи (высотой 0,9 м), голова которой была украшена венком. Несмотря на сильные морозы, раскопки на этом участке начались немедленно, в результате чего была вскрыта площадь почти 110 кв. м, в центре которой открыт каменный фундамент какой-то постройки. Рядом с фундаментом обнаружены куски мрамора, каменные плиты с архитектурным декором и пр. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 7. Л. 24; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XXXIII–XXXIV). Сразу было высказано предположение, что здесь находился древний храм, и, по рекомендации председателя Археологической комиссии, исследования на участке были продолжены весной 1883 г. Раскоп был расширен до 400 кв. саженей (1820 кв. м!), слой вскрыт на глубину до 1,40 м. В результате этих работ открыты остатки фундаментов, по поводу которых С.И. Веребрюсов писал, что они «по плохой конструкции при незначительном протяжении не могли принадлежать каким-либо солидным постройкам, а разнообразие в их направлении показывает, что здесь в течение времени одни постройки возводились на месте других, более отдаленного времени, так что следы древнейших сооружений постепенно сглаживались». Однако находки архитектурных деталей и обломков мрамора, по мнению исследователя, «могли быть отнесены ко времени существования здесь Страбоновой Пантикапеи» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 3. Л. 14 об.). Раскопки «пепелищ» Пантикапея были

продолжены Ф.И. Гроссом в 1885 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 10. Л. 29, 35; Блаватский 1951: 22).

Новую попытку заняться изучением Мирмекия сделал Ф.И. Гросс в 1885 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 10. Л. 9, 31; см.: ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: LXXXVIII и сл.; Гайдукевич 1941а: 102–103; 1959: 11 и сл.). Он провел раскопки в прибрежной юго-восточной части городища и обнаружил каменную стену шириной более метра, которая была признана «набережной». Это открытие могло бы иметь очень большое значение для изучения характера застройки Мирмекия, но никаких оснований для датировки стены у нас, к сожалению, нет. В связи с этим следует признать, что раскопки А.Е. Люценко и Ф.И. Гросса, проведенные на городище, для понимания культуры боспорского города, основных этапов его истории и т. д. не дали практически ничего.

Выше говорилось, что при изучении курганов азиатского Боспора археологи время от времени обращали внимание на поселения, расположенные сравнительно далеко от руин крупных древнегреческих городов, к примеру, на берегу Соленого озера или около Титоровки. Эта практика была продолжена, и в 1885 г. Ф.И. Гросс, раскапывавший курганы на возвышенности в 4-х верстах к востоку от Тамани, провел исследование на лежащем рядом с ними древнем поселении. Там был заложен раскоп площадью более 36 кв. м, но среди сделанных находок отмечены всего две амфорные ручки с клеймами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 10. Л. 31).

Таким образом, деятельность Археологической комиссии при А.А. Васильчикове с формальной стороны развивалась в старых традициях.

Приоритет в изучении классических древностей по-прежнему отдавался боспорским курганам, хотя яркие открытия здесь становились все реже, но тем не менее они были (Баксы, Анапский курган). В начале 1883 г. в Санкт-Петербурге состоялась выставка археологических открытий за последние два года, 12 февраля ее посетил император Александр III. Было признано, что на этой выставке особенно выделяется «собрание превосходных произведений классического искусства, добытых при раскопках древних пепелищ и курганов в окрестностях Анапы, Керчи и на Таманском полуострове» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 8. Л. 1). В связи с таким успехом некоторые сотрудники Археологической комиссии получили награды: С.И. Веребрюсов — орден св. Анны 2-й степени, Ф.И. Гросс — орден св. Станислава 2-й степени, И.А. Суслов — орден св. Владимира 4-й степени, В.Г. Тизенгаузен — годовой оклад в размере 800 руб. (Там же. Л. 10).

Отмечая важность некоторых археологических открытий этого периода и заслуженность полученных археологами наград, приходится признать и то, что, несмотря на стремление С.И. Веребрюсова и Ф.И. Гросса более активно включиться в изучение городищ и селищ Боспора, в плане практическом в этом направлении почти все осталось на прежних позициях. Правда, особенно огорчаться не приходится, поскольку методика исследований поселенческих памятников тогда была весьма примитивной, раскопки нацелены на получение лапидарных надписей или произведений искусства (скульптуры, рельефы и т. д.); об изучении истории, социальной структуры или экономики боспорских поселений тогда никто серьезно не задумывался. К тому

же эти раскопки почти не документировались.

Хорошо известно, что при А.А. Васильчикове не было опубликовано ни единого выпуска «Отчетов Императорской археологической комиссии», объединенный отчет за 1882–1888 гг. увидел свет лишь в 1891 г. Критической оценки заслуживает и обозначившаяся в это время тенденция оформления археологической документации. Дело в том, что ранее каждый погребальный комплекс, даже сравнительно бедный, пусть очень кратко, но описывался отдельно, давалась характеристика сделанных в нем находок и т. д. Теперь же описания почему-то стали даваться обобщенными, сразу по целому участку раскопок. Эта тенденция, как представляется, впервые проявилась в отчете о раскопках 1884 г. близ Арестантских казарм в Керчи. Отчет сводится к информации о том, что на участке были обнаружены 22 земляные и 1 каменная гробницы, в которых было найдено столько-то горшков, зеркал, серег, бусин и т. д. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 47. Л. 28; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XLIII–XLIV). После этого археологические отчеты все больше стали превращаться в собрания финансовых документов, справок о высылаемых в Петербург находках и т. д., а вот настоящая полевая работа находила в них весьма скромное отражение. Все это, в конце концов, сделало значимость археологических отчетов минимальной. Трудно сказать, что было причиной столь вопиющего пренебрежения элементарными правилами фиксации раскапываемых объектов, но вряд ли это связано исключительно с нерадением полевых археологов. Если бы это было только так, то петербургское руководство вполне могло бы

указать им, так сказать, на неполное служебное соответствие, однако такого не произошло. Возможно, в ИАК полагали, что имеющиеся отчеты все же соответствуют современным

требованиям, а излишне подробные описания никому не нужны. Такая позиция по существу превращала археологические раскопки боспорских могильников в отрасль кладоискательства.

XI

Новые веяния определенно почувствовались при графе А. А. Бобринском, который был назначен председателем ИАК 1 февраля 1886 г. и исполнял эти обязанности более 30 лет. А. А. Бобринской не стал требовать от директора Керченского музея Ф. И. Гросса изложения его взглядов относительно итогов и перспектив боспорской археологии, что, как помним, сделал А. А. Васильчиков. Новый председатель 25 сентября 1886 г. сам отбыл в командировку на юг России для обозрения Керченского музея и производящихся на Боспоре археологических раскопок, передав свои дела в столице В. Г. Тизенгаузену (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 8. Л. 13, 15). Эта командировка продолжалась почти два месяца, и, надо признать, подобные поездки совершались А. А. Бобринским и в будущем с достаточной регулярностью. Более того, он первым из руководителей ИАК лично проводил раскопки, в том числе под Керчью.

Г. С. Лебедев справедливо писал, что классическая археология Северного Причерноморья в России к началу 1890-х гг. «в организационном, методическом и фактографическом отношении... представляла собой наиболее развитый и прочный компонент структуры археологической науки» (Лебедев 1992: 233). Нет смысла говорить, насколько непростым было это время в истории России. Сложности, естественно, не обошли стороной

и Археологическую комиссию. Именно в это время она впервые сталкивается с острой критикой по своему адресу со стороны членов ИРАО, которые упрекали ее в отсутствии должной заботы об охране памятников и в излишнем увлечении классическими древностями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 16–24). В печати эти взгляды были выражены Д. Я. Самоквасовым, который утверждал, что Императорская археологическая комиссия была учреждена специально для изыскания «образцов классического искусства в курганах южной России», а совсем не для изучения памятников быта народов, населявших этот регион. Роскошно изданные «Отчеты Императорской археологической комиссии», по его мнению, не отличались особым вниманием к изложению результатов раскопок. Если сравнивать их с донесениями А. Б. Ашика, то необходимо признать, что эти донесения имеют «более общее и важное значение для русской археологии, нежели специальные объяснения академика Стефани» (Самоквасов 1908: 150). В чем-то признавая правоту Д. Я. Самоквасова, все-таки необходимо обратить внимание на некорректность его сравнения публикаций А. Б. Ашика и Л. Э. Стефани. Последний не имел отношения к полевой археологии и в «Отчетах» давал лишь профессиональные, глубочайшие по содержанию оценки некоторых обнаруженных на юге России произведений античного

искусства. Донесения А. Б. Ашика правильнее сравнивать не с этими комментариями, а с отчетами о раскопках других керченских археологов, к примеру А. Е. Люценко. Документация, которую Александр Ефимович регулярно направлял в Петербург, не столь многословна и красноречива в сравнении с некоторыми рапортами Антона Балтазаровича, но она вполне соответствует уровню развития археологической науки того времени. Можно еще раз выразить сожаление, что не все современники А. Е. Люценко (к примеру, В. Г. Тизенгаузен) и его последователи (к примеру, Ф. И. Гросс), проводившие самостоятельные исследования на берегах Боспора Киммерийского, в полной мере следовали его правилам.

Итак, в середине 1880-х гг. Императорской археологической комиссии приходилось не только оправдывать, но и защищать свое существование. Известно, что в 1886 г. В. Г. Тизенгаузен составил специальную записку, где особое внимание к изучению южных древностей объяснялось тем, что они не только более всех других подвергаются грабительским раскопкам, но и дают великолепные результаты, которыми российская наука может заслуженно гордиться. К тому же имело место и вполне оправданное распределение «археологического труда»: Комиссия сосредоточила свои основные силы на этом предмете еще и потому, «что исследованию древностей других местностей посвящали себя разные археологические общества наши» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 73. Д. 1-2).

В начале XX в. обозначилось также напряжение во взаимоотношениях ИАК с местными музеями, в частности с Кубанским войсковым этнографическим и естественноисторическим музеем

(г. Екатеринодар). Его руководство сетовало, что в Петербург или в Керчь забираются лучшие археологические находки, происходящие из Прикубанья. Такая практика, естественно, создавала большие проблемы для формирования полноценной музейной экспозиции, усложняла взаимоотношения со спонсорами («жертвователями», как тогда говорили) и т. д. Складывалась по-настоящему парадоксальная ситуация, когда все самые ценные находки, сделанные в крае, вывозились скупщиками древностей или же забирались Археологической комиссией. В письме, направленном А. А. Бобринскому из Екатеринодара в декабре 1912 г., по этому поводу говорится: «...если Комиссия будет отбирать вещи из музея, а от кладоискателей или скупщиков приобретать вещи покупкою, то дело хищнических раскопок и тайной купли и продажи не прекратится, так как к тому же и наказания, налагаемые на виновных по суду — 2–3 суток под арест — слишком незначительны. Кубанский музей будет обречен на жалкое существование и может со временем потерять и то пособие, которое из сочувствия и совершенно добровольно приняло на себя войско, несмотря на плохое состояние войсковых сумм» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 4. Л. 162–163). Надо признать, что в письме обозначены весьма болезненные точки состояния отечественной археологии того времени (ср.: Гладкий 1916: 4–5). Для исправления ситуации необходимо было принять весьма серьезные меры на законодательном уровне...

Непонимание могло возникать и внутри самой Археологической комиссии; ее деятельность порой не находила должного понимания даже в среде людей, связанных с ней многолетней

работой. Об этом, в частности, свидетельствует эпизод, имевший место во время увольнения на пенсию директора Керченского музея Ф.И. Гросса. В своем заявлении в ИАК, датированном 3 февраля 1891 г., 69-летний археолог писал: «По совершенно расстроенному здоровью моему не могу продолжить службы, вся моя нервная система ослаблена, страдаю застарелым ревматизмом ног, астмою, часто весьма мучительною. Все эти недуги произошли от многолетних занятий по службе при раскопках во всякую погоду, во время работ в сырых могилах, при убийственном, спертом, сыром воздухе в катакомбах для составления копий с фресковой живописи, что тем более стало для меня трудным за последние 7 лет» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 28. Л. 3).

Однако будущий директор музея К.Е. Думберг в своем письме к А.А. Бобринскому от 5 марта 1890 г. писал, что В.Г. Тизенгаузен информировал его о вакансии на эту должность, открывающейся в 1889/90 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 189. Л. 1). Складывается впечатление, что для руководства Комиссии увольнение Ф.И. Гросса было делом решенным или, по крайней мере, желательным еще до появления официального заявления. Поводом к его написанию, возможно, стало известие о переговорах с К.Е. Думбергом; столь же вероятно, что Ф.И. Гросс был как-то информирован о нелестном отзыве Ю.А. Кулаковского по поводу качества рисунков, которые он снимал с росписей керченских катакомб. По мнению Ю.А. Кулаковского, в этих рисунках имеется «очень много неточностей и погрешностей, как в общем их характере, так и в деталях» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 31.

Л. 101). По этому поводу или независимо от него заявление об уходе было написано, и ИАК принялась хлопотать за назначение заслуженному археологу «усиленной пенсии». Со службы он был уволен 31 марта 1891 г., но вынужден был продолжать свою работу, поскольку к тому времени должность заместителя директора Керченского музея в связи с новым штатным расписанием была отменена (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 71. Л. 4, 10), и Ф.И. Гроссу было просто некому передать дела. Двусмысленность такого положения, надо думать, оскорбляла и раздражала больного человека, результатом чего стало резкое письмо, направленное в Археологическую комиссию. В архиве это письмо отсутствует, но имеется ответ на него, составленный В.Г. Тизенгаузенем, из которого суть вопроса, несмотря на односторонность трактовок, становится абсолютно ясной. В нем говорится: «На полученное мною сегодня письмо Ваше от 3-го октября спешу ответить Вам по пунктам следующее:

1. О рисунках, заказанных Вам гр. Бобринским, я не имею ни малейшего понятия, а его самого до сих пор нет в Петербурге.

2. Предположение Ваше, что Археол[огическая] комиссия не выслала Вам денег на раскопки и покупку древностей “из опасения, что Ф.И. из нескольких десятков казенных рублей построит себе Альгамбру”, равно как желание Ваше “предупредить неприличную мысль, что Вы при покупке вещей (у г. Бартоломео) можете иметь какую-либо выгоду” — более чем странно и легкомысленно. Если бы Комиссия когда-либо считала Вас за человека, способного покушаться на чужие деньги, то она не только никогда не приняла Вас на службу к себе,

но и не удостоила бы Вас чести включить Вас в число своих членов. Признаюсь, я никогда не ожидал от Вас, что за оказанное Вам доверие Вы способны заподозрить своих товарищей по службе в таких гнусных помышлениях.

3. Не имея под рукой казенных денег, чтобы купить разные древности, которые были принесены в Музей (терракотовые барельефы, вазы и золотой браслет), всякий другой на Вашем месте немедленно телеграфировал бы о том в Комиссию, которая не замедлила бы выслать Вам деньги на покупку их. Не могу не заметить при этом, что, благодаря подобному бездействию со стороны Музея, такая прекрасная вещь, как “гнилая сковорода”, могла попасть в руки Ермолая (имеется в виду Ермолай Романович Запорожский, один из активных торговцев керченскими древностями в конце XIX — начале XX в. (Боровкова 1999: 120–124). Об одном эпизоде его деятельности, связанном с приобретением в Эрмитаж серебряного блюда, см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 21. — *Авт.*).

4. Решительно не могу понять, почему Вы не нашли нужным немедленно донести Арх. комиссии о том, что в первых числах февраля по дороге в Аджимушкой оказалась провалившаяся катакомба, требующая исследования, а предпочли спокойно ожидать времени, когда “сирота разбогатеет”. Своеобразное у Вас понятие о служебных обязанностях.

5. Столь же непонятно для меня, почему золотые вещи, найденные в саду г. Бартоломео, не были тотчас же отправлены Вами в Археологическую комиссию, которая немедленно выслала бы за них деньги, и, следовательно, никак не заслуживает Вашего упрека в несвоевременной уплате вознаграждения,

следовавшего г. Бартоломео. Конечно, всегда гораздо удобнее собственную вину свалить на других.

6. Показание Ваше, что первое медицинское свидетельство Ваше было возвращено Вам только тогда, когда Вы получили извещение Комиссии об увольнении Вас от службы, — несогласно с истиной. Оно было возвращено Вам И. А. Сусловым вслед за получением здесь (11 февр. 1891 г.) Вашего прошения об отставке. Так как Вы обвиняете других в нерадении к Вашим интересам, то я должен обратить Ваше внимание на то, что главным виновником проволочки в назначении Вам пенсии оказываетесь Вы сами. Стоило Вам либо самим заглянуть в Свод Законов, либо посоветоваться с толковым человеком, чтобы узнать, что на основании свидетельства, выданного Вам г. Сегелем, без утверждения Врачебной Управы, Министерство двора не вправе ходатайствовать о назначении Вам усиленной пенсии. Затем И. А. Суслов телеграммой от 16-го марта уведомил Вас, что Комиссия с нетерпением ожидает от Вас медицинского свидетельства (нового). Получив от Вас таковое 7-го мая, она на следующий же день отправила это свидетельство в Министерство двора. Что последнее до сих пор не сделало всех необходимых распоряжений по этой части и этим поставило Вас в затруднительное положение, об этом нам, т. е. Вашим сослуживцам, приходится очень сожалеть, но силою заставить Министерство ускорить назначение Вам пенсии Комиссия при всем своем желании никогда не в состоянии, точно так же, как, уволив Вас от службы 31 марта, она не имела ни малейшего права ходатайствовать (как Вы желали) об отмене состоявшегося уже о Вас приказа,

т. е. о том, чтобы Вас считали уволенным с 1-го мая и об оставлении невозвращенными полученных уже Вами за апрель содержания и институтской пенсии. Стоило Вам опять поговорить об этом с человеком мало-мальски знакомым со служебными порядками, и он прямо сказал бы Вам, что выполнить такое наивное желание Ваше невозможно. Зачем же Вы опять последствия Вашей собственной оплошности взваливаете на плечи нисколько не виновной в том Комиссии? Сколько мне известно (частным образом), ходатайство гр. Бобринского о назначении Вам усиленной пенсии в количестве 1333 р. 33 к. Министерством двора уважено. Пенсия эта будет уплачиваться Вам с 1 апреля, т. е. со дня официального Вашего увольнения. Но так как Вы по просьбе гр. Бобринского исправляли прежнюю должность Вашу до 1 июля, то Комиссия считает справедливым выдать Вам за эти 3 месяца такое дополнительное вознаграждение, которое вместе с Вашей пенсией будет равняться Вашему прежнему трехмесячному содержанию. Вознаграждение это будет Вам выслано, как только Комиссия получит от Министерства официальное уведомление о назначении Вам упомянутой пенсии.

7. В том, что Вы лишились возможности поехать весной лечиться на воды, Вы должны опять винить только самого себя. Если бы Вы последовали моему доброму совету просить об увольнении Вас от службы тотчас по получении моего прошлогоднего письма по этому предмету, Вы весной были бы уже совершенно свободны и могли бы уехать куда угодно.

Не посетуйте на меня за неприличный тон, в котором я отвечаю Вам на Ваше письмо. Вы сами вызвали его,

признав себя “вынужденным выйти из пределов свойственной Вам скромности”. Охотно верю, что неполучение причитающегося Вам содержания и, может быть, болезненное Ваше состояние расстроили Ваши нервы. Но почему же и по какому праву Вы “на прощание с Комиссией” вымещаете Вашу злобу на мне, всегда оказывавшим Вам самое дружеское расположение? Ваше письмо глубоко оскорбило-опечалило меня. Ваш покорнейший В. Тизенгаузен» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 28. Л. 31–33).

Вот такое, мягко говоря, невеселое письмо. Можно согласиться с В.Г. Тизенгаузенем, что Ф.И. Гросс не имел формального повода направлять в ИАК столь резкое послание, хотя всякого рода слухи, неопределенность положения бывшего директора, неясности в его материальном положении и пр. для нас должны многое объяснять в его поступке. Ф.И. Гросс скончался через пять лет после этого, 12 ноября 1897 г. Его вдове была назначена пенсия в размере 666 руб. 66 коп., т. е. половины от пенсии покойного супруга. Интересно, правда, какая умная голова додумалась до необходимости назначения пенсии, состоящей именно из таких, несколько жутковатых для православного сознания цифр? К.Е. Думберг был назначен «исправляющим должность» директора Керченского музея древностей с 31 марта 1891 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 19), но, по понятным причинам, дела сумел принять значительно позднее, лишь 1 июля этого года (о нем см.: Лазенкова 2001b; 2002a; 2003: 38 и сл.; Федосеев 2017: 122–123).

В то время К.Е. Думбергу было всего 28 лет. С археологической практикой он был знаком очень слабо, с ней можно в какой-то мере связывать лишь

Карл Евгеньевич Думберг (ФО. Нег. III 7530)

его деятельность на посту хранителя Нумизматического отдела Музея Ученого эстляндского общества при Дерптском (Тартуском) университете в 1882–1889 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 2–3). В Керчи К. Е. Думберг ранее не бывал (Лазенкова 2003: 39), тем не менее он активно взялся за непривычное для себя дело и прежде всего попытался найти более подходящее место для музея, располагавшего тогда всего тремя маленькими комнатами. Новый директор нашел для него помещения в доме А. А. Липко-Парафиевской (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 25, 26). Его деятельная натура, однако, явно не хотела ограничиваться лишь этой переменной.

По поводу перемен, происшедших в руководстве Керченским музеем, хочется обратить внимание на один факт. В мае 1921 г. К. Э. Гриневиц направил в РАИМК отчет о деятельности

музея в 1918–1921 гг. В нем он, в частности, писал, что нашел «полный хаос в делах регистрации археологических памятников: с 1890 г. не велся инвентарный каталог древностей» (РО. Ф. 2. Оп. 1-1921 г. Д. 70. Л. 17). Если эта информация верна, то составление систематических описей керченских древностей было прервано с приходом К. Е. Думберга.

12 июня 1891 г. В. Г. Тизенгаузен, покровительствовавший К. Е. Думбергу, направил ему письмо с просьбой к концу года представить в ИАК свои соображения о «главных пунктах», на которые тот признает нужным обратить внимание при проведении раскопок, а также о тех мерах, которые необходимо предпринять для устранения грабительских раскопок и перехода случайных находок древностей в частные руки, установления бдительного надзора за добычей камня и земляными работами,

«которые могут привести к открытию гробниц и катакомб», и т. п. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 22). К просьбе петербургского начальства К. Е. Думберг отнесся в высшей степени серьезно, в результате чего в ИАК были направлены три достаточно объемных рапорта, рисующих весьма любопытную картину состояния боспорской археологии к началу 90-х гг. XIX в.

Первый из рапортов, составленный 11 ноября 1891 г., касается весьма фундаментальных вопросов, связанных с пониманием роли археологии в современном обществе, судьбы Керченского музея древностей и пр. Приведу этот документ почти полностью при незначительной стилистической правке:

«По своему богатству и разнообразию историко-археологических памятников, с одной стороны, и по своей принадлежности к культуре эллинского мира, с другой стороны, бывшее Босфорское царство занимает бесспорно первое место в России. В некотором смысле оно играет даже подобную роль, как Египет и Греция, Троя и Помпея. Коллекция Эрмитажа и издания Императорской археологической комиссии, не говоря о собраниях и сочинениях частных лиц, доказывают выдающуюся важность этой страны. Невольно нужно предположить, что такая местность, как, напр., Керчь-Еникальское градоначальство, *должна возбуждать в образованном обществе живой интерес* (здесь и далее подчеркнуто в документе. — Авт.) и сочувствие археологическим исследованиям и вытекающим отсюда научным результатам. Многочисленные следы прежнего блеска, оживленной политической и бытовой жизни, вообще воспоминания о минувших славных временах способствуют обыкновенно

развитию местного историко-археологического патриотизма.

В Керчи, однако, ничего подобного не встречается; вместо интереса и патриотизма господствуют апатия и *отсутствие всякого исторического духа*. Почти вся, так сказать, образованная публика не имеет ни малейшего понятия о судьбе своей родины, о высокой культуре древнего Босфорского царства и о том, что последнее представляет в нынешнее время, чем оно обогатило и обогащает беспрестанно нашу отечественную археологию. Что же касается до низших слоев здешнего общества, то оно очень интересуется древностями, но, понятно, с точки зрения археологического барышничества. Каждый керченский мещанин, мужик, не говоря уже о т. н. счастливицах, думает извлекать из археологических находок только наживу для себя. Во главе здешних кладоискателей стоят торговцы вроде Букзиля, Тульмана, Ермолая Запорожского, и хотя таким промышленникам мы обязаны сохранением многих важных памятников древности, но, однако, нельзя упустить из виду, что вред, наносимый “счастливицами” и их покровителями, далеко превосходит приносимую ими пользу, так как смело можно сказать, что “нахождение” большинства древних вещей связано с *разорением* гробниц. Кроме того, попадают многие вещи *в руки путешественников или вывозятся за границу*. Хорошо, если один или другой предмет поступит в Эрмитаж или в известную частную коллекцию, [но], как бы то ни было, восстановить раз прерванную историческую связь будет почти всегда невозможно. В Керчи, кроме того, имеется несколько собирателей из интеллигентного класса, но в моих глазах их род занятий сильно шокируется.

Не собирая предметы ради барыша (?) и удовлетворяя лишь простую страсть, они тем самым скорее как бы сочувствуют расхищениям “счастливчиков”, чем мероприятиям самого правительства.

Требовать от здешней публики, чтобы она с живым интересом сочувствовала и содействовала археологии, разумеется, немыслимо. Не только наше керченское общество [смотрит] на археологию как на довольно странное, в сущности бесполезное (занятие), но вместе с тем приятное развлечение. Ко всем наукам без осязаемой пользы почти везде публика относится точно так же; она любит тему или другим открытием, радуется той или другой вещи, посещает выставки и музеи, но благородное пробуждение тем и кончается. Причины подобных отношений надо искать не в самой публике, а в людях, посвящающих свои силы науке, в данном случае археологии. Если публика нам не помогает и не сочувствует, то мы сами виноваты. Мы должны сообщить ей толчок и учить, почему мы копаем и собираем, мы обязаны ей внушить интерес и патриотизм. Публика — это ребенок, с которым следует говорить просто, наглядно, убедительно и часто без всяких высоких фраз и выражений; нужно думать, что она изменит свое поведение и будет оказывать нам свою посильную помощь. Конечно, все это в теории хорошо и похвально, но на самом деле не всегда выполнимо. Посмотрим, каким путем и какими средствами можно будет здесь в Керчи добиться желанной цели.

Главным пособием, несомненно, должен служить Керченский музей древностей, но только не в таком виде, в каком он теперь находится. Это не музей, а скорее кладовая для разной

древней рухляди, разбросанной без всякой системы и наглядности. Музей состоит из дубликатов или из вещей, негодных для вывоза в С.-Петербург. Почему же эти *дубликаты* встречаются здесь в громаднейшем количестве, так, напр., однообразные стеклянные слезницы и глиняные кувшины, хранящиеся целыми столетиями, валяются в сараях! Многие из наших общественных коллекций и учебных заведений были бы очень благодарны, если бы им прислали несколько таких вещей. Пестроты этого археологического магазина соответствуют *неуклюжие шкафы и витрины*, в которых трудно что-нибудь усмотреть, и каталоги, в которых потеряешься. Относительно количества хранящихся в музее вещей нужно заметить, что они дают крайне неудовлетворительное представление о богатстве и важности здешней страны. *Музей нуждается главным образом* в приятной для глаза обстановке и в систематическом подборе. Публику привлекает, прежде всего, наружность, кладущая на зрителя приятное впечатление. К тому же понятно, что ученое учреждение должно иметь достойный и солидный вид.

Что же касается до систематического упорядочения музея, то здесь имеется весьма благородное и широкое поле для археолога. Большинство музеев страдает одним неизбежным, крупным недостатком; они, несмотря на все старания и средства, не могут сосредоточить в себе археологию одной страны или одного известного периода и поэтому представляют более или менее пестрый вид. Даже возможная полнота почти никогда не достигается. В этом отношении Керчь гораздо счастливее. Музей имеет преимущественно древне-классический характер, в его состав входят вещи, находимые в довольно

определенных границах и принадлежащие известному времени. Необыкновенное богатство и разнообразие исторических памятников дает возможность довольно подробно проследить былую культуру этой страны. Влияние Греции на ее отдаленных соплеменников, самостоятельная работа древних колонистов и их соотношения с соседними варварскими народами, процветание, распространение и упадок в политической и бытовой жизни — все это может найти свое выражение в музее.

Согласно своим правилам, Императорская археологическая комиссия представляет замечательнейшие из находимых вещей на воззрение государя императора, которые затем в большинстве случаев помещаются в Эрмитаж. Вещи, не получившие Высочайшего назначения, остаются в заведовании Комиссии, располагающей ими по своему усмотрению. Очень понятно, что драгоценные и интересные предметы хранятся в Петербурге, в [этом] центре искусств и наук. Но почему здесь (т. е. в Керчи — *Авт.*) не оставлено ни планов, ни рисунков, ни фотографий, ни слепков с этих вещей? Почему наконец многие из более интересных находок представляются петербургской публике в десятках экземпляров, между тем как Керчь ничего не имеет? (Ввиду этих обстоятельств, древности и дела Керченского музея лишают меня на каждом шагу [возможности] основательнее ознакомиться с ходом и результатами местных раскопок.) Если бы не было вышеизложенных недостатков, то публика при новом порядке дел могла бы получить, во-первых, понятие о том, что здесь было и что здесь сделано, а, во-вторых, *керченский гражданин стал бы гордиться своим музеем и хранящимися в нем ценностями.*

С систематическим упорядочением музея тесно связано издание *хорошего каталога*. Такой каталог должен быть короток и основателен, понятен и не скучен, одним словом, он должен соединять в себе все качества хорошего конспекта-учебника. Почти все каталоги состоят из сухих перечислений, битком набиты непонятными выражениями и написаны скорее для ученого, чем для простой публики, почему никогда и не читаются. При составлении каталога необходимо иметь в виду самый низкий уровень познаний посетителя, ничего от него не требовать и [вместе с тем] дать ему все поучения и наставления. К этому желательно бы присоединить один или два раза в год *публичные лекции с благотворительной целью*. В них можно поднять вопрос о стремлениях археологии, говорить о работах прошедшего года и т. п. Ученики и ученицы должны быть приглашаемы на такие лекции и вводимы в музей для восприятия любви и уважения к памятникам древности. Такой образ действия не замедлит дать благотворные результаты. Возражение, что хорошо устроенный музей в Керчи, по своему невыгодному географическому положению и по отдаленности от центров цивилизации, будет приносить науке только сомнительную пользу, не совсем основательно. По всей вероятности, археологи будут работать в этих местах еще многие и многие десятки лет. Каждому же ученому, несомненно, приятно найти в Керченском музее и его библиотеке необходимые для археологических исследований материалы. Пока будут заниматься историей и археологией южной России, до тех пор и Керчь будет сохранять свой интерес.

Все вышеизложенное было *oratio pro domo audiatur et altera pars* (это

латинское изречение следует понимать следующим образом: «Все вышеизложенное было речью в защиту дома, но необходимо выслушать и другую сторону». — *Авт.*) Преобразование Керченского музея древностей стоит, несомненно, много денег. Придется заказать новые удобные шкафы, витрины, столы, чтобы всему дать необходимый приличный и привлекательный вид, и завести мало-мальски порядочную библиотеку для научных занятий. В раму музея войдут все археологические предметы, связанные с нашей страной, — амфоры и монеты, саркофаги и надгробные камни — и все это должно быть соединено в одном помещении. Нельзя допустить, чтобы одна часть находилась в музее, другая — в Царском кургане, третья — в сарае, а четвертая — на улице. Реорганизация здешнего музея неизбежно обуславливает *постройку нового и целесообразного здания для хранения древностей*. Хорошо устроенный музей не может вести кочующий образ жизни, сегодня находится в хорошем помещении, а через год — в крайне тесном и неудобном. Такое здание стоит 30 000 рублей, если не больше, его содержание, ремонты, сторож и т. д. требуют также известных сумм. Спрашивается, откуда взять эти деньги? Было бы крайне несправедливым требовать, чтобы Императорская археологическая комиссия взяла все на свой счет, между тем как город [Керчь] будет бездействовать. Дальше спрашивается, имеются ли силы и умение удовлетворять ожиданиям Комиссии? Предположения и надежды могут остаться без видных результатов, быть может, проглядывает и идеализм. Положим, однако, что надежды исполнятся. Публика интересуется, сочувствует и гордится, ученые посещают наш музей и пользуются его

материалами, но все это не даст, кроме издержек, ни одного гроша. В денежных делах можно рассчитывать только на себя, а не на помощь массы, которая, коль скоро дело дойдет (до) кошелька, отступит, если не может ожидать осязаемой пользы, т. е. хороших процентов и т. п. <...>

Керченский музей древностей не мог и не может принести никакой пользы в настоящем его виде; он стоит только траты денег. Дальше немислимо, чтобы Императорская археологическая комиссия держала в Керчи одного из своих членов с обязанностью раскапывать по нескольку курганов и катакомб в год, а в остальное время бездействовать. Комиссия может требовать от своего члена гораздо больше. Керченское градоначальство, Таманский полуостров и прилегающие к ним земли еще могут обогатить археологию в неожиданно широких размерах. Насколько можно было убедиться, здесь очень много раскопано и очень немного расследовано. Нетрудно доказать, что большинство т. н. расследованных курганов не расследовано, что везде во всех разрытых местах можно наткнуться на новые находки...

Музей древностей, не играющий в таком случае никакой роли, может быть отдан городу или одному из здешних учебных заведений с тем только условием, чтобы все вещи были возвращены, если в Керчи или в одном из российских городов будет учрежден музей для южнорусских древностей. *Для хранения более крупных памятников придется непременно построить большой сарай у Царского кургана*. Если Императорская археологическая комиссия не примет энергичных мер для защиты находящихся там вещей, то они подвергнутся неизбежному разорению.

Находимые при будущих разысканиях памятники могут быть распределяемы следующим порядком: одна часть поступает в Эрмитаж, другая — в то заведение, которому будет отдан Керченский музей, а третья, именно крупные памятники, — в *хранилище при Царском кургане*, откуда они во всякое время могут быть вывозимы по мере надобности.

Вопрос о сдаче здешнего музея был, кажется, уже несколько раз предметом серьезных обсуждений Императорской археологической комиссии. Если он будет окончательно разрешен, то я приступлю к составлению подробных и точных описей и к очистке музея от всех лишних и стеснительных дубликатов, которые могут быть распределены по разным музеям, архивным комиссиям и учебным заведениям, между тем как все остальное, за исключением крупных и трудно помещаемых памятников, перейдет через один или два года в руки города или одного из здешних учебных заведений. В заведовании Императорской археологической комиссии останутся Царский курган, библиотека, все дела, планы, рисунки, фотографии и весь рабочий инструмент. Керченский член Комиссии, не связанный музеем, получит таким образом большую подвижность и не будет заботиться при своих разъездах о судьбе музея, вверенного сомнительному попечению сторожа» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 39–44).

К.Е. Думберг писал в ИАК, что Керчь имеет четверть миллиона рублей годового дохода, но для охраны памятников древности решительно ничего не делает (Там же. Л. 76 об.). С таким положением он попытался покончить, предложив передать на баланс городского бюджета весь Керченский

музей древностей. К.Е. Думберг заверял А.А. Бобринского в своей решимости посвятить все силы раскопкам и исследованиям по предварительно разработанному плану. Он намеревался также снимать планы, карты и т. д. Веря в полезность и реальность проекта преобразования Керченского музея, он подчеркивал, что в случае его отклонения намерен точно исполнять все предписания, которые будут поступать из Петербурга.

Рапорт К.Е. Думберга был заслушан на заседании Комиссии в январе 1892 г. Вероятнее всего, на собравшихся он произвел довольно странное впечатление, поскольку, по сути дела, человек, совсем недавно назначенный на пост главы Керченского музея, предлагал исключить это учреждение из структуры ИАК. Споры нет, в рапорте, помимо этого предложения, содержалось немало верных наблюдений и здравых суждений. Необходимость кардинальных перемен музейной жизни, создания новой экспозиции, расширения библиотеки и т. д., как представляется, назрела уже давно, но вот предложение о переподчинении музея, исключении его из ведомства Императорской археологической комиссии вряд ли можно назвать хорошо продуманным и обоснованным. Керченская городская управа не могла взять на себя такую обузу, она попросту не располагала специалистами в этой сфере. В городе, как явствует из рапорта К.Е. Думберга, даже не существовало общества или кружка любителей боспорских древностей. Возможность передачи музея какому-нибудь керченскому учебному учреждению также была весьма проблематичной. Автор проекта даже не попытался назвать местные учебные заведения, которые,

так сказать, были достойны такой чести. Из сказанного можно сделать вывод, что на том этапе Керченский музей древностей мог более или менее нормально существовать и развиваться только в рамках ИАК.

Второй рапорт К.Е. Думберга был направлен в Петербург 16 декабря 1891 г., он посвящен важнейшему вопросу охраны древностей Боспора Киммерийского. Опять же приведу его почти полностью:

«Несмотря на все старания Императорской археологической комиссии и предписания г. министра внутренних дел, продолжают грабительские раскопки в Керчь-Еникальском градоначальстве с неуменьшеною силою. В сравнении с прежними временами они, по-видимому, даже значительно усилились. Главная причина этого зла заключается в человеческой склонности к кладоискательству, свойственной, так сказать, всем народам. Здесь в Керчи под влиянием богатых находок и под нравственным давлением разных торговцев, собирателей и туристов эта страсть должна была развиться в особенно широких размерах. Высокие цены и вознаграждения, получаемые время от времени находчиками от торговцев или от правительства, и мало-помалу распространяющееся между простолюдием понимание значения и ценности находимых вещей сильно способствовали развитию кладоискательства. К этому примыкает другая причина — жалкое экономическое положение большей части здешнего населения. Умеренный климат, плодородность страны, сравнительная дешевизна съестных припасов вызывают в низшем классе склонность к праздной, бездельной жизни и к пьянству. В других городах пролетариат занимается отчасти воровством

и нищенством, [а] здесь (в Керчи), кроме того, еще кладоискательством. Вред, наносимый этими промышленниками, состоит преимущественно в разорении гробниц и в перерыве исторической связи между памятниками древности и местом их нахождения; почти везде это лишает нас возможности получить приблизительно верную археологическую топографическую картину данной местности.

Искоренение этого зла, кажется, недостижимо. Не только у нас процветает кладоискательство, оно распространено везде — в Греции, Италии, Египте, и все законы, все запрещения не имеют вполне удовлетворительного успеха. Керченским административным и полицейским властям предписывается запретить всякого рода кладоискательство и следить за точнейшим исполнением в этом роде законов, но все приказания дали до сих пор очень микронические (так в документе. — *Авт.*) результаты. Городовые, напр., а их в Керчи 60 человек, скорее, сочувствуют “счастливчикам”, чем заведующему Музеем; [да] и чего можно ожидать от урядника, находящегося в самом близком родстве с Ермолаем Запорожским и даже живущего у последнего? Чем занимается большинство [из] этих 60 городских, мне не известно; на Глинице, в Татарской слободке и на Митридите я, по крайней мере, видел городских только во время пребывания в Керчи Его императорского высочества, великого князя Александра Михайловича. На мои представления полицмейстер ответил мне, что он не может ничего сделать, так как, хотя, с одной стороны, кладоискательство строго запрещено, с другой стороны, разным субъектам позволяется предпринимать раскопки “на счастье”.

Из дел Керченского музея видно, что правление Музея заключало в этом отношении с частными лицами даже формальные контракты, и, по дошедшим до меня сведениям, частные лица в прежние времена были неоднократно допускаемы к раскопкам “на счастье” на землях казенных и общественных. (это действительно так, и, к примеру, А. Е. Люценко позволял частным лицам раскапывать курганы «на счастье», т. е. на свой счет. Музей при этом имел право выкупа наиболее ценных вещей. — *Авт.*). Не позволяя себе рассуждать о том, насколько такой образ действия целесообразен, я могу лишь заметить, что уже в силу существующих законов безусловное запрещение всех частных раскопок в том роде, в каком они раньше практиковались, на землях казенных, общественных и церковных, в Керчи по крайней мере, должно быть, во всяком случае, строго соблюдается.

Что же дальше касается до судебных властей, то они до сих пор заведующему Керченским музеем никакой помощи не оказали, извиняясь неполнотою закона, запрещающего раскопки, но не определяющего никаких наказаний за его нарушение. Ожидать поддержки со стороны Городской управы тоже напрасно; (Городская) Дума боится всяких экстренных издержек и нисколько не заботится о сохранении памятников. Так, напр., камень для построек, по постановлениям Думы, должен быть добываем из городских скал. Несмотря на то, жители Татарской Слободки добывают камень преимущественно из сплошных насыпей на горе Митридат и (при этом) не только на земле городской, но и на казенной. Благодаря усердию каменоломщиков, пропадают и уничтожаются многие предметы древности. Есть

здесь надсмотрщики, которые обязаны следить за добыванием камня, но один из них, насколько мне известно, принадлежит к числу самых прилежных “счастливчиков”. Казенные земли подведомственны командиру Керченской крепости. Я обратился к нему с просьбой о более энергичном преследовании копателей на казенной части горы Митридат, и он посоветовал мне войти с ходатайством в Министерство военных дел.

Итак, ни от полиции, ни от мировых судей, ни от города нельзя ожидать осязаемой поддержки. Быть может, что через год, по преобразовании мировых судов и городских дум, это состояние изменится к лучшему, но на первое время Императорской археологической комиссии придется надеяться только на свои собственные силы и средства.

Выше было сказано, что окончательное искоренение кладоискательства недостижимо. Его можно только ограничить, но и то не сразу, а мало-помалу. Установлению порядка, несомненно, способствовало бы издание более точных и строгих законов о раскопках, продаже и вывозе памятников древности, по образцу существующих за границей постановлений. Но, так как эти законы еще долго будут принадлежать к числу археологических “*ria desideria*”, то я позволю себе представить на благоусмотрение Вашего сиятельства следующие, более конкретные предложения:

I. Средства, которыми Керченский музей располагает для надзора над предприятиями частных копателей, оказываются крайне неудовлетворительными. Надсмотрщик Семен Зяблов при всем желании далеко не в состоянии следить хоть за одною частью обширной территории, подвергаемой

нападениям “счастливи́чиков”. Кроме того, он уже старик, заслуживающий снисхождения. Во время командировок заведующего музеем “счастливи́кам” выпадает полная свобода. Надзор над рабочими при казенных раскопках тоже неудовлетворителен; на основании дошедших до меня сведений является очень вероятным, что рабочие обманывают и обкрадывают казну. Усиленный надзор необходим, и поэтому я честь имею настоятельно *просить Ваше сиятельство о восстановлении должности второго надсмотрщика при Керченском музее древностей, с годовым окладом в триста рублей.* Жалованье меньше 300 рублей ввело бы семейного человека в разные искушения. Кандидатом на место надсмотрщика представляю Павла Варсаблюка, отличающегося честностью и добросовестностью.

II. В связи с предыдущим предложением покорнейше прошу Ваше сиятельство исходатайствовать где следует для надсмотрщиков и сторожей Керченского музея *видимый знак исправляемой ими должности*, а именно *бляху* с императорским орлом и круговую надпись — “надсмотрщик” или “сторож Керченского музея древностей”. Лица, снабженные бляхой, получают таким образом официальный характер, они будут *приведены к присяге*, могут составлять акты и будут пользоваться большим авторитетом при исполнении своих обязанностей, чем до сих пор ведется.

III. Во время моего пребывания в Керчи я убедился, что надзор над “счастливи́ками” всегда останется недостаточным, если заведующий Музеем сам не будет постоянно контролировать действия своих подчиненных. <...> Я не могу ежедневно обходить

хоть одну часть близлежащих окрестностей города, не говоря о более отдаленных местах. Частое употребление извозчиков делается тоже невозможным вследствие высокой таксы и разных других неудобств. Поэтому я покорнейше прошу Ваше сиятельство (т. е. А. А. Бобринского. — *Авт.*) *о восстановлении прежних разъездных денег в размере 400 рублей в год, с прибавлением 200 рублей на будущий год для покупки лошади, рессорных дрог и других принадлежностей.* Вместе с тем прошу покорнейше разрешения Вашего сиятельства на покрытие путевых издержек по командировкам и ездам вне Керченского градоначальства из сумм, назначенных на археологические разыскания.

IV. Профессор Ю. А. Кулаковский ходатайствовал летом т. г. перед Керченской городской думою об устройстве на счет города закрытых входов в некоторые из здешних катакомб, как это делается в Италии. Ключи от дверей г. Кулаковский советует вручить владельцам усадеб; от посещения этих памятников туристами могли бы извлекать доход как хранители входных ключей, так и извозчики. Ходатайство было отклонено думою за неимением свободных средств. Исполнение предложения г. Кулаковского немало способствовало бы возбуждению интереса к сохранению древних памятников между простолюдием, но без энергичной инициативы Императорской археологической комиссии со стороны города ничего не будет сделано. Принимая в соображение и всю научную важность этого проекта, покорнейше прошу Ваше сиятельство разрешить мне:

1. Снести с Германским археологическим институтом в Риме для получения точных планов и сведений

об устройстве входов в итальянских катакомбах.

2. Устроить из денег, которые будут назначены на археологические разыскания в 1892 году, сперва вход в христианскую катакомбу, открытую г. Кулаковским в 1890 г.

3. Заключить с владельцами катакомб контракты для точного определения их отношений к Императорской археологической комиссии, посещения катакомб и платы за вход.

4. Принять все меры, чтобы здешнюю публику и туристов поощрять к посещению катакомб, и условиться с извозчиками о приличной таксе.

5. Напечатать краткое описание катакомб, которое будет продаваться владельцами за 5 или 10 коп.

6. По возможности привлечь город к участию в издержках Императорской археологической комиссии».

Вслед за этим рапортом 31 декабря 1891 г. в Санкт-Петербург был направлен еще один, третий по счету (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 49–52): «При попытке ознакомиться с археологическою топографиею моего района оказалось, что достижению этой цели противостоят значительные затруднения. Главным пособием для изучения археологической топографии служат подлинные журналы прежних директоров Керченского музея и отчеты Императорской археологической комиссии о разысканиях лиц, откомандированных сюда для производства раскопок. К сожалению, журналы и отчеты страдают одним крупным недостатком, а именно — отсутствием подробных карт, планов, рисунков и т. п. Отыскание и определение одного раскопанного места на основании более или менее точного описания без всяких вспомогательных средств часто очень трудно,

иногда даже невозможно. Большие курганы и характеристические местности, носящие сверх того особые названия, еще довольно легко отыскиваются. Если же в журнале сказано, [что] “расследовано 50 гробниц возле Нового карантина” или “открыта одна катакомба на северной покатости горы Митридат”, то эти слова дают для определения места крайне шаткое основание.

Город Керчь и его ближайшие окрестности представляют в настоящее время такой вид, что положительно невозможно хотя бы приблизительно ориентироваться в прежних казенных раскопках. Археолог, приезжающий сюда на два или три месяца, не в состоянии получить ясное представление об исследованиях своих предшественников. Изучить топографию по материалам, хранящимся в Петербурге и в Керчи, немислимо; это требовало бы слишком много времени и, в конце концов, имело бы только скромные результаты. Археолог, недостаточно знакомый с топографией, вечно будет колебаться при выборе новых мест, и с ним очень легко может случиться, особенно если ему технические приемы не хорошо известны, что он попадает на старые раскопы и т. п. (Такого рода неприятности грозят особенно в местностях, исследованных правительством до основания Императорской археологической комиссии. Керченский музей имеет об этих разысканиях отчасти самые скудные сведения. — Прим. К.Е. Думберга.) Везде спрашивается, кто здесь копал и когда, что там было найдено, и очень часто приходится прибегнуть к неудовлетворительным указаниям необразованных надсмотрщиков, которые иногда сами ничего не знают. Понятно, что вследствие помянутых неудобств страдает все дело. С ними

приходилось бы несравненно меньше бороться, если бы каждому представлялась возможность пользоваться надежным путеводителем, т. е. хорошою археолого-топографическою картою, удовлетворяющею всем практическим потребностям.

Нельзя сомневаться, что археологическая карта, если она будет целесообразно составлена, могла бы и науке оказать некоторые услуги. В историческом развитии человечества нет ничего случайного, везде существует тесная причинная связь, и главная обязанность исследователя состоит в соединении отдельных исторических данных по их взаимному отношению к месту и времени, причем все факты, входящие в раму какой бы то ни было науки, должны быть рассматриваемы с одинаковым вниманием. К тому (же) необходимо, чтобы при каждом научном исследовании было обращено серьезное внимание на систематическое упорядочение и группирование материала.

Обширный керченский некрополь, напр., представляет целый ряд типических явлений от громадных курганов и пепелищ до самых скромных земляных гробниц. Все эти памятники можно различить по известным признакам, и все части одной характеристической группы показывают более или менее замечательную связь как между собой, так и между частями других групп. Из последовательного же исторического развития каждой группы отдельно и всех групп в совокупности составляется история керченского некрополя. Чтобы получить представление об этой истории, следовало бы весь некрополь, насколько это возможно, подвергнуть тщательному и систематическому исследованию. К сожалению, нужно признать, что ни одна часть керченского

некрополя, по-видимому, окончательно не исследована и что раскопки отчасти имеют довольно непоследовательный и случайный характер. Причины недостаточных разысканий объясняются крупными денежными издержками, связанными с обширными раскопками, историческим развитием научных взглядов на археологические исследования вообще и очень понятным стремлением многих копателей находить побольше ценных вещей, т. е. золотых и серебряных. Курганы на Юз-Обе и катакомбы на Митридате неоднократно разрывались, но нельзя сказать, чтобы были расследованы. Богатые находки отсюда не должны быть, конечно, целью археологических разысканий. Не только на богатые гробницы должны быть направляемы силы археологов-копателей; каждый курган, каждая катакомба имеет свою историю, требующую всестороннего объяснения. Чем тщательнее и добросовестней будут производиться раскопки, служа науке и не стремясь к богатству, тем более можно будет рассчитывать на удовлетворительные научные результаты.

Поправить все упущения прежних времен очень трудно и дорого. К тому (же) нужно заметить, что одна часть керченского некрополя будет недоступна научным исследованиям на бесконечное время. Город двигается вперед, и поэтому следовало бы всеми силами спасти то, что до сих пор еще не подверглось разрушению.

Было бы, однако, неуместным сейчас приступить к этим работам и возобновить раскопки в больших размерах. Вышесказанные предположения и соображения, основанные на наблюдениях одного только полугодия, быть может, окажутся несправедливыми

и опрометчивыми. Во избежание всяких упреков нужно будет привести доказательства, т. е. сперва точно определить, что до сих пор было сделано, потом же возможно будет с твердостью указать на то, что следует еще сделать. И того, и другого можно будет добиться при настоящем состоянии дел только на основании хорошей археологической карты, состоящей из двух частей — из самой карты и из принадлежащего к ней комментария.

Сообразно с практическими и научными потребностями необходимо будет, чтобы карта исполняла следующие условия. Она должна быть надежной, ясной и наглядной, так чтобы возможно было по ней получить представление об археологическом характере всей страны и вместе с тем приблизительно ориентироваться в каждой данной местности. Для более легкого достижения этих двух целей нужно будет составить карту в большом масштабе, так как на маленькой карте нельзя ничего найти. (Так, напр., карта Кубанской области, составленная Фелициным, не может принести никакой пользы. Одну карту Таманского полуострова следовало бы составить по крайней мере в 4 раза больше всей карты Кубанской области. — *Прим. К. Е. Думберга.*) Карта Е. Д. Фелицына была издана Императорским Московским археологическим обществом в 1882 г. Она сыграла большую положительную роль в деле изучения прикубанских древностей (Сысоев 1904: III) (об этом см. главу IX. — *Авт.*). Чтобы формат карты не переступал известных размеров и все последующие археологи были бы в состоянии нанести на той же самой карте результаты своих исследований, придется, особенно же в более раскопанных странах, ограничиться узкими

пределами. В менее известных странах было бы зато желательно обратить внимание не только на самый предмет исследования, но и позаботиться об археологической топографии окрестности, пользуясь при этом, напр., картою Генерального штаба.

Однако и при ограниченных пределах и большом масштабе нельзя будет удовлетворять всем справедливым требованиям. Уже по техническим причинам может, напр., генеральная карта Керчь-Еникальского градоначальства только в общих чертах обнаружить археологический характер всей страны, место и размеры раскопок. Подробностей нельзя от нее ожидать, это задача специальных карт и планов, составляющих необходимое дополнение к генеральной карте. Специальных карт заслуживают, главным образом, замечательные местности, как то гора Митридат или станция Сенная, но и во всех остальных случаях составление таких было бы весьма желательно. Относительно отдельных исследований и раскопок само собою разумеется, что и здесь должно быть обращено серьезное внимание на топографический материал: чем больше карт, планов, рисунков и фотографий, тем лучше.

Последние из упомянутых требований и условий связаны с объяснительным комментарием, без которого и самая лучшая карта будет оказывать неудовлетворительные услуги. Комментарий должен содержать в систематическом порядке все сведения, относящиеся к топографии не только всей области, но и всех мелких местечек, раскопок и находок. При составлении комментария могли бы сочинения К. Герца о топографии Таманского полуострова в некотором отношении служить образцом. Избегая всех лишних подробностей

и рассуждений, комментарий должен состоять из кратких объяснений и указаний на источники, дающие материалы для дальнейших ученых работ, одним словом, он будет иметь вид археологическо-топографического словаря. На систематический и органический порядок словаря, облегчающий его употребление, должно быть обращено самое тщательное внимание.

Итак, от археологической карты и ее комментария можно ожидать, кроме упомянутых, еще следующие выгоды:

1. Получится более или менее наглядное представление о размерах, последовательности и основательности сделанных до сих пор исследований.

2. Выяснится, в каких местах нужно будет возобновить раскопки.

3. Выбор места меньше будет зависеть от усмотрения каждого копателя.

4. Императорская археологическая комиссия получит возможность точно указать на места, требующие исследования, и вместе с тем контролировать деятельность своего уполномоченного.

5. Археолог-копатель познакомится поскорее со всеми интересующими его материалами, не потеряет времени и выучит основательные технические приемы.

Осуществление этого проекта связано с большими затруднениями, и, несмотря на все старания, будут в конце концов везде обнаруживаться чувствительные недостатки и пробелы. Предприятие такого рода требует тщательного приготовления, много времени, денег и, главным образом, живейшего содействия Императорской археологической комиссии. Все карты, планы и рисунки, принадлежащие к отчетам бывших директоров Керченского музея, равно как и все бумаги, касающиеся керченских и таманских раскопок

и хранящиеся в архиве Императорской археологической комиссии, должны быть для пользования постепенно высыланы в Керчь. Относительно необходимых книг придется также просить помощи Императорской археологической комиссии и разных ученых учреждений, так как библиотека Керченского музея отличается крайней бедностью.

Позволяя себе надеяться, что Вашему сиятельству благоугодно будет обратить внимание на мои почтительнейшие представления, считаю долгом еще раз вкратце привести главные пункты, которые в следующем году с разрешения Вашего сиятельства могли бы составить кругозор моей деятельности:

1. Привести Музей в надлежащий порядок и очистить его от всего лишнего балласта.

2. Устроить усиленный надзор над "счастливыми" и позаботиться о сохранении памятников древности.

3. Пополнить библиотеку Музея древностей.

4. Построить сарай у Царского кургана.

5. Основательнее познакомиться с археологическою топографией Керченского градоначальства, начав предварительные и подготовительные работы для составления археологической карты, причем обратить главное внимание на гору Митридат.

В конце следующего года надеюсь представить Вашему сиятельству в виде образца маленькую часть археологической карты с комментарием и вместе с тем подробную записку о продолжении или же о прекращении всего предприятия. Для археологических разысканий, покупки древностей и разных других предприятий потребовалось бы на следующий год 3000 рублей» (Р.О. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 45-48).

Два последних рапорта К.Е. Думберга были рассмотрены Археологической комиссией 11 января 1892 г., и в ответе на эти послания отмечена поддержка некоторых из имеющихся в них предложений (Там же. Л. 53–54). Прежде всего это касалось мер в отношении усиления полицейского надзора за незаконными раскопками. Комиссия вскоре обратилась к министру внутренних дел с просьбой «об устранении кладоискательства в Керчи». Неудивительно, что в январе 1894 г. керчь-еникальский градоначальник направил в ИАК послание, в котором отметил, что дело борьбы с незаконными раскопками при К.Е. Думберге поднялось на новый уровень. Полицейские стали привлекать грабителей к ответственности, так что многие из них переключились на другие, вполне законные сферы деятельности. Вместе с тем высокопоставленный чиновник с солдатской прямоотой попенял, что кара, постигающая грабителей древних могил, слишком незначительна. Он предлагал принять закон, по которому виновные лица подвергались бы тюремному заключению: в первый раз — на месяц, во второй — на три месяца, в третий — на год с высылкой осужденного из пределов Керчь-Еникальского градоначальства. «Только при таких карательных мерах», — по его мнению, — «можно с уверенностью сказать, что памятники старины будут охранены от рук людей, для которых предметы эти дороги как средство наживы» (Там же. Л. 140–141).

Кроме того, в ответе из Археологической комиссии К.Е. Думбергу предлагалось составить опись всех древностей, хранящихся в музее, с указанием в ней тех предметов, которые могли быть переданы в другие музеи. В виде

эксперимента было разрешено нанять второго надсмотрщика, но жалование ему следовало выплачивать из сумм, которые отпускались музеем для археологических исследований (Там же. Л. 53–54). Покупку новых шкафов и витрин было решено отложить до приобретения для музея постоянного помещения. Комиссия признавала также, что необходимо изыскать удобный способ сохранения катакомб, но на связанные с этим финансовые затраты она опять же не была готова. К.Е. Думбергу было разрешено «заниматься исподволь» составлением археологической карты окрестностей Керчи и т. д. Кроме того, ему предлагалось прислать в Комиссию список книг, необходимых для библиотеки музея, и смету постройки сарая при Царском музее. Надо признать, что музейная библиотека в то время действительно находилась в весьма жалком состоянии: в ней насчитывалось всего 135 наименований книг и периодических изданий (Там же. Л. 69). Вскоре сюда начали поступать посылки с книгами из различных научных учреждений России, и библиотека стала постепенно пополняться. Это положительное явление, безусловно, следует связывать с деятельностью К.Е. Думберга.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что три приведенных выше рапорта были написаны человеком, в общем, очень мало знакомым с боспорской археологией и вообще реалиями керченской жизни. Напомню, что во втором из них, от 19 декабря 1891 г., К.Е. Думберг писал о безусловном запрете частных раскопок на казенных, общественных и церковных землях. Вскоре, однако, он сам предложил отказаться от абсолютности этого принципа. Дело в том, что в это время Керчь, прежде

всего гора Митридат, быстро застраивалась частными лицами, при этом даже в случае уплаты полагающейся суммы земля не становилась частной, так сказать, автоматически, а оставалась в ведении города до составления купчей крепости, т. е. иногда на достаточно долгое время. Оценив эту ситуацию, К.Е. Думберг 30 января 1893 г. направил письмо А.А. Бобринскому (Там же. Л. 104–105). В нем говорится, что поскольку археологический надзор за всеми керченскими дворами решительно невозможен, то директор музея стал иногда разрешать раскопки во дворах домовладений, деньги за которые не были выплачены или же еще не составлена купчая крепость. Работы эти, однако, осуществлялись под надзором надсмотрщиков музея, а в исключительных случаях — самого директора. За найденные вещи раскопщикам выплачивались деньги; в случае неудачи кладоискатели оставались без всякого вознаграждения (как написал К.Е. Думберг, «без возмездия»). По мысли исследователя, такие раскопки имели еще и ту пользу, что отвлекали «счастливицков» от работ в более отдаленных местностях, контроль за которыми был очень затруднен.

Допуская частные раскопки, К.Е. Думберг вместе с тем подчеркивал, что было бы весьма желательно, чтобы получение разрешения на такую деятельность было сопряжено с большими затруднениями. Он просил А.А. Бобринского выдать ему официальное предписание следующего содержания:

«1. Все хозяева земельных участков, за которыми полное право собственности еще не утверждено, желающие получить разрешение на производство археологических раскопок

в своих дворах, должны мне подавать формальное прошение с двумя гербовыми марками по 80 коп.

2. Раскопки производятся на известных условиях, составленных в форме законной подписки, подаваемой мне хозяином и его рабочими.

3. Отступления от этого предписания предоставляются моему усмотрению (если, напр., мне самому будет интересно производить раскопку у того или другого хозяина)».

Письмо ИАК, подготовленное В.Г. Тизенгаузенем, не заставило долго ждать, но прямого ответа на предложения К.Е. Думберга он не давал:

«...Археологическая комиссия вполне одобряет такое распоряжение Ваше, [но] опасается, что испрашиваемое Вами предписание, осложняя дело формальностями и требуя от людей бедных денежных расходов на подачу прошения и составление формальных подписок, поведет скорее к большей утайке частных раскопок, чем к упрощению контроля над ними. Вследствие этого Комиссия поручила мне войти с Вами предварительно в ближайшее обсуждение этого дела и выяснить подробнее те причины, которые побуждают Вас ходатайствовать о вышеозначенном предписании. Кроме того, Комиссии желательно было бы получить от Вас выработанный на основании закона и местных условий проект правил вообще об охране керченских древностей (при содействии местной полиции и городской думы), круг действий заведующего Керченским музеем древностей, обязанности надсмотрщиков и т. п.» (Там же. Л. 106). В общем, приходится признать, что эта инициатива директора Керченского музея не нашла понимания у петербургского начальства.

К.Е. Думберг продолжал активно трудиться в области изучения древностей Боспора Киммерийского и совершенствования работы Керченского музея, однако весной 1900 г. в результате возникшего в недрах ИАК конфликта и местных нестроений подал в отставку. Не случайно, что практически одновременно Императорскую археологическую комиссию покинул В.Г. Тизенгаузен, всегда по-дружески к нему относившийся (Мальмберг 2014: 81). Просьбу об отставке К.Е. Думберг мотивировал ухудшением состояния здоровья, точнее, обострившимся ревматизмом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 235). В том, что директор музея был серьезно болен, и в том, что болезнь эта в немалой степени объяснялась профессиональной деятельностью, не может быть ни малейших сомнений. Впрочем, стоит отметить еще один аспект: К.Е. Думберг мечтал о переводе в Петербург, планируя передать раскопки на Боспоре другому лицу, оставив за собой «главное руководство и контроль» (Там же. Л. 258–259). Он считал, что петербургский климат,

без сомнения, благотворно повлияет на его здоровье (Там же. Л. 258), что, надо признать, сейчас звучит достаточно странно. Вся эта история закончилась тем, что 15 июля 1901 г. К.Е. Думберг, которому тогда не было и 39 лет, был уволен со службы с мизерной пенсией в 333 руб. 33 коп. в год в чине надворного советника. Дела от него принял преподаватель керченской Александровской гимназии, хранитель Мелек-Чесменского кургана статский советник В.В. Шкорпил (Федосеев 2017: 148).

Дальнейшая судьба К.Е. Думберга известна очень слабо. Какое-то время отставной директор музея работал в статистическом комитете в Керчи, но в археологию так и не вернулся (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 278, 307–308; Лазенкова 2003: 46–47). Затем он перебрался в родную Эстляндию, где с 1915 г. трудился преподавателем и инспектором частной гимназии, а позднее — ассистентом минералогического кабинета Дерптского университета. Карл Евгеньевич скончался в мае 1931 г. (Мальмберг 2014: 80–81).

ХII

В последние десятилетия XIX в. ИАК вела активные раскопки курганных и грунтовых некрополей, в том числе и на европейской стороне Боспора. Ф.И. Гросс продолжал проводить свои исследования согласно издавна заведенным правилам. В 1886 г. он вновь предпринял раскопки около Мирмекия, в результате чего был исследован курган, находившийся за оградой Нового карантин (высота — 2,5 м, окружность основания — около 130 м). Основная гробница в этом кургане была разграблена, но рядом с ней,

возможно, в грабительском выкиде была найдена любопытнейшая группа терракотовых статуэток (12 экз.): мальчик с гусем и петухом; Аттис, поражающий быка; всадник, преследующий зайца; Афродита с дельфином и др. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 7. Л. 32; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: СII). В насыпи этого кургана к тому же были обнаружены впускные поздние погребения, костяки в которых лежали головами на запад. Ф.И. Гросс посчитал их гетуэзскими (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 7. Л. 32), и в этом он, безусловно, был

прав: здесь действительно существовал некрополь XIII–XIV вв., который можно связывать с небольшим генуэзским укрепленным поселением Понди-ко, построенным на руинах древнего Мирмекия (Бутягин 2003; Бутягин, Виноградов 2006: 49–51).

В 1887 г. директор Музея продолжил изучение двух курганов за оградой Керченского карантинна, насыпей в конце Карантинной слободки и у дачи Павловича, но они оказались безрезультатными (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 21. Л. 27; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: CLXXI). В 1889 г. при изучении некрополя Мирмекия были открыты три неразграбленные гробницы, в которых были найдены три лекифа с пальметками и «этрусский флакон с пальметкой» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 30. Л. 18 об.; ОИАК за 1889 г. 1892: 9–10). Эти предметы, во всяком случае последний из них, следует считать довольно ранними, относящимися к времени поздней архаики. Еще один «этрусский флакон» с изображением женской фигуры был обнаружен здесь Ф.И. Гроссом позднее (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 30. Л. 19).

В 1890 г. Археологическая комиссия обратилась к Ю.А. Кулаковскому с просьбой принять на себя руководство раскопками керченских гробниц, обещая ему помощь со стороны хорошего специалиста — Ф.И. Гросса (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 31. Л. 56), и это приглашение было принято. С 1888 г. в Керчи стал проводить работы председатель Археологической комиссии, который поначалу имел намерение предпринять исследования на Юз-Обе. В таких условиях самостоятельные работы директора Керченского музея, по понятным причинам, были сильно затруднены; в 1889 г. Ф.И. Гросс был

вынужден вообще прекратить раскопки и всех своих землекопов направить в распоряжение А.А. Бобринского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 30. Л. 7, 16).

Об исследованиях председателя Археологической комиссии в Керчи можно кратко сказать следующее. В 1887 г. город Керчь приобрел земли Багера, на которых лежали самые западные курганы цепи Юз-Оба. Сразу же возник вопрос о необходимости их раскопок, но переговоры с арендаторами земли затянулись (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 21. Л. 4–8). Надо признать, что и ранее А.Е. Люценко вел долгие переговоры с Багером по поводу исследования курганов Юз-Обы, лежащих на его землях. Из-за непомерных денежных запросов владельца земли эти переговоры не дали положительного результата (см.: Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 123–129). В конце концов, один курган здесь был исследован Ф.И. Гроссом летом 1888 г., второй, самый крайний в цепи Юз-Обы на западе, раскапывался А.А. Бобринским в 1888–1889 гг. (Там же: 86–89, 99–104). В 1891 г. председатель Археологической комиссии, проводя масштабные исследования одного из пантикапейских «пепелищ», обнаружил ранний курганный некрополь этого города, что, разумеется, имеет очень большое значение (о нем см. ниже).

С 1891 г. к изучению боспорских древностей приступил новый заведующий Керченским музеем К.Е. Думберг (ОИАК за 1891 г. 1893: 67–68). Еще раз можно обратить внимание, что поначалу он не имел никакого опыта проведения археологических работ. Вероятно, в какой-то степени этим следует объяснить его доверчивость к рассказам местных жителей о якобы известных тем местах, где татарами или другими

лицами были зарыты клады. К. Е. Думберг в этих местах, естественно, ничего не нашел и только зря потратил время (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 84. Л. 2–7; РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 165).

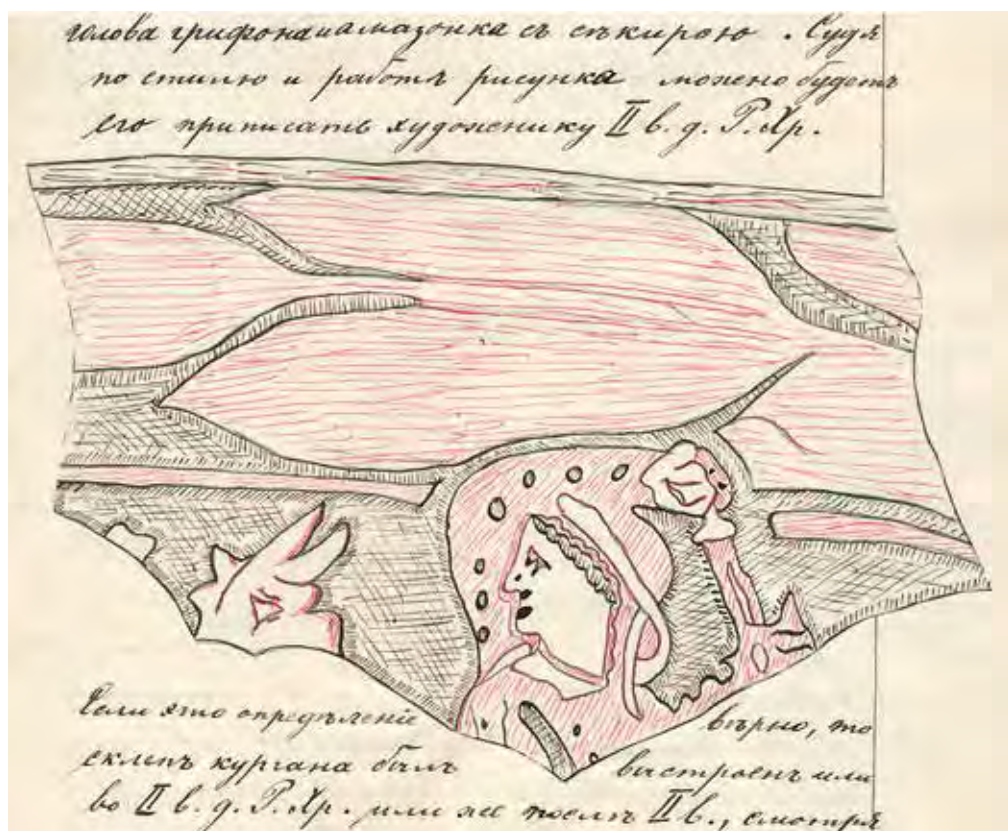
Первые опыты самостоятельных серьезных раскопок нового заведующего музеем тоже не очень впечатляют, хотя, как представляется, он пытался следовать методике своего выдающегося предшественника — А. Е. Люценко. Нет сомнения, что раскопки велись под наблюдением опытного надсмотрщика Семена Зяблова, который, вероятно, ошибок не допускал. 9 апреля 1900 г. за усердие в деле сохранения и изучения боспорских древностей Семен Зяблов был награжден серебряной медалью для ношения на шее на станиславской ленте (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 17). С 1 октября 1901 г. ему было назначено пособие из средств ИАК в размере 360 руб. в год (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 122. Л. 9). После смерти заслуженного археолога, 24 октября 1909 г., пособие в размере 180 руб. стало выплачиваться его вдове (Там же. Л. 20).

Интерпретация результатов этих работ, конечно, всецело принадлежит К. Е. Думбергу. В 1891 г. он открыл ограбленную катакомбу на северном склоне горы Митридат (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 84. Л. 27), затем доследовал гробницу во дворе Семена Белого. Эту гробницу начал раскапывать сын хозяина дома. По настоянию К. Е. Думберга за свои противоправные действия он получил пять суток ареста (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 84. Л. 28).

Стоит отметить, что ход раскопок и обнаруженные здесь предметы неплохо описаны в отчете (Там же. Л. 28). Наконец, К. Е. Думберг обратился к исследованию большого кургана, лежавшего по Аджимушкайской дороге,

который, вероятно, в свое время раскапывал А. Е. Люценко. Эти работы опять же сравнительно неплохо документированы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 84. Л. 28 и сл.), хотя рассуждения автора о последовательности возведения обнаруженных под насыпью погребальных сооружений вызывают очень большие сомнения. Ясно, что основным погребальным комплексом здесь был каменный склеп с «египетским» (уступчатым) сводом. Этот склеп был ограблен, но с ним, возможно, следует связывать обломок краснофигурного кратера с изображением амазонки, сражающейся с грифоном, обнаруженный в насыпи кургана. К. Е. Думберг считал, что эта находка относится ко II в. до н. э. (Там же. Л. 31), что выдает его полное незнание древнегреческой расписной керамики. Почти нет сомнения, что А. Е. Люценко или Ф. И. Гросс датировали бы этот фрагмент IV в. до н. э.

В 1892 г. К. Е. Думберг, в принципе, продолжил действовать в русле работ предшествующего года: надсмотрщики музея докладывали ему, что в той или другой части Керчи «счастливчики» обнаружили или пытаются обнаружить гробницу, что в том или ином керченском дворе или огороде владельцы нашли что-нибудь интересное и т. п. Директор музея принимал необходимые меры, спасая памятники древности, и в ряде случаев ему удалось открыть действительно очень показательные, информативные археологические комплексы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 39. Л. 8 и сл.). Например, во дворе мыловаренного завода Зидорфа по Аджимушкайской улице он открыл могилу, в которой погребенный был уложен на толстом слое морской травы, головой на юго-запад;

Обломок краснофигурного кратера из кургана на Аджимушкайской дороге, 1891 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 84. Л. 28)

при нем находились черепки грубого горшка из черной глины (лепного?) и поврежденный лекиф с черным украшением, вероятно, чернофигурный (Там же. Л. 22). Еще более интересна каменная гробница, исследованная К. Е. Думбергом около так называемого Собачьего кургана (Там же. Л. 23 и сл.; ОИАК за 1892 г. 1894: 29–31). В ней в составе погребального инвентаря наряду с прочим находились пять ваз: две леканы, желобчатая чернолаковая пелика, украшенная изображением золоченого венка на горле, краснофигурная амфора с весьма небрежным изображением борьбы двух амазонок с грифоном и сильно потертая амфора с росписью (бой греческого воина

с двумя амазонками), нанесенной водяными красками.

Сочетание поздних краснофигурных vaz с «акварельным» сосудом позволило исследователю датировать эту гробницу II в. до н. э., что сейчас представляется абсолютно неверным. Тем не менее идея о поздней датировке краснофигурной керамики на Боспоре очень увлекла К. Е. Думберга; по этому поводу он писал: «Вазовая живопись прекращается в боспорских городах позднее, чем в самой Греции, и ее произведения, по всей видимости, гораздо моложе, чем обычно полагают» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 39. Л. 26 об.). Действительно, «акварельные» вазы, скорее всего, стали производиться

«Акварельная» ваза из гробницы 1892 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 39. Л. 29)

на Боспоре после прекращения массового ввоза художественной керамики из Афин, точнее, после прекращения ее производства там. Однако поздние краснофигурные вазы вряд ли могли «дожить» до II в. до н. э.

К. Е. Думберг был во многом прав, когда писал: «Хронология составляет одну из очень слабых сторон южно-русской археологии, и это объясняется главным образом тем, что гробничные находки очень часто рассматриваются не в совокупности и не в связи с другим, находящимся более в стороне материалом» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 39. Л. 26 об.). Действительно, разработка корреляции находок, происходящих из погребальных комплексов, в целях наиболее достоверной их датировки имеет огромное значение для археологической науки. Это направление исследований, в принципе, могло дать

положительный результат уже в конце XIX в., но лишь при условии опоры на хорошо установленные, проверенные опытом хронологические атрибуции. Директор Керченского музея, по всей видимости, считал надежно установленной датировку «акварельных» пелик, а не аттической расписной посуды.

В подтверждение поздней датировки могилы 1892 г. автор раскопок привлек происходящие из нее монеты, на одной из которых изображена голова быка с надписью ΠΑΝ, на другой — протома грифона с аналогичной надписью. Эти находки сейчас можно датировать совсем не II в. до н. э., а началом III в. до н. э. (Анохин 1986: № 119, 120–122), что дает основание относить к этому времени весь интереснейший керамический комплекс, открытый К. Е. Думбергом.

Мраморный лев из кургана на землях подполковника Волошкевича в момент открытия в 1894 г. Фото М.С. Рубанчика (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 158. Л. 150)

Деятельность директора музея в Керчи в 1893 г. не вполне ясна (ОИАК за 1893 г. 1895: 6–7). Во всяком случае «Дело ИАК о раскопках господина заведующего Керченским музеем древностей» за этот год (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 135) состоит всего из одного документа — письма В.Г. Тизенгаузена с просьбой расследовать под Керчью некоторые особенно перспективные, по его мнению, места: участок мещанки А. Волченко, расположенный около Карантинного шоссе, и три некрополя за Казенным садом. Раскопки следующего, 1894 г. убеждают нас в том, что К.Е. Думберг твердо придерживался тактики «пожарной команды», идя вслед за «счастливыми» и даже поддерживая тесные контакты с торговцами древностями, к примеру, с Б. Букзелем и Е. Запорожским. В рапорте

А.А. Бобринскому он объяснял свои действия тем, что с такими людьми необходимо поддерживать «дружеские» отношения, поскольку открытая вражда может привести к полнейшему укрывательству любой информации о действиях «счастливых» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 47. Л. 16). Что касается участка мещанки А. Волченко, то раскопки здесь провел Н.И. Веселовский, приехавший в Керчь на несколько дней и пожелавший произвести здесь «маленькую археологическую раскопку». Надежды на хорошие открытия, однако, оказались напрасными; Н.И. Веселовский обнаружил всего 3 или 4 нетронутые гробницы, все остальное свидетельствовало о давнем разграблении (Там же. Л. 51–52).

В том же 1894 г. в Керчи было сделано одно в высшей степени любопытное

*Мраморный лев из кургана на землях подполковника Волошкевича
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 158. Л. 147)*

археологическое открытие. Группа «счастливчиков» начала раскапывать курган на землях подполковника Волошкевича, т. е. недалеко от железнодорожного вокзала, и почти сразу нашла большую мраморную скульптуру, изображающую льва (ОИАК за 1894 г. 1896: 5, рис. 1; Ростовцев 1914а: 255–257; Марти 1926: 38; Максимова, Наливкина 1955: 305, 307, рис. 16; Соколов 1973: 131, № 138; Кобылина 1984: 293, табл. СIII, 2). Подобные находки на Боспоре, как известно, представляют собой явление чрезвычайно редкое; до этого скульптуры хорошей сохранности были обнаружены лишь в 1850 г. (см.: Бич 1958: 87–90; Кобылина 1984: 214, 296, табл. CVI, 2; Тункина 2002а:

301–302). Неудивительно, что это открытие привлекло очень большое внимание, а сам курган вскоре стал называться Львиным (Цветаева 1957: 244–247, рис. 5–6; Горончаровский 2017b). К. Е. Думберг провел работы на этом памятнике в течение двух сезонов 1894–1895 гг., в результате чего вся насыпь была снята полностью (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 158. Л. 32–39, 154–231; ОИАК за 1894 г. 1896: 5–6, рис. 1; ОИАК за 1895 г. 1897: 20–22). Под ней были выявлены остатки разграбленного и почти полностью разрушенного каменного склепа (10,7 × 4,25 м) с дромосом длиной более 21 м. Склеп, скорее всего, имел полуцилиндрический свод; он был оштукатурен и, вероятно,

расписан (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 158. Л. 158 об.). На его полу была обнаружена каменная плита с надписью, свидетельствующей о том, что «этот памятник» построил некий Алким и его жена Филопатра в 311 г. боспорской эры (КБН 335), т. е. в 14 г. н. э. «Памятник», т. е. прежде всего склеп, если судить по найденным архитектурным деталям, был богато украшен; важной деталью его внешнего убранства, несомненно, была мраморная скульптура льва. Несмотря на редчайшую для боспорских памятников точность датировки, многие вопросы, связанные с изучением Львиного кургана, остаются неясными. Прежде всего, до сих пор непонятно, когда склеп был разрушен, и почему столь крупная скульптура была зарыта (спрятана) в сравнительно небольшой яме, наконец, неясным остается и вопрос о том, был ли курган сооружен единовременно или же включил в себя и более ранние насыпи. В современной науке как будто преобладает первая точка зрения (Цветаева 1957: 244). Понятно, что окончательное оформление Львиного кургана относится к 14 г. боспорской эры; В. А. Горончаровский считает, что этот погребальный памятник можно относить к категории царских (Горончаровский 2017b).

После раскопок 1895 г. К. Е. Думберг сделал заключение, что весь этот курган был построен сразу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 158. Л. 196 об.), т. е. он представлял единовременный памятник, относящийся к 14 г. н. э. Однако годом раньше он писал совсем другое: «Разрезанная курганная насыпь показывает, что этот курган был не сразу насыпан, а мало-помалу, и состоит из нескольких маленьких курганов, соединенных потом в один большой» (Там же. Л. 29; ср.: ОИАК за 1894 г. 1896: 6).

Приведенное противоречие во взглядах исследователя имеет принципиальное значение для понимания памятника в целом. Дело в том, что помимо остатков каменного склепа в нем было открыто несколько «жженных точек» (тризн) и остатков кремаций. Из этих контекстов, как следует из отчета о раскопках, происходили обломки краснофигурных кратеров и других ваз, фрагменты чернолаковой посуды с штампованным орнаментом на дне, амфорные клейма и т. д. Все это дает вполне надежное основание относить обозначенные комплексы к IV в. до н. э. и, соответственно, признавать более вероятным первоначальное предположение К. Е. Думберга о разновременности возведения Львиного кургана.

Автор раскопок, однако, усмотрел в этих фактах подтверждение своей точки зрения об относительно поздней датировке краснофигурной керамики на Боспоре, что предполагалось им после открытия гробницы 1892 г. Исследователь считал, что в Львином кургане не было найдено ни единой вещи, выходящей за хронологические рамки I в. н. э., хотя и признавал, что обозначенная посуда по тонкости и качеству лака не отличается от более древней. По этому поводу он заключил: «Употребление такого рода посуды в начале христианской эры дает чрезвычайно важный и интересный критерий для хронологического определения подобных находок. Причисляются же ее обыкновенно более древним временам. Но Львиный курган сообщает еще больше и доказывает, что хронология, принятая относительно керченских расписных ваз, совершенно ошибочная» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 158. Л. 198 об.). В соответствии со своими взглядами на хронологию К. Е. Думберг

считал, что, к примеру, склеп Васюринского кургана был выстроен в I в. н. э., и, вообще, все склепы с полуцилиндрическими сводами принадлежат римской эпохе (Там же. Л. 204 об., 205 об.). Он резко возражал Л. Стефани, относившему Артюховский курган к II в. до н. э. (ОИАК за 1880 г. 1882: 26–27), полагая, что этот памятник следует датировать II в. н. э. или даже III в. н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 158. Л. 209 об.). Исследователь все более убеждался в мысли, что «греческая и римская хронологии не всегда применимы к Боспору» (Там же. Л. 208 об.). Он информировал ИАК о своем стремлении получить все боспорские материалы для основательной их обработки «с точки зрения сравнительной хронологии и археологии». К.Е. Думберг писал: «С удовольствием я посвятил бы ей (т. е. созданию новой хронологии. — *Авт.*) всю свою жизнь» (Там же. Л. 210 об.).

В связи с изложенным допустимо высказать удивление, насколько ложные идеи могут захватить человека, более того — стать целью всей его жизни. В Императорской археологической комиссии такие взгляды, разумеется, не могли найти поддержки.

Для изучения расписных катакомб Керчи очень важным стал 1896 г., когда на землях мещанки Зайцевой был открыт склеп Деметры (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 38; РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 58. Л. 151–155; ОИАК за 1896 г. 1898: 65–66), быстро ставший общеизвестным, можно сказать, хрестоматийным памятником боспорской декоративной живописи (Ростовцев 1914а: 199–226; Гайдукевич 1949: 405–408; Иванова 1953: 146–150; Ернштедт 1955: 263–265; Соколов 1973: 106–108, № 103–112; Зинько 1994; Зинько и др. 2009). К.Е. Думберг датировал этот памятник

не ранее II в. н. э. и, понимая его важность, предполагал подготовить публикацию в одном из выпусков «Материалов по археологии России» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 58. Л. 155), но сделать это ему не удалось.

В сентябре 1899 г. археологическое общество было обрадовано находкой «стасовского» склепа с его замечательными батальными росписями (Ростовцев 1914а: 293–345; Гайдукевич 1949: 415–419; Ернштедт 1955: 275 и сл.; см. также: Кукина 2017), т. е. памятника, открытого В.В. Стасовым в 1872 г. и считавшегося погибшим (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 18. Л. 26). До археологов в склепе, как часто случалось, побывали «счастливчики», разрушившие здесь все лежанки (Там же. Л. 168). Другое выдающееся открытие подобного рода было сделано 31 января 1900 г., когда на участке между бойней и тюрьмой был найден каменный саркофаг, внутри украшенный росписями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 5. Л. 6, 41, 185). Каждая из длинных стен была разделена на три части изображенными здесь колоннами. В пяти частях были представлены музыканты, воины, обычные погребальные сцены, на шестом поле изображен художник-живописец за работой. Роспись этого саркофага считается одним из важнейших памятников боспорской художественной культуры (Ростовцев 1914а: 376–389; Гайдукевич 1949: 397–401, рис. 70; Иванова 1953: 153–154; Ернштедт 1955: 269 и сл.; Блаватский 1964а: 174–175; Соколов 1973: 109–111, № 113–115).

В 1897 г. К.Е. Думберг предпринял крупные исследования в Поднепровье, в Верхних и Нижних Серогозах (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 51). Несмотря на столь большую загруженность, он сумел провести раскопки

на северном склоне горы Митридат, к востоку от того места, где А. А. Бобринской в 1891 г. обнаружил курганы раннего некрополя Пантикапея. Под насыпью, достигавшей 8,5 м в глубину, заведующий музеем открыл две грунтовые могилы, которые, судя по сопровождающему материалу (амфориск «финикийского» стекла, чернофигурный лекиф, украшенный пальметками, и пр.), следует относить к времени поздней архаики, хотя сам исследователь датировал их концом V в. до н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 51. Л. 86–87; ОИАК за 1897 г. 1900: 36). На следующий год К. Е. Думберг открыл здесь еще несколько любопытных гробниц, в том числе погребение, содержащее остродонную амфору, амфориск «финикийского» стекла, короткий железный меч, нож и каменный оселок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 30. Л. 153–154; ОИАК за 1898 г. 1901: 16 и сл.). Полученные материалы позволили предложить более обоснованную хронологическую атрибуцию некрополя — V в. до н. э. Продолжение раскопок на этом участке в 1899 г. не дало желаемого результата, археологи открыли скудные остатки стен. К. Е. Думберг в связи с этим предположил, что местность рядом с некрополем была застроена какими-то сооружениями в том же V в. до н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Л. 18. Л. 154 об.; ОИАК за 1899 г. 1902: 17). В 1900 г. исследователь работал уже на Карантинном шоссе и в других районах, где была изучена почти сотня различного типа гробниц (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 5. Л. 139–140, 185–199).

Одно из отрядных веяний нового времени заключается в росте технической оснащенности керченских археологов. К концу XIX в. они уже отказались от допотопных тачек и приобрели

вагонетки, рельсы для прокладки необходимых путей и т. д. Работы, безусловно, пошли значительно быстрее и эффективнее. Весной 1901 г., несмотря на грядущее увольнение со службы, К. Е. Думберг ничуть не ослабил своей привычной работы по изучению погребальных памятников Пантикапея. В это время им было открыто 13 катакомб, из которых одна имела роспись, исполненную в грубом, варварском стиле (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 12. Л. 11, 19; см.: Ростовцев 1914а: 412–416).

Надо признать, что памятникам азиатской стороны Боспора в рассматриваемое время археологи стали уделять заметно меньше внимания, чем ранее. Ф. И. Гросс провел здесь исследования в 1886 г., они были сосредоточены на Тузле (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: СIII–СIV). В результате этих работ было вскрыто сразу 11 насыпей. Исследователь по этому поводу даже заметил, что «теперь можно положительно сказать, что все курганы в этом месте тщательно расследованы» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 7. Л. 32 об.). Таким образом, нерасследованными, по его мнению, оставались лишь курганные памятники около Цукурского лимана и на Бугазе. Ф. И. Гросс допускал при этом, что в них могут находиться не только «скифские», но и греческие гробницы. Ответ на этот вопрос могли дать только будущие раскопки.

К. Е. Думберг провел серьезные работы на азиатском Боспоре в 1893 г. В. Г. Тизенгаузен писал ему 16 августа, что около станции Стеблеевской обнаружили древний могильник, на котором найдено несколько надгробных камней с надписями; заведующему музеем для раскопок этого могильника был выдан Открытый лист и выделено 400 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г.

Д. 140. Л. 1–5). О раскопках этого года под Стеблеевской в архиве Археологической комиссии материалы отсутствуют, но имеется информация об исследованиях в немецкой колонии Михаэльсфельд (Джигинка). В 1892 г. здесь в обрыве древнего русла Кубани при случайных обстоятельствах была найдена византийская золотая цепь (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 39). К.Е. Думберг в 1893 г. заложил на обрыве несколько траншей, в результате чего было найдено некоторое количество золотых и прочих предметов (серьги, подвески, вставки и пр.). Общий контекст находок поначалу остался неясным (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 140. Л. 10–12; ОИАК за 1893 г. 1895: 8); современная наука рассматривает Михаэльсфельд как эталонный памятник времени раннего средневековья (Засецкая 2010). В одной версте от этого места тогда же был раскопан один небольшой курган, но надежда археолога обнаружить здесь «что-нибудь для определения археологического характера ближайшей окрестности, однако, не осуществилась, и пришлось констатировать самое полное разорение» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 140. Л. 13).

Осмотрев окрестности станции Сенной, К.Е. Думберг решил раскопать один полуразрушенный курган на берегу Таманского залива. По его словам, здесь он попытался поближе познакомиться с техническими приемами проведения археологических работ на курганах, а также доказать, что «самые раскопанные» курганы еще далеко не исследованы (Там же. Л. 128). Эти раскопки примечательны отнюдь не сделанными находками, К.Е. Думберг открыл в кургане лишь «жженный точек», т. е. место тризны, и обычную гробницу, перекрытую досками.

Любопытно другое: исследователь действительно показал, что курганы нуждаются в доследовании, что, как он выражался, «почти каждый раскопанный курган на Таманском полуострове представляет собою знак вопросительный». И еще одно в высшей степени важное обстоятельство: именно К.Е. Думберг одним из первых среди боспорских археологов пришел к выводу о необходимости полного сноса курганных насыпей, он писал, что «курганы в странах с преобладающе греческою культурою должны быть совсем снесены, что стоит довольно дорого, но не допускает, однако, впоследствии никаких сомнений» (Там же. Л. 130; ср.: ОИАК за 1893 г. 1895: 9).

Следующий раз К.Е. Думберг появился на азиатском Боспоре лишь через семь лет, и связано это было с тем, что 7 августа 1900 г. около станции Ахтанизовской был обнаружен знаменитый Ахтанизовский клад (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 5. Л. 197–200; о нем см.: ОИАК за 1900 г. 1902: 46 и сл.; Спицын 1909а: 19 и сл.; Ростовцев 1925: 557; Максимова 1969: 55 и сл.; Pfrommer 1987: 70; 1993: 9; Mordvinceva 2001: 72–73). Двое местных жителей, Яков Лупиков и его сын Касьян, случайно обнаружили каменную гробницу, сложенную из пяти плит. Ее размеры — 2,15×0,7 м, глубина — 1,4 м, ориентация по линии восток — запад. По словам раскопщиков, костяка в могиле не было, а золотые и серебряные вещи находились вне ее, за северной стенкой, где они были сложены «в одну кучу». К моменту приезда К.Е. Думберга некоторые вещи из клада были куплены врачом И.А. Терлецким. Директор музея проявил свойственную ему напористость и, в конце концов, получил (выкупил), вероятно, почти все, что тогда

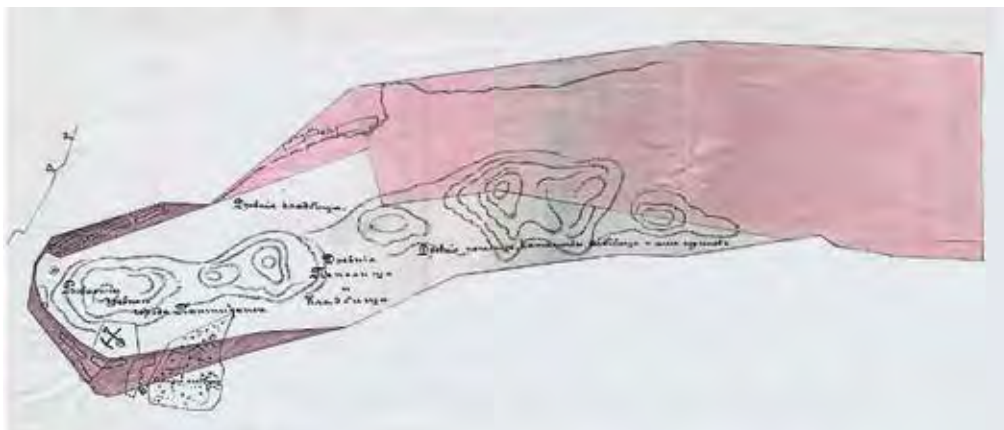
было найдено. После этого он приступил к раскопкам. Сначала была тщательно исследована площадь самой гробницы, а затем начались раскопки на более отдаленных территориях. Пробными ямами и траншеями была раскопана огромная площадь, а с помощью бура проведены крупные разведочные изыскания. Однако результат всех этих усилий был печален: лишь 10 весьма скромных гробниц (Думберг 1902: 58–60). Оценивая проведенные работы, К.Е. Думберг с горечью заметил: «Не может быть, чтобы гробница Лупиковых была единственной богатой» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 5. Л. 199), но другой подобной он в этой местности, к сожалению, не обнаружил. Тем не менее именно ему принадлежит заслуга спасения для науки Ахтанизовского клада, который по-своему является уникальным. Ученые оценивают этот комплекс по-разному; совсем не исключено, что его можно трактовать как погребение воина времени Митридата VI Евпатора (Виноградов 2004а: 174–175; Виноградов, Горончаровский 2009: 145–146).

Одновременно с Ахтанизовкой К.Е. Думберг проводил исследования еще в двух местах Таманского полуострова: в станции Сенной и на Южном кордоне, который к тому времени был построен в 12 верстах от Тамани на Тузлинском мысу. О работах на кордоне мы ничего не знаем, а вот о Сенной можно сказать, что раскопки здесь были достаточно масштабными и проводились они в нескольких местах (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 5. Л. 199, 200–201; ОИАК за 1900 г. 1902: 47; Думберг 1902: 60). Однако, несмотря на все старания, эти исследования не увенчались успехом: в курганах и на ровной местности тогда было открыто 30 гробниц, но лишь 6 оказались «более или менее

целыми». К.Е. Думберг по этому поводу даже отметил: «Нигде я не встретил такого страшного разорения, как на станции Сенной». Несмотря на такую неудачу, исследователь продолжал считать, что Фанагория еще может дать много важных находок, но раскопки здесь «должны быть предпринимаемы с большими средствами и продолжаться непрерывно месяцев шесть» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 5. Л. 199).

В декабре 1900 г. Археологическая комиссия вновь направила К.Е. Думберга на Тамань. Около хутора Фонтан необходимо было осмотреть склеп, открытый местными казаками в небольшом кургане. Склеп, по заключению археолога, был ограблен еще в древности; ничего особенного, кроме древесного угля, он здесь не заметил (Там же. Л. 202–203).

Ф.И. Гросс и еще в большей степени К.Е. Думберг продолжали работы по изучению городищ. В 1886 г. на вершине горы Митридат, к западу от так называемого кресла Митридата, в дождевых размывах были замечены отески мрамора, и сразу возникло предположение, что здесь производилась обработка мраморных изделий (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 7. Л. 31). На этом участке был заложен раскоп площадью более 280 кв. м, культурный слой вскрыт на глубину от 1,5 до 3,5 м. В результате проведенных работ обнаружена большая яма, вырубленная в скале и оштукатуренная, которую Ф.И. Гросс посчитал зернохранилищем. Яма была перекрыта каменной плитой; ее глубина составляла 4,25 м, при этом диаметр в верхней части равнялся 1,25 м, далее стенки расширялись, и диаметр дна достигал 2,15 м. Мастерской по обработке мрамора здесь, как видим, открыть не удалось, но тем не менее на дне ямы

Эспланада на горе Митридат, план (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 268)

найдена часть головы от женской мраморной скульптуры (см.: Виноградов 2017b: 151, 262, табл. 114). В культурном слое этого участка найдено множество обломков расписных ваз в так называемом «этрусском стиле» (так тогда обычно называли аттические чернофигурные сосуды), которые, по заключению исследователя, «свидетельствуют о былом величии боспорской столицы» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 7. Л. 31 об.; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XCIX–С; Блаватский 1951: 13). В 1900 г. Э.Р. Штерн, как известно, написал, что иногда и «презренный черепок» может послужить «исходным пунктом для важной исторической комбинации» (Штерн 1900а: 20). В плане практическом, как видим, у него были предшественники.

Поблизости от этого участка был сделан еще один раскоп площадью более 190 кв. м, в результате чего был зачищен северный фас скального массива горы, у основания которого открыта другая яма схожей конструкции, но меньших размеров. К ней вели водостоки, сделанные из камня, что позволяет считать ее цистерной для сбора дождевой воды (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 7. Л. 31 об.; ОИАК за 1882–1888 г.

1891: С–С1; Виноградов 2017b: 150, 261–262, табл. 113). В.П. Толстиков считает, что при зачистке скального массива Ф.И. Гросс обнаружил ступенчатые подтесы под облицовку скалы квадратной кладкой (Толстиков 1992: 52). В 1891 г. раскопки на пантикапейских «пепелищах» провел А.А. Бобринской (см. ниже).

В начале 1892 г. стало известно, что военные власти передали сооруженную к тому времени на горе Митридат крепостную эспланаду городу Керчь и что там, вероятно, начнется добыча камня (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 76). К.Е. Думберг сразу же начал активную борьбу против такой перспективы, настаивая на том, чтобы эти земли (порядка 180 десятин, т. е. почти 200 га) были доступны для археологических исследований. Военное ведомство оправдывалось тем, что на этих землях предполагается высадить кусты или другие растения, устроить пастбища и т. д., но никак не превращать их в каменоломни. Местные жители, однако, сразу начали там строительство, и К.Е. Думберг требовал от городской управы запрещения этого самоуправления (Там же. Л. 148). Защищая права

археологов, он в 1897 г. писал: «Здесь стоял в древности замок боспорских царей, была расположена древнейшая часть города Пантикапея, находились самые интересные кладбища его жителей. <...> Митридатская эспланада еще далеко не исследована, и в ее недрах покоится, несомненно, много ценных сокровищ» (Там же. Л. 188). Результатом этого противостояния стало решение Военного ведомства, принятое в январе 1898 г., о том, что эспланада все-таки передается в аренду керченским городским властям, но с тем условием, «чтобы участки, потребные Археологической комиссии для изысканий с научной целью, могли быть выделяемы из аренды во всякие времена по первому требованию Военного ведомства, без всякого за то вознаграждения городу» (Там же. Л. 196).

Главным объектом внимания К.Е. Думберга, конечно, всегда являлся Пантикапей, при этом не только некрополь, но и городище. В 1896 г. он по этому поводу писал в Археологическую комиссию: «Для выяснения бытовой жизни, численности населения и множества других весьма интересных вопросов самое лучшее средство — исследование “пепелищ”. Последние [представляют собой], так сказать, живой и верный отпечаток культуры. Городские постройки подвергались частым изменениям, и находимые в пределах городских стен предметы не могут поэтому служить надежным хронологическим путеводителем. “Пепелища” же остаются в большинстве случаев нетронутыми. Они образуются постепенно, один слой за другим, и при внимательном исследовании из них можно извлечь самые ценные факты. Известно же, например, какой яркий свет бросила раскопка т. н.

Persersschutt в Афинах на греческое искусство до Персидских войн (имеется в виду “персидский мусор”, т. е. культурный слой, образовавшийся в Афинах в результате разрушения города персами в 480 г. до н. э. — *Авт.*).

Громадные пепелища на горе Митридат, к счастью, еще более или менее целы. Можно быть вполне уверенным, что дальнейшие систематические раскопки откроют [здесь] целый ряд разных наслоений, обязанных своим происхождением отдельным периодам городской жизни. Тщательное расследование “пепелищ” является единственным надежным способом для установления более точной хронологии произведений искусства, в особенности гончарного, и дает возможность определить типичные формы посуды каждой эпохи. Точная хронология гончарных изделий поможет в свою очередь устранить и предотвратить множество ошибок, господствующих в области курганной хронологии, основанной преимущественно на весьма шатких стилиевых данных, представляемых вещами, находимыми в гробницах и склепах. Слишком часто выпускается из виду то обстоятельство, что в жизни народов ничто так долго и упорно не держится и [не] сохраняет свою древнюю форму, как предметы, связанные с религиозными обрядами и захоронениями. Стиль может до известной степени определить время происхождения того или другого предмета, найденного в курганном склепе, время же сооружения самого кургана показывает одна только тризна, остатки которой дают неопровержимое свидетельство о свойственной данному периоду посуде. Таким образом, получается теснейшая связь между курганами

и «пепелищами», и остается только надеяться, что Археологическая комиссия обратит серьезное внимание на научное исследование последних» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 30. Л. 159–160).

Через два года исследователь высказался еще категоричней: «Чтение отчетов директоров Керченского музея и разного рода наблюдения возбуждали во мне предположение, что под громадными насыпями восточной половины горы Митридат непременно должны находиться значительные остатки древнего Пантикапея» (Там же. Л. 35 об.).

Он также писал: «Гора Митридат подвергалась в течение более 60 лет постоянным разысканиям со стороны профессиональных археологов и непрошенных кладоискателей-счастливицков. Казенные и частные копатели обращали внимание преимущественно на западную половину горы с ее бесчисленными древними кладбищами; раскопки же восточных насыпей Митридата, под которыми непременно должны находиться остатки акрополя и города Пантикапея, редко предпринимались. Роскошные вазы, золотая и серебряная посуда, ожерелья, перстни и т. п. здесь не могли обнаружиться, расследование же громадных насыпей ради решения чисто научных, исторических и топографических вопросов не имело ничего привлекательного и стоило очень много денег, времени и терпения. А между тем представляют эти насыпи не меньше интереса, чем курганы, катакомбы, склепы. Мы знаем, как пантикапейцы своих покойников хоронили, как они украшали жилища мертвых драгоценными предметами и фресковою живописью, но где и как они сами жили, какой вид имели их дома — об этом мы почти никакого

понятия не имеем. До сих пор даже неизвестно, имели ли, например, находимая при покойниках глиняная посуда и терракоты исключительно погребальный характер или же служили они также в домах живых. Все такие и массу других вопросов, касающихся внутренней и бытовой жизни пантикапейцев, положения, устройства и вида их города, могут разрешить только систематические и продолжительные раскопки именно этих восточных насыпей Митридатовой горы.

Что в этой местности в древности находился акрополь или часть города, не могло подлежать ни малейшему сомнению и подтверждалось находимыми при раскопках фундаментами, цистернами и т. д. К какому, однако, периоду относились эти остатки, осталось неизвестным» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 58. Л. 165–166).

Надо признать, что к тому времени К.Е. Думберг имел все основания для этого заключения. Еще осенью 1896 г. на восточном склоне Митридата были проведены крупные работы, в результате чего вскрыта площадь почти 640 кв. м при мощности напластований до материка от 4 до 7 м. В одном из раскопов на материке открыты остатки двух домов, при этом в обоих находились куски прекрасной цветной штукатурки. Еще более впечатляющие архитектурные остатки были выявлены во втором раскопе, а именно — часть крупного дома, стены которого сложены из хорошо отесанных камней и покрыты цветной штукатуркой. Здесь же находились барабаны колонн и детали карниза хорошей отделки. К.Е. Думберг датировал это здание I в. до или после новой эры и не без гордости писал: «Во всяком случае, можно уже теперь сказать, что на Митридатовой

«Храм Геркулеса» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 18. Л. 205)

горе найдены остатки самого древнего жилого дома, открытого до сих пор в пределах России» (Там же. Л. 168 об.; ОИАК за 1896 г. 1898: 66 и сл.).

В 1898 г. К.Е. Думберг продолжил раскопки на этом участке и постепенно выявил остатки крупной постройки, которую он интерпретировал как термы, построенные в I или II в. н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 30. Л. 85–91; ОИАК за 1898 г. 1901: 13 и сл.). В своем отчете исследователь с увлечением рассказывает об открытых им остатках бассейнов, очаге, в котором нагревался воздух, подававшийся в помывочные залы: фригидарий, тепидарий и кальдиарий (прохладное, теплое и горячее отделения). Он был настолько увлечен идеей о «глубоком влиянии римской культуры на обычаи и нравы обывателей древней греческой колонии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 30. Л. 90 об.), что не придал значения сравнительно

небольшим размерам пантикапейских «терм», которые никак не соответствовали параметрам общественного здания. К тому же в них не нашлось места для раздевалки, под полом не было обнаружено и неизменных во всех термах приспособлений для подачи нагретого воздуха (гипокаустов), зато в некоторых помещениях были устроены абсолютно неуместные в бане крупные зерновые ямы. Правильность реконструкции К.Е. Думберга, как видим, вызывает определенные сомнения.

О методе реконструкций в научном исследовании К.Е. Думберг тем не менее рассуждал вполне здраво. Он писал: «Посредством осторожной реконструкции несомненно возможно будет восстановить — разумеется, на бумаге — ту или другую часть столицы Боспорского царства, сделать ее более понятной, наглядной, доступной». Археолог сетовал, что в России смотрят на это

с подозрением, как на некую «фантазию». Любое историческое исследование, однако, есть именно реконструкция, а «люди и бумага скорее врут, чем камни и черепица» (Там же. Л. 36).

Несмотря на отмеченные выше сомнения в правильности интерпретации К.Е. Думберга, многие специалисты признают ее вполне верной (Ростовцев 1914а: 113–114; Крыжицкий 1993: 185–186). Не настаивая на окончательности вывода, рискну высказать догадку, что в результате раскопок 1896 и 1898 гг. директор Керченского музея открыл крупный дом богатого пантикапейца, одно из помещений которого действительно могло служить ванной.

К сожалению, исследователь почти не обратил внимания на другое свое открытие. В северо-западном углу раскопа были обнаружены остатки «черепичного завода», точнее, боковые стены большой обжигательной печи. В ней находилось значительное количество полуобожженной черепицы и грузила (отчасти со штемпелями). Любопытно и другое заключение К.Е. Думберга, что «завод», как и «термы», был брошен, вероятно, при нападении неприятеля (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 30. Л. 90). Относительно оправданности вывода К.Е. Думберга об открытии «черепичного завода» возражал В.Ф. Гайдукевич, отрицавший, что директор Керченского музея обнаружил тогда гончарную печь (Гайдукевич 1934: 221; но ср.: Блаватский 1951: 28). Однако даже если сомнения В.Ф. Гайдукевича относительно открытия печи верны, то присутствие «полуобожженных черепиц» однозначно свидетельствует о наличии здесь керамической мастерской.

В 1899 г. успешные раскопки Пантикапея были продолжены. Результаты их

действительно впечатляли, 5 октября в лондонской «Times» по этому поводу даже появилась маленькая заметка (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 18. Л. 36 об.), в которой говорилось: «Раскопки эти обещают обогатить Россию новыми Помпеями, так как исследователи уже успели обнаружить фундаменты здания, представляющего, по-видимому, храм Геркулеса. Открыты термы, а также некоторое число фресок, и вновь открыта известная стасовская катакомба, считавшаяся погибшей 30 лет».

О термах и стасовской катакомбе уже было сказано выше. Что касается прочих открытий на городище в 1899 г., то действительно тогда К.Е. Думберг обнаружил остатки большой постройки, в планировке которой он выделил пять крупных частей или блоков, каждый из которых был разделен на несколько помещений. В одной из таких небольших комнат были найдены бюст Диониса и герма Геракла. Последняя находка позволила исследователю предположительно называть открытую им постройку храмом Геркулеса (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 18. Л. 158–160; ОИАК за 1899 г. 1902: 19 и сл.). У К.Е. Думберга в то время появилось заметное стремление несколько поэтизировать открываемые им объекты. Даже для раскопов он подбирал необычные, запоминающиеся названия: Графский, участок Артемиды и т. д. Относительно храма Геркулеса сразу можно признать, что на античный храм эта постройка совсем не похожа, хотя общественное ее назначение весьма вероятно; более того, по масштабам и богатству отделки комплекс, открытый К.Е. Думбергом, вполне можно признать дворцом, одно из помещений в котором служило домашним святилищем. М.И. Ростовцев относил эту

«Дом штукатурка» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 18. Л. 207)

постройку к эпохе эллинизма (Ростовцев 1914а: 115–116; ср.: Блаватский 1951: 15, 22; 1964а: 118; Крыжицкий 1993: 128). На участке раскопа открылся также мощный двор, на котором находился глубокий колодец; в этом колодце были обнаружены шесть человеческих скелетов. Исследователь обоснованно связал такую необычную находку с какой-то «страшной катастрофой» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 18. Л. 170–171), но, к сожалению, имеющиеся материалы не дают оснований для ее точной датировки.

Сравнительно недалеко от «храма» был обнаружен и частично исследован «дом штукатурка», как его определил К.Е. Думберг. Свое необычное название этот комплекс получил по большому количеству найденных в нем обломков рельефной гипсовой штукатурки (Там же. Л. 164–165; ОИАК за 1899 г.

1902: 23). По причине незначительности раскрытого участка судить о времени и назначении постройки не представляется возможным (Ростовцев 1914а: 117–118).

В 1900 г. раскопки Пантикапея были сосредоточены на площади между «храмом Геркулеса» и двором с колодцем. Об их результатах К.Е. Думберг писал, что тогда были выявлены «остатки стен, имеющие более или менее неопределенный характер» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 5. Л. 184). Из такой характеристики, разумеется, ничего понять невозможно. Вместе с тем в этом же самом году директор Керченского музея выступил с очередной инициативой, которая на сей раз была нацелена на решение проблемы отвалов, накопившихся на поверхности городища. Он предлагал вывозить их в море на конских подводах, при этом

в целях экономии средств делать это лучше всего зимой (Там же. Л. 1). Данное предложение было принято, и отвалы из раскопа на горе Митридат стали свозить на городские пристани (Там же. Л. 184).

О работах на других городищах европейского Боспора мы имеем слишком скудную информацию. О раскопках Ф.И. Гросса на «пепелище» за Керченским карантинном (т. е. около Мирмекия) в 1889 г., вероятно, приблизительно там, где в 1863 г. проводил исследования А.Е. Люценко, известно лишь то, что там были найдены три амфорные ручки с клеймами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 30. Л. 19 об.).

К.Е. Думберг, проводивший исследования на азиатской стороне Боспора в 1893 г., сделал несколько любопытных наблюдений. В отношении многочисленных древних «пепелищ», т. е. рядовых поселений, расположенных на Таманском полуострове и сопредельных территориях, он заметил, что производить здесь раскопки рискованно, так как такие памятники, «кроме простых черепков, ничего в себе не заключают» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 140. Л. 12 об., примеч. 2). Осмотр руин Фанагории и ее окрестностей, напротив, произвел на него весьма сильное впечатление, по этому поводу он написал: «Один только взгляд на карту должен нас убеждать, что греки при таких блестящих условиях едва ли могли себе выбрать более выгодное во всех отношениях место торгового города, как то, где они построили Фанагорию. Можно смело сказать, что Фанагория, не будь сообщения между Ахтанизовским лиманом и Таманским заливом, навсегда осталась бы незначительным местом и никогда не выдвинулась бы в ряду греческих колоний. Значение,

*Часть скульптуры, найденной в 1896 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 58. Л. 21)*

процветание и падение Фанагории тесно связаны с судьбою древнего рукава Кубани. Следовало бы обратить самое серьезное внимание на эту местность, которая еще далеко не исследована и от которой можно будет ожидать еще множества самого интересного исторического материала. Разъяснение судеб Фанагории и древнего рукава Кубани может сразу пролить яркий свет на в высшей степени туманную древнюю топографию всего Таманского полуострова» (Там же. Л. 15).

Раскопки Фанагории возобновились в 1896 г. (ОИАК за 1896 г. 1898: 64–65), и на сей раз они были стимулированы открытием новых эпитафических памятников. Произошло это около хутора П.П. Семеняки, где при случайных обстоятельствах были обнаружены две интересные надписи: постамент статуи, посвященной царицей Динамией супруге императора Августа Ливии (КБН 978), и посвящение Афродите Урании, сделанное при Перисаде I (КБН 971). Кроме того, здесь же была найдена часть известняковой статуи, изображающей молодого воина в панцире, плаще, остроконечной шапке, с мечом, луком и горитом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 58. Л. 7–8, 160–161). Исследования было решено провести во владениях Семеняки, а также на местности, расположенной правее дороги, ведущей из Тамани в Сенную. К.Е. Думберг при этом отметил: «Выбор плоской и открытой береговой полосы для основания города в стране дикой и варварской противоречит всему, что мы знаем об основании греческих городов вообще. Первое поселение лежало непременно на более возвышенном и менее доступном месте, и только впоследствии, по мере утверждения греческого господства среди туземцев, город мог спускаться в долину и занимать береговую полосу. Греческий мало-мальски порядочный город без акрополя немислим, а последний придется в данном случае искать на одном из холмов, господствующих над всею местностью. Там же должны были находиться все главные храмы и святилища» (Там же. Л. 8).

Раскопки 1896 г. были весьма масштабными: К.Е. Думберг заложил два больших раскопа и 86 пробных траншей, в общей сложности было вскрыто около 3000 квадратных сажен (более

13 500 кв. м). Однако надежды открыть акрополь древней Фанагории или, по крайней мере, фундамент храма Афродиты оказались напрасными (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 58. Л. 161–162). Археологи находили обломки обычной керамической посуды, разрозненные мелкие камни и т. д., что К.Е. Думберг интерпретировал как указание на то, что в римское время здесь находились дачи фанагорийцев. В западной части раскопа было найдено 12 могил, но они, по мнению исследователя, не содержали ничего интересного (Там же. Л. 163). Во владениях Семеняки были проведены серьезные разведки. К востоку от хутора тянулось возвышение (500×150 шагов), заканчивающееся огромным курганом, который, как считалось, был раскопан В.Г. Тизенгаузенем. К.Е. Думберг предположил, что на этой возвышенности в древности находилось какое-нибудь строение, но заложенные им в разных пунктах «пробные ямы» ничего не дали (Там же. Л. 165).

Одно любопытнейшее археологическое открытие было сделано в 1898 г. в окрестностях Новороссийска, точнее в 14 км от него, за именем Мысхако (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 250). Ф.И. Романович информировал ИАК, что на земле И.П. Кулешевича, на месте, где хозяин предполагал посадить виноградник, была обнаружена каменная стена, рядом с ней много незначительных вещей, но среди них найден «бронзовый погрудный бюст... чудной древней работы, вполне античной, в фригийской остроконечной шапке» (Там же. Л. 1). Ф.И. Романович находил этот бюст сходным с изображением Париса, но, после специального исследования М.И. Ростовцева (Ростовцев 1916), данный замечательный памятник

единодушно признают изображением знаменитой боспорской царицы Динамии (см.: Гайдукевич 1949: 221; 1955: 128; Соколов 1973: 116–117, № 120; Горончаровский 2003: 153; Виноградов, Горончаровский 2009: 249). Немецкий исследователь К. Парляска, правда, полагает, что бронзовый бюст изображает не Динамию, а Гипеперию, мать Митридата VIII и Котиса I (Parlasca 2009), и его точка зрения представляется весьма обоснованной.

На этом участке был открыт также древний некрополь, могилы в котором перекрыты каменными плитами. Рядом с некрополем находилась постройка, состоящая из трех помещений, из которых лишь одно имело выход наружу. Стены постройки были толщиной до одной сажени (т. е. более 2 м!). М.И. Ростовцев высказал предположение, что в имении И.П. Кулешевича, которое сам владелец называл Широкой Балкой, были открыты остатки небольшого храма (Ростовцев 1916: 2). Однако логичней видеть здесь одну из построек, которые в современной научной литературе получили название укрепленных зданий или домов-башен. Они строились на Боспоре в основном в митридатовское и постмитридатовское время (Сапрыкин 1996: 275–276; Паромов 2001), в том числе и в районе современного Новороссийска (Онайко, Дмитриев 1981; 1982). Сделанные во время случайных раскопок находки светлоглиняных амфор с двустольными ручками (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 250. Л. 8, 9) позволяют считать, что дом-крепость в Широкой Балке принадлежит к концу I в. до н. э. или к началу I в. н. э. Укрепленные пункты возводились тогда по решению центральной власти Боспора, и появление здесь бюста внучки Митридата вполне закономерно и показательно.

*Бронзовый бюст царицы Динамии
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 250. Л. 4)*

Для завершения характеристики деятельности К.Е. Думберга по изучению боспорских древностей необходимо хотя бы кратко сказать о проводившихся им «новостроечных» работах. В 1896 г. началась борьба за земли, расположенные за Новым Карантином, которые Керченской городской управой были переданы для строительства Металлического (Брянского) завода (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 37. Л. 149–150). В конце концов было достигнуто соглашение, что строители будут докладывать в музей обо всех

Амфора, найденная вместе с бюстом Динамии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 250. Л. 9)

открываемых ими древних объектах, не станут самостоятельно производить их раскопки, а древности будут признаваться собственностью ИАК (Там же. Л. 157–158). Нетрудно догадаться, что правление строительством не уделяло особого внимания спасению археологических объектов, а таковые здесь, безусловно, встречались. В 1898 г. на данном участке были обнаружены два крупных клада. Один из них в количестве 263 монет был найден в присутствии надсмотрщика и попал в музей.

Второй оказался разграбленным, а по словам рабочих, там была «целая шапка денег» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 7. Л. 4; ОИАК за 1898 г. 1901: 19), большая часть древних монет при этом была куплена Букзелем. К.Е. Думберг сумел конфисковать у рабочих лишь 68 монет, а у Букзеля — 187 экземпляров; полиция у рабочих отобрала еще 16 монет. В общем, из второго клада удалось спасти 271 монету, что можно признать лишь незначительной частью первоначального состава клада (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 7. Л. 5).

Скандал, разразившийся по этому поводу, был использован К.Е. Думбергом в самом выгодном для себя направлении. По его собственным словам, он тогда на всех «нагнал порядочного страху» (Там же). Правление завода во избежание повторения таких случаев стало выделять 600 руб. в год на наем археологического надсмотрщика при земляных работах. На эту должность был назначен Федор Зяблов, сын старшего надсмотрщика музея Семена Зяблова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 30. Л. 163 об.). Под его руководством в 1898 г. здесь было открыто 14 древних погребений, на следующий год — еще несколько.

Раскопки на участке Брянского металлургического завода были продолжены в 1899 г. (Шкорпил 1901: 80 и сл.), но весной того же года начались активные земляные работы по сооружению Керченской железной дороги. К.Е. Думберг обратился к ее строителю, инженеру А.С. Ветринскому, с просьбой о предоставлении ему всех древних предметов, которые при этом будут обнаружены. Он особо настаивал, чтобы древние могилы вскрывались строителями только в присутствии директора музея или его надсмотрщиков.

Такое разрешение было получено, и первые 5 месяцев за работами на дороге наблюдал Леонтий Демиденко, при котором было обнаружено около полусотни древних могил (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 18. Л. 177–178; РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 12. Л. 5; Шкорпил 1902: 82 и сл.).

В отношении «новостроечных» раскопок К.Е. Думберга следует обратить внимание еще на одно в высшей степени важное для современной науки обстоятельство. В начале марта 1901 г., когда заведующий Керченским музеем уже ожидал увольнения со службы, он продолжал свою обычную деятельность по изучению боспорских древностей, в частности, наблюдая за строительством Керченской железной дороги недалеко от современного вокзала. Вот что он тогда заметил: «В том месте, где полотно пересекает древний вал, рабочие наткнулись на очень солидные фундаменты из тесаного камня. Работы не были доведены до конца, но из всего виденного мною явствует, что ров за древним валом был обложен камнем. Было бы интересно сделать разведочные раскопки для разъяснения структуры вала» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 12. Л. 19). Не может быть сомнений, что речь в данном случае идет о так называемом Тиритакском вале. Долгое время это сооружение не подвергалось археологическому изучению и являлось предметом всякого рода априорных соображений, связанных с пониманием боспорской истории времени правления Археанактидов (см.: Шмидт 1941: 268 и сл.; Гриневиц 1946: 160 и сл.; Гайдукевич 1949: 189; Сокольский 1957: 92 и сл.; Толстиков 1984: 25; Шелов-Коведяев 1985: 76–77). Раскопки по линии вала были проведены экспедицией А.А. Масленникова, в результате чего

было сделано заключение, что в данном месте имеется несколько разновременных сооружений, но с временем Археанактидов ни одно из них связывать нельзя (Масленников 2003: 250). Любопытно, однако, что современные археологи не открыли здесь ничего подобного виденному К.Е. Думбергом, а это означает, что изучение Тиритакского вала необходимо продолжить и, вероятно, прежде всего в том месте, где его линию пересекает железная дорога.

О необходимости раскопок в Феодосии и ее окрестностях говорил еще С.И. Веребрюсов, однако на практике это осуществить было очень нелегко. В 1894–1895 гг. в Феодосии проводились крупные работы по строительству порта, которые по понятным причинам затронули площадь древнего городища. В таких условиях А.Л. Бертье-Делагард попытался спасти кое-что для археологии (см.: Петрова 2000: 24–26). По его словам, работы проводились на месте древнего акрополя — цитадели генуэзцев и турок. Здесь исследователь проводил сборы оказавшихся на поверхности древних предметов, а также покупал их у жителей города. О своей деятельности он проинформировал Археологическую комиссию, от которой получил полное одобрение. Собранный им коллекция была распределена по трем музеям: Исторический в Москве, Археологический в Одессе и, естественно, в музей Феодосии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 157. Д. 11).

В 1895 г. А.Л. Бертье-Делагард за собственный счет провел раскопки некрополя Феодосии, располагавшегося к западу и юго-западу от города. Этот некрополь в основном состоял из небольших курганов; среди них 20–30 насыпей, по словам археолога, были разрыты в 50-х гг. князем

Сибирским и живописцем Айвазовским (см.: Тункина 2011: 189–216). А.Л. Бертье-Делагард «попытал счастья» в полах курганов, в результате чего открыл 14 могил, которые были «до такой степени перерыты и расхищены, что не представлялось никакой возможности определить не только весь порядок погребения, но даже и самую могилу; можно лишь сказать, что все они имели стеночки из камня и были покрыты каменными плитами, заключая внутри себя, кроме скелетов, обычные предметы древнегреческого погребения, разные золотые и бронзовые украшения, чернолаковую посуду, терракоты и т. п.; обо всем этом можно было судить только по случайным находкам в просеиваемой земле и мусоре черепков и кое-каких вещиц» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 157. Л. 14). Исследователь признал сходство этих погребальных комплексов с керченскими, а также их относительную простоту и бедность. На этом основании он сделал вывод, что в будущем «едва ли стоит предпринимать здесь крупные, многолетние, систематичные разыскания и раскопки» (Там же. Л. 15).

Председатель ИАК А.А. Бобринской начал свои раскопки на Боспоре в 1888 г., т. е. через два года после вступления в должность (см.: Боровкова 1999: 103–106). Надо думать, что в глубине души ему хотелось открыть здесь что-нибудь подобное Куль-Обе или Большой Близнице, т. е. необходимо было раскопать один из крупных курганов, но на казенных землях в окрестностях Керчи их как будто уже не было. В 1888 г. стало известно, что городом Керчью были выкуплены земли Багера, на которых, в частности, находились два последних на западе больших кургана некрополя Юз-Оба.

А.А. Бобринской узнал об этом во время командировки, 23 сентября он направил в ИАК телеграмму следующего содержания: «Сообщите, пожалуйста, произведены ли в Керчи раскопки курганов, предложенных городом. Предполагаю ехать в Крым, могу приняться за эти курганы, ежели дело еще не сделано» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 64. Л. 8).

Ответ В.Г. Тизенгаузена гласил: «Один курган раскопан, ничего не найдено» (Там же). Этот курган был раскопан Ф.И. Гроссом еще летом 1888 г., А.А. Бобринской провел исследования второго, самого последнего на западе в цепи курганов Юз-Обы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 64. Л. 11–12, 32–35; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: ССХIII–ССIV; ОИАК за 1889 г. 1892: 11–13). Его насыпь имела форму усеченного конуса и действительно отличалась достаточно крупными размерами: длина окружности основания насыпи — 320 м, высота — 11,5 м. Работы осенью 1888 г. не дали почти никакого результата, была открыта лишь мощная каменная крепида высотой около 1,5 м, опоясывавшая основание кургана. Каменную гробницу с полуциркульным перекрытием удалось обнаружить на следующий год в южной части кургана: ее размеры — 5 × 3,5 м, высота склепа — немногим более 4 м. Погребение оказалось ограбленным; на полу гробницы были обнаружены остатки роскошного деревянного саркофага, 25 бронзовых наконечников стрел, 10 железных наконечников копий, обломки большого широкого меча со следами деревянных ножен и пр. Сверху над входом в гробницу были найдены фрагменты большого кратера, украшенного «живописью весьма грубой работы», т. е., возможно, относящегося к поздним сосудам краснофигурного стиля. Есть

веские основания полагать, что председатель Археологической комиссии обнаружил склеп в кургане, который был открыт А. Б. Ашиком в 1838–1839 г. Тот, как известно, получил название кургана на землях Мирзы Кекуватского (Виноградов 2012b; 2017b: 234–235; 2017c: 142–143, 164–165).

Необходимо подчеркнуть, что в 1888 г., кроме раскопок кургана, А. А. Бобринской провел исследования на грунтовом некрополе за Карантином, т. е. около Мирмекия. Здесь им было вскрыто всего четыре могилы, не давшие практически никаких находок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 64. Л. 13 об.). Несмотря на неудачу, местность к востоку от Керчи, вероятнее всего, представлялась А. А. Бобринскому весьма перспективной для проведения раскопок, во всяком случае, позднее он именно здесь предпринял весьма масштабные изыскания (Змеиный залив, Капканы). Надо думать, что исследования председателя ИАК в Керчи должны были стать своего рода образцовыми как по размаху работ, так и по методике исследований, составлению полевой документации и т. д. И, в общем, следует признать, что документация о раскопках А. А. Бобринского действительно отличается тщательностью и подробностью описаний.

В 1891 г. А. А. Бобринской провел исследования в четырех местах: на северном склоне горы Митридат, на Аджимушкайской улице, около так называемого Змеиного залива и в деревне Капканы. На северном склоне Митридата он начал масштабные работы на одном из «пепелищ», при этом, как представляется, именно этот археолог первым из всех исследователей Боспора обратил внимание на характер наслоений, в данном случае

Кратер, найденный А. А. Бобринским при раскопках на Юз-Обе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 64. Л. 37)

отличавшихся правильностью, отсутствием поздних перекопов. Раскопки, правда, велись вполне традиционно: с помощью широкой траншеи, от которой в разных направлениях закладывались мины. Сделанные находки (многочисленные фрагменты керамики, рыболовные грузила, терракотовые статуэтки, медные монеты, части мраморных фигур, цветные мраморные плитки и пр.) позволили А. А. Бобринскому обоснованно заключить, что «пепелище» принадлежит к доримской эпохе. Более того, в культурном слое он обнаружил фрагменты как минимум четырех панафинейских амфор. На всех с одной стороны была изображена стоящая фигура богини Афины, а с другой — бегущие атлеты. По мысли автора раскопок, эти сосуды были получены спортсменами из Пантикапея на Панафинейских играх за победы в состязаниях по бегу. Он даже посчитал, что «в этом упражнении жители Пантикапея были, по-видимому, сильны» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53. Л. 60; ср.: ОИАК за 1891 г. 1893: 23–24).

План окрестностей Керчи с обозначением мест (I–IV), где проводил раскопки
А. А. Бобринской (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53. Л. 77)

Еще одно «пепелище» раскапывалось А. А. Бобринским на северном склоне Митридата западнее первого, ближе к Золотому кургану (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53. Л. 63–68; ОИАК за 1891 г. 1893: 26–29). Мощностъ напластований здесь достигала целых 7 м. Под ними в материке были обнаружены более ранние курганы высотой до 2,5 м. Один из этих курганов был исследован, в его основании на материке находилась обожженная площадка для сжигания трупа, на которой сохранились куски древесного угля, сплавившиеся железные и бронзовые предметы, обломки большого железного меча и пр. В центре площадки находилась урна с прахом покойного; она представляла собой краснофигурную гидрию с изображением фигуры бегущего Гермеса (Блаватский 1951: 19, 29). А. А. Бобринский отметил при этом, что изображение Гермеса на погребальной урне вполне объяснимо, так как этот бог, по представлениям древних греков, сопровождал души умерших в царство мертвых; вазу он датировал V–IV вв. до н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53. Л. 68). Стоит специально отметить, что эти открытия А. А. Бобринского стали важным вкладом в изучение пантикапейского курганного некрополя (см.: ОИАК за 1891 г. 1893: 26–32 и сл.; Цветаева 1957: 232; Вахтина 2017с: 66–69; Виноградов 2017е: 70).

В районе дороги, ведущей в Аджимушкой, в черте города Керчь, А. А. Бобринский исследовал ряд погребений и сделал заключение, что в древности здесь находился обширный некрополь (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53. Л. 69 об.; ОИАК за 1891 г. 1893: 30 и сл.).

Более интересные, на мой взгляд, результаты были получены при раскопках у так называемого «Змеиного

Изображение Гермеса на краснофигурной гидрии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53. Л. 36б)

кордона» пограничной стражи, т. е. к востоку от городища Мирмекий. Об этой до сих пор малоизвестной в археологическом отношении местности А. А. Бобринский писал: «Здесь выступает в море высокий скалистый мыс, верхняя часть которого состоит из насыпного грунта (т. е. представляет собой культурный слой; нет сомнения, что в данном случае имеется в виду современный Змеиный мыс — *Авт.*). Не доезжая до этого скалистого мыса, есть другой такой же выдающийся мыс со скалами меньших размеров; последний отделен от большого мыса небольшим заливом, называемым “Змеиным”. Здесь также над скалистым грунтом лежит порядочное количество насыпной земли, а, кроме того, у начала мыса возвышается небольшой курганчик» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53. Л. 88).

Председатель Археологической комиссии раскопал этот курганчик и под его насыпью обнаружил 21 могилу, погребения в которых были совершены по сходному обряду ингумации и содержали довольно многочисленный и разнообразный сопровождающий

инвентарь. А.А. Бобринской вполне обоснованно датировал этот своеобразный могильник I в. н. э. (ОИАК за 1891 г. 1893: 43 и сл., 150–154).

Затем раскопки были перенесены на небольшой мыс с «бугром» на берегу Змеиного залива, где, по словам рабочих, какие-то исследования были проведены А.Е. Люценко, но погребений он там не нашел. А.А. Бобринской на этом «бугре» также не открыл никаких погребений, но, как ему представлялось, обнаружил «место, где, очевидно, произведено было сожжение трупа, кости которого затем были убраны» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53. Л. 97; ОИАК за 1891 г. 1893: 47). Исследователь отметил также, что «на этом жженом месте осталось много разбитой вдребезги посуды хорошего стиля с черной поливой (т. е. чернолаковой. — *Авт.*), но без фигур; также сожженные разбитые в большом количестве алабастриды хорошей работы; скипевшие бронзовые стрелы тщательной выделки; астрагалы и т. д.». С северной стороны насыпь была укреплена хорошей стеной, сложенной из больших отесанных блоков. В северо-восточной части стена образовывала правильный угол. А.А. Бобринской предполагал, что могила здесь находилась где-нибудь поблизости, в скалах, образующих утес над морем (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53. Л. 97). С таким выводом, однако, вполне можно поспорить и предположить, что на небольшом мысу находилась совсем не площадка для сжигания трупа, а монументальный алтарь, во всяком случае, хорошее качество каменной кладки и ее, безусловно, четырехугольная форма скорей свидетельствуют именно об этом.

В деревне Капканы, расположенной восточнее Змеиного мыса, на берегу

пролива А.А. Бобринской раскопал еще один невысокий курган (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53 Л. 104 и сл.; ОИАК за 1891 г. 1893: 47 и сл.). На сей раз под насыпью было обнаружено 36 погребений. По монетам Митридата VIII, обнаруженным в могилах, они датированы исследователем I в. н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53. Л. 124 об.), точнее, очевидно, надо говорить о середине — второй его половине. Еще раз можно отметить хорошие описания всех этих погребальных комплексов; исследователь даже дал подробную характеристику грунта, заполнявшего могилы, которая сама по себе представляет немалый научный интерес:

«Во всех почти могильных ямах встречаются мелкие черепки глиняной посуды, обломки сожженных костей, а иногда и уголь, наводящий на мысль, что в могилу посыпана зола (в документе — “земля”) домашнего очага. Кроме того, покойники обсыпаны большим или меньшим слоем морских раковин и песку. У многих могил, и, как кажется, у самых богатых, над плитами (перекрытия. — *Авт.*) встречается слой морской травы (камки)» (Там же. Л. 121–122).

Раскопки А.А. Бобринского в Керчи и ее окрестностях представляют весьма любопытный и показательный эпизод в истории боспорской археологии. После его работ на Юз-Обе стало очевидным, что боспорские курганы, в принципе, исчерпали себя. Безусловно, все они нуждались в дальнейшем, но грандиозных сокровищ в них, скорее всего, уже не оставалось. Кроме того, председатель ИАК не только с большим вниманием, чем его предшественники, подошел к изучению керченских «пепелищ», но и открыл под одним из них часть раннего курганного некрополя Пантикапея. Наконец, около

Змеиною залива и в Капканах он изучил очень компактные могильники I в. н. э. Низкая насыпь «курганчиков» в обоих случаях, возможно, образовалась из-за слияния индивидуальных насыпей, первоначально сооруженных над каждой из могил. Очень жаль, что исследователи более позднего времени не проявили к этим материалам должного внимания, хороший уровень археологической документации вполне позволяет это сделать и сейчас.

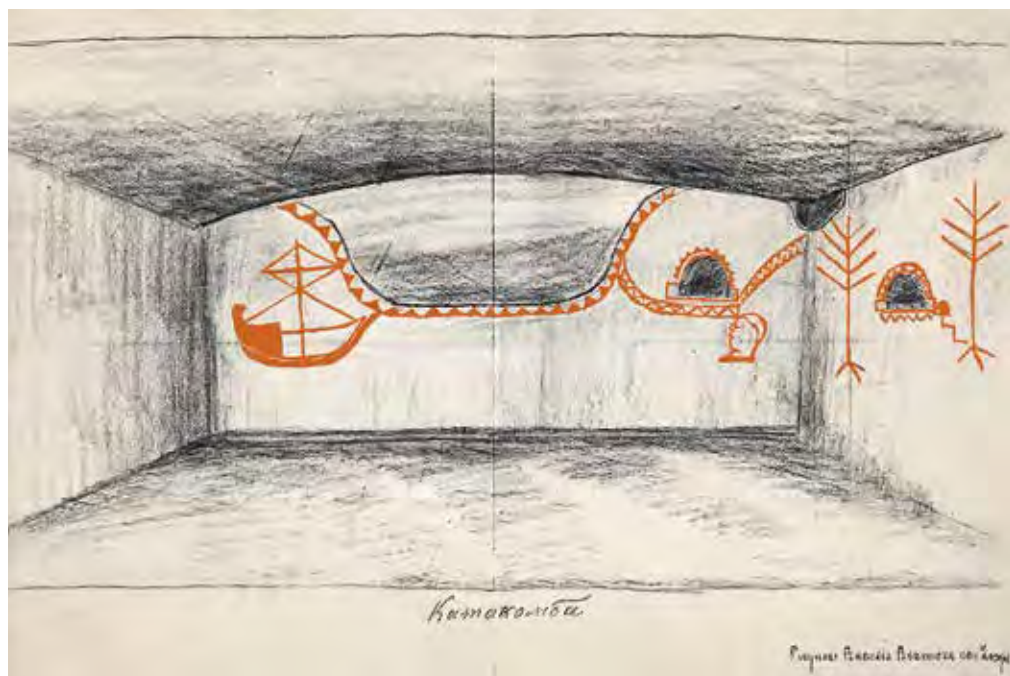
На Боспоре немало трудился и Ю. А. Кулаковский. В мае 1890 г. два керченских жителя при добывании камня на северной покатости горы Митридат случайно обнаружили ограбленную катакомбу, на стенах которой сохранилась роспись, по определению Ф. И. Гросса, «грубого стиля». Он зарисовал эти изображения, а затем вход в катакомбу был заложен камнем и засыпан землей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 31. Л. 52). Вскоре после этого Археологическая комиссия обратилась к профессору Киевского университета св. Владимира Ю. А. Кулаковскому с предложением принять на себя руководство дальнейшим вскрытием подобных гробниц и наблюдение за точным снятием копий с росписей (Там же. Л. 56; ОИАК за 1890 г. 1893: 22). Ю. А. Кулаковский согласился на это предложение, и летом 1890 г. прибыл в Керчь (о деятельности Ю. А. Кулаковского см.: Непомнящий 2003; Пучков 2004). Он подробно описал катакомбу, открытую здесь в мае, это был знаменитый склеп Сорака (см.: Кулаковский 1896: 16–33; Ростовцев 1914а: 244–252; Ернштедт 1955: 267–269; Иванова 1961: 31–32; Виноградов 2017f; 2017b: 193–199, 277–279, табл. 150: 1–6). После этого Ю. А. Кулаковский приступил к масштабным археологическим

раскопкам, в результате чего открыл несколько гробниц, в том числе христианскую катакомбу с фресками и надписями, датированную 401 г. (ОИАК за 1890 г. 1893: 27–28; Кулаковский 1896: 61–67).

Кроме раскопок на северном склоне горы Митридат киевский археолог провел работы на Глинище, где, в частности, обнаружил каменный склеп с деревянным саркофагом хорошей сохранности (ОИАК за 1890 г. 1893: 23–27). Свои впечатления от первого сезона раскопок Ю. А. Кулаковский выразил следующим образом:

«Хотя в Керчи раскопки проводятся уже около 50 лет, но ведь не будет несправедливым сказать, что историю этого места мы знаем только по монетам. Один систематически раскопанный некрополь мог бы оказаться с исторической точки зрения гораздо важнее, нежели многие богатые случайные находки, которые, правда, могут украсить и обогатить музей, но мало или ничего не говорят историку. А по отношению к нашему Крыму история более чем где-нибудь нуждается в помощи археологии, которая тогда только будет в состоянии оказать эту помощь, если ее материал будет разыскиваться систематически и в системе (же) классифицироваться» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 31. Л. 97).

На следующий год Ю. А. Кулаковский продолжил свои исследования. Будучи недоволен качеством копий, которые снимал с росписей Ф. И. Гросс, он пригласил двух новых рисовальщиков — Аиналова и Васильеву, которые, в особенности последняя, вполне оправдали его надежды (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 40. Л. 24, 39 об.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 62. Л. 10; ОИАК за 1891 г. 1893: 58). Однако совсем не изучение керченских

Роспись склепа 1894 г., Керчь. Рисунок В. Вехтюка или Косаря, 1909 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 10а. Л. 98)

катакомб археолог считал своей основной задачей, хотя их тогда было открыто немало: 9 гробниц, в том числе одна расписная (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 40. Л. 27–33) — знаменитая катакомба 1891 г. (ОИАК за 1891 г. 1893: 59; Кулаковский 1896: 34–43; Ростовцев 1914а: 183–198; Ернштедт 1955: 258–262; Виноградов, Медведева 2017: 20–21). Раскопки на Митридате, по его мнению, носили разведочный характер, а систематическими они были на Глинице (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 40. Л. 32–34; ОИАК за 1891 г.: 63 и сл.). Почти все открытые здесь гробницы, как оказалось, были ограблены в древности; лишь три римских захоронения содержали хороший, разнообразный инвентарь. Еще 13 гробниц были раскопаны киевским профессором в углу сада Чернявского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 40. Л. 34–36), но и они, за исключением, возможно,

лишь склепа с парным захоронением, так сказать, почти ничего не могли поведать историку.

В 1892–1893 гг. Ю. А. Кулаковский не смог провести исследований в Керчи (ОИАК за 1893 г. 1895: 6), но в 1894 г. он активно включился в работы. Тогда на склоне Митридата было обнаружено 15 катакомб, но все они оказались ограбленными, при этом стенки в них были пробиты, образуя проходы из одной камеры в другую. Кроме грубого рисунка корабля, нанесенного на стенке одной из катакомб красной краской, других росписей здесь, как показалось Ю. А. Кулаковскому, не было (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 81. Л. 27–28). Однако когда в 1909 г. В. В. Шкорпил повторно открыл этот склеп, то на его стенах была зафиксирована более сложная орнаментальная композиция

(Шкорпил 1913а: 16, илл. 146–147; Виноградов, Медведева 2017: 23, илл. 72).

В том же 1894 г. Ю. А. Кулаковский провел исследования около Городского сада, где находился сплошной некрополь, о котором писали К. Е. Думберг и В. Г. Тизенгаузен (ОИАК за 1892 г. 1894: 32). Здесь он заложил большой раскоп (43 × 32 м), в результате чего открыл 25 гробниц, расположенных весьма упорядоченно: двумя полосами с юга на север, каждая из которых состояла из рядов (по 2–3 гробницы в ряду). Почти во всех могилах были открыты костяки, ориентированные головами на юго-восток. Сходство обряда погребения позволило исследователю предположить, что здесь находилось семейное кладбище, которое, если судить по монетным находкам, относится ко второй половине III в. н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 81. Л. 30). Несмотря на относительную бедность инвентаря, Ю. А. Кулаковский придавал данному некрополю немалое значение, считая, что «его интерес заключается в том, что при возможности точной хронологической датировки найденные в нем предметы могут получить значение образцов для сравнения с не имеющими хронологии археологическими материалами». Несмотря на некоторую корявость изложения, мысль Ю. А. Кулаковского вполне ясна и, в общем, абсолютно верна. Вот только погребальный инвентарь из всех 25 погребений он описал суммарно (серебряные, бронзовые, железные, керамические предметы и т. д.), без разбивки по комплексам, но тенденция к этому, как уже говорилось, в боспорской археологии обозначалась ранее.

В 1894 г. Ю. А. Кулаковский осмотрел памятники крымского Приазовья,

куда был приглашен владельцем тамошних земель А. А. Дириным (о нем см.: Боровкова 1999: 58–51), предлагавшим археологу провести здесь раскопки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 81. Л. 34 об.; ОИАК за 1894 г. 1896: 8; Дирин 1896: 122–123). Исследователь отметил, что жители селения Мама при постройке домов неоднократно натыкались на древние могилы. В частности, А. А. Дириным была открыта гробница, обложенная каменными плитами, в которой находились пять костяков, уложенных головами на восток. Здесь были обнаружены бронзовые браслеты, бронзовые пряжки, стеклянные бусы, три железных меча, массивный наконечник копья и пр.; в головах покойных были найдены листочки от золотого венка и золотая индикация монеты императора Константина Великого (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 81. Л. 34). Ю. А. Кулаковский тогда же составил любопытное описание мыса Зюк, рядом с которым расположена Мама, с находящимися на нем руинами древнего поселения:

«При ближайшем осмотре местности мыса Зюк я мог констатировать, что его крутая скалистая оконечность была когда-то отделена широким рвом от остальной части полуострова; осыпавшийся вал, возвышающийся над этим рвом, позволяет истолковать себя как остатки стены. Приблизительная длина рва от одного обрыва к морю и до другого — 30 саж. (64 м. — *Авт.*) На этом тесном, отделенном от остальной поверхности мыса пространстве поднимаются два скалистых возвышения, которые издали могут быть приняты за развалины большого здания. На карте, приложенной к известному путешествию Dubois de Montpereux, показаны на мысе “развалины” (ruines).

Но так как автор в своем тексте не сказал ни слова об этой местности, то весьма вероятно, что он сделал свою отметку, приняв за развалины те два скалистые возвышения. Дальнейшая часть мыса в сторону материка представляет каменистое возвышение, покрытое растительной почвой. Широкий горб этого холма в самом высоком своем пункте значительно выше, нежели скалистая оконечность мыса, приблизительно сажен на 10 (21,3 м. — *Авт.*). Предпринятые мною в разных местах пробные раскопки обнаружили в одном месте остатки каменной кладки, но чаще попадались лежавшие в беспорядке камни, принадлежавшие каким-то постройкам. В почве повсюду оказывались во множестве обломки глиняной посуды древнего производства, а именно: лакированной, украшенной изящными рельефами в форме овов, листьев аканта и т. п. <...> В изобилии оказывались также кусочки античной штукатурки с гладкой и блестящей поверхностью, выкрашенной в темно-красный цвет того тона, который так преобладает в росписи помпейских домов и имел, вероятно, повсюду такую же распространенность.

Восточный склон холма осыпается к морю и представляет в разрезе широкий пласт в 1 саж. и более (более 2,13 м. — *Авт.*), состоящий из культурных остатков. Повсюду — обломки амфор, мелкие куски камня и известки, а также и черепки лакированной посуды. Этот слой образовался, очевидно, вследствие того, что вешние воды смывали с верхней части холма остатки древнего поселения.

Существование этого “пепелища” и его расположение заставляет предполагать, что древнее поселение, современное Боспорскому царству, занимало

всю вершину холма, а не только обращенную на восток скалистую оконечность, которая в неизвестное нам время была отделена от остальной части холма рвом и стеной.

Некрополь этого поселения лежал у подошвы холма, там, где теперь раскинулось рыбацкое поселение Мама. Поблизости от того места, где была открыта г. Дириным большая гробница IV в. по Р. Х., сделано было мною несколько раскопок. Грунт оказался очень твердым, и на глубине аршина обнаруживался слой перегнивших растений, вероятно, морских порослей. В этих раскопках найдены были только две гробницы, расположенные рядом и имеющие общее плитовое покрытие. В одной из них найдены были при совершенно истлевшем костяке следующие вещи: две серебряные серьги, две бронзовые фибулы, бронзовое зеркало и в головах — небольшой глиняный кувшин (4 в. вышины) (около 18 см. — *Авт.*). В соседней гробнице не найдено было никаких вещей, кроме маленького глиняного кувшинчика (2 в. выш.) (около 9 см. — *Авт.*).

Ныне остается еще прибавить, что несколько недель спустя после моего пребывания на мысе Зюк найден был людьми, ломавшими камень в скалистой его части, фрагмент мраморной плиты с надписью, который г. Дирином препроводил в Керченский музей. Форма букв позволяет отнести его ко II или III в. по Р.Х. Надпись включает список граждан (*catalogus civium*) или членов какого-нибудь общества, так как уцелевший фрагмент ее состоит из имен (имя и имя отца) (эта надпись — КБН 898 — действительно является частью списка имен; по характеру письма ее датируют III в. н. э. — *Авт.*). Образцы таких списков есть у нас из нескольких городов (Пантикапея, Танаиса, Горгиппии)...

Совокупность изложенных данных позволяет утверждать, что на холме мыса, носящего в настоящее время имя Зюк, существовало поселение с характером, по всему вероятно, города. Черепки лакированной посуды свидетельствуют, что этот город существовал за несколько веков до Р.Х. Монеты Боспорских царей с I по IV вв. нашей эры удостоверяют непрерывное существование его за этот период времени. <...> Природные условия места делают его очень удобным для поселения мореходов. Широкие бухты с плоскими берегами могут служить удобной стоянкой для кораблей, а высокий холм мыса дает возможность, смотря по направлению ветра, укрываться с одной или другой стороны» (Там же. Л. 35–37, 47–48). Основываясь на тексте Птолемея, перечислявшего поселения Восточного Крыма в следующем порядке: Парфений, Зенонов Херсонес, Гераклий (IV. 4), Ю.А. Кулаковский пришел к заключению, что, поскольку от Еникале, где локализуется Парфений, до мыса Зюк «не обнаружено нигде пепелища или иных следов, то констатированные ныне остатки города и могут быть приурочены к Зенонову Херсонесу Боспорского царства» (Там же. Л. 37–38). Вывод Ю.А. Кулаковского о расположении на Зюке боспорского города Зенонов Херсонес является сейчас общепринятым (ОИАК за 1894 г. 1896: 9; Масленников 1992).

В 1895 г. А.А. Дирин предпринял собственные раскопки по соседству от «пепелищ», в Культепе и Сююрташе (Дирин 1896: 123 и сл.). По замечанию Ю.А. Кулаковского, здесь были открыты погребальные сооружения обычных керченских типов — катакомбы и земляные могилы, накрытые каменными плитами. В Сююрташе в присутствии киевского профессора, однако, были

раскопаны могилы совсем другого типа, но сделанное тогда их описание не вполне вразумительно: «На поверхности холма гробницы устроены в виде ящичков, высеченных в природной скале, которая составляет здесь материк на глубине 1/2 аршина (приблизительно 1 м. — *Авт.*). А ниже устроены катакомбы в виде отдельных погребальных камер, каждая с входом, обращенным на южный скат холма» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 90. Л. 13).

Кроме памятников Керченского полуострова Ю.А. Кулаковский обратил внимание и на азиатский Боспор. В частности, он заметил, что в работе В.В. Латышева по боспорской эпиграфике совсем не представлено надгробий из-под Анапы, из чего был сделан вывод, что некрополь Горгиппии все еще оставался неоткрытым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 40. Л. 10). Сделать это открытие в 1891 г. ему помешала нехватка времени и денег (Там же. Л. 38). Зато под Сенной на землях Артюхова Ю.А. Кулаковский провел раскопки небольшого кургана, в котором обнаружил лишь разграбленную сырцовую гробницу (Там же. Л. 38 об.).

В 1894 г. исследователь также обратил внимание на неизвестный ранее некрополь у станции Раевской, состоявший из большого числа сравнительно невысоких курганов, насыпи которых не достигали 1 м. Здесь он раскопал один курган и одну так называемую впускную гробницу. Курган оказался явно средневековым, он содержал парное погребение и захоронение коня. В гробнице были найдены две железные кольчуги, кривая сабля и пр., а на коне находилось седло со стременами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 81. Л. 52). «Впускной» Ю.А. Кулаковский посчитал могилу, расположенную рядом

с курганом. Она была сооружена в виде грубо сложенного каменного ящика и содержала остатки четырех костяков. Совсем не исключено, что в данном случае Ю.А. Кулаковский первым из исследователей Боспора открыл каменный ящик, характерный для погребений рядового синдского населения (см.: Масленников 1981: 44–45).

Подводя итог своим исследованиям этого года, Ю.А. Кулаковский отметил, что крупным недостатком боспорской археологии является «отсутствие наблюдений этнографического характера и хронологических определений по отношению к отдельным могильникам и типам вещей, в них находимых». Трудно поверить, как он писал, чтобы в Крыму ни разу не были открыты могильники готские, гуннские, аланские или хазарские. С элементом горечи Ю.А. Кулаковский констатировал: «Не столько отсутствие данных, сколько равнодушие к этой стороне дела было тому причиной». Распределение типов вещей на конкретных территориях, как ему казалось, поможет уяснить «древнейшую историю южных пределов нашего отечества» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 81. Л. 55 об.), но создание такого распределения требовало огромной аналитической работы. Вероятно, стремясь накопить побольше «наблюдений этнографического характера», Ю.А. Кулаковский с 1896 г. обратился к изучению археологических памятников внутреннего Крыма.

Вместе с этим исследователь очень большое внимание уделил составлению археологической карты района (ОИАК за 1894 г. 1896: 7; ОИАК за 1896 г. 1898: 69). В 1890 г. по его просьбе был снят подробный план горы Митридат, на котором он хотел обозначить все имеющиеся раскопы.

Несмотря на все сделанные дополнения, план оказался практически пустым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 40. Л. 36–37). В Керченском музее материалов для исправления такого положения почти не было, и Ю.А. Кулаковский надеялся, что более надежные результаты даст работа в архиве ИАК в Петербурге. Он настаивал на необходимости создания археологической карты, которая бы включала местности, куда археологи еще практически не проникали, к примеру, внутренние районы Крыма и крымское Приазовье. Ю.А. Кулаковский предлагал лично осмотреть названные районы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 81. Л. 55). В этой работе ему обещал помочь К.Е. Думберг, но лишь для территории Керчи и местностей к востоку от города (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 90. Л. 13 об.). В сбор материалов по внутренним районам Крыма активно включился правитель дел Таврической ученой архивной комиссии А.И. Маркевич (о нем см.: Филимонов 1997; Непомнящий 2005). Для составления такой карты нужна была хорошая топооснова, за которой А.А. Бобринской обратился в Военно-топографический отдел Генерального штаба (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 12. Л. 1). Военные специалисты предложили археологам трехверстную карту Крыма на 17 листах. Такой масштаб для обозначения археологических объектов, естественно, был слишком мелким, но в конце концов была получена одноверстка (одна верста в одном дюйме). На составление археологической карты Крыма было выделено 300 руб., и работы в этом направлении были начаты. Завершения их, конечно, нельзя было ожидать через год-два, они требовали немалого времени и значительных усилий. Можно предполагать, что А.И. Маркевич сделал для составления

карты достаточно много, но 22 сентября 1898 г. он направил в ИАК письмо, в котором информировал Комиссию, что семейные обстоятельства не позволяют ему закончить сбор материала для составления археологической карты (Там же. Л. 17). Как видим, этим замыслом Ю. А. Кулаковского не суждено было сбыться.

В 1906 г. Императорская археологическая комиссия приняла самое живое участие в публикации «Очерка истории Крыма от древнейших времен до исхода христиан в 1779 г.», подготовленного Ю. А. Кулаковским (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 10). Этот очерк вышел из печати под названием «Прошлое Тавриды» и выдержал два

издания (Кулаковский 1906; 1914). Книга вызвала очень большой интерес как в кругу специалистов, так и среди широкой публики; второе ее издание увидело свет в 1914 г. Часть тиража распространялась через Керченский музей, где «Прошлое Тавриды» находило постоянный спрос. Последний раз, уже в 1917 г., заказ на книгу для музея был оформлен в количестве 100 экземпляров. В связи с этим В. В. Шкорпил писал в ИАК 5 декабря 1917 г., что им получено 98 экземпляров, а «две книги, по видимому, в дороге пропали» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 10. Л. 112). Этот эпизод можно рассматривать как свидетельство по-настоящему большой популярности книги Ю. А. Кулаковского.

ХIII

Новому заведующему Керченского музея В. В. Шкорпилу в 1901 г. было 48 лет, т. е. он был почти на 10 лет старше К. Е. Думберга и имел звание статского советника и несколько орденов (о нем см.: Лазенкова 2002b; 2003: 47 и сл.). Казалось бы, кандидатура удовлетворяла всем необходимым требованиям (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 116. Л. 1). Однако для ИАК этот керченский преподаватель все-таки был человеком новым, незнакомым. Любопытно, что в официальных документах даже его имя и фамилия поначалу писались неправильно — С. В. Шкорпило (Там же. Л. 1, 3). И. А. Суслов к тому же полагал, что рекомендации К. Е. Думберга недостаточно, и для определения В. В. Шкорпила в должность необходимо еще получить аттестации от А. В. Новикова и других известных собирателей боспорских древностей (Там же. Л. 5) (об А. В. Новикове и его деятельности см.: Боровкова 1999:

74–79; Неверов 1999). Несмотря на некоторые сложности, 5 января 1902 г. В. В. Шкорпил стал членом ИАК, и на него официально были возложены обязанности заведующего Керченским музеем древностей (Там же. Л. 22). В то время под его руководством состоял штат из шести человек: старший надсмотрщик, надсмотрщик, писарь и три сторожа (Там же. Л. 26).

Все ранее вступавшие в должность заведующего Керченским музеем древностей непременно представляли в Археологическую комиссию некий документ, в котором излагали свой взгляд на состояние боспорской археологии и перспективы ее дальнейшего развития. Этот документ мог быть составлен в виде весьма краткой «Программы раскопок» Ф. И. Гросса, более пространного «Общего вывода» С. И. Веребрюсова и, наконец, в виде трех рапортов К. Е. Думберга, которые скорей следует именовать трактатами. В. В. Шкорпил

ничего подобного не писал. После своего назначения он лишь информировал А.А. Бобринского о том, что после осмотра горы Митридат выбрал место для раскопок 1901 г. на участке к северо-востоку от раскопа 1891 г., где исследования вел сам секретарь Археологической комиссии, что оплате рабочим будет выдавать не по кубам вынудой земли, как это до сих пор практиковалось в Керчи и вело к ненужной спешке, а по дням (1 день — 1 человек — 1 рубль), как это делалось при раскопках Ольвии и Херсонеса (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 12. Л. 54 об.). В таком же духе он писал А.А. Бобринскому в 1902 г., что намерен провести раскопки на северном склоне горы Митридат, поскольку там чаще, чем на южном склоне, встречаются обломки крупной древней посуды с рисунками (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 32. Л. 65). Как видим, В.В. Шкорпил делился с петербургским начальством лишь своими соображениями, касающимися вопросов сугубо рабочего характера; каких-либо идей по перестройке работы музея или грандиозного проекта пересмотра бо-спорской хронологии и т. п. он не предлагал. Вероятно, такая деятельность ему казалась просто неинтересной.

Еще до официального вступления в должность В.В. Шкорпил стал подыскивать новое место для музея, поскольку квартира, где это учреждение тогда располагалось, не отвечала необходимым требованиям. Более подходящим ему казался верхний этаж дома Женского благотворительного общества, в котором, как представлялось, можно было легко устроить все нужные приспособления для размещения музейной экспозиции и пр. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 116. Л. 44). Такая деятельность нового заведующего

представляется вполне логичной, естественной.

Однако помимо этого у В.В. Шкорпила появляются новые заботы, так сказать, соответствующие новым временам, и прежде всего они были связаны с быстрым ростом масштаба грабительских раскопок. Еще К.Е. Думберг отмечал, что с 1900 г. в Керчи возобновилось движение «счастливиц» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 5. Л. 184). Н.И. Веселовский в письме от 25 июня 1902 г. информировал А.А. Бобринского: «В Керчи погоня за древностями достигла больших размеров, и цены сделались прямо сумасшедшими. Работа в Керчи теперь в очень хороших руках, и, надо надеяться, дело пойдет успешно» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 157. Л. 5). Археологу в чем-то вторил торговец керченскими древностями Е.Р. Запорожский, писавший А.А. Бобринскому в декабре 1903 г.: «Смею Вас уверить, Ваше сиятельство, что древностей скоро в Керчи не будет, ибо все почти перекопано; и (поскольку. — *Авт.*) по весне в Керчи начнется устройство порта, то цены на древности поднимутся по-прежнему» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 277. Л. 4 об.). Этот человек, конечно, прекрасно знал то, о чем писал.

Археологические исследования действительно находились в хороших руках В.В. Шкорпила, но работать ему приходилось в условиях очень непростых и даже опасных. Показательно, что в письме от 29 октября 1901 г. он обратился к А.А. Бобринскому с просьбой весьма необычного содержания (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 116. Л. 14): «Желая возможно лучше организовать надзор над здешними кладоискателями, прошу распоряжения Вашего сиятельства о высылке вверенному мне музею двух легких биноклей в футлярах и на

ремешках, а также двух револьверов с соответствующим числом патронов». На письме имеется резолюция — «повременить».

Так начиналась деятельность В.В. Шкорпила на посту заведующего Керченским музеем. Можно сказать, что так боспорская археология вступала в XX в., когда нормальная жизнь и работа без револьвера казалась почти невозможной. Ранее В.В. Шкорпила, 21 июля 1898 г., с аналогичной просьбой в ИАК обращался К.Е. Думберг. Он считал, что револьвер необходимо выдать сторожу Царского кургана, чтобы тот мог защититься от хулиганствующих строителей Брянского металлургического завода. Револьвер тогда сторожу не выдали, но около входа в галерею кургана были построены ворота, так что туда могли войти лишь «интеллигентные лица» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 30. Л. 56).

Нет смысла говорить, насколько сложным было это время в истории России. Новый век требовал от Императорской археологической комиссии новых подходов к решению стоящих перед ней вопросов и, разумеется, совершенствования ее структуры. Не вдаваясь в подробности, необходимо признать, что на этом этапе звезда Боспора Киммерийского, столь ярко сиявшая на российском археологическом небосклоне ранее, начала постепенно бледнеть. Появились две новые звезды античной археологии — Херсонес Таврический и Ольвия. К тому же весьма бурно стали развиваться и другие отрасли знаний о древностях России. Боспор на их фоне мог показаться слишком старомодным, пропахшим нафталином порождением пусть очень эффектной, но все-таки уже уходящей эпохи. Изучение боспорских древностей, как отмечал М.И. Ростовцев,

М. И. Ростовцев в группе посетителей Царского кургана (ФО. Q 308-35)

оставалось областью «частью случайного, частью quasi-научного использования некрополей и курганов с целью добывания музейных вещей» (Ростовцев 1925: 260–261).

В 1902 г. рассматривался вопрос о расширении штата ИАК, но наступившие перемены не особенно отразились на научной жизни музея, исследования велись приблизительно по тем же самым направлениям и с теми же самыми задачами, что и на предыдущем этапе. Однако в начале XX в. в ИАК пришли новые люди, чьи интересы были связаны с античными и причерноморскими древностями.

Императорская комиссия оказала полное содействие М.И. Ростовцеву в подготовке его фундаментального исследования «Античная декоративная живопись на юге России» (см.: Виноградов, Медведева 2017). Успешное

Надгробие с изображением воина (РО. Ф. 1.
Оп. 1-1908 г. Д. 13а. Л. 46)

Надгробие с изображением воина (РО. Ф. 1.
Оп. 1-1908 г. Д. 13а. Л. 48)

сотрудничество стало одной из причин того, что Михаил Иванович был назначен сверхштатным членом ИАК. А.А. Бобринской, извещая его об этом 30 октября 1912 г., писал: «Ваши обширные и глубокие знания в области культуры античного мира, Ваши высокоценные научные труды, посвященные многообразным вопросам классической археологии, и Ваше постоянное деятельное участие в ученой оценке и разработке материалов, добытых раскопками Императорской археологической комиссии, побудили меня выразить Вам особое уважение и признательность, и я, с разрешения министра императорского двора, назначил Вас сверхштатным членом вверенной мне Императорской археологической

комиссии с 1 сентября сего года. Извещая Вас об этом, льщу себя надеждою, что Вы и на будущее время не откажете Комиссии в участии в ее занятиях своими учеными трудами и авторитетными указаниями» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 226. Л. 4). Принимая приглашение председателя Археологической комиссии, М.И. Ростовцев писал, что в деятельности Комиссии его более всего интересуют не вопросы реставрации памятников старины, «а текущая жизнь ее как органа, ведущего раскопки, издающего их результаты и наблюдающего за ходом археологической жизни в России» (Там же. Л. 5–6).

В начале XX в. в Императорскую археологическую комиссию пришли специалисты, чьи научные интересы были

напрямую связаны с изучением античных древностей Северного Причерноморья: В.В. Латышев, Б.В. Фармаковский, С.А. Жебелев. В.В. Шкорпил поддерживал с этими учеными самые тесные деловые контакты. Увлекаясь греческой эпиграфикой, он несколько раз в год направлял в ИАК скрупулезно подготовленные им сводки новых находок древних надписей, обнаруженных под Керчью и на Тамани. Директор Керченского музея, как и его предшественники, уделял постоянное внимание сбору боспорских надгробий.

Новый заведующий Керченским музеем смог приступить к раскопкам лишь во второй половине 1901 г., к тому, кроме общей неопределенности ситуации, привели и некоторые проблемы с финансированием. В Археологической комиссии не были уверены в том, что В.В. Шкорпил вообще сумеет провести полевые исследования в этом году, но на заседании 1 мая 1901 г. все-таки решили, что 2000 руб. надо «иметь в виду на случай раскопок в Керчи» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 277. Л. 33 об. (№ 7)). В Петербурге очень опасались, что территория бывшей крепостной эспланады, отошедшая к городу Керчи, начнет застраиваться, а это серьезно затруднит проведение здесь археологических исследований (ОИАК за 1901 г. 1903: 51). Раскопки этого года были проведены и, в общем, в достаточно традиционном для Боспора русле, когда археологи в основном шли вслед за «счастливчиками» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 12. Л. 114 и сл.; Шкорпил 1903: 74 и сл.).

Талант В.В. Шкорпила как специалиста, способного проводить масштабные полевые исследования, в полной мере раскрылся в 1902 г., когда в различных частях Керчи и ее окрестностей

было раскопано огромное количество погребальных комплексов (ОИАК за 1902 г. 1904: 47 и сл.; Шкорпил 1904). Прежде всего, любопытнейший некрополь V–III вв. до н. э. был открыт под так называемым Вторым креслом Митридата на южном склоне горы Митридат, где было изучено 178 гробниц, при этом все они достаточно полно описаны (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 32. Л. 362–386). Столь же неплохо документированы 337 гробниц, исследованных на Глинище (Там же. Л. 387–439). Весьма любопытное открытие было сделано в могиле, в которой находились два разновременных ограбленных погребения. С более ранним погребением связывается набор гипсовых украшений саркофага, состоящий из 14 фигурок Ниобид (Там же. Л. 146, 431; ОИАК за 1902 г. 1904: 50–51; Шкорпил 1904: 163–164). После раскопок этого года на Глинище было сделано следующее заключение: «Судя по находкам, сделанным здесь, почти все Глинище представляет громадный некрополь главным образом первых веков христианской эры. Более древние памятники попадались здесь чрезвычайно редко» (ОИАК за 1902 г. 1904: 47).

Среди открытий этого года следует выделить также склеп, исследованный на первой версте Брянской ветки Керченской железной дороги. Он оказался ограбленным, но на стенках сохранились остатки росписи, особенно выразительно изображение медузы Горгоны на оштукатуренной плите, закрывающей вход в камеру. Внутри склепа в разное время были поставлены четыре каменных саркофага. Два относительно ранних саркофага имели роспись в виде побегов виноградной лозы. Среди находок, происходящих из этого склепа, представлена

бронзовая монета царя Котиса II (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 32. Л. 111–113, 421–422; о склепе см.: Шкорпил 1904: табл. X–XI; Ростовцев 1914а: 272–276; Ернштедт 1955: 275–276).

Около Шлагбаумской улицы была обнаружена ограбленная катакомба, в которой находился искусственно деформированный человеческий череп. В смежной катакомбе В.В. Шкорпил обнаружил надпись на стене, нанесенную красной краской. Это было число 582, исследователь увидел здесь дату, т. е. 285 г. н. э., и заключил, что «обычай искусственного изменения формы головы существовал на Боспоре в третьем столетии по Р. Хр.» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 32. Л. 18, 387).

В том же году заведующему Керченским музеем пришлось позаботиться об изучении территории, прилегающей к Керченскому порту. Дело в том, что в это время развернулись крупные работы по его расширению, углублению акватории и т. д. Предполагалось скрыть крутой берег, возвести новые постройки и произвести мощение территории. За работами было организовано археологическое наблюдение, что дало возможность исследовать еще несколько погребений (Там же. Л. 139; ОИАК за 1902 г. 1904: 47). В дальнейшем, когда Керченская городская управа начала перестройку части Карантинного шоссе, прилегающего к порту, археологические исследования были перенесены и туда (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 19. Л. 73).

В 1903 г. В.В. Шкорпил исследовал почти четыре сотни погребений (Там же. Л. 323–351; ОИАК за 1903 г. 1906: 43 и сл.), при этом раскопки проводились приблизительно в тех же самых районах Керчи, что и ранее. Среди открытых тогда погребений имеются

весьма любопытные, в том числе обнаруженная на горе Митридат гробница «убитого в сражении воина» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 19. Л. 152, 345 (№ 108)). В грунтовой яме, перекрытой досками, лежал прекрасно сохранившийся костяк головой на восток. В его ногах находилась амфора, в левой руке — коринфский расписной сосудик. Рядом с ним лежал еще один сосуд, расписанный красной краской. В лобовой части черепа имелась пробоина, что и позволило исследователю сделать заключение, что здесь был погребен убитый воин. Судя по описанию находок, этот комплекс принадлежит времени поздней архаики и, в общем, входит в круг памятников, которые характеризуют сложную военно-политическую обстановку, сложившуюся на Боспоре в начале V в. до н. э. (см.: Виноградов 2005а: 238–245, 258–262).

Подобные открытия имели место и позднее. В 1907 г. В.В. Шкорпил обнаружил могилу, перекрытую досками, в которой костяк лежал головой на северо-восток, левая его рука оказалась отрубленной по локоть. Возле левого колена находился пучок бронзовых наконечников стрел; около левого бока лежал короткий меч (длина — 0,53 м), рукоять которого на конце была украшена «двумя неподвижными кольцами»; под мечом находился обломанный каменный точильный брусок с отверстием для подвешивания (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 6. Л. 36 об., 340 (№ 17)). Датировать этот комплекс очень трудно, но, судя по описанию меча, он, вероятнее всего, имел так называемое антенное навершие, что позволяет относить его к V в. до н. э.

Некрополь под Вторым креслом Митридата, к которому относятся два описанных выше воинских

захоронения, раскапывался в 1902, 1903, 1905 и 1907 гг. Подводя итог своим исследованиям, В.В. Шкорпил писал: «Так как в расследованной части южного склона Митридатовой горы ни разу не встречались гробницы с “мегарскими” чашками или краснолаковой посудой (*terra sigillata*) или со стеклом и фибулами, то, кажется, правилен будет вывод, что на рассматриваемом месте с V по III век до Р. Хр. существовало пантикапейское кладбище, но что приблизительно во II веке до Р. Хр. здесь была построена новая часть Пантикапея» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 6. Л. 334).

В июне 1904 г. «счастливыми» были открыты и разграблены два склепа на Госпитальной улице с прекрасными находками в «готском» стиле (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 6. Л. 44, 54, 102–103). Все вещи оказались у торговца древностями И.А. Терлецкого (о деятельности И.А. Терлецкого, врача лазарета Особого керченского отделения корпуса пограничной стражи, по собиранию боспорских древностей см.: Боровкова 1999: 39–40, 83–94), и В.В. Шкорпил начал свою по-настоящему героическую борьбу за спасение этих памятников для науки. В ходе этой борьбы ему пришлось столкнуться не только с ненавистью кладоискателей и торговцев древностями, но и с продажностью керченской полиции. На сей раз старания В.В. Шкорпила оказались не напрасными: И.А. Терлецкому были возвращены те деньги, которые он заплатил «счастливым», а наука обогатилась прекрасным комплексом времени поздней античности. Один из раздосадованных грабителей обещал расправиться с В.В. Шкорпилом, в связи с чем тот в декабре 1904 г. обратился к керчь-еникальскому градоначальнику

с просьбой положить конец этим угрозам, и, надо признать, необходимые меры были приняты: выделена охрана, на местах раскопок установлены временные полицейские посты и т. д. (Боровкова 1999: 87, 141). Станным образом из-за денег, выданных И.А. Терлецкому, в марте 1918 г. В.В. Шкорпилу был предъявлен иск со стороны Революционного трибунала (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 6. Л. 133). Благодаря активному участию Археологической комиссии, обвинения с него были сняты (Боровкова 1999: 143).

Вся эта история, конечно, буквально взбудоражила Керчь, многими жителями, как писал В.В. Шкорпил, «овладело страстное желание найти подобные катакомбы». В 1905 г. к В.В. Шкорпилу обратилась керченская мещанка У. Шаманская, предлагая ему провести раскопки на ее участке. Причиной такого поступка стало то, что бедная женщина не имела покоя ни днем, ни ночью, поскольку под землей постоянно слышался стук кладоискателей, пробиравшихся к Госпитальной улице (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 4. Л. 63). Раскопки на участке У. Шаманской были проведены и дали свой результат (Там же. Л. 125).

Поскольку бороться с «лихорадочной деятельностью кладоискателей» было невозможно, то В.В. Шкорпил решил полностью сосредоточиться на исследовании Госпитальной улицы и прилегающей к ней местности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 6. Л. 116; ОИАК за 1904 г. 1907: 78–83; Шкорпил 1907: 32 и сл.; 1911а: 79 и сл.; 1913а: 16 и сл.; 1913b: 56; 1914с: 11). И это решение, конечно, было абсолютно верным. В 1904 г. исследователь установил, что полоса катакомб, которые он датировал III–IV вв. н. э., тянется

от Госпитальной улицы вплоть до вала, спускающегося с Золотого кургана к полотну железной дороги (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 6а. Л. 1–2). Работы здесь были продолжены в 1905 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 4. Л. 19, 119 и сл.) и в последующие годы (Шкорпил 1910: 31 и сл.). Датировка катакомб, предложенная В.В. Шкорпиллом, вскоре была исправлена на IV–V вв. н. э. (Спицын 1905b: 115). В результате всех этих исследований археологическая наука обогатилась комплексами Госпитальной улицы, имеющими принципиальное значение для изучения культуры Боспора в период поздней античности (см.: Засецкая 1979; 1990).

В 1908 г. на горе Митридат, совсем недалеко от того места, где в 1891 г. проводил раскопки А.А. Бобринской, был найден замечательный расписной склеп (см.: ОИАК за 1908 г. 1912: 109, 110; Шкорпил 1911а: 65; Ростовцев 1914а: 70–82; Ернштедт 1955: 250; Блаватский 1964а: 75–77; Виноградов, Медведева 2017: 23–25). Погребальная камера была украшена горизонтальными декоративными полосами, окрашенными в разные цвета. На верхнем выступе, по форме напоминающем карниз, были изображены различные предметы (алабастры, аски, гирлянды и пр.), как бы висащие на гвоздях.

В.В. Шкорпил по этому поводу заметил: «Вся суть и изящество декоративной живописи склепа заключается в этой верхней полосе» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 13. Л. 32, 308 об.). В высшей степени ценно, что данный погребальный комплекс сохранился в непо потревоженном состоянии, в нем находилось пять костяков с весьма показательным инвентарем (краснофигурные пелики, чернолаковый килик, арибаллические лекифы, украшенные

пальметками, сетчатые арибаллические лекифы и т. д.). Исследователь обоснованно признал этот склеп семейным и посчитал, что он использовался во второй половине IV — первой половине III в. до н. э. (Там же. Л. 310, но ср.: Л. 34, 303 об.). Описание материала, однако, позволяет предполагать, что он вряд ли заходил в III в., поскольку основное количество находок явно принадлежит IV в. до н. э. Вполне возможно, что склеп был построен во второй половине IV в. до н. э. (Ростовцев 1914а: 74; Ернштедт 1955: 250).

В конце 1910 г. на северном склоне Митридата (против Первой Подгорной улицы) было обнаружено весьма любопытное погребение, содержавшее человеческий костяк, во внутренней стенке позвонка которого застрял наконечник стрелы. Положение этого наконечника позволило предполагать, что погибший от стрелы пантикапеец был убит врагом, стоявшим под горою или под оборонительными стенами Пантикапея (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 4. Л. 165). К сожалению, погребение было безинвентарным, и датировать его невозможно.

В 1911 г. во время раскопок на северном склоне Митридата (Третий Кладбищенский переулок) была открыта целая серия любопытных погребальных комплексов, в общей сложности 24 гробницы (Шкорпил 1914с: 3 и сл.). Благодаря находкам аттической чернофигурной керамики, В.В. Шкорпил полагал, что этот некрополь является весьма ранним, представляя собой «одно из первых мест погребения древних пантикапейцев, основавших новый город» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 185 об.). Раскопки 1912 г., когда здесь было обнаружено еще 43 погребения, в полной мере

подтвердили этот вывод, В. В. Шкорпил даже сделал заключение, что они в основном относятся к VI в. до н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 4. Л. 190 об.). Среди исследованных гробниц особый интерес вызывает одна кремация (гробница № 15). На месте сожжения было вырыто четырехугольное углубление (1,65 × 0,67 м, глубина — 0,56 м), в котором помещена урна с человеческим прахом. В качестве урны использована псевдопанафинейская амфора с изображением флейтиста, играющего на двойной флейте в окружении судей, опирающихся на посохи (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 46–47, 193–194; ОИАК за 1911 г. 1914: 25–26; Шкорпил 1914с: 7–8; Радлов 1912: 76 и сл.). О находке этой замечательной вазы в ИАК было сообщено специальной телеграммой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 48), но наше внимание должна привлекать не только она, но и другие сделанные здесь находки. Исследователь сообщал, что вместе с сосудом находились три железных наконечника копий, стянутые снизу бронзовыми кольцами. Два из них имели длину 0,3 м, а третий, практически полностью разрушенный ржавчиной, был в два раза их больше, т. е. имел длину 0,6 м. Столь длинный наконечник — большая редкость в древней Греции, и, в принципе, его можно сопоставить только с наконечником македонской сариссы. Хорошо известно, что во время раскопок некрополя в Вергине (древняя Македония) был найден наконечник сариссы, достигающий в длину 0,51 м, а обычный наконечник копья, обнаруженный там же, имеет длину всего 0,27 м (Markle 1977: 323 f.; Конноли 2000: 77–79). Керченская находка, однако, явно относится к более раннему времени.

Несмотря на то, что большая часть могильника была вскрыта в 1911 г., В. В. Шкорпил продолжил на нем исследование в 1913 г. Сделанные находки позволили ему вновь подтвердить вывод, что «здесь был один из древнейших пантикапейских некрополей, относящийся к концу VI в. до Р. Хр.» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 4. Л. 169; см.: Блаватский 1951: 15–16, 18).

В 1914 г. были продолжены раскопки так называемого «пепелища», расположенного между Вторым креслом Митридата и Круглой скалой. По наблюдениям исследователя, там под глубокой насыпью и в самой насыпи встречались гробницы, относящиеся к различным эпохам начиная «с VI в. до Р. Хр. и кончая временем, когда в Пантикапее были в ходу изделия готского стиля» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 4. Л. 173 об.). Описаний этих погребений в отчете не содержится, дается простое перечисление сделанных находок по категориям: керамика, стекло, золото, серебро, железо, гипс и т. д. Нечто подобное уже наблюдалось в практике составления археологических отчетов того времени, когда во главе Комиссии стоял А. А. Васильчиков. Трудно сказать, чем следует объяснять возвращение этой порочной практики, но любопытно, что среди имеющихся документов архива ИАК нет таких, которые бы требовали закончить с ней. Одновременно с работами на «пепелище» производились раскопки по трассе Карантинного шоссе. Это объясняется тем, что полосу шоссе было решено сузить, в результате этих работ по обочинам новой трассы были открыты гробницы I–II вв. н. э. (Там же. Л. 174 об.). Можно признать, что методика раскопок пантикапейского некрополя, правила фиксации открытых объектов и пр. в 1859–1914 гг. имели свои

недостатки. Тем не менее благодаря целенаправленной политике Археологической комиссии и упорству керченских археологов древние могильники Пантикапея были изучены столь полно и подробно, как ни один из некрополей других античных городов Северного Причерноморья (Ростовцев 1925: 179).

Следует отметить, что В.В. Шкорпил проводил раскопки не только некрополя Пантикапея. В марте 1904 г. он информировал Археологическую комиссию: «Между Керченским металлургическим заводом и Новым карантинном приблизительно десять лет тому назад открыто кладоискателями древнее кладбище гор. Мирмекия с чернолаковой посудой и финикийским стеклом. Почти все разноцветные сосудики, появившиеся тогда в большом количестве у керченских торговцев древностями, были найдены за Новым карантинном. Так как в последнее время случаи разграбления этого некрополя стали повторяться, то я, за трудностью преследования грабителей на таком расстоянии от Керчи, решил раскопать это кладбище и спасти то, что еще уцелело от рук грабителей» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 6. Л. 23).

На самом деле археологические исследования на территории между Новым карантинном и Металлургическим заводом были начаты годом раньше. В.В. Шкорпил надеялся с помощью этих работ «внести какую-нибудь новую черту в историю давно погибшего древнего города» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 19. Л. 324). Результатом своих раскопок на этом объекте исследователь остался недоволен, «новых черт» истории Мирмекия ему выявить не удалось. Тем не менее на некрополе было раскопано 46 могил, в двух из которых находились погребения с копьями (Там

же. Л. 385 и сл., №369 и 370; ОИАК за 1903 г. 1906: 52 и сл.; Шкорпил 1905: 70 и сл.).

В 1906 г. самое большое внимание было уделено территории, лежащей между Карантинной слободкой и Новым карантинном (ОИАК за 1906 г. 1909: 83–84; Шкорпил 1909b: 52–53, 78–79). После этих исследований В.В. Шкорпил заключил, что западная часть Мирмекия никогда не доходила до этого «пустопорожного места, отделяющего слободку от карантина», здесь располагался сплошной некрополь. За один сезон на обозначенной территории были раскопаны 73 гробницы.

Свои наблюдения археолог выразил следующим образом: «Более древняя часть некрополя тянется над берегом, вправо от Карантинного шоссе, некрополь же римского времени простирается на месте, перерезанном этим шоссе, и влево от него. В гробницах первого некрополя, устроенных, по большей части, в скале, встречаются по преимуществу низкие лекифы с красными пальметками или с темными сетками, усыпанными множеством белых точек; встречались также сосуды, покрытые густым, ярко блестящим лаком, пелики позднего прекрасного стиля, пелики местного производства, известные под неверным названием “акварельных” ваз, и “мегарские” чашки. Сосудики из “финикийского” стекла не встречались вовсе, между тем как в той части некрополя возле Нового карантина, который я раскапывал в 1903 г., попадались весьма изящные алабастры и ойнохои этого рода» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 4. Л. 163). Ранний некрополь В.В. Шкорпил датировал IV–II в. до н. э., а поздний относил к римскому времени. В отношении последнего своим лучшим достижением он

признавал открытие здесь трех подземных склепов, весьма похожих на катакомбы горы Митридат и крымских берегов Азовского моря (Там же. Л. 164).

Весной 1909 г. керченские кладоискатели, неустанно преследуемые В. В. Шкорпилом, перешли от ближайших окрестностей Керчи за Металлургический завод, на территорию, лежащую слева от дороги на Еникале, приблизительно в 10 верстах от города. Следует отметить, что поблизости от того места в деревне Капканы в 1891 г. проводил исследования А. А. Бобринской. Директор Керченского музея информировал ИАК, что здесь кладоискатели «стали раскапывать древний некрополь со стеклом и краснолаковой посудой I в. по Р. Хр.» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 10. Л. 104 об.). Археолог обратил внимание на важность исследования данного могильника и провел здесь раскопки. В общей сложности им были исследованы 23 гробницы, судя по монетным находкам, относящиеся к I–II вв. н. э. (Шкорпил 1913а: 3, 31).

В мае 1914 г. В. В. Шкорпил обратился в ИАК с просьбой выделить ему средства (2–3 тыс. руб.) на раскопки «огромного некрополя, расположенного между Аджимушкаем и Темир-горой». На этом некрополе им уже были проведены разведочные работы в апреле месяце, в результате чего были обнаружены краснолаковые сосуды и «весьма интересное стекло» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 4. Л. 51). Деньги были получены, и летом 1914 г. археолог сосредоточил основное внимание на этом могильнике, занимавшем почти всю равнину между деревней Аджимушкой и Темир-горой (Там же. Л. 173–174). По сделанным находкам исследователь заключил, что он

относится к I–III вв. н. э. Еще раз с сожалением приходится признать, что качество археологических отчетов в 1914 г. очень упало, и об открытых тогда погребальных комплексах мы не знаем ничего, кроме простого перечисления сделанных в них находок. Судя по всему, эти комплексы, как и многие другие, раскопанные в это время, следует считать потерянными для науки.

На азиатской стороне Боспора Императорская археологическая комиссия поначалу раскопок грунтовых некрополей в это время почти не проводила, хотя грабеж древних могильников здесь достиг очень крупных масштабов. В. В. Шкорпил в мае 1907 г. писал в Петербург: «В окрестностях Тамани, между Лысой горой и морем, в особенности же возле Южного кордона, построенного на Тузлинском мысу, происходит археологический грабеж, достигший ужасающих размеров» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 6. Л. 68). На Тузле директор Керченского музея повсюду увидел ямы, в которых виднелись остатки разоренных гробниц. Местные пастухи рассказали ему, что грабители находили здесь разнообразную глиняную посуду и даже золото, при этом расписная керамика с изображениями животных была куплена вездесущим Терлецким. У торговцев древностями В. В. Шкорпил видел происходящие отсюда коринфские сосудики, аттическую чернофигурную посуду, «финикийское» стекло. В связи с таким положением он сокрушался, что «решительно вся Тамань знает об этих раскопках», но «никто из лиц, ведающих это дело, не принимал и не принимает никаких мер, чтобы остановить это варварское хищение». Более того, по Тамани распространялся слух, что в газете «Кубанские ведомости» было

напечатано распоряжение, по которому ввиду неурожая, постигшего этот край, «разрешено выкапывать древности всякому, кто захочет заняться этим делом». В. В. Шкорпил настаивал, чтобы местные власти приняли срочные меры к прекращению грабежей и разъяснили всю нелепость распространявшихся слухов, однако самым действенным способом спасения Тузлинского некрополя он считал проведение на нем нормальных археологических раскопок.

Исследования здесь были предприняты лишь в 1911 г. Собственно, тогда были проведены раскопки на двух древних некрополях: на мысе Тузла и на берегу пролива около хутора Кротенко (между Тузлой и Панагией). На Тузле за один год было раскопано 137 погребений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 208–258; ОИАК за 1911 г. 1914: 37; Шкорпил 1914с: 21 и сл.), многие из которых относятся к позднеархаическому времени, но здесь имеются и погребения IV в. до н. э., и эллинистические, и римские. Около хутора Алексея Кротенко было исследовано еще 42 погребальных комплекса, наиболее показательные из которых относятся опять же к времени поздней архаики (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 258–275; Шкорпил 1914с: 71 и сл.). В обоих некрополях было обнаружено немало погребений с оружием, что ярко характеризует своеобразие культуры Боспора в конце VI — первой половине V в. до н. э. В. В. Шкорпил полагал, что эти памятники следует связывать с греческой колонией, существовавшей на месте Тамани (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 187–188), т. е. с Гермонассой.

О некоторых обстоятельствах своих раскопок директор Керченского музея писал в ИАК: «По перенесении

моих разысканий в 1911 г. от мыса Тузла к хутору Кротенко, на самом близком расстоянии от Тузлянской грязелечебницы, где почти ежедневно бывали таманский атаман (Самойленко) и пристав (Толстопят), среди белого дня закипела такая деятельная работа таманских кладоискателей, что мне в скором времени пришлось вернуться обратно к Тузле» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 4. Л. 257). О широком распространении грабительских раскопок на Таманском полуострове, ставших настоящим археологическим бедствием, будет сказано далее.

В самой станции Тамань раскопки проводились в 1912 г. Они были вызваны тем, что там началось разграбление древнего некрополя около Свято-Покровской церкви, обнаруженного местными жителями в результате выборки глины. Здесь было исследовано всего пять гробниц, относящихся к IV и III вв. до н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 4. Л. 91 об., 221–223; ОИАК за 1912 г. 1916: 50).

Важность изучения древностей Боспора Киммерийского, конечно, осознавалась всеми специалистами, но их значимость уже никому из них не казалась первостепенной. Раскопки Ольвии и Херсонеса в Археологической комиссии тогда уже представлялись явно более отвечающими задачам современной науки. Такое положение нашло отражение даже в нумерации дел архива ИАК: первое место в нем каждый год традиционно занимали финансовые документы; отчеты о раскопках в Керчи начиная с 1905 г., как правило, имеют № 4; № 2 и 3 — отчеты о работах в Ольвии и Херсонесе.

Раскопки боспорских городищ в начале XX в. практически не проводились, основное внимание, как

было сказано выше, уделялось исследованиям грунтовых некрополей и курганов. Тем не менее Комиссия принимала все зависящие от нее меры по сохранению древних памятников, пресечению их вывоза за границу. В связи с этим можно привести один показательный пример. В марте 1914 г. стало известно, что К. В. Робертс, начальник станции Индо-Европейской телеграфной компании в Керчи, планирует отправить в Британский музей два надгробия, найденные в 1913 г. на территории этой станции, в том числе стихотворную эпитафию Стратоника, сына Зенона (КБН 145; вторая надпись — КБН 652). А. А. Бобринской по этому поводу немедленно обратился в Министерство иностранных дел с просьбой воспрепятствовать этому и повлиять на К. В. Робертса, чтобы тот передал находки в Керченский музей или, по крайней мере, оставил их в Керчи в ведении компании (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 4. Л. 45). Соответствующий департамент МИД в апреле поручил российскому посольству в Лондоне обратиться к правительству Великобритании с ходатайством о принятии мер по недопущению ввоза этих эпитафических памятников в Англию (Там же. Л. 47). Необходимые меры были приняты, и в мае 1914 г. К. В. Робертс передал оба надгробия в музей (Там же. Л. 44). Проблема, как видим, была решена, при этом, надо признать, очень быстро — всего за три месяца.

Весьма примечательным представляется и то, что в 1914 г. был решен вопрос о приобретении в собственность ИАК участка мещанина Тимофея Лопатина, находящегося на горе Митридат (Там же. Л. 132, 137, 145). Этот участок был важен тем, что

здесь находилась двойная расписная катакомба, открытая в 1873 г. (ОИАК за 1873 г. 1876: X; ОИАК за 1874 г. 1877: 112 и сл.; Ростовцев 1914а: 227–243; Иванова 1953: 155–156; Ернштедт 1955: 265–266). Такой замечательный памятник, конечно, необходимо было уберечь от всякого рода случайностей.

Первая русская революция (1905–1907), наложившая свою печать на всю жизнь страны, сказалась и на археологических исследованиях. Комиссия, разумеется, не принимала никаких постановлений по такому поводу, но практическое проведение работ в Керчи в это время явно осложнилось. В феврале 1906 г. В. В. Шкорпил информировал ИАК, что, «пользуясь теперешним тревожным временем», жители Керчи стали строить свои хижинки позади Эспланадной улицы, и власти против этого ничего не предпринимают. Эту часть горы Митридат, соответственно, необходимо было подвергнуть «последнему тщательному исследованию» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 4. Л. 6 об.). В ноябре 1907 г. в рапорте на имя А. А. Бобринского он писал о необходимости скорейшего исследования некрополя на южном склоне горы Митридат, поскольку «охрана его при большом расстоянии от города является крайне затруднительной и весьма опасной, особенно *в теперешнее тревожное время* (выделено мной. — Авт.)» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 6. Л. 144).

В 1913 г. по случаю празднования 300-летия Дома Романовых все сотрудники Керченского музея древностей были пожалованы специальными бронзовыми медалями. В их числе: В. Шкорпил — директор, В. Прыгунов — писарь, А. Основский — сторож музея,

Ф. Зяблов — первый надсмотрщик, И. Анищенко — второй надсмотрщик, В. Мазка — сторож при Царском кургане, С. Маслинов — дневной сторож на горе Митридат, П. Воловенко — ночной сторож на горе Митридат, С. Кузнецов — сторож при склепе Деметры (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 4. Л. 53).

Серьезная проблема российской археологии в это время по-прежнему состояла в недостатке квалифицированных кадров для проведения раскопок. Этот недостаток остро ощущался и на Боспоре. Желая улучшить ситуацию, В. В. Шкорпил пытался найти преданных делу людей, так сказать, на месте, в связи с чем писал в ИАК 28 января 1914 г.: «Уроженец и житель Таманской станицы, отставной подъесаул Василий Васильевич Соколов, оказавший мне в течение последних трех лет деятельное содействие в производстве таманских раскопок и изучивший под моим руководством техническую сторону археологических исследований, обратился в конце прошлого года ко мне с заявлением и просьбой следующего содержания:

“Каждый год, с прекращением археологических раскопок в окрестностях Тамани, с осени и до весны следующего года, так называемые «счастливицы» разграбляют окружающие Тамань древние курганы и кладбища, а найденные перепродают, довольно часто за границу. Станичная администрация, как Вам известно, не проявляет особенной энергии в борьбе с кладоискателями, и кадры их с каждым годом увеличиваются. Ввиду этого я просил бы Вас исходатайствовать мне у Императорской археологической комиссии разрешение на право раскопок в окрестностях Тамани, с условием, что я буду вести подробные записи

находок, а также измерения и описания найденных гробниц. Кроме того, все найденные вещи будут представляться Вам и только не взятые Вами для Императорской археологической комиссии поступят частью в мою коллекцию, а частью в Екатеринодарский музей”. Соколов намерен производить раскопки на свой счет. Заявляя, что Соколов мне известен около 20-ти лет как человек в высшей степени честный и порядочный, я просил бы Императорскую археологическую комиссию разрешить ему производство раскопок на Таманском полуострове в то время, когда зимою пролив будет покрываться льдом или когда я буду занят в другом месте и мне невозможно будет ездить в Тамань, но с тем неременным условием, чтобы он, во-первых, каждый раз или по телеграфу, или письмом извещал меня о местах и начале раскопок и, во-вторых, чтобы он производил раскопки не на свои средства, но в счет сумм, которые мне будут отпускаться на археологические исследования, причем я беру всю ответственность на себя. Все находимые вещи должны быть представляемы в Императорскую археологическую комиссию, которая, по своему усмотрению, будет выделять часть этих древностей и препровождать их в Екатеринодарский музей» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 4. Л. 192–193).

В. В. Соколов действительно стал деятельным помощником директора Керченского музея древностей на Таманском полуострове, порой являясь его представителем в самых непростых ситуациях, к примеру, во время обнаружения мраморного таманского саркофага в 1916 г. Ситуация, однако, настоятельно требовала большего числа специалистов в области античной археологии.

В начале мая 1914 г. планировалась поездка в Керчь императора Николая II, который как будто намеревался посетить керченскую крепость, но в связи с этим вполне мог осмотреть и некоторые археологические достопримечательности города. Информация об этом поступила в ИАК в марте от В.В. Шкорпила, который в свою очередь узнал о намерении императора от возвратившегося из Петербурга керченского градоначальника. В связи с возможностью приезда Николая II археолог просил ИАК выделить ему финансовые средства, необходимые для ремонта здания, которое Керченская городская дума предоставила для устройства эпиграфического отделения Музея древностей. Такой возможностью получить дополнительное финансирование директор музея, разумеется, не мог не воспользоваться, при этом он торопил петербургское руководство с высылкой денег, поскольку ремонт необходимо было завершить к началу мая (Там же. Л. 31–32). Информация о планировавшейся поездке подтвердилась, и А. А. Бобринской обратился к В.Н. Воейкову с просьбой о своем присутствии в Керчи во время поездки августейшей особы, в связи с чем «возможно было бы произвести в Высочайшем присутствии раскопку нескольких могил, которых здесь большое количество, и, хотя за удачный исход раскопки поручиться, конечно, невозможно, все же самая процедура вскрытия гробниц, несомненно, заинтересовала бы его величество и отняла лишь весьма непродолжительное время» (Там же. Л. 36). Неудивительно, что деньги (446 руб.) на ремонт здания для эпиграфических находок В.В. Шкорпилу были выделены.

Однако поездка Николая II в Керчь в мае 1914 г. не состоялась, возможно, она была отложена по причине других,

более важных государственных дел. Позднее она уже вряд ли была возможна — в начале лета международная обстановка сильно накалилась, а 19 июля 1914 г., как известно, началась Первая мировая война. Археологические проблемы в связи с этими событиями стали казаться совсем ничтожными, финансирование экспедиций, естественно, сильно сократилось и раскопки стали производиться в скромных масштабах. Директор Керченского музея писал по этому поводу: «В Керчи в 1915 году не проводилось обычных исследований сплошных некрополей» (Там же. Л. 186). Не стоит думать, однако, что раскопок не было вовсе. Нет, они, пусть в небольших масштабах, проводились, к примеру, на Малой Близице или на Лысой горе под Таманью и дали весьма ценные материалы (см. ниже).

Блестящий период изучения курганов Боспора Киммерийского, условно, был в прошлом, но вообще отказаться от их раскопок археологи все-таки не могли. В ноябре 1905 г. В.В. Шкорпил писал в ИАК, что, убедившись в плохом качестве раскопок керченских курганов, он решил «ради опыта» провести дополнительные исследования нескольких небольших курганов. Центральные части насыпей этих памятников были разрыты в неизвестное время, поэтому археолог обращал внимание на их полы. В одном случае проведенные исследования позволили выявить остатки любопытной тризны и отдельные впускные гробницы IV в. до н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 4. Л. 82–83, 144–145).

В 1906 г. Керченская городская управа «продала ряд курганов, находящихся в степи по правую сторону от дороги, ведущей к Царскому кургану» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 4. Л. 39).

Юз-Оба, курган 1909 г., вид с севера (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 10б. Л. 11)

Юз-Оба, раскопки кургана в 1909 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 10б. Л. 9)

сохранилась правая половина
буквы М.

8) Два горла простых ам-
форъ съ выдвинутыми вглубь
надписями:

а) ΔΙΟΝΥ

ΣΙΟΚΕ

δ) ΙΖΑΤ

ΟΡΟ

а) Διονυ-

σιου. κρηίου.

δ) [Σ]ιασι-

[Χ]ορου.

9) Две расколотые ручки съ над-
писями: X

а) ΛΕΛΓ

ΘΑΣΙ

ΚΛΕΑ

а) Λελεγγ.

Θаси(он).

Клеар(он)?

δ) ΑΡ

Соразий факел

ΙΖΑΤΟ

δ) 'Αρ(он)ιδης.

[Θ]ασι(он).

'Αρ(он)ιδης. *

10) Большой неслезный гвоздь съ
загнутыми концами и обломки
песч. нонна.

11) Почти на поверхности кур-
гана найдено горло краснолако-
вого сосуда съ одной ручкой (темн

Курганы были проданы Управлению Керченского порта для получения грунта, необходимого для засыпки моря и устройства набережной. В.В. Шкорпил вынужден был организовать археологическое наблюдение за этими работами. В апреле 1914 г. были проведены спасательные раскопки кургана, расположенного в Керченском городском саду, возле северных ворот. Этот курган раскапывался в XIX в., но его северная пола осталась нерасследованной (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 85). Необходимость дополнительных работ на кургане объяснялась тем, что из насыпи стали брать грунт для сооружения шоссе, ведущего к вокзалу. В.В. Шкорпил предпринял раскопки северной полы и обнаружил здесь остатки тризны с большим количеством керамических фрагментов. Из них удалось реставрировать девять чернолаковых и краснофигурных сосудов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 4. Л. 111–112).

Летом 1909 г. В.В. Шкорпил решил провести раскопки на некрополе хребта Юз-Оба. Для своих исследований он избрал курган, возвышавшийся слева от Чурубашской дороги. За два года археолог предполагал полностью снести насыпь этого кургана (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 10. Л. 105, 445–449). Но второй сезон оказался ненужным, поскольку надежды на яркие открытия не сбылись (Шкорпил 1913а: 37–40). В.В. Шкорпил хорошо изучил характер насыпи (высота — 3,3 м), нижний горизонт которой (1,6 м) состоял из утрамбованной земли, а верхний (1,7 м) — из сплошной каменной засыпки. Он обнаружил также каменную крепиду, окружавшую курган, открыл остатки тризны в его восточной части, но центральный склеп оказался полностью разграбленным и даже разобраным.

Следует отметить, однако, что исследователь довольно подробно охарактеризовал все керамические находки, обнаруженные им в насыпи, и в отчете даже дал прорисовки амфорных клейм.

Директора Керченского музея глубоко волновало состояние хрестоматийно известных боспорских памятников. Он просил Комиссию дать разрешение на закрытие входа в один из курганов Юз-Обы, раскопанного в 1860 г. Склеп этого кургана через 50 лет после раскопок представлял, по выражению археолога, «мерзость запустения». Рабочие местных каменоломен разрушили свод гробницы, пробили ее стены в поисках тайников с драгоценными вещами. «Варварство этих босяков дошло до того, что ими были срезаны... почти все острые углы камней, из которых сложен свод усыпальницы» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 10. Л. 107). Чтобы спасти склеп от окончательного разрушения, вход в него, конечно, следовало закрыть (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 118).

Конечно, все эти древние монументы нуждались в охране и бережении, но В.В. Шкорпил замечал также и то, что общеизвестные памятники на страницах публикаций воспроизведены не совсем верно. В частности, это касалось крепиды Золотого кургана, изображение которой в «Древностях Боспора Киммерийского», по его мнению, не дает точного представления об этой монументальной конструкции. Для исправления положения необходимо было произвести фотографическую съемку сохранившихся частей крепиды (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 4. Л. 218).

При всей важности изучения керченских курганов памятники Тамани тоже имели очень большое значение. В 1906 г., 30 июля, в ИАК обратился

Расписной склеп на Васюринской горе, левый угол (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 6. Л. 387)

М.И. Ростовцев. Он просил, чтобы В.В. Шкорпил произвел раскопку двух курганов с расписными склепами на Таманском полуострове (Там же. Л. 70). Скорее всего, профессор Петербургского университета имел в виду Большую Близницу и Васюринскую гору. На следующий год, однако, В.В. Шкорпил просил ИАК разрешить ему провести исследование Малой Близницы и расчистить расписной склеп на Васюринской горе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 6. Л. 53). Несмотря на серьезное противодействие, оказанное археологам владельцем земли, на которой находились Васюринские курганы, Н.В. Черковым, летом 1907 г. склеп был вскрыт и сфотографирован (см.: Виноградов, Медведева 2017: 16–20). Пробоина в передней части потолка камеры была

закрыта бревнами и толстыми досками, а яма, образовавшаяся над ней в насыпи кургана, была засыпана землей. Обломки керамической посуды, найденные в 1907 г. в Васюринском склепе с фресками, были по просьбе М.И. Ростовцева направлены в ИАК летом 1911 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 63), тогда же были высланы 14 фрагментов леканы, найденных в 1868 г. (Там же. Л. 64). Что касается Малой Близницы, раскопки которой начались более 40 лет назад, то В.В. Шкорпил в 1907 г. открыл здесь пять лошадиных костяков с любопытными уздечными наборами (ОИАК за 1907 г. 1910: 84–85, 89; Шкорпил 1910: 46–47). Эти наборы до сих пор не опубликованы, но традиционно считаются довольно поздними (Ростовцев 1925: 375; ср.: Виноградов

2004b: 103–104). В Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН имеется письмо В.В. Шкорпила, направленное 23 апреля 1908 г. Б.В. Фармаковскому. В нем содержится следующее описание конской узды из Малой Близницы: «На головах лошадей найдены удила и головная сбруя, украшенная бронзовыми и серебряными бляхами и пластинками в виде голов Медуз и пр., но все эти металлические вещи были до такой степени испорчены окисью металла, что ничего нельзя было разобрать; только на 2–3 бляхах с трудом можно заметить человеческие лица. Сохранились только бусы, найденные на головах двух лошадей: бусы одной лошади (60 штук) сделаны из синего “финикийского” стекла с белыми глазками, бусы же другой — из кости» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 13. Л. 56). Такое описание, в принципе, вполне позволяет относить конские захоронения к IV в. до н. э., т. е. считать их синхронными основной гробнице кургана (см.: Виноградов 2004b: 96–101). Последний раскопочный сезон на Малой Близнице пришелся на 1915 г., когда В.В. Шкорпил недалеко от захоронения лошадей обнаружил остатки тризны (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 146 и сл.). Эти находки не добавили ничего нового в наше понимание данного интереснейшего памятника.

В 1910 г. в станице Тамань В.В. Шкорпил доследовал курган, в котором местные казаки обнаружили «жженую гробницу» с золотыми вещами и статером Александра Македонского. Археологу досталось совсем немного: золотая розетка и золотые бусы, бусы из белой пасты, бронзовый наконечник стрелы, черепки чернолаковых сосудов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 10. Л. 26–27; ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 118).

В январе 1911 г. В.В. Шкорпил обратился в ИАК с рапортом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 8–9), в котором предлагал «ввиду прежних замечательных открытий на Таманском полуострове, а также вследствие тайного кладоискательства, усиливающегося с каждым годом среди населения Кубанской области», провести раскопки на следующих курганах:

1. Нетронутые небольшие курганы около станицы Тамань.

2. Курган, известный как «Карабетова гора». Сразу можно отметить, что раскопки на Карабетовой горе были проведены в июле 1912 г. Эта изрытая таманскими кладоискателями гора оказалась природным холмом, получившим форму кургана «благодаря действию вулканических сил».

3. Маленький курган, расположенный у подошвы хребта, на котором находятся Малая и Большая Близницы, влево от дороги, ведущей в Стеблеевскую станицу.

4. Наконец, предлагалось провести раскопки на самой Большой Близнице, точнее, на ее неисследованных частях. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 4. Л. 76 об.)

Планируя раскопки таманских курганов в 1911 г., В.В. Шкорпил просил руководство ИАК обратиться к атаману Кубанского войска с официальной бумагой, чтобы тот в свою очередь приказал атаманам Таманской и Вышестеблеевской станиц оказывать археологам всякое содействие. По этому поводу он, в частности, заметил (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 20–21):

«Эту свою просьбу я основываю, во-первых, на замеченном мною недоверии и сомнении станичных атаманов относительно того, имеет ли заведующий Керченским музеем древностей право заниматься археологическими раскопками

на общественных землях казачьего войска, а, во-вторых, на враждебном отношении ко мне тех жителей Тамани и Стеблеевки, которые в последнее время стали производить тайные археологические раскопки. Враждебное отношение последних я постараюсь до некоторой степени смягчить тем, что приму самых главных из них в свою рабочую артель, но для меня было бы в высшей степени важно и желательно и то, чтобы начальствующие лица в упомянутых двух станицах относились ко мне с полным доверием и оказывали мне содействие всякий раз, как это окажется для меня необходимым». Следует сразу отметить, что нужная бумага на имя атамана Кубанского казачьего войска из Петербурга была направлена незамедлительно (Там же. Л. 22), и он издал соответствующие приказы. В циркулярном распоряжении от 20 марта 1912 г. атаман обратился к таманцам с требованием искоренить кладоискательство, обещая строго наказывать за это всех: и казаков, и местное начальство. В июле 1913 г. был отдан приказ проводить неожиданные обыски в домах подозреваемых в разрытии древних могил (Гладкий 1916: 20). Все эти приказы, однако, не привели к улучшению ситуации. Во всяком случае, реализовать намеченную программу В.В. Шкорпилу не удалось. Как было сказано, основные работы 1911 г. были сосредоточены на некрополях Тузлы и у хутора Кротенко. На Тузле, конечно, имелись курганы (Соколов 1919а: 51), но этот некрополь вряд ли следует считать исключительно курганным. Во всяком случае, исследователь ни разу не охарактеризовал какой-либо раскопанной им курганной насыпи; во всех случаях говорилось лишь о глубине погребений от современной поверхности.

Проведенные В.В. Шкорпиллом в 1911 г. раскопки «Колодыковой могилы» и двух других небольших курганов, расположенных в степи к юго-востоку от Тамани, привели к открытию погребений со скорченными костяками (Там же. Л. 276–278; ОИАК за 1911 г. 1914: 38; Шкорпил 1914с: 71–72), как мы сейчас знаем, относящихся к бронзовому веку. В одном из них был даже обнаружен деревянный сруб, практически во всех погребениях зафиксированы следы окрашенности, куски красной краски и пр. Погребальный инвентарь был очень беден, исследователи нашли лишь пару горшков, сделанных из грубой глины, которую таманские казаки называли «ржаным хлебом», сам В.В. Шкорпил условно именовал такие сосуды «скифскими» (РО. Ф. 1. Оп. 1–1911 г. Д. 7. Л. 276 об.).

В январе 1912 г. директор Керченского музея информировал Археологическую комиссию: «Главное внимание я принужден обратить на продолжение таманских раскопок, где в течение последних осени и зимы деятельность кладоискателей достигла своего апогея. Сейчас, после моего отъезда из Тамани, несмотря на циркулярное запрещение наказного атамана Кубанского войска разрывать древние гробницы, по всем окрестностям станицы Таманской начались незаконные раскопки казаков, причем расхищались не только сплошные некрополи на равных (т. е. равнинных. — *Авт.*) местах, как прежде, но и курганы. Особенно находка золотого венка весом почти в два фунта... усилила деятельность таманских грабителей. О развитии кладоискательства на Таманском полуострове дает самое ясное понятие тот факт, что на днях приедет из Темрюка в Тамань специально вызванный

Раскопки Зеленского кургана (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 4. Л. 566)

Каменная гробница Зеленского кургана (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 4. Л. 571)

судья, которому предстоит пересмотр осмидесяти протоколов, составленных в течение последних месяцев о расхищении древних гробниц. Я дважды телеграфировал по поводу хищнических раскопок в Тамани заведующему Екатеринодарским музеем г. Гладкому, по докладу которого наказной атаман два раза делал распоряжения о принятии самых энергичных мер к прекращению хищнических раскопок в Тамани и ее окрестностях. В последнее время казаки перестали разрывать холмы в окрестностях станицы, но я уверен, что в конце лета и осенью по окончании полевых работ кладоискательство возобновится с прежней силой» (РО. Ф. 1. Оп. 1—1912 г. Д. 4. Л. 36—37).

В ноябре—декабре того самого 1911 г., когда директор Керченского музея исследовал малоинтересные для него курганы бронзового века, «счастливики» открыли под Таманью замечательный погребальный комплекс. Они начали разрывать насыпь Зеленского кургана и наткнулись на «жженный точек», а затем, вероятно, на гробницу с кремацией, в которой обнаружили очень ценные находки, в том числе часть упомянутого в письме В.В. Шкорпила золотого венка, а также золотой статер Александра Македонского. Для изъятия этих ценностей у кладоискателей были приняты необходимые меры, хотя они к тому времени уже попали в Керчь, в руки торговца древностями И.А. Терлецкого (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 135—137), о деятельности которого неоднократно говорилось выше. В 1914 г. В.В. Шкорпил информировал ИАК, что доктор И.А. Терлецкий захватил в свои руки всю торговлю боспорскими древностями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 4. Л. 130). Правда, когда началась война, он был направлен в действующую армию

(Там же. Л. 91), и по крайней мере эта «напасть» свалилась с плеч директора Керченского музея.

В.В. Шкорпил прекрасно понимал, что к доследованию Зеленского кургана надо было приступить как можно быстрее. Надо признать, что этот курган не отличался грандиозностью размеров (диаметр насыпи составлял 53,3 м, длина окружности основания — 192,8 м, высота насыпи — всего 4,5 м), тем не менее Археологическая комиссия вполне обоснованно приняла решение доследовать его (ОИАК за 1912 г. 1916: 48—49). В.В. Шкорпил приступил к раскопкам 31 мая 1912 г., а 21 июня он уже послал в Петербург телеграмму следующего содержания (РО. Ф. 1. Оп. 1—1912 г. Д. 4. Л. 67): «Приехал [в] Керчь [на] один день, [чтобы] отправить найденные золотые вещи. Нет физической возможности составить счет, когда обилие обнаруженных [в] кургане гробниц требует моего присутствия. Буду продолжать раскопки [на] личные средства [в] пределах ассигнованной суммы». Для доследования Зеленского кургана В.В. Шкорпилу из ИАК было немедленно переведено 2385 руб. (Там же. Л. 70).

Первая обнаруженная В.В. Шкорпилем гробница была устроена в юго-восточной части насыпи на высоте около 0,9 м от материка. Она была сложена из плит известняка в виде ящика; три плиты перекрывали эту конструкцию. Костяк в этом ящике лежал на плитах пола головой на восток; на голове находился золотой венок с геракловым узлом в центре, поблизости от которого были расположены разнообразные подвески. В ногах стояла чернолаковая пелика с каннелированным туловом, украшенная на горле позолоченной гирляндой из накладной глины. Рядом с погребенным лежали копье, 5—6 дротиков и, вероятно, горит

с луком и стрелами. Автор раскопок связывал с горитом находку зооморфного крючка, положенного около левой ноги (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 4. Л. 214 об., примеч.). Около правой руки погребенного лежал железный стригиль, на груди находились янтарные и лигнитовые бусы, золотая круглая фибула, украшенная гранатом с вырезанным на нем изображением головы сатира. Против юго-западного угла этой гробницы было открыто захоронение лошади, которая, судя по остаткам краски, имела розовую попону.

К востоку от гробницы воина был обнаружен каменный ящик, на одну треть вкопанный в материк. Сверху на нем лежали обломки гладкой медной пластины, которую В.В. Шкорпил предположительно определил как обивку круглого щита. В самом ящике было обнаружено 342 железных наконечника стрел, железный нож, 93 экземпляра круглых золотых бус, множество узких полосок листового золота и пр. Рядом с этим сооружением с юга и востока лежали костяки двух лошадей, при которых не было никаких вещей (Там же. Л. 216–217).

В нескольких шагах к северо-западу от ящика находился земляной склеп с дромосом, впущенный в материк почти на 1,6 м (Там же. Л. 217–220). Сверху вся конструкция была перекрыта толстыми бревнами. Около западной стены склепа стояла чернолаковая гидрия, украшенная на горле двумя позолоченными ветками из накладной глины. Она была почти доверху наполнена золой и пережженными костями. Среди праха были найдены: железный перстень, обтянутый золотым листом, части золотого венка, золотые бусы, золотая фигурка сирены, золотой статер Александра Македонского и пр. Кроме погребальной урны в склепе было найдено большое

количество металлической посуды, особый интерес в ее составе привлекает набор серебряных сосудов (Гайдукевич 1949: 132, 134–135, рис. 21–22; Максимова 1979: 72–76, рис. 23А).

В северной поле кургана было обнаружено место тризны с большим количеством разбитой керамической посуды, в том числе чернолаковых тарелок, киликов и асков. Среди этих обломков находились части большой панафинейской амфоры с надписью, которую В.В. Шкорпил реконструировал как [NEA]XMO[Σ], т. е. относил архонту Неайхму — 320/19 г. до н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 4. Л. 94, 220 об.; Bentz 1998: 179, 226, Kat. 4, 119). М.И. Максимова считала такую интерпретацию возможной, но допускала и иные реконструкции (Демоген, Демоклид), последние относятся, соответственно, к 317/16 или 316/15 гг. до н. э. (Максимова 1961: 17; Уильямс, Огден 1995: 178). Здесь же, под северной полой, было открыто место, где в кучу были сброшены обломки остродонных амфор и боспорских черепиц, некоторые из которых имели клейма (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 4. Л. 220 об.). По поводу этих находок В.В. Шкорпил писал В.В. Латышеву: «При раскопках на Зеленой горе найдено мною в этом году, между прочим, куча разбитых амфор с клеймами и надписями. Эти керамические надписи интересны тем, что их можем точно датировать на основании других находок, известных из кургана» (Там же. Л. 94).

Материалы керамической эпиграфики, безусловно, имеют принципиальное значение для датировки кургана, не случайно автор раскопок посвятил им специальное исследование (Шкорпил 1914а: 121 и сл.). И.Б. Брашинский относил амфорные клейма

этого комплекса к концу IV — началу III в. до н. э. (Брашинский 1984: 140; см. также: Монахов 1999: 484). Точная датировка всех комплексов Зеленского кургана, однако, пока еще не установлена, но ясно одно — В.В. Шкорпилу посчастливилось открыть один из важнейших археологических памятников (см.: ОИАК за 1912 г. 1916: 48–49; Шкорпил 1916: 22 и сл.; Ростовцев 1925: 290 и сл.; Полин 1992: 58–60; Уильямс, Огден 1995: 178–179; Власова 2009: 245–247; Виноградов 2017с: 211–213; Pfrommer 1990: 286), который можно относить к началу того периода боспорской истории, который следует сразу за падением Великой Скифии (Виноградов 2005а: 291).

Результаты раскопок Зеленского кургана произвели большое впечатление не только на научный мир, но и на таманских казаков, которые в связи с этим провели сход и приняли на нем специальное решение. Казаки намеревались включиться в раскопки, так сказать, на законных основаниях. Раскопками должны были руководить лица, избранные казаками из своей среды, под наблюдением директора Керченского музея. Ослепленные блеском недавно открытых сокровищ, станичники предлагали работать бесплатно, надеясь получить лишь 50% от стоимости вещей, которые они обнаружат в древних гробницах. Оценку вещей должны были производить в ИАК. В.В. Шкорпил от этого энтузиазма не ожидал ничего хорошего, свою позицию он разъяснил в письме в ИАК:

«...В приговоре таманского станичного сбора я вижу простую увертку, придуманную бывшим атаманом Самойленко или его вдохновителем приставом Толстопятом с тем, чтобы оправдать себя в глазах наказного

атамана, искренно заинтересованного в прекращении таманского кладоискательства и знающего хорошо о расхищении древних гробниц по письмам, отправляемым заведующему Кубанским музеем мною и членом Кубанского музея В.В. Соловьевым.

Что же касается самого предложения станичного сбора и просьбы о разрешении казакам производить раскопки под наблюдением директора Керченского музея и уполномоченных от общества, то такое ходатайство, на мой взгляд, следует решительно отклонить, потому что во всей станице не найдется ни одного казака или “иногороднего”, который согласился бы работать на своих харчах только на основании одного обещания, что он получит часть половинной суммы, присужденной Императорской археологической комиссией за найденные вещи. Кроме того, я считаю для себя унижительным наблюдать за такого рода раскопками в обществе и под контролем грубых и невежественных лиц, которые будут избраны станичным сбором станицы Таманской» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 4. Л. 257–258).

В 1913 г. В.В. Шкорпил очень много внимания уделил находке, сделанной таманским казаком Ф. Бурло, который летом этого года работал в его археологической артели. Речь идет об одном из важнейших комплексов времени архаики на Таманском полуострове — погребении у Цокур-Лимана, содержащем бронзовый топорик, бронзовые наконечники стрел, бронзовую бляху, исполненную в зверином стиле, греческую ойнохою и пр. (Там же. Л. 47; ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 145–146). Директор Керченского музея даже просил казачьего офицера В.В. Соколова, проживавшего в Тамани, проверить правильность информации Ф. Бурло. Тот

отвечал, что раскопщику «можно доверять, по крайней мере, рассказ его производит впечатление полного правдоподобия, да и парень он, насколько я знаю, правдивый» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 4. Л. 52). В.В. Соколов, основываясь на информации из рассказа Ф. Бурло, даже составил схему раскопанного там погребения с обозначением расположения костяка и сопровождающего инвентаря. Достоверность этого памятника ни у кого не вызывает сомнения (Прушевская 1917: 31 и сл.; Ростовцев 1925: 345–349). М.Ю. Вахтина датирует этот любопытнейший комплекс второй четвертью — серединой VI в. до н. э. (Вахтина 1993: 56; 2017: 88).

В 1916 г. было сделано еще одно важное открытие, оно связано с находкой таманского мраморного саркофага. В связи с этим 2 февраля 1916 г. В.В. Шкорпил послал в Археологическую комиссию телеграмму: «Казаками открыт [на] Лысой горе мраморный саркофаг [с] акротериями, розетками, надписью. Произвожу раскопки. Перевезу саркофаг [в] ограду Покровской церкви. [В] скором будущем пошлю описание, фотографии» (РО. Ф. 1. Оп. 1–1916 г. Д. 4. Л. 32).

На самом деле надписей на саркофаге не было, но само по себе данное открытие от этого не стало менее интересным и важным. Лысая гора, на которой был насыпан курган, расположена приблизительно в километре от Тамани. Местные казаки во главе с А. Деревенцем производили здесь грабительские раскопки и 1 февраля обнаружили большую каменную гробницу (4,22 × 2,3 м), перекрытую крупными каменными плитами, внутри которой стоял мраморный саркофаг. Этот саркофаг, украшенный акротериями, золочеными розетками и т. д., стал

хрестоматийно известным памятником классической древности района Керченского пролива (Гайдукевич 1949: 284; Пятышева 1949; Соколов 1973: 72–73). Описывать его еще раз не имеет смысла, важнее обратить внимание на особенности данного погребального комплекса и некоторые сделанные здесь находки.

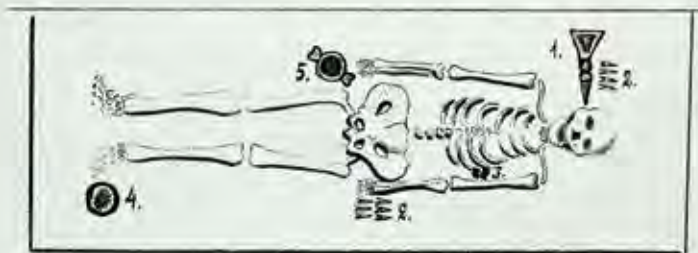
В.В. Шкорпил по этому поводу писал: «При последнем вскрытии саркофага найдены кости двух костяков разбросанными по всему дну. Среди костей остались: костяная рукоять ножа, украшенная на лицевой стороне 18 кружочками, глиняный шарик со следами позолоты и золотая подвеска в виде кисточки, принадлежавшая, по-видимому, к золотым вещам, похищенным таманскими грабителями. На почти ровной крышке саркофага, судя по обильным следам сукровицы и по костям, найденным под длинными сторонами саркофага, лежали другие два костяка» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 4. Л. 37). Из этого описания ясно, что, по мысли исследователя, в гробнице на Лысой горе были похоронены четыре человека, при этом два из них, составляющие более раннее захоронение, находились в саркофаге, а два других были положены на его крышку позднее (см. также: ИАК. Вып. 65. 1918: 16–171; Гладкий 1916; Соколов 1919b; Гриневич 1952; Пятышева 1949; Виноградов 2010). Неясно, правда, почему В.В. Шкорпил написал, что кости последних были найдены «под длинными сторонами саркофага». Вероятно, в данном случае это выражение означает, что кости лежали около его основания, в противном случае опытный археолог, конечно, отметил бы факт перекрытия костей саркофагом и в связи с этим дал бы совсем другое заключение.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
СОКОЛОВЪ
г. Тамань, (Куб. обл.).

Ноября 10 дня 1913 г.

Дорогой Владислав Волковичев !

Посылаю Вам, наконец, рисунок Флишты Бурин.
Она, по-видимому, осталась не готовой оцарапанной, ду-
ман был комиссией дать бору. Это лицо найдено
в одной гробнице, я думаю Флишты можно заметить,
по крайней мере, расскажи ей прохождение вглубь
поиском правды годис, да и парем она, насколько я
его знаю, гравурист. Прислалаю рисунок разни-
цующих вещей в гробнице по рисунку Флишты.

Черными обозначены места и предметы окрашены:

1. Голова и плечи.	4. Коричневый сосуд
2. Спина	5. Кости (прелом и кроме того рас-
пав.)
3. Дельта	

План погребения у Цокур-Лимана, составленный В.В. Соловьевым
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 4. Л. 52)

Раскопки пантикапейского «пепелища» в 1908 г., первый слева стоит В. В. Шкорпил (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 13а. Л. 58)

С данной гробницей связаны две пелики. Одна из них чернолаковая с каннелированным туловом и орнаментом в виде двух гирлянд на горле, сделанных из накладной глины и позолоченных; другая — акварельная с изображением двух фантастических существ около треножника. Обе были приобретены у грабителей торговцем древностями Е. Запорожским и впоследствии выкуплены у него В. В. Шкорпиллом. Тем не менее сомнений в том, что обе пелики происходят из данного комплекса, нет, поскольку несколько фрагментов именно этой чернолаковой пелики были найдены при расчистке гробницы археологами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 4. Л. 40). В. В. Шкорпил связывал чернолаковый сосуд с более ранним погребальным комплексом гробницы,

а акварельную пелику — с поздним. Основываясь на этих находках, он датировал гробницу временем Александра Македонского или началом III в. до н. э. Последняя датировка представляется сейчас явно более предпочтительной.

Однако кроме пелик в Археологическую комиссию В. В. Шкорпил направил еще два предмета: звездочку из тонкого золота, найденную в мраморном саркофаге, и бронзовую монету с изображением головы Посейдона на лицевой стороне и проры корабля на оборотной, обнаруженную в насыпи кургана недалеко от гробницы (Там же. Л. 55). Выпуск таких монет в Пантикапее, по заключению Д. Б. Шелова, приходится на третью четверть III в. до н. э. (Шелов 1956: 217, табл. VI. 75), В. А. Анохин относит их к еще более

позднему времени — 220–210 гг. до н. э. (Анохин 1986: 142, № 144). Последняя хронологическая атрибуция заставляет считать, что монета, обнаруженная в насыпи кургана, попала сюда случайно. Датировка Д. Б. Шелова, напротив, вполне позволяет связать эту находку с гробницей и предполагать, что она относится к поздним захоронениям, сделанным на крышке саркофага. Оценивая весь происходящий из кургана вещевой материал, можно даже предположить, что погребения здесь начали совершаться в первой четверти III в. до н. э., а закончили в начале третьей четверти этого столетия.

Главным объектом археологических раскопок среди всех городищ Боспора, конечно, оставался Пантикапей. После раскопок К. Е. Думберга, связанных с открытием «пантикапейских терм» или «храма Геркулеса», которые произвели большое впечатление на научную общественность, требовалось продолжение поисков в обозначенном направлении. Неудивительно, что В. В. Шкорпил предпринял исследования на «пепелище» северного склона горы Митридат. Здесь был заложен раскоп площадью более 150 кв. м, мощность культурных напластований достигала 8,5 м; от этого раскопа в северо-западном направлении было сделано несколько мин (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 12. Л. 111; ОИАК за 1901 г. 1903: 51). Исследователь дал весьма подробную характеристику всех находок, происходящих из слоя, подсчитав количество обнаруженных амфорных клейм, монет и т. д. Амфорным клеймам из раскопок этого года даже было посвящено специальное исследование (Шкорпил 1902: 122 и сл.). В отношении монет он отметил, что их найдено 455 экземпляров,

но лишь 94 удалось определить, при этом в верхних горизонтах «пепелища» фиксировались монеты боспорских царей первых веков н. э., а на глубине 2 м и более те, которые принадлежат «первым временам Пантикапея» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 12. Л. 111–112). В основании этой насыпи археолог обнаружил лишь два ряда каменных кладок, образующих подобие узкого тротуара (Там же. Л. 113 об.).

В 1902 г. раскопки «пепелища» были продолжены, но задача изучения руин Пантикапея специально уже никак не была выделена. Более того, по причине несчастного случая (падение одного из посетителей городища в яму) было решено засыпать «особенно опасные места среди развалин, открытых К. Е. Думбергом» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 32. Л. 30–31).

Информируя ИАК о планах работ 1903 г., В. В. Шкорпил считал возможным возобновить систематические разыскания в верхней части северного склона Митридатовой горы. При этом он писал: «Я не буду делать сплошного раскопа, как в 1901 году, но буду копать в глубокой насыпи колодцы и из них проводить мины во все стороны» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 19. Л. 127). Подобная методика археологических исследований, особенно на фоне масштабных, хорошо организованных и целенаправленных раскопок в Ольвии и Херсонесе, конечно, кажется каким-то жутким анахронизмом.

Вместе с тем, целенаправленно и систематически изучая некрополь Пантикапея, В. В. Шкорпил делал наблюдения относительно расширения границ города. Так, при раскопках могильника V–III вв. до н. э. под Вторым креслом Митридата (см. выше), он заметил, что городские постройки стали

*Стела, обнаруженная в Керчи в 1911 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 236)*

распространяться сюда не ранее II в. до н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 6. Л. 334; см.: Блаватский 1951: 24). Археолог продолжал с необходимым вниманием относиться к снятию напластований пантикапейского «пепелища», закладывая здесь огромный раскоп (69,07 × 11 м) с целью обнаружения перекрытого им некрополя. В.В. Шкорпил разделил эту насыпь на два крупных пласта, из которых верхний относился к первым векам н. э., а нижний — к более ранним временам (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 13. Л. 303–304; Шкорпил 1911а: 63).

Археологу не давала покоя и другая мысль, он стал постоянно присматриваться к склонам горы Митридат, стараясь угадать место, на котором мог находиться древний театр. Сомнений в существовании пантикапейского театра у В.В. Шкорпила не было — в том его

убеждали как размеры и величие столицы Боспора, так и свидетельство Полиэна о поездке сюда полководца Мемнона и кифареда Аристоника (Полиэн 2002: 204 (V. 44. 1)). О своих поисках в этом направлении исследователь сообщил следующее: «Самым подходящим местом (для поисков театра. — *Авт.*) показалась мне впадина на юго-восточном склоне горы, отстоящая приблизительно на 200 шагов от здания бывшего музея в юго-восточном направлении. Впадина эта начинается за теперешней Александр-Невской церковью и, постепенно расширяясь, доходит почти до половины склона горы, до того места, где находится дорога, устроенная когда-то по предложению градоначальника Херхеулидзе. Впадина обращена к Ю.-В., подобно театру Диониса в Афинах; отсюда открывается роскошный вид на бухту, пролив и на противоположный берег Таманского полуострова. Нижняя часть впадины застроена ничтожными лачужками, верхняя засыпана землей, разбросанной при устройстве вышеупомянутой дороги, поэтому пришлось производить разведки между лачугами и дорогой. В разных пунктах этого пустопорожного места сделано пять четырехугольных ям, чтобы расследовать насыпь и убедиться, на какой глубине находится материк и не сохранились ли на нем следы каменных скамеек, так как здесь, по моему расчету, должны были находиться места для зрителей. К сожалению, на материке, находящемся на глубине 1,95–2,1 м, не найдено не только каменных сидений, но даже никаких вырезок или вообще следов, которые бы указывали на существование какой-нибудь постройки. Если даже допустить, что в пантикапейском театре были деревянные сидения, как то видим, напр., в Оропе, то и тогда в материке должны

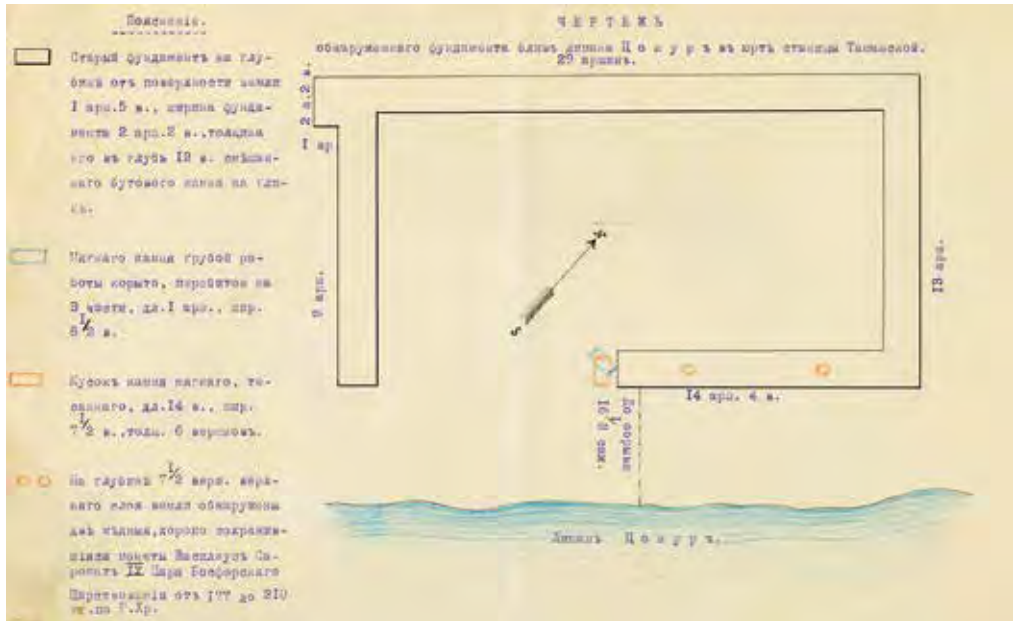
были сохраниться хоть какие-нибудь следы. Впрочем, такое предположение едва ли допустимо в Пантикапее, который славился и славится, с одной стороны, необычайным изобилием хорошего известняка, а с другой — недостатком строевого и вообще всякого леса» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 10. Л. 28–29). Поиски пантикапейского театра, как видим, завершились полной неудачей, и директор Керченского музея, по всей видимости, несколько охладел к изучению этого городища. По долгу службы он, естественно, осуществлял наблюдение за строительными работами в городе, во время которых порой открывались весьма любопытные объекты. Так, в 1911 г. при разборке старых домов была обнаружена огромная стена с рельефными изображениями.

Последний эпизод деятельности ИАК, в котором проявился научный интерес к руинам Пантикапея, связан с тем, что в 1915 г. М. И. Ростовцев обратился к В. В. Шкорпилу с поручением составить план Керчи «с нанесением на него остатков старых стен» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 4. Л. 21). Эта очень нужная работа, естественно, требовала привлечения специалистов и немалых средств; в 1918 г. директор Керченского музея телеграфировал в Петроград, что для составления плана необходимо 600 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1. Л. 5). Вряд ли стоит много говорить о том, что в условиях разгорающейся Гражданской войны найти такие деньги и переправить их в Керчь было делом абсолютно безнадежным.

В 1911 г. В. В. Шкорпил обратился в ИАК с предложением провести раскопки на городище Мирмекий. На месте керченского Нового Карантина он планировал начать исследования еще в 1910 г., но не смог этого сделать

по причине обрушившейся на город эпидемии холеры; в карантине были устроены холерные бараки. Свое намерение керченский археолог мотивировал следующим образом: «В этом месте, где находился древний Мирмекий, нужно непременно произвести обширные археологические расследования, потому что, ввиду упразднения карантина в Керчи, Керченская городская дума намерена хлопотать перед правительством о передаче ей всего этого места для того, чтобы тут устроить дачное место и купание» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 9–10). Раскопки в Мирмекии не были начаты, и, надо думать, главной причиной тому стало то, что разрешение на устройство здесь «дачного места» получено не было.

На Таманском полуострове целенаправленного изучения городищ или селищ в это время не проводилось. Тем не менее время от времени местные жители открывали остатки древних построек, и тогда Археологическая комиссия направляла туда В. В. Шкорпила. В 1902 г. на северном берегу лимана Цокур было обнаружено основание какого-то здания и даже снят его план (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 45). Директор Керченского музея констатировал, что план снят правильно, и провел там небольшие раскопки, обнаружив слой сильного пожара, в котором находились «черепки простых амфор, обломки желобчатых сосудов коричневого цвета и пр.». На основании этой скупой информации постройку можно было бы датировать временем эллинизма, но найденные здесь две монеты Савромата II свидетельствуют, что она принадлежит римскому времени. Относительно назначения этого сооружения археолог заключил, что оно не могло быть ни укреплением, ни святилищем, ни

*План постройки, обнаруженной на берегу Цокур-Лимана
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 45. Л. 8)*

зданием «монументального значения». В.В. Шкорпил полагал, что «обнаруженный фундамент представляет остатки какого-то частного здания, построенного на берегу лимана или рыбаками, которые здесь занимались рыболовством, или мореходами, которые, направляясь в бурное время из Черного моря в Корокондаму или в Фанагорию, предпочитали этот кратчайший путь продолжительному или затруднительному плаванию через пролив» (Там же. Л. 5–6).

Проводя исследования некрополя на Тузлинском мысу, В.В. Шкорпил задался вопросом, к какому древнегреческому городу его следует относить. Он отметил, что на всем протяжении побережья от Тамани до Тузлы и от Тузлы до Бугаза нет ни единого удобного места, к которому можно было бы отнести древнее поселение; на крутом берегу были расположены лишь отдельные хутора и рыбные заводи.

Исследователь обратил внимание, что за 30 лет в этом месте море поглотило полосу берега в 20 сажений (т. е. порядка 42,7 м) шириной, и, в принципе, вполне можно было допускать, что какое-то поселение попросту исчезло (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 186–187). Далее он писал: «Кое-где, напр., возле Тузлинской грязелечебницы и возле хутора Кротенко замечаются площадки с остатками древних жилищ, но они слишком незначительны, чтобы свидетельствовать о существовании на них деревень, не говоря уже о городах, какими были Корокондама, Кепы и др. Не отрицая возможность, что частые волнения этой открытой части Керченского пролива вместе с влиянием дождей, постоянных ветров, морозов и солнца могли совершенно смыть территорию целого города, мы, однако, оставляя пока в стороне сбивчивые известия древних писателей,

предпочитаем мнение, что оба некрополя 1911 г. (Тузла и у хутора Кротенко. — *Авт.*) принадлежали колонии, занимавшей место теперешней Тамани. Разумеется, при наличии материала мы не в состоянии еще решить вопроса, называлась ли эта колония Корокондамой или Кепами, или иначе. Расстояние некрополя от колонии не будет противоречить нашему предположению, если мы примем в расчет отдаленность, напр., Золотого или Куль-Обинского курганов от Пантикапеи и проч.» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 7. Л. 187–188). Вопрос о принадлежности Тузлинского некрополя тому или иному боспорскому городу до сих пор окончательно не решен. М.И. Ростовцев был согласен с В.В. Шкорпиллом и полагал, что он был связан с поселением на месте Тамани, т. е. с Гермонассой (Ростовцев 1925: 351). Н.П. Сорокина считала, что данный некрополь принадлежал

Корокондаме (Сорокина 1957: 50), хотя последняя, на мой взгляд, вполне могла входить в состав полиса Гермонасса.

В 1908 г. Археологическая комиссия поручила А.А. Миллеру провести разведки на Нижнем Дону, в районе Елизаветовского городища, а в 1909 г. здесь были предприняты довольно значительные раскопки (Миллер 1910: 86 и сл.). В основном они были связаны с исследованием курганного некрополя, но два раскопа были заложены и на площади городища (Там же: 120 и сл.). А.А. Миллер не выявил здесь никаких строительных остатков, но обнаруженный им вещевой материал, состоящий из импортной греческой и лепной варварской керамики, очень показателен для данного памятника. Исследователь отождествил его с Танаисом (Там же: 124), что, как было установлено позднее, не соответствовало истине (Марченко, Житников, Копылов 2000: 18).

XIV

Кратко резюмируя все сказанное о деятельности Императорской археологической комиссии по изучению древностей Боспора Киммерийского в 1886–1916 гг., когда во главе ее стоял А.А. Бобринской, следует признать, что, несмотря на потрясения Первой русской революции и даже начавшейся Первой мировой войны, она в целом развивалась достаточно позитивно. Успехи этого времени, прежде всего, следует связывать с изучением грунтовых некрополей Пантикапея, Мирмекия, на мысе Тузла и у хутора Кротенко. Очень интересные открытия были сделаны также в некоторых курганах: комплексы Зеленского кургана, склеп с мраморным саркофагом в Тамани и некоторые другие.

В изучении боспорских городищ, к сожалению, никакого прогресса за 30 лет не обозначилось. «Термы» и «храм Геркулеса», раскопанные К.Е. Думбергом в Пантикапее, свидетельствуют не о выдающихся археологических открытиях, а скорей о слабости методики исследований и почти детской наивности интерпретаций. Неудача поисков пантикапейского театра, предпринятых В.В. Шкорпиллом, в этом отношении тоже достаточно показательна. К концу деятельности Комиссии городище Пантикапей все еще оставалось малоизученным (Блаватский 1964а: 8). Явный застой в этой области весьма рельефно выступает на фоне масштабных раскопок, предпринятых Археологической комиссией

в Херсонесе Таврическом (с 1888 г.) и в Ольвии (с 1901 г.).

Позитивный сдвиг произошел в сфере публикации отчетов о раскопках, которые стали осуществляться с 1901 г. в рамках «Известий Императорской археологической комиссии» (Ростовцев 1925: 178). Первыми были опубликованы краткие заметки К.Е. Думберга (Думберг 1901; 1902), а затем более обстоятельные отчеты В.В. Шкорпила. Материалы некрополей стали даваться последовательно, с описанием всех открытых погребений, что делает их вполне пригодными для современных исследователей (Шкорпил 1903; 1904; 1905; 1907; 1909а; 1909б; 1910; 1911а; 1914с). Явный прогресс заметен также в сфере изучения боспорских древностей. В «Известиях» ИАК стали появляться отдельные исследовательские статьи (Шкорпил 1902; 1914а; 1914б; Беньковский 1904; Ростовцев 1904; 1914б; 1916; Фармаковский 1904; Спицын 1909а; Радлов 1912; Руднева 1912; Эрман 1912; Алексеевская 1915; Прушевская 1917). В серии «Материалов по археологии России» стали публиковаться работы более крупного формата. Среди них — работа Ю.А. Кулаковского о боспорских расписных катакомбах (Кулаковский 1891; 1896), исследование С.А. Жебелева, посвященное одной категории фигурных украшений боспорских деревянных саркофагов (Жебелев 1901), работа С.С. Лукьянова и Ю.П. Гриневича о поздних краснофигурных вазах (Лукьянов, Гриневич 1915). Огромное значение имел выход в свет крупной монографии М.И. Ростовцева о боспорских расписных склепах (Ростовцев 1914а), которая до сих пор остается в своем роде непревзойденным, эталонным изданием.

Российские археологи стали все более активно включаться в мировой научно-исследовательский процесс, о чем отчасти говорилось выше. В начале XX в. стали собираться Международные конгрессы историков (Лебедев 1992: 259), первый из них прошел в Афинах в 1905 г., второй — в Каире (1909) и третий — в Лондоне (1913). Доклады российской делегации на последнем из них были изданы в 34-м томе «Материалов по археологии России», три из них имеют немалое значение для изучения античных древностей Северного Причерноморья (Ростовцев 1914с; Придик 1914; Фармаковский 1914).

Если февраль 1917 г. изначально практически не затронул находящуюся в Петрограде Археологическую комиссию, то «на местах» ситуация для археологов была значительно сложнее. Смута в стране нарастала, что самым непосредственным образом стало сказываться на состоянии охраны памятников, борьбы с их разграблением и т. д. В конце апреля 1917 г. В.В. Шкорпил писал в Археологическую комиссию, «что на Таманском полуострове под влиянием последних событий началось повсеместное раскапывание древних гробниц, с которым я, лишившись поддержки со стороны станичного атамана, не имею возможности бороться. Теперь я принужден ограничиваться лишь зорким наблюдением за доставкой древних вещей из Тамани в Керчь и покупкою более ценных предметов, которые бы иначе попали в заграничные музеи» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 4. Л. 4–5).

Несмотря на непростую и продолжающую усложняться ситуацию, В.В. Шкорпил не падал духом и даже старался проводить раскопки

на некоторых памятниках. В частности, весной 1917 г. в степи под Керчью, между вокзальным шоссе и садом Езерского, был случайно открыт древний некрополь. По этому поводу директор музея информировал Археологическую комиссию: «Опасаясь, что оставшиеся в Керчи “счастливицы”, при теперешнем бездействии властей (выделено мною. — Авт.), начнут расхищать это древнее кладбище римского времени, имею честь просить Археологическую комиссию отпустить мне тысячу рублей на расследование упомянутого некрополя и на разведки, которые я намерен произвести летом этого года в некоторых местах на южном склоне Митридатовой горы» (Там же. Л. 11–12). Деньги на раскопки и разведки в количестве 1200 руб. археологу были выделены.

Для понимания ситуации, в которой оказалась боспорская археология, весьма показательны события, разыгравшиеся тогда в Тамани вокруг знаменитого мраморного саркофага. В марте 1917 г. казаки Таманской станицы, участвовавшие в грабительских раскопках на Лысой горе, написали письмо самому председателю Государственной думы М. В. Родзянко (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 4. Л. 81). В нем они объясняли гражданину председателю, что добывали в кургане камень и гробницу с мраморным саркофагом обнаружили случайно. Никаких драгоценностей при этом не было найдено, но тем не менее губернатор Кубанской области М. П. Бабыч привлек их к ответственности. Кстати, наказание на таманских казаков действительно было наложено весьма серьезное. Станичный атаман Сурма получил строгое дисциплинарное взыскание. Казаки были лишены званий, которые некоторые из них

имели (урядник, приказной), и привлечены к уголовной ответственности (Гладкий 1916: 20–22). Казаки просили затребовать саркофаг, представляющий большую редкость, в Археологическую комиссию и выдать им вознаграждение по цене, которая будет ею установлена. В заключение казаки просили, чтобы им были разрешены раскопки вблизи места, где был обнаружен саркофаг, поскольку там должен находиться ящик с драгоценностями, относящимися к погребению.

Это обращение было переправлено в Археологическую комиссию, из нее в свою очередь в Керчь В. В. Шкорпилу. К нему была сделана важная приписка, имеющая уникальный для археологической документации гриф «секретно». Приведем эту приписку полностью: «Такое обращение вышеперечисленных лиц встревожило Императорскую археологическую комиссию, которая стала опасаться и за возможность благополучного вывоза его (саркофага. — Авт.) из Таманской станицы. Поэтому Комиссия просит Вас сообщить, нельзя ли теперь же вывезти саркофаг в Керчь, чтобы обезопасить его от всяких насильственных случайностей, и если перевозка возможна, то куда именно вывозить саркофаг: прямо ли в Керчь (в Музей) или, быть может, удобнее в Керченскую крепость? Археологическая комиссия будет Вам весьма признательна за возможно скорое сообщение ей Ваших соображений по настоящему делу» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 4. Л. 83).

В. В. Шкорпил с ответом не затянул и в начале мая 1917 г. писал в Петроград: «В ответ на запрос Археологической комиссии от 27 апреля 1917 г. за № 366 имею честь сообщить, что, по крайней мере, в настоящее время нет оснований тревожиться за целость

саркофага. Прежнее волнение возникло среди казаков, на мой взгляд, потому, что заведующий Кубанским музеем (И. Гладкий. — *Авт.*) сообщил в частном письме своему агенту В. Соколову, будто Археологическая комиссия разрешила увезти саркофаг в Екатеринодар, и просил высказать свои соображения относительно способа и мер, какими было бы удобнее доставить мраморный памятник в Кубанский музей. Этого и не хотят допустить находчики саркофага, не забывая наказания, наложенного на них по распоряжению М.П. Бабыча, и зная, что в случае отправки саркофага в Екатеринодар не получат никакого вознаграждения.

Приблизительно через месяц после отправки прошения на имя председателя Государственной думы произошел в Тамани случай, сильно встревоживший меня и заставивший выехать в Тамань. 18-го апреля я получил от В. Соколова письмо, в котором он просит у меня разрешения открыть саркофаг для обозрения публики, так как опасность от морозов миновала, и ходят слухи, что его думают открыть другие. Когда я на другой день по получении этого письма прибыл в Тамань, я застал уже две стенки ящика-навеса снятыми, но саркофаг я нашел невредимым, в том виде, в каком он был поставлен на теперешнем его месте, и крышку, остальные две стороны навеса и проволочную ограду нетронутыми. Сторож Вознесенской церкви, на которого возложена также охрана саркофага, стоящего перед окном сторожки, заявил, что в ограду церкви явилась толпа, которая при содействии милиции отвинтила доски, составляющие две стенки ящика, для того, чтобы публика имела возможность осматривать саркофаг. Вскрывши ящик и передавши все доски сторожу, толпа мирно разошлась.

Для того чтобы предупредить на будущее время порчу саркофага, необходимо, на мой взгляд, обещать гражданам станицы Таманской, подавшим прошение председателю Государственной думы, выдать вознаграждение за находку саркофага по доставлении его в Петроград, как предполагают сами просители, но при непременно условии, чтобы они взяли на себя полную ответственность за целостность саркофага, пока он будет находиться в Тамани, и чтобы они участвовали, конечно, за особую плату, в доставке саркофага в Керчь. (Упаковка и отправка саркофага будет происходить под моим личным наблюдением и при содействии техника, который будет руководить поднятием и установкой тяжелых ящиков, в которых будут упакованы отдельно нижняя часть саркофага и крышка его.) Я уверен, что такое обещание Комиссии и надежда казаков на получение вознаграждения вполне обеспечат целостность саркофага до тех пор, когда окончательно выяснится вопрос о будущем месте саркофага в Эрмитаже, когда прекратится неурядица на железных дорогах и явится первая возможность предоставить в мое распоряжение особый вагон для отправки столь изящного и ценного памятника в Петроград.

В заключение имею честь просить Археологическую комиссию не разрешать таманским казакам производства раскопок на Лысой горе возле Тамани без надзора с моей стороны, а также вести всю переписку и переговоры с находчиками саркофага через меня, ввиду недоверия и даже враждебного отношения, с каким казаки относятся к наказному атаману» (Там же. Л. 85–86).

Дело, связанное с таманским саркофагом, на этом не завершилось,

и 14 июня В. В. Шкорпил вынужден был вновь обратиться по этому вопросу в Археологическую комиссию: «Имею честь уведомить Археологическую комиссию, что 9-го сего июня ко мне явились, по моей просьбе, три депутата от имени 13 граждан станицы Таманской, подавших прошение председателю Государственной думы относительно вознаграждения за находку каменной гробницы в Лысой горе, и заявили, что они согласны заботиться о сохранности мраморного саркофага, пока он будет находиться в Тамани, и принять участие в перевозке его в Керчь, когда это окажется возможным. Представители находчиков Андрей Деревенец, Михаил Корецкий и Андрей Моцира сообщили мне, что они и раньше наблюдали за целостью саркофага и что они позволили себе раскрыть ящик над ним лишь потому, что желали показать свою находку товарищам, приезжавшим с фронта, но что они просят снова закрыть ящик на зиму, чтобы саркофаг не пострадал от морозов. В заключение депутация заявила, что лица, подавшие прошение, не думают теперь производить раскопки на Лысой горе, потому

что им почти всем, по-видимому, придется в скором времени уехать в армию и что они по окончании войны беспрекословно подчинятся распоряжению Археологической комиссии и будут копать на Лысой горе под моим надзором и руководством» (Там же. Л. 88).

Недостаток средств приводил не только к ограничению масштабов археологических раскопок в Керчи и на Тамани, но и к проблемам с штатом сотрудников музея древностей. В связи с этим В. В. Шкорпил писал в Петроград в начале апреля 1917 г.: «Сообщаю пока для сведения, что мне удалось уговорить сторожа Ивана Сикоева остаться на месте до выяснения вопроса об увеличении жалованья и что я временно, до разыскания мужчины, назначил сторожем Музея Керченского мещанку Елизавету Литвинову. Афанасий Миколаевский оставил свое место и поступил в городскую милицию, где он будет получать 75 рублей в месяц. Когда найду подходящее лицо для замещения должности сторожа Музея, отправлю рапорт об этом на имя председателя Комиссии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 4. Л. 22).

XV

Несмотря на серьезность происшедших в стране политических перемен, работа Российской государственной археологической комиссии продолжалась, прежде всего в области античных древностей и реставрации архитектурных памятников. На одном из заседаний Археологической комиссии весной 1918 г. М. И. Ростовцев заявил, что она «в настоящее время является едва ли не единственным археологическим учреждением, продолжающим работу издания

археологических трудов, и нуждается в усилении средств на это дело ввиду чрезвычайного повышения типографских расценок. Между прочим, было бы желательно организовать при Комиссии постоянный технический персонал служащих, в виде рисовальщиков и чертежников» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1. Л. 1). В июне 1918 г. он навсегда покинул Россию (см.: Зуев 1997: 75; Тункина 1997: 93; Бонгард-Левин 1997: 124). Публиковать археологическую литературу становилось все более

и более трудно; последний том «Отчета Археологической комиссии» с информацией о раскопках 1913–1915 гг. вышел в 1918 г. В том же году увидел свет и последний, 66-й выпуск «Известий Археологической комиссии».

Необходимо отметить, что в рамках преобразования РГАК в РАИМК в ее составе был создан Отдел древностей античных и древнехристианских, который состоял из Секции искусства в древнегреческих городах, Секции древностей Скифии, Секции эпиграфики и Секции древностей эпохи переселения народов и Византии. В декабре 1918 г. на должность заведующего Отделом был избран Б.В. Фармаковский (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 113–114).

На первом официальном собрании Отдела, состоявшемся 20 ноября 1918 г., Б.В. Фармаковский поблагодарил сотрудников за самоотверженный труд, поскольку те часто даже не получали жалования и работали «единственно из любви к делу и сознания его важности». Он также выразил надежду, что все сотрудники продолжат свою энергичную работу по выполнению программы, выработанной в связи с проектом сметы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 36. Л. 1). Характерно, что в дальнейшем перед Отделом была поставлена задача подготовки и издания краткого исторического очерка деятельности Археологической комиссии с 1859 по 1915 г. (Там же. Л. 3 об.). Большое внимание было уделено также чтению популярных лекций, для чего предполагалось выделить один из залов Дворца искусств (так тогда назывался Эрмитаж). Лекции, как считалось, следовало начать с января 1919 г. Б.В. Фармаковский должен был рассказать об Ольвии, Н.А. Энман — о Березани. Темы лекций С.А. Жебелева были определены следующим образом:

«Археология и ее задачи» и «Археологические учреждения». В последнем случае предполагалось ознакомить слушателей «с постановкой дела археологии в зарубежных образцовых учреждениях» (Там же. Л. 5 об.). Кроме популярных лекций предполагалось также устройство выставок научных материалов.

На заседании 18 декабря 1918 г. был поставлен вопрос о замещении должности члена Комиссии по Секции древностей Скифии. На эту должность намечался М.И. Ростовцев, но он «по обстоятельствам времени» не мог «вернуться в Петроград скоро». Ситуация была опасной по той причине, что в руководящих сферах могло сложиться впечатление, что эта должность создана для конкретного человека, что она не является необходимой, а значит, может быть сокращена. С.А. Жебелев предложил вынести этот вопрос на обсуждение Совета Комиссии (Там же. Л. 5–6), в результате чего 27 февраля 1919 г. на должность члена Комиссии по Секции древностей Скифии был избран С.С. Лукьянов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 6).

Еще раз имя М.И. Ростовцева всплыло на заседании Отдела 19 февраля 1919 г. На этом заседании А.К. Марков сделал доклад о состоянии работы по подготовке первого тома «Сборника античных монет Южной России», над которым он трудился совместно с М.И. Ростовцевым. По предложению последнего в первую очередь был подготовлен к печати раздел о монетах Боспора Киммерийского, для которого уже были изготовлены 42 фотографические таблицы. Дело издания, однако, остановилось в связи с национализацией типографии. А.К. Марков признал дальнейшую работу над «Сборником» в отсутствие М.И. Ростовцева невозможной. Античный отдел выразил докладчику

благодарность за проделанную работу, а также постановил приостановить печатание данной книги до возвращения соавтора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 96. Л. 5). М.И. Ростовцев, как известно, в Россию не вернулся, и, соответственно, очень ценное нумизматическое исследование так и не было опубликовано.

Для издания третьего тома надписей Понта предлагалось избрать ассистентом Е.М. Придика (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 36. Л. 6). Обсуждая список книг, которые необходимо было издать в недалекой перспективе, С.А. Жебелев указал, что «желательно, прежде всего, издание самостоятельных трудов русских ученых, во избежание наводнения книжного рынка переводной литературой». В.В. Латышев обратил внимание на необходимость создания общего руководства по археологии и истории искусств. Оценивая все приведенные факты, можно признать, что по условиям военного времени деятельность Отдела древностей античных осуществлялась вполне удовлетворительно.

А вот ситуация в Керчи к тому времени стала чрезвычайно сложной. Выше говорилось, что в марте 1918 г. В.В. Шкорпилу со стороны Керченского революционного трибунала был предъявлен иск, который мотивировался некими финансовыми нарушениями во время открытия склепов на Госпитальной улице в 1904 г., когда торговцу древностями И.А. Терлецкому была выплачена немалая сумма (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 6. Л. 133). Странно, но трибунал интересовало, сколько именно денег получил И.А. Терлецкий. Иск, конечно, был подан «счастливыми», не забывшими «обид», нанесенных им В.В. Шкорпилом во время открытия склепов на Госпитальной улице, а также и в других подобных ситуациях (Боровкова 1999: 143). Документы,

направленные в Керчь из Археологической комиссии, надо думать, рассеяли все подозрения, и В.В. Шкорпил сумел защитить свое честное имя от необоснованных обвинений.

В октябре 1918 г. В.В. Латышев докладывал Совету Комиссии о критическом положении, в котором оказался В.В. Шкорпил. Керченский археолог получал тогда всего 259 руб. 20 коп. в месяц, а выдача суточных прекратилась с 1 августа. В протоколе заседания Совета имеются некоторые цитаты из письма В.В. Шкорпила, которые стоит привести полностью: «Я лично не имею права передать Музей Крымскому краевому правительству и хлопотать перед ним об улучшении моей судьбы и моего положения. Поэтому прошу уладить этот вопрос, если это возможно»; «Буюсь, что Крымское правительство прекратит выдачу жалования, по крайней мере, мои бумаги, отправленные по этому поводу в Симферополь, не удостоились до сих пор ответа»; «Музей цел и невредим: и советская власть, и немцы относились до сих пор благосклонно к коллекциям Музея и к памятникам старины, находящимся в ведении Музея» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1. Л. 15).

Директор Керченского музея В.В. Шкорпил погиб от рук грабителя 14/27 декабря 1918 г. (Марти 1919: 144; 1926: 43). Он стоял во главе этого учреждения 17 лет и сделал для боспорской археологии очень и очень многое. Гибель этого замечательного археолога связана с мезгией «счастливых», с которыми он вел непримиримую борьбу (Боровкова 1999: 143; Лазенкова 2002b: 150; 2003: 52–53). В отчете о деятельности Керченского музея в 1918–1921 гг., направленном в РАИМК, К.Э. Гриневич писал: «Мне пришлось натолкнуться на факты противозаконного кладоискательства, причем

привлеченные мною к ответственности “счастливы” угрожали расправиться со мною, как с моим предшественником» (РО. Ф. 2. Оп. 1-1921 г. Д. 70. Л. 17). К своему машинописному отчету он даже сделал приписку: «Очень остро стоит вопрос с вооружением. По характеру службы карманное огнестрельное оружие обязаны иметь сторожа Музея, надсмотрщики и заведующий» (Там же. Л. 18). Об оружии для археологов, как уже было сказано, первыми стали просить К.Е. Думберг и В.В. Шкорпил.

На период с 1 июля 1918 г. по 1 января 1919 г. все отделы Российской государственной археологической комиссии должны были составить сметы планируемых финансовых расходов, снабдив их записками о научной деятельности подразделений, а также о задачах на будущее. Относительно работы Отдела древностей античных соответствующую записку составил Б.В. Фармаковский. В ней говорилось: «В почве России сохранилось чрезвычайно много остатков культуры древнегреческой, римской и эпохи от начала нашей эры до появления славян. Многие из этих остатков представляют первоклассные произведения искусства. Многие являются весьма ценными по составу своего материала (многочисленные предметы из золота). В России находятся чрезвычайно живописные руины имевших большое значение городов и поселений. Крайне интересны и сохранившиеся древние монументальные гробницы, которые своей архитектурой поражают всех наблюдателей. Россия представляет единственный в мире ансамбль древних античных расписных склепов (в Керчи). Произведения античной художественной промышленности украшают в громадной массе витрины наших важнейших музеев. Все это добыто

было в древних могилах. Какой высокий художественный и научный интерес представляют античные памятники, извлеченные из гробниц, обнаруженных в почве России, наглядно показывают и объемистые томы... вышедших в свет изданий Археологической комиссии, снискавших себе известность в ученом мире. Не менее важны найденные в России в огромном количестве древнегреческие и латинские надписи, которые с поразительной наглядностью рисуют нам всю культурную и социальную жизнь в древних городах, находившихся на почве России. Найденные в России античные монеты также преисполнены глубокого интереса. Многие из них высокой художественной работы, и все они дают ценный материал для истории нашей страны в древнейшие времена.

Сказанного достаточно, чтобы видеть, как настоятельно нужна надлежащая постановка дела археологического исследования античных памятников в России и каких важных результатов от нее можно ожидать. Задачи огромны, а выполнить их, можно сказать, до сих пор только более или менее намечалось. Отдел древностей античных, конечно, прежде всего должен *нести* (так в документе. — *Авт.*) *археологические раскопки* (здесь и далее выделено в тексте. — *Авт.*), которые ведутся уже с 1859 года. По обстоятельствам времени, однако, теперь приходится пока ограничиться мерами охраны *открытых раскопками Комиссии развалин древних городов в Керчи, Херсонесе и Ольвии*. В названных местах необходимо сохранить имеющийся штат служащих, занятых охраною древних городов, древних гробниц, а также инвентаря и музеев...

В настоящее время пока невозможны археологические исследования

на местах (из-за обстоятельств времени), важно сосредоточить все внимание на издательской деятельности. Предполагается в ближайшее же время приступить к *подготовке издания атласа южно-русских древностей...* Древностям Скифии посвящают две публикации (*древности из окрестностей Оренбурга и из Келермеса...*). Древним античным монетам посвящается труд М.И. Ростовцева... *Ряд мелких работ по древностям Скифии, Боспора и Ольвии* будет напечатан в очередных выпусках "Известий Российской государственной археологической комиссии". Начатый печатанием труд М.И. Ростовцева "Исследования по истории Скифии и Боспора"... преследует идею популяризации знаний по древностям нашего юга.

С целью популяризации знаний отдел предполагает в текущем году организовать практические занятия по предметам древности, находящимся в Археологической комиссии, с интересующимися молодыми учеными и любителями древности» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 62–64).

Надо признать, что записка Б.В. Фармаковского не отличается особой грандиозностью замыслов. Значительно более масштабные сочинения были предложены в плане развития изучения древностей Востока. Новым властям эти перспективы как будто представлялись более важными. Вместе с тем приведенный документ оставляет немало недоуменных вопросов. Ясно, что в сложившейся тогда политической ситуации Б.В. Фармаковский вполне осознавал невозможность проведения раскопок на юге России, но просил средства на возобновление исследований в Ольвии и Херсонесе. В тексте записки упоминается Керчь и Керченский музей, но в нем не обозначено даже

скромных намерений в отношении продолжения археологических исследований в этом районе.

1919 год в истории Археологической комиссии прошел под знаком грядущей реорганизации, а также в попытках восстановления связи с учреждениями в Керчи и Севастополе. На заседании 27 февраля было решено направить в Крым В.В. Шкорпила-младшего (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 7. § 9), сына погибшего директора Керченского музея (см.: Лазенкова 2002b: 151, примеч. 9). В архиве Комиссии сохранился ряд любопытных документов, проливающих свет на организацию запланированной поездки. Прежде всего, это письмо Г.Е. Зиновьеву, председателю Комитета рабоче-крестьянской обороны и Исполнительного комитета Союза коммун Северной области, в котором сообщалось, что РГАК «с ведома и согласия народного комиссара по просвещению командует гр. Владимира Владиславовича Шкорпил в Херсонес (близ Севастополя) и Керчь, Таврической об. по срочному делу, имеющему целью сохранение ценного имущества Республики. Ввиду ответственного поручения государственного значения, Р.Г.А. Комиссия просит Вас выдать на имя гр. В.В. Шкорпил удостоверение за личной Вашей подписью с предложением учреждениям, организациям и отдельным ответственным работникам оказывать В. Шкорпил всяческое содействие как по пути следования в Керчь, так и к обратному беспрепятственному въезду его в Петроград» (РО. Ф. 1. Оп.1-1918 г. Д. 4. Л. 2).

Проект мандата за подписью Н.Я. Марра для В.В. Шкорпила был подготовлен 18 февраля 1919 г., т. е. еще до заседания совета Археологической комиссии 27 февраля, на котором было принято решение о поездке:

«Предъявитель сего, гражданин инженер Владимир Владимирович Шкорпил, командируетя Российской государственной археологической комиссией в Севастополь и Керчь, Таврической губернии, для установления контакта с ее учреждениями (музеями) и состоящими при них служащими в Керчи и Херсонесе (близ Севастополя), о которых уже около года Археологическая комиссия не имеет никаких сведений. Ввиду крайней необходимости для Археологической комиссии настоящей командировки, Российская государственная археологическая комиссия обращается ко всем учреждениям и лицам, к которым гражданину В.В. Шкорпилу представилась бы надобность обратиться с соответствующими просьбами, не отказать ему в должном содействии по выполнению возложенного на него ею поручения» (Там же. Л. 8).

Имеется и письмо комиссару народного просвещения А.В. Луначарскому, датированное 29 мая 1919 г., в котором говорилось: «В непосредственном ведении Российской государственной археологической комиссии состоят раскопки и музеи древностей в Херсонесе и Керчи. В этих двух городах при музеях хранится и большое количество имущества, состоящего, м. проч., из инвентаря раскопок (инструментов, вагонеток, рельс, палаток, фотографических аппаратов и т. п.).

В силу обстоятельств переживаемого времени Комиссия не имела возможности сношения с названными своими учреждениями в Крыму в течение более полутора лет. Восстановление сношений с Крымом ныне возлагает на Комиссию долг принять меры к охране ее ценного имущества в Херсонесе и Керчи, для чего представляется необходимым теперь же командировать

в Крым лицо, которое, ознакомившись на местах с положением дел, могло бы немедленно приступить к осуществлению неотложных мер по охране раскопок, музеев и имуществ в названных местах.

Предполагая командировать в Крым для указанной цели инженера Владимира Владиславовича Шкорпила, Российская государственная археологическая комиссия имеет честь обратиться к Вам, гражданин комиссар, с покорнейшей просьбой не отказать в исходатайствовании для командированного В.В. Шкорпила ввиду исключительности обстоятельств переживаемого времени, для более успешного выполнения возлагаемого на него поручения особого удостоверения за подписью председателя Комитета рабоче-крестьянского совета товарища Зиновьева» (Там же. Л. 3).

Еще раньше, 5 марта 1919 г., А.В. Луначарский обратился с письмом к комиссару по иностранным делам: «Российская государственная археологическая комиссия командирует гражданина инженера Владимира Владиславовича Шкорпил в Севастополь и Керчь, Таврической губернии, для установления связи с ее учреждениями (музеями) и состоящими при них служащими в Керчи и в Херсонесе (близ Севастополя), о которых уже около года Археологическая комиссия не имеет никаких сведений, для сообщения им устава и штата реорганизованной Комиссии, а также плана ее научных предприятий (раскопок и археологических разведок, фотографирования, зарисовывания и описания памятников древности и издания ученых трудов) в текущем году. Ввиду крайней необходимости для Археологической комиссии настоящей командировки прошу не отказать в распоряжении о беспрепятственном пропуске В.В. Шкорпил

к выезду в Таврическую губ. и к обратному въезду в Петроград» (Там же. Л. 4).

В архиве сохранилась даже справка о запланированных расходах на поездку: «Назначенная инженеру В.В. Шкорпилу под отчет авансовая сумма в 3000 рублей слагается из 1500 рублей суточных (по 50 р. в сутки в течение одного месяца) и 1500 рублей на расходы по поездке из Петрограда в Крым, по разъездам в Крыму и по исполнению поручения Археологической комиссии по установлению связей ее с ее учреждениями в Керчи и Херсонесе» (Там же. Л. 7).

Приведенные документы дают основание утверждать, что руководители Российской археологической комиссии признавали чрезвычайно важным, не терпящим отлагательства делом восстановление связей с археологическими учреждениями в Керчи и Севастополе. Более того, в первой половине 1919 г. эта акция рассматривалась ими как вполне возможная. Столь же очевидно, что в Крым направляли именно сына покойного директора Керченского музея древностей В.В. Шкорпила. Неясным остается одно: состоялась ли эта поездка или нет.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что без понимания взаимоотношений между Археологической комиссией и Керченским музеем нельзя составить правильного представления о развитии античной археологии в России. Заложенные десятилетиями традиции оказались очень прочными. Уже после создания РАИМК, в феврале 1922 г., К.Э. Гриневич (о нем см.: Кадеев 1967; Латышева 2004; Лазенкова 2006; Прохорова 2016; Федосеев 2017: 169–170) направил руководству Академии письмо следующего содержания: «С момента своего учреждения

в 1859 г. и до самого периода гражданской войны 1918 г. Археологическая комиссия в Петрограде имела в своем ведении основанный в 1823 г. Керченский музей древностей (К.Э. Гриневич указал неверную дату основания Керченского музея древностей: он был открыт в 1826 г. — *Авт.*), как важную в научном отношении местную археологическую станцию (см. Устав Императорской Археологической Комиссии). По декрету Советов Народных Комиссаров об учреждении Российской Академии Истории Материальной Культуры к ней перешли все дела и все учреждения (выделенное здесь и далее подчеркнуто в документе. — *Авт.*) бывшей Археологической комиссии. Казалось бы, должен был перейти и Керченский музей древностей, однако на деле Музей всецело и исключительно подчинен местному Отделу народного образования. Это отражается на судьбе этого *научного* учреждения: местный Наробраз вмешивается, согласно сообщения директора музея Ю. Марти, во внутреннюю жизнь учреждения и снял с пайка всех надсмотрщиков археологического района, всех сторожей музея и служащих канцелярии, за исключением одного заведующего. Целый ряд полученных от них писем дышат отчаянием и мольбой о помощи. Сторож музея Антон Основский, прослуживший 28 лет, *умер от голода*, надсмотрщики Ив. Анищенко и Леонтий Демиденко, сторож древностей на горе Митридат Савелий Маслинов *опухли от голода* и ждут своей судьбы. Не лучшее положение и остальных. <...>

Академия истории матер. культуры, как преемница, согласно декрета Совнаркома, Археолог. комиссии, не может и не должна оставаться пассивной к судьбе важного в научном отношении учреждения, связанного прямым

образом с Академией. Настоящим прошу Академию поднять в центре вопрос о положении Керченского музея, выяснить все значение этого учреждения (ведь он не только «Музей») и обеспечить, вернее, спасти служащих этого музея. Необходимо сделать все то в срочном порядке.

Пишу эти строки по просьбе заведующего и служащих Керч. музея, помнящих свою связь с б. Археологической комиссией, преемницей которой является Академия» (РО. Ф. 2. Оп. 1-1922 г. Д. 59. Л. 1).

В июне 1922 г. в РАИМК обратился директор Керченского музея Ю.Ю. Марти (о нем см.: Федосеев 2017: 175–176). В своем письме он информировал руководство Академии, что до мая музей получал 8 пайков на 11 человек, в результате чего четверо сотрудников умерли с голода, а еще четверо пухнут с голода. После мая положение еще больше ухудшилось, поскольку музею выделено всего 5 пайков. Приведу несколько цитат из этого письма: «Обращаюсь, минуя все инстанции, непосредственно в Академию матер. культ. Прошу немедленной помощи. Положение вверенного мне музея древностей и всех его отделений катастрофическое. Если не будет оказана в самом непродолжительном времени самая широкая материальная помощь сотрудникам музея, то гибель всего археологического дела в Керчи неизбежна, и я слагаю с себя ответственность за могущие произойти последствия. <...> Если люди вымрут, я новых сторожей на их место не найду.

<...> Во избежание вымирания наших сторожей (археологов-практиков, специалистов своего дела) прошу ходатайствовать о выдаче <...> полного числа паев и аккуратной выплаты жалования» (РО. Ф. 2. Оп. 1-1922 г. Д. 59. Л. 3).

Академия истории материальной культуры в этой ситуации проявила себя как подлинная наследница Археологической комиссии, она не осталась пассивной к положению керченских коллег, в руководящие инстанции страны были направлены письма с просьбой о помощи. Можно лишь надеяться, что эти просьбы не остались не услышанными.

Две революции 1917 г. и Гражданская война в России привели к огромным переменам в стране. Эти перемены самым непосредственным образом затронули и Императорскую археологическую комиссию. Ликвидация Российской государственной археологической комиссии и создание Российской академии истории материальной культуры являлись уже не простой «сменой вывесок». Вся система изучения памятников древности изменялась, создавались новые структурные подразделения, определялись новые направления исследований и т. д. Российская археологическая наука вступала в новую эпоху, и положение Боспора в ней поначалу как-то затерялось, стало почти незаметным (см.: Виноградов 2009: 8–18; 2013b: 160–167). Правда, вскоре время внесло в эту ситуацию свои важные коррективы...

Ю. А. Виноградов

ГЛАВА III

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИЗУЧЕНИЕ СКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Изучение скифских древностей занимало особое место в трудах Императорской археологической комиссии не только в начальный период ее существования. И впоследствии это научное направление осталось одним из ее приоритетов, что стоит расценивать как одну из фундаментальных особенностей деятельности Комиссии. Другой особенностью было то, что исследование этих древностей Северного Причерноморья и южных губерний Российской империи все время шло «рука об руку» с исследованием древностей классических.

По-видимому, такой подход являлся спецификой русской историко-археологической науки в целом. Эта особенность вполне закономерна и объяснима не только с точки зрения развития самой науки и господствовавших тогда эстетических предпочтений и ученых концепций. Здесь, на северном берегу Черного моря, греческие переселенцы вступили в контакты с различными местными племенами, в том числе и со скифами, доминировавшими в степной зоне с VII по конец IV в. до н. э. и создавшими на этих землях могущественную кочевую империю. Одним из результатов такого взаимодействия многие ученые считают и «феномен Боспорского царства» — государства, созданного греческими колонистами

на берегах Боспора Киммерийского и просуществовавшего более 1000 лет.

Этот подход к изучению причерноморских древностей нашел свое отражение и в трудах М. И. Ростовцева, ставшего в 1912 г. сверхштатным членом ИАК, в частности, в монументальном исследовании «Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических», которое подвело своеобразный итог деятельности Комиссии в этой научной сфере (Ростовцев 1925). В другой, менее известной работе «Классические и скифские древности юга России», написанной ранее, М. И. Ростовцев описал зарождение в России интереса к антиковедению и скифологии следующим образом: «Со времени присоединения Черного моря и Крыма к составу русского государства изучение классических и скифских древностей причерноморских степей сделалось одной из главных задач русской археологической науки, выросшей и воспитавшейся в значительной степени на этом изучении. С тех пор в течение более чем 100 лет русские ученые с большим напряжением сил и знаний работают над этой задачей и достигли в области разрешения ее серьезных и положительных результатов. Усилия русской науки направлены были, прежде всего, на добывание материала и одновременно на приведение его

в систему и на разрешение связанных с ним научных проблем» (цит. по: Тункина 1993: 23). Он отмечал, что еще до образования ИАК, сразу после присоединения Крыма, были проведены «собрание материала, находившегося на поверхности, установление местонахождения развалин древних городов, съемка этих руин и картографическая их фиксация как рядом иностранных путешественников, так и лицами, состоявшими на русской службе и действовавшими частью по поручению русских государственных деятелей». Тогда же начались и систематические раскопки курганов, которые, по меткому наблюдению исследователя, «даже проведенные кустарно, подчас давали в руки раскопывателей высоко ценный научный и художественный материал, не требуя больших затрат» (Там же: 25).

Своеобразной «точкой отсчета» для истории скифской археологии можно считать раскопки Литого кургана в верховьях Ингульца, недалеко от Елизаветополя (совр. Кировоград), проведенные в 1763 г. генералом А. П. Мельгуновым по поручению Екатерины Великой. По имени исследователя этот курган также называют Мельгуновским (Придик 1911). Находки из этого кургана, подлинные произведения искусства, были переданы в петербургскую Кунсткамеру, которая к тому времени уже располагала собранием скифских древностей. Эти вещи, происходящие из скифских курганов Сибири, были поднесены в дар императору Петру Великому в 1715–1716 гг. известным уральским промышленником Никитой Демидовым и генерал-губернатором Тобольска Матвеем Гагариным. Древности эти впоследствии получили название «сибирской коллекции Петра Великого». Впоследствии все находки

из скифских курганов, хранящихся в Кунсткамере, были переданы в Эрмитаж, где они находятся и в наши дни.

Еще в феврале 1859 г. Комиссия инициировала передачу этих коллекций, в том числе «золотых вещей из южносибирских курганов и греческих древностей из кургана, раскопанного ген. Мельгуновым», древностей «из Нумизматического кабинета Императорской Академии наук в Императорский музей» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 4. Л. 2–3). Одновременно граф С. Г. Строганов обратился к президенту Академии наук Д. Н. Блудову с просьбой предоставить сведения о скифо-сибирских древностях, хранящихся в Кунсткамере, в связи со стихийно начавшимися раскопками Александропольского кургана в Екатеринославской губернии (Там же. Л. 7 — 7 об.). В своем ответе от 6 апреля 1859 г. Д. Н. Блудов сообщал, что он поручил ординарному академику Л. Э. Стефани составить подробное донесение о древностях, хранящихся в мюнц-кабинете Императорской Академии наук (Там же. Л. 8 — 8 об.). В течение апреля это донесение было представлено историко-филологическому отделению Академии (Там же. Л. 9 — 14 об.). К донесению прилагалась опись «старинных золотых и прочих вещей», переданных в Кунсткамеру 22 декабря 1727 г., в которой в числе прочего значатся «2 плаща лошадиных, 2 плаща с бирюзами, 2 плаща звериные, чашка двойная при ней чашка маленькая, 2 блюда с ушками, ожерелье, круг разъемный <...> Всего вышеописанным золотым вещам весу семьдесят четыре фунта пятьдесят три золотника, опрочь чашки его (очевидно, Петра Великого. — *Авт.*) чайной» (Там же. Л. 15, 16 об.). В деле «О передаче в Императорский

Эрмитаж некоторых древностей, хранящихся в Нумизматическом кабинете Императорской Академии Наук» хранится подробная «Опись вещам, открытым в курганах в Екатеринославской губ. близ с. Александрополя» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 10. Л. 1 — 13 об.), а также описи вещей из раскопок других курганов в этой губернии (Близницы и Толстые могилы — об их раскопках будет сказано ниже. — *Авт.*) (Там же. Л. 22 — 28 об.) и «Опись древностей из греческих колоний в южной России» (Там же. Л. 15—17), найденных в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове (Там же. Л. 21, 29—33).

19 ноября 1859 г. председатель ИАК обратился к министру императорского двора В.Ф. Адлербергу с просьбой об окончательном решении вопроса о передаче собрания древностей Академии наук в Эрмитаж (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 4. Л. 17—18). Вскоре после этого в Комиссию поступило уведомление канцелярии министерства о разрешении императора Александра II выставить сибирские древности в одном из залов музея (Там же. Л. 19)

Понимая важность не только систематизации, но и издания накопленных археологических материалов, С.Г. Строганов, вскоре после поступления находок в Эрмитаж, начинает хлопоты по подготовке их к печати. Эта сторона его деятельности отражена в деле «Об издании описания и рисунков вещей, найденных в Александропольском кургане» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 21). О необходимости этого издания говорится в рапорте Строганова Д.Н. Блудову от 19 июня 1861 г. следующим образом:

«С 1853 по 1856 г. по распоряжению покойного графа Перовского раскапывался курган в Екатеринославском

уезде близ селения Александрополя. Найденные в нем вещи <...> поступили в Императорский музей Эрмитажа. Полагая издать эти чрезвычайно любопытные памятники древности <...> сделал распоряжение снять с них Комиссии рисунки. Рисунки эти в настоящее время окончены и сделанные с них опыты хромофотографии вышли более нежели удовлетворительны <...> Расходы на издание этого сочинения с двумя текстами: русским и французским и особым атласом из 25 таблиц могут простираться около шести тысяч рублей и могут быть отнесены на счет остаточных сумм Комиссии. Времени на его издание потребуется около двух лет. Приступить к нему я бы полагал теперь же» (Там же. Л. 1 — 1 об.).

К рапорту приложена «Смета печатания и рисования рисунков хромофотографическим способом» (Там же. Л. 3). Эти планы были воплощены в издании «Древности геродотовой Скифии. Сборник описаний раскопок и находок в черноморских степях» с атласами, содержащими прекрасно выполненные иллюстрации вещей. Первый выпуск «Древностей» увидел свет в 1866 г., второй — в 1872 г.

За учетом и систематизацией музейных собраний последовали конкретные полевые исследования. В 1859 г. деятельность Императорской археологической комиссии, как писал в своем отчете С.Г. Строганов, «заклучалась преимущественно в раскопках, произведенных в Екатеринославском уезде (предполагаемой стране герров или гирров), в окрестностях Керчи (древней Пантикапеи) и на Таманском полуострове, близ станицы Сенной (на месте древнего города Фанагории)» (ОИАК за 1859 г. 1862: I). Далее, говоря о результатах работ в Екатеринославском

езде (в районе современного г. Никополь), граф Строганов отмечал, что особый интерес к этим разысканиям был вызван предшествующей историографической традицией: «вопрос о скифах Геродота... древних обитателей южной России, постоянно рассматривавшийся как в отечественной, так и в иностранной литературе, подал повод к многочисленным историческим исследованиям».

Действительно, яркий рассказ о племенах кочевых скифов, содержащийся в IV книге знаменитой «Истории» Геродота, до сих пор продолжает привлекать пристальное внимание ученых. Один из самых красочных эпизодов этого повествования — описание похорон верховных скифских владык, проходящих с необычайной пышностью (Геродот 1972: 204–205 (IV, 71–73)). По Геродоту, скифских царей предавали земле, насыпая над их могилами огромные курганы в области Герр, «в том месте, до которого Борисфен судоходен», т. е. в районе степного течения Днепра. Огромные курганные насыпи днепровских степей издавна привлекали внимание крестьян, одним из курганов, подвергшимся в 1850-х гг. стихийным раскопкам, был курган Луговая Могила у с. Александрополь, в 50 верстах, или около 53 км, от правого берега Днепра.

Исследования Луговой Могилы (или, как его чаще называют, Александропольского кургана) начались еще до создания Комиссии (Полин 2018а: 40–137). Раскопкам огромной, обложенной большими камнями насыпи этого кургана (высота его достигала 10 сажений, а окружность — 150 — около 21,3 м и 320 м соответственно) предшествовали случайные находки, сделанные в 1851 г. местными крестьянами, добывавшими здесь камень. В числе

этих первых находок — известная бляха с изображением «крылатой Артемиды», изготовленная из золота, бронзы и железа (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 260). Работы были начаты под руководством А. В. Терещенко, в 1855 г. к исследованию кургана был привлечен А. Е. Люценко (Извлечение... 1855: 49–50; Толстой, Кондаков 1889: 91–100). Примечательно, что М. И. Ростовцев, весьма критически подходивший к оценке качества раскопок отечественных скифологов, впоследствии отметил высокий уровень исследования этого кургана (Ростовцев 1925: 428). Стоит добавить, что в 2004–2009 гг. Александропольский курган был доследован Скифской степной археологической экспедицией Института археологии Национальной академии наук Украины под руководством С. В. Полина (Полин 2018b: 145–223).

Вот как писал о методике раскопок этого памятника М. И. Ростовцев: «Александропольский курган — единственный расследованный так, как должны были быть расследованы все курганы, т. е. путем снятия всей насыпи, — расследован был так образцово, несомненно, благодаря директивам, данным Терещенко и затем Люценко графом Л. А. Перовским, который и здесь... указал настоящий, единственно правильный путь, по которому, однако, последующие поколения не пошли» (Ростовцев 1925: 248, прим. 2). Эти слова написаны в 20-х гг. XX в., когда было раскопано значительное число «царских» скифских гробниц.

Члены ИАК, да и широкая общественность были убеждены в том, что здесь захоронен один из скифских царей, «роскошное погребение которых подробно описал Геродот» (ОИАК за 1859 г. 1862: IV). Вещи из Луговой

Могила «по Высочайшему повелению» передаются в музей Императорского Эрмитажа, где «они наполняют теперь шесть витрин» (Там же: V). После первого полевого сезона, состоявшегося после основания Археологической комиссии, в начале зимы 1859 г. в Эрмитаже была организована первая археологическая выставка (Алексеев 2018: 447).

Раскопки Александропольского кургана не могли не стимулировать дальнейшие изыскания в Поднепровье: «Из всего этого видно, — писал председатель Комиссии С.Г. Строганов, что Императорская археологическая комиссия должна была обратить внимание на скифские курганы Екатеринославской губернии» (ОИАК за 1859 г. 1862: VI).

Работы в этой местности были поручены младшему члену Комиссии И.Е. Забелину и проведены на землях помещика М.П. Миклашевского. Граф С.Г. Строганов письмом от 27 июня уведомил И.Е. Забелина, который до этого времени никакого опыта по части археологических раскопок не имел, о возложенном на него поручении (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 6. Л. 6–9). Письмо содержит достаточно подробные инструкции, касающиеся стратегии, тактики и методики будущих исследований и одновременно свидетельствующие о понимании председателем Комиссии специфики памятника археологии как исторического источника и объекта раскопок. В нем, в частности, говорилось:

«В Екатеринославском уезде близ казенного селения Александрополя раскопан был курган, носивший название Луговой Могилы, в насыпи которого и катакомбах найдены были разные древние вещи. По географическому его

положению и характеру вещей можно заключить, что он относится к числу тех могильных насыпей, которые, по свидетельству Геродота, находились в стране Герров и принадлежали гробницам скифских царей. Археологическое расследование окрестных с ним курганов представляет поэтому интерес особой ученой важности... Но как рядом с скифскими курганами могут находиться другие позднейшего происхождения, в настоящее же время предполагается обратить внимание, по преимуществу, на скифские, то для отличия их по внешним признакам, вероятно, может отчасти служить форма Луговой Могилы. Курган этот, имея конусообразный вид, был в основании обложен дикарными камнями и окружен сначала рвом, а потом валом, в котором с западной и восточной стороны было по одному промежутку. Высота его была около 10, а окружность основания около 110 сажен (21,3 м и около 200 м соответственно. — *Авт.*).

К числу скифских курганов, вероятно, принадлежит курган близ хутора Геремесия на дачах новомосковского предводителя дворянства Миклашевского, в котором уже были сделаны некоторые археологические открытия. Средину его до сего времени остается нетронутою, а так как г. Миклашевский в письме своем ко мне предоставил Археологической комиссии право разрывать принадлежащие ему курганы, то Вы и можете приступить к его раскопке.

По поручению покойного графа Л.А. Перовского кол. сов. Пискарев производил раскопку кургана Острой Могилы, которая не была доведена им до конца, почему курган этот предстает также доследовать. Не вменяя Вам, однако же, в обязанность раскапывать именно эти два кургана,

предоставляю выбор курганов для раскопок, как зависящий от местных обстоятельств, Вашему личному усмотрению. При производстве же разысканий Вы должны соблюдать следующие правила:

1. При раскопках не оставлять работы без надзора во время Вашего отсутствия для того, чтобы открываемые вещи не подверглись расхищению.

2. Для того, чтобы был виден весь ход археологических работ, вести им подневный журнал с возможной подробностью. В этом журнале непременно должно заключаться описание топографического положения кургана, наружного его вида и величины, затем свойства насыпи его, в каких ее слоях какие попадались вещи, наконец, при открытии в нем гробницы устройство ее, размеры, положение в ней погребенного и расположение около сего последнего вещей.

3. Для наглядного объяснения замечательнейших описаний в журнале прилагать к ним точные планы.

4. В насыпи кургана могут быть открыты вещи:

а) древнее самого кургана, попавшие в него в то время, когда он насыпался, находясь случайно в земле, которая употреблена была для его насыпки; б) вещи, засыпанные в нем, когда он воздвигался, не случайно, а вследствие народных обычаев, как, например, при совершении на нем жертвоприношений; в) вещи, засыпанные в нем в то время, когда часть его была уже воздвигнута, также не случайно, а, например, при отправлении годовщины в память в нем погребенного и д) вещи, попавшие в него впоследствии случайно, например, простые клады...

5. Для определения, какого племени были погребенные, сохранять их

черепу точно таким же порядком, как и самые вещи...

Вместе с тем Вы также должны иметь в виду, что гробница может заключаться не в насыпи кургана, а под ней, в глубине материка, и, состоя из нескольких подземных катакомб, соединяющихся между собою подземными же коридорами, иметь весьма небольшой вход, а поэтому, когда при раскопках будет дойдено до материка, осматривать его с особенной внимательностью, чтобы подобный ход не укрылся от разысканий. О ходе работ и открытиях Вы будете доносить мне, представляя и самые найденные вещи...»

Даже поверхностное знакомство с инструкциями, полученными И. Е. Забелиным, на наш взгляд, показывает, что расхожее мнение о том, что основная задача в исследовании скифских (равно как и классических) древностей на протяжении начального периода деятельности Археологической комиссии сводилась к добыванию ценных художественных изделий для пополнения музейных коллекций и организации эффектных выставок, слишком упрощает реальное положение вещей. Комиссия с самого начала ставила перед раскопщиками целый круг задач исследовательского порядка; другой вопрос, в какой степени были готовы к их решению сами исследователи (см. главы I и IX).

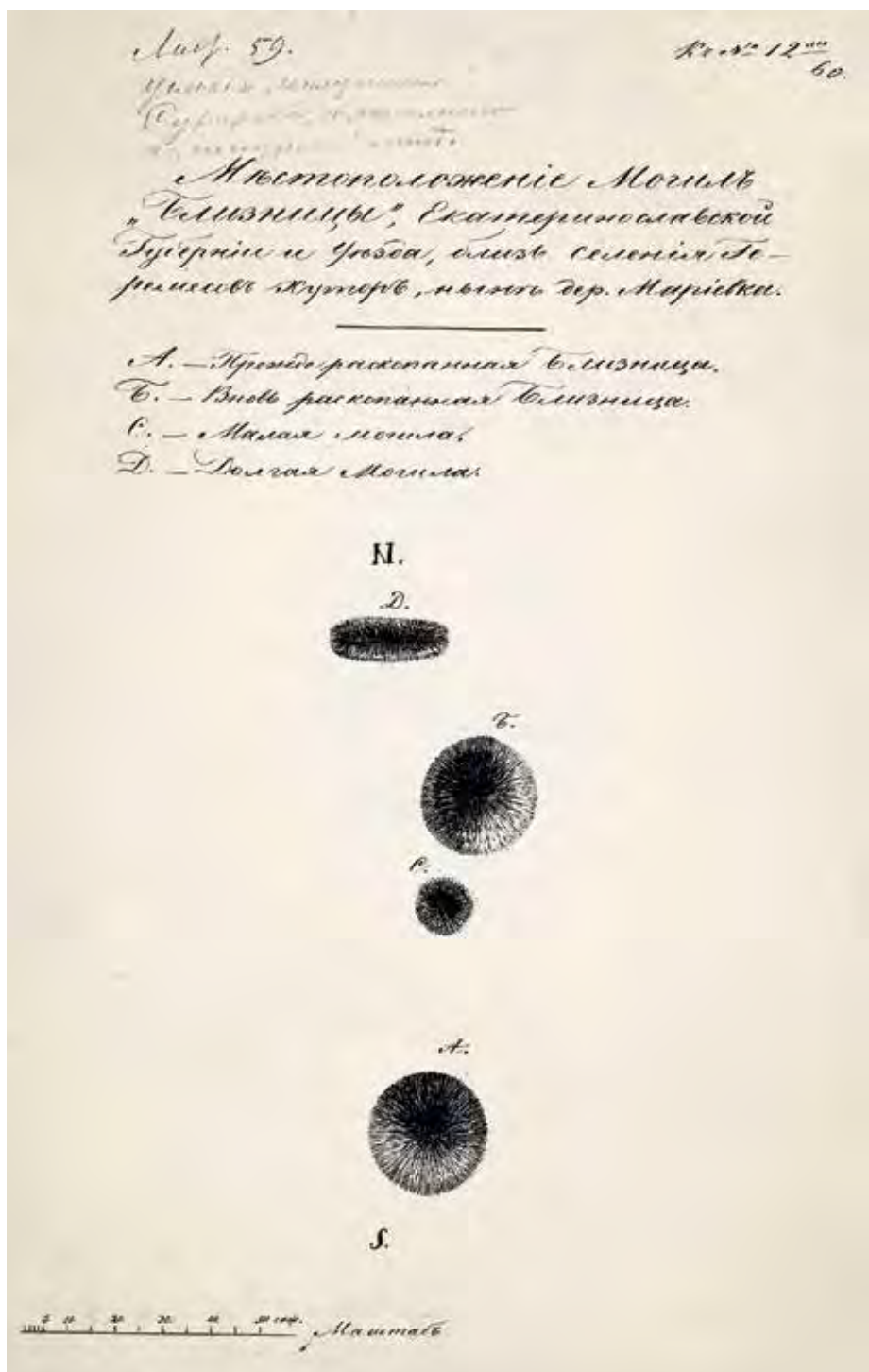
Прибыв в Екатеринославскую губернию на место будущих раскопок, И. Е. Забелин столкнулся с целым рядом трудностей, описанных в его донесении в Комиссию 9 июля 1859 г. (Там же. Л. 15–16). Основные проблемы, как это часто происходило, были связаны с правом собственности на землю. Скифские курганы, которые планировалось исследовать в 1859 г., не только находились на частной земле, что было

известно и ранее, но, как выяснилось, из-за недавнего ее раздела помещик Миклашевский не являлся более единоличным владельцем, так как «такие курганы преимущественно находятся теперь, по разделе ими своего имения, в землях его братьев». Кроме того, владельцами земли были предъявлены новые требования к проведению раскопок. Об этих условиях И.Е. Забелин также ставит в известность С.Г. Строганова. Последний принимает активное участие в обсуждениях и подписании соглашения между ИАК и землевладельцами. Наконец 20 июля он сообщает И.Е. Забелину, что ему разрешается начать раскопки в имении Миклашевского, приняв условия, «вследствие которых 1) все находимые в курганах этих вещи, имеющие археологическое значение, должны поступать в Археологическую комиссию без всякого с его стороны требования за них вознаграждения, кроме золотых, за которые ему должна быть уплачиваема третья часть их стоимости... 2) все находимые вещи, не имеющие археологического характера, должны остаться в его, г. Миклашевского, пользу. Вместе с сим разрешаю Вам и на будущее время заключать на таких основаниях условия с другими владельцами курганов» (Там же. Л. 15–16).

На раскопки было выделено 2500 руб., но из-за проблем с наймом рабочих удалось исследовать только четыре насыпи, потратив всего 819 руб. Не имея возможности сразу же приступить к раскопкам, вынужденный вести переписку с ИАК по поводу урегулирования взаимоотношений с землевладельцами, И.Е. Забелин, очевидно, собирал сведения обо всех находимых древностях. Так, он пишет С.Г. Строганову: «Вместе с сим не излишним

почитаю довести до сведения Вашего сиятельства, что в ноябре прошлого года, в Днепре, у Вовнигского порога, найдены были крестьянами две пушки желтой меди, ...причем по их отзыву в реке оставался еще необыкновенной величины якорь» (Там же. Л. 15–16). Пушки эти хранились в Екатеринославе, в доме губернатора.

Приступить к исследованию группы курганов «у хутора Геремесова», находящихся в 50 верстах (около 53 км) к юго-востоку от Александропольского кургана и в 10 верстах (около 11 км) от берега Днепра, И.Е. Забелину удастся лишь в конце лета 1859 г. Группа состояла из двух больших курганов, известных под названием «Близница» и «Близницы», равно как и «Толстая Могила», часто давались степным курганам. «Толстыми» курганами назывались в то время насыпи характерной полусферической формы, присущей памятникам раннего железного века. Расположение этих курганов показано на схематическом плане, составленном И.Е. Забелиным (Там же. Л. 60). О своих действиях он регулярно сообщает в Комиссию. Первое его донесение датировано 25 августа. Тогда он счел необходимым обследовать сначала один из больших курганов, оказавшийся раскопанным сравнительно недавно: «Раскопанная могила вместе с другой могилой, такой же величины и формы, лежащею от первой к северу в 50 саженях», была «раскопана грабарем (грабарями, или конноподводными рабочими, именовались работники, имевшие подводы с лошадьми и нанимавшиеся на заработки. — *Авт.*) и dokonчена людьми Миклашевского» траншеей, «на глубину в материке 2 и 1/2 сажени (около 4, 5 м. — *Авт.*)... Разрытие шло

Местоположение могил Близницы. План группы курганов у Геремесова хутора.
Раскопки И. Е. Забелина (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 6. Л. 60)

неправильно и, по-видимому, с одной целью — отыскать клад. Поэтому, из найденных предметов, как рассказывают, обращено было внимание только на золотые вещицы, все остальное, и тем более расположение вещей в гробнице и положение самого остова, не заслужило исследования <...> я остановился на галерее с целью узнать точное ее направление и доследовать, нет ли в ней катакомб или даже гробниц» (Там же. Л. 20). Доследовав раскопанную могилу, И.Е. Забелин сообщает о своих планах приступить к раскопкам других насыпей — курганов Острая и Долгая Могилы.

Донесение И.Е. Забелина от 1 октября 1859 г. представляет собой отчет о проведенных исследованиях. Он начинается с подробного описания раскопок кургана «Близницы» (Там же. Л. 22). И.Е. Забелин упоминает в этом описании и о предпринятой им попытке расспросить Миклашевского о проведенных ранее раскопках. Однако раскопщики сообщили лишь о том, что «кроме северной катакомбы найден был еще колодец в западной части, снова потом засыпанный. Таким образом, могила потеряла весь интерес для науки, ибо первоначальное ее устройство разрушено, причем не составлено плана и не оставлено даже памятной записки, что было в ней найдено. В этом разрушении я удостоверился собственными раскопками... Я остановился на северной подземной галерее». Там же были выявлены еще одна галерея, ведущая на запад, и центральный вход (?), в двух саженях от которого найдены были несколько золотых вещей, «лежавших в кучке, без всякого следа тех предметов, для которых они служили украшением». Стало ясно, что могила была ограблена еще в древности.

«Нераскопанная Близница» возбуждала особенное внимание исследователя «расположением близ нее двух небольших курганов, одного Долгого, 24 сажени длины, с СЗ (около 44 м с северо-запада. — *Авт.*), и другого круглого, который был смежен с могилою у юго-западной ее пологости». И.Е. Забелин отмечает, что «такую же конструкцию» имеет еще один значительный курган — Чертомлык (Там же. Л. 23). Далее следует описание раскопок второй «Близницы» (Там же. Л. 23–26). «Почти одновременно разрыты были близлежавшая Долгая могила и малая круглая у юго-западной его покатости» (Там же. Л. 25). Таким образом, исследование этой «Близницы» показало, что под ее насыпью находилось целое кладбище, без сомнения, имевшее отношение к другой преждераскопанной Близнице, устройство которой и сделанные в ней находки свидетельствуют о ее «особенном, может быть царственном, назначении» (Там же. Л. 26).

К отчету И.Е. Забелина была приложена «Опись вещей, найденных в Могиле Близнице, близ Геремесова хутора» (памятник этот более известен как Геремесов курган), насчитывающая всего 11 предметов (Там же. Л. 28). В их числе — «круглая бляшка с изображением львицы, кормящей львенка», «четырёхугольная бляха с изображением двух воинов, одного конного и другого пешего» (см.: Толстой, Кондаков 1889: 90, рис. 102), «небольшая чашечка от какого-то убора» и некоторые другие вещи.

Последнее донесение И.Е. Забелина о раскопках у Геремесова хутора датировано 12 ноября 1859 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 6. Л. 30–32). Оно предвзывает дневники о раскопках, представленные в Комиссию. Затратив много

времени и усилий на организацию летних работ, сожалея, «что принужден был ограничиваться только исследованием Близицы», И.Е. Забелин, планируя будущие раскопки в Екатеринославской губернии, пишет о необходимости предварительной и тщательной их подготовки, контроля над количеством и качеством работников. Он сообщает, что лучшие рабочие «в тех местах суть так называемые грабари, которые почти все приезжают в степи с весны из Киевской губернии и поступают на работы по заранее сделанным договорам и условиям, почему или наем их, или приглашение на наши работы должно быть объявлено им также заблаговременно, в феврале или, по крайней мере, в марте. В таком только случае можно верно рассчитывать на то именно количество конно-подводных работников, какое будет требоваться, ибо, по их отзыву, из города Черкас, который по преимуществу ими и населен, каждую весну выезжает на работу в разные губернии до 1500 подвод» (Там же. Л. 30 об. — 31). В донесении много говорится о планах будущих раскопок в Екатеринославской губернии, по сути, в течение сезона 1859 г. И.Е. Забелиным были обследованы курганы Приднепровья в районе Никополя, намечена программа их изучения: «Особенно важно было бы разрытие огромнейшей Толстой Могилы, называемой Чертомлыком, в дачах г[осподина] Зейферта и почти столько же огромных двух Толстых Могил в дачах г[осподина] Нечаева» (Там же. Л. 31 об. — 32).

И.Е. Забелин оставил достаточно подробный дневник раскопок 1859 г. (Там же. Л. 33 — 58 об.). Записи велись, как правило, ежедневно, указано, сколько рабочих было привлечено, на сколько сажень продвинулись работы и пр. Дневник состоит из четырех разделов:

I. Близица преждераскопанная — начата 21 июля, закончена 5 сентября (Там же. Л. 33 — 39 об.).

II. Близица вновь раскопанная — начата 31 июля, закончена 10 сентября (Там же. Л. 40—54).

III. Долгая Могила у вновь раскопанной Близицы, работы шли с 27 августа по 3 сентября (Там же. Л. 54 — 57 об.).

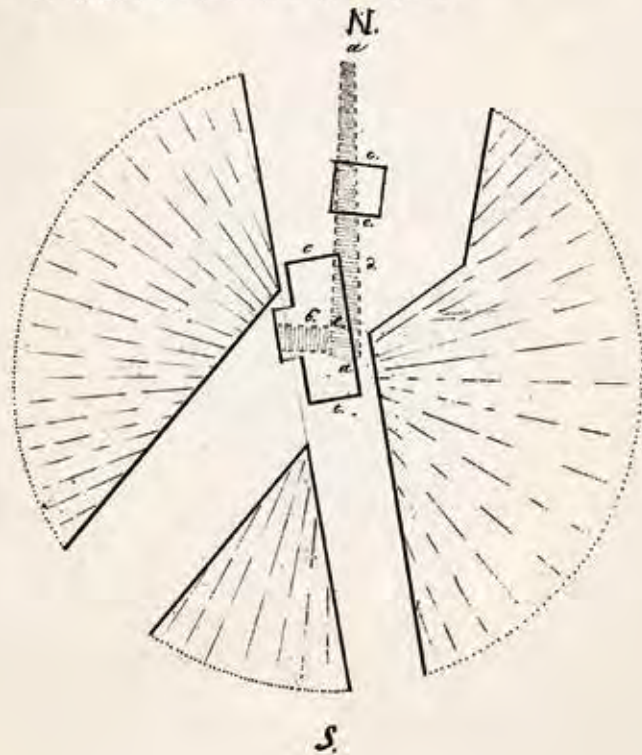
IV. Небольшая могила у юго-западного склона вновь раскопанной Близицы, была раскопана за 11—12 сентября (Там же. Л. 57 об. — 58 об.). Раскопки этих курганов не дали ярких находок, однако позволили И.Е. Забелину проследить и выявить сложные планировки гробниц, зафиксированных им на планах (Там же. Л. 60 — 61 об.).

В следующем, 1860 г. И.Е. Забелин исследует «Толстую Могилу» близ Краснокутской станции, по дороге из Екатеринослава в Никополь (Краснокутский курган) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 13; ср.: Толстой, Кондаков 1889: 103—104). Этот курган, расположенный в 20 верстах (около 21 км) от Александропольского и имевший более скромные размеры (4 сажени в высоту и 90 в окружности, или около 7 и 165 м), содержал богатое погребение «царя», остатки колесницы, конские погребения, предметы греческого импорта (в том числе 8 амфор) (Мелюкова 1981). В 1861 г. И.Е. Забелин раскапывает в Екатеринославском уезде еще три кургана — Острую Могила у с. Томаковка, Каменную Могила к северо-западу от Томаковки и Слоновскую Близицу (ОИАК за 1861 г. 1863: IX—XI).

При несомненных успехах раскопок курганов в Приднепровье ведущим направлением в деятельности Комиссии по-прежнему остается «античное». Если, согласно «всеподданнейшему докладу о действиях

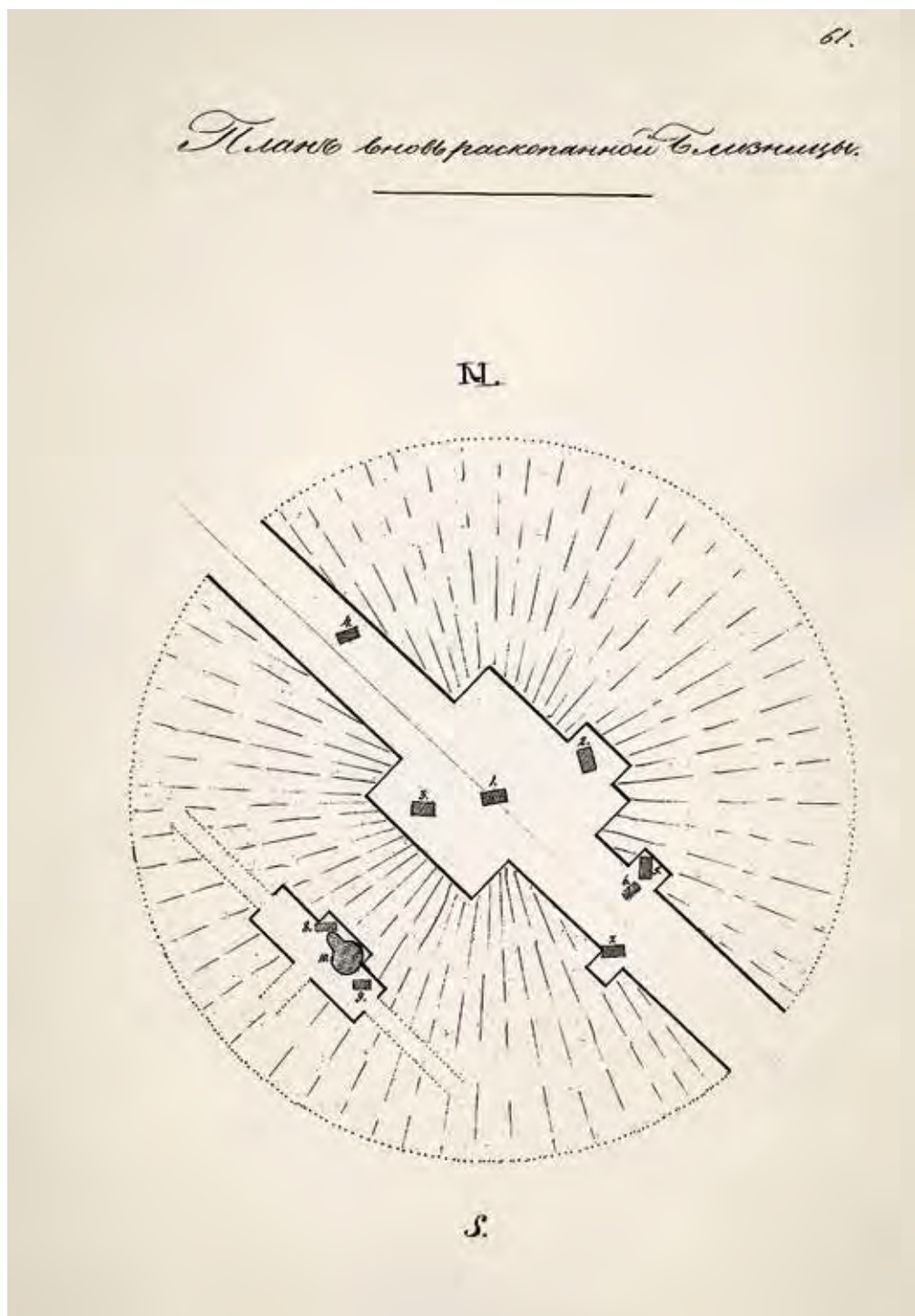
Планъ прежде-раскопанной Близницы.

*а. а. Подвижная галерея. б. Малая круглая
подвижная галерея. в. с. с. с. Я. и в. выкопанных для
вскрытия галерей. д. Место, где найдены остатки
огня или костра. е. Место, где найдены золотых
вещей, въ подвижной галерее.*

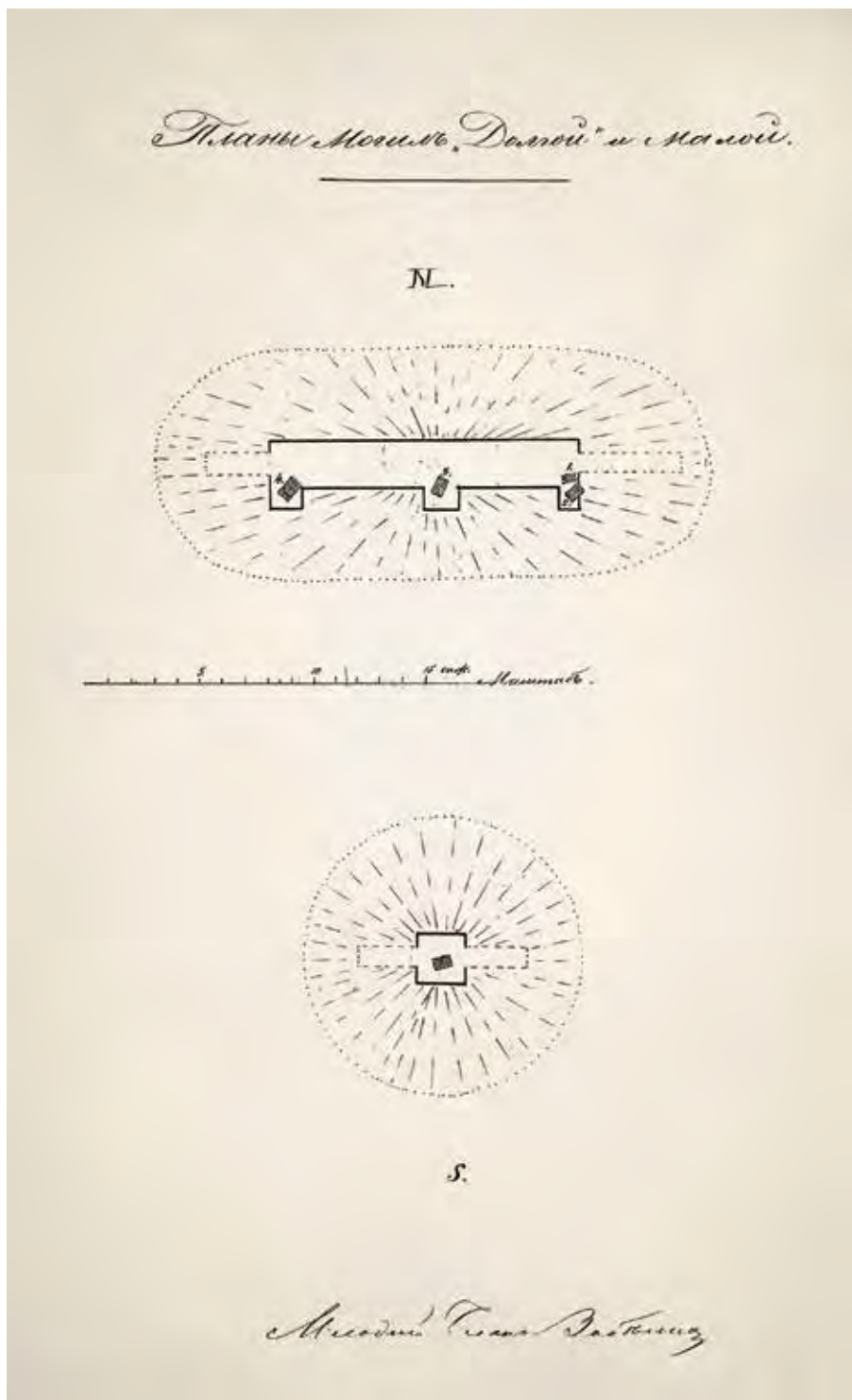

5 10 15 20 саф. Планъ.

План «преждераскопанной Близницы». Раскопки И. Е. Забелина
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 6. Л. 60 об.)

План «вновь раскопанной Близницы». Раскопки И. Е. Забелина
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 6. Л. 61)

План Могил Долгой и Малой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 6. Л. 61 об.)

Императорской археологической комиссии за 1861 год», раскопки в Керчи велись с 20 февраля по 24 декабря, т. е. почти весь год, то в Екатеринославском уезде — чуть более месяца, с 14 июня по 25 июля (ОИАК за 1861 г. 1863: I).

В следующем, 1862 г. в 20 верстах к северо-западу от «местечка Никополь» начались раскопки знаменитого кургана Чертомлык или, как его тогда называли, «Толстой Чертомлыцкой могилы». Руководивший раскопками И. Е. Забелин к тому времени был уже старшим членом Комиссии и надворным советником. Совершенствуется и методика раскопок. Согласно Отчету, курган начали копать с вершины сплошным раскопом, как мы сейчас бы сказали, «на снос», фиксация велась «по сажням». Однако, начиная с 4-й сажени, «во избежание лишних расходов, которых потребовало бы снесение всей насыпи, дальнейшая раскопка кургана проведена широким разрезом, направленным с востока на запад, через центр насыпи... Денежные средства Комиссии не позволили ей продолжать раскопку далее 7-й сажени от вершины кургана, так что до материка осталось еще около 3-х сажений» (ОИАК за 1862 г. 1863: XIX). Раскопки, таким образом, были прерваны на год, хотя их результаты были высоко оценены. Сохранились и дневники И. Е. Забелина, отражающие результаты его раскопок, их зарисовки и черновые материалы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 2. Л. 49–64), в Государственном Эрмитаже, а также в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве (ОПИ ГИМ. Ф. 440).

На уровне материка исследователь зафиксировал ряд ям, представлявших собой остатки центральной и боковых гробниц. Хотя этот курган, как почти

все известные нам «царские» скифские курганы, был ограблен еще в древности, его насыпь, а также «тайники» гробниц содержали множество изделий, в числе которых были и всемирно известные шедевры греко-скифской торевтики. Среди множества золотых, серебряных и бронзовых изделий, найденных в Чертомлыцком кургане, особенно известны серебряные блюдо и амфора (Толстой, Кондаков 1889: рис. 110–111, 114–116; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 265–268), а также золотые и серебряные нашивные бляшки разных типов.

Раскопки Чертомлыка принесли И. Е. Забелину известность как археологу. Возможно, именно они подтолкнули его к размышлениям о задачах и смысле археологической науки, которые нашли отражение в его реферате «В чем заключаются задачи археологии как самостоятельной науки?» на III Археологическом съезде в 1874 г. в Киеве (Забелин 1878: 1–17). Впоследствии он был награжден орденом святого Станислава II степени (Литовиченко 1991: 277). Описание раскопок Чертомлыцкого кургана было опубликовано им в 1866 г. в издании Московского археологического общества, а также в «Древностях Геродотовой Скифии», составивших второй том «Материалов по археологии России» (1872). Чертомлыцкий курган, гробницы которого были сооружены в 340–320 гг. до н. э. (Алексеев 1981; 1992: 156–157), исследован в 1979–1986 гг. совместными усилиями российских, украинских и немецких археологов; результаты их работы отражены в монографии А. Ю. Алексеева, В. Ю. Мурзина и Р. Ролле (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991).

В 1865 г. И. Е. Забелин копает курган Мелитопольского уезда Таврической губернии у сел Нижние Серогозы

Серебряная амфора из кургана Чертомлык. Раскопки И. Е. Забелина (ФО. Нег. II 32808)

и Рогачик (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 11). В донесении в Комиссию от 20 августа он сообщает о том, «что на протяжении ста верст от Чертомлыцкого кургана, по прямой линии на юг и уже на левом берегу Днепра (в Таврической губернии) встречаются, одна за другою, три весьма значительные могилы. Первая верстах в 20 от Днепра и верстах в 10 от с. Большой Знаменки, вторая у с. Новоалександровка, верстах в 40 от первой (21, 10,5 и 42 км соответственно. — *Авт.*), и третья, самая значительная, называемая Агуз (курган Огуз. — *Авт.*), близ с. Большие Серогозы. Приступить <...> к расследованию этой последней, величиною мало уступающей Чертомлыцкой могиле, не было возможно, потому что степь около могилы, а отчасти даже и самая насыпь вспахана и засеяна хлебом и земля вокруг могилы находится в душевом крестьянском наделе. Я принужден был начать раскопку Новоалександровской могилы, которая меньше Агуза и зовется поселянами Козел...» (Там же. Л. 4 — 4 об.). Далее следует подробное описание раскопок кургана Козел, который был раскопан траншеей:

«Почти в центре вершины, на глубине 1 арш[ина] с поверхности найден человеческий остов в полусидячем положении лицом к востоку. Подле его черепа, слева, лежал череп коня, с небольшими железными удилами в челюсти <...> Расположение слоев насыпи было очень интересно. Видимо было, что курган насыпался постепенно, в разное время, в несколько приемов. Особенное старание и, без сомнения, много трудов было употреблено для того, чтобы придать насыпи наивозможно остроконечную форму <...> Наконец на материке подле южной стены, а отчасти и под стеною сделанного

разреза обозначилась большая яма главной гробницы, почти квадратная в 6 ар[шин] длиною по направлению от В на З и 5 аршин 12 вершк[ов] ширины (около 6 м. — *Авт.*). Далее на 8 арш[ин] (5, 5 м. — *Авт.*) к западу находилась гробница коней, длиною параллельно ширины главной гробницы, на 11 саж[ень] (около 23, 5 м. — *Авт.*) от С к Ю; шириною около 4 арш[ин]. Подле этой конской гробницы, у ее середины с восточной стороны, след. Между ею и главною гробницею находилась небольшая могилка длиною с В на З на 3 арш[ина] (около 2 м. — *Авт.*). С северо-западного угла конской гробницы находилась другая такая же могилка. Легко было догадаться, что это могилы конюших. Таким образом расположение упомянутых гробниц почти вполне соответствовало расположению гробниц в Чертомлыцкой Могиле.

Сделав в южной стене неизбежную вырезку, я приступил к вскрытию найденных гробниц. Конская гробница, подобно Чертомлыцкой, имела три особые ямы, отделенные друг от друга материковыми перегородками. В боковых ямах открыто по 4 коня, а в средней 3, всего 11 коней <...> В южной яме два коня имели серебряный уздечный убор, а два бронзовый. На трех конях, больших, были седла с золотыми пластинами, совершенно подобными найденным в гробницах Чертомлыцкой Могилы. При одном коне, лежавшем подле южной стенки, головою против обыкновенного порядка, к западу, найден бронзовый шейный убор, состоявший из блях и колокольчиков, связанных железною цепочкою, а при седле колчан бронзовых больших стрелок. В средней яме на всех конях был бронзовый уздечный убор и сверх того, на одном, лежащем в середине,

шейный бронзовый же убор, подобный описанному. В последней северной яме все 4 коня имели серебряный уздечный убор и были, по-видимому, в простых седлах, от которых оставались еще частицы совсем истлевшего дерева и найдены четырехугольные железные пряжки от подпруг. Кони первоначально не были засыпаны землею, а были покрыты, вдоль всей гробницы, тремя деревянными брусьями <...> При конюших найдены только железные ножи и колчаны бронзовых стрелок <...> Очевидно было, что гробница опустошена <...> В северо-восточном углу подземный грот был почти цел; обрушились только входная часть и стенки. С большой опасностью мы, однако же, успели его осмотреть. Он имел длины 6 1/2 арш[ин], ширины 3 ар[шина] 5 вершк[ов], вышины 2 арш[ина] (4,2 м, 2,7 м и 1,4 м. — *Авт.*). На полу земля была перерыта <...> Мы нашли одну золотую бляшку с изображением головы Геркулеса и две малых пуговики. Все это отнимало всякую охоту вести дальнейшие исследования в опасных подземельях... Руководствуясь этими соображениями, я окончил раскопку кургана» (Там же. Л. 5–8). Описание вещей, найденных «при расследовании Могилы Козел у сел. Новоалександровки Таврической губ. Мелитопольского уезда» (Там же. Л. 9–13), с карандашными рисунками И. Е. Забелина поверх текста содержит подробное описание «наборов» каждого из коней в отдельности. Отдельно (№ 159–165) описаны вещи, найденные в главной гробнице, и вещи, найденные «в насыпи, в разных местах» (№ 166–170). Сложный комплекс материалов из гробницы кургана Козел лишь сравнительно недавно стал осмысляться и вводиться в научный оборот (Переводчикова, Фирсов 2004).

В 1866–1868 гг. И. Е. Забелин продолжает исследования в Новороссийском крае. В его «Донесениях» за этот период (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 6) периодически появляются сообщения о трудностях, вызванных нехваткой квалифицированных рабочих. Вот, например, отрывок из письма, адресованного С. Г. Строганову и написанного в «местечке Никополь» 12 июня 1866 г.:

«Имею честь донести Вашему сиятельству, что нынешним летом я намеревался начать расследование большой скифской могилы Цимбалки, лежащей в верстах 40 отсюда, к востоку от Днепра, близ селения Большой Белозерки. Проживши здесь почти три недели и, при помощи факторов и рассыльных, употребивши все хлопоты и средства для приискания грабарей-землекопов, я, однако ж, не мог найти из них ни одного человека. Почти все они работают на железной дороге. Малыми партиями они работают в некоторых здешних экономиях по условиям, заранее сделанным, так что и за высокую плату пойти на нашу работу не могут. Вместо 2 рублей с кубической сажени, как я платил прошлым летом, я назначал 3 руб. 50 коп., но никто не отозвался и на эту цену. Попав в такое безвыходное положение, я попытался поставить на нашу работу косарей и плотовщиков, которые, прогнав вниз по Днепру плоты, возвращались домой. Все они соглашались встать на работу только при одном условии, чтобы плата была не с куба, а помесечно и чтобы харчевое содержание было мое. Такое условие было очень невыгодно и неудобно, особенно в моих руках <...> Я убедился теперь вполне, что опытные и бывалые рабочие, с которыми я вел свои расследования в течение семи лет, вовсе не так дороги, как всегда мне казалось,

и что с их помощью я делал в течение одного лета то, что с косарями должно сделать в три или в четыре лета при расходах впятеро больших. Впрочем, убедительное тому доказательство Комиссия уже имеет в первоначальной раскопке Луговой Могилы, которая продолжалась не одно лето при великом множестве рабочего народа и все-таки окончена была со славою единственно только при помощи опытных грабарей <...> Испытав такую тяжелую неудачу, мы отправляемся теперь к Бериславу и дальше к Херсону, все еще питая, хотя и малую, надежду встретить где-либо в степи грабарей и начать раскопку какой-либо другой значительной могилы по близости тамошних мест. Если же и там наши поиски будут безуспешны и окажется совсем невозможным приступить нынешним летом к расследованию какой-либо значительной могилы, то я считаю необходимым предпринять обзор древних могил по западной стороне Днепра и по течению Буга, в местности, которая мне вовсе неизвестна и в которой должны встретиться непременно скифские же большие курганы» (Там же. Л. 5 — 6 об.).

Помогать И.Е. Забелину улаживать вопросы с наймом рабочих приходилось С.Г. Строганову и В.Г. Тизенгаузену непосредственно из Петербурга. Вот лишь небольшой эпизод, о котором нам известно из оживленной переписки по вопросам организации работ. По сообщению Забелина, «...государственный крестьянин Курской губернии Максим Анахин» обязался «поставить к 1 июня... 1867 года в село Петровское (графа Строганова) близ города Александровска, Екатеринославской губернии, опытных конноподводных грабарей-землекопов не менее 25 человек

для раскопки курганов...» с обязательством непременно «окончить начатые в кургане работы» (Там же. Л. 12 — 12 об.). Это соглашение, несомненно, способствовало успешному исследованию курганов в с. Петровском, где были раскопаны курган Долгая Могила и два других кургана. Однако отношения с подрядчиком Анахиным складывались сложно — он настаивал на повышении расценок при дальнейших работах. В телеграмме, присланной им из Курска 19 декабря 1867 г. И.Е. Забелину, сообщалось: «Старой цене матерую сажень пять рублей, вторая 10, третья 15. Отвечайте. Ответ уплачен. Анахин». Сохранился и ответ И.Е. Забелина, написанный 28 декабря: «Предлагаемые цены слишком высоки сами по себе и особенно на рабочих, не отличающихся потребными ответственностью и благонадежностью в отношении выполнения работы», далее следуют предложенные им расценки (Там же. Л. 20). Отношения с неуступчивым подрядчиком были расторгнуты, и 3 февраля 1868 г. И.Е. Забелин сообщал С.Г. Строганову: «Для окончания раскопки, начатой в прошлом году, в большом кургане близ селения Большой Белозерки (Таврической губернии Мелитопольского уезда) приглашен мною прежний, более опытный рядчик земляных работ черкасский мещанин Макар Марков Сухарев — производивший раскопку Чертомлыцкого кургана, который соглашается производить работы с оплатою, по случаю дороговизны жизненных припасов, по 2 руб. 50 коп. за кубическую сажень, как получал в прошлом году и рядчик Анахин» (Там же. Л. 27).

Сотрудничество со знакомым подрядчиком оказалось более удачным и весьма облегчило исследование кургана Цимбалова Могила близ с. Большая

Белозерка Таврической губернии Мелитопольского уезда, где были открыты большая и малая могилы, подробно описанные в «Донесении» от 12 августа 1868 г. (Там же. Л. 34–45). Самой, пожалуй, известной находкой из этого кургана является золотой конский налобник с изображением женского божеества (Толстой, Кондаков 1889: рис. 99; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 144), семантика которого не раз становилась предметом исследования (Бессонова 1983: 93 и сл.; Мачинский 1978). Согласно описанию И.Е. Забелина, он найден в четырехугольной, ориентированной по линии север — юг могиле, где были захоронены 6 коней. Из них 5 положены головами на восток и один — на запад. На четырех из них были надеты бронзовые уздечные наборы и серебряные налобники, а на двух — золотые. Рядом лежали нащечники в виде пары дельфинов. На втором золотом налобнике были изображены пара грифонов и растительный орнамент (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 6. Л. 34 об. — 35; см. также: Толстой, Кондаков 1889: 115–116, рис. 99–101). В «Описи вещей», найденных в кургане, впрочем, уточняется, что золотой налобник с изображением сирены «лежал особо, между 5 и 6 конями» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 6. Л. 34 об. — 41). Согласно периодизации скифских «царских» курганов Приднепровья, разработанной А.Ю. Алексеевым, курган был сооружен в 360/350–330/320 гг. до н.э. (Алексеев 1982; 1992: 149–150, 163).

Наследие И.Е. Забелина, его научная судьба заслуженно привлекают внимание исследователей (см. Формозов 1983; 1984; 1986; 1993; 2001: 569–772; библиографию трудов, посвященных деятельности И.Е. Забелина, см.: Алексеев 2004). Как отмечал А.Ю. Алексеев,

«яркая самобытность личности И.Е. Забелина осветила столь многочисленные стороны российской исторической науки и культуры, что историографы поныне все еще весьма далеки от полноценной и достойной ее оценки... За годы своей службы в Археологической комиссии И.Е. Забелин раскопал большое количество археологических памятников, и не только степных скифских. Но именно скифские курганы принесли ему славу и известность археолога» (Алексеев 2004: 37–39).

В работе А.Ю. Алексеева, посвященной неизданной статье М.И. Артамонова о И.Е. Забелине, написанной в 1932 г. (РО. Ф. 74. Оп. 1-1932 г. Д. 241), рассмотрен целый ряд вопросов, связанных деятельностью Забелина-скифолога: даются анализ и оценка методики проводимых им раскопок, результаты его работ сравниваются с результатами раскопок его младшего современника Н.И. Веселовского и пр. Автор приходит к выводу о том, что И.Е. Забелин «был очень любознательным и наблюдательным исследователем. В некоторых случаях дальновидность и внимательность Забелина к деталям удивляет, оставляя лишь чувство сожаления, что его ближайшие наследники по исследованию скифских курганов так и не сумели или не смогли воспользоваться его наблюдениями» (Алексеев 2004: 42–43). Далее, полемизируя с А.А. Формозовым, упрекавшим И.Е. Забелина в несовершенстве его раскопок (Формозов 1986: 5), А.Ю. Алексеев пишет: «Упрек в недостаточно высоком качестве раскопок нельзя, разумеется, считать совершенно необоснованным, поскольку в действительности практически все курганы до конца докопаны И.Е. Забелиным не были. Но знакомство и с архивными,

и с опубликованными материалами совершенно ясно свидетельствует, что и в полевой работе его подход к памятнику был неординарным» (Алексеев 2004: 43). В 1876 г. И.Е. Забелин уходит из штата ИАК, окончательно посвятив свои труды изучению русских древностей позднего средневековья, однако с его именем связаны одни из самых ярких открытий скифских древностей, сделанных Комиссией.

С начальным этапом работы Комиссии в области скифских древностей связана и деятельность барона В.Г. Тизенгаузена. Не имея определенного опыта полевых исследований, он сначала совершает ряд ознакомительных поездок, а в 1864 г. начинает самостоятельные раскопки (Тихонов 2007: 229 и сл.). Совместно с художником И.П. Вольским он отправился в путешествие по Волге для осмотра памятников золотоордынского времени; по пути оказалось, что сразу попасть в Астрахань невозможно и запланированный маршрут пришлось изменить. Так В.Г. Тизенгаузен и его спутник оказались в Ростове-на-Дону (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 15.).

Исследование древностей раннего железного века на территории Дона шло менее интенсивно, чем в Приднепровье, наиболее яркие открытия часто были результатом случайного стечения обстоятельств. Такова, например, история находок, сделанных в 1864 г. в кургане Хохлач на Нижнем Дону, близ Новочеркаска, относящемся к сарматскому времени. Курган был частично разрушен земляными работами, в результате которых были обнаружены первые древности. Лишь по счастливой случайности В.Г. Тизенгаузен оказался в это время вблизи Новочеркаска и счел своим долгом собрать сведения об этом открытии, а также провести

раскопки. Он описал обстоятельства ранее сделанных находок и свои раскопки в рапорте на имя С.Г. Строганова следующим образом:

«...мы... возвратились в Царицын и оттуда сухим путем отправились в Землю Войска Донского, с тем, чтобы пробраться в Керчь, а оттуда на Таманский полуостров, где мне захотелось ознакомиться с топографией тамошних курганов. Еще не доезжая Новочеркаска, мы узнали о различных древностях, случайно найденных в июне месяце в одном из тамошних курганов. Это, конечно, побудило нас остановиться в Новочеркаске и, осмотрев найденные вещи, собрать сведения об обстоятельствах, которыми сопровождалась находка. Открытые древности, с которых я велел снять прилагаемые при сем фотографические снимки, вырыты из небольшого кургана Хохлач, при устройстве в нем запасного резервуара, для строящегося в Новочеркаске водопровода, при устройстве в нем запасного резервуара для строящегося в Новочеркаске водопровода, и заключаются: 1) в головном уборе из листового золота, украшенном разноцветными камнями, мелким жемчугом, резным женским бюстиком из аметиста, изображением оленей, птиц и деревьев, и различными привесками из золота; 2) в массивном золотом ожерелье с разноцветными камнями; 3) двух золотых браслетах; 4) трех золотых складных коробочках; 5) золотом флаконе на золотой цепочке; 6) продолговатом агатовом цилиндре, который с одного конца украшен переднюю, а с другого — заднюю часть какого-то животного из чеканного золота; 7) золотой статуэтке Эрота, играющего на свирели; 8) двух золотых кубках; 9) двух

серебряных кувшинах; 10) трех бронзовых сосудах; 11) множестве золотых украшений, служивших, вероятно, нашивками на одежде; 12) остатках золотых нитей; (номер 13 в тексте письма пропущен — то ли по ошибке, то ли из суеверных соображений. — *Авт.*); 14) обломках терракотовой статуэтки и 15) нескольких лошадиных костях. Все эти вещи, по отзыву производителя работ, лежали в 4 кучках в курганной насыпи над материком, в слое насыпной глины <...> Отсутствие при означенных вещах углей, золы и перегоревших человеческих костей не позволяло думать, что схороненное в этом кургане лицо было сожжено, а заставляло предполагать, что настоящая гробница, находящаяся обыкновенно в материке под курганную насыпь, еще не была вскрыта. Вследствие этого я, с разрешения г[осподина] наказного атамана, занялся дальнейшим расследованием кургана и, действительно, на дне вырытого в нем бассейна открыл вырытую в материковой глине котлообразную яму в 1 саж[ень] глубиною и 4 арш[ина] 12 вершков в поперечнике (2,1 м и 3,2 м. — *Авт.*). Она была плотно завалена черноземом, в слоях которого найдены обломки бронзового сосуда, черепки простого глиняного сосуда, несколько перетлевших человеческих костей, небольшой обломок какой-то железной вещицы, обломанный просверленный валец из черного камня, два украшения из листового золота и несколько тонких золотых нитей. Могила, очевидно, находилась не в первоначальном своем виде и по всей вероятности тоже в отдаленные времена была разграблена корыстными искателями кладов, добычею которых сделалась столь значительная часть курганных

сокровищ южной России» (Там же. Л. 9–11).

Желая ближе ознакомиться с археологическим содержанием той же местности, В.Г. Тизенгаузен в том же году раскопал курган, находившийся в 150 сажнях к западу от Хохлача (около 320 м. — *Авт.*), содержавший погребения разного времени (Там же. Л. 11 об.), в частности, три каменные стелы, три погребения эпохи средней бронзы и два погребения железного века. Затем В.Г. Тизенгаузен отправился в Керчь, а после — «сухим путем в Екатеринослав через Арабатскую стрелку и города Геническ, Мелитополь и Никополь. На проселочном пути между этими двумя последними городами мною осмотрены два замечательных кургана Таврической губернии: один близ казенного села “Большие Серогозы”, имеющий у подошвы в окружности около 500, а по крутому юго-западному склону около 60 шагов, и другой между казенными селениями “Верхний Рогачик” и “Большая Знаменка”, имеющий в окружности по подошве до 320 шагов, а в высоту по юго-восточному скату около 50 арш[ин] и окруженный со всех сторон невысоким валом» (35,5 м. — *Авт.*) (Там же. Л. 14 об.). Как известно, в том же 1864 г. курганы в этой местности были осмотрены И.Е. Забелиным (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 14. Л. 25), что, по видимому, является отражением преимущественного внимания Комиссии и ее членов к традиционному району «скифского Герроса».

Однако наибольшую известность принесли В.Г. Тизенгаузену раскопки на Тамани и в Прикубанье. В их числе — раскопки группы Семибратних курганов. В 1875 г. В.Г. Тизенгаузен начал раскопки группы курганов «Семь братьев»

в Темрюкском уезде Кубанской области (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 3). Как отмечалось в отчете Комиссии за этот год, «результаты, которыми сопровождалась... раскопки в этой местности, не исследованной доселе с археологической целью, должны быть отнесены к наиболее успешным, как по количеству найденных предметов, так по их оригинальности и разнообразию» (ОИАК за 1875 г. 1878: III). Семибратние курганы находились на левом берегу р. Кубань, в 25 верстах к северо-востоку от Анапы (около 26,6 км. — *Авт.*), в двух верстах к югу от кубанского лимана Разнокол. Шесть из них расположены были цепочкой с востока на запад почти по прямой линии, седьмой же, самый высокий, отстоял на 118 сажень к югу от самого западного из курганов. С него и были начаты раскопки. К сожалению, твердость грунта не позволила вести работы, вскрывая всю насыпь кургана, и вскоре В.Г. Тизенгаузен перешел к раскопкам траншеями; гробница, оказавшаяся почти целиком разграбленной, вскрывалась через «вход», проделанный из грабительской ямы на вершине кургана (Там же: IV–V). По словам исследователя, «неудачу при раскопке этого кургана вполне вознаградило расследование ближайшего к нему кургана (№2), лежащего к северу от предыдущего», содержавшего нетронутую центральную могилу, конструкцию которой удалось проследить. В результате выяснилось, что «более трех четвертей могилы занимали лежащие рядом конские остовы; около голов их найдено множество частью железных, частью бронзовых удил и уздечных украшений, из которых большая часть имеет форму различных фантастических животных. В северо-восточном углу гробницы, на особом

помосте, оказался почти совершенно истлевший человеческий остов, лежавший головою на восток, ногами на запад», на полу гробницы были найдены «до трехсот пластинок разной величины с изображением сов, сфинксов, львов, козлов, быков, собак, петухов, оленей, крылатых кабанов, медузиных, бараньих и бычачьих голов, розеток, припавшей на колено мужской фигуры и голов Пана, Сатира и воина в шлеме, украшенного львиной пастью». В области шеи погребенного лежала золотая гривна, а ниже — большая серебряная позолоченная пластина в «зверином стиле». В могиле были найдены серебряные обкладки ритуальных сосудов, бронзовые черпаки и другие предметы (Там же: VI–VIII).

Следующий курган (№3) оказался полностью ограбленным (Там же: VIII); зато раскопки остальных, также потревоженных грабителями, содержали и нетронутые гробницы (например, женскую и конскую могилы в кургане №7) и дали целый ряд ценнейших находок (Там же: VIII–XV; ФО. Отп. О.1611-2, 3, 11–15, 21–23, отп. О.1668-15, 17, 20–32, 53, отп. О.1525-20–21, отп. Q 661-6–9, нег. III 13350–13355, 13324–13325, 7998–7999; II 37969–37975, 26864–26865, 26890–26891; I 20745–20746). В 1876 г. В.Г. Тизенгаузен продолжил раскопки «Семи братьев» — исследовались курганы №1–4 и 6 (ОИАК за 1876 г. 1879: III–VIII), а в 1878 г. начал раскопки курганов в двух курганных группах (западной и восточной), расположенных к западу и востоку от Семибратних курганов, где им были вскрыты 15 курганов (ОИАК за 1878 г. 1881: III и сл.).

Среди предметов греческого импорта из Семибратних курганов происходят несколько ритонов и серия

Ритоны из Семибратних курганов. Раскопки В. Г. Тизенгаузена (ФО. Нег. II 37979)

серебряных аттических киликов с гравированными изображениями, датирующимися в пределах 80–30-х гг. V в. до н. э. (Горбунова 1971: 19 и сл.). Самый ранний из киликов, украшенный изображением крылатой Ники в медальоне дна (Там же: 20), происходит из 4-го Семибратнего кургана, вероятно, наиболее раннего в группе, и относится ко времени около 470 г. до н. э. Е.В. Власова, обратившаяся недавно к вещевым комплексам этих памятников, полагает, что Семибратние курганы были сооружены в V — первой четверти IV в. до н. э. и принадлежали членам правящей династии синдов (Власова 2005: 70–74).

Художественные изделия из Семибратних курганов сразу же были высоко оценены учеными. Вскоре в Отчетах ИАК появляются статьи Л.Э. Стефани, посвященные полученным материалам. Современного издания вещевых комплексов Семибратних курганов

до сих пор не существует, хотя исследователи постоянно обращаются к этим интересным и своеобразным находкам (см., напр., Коровина 1957; Силантьева 1967; Горбунова 1971; Черненко 1973; Грач 1984; Переводчикова 1987; 1992; Власова 2005). Приходится признать, что изучение этих комплексов во многом затрудняет качество полевой документации В.Г. Тизенгаузена.

В 1878 г. Н.П. Кондаков предпринял раскопки курганов, расположенных между хутором Артюхова и горой Цимбалы, недалеко от ст. Сенная, в курганной цепи, протянувшейся с запада на восток, не давшие ярких находок (ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XI). В следующем, 1879 г. В.Г. Тизенгаузен производил раскопки в этом районе около Абинской станицы, не принешие сначала значительных результатов. 25 августа он сообщал в своем рапорте в Петербург: «Так как дальнейшие раскопки <...> не обещали более успешных

открытий по отношению к цели, которую я имел в виду, т. е. к разысканию предметов древнего искусства в Прикубанском крае, то я решился перенести работы на станцию Сенную, рассчитывая при этом, что находка хоть одной мало-мальски замечательной гробницы на почве древней Фанагории вознаградит меня за абинские неудачи. Первая из этих местностей блистательно оправдала мои ожидания: в один и тот же день (28 июня), в одном и том же кургане, лежащем на участке земли сотника Артюхова, близ ветряной мельницы его, мне удалось открыть две совершенно нетронутые могилы, заключающие в себе множество чрезвычайно замечательных древностей» (Там же: XLIV; РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 4. Л. 10). Известно, что под насыпью кургана, вошедшего в литературу под названием Артюховского, был открыт комплекс «богатых» захоронений конца III — II в. до н. э., вероятно, принадлежавших эллинизированной местной аристократии (ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XLIV–LI; РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 4. Л. 9 — 12 об.). К столетию открытия этого замечательного памятника была издана посвященная ему монография М.И. Максимовой (Максимова 1979). В кургане были открыты гробницы, сложенные из тесаных плит, оштукатуренные и побеленные внутри. В каждой из них находились два костяка — мужской и женский, с золотыми венцами на головах, со множеством украшений из золота, серебра и бронзы, расписными и рельефными сосудами, бронзовыми и железными предметами. В кургане были открыты еще два ограбленных погребения в склепах. Все находки впоследствии были переданы в Исторический музей в Москве (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 4. Л. 24 — 27 об.).

Окончание раскопок было возложено на директора Керченского музея С.И. Веребрюсова. Он обнаружил в кургане еще два погребения, одно из которых было ограблено, а второе, нетронутое, содержало женский костяк с большим количеством украшений и вещей, аналогичных вышеописанным двум погребениям (Там же. Л. 6).

Сам В.Г. Тизенгаузен продолжил раскопки у станции Сенной, в чем ему много способствовал один из надсмотрщиков Керченского музея. 21 августа 1879 г. ИАК обратилась к директору музея со следующим письмом: «Вследствие засвидетельствованной старшим членом Археологической комиссии статским советником Тизенгаузеном отличной распорядительности состоящего при его археологических раследованиях надсмотрщика Павла Вербсолюка, удачными действиями которого он много обязан успеху работ в нынешнем году у станции Сенной — Археологическая комиссия... просит... объявить Вербсолюку благодарность и выдать ему 25 рублей» (Там же. Л. 6). 20 сентября С.И. Веребрюсов сообщал, что деньги выданы, приложив к письму соответствующую расписку (Там же. Л. 7–8).

Впоследствии встал вопрос и о вознаграждении собственнику земли сотнику Артюхову, который обратился по этому поводу в Министерство императорского двора. ИАК ответила, что «две гробницы, обнаруженные в кургане, представляют одну из замечательных находок, сделанных Археологической комиссией за последние годы, и заключающихся... в большом количестве изящных и ценных золотых женских украшений греческой работы IV–III вв. до Р.Х... и золотые, прекрасно сохранившиеся монеты боспорского

царя Перисада II и фракийского царя Лизимаха, из которых первая оценивается любителями рублей в 500–600. Вследствие этого и ввиду того, что директор Керченского музея С.И. Верebrюсов нашел в том же кургане третью гробницу с таким же обилием золотых вещей, Археологическая комиссия полагает, что г. Артюхову за все эти вещи может быть выдано 1500–2000 рублей, тем более, что раскопкою означенных курганов были засыпаны его земли...» (Там же. Л. 36–49). Артюхов получил деньги, но вплоть до 1885 г. он и его жена писали прошения с просьбами о вознаграждении за третью гробницу, однако им всякий раз отказывали ввиду того, что деньги были выплачены сразу за три гробницы.

Важную роль в планировании и осуществлении работ по исследованию скифских курганов на территории Причерноморья играл Керченский музей древностей и его директор. Так, в 1879 г. А.Е. Люценко направил в Петербург «Предположение о производстве археологических раскопок в окрестностях Керчи, на Таманском полуострове и в селении Эльтиген (Феодосийский уезд) в 1879 и следующих годах» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1879 г. Д. 6. Л. 6–8). Как следует из текста «Предположения», особое внимание здесь уделялось проблеме противодействия грабителям курганов: «Многочисленные курганы, повсеместно рассеянные в пределах Керченского градоначальства и на Таманском полуострове, оказываются ныне если не вполне разрытыми, то непременно все без изъятия более или менее тронутыми и уже обысканными, как в давнее, так и в новейшее время. Еще около 30 лет тому назад неутомимые раскопщики их господы Ашик и Карейша жаловались

на постепенное истощение классической почвы Керченского и Таманского полуостровов. С того времени хотя и сделано было много замечательных открытий, но некоторые из них принадлежат исключительно крепостным или случайным работам, предпринятым с иной целью». Далее А.Е. Люценко прилагал список памятников и, по существу, предлагал долговременную программу археологических исследований музея. Он считал необходимым «в 1879 и следующих годах попытаться произвести раскопки в следующих местностях». «Предложение» называло памятники, которые стоило исследовать в трех основных районах: «А. В окрестностях Керчи», «В. На Таманском полуострове» и «С. В селении Эльтиген и Чуробаш, принадлежащих землевладельцу Гурьеву» (Там же. Л. 6–9). Среди работ, которые надлежало провести в окрестностях Керчи, А.Е. Люценко на первое место ставит раскопки «в боковых и нетронутых частях длинной цепи курганов, направляющихся по гребню горы Юз-Оба (Сто могил) от Керченской крепости к западу» (Там же. Л. 6). На Тамани первостепенное внимание, по его мнению, нужно уделить курганам Большая и Малая Близницы; в селениях Эльтиген и Чуробаш следует провести раскопки «в боковых нетронутых частях некоторых курганов», «в сплошных могильных насыпях по берегу моря <...> в обширных и глубоких пепелищах, приписываемых древней Нимфеи, и в двух больших курганах, требующих окончательного расследования» (Там же. Л. 7 об.).

Одним из памятников, в исследовании которого музей и сам А.Е. Люценко принимали непосредственное участие, был курган Темир-гора, который располагался примерно в 6 км

к северо-востоку от Керчи, на скалистой цепи холмов, протянувшихся с запада на восток по северной окраине Керченского полуострова. Раскопки кургана были проведены в два приема (ОИАК за 1869 г. 1870: XII; ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XX сл.; Ростовцев 1925: 395–396; Яковенко 1972; Вахтина 2017а; 2017б: 44–64; Федосеев 2017: 95–97). Осенью 1869 г. исследование кургана было начато надворным советником П.И. Хицуновым, в «Журнале археологических разысканий» которого приведены данные о топографии памятника, дано его подробное описание и отражен начальный период исследований (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 28–30). П.И. Хицуновым были открыты впускные погребения, названные им «жжеными точками» (они содержали погребения с сожжением). Одно из них, т. н. погребение богатой скифянки (Там же. Л. 29; Яковенко 1977), отличалось интересным и разнообразным инвентарем: в нем были найдены украшения из золота, золотые нашивные бляшки, греческая керамика и другие изделия, свидетельствующие о высокой степени эллинизации местной элиты. Э.В. Яковенко датировала его V в. до н. э. (Яковенко 1977: 140), хотя, на наш взгляд, датировка эта несколько занижена.

На этом раскопки были приостановлены, а П.И. Хицунов вскоре покинул Керчь. Из записи в отчете следует, что он собирался выехать в Таганрог (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 30). Раскопки кургана были завершены А.Е. Люценко. В деле №4 за 1869 г. содержится несколько страниц примечаний к «Журналу археологических разысканий» П.И. Хицунова, написанных А.Е. Люценко. В последнем примечании (№7) он написал: «Я изъявил

нежелание продолжать этот раскоп и доследовать открытый в нем жженный точок, а опасение, чтобы обнаруженная уже часть жженой гробницы не подверглась расхищению во время отсутствия г. Хицунова <...> За исключением этих маловажных неясностей, журнал г. Хицунова составлен довольно отчетливо. Что же касается до самих раскопок его, то из подробного их описания видно, что они произведены добросовестно и с достаточным пониманием дела» (Там же. Л. 34 об. — 35).

Весною следующего года курган был полностью доследован А.Е. Люценко. Раскопки, подробно описанные в «Журнале археологических изысканий» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1870 г. Д. 23. Л. 29 об. — 33), шли с 30 марта по 31 мая. А.Е. Люценко было вскрыто знаменитое основное погребение кургана Темир-гора, содержащее расписную милетскую ойнохою 40-х — 30-х гг. VII в. до н. э. (Копейкина 1972: 156; Cook, Dupont 1998: 36, fig. 8: 5; Kerschner, Schlotzhauer 2005: 20, fig. 12), костяные украшения в «зверином стиле» и остатки колчанного набора (Яковенко 1972: 261–265; Вахтина 1991: 3–6; 2017а: 54–57). Центральное погребение Темир-горы является одним из относительно немногочисленных надежно датированных архаических скифских погребений степной зоны Северного Причерноморья. Всего же курган содержал 8 разновременных захоронений.

Судя по рисунку Ф.И. Гросса (см. главу II, с. 402), поступившему в ИАК, на котором изображен «вид внутренностей кургана, находившегося на Темир-горе, снятый с юга на север, после исследования ононого, в 1870 году», исследователи пересекли курганную насыпь несколькими траншеями, проходившими через его центр, а затем сняли

центральную часть насыпи до материка. И П.И. Хицунов, и А.Е. Люценко в своих «Журналах» дают описание и размеры курганной насыпи. Указанные ими размеры не совпадают между собой. По Хицунову, высота кургана достигала 8,5 м, диаметр насыпи — 28,5 м, по Люценко, наибольшая высота насыпи — 5,3 м, диаметр около 16 м (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 29; Оп. 1-1870 г. Д. 23. Л. 29). К сожалению, невозможно сейчас проверить данные обмеров, выполненные раскопщиками кургана. Э.В. Яковенко, например, принимает размеры, приведенные П.И. Хицуновым (Яковенко 1972: 235).

Однако, вероятнее всего, наиболее близкими к реальным размерам кургана следует признать данные, приведенные А.Е. Люценко. Во-первых, он дольше, чем П.И. Хицунов, работал на памятнике и вскрыл большую часть погребений кургана, в том числе и основное. Во-вторых, А.Е. Люценко были обмерены и раскопаны и другие курганы в окрестностях Керчи, в том числе и курган Кара-Оба, располагавшийся неподалеку. Значительно позже, в 1967–1969 гг., П.Н. Шульц, докапывая курган Кара-Обу, проверил размеры, некогда указанные А.Е. Люценко (Шульц 1971: 56 и сл.). Оказалось, что А.Е. Люценко очень точно определил высоту кургана, а незначительную «ошибку», сделанную им в определении насыпи, можно вполне объяснить теми изменениями, которые она претерпела за столетие.

На рисунке Ф.И. Гросса видны «бровки» кургана, по которым можно заключить, что высота его, скорее всего, не превышала 6 м. Отметим и то обстоятельство, что сам А.Е. Люценко резко критиковал своего предшественника за неправильные замеры. Он

писал, что «курган на Темир-горе имеет в окружности по подошве не 42 сажени, а 60 и даже более — до 75 сажень; самая же большая его высота не 4 сажени, а только 2 и 2/3 сажени. Извинительно ошибиться в размере какого-нибудь холма... но не суметь, с саженью в руках, вымерить такого небольшого кургана — это непонятно» (соответственно около 89,5 м, 128–160 м, 8,5 м и 5,5 м. — *Авт.*) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4). Позже А.Е. Люценко продолжал раскопки скифских курганов в окрестностях Керчи и на Тамани, в его отчетах, присылаемых в Комиссию, можно найти много интересных наблюдений о конструкции, погребальном обряде и инвентаре этих памятников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 3).

В 1866 г. начинается исследование скифских древностей Подонья. Первые раскопки на территории Войска Донского были осуществлены В.Г. Тизенгаузом, раскопавшим Круглый курган недалеко от Ростова-на-Дону (см. главу IX). И хотя результаты этих раскопок были довольно скромны: во впускном ограбленном погребении были обнаружены «две гладкие бронзовые вазы, 2 довольно изящной работы львиные головки (очевидно, представляющие собой фрагменты декора ручек ваз. — *Авт.*), несколько более или менее искусно сделанных сосудов из обожженной глины и какое-то железное орудие» (ОИАК за 1866 г. 1868: XIV–XVI), — они положили начало систематическому археологическому изучению древностей раннего железного века в этом районе. Кроме того, «во время разъездов по Земле Войска Донского г. Тизенгаузену удалось собрать сведения о некоторых древностях, найденных в этом крае частными лицами. Благодаря содействию войскового начальства,

древности эти поступили в распоряжение Археологической комиссии». В числе вещей, приобретенных Комиссией у частных владельцев, «бронзовая ваза о двух ручках», бронзовые наконечники стрел, бусы (Там же: XVI).

Большую роль в изучении древностей Дона сыграло основание в конце 80-х гг. Донского музея в Новочеркасске (ныне — Музей истории донского казачества). Активное участие в формировании коллекций музея принимала Археологическая комиссия, которая затребовала на рассмотрение древности, принадлежавшие новоучреждаемому музею. 12 декабря 1886 г. наказной атаман Войска Донского направил в ИАК письмо, где сообщалось: «Препровождая при сем различные находки... имею честь покорнейше просить Археологическую комиссию определить значение этих находок и о результатах определения не оставив уведомить меня с возвращением посылки, так как все посылаемые предметы предназначены для будущего Донского музея и ни один из них не может получить другого назначения» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 65. Л. 1). Далее следовала опись вещей, присланных для определения в Петербург, происходивших из случайных раскопок, среди которых — наконечники скифских стрел (в том числе ранних типов), «ваза красной меди, найдена в кургане станицы Камышовской» (карандашный рисунок его можно видеть на л. 4, это — скифский котел), а также «горлышко кувшина, найденного в обвале близ р. Цуцкан Хоперского округа» — фрагмент известного греческого фигурного сосуда в виде головы быка, позже изданного Т. Н. Книпович (Книпович 1934). В описи часто указываются обстоятельства находки вещей, происходящих

из различных станиц — Верхне-Курмоярской 2-го Донского округа, Усть-Медведицкой, Мелеховской, Слащевской, Кумылжинской и др. Опись была составлена неким В. Часовщиковым и содержала пометки, сделанные его рукой. Так, в конце описи фигурирует «металлическое зеркало с изображением двух сфинксов и надписью, содержание которой интересно было бы знать. Найдено в песчаном кладбище в Слащевской станице Хоперского округа... Вещь эту прошу не отсылать в Новочеркасск, а передать мне лично для вручения ее хозяину» и отметка «обратно получено 9 января. В. Часовщиков». Также в Петербург была прислана опись «Археологических находок в станице Романовской Первого Донского округа», составленная действительным членом Донского областного статистического комитета Х. И. Поповым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 65. Л. 7–8), автором подготовленного в начале XX в. первого каталога коллекций Новочеркасского музея.

В 1888 г. в Прикубанье был раскопан один из знаменитейших курганов этого региона — курган Карагодешах близ станицы Крымская (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: ССХVI–ССХХ). Это выдающееся открытие принадлежит Е. Д. Фелицыну, есаулу Кубанского казачьего войска.

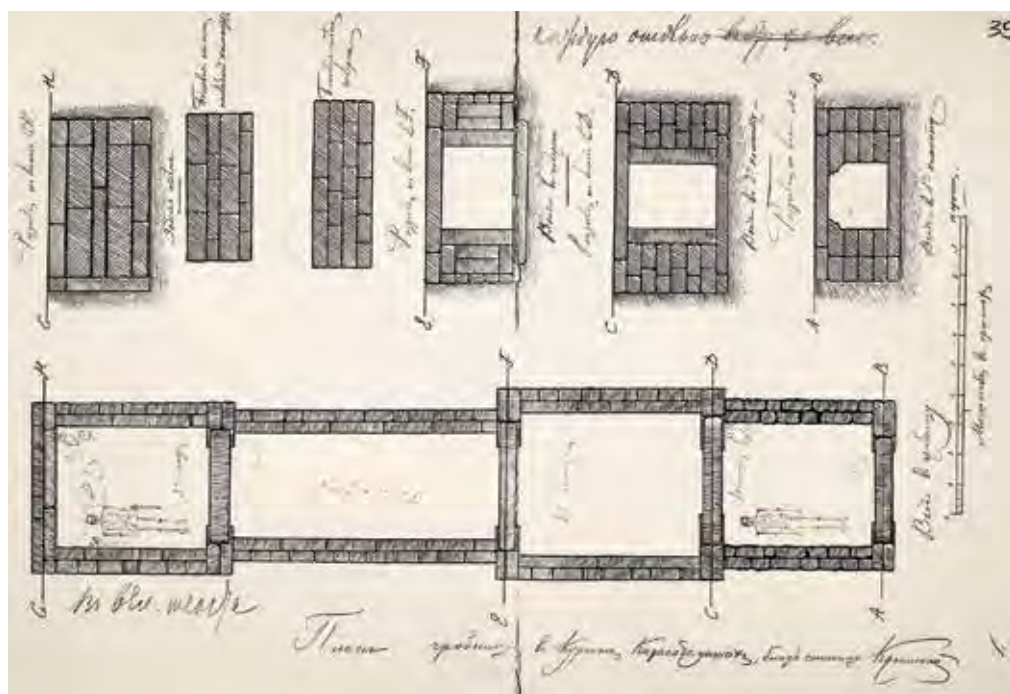
На кромке одного из писем, присланного Е. Д. Фелицыным в Археологическую комиссию 28 мая 1886 г. и написанного на специальной бумаге, можно прочесть напечатанный типографским способом длинный список, характеризующий область занятий и круг интересов Е. Д. Фелицына: «Евгений Дмитриевич Фелицын, есаул Кубанского казачьего войска, действительный член Кубанского областного

статистического комитета, редактор Кубанских областных ведомостей и секретарь Екатеринодарского женского благотворительного общества, член-корреспондент: Императорского московского археологического общества, Императорского общества испытателей природы и Императорского общества любителей древней письменности, член-сотрудник: Кавказского отдела Русского географического общества и Императорского русского археологического общества; действительный член Императорского одесского общества истории и древностей и Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и почетный член Ставропольского губернского статистического комитета» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 16. Л. 15).

Стоит подчеркнуть, что комплекс этого захоронения, в отличие от многих «царских» курганов Северного Причерноморья, не был разграблен в древности. Расхищение ценных вещей во время, непосредственно предшествующее исследованию и в процессе раскопок, было предотвращено решительными действиями Е. Д. Фелицына, который, услышав об обнаружении под насыпью кургана каменной гробницы, незамедлительно поставил у кургана охрану (Там же. Л. 27). Позже А. С. Лаппо-Данилевский и В. К. Мальмберг обобщили данные раскопок Е. Д. Фелицына и опубликовали весь комплекс этого замечательного и яркого памятника в монографическом издании «Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р.Х.», вышедшем в серии «Материалы по археологии России» (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894).

Курган исследовался с 27 апреля по 14 мая. Под его насыпью находилась

каменная гробница, состоящая из трех погребальных камер, расположенных по линии запад — восток, и «галереи» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 16.; Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 7–8, табл. 1). Полы во всех камерах находились на одинаковом уровне, что, очевидно, свидетельствует о единовременном сооружении всей усыпальницы. Стены гробницы были оштукатурены и раскрашены. К сожалению, о характере росписи можно судить лишь из отрывочных упоминаний раскопщиков, т. к. штукатурка достаточно быстро осыпалась во время работ, что, по-видимому, помешало сделать зарисовки. В частности, сохранилось упоминание об изображении на стене третьей камеры, т. н. «галереи», пасущегося оленя с большими ветвистыми рогами (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 9). Гробница помещалась в западной части насыпи, вход в нее располагался также с западной стороны. Западная камера, первая от входа в гробницу, содержала захоронение женщины с богатым погребальным инвентарем. Эта камера имела меньшие размеры по сравнению с остальными. Вход в нее, имевший арочное завершение, был оформлен несколько иначе по сравнению с входами в другие помещения (в остальных случаях входные отверстия имели прямоугольную форму). В камере вдоль левой стены, головой на восток, находился «остов молодой женщины»; около ее черепа были найдены золотая треугольная пластина, золотые серьги, рядом лежали 16 золотых бляшек в виде фигурок птиц и 50 круглых бляшек с горгонейонами, принадлежавших, по всей вероятности, к украшениям головного убора или же покрывала (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 8–9). Шею умершей украшали низки

План гробницы кургана Карагодеуаш. Раскопки Е. Д. Фелицына (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 16. Л. 35 об. — 35а)

из сердоликовых, гешировых, стеклянных и костяных бус (Галанина, Алексеев 2010: 171–172, рис. 3). В области шеи костяка были также найдены золотая шейная гривна и бусы с амфоровидными подвесками и головкой быка (букранием) посередине; рядом находились золотая цепочка с львиными головками на концах и второе ожерелье, более скромного облика. На запястьях погребенной были браслеты, завершающиеся на концах изображениями гиппокампов; на одном из пальцев правой руки был надет перстень с изображением на щитке женщины, играющей на лире. В области костяка были также обнаружены серебряная и золотые бляшки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886. Д. 16. Л. 154–161; Вахтина 2016: рис. 1, 2), бронзовое зеркало (Алексеев, Галанина 2010: рис. 5). В центральной части камеры найдены остатки колесницы

и кости двух или трех лошадей с удилами. Восточная камера гробницы содержала богатое мужское захоронение (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 10), в состав которого входили золотые и серебряные украшения, греческая керамика, серебряные ритоны, украшенные сложными композициями (Виноградов 1993).

Среди инвентаря мужского погребения была также фрагментированная обкладка горита (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: табл. IX), выполненная в тех же матрицах, что и золотая обкладка из знаменитого кургана в Вергине (Греция), где, вероятно, был погребен Филипп II Македонский (Andronicos 1984: 180–186, fig. 146–149; Алексеев 2003: 247; Трейстер 2002: 184). Все эти вещи позволяют относить мужчину и женщину, погребенных в гробнице кургана, к представителям местной

Золотая пластина из женской гробницы кургана Карагодеуашх (раскопки Е. Д. Фелицына)
(ФО. Отп. О.1525-38)

элиты самого высокого уровня. Наиболее известным предметом из гробницы Карагодеуашха остается золотая треугольная пластина, принадлежавшая головному убору погребенной женщины, украшенная изображениями в горизонтальных фризах. О смысле сцен, представленных на пластине, высказывались разные соображения (приведем здесь лишь часть наиболее интересных и значительных работ: Ростовцев 1913: 9–16; Артамонов 1961: 59–60; Манцевич 1964; Бессонова 1983: 107–111; Савостина 1995; Ustinova 1999: 123–128; Вахтина 1999; Шауб 2007: 84–85; 100–101; 2017: 313–314). Однако, все исследователи единодушно признают сакральный характер системы изображений и их значение для понимания особенностей религиозных представлений и культовой практики варваров.

Неоднократно упоминавшаяся выше монография А.С. Лаппо-Данилевского и В.К. Мальмберга до сих пор остается единственным фундаментальным исследованием, посвященным этому комплексу кургана Карагодеуашх. Курган обычно считают погребальным памятником представителей синдо-меотской элиты, вовлеченной в тесные взаимоотношения с элитой Боспорского государства. Конструкция гробницы (Вахтина 2018: 164–166), а также украшения и металлические сосуды из мужского и женского захоронений демонстрируют связь этой элиты и с более западными областями — Северной Грецией и Фракией (Трейстер 2002: 182–184; 2010: 219). По поводу датировки кургана высказывались разные соображения. А.С. Лаппо-Данилевский и В.К. Мальмберг датировали его широко в пределах IV–III вв. до н. э. (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 176). М.И. Артамонов считал этот

памятник в целом синхронным Александропольскому кургану и относил его к концу IV в. до н. э. (Артамонов 1966: 74–75, 77). В настоящее время его, как правило, помещают в круг памятников, связанных с финальным периодом скифской истории и относят отдельные вещи комплекса ко второй половине IV в. до н. э. (Gold der Scythen 1993: 136, 138–139, Kat. Nr. 67, 68) или даже концу этого столетия (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 232, 254). Анализ вещевого комплекса гробниц, в том числе находок античной керамики, показал, что Карагодеуашх сопоставим в хронологическом плане с такими скифскими курганами, как Чертомлык и Куль-Оба, гробницы которых относятся к 340–320 гг. до н. э. (Алексеев 1992: 156–157; 2003: 267–268).

В 1988–1989 гг. в связи с застройкой территории, на которой располагался курган Карагодеуашх, в настоящее время находящийся в черте г. Крымска, Карагодеуашхский отряд Северо-Кавказской археологической экспедиции ИА АН СССР (начальник О.А. Ульянова, научный консультант И.С. Каменецкий) провел работы по его исследованию. Эти работы позволили уточнить размеры курганный насыпи, выявить ряд факторов, характеризующих ее структуру, а также обнаружить еще одно помещение каменной гробницы, расположенное к югу от ее длинной оси (Сатеев, Ульянова 1992: 85–86).

Следует сказать, что к моменту раскопок кургана Карагодеуашх отношения, сложившиеся между Е.Д. Фелицыным и Археологической комиссией, вполне можно охарактеризовать как сложные. Они начались примерно за два года до этого знаменательного для отечественной археологии открытия. Поблагодарив А.А. Бобринского

в письме, направленном в Петербург из Екатеринодара 6 марта 1886 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 16. Л. 1–2), Е. Д. Фелицын писал: «Весною этого года, в первых числах апреля, я бы мог предпринять раскопку курганов одного интересного древнего кладбища в Закубанском крае и хотел бы заняться исследованием древностей Черноморского побережья, если Комиссия не затруднится выдать мне необходимые средства, то я охотно осуществил бы свое намерение». Предложение это было принято А. А. Бобринским, написавшим в ответном письме от 15 марта: «Согласно письменному заявлению Вашему относительно готовности Вашей принять на себя археологическое расследование некоторых намеченных Вами курганов в Кубанской области, имею честь сообщить Вам, что на производство этих работ под ближайшим наблюдением Вашим <...> будет ассигнована авансом сумма, размер которой может быть определен только по получении от Вас соображений по этому предмету» (Там же. Л. 3). Е. Д. Фелицын был готов приступить к делу, в архивном деле сохранилась телеграмма: «Делам службы ездил Тифлис сегодня возвратился если возможно изволите исходатайствовать мне на археологические раскопки шестьсот о командировании меня уведоьте начальников Кубанской области и Черноморского округа карту и письмо посылаю почтой» (Там же. Л. 4).

В архиве ИАК содержатся документы, свидетельствующие о выдаче энтузиасту Открытого листа аванса в 400 руб. и отправлении официальных писем-извещений начальникам Кубанской области и Черноморского округа (Там же. Л. 5–9). Однако сразу же выясняется крайняя неприязнь

Е. Д. Фелицына к составлению каких-либо документов, о чем он и сообщает А. А. Бобринскому, выражая при этом целый ряд пожеланий практического свойства: «Составление сметы расходов сильно меня затрудняет, точно так же, как и денежная отчетность <...> Ввиду предоставленной Вами широкой свободы в выборе исследования местных археологических памятников, я решил работать для Комиссии постоянно, из года в год, при всяком удобном случае. Чтобы вести дело как следует, необходимо запастись инструментами и хорошим фотографическим аппаратом, так как верное изображение предмета есть одно из существеннейших условий для ясного уразумения, оценки и определения археологических памятников. Если затраты на такие предметы допускаются, я бы просил разрешения Вашего сиятельства приобрести на отпущенные мне суммы небольшой запас хороших лопат, ломов, кирок и фотографический аппарат несколько большего размера, чем тот, который у меня имеется в настоящее время и который во многих отношениях оказывается крайне неудобным и неудовлетворительным» (Там же. Л. 10 об. — 11 об.).

Следует сказать, что фотоаппарат приобретенный вскоре Е. Д. Фелицыным на средства ИАК, впоследствии будет затребован Комиссией обратно. Несмотря на настойчивые просьбы о возвращении, Е. Д. Фелицын все же оставит его в своем распоряжении.

На первых порах Е. Д. Фелицын подробно информирует Комиссию о предпринимаемых действиях, например: «<...> осмотрел юго-западную оконечность Новороссийской бухты с целью открытия следов Босфорского города Гаты, упоминаемого

Страбоном», правда, тут же просит выслать ему оставшиеся деньги (Там же. Л. 15, 16 об.). Он посылает в Петербург сделанные им фотографии и кости животных, прося прислать определение последних (отвечая на это письмо и посылая определение костей, А.А. Бобринской пишет: «При этом благоволите высылать только цельные кости, а не обломки» (Там же. Л. 18)). Отправляются в Петербург и ящики с находками, которые примут участие в очередной организованной Комиссией выставке.

Однако с документацией раскопок, составлением письменных документов дело обстояло гораздо хуже. Об этом свидетельствует телеграмма, посланная Е.Д. Фелицыну в начале следующего, 1887 г.: «Археологическая комиссия просит поспешить высылкой описи и журнала раскопок. Ответ оплачен» (Там же. Л. 22). Ответная телеграмма сообщала: «Журнал раскопок представлю средним числом марта» (Там же. Л. 23). Получив в ответ на очередное аналогичное напоминание еще одну телеграмму: «Вышлю самом непродолжительном времени» (Там же. Л. 24) и, не дождав никаких документов, Комиссия пытается действовать, обратившись уже в следующем, 1888 г., к непосредственному начальству Е.Д. Фелицына. 21 апреля 1888 г. из Петербурга было отправлено следующее письмо: «Господину начальнику Кубанской области. В 1886 г. Императорская археологическая комиссия поручила члену Кубанского статистического комитета есаулу Кубанского казачьего войска Е.Д. Фелицыну производство археологических раскопок в Кубанской области, отпустив ему на этот предмет 600 руб[лей]. Не получив по сие время от него, вопреки

неоднократным напоминаниям и запросам, ни дневника о произведенных работах, ни отчета в израсходованных им на оные деньгах, Комиссия считает долгом обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою вытребовать от него тот и другой, препроводив таковые в Комиссию» (Там же. Л. 26 — 26 об.).

Вместо долгожданных отчета и финансовых документов в том же месяце Е.Д. Фелицын шлет в Комиссию телеграмму: «Близ Крымской станицы большом кургане случайно открыт каменное сооружение состоящее из коридорного хода и центральной усыпальницы свода которой обрушились середине по распоряжению Начальника Области мной исследован коридорный ход, где найдено три глиняных урны изломанный серебряный светильник много бус некоторые с изображениями кости лошади с уздечкой и некоторые другие вещицы скифской босфорского типа центральная усыпальница очевидно не тронута можно предполагать интересные находки для дальнейшей раскопки требуется не менее 250 рабочих полагая по рублю каждому если угодно готов продолжать исследование но необходимо немедленное ассигнование денег на раскопки жду ответа курган охраняют часовые» (Там же. Л. 27).

Положение безвыходное, отказать Е.Д. Фелицыну, по инициативе которого предотвращены грабительские раскопки и курган взят под стражу, было невозможно. Совершенно ясно, что, как только часовые покинут свой пост, курган будет тут же разграблен. Комиссия сообщает телеграммой о согласии выслать 250 руб. и просит приступить к работе (Там же. Л. 28).

Следующие телеграммы Е.Д. Фелицына, присланные в Петербург,

сообщают подробнейшим образом о ходе работ: «При исследовании кургана нашел женский костяк [и] при нем изящное золотое ожерелье с привесками серьги кольцо [и] много золотых пластинок с изображениями толстый шейный золотой обруч браслеты грубой работы истлевшие серебряные сосуды и некоторые другие мелкие вещицы <...> исследование окончил [в] последнем отделении гробницы оказался остов мужчины, полагаю, скифского вождя, золотым на ее шее обручем, на концах которого изображены львы, терзающие вепрей, около костяка найдены куски короткого скифского меча [с] золотой рукояткой, остатки колчана [с] превосходными изображениями человеческих фигур, много медных стрел, куски железных копий, четыре полуистлевших серебряных ритона, один [с] золотым ободком и наконечником (в виде) бараньей головы, несколько серебряных медных и глиняных сосудов и более тридцати тонких золотых пластинок с изображениями, общий вес золота один фунт сорок золотников (около 480 г. — *Авт.*), гробница и находка много напоминают знаменитую кулобскую гробницу, весьма огорчен вашим отзывом начальнику области <...>» (Там же. Л. 31–32). И наконец, телеграмма от 28 мая сообщает: «Почтой отправил Вам золотые курганные находки. Фелицын» (Там же. Л. 33). Правда, никакого отчета, «журнала раскопок» и финансовых документов Комиссия так и не получила.

Примерно через год после завершения раскопок кургана Карагодеуашх А. А. Бобринской 12 мая 1889 г. был вынужден вновь обратиться к Е. Д. Фелицыну. В письме, в частности, говорилось: «Телеграммой от 7 марта сего года Вы изволили сообщить Археологи-

ческой комиссии, что 12 числа упомянутого месяца “высылаете краткое описание раскопки крымского кургана”. Ввиду представления Комиссией всеподданнейшего отчета о действиях ее за 1888 год, она с нетерпением ожидала от Вас обещанного. Прошло два месяца со дня последнего Вашего обещания, а ожидания Комиссии остаются не оправдавшимися. Благодаря заметке, перепечатанной “Прав[ительственным] вестником” из газеты “Кавказ”, Комиссия составила понятие о результатах Ваших работ и медленность с Вашей стороны в присылке более подробного сообщения о раскопках, так сказать, несколько сгладилась на некоторое время, но недоставление Вами авансового счета в израсходовании отпущенных Вам Кассою Мин[истерства] Имп[ераторского] двора в 1886 году — 600 руб. и в прошлом году — 450 руб., ставит Вашего покорнейшего слугу, как делопроизводителя Арх[еологической] комиссии, в крайне критическое положение <...> Между тем с Вашей стороны не доставлен денежный отчет не только в израсходовании аванса за 1888 г., но даже за 1886 год! Медленность эта, разумеется случайная, вызвала страшную бурю со стороны Кабинета Его Величества, результатом которой была просьба Комиссии к начальнику Кубанской области о побуждении Вас к скорейшему доставлению Вами как денежных отчетов, так и высылке дневников раскопкам Вашим <...> В заключение настоящего письма считаю долгом сообщить Вам, что в заседаниях Комиссии совместно с представителями других ученых обществ... Гр[афиня] П. С. У. (Уварова. — *Авт.*) подтверждала сообщение свое относительно продажи Вами плит с фресковыми изображениями, о чем

Комиссия просила у Вас разъяснения отношением от 8 дек[абря] 1888 г. за № 824. Не признаете ли Вы нужным официально опровергнуть возводимое на Вас обвинение» (Там же. Л. 95 — 96 об.). Однако никаких опровержений от Е. Д. Фелицына не поступило. Летом 1889 г. в ИАК наконец присылаются долгожданные финансовые документы о деньгах, потраченных на раскопки в 1886 и 1888 гг. (Там же. Л. 97–102). Но дневники раскопок по-прежнему отсутствуют. Комиссия вынуждена вновь обратиться к исследователю:

«Приступив к изданию древностей, найденных Вами в прошлом году в кургане близ Крымской станицы, Императорская археологическая комиссия крайне нуждается в подробных планах и рисунках открытых там каменных склепов и фресок, равно как в подробном отчете или дневнике о произведенной Вами раскопке и поэтому с нетерпением будет ожидать от Вас высылки всех этих документов.

Вместе с тем Комиссия вновь убедительнейше просит Вас поспешить доставлением ей как отчета в израсходовании денег, которые Вам были отпущены в 1887 году на производство археологических исследований, так и отчета о раскопках и исследованиях, произведенных Вами на эти деньги» (Там же. Л. 103). Лишь после этого в ИАК начинают поступать отчеты о раскопках, в том числе — и отчет о раскопках кургана Карагодеуаш (Там же. Л. 142 — 146 об.).

Отчет о раскопках кургана написан не самим Е. Д. Фелицыным, обладавшим мелким, неразборчивым почерком, однако текст содержит правки, сделанные его рукою. Вероятно, отчет писался под диктовку. Этот текст был использован А. С. Лаппо-Данилевским

и В. К. Мальмбергом в своей книге, хотя, конечно, в нее вошли не все данные из отчета Е. Д. Фелицына. Стоит привести некоторые отрывки из этого отчета. Вот как он описал местоположение кургана:

«В двух верстах к юго-востоку от станицы Крымской и в таком же, приблизительно, расстоянии к северу от Крымской станицы Тихорецко-Новороссийской ветви железной дороги возвышается громадный курган, господствующий над всею окружающей местностью. Но со стороны железной дороги видна только вершина кургана, потому что остальная часть его замаскирована молодым лесом, покрывающим собою пространства, находящиеся за полотном железной дороги. Высота кургана по отвесной линии простирается до 5-и сажений (около 10,5 м. — *Авт.*), а окружность у подошвы до 280 шагов; на верху имеется довольно просторная площадка, откуда открывается вид на далекое расстояние во все стороны. До покорения русскими Западного Кавказа речка Адагум, около которой находится Крымская станица, служила пограничной чертой между владениями двух воинственных и многочисленных племен горцев катухайцев и шапсугов. Курган стоял на земле шапсугов и был известен у них под именем Карагодеуашх (*Карагоде* — собственное имя, *уашх* — «курган, вершина»). На вершине его происходили обыкновенно сборища представителей этих племен и решались все наиболее важные вопросы.

Импозантный вид кургана Карагодеуашх давно уже привлекал внимание хищников кладоискателей, успевших безнаказанно истребить многие тысячи памятников древности, бесследно исчезнувших для науки. Такая же,

вероятно, печальная участь постигла бы и этот курган, если бы начатая кладоискателями тайная раскопка не была своевременно замечена местным старичным атаманом и приставом, не замедлившими телеграфировать об этом начальнику Кубанской области и Наказному атаману Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанту Г. А. Леонову, по распоряжению которого были приняты меры к охранению кургана от дальнейших хищнических покушений кладоискателей» (Там же. Л. 142 — 142 об.). Очень много внимания в отчете уделено конструкции гробницы, составлены подробные планы камер (Там же. Л. 35 об. — 35а), опубликованные в издании 1894 г. Выясняется, что стены одной из них сохранили следы росписи. «Последняя комната выше всех прочих (3,5 аршина (около 2,5 м. — *Авт.*) и сделана из очень больших массивных плит <...> Плиты тщательно прилажены друг к другу и с наружной стороны очень гладко отесаны; все стены, как это можно было заключить по оставшимся кое-где кускам штукатурки, были покрыты фресками, но о содержании их нельзя было составить себе никакого понятия; из того немногого, что сохранилось на камнях, я мог отделить лишь несколько кусков штукатурки со следами цветных орнаментов и полос» (Там же. Л. 145).

Меньше внимания уделено положению вещей в гробницах, собственно вещевым комплексам. В приложенной описи (Там же. Л. 148–150) они располагаются хаотично, их принадлежность к тому или иному захоронению или же части гробницы, похоже, часто выяснялась «задним числом». Например, при подготовке материалов к изданию Е. Д. Фелицыну был прислан специальный «вопросник»: он должен был дать

по возможности точные ответы на ряд конкретных вопросов, уточняющих размеры конструкций, положение вещей в могилах и пр. (Там же. Л. 213 — 213 об.). В деле хранится и план гробницы с карандашными рисунками, уточняющими положение костяков и вещей в камерах (Там же. Л. 35). Наконец, после завершения работы над изданием, находки из кургана Карагодеуаш осенью 1893 г. были переданы в Эрмитаж. 8 ноября они были приняты по описи старшим хранителем Г. Е. Кизерицким (Там же. Л. 224–227).

Отдавая должное работам Е. Д. Фелицына на Кубани, современники не могли не выражать недовольства некоторыми аспектами его деятельности и, вероятно, сложного характера. Это двойственное отношение отражено и в неоднократно упоминавшейся книге членов Комиссии А. С. Лаппо-Данилевского и В. К. Мальмберга, до наших дней остающейся основным научным трудом, посвященным кургану Карагодеуаш. Так, например, книга открывается небольшим разделом, который называется «Место, занимаемое раскопками г. Фелицына, в ряду археологических разысканий, доселе произведенных на Кавказском перешейке», где перечислены все его достижения в деле изучения памятников этого региона (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 1–5). Самого Е. Д. Фелицына авторы именуют «известным знатоком местных древностей».

Однако в первой же главе «Описание раскопок, произведенных в кургане Карагодеуаш в 1888 году» они не могут удержаться, чтобы не отметить: «При составлении настоящего описания мы пользуемся отрывком из дневника раскопок, составленного г. Фелицыным, и несколькими

пояснительными заметками, какие он прислал в ответ на присланные нами запросы. Немалую услугу в восстановлении хода раскопок могла бы оказать нумерация предметов древности, найденных в кургане Карагодеуашх, если бы эта нумерация велась по мере нахождения самих предметов. К сожалению, и этого нет: предметы пронумерованы г. Фелицыным, очевидно, после того, как закончились работы, и искусственно разбиты на группы по материалу, из которого сделаны. <...> К сожалению, г. Фелицын в присланных им заметках описывает лишь устройство насыпи и архитектурные особенности гробницы; о расположении вещей в различных ее помещениях мы узнаем из сообщений, помещенных в газете «Кавказ» за 1888 год в № 183 <...> Те же известия перепечатаны были в «Правительственном вестнике» за 1888 год, в № 181-м, в статье неизвестного автора, написанной по поводу «Путеводителя по Кавказу» Е. Вейденбаума (Тифлис, 1888 г.)» (Там же: 6–7, примеч. 3).

В сохранившихся документах и отчетах других современников (Щербина 2014: 404–406, 409) Е. Д. Фелицын предстает перед нами несомненным «энтузиастом», человеком деятельным, активным, упрямым, настойчивым, умеющим добиваться своего, способным принимать быстрые решения и, по видимому, достаточно честолюбивым. В архивном деле хранится его полный послужной список, отражающий его продвижение по служебной лестнице (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 16. Л. 195–199). Там указано, что Е. Д. Фелицын родился 5 марта 1848 г. (т. е. к моменту открытия гробницы Карагодеуашха ему было 40 лет), происходит «из обер-офицерских детей Ставропольской губернии», за время службы был

награжден орденами Св. Анны 3-й ст., Св. Станислава 3-й ст., серебряной медалью за покорение Западного Кавказа, бронзовой медалью за Турецкую войну 1877–1878 гг., крестом «За службу на Кавказе». Имя его вошло в историю отечественной археологии, прежде всего, благодаря открытиям, сделанным в гробнице кургана Карагодеуашх и, возможно, спасенной им от разграбления и уничтожения. При содействии Е. Д. Фелицына был создан Музей при Кубанском областном статистическом комитете, коллекции которого пополнились благодаря собранным им древностям (Хачатурова 2010: 13). В настоящее время имя Е. Д. Фелицына носит Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник.

По мнению Г. С. Лебедева, посвятившего отдельное исследование становлению археологии в России, первый, «уваровский» период исследования древностей завершился в самом начале 80-х гг. XIX в. Рубежом, отделяющим его от следующего, «постуваровского» периода, послужил, по мнению этого исследователя, V Археологический съезд, прошедший в 1881 г. в Тифлисе (Лебедев 1992: 175–176). Вовсе не стремясь оспорить это наблюдение, хочется отметить, что в деле изучения скифских древностей Северного Причерноморья этот хронологический репер не столь очевиден. Важнейшим изданием Археологической комиссии, как бы подводящим итог раскопок первого периода ее существования, становится издание «Древности Геродотовой Скифии». Напомним, что первый его выпуск вышел в 1866 г., а второй — в 1872 г.

В конце XIX и начале XX в. происходит археологическое обследование новых областей, открываются

и исследуются новые памятники, накапливаются археологические материалы. Однако, несмотря на явное начало нового этапа в истории науки, мы не можем говорить ни о каких существенных изменениях ни в подходе к исследованиям, ни в их методах. Правда, именно в этот период начинается широкое и планомерное исследование скифских памятников Приднепровской лесостепи. Исследователи начинают проявлять интерес не только к курганам, но и к поселениям. Стоит признать, что, несмотря на важные открытия, сделанные членами Императорской археологической комиссии или же по ее поручению и на средства, археология скифских древностей активно развивалась и благодаря раскопкам прочих ученых обществ и учреждений или же отдельных исследователей, не связанных напрямую с ИАК. Необходимо отметить, что Комиссия внимательно следила за подобными археологическими работами, а их результаты откладывались в ее архиве, который становился собранием научной информации первостепенной важности.

В 1888 г. польский археолог Готфрид Оссовский (1835–1897) при поддержке Польской академии искусств в Кракове провел раскопки кургана (так называемого Большого Рыжановского кургана, или кургана № 4) в группе, состоявшей из 21 кургана, расположенной у с. Рыжановка Звенигородского уезда Киевской губернии. Им были открыты четыре «богатых» погребения, относящиеся к IV в. до н. э. Эти раскопки были продолжением небольших исследований, предпринятых еще в 1887 г. в связи со случайными находками, сделанными местными крестьянами (Blombergowa 1993: 80–83; см. также: Chochorowski 2011; 2016).

Археологическая комиссия не была поставлена в известность об этих работах; сведения о раскопках появились в газетах и постепенно дошли до Петербурга и Москвы. Известия о замечательных находках побудили Археологическую комиссию послать запрос в губернии, где предполагались эти несанкционированные ИАК работы. Газетные сведения не всегда точны, и первоначально запрос от 27 января 1888 г., подписанный А. А. Бобринским, был ошибочно направлен в г. Житомир Волынской губернии, губернатору Виктору фон Валу. В частности, губернатора просили «сообщить... некоторые сведения об этой находке. У г. Оссовского, быть может, находятся рисунки с найденных им вещей. В таком случае Комиссия была бы ему весьма признательна за высылку таковых на ее рассмотрение» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 11. Л. 1 об.). В ответе волынского губернатора, присланном в Комиссию в феврале, сообщалось: «...имею честь уведомить Императорскую археологическую комиссию, что случай открытия Оссовским клада, как об этом сообщает польская газета “Варшавский курьер” в № 18 за сей год, имел место в Звенигородском уезде Киевской губернии» (Там же. Л. 2).

Однако колеса бюрократической машины начинают вращаться: вероятно, волынский губернатор все же распорядился предоставить ему более подробную информацию о раскопках курганов. Вскоре из Житомира пришло еще одно письмо, в котором сообщалось, что «в дополнение к отношению моему от 20-го сего февраля за № 1235, имею честь уведомить Императорскую археологическую комиссию, что житомирский уездный исправник донес мне 26-го сего февраля, что по заявлению

проживающего в г. Житомире присяжного поверенного Фавстина Мошинского клад разных драгоценных вещей был действительно найден в прошлом году в Звенигородском уезде Киевской губернии археологом Готфридом Оссовским и что золотые вещи, составлявшие предметы женских украшений, отправлены Оссовским в Краковскую академию наук, на средства которой производились им раскопки в Звенигородском уезде» (Там же. Л. 3 — 3 об.).

Получив эту информацию, А.А. Бобринской направил аналогичный запрос в Киев. В апреле в Петербург пришел ответ киевского губернатора, несколько проясняющий обстоятельства дела. В нем говорилось, что «проживающий в г. Звенигородке вольнопрактикующий врач Юлиан Гринцевич, назад тому около 4 лет, на Рыжановских полях, принадлежащих его родственникам Гринцевич и Тышковской, начал было раскопку кургана, но тогда им ничего не найдено, а через некоторое время крестьянин Андрей Маслюк на месте начатой раскопки нашел глиняную вазу, бронзовые чашу и шпиль, которые Гринцевич приобрел от Маслюка и подарил геологу Готфриду Оссовскому. Этот последний в прошлом году с согласия владельцев произвел раскопку означенного кургана, где нашел еще несколько кусков разбитой старинной глиняной посуды и все найденные вещи отправил в Краковскую академию» (Там же. Л. 5; см. также: Blombergowa 1989).

Известие о том, что находки из Рыжановского кургана отправлены в Польшу, вызвало беспокойство председателя А.А. Бобринского и побудило его написать конфиденциальное письмо губернатору Киевской губернии. В письме говорится, что, находясь

в Смеле, А.А. Бобринской лично встречался с доктором Грынцевичем, «производившим раскопки вместе с Оссовским и приехавшим в Смелу со специальной целью познакомить меня с подробностями дела и с результатом раскопок. Из рассказа Ю. Гринцевича оказывается, что раскопки произведены в прошлом, 1887 году, у с. Рыжановка Звенигородского уезда, на земле частного лица, которого имя Гринцевич мне не сообщил. Раскопка кургана увенчалась очень редким в наших местностях успехом. Добыты весьма замечательные серебряные греческие вазы, множество золотых украшений, как то колец, серег и пр... Г. Оссовский, известный польский археолог, производил раскопки в Звенигородском уезде на средства и по поручению Краковской академии наук. Начаты же раскопки в данной местности потому, что местные крестьяне случайно напали на часть помещений богатой могилы и начали распродавать мелкие золотые вещицы.

Таков рассказ Ю. Гринцевича, который, как врач, интересовался антропологической стороной вопроса и как бывший товарищ, кажется, Оссовского пригласил его сюда. Гринцевич принес мне фотографические снимки с найденных предметов, сделанные в Варшаве. Вещи будут изданы на польском языке Краковской академией. Сообщая конфиденциально о всем вышеизложенном Вашему превосходительству, я вполне понимаю, что юридически Оссовский и Гринцевич, быть может, и вполне правы. Частный собственник, вероятно, вправе раскопать курганы на своей земле и раздавать, хотя бы в Краков, добытые предметы. Но я убежден, что найдется возможность как-нибудь ограничить

Общий вид курганной группы у с. Рыжановка в Киевской губернии, амфора типа Солоха-I из Большого Рыжановского кургана и рисунок погребения. Раскопки Г. Оссовского и Ю. Талько-Гринцевича, 1887 г. Фотография из коллекции А. А. Бобринского (ФО. Отп. F 127-28)

поползновения Краковской академии обогащать свое собрание за счет древностей, находимых в пределах России. Точно ли мне указывал Гринцевич, что курганы близ Рыжановки расположены на частной, а не на крестьянской земле? Здесь оказывается целая группа курганов, из коих до сих пор исследован только один. Наконец, хотя Гринцевич и обещал мне в случае новых раскопок немедленно мне сообщить, но не знаю, исполнит ли он обещание? Из слов его заключаю, что Оссовский намеревается нынче осенью вновь посетить Рыжановку и произвести там новые раскопки. В заключение позволю себе покорнейше просить Ваше превосходительство сохранить мое письмо между нами. Мне очень важно не нарушить случайно установившихся отношений между

Гринцевичем и мною; по крайней мере, через него можно будет всегда разведать о дальнейших раскопках и получить хотя бы фотографические снимки с находок» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 11. Л. 6–7).

Позиция А. А. Бобринского, заинтересованного в пополнении коллекций древностей в собраниях российских музеев, прежде всего Эрмитажа, вполне понятна. Важнейшим вопросом в этой драматической истории, конечно, был вопрос о том, в чьей собственности находилась земля, на которой расположены курганы (недаром этому вопросу в письме уделяется большое внимание); случаи, когда земля находилась в частной собственности, были самыми сложными — законодательство было на стороне владельцев. Однако

и тогда на ситуацию можно было пытаться воздействовать. Чиновники, подчиненные киевскому губернатору, очевидно, получили соответствующие инструкции, и в январе следующего, 1889 г. в Комиссию поступает письмо звенигородского уездного исправника Юрова:

«В 1887 году проживающий в г. Звенигородке вольнопрактикующий врач Гринцевич, совместно с жителем г. Житомира Оссовским, на землях м. Рыжановки, в кургане, принадлежащем малолетнему Андрею Гринцевичу, откопали драгоценные предметы древности. Прошлым летом г. Гринцевич, как заявляет, имел честь изложить устно Вашему сиятельству подробности об этой раскопке и о предметах, найденных в этом кургане, и преподнести большие фотографические снимки всех предметов, как приобретенных у крестьян, так и найденных, вместе с текстом описания раскопок. Так как вещи эти должны принадлежать малолетнему Андрею Гринцевичу, по растрате таковых возбуждено уголовное преследование против Юлиана Гринцевича и Оссовского, а также необходимо предъявить против них иск для вознаграждения малолетнего. Для этого необходимо иметь сведения о ценности этих предметов. Имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство не отказать сообщить, во сколько, по мнению Вашему, хотя приблизительно, можно оценить найденные в раскопанном кургане эти древности, снимки с которых представлены Вашему сиятельству Ю. Гринцевичем. Так как двухлетний срок давности к уголовному преследованию может скоро истечь, то я позволю себе убедительнейшее просить Ваше сиятельство ускорить ответом» (Там же. Л. 9).

Ответом на это письмо была телеграмма, подписанная А. А. Бобринским, сообщающая о том, что находки из Рыжановских курганов «могут быть приблизительно оценены в семь тысяч рублей» (в черновике первоначально была указана сумма в 8 тысяч руб.) (Там же. Л. 10), сумму, весьма значительную для того времени. Неясно, удалось ли возбудить «уголовное преследование» Юлиана Гринцевича, скорее всего, дело было решено полюбовно.

Материалы из Большого Рыжановского кургана действительно были изданы в Кракове Г. Оссовским (Ossowski 1888), не только раскопавшим погребения Большого Рыжановского кургана, но и обследовавшим всю группу в целом и снявшим планы курганов. Очевидно, история раскопок Рыжановского кургана наделала шума и привлекла внимание широкой научной общественности. Об этом свидетельствует заметка, помещенная в «Московских ведомостях» 11 ноября 1889 г., подписанная инициалами «В. П.» и рассказывающая о содержании одного из заседаний МАО: «Согласно желанию председателя Общества гр. П. С. Уваровой, г. Оссовским доставлен был в Общество доклад о произведенных им раскопках курганов в Киевской губернии, причем представлены были и фотографические снимки с предметов, найденных в курганах. Из доклада, прочитанного секретарем Общества, видно, что раскопками курганов, обративших на себя внимание г. Оссовского и расположенных в местечке Рыжановке Киевской губернии Звенигородского уезда и на границе Уманского уезда, еще в 1884 году занялись местные крестьяне. Но благодаря случайностям, расхищение курганов было приостановлено на довольно длительное время. Г. Оссовский раскопки

возобновил в прошлом году. Им разрыт был самый большой из 21 Рыжановского кургана...»

Далее приведено описание работ и находок и в виде заключительного аккорда следующая сентенция: «Богатая по содержанию коллекция вещей, найденная г. Оссовским, передана на хранение — в Краков (!). Крайне желательно, чтоб оставшиеся не разрытыми Рыжановецкие курганы обратили на себя внимание Археологической комиссии и чтоб их не постигла участь одинаковая с только что описанным курганом, предварительно расхищенным местными крестьянами, и чтобы содержимое в курганах не переправлено было в заграничные музеи» (ср.: Chochorowski 2008; Ryzdewski 2016).

В следующем, 1890 г. для дальнейшего исследования Рыжановских курганов Археологическая комиссия пригласила Д.Я. Самоквасова, бывшего в то время профессором Варшавского университета. Очевидно, в сложившейся несколько щекотливой ситуации Д.Я. Самоквасов оказался наиболее подходящей фигурой. О возможных сложностях, с которыми он мог бы столкнуться по прибытии на место раскопок, вскользь говорится в письме, полученном им до начала работ. «Если бы владелец земли, на которой находятся означенные курганы, не согласился допустить Вас к раскопке их, то Археологическая комиссия не встречает препятствия к предложенной Вами раскопке других курганов в Звенигородском уезде, в пределах Петриковской волости. На производство раскопок в Киевской губернии, при сем прилагаются Открытый лист и удостоверение на получение из Варшавского казначейства 800 руб. назначенных Вам авансом <...>» (РО. Ф. 1.

Оп. 1-1890 г. Д. 65. Л. 4 — 4 об.). Владелец земли, по-видимому, не имел возражений. Д.Я. Самоквасов представил в ИАК подробный отчет о раскопках Рыжановских курганов (Там же. Л. 9 — 29 об.; ОИАК за 1890 г. 1893: 51 и сл.).

Материалы этого отчета, а также данные, полученные Г. Оссовским, изданы в известной монографии Д.Я. Самоквасова «Могилы русской земли». «Некоторую ретушь в чертежах Оссовского после доследования Самоквасова можно считать установленной, — позже писал М.И. Ростовцев, — но общий характер структуры кургана и его погребений несомненно правильно переданы на чертежах Оссовского» (Ростовцев 1925: 433, примеч. 1; Самоквасов 1908: 70–94; см. также: Бобринской 1901: 58 и сл.; Ильинская 1975: 37–38; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 312–313).

Добавим, что в 1995–1998 гг. Большой Рыжановский курган был доследован совместной украинско-польской археологической экспедицией Института археологии Национальной академии наук Украины и Археологического института Ягеллонского университета в Кракове. В результате этих работ были получены новые интересные данные (Скорый, Хохоровски, Григорьев, Рыздзевская 1999; Skoryj, Chochorowski 2007; Скорый, Хохоровски 2018).

Возвращаясь к деятельности Археологической комиссии, связанной с исследованием Рыжановских курганов, небезынтересно еще раз обратиться к самому началу этой истории, к письму, ошибочно посланному в г. Житомир волынскому губернатору. Письмо, содержащее разъяснения положения о деятельности Императорской археологической комиссии, очевидно, произвело впечатление в губернской канцелярии,

так как результатом его стала активная деятельность чиновников по выявлению находимых в земле древностей, в основном монетных кладов позднего средневековья и нового времени, и изъятию их у местного населения. Результаты этой деятельности отчетливо прослеживаются в письмах и рапортах, начавших поступать в Петербург после истории с Рыжановскими курганами с завидной регулярностью (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 65. Л. 41, 42).

Однако самым ярким эпизодом, отражающим деятельность губернских чиновников, стремящихся исполнить полученные инструкции, не допустить расхищения исторических ценностей и, по возможности, привлечь внимание и заслужить поощрение высокого начальства, может служить история пресечения вывоза в Польшу церковных облачений. Эта история, несомненно, является следствием письма А. А. Бобринского, вызвавшего соответствующую реакцию уже знакомого нам волынского губернатора фон Валя, давшего соответствующие указания своим подчиненным.

Вот как об этом рассказывается в его письме в Комиссию, написанном 3 марта 1889 г.: «Ковельский уездный исправник телеграммой, поданной 3 сего марта, донес мне, что настоятель Каменно-Каширского костела продал петраковским евреям древние ризы с изображением Божьей Матери, шитым серебром, за 1500 руб., которые задержаны им. Предписав помянутому исправнику сохранить отобранные им ризы, впредь до особого распоряжения и принимая во внимание, что если евреями уплачено за оные 1500 руб., то, по всей вероятности, они представляют собой археологическую редкость, имею честь уведомить об изложенном

Императорскую археологическую комиссию. Свиты Его Величества генерал-майор фон Валь» (Там же. Л. 2). В ответе, подписанном В. Г. Тизенгаузеном, сообщается, что «Археологическая комиссия имеет честь покорнейше просить Вас о высылке на рассмотрение ее старинных священнослужительских облачений, отобранных г. ковельским уездным исправником от петраковских евреев». К следующему письму, направленному в Археологическую комиссию волынским губернатором, приложены два рапорта уездного исправника «с кратким описанием проданных настоятелем Каменно-Каширского римско-католического костела ксендзом Ольшевским петраковским евреям риз, присовокупляя при том, что, поскольку г. Ковель и Каменно-Каширское имение в XV веке принадлежали князьям Сангушко, то следует предполагать, что помянутые ризы пожертвованы кем-либо из рода князей Сангушко» (Там же. Л. 14).

История обрастает подробностями, которые сообщает урядник, непосредственный участник событий. «Получив от известного мне лица секретное заявление, что два еврея Петраковской губернии отправились в м. Каменно-Каширск к тамошнему настоятелю Римско-католического прихода ксендзу Ольшевскому за покупкою старинных риз для какого-то заграничного музея (из дальнейших документов становится очевидным, что ризы были приобретены для музея в Кракове. — *Авт.*), я принял все меры к недопущению увезти евреям купленные ризы, и когда 2-го сего марта означенные евреи, закупив ризы за 1500 руб., прибыли в город Ковель и остановились в Еврейской гостинице в ожидании поезда, то я лично отправился к означенным евреям и отобрал

от них ризы, которые теперь находятся на сбережении в моей квартире. Означенные ризы по удостоверению многих лиц принадлежат к XII–XIII столетиям и весьма высокой цены, но какой именно, определить трудно, но предполагать можно, что стоимость их была 50 000 рублей».

Цена эта, конечно, фантастична, но, вероятно, всем исполнителям очень хотелось сознавать, что они причастны к большому государственному делу, хорошо исправляют службу и участвуют в огромной важности событиях. В деле имеются несколько описаний изъятых облачений, одно из них составлено ковельским исправником полковником Емельяновым. Согласно описаниям, в Комиссию были присланы три ризы: две — для диакона и иподиакона (стихари), одна — для священника (с изображениями Матери Божьей и Спасителя), а также «занавеса предпрестольная малинового шелкового бархата, на ней из литого серебра изображение Божьей Матери в сиянии и двух ангелов по бокам, и еще двадцать два звездообразные украшения. И еще одна подобная, но немного поврежденная» (Там же. Л. 20–21).

В Житомире и его округе, очевидно, широко обсуждались все перипетии этого происшествия, пока в дело решительно не вмешались представители католической церкви, которой, собственно, и принадлежали облачения. В письме в Комиссию от 15 июня 1888 г. управляющий государственными имуществами Волынской губернии сообщает: «...Как же ныне епископ Луцко-Житомирский римско-католической епархии просит о возврате ему означенных риз, составляющих собственность костела, то вследствие сего имею честь покорнейше просить

Императорскую археологическую комиссию не будет ли признано возможным, по миновании надобности в этих ризах, сделать распоряжение к удовлетворению просьбы епископа и вместе с тем не благоволит ли Комиссия возратить 13 рублей 70 копеек в возмещение израсходованных ковельским исправником на отсылку в оную упомянутых риз» (Там же. Л. 22). Конечно, 13 руб. 70 коп. исправнику были выплачены, о чем в деле имеется расписка (Там же. Л. 25), а ризы, изготовленные, как показала экспертиза, в XVI в., высланы обратно. Таков «побочный сюжет», связанный с делом об исследовании Рыжановских курганов, вызвавшем всплеск интереса к древностям всякого рода в одной из западных губерний.

Участие иностранцев в раскопках памятников на территории Российской империи, их роль в изучении отечественных древностей еще не раз будет привлекать внимание руководителей Комиссии. В конце XIX в. эта тема, по видимому, вызвала широкую дискуссию в обществе. Так, например, 15 февраля 1895 г. в Комиссию из канцелярии Министерства иностранных дел поступило письмо за подписью тайного советника Н.П. Шишкина «...с просьбой об оказании содействия и покровительства соотечественнику его (австро-венгерского посла. — *Авт.*), тайному советнику графу Зичи (очевидно, речь идет об Евгении Зичи (1837–1906). — *Авт.*), намеревающемуся отправиться наступающею весною в сопровождении нескольких спутников на Кавказ и в наши Средне-Азиатские владения, причем главная цель экспедиции будет заключаться в производстве раскопок в курганах, в видах исследований по вопросу о происхождении мадьярского племени» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 67. Л. 294).

В ответе на это обращение А. А. Бобринской написал, что он «счел своим долгом повернуть это дело на обсуждение Императорской АК» и представить ее мнение. Действительно, далее в записке изложено это мнение, отражающее отношение ИАК к памятникам археологии: «...Комиссия постоянно имеет в виду, что те памятники, которые ей исследовать в настоящее время представляется непосильным, послужат богатым источником знаний для будущих поколений русских ученых и поэтому памятники эти должны быть тщательно оберегаемы. По отношению же к Кавказу следует заметить, что страну эту следует особенно беречь от иностранцев, которые успели уже вывести оттуда весьма ценные предметы, то путем раскопок, беспрепятственно допущенных местными властями, то покупки предметов, добытых кладовискателями, что продолжается и до сего дня. Эта вредная деятельность иностранцев облегчается для них тем, что археологическая часть на Кавказе еще не упорядочена, правительству постоянно приходится бороться с хищническими раскопками и истреблением памятников, чему иностранные экспедиции могут только дать новый толчок...» «Что же касается Средней Азии, то помимо того, что искать там родину мадьяр не имеет никаких исторических оснований, мы, во-первых, из национального самолюбия не можем допустить туда иностранных раскапывателей, а, во-вторых, в интересах самого дела: Средняя Азия, точно так же, как и Кавказ, нуждается в защите от иностранных туристов и ученых, которые свободно вывозят оттуда древности и даже отбивают куски от мраморных плит с надписями, чтобы увезти что-нибудь на память...» «На основании

изложенных соображений АК полагала бы необходимым безусловно отказать графу Зичи в его просьбе». В крайнем случае — разрешить «...при неременном условии подчиниться общим требованиям, установленным законом, то есть доставить все найденные без исключения предметы старины в Археологическую комиссию» (Там же. Л. 296 — 297 об.).

Вопрос об участии иностранцев в раскопках на территории России активно обсуждался и в печати. Так, газета «Новое время» 24 февраля 1898 г. в № 7900 перепечатала информацию из газеты «Кавказ», где сообщалось, что «Императорское московское археологическое общество в лице председателя его, графини Уваровой, ходатайствует о принятии мер к охранению древностей и научных богатств Кавказа против попыток иностранных ученых, настойчиво добивающихся разрешения проникнуть в край под предлогом интересов науки, а на деле увозящих за пределы Империи местные древности». Это в конечном счете привело к тому, что Николай II поручил великому князю Михаилу Николаевичу «войти в сношение с министрами внутренних дел и народного просвещения о нежелательности дальнейших попыток к обогащению иностранных музеев за счет русских научных сокровищ» (Там же. Л. 358).

Очевидно, Комиссия в то время неоднократно подвергалась различного рода обвинениям и нападкам — в бездействии, отсутствии патриотизма и пр. На наш взгляд, позиция ее руководителя, графа А. А. Бобринского, очевидно, созвучная мнениям старших членов ИАК, достаточно ясно отражена в письме председателю Совета министров Российской империи, министру внутренних дел, члену Государственного

совета И. Л. Горемыкину от 19 февраля 1898 г. «...Императорская археологическая комиссия относилась далеко не равнодушно к вывозу за границу предметов древности из пределов Империи и постоянно с особым вниманием следила за иностранными археологами, путешествующими по России... Насколько это зависело от Комиссии, она принимала меры к воспрещению иностранцам производить раскопки на землях казенных и общественных и, благодаря ее настояниям, Министерство иностранных дел постоянно предупреждает лиц, приезжающих в Россию с ученою целью, о воспрещении производства у нас археологических раскопок». Однако, иностранцам не возбранялось производить раскопки на частных землях и продавать найденные там предметы. «Благодаря сему Археологическая комиссия и не возбуждала вопроса о вывозе древностей за границу, так как на практике всякое запрещение такого рода только стесняло бы путешественников и не спасало бы местных древностей от продажи в иностранные государства. Едва ли примеры Италии, Греции и Турции, на которые указывает Московское археологическое общество, могут быть применимы к России, благодаря совершенно особым условиям, в которые поставлены древние памятники этих стран.

Тем не менее Императорская археологическая комиссия считает долгом заявить, что вопрос об охране древностей в империи вообще заслуживает серьезного внимания; фактически о них заботятся мало, и часто они гибнут не описанные и бесследно пропадают для науки. Все передовые государства Европы придают археологическим памятникам большое значение и затрачивают громадные

средства на извлечение их из недр земли не только у себя дома, но и в чужих государствах, иногда даже без права увоза найденных предметов в свою землю. У нас же, к сожалению, немало способствует удачной деятельности иностранных археологов отсутствие надзора за памятниками...» «В этом отношении весьма желательно со стороны Министерства внутренних дел категорическое подтверждение всем губернаторам о строгом наблюдении с их стороны за соблюдением Высочайшего повеления от 11 марта 1889 г. относительно раскопок на землях казенных и общественных, и притом совершенно независимо от того, каким ведомством ассигнованы средства на раскопку...» «В заключение считаю своим долгом добавить, что запрещение въезда к нам ученых иностранцев, в видах устранения возможности производства ими раскопок было бы для России недостаточною мерою во всех отношениях. Не следует забывать, что иностранные археологи (Вирхов, Шантр и друг.) начали научно изучать Кавказ на многие десятки лет ранее первых попыток русских ученых» (Там же. Л. 358–359).

Вопрос о вывозе древностей иностранцами еще не раз будет привлекать внимание ИАК. Приведем для примера письмо от 23 марта 1910 г., направленное князю В. С. Кочубею (Там же. Л. 533–536 — с черновиками): «В последние годы наши газеты наполняются сообщениями о постоянно возрастающем расхищении курганных и вообще могильных древностей южной России и о вывозе их за границу. И, действительно, ИАК точно известно, что в Крыму и на Кавказе тайная раскопка курганов достигла в настоящее время необычайных размеров, отчасти вследствие слабого надзора по охране

памятников на месте, отчасти же вследствие большого спроса на классические и кочевнические древности за границей. Последнее обстоятельство до такой степени подняло цены на подобные предметы, что приобретение их для русских правительственных музеев сделалось, можно сказать, недоступным, так как мы не в состоянии конкурировать с иностранцами на этой почве. С годами дело все более и более ухудшается, несмотря на то, что русские монархи постоянно обнаруживали заботу о пополнении отечественных музеев добываемыми у нас древностями. <...> Когда император узнал, что известный керченский градоначальник Стемпковский по духовному завещанию оставил свою нумизматическую коллекцию иностранному консулу Манфреду с разрешением продать ее во Францию... то заявил, что никогда не допустит исполнения такого завещания...» За коллекцию было заплачено «по антикварной цене» 10 тыс. руб., и она была передана в Эрмитаж. «Это происходило в 1833 году, когда еще не существовало огульной продажи за границу выкапываемых из земли древних памятников». А. А. Бобринской указывает и одного из «главных виновников» этой деятельности: «...лицо, хоть и состоящее на русской службе и вполне обеспеченное русским содержанием. Это — главный винодел уездного ведомства француз Масоно...» «Хотя в России не установлено запрета для вывоза древностей за границу, — продолжает автор письма, — но едва ли можно сомневаться в том, что подобный вывоз наносит ущерб государству, и что деятельность в этом направлении не может быть допустима для лица, состоящего на государственной службе. Между тем положительно известно,

что г. Масоно продал за границу несколько собранных им коллекций и, конечно, с выгодой для себя; он покрыл Крым и Кавказ сетью своих агентов для скупки древностей, а эти агенты отвлекают местное население от ежедневного труда и подбивают его на тайные раскопки древних могил...» И далее: «ИАК не может оставить действия г. Масоно без внимания...» (Там же).

Вернемся непосредственно к скифским древностям. В 1890–1891 и 1893–1898 гг. значительные исследования курганов лесостепного Приднепровья в Киевской и Полтавской губерниях были проведены создателем и директором Артиллерийского музея в Петербурге, генерал-майором Н. Е. Бранденбургом, в том числе и на средства и по поручению ИАК (ОИАК за 1891 г. 1893: 89–92). После смерти исследователя дневники его раскопок были изданы Н. М. Печенкиным (Печенкин 1908); полностью же материалы его раскопок, хранящиеся в Эрмитаже, были введены в научный оборот Л. К. Галаниной (Галанина 1977).

В конце XIX в. в лесостепном Поросье работал Е. А. Зноско-Боровский, исследовавший здесь 102 кургана, 74 из которых содержали захоронения скифской эпохи (Ковпаненко 1981: 5; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 7). К сожалению, опубликовать собранные им материалы он не успел. «Указатель» его обширной коллекции, вышедший в 1897 г., содержит лишь данные о вещах, обнаруженных в 50 комплексах (1897); позже данные о результате его раскопок вошли в труды других исследователей, в том числе и членов ИАК (Бобринской 1901: 92–114; Ханенко, Ханенко 1900; 1902), где были изданы данные дневников и отдельные вещи.

Необходимо отметить, что большая роль в исследовании скифских памятников лесостепного Приднепровья принадлежит киевскому исследователю В.В. Хвойке, отношения которого с Комиссией складывались не просто (см. главы VI и XII). Результаты своих наблюдений он изложил в известной книге «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам)» (Хвойко 1913), переизданной в 2008 г. (Хвойко 2008) и дополненной рисунками, фотографиями, планами раскрытых объектов и т. д. (см.: Колеснікова 2007).

Несмотря на то, что ИАК поддержала отнюдь не все начинания В.В. Хвойки, он присылал в Петербург подробные отчеты о своих раскопках на территории лесостепного Приднепровья за 1897–1900 гг., которые сопровождалась альбомами иллюстраций (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 53. Л. 17–20; РО. Р-1. Оп. 1. Д. 775). Здесь представлены, в том числе, рисунки, иллюстрирующие раскопки скифских городищ (Мотронинского и Пастырского) и курганов. В отчетах, в частности, содержатся подробные описания курганов, раскопанных В.В. Хвойкой между селами Райгородом и Прусами (Михайловкой), достаточно суммарно представленные в «Древностях Приднепровья» Б.И. и В.Н. Ханенко (Ханенко, Ханенко 1900: 9–11) и кратком варианте опубликованного отчета В.В. Хвойки (Хвойко 1900: 8–9; см. также: Ильинская 1975: 18–21; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 156).

Всего к северу и северо-востоку от Райгорода, «на экономических полях с. Прусы», и у с. Ярового было раскопано 19 курганов, из которых один не был закончен, все погребения оказались ограбленными. В уцелевших курганах

в большинстве случаев были найдены скорченные скелеты в ямах, обложенных деревом, верхние части черепов и костей их были окрашены красной краской; а также несколько погребений с сожжением. В.В. Хвойка дает описание размеров насыпей, комплексов и инвентаря курганов (№ 1–8). Затем в отчете, с сохранением сплошной нумерации, охарактеризованы «курганы при с. Прусы Черкасского уезда» (№ 9–19), и отдельно описаны раскопки 3 курганов (№ 1–3) у с. Яровое, причем последний из них, «самый большой из всех в означенной местности, был раскопан только отчасти до половины насыпи, и не окончен вследствие наступления холодов». К сожалению, высота кургана не указана, однако представление о грандиозности кургана № 3 можно вынести, сопоставив его с курганом № 1 той же группы, высота которого, по данным отчета В.В. Хвойки, достигала 9,8 м.

Результаты раскопок 4 курганов у с. Пастырское в 1898 г. достаточно полно отражены в публикации (Ханенко, Ханенко 1899: 9–10). Сохранились альбом иллюстраций, где приведен план городища, изданный в «Древностях Приднепровья» (Ханенко, Ханенко 1899: 8), и рисунок, показывающий расположение курганов к югу от поселения.

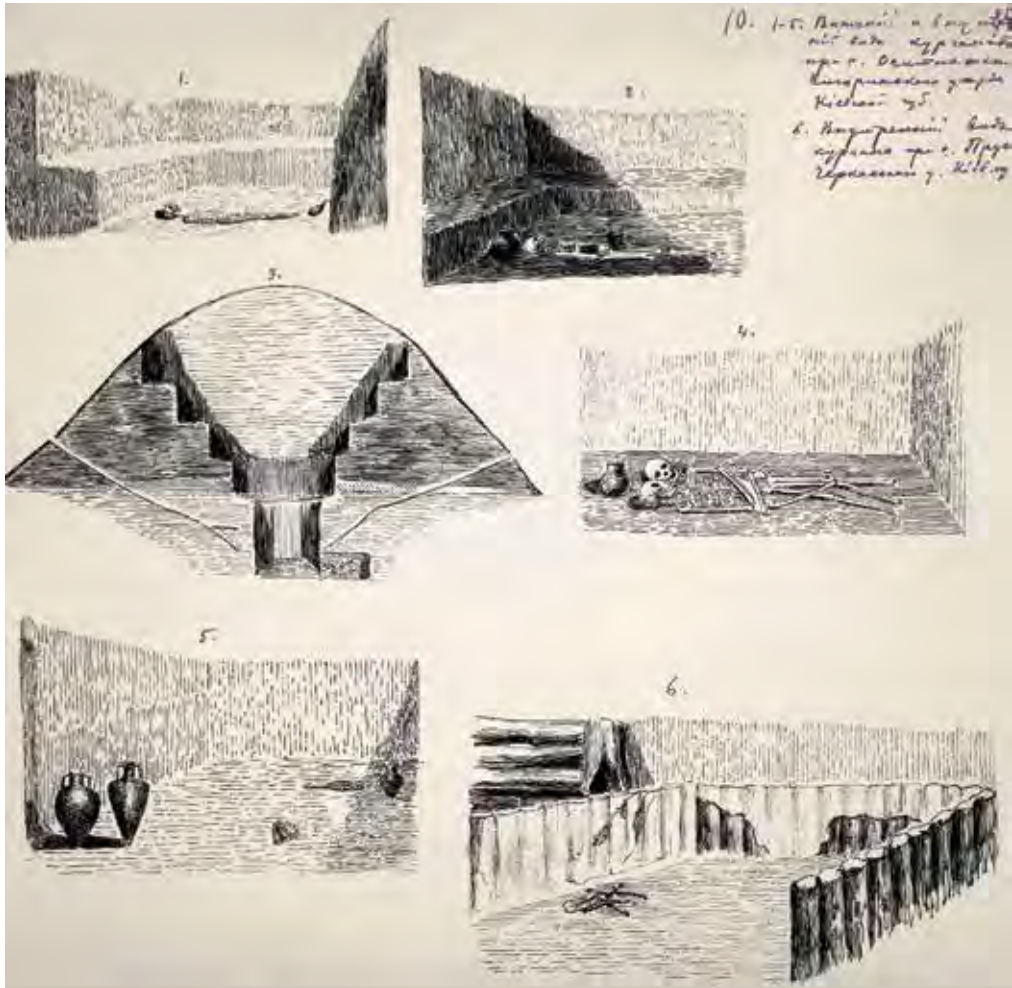
В своем отчете за 1886–1900 гг. В.В. Хвойка приводил подробные описания курганов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 53.), раскопанных у с. Оситняжка (см. также: Хвойко 1904; Ильинская 1975: 34–36; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 155–156), что позволяет уточнить обстоятельства раскопок и положение вещей в могиле. Особенно интересны данные, освещающие исследования кургана № 9, где были обнаружены золотые пластины,

Внутренний вид курганов у с. Прусы. Рисунки В. В. Хвойки (РО. Р-І. Оп. 1. Д. 775. Л. 41)

Внутренний вид курганов у с. Райгород. Рисунки В. В. Хвойки (РО. Р-І. Оп. 1. Д. 775. Л. 41)

Внутренний вид курганов у с. Оситняжка. Рисунки В. В. Хвойки
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 29. Л. 84)

по-видимому, представляющие собой остатки парадного головного убора (Ханенко, Ханенко 1902: табл. V, № 563а; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 104, рис. 32: 14). Здесь сообщается, что «под насыпью, имевшей в высоту около 2 м, оказался обрушившийся склеп 4 м в длину, 3 м в ширину и 2,5 м в глубину, часть которого была обрушена подкопом грабителей».

В могиле были найдены «золотой убор, бронзовое зеркало», у северо-западной стены стояли 2 амфоры,

в юго-западном углу — пластины золотого головного убора, а также «металлический вызолоченный сосуд», золотые бусины, золотая бляшка в форме розетки, «алабастр» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 29. Л. 71–72). Ойнохоя была издана в «Древностях Приднепровья» (Ханенко, Ханенко 1902: VI. Табл. I, № 423) как найденная в кургане при с. Оситняжке Чигиринского у., Киевской губ., однако номер кургана, где она была найдена, указан не был (Там же: 11). В материалах отчета сохранился

Реконструкция головного убора из одного из раскопанных курганов. Рисунок В. В. Хвойки (РО. Ф 1. Оп. 1-1900 г. Д. 29. Л. 89)

и небольшой рисунок, озаглавленный «Погребение с сожжением из раскопок при с. Оситняжке Чигир(инского) у(езда) (скифский курган)». Очевидно, иллюстрация относится к погребению в кургане № 8, данные о раскопках которого также содержатся в отчете: «На глубине 55 см на площадке из выжженной глины лежали в некотором расстоянии друг от друга обгоревшие кости двух скорченных скелетов, между которыми стояли 6 глиняных сосудов, а в головах — еще четыре таких же сосуда, некоторые с высокими ручками.

Здесь же находилось множество угля и куски стеной обмазки с отпечатками прутьев» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 29. Л. 71 об.; см. также: Хвойко 1904: 9; Ильинская 1975: 36).

В отчетах В. В. Хвойки, рассказывающих о раскопках скифских курганов на территории лесостепного правобережного Приднепровья, можно было надеяться найти новые данные о комплексе кургана № 2 у с. Жаботин, где были обнаружены знаменитые костяные пластины, украшенные гравированными изображениями хищных птиц

и копытных животных (Ханенко, Ханенко 1899: табл. 14: 277, 278). Комплекс кургана № 2 у с. Жаботин, давшего название периоду раннескифской культуры (Ильинская, Тереножкин 1983: 230), был реконструирован В.А. Ильинской на основе тщательного изучения древностей, хранящихся в Киевском историческом музее, и сопоставления этих материалов с данными раскопок (Ильинская 1975: 19–20; Ильинская, Тереножкин 1983: 234). Отчет В.В. Хвойки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 29. Л. 70 — 74 об.) начинается с раздела, посвященного раскопкам этих курганов, которые исследователь производил на средства вице-председателя Киевского общества древностей и искусства Б.И. Ханенко: «Подвергшиеся раскопкам курганы находятся на расстоянии до 5 верст друг от друга (5,3 км. — *Авт.*). Вблизи них встречаются особые сооружения в виде подковообразных иногда разветвляющихся валов... Высота валов доходит до 4–6 м, а вся поверхность сооружений средним числом занимает поверхность до 1600 м. При раскопке валов и внутреннего их пространства не встречалось ничего, кроме комков обожженной глины и черепков глиняных сосудов грубой выделки и без орнамента... При м. Жаботин раскопано шесть курганов подобной же формы (что и при Флеровке, т. е. куполообразной. — *Авт.*)... В кургане № 2 найдены разнообразные пластинки, бронзовые бляшки и привески от набора конской узды, орнаментированные железные псалии и две пары бронзовых удил».

Конечно, можно допустить, что знаменитые жаботинские пластины, украшенные резными изображениями, названы в описании «разнообразными пластинками». Однакостораживает

отсутствие подробного описания этих неординарных находок. Более того, ни в описи находок из раскопок В.В. Хвойки (Там же. Л. 75–83), ни в описи вещей, присланных в Археологическую комиссию в Петербурге (Там же. Л. 59 — 60 об.), ни в общей, чрезвычайно подробной описи коллекции этого выдающегося исследователя резные пластины невозможно выделить из общей массы находок (Там же. Л. 2–19). Обычно в описях вещей коллекции В.В. Хвойки все древности были сгруппированы в хронологические разделы: Отдел 1. Каменный век; Отдел 2. Эпоха бронзы; Отдел 3. Скифская эпоха; Отдел 4. Эпоха великого переселения народов и т. п. — и имели «сквозные» инвентарные номера. Примечательные особенности предметов древности, в том числе наличие орнамента, обычно отмечались в примечаниях на полях описи. Правда, в этой последней описи под № 2154–2158 значатся «костяные пластины, орнаментированные меандром» (Там же. Л. 6 об.), однако вряд ли это описание можно соотносить с жаботинскими пластинами. Это не может не вызывать недоумения, так как нельзя не признать того, что такой внимательный исследователь и знаток древностей, каким был В.В. Хвойка, обратил бы особое внимание на такие яркие находки, как скифские пластины с гравированными изображениями. Например, в том же деле хранятся тщательно выполненные рисунки и фотографии орнаментированной оконечности бивня, принадлежащего к эпохе палеолита (Там же. Л. 51, 53, 56, 58). При этом, однако, никаких упоминаний о жаботинских пластинах обнаружить не удается. Это обстоятельство, на наш взгляд, оставляет у современных исследователей возможность сомневаться

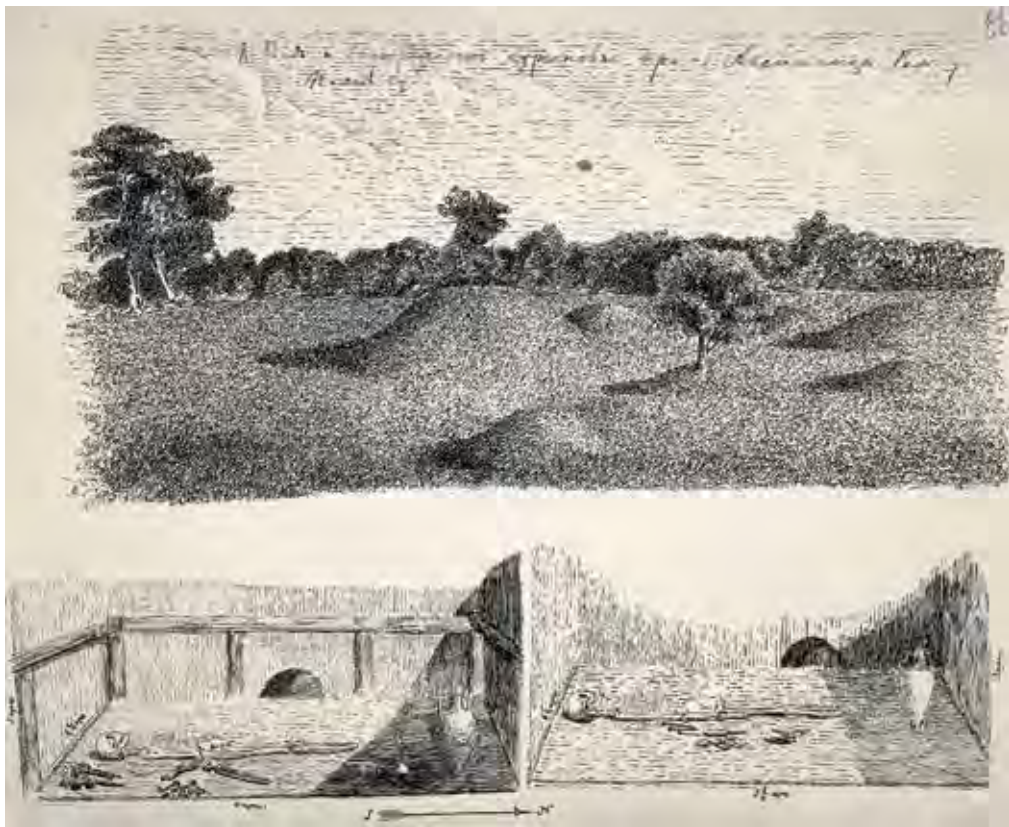
*Вид раскопки в Мотронинском городке Чигиринского уезда и план «Мотронинского городка».
Рисунок В.В. Хвойки (РО. Р-1. Оп. 1. Д. 775. Л. 41)*

в принадлежности знаменитых памятников архаического скифского искусства к комплексу кургана № 2 у с. Жаботин.

В отчете В.В. Хвойки за 1899 г. есть данные и о начале исследований Мотронинского городища (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 53. Л. 17 — 18 об.). В конце XX в. этот памятник успешно исследовался экспедицией Института археологии НАН Украины (Бессонова, Скорый 2001). Данные В.В. Хвойки приведены в статье Э.В. Яковенко, опубликовавшей также описание находки глиняного жертвенника и его рисунок, выполненный В.В. Хвойкой (Яковенко 1966: 182–183, рис. 4; РО. Р-1. Оп. 1. Д. 775. Л. 41, рис. 5), где есть и сделанный карандашом план Мотронинского городища; акварельный рисунок этого плана, хранящийся в архиве Института археологии НАН Украины, недавно издан В.А. Колесниковой (Колеснікова 2008а). Рисунок же В.В. Хвойки, на котором показана верхняя часть жертвенника, был издан Е.В. Покровской (Покровская 1962: 79, рис. 6) и включен

в статью С.С. Бессоновой, посвященную этим памятникам раннескифского времени (Бессонова 1966: 31, рис. 5, 1).

Отчет В.В. Хвойки за 1899 г. содержит описание раскопок на левом берегу Днепра, на территории Золотоношского уезда Полтавской губернии, где В.В. Хвойкой были раскопаны 7 курганов у с. Веремиевки, «над Днепром» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 53. Л. 18 об. — 20). «Местность представляет собой возвышенность, прорезанную несколькими оврагами, на которой разбросано множество курганов, на дальнейшем своем протяжении уходящих в степь. Многие из этих курганов раскопаны еще в древности. Уцелевшие имеют по большей части расплюснутую куполообразную форму; величина их различна, от малых до очень больших. Всего из них раскопано мною 7 курганов, относящихся к скифскому типу или содержавших скорченные скелеты, что иногда совмещалось в одном и том же кургане» (Там же. Л. 18 об. — 19). Далее следуют описания комплексов раскопанных курганов,

Участок могильника у с. Аксютинцы и планы погребений. Рисунок В.В. Хвойки
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 29. Л. 86)

а в альбоме приведены рисунки, отражающие «внутреннее содержание курганов при м. Веремиевка».

В.В. Хвойка описывает курган №3 следующим образом: «Окружность 54 м, высота насыпи 90 см. Под насыпью оказался деревянный склеп длиной 4 м 20 см, шириной 3 м 75 см и глубиной 2 м 30 см, наполненный черноземом и большим количеством полусгнивших бревен. Западная часть склепа ограблена и уничтожена кладоискателями, у которых местной полицией отнята часть похищенных предметов и отослана в Императорскую археологическую комиссию.

В остальной части склепа у восточной стенки на дне его найден

чешуйчатый железный панцирь, который удалось подобрать полностью, 5 костяных псалий со звериным орнаментом, 5 железных удил и кожаный колчан с 86 бронзовыми стрелами, украшенный двумя тонкими серебряными бляшками, распавшимися от прикосновения. В SW углу стоял небольшой сосуд скифского типа. В NW углу найдены черепки таких же сосудов и пробуравленный зуб медведя, кости барана и зубы лошади. Других предметов не оказалось» (Там же. Л. 19).

На левом берегу лесостепного течения Днепра В.В. Хвойкой были исследованы несколько погребений в курганах у с. Аксютинцы, очевидно,

активно раскапывавшихся местными крестьянами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 29. Л. 74 об.). Эти исследования велись на его собственные средства. В.В. Хвойкой был «осмотрен <...> известный по многочисленным раскопкам <...> скифский могильник, где я нашел погребения в деревянных склепах или просто в земле, а также погребения с сожжением, произведенным на месте; остатки покойников были обставлены сосудами. Погребения эти, встреченные мною в значительном количестве, были с едва заметными насыпями или даже погребения без всяких насыпей» (Там же). К отчету приложены рисунки участка могильника у с. Аксютинцы и двух раскопанных погребений.

Как уже упоминалось, за годы раскопок В.В. Хвойка собрал значительную коллекцию древностей. Большой интерес представляют подробные описи предметов, входивших в эту коллекцию. В одной из них, «Скифская эпоха», содержится описание вещей, найденных при раскопках скифских курганов и поселений, случайных находок. Об одной из таких находок В.В. Хвойка сообщает в письме А.А. Бобринскому, намереваясь переслать свое собрание в Комиссию для представления на Высочайшее воззрение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 199. Л. 1). Присылая в ИАК описание и рисунок, он пишет, что «предмет, о котором идет речь и набросок которого прилагаю в настоящем письме, сделан из бронзы высотой 36, а шириной 37 см. Найден в Екатеринославской губернии у с. Лысая Гора. Как приблизительно видно из моего рисунка (не вполне законченного), состоит он из конусообразной с 4 дырками основы, над которой заканчивает вверху человеческая фигура с орлом на голове. От середины указанного основания идут

4 ветви, заканчивающиеся вверху каждая орлами, вдоль каждой ветви имеется по 4 изображения зверей. От орлов (их 5) спускаются цепочки с привесками, заканчивающиеся везде колокольчиками. Смотря на самый предмет, можно предполагать, что он изображал собой скифское знамя». Речь здесь идет о знаменитом навершии с изображением «скифского Папая» (Артамонов 1961: 75; Онайко 1976: 170, рис. 4; Вахтина, Скорый, Ромашко 2010: 147, рис. 1). В архивном деле сохранился рисунок этой интереснейшей находки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 199. Л. 2 об. — 3). По классификации Е.В. Переводчиковой навершие из Лысой Горы относится к III типу — навершиям с несколькими ветвями (Переводчикова 1980: 26). На ежегодной выставке ИАК в Санкт-Петербурге в 1896 г., где были представлены вещи из коллекции В.В. Хвойки, этот предмет был помещен в центре композиции.

О конкретном месте находки навершия высказывались различные предположения (Шовкопляс 2000: 7, 19), однако наиболее вероятным местом обнаружения представляется с. Ново-Павловка (второе название — Лысая Гора, располагавшееся к северу от Никополя и позже поглощенное развивающимся городом) (Вахтина, Скорый, Ромашко 2010: 155–156). Примечательно, что фрагменты чрезвычайно близкого навершия были случайно найдены в 1963 г. близ с. Марьяновское Апостоловского р-на Днепропетровской области (Бессонова 1983: 41; Вахтина, Скорый, Ромашко 2010: 157, рис. 6), расположенного на правом берегу Днепра к востоку от Никополя, а третье навершие этого типа было найдено в Александропольском кургане (Алексеев 2018: 531, кат. № 4),

Скифские вещи из коллекции В.В. Хвойки (в центре — бронзовое навершие с изображением «Папая») (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 199. Л. 100)

Бронзовое навершие с изображением «скифского Папая», Национальный музей истории Украины, Киев, Украина, инв. № Б2380 (по: Вахтина, Скорый, Ромашко 2010: рис. 1)

также располагавшемся на правом берегу Днепра, недалеко от этого города. С.А. Скорый и В.А. Ромашко обратили внимание на то обстоятельство, что все известные находки наверший этого редкого типа (с несколькими ветвями) «...совершенно четко увязываются с районом элитных скифских курганов района Каменско-Никопольской переправы», а их семантика, размеры и единичность находок позволили исследователям рассматривать их «как высшие социальные символы скифской элиты и, вероятно, особые культурные атрибуты» (Вахтина, Скорый, Ромашко 2010: 156). Таким образом, предположение В.В. Хвойки, видевшего в навершии «скифское знамя», обнаруживает близость с трактовкой современных скифологов.

Однако вернемся к судьбе его коллекции. А.А. Бобринской в ответном

письме предложил «доставить предметы, найденные при раскопках, а также дневники и чертежи в Петербург». В.В. Хвойка принимает предложение и тщательно готовит коллекцию к пересылке.

«Получив письмо от Императорской археологической комиссии... — пишет он 28 октября 1896 г., — имею честь сообщить, что, находясь в настоящее время при киевском Окружном суде в числе присяжных заседателей, покорнейше прошу Императорскую археологическую комиссию извинения, если упаковка и отправка предметов, входящих в мое собрание, последует несколькими днями позднее, как бы это могло быть мною исполнено при других условиях, причем имею честь добавить, что приложу все мои старания, дабы как высылка самих предметов, а также поясняющих

их документов была мною совершена не позже как 10-го ноября с. г.» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 199. Л. 5). Однако отправить коллекцию в Петербург удастся только в ноябре; к ней прилагается еще одна тщательно составленная опись. Соглашаясь на предложение Комиссии о приобретении коллекции, В. В. Хвойка оценил ее в 8 тыс. руб. (Там же. Л. 8). Для приобретения коллекции с целью передачи ее в Музей древности и искусства в Киеве, который предполагалось вскоре открыть, А. А. Бобринской в письме от 27 января 1897 г. просит содействия у графа А. П. Игнатъева: «...г. Хвойко доставил в Комиссию свою коллекцию, заключающую свыше 3 тыс. номеров. Собрание это состоит главным образом из древностей, найденных в г. Киеве и его окрестностях и представляет наглядную картину развития цивилизации в южной России, от первобытных человеческих изделий до изящных поделок более позднего времени.

Императорская археологическая комиссия, ознакомившаяся с этими вещами, признала весьма желательным приобрести это собрание для помещения в какое-либо общественное древлехранилище и полагала вполне целесообразным, чтобы коллекция г. Хвойко поступила целиком в строящийся ныне в Киеве Музей древностей и искусства.

Намереваясь возбудить через министра императорского двора ходатайство о приобретении собрания г. Хвойко, я предварительно обращаюсь к Вашему сиятельству, столь заботливо относящемуся к делу сооружения Киевского музея, с покорнейшею просьбою поддержать с[о] своей стороны мое ходатайство перед министром импер[аторского] двора.

При этом долгом считаю присовокупить, что г. Хвойко оценивает свое собрание в 8000 руб. сер[ебром] и что в моем ходатайстве я полагаю просить о приобретении собрания за эту цену, которая будет определена, по надлежащей оценке вещей, в Археологической комиссии...» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 199. Л. 15 — 15 об.). Однако получить означенную сумму не удастся, и Бобринской предлагает Хвойке вдвое меньшее вознаграждение — 4 тыс. руб. Узнав, куда будут направлены собранные им древности, В. В. Хвойка немедленно дает свое согласие:

«Получив для меня весьма лестное письмо Вашего сиятельства... и руководствуясь советом Вашего сиятельства относительно уступки моей коллекции правительству для будущего Киевского музея, я со своей стороны, несмотря на мои весьма ограниченные средства, которыми располагаю, и чувствительную для меня в материальном отношении потерю, согласен уступить правительству все высланные мною на рассмотрение Императорской археологической комиссии предметы за предлагаемую мне Вашим сиятельством цену 4000 рублей, будучи нравственно удовлетворен тем, что моя заветная мечта, при содействии Вашего сиятельства, будет, к моей полной радости и удовлетворению, — исполнена, и добытые мною многими годами труда предметы достанутся дорогому для меня и всегда любимому мною — городу Киеву» (Там же. Л. 16). До окончания строительства музея в Киеве коллекция Хвойки хранилась в Киевском университете, ответственным за ее хранение был назначен профессор В. Б. Антонович, заведовавший мюнц-кабинетом университета. О своем согласии он сообщил телеграммой, присланной

в ИАК: «Университет согласен хранить коллекцию подробности письмом. Антонович» (Там же. Л. 27).

9 июля 1897 г. коллекция В. В. Хвойки была доставлена в университет «в девяти опечатанных казенною печатью ящиках» и отдана на хранение Антоновичу. 15 ноября 1899 г. в Киевское общество древностей и искусств были переданы 6 карандашных и 10 акварельных рисунков, выполненных В. В. Хвойкой, и одна фотография. Это собрание в настоящее время хранится в Национальном музее истории Украины в Киеве.

К числу несомненных заслуг В. В. Хвойки относятся и его исследования скифских поселений лесостепного Приднепровья; исследователь прекрасно осознавал важность изучения памятников этого типа (Хвойко 1905). Раскопкам памятников оседлого населения, по вполне понятным причинам, долгое время уделялось гораздо меньшее внимание, чем раскопкам курганов. Методика раскопок погребальных памятников, при всем своем несовершенстве, была все же более понятной и лучше разработанной. Значительную роль играло и то обстоятельство, что внимание грабителей в первую очередь привлекали (и привлекают до сих пор) раскопки и расхищение гробниц. Скифские курганные древности казались также более перспективными в плане возможностей исторической интерпретации.

Одним из первых исследователей, оценивших возможности раскопок скифских городищ и селищ лесостепного Приднепровья, был А. А. Бобринской, который писал: «Подобные громадные земляные сооружения ожидают еще исследователей, готовых применить к делу труды и терпение.

Очевидно, что когда удастся получить положительные сведения о местонахождении в наших степях стоянок, городов и поселений древних скифов и последовавших за ними народов, то этим оказана будет важная услуга истории южной России. Нет сомнения также, что необходимые терпеливые исследователи найдутся» (Бобринской 1894: VII). Напомним, что Б. И. Ханенко первым обследовал Мотронинское городище на правом берегу Днепра, определил его принадлежность к скифской эпохе, провел разведки на городище и его окрестностях; им были изданы план городища, описание местности, валов и рвов, сведения о курганном могильнике, расположенном неподалеку (Бобринской 1894: 53 и сл.; Бессонова, Скорый 2001: 3–6). Первые же раскопки этого памятника были начаты В. В. Хвойкой совместно с Б. И. Ханенко в 1889–1901 гг. Известно, что А. А. Бобринской проводил исследования и на Пастырском городище.

В 1895 г. А. А. Бобринской проводит разведки поселений в Полтавской губернии и на границе Харьковской и Полтавской губерний и дает их ученое описание (ОИАК за 1895 г. 1897: 125–128). Вслед за ним к исследованию этих памятников подключились и другие ученые. В 1903 г. член МАО В. А. Городцов провел разведки в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии (Городцов 1907: 286–365). Он был первым исследователем, проводившим раскопки на крупнейшем городище левобережной лесостепи — Бельском на р. Ворскла (Шрамко 1985: 7–13). В 1906 г. им были раскопаны участки оборонительных сооружений Большого Бельского городища и исследованы 22 кургана в районе Бельска (Городцов 1911: 93–161).

В 1899 г. в «Трудах XI Археологического съезда» был опубликован обширный труд, составленный священником Евфимием Сецинским, содержащий описание археологических памятников Подольской губернии, а также подробную карту. В работе давалось описание поселений, курганов, кладов и случайных находок, обнаруженных в бассейнах Южного Буга и Днестра. В ней также были приведены планы больших лесостепных городищ, в том числе и городища у м. Немиров Брацлавского уезда, и дано его описание (Сецинский 1901: 236, 329, рис. 6; Смирнова, Вахтина, Кашуба, Старкова 2018: 20, рис. 10, 11).

По-видимому, такой выразительный памятник, как Немировское городище, окруженное системой земляных укреплений, издавна привлекал внимание кладоискателей. В Научном архиве ИИМК РАН хранится дело, объединяющее ходатайства «кладоискателей о разрешении им проводить раскопки», направленные в Императорскую археологическую комиссию. Конечно же, в Комиссию обращались лишь самые «просвещенные» и «совестливые» кладоискатели, либо же те, кому официальный путь был продиктован различными реалиями жизни. Основная же масса самодеятельных раскопщиков во все времена действовала на свой страх и риск. В документах ИАК хранится прошение, принадлежавшее одному из жителей м. Немиров Брацлавского уезда Подольской губернии, имевшее непосредственное отношение к городищу. Приведем здесь лишь выдержки из этого документа, выразительно освещающего надежды на обогащение «маленьких людей» провинциальной России и нешуточные страсти, разгоравшиеся иногда вокруг этих надежд

и чаяний: «Имея свою маленькую хатку в м. Немиров Брацлавского уезда на... земле имения княгини Щербатовой (означенная земля находится вблизи Волостного правления с Винницкого почтового тракта около пруда Ставок, на довольно низком месте, откуда возвышается крутая гора), и как гласит предание, на этой горе находилась ставка гетмана Богдана Хмельницкого и здесь скрыто сокровище. Назад тому несколько лет в бытность в м. Немиров мирового посредника 2-го участка Гатцука, который посетил мое жилье и хотел купить мою хатку с землею, но я от продажи отказался. Меня... это обстоятельство очень заинтересовало, и я обратился к г-ну Гатцуку, на что ему она хата “изба” и земля, после этого он объяснил, что он имеет к тому данные и книгу описаний древностей и кладов и, по его мнению, от моей хаты ведет в гору ход, т. е. прогреб, где есть богатый клад гетмана Хмельницкого и его дружины. Золотая и серебряная монета и другие драгоценности.

В прошлом 1890 году я понемногу начал производить раскопку и дошел до 1-х дверей... тогда моя соседка немка, прусская подданная Донер, которая живет на горе против моей усадьбы, дала знать местной полиции, что я копаю погреб и занимаю часть ее земли, но ее заявление не основательно, и теперь же Донер сама хочет начать копать с[о] своей усадьбы. Полиция же мне воспретила делать раскопку, т. е. прорытие погреба; я обратился с прошением к г. подольскому губернатору, на что и получил резолюцию Подольского губернского правления от 4-го августа 1890 г. за № 1481, в которой объявлено, чтобы я обратился с прошением в Киевскую археологическую (археографическую. — *Авт.*) комиссию,

куда я и взошел с прошением 20 января 1891 г., на что я получил уведомление от 28-го января за № 23, чтобы я подал прошение в Императорскую археологическую комиссию, а равно и 20-го же января подал прошение начальнику края, но резолюции не имею. Когда я копал погреб, то нашел медный герб с надписью по-русски “Храброго героя”, стакан, цветное блюдо и далее замурованные двери и открытый ход с ступенями в подвал, где и видно обширное помещение, но полиция вторично заваляла этот ход.

Вследствие вышеизложенных обстоятельств дела, относительно раскопки сокровища гетмана Хмельницкого, находящихся на моей земле, я честь имею почтительнейше просить Императорскую археологическую комиссию дать мне законное содействие и разрешение означенной и начатой мною раскопке, которую можно начать теперь же, т. е. с 1-го марта сего 1891 г., и ожидаю резолюции от Императорской археологической комиссии; при сем прилагаю гербовых марок на 1 руб. 60 коп.

Просит дворянин житель м. Немиров Брацлавского уезда Подольской губернии Семен Бржезицкий, неграмотен, а за него неграмотного по его просьбе расписался крестьянин собственник Лучанской волости Брацлавского уезда с. Селище Григорий Гурянко.

М. Немирово, 12 февраля 1891 г.»
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1891. Д. 2. Л. 19).

Известно, что в просьбе о раскопках Семену Бржезицкому Комиссией было отказано, однако неясно, прекратил ли он свою кладоискательскую деятельность, которая в конечном счете увлекла и его более законопослушную соседку.

В 1909 г. С.С. Гамченко, который уже сотрудничал с ИАК в деле изучения

славянских древностей (см. главу XI), по поручению Комиссии отправляется в Западную Подолию, где обследует целый ряд поселений, составляет карту этого района и планы обследованных им городищ (Смирнова, Вахтина, Кашуба, Старкова 2018: 24-29, рис. 15-19).

Сергей Спиридонович Гамченко, уроженец Волынской губернии на северо-западе Украины, готовясь к военной карьере, с юных лет проявлял живой интерес к древней истории и археологии. Еще обучаясь в киевской Владимирской войсковой гимназии, он отличался успехами в таких предметах, как история и география, и, в дополнение к гимназическому образованию, посещал лекции на историческом факультете Киевского университета. Здесь он познакомился с профессором В.Б. Антоновичем и под его руководством в 1879 г. принял участие в раскопках курганного древнеславянского могильника под Киевом. После окончания гимназии С.С. Гамченко продолжил образование в III Александровском военном училище в Москве, готовившем офицеров пехоты. В числе других предметов здесь преподавалась и военная топография, а лекции по истории в училище читал известный профессор Московского университета В.О. Ключевский. После окончания училища С.С. Гамченко направлен по службе в Житомир; здесь, на Житомирщине, он провел свои первые самостоятельные раскопки. В последующие годы по поручению Археологической комиссии и Императорского Русского археологического общества он организует и проводит раскопки и разведки в Киевской губернии, на Волыни, в Западной Подолии, Одесском уезде и Херсонской губернии, в Бессарабии. В 1904 г. его, уже в чине полковника, переводят

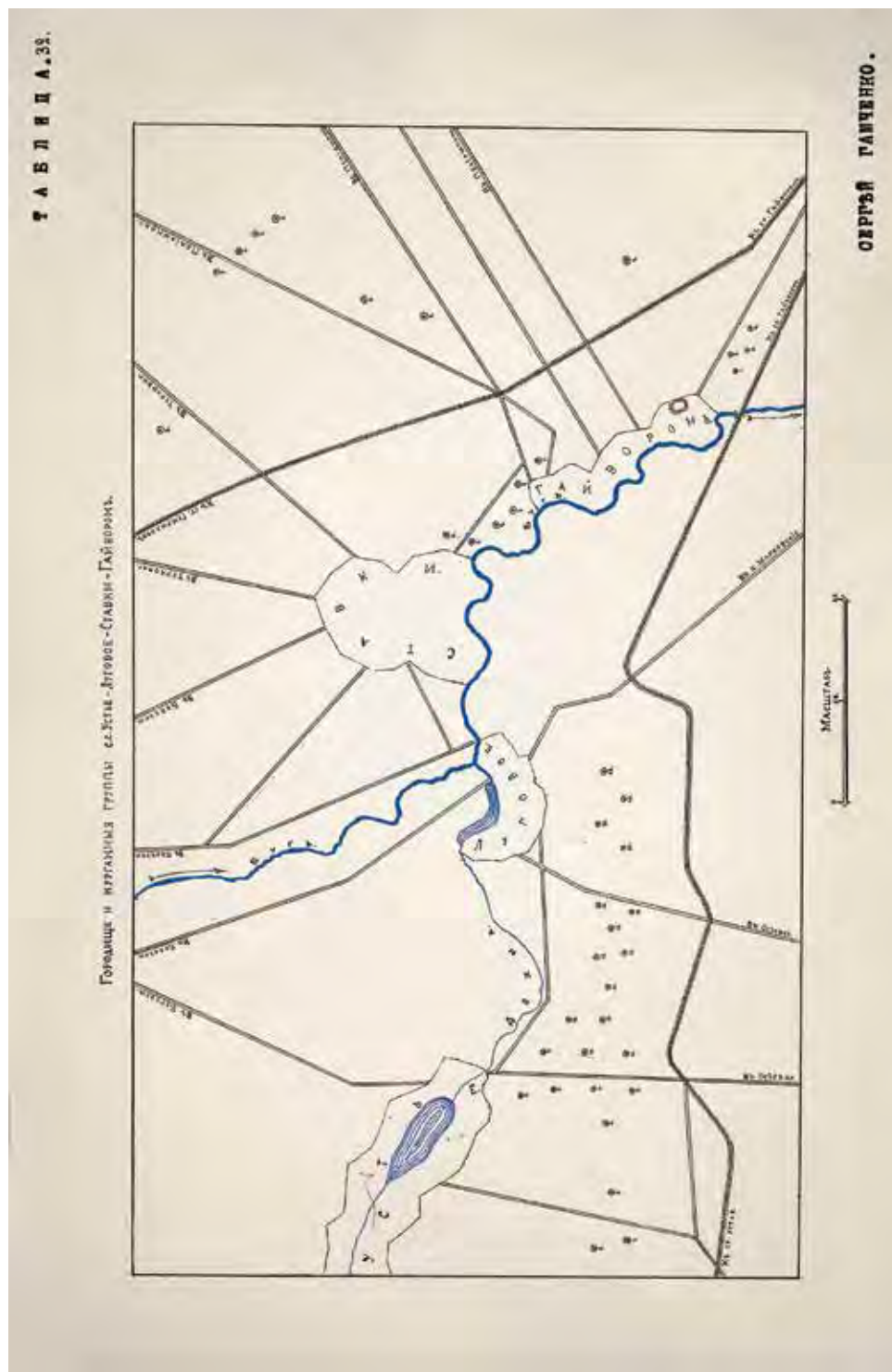
С. С. Гамченко с группой рабочих в Подолии в 1909 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 85в.
Л. 9. Табл. 60: 1)

в Сестрорецк, под Петербургом (Ляшко 2012: 112–118).

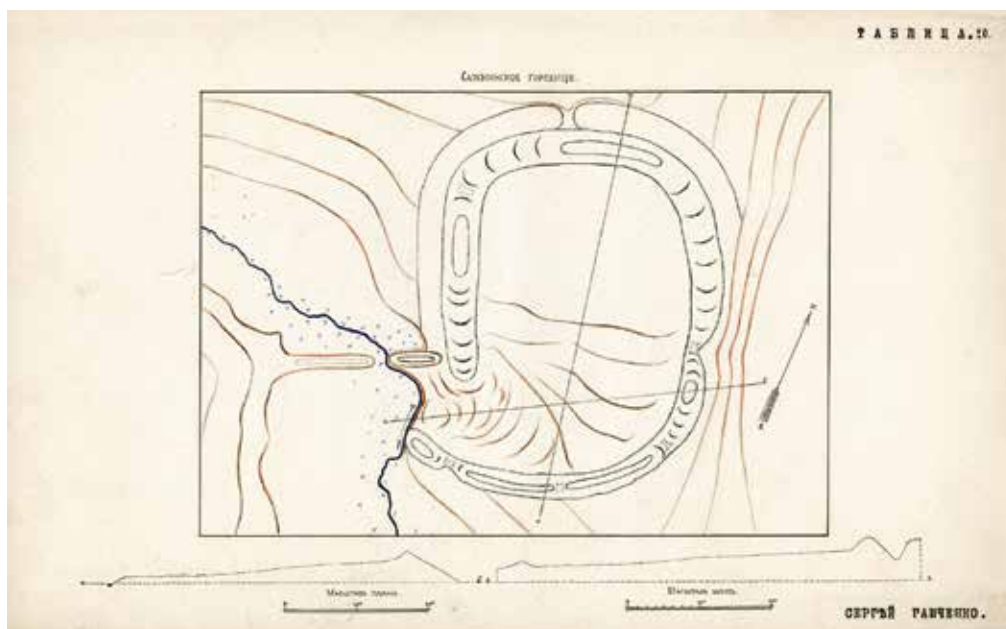
В 1909 г., прибыв по поручению Комиссии в Подолию для исследования памятников археологии, он провел первые раскопки на Немировском городище в Побужье на территории современной Винницкой области, открыв там поселение трипольской культуры (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 85а-с), однако в собранном им подъемном материале были и находки раннескифского времени, в том числе были обнаружены первые фрагменты греческой архаической расписной керамики (Смирнова 1998: 117, рис. 29; Вахтина 2017b). В архивном деле хранится фотография участников раскопок в Западной Подолии в 1909 г., на которой слева, в заднем ряду, в офицерской фуражке и кителе запечатлен и С.С. Гамченко

(Смирнова, Вахтина, Кашуба, Старкова 2018: 23, рис. 12).

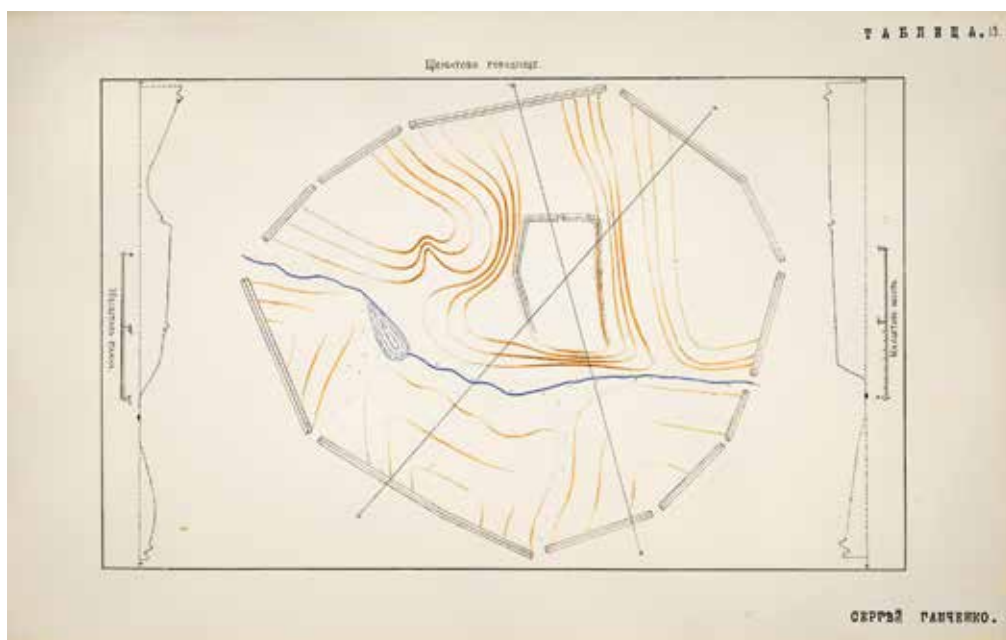
В 1910 г. раскопки на акрополе Немировского городища проводит член ИАК А.А. Спицын. Он заложил здесь три параллельные траншеи в центральной части зольника и несколько раскопов за его пределами (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913; РО. Ф. 5. Оп. 1-1910 г. Д. 308; Артамонов 1998; Смирнова 1998: 77–81; Смирнова, Вахтина, Кашуба, Старкова 2018: 30–34; 57–64). Однако внимание А.А. Спицына было сосредоточено преимущественно на курганных древностях — им был раскопан ряд курганов в лесостепном Приднепровье (Спицын 1901a; 1906b). Его исследования скифских памятников нашли отражение в известной статье «Скифы и галыштат», вошедшей в сборник археологических статей,

Городище и курганная группа у сел Устье, Луговое, Ставки, Гайборон. Отчет С. С. Гамченко (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 85б. Л. 32)

План Сажинского городища. Отчет С. С. Гамченко
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 85б. Л. 20)

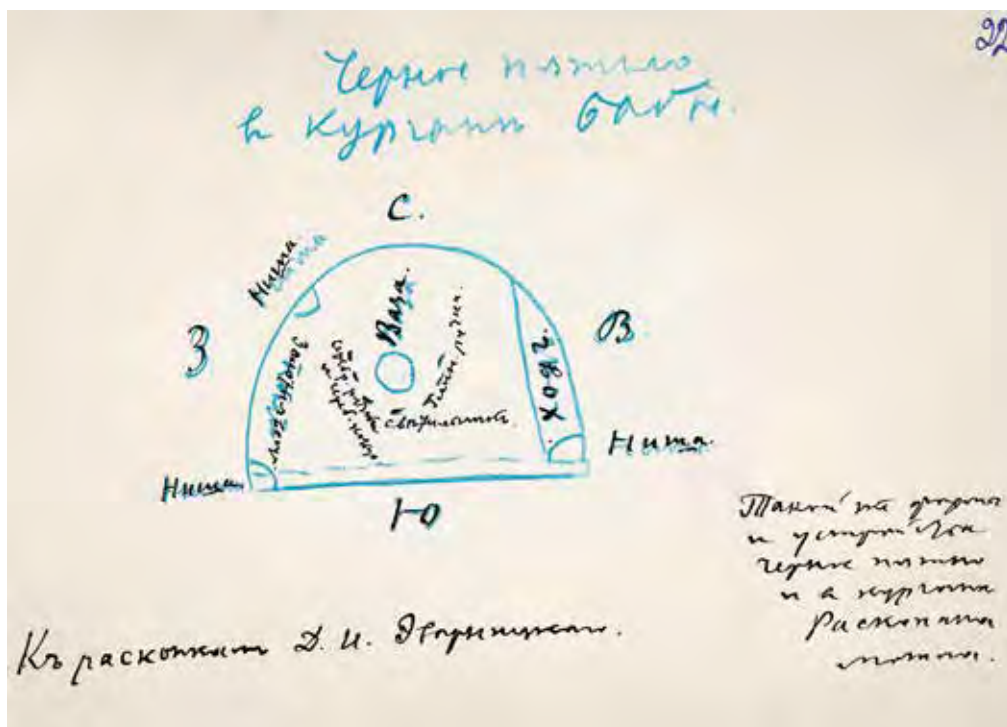
План Щербатова (Немировского) городища. Отчет С. С. Гамченко
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 85б. Л. 19)

поднесенный графу А. А. Бобринскому в честь 25-летнего юбилея его деятельности на посту председателя Императорской археологической комиссии (Спицын 1911b: 155–168). Еще одна работа А. А. Спицына «Курганы скифов-пахарей», вышедшая в 1918 г., явилась результатом огромного обобщающего труда, где были систематизированы данные об известных в то время памятниках скифской культуры, а также предложены их классификация и хронология (Спицын 1918a). Перспективы исследования поселений скифского времени были оценены в полном объеме значительно позже, в XX в. Тогда же и начались широкомасштабные раскопки памятников этого типа, была разработана и усовершенствована методика исследований.

В конце XIX — первых десятилетиях XX в. при непосредственном участии ИАК и ее членов продолжают раскопки скифских курганов степного Приднепровья, в Прикубанье, в Крыму. В 1892 г. Н. И. Веселовским, который в этом году стал полноправным членом ИАК, был раскопан курган у с. Пастака в имении Кара-Киат под Симферополем (ОИАК за 1892 г. 1894: 7 и сл.). Им было открыто основное погребение в яме под насыпью кургана, содержащее захоронение воина в чешуйчатом железном панцире, в числе погребального инвентаря находились 5 греческих амфор. На голове погребенного, очевидно, был парадный убор. «К сожалению, — как писал позже М. И. Ростовцев, — ни расположение накладок, ни форма шапки не были ни зарисованы, ни описаны» (Ростовцев 1925: 402).

В 1897 г. Д. И. Эварницкий, по просьбе владельца земли действительного статского советника генерала А. Н. Синельникова, доследовал потревоженные

грабителями курганы Бабы и Раскопана Могила в Херсонской губернии, у с. Михайлово-Апостолово. Проводивший исследования Д. И. Эварницкий, член МАО, читал лекции по русской истории в Московском университете. Во время раскопок генерал Синельников, владелец огромного поместья, насчитывающего 14 тыс. десятин земли, находился за границей. «Извлечение из отчета Д. И. Эварницкого» было издано в ОИАК за 1897 г. (1900) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 221. Л. 6–22; ФО. Q 385). Предваряя описание раскопок, Д. И. Эварницкий сообщал, что у с. Михайлово-Апостолово «имеется около 50 курганов различной величины, и все они могут быть подведены под три господствующие типа: тип курганов круглых, построенных послойно из земли и камней и имеющих плоскую вершину; тип курганов продолговатых, состоящих исключительно из земляной насыпи и известных у местных крестьян под названием “хвостатых”; тип курганов плоских и очень низких, едва на несколько аршин, возвышающихся от поверхности степи. Для того, чтобы определить время и культуру сооруженных могильных памятников, решено было взять из каждого типа по одному кургану и из всех трех прежде всего остановиться на курганах третьего типа» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 221. Л. 6). Окончив исследования, Эварницкий констатировал: «В виде заключения скажу, что у владельца Михайлово-Апостолова А. Н. Синельникова имеется еще около десятка таких же по внешнему виду курганов, как разрытые могилы Бабы и Раскопана <...>» (Там же. Л. 21 об.). Кроме описания раскопок отчет содержит схематический рисунок-план могильного пятна, обнаруженного под насыпью кургана Бабы, а также рисунки вещей (Там же. Л. 22–23); к отчету

План могильного пятна в кургане Бабы. Раскопки Д. И. Эварницкого
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1897. Д. 221. Л. 22)

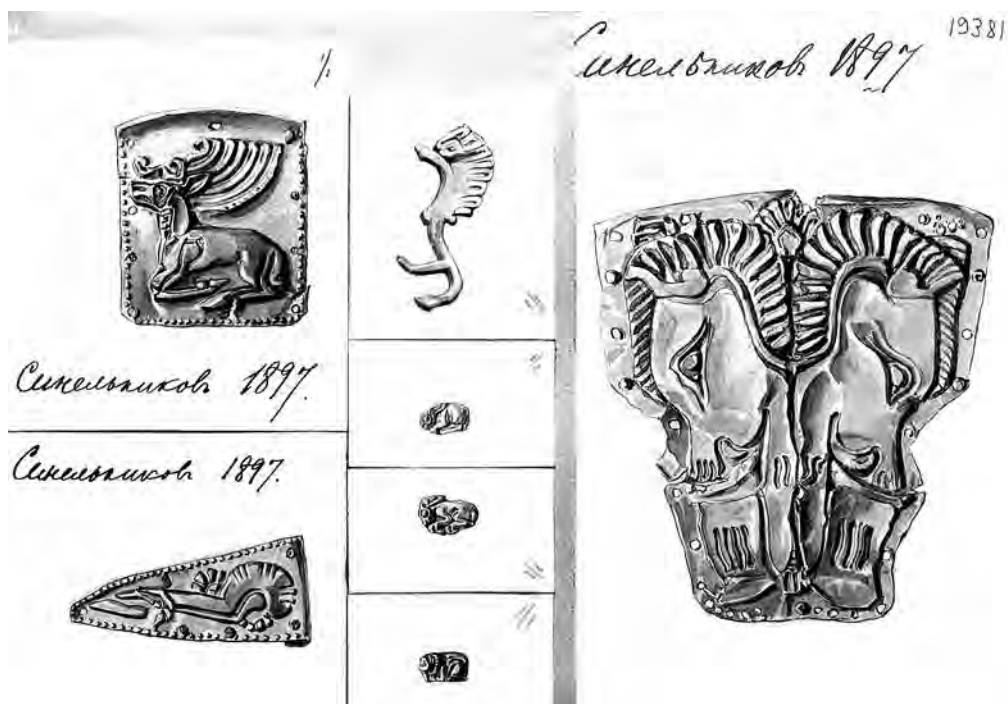
Общий вид кургана Бабы до начала раскопок. Раскопки Д. И. Эварницкого
(ФО. Отп. Q 385-1)

Рабочие на кургане Бабы перед началом раскопок. Раскопки Д.И. Эварницкого (ФО. Отп. Q 385-2)

Курган Бабы. «Открытие схода в черном пятне, правое (большее) отверстие сделали при сооружении кургана». Раскопки Д.И. Эварницкого (ФО. Отп. Q 385-6)

Золотые бляшки из кургана Бабы. Раскопки Д.И. Эварницкого (ФО. Нег. III 13423)

Курган Раскопана Могила. Расчистка «черного пятна». Раскопки Д.И. Эварницкого (ФО. Отп. Q 385-10)

Бронзовый котел из кургана Раскопана Могила. Раскопки Д.И. Эварницкого (ФО. Отп. F 127-61)

Бронзовый котел из кургана Раскопана Могила и «блюдо» из кургана Бабы (?). Раскопки Д.И. Эварницкого (ФО. Отп. F 116-7)

*Находки из курганов Бабы и Раскопана Могила. Раскопки Д.И. Эварницкого
(ФО. Отп. Q 385-8)*

приложена подробная опись находок из обоих курганов (Там же. Л. 31–31б).

Из описания Д.И. Эварницкого можно составить представление о методах его работы: «Исследование велось путем послойной выемки всей средней части кургана на 21 м в ширину по направлению от С на Ю, с четырьмя выходами по всем углам для вывоза земли» (ОИАК 1987 г. 1900: 133). В кургане Бабы были исследованы впускное безынвентарное погребение и скифское погребение в деревянной гробнице, обнаруженное при расчистке черного пятна. К сожалению, план погребения отсутствует, однако некоторое представление о ходе раскопок можно получить, рассматривая фотографии процесса раскопок. На них представлен «общий вид кургана Бабы», вид этого кургана перед началом работ, где

на одном из снимков в числе рабочих можно увидеть и грабарей с повозкой, «открытие схода в черном пятне» и др. (ФО. Отп. Q 85-10).

При раскопках гробницы кургана с тремя нишами-тайниками в ее углах были найдены золотые бляшки, на одной из них, самой крупной, изображены головы диких кабанов, фрагменты краснофигурного скифоса, бронзовый четырехрожковый светильник, фрагменты бронзовой греческой гидрии, раздавленной землей (ОИАК 1987 г. 1900: 133–135). Сравнительно недавно А.Ю. Алексеев выявил среди вещей из кургана Бабы, хранящихся в Государственном Эрмитаже, и впервые опубликовал фрагменты серебряного килика, датированного 460–440 гг. до н. э. — две ручки и «серебряное кольцо», являющееся частью поддона

(Алексеев 2015: 10, рис. 9). Судя по рисунку, представляющему курган Бабы после завершения работ, древнейшее его погребение относилось к эпохе бронзы.

Курган Раскопана Могила находился в 2 верстах (более 2 км. — *Авт.*) от кургана Бабы, «по дороге из немецкой колонии в с. Михайлово-Апостоново», открытая в нем гробница «имела сходное устройство» (ОИАК 1987 г. 1900: 136–137). Гробница также располагалась под насыпью по центру кургана и имела по углам ниши-тайники. Расчистку черного пятна, в процессе которой была открыта могила, можно увидеть на фотографии. Самые интересные находки были обнаружены в нише, расположенной в юго-восточном углу гробницы. Там находились бронзовый котел, украшенный тремя поясами изображений (Там же: рис. 270; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 161), железный нож с костяной рукояткой, греческая амфора, «медное блюдо». В бронзовом котле найдены кости ног быка и фрагменты бронзового сосуда. На обороте картонного листа, на котором помещена фотография, написано: «Отчет — 10 чертежей». К сожалению, судьба чертежей неизвестна. На одной из фотографий можно увидеть находки образцов античной посуды из курганов Бабы и Раскопана Могила, имеющие важное значение для датировки комплексов этих курганов; все вещи, кроме лежащей справа ножки мендеевской (?) амфоры, происходящей из Раскопанной Могила, найдены в кургане Бабы. На другой фотографии можно видеть «медное блюдо» из Раскопанной Могила и бронзовый котел, по-видимому, происходящий из кургана Бабы. Образцы античной посуды (Алексеев 2015: 11, рис. 10), найденные

в кургане Бабы, позволили предположить, что *terminus post quem* для скифского погребения в этом кургане является середина V в. до н. э (Алексеев 1992: 145; 2015: 11). Курган Раскопана Могила был сооружен примерно на столетие позже (Алексеев 1987: 28–31).

Вернувшись в Москву, Д.И. Эварницкий получил от А.А. Бобринского письмо, содержавшее просьбу приехать в Петербург, чтобы «повидаться и переговорить о Ваших раскопках», а также представить найденные вещи для зимней выставки ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 221. Л. 4). Однако найденные при раскопках предметы являлись собственностью владельца земли, предоставившего средства на исследования курганов, А.Н. Синельникова, от имени которого вещи из курганов Бабы и Раскопана Могила и были представлены Александру III. Генерала Синельникова, а не непосредственного исследователя, и благодарит А.А. Бобринской в официальном письме, написанном 28 марта 1898 г.: «Согласно желанию Вашего превосходительства я имел счастье представить 16 сего марта его величеству государю императору добытые в имени Вашем предметы старины. Государь император все милостивейше соизволил на принятие Вашего верноподданнического подношения и повелел мне выразить Вашему превосходительству высочайшую его величества благодарность» (Там же. Л. 24 — 24 об.).

Из переписки выяснилось, что Д.И. Эварницкий передал Синельникову свои дневниковые записи, а также фотографии находок. А.А. Бобринской просил Д.И. Эварницкого прислать в Петербург для публикации отчет о раскопках (5 мая 1899 г.; Там же.

Л. 25). Отчет был прислан в двух экземплярах и опубликован в 1900 г. (ОИАК за 1897 г. 1900: 133–137). Позже М. И. Ростовцев, ставя в вину Д. И. Эварницкому неполное снятие курганной насыпи, писал: «Это особенно досадно, так как боковые, ненайденные погребения, существование которых по многочисленным аналогиям необходимо предположить, могли оказаться нетронутыми и дали бы более полный и типичный набор вещей, чем тот, который был брошен грабителями центральных погребений» (Ростовцев 1925: 412).

К 14 августа 1901 г. вещи, найденные в курганах Бабы и Раскопана Могила, поступили в Эрмитаж (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 221. Л. 32), а в конце ноября 1902 г. Комиссия выплатила Д. И. Эварницкому 50 руб. за публикацию отчета (оплата производилась постранично). Признательный исследователь написал А. А. Бобринскому теплое письмо, добавив в конце, что он «был бы крайне Вам благодарен, если бы Вы исполнили и другое Ваше обещание, данное мне лично в Киеве, а именно: прислали бы ту, весьма интересную и умную речь о значении археологии, которую Вы читали на одном [из] археологических заседаний» (Там же. Л. 38 — 38 об.).

В том же 1897 г. А. А. Спицыным был раскопан скифский курган у с. Башмачки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 22, 37). Раскопкам предшествовало донесение губернатора Екатеринославской губернии от 5 февраля 1897 г., направленное в ИАК, в котором сообщалось, что крестьяне с. Башмачки берут камень из кургана, находящегося на их земле, для строящейся в селе школы. «Собщая об изложенном, — говорилось в донесении, — имею честь покорнейше просить Археологическую комиссию

уведомить меня, возможно ли разрешить крестьянам продолжать вывозку камня из кургана или же со стороны Комиссии последуют какие-либо другие по этому предмету распоряжения» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 22. Л. 1 — 1 об.). В ответ была послана телеграмма, в которой Комиссия благодарит информатора за сообщение и «покорнейше просит приостановить работы» (Там же. Л. 2). В апреле в с. Башмачки был командирован А. А. Спицын. В 3 верстах от села, близ почтовой дороги в с. Знаменка им был раскопан самый большой курган в группе из 7 курганов, имевший 7,1 м в высоту. В северной части насыпи он открыл погребальную камеру и «нишу», ограбленные в древности (ОИАК за 1897 г. 1900: 40–42; Спицын 1901а), содержавшие кости мужского, женского и детского скелетов, лежащие беспорядочно, бусы, пряслице, бляшку с изображением хищной птицы, круглые бляшки с изображением Афины, бляшку с изображением зайца.

На обороте одной из фотографий вещей, приложенных к делу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 22. Л. 16 об.), — надпись, очевидно сделанная А. А. Спицыным: «Для III вып. “Древн[остей] Геродот[овой] Скифии”». К сожалению, III том этого замечательного издания так и не увидел свет.

В кургане было также найдено конское погребение с удилами и бронзовыми украшениями. Всего опись находок из этого кургана насчитывает 55 предметов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 22. Л. 17 — 17 об.), которые (кроме человеческого черепа, значившегося под № 14) в 1902 г. были переданы в Эрмитаж (Там же. Л. 21–22). А. Ю. Алексеев датировал погребение в этом кургане временем ок. 360/350–330/320 гг. до н.э. (Алексеев 1992: 156–157).

Раскопки курганов у с. Знаменка. Рабочие за обедом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 76. Л. 41)

А.А. Спицыным были раскопаны еще 3 кургана той же группы, не давшие ярких находок (ОИАК за 1897 г. 1900: 42).

Однако, несмотря на внимание Комиссии ко всякого рода «сигналам», приходившим из южных губерний, не все подвергшиеся разграблению курганы удавалось исследовать. Так, например, случилось с курганом Червоная могила. Весной 1897 г. в Комиссию поступило письмо губернатора Харьковской губернии, в котором сообщалось, что «мещанин г. Харькова Дмитрий Семенов Чернушенко обратился ко мне с прошением, в коем указывает, что на границах Харьковской и Курской губерний, на земле крестьян Казачьей Лопани находится курган, называемый местными жителями «Червоной могилой»... По некоторым признакам Чернушенко предполагает нахождение в этом кургане вещей, ценных в археологическом отношении, ввиду сего он ходатайствует о выдаче ему разрешения на производство раскопок в этом

кургане на собственный счет» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897. Д. 37. Л. 1). На первый взгляд кажется, что благонадежный, просвещенный и любознательный горожанин обращается за разрешением на раскопки, которые готов вести на собственные средства, и отказывать ему нет оснований. Однако проведенное по распоряжению губернатора «расследование» выявило совсем другую картину: «<...> курган, называемый местными крестьянами «Червоной могилой», вероятно, получил свое название потому, что насыпан из красной глины; около этого кургана, вышина которого около 4-х саж[еней] и ширина его по разьезду около 10 саж[еней], находятся еще четыре кургана... В августе месяце 1896 г. неизвестные крестьяне Харьковского уезда, во главе которых, вероятно, был Чернушенко, приступили к раскопке этого кургана, каковую производили преимущественно ночью, прорыто было в длину 5 саж[еней] и в ширину 2 ½ саж[ени], но дальнейшая

раскопка была приостановлена местною сельскою властью, поиски крестьян не увенчались успехом и вообще находжение в кургане “Червоная могила” предметов, имеющих археологическое значение, является весьма сомнительным» (Там же. Л. 1 — 1 об.). В ответном письме А. А. Бобринской благодарит «за извещение о раскопке кургана» и просит «сделать распоряжение о принятии мер к недопущению дальнейших хищнических раскопок» (Там же. Л. 2). В Казачью Лопань по поручению Комиссии был командирован А. А. Спицын, осмотревший курган в апреле 1897 г. Отчет А. А. Спицына содержит подробное описание кургана и грабительского раскопа, однако исследование кургана он счел не целесообразным. «Ввиду плохого состояния насыпи, необходимо купить участок прилегающего поля в случае раскопки, и в виду то[го], что дальнейшее расширение кургана уже остановлено местною властью, я полагал бы удобным исследование “Червоной могилы” отложить до другого времени», — писал он (Там же. Л. 5). Мы так никогда и не узнаем, был ли харьковский мещанин Чернушенко археологом-энтузиастом, помощь которого Комиссия отвергла из-за незаслуженных подозрений, или же предводителем грабителей.

Следует сказать, что в исследовании скифских курганов юга России любители археологии, несомненно, внесли свой вклад. Можно, конечно, спорить о том, насколько этот вклад был весом, ставить многим из них в вину несовершенство методов раскопок, стремление к созданию собственных коллекций и прочие грехи. Однако многие из них, часто ведя раскопки на собственные средства, сотрудничали с Комиссией, стремились довести

до широкой общественности результаты своих работ и, что немаловажно, были бескорыстно преданы своему делу.

«В России немало скромных и неизвестных ревнителей археологии, — писал А. А. Бобринской, — которых не испугают трудные стороны дела, различные неудобства, непогода, неудачи, сознание бесполезно истраченного времени и денег и, наконец, насмешки. Все это обыденные условия, с которыми археологу приходится уживаться. Стремление к распознаванию человеческого прошлого для многих исследователей является своего рода страстью, и неудивительно, что именно в России популяризируется эта страсть, так как ни в какой другой стране не встречается такого громадного изобилия памятников старины всякого рода, и нигде эти памятники старины так мало не исследованы» (Бобринской 1894: VII).

К числу археологов-любителей, например, принадлежали помещик Т. В. Кибальчич, в 70-х гг. XIX в. копавший курганы в днепровской лесостепи — в Поросье и Посулье (Бобринской 1901: 90–91), и др.

Примером сотрудничества энтузиастов-любителей с ИАК может служить деятельность другого помещика, С. А. Мазараки, занимавшегося в 1880-х гг. раскопками курганов в Посулье, на территории лесостепного течения Днепра. В сотрудничестве с Комиссией в 1886 г. им были раскопаны курганы у сел Великие Будки, Волковцы и Аксютинцы (ОИАК за 1882–1888 гг. 1889: CXLVI–CXLIX; РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 26). Всего в этом году он раскопал 23 кургана; количество курганов, раскопанных им позже, установить не удается (Ильинская 1968: 20–21).

*Золотая бляшка из кургана 1905 г.
у с. Аксютинцы. Раскопки С. А. Мазараки
(Ф.О. Нег. II 35778)*

В 1886 г. С.А. Мазараки раскопал курган близ с. Аксютинцы, материалы из которого были переданы в Московский исторический музей. Среди обнаруженных здесь вещей — уникальные золотые бляшки с изображением сидящего скифа с культовым жезлом и ритонном в руках, вероятно, украшавшие парадный пояс знатного скифа, погребенного в кургане (Там же: 143). Ходатайствуя перед Комиссией о выделении средств на раскопки курганов, С.А. Мазараки присылает в Петербург план своих будущих исследований, между ним и А.А. Бобринским начинается регулярная переписка. «В ответ на последнее письмо Ваше, — писал председатель Комиссии 8 мая 1886 г., — и в дополнение к предложению моему от 29 апреля сего года имею честь Вас уведомить, что я вполне одобряю начертанный Вами план раскопок. При этом прошу Вас в случае необходимости раскопать какой-либо очень

большой курган, представляющий особый интерес, благоволите немедленно уведомить меня об этом телеграммой или письмом. Я со своей стороны не замедлю поставить Вас в известность, позволяют ли средства Комиссии лишние, сверх уже отпущенных денег на эту экстренную раскопку» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 26. Л. 8). В ответ на это, естественно, от Мазараки из Ромен поступают телеграммы и письма с просьбами увеличить ассигнования на раскопки (Там же. Л. 9–11). Следует сказать, что С.А. Мазараки вел раскопки и на собственные средства. Предметом его гордости была собранная за многие годы коллекция древностей.

Вот как описано его собрание в заметке, опубликованной в одной из местных газет в 1885 г., где Мазараки назван «горячим любителем археологической науки»: «Одна из комнат деревенского его дома вся уставлена витринами и шкафами с вырытыми им редкостями и представляет собой целый маленький музей. Всех предметов более тысячи двухсот штук. Между ними обращают на себя внимание множество урн в виде крыночек и макорт со следами глазури, амфоры до 1 аршина высоты, со следами желтой и красной краски, чашки из терракоты с узорами, бронзовая ваза, имеющая до 1 пуда весу; всевозможное вооружение... Различные золотые предметы, как то: меч с золотой рукояткой, золотая доска от колчана с изображением лежащего оленя... Коллекция отличается замечательной полнотой и имеет тем большее значение, что вещи, ее составляющие, добывались с соблюдением всех научных требований: при разрытии каждого кургана велся подробный протокол, описывалось устройство могилы, положение в ней вещей и проч.» (Там же. Л. 13).

В газете «Нива» (№84 за 1886 г.) была напечатана еще одна заметка о деятельности С.А. Мазараки, украшенная рисунками вещей из его коллекции. Правда, суждение о «соблюдении всех научных требований» при проведении раскопок С.А. Мазараки представляется весьма спорным (Ильинская 1968: 21): остается неясным не только количество раскопанных им памятников, но и распределение вещей по комплексам погребений; их положение в могилах и пр. в целом ряде случаев не фиксировались.

Работая в 1886 г. по поручению ИАК и на ее средства, исследователь предоставил подробный дневник раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 26. Л. 17–23), снабженный «планом раскопок для ИАК 1896 г.» (Там же. Л. 16), «Каталогом коллекции курганных вещей, собранных для ИАК 1886 г.» (Там же. Л. 24–28) и прекрасными акварельными рисунками самих вещей, выполненными К. Ионнисиани (Там же. Л. 45–61). Коллекция вещей из раскопок С.А. Мазараки у сел Великие Будки, Волковцы и Аксютинцы 7 октября 1888 г. была передана в Российский исторический музей в Москве; на письме, подтверждающем ее получение, стоит подпись И.Е. Забелина (Там же. Л. 39).

С.А. Мазараки и в дальнейшем занимался раскопками курганов в Роменском уезде Полтавской губернии. К числу раскопанных им аристократических скифских погребений принадлежит курган у хут. Шумейко. Этот курган, высота которого достигала 19,2 м, был раскопан в 1899 г. Он содержал погребение, сопровождавшееся богатым инвентарем. В числе находок был парадный бронзовый меч с золотой ручкой и в золотых ножнах (Онайко 1966а: №248; 1966б). Комплекс датируется

концом VI в. до н. э. или рубежом VI–V вв. до н. э.

Часть находок, составляющих знаменитую коллекцию С.А. Мазараки, была издана в «Древностях Приднепровья» Б. И. и В. Н. Ханенко. Дневники С.А. Мазараки о раскопках 1886 г. и таблицы, а также данные о раскопках 1897–1898 гг. были изданы А.А. Бобринским (Бобринской 1901: 61 и сл.). Позже исследованные им курганы и комплексы находок были рассмотрены в известной книге В.А. Ильинской, посвященной скифской культуре Посулья (Ильинская 1968). Отдавая должное деятельности С.А. Мазараки, приходится признать, что информация о его раскопках и добытых им древностях не всегда содержала четкие и однозначные сведения, а найденные им вещи часто учитывались «суммарно», не по комплексам находок, а по категориям материала. Впрочем, этим нередко грешили и исследователи, считавшие себя профессионалами. Однако, без всякого сомнения, в деле становления отечественной скифологии нельзя не признать заслуги просвещенных любителей.

С последним десятилетием XIX в. связана активная деятельность члена ИАК Ф.А. Брауна. В 1890 г. он, в то время приват-доцент Петербургского университета, совершает археологическую экскурсию по Мариупольской области и Крыму, проводит первые самостоятельные раскопки. Более всего его интересовала «судьба крымских готов». Признавая, что «масса вопросов остается пока открытой», Ф.А. Браун высказал предположение о том, что область Дори (древняя Готия) находилась в древности между Херсоном и Судаком (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 40. Л. 2–3). В 1890 г. Ф.А. Браун вел

раскопки в цитадели Мангупа, где исследовал остатки церкви, план которой приложен к его отчету (Там же. Л. 17–31; план на л. 34).

В 1898 г. Комиссия поручает Ф.А. Брауну исследование курганов на юге России, в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 76). Одной из причин, вероятно, являлось уведомление, поступившее 28 января 1898 г. в ИАК от Санкт-Петербургского градоначальника. Приведем его почти полностью, так как в нем, очевидно, отражена достаточно распространенная ситуация: «Проживающий около 27-и лет в селе Большой Белозерке, Мелитопольского уезда мещанин г. Дмитриева, Курской губернии Дмитрий Владимиров Моргунов, прибыв ныне в Петербург, пожелал послать Государю Императору телеграмму, в коей просил принять его лично для сообщения весьма важного дела. Спрошенный во вверенном управлении по обстоятельствам этого дела Моргунов объяснил, что близ села Большой Белозерки имеется курган, в котором, по преданию, находятся драгоценные предметы. Жители этого селения предприняли в недавнее время предварительные изыскания названного кургана, причем натолкнулись на каменный свод и поэтому, не решаясь делать дальнейшие раскопки, не имея на то надлежащего разрешения, уполномочили Моргунова отправиться в Санкт-Петербург за получением на то разрешения.

В предположении, что в означенном выше кургане могут находиться предметы интересные в археологическом отношении, я об изложенном считаю долгом сообщить Вашему сиятельству, присовокупляя, что мещанин Моргунов остановился здесь

по 2-й Рождественской улице, в доме № 12, кв. [9]» (Там же. Л. 1 — 1 об.).

В ответ на это сообщение из Комиссии направлено предписание мещанину Моргунову явиться в ИАК «в помещение ее <...> в среду, 4 февраля, к 1 часу дня» (Там же. Л. 2). Вероятно, явившийся в назначенные день и час Моргунов предоставил подробные сведения о разграблении кургана, что и вызвало соответствующую реакцию Комиссии.

Выехавший на место Ф.А. Браун раскопал и осмотрел ряд курганов (ОИАК за 1898 г. 1901: 23; Браун 1906: 81–114), о чем представил в ИАК подробный отчет, к которому приложены схемы и фотографии (Там же. Л. 59–78). Всего в 1898 г. им было раскопано 5 курганов у с. Знаменка, 3 кургана близ дороги из с. Нижние Серогозы в Верхние, осмотрены курганы в Екатеринославской и Херсонской губерниях, в их числе — Царева Могила, Рябая Могила и др. (Браун 1906: 114–156). Среди исследованных им курганов особого упоминания заслуживает курган Чмырева Могила, входивший в состав курганной группы из 17 курганов. Ф.А. Браун произвел фотофиксацию кургана Чмырева Могила и других курганов до начала раскопок и в процессе работ, сделал снимки находок из кургана, в числе которых — конские нащечники, золотые бляшки с изображениями Геракла, Медузы и личин (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 76. Л. 27, 28, 36).

Насыпь кургана Чмырева Могила имела продолговатую форму, ее наибольшая высота достигала 5,70 м, продольный диаметр — около 70 м, а поперечный — около 50 м. По преданию, курган содержал несметные сокровища, и потому окрестные крестьяне неоднократно совершали попытки проникнуть в его гробницу. Ф.А. Браун

Курган Чмырева Могила с юго-востока до начала работ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 76. Л. 43)

Курган Чмырева Могила, раскоп А (вид с северо-запада) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 76. Л. 50)

первоначально исследовал две конские могилы, среди которых наиболее интересной оказалась вторая, содержащая остовы 10 коней (Там же. Л. 68 — 68 об.). В западной части гробницы были найдены остатки конской узды. Исходя из расположения конских костяков, Ф.А. Браун пришел к заключению, что лошади были введены в могилу живыми и после того, как могила была засыпана, задохнулись в агонии.

Вот как он описал расположение костяков: «Ноги одного коня лежали на голове другого, в другом месте ноги одного положительно сплетались

с ногами другого. Лошадь №6, порываясь к выходу, разорвала ремни своей уздечки: ее череп найден около самого входа, тогда как уздечка без черепа лежала в углу, наиболее отдаленном от нее» (Там же. Л. 69). Вход в основную камеру был обнаружен в 2 сажнях к северо-западу от конской гробницы (около 4,2 м. — *Авт.*) (Там же. Рис. на л. 70 об.). Так как она была полностью ограблена, то Ф.А. Браун, по его собственному выражению, «...приостановил систематическую работу и стал действовать как грабитель», т. е. просеивать всю землю из заполнения

*Курган 5 у с. Большая Белозерка. Окончание работ. Раскопки Ф.А. Брауна
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 76. Л. 57)*

гробницы через грохот. Это помогло обнаружить множество уцелевших вещей, в числе которых были золотые бусина и пронизка, 40 бронзовых и 1 костяной наконечник стрел, костяная ручка ножа, обломки железных и костяных предметов. В южном углу камеры, недалеко от входа, были найдены золотые бляшки прямоугольной и овальной формы, украшенные изображениями двух борющихся скифов, головы Геракла, человека и орла и др. (Браун 1906: рис. 37–45).

К отчету Ф.А. Брауна приложена опись найденных при раскопках предметов, причем «конские уборы» зафиксированы точно, указано, к которому из коней относятся конкретные детали упряжи (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 76. Л. 104 — 105 об.). На основании этих находок, а также сопоставления конструкций погребальных сооружений кургана Чмырева Могила с конструкциями других курганов скифского времени его погребения можно

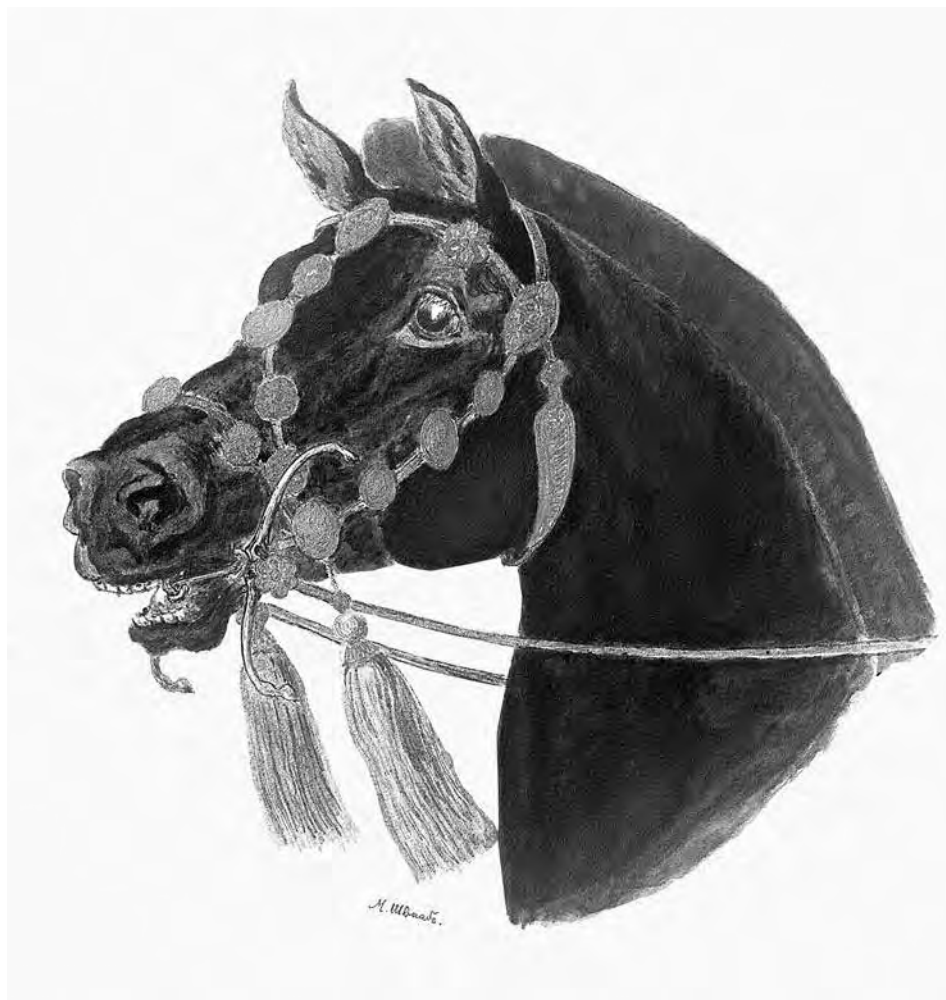
датировать 340–320 гг. до н. э. (Алексеев 1985; 1992: 156–157).

Профессор Ф.А. Браун и в дальнейшем продолжал раскопки в Екатеринославской губернии, в районе Днепровских порогов (см., напр.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 165).

В 1909 г., через 11 лет после раскопок Ф.А. Брауна, курган Чмырева Могила доследовал Н.И. Веселовский (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 41. Л. 141–147; РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 52. Л. 97 об. — 102 об.; ОИАК за 1909-1910 гг. 1913: 127–135; Веселовский 1910). В своем отчете он писал: «За это время потолок гробницы осел и потянул за собой всю насыпь» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 41. Л. 141), что существенно затрудняло раскопки. Исследования, проходившие в сложных условиях из-за постоянного риска обвалов земли, дали целый ряд интереснейших находок (Там же. Л. 142–144). «Когда стали углубляться в гробницу, то с северной стороны произошел обвал земли, причем

Золотые бляшки из Чмыревой Могилы. Раскопки Ф.А. Брауна
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 76. Л. 27)

Реконструкция узды лошади из кургана Чмырева Могила. Раскопки Ф. А. Брауна, 1898 г.
Художник М. Шваб (ФО. Нег. III 7182)

обнаружились в куче предметы лошадиного погребения, но лошадиных костей не было. Предметы эти следующие: около 20 круглых бронзовых блях звездчатой формы, более 20 круглых гладких бронзовых блях и 18 бронзовых колокольчиков» (Там же. Л. 142). При расчистке погребальной камеры у западной стены гробницы были найдены «небольшая серебряная чашечка, две серебряные створки от медальона, костяной предмет в виде бочоночка,

внутри просверленный, со вложенными в него костяным стержнем, быть может от веретена, и костяным буравчиком или иглой для прокалывания, костяной кружок, покрытый тонким листовым золотом, костяное украшение в виде палочки с вырезанными овами и два костяные черенка (ножей — зачеркнуто. — Авт.). <...> Найдены также (золотые. — Авт.) нашивные бляшки на парадную одежду с изображениями: головки Афины с мордою льва,

*Золотые подвески из кургана Чмырева Могила. Раскопки Н. И. Веселовского
(ФО. Нег. II 31146)*

*Серебряная чаша из тайника в гробнице кургана Чмырева Могила.
Раскопки Н. И. Веселовского (ФО. Отп. Q 421-25)*

двух борющихся скифов, двойного грифона, головы медузы, двух борющихся зверей и овальные бляшки с изображениями: а) человека, птицы и собаки; б) Геракла, удушающего льва.

Кроме того, найдены: железный перстень, обложенный золотом, золотая привеска с изображением пальметки, золотые ободки с овами, по-видимому, от головного убора и привеска с изображением мужской головки.

У западной стенки стали попадаться золотые привески от ожерелья двух типов: с птичками и с розетками. Тут же оказался женский череп и при нем пара золотых серег в форме дутого калачика с птичками на верхних концах и с 19 цепочками, на которых подвешены птички» (Там же. Л. 143–144).

Самые же интересные и наиболее известные предметы из Чмыревой Могилы — набор серебряных

сосудов — были обнаружены в тайнике у западной стены гробницы. Тайник имел примерно 60 см в длину, в глубину до 30 см и ширину до 50 см. «В тайник были втиснуты 10 серебряных сосудов и затем отверстие забито материковой желтой землей так, что присутствие тайника не было заметно.

Сосуды эти следующие: три фиалы с золотым украшением внутри, один килик с кружком внутри с изображением Нереиды на Гиппокампе, одна чаша с изображением птиц, ловящих рыбок, один крупный сосуд <...> два гладких кувшинчика, один кувшинчик <...> и один ковшик» (Там же. Л. 144).

М.Ю. Трейстер, детально изучивший набор вещей из тайника Чмыревой Могилы, пишет об 11 серебряных сосудах, в числе которых три фиалы, килик с позолоченным медальоном дна, на котором представлена Нереида

*Детали изображения на чаше из тайника в гробнице кургана Чмырева Могила
(ФО. Нег. II 30864)*

на гиппокампе, чаша с боковыми ручками, украшенная изображениями уток, сосуд в виде кружки с золотыми ручкой и крышкой, два кубка со сферическим туловом на поддонах, один круглодонный кубок, украшенный орнаментом в виде лепестков в верхней и нижней частях, чаша полусферической формы, а также полусферический черпак с горизонтальной ручкой (Трейстер 2009: 414–415, рис. 1, 2). Возможно, исследователь отнес к этой группе и серебряную «чашечку» из гробницы, речь о которой шла выше. Эти находки, долгое время хранившиеся в Государственном Эрмитаже, в 1932 г. поступили в Харьковский исторический музей и были утрачены во время Второй мировой войны.

В.В. Саханев, предпринявший ранее исследование сосудов из тайника, писал о 10 сосудах (Саханев 1912: 117); в большинстве работ, посвященных комплексу Чмыревой Могила, также фигурирует именно это их количество. М.Ю. Трейстер, на основании архивных данных и фотографий, отметил, что тайник содержал наиболее многочисленный набор сосудов из драгоценных металлов, когда-либо найденных в тайниках скифских курганов (Трейстер 2009: 445). Исследователь пришел к выводу, что в этом наборе были представлены сосуды, изготовленные в мастерских Аттики, Пелопоннеса, а также сосуды северочерноморского (возможно, боспорского) производства. К последней группе можно отнести чашу-кубок с округлым дном и горизонтальными ручками, украшенную фризом с изображениями уток, охотящихся на рыб. По классификации Е.Ф. Корольковой, разработанной для ритуальных сосудов ранних кочевников, сосуд относится к чашам

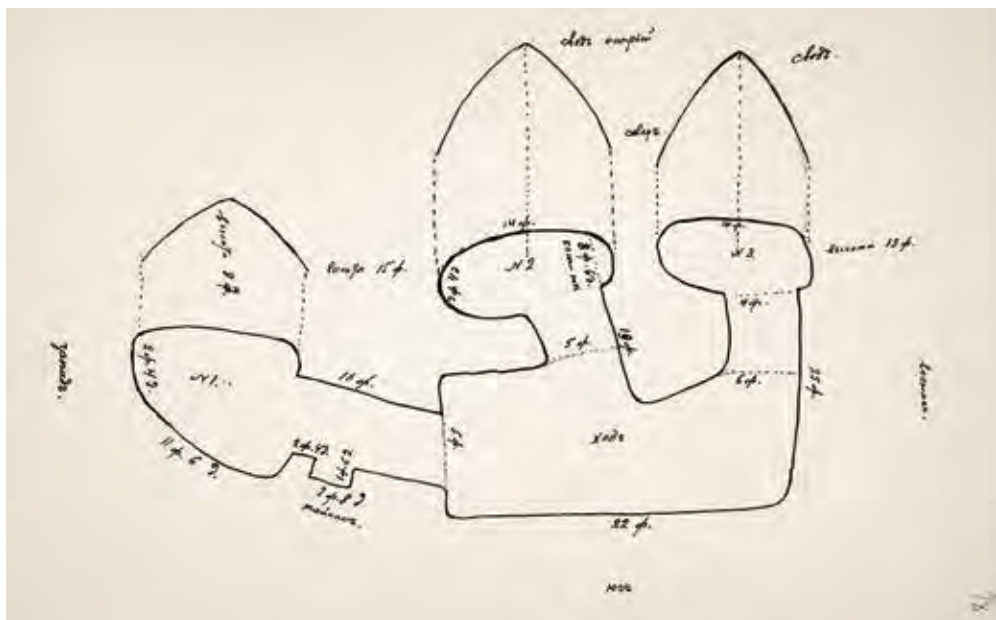
с сегментовидными ручками (Королькова 2003b: 30). Чаши этой формы известны в комплексах таких известных «царских» курганов, как Солоха и Гайманова Могила (Королькова 2003b: 37, рис. 4: 12–14, 17).

Исследователи единодушно считают подобные чаши, как и сосуды-кубки, ритуальными сосудами в культуре местных племен Северного Причерноморья. В.А. Кисель полагает, что чаши, подобные тем, которые были найдены в Чмыревой и Гаймановой Могилах, Солохе, были «...одной из главных скифских реликвий, которые использовались в наиболее значимых обрядах» (Кисель 2007: 75). Вполне вероятно, что одна или несколько мастерских, производивших такие сосуды, находились на территории Боспорского царства. Очень похожие сюжетно и стилистически изображения — утки, охотящиеся на рыб и их поедающие — представлены на серебряном круглодонном сосуде-кубке из кургана Куль-Оба (Грач 1984: 103, рис. 2; Власова 2016: 54–55, рис. 2, К-0.96). Фриз с изображениями уток украшал и серебряный фрагментированный круглодонный кубок из кургана Патиниоти (Тункина 2010: 81–83, рис. 189–192).

Среди импортных сосудов, обнаруженных в тайнике Чмыревой Могила, заслуживает упоминания и небольшая ситула со ступенчатой крышкой, изготовленная в одной из мастерских Северного Пелопоннеса, единственная аналогия которой в Северном Причерноморье происходит из гробницы 3 кургана на Зеленской горе на Таманском полуострове (Трейстер 2010: 230, рис. 11: 2). Ситула была переделана в кубок с вертикальной ручкой и в таком виде попала в гробницу (Там же: 223).

*Серебряный сосуд из тайника в гробнице кургана Чмырева Могила.
Раскопки Н. И. Веселовского (ФО. Нег. II 31151)*

План гробницы кургана Чмырева Могила. 1910 г. Рисунок из отчета Н. И. Веселовского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 52. Л. 98)

Н.И. Веселовский отмечал, что проведенное им исследование центральной гробницы в кургане Чмырева Могила позволило также более надежно установить ее форму. Он полагал, что гробница состояла из «хода» и трех «погребальных комнат с высокими сводчатыми потолками, сохранившими свой первоначальный вид и по настоящее время» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 41. Л. 145); раскопки позволили также уточнить направление грабительских ходов. По мнению исследователя, «погребение имело характер Чертомлыцкого». Добавим, что до разграбления погребальное убранство Чмыревой Могилы, вероятно, не уступало этому знаменитому «царскому» кургану классической Скифии. «Несчастливая судьба» этого чрезвычайно интересного захоронения сказалась не только в ограблении гробницы, но и утрате уникального набора драгоценных сосудов из ее тайника. Кроме

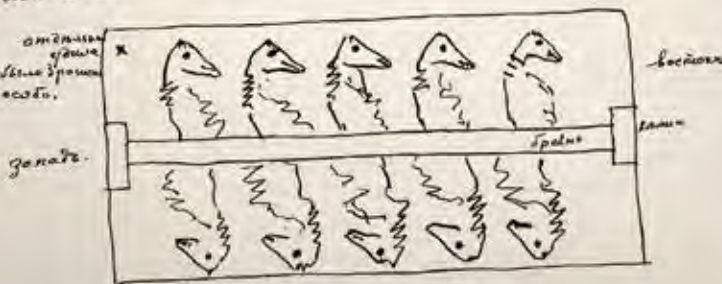
того, путаница вкралась и в описание золотых бляшек из Чмыревой Могилы, приведенное Н.И. Веселовским. Исследование Л.А. Бабенко, произведшего распределение бляшек из этой гробницы и бляшек, найденных при раскопках кургана Верхний Рогачик, по комплексам этих курганов, показало, «...что все без исключения золотые бляшки, которые при публикации материалов Верхнего Рогачика оказались проигнорированы в текстовой части, пятью годами ранее были найдены при исследовании Чмыревой Могилы» (подробнее см.: Бабенко 2015: 74).

В отчете Н.И. Веселовского о раскопках в 1910 г. также приводится описание гробницы Чмыревой Могилы и особенностей ее конструкции (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 52. Л. 97 об. — 102 об.), в частности, говорится «о несоответствии подробностей в отчете Ф.А. Брауна» (Там же. Л. 99). Наибольшему сомнению Н.И. Веселовский

114
 Метарк с Чмыревой - ничего не поменяло, остается только
 описать некоторые несоответствия подробностей в описании
 Ф. А. Брауна с действительностью. Это несоответствие
 произошло, конечно, оттого, что Ф. А. Браун был и имел
 возможность довести раскопку кургана до конца.

Она сообщает, что захоронения могла быть ограждена
 поперечной подземной стеной, устроенной из боковой каменной
 кладки. По раскопке боковой каменки в 1909 г. никакой
 подземной ^{пробитой} стены в ней не оказалось. Когда я раскопывал
 центральную каменку в 1901 г. и в ней не оказалось никакой
 подземной стены, ~~тогда~~ не только не сообщалось о боковой
 каменке, но и вообще никакой. Как объяснить это несоответ-
 ствие, я не знаю.

Поэтому существеннее приходится признать возражения (против
 описания Ф. А. Брауна пометкой Метаркина (Известия, вып. 19,
 стр. 39-41 и сл.). Метаркин, находившийся при работе Ф. А.
 Брауна и участвовавший в раскопке. Она сообщает следующие:
 многие иллы видя канавы, слуска туда по брону; у коротких
 стенок стояли камни и на коф покрывало дерново, а затем
 дерново, сдвинувший покрытие, и поверх морская трава.
 Лошади лежали правильно в два ряда по пяти в каждом
 ряду, очень тесно одна с другой. Следовательно они были
 похоронены убитыми, что подтверждается - велики наметки
 раскопки. Метаркин нарисовал такую картину:

Описание конской гробницы со слов П. Метаркина из отчета Н. И. Веселовского о раскопках Чмыревой Могины (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 52. Л. 99)

подверг данные Ф. А. Брауна об устройстве конской могилы и расположении в ней захоронений лошадей.

Н. И. Веселовский считал достоверным рассказ рабочего Прокопия Метаркина, принимавшего участие в первоначальных раскопках: «он сообщил следующее: могила имела вид канавы, спуска туда не было; у коротких стенок стояли камни и на них положено бревно, а затем лубок, служивший покрытием, а поверх морская трава. Лошади лежали правильно в два ряда по пяти в каждом ряду, очень тесно одна с другой. Следовательно, они были положены убитыми, что подтверждается всеми нашими раскопками. Метаркин нарисовал такую картину».

Далее приводится рисунок, сделанный на основании этого свидетельства. Удила лежали отдельно в левом углу, «но, по уверению Метаркина, одиннадцать и брошенные будто бы после. Я имел много раз убедиться, что рабочие, бывшие при раскопках, очень точно помнят все подробности находок в течение десятков лет, поэтому думаю, что с их показаниями следует считаться...» (Там же. Л. 99 об.).

24 января 1911 г. Н. И. Веселовский расспросил в Петербурге сотрудника Керченского музея С. П. Петренко. «Он, — как сообщил Н. И. Веселовский, — разбирал лошадей и помнит все подробности» (Там же. Л. 103). Описание устройства конской могилы и рисунок, сделанный со слов Петренко, также приведены в отчете. Отметим, что данные Петренко о положении конских костяков в гробнице близки тем, которые содержит рассказ П. Метаркина. По-видимому, следует заключить, что лошади были положены в гробницу Чмыревой Могилы уже после заклания, а страшная картина их мучительной

гибели, нарисованная Ф. А. Брауном, является следствием ошибочной интерпретации исследователем открытых в конской гробнице останков.

Интерпретация обряда, имевшего место при захоронении коней, их расположение в кургане Чмырева Могила до сих пор вызывают споры у исследователей. Некоторые считают достоверной картину их страшной гибели, воссозданную Ф. А. Брауном, другие сомневаются в ее обоснованности (Очир-Горяева 2014: 79–81; 2017: 102–104). Сомнения в том, что лошади были помещены в гробницу Чмыревой Могилы живыми и погибли от удушья, мечась в закрытом пространстве, внушают и наши представления о, вероятно, кровавом, но в то же время, по-видимому, торжественно-неспешном и строго регламентированном характере обряда аристократических погребений, которые сложились у исследователей на основе данных античной письменной традиции (Геродот 1972: 204–205 (IV, 71–72)) и реконструкции погребальной традиции скифов по данным «царских» курганов (Очир-Горяева 2014: 80–82).

В 1972 г. Ю. В. Болтрик снял план курганной группы, куда входила Чмырева Могила (Болтрик, Фиалко 2012: 51, рис. 2), а в 1994 г. курган был исследован Приднепровской археологической экспедицией Института археологии НАН Украины. Насыпь его была пересечена двумя траншеями, что позволило установить, что она перекрывала небольшой курган эпохи бронзы (Болтрик, Фиалко 2012: 52, рис. 4). В западной ее части были выявлены остатки «погребальной дорожки», площадки, выложенной обломками транспортных греческих амфор, и тризны, содержавшей фрагменты 8–10 амфор (Там же:

Сводиле Петренко (24 января 1911 г.
С. Петербурга).

Она разбирает лошадей и помнит все подробности.
Длина могилы для лошадей была 10 1/2 арш., ширина
4 1/4 арш., глубина 14 четвертей. Направление было с юга
на север. Лошадей было 10, все они лежали правильно,
головами в разные стороны, и были стреножены, т. е.
передние ноги пересеклись с задними, и копы не были
переломаны. Золотые украшения на удилах находились
только у четырех лошадей, катаясь с юга; у
прочих золотые украшения не было. В могилу сделан
случай шириной четвертей 5.
Вот как изобразил Петренко могилу с лошадьми:

В северо-восточном углу
была брошена особая ^{судачья} упряжка,
ремни отъ нее шли во самую
верх, и Петренко их просит-
бить. Вокруг удила лежали
в блага, кажется обманутые
золотом; но Петренко этого
не мог взять.

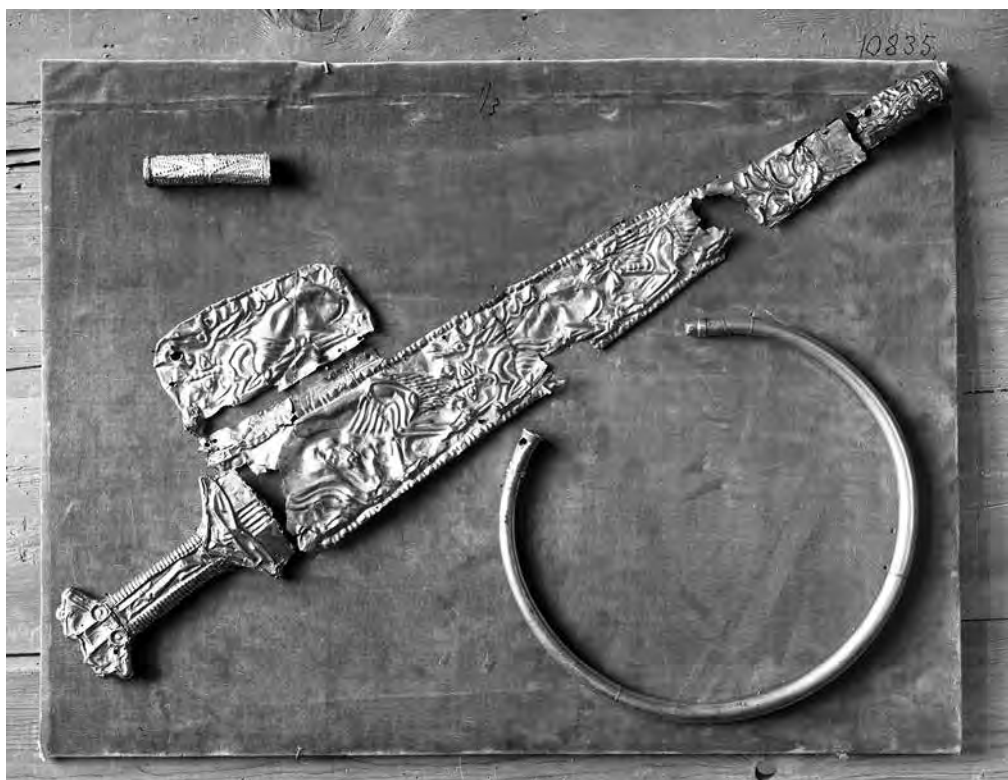
52–54, рис. 7–9). Здесь было найдено погребение «слуги» (Там же: 56–57, рис. 13). Была также вновь расчищена и обследована конская могила, что позволило уточнить ее границы, размеры и устройство, а также обнаружить целый ряд предметов конской упряжи, не замеченных ранее (Там же: рис. 10). Эти работы позволили авторам раскопок отнести время сооружения основной гробницы кургана к 330–315 гг. до н.э. и предположить, что «основной погребенный в кургане Чмырева Могила принадлежал к высшему эшелону скифской власти» (Там же: 57). С этой точкой зрения трудно не согласиться.

В 1977 г. местные жители обнаружили близ кургана 3 бронзовых навершия в виде ажурных грушевидных бубенцов, увенчанных фигурами грифонов, которые, вероятно, также можно соотнести с захоронением. Они были переданы в Запорожский краеведческий музей. Л. А. Бабенко, специально рассмотревший навершия из Чмыревой Могилы, определил, что всего, вместе со случайными находками из этого кургана, предшествующими его раскопкам, с этим памятником связаны 7 бронзовых наверший. Это позволило предположить, что в гробницу, вероятно, были помещены две погребальные колесницы, каждая из которых по углам была украшена четырьмя навершиями (второй комплект дошел до нас не полностью) (Бабенко 2016: 19), что вполне согласуется с высоким статусом погребенных в кургане.

Говорить о сколько-нибудь масштабных работах в области археологического изучения раннего железного века Подонья, в том числе скифских древностей этого региона, можно лишь с начала XX в. В 1908–1909 гг. начинаются раскопки А. А. Миллера скифских

курганов у ст. Елизаветовская на Нижнем Дону (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 40; ОИАК за 1908 г. 1912: 129–132; ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 152–171). Из раскопок этих курганов происходят знаменитые золотые обкладки ножен мечей. Одновременно А. А. Миллер закладывает траншеи и на скифском Елизаветовском городище. В дальнейшем скифское поселение у ст. Елизаветовская и его могильник будут широко исследоваться в советское послевоенное время (см.: Брашинский 1976; Марченко, Житников, Копылов 2000).

Отношения А. А. Миллера с местными казаками были не всегда благоприятны, о чем свидетельствует жалоба войскового атамана, направленная в Археологическую комиссию. А. А. Миллер вынужден писать странное объяснение в ИАК, чтобы отклонить претензии материального характера. Из его письма 9 февраля 1909 г. следует, что «станичный собор Елизаветовской станицы Ростовского округа, Донской области возбудил ходатайство перед войсковым наказным атаманом о засыпке на средства Императорской археологической комиссии ям, оставшихся на юртовой земле станицы после моих раскопок 1908 и 1909 гг. Ходатайство это мотивировано было тем, что выгоняемый во время весеннего половодья на “бугры” скот падает в ямы и гибнет». А. А. Миллер писал, что все могильные ямы своевременно засыпались до такой степени, чтобы не оставалось «вертикальных обрезаев». Что касается опасности этих ям для скота, исследователь не мог понять, «каким образом возможно во время половодья держать скот на курганах, которые представляют собой в это время маленькие островки на залитом водой лугу...».

Золотые обкладки ножен меча и рукояти меча и шейная гривна из кургана у с. Елизаветовская. Раскопки А.А. Миллера 1909 и 1910 гг. (ФО. Нег. III 11472)

Он обещал, что при раскопках 1910 г. все могильные ямы будут засыпаться до степени их полной безопасности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 40. Л. 31–32).

Далее А.А. Миллер охарактеризовал «отношение казачьего населения к раскопкам вообще», отмечая при этом «некоторое недоверие», которое ему неоднократно высказывалось во время работ: «атаман станицы делал заявление о предоставлении ему списка найденных предметов и т. п.». По его мнению, это было связано с тем, что «некоторые казаки намереваются, с наступлением теплых дней, приступить к раскопкам, несмотря на уже сделанное однажды предупреждение» (Там же. Л. 31 об. — 32).

В 1909 г. Н.И. Веселовский вел раскопки курганов у хут. Недвиговского,

в районе Танаиса, вскрыв около 50 могил. Согласно сохранившемуся отчету (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 41. Л. 105–119), внимание Комиссии к этому месту привлекла информация о том, что во время ломки камня весной 1908 г. казаком Алексеем Смычковым была обнаружена богатая гробница, вещи из которой поступили в Донской музей. В примечании на той же странице сообщается о том, что «впоследствии обнаружилось, что Смычков еще за год перед тем, весной 1907 года, ломая тут же камень, нашел богатое женское погребение и продал вещи... в Ростове-на-Дону за 600 рублей».

В начале XX в. начинаются и систематические исследования скифских памятников Среднего Дона,

*Частые курганы. Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910/1911 гг.
Фото М. Н. Селиверстова. Рядом со священником С. Е. Зверевым стоит М. И. Ростовцев
(ФО. Отп. F 144-8)*

на территории Воронежской губернии. В 1905–1906 г. А. А. Спицыным были раскопаны два кургана курганно-могильника у с. Мاستюгино (ОИАК за 1905 г. 1908). В 1908 г. Н. Е. Макаренко исследовал в этой группе еще пять курганов с богатыми вещевыми комплексами (Макаренко 1911: 58–59).

В 1910–1912 и 1915 г. Воронежской ученой архивной комиссией, созданной в 1900 г., велись раскопки группы «Частые курганы» (Замятнин 1946: 9–50). Попытки исследования этих курганов были предприняты еще в 1909 г. А. И. Мартыновичем и С. Е. Зверевым. С. Е. Зверев был священником, о чем стыдливо молчали советские издания. Его и других участников раскопок курганов можно видеть на архивных фотографиях.

Однако начатые осенью первые раскопки закончились неудачно — сначала работу затрудняла нехватка рабочих, потом курганы засеяли. В 1910 г. необходимое количество раскопщиков было собрано, и исследования были продолжены (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 38. Л. 82–113). Среди вещей, найденных в этом аристократическом могильнике VI–III вв. до н. э. (Либеров 1965), внимание ученых привлек серебряный сосуд со сценами в стиле «этнографического реализма» из кургана №3 (Мартынович 1912; Ростовцев 1914; Замятнин 1946: 27, рис. 13; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 171–173). В 1912 г. из-за недовольства Комиссии работами А. И. Мартыновича (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 145). Открытый лист на право проведения раскопок был выдан Н. Е. Макаренко, еще ранее принимавшему в них участие (Макаренко 1911). Однако в этом году он так и не выехал на место исследований (ср.: Захарова 2011: 157).

Исследования скифских курганов, памятников, где можно было обнаружить вещи, представлявшие большую материальную ценность, привлекали внимание не только ученых. Печально известна история раскопок знаменитых Келермесских курганов, расположенных у станицы Келермесской (современный Гиагинский район Адыгейской автономной области Краснодарского края), связанная с именем Д. Г. Шульца (подробнее см. главу IX). Однако, как бы то ни было, исследование этих погребений, при активной и принципиальной позиции ИАК, смогло обогатить отечественную науку.

В 1903 г. Д. Г. Шульц получил Открытый лист на раскопки в пределах Кубанской и Терской областей и начал раскопки курганов близ станицы Келермесской. Здесь у хутора Церковного в декабре 1903 г. он начал исследовать группу из шести крупных курганов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903. Д. 88). В первом кургане высотой 6 м и диаметром 64 м грабителями был прокопан шурф, но, поскольку погребение было смещено от его центра, часть могилы сохранилась непо потревоженной. Д. Г. Шульц раскопал в центральной могиле этого кургана погребение скифского вождя. В погребении из Келермесского кургана №1 были найдены парадное оружие, золотые диадемы, парадные и ритуальные сосуды, украшения, предметы конского убора и другие вещи (Галанина 1997: 222–226, №1–31). В их числе — знаменитая золотая бляха в виде пантеры, украшающая эрмитажную коллекцию скифского золота (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 17; Галанина 1997: №13, табл. 3, 15; Кисель 1998; 2003: 126, кат. №13).

В 1904 г. Д. Г. Шульц продолжил раскопки курганов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904.

Серебряный сосуд из кургана № 3 могильника «Частые курганы» под Воронежем. Раскопки священника С. Е. Зверева (ФО. Нег. III 12188)

Золотая бляха в виде пантеры из Келермесских курганов. Раскопки Д. Г. Шульца (ФО. Отп. Q 420-1)

Серебряное зеркало из Келермеса. Раскопки Д.Г. Шульца (ФО. Отп. Q 420-11)

Д. 9). Из кургана №3, исследованного в 1904 г. (Галанина 1997: 230, кат. № 52), происходит знаменитое серебряное зеркало, покрытое электровой обкладкой, обратная сторона которой украшена сложной системой изображений. Келермесское зеркало и украшающие его изображения привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей (назовем лишь некоторые работы: Максимова 1954; Кисель 1993; 2003: 85 и сл.; Мачинский 1998a; 1998b; Вахтина 2004). Известно, что

история с раскопками Келермесских курганов закончилась скандалом, поскольку Д.Г. Шульц был уличен в продаже и расхищении древностей.

Долгое время не удавалось установить, сколько всего курганов было раскопано им у ст. Келермесской. В ИАК Д.Г. Шульц присылал лишь небрежно написанные отчеты и чертежи, выполненные позже по настоянию Комиссии, содержавшие большое количество противоречивых данных. Позднее Л.К. Галаниной в результате огромной

Бронзовый шлем из Келермеса. Раскопки Н. И. Веселовского (ФО. Отп. Q 420-32)

кропотливой работы удалось выделить археологические комплексы погребений (Галанина 1997).

В 1904–1908 гг. раскопки Келермесских курганов были продолжены Н. И. Веселовским (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904. Д. 85. Л. 89–100). Им были раскопаны два кургана скифской эпохи и шесть, относящихся к бронзовому веку. Как и Д. Г. Шульц, Н. И. Веселовский копал курганы траншеями. Инвентарь открытых им скифских погребений был далеко не таким ярким, как находки его предшественника. Среди обнаруженных вещей — бронзовое дисковидное зеркало с ручкой-петелькой, украшенной бляшкой в виде фигурки свернувшейся пантеры, бронзовые украшения конской упряжи, бронзовые напершия,

оканчивающиеся изображениями голов копытных и грифонов (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 57–60), бронзовый шлем. Отчет Н. И. Веселовского о раскопках курганов близ ст. Келермесской был официально издан (ОИАК за 1904 г. 1907: 85–97).

Для доследования курганов у ст. Келермесская, уточнения плана курганного некрополя, определения общего количества раскопанных объектов и планомерного исследования могильника в 1980 г. была создана экспедиция Государственного Эрмитажа, работавшая до конца 80-х гг. XX в. (Галанина 1997: 26–27, 40 и сл.). Исследования последних десятилетий позволили существенно уточнить хронологию вещевых комплексов Келермесских курганов,

Раскопки кургана Огуз Н.И. Веселовским в 1894 г. (ФО. Отп. Q 404-22)

принадлежащих к древнейшему пласту скифских древностей юга Восточной Европы. Нижний рубеж маркируют датировки импортных художественных изделий, таких, как уже упоминавшееся серебряное зеркало, изготовленное в 650–620 гг. до н. э. или же несколько ранее (Кисель 1993; 2003: 99), фрагментированный серебряный ритон с золотыми накладками, относящийся ко времени не ранее второй трети VII в. до н. э. (Кисель 2003: 80). Верхняя граница комплексов этой курганной группы определяется рубежом VII–VI вв. до н. э. (Галанина 1997: 172 и сл.).

Новый период, выделенный в истории российской археологии 1890-х гг. и связанный со сменой поколений исследователей, был недаром назван Г.С. Лебедевым «поколением Веселовского — Анучина» (Лебедев 1992: 240).

Старшему члену Археологической комиссии профессору Н.И. Веселовскому, несомненно, принадлежит важное место в исследовании курганных древностей юга России. С его именем связаны раскопки целого ряда знаменитых «богатых» погребений скифской эпохи. Помимо уже упоминавшихся в данном очерке, необходимо отметить, что в 1889 г. Н.И. Веселовский исследовал курган Шульговка у Мелитополя (ОИАК за 1889 г. 1892: 14 и сл.), в 1891–1894 гг. им был раскопан огромный курган Огуз в Приднепровье, в 1908–1910 гг. — курганы Ульского аула на Кавказе и Чмырева Могила в Приднепровье, в 1912–1917 гг. — курганы у ст. Елизаветинской на Кубани и Солоха на Днепре, в 1911, 1914 и 1916 гг. — ряд серогозских курганов, в том числе Лемешов курган, курганы у сел Верхний Рогачик и Малая

Лепетиха (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 136 и сл.; Спицын 1906b: 157–174).

То обстоятельство, что курганы копались колодцами, траншеями, выборками в центральной части насыпи, иногда достигавшими значительных размеров, часто приводило к весьма наглядным негативным последствиям. Не только до раскопок учеными, но часто и после таких раскопок незамеченные погребения, различного рода «тайники» жестоко расхищались грабителями, а вещи попадали к собирателям древностей. Примером подобных печальных случаев могут служить многие аристократические скифские гробницы. Часть комплексов большого кургана Огуз, раскопанного Н.И. Веселовским, была разграблена, некоторые материалы были приобретены впоследствии Комиссией.

Насыпь этого грандиозного кургана вскрывалась в течение 4 сезонов (1891–1894 гг.). Ход раскопок был опубликован в «Отчетах» Комиссии (ОИАК за 1891 г. 1893: 72; ОИАК за 1892 г. 1894: 2; ОИАК за 1893 г. 1895: 7; ОИАК за 1894 г. 1896: 10; см. также: Спицын 1906b: 157 и сл.). Из отчета за 1893 г. мы узнаем, что в первый год Н.И. Веселовский, заложив траншею, проработал 2 месяца и дошел до материка. Затем, «для сокращения расходов», он провел из своей траншеи две «мины», чтобы обнаружить впускные погребения. Так как после того исследователь должен был ехать в Евпаторийский уезд инспектировать раскопки частных лиц и завершить исследование курганов в Симферопольском уезде, работы были отложены до следующего года (ОИАК за 1893 г. 1895: 75). В отчете за следующий год сообщалось: «В 1894 г. окончена раскопка огромного кургана “Огуз”, находящегося близ с. Нижние Серогозы

Мелитопольского уезда, начатая старшим членом Археологической комиссии проф. Н.И. Веселовским в 1891 г. и непрерывно продолжаемая им в течение последующих лет. Результаты работы далеко не оправдали вложенной в них энергии: курган оказался начисто разграбленным в древности» (ОИАК за 1894 г. 1896: 9). Однако недокопанный курган продолжал привлекать внимание окрестных крестьян, и, как пишет А.А. Спицын, «в 1902 году, восемь лет спустя по окончании раскопок, здесь было собрано множество золотых вещей, большею частью доставленных местным начальством в Комиссию, отчасти же разошедшихся по рукам и попавших в частные коллекции (например, П.А. Маврогордато и Б.И. Ханенко)» (Спицын 1906b: 158). Некоторые вещи из грабительских раскопок 1897 г. были приобретены Археологической комиссией. К вещам, поступившим в Комиссию из Огуза в 1902 г., относятся и материалы, очевидно, принадлежавшие к впускному погребению коня.

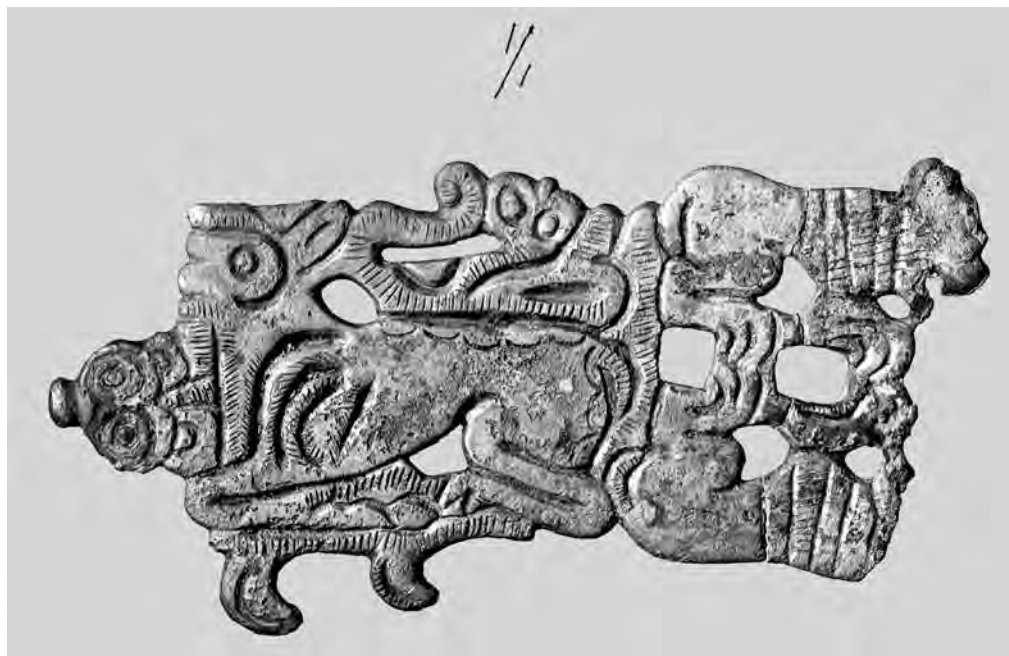
Как справедливо отметил М.И. Ростовцев, говоря о раскопках Огуза: «Погребение это плохо исследовано, и монументальное сооружение в центре кургана вряд ли может быть подвергнуто дополнительному изучению, так как каменная центральная камера кургана в настоящее время несомненно разрушена» (Ростовцев 1925: 433–434). Малый курган близ Огуза, раскопанный крестьянами, был доследован в 1897 г. К.Е. Думбергом (Спицын 1906b: 167–168). В 1981 г. успешные исследования Огуза были проведены экспедицией Института археологии АН УССР (Болтрик 1981: 233–234), ведется изучение вещевого комплекса кургана (Фиалко 1981; Фиалко, Болтрик 1986; Болтрик, Фиалко 2009). Курган Огуз

Вещи из грабительских раскопок кургана Огуз. 1897 г. (Ф.О. Нег. III 7988)

Случайные находки 1902 г. из кургана Огуз (ФО. Отп. Q 667-5)

Серебряный нащечник из кургана Огуз. Приобретен ИАК в 1902 г. (ФО. Нег. II 27903)

принадлежит к группе наиболее поздних курганов классической скифской культуры, относящихся к 330–300 гг. до н. э. (Алексеев 1992: 156–157).

Не менее показательна и история раскопок Деева кургана, названного так по фамилии крестьянина, владевшего земельным наделом, на котором располагался курган. В 1891 г. Н. И. Веселовский исследовал эту насыпь (ОИАК за 1891 г. 1893: 73; РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 51).

Похоже, ни о какой рекультивации и засыпке раскопов речь не шла: пять лет спустя, зимой 1896 г., два крестьянина с. Нижних Серогоз, случайно спустившись в разрытую камеру, проникли в нее и нашли там нетронутое впускное погребение со значительным количеством золотых и иных вещей, которые, благодаря распорядительности местного урядника, были доставлены в ИАК. Летом следующего года вновь

«открытое погребение доследовано было по поручению ИАК К. Е. Думбергом, решившим снять весь курган без остатка» (Спицын 1906b: 168), что также дало несколько находок. Комплекс впускного погребения Деева кургана относится к тому же хронологическому горизонту, что и погребения в кургане Огуз (Алексеев 1992: 156–157).

В 1912–1913 г. Н. И. Веселовским был раскопан грандиозный скифский курган Солоха у с. Большая Знаменка Мелитопольского уезда Таврической губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 232), ставший апогеем его деятельности и «лебединой песней» (определение Б. В. Фармаковского) (см., в частности: Шильц 2003: 68–71). Из-за того, что часть документации, относящаяся к 1912 г., была утрачена в 1918 г., существует ряд неясностей, касающихся положения вещей в погребальных комплексах этого кургана; нет единого

Находки из Деева кургана. Раскопки Н. И. Веселовского. 1891 г. (ФО. Отп. Q 667-2)

Серебряная фиала из Деева кургана. Раскопки К.Е. Думберга (ФО. Нег. II 26866)

А.А. Бобринской на раскопках кургана Солоха в 1912 г. (ФО. Отп. Q 426-6)

А.А. Бобринской и Н.И. Веселовский в лагере экспедиции на раскопках кургана Солоха. 1912 г. (ФО. Отп. Q 426-13)

мнения и о количестве самих комплексов. Коллекции вещей из этого памятника посвящена монография А.П. Манцевич (Манцевич 1987). В первый год исследований Н.И. Веселовским были раскопаны северная погребальная камера, очевидно, являвшаяся основной, и южная камера, служившая «кладовой» погребения кургана Солоха (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 73. Л. 10 — 12 об.; Манцевич 1987: 12–15), а в следующем, 1913 г. — нетронутое боковое погребальное сооружение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 232. Л. 159–167; Манцевич 1987: 15–27).

Тогда же экспедицию посетил А.А. Бобринской, его визит запечатлен на серии фотографий. Сын председателя ИАК, Алексей Алексеевич Бобринской, оставил краткие, но выразительные воспоминания о поездке в полевой лагерь Н.И. Веселовского,

Раскопки кургана Солоха. Бронзовая тележка-жаровня in situ. Раскопки Н.И. Веселовского. 1912 г. (ФО. Отп. Q 426-8)

Бронзовая тележка-жаровня из кургана Солоха после реставрации (ФО. Отп. Q 426-24)

куда он уговорил отца взять его с собой (Шильц 2003). В рассказе описаны обстоятельства находки знаменитого гребня в могиле «царя». Когда «...все сокровища были принесены в палатку профессора Веселовского и уложены в вату и в большие ящики из твердого картона... Я остался один на дне пустой могилы. Тишина кругом была мертвая... Своей маленькой ручной лопаточкой я бесцельно царапал твердую глину дна могилы, зная, что она уже совершенно пуста. Вдруг моя лопаточка наткнулась на что-то твердое. Я копнул ниже, сделал усилие рукой, что-то блеснуло и я вынул безо всякого труда громадный парадный золотой гребень скифского царя с девятнадцатью длинными иглами и вылитым из золота украшением, изображающим двух скифов, нападающих с кинжалами на греческого всадника, отбивающегося от них коротким копьем. Другая пронзенная кинжалом лошадь валяется у них в ногах. От изумления я громко закричал отцу: «Иди назад скорее, я нашел гребень!» (Шильц 2003: 70).

А. А. Бобринскому-старшему принадлежат карандашные рисунки конских погребений, сделанные на 5 листах бумаги небольшого формата, хранящиеся в архиве (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 232). К отчету приложены рисунки, выполненные С. А. Половцовой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 232. Л. 168–171; см. также: Половцова 1914), а также рукопись А. А. Бобринского (на французском языке), значительная часть которой посвящена находкам из кургана Солоха (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 232. Л. 181 об. — 183 об.). В первой части рукописи А. А. Бобринского речь идет о Перещепинском кладе. Вещи из этого памятника, многие из которых являются настоящими шедеврами тореvтики, пользуются заслуженной известностью. В их числе — знаменитый золотой гребень со сценой сражения, серебряная чаша, украшенная сценами охоты конных скифов на львов, и др. Из центрального погребения Солохи (раскопки 1912 г.) происходит уникальный серебряный килик, датирующийся 430–425 гг. до н. э. — единственная находка целого сосуда подобной формы в Северном Причерноморье (Алексеев 2015: 2,

Золотой гребень из кургана Солоха (ФО. Нег. II 34460)

Серебряная чаша из кургана Солоха (ФО. Нег. III 12956)

Курган Солоха после раскопок в 1914 г. (ФО. Отп. Q 426-35)

рис. 2). Надпись, нанесенная на внешней поверхности чаши, под ее краем, позволила предположить, что в древности она принадлежала одному из членов семьи скифского царя Ариапифа — его младшему сыну Орику (Алексеев 2015: 8–9, рис. 2, 3). Две ручки и фрагмент дна подобного сосуда происходит из кургана Бабы (Алексеев 2015: 10, рис. 9), о котором говорилось выше.

Обращаясь к материалам кургана Солоха, М.И. Ростовцев, неоднократно и достаточно критически высказывавшийся по поводу раскопок Н.И. Веселовского, писал, что «курган этот... хорошо расследован, хотя опять-таки не докопан до конца» (Ростовцев 1925: 416). О методах исследования кургана можно судить по приведенной фотографии, показывающей, что большая часть насыпи все же была раскопана «на снос».

Нельзя не согласиться с А.П. Манцевич, назвавшей комплекс кургана Солоха «документом огромной важности» (Манцевич 1987: 7). Остается только удивляться тому количеству неточностей, небрежностей и расхождений разного рода, которые были допущены при составлении полевой документации о раскопках этого замечательного памятника. Все они довольно подробно рассмотрены в книге А.П. Манцевич, проделавшей огромную работу не только с вещевыми комплексами кургана, но и с документами. Сверив чертежи, сделанные учеником А.А. Спицына В.В. Саханевым (они вместе посетили место раскопок Солохи в 1913 г.), исследовательница констатировала, что размеры, приведенные на этих чертежах, «или вовсе отсутствуют в отчетах Н.И. Веселовского, или не совпадают с ними» (Там же: 5). А.П. Манцевич привела отрывок из письма Н.Е. Макаренко к Л.А. Мацулевичу, написанного

12 апреля 1933 г.: «В 1914 году... я два раза был на руинах Солохи, представляющей печальное зрелище. Был в самой могиле, проходил по коридорам, облазил все “мины”, проложенные Н. В. в толще насыпи. Установил то, что было не замечено, или, точнее, не отмечено в отчете Н. В. <...> Категорически уверяю, что ни коридор, ни могила (камера) не соответствуют приложенным к отчетам рисункам. Последние сделаны, очевидно, на глаз, причем этот глаз не схватил ни форм, ни пропорций. Говорю это не потому, что хочу очернить память покойного, а исключительно имею в виду восстановить истину» (цит. по: Там же: 6). Работа, проделанная А.П. Манцевич, во многом способствовала уточнению датировки комплексов кургана. А.Ю. Алексеев полагает, что основное погребение Солохи можно датировать концом V — первой половиной IV в. до н. э., а более позднее — 400–370 гг. до н. э. (Алексеев 1992: 146–148, 156–157).

Н.И. Веселовский активно работал и в Кубанской области. В 1911–1912 гг. им исследовались курганы у ст. Роговской, в последующие годы — у ст. Марьевской и Елизаветинской (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 232. Л. 2–12; ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 148 и сл.). Отчеты Н.И. Веселовского, повествующие об этих раскопках, в отличие от прочих, представляются достаточно точными и подробными. В 1913 г. Н.И. Веселовским был раскопан курган к юго-востоку от ст. Елизаветинской, входивший в группу из двух насыпей. Более высокий, южный курган содержал каменный склеп, находящийся в яме, врезанной в материк (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 149–151, рис. 229–231). Склеп был ограблен, однако раскопки дали много интересных находок. Здесь была

найдена известная панафинейская амфора (Там же: 150, рис. 234а, 234б). Вот как описаны обстоятельства находки фрагментов этого сосуда: «Вдоль южной стенки склепа с внешней стороны, вследствие обвала деревянного потолка и находившейся на нем земли, остались от грабителя некоторые предметы, найденные ныне на своих местах. Из них наиболее интересна Панафинейская амфора». На одной стороне этого сосуда — традиционное изображение Афины, на другой — сцена кулачного боя. Сосуд датируется концом IV — началом III в. до н. э. (Галанина 1962: 5 и сл.). В 1914 г. Н. И. Веселовский раскопал и второй, меньший курган, конструкция которого оказалась сходной с конструкцией первого (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 153 и сл.).

Из третьего кургана у ст. Елизаветинской, раскопанного в 1914–1915 гг., происходит бронзовый нагрудник в виде Медузы архаического типа, найденный в грабительской яме (Виноградов 2005). Статья Н. И. Веселовского об этой находке (Веселовский 1918: 1 и сл., табл. I) открывает 19-й выпуск «Известий археологической комиссии», посвященный памяти ученого. Свой последний полевой сезон 1917 г. Н. И. Веселовский провел на раскопках Елизаветинского могильника. Бронзовый нагрудник в виде Медузы из кургана №3 и «обломки к нему в двух коробочках» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 232. Л. 151) были переданы в Эрмитаж в апреле 1919 г. уже после его смерти.

Важный вклад в изучение скифских древностей лесостепного Приднепровья принадлежит А. А. Бобринскому, совмещавшему успешные полевые исследования с выполнением миссии председателя Императорской археологической комиссии. За 35 лет полевой деятельности

А. А. Бобринским было раскопано свыше 500 курганов, значительная часть которых содержала погребения скифской эпохи. Открытые им материалы своевременно публиковались и тем самым постоянно вводились в научный оборот. Результаты исследований, проведенных в период с 1879 по 1900 г., были обобщены в известном трехтомном труде «Курганы и случайные находки близ местечка Смелы» (Бобринской 1887–1901), своего родового имения. Результаты раскопок, проведенных А. А. Бобринским в начале XX в., нашли отражение в подробных публикациях в отчетах Комиссии (ОИАК за 1904 г. 1907; ОИАК за 1908 г. 1912) и «Известиях» ИАК (Бобринской 1902; 1905а; 1905с; 1906; 1907; 1910а; 1910с; 1911; 1916). Как отмечают некоторые специалисты-скифологи, «если в области методики раскопок А. А. Бобринской шел в ногу со временем, то в изучении полученных результатов (историческая интерпретация, антропологические, остеологические, металлографические определения) он, несомненно, опережал современников» (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 6; см. также: Ильинская 1975).

Следует сказать, что археологическая деятельность А. А. Бобринского не ограничивалась работами в Приднепровье. Сохранились отчеты «О раскопках Председателя, графа А. А. Бобринского на Кавказе и в окрестностях Керчи» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 64) и «О раскопках председателя Комиссии в Таврической губернии, земле Войска Донского, Кубанской и Терской областях» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53). В 1891 г. А. А. Бобринской успешно провел исследования курганов на окраине Керчи и в ее окрестностях (ОИАК за 1891 г. 1893: 31 и сл.). Им был раскопан курган на Аджимушкайской

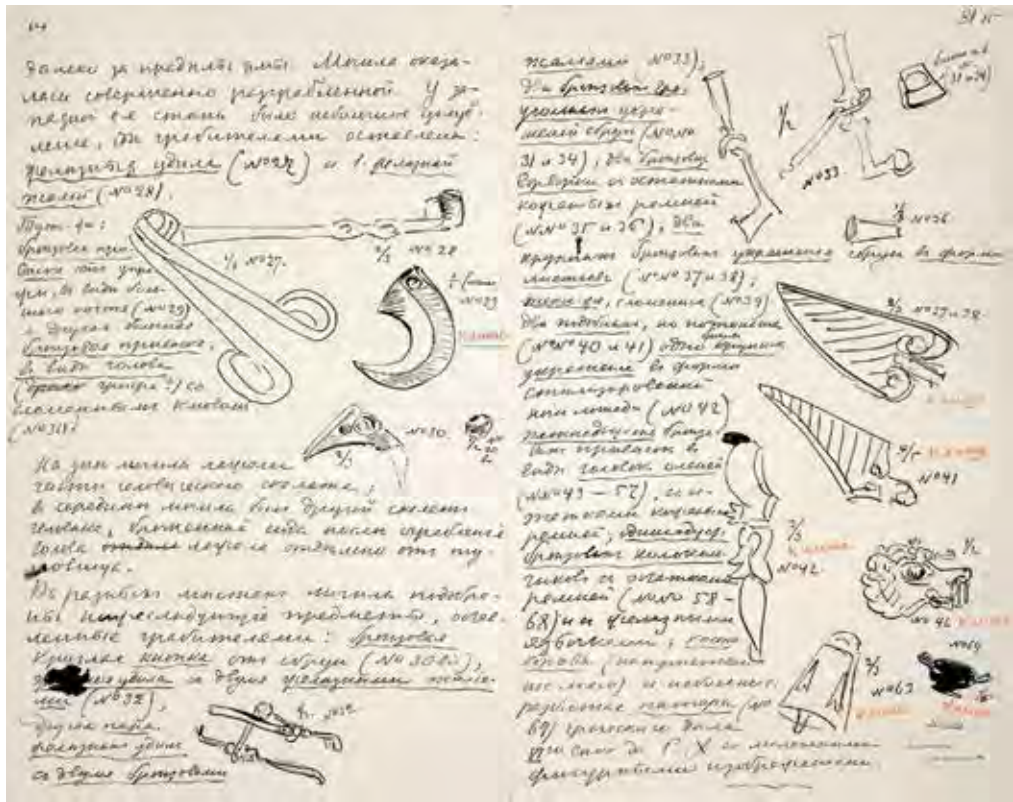

Фрагмент бронзового панциря с нагрудником в виде Медузы из Елизаветинского кургана. Раскопки Н. И. Веселовского. 1914 г. (ФО. Нег. III 13101)

улице (ведущей из Керчи в пос. Хаджимушкой, современный Аджимушкой), а также ряд курганов в районе Аджимушкойской дороги. По дороге из Керчи в Еникале у «Змеиного кордона» (т. е. у карантина на мысе Змеиный, близ древнего греческого города Мирмекий) он раскопал курган, содержащий 21 погребение, вел раскопки курганов в с. Капканы.

Отчеты А. А. Бобринского сопровождались подробными дневниками, написанными мелким, четким почерком, выполненными им, часто «поверх» текста, карандашными рисунками (планы погребений, находки), фотографиями, на которых можно увидеть сделанные его рукой пометки. К отчетам приложены финансовые документы, среди которых, помимо общих

счетов на «форменных бланках», «счетов в употреблении аванса» и пр., тщательно подшиты расписки в получении денег, выплаченных рабочим (обычно подписанные их представителем — руководителем конкретных работ или подрядчиком). Так, например, дело «О раскопках председателя Комиссии графа А. А. Бобринского в Киевской губернии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 79) содержит целый ряд подобных расписок (Там же. Л. 9, 10 и сл.), из которых можно узнать, сколько стоил рабочий день, когда производились выплаты (обычно — еженедельно). Сохранилась расписка от 23 августа, согласно которой представитель крестьянской общины «от графа А. А. Бобринского за право раскопки курганов на общественной земле крестьян с. Турья, считая

Страницы полевых дневников А.А. Бобринского. Описание раскопок курганов у с. Турья (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 79. Л. 30 об. — 31)

по 6 рублей за курган, получил задатка двадцать пять (25) рублей». Всего за право раскопок 12 курганов крестьянам этого села следовало получить в 1905 г. 72 руб., которые они и получили полностью, о чем свидетельствуют другие документы. События 1905 г., достаточно сложного в истории России, когда по югу прокатилась волна крестьянских волнений, по-видимому, никак не отразились на проведении запланированных раскопок и на взаимоотношениях с крестьянами. В архиве сохранился научный отчет А.А. Бобринского о раскопках в Чигиринском уезде в 1905 г. курганов у сел Кошарка (Юзефовка), Турья и Вербовка, позже изданный в Известиях ИАК

(Бобринской 1906: 1–16). Вещи из раскопок поступили в Киевский городской музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 79). Отчеты А.А. Бобринского, четкие, ясные, высокопрофессиональные, были именно такими, какими и должны были быть отчеты исследователя-археолога, занимающего должность председателя Археологической комиссии и отвечающего за своевременную присылку в это учреждение отчетов о полевых исследованиях и относящихся к ним финансовых документов.

Стоит добавить, что формирование музейных коллекций скифских древностей при участии ИАК имело место не только в Эрмитаже. К началу 90-х гг. XIX в. относится активная переписка

И.Е. Забелина с Комиссией, связанная в том числе и с формированием собрания Исторического музея в Москве. В письме, направленном в Археологическую комиссию 28 февраля 1891 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 235–240), он предлагает заключить особое соглашение о приобретении, распределении и издании отечественных древностей, напоминая, что, «согласно §1 Высочайше утвержденного положения об Историческом музее, он обязан собрать памятники и для упомянутых Скифской и Херсонской зал». Какими путями можно достигнуть этой цели? «В этом случае в его (музея. — *Авт.*) руках только одно средство: покупка коллекций, и потому, если бы явилась коллекция скифских древностей, он с радостью и даже за дорогую цену совершил бы такую покупку, так как другим путем приобрести таковые древности ему не представляется возможности <...> приобретать оригинальные предметы, не составляющие одни повторения уже всем известных памятников» (Там же. Л. 239 об. — 240). В ответе от 15 марта Комиссия уверяет, «... что она, со своей стороны, всегда готова всячески содействовать постепенному пополнению и развитию коллекций Исторического музея и потому из приобретаемых ею кладов и добываемых ею из раскопок древностей по-прежнему будет считать своею обязанностью уделять ему те из них, которые, согласно Высочайшей воле и уставу Комиссии, не будут подлежать передаче в Императорский Эрмитаж» (Там же. Л. 241). Однако И.Е. Забелин, стараясь добиться особого соглашения о пополнении коллекций Исторического музея, постоянно письменно обращается в ИАК и даже присылает составленную им подробную «Записку

о необходимости приобретения памятников Историческим музеем», согласной которой, по его мнению, «не принятые Эрмитажем предметы должны, прежде всего, направляться в Исторический музей», а уж потом — в другие музеи (Там же. Л. 244 — 247 об.). Хотя формально подобное соглашение между Историческим музеем и Комиссией так и не было заключено, И.Е. Забелин, ссылаясь на особое значение музея, регулярно добивался передачи в его собрание скифских древностей, в результате чего в фондах ГИМ были сформированы яркие и интересные коллекции находок из скифских курганов.

Подводя итог разделу, посвященному истории изучения скифских древностей на территории Российской империи, можно заключить, что, к началу Первой мировой войны и последовавших вскоре после этого социальных потрясений в России, усилиями ИАК был собран огромный вещественный материал, относящийся к скифской эпохе и позволяющий охарактеризовать все ее этапы. Вышли и обобщающие труды, посвященные публикации отдельных памятников и осмыслению находок. Достижения скифологии того времени, трудности, стоявшие на пути исследователей, были кратко оценены академиком М.И. Ростовцевым в небольшой книге «Боспорское царство и южнорусские курганы» (Ростовцев 1912). Впрочем, в этой области, как и во многих других, существовало две основные проблемы: некоторое отставание осмысления материала от темпов его накопления и разграбление памятников.

В частности об этом М.И. Ростовцев писал следующее: «И сейчас еще, когда наука раскрыла уже тайну курганов, смела с их верхушек и недр дымку легенды и заклятия, тянутся к ним

жадные руки и богатых владельцев земли, и жалких профессионалов-счастливчиков в погоне за золотом, которое схоронено под тяжелой землей кургана. Уже более ста лет назад за дело исследования курганов взялась русская историческая наука. Задача, поставленная местным агентам того учреждения (имеется в виду Археологическая комиссия. — *Авт.*), на которое государство возложило обязанность расследования курганов и других некрополей нашего юга — в России дело началось с инициативы государства — была сразу и бесповоротно поставлена как задача не кладоискательства и обогащения музеев, а научного исторического исследования, тщательного и всестороннего изучения каждого кургана, каждого погребения. И хотя исполнители далеко не всегда были на высоте своего положения, были по большей части не учеными, а чиновниками, план действий был начертан столь простой и ясный, руководитель археологической жизни России требовал такого точного исполнения своего плана, что расследования могил и описания раскопок этого раннего периода можно считать по тому времени образцовыми. К сожалению, эта традиция шестидесятых и семидесятых годов прервалась, и работы этого времени, ведшиеся петербургскими и московскими учеными, далеко не стоят на прежней высоте по детальности расследования и точности определения найденного. Только в самое последнее время возобновленная старая традиция в руках крупных специалистов опять нагоняет так блестяще и далеко ушедшее вперед развитие техники археологического исследования Западной Европы. Гораздо печальнее обстоит дело с научным использованием научно добытого материала...» (Там же: 2–3).

На наш взгляд, близок к этой оценке и А. Ю. Алексеев, сравнивший методы исследований И. Е. Забелина, деятельность которого, посвященная раскопкам скифских курганов, была связана с ранним, начальным периодом работы, с методами раскопок, применявшимися как его современниками, так и исследователями, работавшими после него (Алексеев 2004: 41 и сл.). Однако все же полагаем, что упреки в снижении уровня исследований, вызванные, прежде всего, небрежностью работ, которую иногда демонстрируют раскопки, проведенные, например, Н. И. Веселовским, не всегда справедливы. Несомненно, в предреволюционное время отечественной скифологией был накоплен большой опыт, который нельзя недооценивать. Остается только сожалеть, что «старая традиция» первого периода работы ИАК, в начале века оказавшаяся «в руках крупных специалистов», хотя и не была полностью прервана, но встретила значительные трудности на пути своего развития. Необходимо отметить, что одной из особенностей изучения скифских древностей было сотрудничество ИАК не столько с учеными обществами, чем отмечена ее деятельность в области исследования других памятников Восточной Европы и Сибири, сколько с отдельными специалистами и частными лицами. Комиссия могла как финансировать их непосредственную полевую деятельность, так и оплачивать аналитическую работу по составлению отчетов для их последующей публикации в изданиях ИАК.

Одновременно в недрах ИАК было подготовлено и аналитическое обобщение «научно добытого материала». На основе находок из открытых к тому времени памятников М. И. Ростовцев дал краткую характеристику основных этапов скифской культуры в «Эллинизме

и иранстве на юге России» (Ростовцев 1918: 45 и сл.). Подробный обзор и анализ этих материалов содержится во второй части монументального труда «Скифия и Боспор» (Ростовцев 1925), над которым ученый трудился до своего отъезда из России в 1918 г. Здесь же, оценивая роль ИАК в становлении археологии скифских древностей, этот выдающийся исследователь отмечал, что Комиссия «первая начала систематическую публикацию отчетов о производимых раскопках и открытых вещах, равно как и информации о приобретении вещей, найденных случайно и доставленных в Комиссию путем конфискации или покупки, а с 1901 г. начала издавать и “Известия”, где помещаются отчеты о раскопках в более полном виде, публикации нового материала, ряда научных статей о нем и хорошая библиография».

Действительно, издания Императорской археологической комиссии достаточно полно характеризуют эту деятельность. Следует отметить, что в «Отчетах» ИАК публиковались не только собственно сведения о сделанных находках или результаты работ экспедиций, но и труды, посвященные анализу этих древностей уже на раннем этапе существования Комиссии (см., напр.: ОИАК за 1863 г. 1864; ОИАК за 1865 г. 1866; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881). Однако в фонде ИАК, хранящемся ныне в Научном архиве ИИМК РАН, можно найти чрезвычайно выразительные и яркие документы, характеризующие деятельность Комиссии в области скифских древностей, лишь некоторая часть из которых введена в научный оборот (ср.: Тункина 2002а).

Необходимо подчеркнуть, что с середины 50-х гг. XIX в. до начала XX столетия трудами ИАК было раскрыто около 50 больших «царских» курганов,

содержавших богатые захоронения и огромное количество аристократических и рядовых погребений. Материалы этих комплексов активно изучаются и в наше время. В конце XX — начале XXI в. характерной чертой развития отечественной археологической науки стало повторное обращение к анализу находок из знаменитых «царских» скифских курганов Приднепровья и Прикубанья и даже к проведению дополнительных полевых исследований раскопанных во второй половине XIX — начале XX в. памятников. В итоге появились подробные публикации вещевых комплексов целого ряда курганов, открытых в результате деятельности ИАК. Назовем лишь некоторые из них: курган Солоха (Манцевич 1987), Артюховский курган (Максимова 1979), Курджипский курган (Галанина 1980), Краснокутский курган (Мелюкова 1981), курган Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991), Келермесские курганы (Галанина 1997), Александропольский курган (Полин, Алексеев 2018).

Коллекции скифских древностей Эрмитажа посвящены замечательная книга М.И. Артамонова (Артамонов 1966), где отдается должное и деятельности Комиссии, а также вышедшие позже издания, подготовленные известными учеными и хранителями этой коллекции (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986; Алексеев 2012; 2018). Таким образом, результаты исследований ИАК и сохраненные ею архивные материалы составляют в полном смысле этого слова «золотую кладовую» скифской археологии Восточной Европы и являются основой современных знаний об истории и культуре этой эпохи.

ГЛАВА IV

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ ОЛЬВИИ И БЕРЕЗАНИ

Ольвия — один из важнейших центров греческой колонизации на северном берегу Черного моря. Большое городище и обширный некрополь, начало которых восходит к VI в. до н. э., просуществовали вплоть до IV в. н. э. в низовьях Бугского лимана, на западном его берегу около современного с. Парутино. В XIX в. здесь располагались два села — Парутино и Ильинское. Интерес к памятникам Ольвии проявился сразу после присоединения земель Северного Причерноморья к России (см.: Латышев 1887: 29–33; Фармаковский 1915: 1–7; Карасев 1956; Славин 1960: 47–49; Леви 1985: 6–8; Крыжицкий 1985: 17–22; Крыжицкий, Лейпунская и др. 1999: 9–15; Виноградов 1989: 7–8; Тункина 2002а: 423 и сл.). Известно, что в 1853 г. руководитель первых государственных археологических раскопок в России граф Л. А. Перовский поручил А. С. Уварову обследовать Ольвию (Тункина 2002а: 450). Несмотря на предпринятые усилия, научные знания о городище и некрополе долгое время остались весьма поверхностными (Тункина 2002а: 423–452; Папанова 2006: 10–33).

Не удивительно, что состояние, в котором находились местные древности, вызывало озабоченность российской общественности. Заслуженный профессор Ришельевского лицея в Одессе Ф. К. Брун, посетивший

Ольвию, описал картину разрушения ее памятников, особенно некрополя:

«Пожалел я, видя каким повреждениям подверглись могильные курганы, еще прежде открытые. Некоторые из этих памятников, не уступающих керченским величиною и изящною постройкою, снова засыпаны или сами обрушились, потому что большие каменные плиты, из которых в них слагались склепы без цемента, были разбираемы поселянами на разные постройки» (Брун 1863: 989).

О сохранности этих памятников «жалел» не только Ф. К. Брун, но и другие просвещенные люди России. Впервые с инициативой проведения систематических раскопок в Ольвии в Императорскую археологическую комиссию обратился член Одесского общества истории и древностей Феодор Струве. В июне 1866 г. в своем обращении к С. Г. Строганову он, в частности, писал: «Она (т. е. раскопка Ольвии. — *Авт.*) оживляла бы занятия греческими древностями в нашем крае, она способствовала бы возбуждению любви к греческой филологии, этой важной стихии образования молодого поколения» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 14. Л. 1 об.).

В том же году Н. Н. Мурзакевич представил С. Г. Строганову некоего Ивана Ираклиевича Куриса (о нем см.: Маркевич 1900с). Некоторое время спустя И. И. Курис в письме

к С.Г. Строганову предложил себя в качестве сотрудника Комиссии, подчеркивая, что причитающееся ему жалование готов употребить на раскопки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 14. Л. 2). Как явствует из письма В.Г. Тизенгаузена самому И.И. Курису от 26 января 1867 г., тому было предложено быть сотрудником Ф.А. Струве на раскопках в Ольвии. Однако адресат продолжал настаивать на своем членстве в Комиссии и на независимости от Ф.А. Струве в осуществлении ольвийских исследований, обещая изыскать на эти раскопки 1000 руб. в дополнение к средствам ИАК (Там же. Л. 4). В феврале 1867 г. С.Г. Строганов был вынужден сам писать И.И. Курису о том, что его желание «не представляется возможным» исполнить. В качестве альтернативы ему предлагалось провести самостоятельные исследования на Тамани или на Недвиговском городище (Там же. Л. 6 об.). Впрочем, сотрудничество Археологической комиссии с И.И. Курисом так и не состоялось.

В январе 1867 г. С.Г. Строганов договорился с графом Григорием Александровичем Кушелевым-Безбородко, владевшим землями, на которых располагалось Ольвийское городище, о возможных раскопках и спрашивал его об окончательных условиях (Там же. Л. 3). Однако в феврале Г.А. Кушелев-Безбородко решил приступить к раскопкам самостоятельно, лишь заручившись «просвещенным содействием» Комиссии (Там же. Л. 5). Исследования эти не состоялись по той причине, что в 1870 г. граф умер. Непонятно, знали ли об этом в Петербурге, но, скорее всего, нет, поскольку деньги на раскопки Ольвии в 1871 г. были выделены. Руководство работами было возложено на П.И. Хицунова, хорошо зарекомендовавшего себя исследованиями

памятников древности под Керчью и на Тамани. Тот прибыл в Одессу в середине августа, получил там деньги, направленные сюда из Комиссии, а затем пароходом отправился в Николаев. О своих дальнейших действиях П.И. Хицунов писал следующим образом:

«В два мои посещения местности Ольвии я удостоверился, насколько интересно было бы произвести там археол[огические] разыскания во множестве курганов, высоких буграх и насыпях, которые хотя и сильно перерыты в давнее и новое время, но еще могут содержать богатую добычу для археологии, особенно в курганах надела крестьянского, несколько далее от берегов моря расположенных группами. Но по случаю смерти означенных владельцев с. Парутино, неопределенности тогдашнего положения с. Парутино и не вполне совершившегося выкупа крестьянами своего надела я не мог приступить там и в соседних имениях к раскопкам на древней почве, хотя и было обещано мне возможное содействие нынешнего глав[ного] командира Черноморского флота г. вице-адмирала Аркаса (Н. Аркас в 1870 г. совместно с Ф.К. Бруном провел небольшие раскопки на территории нижнего города Ольвии (Аркас, Брун 1872). — *Авт.*), которого имение лежит в ближайшем соседстве с сел. Парутино.

Таким образом, я ограничился лишь осмотром древней местности по всей правой стороне Бугского лимана, начиная от земель г. Николаева, успел приобрести там несколько мелких монет и др[угих] вещиц, клейменных ручек древ[ней] посуды, расписных черепков и т. под., и в начале сентября выехал из Одессы <...> в Таганрог» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 10. Л. 64 — 64 об.).

После этих событий в 1872 г. С.Г. Строганов попытался выяснить,

Ольвия. Левая часть пьедестала серого мрамора с сохранившейся частью рельефного венка и надписи — дар управляющего Парутинской экономии С. С. Тарногурского в 1901 г. ГЭ. (ФО. Отп. Q 321-124)

кто унаследовал земли сел Ильинское и Парутино, на которых располагался античный памятник (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 14. Л. 8–9). Земли эти, как выяснилось, перешли к зятю усопшего, графу А.И. Мусину-Пушкину, а точнее, к его супруге Л.А. Мусиной-Пушкиной, урожденной Кушелевой-Безбородко. Интересы супруги, естественно, представлял А.И. Мусин-Пушкин, который решил продать херсонское имение покойного шурина, за исключением 65 кв. десятин в устье реки Буг, на которых и находились руины древней Ольвии. Эти земли он посчитал возможным оставить себе с мыслью «делать на оной земле раскопки для чего предполагал составить компанию» (Там же. Л. 12 — 12 об.). А.И. Мусин-Пушкин был готов составить такую «компанию» с Императорской археологической комиссией.

Подробности этой истории интересны тем, что показывают все сложности договорного процесса при проведении археологических работ в Российской империи на частных землях.

С.Г. Строганов предполагал осуществить раскопки Ольвии на следующих условиях: из числа массового археологического материала, представленного типологически близкими («одинаковыми») вещами, третья часть предоставляется в пользу владельца земли, остальные поступают к раскопщику, но за драгоценные вещи исключительного характера, которые будут найдены в одном экземпляре или не могут быть разделены, следовало производить традиционную выплату, которая была установлена Археологической комиссией в общении с находчиками кладов, т. е. 1/3 стоимости материала.

А.И. Мусин-Пушкин 24 марта 1873 г. ответил выдвижением своих условий. Он оговаривал предварительные сроки работ, а также обязанности владельца земли по охране исследуемого памятника, по несению расходов на раскопки, перевозке найденных предметов в Петербург и т.д. Найденные древности он предполагал справедливым делить пополам между своей супругой и ИАК, причем оценка этих вещей принадлежала Комиссии. Расчет стоимости предметов должен был делаться на основании их общего количества, полученного в течение всего срока работ. Сторона, получившая вещей на большую сумму, должна была выплачивать разницу наличными. При совпадении интересов сторон в намерении получить конкретный предмет необходимо было бросать жребий (Там же. Л. 12 об. — 13).

С.Г. Строганов в письме от 2 апреля 1873 г. заверил владельца земли, что Археологическая комиссия намерена провести раскопки в Ольвии с целью получения материалов, на основании которых можно было бы составить «понятие о быте этой древней

Находки из Ольвии, доставленные в ИАК херсонским губернатором М.М. Веселкиным.
1896 г. (ФО. Отп. Q 513-30)

греческой колонии и со временем образовать в Императорском Эрмитаже особый отдел Ольвийских древностей, наподобие Керченского» (Там же. Л. 14). По этой причине нельзя было допустить, чтобы вещи из одного комплекса попадали бы к разным владельцам. Со своей стороны С.Г. Строганов направил готовый проект условий из 6 пунктов. Работы должны были проводиться за счет Комиссии в течение 5 лет начиная с 1 мая 1873 г. Вещи, найденные в нескольких экземплярах, как предполагалось, должны были делиться поровну, а уникальные вещи и не подлежащие разделению — поступать в казну. Выплата вознаграждения за них могла производиться при обоюдном соглашении. Вещи, не имеющие археологического значения, как то: необработанные камни и слитки драгметаллов — решено было оставлять у землевладельца. Предполагалось составление описи всем найденным вещам, а также присутствие при раскопках доверенного лица землевладельца, которое, однако, не имело права вмешиваться в производство раскопок. Расходы на перевозку предметов несла ИАК, а охрана местности раскопок оставалась за владельцем земли, который по истечении срока обязывался не допускать к раскопкам других лиц. В случае перехода имения в другие руки это условие не теряло своей силы до истечения 5-летнего срока, тогда как последующие раскопки зависели от соглашения Комиссии с новым владельцем (Там же. Л. 15 — 15 об.).

А.И. Мусин-Пушкин согласился с этими условиями 14 апреля, его супруга собственноручно подписала их 3 мая. Графиня Л.А. Мусина-Пушкина отвела для раскопок 65 принадлежащих ей десятин земли (РО. Ф. 1.

Оп. 1-1873 г. Д. 16. Л. 21), и С.Г. Строганов просил допустить к раскопкам в Ольвии И.Е. Забелина. Распространенное в историографии мнение, что ИАК не пришла к соглашению с владельцем земли по поводу раскопок, оказывается неверным. Такое соглашение было подписано, называлось оно «Условия по расследованию курганов, насыпей и пепелищ, находящихся при устье реки Буга» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 14. Л. 20–21). Очевидно, что исследованиям помешало не отсутствие договоренностей, а их нарушение или же иные причины. Возможно, неудовлетворенность самой Комиссии «невнятные» результатами первых исследований Ольвии заставила членов ИАК в дальнейшем ограничить свои усилия изучением керченских и таманских древностей. Впрочем, графиня Л.А. Мусина-Пушкина много лет спустя после раскопок вспоминала о каких-то недоразумениях, возникавших во время их проведения, а также по поводу раздела находок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99. Л. 33 об.).

Первые исследования Ольвии, как известно, были проведены в 1873 г. (Папанова 2006: 33). Раскопки на городище в основном проводились под руководством И.Е. Забелина, работами на некрополе заведовал В.Г. Тизенгаузен; оба получили на это по 2800 руб. В помощь им из Керчи для надзора за рабочими был командирован Семен Зяблов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 16. Л. 47), человек очень опытный и надежный, много лет проработавший с директором Керченского музея А.Е. Люценко.

Методика раскопок, которую использовали археологи в Ольвии, не отличалась особой изобретательностью и тщательностью. Они заложили здесь большое количество траншей, которые

сами называли «канавами» (ОИАК за 1873 г. 1876: XVII–XXXI). Необходимо подчеркнуть, что в том году Комиссия имела возможность привлечь к земляным работам многочисленных рабочих за весьма умеренную плату. По этому поводу И. Е. Забелин информировал петербургское начальство:

«По случаю засухи и неурожая в окрестных местах рабочих собралось множество, так что вместо 50 человек, пришедших вначале, я мог потом ставить на эти канавы более 200 человек разом. В Николаеве рабочие за кубическую сажень с нашим инструментом объявили было цену 5 руб., потом 4 и не захотели идти меньше 3 руб. 50 коп. На месте же я мог уговориться сначала за 2 руб. 50 коп. с их инструментом, и мог даже потом уменьшить эту цену до 1 руб. 70 коп. за кубик» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 16. Л. 6).

Отчет о раскопках, опубликованный Комиссией, почти дословно совпадает с рукописным вариантом (ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 16. Л. 4–12, 21–26; ОИАК за 1873 г. 1876: XVII–XXXI). Что касается результатов проведенных исследований, то их можно суммировать следующим образом. Первым на городище прибыл И. Е. Забелин; общий вид памятника напомнил ему древнюю топографию Москвы с Кремлем и Китай-городом. В прибрежной части он предположил наличие городской площади, а также гавани и пристани; с южной стороны, возле самого акрополя, исследователь заметил «остатки каменного мола, защищавшего от речного волнения приставшие к Ольвии корабли» (ОИАК за 1873 г. 1876: XIX). Почти вся поверхность городища была изрыта ямами, поскольку местные жители активно добывали здесь камень для своих построек. Важными указаниями для

определения места работ И. Е. Забелина являются акрополь (римская цитадель, как его сейчас называют) и «средней величины курган», который в то время ошибочно считали остатками храма Зевса, а в наше время по традиции именуют Зевсовым курганом.

Напротив этого кургана в нижней части города перпендикулярно линии берега было заложено 9 траншей, в которых были открыты лишь «разоренные» каменные фундаменты и «одинокие камни». Впоследствии Б. В. Фармаковский установил, что траншеи И. Е. Забелина не были доведены до материка (ОИАК за 1907 г. 1910: 2–3). В некоторых местах, где мощность слоя составляла 6,10 м, раскопы этого исследователя достигали в глубину всего 1,50 м (ОИАК за 1905 г. 1908: 31). Затем вдоль берега была заложена еще одна «канавка», где обнаружили часть мраморной статуи. Ближе к воде были открыты остатки фундамента, «сложенного ступенями и идущего вдоль набережной»; рядом с ним найден обломок «весьма твердой мозаики» (ОИАК за 1873 г. 1876: XXI). Дальше к югу от этого места на берегу И. Е. Забелин заложил еще 15 раскопов и местами открыл древние фундаменты. Кроме обычных амфорных фрагментов здесь был найден терракотовый рельеф с изображением павлина, цветов и плодов. В одном из раскопов он обнаружил детскую могилу, перекрытую плитой песчаника; в двух других — по человеческому черепу.

В нижней части поселения был сделан раскоп под самым курганом, где также были открыты остатки неидентифицируемой постройки. К северо-западу от него на склоне обрыва исследователь обнаружил цистерну, стенки которой были тщательно оштукатурены.

*Ольвия. Крепида Зевсова кургана. Вид юго-восточной части. Фото 1900-х гг.
(ФО. Отп. Q 321-5)*

Наконец, были проведены исследования самого кургана, для чего в его насыпи землекопы сделали небольшие «вырезы» по 4 и 5 саженьей (около 8–10 м) в ширину. С помощью таких «вырезов» были обнаружены остатки стен, сложенных из хорошо отесанных камней. Нетрудно догадаться, что И.Е. Забелин открыл тогда стены крепиды, но понял их совсем иначе и посчитал, «что курган в действительности насыпан над какою-либо постройкою» (ОИАК за 1873 г. 1876: XXII).

Рядом с курганом в верхней части Ольвии были заложены еще три пробные «канавы». Далее, у южного спуска от кургана удалось обнаружить три каменных постамента для установки памятников. Неудивительно, что здесь была найдена часть мраморной плиты с карнизом и надписью. И.Е. Забелин обратил внимание, что все пьедесталы ориентированы по линии,

направленной к воротам акрополя, предположив, что здесь проходила городская улица (Там же: XXIV).

Затем «канавы» была продолжена к югу, до самой балки. За этой балкой, как заметил исследователь, возвышались какие-то небольшие укрепления, которые он посчитал преддверием «к самому акрополю или крепости». Здесь И.Е. Забелин сделал несколько пробных раскопов и открыл две четырехугольные цистерны с желобами и расположенным поблизости каменным помостом. С северной стороны возле каждой цистерны находилось по большому пифосу (Там же: XXIV–XXV). Описание данной конструкции позволяет считать, что И.Е. Забелин открыл винодельню. Первой эти строительные остатки интерпретировала таким образом Е.И. Леви (Леви 1958).

Пробные раскопы были заложены в нескольких местах акрополя.

В крайнем из них, расположенном у реки, удалось открыть часть крепостного фундамента, сложенного из необработанных камней. В северо-западной части акрополя нередко попадались обломки мраморных плит с древнегреческими надписями (Там же: XXVI).

В. Г. Тизенгаузен приехал в Ольвию после завершения раскопок И. Е. Забелина. Ознакомившись с ситуацией, он счел нужным обратиться к раскопкам некрополя, точнее, небольших курганов и сплошных насыпей, лежащих к западу от городища. На основании проведенных работ он выделил четыре типа ольвийских гробниц:

1. Гробницы, обложенные и перекрытые каменными плитами.

2. Обычные грунтовые (земляные) четырехугольные ямы.

3. Катакомбы, т. е. вырубленные в материке «пещеры», в которые ведет колодеобразный спуск.

4. «Жженые» гробницы, т. е. кремации (Там же: XXVIII).

Сколько гробниц каждого типа было открыто В. Г. Тизенгаузеном, мы не знаем. Исследователь, однако, обратил внимание, что все могилы, обложенные камнем, были ограблены, и, по его мнению, в них совершались погребения зажиточных граждан Ольвии. Катакомбы, некоторые из которых были устроены весьма глубоко, по большей части тоже были ограблены. Земляные гробницы, как правило, сохранились непо потревоженными, но содержали довольно скромный инвентарь, а немногочисленные кремации состояли лишь из пережженных костей с углями и золой. При раскопках одной из насыпей были обнаружены поврежденные свинцовые изображения: двуконная колесница, два воина, всадник, бычья голова, виноградная лоза и пр. (Там же: XXX).

Результаты раскопок некрополя показались В. Г. Тизенгаузену неудачными, и он обратился к городищу, где в его северной части были видны возвышения, позволявшие предполагать наличие древних зданий. Раскопки на этом месте показали, что здесь находились не здания, а мусорные отложения, в которых лишь иногда встречались остатки построек, сложенных частью из дикарных, частью из отесанных камней. После этого исследователь предпринял раскопки в южной части городища, сильно изрытой местными жителями. Здесь ему удалось найти некоторые любопытные предметы: часть статуи в виде головы воина в шлеме, две мраморные плиты с надписями, посвященными Аполлону Простату и пр. (Там же: XXXI).

Нетрудно догадаться, что раскопки в Ольвии впечатлили В. Г. Тизенгаузена не очень сильно, во всяком случае, 9 октября 1873 г. он писал по этому поводу председателю Археологической комиссии:

«Считаю нелишним представить Вашему сиятельству свои соображения о дальнейших раскопках в Ольвии. На вопрос о том, стоит ли вообще еще продолжать раскопки эти, я со своей стороны могу ответить только утвердительно, но полагаю, что дальнейшие работы можно вести не в таких обширных размерах, как в настоящем году, т. е. что достаточно было бы командировать туда только одного из членов Комиссии и затем преимущественно продолжать исследование южной части городища и большого холма, заключающего в себе отчасти уже обнаруженный г. Забелиным правильно сложенный из отесанных камней фундамент большого круглого здания, по-видимому древнего храма, в центре которого, пока еще

не вскрытом, могут оказаться любопытные памятники вроде статуй, обетных надписей и других храмовых принадлежностей. Примыкающие к городищу могильные насыпи едва ли заслуживают дальнейшего обширного разрытия, но любопытно было бы разрыть некоторые из больших курганов, лежащих дальше в степи, но уже за чертою того пространства, на котором графиня Мусина-Пушкина дозволила Комиссии производить раскопки, так что на раскопку этих курганов (с соблюдением прежних условий) придется предварительно получить согласие владелицы.

К производству работ необходимо будет приступить весною, не позднее апреля, так как в это время можно будет нанять местных крестьян за умеренную плату. С наступлением же времени сенокоса и жатвы, и осенью, в случае урожая, легко может статься, что или вовсе нельзя будет добыть рабочих, или нужно будет платить огромные деньги» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 16. Л. 26).

И.Е. Забелин в чем-то вторил В.Г. Тизенгаузену. В донесении, направленном С.Г. Строганову 2 февраля 1874 г., он писал:

«Имею честь донести Вашему сиятельству, что, если благоугодно будет назначить и на нынешний год продолжение раскопок в Ольвийском городище, то, сообразуясь с местными обстоятельствами, относительно более выгодного найма рабочих, необходимо приступить к работам в апреле месяце, вскоре после Святой недели, так как в это время тамошние поселяне свободны от сельских работ» (Там же. Л. 33).

Вполне закономерно, на наш взгляд, что в Петербурге раскопки Ольвии 1873 г. были признаны как «весьма обширные, но весьма безуспешные»

(ОИАК за 1882–1888 г. 1891: СХ). В 1874 г. продолжать их не стали, не произошло этого и на следующий год. О памятнике как будто забыли, и лишь в 1886 г. кишиневский помещик И.К. Суручан (о нем см.: Маркевич 1900b; Chetraru, Răileanu 2001) обратился в Археологическую комиссию с просьбой о возобновлении исследований Ольвии. И.К. Суручан собрал коллекцию ольвийских древностей, которая была распродана после его смерти (ОИАК за 1913–1915 г. 1918: 48). Как известно, многие инициативы, определившие впоследствии направления деятельности Комиссии, были выдвинуты именно в это время, что совпало с появлением в ИАК нового председателя — графа А.А. Бобринского, а возможно, были даже порождены этим назначением и связанными с ним надеждами.

Письмо И.К. Суручана датировано 25 марта 1886 г., в нем, в частности, говорится:

«Вся местность древней Ольвии в настоящее время представляет весьма печальную картину: все перерыто и перевернуто, вынимаются фундаменты древних домов, храмов, городских стен; уничтожаются даже каменные гробницы в курганах, и встречающиеся нередко мраморные плиты разбиваются на куски; камни добываются без всякой системы, где попало и как попало, одним словом, вандализм ужасный» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 22. Л. 1–3).

Во времена И.Е. Забелина памятник, по мнению автора письма, еще не находился в столь печальном состоянии, «и при более серьезном отношении к делу его раскопки могли бы дать блестящие результаты» (Там же. Л. 2 — 2 об.). В письме эта фраза подчеркнута двумя чертами, а рядом с нею на полях

карандашом поставлен восклицательный знак. Обвинения по адресу сотрудников ИАК, естественно, заслуживали особого внимания. И.К. Суручан настаивал, что раскопки Ольвии необходимо возобновить немедленно, в противном случае будет уже поздно, и памятник пропадет для науки. В отношении практической стороны дела он писал:

«Наиболее интересными в этом отношении представляются нетронутая еще часть городской площади, известная тем, что на ней найдено было большинство важнейших эпиграфических памятников Ольвии <...> несколько нераскопанных еще близких к городу курганов и определение направления городской стены» (Там же. Л. 2 об. — 3).

И.К. Суручан обещал А.А. Бобринскому получить «богатые результаты для науки» и просил на это дело всего одну тысячу рублей (Там же. Л. 3). Свое мнение по поводу процитированного послания высказал В.Г. Тизенгаузен, который в специальной записке, составленной 10 апреля 1886 г., прежде всего, ответил на содержащийся в нем упрек по адресу И.Е. Забелина. По его словам, этот упрек «принадлежит к числу тех неблагоприятных инсинуаций, которые обыкновенно приходится выслушивать специалистам со стороны легкомысленных дилетантов, выкрикивающих громкие фразы о “вандализме” и храбро судящих о таких вещах, о которых не имеют ясного понятия» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 22. Л. 4). Далее он указал на сложность раскопок городища, «единственно рациональный способ» исследования которого есть «постепенное обнажение последнего до материка от одного конца в другой, с тем, чтобы ни одна часть его не осталась не раскрытою» (Там же. Л. 4 об.). Такие раскопки, естественно,

будут очень трудоемкими и потребуют десятков, если не сотен тысяч рублей. По этой причине приходится ограничиваться более или менее широкими разведочными траншеями. В этом отношении исследования, проведенные в Ольвии в 1873 г., по его мнению, были безупречными, но, в общем, неудачными, более того — от повторных неудач никто не застрахован. В заключение своей записки В.Г. Тизенгаузен отметил, что «производство в больших размерах раскопок новичком в деле городских исследований более чем рискованно» (Там же. Л. 5 об.).

А.А. Бобринской не вполне согласился со своим сотрудником и счел возможным позволить И.К. Суручану проведение раскопок в Ольвии (Папанова 2006: 33). Ему был выдан Открытый лист и выделено 1000 руб. на два года работ. О согласии на проведение раскопок графиню Л.А. Мусину-Пушкину по каким-то причинам спросить забыли, из-за чего начавшиеся было исследования продолжались всего 12 дней, а затем были ею запрещены (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 22. Л. 23; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: СІХ–СХІV). И.К. Суручан после этого направил в ИАК опись найденных вещей, состоящую всего из 18 номеров (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 22. Л. 26), а также журнал раскопок. Из этого журнала понятно, что небольшие исследования были проведены «в городке» (т. е. на городище), где рабочие «изрыли берег» возле древнего источника в надежде найти надписи (Там же. Л. 30 об.). Более масштабные работы были приняты на курганах, расположенных на двух участках — к северу от Парутина и к западу от него, по дороге в Очаков (Там же. Л. 28 и сл., 31 и сл.). Раскопки курганов явно не отличались

особой осторожностью. Все открытые погребения оказались ограбленными; в одном из них, правда, исследователь нашел 10 человеческих черепов, что дало ему возможность предположить, что «грабители переносили сюда покойников из ближайших гробниц этих курганов и здесь на просторе обирали их» (Там же. Л. 33).

После раскопок 1886 г., которые, как необходимо признать, вновь не дали ожидаемых результатов, в исследованиях Ольвии наступил очередной перерыв, охвативший 8 лет. Однако грабительские раскопки Ольвийского некрополя продолжались, и в 1891 г. парутинские крестьяне, перекапывая землю в одном из дворов, обнаружили погребение, содержащее богатый набор погребального инвентаря (Орешников 1891; Штерн 1906а).

По рассказам раскопщиков известно, что стенки гробницы были обложены камнем, посредине находилось деревянное ложе, на котором было уложено тело усопшей. Ее голову украшал золотой погребальный веночек, лицо было прикрыто золотыми накладками с грубыми очертаниями глаз, ушных раковин и рта, в ушах находились золотые серьги, на шее — 2 ожерелья. Рядом с погребенной лежало бронзовое зеркало и керамические сосуды. находки сразу попали к торговцам древностями в Очаков, а затем в Москву. Поначалу этот набор признали поддельным, но А. В. Орешников решительно возражал против такого понимания, датировав погребение I в. н. э. (Орешников 1894: 12–13). Один из сосудов, происходящих из этой гробницы, — хрестоматийно известная ваза в виде кружки с горельефными фигурами (гротесковое изображение сцены суда Париса), покрытая зеленоватой

глазурью (Шварц 1894; Штерн 1900b: 24–35, табл. I: 1–2; Блаватский 1953: 281–282; Марченко 1971: 23–24; Сидорова и др. 1985: 26, № 78 (146, 147, 148)). Позднее Э. Р. фон Штерн отнес к этому погребению серебряные кубки и пр. предметы, приобретенные американским миллиардером Дж. П. Морганом (Штерн 1906а: 12–13).

В 1893 г. в Вильно проходил IX Археологический съезд, на котором профессор Киевского университета св. Владимира Ю. А. Кулаковский сделал доклад «О керченских катакомбах с фресками». В нем он охарактеризовал эти замечательные памятники классической древности, в исследовании которых принимал самое непосредственное участие (см. главу II). Ю. А. Кулаковский в своем выступлении, однако, не ограничился одним Боспором, но и высказался по поводу других античных памятников.

В частности, он сказал: «Если в Керчи и не идет теперь непрерывная и живая работа по исследованию древностей, как то было раньше, то тем не менее эта территория находится под охраной подлежащей власти и продолжает давать время от времени важные и ценные находки. Но есть и другое место на побережье Черного моря, место забытое и заброшенное, по разным условиям недоступное для научного исследования, это — Ольвия. <...> В Ольвии идут раскопки, но тайные и хищнические. Добываемые таким путем вещи или бесследно исчезают, или в редких случаях, попадая иной раз в руки ученых специалистов и в ученые учреждения, они поучают нас гораздо меньше, чем как то могло быть при иных условиях находки. Территория Ольвии находится в частном владении. Не оказалось ли бы поэтому

возможным обратиться от имени Съезда к собственнице, графине Мусиной-Пушкиной, с просьбой открыть доступ в эти пределы людям ученого интереса» (Протоколы 1897: 111–112). Эти слова нашли живой отклик у собравшихся, и графиня П.С. Уварова предложила Съезду обратиться к Л.А. Мусиной-Пушкиной с ходатайством разрешить Одесскому обществу истории и древностей произвести раскопки на ее землях. Такое обращение было принято (Там же: 112), но, вероятнее всего, оно не возымело никакого действия на адресата.

В том же 1893 г. активность вновь проявил И.К. Суручан. Неудачная попытка раскопок в Ольвии как будто его не очень расстроила или, скорей всего, расстроила ненадолго. В июне месяце он писал А.А. Бобринскому, что готов продолжить исследования Ольвийского некрополя. В том же письме он отмечал, что если проводить работы на крестьянских землях, то разрешение Л.А. Мусиной-Пушкиной не потребуется. По его словам, «самые раскопки должны вестись крайне систематически, т. е. должно взять от главной древней дороги линию на протяжении 75–100 сажений длины и глубиной в 4 аршина (так как покойники в Ольвии встречаются и на этой глубине), и этой сплошной линией вести раскопки по направлению к древнему городу, т. е. до того места, где начинается земля, принадлежащая графине Мусиной-Пушкиной» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 32. Л. 14 об. — 15).

Грандиозность замыслов И.К. Суручана не может не вызывать удивления, ведь он хотел вести раскопки траншеей, достигающей в ширину около или более 200 м, а в глубину — около 3 м. На раскопки гробниц «всех

времен ольвиополитов», как ему представлялось, потребуется 1000 руб. (Там же. Л. 15). Однако в ответном письме в апреле 1894 г. А.А. Бобринской сообщил, что право раскопок в Ольвии уже предоставлено специальному сотруднику ИАК по исследованиям в Херсонской губернии В.Н. Ястребову (о нем см.: Маркевич 1900а); граф лишь просил И.К. Суручана помочь ему в выборе мест для раскопок (Там же. Л. 12), но не более этого.

В.Н. Ястребов был преподавателем Елисаветградского реального училища. Официальное предложение провести раскопки на землях парутинских крестьян было направлено ему из ИАК в марте 1894 г., т. е. через 9 месяцев после письма И.К. Суручана, и средства на раскопки были предложены бóльшие, чем просил И.К. Суручан, — 1500 руб. (Там же. Л. 1). Кандидатура последнего для руководства Археологической комиссии, как видим, в это время была явно неприемлемой. С радостью согласившись на предложение А.А. Бобринского, В.Н. Ястребов писал ему 30 марта 1894 г.:

«В частности, можно бы обследовать правый берег Бугского лимана выше и ниже Парутино, где также есть городища и курганы: в Богдановке (имение Аркаса, который сообщал мне сведения о раскопке одного местного кургана и рисунки открытых в нем древностей), в Аджиголе, в Очакове или — далее — в Коблеве (Одиссос), либо перенести раскопки на нижнее течение Ингульца или Днепра: там тоже много курганов, и больших, а на Днепре и ряд городищ с остатками греческой культуры» (Там же. Л. 4 — 4 об.).

В Ольвии В.Н. Ястребов хотел копать «всей душой», и свое желание он вполне удовлетворил (Папанова 2006:

Находки из раскопок В. Н. Ястребова. Во втором ряду сверху — конский налобник/наносник т. н. позднескифского типа. 1894 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 32. Л. 23)

34). Из отчета о раскопках, направленного в ИАК (Там же. Л. 50–55; ОИАК за 1894 г. 1896: 11–12, 98–103), можно понять, что археолог проводил раскопки курганов, а также «продолговатых сплошных насыпей». В общей сложности он исследовал 28 гробниц, многие из которых были полностью разграблены. Особый интерес в их ряду привлекает гробница № 23, представляющая собой катакомбу с обрушившимся сводом. На ее дне были найдены железные гвозди, медный предмет, который, как представлялось исследователю, мог служить украшением гроба, глиняный предмет в виде скобки, оловянная дужка, железный кинжал с остатками деревянных ножен, остатки проржавевшей железной пики и такого же копья, пучок железных трехгранных наконечников стрел, покрытых ржавчиной, а также медная монета (ОИАК за 1894 г. 1896: 102).

В этом воинском захоронении особое внимание можно обратить на медный предмет, поскольку в других погребениях ничего подобного не отмечено. Дело в том, что на фотографии некоторых находок, происходящих из раскопок В.Н. Ястребова, представлен конский налобник/наносник так называемого позднескифского типа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 32. Л. 23). Очень может быть, что этот налобник/наносник происходит именно из гробницы № 23. Она интересна по той причине, что имеет важное значение для изучения характера взаимоотношений Ольвии с варварским миром во время эллинизма (Симоненко 1982; Канторович 2007).

В январе 1896 г. А.А. Бобринской попросил В.Н. Ястребова прислать в ИАК чертежи открытых им катакомб, а также сообщить о планах дальнейших археологических исследований (РО.

*Б.В. Фармаковский в Ольвии, 1906 г.,
фото В. Малько (ФО. Нег. I 65301)*

Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 32. Л. 57). В ответном письме В.Н. Ястребов сообщил, что чертежей не имеет, а обещания провести раскопки дать не может по причине ухудшившегося здоровья. Несмотря на это, он счел нужным заметить: «В Ольвии же необходимо продолжать раскопки безостановочно, в противном случае скоро все будет застроено или расхищено» (Там же. Л. 60).

В том же году раскопки Ольвийского некрополя были поручены магистранту Императорского Новороссийского университета Б.В. Фармаковскому, которому тогда было всего 26 лет (об этом ученом, его роли в изучении Ольвии и вообще отечественной античной археологии см.: Жебелев 1929; Март 1929; Карасев 1948; Фармаковская 1988; Кошеленко 2004). Он

информировал Археологическую комиссию относительно некоторых деталей организации работ:

«В нынешнем году возможно было копать только на общественных землях Парутина. На частных наделах крестьян, в их огородах и дворах без заключения предварительных условий с ними копать невозможно. Да и заключать такие условия с тамошними крестьянами нелегко и, вер[оятно], не всегда даже возможно. Во всяком случае, заключать условия надо заблаговременно. В окрестностях Парутина (кроме Березани) копать без заключения предварительных условий с владельцами земель также нельзя» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 79. Л. 28 об.).

Б. В. Фармаковский провел исследования некрополя на площадях к западу от раскопов В. Н. Ястребова и обнаружил здесь 44 гробницы (ОИАК за 1896 г. 1898: 78–81, 200–211; Папанова 2006: 35). Археологу тогда представлялось возможным классифицировать древние погребения по глубине их залегания или по слоям. Первый слой находился на глубине 2,14 м, второй — 2,15–4,25 м, третий — 4,26 м и более. Два первых слоя в некрополе Ольвии были представлены обычными грунтовыми и подбойными могилами, третий состоял исключительно из склепов с дромосами (ОИАК за 1896 г. 1898: 79).

Дело с охраной Ольвии и ее некрополя между тем не улучшалось. В «Отчете Императорской археологической комиссии» за 1900 г. по этому поводу говорилось:

«Местные жители и сами власти свидетельствовали, что в неурожайном 1899 году все население села Парутино занималось раскопками, усматривая в древностях единственный ресурс питания» (ОИАК за 1900 г. 1902: 3).

Ю. А. Кулаковский сообщал А. А. Бобринскому, что хищническими раскопками этого года порой одновременно занимались по 300 человек (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99а. Л. 37 об.). В том же 1899 г. председатель Археологической комиссии А. А. Бобринской совершил поездку в Керчь и Севастополь, где еще раз ознакомился с состоянием расположенных там памятников классической древности. Состояние этих памятников в общем удовлетворило его. Свои наблюдения он выразил в рапорте, направленном в ноябре этого года министру императорского двора. В отношении Ольвии А. А. Бобринской, имея в виду плодотворные исследования Керчи и Херсонеса, заметил:

«Ревнителю отечественной старины надеются, что в царствование ныне благополучно царствующего государя императора положено будет такое же начало ко спасению древностей Ольвии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99. Л. 9). По поводу этого памятника он писал далее:

«В числе древних греческих колоний, расположенных к северу от Черного моря, самые замечательные были: Пантикапея (Керчь), Херсонес (у Севастополя) и Ольвия. Последняя расположена на Южном Буге, недалеко от городов Николаева и Очакова, где ныне село Парутино. Ольвия давно уже обратила на себя внимание археологов, но правильных раскопок на ее пепелище произведено мало. Это произошло, главным образом, от того, что местонахождение части ольвийского городища расположено на земле графини Любови Александровны Муслиной-Пушкиной, которая до сих пор не соглашалась дать разрешение на производство археологических раскопок на ее земле. Но запрет владелицы коснулся лишь

научных учреждений (Археологической комиссии и Одесского общества), просивших об этом; на самом деле тайное кладоискательство процветает на земле графини. Такому же расхищению подвергается и та часть ольвийского некрополя, которая располагается на крестьянской земле. Добывание древностей в Ольвии оказалось очень выгодным делом и дало возможность установиться в Николаеве и Очакове известной еврейской фирме братьев Гохманов, к которым крестьяне приносят добытые вещи. Гохманы и другие евреи скупают древности на наличные деньги и затем перепродают их любителям и музеям за большие суммы. Многие из предметов Эрмитажа, Исторического музея и Одесского музея добыты таким путем. Многие вещи попали и в частные собрания (Суручана, Лемме и др.). Много древностей продано и за границу. Кроме продажи древностей Гохманы успешно занимаются и фальсификацией. Из их мастерской происходит и известная скифская тиара, наделавшая столько шума и приобретенная Луврским музеем за двести тысяч франков.

Нынешний год особенно богат тайными находками ценных предметов старины в Ольвии, благодаря неурожаю, побудившему крестьян искать счастья в раскопках. На описываемое печальное положение вещей давно уже обращено внимание археологов, и на бывшем в Киеве в августе месяце сего года Археологическом съезде поднят вопрос о сохранении ольвийской старины. Но поручить эту охрану нашим археологическим обществам не приведет к цели. Дело упорядочения ольвийских древностей должно быть предпринято и доведено до конца правительством; органом же

правительства в данном случае служит Императорская археологическая комиссия. Главная к тому причина — необходимость вести дело в строгом порядке, со строгою отчетностью и под постоянным контролем, а этим условиям в настоящее время удовлетворяет только Археологическая комиссия» (Там же. Л. 9 — 9 об.).

А.А. Бобринской в этом рапорте упомянул и об Археологическом съезде в Киеве 1899 г., от которого у него остались весьма неприятные впечатления. Дело в том, что руководившая работой съезда П.С. Уварова обрушилась на Археологическую комиссию с резкой критикой (см. главу I), упомянув, в частности, и Ольвию. По этому поводу граф отметил:

«Графиня Уварова заявила на публичном заседании киевского съезда, что Московское Археологическое общество уже несколько лет назад могло получить от графини Мусиной-Пушкиной разрешение производить раскопки на ее землях в Ольвии, но общество, за невозможностью найти необходимые средства и людей, предпочло предоставить Ольвию расхищению кладоискателей, чем уступить дело Археологической комиссии. Нельзя не пожалеть о подобном отношении ученого общества к ольвийской старине» (Там же. Л. 11). В речи П.С. Уваровой действительно были критические замечания по адресу ИАК (Уварова 1902: 50–51), но об Ольвии в ней ничего не сказано. В решениях съезда, правда, записано: «Ввиду хищений, которым подвергается за последнее время Ольвия, ходатайствовать перед правительством о выдаче должных средств для производства в Ольвии правильных и систематических раскопок» (Заседание Совета 1902: 164).

Противостояние Археологической комиссии и Московского археологического общества — особая страница в истории отечественной науки. А.А. Бобринской, конечно, не мог признать критику П.С. Уваровой справедливой, тем более — смириться с ней. Необходимо было действовать, и план действий был предложен. Это был план археологического изучения Ольвии, который состоял из пяти пунктов:

«1) Императорская археологическая комиссия организует в Ольвии постоянные раскопки, наподобие раскопок в Херсонесе.

2) Раскопками заведует особый уполномоченный Комиссии, имеющий жительство в Парутино или в ближайшем городе Николаев или Очаков.

3) В руководстве за направлением раскопок принимает участие, по приглашению Комиссии, Одесское общество истории и древностей.

4) Все добытые при раскопках вещи распределяются Комиссией между Императорским Эрмитажем, музеем Одесского общества истории и древностей, Российским Историческим музеем и другими музеями.

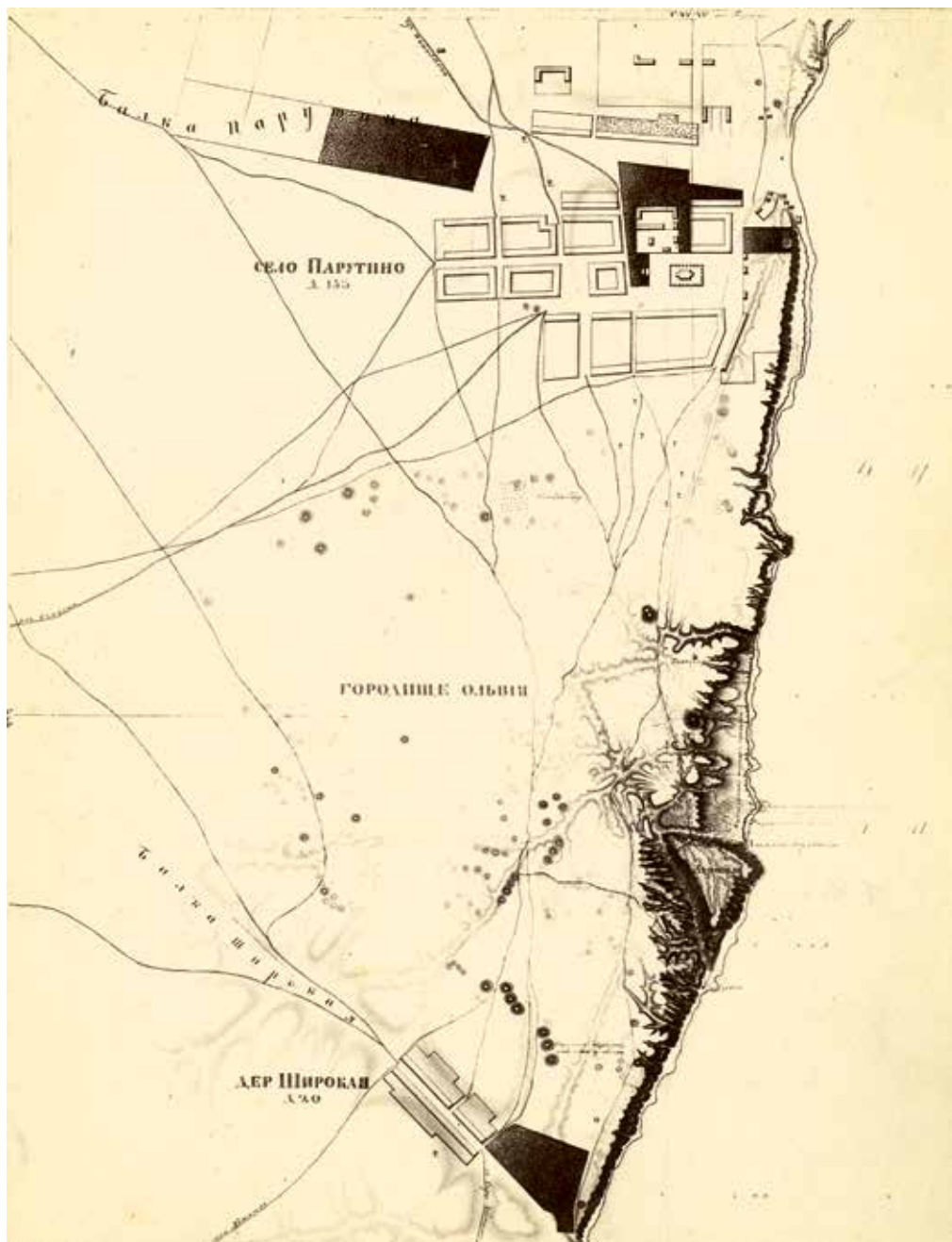
5) На раскопки, приобретение древностей у крестьян и содержание в Ольвии особого уполномоченного ассигнуется ежегодно 4000 рублей, которые вносятся Министерством особым кредитом в смету Императорской археологической комиссии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99. Л. 11 — 11 об.).

Рапорт А.А. Бобринского в этой его части явно писался в состоянии большого эмоционального напряжения. Только этим, на наш взгляд, можно объяснить отсутствие в документе некоторых важнейших организационных моментов. К примеру, ничего не сказано о позиции по этому вопросу владелицы

земли графини Л.А. Мусиной-Пушкиной. Возникают и другие вопросы. Кто из жителей с. Парутино мог бы стать уполномоченным ИАК и где найти квалифицированного специалиста, который смог бы возглавить столь ответственные раскопки? А.А. Бобринской, однако, был полон решимости довести задуманное до конца. В марте 1900 г. он сообщал в Кабинет его императорского величества, что графиня Л.А. Мусина-Пушкина передала принадлежащее ей имение сыну Александру Алексеевичу, «который любезно выразил свое согласие на производство в оном раскопок Императорской археологической комиссии». Для выяснения условий на месте, «составления плана постоянных раскопок и вообще организации всего дела» в Ольвию было решено послать директора Керченского музея К.Е. Думберга» (Там же. Л. 27).

Время для такой инициативы, как оказалось, было выбрано очень неудачно. Нестроения в самой ИАК весной 1900 г., прошение К.Е. Думберга об отставке, уход из Комиссии В.Г. Тизенгаузена и Ф.А. Брауна (подробнее см. главу I) поставили сам проект под угрозу. Возможное изменение планов вызвало недоумение у владельца земли графа А.А. Мусина-Пушкина, который вообще решил отказаться от задуманных раскопок, что удивило и А.А. Бобринского, и Ф.А. Брауна (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 72, 74 — 74 об.). Вероятно, причиной такого отказа была личность Ю.А. Кулаковского, которому Комиссия предполагала поручить раскопки.

Мнение А.А. Пучкова, что почин новому этапу исследований Ольвии положил Ю.А. Кулаковский в 1900 г. (Пучков 2004: 118), представляется не вполне верным. До Ю.А. Кулаковского в качестве руководителя

План села Парутина и городища Ольвии (ФО. Отп. Q 641-3)

ольвийских раскопок рассматривалась еще одна кандидатура — польского археолога Иосифа Новальского (Józef Hilary de Lilia Nowalski, 1857–1928; см.: Wawrzeniecki 1928). А. А. Бобринской направил ему письмо, в котором, в частности, говорилось:

«Относительно же того археолога, коему возможно было бы вверить ведение постоянных раскопок в Ольвии, Комиссия с благодарностью приняла заявление М. И. Ростовцева, указавшего ей на Вас, как на лицо сведущее в деле археологических изысканий. Посему позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою сообщить мне в возможно непродолжительном времени Ваш отзыв по этому вопросу. В случае, если бы Вы признали возможным в принципе согласиться на мое предложение, то не откажите уведомить, не можете ли Вы в течение предстоящего лета поехать в Ольвию, во время пребывания там К. Е. Думберга, и войти с ним в ближайшее сношение о правильной установке этого, столь важного для археологии нашего отечества дела» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99. Л. 28 — 28 об.).

И. Новальский, который к тому времени уже открыл римский Карнунтум, с ответом затянул, поскольку был занят делами в Вене, его письмо было направлено в Петербург лишь в феврале 1901 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99. Л. 45–46). Не исключено, что продолжительное молчание было вызвано долгим раздумьем, поскольку И. Новальскому еще в 1878 г. пришлось покинуть Варшаву и пределы Российской империи, судя по всему, по причинам политическим. Польский археолог отвечал согласием на проведение исследований в Ольвии, но в 1901 г. оно уже, как представляется, мало

интересовало А. А. Бобринского. Археологическая комиссия избрала для раскопок на этом памятнике другую кандидатуру — Б. В. Фармаковского. Что касается 1900 г., то время уходило, и раскопки в Ольвии становились все более и более проблематичными. В таких условиях 17 апреля председатель Комиссии был вынужден вновь обратиться к К. Е. Думбергу со следующим письмом:

«Милостивый государь Карл Евгеньевич!

Вследствие рапорта Вашего от 12 апреля об увольнении Вас от службы и после личных переговоров я питаю полную надежду на то, что причины, побуждающие Вас оставить Императорскую археологическую комиссию, видоизменятся и что мне удастся на долгие годы сохранить на пользу Комиссии столь трудолюбивого и просвещенного ее деятеля. Во всяком случае, считаю долгом уведомить, что рапорту Вашему может быть дан ход лишь после исполнения возложенного мною на Вас поручения по исследованию Ольвийского некрополя. К этому делу я покорнейше прошу Вас приступить с начала предстоящего лета, согласно подробно выясненному и неоднократно обсуждавшемуся в Комиссии плану действий. Условия, на коих граф Мусин-Пушкин согласился разрешить Комиссии произвести раскопки на принадлежащих ему землях, Вам известны. На Ваши же разыскания в Ольвии назначены Вам из Археологической комиссии 1000 рублей, кои будут Вам отпущены обычным порядком. Относительно выдачи Вам Открытого листа и уведомления местных властей об оказании Вам нужного содействия мною вместе с сим сделано надлежащее распоряжение.

О результатах Ваших исследований соблаговолите представить в Археологическую комиссию отчет по обыкновению.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности. Гр. А. Бобринской» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99. Л. 30 — 30 об.).

К.Е. Думберг, однако, был непреклонен. Что касается условий, на которых А.А. Мусин-Пушкин согласился разрешить раскопки на своих землях, то переписка по этому вопросу началась еще в марте 1900 г. Переговоры опять же уперлись в сложнейший вопрос «дележки» находок. А.А. Бобринской настаивал на своих условиях:

«...из вещей совершенно одинакового характера — третья часть предоставляется Археологической комиссией в Ваше распоряжение. При этом от Вас будет зависеть получить или самые предметы, или стоимость их по оценке Комиссии, или по обоюдному соглашению. За такие же предметы, которые найдены будут в одном лишь экземпляре и к разделению которых, следовательно, не представляется возможности, Комиссия уплачивает Вам половину их стоимости, оценивая эти древности по стоимости металла, из которого они сделаны, с надбавкою еще 1/3 той же стоимости предмета; относительно же неметаллических предметов, ценность их определяется путем научной экспертизы в Комиссии или по взаимному с Вашим сиятельством соглашению» (Там же. Л. 29 — 29 об.).

А.А. Мусина-Пушкина эти условия удовлетворяли отнюдь не вполне, во всяком случае, письменное соглашение с Комиссией составлено не было. Что же касается будущих раскопок, то после неудач с И. Новальским

и К.Е. Думбергом ИАК была вынуждена обратиться к Ю.А. Кулаковскому и просить его провести исследования в Ольвии. Трудно сказать, в какой степени на это решение повлияло упомянутое выше выступление киевского археолога на Съезде в Вильно. Председатель Археологической комиссии уверял Ю.А. Кулаковского, что А.А. Мусин-Пушкин эти раскопки «обязательно разрешил», но К.Е. Думберг, которому исследования были изначально поручены, не может этого исполнить по состоянию здоровья (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99а. Л. 1 об.). Последнее, надо признать, было правдой лишь отчасти. Ю.А. Кулаковский откликнулся на предложение без особой охоты, но, в конце концов, все-таки выразил свое «категорическое согласие». Организация раскопок, однако, вновь натолкнулась на противодействие владельца земли, по этому поводу археолог писал в ИАК И.А. Суслову 9 июня 1900 г.:

«Спешу уведомить Вас, что я получил... письмо от графа Мусина-Пушкина, которым он сообщает, что своего согласия на условия, предложенные ему Комиссией, он еще не давал и считает какие-либо работы на принадлежащих ему землях в этом году преждевременными.

А одновременно с этим... я получил письмо от графа Бобринского из Франции, в котором он с уверенностью говорит о согласии, данном ему Мусиным-Пушкиным. Как бы то ни было, дело отлагается, а поэтому не спешите ни переводить деньги в Николаев (если это еще не сделано), ни писать обо мне херсонскому губернатору» (Там же. Л. 4, 37 об.).

Узнав о таком повороте дел, А.А. Бобринской 19 июня срочно телеграфировал из Франции: «Передайте

Ольвийская керамика из раскопок Ю.А. Кулаковского. 1900 г. (ФО. Отп. Q 641-13)

профессору Кулаковскому настоятельную просьбу не отказаться от посещения Ольвии в этом году и начать исследования у крестьян» (Там же. Л. 5). Киевский профессор прибыл на место раскопок и свое впечатление от увиденного выразил следующими словами:

«Вид засыпанных и полусасыпанных ям на всех пустырях со стороны лимана, на всех почти усадьбах и даже на улицах, изрытый по всей своей площади большой курган в конце деревни с поврежденным великолепным склепом, который был недавно открыт и обыскан в тайных раскопках, — все это произвело на меня весьма тягостное впечатление. И чем больше я жил в Парутино, тем больше выяснялось для меня печальное положение дела» (Там же. Л. 37 об.).

Ю.А. Кулаковский предпринял исследования древних могил прямо на улицах с. Парутино (ОИАК за 1900 г. 1902: 3–12; о них см. также: Пучков

2004: 117–120; Папанова 2006). Он обнаружил здесь почти сотню погребальных комплексов: 76 могил обычного типа и 22 земляных склепа. Исследователь обратил внимание, что в погребениях отсутствовали стеклянные сосуды и самыми поздними находками были «мегарские» чаши. Тем не менее этот полевой сезон в Ольвии, судя по всему, ему представлялся неудачным. В своей переписке с И.А. Сусловым К.Е. Думберг сообщал, что он получает «от пана Кулаковского... печальные письма», и предупреждал: «Великий Юлиан нашел в Ольвии много хлама. Часть прислал сюда для склейки. Имейте в виду, что многие вещи им куплены в Ольвии. Он, наверное, скажет, что их нашел» (ОПИГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 111 — 111 об., 139). Впрочем, эти оценки можно связать и с личным отношением К.Е. Думберга к происходящим событиям. Вообще же после раскопок Ю.А. Кулаковского стало ясно, что вся южная часть

села перекрывает древний могильник V–II вв. до н. э. (ОИАК за 1900 г. 1902: 10; Фармаковский 1903: 2). В. А. Папанова считает, что раскопки этого ученого в 1900 г. завершили первый период исследования Ольвийского некрополя (Папанова 2006: 34).

Несмотря на не самые приятные впечатления от проведенных раскопок, Ю. А. Кулаковский в конце своего отчета, направленного в ИАК, высказал некоторые предложения по поводу будущих исследований в Ольвии. Он писал:

«В заключение позволю себе высказать несколько предложений относительно плана действий в Ольвии в будущем году, на случай, что будут устранены затруднения, которые создал в этом году граф Мусин-Пушкин. Наиболее важной и трудной задачей являются раскопки городища. Работы, которые были произведены в 1873 году, не дали никаких результатов, и всякий, кому приходилось посещать Ольвию, вероятно, так же, как и я, недоумевал, зачем было рыть эти огромные канавы в разных частях городища. Общий план древнего города ясен и без всяких раскопок. Если же питать надежду, что под мощным пластом насыпи можно еще найти древние улицы, остатки домов и памятники, то путь к тому один: постепенно мелкими участками расчищать до древнего уровня почвы. Я бы думал, что такого рода работу удобнее и легче начать на нижнем городе, причем землю можно было бы свозить в реку. Те остатки укреплений со стороны реки, которые видели некогда Кеппен и Уваров, в настоящее время разобраны, и камень свезен в экономию. Но самые места еще ясны, и от них-то можно начать расчистку насыпи. Само собою разумеется, что предварительно необходимо

сделать точный план всего городища. Имеющиеся старые планы Кеппена и Уварова, как я мог в том убедиться, не точны, к тому же и овраги, ограничивающие городище и проходящие через него, успели с тех пор значительно разрастись. Помимо этой сложной и трудной, а к тому же и мало обещающей работы, следовало также заняться раскопкой некоторых, по-видимому, еще целых курганов, расположенных на земле графа Мусина-Пушкина к западу от городища. Граф Уваров, принимавшийся за ольвийские курганы, не имел успеха и признал их разоренными. Мало успешны были и раскопки гг. Суручана и Ястребова. Но местные крестьяне добывали кое-что из курганов и в самое недавнее время и докапывались до больших склепов. В одном из них была найдена нетронутая гробница, содержимое которой доставило находчикам 450 рублей. В числе предметов были вазы и деревянный саркофаг. Последний был задержан благодаря уряднику и должен находиться в Херсонском музее. (В бытность свою в Херсоне в августе я, впрочем, его там не видел.)

Наконец, следовало бы начать розыски сплошных некрополей на западе и на юге от городища. Общий вид места к западу таков, что трудно сомневаться в присутствии там могильника. Местные “счастливыцы” не пробовали еще там искать гробниц. Что же касается площади к югу от городища, то в прежнее время, когда экономия не возбраняла раскопок, там бывали раскопки, о чем свидетельствуют виднеющиеся кое-где ямы, бывали и находки, но какие — о том мне не удалось добиться каких-либо сведений. Так как вся эта территория находится под выгоном, то раскопки на ней могли бы

производиться в любую пору. Летом при системе розыска гробниц щупами [они] не причинили бы никакого ущерба владельцу земли, который и после раскопок продолжал бы извлекать из своей собственности тот же доход, какой получается теперь от выпаса крестьянского скота на этом выгоне» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99а. Л. 42 об. — 43 об.).

Б.В. Фармаковский, вернувшись из Стамбула, где по приглашению Русского археологического института пробыл три года (1898–1901 гг.), 1 марта 1901 г. был назначен членом Императорской археологической комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 248. Л. 16), и раскопки в Ольвии были поручены именно ему (Карасев 1976: 13). Дело о подписании договора с владельцем земли к тому времени, однако, вновь зашло в тупик. А.А. Мусин-Пушкин по этому поводу писал А.А. Бобринскому 13 октября 1900 г.:

«При нашей встрече в Париже я обещал написать Вам, любезный граф, на каких условиях я согласен разрешить раскопки в Ольвии.

Я бы давно исполнил это обещание, если бы не случившийся со мною несчастный случай (А.А. Мусин-Пушкин тогда сломал ногу и порвал связки. — *Авт.*).

Из разговоров с матерью моей, которая хорошо помнит о бывших сношениях отца моего с Археологическим обществом (*sic!* — *Авт.*), о постоянно возникавших недоразумениях по поводу проводившихся одно время на нашей земле раскопок и раздела добытых в Ольвии предметов, и из всестороннего рассмотрения этого вопроса летом на месте, я пришел к убеждению, что единственный и самый верный способ избежать этих нежелательных недоразумений в будущем и тем раз навсегда

разрубить трудный гордиев узел — это предложить Императорской археологической комиссии, находящейся под просвещенным Вашим председательством, купить у меня право за известную сумму производить раскопки на всей территории Ольвии или только на части ее. Если Вы найдете, любезный граф, этот проект выполнимым, покорнейше прошу Вас, обсудив его, сообщить мне, на какие условия Вы нашли бы возможным согласиться, и в таком случае мы могли бы вести дальше наши переговоры» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99. Л. 33 — 34 об.).

Археологическая комиссия была готова взять городище в аренду с уплатой за все 60 десятин (т. е. почти 66 га) 400 руб. в год, что превышало выплаты графу со стороны крестьян, пользовавшихся этой землей. А.А. Бобринской уверял А.А. Мусина-Пушкина, что под раскопки ежегодно будет занята небольшая часть памятника, остальную же владелец мог сдавать крестьянам под выпас скота:

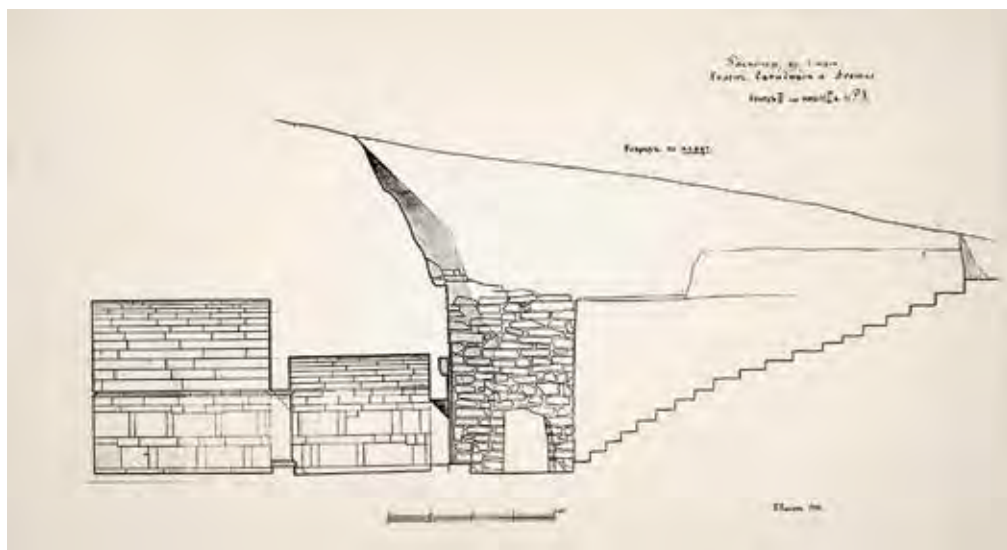
«При этом Комиссия предлагает Вам заключить с нею условие на пять лет, причем Комиссия уплачивает Вам вперед, при заключении условия, 2000 рублей, или же заключить с ней условие на 10 лет; в таком случае Комиссия предлагает Вашему сиятельству уплатить вперед всю сумму в размере всего 3000 рублей» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99. Л. 37 об.).

Предложенная сумма владельцу земли показалась ничтожно малой, он был готов продать право раскопок за 100 000 руб. В конце своего письма А.А. Бобринскому он не без ехидства заметил:

«Если таковое предложение не подходит Комиссии, то покорнейше прошу Ваше сиятельство меня об этом

Ольвия. Вход в склеп Еврисивия и Ареты (конец II — начало III в. н. э.).
Фото 1901 г. (ФО. Отп. Q 495-7)

Ольвия. Склеп Еврисивия и Ареты (конец II — начало III в. н. э.).
Чертеж К. К. Романова, 1908 г. (ФО. Отп. O.1767-49)

Ольвия. Археологический домик. Фото Б.В. Фармаковского. 1912 г. (ФО. Отп. О.2731-78)

Группа участников работ 1907 г. Стоят слева направо: Л. А. Моисеев, С. Н. Грищенко, Г. М. Данилов, Б.В. Фармаковский. Сидит – К.К. Романов. Фото 1907 г. (ФО. Отп. О.832-7)

*Группа участников работ 1906 г. на некрополе. Второй слева Б.В. Фармаковский.
Фото 1906 г. (ФО. Отп. О.2731-33)*

уведомить, так как я в таком случае сочту себя вправе принять другие делаемые мне предложения или на собственные средства производить раскопки. О замене же крестьян-арендаторов Археологическою комиссиею я никогда не думал» (Там же. Л. 38 — 38 об.).

В ответ на это послание графу было направлено письмо 3 ноября 1900 г., в котором сообщалось, что у ИАК нет таких больших денег. Предложенная ранее сумма соответствует доходу, получаемому «с арендования площади городища под крестьянские пастбища», даже значительно превышает ее. В очередной раз владельца земли хотели убедить в том, что «Комиссия не имеет надежды отыскать в Ольвии каких-либо сокровищ, Комиссию, главным образом, интересуют фундаменты древних зданий и храмов; греческие надписи, обломки статуй. Все это имеет

высокую научную ценность, но не материальную». А. А. Мусину-Пушкину вновь предлагалось взять дубликаты вещей, которые будут найдены при раскопках в Ольвии (Там же. Л. 39 об.), но все эти доводы оказались напрасными.

Таким образом, раскопки на графских землях в 1901 г. в очередной раз оказались невозможными, и Б.В. Фармаковский был вынужден продолжить изучение некрополя, лежавшего на крестьянских землях. За один сезон исследователь обнаружил более 100 гробниц, которые относились к трем основным типам: 23 грунтовые могилы, 32 подбойные и 56 склепов с дромосами (Фармаковский 1903: 9). В этом году ему удалось открыть большой каменный склеп Еврисивия и Аре-ты. По поводу этой гробницы исследователь написал: «Этим памятником античного искусства, открытого в недрах

Архитектор К.К. Романов на раскопках в Ольвии. Фото Б. В. Фармаковского. 1909 г. (ФО. Отп. О.1638-26)

России, должно гордиться наше отечество как живым свидетельством той интенсивной культурной жизни, которая была ключом еще в II–III вв. по Р. Х. на берегах нашего Черного моря» (Фармаковский 1902: 20).

Несмотря на очевидный успех работ этого года, Б.В. Фармаковский считал, что «новая эра» в изучении Ольвии была открыта лишь в следующем, 1902 г. (Фармаковский 1906: 1). Надо признать, что ученый имел на это полное право, поскольку именно тогда, после 30-летнего перерыва, удалось провести раскопки на Ольвийском городище. Граф А.А. Мусин-Пушкин проявил, как писал Б.В. Фармаковский, «просвещенное

внимание к нуждам русской науки» и позволил археологам вести работы на площади в 60 десятин (Там же).

Переговоры о подписании договора с владельцем земли, как следует полагать, активно вел Б.В. Фармаковский во время своих раскопок на Ольвийском некрополе. А.А. Бобринской писал по этому поводу А.А. Мусину-Пушкину 18 декабря 1901 г.:

«Член Императорской археологической комиссии Б.В. Фармаковский сообщил мне, что он имел случай беседовать с вами по вопросу о раскопках на принадлежащей Вам территории древней Ольвии, близ села Парутина Херсонской губернии. На крайнюю важность для отечественной археологии систематических раскопок в Ольвии указывается уже очень давно как в русской, так и в иностранной литературе. Вашему сиятельству эта сторона вопроса хорошо известна, поэтому о ней я распространяться не буду. Однако, ввиду того, что находимые в Ольвии древности иногда представляют известную материальную ценность, а в задачи Императорской археологической комиссии, преследующей в своей деятельности исключительно научные цели, никоим образом не может входить извлечение из этой деятельности каких-либо материальных выгод или лишения Вас того, что по закону составляет Вашу собственность, Комиссия считает необходимым выработать точные условия, на которых раскопки на Ваших землях могли бы производиться ею. Признавая желательным, чтобы не только Ваши интересы никоим образом не страдали от производства археологических изысканий на Ваших землях, а, напротив, чтобы Вы могли иметь в этом случае даже выгоду, Комиссия могла бы

в настоящее время предложить Вам следующие условия:

1) Комиссия имеет право производить раскопки на территории древней Ольвии, занимающей 60 десятин принадлежащей Вам земли, в течение 10 лет (*прим. в тексте:* Так как Комиссия предполагает систематически исследовать все городище, переходя мало-помалу от одного участка к другому, то пользование землей, покосами или иначе, насколько это прямо не препятствует работам Комиссии, остается в полном Вашем распоряжении. Гр. А. Бобринской).

2) Все расходы по ведению работ и по пересылке открытых при них древностей в С.-Петербург Комиссия принимает на себя.

3) Половина всех совершенно одинаковых из найденных вещей поступает в Ваше полное распоряжение; она может быть приобретена и Императорскою археологическою комиссией по ее оценке, в случае, если Вы не желали бы удержать ее у себя или продать в другие руки.

4) Вещи, найденные в единственном экземпляре, оцениваются особой Комиссией в С.-Петербурге и Вам уплачивается половина определенной ею цены, самые же вещи поступают в собственность правительства для помещения в государственных музеях.

5) Члены упомянутой особой Комиссии для оценки найденных вещей назначаются по соглашению Императорской археологической комиссии с Вашим сиятельством.

6) Разбор вещей, определение дублетов и раздел их согласно п. 3 происходит в помещении Императорской археологической комиссии в С.-Петербурге, куда все вещи доставляются по окончании раскопок каждого

года при описях, засвидетельствованных подписями лица, производившего раскопки, и Вашего уполномоченного на раскопках. До производства раздела Вам передается копия указанных описей за подписью тех же лиц.

7) И[мператорская] а[рхеологическая] комиссия принимает на себя, когда потребуется, содержание сторожей по охране Ольвийского городища от хищнических раскопок.

8) Извлеченный при раскопках камень, не принадлежащий к древним строениям и годный для употребления в какое-либо дело (напр., для строительных надобностей, для мощения улиц и пр.), поступает в Вашу собственность, но фундаменты или части древних строений, которые могут быть открыты при раскопках, должны оставаться неприкосновенными или, по крайней мере, не могут быть разбираемы и употребляемы в дело без разрешения Комиссии.

Представляя эти условия на благоусмотрение Вашего сиятельства, Императорская археологическая комиссия позволяет себе надеяться, что Вы не откажете ей в любезной готовности войти с нею в соглашение по вопросу, столь важному и столь давно уже ожидающему разрешения. Вы оказали бы незабвенную услугу науке, приняв указанные выше условия, и Ваше имя осталось бы навеки памятным в истории отечественного просвещения» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 99. Л. 48 — 49 об.).

А. А. Мусин-Пушкин внес в проект договора лишь незначительные поправки, и столь нужный документ наконец был подписан. Сразу добавим, что в 1912 г. договор между Императорскою археологическою комиссией и А. А. Мусиным-Пушкиным был продлен на следующие 10 лет, т. е. до 1922 г. (Там же.

Л. 59–60). О подписании столь важного документа А.А. Бобринской докладывал в Министерство императорского двора 8 января 1902 г. В нем он напомнил, что в 1901 г. от раскопок на землях графа А.А. Мусина-Пушкина пришлось отказаться из-за неисполнимости предложенных им условий. Наконец с владельцем земли подписано особое соглашение, и проведению раскопок в Ольвии больше ничто не мешает. Председатель Археологической комиссии просил довести обстоятельства дела до сведения императора и отметил также:

«Из личного моего посещения Ольвии я вынес то убеждение, что систематические раскопки в этом городище неминуемо увенчаются блестящими научными открытиями. Конечно, как бы не были счастливы раскопки г. Фармаковского в этом году, нельзя немедленно ожидать дальнейших крупных находок, но я приемлю смелость утверждать, что со временем ольвийские раскопки вполне оправдают потраченные на них средства и усилия» (Там же. Л. 54 об.).

Несмотря на достигнутую договоренность с владельцем земли о проведении раскопок, его взаимоотношения с Археологической комиссией вряд ли можно признать бескорыстными. Впоследствии сын А.А. Бобринского писал о раскопках в Ольвии следующее:

«Все, что там находили, а находили очень много предметов, делилось пополам, и граф Мусин-Пушкин каждый год приезжал на выставку находок, которую мой отец устраивал в Археологической комиссии, и выбирал себе добрую половину вещей. Только вторую половину мой отец “спасал” для какого-нибудь музея или даже для само-го Эрмитажа. Приходилось приходить

к соглашению с собственником земли, на которой такие находки происходили. Граф Мусин-Пушкин был очень культурный человек, но отец мой иногда кусал себе губы, когда Мусин-Пушкин себе забирал какую-нибудь мраморную статую пятого века до Рождества Христова» (Бобринский 2003: 502).

Городище в то время представляло собой «огромный пустырь, изрытый кладоискательскими ямами и траншеями 1873 г.» (Фармаковский 1906: 2). Б.В. Фармаковский для начала поставил задачу установить границы города и его некрополя и приступить к изучению городской застройки. Принципиальное значение, конечно, имело также определение хронологии существования Ольвии. Уже после раскопок 1901 г. было установлено, что Ольвия существовала вплоть до IV в. н. э. (Там же: 6). Исследователь скрупулезнейшим образом изучал систему напластований городища и вскоре пришел к заключению, что здесь можно выделить шесть крупных слоев, последний из которых (шестой) относится к времени архаики (ОИАК за 1908 г. 1912: 7).

Важной задачей исследований городища в 1902 г. стало изучение так называемого Зевсова кургана, который И.Е. Забелин признавал остатками храма Зевса. Большой каменный склеп здесь был обнаружен в 1903 г. К сожалению, он оказался полностью ограбленным, но после этого открытия для всех стало ясно, что курган является погребальным памятником (Фармаковский 1906: 7–9), относящимся к II в. н. э. (Карасев 1976: 14–15). Зевсов курган, как было установлено раскопками, был сооружен на руинах более ранних зданий, что дало возможность предполагать, что в первых веках нашей эры, после гетского

разгрома Ольвии, площадь города сильно сократилась.

Другой важной задачей раскопок городища стали поиски оборонительных сооружений. Исследователей, конечно, очень волновали рассказы Геродота, описавшего стены и башни Ольвии V в. до н. э. (Геродот 1972: 207 [IV. 78]), но выявить их оказалось очень нелегко. В 1904 г. Б. В. Фармаковский заложил большой раскоп на восточном склоне Заячьей балки и обнаружил городскую стену на протяжении 50 м, датировав ее IV в. до н. э. (ОИАК за 1904 г. 1907: 1–41; Карасев 1976: 16–17). С наружной стороны стены тогда же были открыты остатки крупной башни, которую исследователь отнес к II–III вв. н. э. (ОИАК за 1904 г. 1907: 23).

В 1905–1906 гг. были проведены масштабные работы на так называемой римской цитадели (ОИАК за 1905 г. 1908: 1–35; ОИАК за 1906 г. 1909: 1–50). В результате было доказано, что в первые века нашей эры здесь действительно находилась компактная крепость, своего рода цитадель. Тогда же были проведены исследования примыкающей к ней городской застройки. В 1906 г. была открыта часть улицы, ведущей к цитадели. Некоторые обнаруженные тогда находки дали основание исследователю полагать, что на позднем этапе истории культура Ольвии имела «значительный налет культуры восточной, близкой к культуре сасанидского Ирана» (ОИАК за 1906 г. 1909: 44).

В 1907 г. Б. В. Фармаковский сосредоточил усилия на поиске оборонительных сооружений Ольвии вдоль Северной балки. Ему удалось обнаружить часть рва глубиной до 6 м, защищавшего город с севера (ОИАК за 1907 г. 1910: 7, 13). В этом же году были открыты очень плотные субструкции шириной

Ольвийская ваза (III в. н. э.) из раскопок
Б. В. Фармаковского. 1901 г.
(ФО. Омн. Q 641-18)

5 м, которые археолог посчитал основанием оборонительных стен. По его мнению, ров представлял собой часть самых древних укреплений Ольвии, которые были заменены новыми стенами после середины IV в. до н. э. (Там же: 59). Впоследствии, правда, в заполнении рва были обнаружены фрагменты краснофигурных ваз позднего стиля, которые Б. В. Фармаковский датировал первой половиной III в. до н. э. и посчитал, что они дают *terminus post quem* для более поздних укреплений (ОИАК за 1908 г. 1912: 47). С общим заключением исследователя вполне можно

Ольвия. Общий вид на башню и стены римской цитадели. Раскопки Б.В. Фармаковского. 1904 г. (ФО. Отп. О.785-91)

Ольвия. Общий вид на южную часть городской стены. Раскопки Б.В. Фармаковского. 1904 г. (ФО. Отп. О.785-21)

Ольвия. Вид раскопок кургана близ Археологического домика. Раскопки Б. В. Фармаковского. 1907 г. (ФО. Отп. О.2731-52)

Ольвия. Курган со склепом № 10 на участке А. А. Мусина-Пушкина. Фото Б. В. Фармаковского. 1907 г. (ФО. Отп. О.1702-4)

Ольвия. Могила № 30 — общий вид с погребальным инвентарем. Раскопки Б. В. Фармаковского. 1913 г. (ФО. Отп. О.1323-15)

Ольвия. Антропоморфное изваяние, найденное в закладе подбойной могилы. Фото Б. В. Фармаковского. 1906 г. (ФО. Отп. О.819-1)

согласиться, а вот предложенные им даты явно нуждаются в корректировке, поскольку, по существующим сейчас представлениям, самые поздние образцы аттической краснофигурной посуды не переживают конца IV в. до н. э.

В 1909–1910 гг. были проведены крупные раскопки на площади так называемого нижнего города, прилегающего к Южному Бугу, где уже в первом сезоне было выявлено семь различных уровней, или слоев (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 6), а в дальнейшем был выделен и восьмой (ОИАК за 1912 г. 1916: 2). Б. В. Фармаковский обратил внимание на открывавшиеся во время раскопок следы пожаров и разрушений и пришел к заключению, что город неоднократно переживал разгромы (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 7). Под

напластованиями первых веков нашей эры на участке были раскрыты остатки здания с алтарем III–II вв. до н. э., отличающиеся очень хорошей сохранностью (Карасев 1976: 18–19). В дальнейшем раскопки были перемещены на площадь к югу от раскопа 1909–1910 гг. (ОИАК за 1911 г. 1914: 1–14; ОИАК за 1912 г. 1916: 1–30). В 1913 г. раскоп был расширен в северном направлении, но начавшаяся на следующий год Первая мировая война помешала Б. В. Фармаковскому исполнить задуманные планы. В 1915 г. раскопки на городище уже не проводились, поскольку набрать рабочих для этого было невозможно (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 1–2).

Раскопки некрополя Ольвии проводились Б. В. Фармаковским

Ольвия. Раскопки у Заячьей балки. Раскопки Б.В. Фармаковского. 1904 г. (ФО. Отп. О.785-4)

Ольвия. Вид на раскопы I, II, IV и V во время работ. Вид с юго-запада.
Фото Б.В. Фармаковского. 1908 г. (ФО. Отп. О.833-3)

*Ольвия. Мозаичная половая вымостка IV слоя — угол с пальметкой.
Раскопки Б.В. Фармаковского. 1902 г. (ФО. Отп. О.784-17)*

Ольвия. Выставка находок в 1905 г. (ФО. Отп. О.791-1)

Ольвия. Раскоп IV. Вид на обломки ваз, светильников и прочих изделий из глины, найденных в процессе раскопок. Фото 1907 г. (ФО. Отп. О.824-5)

Ольвия. Мраморная плита с хвалебным декретом в честь гражданина Каллисфена, сына Дада. Раскопки Б. В. Фармаковского. 1904 г. (ФО. Отп. О.785-86)

параллельно с изучением городища. Каждый год открывались десятки погребальных комплексов, накапливался интереснейший археологический материал. Последний сезон на некрополе был проведен в 1915 г., когда было открыто 190 гробниц обычных для Ольвии типов, подавляющее число которых принадлежало времени архаики (Там же: 26). Любопытно, что в закладе одного из земляных склепов (№ 21) был обнаружен камень с «оригинальной отделкой» в виде рельефной рамки по краю и рельефного круга в центре диаметром 14 см (Там же: 32–33). Б.В. Фармаковский отметил, что первоначальное назначение этого камня непонятно, однако на фотографии этого комплекса камень прекрасно виден. Бросается в глаза его сходство с так называемыми тарапанами, т. е. основаниями приспособлений для выжимки виноградного сока, использовавшимися в виноделии, в частности, на Боспоре (Гайдукевич 1958: 386, рис. 29). Совсем не исключено, что вышедший из употребления ольвийский тарапан был использован для сооружения заклада в одном из погребальных комплексов.

Раскопки Б.В. Фармаковского в Ольвии в 1901–1915 гг. для отечественного антиковедения имеют очень большое значение. В это время был постепенно выработан послойно-квадратный метод изучения античных городищ, который до сих пор используется археологами (Карасев 1976: 19). Методика, разработанная в Ольвии, применялась и на памятниках других археологических эпох, в частности для изучения древнерусского города и его храмовой архитектуры. Известно, что в 1908 г. Б.В. Фармаковский, параллельно с раскопками в Ольвии, возглавил работы по изучению Десятинной

церкви в Киеве (подробнее см. главу XII). В результате многолетних систематических раскопок ольвийских памятников был получен богатейший вещевой материал, без которого невозможно представить настоящее и будущее нашей античной археологии (см.: Козуб 1974; Парович-Пешикан 1974; Крыжицкий 1985; Крыжицкий, Лейпунская 1997; Крыжицкий, Лейпунская и др. 1999; Леви 1985; Скуднова 1988; Виноградов 1989; Крапивина 1993; Папанова 1993; 2006; Виноградов 2006; Ważowicz 1975).

После Февральской революции Императорскую археологическую комиссию постигла череда преобразований, однако изучение античных древностей вообще и ольвийских в частности продолжало оставаться в числе ее приоритетов. Необходимо отметить, что именно в структуре РГАК был создан Отдел древностей античных и древнехристианских, во главе которого встал Б.В. Фармаковский. На период с 1 июля 1918 г. по 1 января 1919 г. все отделы Комиссии должны были составить сметы планируемых финансовых расходов, снабдив их записками о научной деятельности подразделений, а также о задачах на будущее. Относительно работы Отдела древностей античных соответствующую записку составил Б.В. Фармаковский. Основной упор в ней сделан, естественно, на изучении Ольвии. Стоит подробно ознакомиться с этим документом. Исследователь писал:

«В почве России сохранилось чрезвычайно много остатков культур древнегреческой, римской и эпохи от начала нашей эры до появления славян. Многие из этих остатков представляют первоклассные произведения искусства. Многие являются весьма ценными по составу своего материала

Ольвия. Терракотовая статуэтка Кибелы. Раскопки Б. В. Фармаковского. 1910 г. (ФО. Q 585-12)

Ольвия. Терракотовая статуэтка воина (I–II вв. н. э.). Раскопки Б. В. Фармаковского. 1915 г. (ФО. Q 590-8)

(многочисленные предметы из золота). В России находятся чрезвычайно живописные руины имевших большое значение городов и поселений. Крайне интересны и сохранившиеся древние монументальные гробницы, которые своей архитектурой поражают всех наблюдателей. Россия представляет единственный в мире ансамбль древних античных расписных склепов (в Керчи). Произведения античной художественной промышленности украшают в громадной массе витрины наших важнейших музеев. Все это добыто было раскопками в древних могилах. Какой высокий художественный и научный интерес представляют античные памятники, извлеченные из гробниц, обнаруженных в почве России, наглядно показывают

и объемистые томы, б[ольшей] ч[астью] вышедших в свет изданий Археологической комиссии, снискавших себе известность в ученом мире. Не менее важны найденные в России в огромном количестве древнегреческие и латинские надписи, которые с поразительной наглядностью рисуют нам всю культурную и социальную жизнь в древних городах, находившихся на почве России. Найденные в России античные монеты также преисполнены глубокого интереса. Многие из них высокой художественной работы, и все они дают ценный материал для истории нашей страны в древнейшие времена.

Сказанного достаточно, чтобы видеть, как действительно важна надлежащая постановка дела археологического

исследования античных памятников в России и каких важных результатов от нее можно ожидать. Задачи огромны, а выполнить их, можно сказать, до сих пор только более или менее намечалось. Отдел древностей античных, конечно, прежде всего, должен нести (sic! — *Авт.*) археологические раскопки, которые ведутся уже с 1859 года. По обстоятельствам времени, однако, теперь приходится пока ограничиться мерами охраны открытых раскопками Комиссии развалин древних городов в Керчи, Херсонесе и Ольвии. В названных местах необходимо сохранить имеющийся штат служащих, занятых охраною развалин древних городов, древних гробниц, а также инвентаря и музеев. Состав и ставки по Керченскому музею древностей определяются в представляемой смете по нормам, установленным Комиссариатом имуществ Республики (§ 3, ст. 4, лит. А).

В сумму, испрашиваемую на раскопки Херсонеса (12630 руб.), входит содержание личного состава (10230 руб.) по ставкам, установленным Комиссариатом имуществ республики, и на необходимые хозяйственные расходы по неотложным раскопкам, ремонтам построек, инвентаря и т. п., по расчету по 200 руб. в месяц (§ 3, ст. 4, лит. Б).

Сумма на раскопки в Ольвии (§ 3, ст. 4, лит. Б) в 5820 руб. слагается из содержания личного состава (4620 руб.), установленного Комиссариатом имуществ республики, и неотложных расходов по 100 руб. в месяц.

Рассеянные на большом пространстве многочисленные памятники античной культуры до сих пор не были даже зарегистрированы. Для науки крайне важно провести сохранившиеся памятники в известность и составить

их описание, сфотографировать, зачертить и зарисовать. Необходимо зарегистрировать и развалины античных поселений (городищ) и древние могилы (курганы), рассыпанные по степям.

Прежде всего, в ближайшее же время желательно было бы составить подробную карту всех имеющихся курганов. На эту работу надо было бы 3000 руб. Далее желательно произвести съемку скифских городищ, что потребует 5000 руб. Подготовка Сборника с описанием курганов, которые необходимо сделать в дополнение к карте курганов, потребует 3000 руб. Необходима съемка с руин мелких греческих поселений. На все надо было бы 5000 руб.

Раскопками, производившимися долгие годы, к настоящему времени собран уже колоссальный материал, властно призывающий исследователей к его обработке. Настоятельно необходимы работы по подготовке к изданию материала, добытого раскопками 1901–1915 гг. в Ольвии; весь материал в настоящее время находится в Петрограде, в помещении Археологической комиссии. Необходимость издания этого материала очевидна.

До сих пор работы по подготовке издания древностей Ольвии шли очень медленно, так как Комиссия могла приглашать для ведения регистрационных работ лиц по вольному найму с очень скромным вознаграждением по 35 руб. в месяц. Научная обработка материала до сих пор лежала только на члене Комиссии Б.В. Фармаковском <...> Теперь настоятельно необходимо издание общего сводного труда по Ольвии, без чего многолетние исследования, на которые были сделаны большие затраты, остались бы незавершенными, а сделанные ранее расходы непроизводительными.

Число предметов, добытых раскопками в Ольвии, доходит до 40 000. С большей части этих предметов должны быть даны рисунки и чертежи, так как эти предметы представляют новый материал для науки.

На чертежи и рисунки по подготовке издания древностей Ольвии надо положить до 10 000 руб.

В настоящее время, пока невозможны археологические исследования на местах (из-за обстоятельств времени), важно сосредоточить все внимание на издательской деятельности. Предположено в ближайшее же время приступить к подготовке издания атласа южнорусских древностей <...> Древностям Скифии посвящают две публикации (древности из окрестностей Оренбурга и из Келермеса <...>). Древним античным монетам посвящается труд М.И. Ростовцева <...> Ряд мелких работ по древностям Скифии, Босфора и Ольвии будет напечатан в очередных выпусках “Известий Российской государственной археологической комиссии”. Начатый печатанием труд М.И. Ростовцева “Исследования по истории Скифии и Босфора” <...> преследует идею популяризации знаний по древностям нашего юга.

С целью популяризации знаний отдел предполагает в текущем году организовать практические занятия по предметам древности, находящимся в Археологической комиссии, с интересующимися молодыми учеными и любителями древности» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 62–64).

Надо признать, что записка Б.В. Фармаковского не отличается особой грандиозностью замыслов. Значительно более масштабные сочинения были предложены в области изучения древностей Востока. Новым властям

эти перспективы как будто представлялись более важными. Вместе с тем приведенный документ оставляет немало недоуменных вопросов. Ясно, что в сложившейся тогда политической ситуации Б.В. Фармаковский вполне осознавал невозможность проведения раскопок на юге России, но, несмотря на это, просил средства на возобновление исследований в Ольвии и Херсонесе. Непонятно также, как можно было провести работы по составлению карты курганов или съемке планов городищ, поскольку в условиях гражданской войны любая из противостоящих сторон приняла бы ученых за шпионов со всеми вытекающими из этого последствиями. Продолжение раскопок в Ольвии можно было реально планировать только после стабилизации общественно-политической ситуации. В 1919 г. война еще продолжалась.

В этом же году Археологическая комиссия прекратила свое существование. На созданном ею фундаменте была организована Российская академия истории материальной культуры — учреждение, перед которым ставились более широкие научные задачи. Ольвийская экспедиция РАИМК под руководством Б.В. Фармаковского смогла продолжить изучение памятника только в 1924 г. (Фармаковский 1926; Карасев 1976: 19–20). Подводя итог сказанному, необходимо признать, что Императорская археологическая комиссия сыграла важную роль в изучении Ольвии (Vinogradov 2013: 257–266). Первые раскопки памятника (1873, 1886, 1894, 1896 гг.), правда, носили эпизодический и несистемный характер, но к рубежу веков всем уже стало ясно, что Ольвия имеет принципиальное значение для исследования классической культуры на северном берегу Черного

моря. Этот поворот в умонастроениях ученого сообщества вполне отчетливо проявился в 1900 г., когда, несмотря на целый комплекс непростых проблем, под руководством А.Ю. Кулаковского были проведены раскопки ольвийского некрополя. С 1901 г. работы в Ольвии возглавил один из выдающихся отечественных антиковедов — Б.В. Фармаковский. С 1902 г., наконец, было начато комплексное изучение памятника, т. е. не только ольвийского некрополя,

но и городища. Ученые постепенно стали раскрывать материальную культуру древнегреческого государства, просуществовавшего в Северном Причерноморье целое тысячелетие. Важно еще раз подчеркнуть, что тогда же была разработана методика послойно-квдратного изучения культурных напластований при широком вскрытии площадей. Все эти достижения заложили фундамент для последующего развития античной археологии.

Однако примерно в 40 км к юго-западу от Ольвии находится еще один важный памятник античного мира в Причерноморье. Располагавшееся здесь поселение просуществует вплоть до раннего средневековья и сыграет важную роль в становлении средневековой Восточной Европы и ее торговых и политических контактов с Византией и арабским миром. Археологическое изучение этого памятника было связано, пусть и на короткий срок, с именем исследователя Ольвии Б.В. Фармаковского. Оно соответствовало ученой стратегии Императорской археологической комиссии. Речь идет о древнем Борисфене на острове Березань, известном византийцам как остров св. Эферий. Исследования Ольвии и Березани тесно связаны между собой в истории ИАК, что делает логичным включение обзора этих исследований в один очерк.

Остров Березань, расположенный в Черном море на выходе из Буго-Днепровского лимана напротив г. Очакова, является одним из хорошо изученных и прекрасно известных в научной литературе археологических памятников. Он имеет небольшие

размеры — 860×470 м и по форме напоминает треугольник, вытянутый в меридиональном направлении.

История проведения раскопок на острове не раз привлекала внимание исследователей (см.: Фабрициус 1951: 56–61; Капошина 1956: 214–232; Соловьев 2005a; 2005b: 9–12; Solovyov 1999: 19–27; Vinogradov 2013: 266–269). Ученому миру Березань стала известна в первой половине XIX в. В 1821 г. остров осмотрел академик Е.Е. Келер, он же первым опубликовал найденные здесь надписи (Тункина 2002a: 416–423). Через 30 лет после этого Березань посетил граф А.С. Уваров, отметивший, что «вся [его] почва усеяна черепками греческих красных амфор; кое-где лежат еще обломки белого мрамора и зеленого камня, очень схожего с яшмою». Он заметил здесь шесть древних курганов и попытался определить местоположение храма Ахилла, который, как следует из надписей, почитался на Березани и в Ольвии. Исследователь отождествил его с остатками крупного здания, имевшего 40×78 сажений, т.е. приблизительно 85×166 м (Уваров 1856: 141–142). Скорее всего, А.С. Уваров сделал

План острова Березань с обозначением участков, исследованных Э.Р. фон Штерном (по: Solovjov 1999):

1. «С-1-3». Штерн, 1904.
2. «А-1». Штерн, 1904–1909, 1913; Болтенко, 1927.
3. «В-1-3». Штерн, 1904.
4. «В-4». Штерн, 1904.
5. «В-5». Штерн, 1904.
6. «V-1». Штерн, 1904.
7. «V-3-5». Штерн, 1904.
8. «V-8». Штерн, 1908–1909, 1913; Болтенко, 1927–1928.
9. «К-3». Штерн, 1907.
10. «С-4-5». Штерн, 1905, 1907–1908.

это ошибочно, приняв за руины храма остатки укреплений, возведенных на острове турками (Болтенко 1960: 45; Соловьев 2005а: 31).

Первые раскопки на Березани были предприняты в 1884 г. членом Одесского общества истории и древностей и приват-доцентом Новороссийского университета Ромулом Александровичем Пренделем (1851–1904), помощником которого был лаборант Виндгальм. Сделано это было по поручению VI Археологического съезда в Одессе, который состоялся в том же году (Прендель 1886: 216–219). Масштабы исследований были весьма ограниченными, при этом Р.А. Прендель стремился найти следы «доисторического человека». Таковых он на острове не нашел и с некоторым огорчением констатировал, что все обнаруженные им материалы относятся «ко времени древнегреческих колоний на берегах Черного моря». Любопытно отметить при этом, что Р.А. Прендель правильно заключил, «что остров Березань был в новейшие геологические эпохи соединен с материком» (Прендель 1886: 219).

В Императорской археологической комиссии результаты раскопок Р.А. Пренделя не произвели особого впечатления. Во всяком случае, в «Отчете» о деятельности Комиссии в 1903 г. записано: «Проф. Р.А. Прендель был геологом, г. Виндгальм натуралистом; не их вина, что сделанные ими открытия не были оценены по справедливости и что доставленные ими весьма важные для археологии юга России предметы не были исследованы, изданы и не сделались достоянием науки. В конце концов, об их существовании, кажется, и совсем забыли <...> Перед Виленским археологическим съездом, весной 1893 года группа

членов Императорского одесского общества истории и древностей, приняв экскурсию в Ольвию, в Очакове обратила внимание на коллекцию древностей священника Левицкого, состоящую в значительной части из сосудов <...>» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 80. Л. 51 — 51 об.). Надо признать, что коллекция Н.Л. Левицкого в истории изучения Березани сыграла немалую роль, но подробно о ней будет сказано ниже.

Через три года после Археологического съезда в Вильно, в 1896 г., ограниченные раскопки на острове предпринял Б.В. Фармаковский. Как известно, тогда он проводил исследования некрополя Ольвии (см. выше), но сумел на несколько дней заглянуть на Березань. Его работы были сосредоточены в северной части острова, где было открыто несколько могил, которые исследователь датировал первыми векам н.э. (ОИАК за 1896 г. 1898: 81, 212). В отчете о раскопках он заметил: «Что касается того, где находились более древние могилы (из которых, конечно, происходят вазы древних стилей с о. Березани), то из расспроса очаковских жителей я узнал, что фрагменты ваз древнегреческих стилей были находимы на о. Березани в его северной части и что <...> там же находился древнейший некрополь. Всю северную часть острова Березани и необходимо исследовать: там нужны большие раскопки в возможно непродолжительном времени, т.к. крутые берега острова постоянно обваливаются под напором волн бурного Черного моря и увлекают с собою в пучину древние могилы с их драгоценным для науки материалом» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 79. Л. 18 об.).

Именно тогда Б.Ф. Фармаковский осмотрел коллекцию священника Троицкой церкви в Очакове

Никиты Левицкого, о существовании которой ученое сообщество узнало в 1893 г. Н.Л. Левицкий, проявляя интерес к древностям, собрал коллекцию, в значительной степени состоящую из ваз, найденных на Березани. На Б.Ф. Фармаковского она произвела большое впечатление.

Он был «поражен керамическими находками с острова Березани в коллекции о. Н.Л. Левицкого, доказывающими присутствие греческих поселений на означенном острове, начиная с VII в до Р. Х. вплоть до первых веков нашей эры» (Там же. Л. 53). В 1900 г. в ИАК окрепла решимость приобрести собрание очаковского священника, но о перипетиях, связанных с этим приобретением, будет сказано ниже.

В 1898 г. Б.В. Фармаковский отправился в Стамбул, где до весны 1901 г. исполнял обязанности ученого секретаря Российского археологического института в Константинополе (см.: Басаргина 1999: 92–97). Березань же, по-прежнему остающаяся без археологического надзора, продолжала привлекать внимание грабителей. Впечатляющее описание «методики» грабительских раскопок тех лет на острове оставил В.И. Гошкевич, тогда секретарь Херсонского губернского статистического комитета и заведующий Херсонским музеем древностей (см.: Фабрициус 1951: 57).

В 1897 г. в ИАК стало известно, что хищнические раскопки на острове производят служащие пограничной стражи Одесского уезда. Властями Херсонской губернии были приняты необходимые меры, по поводу которых в Археологическую комиссию было доложено следующее:

«Произведенным по сему делу дознанием выяснилось, что командир

Очаковского отряда ротмистр Кушнер, по обязанностям службы посещая остров Березань и, не производя там раскопок с археологической целью, вырывал при помощи подчиненных ему нижних чинов из откосов берегов видневшиеся на поверхности земли разного рода глиняные сосуды и, как любитель древностей, более целые из них брал себе, приобщая к коллекции подобных же вещей, приобретенных им разновременно покупкою от разных лиц» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 166. Л. 4).

В результате ротмистру Н.С. Кушнеру пришлось сдать полицейскому приставу г. Очакова находившиеся у него древние предметы, после чего все сосуды, приобретенные им покупкою, были принесены в дар Императорской археологической комиссии (Там же. Л. 4 об.), за что А.А. Бобринской выразил Кушнеру «искреннейшую признательность» (Там же. Л. 16). Два кувшина и мисочка из этого дара поступили в Императорский Эрмитаж, тогда как две амфоры, оказавшиеся не удобными для пересылки, Археологическая комиссия решила передать для хранения в Херсонский музей (Там же). Находки, происходящие с Березани (2 глиняных светильника и 6 глиняных сосудов разных форм), обогатили собрание Одесского общества истории и древностей (Там же. Л. 18).

В июне 1900 г. в ИАК поступила телеграмма от председателя Херсонской ученой архивной комиссии и предводителя дворянства Херсонской губернии Г.Л. Скадовского:

«Две свободные недели желаю употребить на исследование острова Березани. Прошу разрешить мне раскопки на острове Березани с условием помещения извлеченных

предметов [в] Херсонский музей» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 141. Л. 1).

Г.Л. Скадовский не был археологом, хотя и занимался археологией «для души» (о нем см.: Вдовиченко 2006). Серьезного опыта в проведении раскопок он не имел, но Открытый лист ему был выдан 23 июня 1900 г. (Там же. Л. 3), и предводитель херсонского дворянства активно принялся за работу. Стоит отметить, что раскопки он проводил на свои средства, т.е. Императорская комиссия никаких расходов при этом не понесла. О результатах изысканий Г.Л. Скадовский доложил в ИАК в декабре этого года: «Предположив употребить на раскопки на острове Березани не более 2-х недель, я употребил на них полтора месяца. К этому меня побудила раскрывшаяся перед моими глазами картина опустошения варварскими способами громадного пространства, заслуживающего самых точных исследований, в чем я убедился в первые же дни моих раскопов. Множество свежих кладоискательских ям на всем протяжении этой местности и появление нескольких любителей для раскопов во время моего пребывания там убедили меня в том, что я должен раскопать намеченный мною могильник теперь же, иначе по моему отъезду он будет раскапываться с удвоенной энергией. В результате моих раскопов явилось:

1) Четыре объемистых тетради дневников, которым надлежало дать необходимую отделку.

2) Более 300 всевозможных предметов, состоящих из глиняной и терракотовой посуды, между прочим, и чернофигурной; из медных предметов — стрел, зеркал, колец и браслетов, из бус, нескольких предметов из египетской пасты, из двух монет (асс и серебряная неопределенная пока).

3) Четыре ящика черепков, собранных мною в кострищах, в погребальных сооружениях и в кладоискательских ямах, из которых следовало составить хотя бы части сосудов, а остальные рассортировать по следующим, ясно определенным типам: а) чернолаковой и чернофигурной посуды аттической VI века, б) микенского стиля и островной культуры VII и VI века, в) древней милетской посуды с изображением косорога и креста с крючками, д) ионической посуды V века и е) посуды с белой накладной краской и красными орнаментами.

Затем явилась необходимость составить план раскопанной местности с указанием всех погребений согласно дневнику и сделать общий вывод из дневника.

Работа эта еще далеко не выполнена мною, почему прошу освободить меня от необходимости временной высылки в С-Петербург раскопанных мною предметов, так как она надолго задержит мою письменную работу, требующую от меня еще нескольких месяцев усидчивого труда, между тем как я намерен окончить ее к концу зимы.

Желание мое поспешить с окончанием письменных работ объясняется между прочим и желанием моим продолжить раскопки на острове Березани будущим летом, так как раскопками, произведенными мною в нынешнем году, намеченная мною программа исследования этого острова далеко не исчерпана, и так как для полной иллюстрации прошлого этого острова мне необходимо раскопать еще несколько намеченных мною пунктов, после чего я желал бы издать свои работы. При сем препровождаю 4 фотографические таблицы, из коих Императорская археологическая комиссия

впредь, до составления мною подробного отчета, познакомится с выдающимися находками чернофигурной аттической посуды [из] моих раскопов. К сожалению, мне не удалось раскопать ни одного целого экземпляра древнемилетской посуды, какую удалось раскопать священнику Никите Левицкому на этом острове и какая попадалась мне в большом количестве лишь в виде черепков в кострищах и в кладоискательских ямах.

В заключение имею честь просить выслать мне Открытый лист на продолжение раскопов на острове Березани в 1901 году» (Там же. Л. 6–7).

Этот документ не мог обрадовать руководство ИАК, о чем свидетельствует приписка, сделанная на его полях 23 декабря 1900 г.:

«За непредставлением отчета и вещей:

1) Запросить Херсонский музей, где находятся вещи.

2) Просить губернатора пособить в получении отчета от г. Скадовского».

С отчетом Г.Л. Скадовского, несмотря на эти и другие усилия руководства ИАК, возникли очень большие проблемы. Из Херсона сообщили, что «предметы древности, найденные Г.Л. Скадовским при раскопках на о-ве Березани в 1900 г., поступили от него в Херсонский археологический музей вместе с подробным планом раскопок» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 8. Л. 15). В Петербурге эта информация вряд ли нашла полное понимание, но Открытый лист Г.Л. Скадовскому на 1901 г. все-таки был выдан (Там же. Л. 6). Раскопки на острове были продолжены, но и на сей раз с отчетом о них возникли большие проблемы. Тем не менее Г.Л. Скадовский все-таки выслал в Петербург некоторые документы: «При

сем имею честь препроводить дневник моих раскопок острова Березани за 1900 и 1901 годы со следующими приложениями:

1) Каталог предметов, найденных при этих раскопках.

2) 51 таблица с фотографическими изображениями более типичных предметов.

3) Планы раскопок (возвращены в бытность [Г.Л. Скадовского] в Санкт-Петербурге 19 октября 1901 г.).

Вместе с тем имею честь заявить Комиссии, что согласно желанию ее я не замедлю выслать ей для выставки те предметы, относительно которых мне будет заявлено, причем в этом случае Комиссия будет облегчена имеющимся в ее распоряжении моим каталогом, в котором номера предметов соответствуют номерам этих предметов, помещенных в Херсонском археологическом музее» (Там же. Л. 19).

Как видим, полноценного отчета о раскопках 1901 г. в ИАК опять же не поступило. Правда, Г.Л. Скадовский в бытность его в Петербурге в марте 1903 г. заверял председателя Археологической комиссии, что «полный отчет его о раскопках на острове Березани будет готов через месяц» (Там же. Л. 16), но этого не случилось. Позднее В.И. Гошкевич телеграфировал, что это будет сделано в конце ноября (Там же. Л. 18), но и он ошибся. Все обещания Г.Л. Скадовского, как оказалось, были пустыми. Не удивительно, что он не получил Открытого листа на 1902 г. В 1903 г. ИАК предложил провести раскопки на Березани профессору Новороссийского университета Э. Р. фон Штерну (см. ниже). Это обстоятельство, как представляется, очень обидело предводителя херсонского дворянства.

Тем не менее в январе 1904 г. он от правил в Императорскую археологическую комиссию некоторые из вещей, обнаруженных им при раскопках на Березани «для представления их на Высочайшее государя императора воззрение», при этом он покорнейше просил не отказать уведомить его, «когда приблизительно ожидается посещение этой выставки его императорским величеством», чтобы «иметь счастье присутствовать при этом» (Там же. Л. 28).

Обида на петербургское начальство присутствует в письме, направленном Г.Л. Скадовским 10 мая 1904 г. директору Императорского Эрмитажа И.А. Всеволожскому:

«Ваше высокопревосходительство милостивый государь Иван Александрович.

Из отношения Вашего высокопревосходительства, в котором Вы выражаете просьбу, чтобы предметы, бывшие в нынешнем году на выставке, устраиваемой для Высочайшего обозрения из раскопок моих на о-ве Березани, были пожертвованы мною в Императорский Эрмитаж, я усматриваю, что Вашему высокопревосходительству не известно, что нынешнего года Императорская археологическая комиссия поручила производство раскопок на о-ве Березани профессору Новороссийского университета Э.Р. фон Штерну, для каковой надобности отпустила ему 1500 рублей, вследствие чего с нынешнего года ожидается обогащение Императорского Эрмитажа березанскими древностями.

Соглашаясь тем не менее со взглядом, высказанным Вашим высокопревосходительством относительно того, что мои находки, ввиду несомненно большого интереса их, следовало бы поместить в Императорский Эрмитаж,

я усматриваю в этом обстоятельстве повод, чтобы вступить за интересы Херсонского музея, тем более, что со времени отказа со стороны Императорской археологической комиссией в выдаче мне Открытого листа на производство раскопок на о-ве Березани, которые я производил в течение двух лет на собственные средства, я совершенно прекратил эти раскопки, и Херсонский музей с тех пор лишен возможности пополнить свой отдел березанских древностей, а потому, желая согласить интересы Херсонского музея с интересами Эрмитажа и изъявляя согласие пожертвовать Императорскому Эрмитажу коллекцию выставленных предметов из моих раскопок на о-ве Березани, предоставляю усмотрению Вашего высокопревосходительства вернуть в Херсонский музей те из предметов этой коллекции, которые ввиду предстоящих раскопок проф. фон Штерна могут представить для Императорского Эрмитажа меньший интерес» (Там же. Л. 31).

В контексте изложенного будет уместным привести выдержку из протокола заседания Херсонской губернской ученой архивной комиссии, состоявшегося 9 ноября 1903 г. В нем говорится, что главное богатство Херсонского музея было добыто раскопками Г.Л. Скадовского на острове Березани. «На этом острове оказалось кладбище, на котором древние греки хоронили своих покойников начиная с VII ст. до Р. Х. С мертвецами они зарыли их лучшую посуду, детские игрушки и множество других предметов домашнего обихода. Нигде в России не найдено было такого обилия античных изделий этой отдаленной эпохи. Наряду с желтыми милетскими вазами, разукрашенными изображениями зверей, разных

фантастических животных, растительными и геометрическими орнаментами, — здесь встречаются древнейшие сосуды с островов Элады, изделия египетские, вазы афинских мастеров эпохи расцвета аттического искусства и между ними широкая чаша работы Тлеса, первый найденный в России экземпляр изделий этого знаменитого мастера (имелся в виду Тлесон — мастер аттических чернофигурных росписей середины VI в. до н.э., см.: Блаватский 1953: 140–141; Boardman 2001: 57–58, fig. 71–72. — *Авт.*). Около 800 погребений было вскрыто г. Скадовским на о-ве Березани, и все найденные вещи принесены им в дар Херсонскому археологическому музею, где они занимают отдельную комнату, а дневники и планы раскопок представлены Императорской археологической комиссии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 8. Л. 48 об. — 49).

Как видим, в протоколе указано, что Г. Л. Скадовский раскопал на острове 800 древних могил; эту цифру приводят и другие исследователи (Штерн 1901: 89; Капошина 1956: 217, прим. 1; Лапин 1966: 120). Называется, правда, и другая цифра — 500 погребений (Капошина 1956: 217, прим. 1; Solovyov 1999: 20). С. Л. Соловьев отмечает при этом, что в дневнике этого исследователя, находящемся в Одесском археологическом музее, имеется информация только о 513 погребальных комплексах (Соловьев 2005а: 41, прим. 2). В архиве ИАК документация Г. Л. Скадовского о раскопках на Березани отсутствует. Любопытно отметить при этом, что Э. Р. фон Штерн 16 ноября 1903 г. просил ИАК выслать план раскопа Г. Л. Скадовского, поскольку, как ему стало известно, тот передал его в Императорскую комиссию «вместе

со своим отчетом и своими дневниками» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 80. Л. 16 об.). В. В. Латышев отвечал 5 января 1904 г., что одесскому профессору будет выслана копия плана раскопа, вместе с которым в ИАК был доставлен и «подробный отчет» (Там же. Л. 19; см. также: ОИАК за 1904 г. 1907: 42, прим. 1). Если это так, то возникает вопрос, куда же столь ценный документ, т. е. отчет Г. Л. Скадовского, пропал. Ведь имеется в виду не финансовый отчет, поскольку, как уже было сказано, полевые работы проводились на средства автора раскопок.

Несмотря на столь значительные утраты в полевой документации, вполне понятно, что значительная, если не бо́льшая часть погребений, раскопанных херсонским любителем археологии, относится к начальному периоду заселения Березани, т. е. к VI — началу V в. до н. э. Сделанные им находки в основном состоят из керамики, но среди них имеются и золотые предметы, явно относящиеся к раннему времени. На одном из снимков в первом ряду расписных сосудов прекрасно видны лекифы (краснофигурные с изображением пальметки и так называемые сетчатые), которые относятся к IV в. до н. э. Вопрос о существовании на острове поселения этого времени тогда, естественно, не ставился (ср.: Solovyov 1999: 89–113).

Материалы из раскопок Г. Л. Скадовского попали в Императорский Эрмитаж, Одесский и Херсонский музеи, последние при этом утеряны во время Второй мировой войны. Эрмитажные находки частично изучены (Энман 1911; Тураев 1911; Скуднова 1957а, б; 1960; Большаков, Ильина 1988; Островерхов 1989: 41; Охотников, Островерхов 1993). Вполне очевидно, что

Греческие вазы из раскопок Г.Н. Скадовского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 141. Л. 9)

Две расписные тарелки из раскопок Г.Н. Скадовского (ФО. Отп. О.1613-14)

Фрагменты восточно-греческой посуды из раскопок Г.Н. Скадовского
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 141. Л. 11)

*Ионийская и коринфская расписная посуда из раскопок Г.Н. Скадовского
(Р. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 141. Л. 10)*

Чернофигурная керамика из раскопок Г.Н. Скадовского (ФО. Нег. II 10050)

Фрагменты чернофигурной керамики из раскопок Г.Н. Скадовского (ФО. Нег. II 10056)

Золотые предметы из раскопок Г.Н. Скадовского. 1901 г. (ФО. Отп. Q 640-45)

во время раскопок предводителя херсонского дворянства была получена ценнейшая информация о древнем некрополе Березани, но оставленные им материалы не дают основания для более-менее убедительной реконструкции этого важнейшего памятника (см.: Капошина 1956: 216–232; Лапин 1966: 109–120). Не удивительно поэтому, что имя Г.Л. Скадовского, по выражению В.В. Лапина, осталось «в полубезвестности» (Лапин 1966: 86).

В 1900 г., когда Г.Л. Скадовский приступил к раскопкам на Березани, в Императорской археологической комиссии созрело решение приобрести коллекцию расписных ваз очаковского священника Н.Л. Левицкого, найденных им на острове; об этих вазах уже было упомянуто выше. Возможно, такое решение было связано с тем обстоятельством, что в этом году вазы Н.Л. Левицкого были осмотрены Г.Л. Скадовским. Он сфотографировал некоторые из них (РО. Ф. 1.

Оп. 1-1900 г. Д. 255. Л. 13), направив фотографии в ИАК.

Желая получить более подробные сведения об этом собрании, а также о собрании германского подданного А. Фогеля, проживавшего в Николаеве, А.А. Бобринской в декабре месяце обратился к Э. Р. фон Штерну с просьбой дать свое компетентное заключение по этому вопросу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 255. Л. 1 — 1 об.). Коллекция А. Фогеля состояла, в том числе, из 818 ваз и 134 терракот, происходящих из Ольвии. Владелец требовал за нее 115 тыс. руб. (Там же. Л. 36 — 36 об.). У Археологической комиссии таких денег, конечно, не нашлось.

Профессор Новороссийского университета Э.Р. фон Штерн впоследствии сделал очень много для археологического изучения Березани. На вопрос председателя ИАК он отвечал, что не может дать сведений о «теперешнем состоянии» коллекции Н.Л. Левицкого, поскольку прошло более 6 лет с тех

Две вазы из собрания Н.Л. Левицкого (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 255. Л. 13 об.)

пор, как он имел возможность «ее изучить и подробно осматривать» (Там же. Л. 2). Вероятно, Э. Р. фон Штерн видел эти сосуды весной 1893 г., когда группа членов Одесского общества истории и древностей, как было сказано, осмотрела коллекцию Н. Л. Левицкого.

В другом письме Э. Р. фон Штерн даже информировал ИАК о связях священника со скандально известными торговцами древностями Гохманами. По информации, поступившей от этих торговцев, «он за деньги клеит для них сосуды, он оценивает их товар и, по их словам (т. е. Гохманов — *Авт.*), покупает у них вещи» (Там же. Л. 5 об.). По мнению Э. Р. фон Штерна, с приобретением коллекции очаковского священника следовало соблюсти известную осмотрительность.

Но тут 3 января 1901 г. Ю. А. Кулаковский переслал в ИАК письмо, адресованное ему Н. Л. Левицким, в котором тот сообщал, что судьба принадлежащих ему ваз всецело зависит от решения Императорской комиссии, но при этом поделился своей обеспокоенностью. Дело в том, что 15 декабря священника Левицкого посетил врач Дренгер, друг Э. Р. фон Штерна, с просьбой от Одесского общества истории и древностей уступить Одесскому музею свое собрание (Там же. Л. 7 об.). Одесский профессор будто бы особенно просил его «воздержаться от передачи древностей Арх[еологической] ком[иссии], так как там они совсем спутаются в массу других более важных предметов и не будут иметь того значения, какое они приобрели бы в Одесском музее, как предметы местных находок» (Там же. Л. 8). После этого послания стало вполне очевидно, что Э. Р. фон Штерн ведет двойную игру. Ю. А. Кулаковский справедливо заметил, что имеет место

«неловкое соперничество и никому не нужное, мнимое препирательство», ибо «Комиссия не для себя приобретает [вазы], а для государственных музеев, так что покупка Комиссией не исключает возможности того, что вазы о. Левицкого попали бы в Одессу» (Там же. Л. 11 об.).

Помимо того, Г. Л. Скадовский в конце 1900 г. сообщал в Петербург, что вазы протоиерея Никиты собирался приобрести собиратель древностей А. Фогель (Там же. Л. 13). В общем, руководству ИАК стоило поторопиться, и не удивительно, что 15 января 1901 г. Н. Л. Левицкому было направлено официальное письмо, подписанное А. А. Бобринским:

«Досточтимый отец протоиерей,

Императорская археологическая комиссия имеет честь обратиться к Вашему высокопреподобию с покорнейшей просьбой уведомить ее, не будет ли с Вашей стороны выражено согласие на уступку Вашего собрания древних греческих предметов, найденных на острове Березани, в собственность правительства для помещения в одном из отечественных музеев. Некоторые вазы Вашего собрания по своему стилю представляются довольно редкими, насколько Комиссия имела возможность судить о них по некоторым фотографическим снимкам. Поэтому Ваше собрание может занять видное место в Императорском Эрмитаже или другом правительственном музее.

Ввиду сего Комиссия покорнейше просит Ваше высокопреподобие уведомить ее об условиях, на которые она могла бы приобрести Ваше собрание, а равно не признаете ли Вы возможным предварительно доставить всю Вашу коллекцию в С.-Петербург для выставки оной в помещении Комиссии и для

Высочайшего государя императора обозрения. Все расходы по доставке собрания С.-Петербург и обратно, в случае, если бы приобретение его правительством не состоялось, будут, конечно, приняты Комиссией на свой счет.

Комиссия покорнейше просит почтить ее ответом в возможно непродолжительном времени.

«...> Граф А. Бобринской» (Р.О. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 255. Л. 18 — 18 об.).

Ответом на это послание стало большое письмо Н.Л. Левицкого, в котором он, наряду с прочим, разъяснил вопрос, каким образом древние вазы попали в его руки. Документ настолько любопытен, что приведем его полностью:

«Десятилетнее пребывание мое в Очакове — в местности, изобилующей остатками седой старины, породило во мне привязанность к древним предметам, а также и желание ознакомиться с археологией как наукой, проливающей свет на историю давно исчезнувших народов. Чтение некоторых сочинений по археологии, ознакомление с ближайшими к Очакову местами древних поселений, собирание самих предметов древности отчасти удовлетворяло этим моим желаниям. Отыскивая следы древних поселений, мне пришлось тщательно осмотреть окрестности Очакова, причем каждый черепок, каждый, по-видимому, маловажный предмет, носивший на себе признаки древности, казался для меня дорогим, важным, могущим до некоторой степени приподнять с давно прошедших событий накиннутую временем завесу.

Все места древних поселений, расположенных в местности, ограниченной Днепровско-Бугским лиманом и Березанским заливом на юг от Ольвии, за исключением последней, представляют из себя непочатую почву для

археологии; даже заступы кладоискателей не касались их. Но особенно удивительным казалось то, что оставались заброшенными, неисследованными такие места, где уже заметны были следы научного археологического заступа, как, напр., остров Березань. Заинтересованный рассказами местных рыбаков о нахождении на острове “турецких” кувшинов, я отправился туда и был поражен обилием материала для археологии и нахождением древних предметов почти на поверхности земли; в особенности много их виднелось в обрывах острова, при этом обращали на себя внимание также и канавы позднейшего происхождения, как я узнал впоследствии, — следы научных изысканий профессора Пренделя. Видневшиеся в обрывах костяки, амфоры и мелкие сосуды ежеминутно готовы были обвалиться в море и погибнуть, — это заставило меня с крайней осторожностью подбирать предметы и обследовать части костяков, торчавших из обрывов. К сожалению, видно было, что значительная часть могильника уже обвалилась в море и унесла с собою много, судя по найденным предметам, интересного для археологии; об этом свидетельствовали части амфор да черепки различных сосудов, видневшиеся на дне моря, у обрывов. Обо всем этом я сообщал в одесские газеты, но никто не интересовался находками на Березани; даже археологи, командируемые Комиссией для раскопок в Ольвии, к заявлениям о необходимости произвести раскопки на Березани относились совершенно равнодушно; правда, Б.В. Фармаковский посетил остров, но и он на основании пробных раскопок пришел к заключению, что находки на Березани, в общем, не могут возместить тех затрат, какие

потребовались бы для производства раскопок.

Учредитель Херсонского музея древностей В.И. Гошкевич, по моему предложению, также осматривал Березань, производил пробные разыскания, причем преподал мне некоторые руководственные указания в производстве раскопок. Но все-таки вопрос об основном исследовании Березани ни в ком не находил поддержки. Изрядно я посещал Березань, в особенности после сильных морских бурь, когда могли происходить обвалы берегов острова, и собирал там все, представлявшее археологический интерес, делая при этом заметки о произведенных находках. Таким образом мало-помалу у меня образовалась небольшая коллекция березанских древностей, пополняемая и предметами из Ольвии. Явился было и еще любитель березанских древностей в лице ротмистра очаковской пограничной стражи г. Кушнера, но последний своими раскопками на Березани вызвал меры местной полиции, прекратившие посещение Березани любителями древностей.

В прошлом году, при первой моей встрече с херсонским уездным предводителем дворянства Г.Л. Скадовским — любителем древностей, я счел своей обязанностью обратить его внимание на Березань и убедил его исходатайствовать разрешение Археологической комиссии на производство раскопок на Березани, каковое и было получено. Раскопки Г.Л. Скадовского дали блестящие результаты; его собрание добытых на Березани древностей и количественно, и качественно далеко превосходит все, до тех пор найденное на Березани, тем более мое собрание, из которого одна березанская ваза подарена мною Херсонскому музею.

Ввиду отношения Императорской археологической комиссии от 15 января № 146 имею сообщить, что мое собрание древних греческих предметов осмотрено было в прошлом году профессором Кулаковским, который в свою очередь письменно обращался ко мне с запросом, не могу ли я уступить свое собрание Археологической комиссии. Хотя в то время у меня не было желания расстаться с дорогой для меня коллекцией, но ввиду того, что обязанности мои в последнее время почти лишают меня возможности заниматься собиранием и исследованием древностей, а также принимая во внимание, что древние предметы в руках Арх[еологической] комиссии приобретают вполне научное значение, я изъявил свое согласие уступить все свое собрание как березанских, так и ольвийских предметов за 800 руб. Одесское общество истории и древностей в прошлом году в декабре месяце также обращалось ко мне с просьбой уступить ему коллекцию, но, ввиду изъявленного согласия профессору Кулаковскому, я ответил, что могу вступить в переписку с Обществом по этому вопросу только тогда, если Археологическая комиссия откажется приобрести мое собрание.

Предварительную доставку всей коллекции в Петербург я считаю для себя невозможной; мне кажется, было бы удобным уполномочить кого-нибудь из местных одесских или херсонских археологов для подробного осмотра коллекции на месте и для заключения о действительном значении и стоимости ее» (Там же. Л. 22–23).

В 1901 г. Б.В. Фармаковский продолжил раскопки Ольвии, тогда же возобновилась его переписка с очаковским священником. В письме, датированном

31 мая 1901 г., протоиерей Никита общал ему: «Хотя цель Вашей поездки — исследование Ольвии, но Вам не лишне было бы съездить на Березань для осмотра раскопок Скадовского и, быть может, окончания их, что, по моему мнению, необходимо. Жаль, Борис Владимирович, что не Вам пришлось раскапывать Березань; я вполне уверен, что Вы нашли бы там гораздо больше древностей и лучше, чем их нашел Скадовский <...>».

Что касается моих древностей, то вопрос о них возбужден в Археологической комиссии еще профессором Кулаковским, но тогда почему-то не обращали на них внимания, и только после сообщений Скадовского, представившего Комиссии сделанные им фотографические снимки с известных Вам моих ваз, Комиссия согласилась приобрести их за 800 рублей. Но так как снимки с моих ваз были посланы одновременно со снимками с находок самого Скадовского, то я поэтому и опасюсь, как бы Комиссия не смешала моих ваз с вазами Скадовского. С моих ваз Скадовским было сделано всего три снимка, на которых сфотографировано всего 9 предметов, каковы я и прилагаю здесь для сведения Комиссии и руководства при приеме древностей. Я надеюсь, что во время приема древностей Комиссия вручит мне и следующие за них 800 рублей. До времени Вашего приезда в Очаков ожидаю от Вас дальнейших сообщений и предварительных распоряжений, а в день самого приезда надеюсь видеть Вас у себя прямо с парохода» (Там же. Л. 30 — 30 об.).

Археологическая комиссия поручила Б.В. Фармаковскому приобрести коллекцию Н.Л. Левицкого за 800 руб., что и было сделано 30 июня 1901 г. (Там же. Л. 31; ОИАК за 1901 г. 1903: 133,

№ 18). Некоторые предметы из этой коллекции вскоре были опубликованы (Радлов 1910: 81–83, табл. III–IV). Это приобретение, безусловно, сыграло положительную роль в деле изучения березанских древностей.

Выше уже было сказано об обидах Г.Л. Скадовского на Археологическую комиссию по причине отказа ему в праве продолжения раскопок на Березани. Петербургское начальство решило, что их следует поручить Э. Р. фон Штерну (о нем см.: Ванчугов 1989; Хойслер 1996; Щеглов 1996; Кузьмищев 2012а; 2012b; 2016; Кузьмищев 2013; 2014; 2015; Häusler 1984). Тот был прекрасно знаком с керамическими материалами, происходящими с острова, — нет сомнения, что весной 1893 г. он в числе членов Императорского одесского общества истории и древностей осматривал вазы из собрания Н.Л. Левицкого, и позднее, как было сказано выше, даже попытался приобрести их для Одесского музея. Необходимо отметить еще одно важное обстоятельство — Э. Р. фон Штерн внимательнейшим образом ознакомился с находками из раскопок Г.Л. Скадовского и сделал по этому поводу свое ученое заключение (Штерн 1901).

Найденную херсонским любителем археологии керамику одесский профессор датировал VII–V вв. до н. э. (Там же: 89). Он, конечно, обратил внимание, что все эти находки происходят с территории некрополя, но выразил надежду, что древнегреческое поселение или эмпорий будет открыт на Березани в том месте, где Г.Л. Скадовский при разведках «обнаружил массу кухонных отбросов» (Там же: 90). Это поселение, по мнению исследователя, прекратило свое существование в V в. до н. э., будучи поглощенным «развитием торговли

в колонии Ольвии и окончательным утверждением греков на этом пункте материка», оно попросту было оставлено жителями (Там же). По существу, Э. Р. фон Штерн в этой публикации дал первую схематическую картину исторического развития Березани в период архаики. Могилам первых веков н. э., открытым Б. В. Фармаковским в 1896 г., исследователь особого значения не придал или попросту не знал о них.

В общем, не удивительно, что в Археологической комиссии решили предложить руководить раскопками на острове именно Э. Р. фон Штерну, поскольку никто лучше него в березанских древностях тогда не разбирался. Инициатива в этом вопросе, конечно, исходила от Комиссии. Одесскому профессору было сделано соответствующее предложение, и 29 апреля 1903 г. Б. В. Фармаковский сообщил в Петербург о его желании заняться раскопками на острове (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 80. Л. 10). Вопрос организации археологических исследований в 1903 г., однако, сильно осложнялся, тем, что Э. Р. фон Штерн тогда был направлен в заграничную командировку Министерством народного просвещения. По этой причине он просил руководство ИАК перенести раскопки Березани на лето 1904 г., когда ему представлялось возможным довести их «в один прием до конца» (Там же. Л. 12). Ясно, что о масштабах предстоящего мероприятия он имел самое общее и не совсем верное представление.

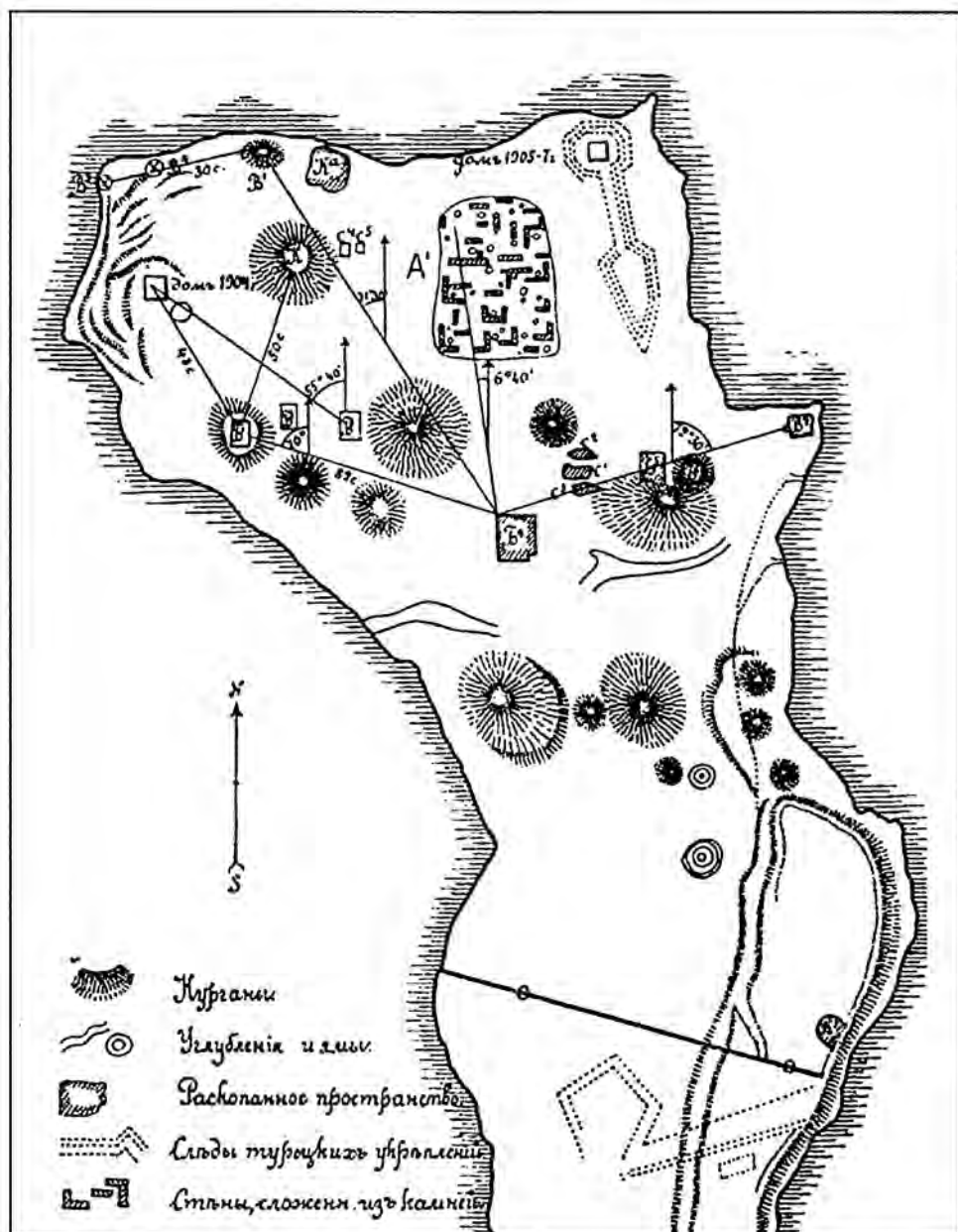
Думая о будущих раскопках, Э. Р. фон Штерн 16 ноября 1903 г. направил в ИАК письмо с весьма серьезными просьбами: «Приступить к работам я могу летом 1904 года и ввиду особых условий жизни на необитаемом острове не ранее конца июня. Тем

не менее я прошу, чтобы первый перевод денег в размере 500 рублей был сделан к концу апреля, чтобы я мог воспользоваться свободным тогда от занятий временем между 20 и 25 апреля и отправиться в Очаков и Березань для предварительного ознакомления на месте с условиями предстоящей работы и для заказа необходимых для двухмесячного пребывания на острове сооружений — завеса или сарая для рабочих, кухни, палаток.

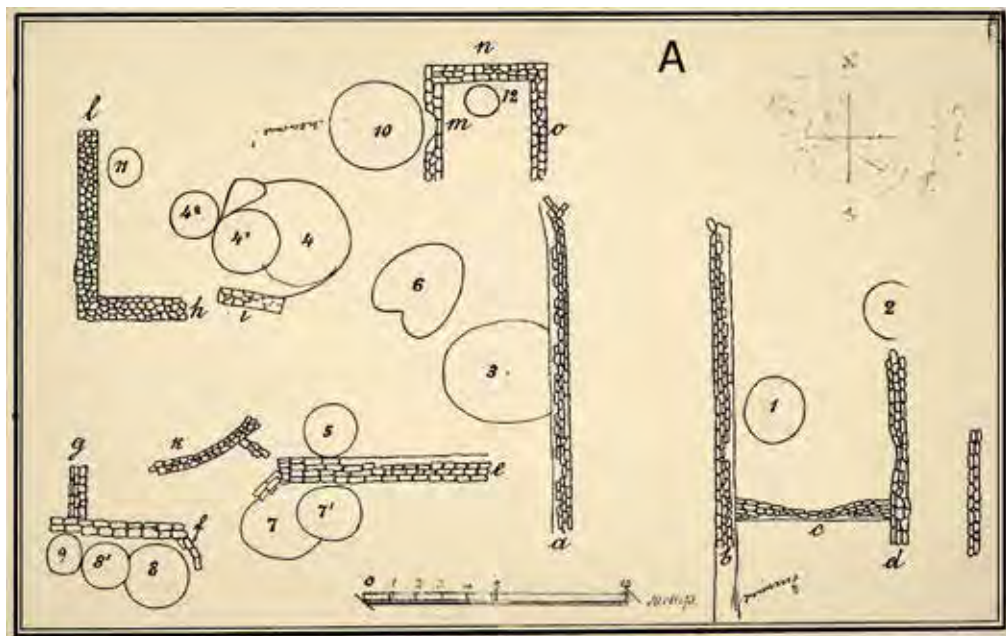
Одновременно осмеливаюсь покорнейше просить Императорскую археологическую комиссию снаестись по поводу раскопок на острове Березани с комендатурой Очаковской крепости, в непосредственном ведении которой находится, насколько я знаю, означенный остров, и с г. херсонским губернатором, чтобы я мог рассчитывать на необходимую поддержку со стороны надлежащих властей <...>» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 80. Л. 16 — 16 об.)

Нет сомнения, что все эти просьбы были исполнены. Раскопочный сезон 1904 г. на Березани носил разведочный характер, но он занял семь недель и был ознаменован несомненным успехом (ОИАК за 1904 г. 1907: 40–49; Штерн 1904). Э. Р. фон Штерну удалось получить хорошие образцы древнегреческой расписной посуды, но важнее другое — он проследил три этапа существования березанского некрополя и, наконец, обнаружил остатки древнегреческого поселения. Таким образом было надежно установлено, что Березань не была «островом мертвых», куда перевозили тела умерших с материка, чтобы предать их погребению (ОИАК за 1904 г. 1907: 47).

Э. Р. фон Штерн докладывал о своих раскопках в ИАК: «Раскопки велись по разным пунктам острова;

План раскопок Э.Р. фон Штерна (1904–1907 гг.) на о. Березань
(по: Отчет ИАК за 1907 г. 1910)

План раскопа Э.Р. фон Штерна 1904 г. с обозначением остатков стен зданий
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 80. Л. 62)

Расписная амфора из раскопок
Э.Р. фон Штерна 1904 г.
(ФО. Отп. О.1613-13)

исследовано 5 плоских курганов, 5 различных пунктов береговой полосы и территория у северо-восточного склона острова, вблизи турецкого вала при входе на остров. Установленные мною в курганах и на береговой полосе погребальные ямы со сложением пепла в урне или кострища-крематории для сожжения трупов. Можно было в трех пунктах <...> явно различить три периода могильника на острове; 2 периода сожжения трупов и в высшем слое, над ямами, трупосложение. Но и эти скелеты относятся, судя по найденным у них предметам, к концу VI — началу V века. Краснофигурных черепков и сосудов найдено очень мало, и то только периода самого строгого стиля; следов культуры после VI века до Р.Х. почти нет. Зато получены сосуды милетские, самосские, родосские и коринфские, равно как и чернофигурные аттические в большом количестве. Последние в древнейших погребениях, в первом наслоении сожжения, также отсутствуют. В руках скелетов найдены ольвийские рыбки — таким образом окончательно установлено, что это монеты. Найденные ассы решают спор нумизматов об их древности. Особенно интересен раскоп около турецкого вала. Здесь обнаружены стена и мусорная яма древнего поселения. Стена принадлежит двум периодам, но и здесь более поздний определяется началом 5-го века; раскопана между прочим в последние дни одна комната. Весьма желательно, чтобы эти стены сохранились целиком и не были снесены жителями соседних деревень с целью получить отделанный камень. Я обратился к очаковскому приставу с просьбой запретить разорение этих стен. Но необходимо, чтобы со стороны Комиссии в этом отношении сделаны были еще

шаги. Может быть, обращение к херсонскому губернатору могло бы дать более верный результат. Здесь продолжение раскопок в следующем году весьма желательно; да и вообще желательно исследовать еще несколько плоских курганов и начать раскопку трех больших, расхищенных, правда, но только отчасти, курганов. Вновь мы имеем здесь дело с самыми древними следами греческой колонизации на черноморском берегу. Одновременно мною исследована часть берега Березанского лимана у деревни Бейкуши. И здесь найдены следы аналогичной древней культуры» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 80. Л. 30 об. — 31 об.).

Стоит напомнить, что на Бейкуше в том году нашли две надписи с посвящениями Ахиллу Понтарху (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 72. Л. 15 об.). Не удивительно, что в сравнительно недавнее время здесь было исследовано святилище Ахилла (Буйских 1991; 2002).

В 1905 г., несмотря на неблагоприятные погодные условия, раскопки на Березани были продолжены. Но помимо погоды на деятельности экспедиции отрицательно сказались обстоятельства другого свойства: Э.Р. фон Штерн жаловался, что «с 13 июня события в Одессе и так называемые “потемкинские дни” (имеется в виду вооруженное восстание на броненосце “Князь Потемкин-Таврический”. — *Авт.*) не могли не отразиться и на ходе нашего мирного труда. Достаточно помнить, что мы целую неделю были отрезаны от всяких сообщений, чтобы понимать всю тяжесть нашего положения» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 72. Л. 13).

Помощником Э.Р. фон Штерна в этом году стал его ученик Евгений Георгиевич Кагаров (1882–1942),

впоследствии — видный этнограф и антрополог, профессор Харьковского и Ленинградского университетов. Исследователь на этот сезон поставил тройную задачу: во-первых, изучить один из больших курганов на острове; во-вторых, продолжить раскопки открытых в прошлом году остатков древнегреческого поселения и, в-третьих, исследовать плоский курган (Там же. Л. 13 об.). Все эти задачи были успешно выполнены (ОИАК за 1905 г. 1908: 35–38).

Древнее поселение было изучено на площади в 311 кв. м, в результате чего были обнаружены остатки стен наземных зданий, а также выложенный камнем колодец, в котором на глубине 9,60 м появилась вода. Э.Р. фон Штерн не без гордости писал, что «это единственный случай на юге России, что мы можем раскопать древнегреческий городок VI и начала V века до Р. Х., который сохранился в первоначальной своей форме и над которым нет надстройки и наслоения более поздних периодов» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 72. Л. 14 — 14 об.).

Именно во время этого полевого сезона была сделана уникальная находка, выведшая Березань как археологический памятник за пределы античной культуры и прояснившая многое в исторических взаимоотношениях Восточной Европы и Скандинавии эпохи викингов. Речь идет о единственном в Восточной Европе памятном камне с рунической надписью.

Находка была сделана 9 июня. Описание археологического контекста ее обнаружения несколько разнится в отчете, присланном в ИАК Э.Р. фон Штерном, и в статье Ф.А. Брауна, который впервые прочел и опубликовал надпись. Его прочтение и интерпретация выдержали проверку временем.

Впрочем, разница заключается лишь в деталях. Она должна объясняться тем, что отчет содержал только краткое описание обстоятельств обнаружения камня, тогда как, по свидетельству самого Ф.А. Брауна, исследователь при изучении надписи воспользовался дополнительной информацией, полученной от самого Э. Р. фон Штерна. Согласно отчету (РО. Ф.1. Оп. 1-1905 г. Д. 72. Л. 15 — 15 об.), в верхнем слое кургана на острове была сделана «замечательная находка»: коллективная могила, а под головой одного из скелетов лежала разбитая известковая полукруглая плита с загадочной надписью по краю. Э. Р. фон Штерн недоумевал, с каким письмом он имеет дело, поскольку часть букв он счел похожими на греческие, а некоторые знаки — на руны. Для понимания надписи был нужен связанный с ИАК германист и скандинавист, которым и являлся Ф.А. Браун.

Опубликованная им статья с анализом надписи содержала полученные из Одессы дополнительные сведения. Камень был найден в кургане VI в. до н.э., по определению самого Э.Р. фон Штерна, под которым были зафиксированы урны с кремациями. В насыпи кургана была исследовано 48 впускных могил разного времени, отнесенных к трем типам: простые ямы, ямы со следами древесного тлена, возможно, от гробовищ, и ямы с каменными конструкциями. В восточном склоне кургана было обнаружено десять скелетов, впущенных в насыпь на глубину около аршина, т.е. 0,7 м. Один из погребенных покоился в каменном ящике без крыши, причем интересующий нас камень находился под черепом и верхней частью скелета как своеобразная подушка. Камень лежал надписью вниз (Браун 1907: 67–68).

Памятный камень с рунической надписью скандинава Грани о своем товарище Карле из раскопок 1905 г., вторая половина — конец XI в. (ФО. Отп. Q 513-5)

Реконструкция рунической надписи на камне, найденном на о. Березань, и ее прочтение, предложенные Ф. А. Брауном (по: Браун 1907: рис. 3)

Очевидно, камень с надписью не был связан с впускным погребением, а был использован вторично. По предположению самого Э.Р. фон Штерна он мог стоять на одном из небольших курганов поблизости. Предположительно, эта стела была воздвигнута незадолго до ее переиспользования, поскольку ракушечник,

из которого она была изготовлена, относился к мягким и легко разрушающимся под открытым небом породам. Е. А. Мельникова, со ссылкой на устное сообщение Ю.Г. Виноградова, пишет, что раскопки 1970-х гг. подтвердили вторичное использование камня (Мельникова 2001: 201), однако о каких именно исследованиях идет речь,

и каким образом новые раскопки могли подтвердить переиспользование стелы, давно перемещенной с острова в музей, не сообщается.

По собственному признанию, Ф. А. Браун оригинала надписи не видел, поскольку камень не был доставлен в Санкт-Петербург, а направлен в Одессу, где до сих пор хранится в Одесском археологическом музее (Одесса, Украина; инв. № 50378). В его распоряжении было три фотографии, лишь одна из которых сохранилась в архиве ИАК. Однако стандартизация в написании рун и опыт исследователя позволили ему безукоризненно реконструировать утраченные части знаков даже по фотографии, что было подтверждено натурным сличением реконструкции и надписи на камне, сделанным впоследствии Э. Р. фон Штерном. Не без удовольствия, как кажется, Ф. А. Браун заметил, что все предложенные им «дополнительные черты» рун, сделанные на основе фотографии, удалось затем проследить на камне.

Нижняя часть камня не сохранилась, размеры оставшейся плиты — 47 на 48 см. Руны были высечены по верхнему полукруглому краю камня, на ленте, образуемой краем и врезанной параллельно краю чертой. Ширина ленты и высота рун — 8 см. Руны врезаны не глубоко, средняя глубина — 0,75 см.

Надпись сохранилась достаточно хорошо, за исключением третьей группы рун, и без затруднений была прочтена Ф. А. Брауном как *kranī : kerþī : half : þisi : iftir : kal : fi : laka : sin* (*Grani gærþi h(u)alf þæssi æftir Ka[r]l fēlaga sin*), т. е. «Грани соорудил холм этот по Карлу, товарищу своему» (Браун 1907; Braun, Arne 1914; ср.: Мельникова 1977: 154–155; Мельникова 2001: 201).

По признанию Ф. А. Брауна, в надписи отсутствуют какие-либо хронологические указатели или региональные особенности, хотя он и посчитал, что возможно Грани и Карл были выходцами с Готланда, для рунических камней которого характерно использование именно такой ленты, обрамляющей надпись. Он датировал надпись XI в., хотя не исключал и XII в. Сегодня, кроме Готланда, исследователи иногда видят схожие образцы в Вестеръетланде, а надпись относят к 1070-м гг., к концу XI — рубежу XI–XII вв. или же в целом, достаточно широко, ко второй половине XI в. (библиографию, посвященную надписи, на начало 2000-х гг. см.: Мельникова 2001: 200).

Некоторую дискуссию вызывает интерпретация слова *half*. Ф. А. Браун рассматривал его как описку вместо *hvalf* — «холм, курган», которые для некоторых исследователей связаны исключительно с языческим погребальным обрядом. Однако не обязательно видеть здесь и каменный саркофаг церковной традиции. Перед нами общее именование могилы, обозначенной насыпью, которая была вполне характерна для христианского общества.

Исключительность рунического погребального камня в Восточной Европе Ф. А. Браун пытался объяснить двояко. С одной стороны, ему казалось, что на этих землях не было в достатке камней, которые скандинавы привыкли использовать для своих рун. Он привел описание Ибн-Фадланом похорон знатного руса в X в., где на могильный холм ставят не каменную, а деревянную стелу. С другой стороны, известно, что традиция рунических камней распространяется в Швеции именно во второй половине — конце XI в., когда эпоха викингов

для Восточной Европы уже закончилась. В это время массового притока выходцев из Скандинавии здесь уже не наблюдается, что объясняет отсутствие памятников, характерных для этой и последующей эпохи.

Столь же объяснимо и появление могильного камня с рунической надписью на Березани. Эта находка окончательно убедила исследователей в необходимости отождествить этот остров с островом св. Эферия, или островом св. Елевферия. Согласно сочинению императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», этот остров, лежащий в устьезаливе Днепра, играл важную роль на пути русов в Константинополь, где они переоснащали свои лодки-моноксилы для последующего плавания по морю (Константин Багрянородный 1989: 48–51; 238). Стратегическое положение острова в причерноморских владениях Византии заставляло греков вписать в договор с русами 944 г. запрет на зимовку в Днепровском лимане: «да не имѣють власти русь зимовати въ вустьи Днѣпра Бѣльбережи ни оустго Ельферья (Елеоуфѣрья), но егда придет ѿсень, да идути въ дома своѧ в русь» (Лаврентьевская летопись: 51; Ипатьевская летопись: 39).

Археология определенно свидетельствует о сезонности поселения на Березани в средневековую эпоху (ср.: Болтенко 1947; Горбунова 1979). Кончина Карла и посмертная забота о нем его собрата Грани выглядит вполне логичной в этом месте: пройдя тяжелый путь от Балтийского моря до Черного, миновав грозные днепровские пороги, Карл скончался именно здесь, в короткий момент отдыха, так и не увидев великий город — Миклагард-Константинополь. Таким образом, открытие,

сделанное Э. Р. фон Штерном в рамках исследовательского проекта ИАК, позволило подтвердить данные византийских и древнерусских письменных источников, надежно идентифицировать остров Березань с островом св. Эферий и пролить свет на судьбы варягов на Восточном пути.

Однако главные исследовательские интересы на Березани продолжали сосредотачиваться в области изучения античности. В феврале 1906 г. Э. Р. фон Штерн писал в ИАК: «Хотя характер березанской культуры может считаться, в общем, выясненным раскопками двух лет, но научное исследование о Березани писать можно будет лишь после того, как древнее поселение VI века до Р.Х. [будет] окончательно исследовано и раскопано» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 31. Л. 1).

В жизнь археологов порой вмешиваются обстоятельства, которые к археологии не имеют никакого отношения. Так случилось и на сей раз — 6 марта 1906 г. на Березани был расстрелян лейтенант П. П. Шмидт с его сподвижниками, поднявшими в ноябре 1905 г. восстание на крейсере «Очаков». Только в 1917 г. их останки были перенесены в Севастополь (Болтенко 1960: 46).

Э. Р. фон Штерн 14 марта 1906 г. написал письмо Б. В. Фармаковскому, в котором поделился с ним своими планами на грядущий сезон и, разумеется, не обошел вниманием происшедшей трагедии: «Очень благодарен Вам, что Вы согласны мне в июне месяце дать несколько вагонеток и рельсов; с тачками работать довольно трудно, и, во всяком случае, с вагонетками можно скорее успеть. Я хотел бы иметь и тех же надсмотрщиков, как в прошлом году; они были [на острове] и условия на месте уже знают, но об этом

есть время нам списаться. Серьезнее теперь другой вопрос. Мой дорогой остров мне теперь осквернили казнью Шмидта; его и там закопали. Для всех революционеров это теперь будет священным местом, местом для поклонения, и я не знаю, какие ввиду этого там нам будут условия работы. Может быть, Комиссия могла бы снести на этот счет с комендантом крепости. Важно было узнать, где Шмидт закопан, чтобы случайно не напасть на его могилу» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 31. Л. 5 — 5 об.). Э.Р. фон Штерн очень опасался, что это станет известным «передовым» газетам». Опасения археолога, конечно, были по-своему оправданы. Не удивительно, что и в дальнейшем он не забывал попросить руководство ИАК связаться с тамошними военными властями, так как «ввиду особых условий на Березани, вследствие совершившегося там захоронения Шмидта мыслимо там работать лишь при посредстве солдат; а разрешение на отпуск солдат зависит всецело от господина главнокомандующего» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 3. Л. 4 об.).

Третий сезон раскопок на острове Э.Р. фон Штерна прошел без особых осложнений, рельсы и вагонетки, о которых речь шла в процитированном выше письме, ему были предоставлены (ОИАК за 1906 г. 1909: 50). Главной задачей на этот год исследователь считал продолжение изучения Березанского поселения и раскрытие кургана, лежавшего в восточной части острова. В отношении истории греческого поселения Э. Р. фон Штерном были сделаны очень важные выводы. Он пришел к заключению, что в березанском домостроительстве можно выделить два этапа. К последнему относятся наземные постройки, возведенные в конце VI

или самом начале V в. до н. э. Никаких более поздних находок здесь не зафиксировано. По мнению исследователя, эти дома были построены на руинах более ранних. Поселение же просуществовало приблизительно 100 лет (Там же: 52). Стоит отметить, что в этом сезоне Э.Р. фон Штерн открыл неглубокие ямы, которые отличались от обычных мусорных ям и, по его мнению, «служили погребями или кладовыми для хранения разных припасов» (Там же: 53). Таким образом, были впервые обнаружены землянки, которые знаменовали собой ранний этап домостроительства на Березани (см.: Крыжицкий 1993: 40–42; 2012: 28–29; Виноградов 1999; 2000b; Solovyov 1999: 31–42; но ср.: Кузнецов 2018). Исследователь при этом полагал, что эти и подобные им заглубленные в землю структуры «представляют собой, по видимому, жилые помещения древнейшего периода заселения, того периода, когда милетяне еще не решались на постоянное пребывание, а заезжали только летом на Березань для рыбной ловли и торговых операций с туземными жителями Черноморского побережья. Для кратковременного пребывания такие вырытые углубления, сверху покрытые парусами, представляли достаточную защиту от дождя и ночной прохлады; совершенно так же теперешние рыбаки пользуются для ночлега ямами раскопок, прикрывая их прикрепленными на веслах парусами» (ОИАК за 1908 г. 1912: 87).

Не обошлось и без драматических курьезов. После раскопок 1906 г. Э.Р. фон Штерн оставил некоторые из обнаруженных им глубоких ям не засыпанными. Местные крестьяне имели обыкновение пасти на острове своих лошадей, и так случилось, что

одна из них упала в яму и разбилась насмерть. По этому поводу возникло разбирательство, владелец лошади просил за нее всего 24 руб. Одесский профессор, однако, проявил свой характер. Он писал в ИАК: «На мой взгляд, во-первых, не установлено, упала ли лошадь в яму; так как ежегодно можно видеть на острове скелеты издохших лошадей, то, может быть, и эта лошадь умерла естественной смертью и только впоследствии [была] заброшена в яму; во-вторых, ее цена не установлена; в-третьих, следует выяснить, действительно ли отвечает предприниматель раскопок за то, что в раскопанные им ямы могут упасть животные? Владелец лошади затем вторично [пришел] ко мне и, по-видимому, хотел кончить дело мирным согласием; но этот путь опасный, так как мы тогда не гарантированы от того, что привезут сюда всякую падаль и потребуют уплатить» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 3. Л. 14 об.).

Раскопки на острове в 1907 г. прошли своим чередом. Естественно, главной задачей оставалось изучение античного поселения, которое было вскрыто на площади около 550 кв. м (ОИАК за 1907 г. 1910: 66). В заключение своего отчета, направленного в ИАК 7 января 1908 г., Э.Р. фон Штерн писал: «Подводя итог изложенному, я, как и в прошлом году, должен подчеркнуть, что раскопки на Березани имеют весьма большое значение в смысле доставления все нового материала для изучения древнейшей греческой керамики. На богатые вещественные находки, на драгоценные изделия из золота и серебра при раскопках на Березани рассчитывать нельзя. Но до сих пор в каждом году найдены все еще новые и неизвестные до сих пор образцы античной керамики, и так как

Березань единственное на юге России место, где можно изучать культурную жизнь ионической колонии в чистом ее виде, без всяких позднейших примесей, то с научной точки зрения весьма важно довести начатые там работы до конца» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 3. Л. 38 об.).

На решение этой задачи были нацелены раскопки 1908 г. (ОАК за 1908 г. 1912: 84–93), а затем и 1909 гг. Стоит отметить, что в 1908 г. была обнаружена целая серия в высшей степени любопытных металлических предметов, которые, к сожалению, не привлекли внимания ученых.

Несколько неожиданные обстоятельства, характеризующие особенности повседневной жизни археологов тех лет, открываются в имеющихся в архиве Комиссии финансовых документах. Ревизионный отдел Министерства императорского двора 3 марта 1909 г. направил в ИАК официальное письмо:

«При рассмотрении возвращаемого отчета в израсходовании аванса, отпущенного профессору фон Штерну на раскопки на острове Березани в 1908 г., Контролем обращено внимание на:

1) покупку ящика в 16 бутылок красного столового вина <...>;

2) выдачу повару Слопскому за харчи по счету № 25, где итог менее суммы слагаемых на 3 р. 30 к., причем 30 коп. показаны как стоимость 2-х обедов для собаки;

3) счет Серебряного № 12 (он поставлял на Березань деревянный брус и доски (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 49. Л. 38 об. — *Авт.*));

и 4) счет редакции “Одесского листка” за № 24 на высылку этой газеты в течение месяца профессору Ф. Штерну.

Металлические предметы из раскопок 1908 (?) г. (ФО. Нег. III 10458)

Металлические предметы из раскопок 1908 (?) г. (ФО. Нег. III 10459)

Сообщая об изложенном, Контроль просит Императорскую археологическую комиссию объяснить: для какой надобности приобретен был ящик красного вина и почему за счет аванса произведена была подписка на «Одесский листок»» (Там же. Л. 24 — 24 об.).

Направленное в ИАК 14 марта 1909 г. объяснительное письмо Э.Р. фон Штерна еще более колоритно:

«Исходя из предположения, что пропитание заведующего раскопками включено в сумму, отпускаемую на раскопки, я и по примеру прошлых лет включил сумму 16 бутылок красного столового вина. Так как на Березани нет воды, годной для питья, и приходится ее доставлять с берега на расстояние 5 верст из довольно загрязненного колодца, то чистой воды по предписанию врача мне там пить запрещено. Мне доктор высказал требование, чтобы я пил воду с красным вином, так как последнее уничтожает действие вредных бактерий и предохраняет в летнюю жару от дизентерии. Исходя далее из предположения, что на сумму раскопок заведующему можно отнести расходы, которые для него вызваны отправлением на необитаемый остров, я по примеру прошлых лет включил счет на доставку газеты на Березань, которая мне в Одессе ничего не стоит и которую я счел нужным выписать на Березань, чтобы узнать о том, что делается на свете.

Что касается счета № 25, то, не имея его перед глазами, не могу дать объяснений; относительно корма для собаки имею честь сообщить, что на необитаемом острове мне надо держать сторожевую собаку и, следовательно, надо ее и кормить. Что касается, наконец, счета № 12, то деньги, конечно, г. Себряным получены; при безграмотности

его приказчиков очень может быть, что счет остался не подписанным.

В заключение замечу, что если Контроль считает указанные счета неправильными и не подлежащими уплате, я, конечно, немедленно пополнил их из собственного кармана; прошу мне сообщить, какая сумма от меня требуется» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 49. Л. 20 об. — 21 об.).

Здесь следует отметить, что объяснения Э. Р. фон Штерна были признаны убедительными, и никаких денег ему возвращать не пришлось (Там же. Л. 22). Впрочем, после раскопок 1909 г. ревизионный отдел Министерства императорского двора выявил в финансовом отчете Э. Р. фон Штерна «недостачу» в 10 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 52. Л. 1).

Более того, во время этого разбирательства, 1 апреля 1909 г., он был назначен сверхштатным членом Императорской археологической комиссии «с оставлением его в занимаемой им должности» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 8. Л. 18). Интересно отметить, что по поводу этого события Э. Р. фон Штерн сообщил в ИАК в письме, датированном 7 ноября 1909 г.: «В мае месяце я прочел в “Правительственном вестнике”, что я избран сверхштатным членом Им[ператорской] ар[хеологической] комиссии. Я до сей поры не благодарил за оказанную мне честь, так как все время ожидал извещения об этом избрании со стороны Комиссии. Так как до сих пор извещения об этом не получил, то думаю, что присланная мне бумага потеряна, и поэтому покорнейше прошу, нельзя ли мне прислать копию с нее? Канцелярия университета требует такой бумаги для внесения в формуляр» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 52. Л. 21 об., 23).

Раскопки 1909 г. привели к новым важным открытиям (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 105–117). По поводу этого сезона Э. Р. фон Штерн писал в Петербург: «Раскопки этого года были удачны; кроме большого материала керамики и терракот, они дали милетский домик, который сохранился до 16 рядов камней *in situ* с окном и дверью, наполненный амфорами, черепками и т.д.» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 52. Л. 15 — 15 об.).

В письме от 28 ноября 1909 г. одесский профессор сообщал в ИАК:

«Отправляю при сем ящики с древностями, найденными при последних раскопках на территории Березани: наиболее красивые и редкие черепки, терракоты, бусы и т.д. С тех черепков, на которых имеется сделанный

чернилами крест, прошу поручить М.В. Фармаковскому сделать акварельные рисунки, а с терракотовых статуэток, как с теперь направляемых, так и с прошлогодних, снять для меня фотографические снимки, так как это мне нужно будет для издания. Отчеты раскопок за 1908 и 1909 годы готовы и в скором времени будут, по напечатанию их в протоколах Общества, доставлены в Комиссию; пока прилагаю фотографические снимки с раскопок этого года, особенно дома V века, сохранившегося до 14 рядов камней на высоту 4 аршин с окном и отверстием для двери» (Там же. Л. 28 — 28 об.).

Этот дом, о котором говорится в обоих письмах, действительно представляет большой научный интерес. Вряд ли стоит иронизировать

Раскопки на Березани 1909 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 256. Л. 186)

Раскопки на Березани 1909 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 256. Л. 188)

Раскопки на Березани 1909 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 256. Л. 192)

*Раскопки на Березани 1909 г. Справа — Э. Р. фон Штерн
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 256. Л. 194)*

по поводу подсчета рядов кладки (14 или 16?), но в «Отчете ИАК» говорится о 15, а стены составляли в высоту 2,93 м (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 109). Вообще же в «Отчете» сказано, что в системе сооружений выделялся не дом, а «очень хорошо сохранившаяся комнатка длиной 6,05 м при ширине 3,69 м». Поскольку стены были возведены на культурном слое, у исследователя не было сомнений, что постройка принадлежит второму периоду строительной деятельности на Березани (Там же: 110). Внутри комнатки были найдены две целых амфоры и большое количество разнообразной керамики, но в ее составе не было ионийской. Все это позволило считать, что сооружение «комнатки» можно датировать не позже конца VI или начала V в. до н.э.

(Там же: 110–111). В.В. Лапин считал, что на Березани стены наземных зданий такой высоты (2,93 м!) сохраняться не могут, а значит это была стена какого-то подвала (Лапин 1966: 99). Вполне возможно, что он был прав, поскольку имеющиеся фотографии раскопок 1909 г. не позволяют считать, что Э.Р. фон Штерн строго соблюдал уровень древней дневной поверхности, да и вообще его методика раскопок представляется низкой, естественно, с современной точки зрения.

Изучение некрополя, как и ранее, привело к открытию значительного количества разнообразных погребальных комплексов. Исследователь обратил также внимание на находки поздних материалов, но вывод его в этом отношении был категоричен:

«О постоянном или сплошном заселении острова в римский период не может быть пока речи. Но находки отчетного года могут указывать и на то, что ольвиополиты, может быть, заезжали на Березань не только для культа Ахилла Понтарха, но и для рыбной ловли» (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 117). Последующие раскопки на острове, однако, продемонстрировали, что во второй половине II — первой половине III в. н. э. на Березани существовало процветающее поселение (Solovyov 1999: 116–127).

Необходимо обратить внимание, что Э.Р. фон Штерн еще 25 октября 1907 г. писал в Петербург, что «четырёхлетняя работа на острове Березани дала весьма обильный и ценный материал по древнейшей греческой керамике. Целых сосудов, правда, немного найдено, но зато масса удивительно хороших и ценных черепков. Можно смело сказать, что ни в Греции, ни на нашем юге [нет] другого места, которое дало бы возможность собирать такой обильный материал по милетской, родосской, навкратийской, протокоринфской и древнеаттической керамике». Далее профессор абсолютно справедливо отметил, что считает «в высшей степени желательным постепенно готовить этот материал для издания. Для этой цели необходимо сделать от самых интересных и типических образцов рисунки в красках. Я мог бы зимою этого года заказать здесь такие рисунки и заботиться об их изготовлении под моим личным наблюдением. По моему предварительному расчету для этого потребовалась бы сумма, по крайней мере, в 400 рублей, и я обращаюсь в Комиссию с покорнейшей просьбой ассигновать эту сумму для означенной цели» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 3.

Л. 16 об. — 17). В марте 1908 г. одесский профессор докладывал в Петербург, что деньги, выделенные на изготовление цветных рисунков березанской керамики, использованы; рисунки были исполнены М.В. Фармаковским (Там же. Л. 28). Работа над изготовлением рисунков березанской керамики была продолжена и на следующий год (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 52. Л. 20–21).

В октябре 1910 г. Э.Р. фон Штерн обратился к В.В. Латышеву с большим письмом, в котором изложил план задуманной им публикации в формате «Материалов по археологии России»:

«По моему плану, который представляю сам на Ваше благоусмотрение, труд этот должен был бы состоять из следующих частей.

А. Часть общая. I. Общее введение с описанием острова Березани и ее история с приложением плана и карты. II. Раскопки на Березани на основании отчетов с приложением трех планов. III. Общая характеристика культурной жизни на Березани на основании результатов раскопок.

Б. Часть специальная. I. Установление двух главных периодов заселения Березани, характер поселка, домостроительство, строительное дело. II. Похоронные обряды на Березани. Трупосожжение и трупоположение. III. Торговые сношения Березани. IV. Древнегреческая керамика на основании данных, добытых из раскопок на Березани.

Потребуется для издания изготовление до ста клише в тексте по имеющимся фотографическим снимкам, любой карты, 3–4 планов и для последней части, по крайней мере, 12 цветных таблиц по акварельным рисункам с росписных ваз. Это последнее — в материальном отношении самое затруднительное, потому что большие таблицы

в красках, конечно, очень дорого стоят. Но без них последняя и самая главная в научном отношении часть публикации теряет свой смысл, и ввиду этого приложение таких таблиц является настоятельной необходимостью. Я старался, как можно, ограничиться, но, избрав только самые необходимые и характерные образцы, все-таки требуется 12 таблиц.

Если Вы, многоуважаемый Василий Васильевич, в общем, согласны с таким планом издания, то прошу Вас меня известить: я тогда направлю Вам материалы для изготовления таблиц, карты и плана. Клише для вставления в текст могли быть изготовлены и здесь.

Работа большая и может быть закончена лишь в течение нескольких лет, так что расходы могут быть распределены на несколько лет; желательно только сразу в один прием изготовить таблицы в красках, планы и карту; их необходимо иметь раньше, чем приступить к составлению текста и печатанию. По получению Вашего благосклонного ответа и Ваших указаний я войду с официальным ходатайством в Императорскую археологическую комиссию» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910. Д. 256. Л. 101 — 102 об.).

Написание научного труда, в котором были бы подведены итоги археологического изучения Березани, требовало времени и немалых материальных затрат, но они того стоили. Задуманная монография могло бы стать важным рубежом в изучении березанских древностей. Но тут произошли события, которые, без сомнения, привели археологов в ужас.

9 августа 1910 г. Б. В. Фармаковский направил в ИАК телеграмму, в которой взволнованно сообщал, что на Березани «военное ведомство производит

держась [в] тайне работы. Древностям грозит разорение [и] расхищение. Необходимо немедленное энергичное представление Комиссии военному министру обмерах фотографиях доставке находимого» (Там же. Л. 93). Эта телеграмма не была оставлена без внимания.

Любопытно, но В. П. Носенко, посвятивший специальное исследование истории военного строительства на Березани, считает, что укрепления здесь возводились в период с 1909 по 1914 г. (Носенко 2007: 272), т. е. работы начались до августа 1910 г. Может быть, именно с этим обстоятельством следует связывать письмо А. А. Бобринского, направленное в апреле 1909 г. коменданту Очаковской крепости. В нем, в частности, говорилось: «Вследствие сего, особенно ввиду последних событий на о. Березани, Императорская археологическая комиссия имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать профессору фон Штерну в оказании возможного с Вашей стороны содействия по выполнению возложенного на него поручения и в необходимых указаниях на тот случай, дабы земляными работами случайно не были затронуты места, производство раскопок на которых было бы нежелательно или могло бы повести к каким-либо нареканиям или осложнениям» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 52. Л. 9 об.). Если это не так, и председатель Археологической комиссии не имел в виду запланированного строительства, то в его обтекаемых выражениях, скорей всего, кроется беспокойство по поводу возможности обнаружения могилы П. П. Шмидта, о чем было сказано выше. Последнее, на наш взгляд, более вероятно, поскольку документы, приведенные ниже, убеждают

в том, что в 1909 г. военные на острове еще ничего не строили.

Но вернемся к событиям 1910 г. Нет сомнения, что телеграмма Б. В. Фармаковского произвела большое впечатление на руководство ИАК, и оно немедленно сделало соответствующее представление в военное ведомство (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 256. Л. 94–95). В ответ на него из Главного артиллерийского управления пришло официальное письмо, в котором сообщалось, что на Березани возводятся укрепления «для производства опытов стрельбы по различного рода крепостным сооружениям». Военные власти при этом были готовы к тому, чтобы «открываемые при работах на острове Березань предметы древности были препровождаемы в Императорскую археологическую комиссию, и чтобы самые работы производились с должной осмотрительностью и осторожностью, дабы не повредить каких-либо памятников старины». Однако, они были категорически против того, чтобы командировать «за счет военного ведомства кого-либо из археологов, не привлеченных к работам по возведению построек, требуемых для производства опытной стрельбы» (Там же. Л. 96). Фортификационные сооружения возводились на острове под руководством профессора Николаевской инженерной академии полковника Н. А. Житкевича.

В ИАК прекрасно понимали, что в результате развернувшегося строительства без постоянного археологического надзора березанским древностям грозит опасность. Разумеется, наилучшей кандидатурой для такого надзора мог стать человек военный, но связанный с археологией, и таким представлялся артиллерийский офицер Н. М. Печенкин, которого

в Императорской комиссии прекрасно знали. Тот в это время был занят археологическими разведками в районе Херсонесского маяка, но надеялся, что, если будет испрошено согласие военного министра на поездку на остров Березань, он выполнит это поручение «с полным удовольствием» (Там же. Л. 99). Сразу надо сказать, что привлечь столь ценного специалиста для наблюдения за строительными работами на острове, к сожалению, не получилось.

В 1910 и 1911 гг. фортификационное строительство на острове шло полным ходом, и о проведении археологических работ мечтать не приходилось. Несмотря на серьезность ситуации, в ИАК все-таки надеялись провести раскопки на Березани в 1912 г. и обращались по этому вопросу к Э. Р. фон Штерну (Там же. Л. 104). Этот вопрос, конечно, могли решить только военные, прежде всего, Артиллерийское управление. Однако из управления 8 февраля 1912 г. отвечали весьма жестко: «Ввиду того, что в настоящее время на острове Березани (близ Очакова) возводятся опытные инженерные постройки, а начиная с весны этого года предполагается по ним вести целый ряд опытных стрельб, будет совершенно невозможно производить в настоящем году какие-либо археологические работы на этом острове» (Там же. Л. 108). Надежда на продолжение раскопок в 1912 г., как видим, тоже оказалась иллюзорной.

В поддержку археологов, однако, высказался великий князь Николай Михайлович, который был тогда председателем Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Он послал соответствующие письма в Артиллерийское управление,

а также военному министру В. А. Сухомлинову. Генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович отвечал ему:

«1. Когда я в июне месяце 1910 г. осматривал остров Березань, как место для опытов стрельбы по различного рода крепостным сооружениям, то район археологических изысканий на этом острове представлял лишь несколько заброшенных ям, у которых никаких раскопок не производилось.

2. Остров Березань временно предоставлен военному ведомству согласно Высочайше утвержденного 7 ноября 1910 года положения Совета министров.

3. Возведенные инженерным ведомством опытные сооружения лежат в стороне от района археологических раскопок, и не только инженерные работы, но даже стрельба по этим сооружениям не будет угрожать остаткам старины.

4. На производство намеченных опытов затрачено уже 500 000 рублей. Опытам этим придается громадное государственное значение, и результаты их необходимо получить возможно скорее, дабы ими воспользоваться при производящихся ныне работах в крепостях.

В виду изложенного я, к сожалению, считаю совершенно невозможным приостанавливать работы по производству опытов.

Принимая же во внимание, что опытные инженерные сооружения лежат в стороне от района раскопок, я полагал бы возможным производить археологические изыскания во все то время, когда не производится опытных стрельб.

Сердечно любящий Вас Брат Сергей» (Там же. Л. 123).

В. А. Сухомлинов в своем письме Николаю Михайловичу привел еще несколько важных фактов:

«По означенному вопросу всепреданнейше докладываю:

1. Остров Березань предоставлен военному ведомству для производства опытов стрельбы по различного рода крепостным сооружениям, согласно Высочайше утвержденного 7 ноября 1910 года положения Совета министров.

2. К возведению упомянутых сооружений было приступлено летом 1910 года и по настоящее время на инженерные работы по этим сооружениям израсходовано свыше 400 000 рублей, в течение же месяца предполагается совершенно закончить эти работы.

3. По артиллерийской части в настоящее время начата установка броневой башни системы С. Шамонского завода и ожидается прибытие опытной броневой башни Общества Джон-Кокериль.

4. Так как одна часть опытной броневой башни Общества Джон-Кокериль должна прибыть в Одессу морским путем через Дарданеллы, то в настоящее время трудно определить, когда именно будет приступлено к опытным стрельбам, по ходу же работ предполагается начать стрельбы в июле текущего года.

5. По заявлению руководителя по постройке инженерных сооружений на острове Березани полковника Житкевича, эти сооружения лежат в стороне от района археологических раскопок и даже стрельбы по инженерным сооружениям не будут угрожать району раскопок, производство же археологических раскопок в то время, когда не производится опытных стрельб, не будет мешать работам по подготовке опытов, необходимо лишь принять меры к сохранению военной тайны опытов» (Там же. Л. 124).

Как видим, военное ведомство в вопросе о сооружении укреплений на Березани держало железную оборону. Вскоре в борьбу ввязалась российская общественность, и 9 марта 1912 г. в газете «Речь» (органе конституционно-демократической партии, издававшемся в Санкт-Петербурге) появилась небольшая статья выдающегося историка и археолога М. И. Ростовцева «Как охраняют памятники правительственные учреждения». Сейчас научная общественность России о ней почти не знает, поэтому приведем ее полностью:

«В Государственной думе идет в данный момент обсуждение нового закона об охране памятников старины, высказываются по этому поводу учреждения, съезды, частные лица. Казалось бы, нет места при таком подъеме интереса к художественным памятникам старины поступкам, которые иначе, как варварскими, назвать нельзя, несмотря на то, что они исходят не от невежественных самодуров, а от ведомства, считающего себя одним из самых культурных и передовых в России. Вот в чем дело. У устья Буга лежит небольшой пустынный остров Березань, плоский, без деревьев и жилья. Уже давно известно, что на этом, теперь пустынном острове находилось когда-то древнее поселение. Этим поселением впервые ближе заинтересовался археолог-любитель Скадовский, и то, что он там нашел, оказалось полным глубокого научного и художественного интереса. Он напал ни более, ни менее, как на древнейшее поселение греков-рыбаков на северном берегу Черного моря, поселение, начало которого восходит к VIII–VII вв. до Р. Х., эпохе, которую мы так мало еще знаем, но которая в могучем порыве творческого гения греков создала ряд культурных ценностей высшего порядка.

Само собой разумеется, что открытие Скадовского повело за собою немедленное расследование острова Императорской археологической комиссией под руководством одного из самых компетентных русских археологов проф. Э. Р. фон Штерна, ныне, как известно, вынужденного отдавать свое глубокое знание и живую энергию одному из немецких университетов.

Из года в год велось трудное и кропотливое дело, приносившее каждый день все более и более богатые результаты и художественные, и научные. Дело велось строго научно, без ненужной торопливости, так как никому и в голову не приходило, чтобы оно могло быть чем-нибудь остановлено, а сделанное разрушено.

Расчет оказался неоправданным. Надо было, очевидно, копать так, как копают и поныне в варварских странах, где все надо сделать сегодня, так как на завтра несделанное может оказаться несуществующим!

В 1910 г. работающий по соседству с Березанью в Ольвии член археологического комитета (sic! — *Авт.*) Б. В. Фармаковский вдруг узнал, что на Березани военным ведомством производятся какие-то спешные работы, о которых никто не был предупрежден. Выяснилось из последовавшей переписки, что артиллерийское ведомство сооружает там ряд крепостных верков, как мишень для стрельбы крепостной артиллерии.

Несмотря на энергичные усилия Археологической комиссии, не удалось ни приостановить, ни даже добиться того, чтобы на место было командировано сведущее лицо из военного же ведомства, которое могло бы следить за тем, чтобы не разрушалась уже найденное и не гибли находимые при

земляных работах памятники. Не удалось Комиссии добиться и того, чтобы разрешено было, хотя бы наспех, произвести исследование острова. На все представления слышался один сухой отрицательный ответ.

Что за эти два года уже разрушено и погребено при постройке верков, это можно себе представить. Но что следует теперь, это и представить себе страшно. Загудят с весны крепостные орудия, и посыплется на бедный остров град снарядов, из которых каждый, по компетентным отзывам, вырывает яму в несколько саженей кубического объема. И это там, где драгоценнейшие остатки старины лежат почти на поверхности земли. На дальнейшем исследовании Березани, очевидно, надо поставить крест.

И это тогда, когда менее половины поселения и только незначительная часть некрополя исследована, когда каждый новый научно руководимый удар кирки открывал поразительные по научному и художественному интересу вещи.

Недаром же один из корифеев западной науки боннский профессор Лешке говорил, познакомившись только с частью березанских вещей, что изучать Ионию, для исследования которой Германия (в Милете), Англия (в Эфесе), Америка (в Сардаре) и Франция во многих пунктах Малой Азии, не говоря уже о других предприятиях, затратили не один миллион, надо не в Берлине, Лондоне, Бостоне или Париже, а у нас в Петербурге и Одессе.

А между тем, как легко было бы примирить интересы государственной обороны и культуры, которые у нас только стоят друг против друга, как два врага. Я не знаю, нужно ли было избрать мишенью для орудий именно

Березань. Пусть так. Но что стоило известить об этом заблаговременно комиссию, которая бы в один год, мобилизовавши научные силы и средства, могла бы закончить исследование нашей археологической жемчужины.

Так бы поступили везде. У нас думают и действуют иначе» (Там же. Л. 124 об.).

Статья М.И. Ростовцева вполне справедлива, и акценты в ней расставлены верно. Конечно, Императорскую археологическую комиссию следовало бы предупредить о запланированном военном строительстве на Березани. Этой статьей дело, однако, не ограничилось, и 22 июля 1912 г. в ежедневной газете «Одесский листок» увидела свет небольшая заметка, в которой внимание читающей публики было обращено совсем на другое:

«Заведующий Хер[сонским] музеем древностей В.И. Гошкевич на днях ездил на остров Березань (близ Очакова), чтобы там получить археологические находки при вооружении форта. При производящихся там для фортификационных целей земляных работах найдено было несколько древних могил и большое количество керамических фрагментов. Находки эти расходились по разным рукам. Получив официальное сообщение о необходимости сохранения всего археологического материала, [руководитель] производимых крепостных работ пр[офессор] Житкевич объявил об этом рабочим и выдавал им небольшие денежные премии за доставленные предметы. Таким образом, составила небольшая коллекция античных древностей, которая была передана г. Гошкевичу и уже доставлена в Херс[онский] музей. Все найденные предметы античного искусства относятся к VII–V стол. до Р.Х. Помимо того, при содействии трех саперных

солдат, г. Г[ошкеви]чу удалось раскопать на острове еще несколько бугров и выбрать из них фрагменты античных сосудов» (Там же. Л. 126).

Казалось бы, ничего особенного в этой публикации нет, но в ИАК решили совсем иначе. На основании этой публикации был сделан вывод, что на Березани были грубо нарушены права Императорской археологической комиссии на проведение раскопок на территории России. Результатом такого недовольства стало письмо, направленное в Главное инженерное управление, в котором в первую очередь было декларировано, что ИАК обладает исключительным правом производства и разрешения раскопок в империи, и все найденные при раскопках предметы должны непременно передаваться в ИАК же. Далее в письме было сказано:

«Между тем, в газетах появилось известие, что заведующий Херсонским музеем В. И. Гошкевич ездил на о. Березань близ Очакова для принятия археологических находок, сделанных при производящихся там земляных работах для фортификационных целей, и что г. Гошкевичу и самому удалось раскопать на острове несколько бугров и выбрать из них фрагменты античных сосудов.

Ввиду сего Императорская археологическая комиссия считает долгом обратиться в Главное инженерное управление с покорнейшей просьбой не отказать сделать распоряжение о доставлении ей вышеупомянутых находок и о сообщении, кто является виновником нарушения вышеизложенного Высочайшего повеления» (Там же. Л. 127).

Как ни странно это звучит, но «виновником нарушения Высочайшего повеления» 1889 г. оказалось не военное ведомство, а В. И. Гошкевич. Узнав о таком повороте дел, директор

Херсонского музея 21 августа 1912 г. направил Б. В. Фармаковскому гневное письмо:

«Глубокоуважаемый Борис Владимирович.

За двадцать лет своей открытой, честной работы хватило меня обухом по голове.

Сознательно.

Не потребовав от меня даже объяснений.

Руководствуясь репортерской заметкой в какой-то газете.

Идет строгий сыск: “кто является виновником нарушения Высочайшего повеления?!”

Казнить его.

Мало — на позор его выставить пред гг. офицерами, которые ему мировили.

Ведь преступление тяжкое: “ездил на Березань для принятия археологических находок”, а еще “удалось ему раскопать несколько бугров и выбрать из них фрагменты античных сосудов”.

Подумаешь: речь идет о каком-то агенте Гохмана, тайном грабителе, гнусном продавце добычи.

Нет, пригвожден к позорному столбу человек, много лет снабжаемый Открытым листом от того же учреждения.

И поделом. Не суй свой нос туда, где тебя не спрашивают.

Эка важность, что саперы наворотили множество бугров, переполненных античными черепками? А ты в тех буграх не ройся: ведь тебе дали Открытый лист только на правильные археологические раскопки, а не на выборку фрагментов из куч нарытой земли.

— Проходи мимо, не останавливайся и не беспокой по пустякам начальство.

Благопопечительное же начальство заблаговременно приняло

соответствующие меры, дало наставление гг. инженерам, “чтобы работы производились с должной осмотрительностью и осторожностью, дабы не повредить каких-либо памятников старины”; и еще: “чтобы предметы древности были препровождаемы в упомянутую Комиссию”.

Конечно, гг. офицеры и солдаты проникнутся глубоким уважением к античной культуре, возведя наспех, к сроку крепостные сооружения, особливое приложат к собиранию черепков тщание.

А ежели за два года со времени написания сего благожелательного отношения никаких находок в упомянутую Комиссию предоставлено не будет, так это с очевидностью означает только то, что “при самых осмотрительных и осторожных раскопках на острове Березани никаких черепков не обнаружено”. Об этом упомянутой Комиссией будет своевременно получено официальное отношение за № 40444, таковое пришито к делу, которое с этого момента следует считать законченным и сдать в архив.

Нет, дорогой Борис Владимирович, так жить нельзя; я не могу так жить.

Вижу, что моя беспокойная деятельность Комиссии не нравится.

А я не могу терпеть таких тяжких оскорблений, мною вовсе незаслуженных.

За спасение выброшенных черепков, по моему простому пониманию, я заслужил от Комиссии “спасибо”, а меня та же Комиссия поставила в крайне унижительное, оскорбительное положение, на одну доску с грабителями.

Уверяю Вас, я этого не могу перенести <...>

Искренно Вам преданный В. Гошкевич» (Там же. Л. 128–129).

На наш взгляд, херсонский археолог был во всем прав, хотя и проявил излишнюю горячность. В следующем его послании, направленном в ИАК 22 августа, т. е. всего через день после первого, многие острые углы были сглажены:

«Строитель форта на острове Березани, профессор Николаевской инженерной академии полковник Н. А. Житкевич предъявил мне отношение Императорской археологической комиссии к Главному инженерному ведомству от 8 сего августа за № 1639, глубоко меня огорчившее.

Для выяснения возникшего недоумения считаю своей обязанностью доложить Императорской археологической комиссии, что 15 октября 1911 г., — не зная о сношении председателя Императорской археологической комиссии с временно управлявшим военным министерством в сентябре 1910 г., — я обратился к военному министру с ходатайством о сохранении археологических находок на острове Березани и о доставлении таковых в Херсонский музей. Получив от инженерного управления Одесского военного округа извещение об удовлетворении моего ходатайства, я в том же году не мог воспользоваться этим разрешением. По приглашению проф. Житкевича, 12 истекшего июля я посетил Березань и непосредственно ознакомился с условиями добывания там археологических материалов при земляных работах. Раскопок, вопреки газетным слухам, я не производил, но просил проф. Житкевича и его помощников принять меры к собиранию выбрасываемых из земли древностей и сохранению всего найденного. Наконец, я принял по описи предъявленные мне находки и привез их в Херсон.

13 сего августа я устно доложил проф. Б. В. Фармаковскому об этих

моих действиях, а 15 августа при посещении им Херсонского музея предъявил ему все, что я привез с Березани. Фотографии с отобранных им более интересных предметов будут сделаны и представлены в Императорскую археологическую комиссию.

Не чувствуя за собой в этом деле никакой вины, я вторично посетил остров 20 сего августа и прочитал предъявленное мне проф. Житкевичем отношение Императорской археологической комиссии от 8 числа текущего августа за № 1639.

Весьма скорблю о происшедшем недоразумении, поставившим меня в неудобное положение пред прикосновенными к делу лицами, но надеюсь, что Императорская археологическая комиссия, доверившая мне производство археологических раскопок в пределах Херсонской губернии, вполне реабилитирует меня перед ними.

В заключение считаю своей обязанностью доложить Императорской археологической комиссии, что во второй приезд на Березань мною отмечены места двенадцати погребений, обнаруженных при выкопке канавы для временного проложения телефонного кабеля, а также собраны сведения о погребениях в иных местах острова, об открытом на нем ряде гончарных печей и обширном зольнике.

По предположению проф. Житкевича, предстоящая в сентябре и октябре бомбардировка острова также может обнаружить не мало археологических материалов, собиране коих для надобностей археологии без нарочито к тому поставленного особого лица производиться не будет» (Там же. Л. 130–131).

23 октября 1912 г. Главное инженерное управление проинформировало

руководство ИАК, что «производившиеся <...> на о. Березани близ Очакова работы в настоящее время уже закончены и более таковых не предполагается» (Там же. Л. 139). Вероятно, артиллерийские стрельбы по возведенным укреплениям к тому времени уже были закончены. Менее чем через месяц, 19 ноября, В.И. Гошкевич написал в ИАК, что «готов принять на себя предполагаемый надзор за случайными находками на острове Березани» (Там же. Л. 140). Вполне понятно, что с этого времени можно было начинать переговоры о продолжении археологических раскопок на острове. 10 января 1913 г. Управление вновь информировало ИАК, «что на острове Березани имеются не взорвавшиеся фугасные снаряды, места коих известны Очаковскому инженерному управлению» (Там же. Л. 147).

Переговоры о возобновлении раскопок Императорская археологическая комиссия, конечно, начала не со вспыльчивым В.И. Гошкевичем, а с Э. Р. фон Штерном. Между тем тот еще 1 марта 1911 г. был уволен с должности ординарного профессора Новороссийского университета, поскольку принял решение перебраться на постоянное жительство в немецкий город Галле, где стал профессором Виттенбергского университета. Всеми уважаемого ученого с почетом проводили из Одессы (Проводы 1911), ему был посвящен XXX том «Записок ИООИД». Со стороны ИАК препятствий к такой перемене не было (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 8. Л. 23).

Надо признать, что Э.Р. фон Штерн был хорошо осведомлен о строительных работах на Березани и в процитированном выше письме В.В. Латышеву от 25 октября 1910 г. писал: «По

наведенным мною здесь справкам, едва ли возможно будет рассчитывать на продолжение работ на Березани: по-видимому, военное ведомство намеревается устроить на острове батарею» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 256. Л. 101). Собственно говоря, это обстоятельство позволило ему найти время для написания, точнее, для серьезной работы над обобщающим трудом об археологическом изучении Березани, о котором было кратко сказано выше.

Несмотря на переезд в Германию, Э. Р. фон Штерн очень стремился к продолжению раскопок и в письме от 12 января 1912 г. информировал В. В. Латышева, что навел справки у военных властей Одессы о возможности такого мероприятия, и ему обещали принять все меры, «чтобы доступ на остров был возможен к лету 1912 года», но все решалось в Петербурге в Главном артиллерийском управлении. По этой причине археолог просил ИАК обратиться в это Управление и надеялся, что работы можно будет начать в конце июля 1912 г. (Там же. Л. 104–105). В этом году, однако, археологические раскопки на острове были невозможны, и оставалось надеяться на 1913 г.

В самом конце 1912 г. фон Штерн писал В. В. Латышеву из Галле: «Очень благодарен за Ваше письмо и любезное предложение Комиссии летом продолжить работу на Березани. Я с большим удовольствием готов воспользоваться им и приблизительно с 22 июля могу быть в Одессе и после необходимых приготовлений к концу июля на острове. Хотя август месяц довольно малый срок на необитаемом острове, но будем надеяться, что погода окажется более благоприятной, чем в минувшее лето. Смею, однако, просить

Комиссию ассигновать на этот раз более крупную сумму на раскопки на Березани, чем в прежние годы. Причиной для этой просьбы служат следующие соображения: оборудование раскопок на Березани требует много непредвиденных затрат; сооружение домика, плата на переезд надсмотрщиков, устройство навеса для рабочих, перевозка вагонеток и рельс, наем лодочников и т. д., так что из суммы в 1500 руб. останется слишком мало для уплаты самим рабочим. Число их поэтому может быть только очень ограничено. Между тем, сумма непредвиденных расходов остается той же самой при двадцати рабочих или при сорока; ясно, что при лишних 700 руб. (считая по 35 руб. на рабочего в месяц) можно в этом году столько раскопать, сколько при обычном ассигновании в два года. Итак, я просил бы, если возможно, дать в этом году 2200 руб. вместо 1500 р. Это, во-первых, явит сбережение для казны, потому что на эти 2200 р. можно столько же сделать, сколько в два приема на 3000 р., а, во-вторых, крайне желательно в этом году исследовать более значительное пространство и тем довести работу до такого пункта, что можно уже подумать не только о предварительном сообщении результатов, но о сводке выводов. Бог знает, какие могут в следующем году оказаться препятствия для продолжения работ, и мне кажется, что надо воспользоваться моментом, какой предоставляет возможность работы на Березани. Вот мои соображения, которые я просил бы иметь в виду при назначении кредита на раскопки на Березани» (Там же. Л. 143).

Деньги на раскопки Березани в 1913 г. были выделены в размере требуемых 2200 руб. (Там же. Л. 145). Но тут вновь возникли проблемы

с военными властями. Э. Р. фон Штерн сообщал в ИАК, что его знакомый генерал обратился к коменданту крепости в Очакове с просьбой отвести археологам помещение в одной из построек, возведенных на Березани:

«На это комендант ему ответил, что он меня на остров пустить не может, так как возведенные на острове постройки, по которым производили опыты, составляют секрет, и этот секрет постоянно охраняется караулом. Чтобы попасть на Березань для производства раскопок, необходимо иметь разрешение инспектора артиллерии его императорского высочества князя Сергея Михайловича. В случае получения разрешения комендант обещает оказать всякие содействия и обещал дать помещение как мне, так и рабочим в постройках, имеющих на острове.

Ввиду этого прошу Императорскую археологическую комиссию хлопотать мне и моему помощнику, учителю гимназии Михаилу Федоровичу Болтенко (1888–1859, член ООИД, впоследствии — сотрудник Одесского музея и преподаватель университета, изучал памятники Березани эпохи средневековья. — *Авт.*) разрешение от великого князя производить раскопки и отправиться на остров вместе со штатом рабочих или, если такое разрешение уже имеется, — как я предполагаю, ибо иначе Императорская археологическая комиссия вряд ли мне предлагала бы продолжить раскопки на Березани — уведомить о таком разрешении коменданта Очаковской крепости <...> Вместе с тем прошу сделать распоряжение о первом ассигновании мне денег в Одесское казначейство. Такой перевод придёт по опыту прежних лет за 4–6 недель, и так как я 20 июля предполагаю быть в Одессе,

чтобы начать работы, то теперь пора сделать соответствующее распоряжение. Открытый лист и другие необходимые бумаги прошу адресовать в Императорское одесское общество истории и древностей» (Там же. Л. 151).

Письмо великому князю Сергею Михайловичу было направлено из ИАК 14 июня 1913 г. (Там же. Л. 152). Все препятствия к проведению раскопок были устранены, и исследования на Березани состоялись, хотя в нашей литературе с ними связано немало ошибочных суждений. Они объясняются тем, что отчет Э. Р. фон Штерна, набранный для издания в т. XXXII «Записок ИООИД», не был в него включен и впоследствии появился как отдельная брошюра (Штерн 1915). Так, например, С.Л. Соловьев считает, что информация об этих раскопках опубликована в «ОИАК за 1913 г.» на с. 105–117 (Соловьев 2005а: 34, 36). На самом деле это не так, поскольку отдельный отчет за 1913 г. не публиковался, а в 1918 г. был издан сводный том отчетов за 1913–1915 гг., в котором, однако, раздела о Березани нет. В архиве Комиссии какие-либо материалы, связанные с работами на острове в этом году, вообще отсутствуют. Почти нет сомнения, что такое положение объясняется начавшейся Первой мировой войной, когда о раскопках на Березани немецким подданным вести речь было невозможно.

Но вернемся к предвоенному 1913 году. Свои впечатления от встречи с Березанью Э. Р. фон Штерн выразил следующим образом:

«Внешний вид острова с 1909 года, когда я в последний раз на нем производил раскопки, значительно изменился. Пустынный прежде остров стал неузнаваем. В середине его уже издали виднеется большое сооружение,

возведенное Военным ведомством для целей пробной стрельбы; по мере приближения к острову на западной и северо-западной части его выступают контуры разных деревянных, крытых толем построек: домиков, сараев, амбаров, сторожевых будок, мостиков и т.д., словом, необитаемый остров превратился в заселенное место.

Имеются высокие калильные фонари, существует даже телефонное сообщение с материком, и вместо прежнего одинокого пастуха, поселявшегося с “Троицы” до “Петра и Павла” на острове с табуном лошадей из Аджикаска, теперь живет на острове круглый год караул из двенадцати солдат, одного жандарма и одного сторожа — первое постоянное поселение с V века до Р.Х. Благами этой новой березанской культуры пришлось пользоваться и нам. Господин комендант Очаковской крепости самым предупредительным образом предоставил мне, моему помощнику М.Ф. Болтенко и моему повару помещение в так называемом инженерном доме, а моим рабочим в бараке, который находится по соседству с помещением для караула. Кроме того, по любезному распоряжению Его превосходительства я мог воспользоваться услугами военного катера при отправке на остров и при снятии с него по окончании работ. <...>

Указанная новая культура острова Березани имеет с археологической точки зрения, однако, свою обратную и довольно прискорбную сторону. Я о громадном сооружении на середине острова здесь говорить не стану и не могу; понятным образом, мне и моим рабочим запрещено было к нему подходить и его рассматривать, и также понятным образом данное нам указание строго и в точности нами было

исполнено. Но и не зная его устройства, можно *a priori* сказать, что возведение такой капитальной постройки потребовало, конечно, глубокой фундаментировки и вследствие этого значительных земляных работ. А так как эта постройка находится еще всецело на территории античного поселения, хотя и на рубеже его, то можно догадаться, что безвозвратно пропало много следов древней культуры. Еще определеннее я могу это утверждать относительно западной и северо-западной части острова, на которой до тех пор главным образом производились раскопки» (Штерн 1915: 78–79).

Исследователь с сожалением, почти с болью описал остатки большого кургана (К6), в котором ранее были обнаружены прекрасные керамические находки: «Приблизительно еще восьмая часть этого кургана осталась нераскопанной; я мечтал о том, чтобы окончить теперь эту работу, но надежда была напрасная. Курган этот более не существует; он весь снесен (так что и прежде его положение с трудом можно определить) для устройства блиндажа вблизи инженерного дома; и для той же цели, так как для этого блиндажа потребовалось очень много земли, срыты верхние слои почвы на большое пространство; а так как на Березани весьма часто и в этих верхних слоях попадаются замечательные и важные древности, то довольно определенно можно сказать, что и здесь уничтожено немало научных ценностей. Кроме того, для прокладки рельсового пути на шпалах с берега сделано несколько довольно глубоких прорезов через античные культурные слои, и таким образом там погибло многое. Но и там, где, к счастью, о вечной потере нет речи, новое заселение и новая культура острова

Терракотовые статуэтки и фаянсовые фигурки из раскопок 1913 г. (ФО. Нег. II 34986)

являются значительным препятствием для археологического исследования».

Запланировав соединение некоторых своих раскопок в единое целое, Э. Р. фон Штерн признал, что «этот план надо было оставить, так как это пространство завалено горами строительного материала, лесом, досками, бочками с цементом и т. д. и так как на нем устроен большой сарай. Кроме того, вся эта часть острова изрезана рельсовыми путями, которые служили весьма нежелательными преградами для работ, так как нельзя было держаться предназначенного плана раскопок, а надо было постоянно сообразоваться с этими препятствиями».

Военное ведомство не проинформировало археологов о своих работах,

о чем Э.Р. фон Штерн очень сожалел. Ему представлялось, что тогда можно было бы изменить место возведения главного сооружения и блиндажа, сместить его к югу, «на ту часть острова, где нет следов античной культуры» (Там же: 80).

Работать, однако, пришлось в совершенно новых условиях. Стоит отметить при этом, что от хорошо сохранившегося «домика» в 16 рядов каменной кладки, открытого в 1909 г., ни одного камня на месте не осталось (Там же). Исследователь продолжил изучение греческого поселения и некрополя, отмечая при этом, что подавляющая часть обнаруженных им керамических находок относится к первому (конец VII — середина VI в. до н. э.)

или второму (середина VI — начало V в. до н.э.) строительным периодам. Большинство выявленных ям, по мнению Э.Р. фон Штерна, относились к первому периоду. Культурные остатки, принадлежащие римскому императорскому времени, встречались sporadически (Там же: 84–85).

В заключение отчета фон Штерн писал об основных результатах раскопок 1913 г. теми же словами, как некогда М.И. Ростовцев в газете «Речь» от 9 марта 1912 г., что несомненно свидетельствует о знакомстве Э.Р. фон Штерна с этой статьей: «Они важны, на первом месте, по отношению обогащения нашего керамического материала, и не даром известный берлинский археолог Лешке недавно заявил, что милетскую, клазоменскую, самосскую, эолийскую керамику можно лучше всего изучить не по раскопкам в Милете и Малой Азии, но по находкам на Березани. Помимо массы весьма замечательных черепков, находка такого прекрасного предмета, как большого милетского кратера с тройным фризом из животных, или древне-милетских статуэток показывает, чего можно еще ожидать от Березани, и поэтому не могу не закончить настоящего отчета выражением пожелания — *ne artes sileant intra agra* (искусства не молчат среди орудий (лат.). — *Авт.*) — чтобы работы военного ведомства не препятствовали дальнейшему исследованию этого маленького, но важного своими следами древнейшей греческой культуры на нашем Юге острова» (Там же: 108). Увы, исследователь сильно ошибся, и всего через год после этого раскопчного сезона военные орудия заговорили столь громко, что о проведении археологических исследований на Березани пришлось на долгие годы забыть.

Материалы, добытые при раскопках Э. Р. фон Штерна на Березани, постоянно привлекали и привлекают внимание ученых (Манцевич 1927; см. также: Штейн 1927), ни один современный исследователь Березани без них обойтись не может. Для самого Э. Р. фон Штерна эти материалы стали своего рода подтверждением выдвинутой им эмпириальной гипотезы, сводящейся к тому, что греческие колонии Северного Причерноморья как бы вырастали из торговых факторий, или эмпориев (Штерн 1900: 6–7; 1906: 5–6). Любопытно, что в советское время эта гипотеза трансформировалась в схему обязательного трехчленного развития колонизационного процесса на северном берегу Понта, предложенную В.Д. Блаватским: от случайных заходов греческих купцов, через создание временных, затем постоянных факторий-эмпориев, чаще всего на туземных поселениях, к созданию колоний (Блаватский 1954: 13–20; ср.: Виноградов 2000: 115–116). Правда, В.Д. Блаватский не отдавал должного работам предшественника, даже не упоминал о них.

Некоторые выводы Э. Р. фон Штерна и интерпретации открытых им археологических объектов, сделанные в соответствии с уровнем развития науки начала XX в., в наши дни представляются непонятными. С.Л. Соловьев считает, что многие археологические факты, касающиеся раскопок тех лет, «остались без объяснения или были представлены недостаточно ясно» (Соловьев 2005а: 34). Он справедливо отметил, что очень странно выглядит почти полное отсутствие сведений о заглубленных в землю жилых конструкциях (землянках), тогда как в последующие годы они были зафиксированы в большом количестве.

Лишен ясности вопрос о выделенных Э.Р. фон Штерном «похоронных ямах», которые содержали большое количество керамических фрагментов вместе с перегоревшими человеческими костями (см., напр.: ОИАК за 1908 г. 1912: 92–93). После него на Березани не было найдено ни единой такой ямы. Неубедительно выглядят и хронологические атрибуции исследователя, касающиеся развития строительной деятельности, и т. д.

Все это так, но следует признать и то, что именно благодаря работам Э. Р. фон Штерна Березань стала знаменитой в отечественной и зарубежной исторической науке, причем

не только как памятник античной культуры, но и как важное свидетельство эпохи викингов. Этот исследователь стал первым интерпретатором обнаруженных на острове древностей (Лапин 1966: 86). И пусть эти интерпретации представляются сейчас спорными, без учета полученных тогда многочисленных и разнообразных археологических материалов невозможно адекватно понять не только ход греческой колонизации северного берега Черного моря, но и важные моменты в истории Древней Руси X–XI вв.

Ю. А. Виноградов,
А. Е. Мусин

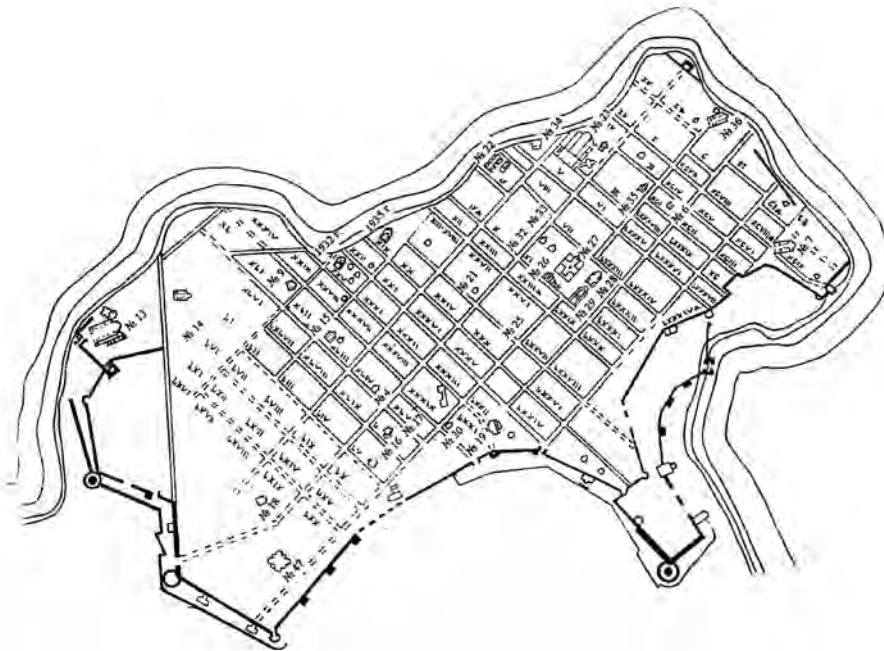
ГЛАВА V

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

С 1888 г. Императорская археологическая комиссия начала проводить систематические исследования Херсонеса Таврического и его округи. До того времени, по точному замечанию министра народного просвещения И. Д. Делянова, «в Херсонесе, месте знаменательном в истории нашего отечества и в летописях русской православной церкви, уже в продолжение почти столетия производились раскопки каждым, кто только хотел ими заниматься» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22.

Л. 11). Исследованиям Херсонеса конца XVIII — середины XIX в. посвящена обширная литература (Бертье-Делагард 1893; Иванов 1912: 168–178; Гриневич 1927: 9–23; Белов 1948: 9–12; Романчук 2000: 11–21; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 16–26; Тункина 2002а: 479–536; Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017: 13–24; Романчук 2008; 2014).

Первые документированные раскопки Херсонесского городища были проведены по поручению вице-адмирала А. С. Грейга в 1827 г. плантером

План кварталов и культовых построек Херсонеса (по: Романчук 2000: рис. 17)

Черноморского департамента Корпуса корабельных инженеров подпоручиком К. Крузе. Под его руководством были раскопаны крестообразный храм (№ 27), над которым впоследствии возвели собор св. Владимира, храм к юго-востоку от него (№ 17) и базилика (№ 7) в юго-восточной части городища, именовавшаяся, после выхода в свет монографии Е. Э. Иванова, «базиликой Крузе» (Айналов 1905: 46–70; Иванов 1912: 238–244; Золотарев, Коробков, Ушаков, Пилингер, Пюльц 2003: 229–233). Упоминаемые здесь и далее номера культовых построек соответствуют плану расположения храмов Херсонеса (Романчук 2000: рис. 17), восходящему к плану городища Херсонеса Таврического, опубликованному в работе Д. В. Айналова (Айналов 1905: рис. 1), который, в свою очередь, взял за основу нумерацию, сложившуюся в период работы ИАК в Херсонесе. Через несколько лет, во время эпидемии чумы в Севастополе в 1829–1830 гг., большая часть открытых древностей была разобрана солдатами, кордоны которых располагались на месте раскопок.

В 1830 г. под руководством начальника Севастопольской и Перекопской временных карантинных линий князя З. С. Херхеулидзева на городище солдаты раскопали «курган». В рапорте сообщалось о фундаментах какой-то постройки без упоминания находок. В 1842 г. под руководством Д. В. Карейши на территории Херсонеса проводилось разрытие двух холмов с целью поиска древних гробниц. Поскольку следов богатых захоронений не обнаружилось, эти работы приостановили. В 1846–1847 гг. Карейша вновь возвращается в Херсонес, где под его руководством были открыты несколько подземных склепов,

относящихся к юго-восточному району некрополя, и два «кургана» на городище. Один из них оказался задернованным фундаментом общественного здания византийского периода, принадлежность второго осталась невыясненной, известно только, что в нем нашли «небольшую статуйку» и два бронзовых креста (Карейша 1846: 309–310; Тункина 2002а: 511–522).

В 1850 г. на территории городища архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов) основал киновию, получившую в 1861 г. статус монастыря (здесь и далее см.: Ливанов 1874; Анфим 1877: 427–430; Горчакова 1888; Никанор 1907; Антонова 2011). Настоятель киновии иеромонах Василий (Юдин) получил разрешение на сооружение известковой печи, в которой пережигались камни, разбросанные по территории городища. В 1851 г. лейтенант Михаил Шемякин на собственные средства провел раскопки и обнаружил южную стену византийского храма, ставшего впоследствии известным под именем Уваровской базилики. Эти работы были остановлены по требованию Одесского общества истории и древностей.

В 1853 г. по приказу министра уделов и управляющего Кабинетом его величества Л. А. Перовского и с одобрения архиепископа Иннокентия (Борисова) раскопки на территории Херсонеса производил камер-юнкер, граф А. С. Уваров. В результате этих работ были открыты 40 гробниц в юго-восточной части херсонесского некрополя, а также частично раскопана самая большая из известных на городище базилик, вошедшая в историю под именем Уваровской (№ 23) (Уваров 1855: 159–171). К. Э. Гриневич отметил, что это первые раскопки Херсонеса, целью

которых были не только поиск древностей, но и исследование памятника (Гриневич 1927: 18).

Предложение начать общенародный сбор средств на возведение в Севастополе храма на месте предполагаемого крещения князя Владимира вице-адмирал А.С. Грейг представил Александру I еще в 1825 г. С 1825 по 1851 г. с небольшим перерывом проводился сбор пожертвований на строительство собора, закладка которого состоялась в июле 1854 г. (НАНЗХТ. Д. 206. Л. 3–6). В 1850 г. архиепископ Иннокентий обратился в Святейший Синод с просьбой разрешить ему учредить на месте древнего городища иноческие пустынножительства. Позднее, в 1852–1853 гг., на территории городища по распоряжению архиепископа Иннокентия начались раскопки под руководством иеромонаха Василия. В результате этих работ была частично открыта так называемая базилика на Центральной площади (№ 28). Наблюдавшие за работами члены Одесского общества З.А. Аркас и Н.Н. Мурзакевич высказали предположение, что эти руины принадлежали церкви Богородицы, в которой крестился князь Владимир, и дворцу, в котором жила княгиня Анна, и предложили восстановить храм. Эту идею поддержали игумен Василий и архиепископ Иннокентий (Шаманаев 2004: 251). Проект храма, составленный в 1852 г., получил одобрение Святейшего Синода и императора Николая I.

30 апреля 1858 г. временная деревянная церковь во имя семи священномучеников в Херсонесе епископствовавших была освящена настоятелем Балаклавского монастыря архимандритом Геронтием (Артюховским), однако через 3 года она была разобрана.

На том же месте был построен новый каменный храм в честь тех же святых, освященный 2 апреля 1861 г. епископом Таврическим Алексием (Ржаницыным). Это здание, в перестроенном виде, дошло до наших дней. В том же году херсонесский монастырь св. равноап. кн. Владимира стал первоклассным со штатом 22 человека, а 23 августа 1861 г. император Александр II и члены императорской фамилии приняли участие в торжественной закладке херсонесского собора во имя св. равноап. кн. Владимира (см.: Антонова 2011: 10–11).

В том же году настоятель монастыря св. Владимира игумен Евгений (Отмарштейн), руководивший киновией с 1857 г., производил раскопки на месте строительства собора, где среди прочих сооружений были открыты базилика (№ 26), а также несколько храмов (№ 29, 32, 33). Общий план раскопок на площади будущего собора был опубликован Н.Н. Мурзакевичем в записках Одесского общества. План и краткое описание этих раскопок были присланы игуменом Евгением в Императорскую археологическую комиссию в 1860 г. вместе с просьбой о финансировании, однако тогда, вследствие задержки с ответом на встречный запрос С.Г. Строганова о раскопках, сотрудничество монастыря и ИАК не состоялось (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 33. Л. 1–6; ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 4–5; ср.: Шаманаев, Мусин 2009). Часть вещей, найденных в результате этих работ, была отправлена в 1867 г. в Москву на Политехническую выставку; большинство из них было впоследствии подарено или продано частным лицам. После многих проволочек строительные работы по возведению собора св. Владимира начались в 1861 г.

и продолжались до 1891 г. (Мурзакевич 1863: 996–997; Айналов 1905: 58, рис. 43; Антонова, Филлипенко 1997: 138–142; Тункина 2002а: 525–534).

В 1875 г. бывший министр народного просвещения обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. А. Толстой посетил Херсонесский монастырь и, заметив на строительной площадке храма св. Владимира многочисленные обломки древних архитектурных деталей, предложил Одесскому обществу возглавить охрану и исследование древностей Херсонеса. Общество приняло предложение и организовало раскопчный Комитет, представивший Толстому перечень мер, направленных на сохранение и исследование херсонесских древностей вместе с прошением о выделении средств на их реализацию. Комитет возглавил Н. Н. Мурзакевич, который был одним из основателей, а впоследствии секретарем (1839–1874) и вице-президентом (1875–1883) Одесского общества. После его смерти надзор за раскопками осуществлял В. Н. Юргевич, действительный член Одесского общества с 1859 г., секретарь (1874–1883) и вице-президент в 1883–1898 гг. На территории Херсонеса планировалось организовать систематические раскопки и реставрационные работы. Предлагалось даже построить контрфорсы для укрепления разрушающейся береговой линии с участками культурного слоя. «Христианские древности», найденные на городище, должны были храниться в музее при монастыре, а «языческие древности» передаваться в Одессу в музей Общества (Гриневич 1927: 19; Шаманаев 2004: 252–254).

С 1876 по 1881 г. Святейший Синод ежегодно ассигновал Одесскому обществу на эти цели по одной тысяче

рублей, а с 1881 по 1884 г. такую же сумму выплачивало Министерство народного просвещения. Для того времени это были немалые средства.

Раскопки Одесским обществом проводились в северо-восточном и центральном районах Херсонеса. В работах были задействованы нижние чины саперных рот Севастопольской крепости, а с 1884 г. — вольнонаемные рабочие. В результате раскопок 1876–1877 гг., проходивших под наблюдением игумена Анфима (Казимилова) и члена Одесского общества, военного инженера полковника К. Е. Геммельмана, были открыты часовни и помещения, относящиеся к ХСVI кварталу, частично раскопана Восточная базилика (№ 36) и четыре часовни возле нее, а также храм-усыпальница (№ 34). Работы 1878–1879 гг. увенчались открытием Северной базилики (№ 22) и находкой известного декрета в честь Диофанта (OSPE, I², 352).

Приводимые здесь и далее номера кварталов соответствуют плану расположения храмов Херсонеса (Романчук 2000: рис. 17) и основываются на общепринятой нумерации кварталов городища, восходящей к Генеральному плану Херсонесского городища (Гриневич 1930; генеральный план северо-восточной части Херсонесского городища, чертил Н. М. Янышев).

В 1880–1881 гг. была расчищена главная улица, открыта часовня над подземным храмом (№ 35) и обнаружены части городского водопровода в III квартале; в 1882–1883 гг. раскопана часть помещений III квартала и частично открыт подземный раннехристианский храм-мавзолей (Гриневич 1927: 20–22; Золотарев, Ушаков 1997: 30–31; Шаманаев 2005: 384–397).

С 1884 г. Одесское общество в связи с отсутствием средств перепоручило

ведение раскопок на городище монастырю св. Владимира, оставив за собой научный и финансовый контроль.

Таким образом, под руководством Одесского общества были продолжены попытки ведения регулярных археологических раскопок городища. К сожалению, работы проводились на довольно низком, даже по меркам того времени, методическом уровне: найденные объекты исследовались не полностью, отсутствовала системная фиксация находок. Музей христианских древностей, организация которого входила в планы Одесского общества, так и не был создан.

Ситуация, сложившаяся в Херсонесе, привлекала особое внимание Императорской археологической комиссии, прежде всего в связи с серией критических публикаций в прессе, касающихся раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 20 и сл.).

В 1884 г. в Севастополе был создан Кружок любителей истории и археологии Крыма. Одной из основных задач этой организации была охрана от разорения и расхищения памятников древнего Херсонеса и препятствие их вывозу за границу. На страницах газеты «Севастопольский листок» регулярно публиковались статьи, содержавшие замечания по поводу методики ведения раскопок Херсонеса, проводившихся под общим руководством Одесского общества, а также предлагались проекты реорганизации исследований с целью сделать их более научными и эффективными. В одной из заметок вице-президент Одесского общества В.Н. Юргевич публично признавал не только низкий уровень ведения археологических исследований на территории Херсонесского городища, но и многократные случаи хищения и продажи древностей

любителями, которым было поручено руководство раскопками (Там же. Л. 18; Шаманаев 2007: 113 и сл.). «Кому в самом деле не покажется странным, что мы, затратив в течение нескольких лет несколько тысяч рублей, не получили для нашего музея ни одной монеты, ни одной хотя бы малоценной вещицы. <...> Правда мы виноваты сами, что были столь недогадливы и не позаботились о строгом надзоре за рабочими, но никому из нас не приходило в голову, чтобы вещи, украденные рабочими, были продаваемы публично и находили покупателей», — пишет он в редакцию «Севастопольского справочного листка» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 5. Л. 18 об., 28).

В 1885–1886 г. при сооружении Военным инженерным ведомством на городище линии батарей, проходившим под руководством военного инженера А.Л. Бертье-Делагарда (подробнее о нем см.: Тункина 2002а: 48), были сделаны многочисленные находки, которые передали в Одесское общество. Часть из них, как, например, статуэтки Афины Паллады и Артемиды, найденные в Херсонесе в 1885 г., поступила непосредственно в Комиссию 1 апреля 1887 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 1–2). В то же время А.Л. Бертье-Делагард изъявил готовность взять на себя надзор над археологическими раскопками на территории городища. Эту инициативу поддержал председатель Археологической комиссии граф А.А. Бобринской. 22 апреля 1887 г. А.Л. Бертье-Делагарду было поручено проведение археологических работ при общем руководстве Н.П. Кондакова, а соответствующее письмо содержало подробнейшие инструкции и методические рекомендации относительно раскопок, паспортизации

и хранения находок. На проведение работ Комиссия выделяла средства в размере 2500 руб. В мае того же года Н.П. Кондаков планировал приехать в Херсонес, чтобы определиться с планом работ, которые фактически должен был начать А.Л. Бертье-Делагард с двумя студентами Новороссийского университета, однако «по независящим от Комиссии причинам» раскопки произведены не были (Там же. Л. 6–9). В последующие годы А.Л. Бертье-Делагард, ссылаясь на занятость, не принимал непосредственного участия в проведении раскопок Херсонеса, но всегда проявлял живейший интерес к этим исследованиям.

Возможно, намерение ИАК серьезно заняться изучением Херсонеса оставалось бы еще долго нереализованным, если бы не обращение графини П.С. Уваровой к императору. 21 апреля 1887 г. председатель Московского архитектурного общества Н.В. Никитин, ссылаясь на действительного члена общества М.Ф. Беттихера, сообщил в МАО о бедственном положении древностей на территории Херсонесского Свято-Владимирского монастыря и ходатайствовал об усилении их изучения и охраны. В частности, со ссылкой на рассказ одного инока из братии монастыря Никитин написал, что колонны вдоль дороги предполагается распилить и использовать для пола в новом храме св. Владимира. Сами же колонны из мест их обнаружения стаскивались к дороге, из чего следовало, что раскопки и сама охрана древних памятников находятся в руках некомпетентных людей (РО. Ф. 4. Оп.-1. Д. 110. Л. 439 — 439 об.).

5 июня 1887 г. председатель МАО графиня П.С. Уварова, опираясь на информацию Н.В. Никитина, направила

письмо Александру III с описанием ситуации, сложившейся в Херсонесе, с предложениями путей сохранения и необходимости исследования этого памятника. «Вашему императорскому величеству угодно было прошлым летом посетить древний Херсонес, и нам нет надобности распространяться ныне на счет того запустения, в котором Херсонес предстал перед августейшими глазами Вашими. Запустение это увеличиваясь с каждым годом, поражает даже чужестранца и не может не служить укором всякому истинно русскому человеку», — так начинается это послание. «Действительно, я был поражен этим безобразием», — написал Александр III на полях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 16 об.; см. также: Кац 2014: 354-355).

В письме графини подчеркивались непосредственные заслуги графа А.С. Уварова в изучении Херсонеса. Подробно, с пояснениями, перечислялись открытия и находки, произведенные в результате этих работ. Особо указывалось, что до начала войны 1854–1856 гг. открытые во время раскопок объекты были законсервированы и таким образом спасены от разграбления и разрушения. Далее указывалось: «Но что судьба спасла от иноземцев, то должно было погибнуть от рук тех, которые более других должны были дорожить первыми христианскими древностями народа русского» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 25). От имени МАО графиня сообщала о неоднократных продажах архимандритом Евгением херсонесских древностей, полученных вследствие бесконтрольных грабительских раскопок, которые производили монахи на городище. В послании перечислялись меры, которые, по мнению Общества, необходимо

было предпринять в сложившемся положении. Археологическое изучение Херсонеса графиня не без тайного расчета предлагала возложить на «одно из ученых обществ» с организацией на месте археологической станции. При этом предполагалось сократить монастырь, а новых хозяев обязать содержать священнослужителя для постоянного служения в местной церкви. Обеспечение раскопок предполагалось осуществить за счет передачи Обществу земли в Мелитопольском и Бердянском уездах, а также монастырских земель вокруг Херсонеса, и их эксплуатации. Письмо заканчивалось призывом: «Повели, Государь, и древний Херсонес станет русской Помпеей, заинтересует всю благомыслящую Россию, привлечет к изучению своих древностей не только русских ученых, но и путешественников из Западной Европы» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 23; РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 250. Л. 1–3; ср.: Кац 1988: 58–60).

Реакция императора последовала незамедлительно, о ней красноречиво свидетельствует пометка для министра просвещения И. Д. Делянова, сделанная на подлиннике письма: «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров. Поговорите об этом деле с кем следует и представьте мне заключение и как можно скорей, чтобы спасти все, что можно спасти» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 16).

Уже 14 июня И. Д. Делянов сообщил П. С. Уваровой о Высочайшем повелении, в котором говорится, что производство самовольных раскопок на местности древнего Херсонеса строго воспрещается и будет преследоваться; ежегодные раскопки необходимо возложить на ИАК и Одесское общество; для сохранения находок

организуется музей под руководством опытного специалиста-археолога, для чего назначаются ежегодные суммы не более 3–5 тыс. руб.; объявляется запрет монашествующим производить раскопки и продавать вещи. Одновременно ИАК предлагалось сделать заключение о мерах к охране открытой базилики (РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 110. Л. 446–447). 19 июня 1887 г. министр просвещения дополнительно написал Уваровой, что 1 июня, очевидно, когда Александр III читал ее записку, против места, где было написано, что «вера же и любовь государя к старине земли русской позволяет обратиться с просьбой спасти древний Херсонес», император написал: «Очень сим благодарен» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 24 об.).

Переписка по этому вопросу продолжалась до конца года. 29 ноября 1887 г. И. Д. Делянов сообщил П. С. Уваровой об отзыве обер-прокурора Синода на запрещение государя монашествующим производить раскопки и продавать вещи. Воля государя была доведена до монашествующих, и «в настоящее время нет никаких слухов о продаже предметов древностей настоятелем монастыря» (РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 110. Л. 455–455 об.). Одновременно Министерство императорского двора предложило ИАК высказать свои соображения по поводу охраны и изучения Херсонеса. Как указывалось выше, это предложение не застало Комиссию врасплох: ее намерение изучать древности Херсонесского городища уже вполне сложилось к весне 1887 г., причем безо всякого вмешательства извне.

В рапорте министру императорского двора от 27 июля 1887 г. старший член Археологической комиссии барон В. Г. Тизенгаузен сообщал об основных проектах, которые планировалось

реализовать в Херсонесе. Среди перечисленных задач значилось следующее:

— организация на городище сторожевого поста для предотвращения несанкционированных раскопок и расхищения древностей, для чего планировалось построить караульный домик и сарай, который использовался бы в качестве складского помещения для хранения найденных в процессе раскопок вещей, с последующим строительством музея;

— ежегодное производство систематических археологических раскопок, направленных на исследование городища и некрополя, составление топографического плана древнего Херсонеса;

— реконструкция на древнем фундаменте одной из древних базилик с использованием сохранившихся колонн и капителей, что имело бы «важное значение и для русской науки, и для истории христианской церкви в России»;

— направление в Военное ведомство просьбы о своевременном информировании Археологической комиссии о проведении каких-либо строительных работ на территории городища для того, чтобы последняя могла своевременно принять необходимые меры по обеспечению научного сопровождения таких работ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 34–36).

По сути дела, ИАК переносила на Херсонес уже отработанную ею в Восточном Крыму «керченскую модель». Предполагалось также передать все уже собранные древности от монастыря в ИАК и издать их в особом сборнике.

Руководство раскопками в Херсонесе планировалось поручить проф. Н. П. Кондакову, а сами работы осуществлять с привлечением специалистов

Одесского общества и Императорской академии художеств. Председатель Археологической комиссии совместно с членами Одесского общества посетил Херсонес для уточнения планов предстоящих исследований, о чем известно из рапорта от 22 января 1888 г. (Там же. Л. 44).

Начало работ ИАК в Херсонесе и пребывание здесь председателя Комиссии не обошлось без курьеза. 5 августа 1887 г. граф А. А. Бобринской был задержан в Херсонесе унтер-офицером 49-го пехотного полка 13-й пехотной дивизии в то время, когда он делал наброски сохранившихся руин. В тексте приказа об объявлении унтер-офицеру благодарности за бдительное несение службы утверждалось, что граф «снял план батареи». Более того, сообщение о бдительном унтер-офицере попало в одесскую прессу. «Новое время» в № 4165 опубликовало текст приказа с комментариями, подписанными «Петербургец», где сам приказ был назван «весьма дельным». А. А. Бобринской, который, естественно, был удивлен тем, что его действия на городище были квалифицированы как «снятие плана батареи», был вынужден обратиться с жалобой к одесскому генерал-губернатору. Генерал-губернатор назвал появление внутреннего приказа в печати «бестактным поступком» и сообщал графу о проведенном служебном расследовании (РО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 10. Л. 2 — 4 об.).

Уже в 1888 г. под руководством ИАК в Херсонесе начались работы по «научной реконструкции» одной из базилик. 4 апреля архитектору В. В. Сулову поручили ознакомиться на месте с архитектурными деталями, добытыми в Херсонесе, которые возможно было использовать для восстановления храма.

Здание «Склада древностей» Херсонесского городища и реконструкция базилики, осуществленная по инициативе Императорской археологической комиссии (ИАНЗХТ. Нег. № 61)

Выбор В.В. Сулова в качестве эксперта был связан с тем, что он ранее уже активно сотрудничал с ИАК в деле реставрации архитектурных памятников и одновременно являлся членом Строительной комиссии. Годом раньше В.Г. Тизенгаузен обратился к председателю Комиссии по строительству Владимирского собора в Херсонесе с предложением создать при храме музей древностей, а также с сообщением о предполагаемой реставрации одной из базилик, конструктивные и декоративные элементы которой сохранились «в достаточном обилии» и могли послужить исходным материалом. При этом подчеркивалось, что «все эти остатки древних церковных зданий Херсонеса должны послужить... оригиналом для такого восстановления, которое будучи

возможно полным и безусловно верным исторической науке ...дало бы в результате верный и наглядный образ древнегреческой христианской базилики» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 37 — 39 об.). Н.П. Кондаков 13 мая сообщил, что Комиссия по постройке собора уже отобрала для своих целей лучшие из сохранившихся архитектурных элементов. 27 июня 1888 г. В.В. Сулов подал в ИАК окладную записку, где обоснованно утверждал, что для правильного хода работ необходим проект реставрации базилики и обмеры всех архитектурных украшений. В качестве помещения для музея он предложил использовать южную паперть в новом храме, однако так и не остановился ни на одной из раскопанных базилик как основе для реконструкции (Там же. Л. 60 — 61 об.).

24 февраля 1888 г. Военно-топографический отдел Главного штаба передал в ИАК фотокопию плана городища, необходимого для начала работ. При этом указывалось, что «так как съемка окрестностей Севастополя, со включением и высылаемого участка, считается съемкой секретной, то Отдел покорнейше просит Комиссию иметь наблюдение за тем, чтобы препровождаемая копия не выходила из рук Императорской археологической комиссии». Кроме плана городища в Комиссию были переданы два листа из верстовой съемки окрестностей Севастополя, выполненной в 1886 г. В сопроводительной записке указывалось, что «означенные листы представляют несомненный археологический интерес, так как на них впервые проложены на плане древние границы земельных участков, сохранившиеся на местности в виде развалившихся каменных стенок» (Там же. Л. 47–48).

Помимо сбора картографических материалов, непосредственным исследованием городища предшествовала переписка между А. А. Бобринским и Н. П. Кондаковым, не торопившимся приступать к раскопкам, формальным руководителем которых он являлся в 1888–1891 гг. В телеграмме от 14 мая 1888 г., направленной в Ялту Н. П. Кондакову, граф А. А. Бобринской, упоминаемая «особые причины», связанные, как кажется, с вмешательством в ситуацию П. С. Уваровой, настаивал на немедленной организации раскопок городища под общим руководством А. Л. Бертье-Делагарда и при участии члена Одесского общества истории и древностей К. К. Косцюшко-Валюжинича и выразил готовность выделить на эти работы 1000 руб. (Там же. Л. 67). В ответной телеграмме Н. П. Кондаков

ответил, что работы могут начаться немедленно при поручении ему общего руководства, надзора за расходами — К. К. Косцюшко-Валюжиничу. Он также сообщил, что А. Л. Бертье-Делагард уже выехал в Херсонес и готов принять руководство раскопками (Там же. Л. 68–69).

Из переписки председателя Комиссии с Н. П. Кондаковым видно, что тот, как и А. Л. Бертье-Делагард, не мог или не хотел посвящать раскопкам Херсонеса достаточно сил и времени. Так, еще 24 апреля 1887 г. А. А. Бобринской пишет письмо А. Л. Бертье-Делагарду, в котором, ссылаясь на его ранее высказанную готовность заняться раскопками Херсонеса, пишет о выделении ему средства для исследований. Он также упоминает о предстоящем визите в Севастополь Н. П. Кондакова для согласования плана будущих работ. Однако на документе красными чернилами, очевидно, рукой И. А. Суслова, была сделана приписка о том, что средства так не были использованы. Выписанное на имя А. Л. Бертье-Делагарда удостоверение представителя ИАК не было востребовано (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887. Д. 22. Л. 6, 6 об., 7).

Если пассивное участие Н. П. Кондакова в исследовании Херсонеса можно связать с развивающимся конфликтом с председателем ИАК, как и с известной осторожностью исследователя, стремившегося избежать всякой практической ответственности, то о действительных причинах неучастия А. Л. Бертье-Делагарда в изучении памятника, с которым он был тесно связан всю свою жизнь, остается только гадать. Возможно, его действительно отвлекали иные дела. Впрочем, этот факт не испортил отношений А. Л. Бертье-Делагарда и председателя

Комиссии: 7 декабря 1890 г. А. А. Бобринской предлагал ему, вновь при участии Н. П. Кондакова, возглавить работы по реконструкции («восстановлению») одной из разрушенных херсонесских базилик. Тон письма стоит охарактеризовать как вполне доброжелательный, несмотря на то, что проект так и не был реализован (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 26. Л. 210–211).

Таким образом, к началу раскопок вопрос о непосредственном руководителе работ оставался открытым. 3 июня 1888 г. граф Бобринской направил письмо обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву с уведомлением о начале в Херсонесе раскопок. Председатель Комиссии просил о выделении начальнику этих работ двух монастырских комнат для проживания и помещений для хранения находок. Показательно, что упоминание в тексте К. К. Косцюшко-Валюжинича, как непосредственного производителя работ, было вычеркнуто рукой Бобринского. В качестве руководителя работ указывался только профессор Н. П. Кондаков (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 73).

Добавим, что 4 февраля 1888 г. услуги в качестве руководителя полевых работ в Херсонесе предлагал художник Д. М. Струков, приславший в ИАК свой полный послужной список. В 1872 г. он уже сотрудничал с ИАК в собирании крымских древностей. Одновременно он предложил Комиссии издать сделанные им рисунки и описания ряда местных памятников (Там же. Л. 49).

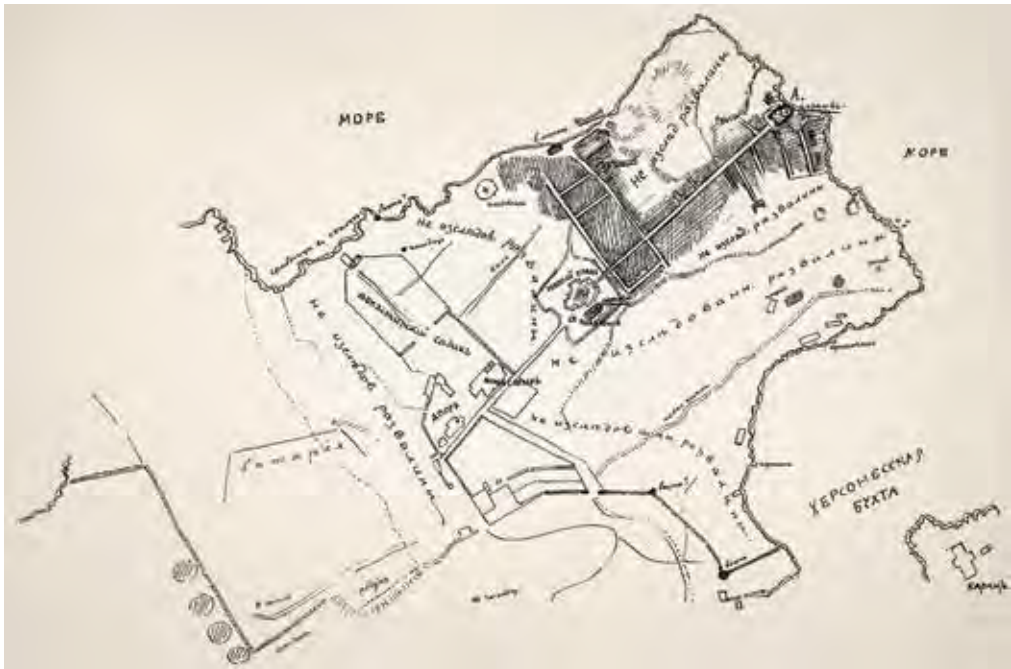
В Комиссии все же предпочли сохранить статус-кво — при формальном главенстве Н. П. Кондакова фактическим руководителем раскопок в 1888–1891 гг. оказался К. К. Косцюшко-Валюжинич, официально возглавивший их только в начале 1890-х гг.

*Заведующий раскопками Херсонеса
К. К. Косцюшко-Валюжинич
(НАНЗХТ. Д. 52 [1])*

Он был единственным, кто находился в Херсонесе на момент начала раскопок, и, кроме того, его кандидатуру поддерживал Н. П. Кондаков (см. также: Hochleitner 2001; Романчук 2014; 2018). А. Л. Бертье-Делагард, несмотря на имеющиеся на него планы ИАК, в эти годы непосредственного участия в археологических исследованиях, как это следует из материалов архива Комиссии, не принимал.

В распоряжении К. К. Косцюшко-Валюжинича была артель во главе с вызванным из Керчи П. Варсаблюком, имевшим 30-летний опыт раскопок. В первый год работы проводились в центральном и северо-восточных районах городища, а также возле Западной базилики (№ 13). Наиболее интересным открытием стало раскопанное рядом с Восточной базиликой помещение, в котором обнаружили формы для изготовления терракот,

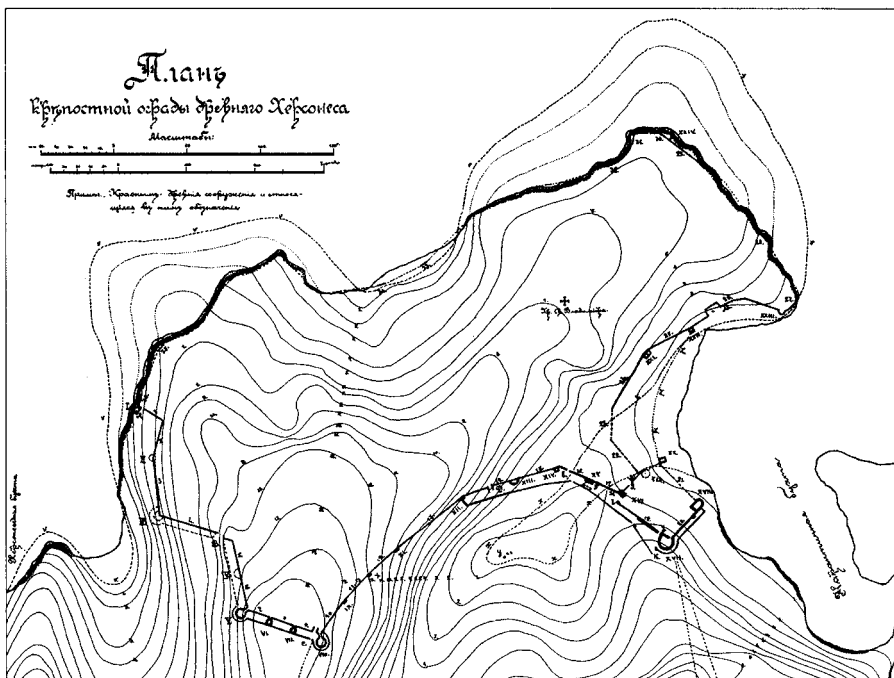

План первых раскопок в Херсонесе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 80)

а также целые фигурки (подробнее см.: Мальмберг 1892: 4–31). В ходе этих работ было впервые установлено, что под византийскими слоями находятся остатки античного города. В телеграмме от 25 июня 1888 г. Н.П. Кондаков сообщал, что в Херсонесе была открыта мастерская коропласта. К.К. Косцюшко-Валюжинич направил в Археологическую комиссию подробные отчеты о проведенных исследованиях, а также выслал в Санкт-Петербург отдельные находки, которые позднее передали в Императорский Эрмитаж (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 78, 88, 138). Археологическая комиссия выделила на продолжение исследований еще 1000 руб. и ходатайствовала о временном предоставлении в помещении монастыря двух комнат для своих сотрудников. Так было положено начало систематическим раскопкам Херсонеса, продолжавшимся

ежегодно под общим руководством Археологической комиссии вплоть до начала 1919 г.

В 1889 г. проводились раскопки городских кварталов центральной и западной частей городища (XLIII, L). Здесь был открыт комплекс из двух разновременных базилик с прекрасно сохранившимися мозаичными полами, получивший наименование «базилика в базилике» (№ 15), и часовни (15а), а также базилика (№ 17) и часовня (№ 16), расположенная рядом с ней. Для сохранения открытых мозаичных полов предлагалось возвести вокруг них стены и крышу и приставить к этому объекту сторожа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 52; ОИАК за 1889 г. 1892: 13–15). В годы заведования К.К. Косцюшко-Валюжинича финансирование раскопок Херсонеса постоянно увеличивалось. В письме от 24 марта 1890 г. А.А. Бобринской

План крепостной ограды древнего Херсонеса (по: Бертье-Делагард 1907: табл. II)

сообщал о выделении на исследования суммы уже в 4500 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 26. Л. 5, 179).

В связи со строительством собора раскопки проводились в 1890 г. в центральной части городища. Здесь была доследована базилика (№ 28), открытая в 1853 г. Исследования этого памятника продолжались в 1891–1892 и 1896 гг. Как отмечалось в отчете, место, на котором возводился собор, было все застроено храмами, остатки которых к моменту раскопок сохранились только в двух местах с южной стороны, «и притом в самом жалком виде» (ОИАК за 1890 г. 1893: 31). Возле Уваровской базилики обнаружили часовню, возможно, входившую в единый с ней комплекс (Айналов 1905: 130). В квартале XXVI был раскопан трехапсидный храм (№ 25), в западной части городища возле «базилики в базилике» — еще одна часовня (№ 156). Тогда же, в 1890 г. были

раскопаны так называемая базилика на холме (№ 14) и южный загородный храм, расположенный за пределами городских стен, а также начаты систематические раскопки городского некрополя у южных городских стен (подробнее о раскопках городского некрополя см.: Зубар 1978; Стоянов 2000: 129–136; 2003: 165–187).

«Успешные результаты двухлетних раскопок в Херсонесе, производимых Императорской археологической комиссией, побудили последнюю не ограничиваться в этом году дальнейшими раскопками Херсонесского городища, но произвести обширные разведки в его окрестностях, на землях Морского ведомства и частных лиц...», — сообщает № 77 газеты «Крымский вестник» за 1890 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 26. Л. 6). За пределами городища производились раскопки кургана, располагавшегося в верховьях Стрелецкой бухты

на земле подполковника К. И. Шверина. Курган отличался от курганов херсонесской округи, прежде всего, своими размерами и особенностями конструкции, не имеющими аналогий в других сооружениях подобного рода. Курган раскапывали в 1872 г. с целью добычи строительного камня (Юргевич 1875: 403; Печенкин 1914: 186 и сл.). Этим исследованиям предшествовало заключение соглашения между уполномоченным Комиссии К. К. Косцюшко-Валюжиничем и вдовой подполковника К. И. Шверина (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 26. Л. 1). Вероятно, учитывая размеры и единичность памятника, Косцюшко-Валюжинич ожидал найти в нем богатое захоронение, оставшееся неоткрытым рабочими, добывавшими камень. Не найдя искомого после одного года раскопок, он впоследствии не возвращался к исследованию кургана (подробнее см.: Stoyanov 2009: 199–214).

Кроме этого, в указанном году производились раскопки развалин храма на островке в верховьях Казачьей бухты и, по указанию А. Л. Бертье-Делагарда, начались раскопки укрепленного поселения на перешейке Маячного полуострова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 26; ОИАК за 1892 г. 1893: 31–40; Щеглов 1994: 12).

В 1891 г. раскопки проводились в разных частях Херсонеса. Среди открытий этого года следует упомянуть найденную в центральной части городища к западу от собора стелу с Присягой граждан Херсонеса (OSPE, I², 401). В северо-восточном и центральном районах производились раскопки открытых ранее объектов, а также было начато исследование Северной базилики (№ 22). Раскопки базилики продолжались в 1892–1893 и 1896 гг. В квартале ХСІ был раскопан трехапсидный

крестово-купольный храм (№ 6). Еще один крестово-купольный храм (№ 9) с подземным этажом-усыпальницей открыли в квартале ХLІ. В северной части городища раскопали три часовни (Ia, СIa, № 1, 8, 10). Еще одна часовня (№ 5) была открыта в квартале LXXXIX. В западном районе были раскопаны крестообразная пристройка к зданию Западной базилики (№ 13) и часовня возле базилики № 15. Доследования этого комплекса впоследствии проводились в 1892, 1895 и 1901 гг. Кроме этого, был исследован участок некрополя напротив 12–13-й куртин южной оборонительной стены.

Нумерация куртин и башен соответствует общепринятой сегодня номенклатуре А. Л. Бертье-Делагарда, впервые опубликованной в издании ИАК (Бертье-Делагард 1907: табл. II) (НАНЗХТ. 1893 г. Д. 3; РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 20; ОИАК за 1892 г. 1893: 2–20).

Регулярный и масштабный характер этих исследований не мог не привлечь внимания специалистов. Privat-доцент Казанского университета Д. В. Айналов (подробнее о нем см.: Жебелев 1940: 133–135; Брунов 1940: 66–67) после посещения Херсонеса в 1890 г. направил в Археологическую комиссию письмо с замечаниями, касающимися методики ведения раскопок. Среди основных нареканий — бессистемность работ и отсутствие определенного плана исследований. Он указывал, что выбор места раскопок в подавляющем большинстве случаев определялся исключительно наличием древних руин, сохранившихся на поверхности. Д. В. Айналов обоснованно предлагал сконцентрировать основные исследования не в центральной, а в прибрежной части городища,

подвергающейся наибольшему разрушению. В письме указывалось на необходимость проведения систематических консервационных и реставрационных работ для сохранения многочисленных разрушающихся памятников — тех, что были видны на поверхности городища, и вновь открытых. В ответе на это письмо К. К. Косцюшко-Валюжинич сообщил, что в первые два года раскопок нужно было «собрать возможно больше интересных находок», чтобы Археологическая комиссия не прекратила финансирование исследований (Гриневиц 1927: 24–27). Такая задача вполне объясняла темпы и масштаб раскопок, но отсутствие надлежащей фиксации находок и консервации открытых объектов действительно неизбежно приводили к безвозвратным потерям.

В 1892 г. продолжались исследования объектов, ранее открытых в западном и центральном районах городища. В квартале ХСІХ была раскопана часовня (№ 37). Кроме этого, не прерывались раскопки городского некрополя возле южных оборонительных стен (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 214. Л. 10; ОИАК за 1892 г. 1894: 13–27).

Раскопки 1893 г. проходили в юго-восточном районе городища, где впоследствии был размещен Склад местных древностей. Здесь были открыты помещения, относящиеся к городской квартальной застройке. Раскопки в северном районе проводились в связи с намерением монастыря обнести стеной располагавшееся здесь монастырское кладбище и желанием Косцюшко-Валюжинича объединить площади раскопок 1889 и 1891–1892 гг. Здесь были доследованы храм-усыпальница (№ 34) и Северная базилика (№ 22), рядом с которой обнаружили часовню.

В юго-западном районе при возведении Военным инженерным ведомством батарей были открыты части городской стены и обнаружены примыкавшие к ней каналы городского водопровода (ОИАК за 1893 г. 1895: 51–75).

10 мая 1893 г. Севастополь посетил Александр III, который отметил значительные успехи в работе Комиссии. Николай II 22 августа 1898 г. после посещения раскопок увеличил финансирование работ с ежегодных 4 до 6 тыс. руб. Следующий визит императора в Херсонес состоялся в сентябре 1902 г. В статье по этому поводу К. К. Косцюшко-Валюжинич подробно описал длившуюся около двух часов экскурсию по городищу и музею. Во время осмотра император «выказывал живейший интерес» к находкам и задавал вопросы, касающиеся не только прошлого Херсонеса, но и хода ведения раскопок, особенностей взаимоотношений с монастырем, а также условий хранения найденных на городище древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 250. Л. 9, 62–67). В 1902 г. размер ассигнований, ежегодно выделявшихся Археологической комиссией на исследования и охрану Херсонеса, составил 7840 руб. Для сравнения следует указать, что общая сумма, выделяемая на раскопки, проводимые на всей территории Российской империи, включая Сибирь (без Ольвии и Керчи), составила в тот год 11 600 руб.

В 1894 г. в юго-восточной части городища были открыты часть оборонительной стены (куртины 22–23) и комплекс прилегающих к ней построек, а также продолжено исследование участка некрополя вдоль южной стены и возле башни VIII (ОИАК за 1894 г. 1896: 51–76). В результате раскопок 1895 г. были расчищены

Посещение Херсонеса императором Николаем II 18 сентября 1902 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 250. Л. 60)

участки оборонительных стен и прилегающие к ним постройки в юго-восточном (куртины 24–25), северо-восточном (куртины 29–30, 31) и северо-западном (куртина 1) районах городища. Кроме этого, исследовался некрополь в периболе возле башни XIII (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г., Д. 6; ОИАК за 1894 г. 1897: 87–116). В 1896 г. в юго-восточной и центральной частях городища были открыты фрагменты квартальной застройки. Продолжались раскопки южного участка оборонительных стен и некрополя вдоль южного склона Карантинной балки, ниже 14-й куртины (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 4; ОИАК за 1896 г. 1898: 165–199). Исследования юго-восточной линии оборонительных стен, прилегающих к ней построек и некрополя продолжались в 1897–1898 гг. Тут были открыты

системы водостоков, термы римского времени, а также частично расчищена башня XVII (так называемая башня Зенона). В 1897 г. к северу от XIII башни рядом с монастырской гостиницей обнаружили крестообразный храм («храм с ковчегом») (№ 19), в алтарной части которого нашли серебряный ковчег с мощами. Южную часть храма уничтожили в 1860-е гг. при строительстве здания монастырской гостиницы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 2; ОИАК за 1897 г. 1900: 91–132).

В 1899 г. раскопали южные городские ворота, уникальный склеп № 1012, расположенный с наружной стороны 16-й куртины, и приставные склепы римского времени (№ 1013–1014) (Гриневич 1926: 7–40; Белов 1927: 105–146; Стоянов 2005: 324–332). В портовом районе была открыта часовня «Е»

(№ 28) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 4, 4а; НАНЗХТ. 1899 г. Д. 9 (2); ОИАК за 1899 г. 1902: 3–16; ОИАК за 1898 г. 1901: 1–55). Раскопки 1900 г. проводились в юго-восточном углу городища в районе 19-й куртины, где открыли башню XVI и продолжили расчистку башни Зенона. Напротив куртины 18 были открыты гончарные мастерские и участок некрополя (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 2; НАНЗХТ. 1900 г. Д. 9 (1); ОИАК за 1901 г. 1902: 13–25; Известия ИАК. Вып. 2. 1902: 1–39). В 1901 г. проводились исследования Западной и Уваровской базилик, а также раскопки некрополя у Карантинной бухты, являвшиеся продолжением работ 1896–1897 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 5; ОИАК за 1901 г. 1902: 22–50; Известия ИАК. Вып. 4. 1902: 51–119). Продолжение раскопок некрополя к югу вдоль Карантинной бухты в 1902 г. позволило открыть Загородный (южный) крестообразный храм. В этом же году возле Уваровской базилики была раскопана трехапсидная базилика «А» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 49; ОИАК за 1902 г. 1904: 1–62; Известия ИАК. Вып. 16. 1905: 111–113; Там же. Вып. 20. 1906: 96–100).

В 1902 г. графиня Уварова обратилась с письмом о Херсонесе на этот раз к Николаю II. Она с обидой писала, что «правильные» научные раскопки Херсонеса были инициированы ходатайством Московского общества. Однако вследствие передачи руководства исследованиями в ведение Археологической комиссии все это время «общество держалось в стороне от производимых исследований и по возможности избегало даже частных посещений Херсонеса» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 250. Л. 37 и сл.). Главное несчастье Херсонеса, по мнению графини, заключалось в существовании на его развалинах

монастыря, братия которого состояла «по обыкновению из породы грубых, неграмотных, ничего не делающих и ни к чему не приспособленных людей» (Там же). Она выдвинула целый ряд обвинений и замечаний в адрес Археологической комиссии и заведующего раскопками. Уварова писала, что Комиссия относится «с обычным ей равнодушием» к постройке на территории городища монастырской гостиницы и возведению монастырской стены, делающей невозможными проведение исследований на акрополе древнего города, а также к продолжающимся несанкционированным раскопкам и расхищениям древностей, производимым монахами.

Вследствие такого критического положения она предлагала кардинальные меры: рассредоточить братию по соседним монастырям, передать служение при главном храме белому духовенству, объединить монастырский музей и Склад древностей, передать главное жилое помещение монастыря под музей (избегав таким образом необходимости траты денег на постройку отдельного здания), уничтожить все стены и оставшиеся здания монастыря и в особенности гостиницу, стоящую на древней стене, по возможности ограничить Военное ведомство в проведении работ на территории городища. Графиня подчеркивала, что всю территорию городища необходимо передать в полное распоряжение того учреждения, которому будет поручено заведование раскопками и охранными работами, и обязать это учреждение не оставлять без пристального внимания ведение раскопок, для того, чтобы они приобрели более систематический порядок, чем существующие. Она также указывала на необходимость консервации и реставрации уже открытых

памятников, «чтобы они давали более полное понятие о том, что эти памятники представляли в древности и, таким образом, служили бы к развитию у посетителей понимания и любви родной старины». Вокруг городища и раскопок Уварова предлагала построить ограждения и ввести в штат смотрителей, ответственных за соблюдение порядка и не пропускавших посторонних к раскопкам, и наконец, — привести в порядок коллекции находок, хранящиеся на Складе местных древностей.

По поводу этого письма председателю Археологической комиссии был направлен запрос от имени министра императорского двора барона В.Б. Фредерикса. В ответе А.А. Бобринского содержались подробные разъяснения для доклада императору, в которых, среди прочего, указывалось, что, благодаря усилиям Археологической комиссии, за последнее десятилетие «многострадальный Херсонес», как называет его в своем письме графиня П.С. Уварова, пережил блестящую эру, а постоянное внимание царствующих особ к этому памятнику и их оценка проделанных за эти годы работ воочию указывают, что «страданиям» Херсонеса положен конец (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 250. Л. 46 и сл.). Признавая, что в предложениях графини содержится много разумного и полезного, председатель тем не менее отметил, что члены Московского общества вовсе не воздерживались от посещений городища и раскопок. Многие из них регулярно сотрудничали с Археологической комиссией при издании материалов о находках, чего нельзя было сказать о графине П.С. Уваровой, которая «на раскопках не бывала и в течение многих лет судьбой Херсонеса не интересовалась». А.А. Бобринской

отмечал, что о проблемах, возникавших в отношениях с монастырем, неоднократно указывалось в рапортах Археологической комиссии. Соглашаясь с неоспоримым фактом, что постройки монастыря действительно делают невозможным проведение раскопок в одной из самых интересных частей городища, председатель отмечал, что упразднение монастыря и передача собора белому духовенству является вопросом, требующим тщательного обсуждения, в том числе и с точки зрения интересов православного народа. В письме было подчеркнуто, что планы проведения всех раскопок ежегодно разрабатываются К.К. Косцюшко-Валюжиничем совместно с Археологической комиссией, многие члены которой за эти годы посещали раскопки, а сам председатель бывал в Херсонесе не реже, чем раз в два года. В целом претензии П.С. Уваровой «являются только отголоском зависти к чужому успеху». Однако среди мер, перечисленных графиней, А.А. Бобринской признал необходимыми:

— уничтожить монастырскую стену и передать в ведение Археологической комиссии всю территорию городища (при этом председатель не касался вопроса о целесообразности упразднения монастыря);

— запретить монахам ведение любых раскопок на городище и обязать их передавать Комиссии все найденные на городище древности, упразднить монастырский музей и передать все хранящиеся там предметы в Археологическую комиссию;

— просить Военное ведомство своевременно информировать Комиссию о проведении строительных работ на территории городища и приглашать заведующего раскопками для

предварительного исследования местности, предполагаемой к застройке.

А.А. Бобринской особо подчеркивал, что «всякие посторонние указания относительно упорядочения способа ведения раскопок и музея считал бы нежелательными, так как они явились бы незаслуженным укором тем лицам, которые достигли таких успешных результатов, которых, вероятно, не станет отрицать даже графиня Уварова».

Довольно резкий тон письма А.А. Бобринского свидетельствует не только о характере личных взаимоотношений председателя Комиссии с П.С. Уваровой, но и о своеобразной конкуренции возглавляемых ими организаций. Упомянутое же в письме Уваровой Военное ведомство на протяжении всего периода заведования

раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинича не только информировало его о предполагаемых строительных работах на городище, но и учитывало его пожелания относительно места размещения новых и необходимости переноса уже построенных объектов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 250. Л. 90).

В связи с замечаниями графини Уваровой, касавшимися хранения древностей, следует указать, что организация местного музея была заветной мечтой Косцюшко-Валюжинича. В 1892 г. на территории городища был открыт «Склад местных древностей Императорской археологической комиссии», куда стали поступать найденные на городище и в процессе раскопок вещи, не предназначенные для отправки в Петербург. К сожалению,

Херсонес 1891 г. Наружный вид временного музея. Первый слева К.К. Косцюшко-Валюжинич (ФО. Нег. II 90259)

*Склад местных древностей Императорской археологической комиссии в Херсонесе
(ФО. Отп. Q 479-5, O.274-7)*

Виды двора склада местных древностей Императорской археологической комиссии в Херсонесе (ФО. Отп. Q 479-4, НАНЗХТ. Д. 58а [1]. Нег. 671, ФО. Нег. 1 75849)

Археологическая комиссия не ставила перед заведующим раскопками задач по созданию экспозиции или формированию коллекций (ср.: Шаманаев 2014; 2015b). Склад считался временным хранилищем, не заменяющим музея. Создание же местного музея, планировавшееся в рапорте В. Г. Тизенгаузена в 1887 г. (см. выше), скоро стало насущной необходимостью, поскольку число находок стремительно возрастало и их нужно было не только надлежаще хранить, но и систематизировать. М. Горький в очерке, составленном после посещения Херсонеса в 1897 г., писал: «Музей древностей Херсонеса, находящийся сейчас же за оградой монастыря, не только внутри битком набит вещами, но и снаружи завален ими. Чего тут нет! Громадные мраморные колонны с ажурными капителями, мраморный лев с городских ворот Херсонеса, гробницы, урны семейные, памятники, громадные глиняные сосуды для хранения вина, обломки барельефов, целые полы из мозаики и на всем этом лежит отпечаток недосыгаемого изящества эллинской культуры» (Горький 1938: 45). Херсонесские древности, найденные на городище или происшедшие из ранних раскопок, также хранились и на складе при монастыре.

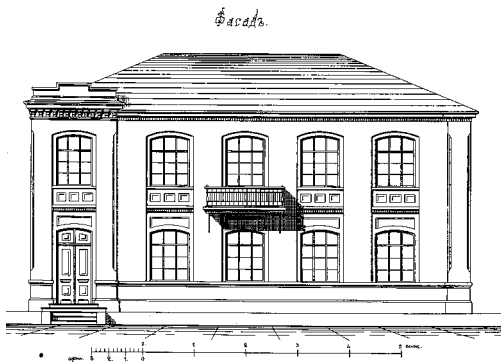
Решение о строительстве здания для местного музея окончательно приняли в Археологической комиссии в 1903 г. В том же году К. К. Косцюшко-Валюжиничу было направлено письмо о присылке сведений, необходимых для разработки проекта музея. После ответа заведующего были составлены проекты здания. На постройку музея планировалось выделить 40 тыс. руб., но до строительства дело не дошло в связи с началом русско-японской войны (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 2; РО.

Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 2а. Л. 2–15, 110; Гриневич 1927: 30–31).

Объяснения по поводу письма графини П. С. Уваровой содержались также в письме К. К. Косцюшко-Валюжинича министру В. Б. Фредериксу. Высказывания исследователя по отношению к монастырю были не столь категоричны, многие из предложенных им мер отличались сдержанностью и имели компромиссный характер. Он писал, что, хотя отдельные монахи продавали древности, братия никогда не производила тайных раскопок или хищений находок. Относительно территории монастыря в письме отмечалось, что «занимая возможно меньшую площадь <...>, окруженный не садами и огородами, но руинами столь дорогого нам Херсонеса, он производил бы на каждого христианина глубокое религиозное впечатление <...>, монастырь должен существовать для Херсонеса, а не Херсонес для монастыря!» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 250. Л. 58–59).

В связи с этим необходимо указать, что с самого начала раскопок К. К. Косцюшко-Валюжиничу пришлось столкнуться с противодействием монастыря, привыкшего быть полновластным хозяином городища и бывшим в свое время (1878–1886) даже участником раскопок и их распорядителем. Теперь же настоятель не был приглашен в «раскопочный комитет». В результате монастырское руководство демонстративно отстранилось и даже препятствовало проведению работ.

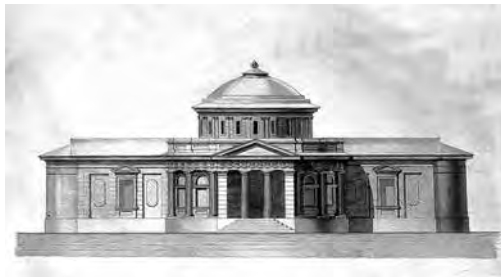
Комиссия регулярно высказывала монастырю замечания, касавшиеся самовольной застройки территории городища или использования ее под огороды и виноградники (ОИАК за 1891 г. 1893: 3; ОИАК за 1893 г. 1895: 53; ОИАК за 1895 г. 1897: 87–88). В 1891 г.

1

2

3

4

Проекты здания Херсонесского музея (1 — РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 2а. Л. 7;
2 — ФО. Нег. III 8395; 3 — ФО. Нег. III 8391; 4 — ФО. Нег. III 8483)

План местности, где предполагалось построить музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 2. Л. 5)

Херсонесский монастырь св. равноап. кн. Владимира, вид с юго-запада (около 1902–1904 гг.) (НАНЗХТ. Д. 58а [I]. Нег. 22675)

ИАК отмечала тот прискорбный факт, что громадное пространство городища без настоятельной надобности застраивается различными монастырскими службами (ОИАК за 1891 г. 1893: 3). В 1893 г. Археологическая комиссия предложила монастырю и флоту провести раскопки в тех местах, которые могут быть застроены в ближайшем будущем (ОИАК за 1893 г. 1895: 53), однако в 1895 г. монастырь безо всякого согласования провел земляные работы для устройства виноградника (ОИАК за 1895 г. 1897: 2–3, 87–88). С точки зрения развития археологии предложение ИАК было революционно: по сути, формировалась практика «превентивной» археологии, или «спасательных», «новостроечных» раскопок.

Ответной реакцией стали жалобы монастыря на действия представителя

заведующего раскопками. Похоже, конфликт с самого начала имел и экономическую подоплеку. 17 января 1889 г. А. А. Бобринскому было переправлено отношение обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева министру народного просвещения. Речь шла о жалобе настоятеля, в которой сообщалось, что в процессе раскопок добывается и обычный камень, употребляемый для местных построек. При этом подрядчик Ветцель начал забирать камень, не только добытый при раскопках, но и с поверхности земли, ссылаясь на договор с К. К. Косцюшко-Валюжиничем. По словам архимандрита Иннокентия, никакого договора не существовало, и сколько камня продано в 1888 г., не объяснили ни подрядчик, ни археолог. Согласно подсчетам монастырского руководства, речь могла

идти о 150 кв. саженей, куда включался и камень, добытый монастырем и ему принадлежащий, так как в процессе раскопок в 1888 г. могло быть добыто лишь 15–20 саженей. В отношении обер-прокурора подчеркивалось, что духовное ведомство позволило ИАК добывать предметы древности, а не эксплуатировать в свою пользу строительные материалы, составляющие собственность монастыря.

Действительно, в свое время К.К. Косцюшко-Валюжинич отправил в Петербург телеграмму следующего содержания: «Покорно прошу разрешить продажу камня. Есть спрос. Монастырь продал зимой более 100 пудов, рабочим выстроил барак, мне помещения не дали». А.А. Бобринской дал на это разрешение. Еще 7 июня 1888 г. он обратился к К.П. Победоносцеву с просьбой выделить в монастыре две комнаты для сотрудников ИАК, чего так и не произошло. 20 января 1889 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич написал объяснительную записку. По его словам выходило, что в 1888 г. он вывез только 31,5 сажени, поскольку затем последовал запрет архимандрита. При этом он подчеркивал, что запас камня, добытого при раскопках, принадлежит правительству и что вырученные им 300 руб. были израсходованы на полевые работы, о чем 14 февраля 1889 г. председатель Комиссии и послал соответствующий рапорт в министерство (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 22. Л. 70, 74–75, 110–111 об., 112 — 112 об., 114 — 115 об.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 26. Л. 109–117).

В последующие годы монастырь не оставил попыток вмешаться в ход археологических исследований. Пик конфликта монастырской братии с ИАК пришелся на 1896–1897 гг.,

когда в Синод посыпались доносы на «католичество» главного археолога и его якобы равнодушие к погребениям похороненных в Херсонесе «православных христиан». Противостояние не утихло даже тогда, когда в 1897 г. был открыт «храм с ковчегом», южная часть которого была уничтожена еще в 1860-е гг. при строительстве монастырской гостиницы. На месте престола в серебряном ковчеге константинопольской работы были обнаружены завернутые в истлевшую ткань частицы мощей. Приглашенный К. К. Косцюшко-Валюжиничем на место раскопок архимандрит Александр открыл ковчег в присутствии духовенства и рабочих и торжественно перенес его в новый храм (ОИАК за 1897 г. 1900: 103–105).

12 августа 1899 г. В.К. Саблер, исполнявший тогда обязанности обер-прокурора Святейшего Синода, сообщил в Министерство императорского двора о ходатайстве епископа Таврического Николая (Зиорова) об учреждении при монастыре церковно-археологического древлехранилища (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 197. Л. 2–3). Он извещал министра, что Синод на заседании 16–30 июля признал осуществление этого желательным, но, поскольку археологические раскопки находятся в ведении ИАК, необходимо сделать соответствующее распоряжение по Комиссии, чтобы священные предметы, находимые при раскопках, не пересылались за пределы епархии, а оставались для хранения в учреждаемом в монастыре древлехранилище.

Постановление Синода основывалось на письме епископа Николая от 26 июня. Он сообщал, что в процессе раскопок на городище было найдено 37 храмов и многочисленные христианские древности, но многие

святыни по личному «усмотрению» К.К. Косцюшко-Валюжинича отправляются в Императорский Эрмитаж, в Москву и в другие места. Иногда вещи берутся разрозненно; например, серебряный ковчег, найденный в 1896 г., был отослан в Эрмитаж, а мощи переданы в монастырь. Епископ писал, что «подобное отношение к делу не может быть названо вполне научным», и просил создать особое хранилище для откапываемых святынь, которые ни под каким видом нельзя отдавать в разного рода музеи. При этом он предлагал обойтись без помощи ИАК, приглашая в Херсонес специалистов по церковной археологии, в частности Н.В. Покровского, очевидно, не зная, что тот с 1892 г. числился сверхштатным членом Комиссии. Газета «Крым» (№ 157 за 1899 г.) также приводила слова епископа Николая об «ученом расхищении» херсонесских древностей и небрежных раскопках.

Прежде чем ответить министру, А.А. Бобринской запросил мнение самого К.К. Косцюшко-Валюжинича. Тот, оставляя в стороне выдвигаемые против него обвинения, в целом приветствовал идею организации церковного музея в нижнем этаже храма св. Владимира и даже предложил проект положения о нем из 11 пунктов. При этом он выступал за научные правила экспонирования, а не случайное нагромождение отдельных вещей. Отбор вещей должен был производиться непосредственно ИАК, причем настоятель мог ходатайствовать о передаче ему тех или иных вещей, а все предметы, находящиеся монастырем при производстве хозяйственных работ, передавались бы начальнику Склада древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 197. Л. 5 — 6 об.).

2 ноября 1899 г. председатель ИАК направил письмо в канцелярию

министерства. Он указал на неточности, допущенные епископом в послании в Синод, чтобы, очевидно, произвести нужный эффект. Председатель указал, что ИАК, упомянутая в письме как «некое общество», была учреждена согласно Высочайшему повелению от 12 июня 1887 г., поэтому работы в Херсонесе производились правительственным учреждением. А.А. Бобринской отмечал, что в повелении содержалось и распоряжение о том, чтобы добываемые в процессе раскопок древности были бы максимально доступны для обозрения публикой, что возможно лишь в центральных музеях, а монастырское древлехранилище неудобно для этого. При этом монастырь не располагал научными кадрами. Таким образом наличие монастырского древлехранилища привело бы к еще более сильному распылению коллекции и вошло в противоречие со смыслом Высочайшего соизволения. ИАК была согласна на создание склада христианских древностей в качестве отделения при общем Складе, которые бы находились под единым руководством (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 250. Л. 19–22).

Одновременно епископ Николай отправил в ИАК свое обращение. В нем он писал, что глубоко возмущен и оскорблен статьей журналиста Хазарского «Русская Троя» (Московские ведомости 1899. № 257), написанной со слов К.К. Косцюшко-Валюжинича, в которой указывалось на противодействие раскопкам со стороны монастыря. В этом же письме сообщалось, что исследователь, раскапывая погребальные памятники, регулярно выбрасывал кости (среди которых, возможно, были и кости христиан) прямо в мусор, что является недопустимым.

К.К. Косцюшко-Валюжинич отвечал в Археологическую комиссию, что фельетон Хазарского не содержал ничего оскорбительного лично для епископа Николая. При этом продажа херсонесских древностей монахами является документально установленным фактом. Даже скамейки у монастырской гостиницы покрыты мраморными плитами, взятыми монахами с территории городища, о чем исследователь посылал рапорты в Археологическую комиссию. К.К. Косцюшко-Валюжинич указывал, что он не может производить раскопки на территории монастыря, поскольку категорическим требованием епископа являлась передача всех найденных христианских древностей церкви, что в свою очередь шло вразрез с указаниями Археологической комиссии. Кроме того, территория внутри монастыря ежегодно активно застраивается и засаживается деревьями — это делает совершенно невозможным проведение здесь не только раскопок, но даже археологических разведок. И наконец последняя жалоба епископа, касающаяся обращения с костными останками, находимыми при исследованиях, как писал Косцюшко-Валюжинич, «поразила меня, как удар грома в тихий ясный день», поскольку части скелетов, найденные при раскопках некрополя, в обязательном порядке перезахоранивались (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 250. Л. 42–43).

Только в 1902 г., когда Херсонес совместно посетили император Николай II и епископ Таврический Николай (Зиоров), конфликт пошел на убыль (см.: Калиновский 2017). Впрочем, это понравилось не всем. Уже 6 октября 1902 г. П. С. Уварова пишет письмо министру двора барону В.Б. Фредериксу, о котором речь выше, где определенно

намекает, что МАО гораздо лучше, чем ИАК, справилось бы с раскопками Херсонеса (Мусин 2006: 75–78; 2010: 90–91).

В 1903 г. Археологическая комиссия представила в Министерство императорского двора проект ведения раскопок в Херсонесе на землях, занятых монастырем. Этот проект был доставлен в Канцелярию Синода 12 мая. Согласно этому документу, монастырю вменялось в обязанность заблаговременно извещать заведующего раскопками о любых земляных и строительных работах на городище. Представителю Археологической комиссии должна была быть предоставлена возможность вести раскопки на неисследованных участках внутри ограды, при условии непричинения вреда монастырским постройкам. Все древности, находимые внутри монастырской ограды, должны были передаваться заведующему, монастырю категорически запрещалась их продажа. Предметы, находившиеся в монастырском Складе древностей, должны были быть переданы по описи для хранения в музее Комиссии. Кроме этого, монастырю запрещалось устраивать на городище пастбища для скота и свалки мусора и вменялось в обязанность вести надзор за нищими, приходящими за трапезой и ночлегом, и не разрешать им раскапывать городище. На этот документ последовала незамедлительная реакция. В Отзыве обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева от 16 октября, составленном на основе мнения таврического епископа, указывалось, что в проекте учитывались только интересы заведующего раскопками, лица неправославного и «даже не русской национальности». Для устранения имевшихся разногласий предлагалось учредить

специальную комиссию из епархиального архиерея, настоятеля монастыря, заведующего раскопками, уполномоченного от Археологической комиссии и члена Симферопольской архивной комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 2а. Л. 95–105). К 15 марта 1904 г. ИАК представила новое положение о раскопках, так, впрочем, никогда обобщенно и не утвержденное (Там же. Л. 97 – 99 об., 100 – 100 об., 103 – 104 об.).

Вместе с тем отношения между заведующим раскопками и монастырем не исключали определенного сотрудничества. Находки из раскопок первых лет хранились в монастырской гостинице в специально выделенном для этого помещении. Настоятель монастыря архимандрит Иннокентий консультировался с К.К. Косцюшко-Валюжиничем относительно мер предосторожности, которые необходимо было соблюдать во время проведения земляных работ при строительстве храма во избежание нарушений предписаний Археологической комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 26. Л. 8). Несмотря на это, общая оценка личности заведующего раскопками со стороны церковных властей была негативной. В письме председателю Археологической комиссии, направленном после смерти заведующего, обер-прокурор Святейшего Синода указывал, что К.К. Косцюшко-Валюжинич «нередко игнорировал в своих действиях справедливые заявления администрации названного монастыря и вообще относился к этой обители без достаточного внимания и уважения, вследствие чего возникали частые недоразумения между монастырем и покойным археологом» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 22. Л. 18).

В 1903–1905 гг. раскопки производились в центральной, южной

и юго-восточной частях городища. Здесь были открыты разновременные помещения, относящиеся к квартальной застройке этих районов, и обнаружена система водостоков. В южной части городища были раскопаны так называемый «монетный двор», часовня в XLIV квартале, башня XIII и прилегающие к ней куртины (№ 14–15), а также исследован участок некрополя в периболе, возле монастырских ворот и Загородного (южного) крестообразного храма (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 12; РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 2. Л. 287–410; НАНЗХТ. 1905 г. Д. 14 (7); ОИАК за 1903 г. 1906: 20–43; Известия ИАК. Вып. 16. 1905: 37–110; ОИАК за 1904 г. 1907: 49–69; Известия ИАК. Вып. 20. 1906: 17–95; ОИАК за 1905 г. 1908: 38–57; Известия ИАК. Вып. 25. 1907: 67–171). Раскопки некрополя возле этого храма продолжались в 1906–1907 гг. Кроме этого, следует упомянуть раскопки некрополей римского времени в северной части Севастополя и на р. Бельбек, производившиеся штабс-капитаном Н.М. Печенкиным по поручению Археологической комиссии летом 1903–1905 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 109; РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 161; РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 145).

Во время продолжения раскопок южной и юго-восточной частей городища в 1906–1907 гг. были раскопаны часть городской стены в районе 16-й и 21-й куртин, храм и часовня на территории Цитадели, а также продолжены исследования некрополя возле Загородного (южного) храма. В западном районе к югу от «базилики в базилике» были открыты пятиапсидный храм и тетраконхиальный храм (№ 47), сильно разрушенный в ходе строительных работ, производившихся Военным инженерным ведомством в 1894 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г.

*И. И. Махов и М. И. Скубетов (справа)
в Херсонесе. Фото 17 февраля 1912 г.
(НАНЗХТ. Д. 58а [I])*

*Штабс-капитан Севастопольского
крепостного батальона В. Н. Рот
(НАНЗХТ. Д. 52 [I])*

Д. 2. Л. 28–42; ОИАК за 1906 г. 1909: 58–83; Лепер 1911: 92–107; Известия ИАК. Вып. 32. 1911: 1–91).

В связи с деятельностью К.К. Косцюшко-Валюжинича нельзя оставить без внимания его помощников, принимавших активное участие в археологических исследованиях. К сожалению, эти люди, много сделавшие для изучения херсонесских древностей, с течением времени оказались практически забытыми. Бессменным топографом и чертежником в годы заведования К.К. Косцюшко-Валюжинича был М.И. Скубетов. Еще одним помощником был И.И. Махов (Кац 2007: 67–71). В 1899 г. М.И. Скубетов составил первый сводный план Херсонесского городища с обозначением открытых площадей и отдельных археологических объектов. В последующие годы им

были составлены еще два плана Херсонеса (НАНЗХТ. № 161/1940; Щеглов 1997: 393). Кроме этого, после смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича он закончил обработку и подготовил к изданию отчет о раскопках некрополя в 1907 г. В 1915 г. М.И. Скубетову было выдано свидетельство о том, что во время пребывания на раскопках, проводимых Императорской археологической комиссией, в качестве топографа и чертежника он выполнял свою работу с неизменной точностью и старанием, принося таким образом большую пользу исследованию Херсонеса (НАНЗХТ. Д. 175. Л. 58).

Немалую помощь в исследовании Херсонеса оказывал и другой энтузиаст — зять К.К. Косцюшко-Валюжинича, штабс-капитан Севастопольского крепостного батальона В.Н. Рот,

который исполнял обязанности фотографа. После смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича В.Н. Рот временно заведовал Складом местных древностей Императорской археологической комиссии, а также занимался административными и финансовыми вопросами. Судя по переписке, В.Н. Рот был человеком грамотным, исполнительным и чрезвычайно увлеченным херсонесскими древностями. К сожалению, сотрудничество с Археологической комиссией оказалось для него несовместимым с исполнением основных служебных обязанностей, вследствие чего он в 1908 г. вынужден был оставить работу в Херсонесе.

Подводя итоги первого десятилетия исследований Херсонеса под руководством Археологической комиссии, нельзя не отметить, что оно оказалось чрезвычайно плодотворным. Одним из главных результатов исследований, полученных благодаря проведению раскопок до материка, стало открытие античного городища. В процессе интенсивных и широкомасштабных работ было раскопано подавляющее большинство известных к настоящему времени христианских храмов и часовен в разных частях городища, раскрыты значительные площади разновременных городских кварталов, а также исследованы большие участки древней оборонительной стены. С 1891 г. систематически проводились раскопки городского некрополя, в результате которых было раскопано 2427 погребальных комплексов разных типов и периодов. Наиболее ценные находки регулярно высылались в Археологическую комиссию, откуда поступали в собрания Императорского Эрмитажа и Исторического музея. Прочие предметы, найденные на территории

городища, хранились в Складе местных древностей. Эстампажи и фотографии эпиграфических источников, найденных в Херсонесе, регулярно высылались для обработки и публикации В.В. Латышеву. Неоценимый вклад внес К.К. Косцюшко-Валюжинич в исследования по керамической эпиграфике Херсонеса (Кац 2007: 59–75).

Исследования тех лет могли бы стать образцовыми для своего времени, если бы фиксация и консервация открытых памятников, а также паспортизация и каталогизация находок соответствовали темпам раскопок. Ощутимым недостатком в работе Косцюшко-Валюжинича, приведшим в конечном счете к обесцениванию существенной части результатов его археологических исследований, стало отсутствие единой системы паспортизации, при помощи которой можно было бы определить место обнаружения вещи и время ее поступления в коллекцию. К сожалению, Археологическая комиссия непозволительно долго оставляла этот факт без должного внимания. Указания на отсутствие паспортизации и плохое хранение находок высказывались не только в приведенном выше письме П.С. Уваровой, но и в письмах таких авторитетных исследователей, как Н.И. Веселовский и А.А. Спицын, направленных в Археологическую комиссию в 1904 г. (Гриневиц 1927: 31, примеч. 1). Осознание ошибки, вероятно, возникло у К.К. Косцюшко-Валюжинича довольно поздно, а внезапно наступившая смерть помешала ее исправить. Бытующая оценка этого исследователя как талантливого и трудолюбивого дилетанта (Гриневиц 1927: 23–24; Белов 1948: 15), который, по замечанию А.И. Романчук, «расчищает путь для других, не пользуясь плодами своего

тяжкого труда» (Романчук 1991: 94), верна лишь отчасти. К.К. Косцюшко-Валюжинич не имел специального образования, и его научное наследство состоит из полевых отчетов, нескольких брошюр и газетных заметок, но за время раскопок Херсонеса он стал не только признанным знатоком его истории, но и одним из наиболее авторитетных полевых исследователей своего времени (Кац 2007: 61; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 31–32).

В первые месяцы после смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича хлопоты по разбору его архива и надзору за городищем и Складом древностей добровольно взял на себя В.Н. Рот. В письмах, направленных им в Археологическую комиссию, содержатся настоятельные просьбы о присылке нового заведующего. Требовалось решить вопросы, связанные с консервацией участков раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, а также с выплатой жалования сторожам и рабочим. Кроме этого, Военное ведомство начало проведение строительных работ в северо-восточной и юго-восточной частях городища, которые приводили к неизбежному разрушению культурных напластований. В отчаянии В.Н. Рот писал А.А. Бобринскому о настоятельной необходимости принятия немедленных мер по спасению городища. Этой же проблеме был посвящен рапорт на имя председателя ИАК от заведующего Керченским музеем древностей В.В. Шкорпила, в котором указывалось на необходимость немедленного исследования участков, на которых ведутся строительные работы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 5. Л. 31–33, 40–45, 54–55).

В январе 1908 г. в Севастополь прибыл делопроизводитель Комиссии А.С. Раевский, который встретился

Могилы К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе (фото Р. В. Стоянова, 2004 г.)

с В.Н. Ротом и М.И. Скубетовым, проинспектировал Склад местных древностей и, выплатив жалование раскопчным рабочим, уведомил их о прекращении раскопок до назначения нового заведующего (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 4. Л. 68–71). В феврале Археологическая комиссия сообщила В.Н. Роту, что до прибытия нового заведующего руководство раскопками на городище будет поручено Н.И. Репникову, который приедет в апреле. До этого времени на имя В.Н. Рота регулярно высылались средства на повседневные административные нужды, связанные с содержанием сторожей и фиксацией открытых объектов, а также оплатой труда рабочих, нанятых Н.И. Репниковым. Несмотря на опыт и высокую оценку, данную В.В. Шкорпилом, Комиссия не сочла возможным поручить В.Н. Роту ведение археологических раскопок на городище. Более того, начало подобных исследований

по собственной инициативе В.Н. Рота вызвало резкий протест со стороны Комиссии. В письме, направленном в Севастополь товарищем председателем ИАК В.В. Латышевым, указывалось, что повторение подобных действий может привести к тому, что Комиссия будет вынуждена отказаться от его услуг (НАНЗХТ. 1908 г. Д. 137. Л. 30).

В то же время А.А. Бобринской направила от имени Археологической комиссии письмо военному министру А.Ф. Редигеру, в котором, ссылаясь на доклады Н.И. Репникова, ходатайствовала о прекращении всяческих строительных работ в районе Уваровской базилики и прилегающих к ней участков городища. Эти меры, безусловно, повлияли на ситуацию в Херсонесе. Севастопольское крепостное инженерное управление выслало официальное заверение в том, что Н.И. Репникову будет оказано всяческое содействие при проведении археологических работ на территории городища, а также уведомило, что Инженерное ведомство не планирует в ближайшем будущем возведение каких-либо новых построек на городище (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 5. Л. 74, 119–120). В письме от 10 сентября 1908 г. военный министр по Главному инженерному управлению А.Ф. Редигер уверил А.А. Бобринского, что все работы на городище производятся под непосредственным наблюдением представителей Археологической комиссии, которым предоставляются все сделанные при этом находки (НАНЗХТ. 1908 г. Д. 137. Л. 134).

Раскопки на территории городского некрополя, расположенного к юго-западу от башни XVII напротив 20-й куртины юго-восточной линии городских оборонительных стен, были начаты под руководством Н.И. Репникова

7 марта 1908 г. Краткая информация о проведенных исследованиях и иллюстрации отдельных находок содержатся в отчете исследователя (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 5; ОИАК за 1908 г. 1912: 93–108). Все находки из погребений были объединены в фототаблицы (Стоянов 2011: 181 сл.). Текст полевого дневника был впоследствии издан под редакцией К.Э. Гриневича (Репников 1927: 149–181).

Первоначально на место заведующего раскопками Херсонеса предполагалось назначить преподавателя древних языков Петергофской Александра II гимназии Ф.И. Шмита (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 22. Л. 6–7). Однако он от назначения отказался, о чем и уведомил Бобринского в личном письме от 27 марта 1908 г., заметив, что дело о его назначении заведующим херсонесских раскопок было начато без официального прошения с его стороны (Там же. Л. 10). Немного ранее этого — 22 марта, в Комиссию поступило официальное прошение от ученого секретаря РАИК Р.Х. Лепера о назначении его заведующим раскопками Херсонеса. Ввиду отсутствия других кандидатур он и был назначен на должность заведующего раскопками, о чем Бобринской сообщил в рапорте на имя министра императорского двора от 19 апреля 1908 г. (Там же. Л. 9–10, 14).

В письме от 18 июня 1908 г. Р.Х. Лепер уведомлял Археологическую комиссию о своем прибытии в Херсонес и просил выслать официальные документы, подтверждающие его полномочия, необходимые для принятия дел и имущества. Кроме этого, Р.Х. Лепер просил оставить Н.И. Репникова на некоторое время в качестве своего заместителя, ссылаясь на его опыт и профессиональные качества (РО. Ф. 1.

Р. Х. Лепер с детьми на главной улице Херсонеса. Фото 1911 г. (НАНЗХТ. Д. 52 [1])

Оп. 1-1908 г. Д. 5. Л. 188–189). В последнем ему было категорически отказано в связи с тем, что Археологическая комиссия не сочла возможным иметь двух руководителей раскопками городища в связи с сокращением ассигнований на исследования (НАНЗХТ. 1908 г. Д. 137. Л. 93). 31 июля Р. Х. Лепер уведомил Комиссию, что принял у Рота финансовый отчет, а также Склад древностей и имущество Археологической комиссии в Херсонесе.

Под руководством Р. Х. Лепера в 1908–1909 гг. в юго-западном районе были открыты части квартальной застройки возле пятиапсидного храма, раскопаны участки древнейшей западной оборонительной стены, доследовался тетраконхиальный храм (№ 47). В северо-восточной части Херсонеса проводились раскопки городских кварталов (открыты часовни в кварталах I–II), а также был доследован так называемый храм в цитадели (НАНЗХТ. 1911 г. Д. 76, 80; Лепер 1911: 92–107).

В 1908 г. под руководством Н. М. Печенкина производились раскопки Шверинского кургана, а осенью 1910 г. были проведены разведки укрепленного поселения на Маячном полуострове (Печенкин 1911: 108–126; 1914: 186–194). Кроме этого, в 1909–1913 гг. были продолжены масштабные раскопки некрополя у Карантинной бухты и по северо-восточному склону Девичьей горы (НАНЗХТ. 1911 г. Д. 78, 79, 85, 86, 119; НАНЗХТ. 1913 г. Д. 88, 89, 194).

Раскопки 1911–1912 гг. проводились в районе городских кварталов в северной части городища, возле Уваровской базилики, а также в южной части — в районе монастырских ворот. При исследовании XVII–XVIII кварталов в 1911–1912 гг. был открыт участок древнейшего некрополя (НАНЗХТ. 1912 г. Д. 87), так называемого «некрополя на северном берегу». В историографии открытие этого участка некрополя ошибочно приписывается

Северо-восточная часть Херсонеса. Раскопки 1908–1909 гг. (ФО. Нег. II 275046)

*Раскопки участка оборонительной стены в западной части Херсонеса
(Моисеев 1918: рис. 93)*

Г. Д. Белову, под руководством которого в 1935–1965 гг. проводились широкомасштабные раскопки северной части городища.

В 1913–1914 гг. раскапывался участок некрополя у западных стен, а также городские кварталы и некрополь в районе южных оборонительных стен. В этом же году в шурфе, заложенном возле монастырских оранжерей (центральная часть городища, возле дома настоятеля), были открыты часть городской оборонительной стены и погребения, относящиеся к раннему некрополю (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 2; НАНЗХТ. 1913 г. Д. 89а; НАНЗХТ. 1914 г. Д. 97, 98).

Отношения Р. Х. Лепера, как и его предшественника, с монастырем св. Владимира были сложными. При проведении раскопок на территориях, принадлежавших монастырю, заведующий постоянно сталкивался со скрытым или явным противодействием. «С монастырскими властями постоянно приходится спорить и торговаться», — жаловался он в одном из своих писем в Археологическую комиссию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 2. Л. 9).

В 1912 г. Р. Х. Лепер начал проводить раскопки на Мангупе, употребив на это часть средств, отпущенных на исследование Херсонеса. Вследствие этого А. А. Бобринской вынужден был настоятельно указать, что кредит, отпущенный на раскопки Херсонеса, не может быть употреблен на исследование других памятников. На протяжении всего срока заведования раскопками и Складом местных древностей Р. Х. Леперу неоднократно высказывались нарекания, касавшиеся исполнения им административных обязанностей и организации раскопок. Председатель регулярно обращал внимание Р. Х. Лепера

Фрагменты керамики из раскопок
Р. Х. Лепера (ФО. Нег. II 36192)

на то, что с 1908 г., несмотря на неоднократные напоминания, в Комиссию не было направлено ни одного научного отчета о проделанных работах (НАНЗХТ. 1911 г. Д. 140. Л. 52; НАНЗХТ. 1913 г. Д. 142. Л. 83). Это, по мнению А. А. Бобринского, требовало принятия экстренных мер, если отчеты за 1908–1913 гг. не будут предоставлены в ближайшее время (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 2. Л. 185). В письме от 21 января 1912 г. указывалось, что в случае неприсылки отчета, хотя бы за 1908 г., Комиссия вынуждена будет прибегнуть к экстренным мерам по обеспечению правильного ведения раскопок в Херсонесе и своевременного представления результатов их в Комиссию» (НАНЗХТ. 1912 г. Д. 141. Л. 58).

Отчетов о проделанной работе Комиссия от Р. Х. Лепера так и не дождалась. Единственной публикацией, посвященной археологическим

исследованиям, проводившимся в годы его заведования в Херсонесе, так и осталась заметка «Из раскопок в Херсонесе 1906–1909 гг.» (Лепер 1911: 92–107). Кроме этого, исследователь опубликовал несколько новых херсонесских надписей и предварительное сообщение о раскопках, проведенных в 1912 г. на Мангупе (Лепер 1912: 23–70; 1913: 23–70). Дневники раскопок, проходивших под руководством Р.Х. Лепера, содержат отрывочные, порой совершенно неразборчивые и часто бессистемные карандашные описания, иногда сопровождавшиеся схематическими планами могил и зарисовками находок, выполненными рабочими (современное состояние исследований и оценку старых раскопок см. в: Герцен, Науменко 2018). Сам исследователь, изредка производивший записи, обычно ограничивался только проставлением чернилами инвентарных номеров отдельных находок, принцип отбора которых, в целом остающийся неясным, вероятно, зависел от сохранности вещи, субъективных представлений о ее ценности и наличия того или иного предмета у рабочих во время появления заведующего на участке. Можно только догадываться о том, какое количество находок было безвозвратно утеряно при подобном ведении работ. Тексты дневников раскопок некрополя и городища 1908–1914 гг., проводившихся под руководством Р.Х. Лепера, были впоследствии изданы под редакцией К.Э. Гриневича (Лепер 1927: 189–256; Гриневич 1930: 3–215).

Последнее посещение раскопок императором Николаем II состоялось летом 1913 г. Этот визит был организован по настоянию графа А.А. Бобринского. В экскурсии по городищу августейшее семейство сопровождали

заведующий раскопками Р.Х. Лепер и М.И. Ростовцев. Результатом этой встречи стало распоряжение Николая II выделить средства для публикации труда Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России». Между тем недовольство Археологической комиссии ведением дел в Херсонесе росло. В 1914 г. в Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины поступила жалоба профессора А. Брандта о разрушении древних сооружений, производимом рабочими во время раскопок на городище в отсутствие заведующего (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 2. Л. 1).

В связи с военным положением в августе 1914 г. командование Севастопольской крепости запретило проводить раскопки на территории городища, о чем уведомило заведующего, которому были даны пять дней, чтобы завершить работы и эвакуировать музей. Все лица, принимавшие участие в раскопках, среди которых был и сын Лепера Роман, должны были покинуть территорию крепости как считающиеся, ввиду военного положения, «неблагонадежными» (НАНЗХТ. 1914 г. Д. 143. Л. 77, 82). В августе 1914 г. на имя председателя Археологической комиссии поступило уведомление начальника Севастопольского жандармского управления о выдворении сына Лепера из Севастопольской крепости и жалоба на сопровождавшего его отца, поддержавшего сына, который отказался снять головной убор перед портретом государя императора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 22. Л. 82). В результате происшедшего Р.Х. Лепер оказался высланным за пределы Севастопольской крепости, а граф А.А. Бобринской приказал ему сдать все имущество Херсонесского музея В.В. Шкорпилу, а также

подать прошение об увольнении его от службы (подробнее см. главу I). Для оказания В.В. Шкорпилу помощи в этой работе А.А. Бобринской просил выехать в Херсонес Л.А. Моисеева, на которого были возложены обязанности секретаря (НАНЗХТ. 1914 г. Д. 143. Л. 87–88). Все случившееся, вероятно, было воспринято Р.Х. Лепером как личная трагедия. В прошении об отставке от 26 сентября он писал, что сильно расстроен и утомлен. В некрологе, прочитанном С.А. Жебелевым в 1919 г. на заседании Классического отдела Русского археологического общества, была дана предельно корректная и точная характеристика деятельности этого исследователя: «Не сумев устроить свою жизнь так, как он на это имел, по своим дарованиям, право, Роман Христианович не умел устраивать и своих дел, и иногда они запутывались настолько, что, казалось, должен был наступить крах деятельности Романа Христиановича. Но он всегда был полон бодрости, не унывал, и это его, главным образом, и выручало из пучин моря житейского» (цит. по: Басаргина 1996: 99).

Пользуясь дневниками и книгами описей раскопок, проводившихся под руководством Р.Х. Лепера, можно восстановить значительную часть информации об открытых комплексах. В этом отношении материалы не оставившего отчетов, но методично шифровавшего все находки Р.Х. Лепера оказываются много больше информативными, чем подробные отчеты К.К. Косцюшко-Валюжинича.

В сентябре 1914 г. временно заведующим раскопками в Херсонесе от Археологической комиссии был назначен Л.А. Моисеев, которому было поручено привести в порядок дела и составить отчет о работах,

проводившихся в Херсонесе с 1908 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 207. Л. 3–26). В этом же году кредит, выдаваемый на раскопки Херсонеса, был сокращен на 6000 руб., вследствие чего многие рабочие, а также чертежник и фотограф были вынуждены уволиться. В рапорте Археологической комиссии Л.А. Моисеев указывал на невозможность продолжения исследований городища на надлежащем научном уровне без достаточного финансирования. Кроме этого, все постройки, принадлежавшие Комиссии на территории городища, требовали срочного ремонта. В такой ситуации основные усилия временного заведующего оказались направленными на охрану открытых в предыдущие годы объектов, а также каталогизацию находок и изучение материалов раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 2. Л. 248–254). В феврале 1915 г. Моисеев подал прошение о зачислении в члены Археологической комиссии, которое было удовлетворено в декабре того же года, о чем А.А. Бобринской официально сообщил исследователю (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 207. Л. 1; НАНЗХТ. 1915 г. Д. 144. Л. 177).

В этот период были проведены раскопки в западной части городища и в районе западных городских стен, а также продолжены раскопки некрополя у Карантинной бухты. Под руководством Л.А. Моисеева были начаты исследования в Евпатории (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 2; НАНЗХТ. 1916 г. Д. 93). Он составил обзорный отчет об исследованиях Херсонеса, проводившихся в 1913–1915 гг., который был опубликован в 1918 г. (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 51–72).

Время заведования Л.А. Моисеева совпало с переломными моментами в истории России: революциями,

войнами, крушением империи и установлением Советской Республики. В декабре 1916 г. администрации раскопок, в связи с военным положением, было приказано покинуть территорию Херсонесского городища. Л. А. Моисеев направляет письмо командиру Черноморским флотом, а также ставит в известность о случившемся председателя Археологической комиссии. А. А. Бобринской незамедлительно направляет телеграмму на имя начальника Штаба командующего Черноморским флотом, в которой указывалось, что Археологическая комиссия состоит в ведении императорского двора, а раскопки Херсонеса находятся под особым вниманием государя императора. Поэтому удаление с территории городища заведующего раскопками и его сотрудников явилось бы крайне нежелательным для сохранения целостности этого памятника. Эта телеграмма возымела действие, Л. А. Моисееву было разрешено не только остаться на территории городища, но и производить осмотр всех земляных работ, которые проводились на территории крепости (НАНЗХТ. 1916 г. Д. 145. Л. 149, 204–205, 213).

В 1918 г. Археологическая комиссия, как и прежде, высылала средства на проведение археологических исследований в Херсонесе и Евпатории, а также на содержание музея и городища. К сожалению, эти средства поступали весьма нерегулярно. Кроме этого, несмотря на указания о прекращении работ в Евпатории за недостатком средств, Л. А. Моисеев продолжал выделять часть поступавших из Петрограда денег, отпуская их на содержание Херсонеса, на чрезвычайно его увлекавшие исследования Керкинитиды. В переписке музея за 1918–1919 гг.

находятся многочисленные письма к заведующему раскопками от сотрудников музея, в которых содержатся настоятельные требования выплаты заработной платы. Чтобы погасить задолженность, Л. А. Моисеев готов был продать часть имущества, принадлежавшего Археологической комиссии. В телеграмме от ноября 1917 г. он сообщал в Петроград о том, что не имеет средств на выплату жалования служащим и сам не получает зарплаты уже более трех месяцев (Там же. Л. 194). В ответных посланиях товарища председателя Археологической комиссии академика В. В. Латышева содержались справедливые упреки в том, что присылаемые средства расходуются не по назначению, а резкий тон выражений, содержащихся в рапортах, присылаемых заведующим в Комиссию, непозволителен по отношению к этому учреждению. Кроме этого, указывалось, что продажа имущества Комиссии без специального разрешения повлечет за собой уголовную ответственность. В. В. Латышев от имени Комиссии предупреждал Л. А. Моисеева: «...если Вами не будет изменено отношение к возложенному на Вас делу на более серьезное и внимательное, она (ИАК. — *Авт.*) вынуждена будет принять более решительные меры к упорядочиванию постановки дела в Херсонесе и Евпатории и к защите своего достоинства».

В связи с немецкой оккупацией Севастополя весной 1918 г. финансирование раскопок было прекращено. Все попытки Комиссии переслать средства на содержание музея и памятника оказывались тщетными. В августе 1918 г. Л. А. Моисеев, в связи с безвыходным положением, обращается к командованию германских оккупационных войск, которое оказало посильную

*Оборонительная стена и башни Евпатории, раскоп № 27, 1916 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 128. Л. 206)*

помощь и поддержку Херсонесу (Там же. Л. 63). В рапорте командующему Вооруженными силами юга России генералу А.И. Деникину Л.А. Моисеев сообщает, что после кончины заведующего Керченским музеем Шкорпила он является единственным полномочным представителем Государственной археологической комиссии в Крыму. Поскольку связь с руководящим органом была потеряна, он, на основании общего Устава о службе гражданской и Положения об Археологической комиссии, вступил в исполнение обязанностей председателя Комиссии «на месте» (НАНЗХТ. 1919 г. Д. 148. Л. 77). К чести исследователя следует отметить, что, несмотря на все катаклизмы, он неизменно продолжал трудиться в Херсонесе, коллекции

и памятники которого во многом удалось спасти благодаря его стараниям. В 1919 г., когда возобновилась возможность сообщения с Петроградом, Л.А. Моисеев сообщал в сменившую Комиссию РАИМК о том, что памятники Херсонеса в целом сохранить удалось (Там же. Л. 34). Много усилий было положено исследователем в этот период на административное управление музеем, одним из наиболее важных результатов которого стало сохранение открытых памятников и препятствие вывозу находок.

Таким образом, вместе с ликвидацией Императорской археологической комиссии закончились и исследования Херсонеса, проводившиеся под руководством этой организации чуть более 30 лет. Не будет преувеличением

*Афиша лекции Л. А. Моисеева о раскопках
в Евпатории (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г.
Д. 207. Л. 80)*

сказать, что археологическое изучение и сохранение этого памятника приобрело в те годы поистине государственное значение. В этот период была проделана колоссальная исследовательская и административная работа, в результате которой Херсонес до настоящего времени остается наиболее полно исследованным античным центром на территории Северного Причерноморья, а Херсонесский музей стал одной из наиболее крупных музейных

и научно-исследовательских организаций на постсоветском пространстве.

Под руководством Археологической комиссии были открыты и исследованы комплексы и постройки, относящиеся к классическому и эллинистическому периодам, о существовании которых до этого не было известно, открыты многочисленные христианские древности и памятники средневекового времени. В результате систематических раскопок были получены представления о границах и квартальной планировке города в различные периоды его истории, исследованы многочисленные погребальные комплексы городского некрополя, начаты работы по изучению ближней и дальней хоры. Кроме этого, под непосредственным руководством Комиссии была впервые разработана и применена система мер по охране открытых памятников и сохранению древностей, найденных на территории городища и полученных в процессе раскопок. Невзирая на серьезные методические просчеты, общая система исследований, охраны и публикации материалов раскопок была организована грамотно и профессионально не только благодаря постоянному и стабильному финансированию, но и огромной, напряженной и систематической работе Археологической комиссии в Херсонесе.

Р. В. Стоянов

ГЛАВА VI

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ПЕРВОБЫТНЫЕ ДРЕВНОСТИ

Изучение первобытных памятников не входило в сферу первоочередных интересов ИАК на первых этапах ее деятельности. Лишь для «эпохи Бобринского» и «спицынского периода» истории Комиссии, когда из печати вышли первые «Обозрения» губерний в археологическом отношении (Спицын 1896; 1897; 1899), стало возможным говорить о вкладе ИАК в дело систематизации и научного осмысления памятников археологии каменного века. Применительно к первым десятилетиям существования ИАК сама постановка вопроса о ее роли в сложении дифференцированного подхода к исследованию памятников различных хронологических периодов эпох камня и бронзы является в некотором смысле модернизацией.

В 1860–1870-х гг. в общественном сознании России «доисторическая археология» была достаточно синкретическим явлением. Практическое освоение, разведка и классификация отечественных древностей, в том числе и хронологическая, тогда еще только начинались. Среди ученых не существовало узких специализаций, хотя тенденция к выделению исследований каменного века в отдельную область науки отчетливо проявилась уже в 1870-х гг. в трудах И. С. Полякова. Впрочем, и в этом случае изучение

памятников палеолита и неолита воспринималось в их единстве. Столь же ясно прослеживалась иная тенденция — к объединению на одном научном поле материалов эпохи камня, бронзы и раннего железа (К. М. Бэр, Л. Ф. Радлов, В. В. Радлов, П. И. Лерх).

Так или иначе, для указанного периода правомерно говорить о «первобытной», или «доисторической», археологии в самом широком смысле этого слова. Поначалу сюда включались все категории древностей дописьменной эпохи, известные на территории Российской империи. Причем каменный век мог для ученого сообщества XIX в. парадоксальным образом объединяться с русскими курганными древностями — также весьма «первобытными» в глазах людей того времени. Курганы как таковой прочно связывались для них с язычеством. Первые раскопщики, как правило, относили средневековые курганные могильники XII–XIV вв. к периоду до крещения Руси, а то и к более отдаленным эпохам.

Несмотря на то, что ИАК не рассматривала изучение первобытности как свою первоочередную задачу, тем не менее нельзя утверждать, что Комиссия вовсе не предпринимала никаких попыток в этом направлении. Такие попытки были — причём уже на раннем этапе ее деятельности.

Карл Максимович (Карл Эрнст) Бэр
(СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-Б.Д. 25. Л. 1)

Стоит напомнить, что основоположником научного подхода к доисторическим древностям России был академик Карл Максимович (Карл Эрнст) Бэр (1792–1876) — основатель антропологического собрания музея ИАН, один из основателей ИРГО, председатель его этнографического отдела. Ученый-биолог, признанный мировой наукой «отцом эмбриологии», К.М. Бэр уже на склоне лет целиком посвятил себя обследованию окраин Российской империи. Задачи географии он понимал широко, считая, вслед за А. Гумбольдтом и К. Риттером, что «на лице земли написаны не только законы распространения организмов, но отчасти и судьбы народов» (Райков 1950: 12–13, 15, 34; Платонова 2010b). Не будучи непосредственно связанным с ИАК, он до некоторой степени определил ее подходы к первобытной древности,

«делегировав» в состав Комиссии своих единомышленников.

В 1860-х гг. академик опубликовал серию статей о первобытном человеке и степени изученности данной проблемы в Европе. Эти публикации, по сути, положили начало накоплению материалов по первобытной археологии в центральных музеях (Бэр, Шифнер 1862; Бэр 1863; 1864). Его последователь П.И. Лерх (впоследствии сотрудник и делопроизводитель ИАК) говорил на II Археологическом съезде: «Коллекция (неолитических орудий. — *Авт.*) Бутенева (Николай Федорович Бутенев (1803–1871) — горный инженер и крупный чиновник, собрал коллекцию каменных орудий на территории Карелии, тогда — Олонецкой губернии (см.: Бутенев 1864). — *Авт.*) стала известною в Санкт-Петербурге в то время, когда в среде Академии наук и Российского географического общества голос многоуважаемого К.М. Бэра требовал для подобного рода памятников быта древнейших обитателей нашего отечества места в наших музеях. Я имел удовольствие видеть, что при моем посредничестве упомянутая коллекция была приобретена Академией наук для ее Этнографического музея...» (Краткие протоколы 1881: 10).

Характерное для К.М. Бэра отрицание принципа естественного отбора как ключа к пониманию процесса «очеловечивания» не означало для него отрицания идеи эволюции в культуре. Однако главным толчком в данном направлении стали для него собственные этнографические наблюдения, подкрепленные сопоставлением с новейшими по тем временам достижениями скандинавской археологической мысли. В связи с этим К.М. Бэр, обратив внимание на сравнительный анализ

«остатков», сохранившихся «от доисторического состояния» и находимых «на поверхности и в глубине земной», был одним из первых, кто ввел в русскую науку периодизацию трех веков — каменного, бронзового и железного (Бэр 1864: 27–28). В рассуждениях К. М. Бэра постоянно увязываются между собой два фактора — эволюционно-временной и географической. Круг основных проблем, в этой связи намечавшихся академиком, ясно обрисован им в статье «Записка о снаряжении археолого-этнографических экспедиций в пределах Российского государства», опубликованной на французском языке в Бюллетене ИАН в том же 1864 г. (Вагг 1864). Полагая, что «колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности, представляет еще сырой неразработанный материал», и отмечая важность человеческих миграций, прежде всего с восточного направления, он считал, что «если Россия не займется изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задачи как образованного государства» (русский перевод П. И. Лерха, цит. по: РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 15. Л. 4 об. — 6).

Именно К. М. Бэр сформулировал план, согласно которому следовало организовать изучение «доисторических переселений и быта древних обитателей» на территории России (Там же. Л. 6–7). Для этого, по его мнению, было необходимо снарядить экспедиции в различных направлениях на три года. От их руководителей требовалось «полное знакомство с результатами западноевропейских исследований о доисторическом быте человечества», а также с опубликованными сведениями о раскопанных в России памятниках. Первая экспедиция должна была

обследовать курганы в пределах области распространения «чуждских могил» и исследовать («раскрыть») некоторые из них — самые разнородные, параллельно наводя справки об уже имевших место раскопках. Вместе с тем, по мнению К. М. Бэра, следовало произвести поиск следов древних поселений или иных остатков деятельности человека — «по краям озер».

После этих обследований К. М. Бэр планировал другие экспедиции: 1) в низменность на юге Урала; 2) к Екатеринбургской впадине Уральского хребта; 3) в Крым через Тамань и в Понтийско-Каспийскую степь. По его мнению, эти три пути могли оказаться «главными вратами переселения (народов. — *Авт.*)». По всем указанным направлениям следовало, с его точки зрения, раскапывать курганы и известные «плоские могилы», а затем осуществить сравнение всех сделанных находок (Там же. Л. 7).

То, что важнейшая роль в историческом процессе априорно отводилась многими учеными XIX в. — в том числе К. М. Бэром — миграциям и заимствованиям с востока, представляется вполне закономерным. Во-первых, и то и другое представляло собой феномены, хорошо известные по письменным источникам. Во-вторых, что особенно важно, факты древних переселений логично вытекали из исследований лингвистов, результаты которых не вызвали у ученых-историков и археологов никаких сомнений. П. И. Лерх отмечал: «Результаты, добытые с помощью лингвистики, превосходят все надежды самого пылкого воображения археологов до применения сравнительного метода к изучению языков...» (Лерх 1863а: 150). Казалось, необходимо лишь детализировать эти результаты, уточнить,

откуда, как и когда осуществлялись миграции.

Подход, предложенный К. М. Бэром, предполагал опору именно на данные лингвистики и намечал пути проверки исходной гипотезы с помощью раскопок. Полученные в ходе раскопок предметы должны были систематизироваться и использоваться в дальнейшем как *документы*, подлежащие в свою очередь сравнительному исследованию и музейному хранению. Характерно, что даже в сжатом, почти тезисном изложении К. М. Бэр находит место для постановки проблемы выработки «номенклатуры и классификации древностей». Эту последнюю, с его точки зрения, следовало осуществить на базе самого современного зарубежного опыта. Здесь, безусловно, сказался подход строгого естествоиспытателя, хорошо понимающего, что без разработанной номенклатуры и классификации нет науки.

Сам порядок археологического обследования России явно виделся К. М. Бэру по образцу и подобию лингвистических экспедиций М. А. Кастрена или его собственных комплексных географических экспедиций 1830–1850-х гг. Возможно, встань он сам во главе такого проекта, его авторитета хватило бы, чтобы настоять на осуществлении этих планов, хотя бы частичном, силами ИАН. Но ранее материалы этих экспедиций лишь до некоторой степени дополнялись сведениями из области археологии и этнографии. Их главной целью был сбор естественнонаучных или лингвистических данных. Теперь же ставилась совершенно иная, непривычная цель — специальное археологическое изучение целых регионов империи, включая обширные раскопки. В ту пору, когда М. А. Кастрен,

К. М. Бэр, Л. Шренк и другие планировали свои комплексные экспедиции на Урал, в Прикаспий, на Амур и т. д., в России еще не существовало специального государственного учреждения, ведающего раскопками. Но в 1859 г. таковое наконец появилось — в лице ИАК. При этом ни бюджет Комиссии, ни ее оснащенность кадрами исследователей в это время не шли ни в какое сравнение с возможностями ИАН. Это была новая реальность, с которой пришлось считаться, в частности, членам и сотрудникам ИАН, находившимся в 1850-х — начале 1860-х гг. в непосредственном контакте с К. М. Бэром и обратившимся под его влиянием к изучению первобытной археологии. Характерно, что память об этих экспедиционных планах академика сохранилась именно в архиве ИАК благодаря археологическим и переводческим трудам его учеников.

В орбите К. М. Бэра в начале 1860-х гг. находились двое вполне зрелых исследователей, каждый из которых соединял в себе профессионального филолога-лингвиста, этнографа и археолога. Первым из них был хранитель Этнографического музея ИАН Леопольд Федорович Радлов (1819–1865) — специалист по нескольким языкам Северо-Восточной Азии и Русской Америки (в том числе тлинкитскому). В 1850-х гг. Л. Ф. Радлов начал сравнительное изучение коллекций «доисторических древностей» Швеции, Дании, Германии и Швейцарии. Вероятно, все это было напрямую связано с планами К. М. Бэра сделать этнографический и антропологический музей ИАН еще и археологическим и обосновать необходимость приобретения им коллекций каменных, костяных, бронзовых и иных орудий первобытной эпохи. «Для ближайшего ознакомления»

с такими музейными собраниями Л. Ф. Радлов посетил Стокгольм, Лунд, Копенгаген, Шверин, Швейцарию и пр. (Лерх 1866: 205–206).

Знание не только немецкого и английского, но датского и шведского языков позволило ему детально разобратся в литературе по указанному разделу археологии. Л. Ф. Радлов перевел на русский язык «Северные древности» Й. Ворсо, вскоре опубликованные ИАН, а также целый ряд статей других скандинавских исследователей, которые еще при жизни предоставил в распоряжение своего младшего коллеги П. И. Лерха. К сожалению, ранняя смерть (Л. Ф. Радлов умер в 46 лет) помешала ему довести до конца собственные разработки на базе освоенного археологического материала. Эти данные были в полной мере обобщены Петром Ивановичем Лерхом (1828–1884), который не только соединил музейные исследования с полевыми работами и классификацией отечественных материалов, но и в определенной степени привнес это направление в деятельность ИАК.

П. И. Лерха коллеги называли «скромнейшим из русских ученых», который «по богатству сведений своих и обширной эрудиции мог бы с честью занимать кафедру в университете» (Тизенгаузен, Веселовский 1884: 57). Но стесненное материальное положение и, видимо, полное отсутствие честолюбия привели к тому, что всю жизнь он довольствовался положением мелкого чиновника-канцеляриста, вынужденного вдобавок служить сразу в нескольких местах для заработка. Однако к этому скромному титулярному советнику, случалось, обращались за консультациями университетские профессора (Тихонов 2003а: 36–37).

П. И. Лерх окончил Санкт-Петербургский университет в 1850 г. кандидатом по разряду восточной словесности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 10. Л. 4 об.). По основной специальности он был востоковедом-курдологом, а заодно — блестящим знатоком восточной нумизматики. Интенсивная деятельность его в области первобытной археологии началась в 1860-х гг. Как и Л. Ф. Радлов, П. И. Лерх был образованным лингвистом, переводчиком и публикатором первого русского издания книги А. Шлейхера «Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индогерманских языков» (Шлейхер 1865). Одновременно его по праву считают первым в России археологом-первобытником европейского уровня (Формозов 1983b: 39; Тихонов 2003а: 34–37; Платонова 2010а: 72–77).

Написать и защитить диссертацию П. И. Лерх так и не собрался. В разное время он служил протоколистом в ИАК, помощником библиотекаря и библиотекарем в Санкт-Петербургском университете, делопроизводителем в ИАК. Параллельно в 1861 г. он исполнял обязанности библиотекаря, а с 1862 г. — секретаря Отделения западной и классической археологии РАО. В 1863 г. П. И. Лерх начал публиковать в «Известиях» РАО свой обширный очерк первобытной археологии Европы (Лерх 1863а; 1863b; 1865а). По объему это была скорее небольшая книжка. В ней кратко, но со знанием дела излагались основы «доисторической» археологии и перечислялись важнейшие открытия в области неолита и бронзы Северной и Западной Европы. Этот труд нельзя назвать компиляцией: из-под пера П. И. Лерха вышел не пересказ, а аналитический обзор, сопровождавшийся

вдобавок подробным описанием катедр находок эпохи неолита и бронзы. Как вдумчивый ученый, автор критически сопоставил взгляды Й. Ворсо, Г.Ф. Лиша, Дж. Леббока, Ф. Келлера и др. на проблемы происхождения бронзового века в Европе, взаимоотношения разных «стилей», связей северных европейцев с Ближним Востоком и Югом и т.д. Подобно К.М. Бэру и А.С. Уварову, П.И. Лерх подчеркивал, что развитие интереса к отечественным древностям и подъем национального самосознания в Европе — это, в сущности, две стороны одной медали. В «нашем обширном отечестве» перед учеными стоят те же задачи:

«...народ, уважающий себя и свою самостоятельность, не останавливается на созерцании одного настоящего, с любовью обращает взоры и к отдаленному периоду своего начала, старается определить степень своего родства с другими народами; узнать время и условия занятия той страны, в которой он основал себе отчизну; одним словом, желает узнать: каким образом он стал тем, чем есть теперь.

...Кто посещал за границу собрания... отечественных древностей в Германии, Швейцарии, Италии, Франции, Англии, Ирландии, Швеции и Дании и познакомился притом с исследованиями тамошних археологов, тот знает, с какой ревностью и успехом в упомянутых странах, кроме так называемых классических древностей, собирают и изучают еще и древности народные, относящиеся частью к периодам, о которых, по отсутствию в них письменности, мы принуждены почерпать сведения из скрывающихся в земле следов человеческого быта.

У нас также начинают сознавать необходимость мер к сохранению

и разведке древностей, встречающихся в нашем обширном отечестве. ...Но они останутся недостаточными для успехов археологии ...коль скоро в образованной части народа интересы науки археологической не будут встречать живого сочувствия...» (Лерх 1863а: 146–147).

Из высказываний П.И. Лерха с несомненностью следует, что внимание к «народным древностям», стремление по ним познать свое далекое прошлое служило для него не только показателем общего уровня культуры в стране, но и важной предпосылкой дальнейшего развития археологии. Необходимо отметить и другое: в своих конкретных разработках ученый весьма взвешенно подходил к проблеме генетического родства тех или иных «доисторических» племен с конкретными современными народами. И уж тем более, П.И. Лерх не ставил этническую принадлежность во главу угла при определении исторической ценности памятников. Не случайно выступление его на II Археологическом съезде (1871 г.) заканчивалось словами о том, что в России все «этнографические выводы относительно принадлежности каменных орудий» являются преждевременными: «Различные народы, при одинаковых условиях жизни, могут дать орудия одной формы... Нет оснований заключать, что они принадлежат одному народу...» (Краткие протоколы 1881: 14).

Особое внимание уделено автором открытиям скандинавских и швейцарских археологов 1840–1850-х гг. Его собственные представления об археологии явно сформировались под влиянием «скандинавского подхода», что неудивительно, если учесть, что исследования ученых «скандинавского севера» считали образцовыми и К.М. Бэр,

и Л.Ф. Радлов. При этом П.И. Лерх подчеркивал преемственность своих взглядов на археологию с воззрениями К.М. Бэра. В его статьях часто встречаются уважительные ссылки на мнения последнего. Им же был опубликован каталог европейских древностей, переданных в дар Московскому публичному музею (Лерх 1865с).

В 1865 г. «состоящий при канцелярии комитета правления Императорской Академии наук» титулярный советник П.И. Лерх подает в ИАК свои «Соображения об археологической поездке в северо-восточные губернии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 15. Л. 1–14). Данный очерк представляет немалый интерес. Он не только содержит изложение научных позиций самого П.И. Лерха, вкуче с характеристикой плана археологического обследования Российской империи, предложенного К.М. Бэром. Он бросает свет на взаимоотношения П.И. Лерха с ИАК и на политику самой Комиссии в отношении исследования первобытных древностей России в 1860-х гг. Одной из основных, в русле идей К.М. Бэра, становилась тема эволюции местной культуры вообще и становления обработки металлов и производящего хозяйства в частности. Настоятельная необходимость привлечения вещественных древностей мотивировалась недостатком письменных сведений о древних периодах культуры. В записке отмечалось, что начало подобным исследованиям было положено в 1862–1863 гг. В.В. Радловым по непосредственному поручению ИАК (подробнее см. главу VII). Характерно, что, упоминая о собрании каменных орудий Н.Ф. Бутенева, впоследствии приобретенном ИАН, П.И. Лерх вполне в этнографическом ключе называл их «громовыми стрелками».

П.И. Лерх очерчивает в своей записке проблему изучения финских народностей в историко-археологическом плане. Отметив, что «языки финские, благодаря трудам Шегрена, Кастрена, Видемана, Саввайтова, Рогова, Альквиста и других, изучены в научном отношении», он указывает, что история этих племен «разъяснена» лишь для периода, когда она оказалась тесно связана с историей Российского государства. Древнейшая их история совершенно не изучена (Там же. Л. 1а об.). «Были ли финские племена самые древние обитатели европейского севера, и на какой степени развития они находились до сближения с германскими и славянскими племенами?» — задает вопрос автор. Для ответа на него он предлагает начать исследование «рассеянных по северу Европейской России, равно как и за Уралом до Даурии памятников древности, в особенности... могил и городищ...» Необходимо «получить ясное понятие об образе их сооружения и о сохранившихся в них остатках человека и его древнего быта...» (Там же. Л. 2, 3).

«В нашей историко-археологической литературе часто была речь об этнографическом тождестве Чуди и Скифов, — пишет далее П.И. Лерх. — Рассмотрение этого вопроса останется преждевременным, пока не будет систематическим образом исполнено обозрение Европейской России и Западной Сибири в археологическом отношении...» (Там же. Л. 4). Подробно обрисовав в связи с этой задачей предложения К.М. Бэра, опубликованные за год до того, автор излагает свою собственную точку зрения:

«...нельзя не сочувствовать мысли знаменитого ученого. Но нам кажется, что трехгодичный срок для

археологических экспедиций, как их понимает Бэр, может только тогда оказаться достаточным, если в этих экспедициях будет одновременно участвовать значительное число ученых и художников. Кроме того, не следует забывать, что часть начертанной Бэром программы уже исполняется... Археологическою Комиссиею и что со временем ею и будет, как можно надеяться, исполнена вся программа.

Имея честь изъявить Императорской археологической комиссии готовность свою посвятить предстоящее лето объезду губерний Олонецкой, Вологодской и Вятской для обозрения сохранившихся в Олонецком крае, далее около Белоозера, по рекам Ваге, Сысоле, Яренге, Вычегде, Вятке и в низовьях Камы могил и городищ, приписываемых Чуди, считаю себя обязанным представить указания на те местности, в которых мне известны могилы и городища...» (Там же. Л. 7 — 7 об.).

Подробная записка П.И. Лерха с планом исследования северных губерний была встречена в ИАК весьма благожелательно. На основании этого предложения 19 апреля 1865 г. старший член Комиссии И.Е. Забелин обратился в Академию наук с вопросом, не встретится ли возражений против предполагаемых П.И. Лерхом археологических разысканий в губерниях Вологодской, Вятской и Архангельской (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 15. Л. 15, 22). Естественно, возражений не встретилось.

Одной из особенностей этой экспедиции была правовая чересполосица земель, на которых предполагалось проводить исследования. ИАК пришлось обращаться и в Горный департамент, в Департамент уделов, и к губернскому начальству, и в Министерство государственных имуществ, в ведение которого

после реформы 1861 г. перешли выделенные крестьянские надель (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 15. Л. 16–21). В конце мая 1865 г. П.И. Лерх получил ответ из ИАК:

«Вполне разделяя изложенные Вами в особой записке соображения о важности исследования доисторических древностей северо-восточной России, Археологическая комиссия с искренней благодарностью принимает... изъявленную Вами готовность заняться в течение предстоящего лета осмотром и разведкою так называемых Чудских могил и городищ <...> Выбор местностей для Ваших исследований Комиссия предоставляет Вашему собственному усмотрению. На производство раскопок и приобретение древностей Вам будет отпущено авансом 597 рублей, о которых Комиссия Вас просит доставить отчет по окончании командировки. На путевые издержки Вы получите 550 рублей. Сверх того, Вам будет выдана казенная подорожная и Открытый лист. О допущении вас к раскопкам на казенных <...> землях в означенных губерниях сделано сношение с Канцелярией Министерства государственных имуществ, Удельным департаментом и Горным ведомством. Вместе с тем Комиссия отнеслась к начальникам всех трех губерний с просьбою об оказании Вам, в случае надобности, содействия в успешном исполнении возложенного на Вас поручения. На частных землях Комиссия просит Вас производить раскопки не иначе, как с предварительного письменного согласия владельцев... Подписал за председателя Императорской археологической комиссии старший член И.Е. Забелин...» (Там же. Л. 23–24).

В результате, 31 мая 1865 г. П.И. Лерх получил в ИАК 1147 руб. на свои летние работы. Означенная

сумма представляла собой в 1865 г. целое состояние. Она почти вдвое превышала собственное годовое жалование П.И. Лерха в указанный период. Хотя эта выплата была произведена в отсутствие председателя Комиссии графа С.Г. Строганова, маловероятно, что столь ответственное решение могли принять без его санкции. Очевидно, причин для такого решения было две. Во-первых, произведенные В.В. Радловым под эгидой ИАК раскопки сибирских курганов (1862–1863 гг.) уже показали, что в «чудских могилах» могут находиться богатые погребения. Во-вторых, научное обоснование предстоящих экспедиционных работ, произведенное П.И. Лерхом на редкость исчерпывающе, вызывало уважение у всех, кто с ним сталкивался.

П.И. Лерх добросовестно выполнил свои обязательства. Он побывал на Соловках, Койхевице, на Выг-озере. Объехал Заонежье (Кижскую и Шунгскую волости), собрал там коллекцию каменных орудий и убедился на месте в неосновательности слухов о наличии свайных поселений. Затем через Вытегру и Каргополь он отправился в Вятку и произвел раскопки Подчуршинского городища при впадении р. Тоймы в Каму. Результатом поездки стали несколько публикаций П.И. Лерха (ОИАК за 1865 г. 1866: XII–XIII; Лерх 1865b: 196–197), а на II Археологическом съезде он прочел доклад о каменных орудиях на Северо-Западе России (Краткие протоколы 1881: 10–14). Эти наблюдения впоследствии были также доложены П.И. Лерхом на антропологическом и историческом съезде в Копенгагене (1869 г.). Позднее их использовал И.С. Поляков в ходе своих обследований Русского Севера (Поляков 1882).

Необходимо отметить, что в ходе этой поездки П.И. Лерхом были проведены археологические исследования Ананьинского могильника на берегу Камы у с. Ананьина (близ г. Елабуги Вятской губ.), который дал название ананьинской археологической культуре VIII–III вв. до н.э. Первые исследования могильника в 1858 г. связаны с именем П.В. Алабина. Уже после кончины П.И. Лерха, в 1887 г. из Географического общества в ИАК поступила (как собственность Комиссии) коллекция каменных орудий, собранных им во время поездки 1865 г. в Петрозаводском, Повенецком и Каргопольском уездах. На следующий год эта коллекция была передана в собрание РИМ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 15. Л. 43).

Главным предварительным выводом П.И. Лерха стало то, что все обследованные регионы «имели свой каменный век», причем, вероятно, «от употребления камня перешли прямо к обработке железа» (Лерх 1865b: 197). Собранные материалы по археологии неолита Русского Севера и Северо-Востока ученый постарался, по мере возможности, включить в общий контекст европейского каменного века (Краткие протоколы 1881: 9–14).

Работа П.И. Лерха, представленная им в качестве доклада на II Археологический съезд, была первой попыткой научной классификации и одновременно — функционального истолкования восточноевропейских неолитических находок. Автор выделил группу охотничьих и боевых орудий, а также тех, что употреблялись, по его мнению, для обработки дерева. Кроме того, он продемонстрировал участникам съезда найденный им на Подчуршинском городище обломок изогнутого костяного орудия с вкладышами

Каменный инвентарь, собранный П.И. Лерхом в 1865 г. в Петрозаводском, Повенецком и Каргопольском уездах Олонецкой губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 15. Л. 35)

и интерпретировал этот предмет как «скоряжный инструмент» в контексте собранных этнографических аналогий и находок из зарубежных музеев. Точно так же, на этнографическом материале, им был описан порядок крепления каменных топоров к рукоятям. Отдельно П.И. Лерх охарактеризовал материал, из которого изготавливались орудия, подчеркнув одновременность бытования кремневых оббитых и сланцевых шлифованных предметов.

Труды П.И. Лерха помогают ясно понять следующее: гуманитарный подход в археологии середины — третьей четверти XIX в. не пренебрегал данными естествознания. Его особенностями, скорее, надо считать ясное осознание «исторического характера» археологии и предпочтение ретроспективного пути от известного (т.е. более позднего, этнографически и лингвистически исследованного) к неизвестному — более древнему, представленному лишь «вещественными памятниками». Этот путь предполагал опору в первую очередь на данные лингвистики. Основными понятиями в ходе исследования выступали «народ», «племя» и т.д. — этнографические единицы, историю которых предполагалось проследить от современности в глубь веков. В ходе анализа собственно археологических памятников («доисторических древностей») очень большое внимание отводилось комплексу методов естественных наук как вспомогательных средств исторического исследования. В этой связи стоит указать, что П.И. Лерхом предлагалось провести химические анализы древних бронз и рудных месторождений Нижнего Поволжья — с целью проверки предположений о том, что разработка древних копей «относится ко временам более ранним, нежели

время хазарское» (Лерх 1868d: 105–106; 1868e).

Как уже говорилось, в методологическом плане П.И. Лерх ориентировался на разработки скандинавских ученых, ставших первопроходцами в области типологии и хронологии находок эпохи неолита и бронзы. Материалы, полученные в ходе разведок и раскопок, осмыслялись им в отчетливо эволюционистском ключе. В частности, ученый подчеркивал вероятность параллельного, независимого развития сходных форм каменных орудий на разных территориях и указывал на «преждевременность этнографических выводов» об их принадлежности одному народу. Вместе с тем идея эволюции в культуре вполне уживалась у него с другой — априорно отводившей важную роль в историческом процессе миграциям и заимствованиям.

К сожалению, отсутствие в 1865 г. ярких, впечатляющих находок, видимо, сказалось на дальнейших планах ИАК в отношении работ на Русском Севере. Впрочем, с П.И. Лерхом Комиссия охотно сотрудничала и потом, давая ему иные поручения. Результатом такого сотрудничества стала его книжка об археологической поездке в Туркестан с описанием раскопок Джонкента и обследования низовьев р. Сырдарья (Лерх 1870).

Впоследствии, уже став делопроизводителем ИАК, П.И. Лерх был командирован ею на Стокгольмский съезд археологов (1874 г.). Главной целью этой месячной командировки являлось непосредственное знакомство с достижениями в области доисторической археологии в Европе и с первобытными древностями из собрания Национального музея Швеции. Можно предполагать, что после изучения

П. И. Лерхом музейных коллекций, полевых работ и систематизации их результатов должен был последовать серийный анализ отдельных категорий вещей. Однако ученый не успел осуществить его.

К сожалению, карьера П. И. Лерха в ИАК продлилась недолго. С его кончиной в русской археологии оборвалось непосредственное развитие «бэровской традиции», характеризуемой органичным сочетанием гуманитарных и естественнонаучных методов в рамках историко-археологического исследования и профессиональным сопоставлением полученных результатов с данными сравнительной лингвистики. После его ухода из ИАК в 1878 г. в связи с тяжелой болезнью, изучение первобытных древностей методом комплексных экспедиций на некоторое время потеряло для руководства Комиссии всякий интерес. Такую неоднозначность отношения ИАК к первобытным древностям отмечали и современники. Так, около 1886 г. Н. П. Авенариус, сообщая Д. Я. Самоквасову о своих находках в Дрогичине и процедуру их отправки в ИАК, написал: «Нашел я и мамонтовые кости, но оставил их у себя, так как Комиссии они не нужны» (Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова 2007: 46).

В определенной степени в формировании такой позиции сказывался «винкельмановский» подход к археологии с его эстетическими приоритетами и близость ИАК к Императорскому Эрмитажу. 15 декабря 1889 г. в помещении Комиссии прошло своеобразное «музейное совещание» с представителями Эрмитажа и Исторического музея. Несмотря на то, что его результаты не были оформлены юридически, здесь

были выработаны определенные правила распределения археологических находок между двумя главными имперскими музеями: так из числа предметов, поступающих в Эрмитаж, совершенно исключались артефакты «так называемого каменного периода» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 206 об.).

Впрочем, в «эпоху Бобринского» ситуация начала существенно меняться. Интерес к доисторическим древностям ощущался в обществе повсеместно, что требовало пересмотра структуры отечественной археологии. В частности, Т. В. Кибальчич в своей записке министру императорского двора от 22 февраля 1886 г., предлагая реорганизовать ИАК, считал, что в ее задачи должно входить изучение не только древностей государства Российского, но и доисторических древностей, находящихся в пределах России (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 10а. Л. 4 — 4 об.). ИАК постепенно становилась тем научным центром России, который в результате своей деятельности, иногда достаточно спонтанной, оказывался своеобразным «банком данных», в том числе и об археологии камня. Количество и качество собранной информации не стоит преувеличивать, однако при определенном подходе, связанном с учетом хронологии и географической локализации поступавших в Петербург данных, они способны стать дополнительным источником для изучения первобытных древностей России.

Известно, что ИАК участвовала в сборе сведений об археологических открытиях. В этой связи стоит обратить внимание на присылку в Петербург информации из уездов о находках костей первобытных животных и каменных орудий. Эпизодический характер подобных сведений до середины

Изображение кремневого наконечника, найденного священником Василием Владимирским, с. Череватово, Ардатовский уезд, Нижегородская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 21. Л. 2)

1880-х гг. контрастирует с последующим периодом, когда поток предметов такого рода значительно возрос. Последнее отражало не только просыпающийся общественный интерес общества к первобытным древностям, но и более сочувственное отношение членов самой Комиссии к изучению эпохи камня.

Уже в первый год деятельности Комиссии штабс-капитан Ефим Шумаков сообщает в Петербург о «коллекции окаменелостей» (которые он, правда, связывал с курганами и городищами) и отправляет в ИАК свою «опись» Курской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 24. Л. 9–12). В соответствии с инструкциями, рассылаемыми Министерством внутренних дел, местные власти должны были заниматься выявлением и присылкой в Петербург находимых на подведомственной им территории древностей, в том числе и каменного века. Разумеется, в абсолютном большинстве случаев речь шла о формах каменных орудий, легко опознаваемых неспециалистами как древности: шлифованных и сверленных топорок, наконечниках стрел

и копий, — однако зачастую не имеющих непосредственного отношения к эпохе камня. Находчики (в основном урядники, крестьяне, учителя, просвещенные священнослужители) получали небольшое вознаграждение, а находки описывались, зарисовывались (с 1892 г. в делах начинают встречаться фотографии). В дальнейшем они отсылались в Российский исторический музей, Академию наук, Петербургский университет, Русское археологическое общество, местные музеи или научные общества. Всего за период с 1865 по 1915 г., по данным архива ИИМК РАН, зафиксировано около 20 таких случаев, а география находок простирается от Литвы и Западной Украины до Урала и Енисея.

Стоит отметить участие сельского духовенства в сборе такой информации. Так, в 1871 г. в ИАК поступил рисунок неолитического наконечника от священника с. Череватово Ардатовского уезда Нижегородской губернии Василия Владимирского. Примечательно, что сельский батюшка сам попытался идентифицировать и описать находку, прочитав статью К.М. Бэра

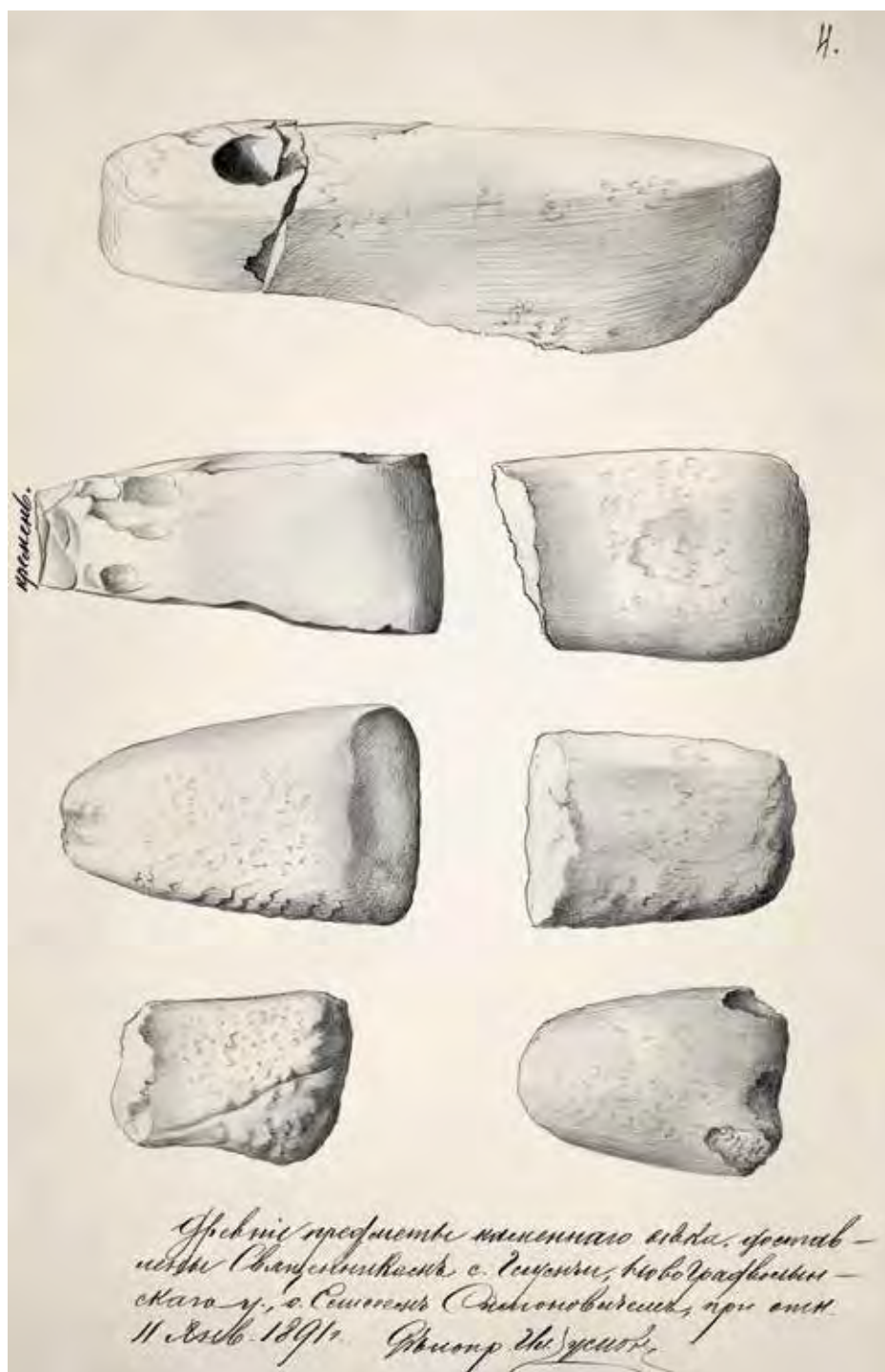
в «Академическом календаре», а также доступную ему публикацию о свайных постройках в Швейцарии — очевидно, переводной французский труд К. Риттера (Бэр 1864: 25–65; Риттер 1859: 76–82) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 21. Л. 1, 2). Двадцать лет спустя, 11 января 1891 г., священник с. Глумичи Волынской губернии Елисей Сильвестрович Симонович, выпускник Волынской духовной семинарии 1879 г., отправил в Петербург «каменные предметы на усмотрение Комиссии», которые были переданы в РИМ с выражением благодарности отправителю (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 12. Л. 4–5).

Подобная информация, поступившая в ИАК, послужила толчком к началу основополагающих исследований XIX в. по неолиту побережья Ладожского озера (Иностранцев 1882). 18 сентября 1878 г. Департамент шоссейных и водных сообщений Министерства путей сообщения отписал в Комиссию, что при прорытии Сясьского канала «на шестой версте» от Волхова было найдено два каменных предмета, а в декабре поступило сообщение еще о семи орудиях из камня и кости. Все предметы были переданы в Санкт-Петербургский университет для «геологического», на самом деле — палеонтологического, кабинета, о чем в ИАК поступило уведомление от Александра Александровича Иностранцева, впоследствии занявшегося их изучением (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 27. Л. 1–3, 7; ср.: Клейн 2014а: 411–428). Точно так же в 1896 г. енисейский губернатор сообщил в ИАК о поступивших в местный музей каменных предметах и прислал их в Петербург для фотографирования (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 85).

Начиная с 1890-х гг. ИАК периодически вела переговоры о приобрете-

нии крупных коллекций каменных орудий. Так 4 октября 1891 г. Е. Р. Романов предложил Комиссии продать ей свою коллекцию «не ниже 1000 рублей», однако получил отказ из-за высокой стоимости (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 151). В 1918 г. РГАК приобрела у Н. И. Репникова коллекцию каменных орудий, происходящих из д. Волосово Петроградской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 26). Именно в процессе приобретения коллекций в распоряжение ИАК поступил уникальный материал, характеризующий мезолит Среднего Урала (ср.: Раушенбах 1956; Мезолит СССР 1989: 130). В 1906 г. Комиссия начала переговоры о покупке у Д. Е. Зелютина за 200 руб. коллекции костяных орудий, найденных в Шигирском торфянике Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Торфяник принадлежал Верх-Исетским заводам, и первая шигирская коллекция уже в 1887–1889 гг. была передана музею Уральского общества любителей естествознания графом А. А. Стенбок-Фермором. После 1906 г. в ИАК поступила опись вещей, с которых были сделаны фотографии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 149. Л. 1–8), а сама коллекция была передана в РИМ. Впоследствии Комиссия продолжала сотрудничать в деле приобретения вещей с В. Плюсниным и В. Толмачевым. Сотрудничество было поставлено на серьезную методическую основу: в 1914 г. находчикам отправили подробный вопросник о стратиграфическом контексте находок и их возможном распределении по комплексам (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 149. Л. 9–11).

Кроме того, в ИАК обращались находчики костей и зубов «допотопных животных», чаще всего мамонта, реже — шерстистого носорога. Как правило, присылаемые кости направлялись специалистам из ИАН, а местным

Неолитические находки из села Глушицы Волынской губернии, переданные в ИАК священником Елисеєм Симоновичем (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 12. Л. 4)

Каменные орудия и человеческий череп, найденные при строительстве Сясьского канала в 1878 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 27. Л. 7)

*Шигирский торфяник, Екатеринбургский уезд, Пермская губерния.
Фото В. Я. Толмачева, 1911 г. (ФО. Нег. III 13829)*

властям разъяснялось, что ИАК имеет дело только с творениями рук человека. В 1867 г. от вятского губернатора в МВД поступило сообщение об обнаружении в Котельническом уезде костей мамонта, которые были сданы в местный музей с подробным описанием местности и даже стратиграфии находки.

Одновременно ставился вопрос о возможности и необходимости дальнейших исследований. По получении этой информации Комиссия ответила, что вопрос о дальнейшем исследовании подлжит ведению ИАН (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 31. Л. 3–6). Не обходилось и без курьезов: так, в июне 1873 г. Калужский губернский статистический комитет прислал в Комиссию «зуб животного, водившегося в старину», который, по мнению специалистов, ока-

зался фрагментом окаменелого «дуба» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 5. Л. 10, 11). Кости мамонта, поступившие в ИАК летом 1875 г. от киевского губернатора, заставили руководство Комиссии определенно высказать свое отношение к таким находкам: 23 июля 1875 г. датируется письмо, где говорится, что «кости как произведения природы, хотя и относящиеся к минувшему периоду истории земной коры, не составляют предметов, относящихся к кругу деятельности Археологической комиссии». В связи с этим они должны были переправляться в одно из ученых учреждений, занимающихся естественными науками (РО. Ф. 1. Оп. 1-1875 г. Д. 21. Л. 3 — 3 об.).

Однако находки продолжали поступать. В 1888 г. «зуб допотопного животного» был прислан в Комиссию от исправника Чернского уезда Тульской

План выработок. Шигирский торфяник, Екатеринбургский уезд, Пермская губерния
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 149. Л. 64)

губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 10. Л. 1). В июле 1889 г. в д. Алкужи Моршанского уезда Тамбовской губернии были найдены «кости мамонта», отправленные в Петербург (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 49. Л. 1). Известна находка «зуба доисторического животного» из д. Миснево Нерехтского уезда Костромской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 110. Л. 1–3). Кости «допотопных животных», клык и зуб, поступили в ИАК из Ольшанки Курской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 155. Л. 4), откуда были переправлены в ИАН (Там же. Л. 5).

Обнаружение костяка мамонта в Новограде-Волынском вызвало целую переписку с местным губернским

статистическим комитетом. Выяснилось, что командир Вологодского полка полковник А. Ф. Рагоза хочет на свои средства докопать скелет животного, чтобы впоследствии эта находка оказалась в его собственности. ИАК предложила сообщить о находке в ИАН, откуда и следовало ждать распоряжений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 165).

Единственная непосредственно связанная с палеолитом находка ископаемой фауны, о которой было сообщено ИАК, относится к истории открытия Кирилловской стоянки в Киеве. Речь идет об обнаруженных В. Б. Антоновичем костях мамонта — «допотопного животного», в том числе и с гравированными

Костяной инвентарь. Шигирский торфяник, Екатеринбургский уезд, Пермская губерния. Коллекция Д.Е. Зелютина (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 149. Л. 86)

Деревянные изделия и морда лося, Шигирский торфяник, Екатеринбургский уезд, Пермская губерния. Сборы В.Я. Толмачева, 1911–1914 гг. (ФО. Нег. II 42280)

изображениями, в сопровождении каменных орудий на Кирилловской улице в Киеве в 1893 г. (усадебя В. Зивала). Сообщение об этом поступило в ИАК от киевского губернатора, который запрашивал Петербург, следует ли ему прислать находки в ИАК. Решение этого вопроса было поручено самому В.Б. Антоновичу как представителю Комиссии на месте, и в 1895 г. остеологический материал поступил в Университет св. Владимира, а археологический — в ИАК. Раскопки Кирилловской стоянки впоследствии осуществил В. Хвойка (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 183. Л. 5; Беленко, Радієвська 2010: 31–38; Радієвська, Беленко 2010: 97–122; Радиевская, Беленко 2011: 32–40; ср.: Беяшевский 1900: 71–72; Борисковский 1953: 153–175; Пидопличко 1969: 20–43; Шидловський 2012: 53–59).

Отметим также, что в 1916 г. в ИАК обратился симферопольский землемер мещанин С.И. Забнин, позднее ставший членом Таврической ученой архивной комиссии. Еще в 1914 г., обследуя пещеры Крыма в ходе геологической съемки, в частности, знаменитую Красную пещеру, он обнаружил каменные орудия и запросил ИАК о выдаче разрешения на раскопки. Однако наиболее важные его достижения в области археологического краеведения, в частности, шурфовка Змеиной пещеры — многослойного памятника эпохи бронзы и железа, и открытие палеолитической стоянки Чокурча, имели место позднее, уже в 1920-х гг. (Забнин 1928: 146–157; о нем: Непомнящий 2012: 74–75).

Надо отметить, что ИАК, со своей стороны, вполне осознавала необходимость контроля научного качества

ПЕРЕДОЛЬСКИЙ Василий Степанович (26 декабря 1833 — март 1907) — археолог, антрополог, историк. Родился в семье священника. Учился в Новгородской духовной семинарии и новгородской гимназии. После окончания юридического факультета Петербургского университета продолжил обучение за границей (1862–1863). По возвращении в Россию занимался частной адвокатской практикой. Еще в ученические годы проявлял интерес к новгородской старине. Начав с собирания предметов древности, в 1888 г. перешел к самостоятельным археологическим исследованиям. За 10 лет было собрано свыше 60 тысяч предметов. В 1889 г. стал почетным членом Петербургского археологического института, затем его членом-сотрудником. Антропологическая коллекция признавалась современниками уникальной. В 1894 г. по его инициативе было создано Новгородское общество любителей

древности. После его смерти большая часть археологической коллекции была передана в Новгородский музей, антропологическая — в 1920-е гг. в Кунсткамеру

Осн. соч.: Бытовые останки насельников Ильменско-Волховского державства каменного века, СПб., 1893; Новгородские древности. Записки для местных изысканий. Новгород, 1898.

Лит. о нем: Жервэ Н.Н. Археологическая деятельность В.С. Передольского // История и археология Новгородской земли. Новгород, 1987. С. 56; *Передольская А.В.* Другая история Дома Передольских. Великий Новгород, 2004.

(Фото: Передольская 2004)

раскопок, в том числе и на памятниках каменного века. Особенно актуальным это становилось в тех случаях, когда существовали определенные сомнения в компетентности исследователя. Еще в 1888 г. новгородский краевед и собиратель Василий Степанович Передольский, проводивший раскопки в Прильменьи и в самом Новгороде, открыл неолитическую стоянку в урочище Колломцы. Он уже обладал определенными познаниями в области древностей «новокаменного века» и, в частности, отметил, что янтарь «такого же цвета» найден в нижнем течении Енисея. Сам В.С. Передольский получал Открытые листы через Археологический институт в Петербурге, однако отчеты, как и положено, сдавал в ИАК. Их качество оставляло желать лучшего: так, 21 марта 1892 г. Комиссия указывает ему на отсутствие подробных отчетов и планов раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 46. Л. 5–6, 23). Изначально предполагалось, что А.А. Спицын отправится в Новгород с соответствующей инспекцией.

В конечном счете ИАК обратилась к А.А. Иностранцеву с просьбой ознакомиться с приемами раскопок, произведенных В.С. Передольским, узнать, имеют ли они характер системы и полноты, а также определить, какое место занимают находки, сделанные этим краеведом, в контексте других известных древностей северного края. Для «ближайшей проверки» работ В.С. Передольского петербургскому профессору было выделено 200 руб. Среди задач, поставленных Комиссией исследователю, стоит отметить следующее: «Путем личного осмотра определить, какой интерес для археологии представляет исток Волхова и прилегающая к нему часть озера и, в случае надобности, составить план систематических раскопок

в той местности». 2 мая 1892 г. А.А. Иностранцев подтвердил свою готовность произвести для ИАК «некоторые археологические разыскания» и ознакомиться с результатами работ В.С. Передольского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 46. Л. 28; РО. Ф. 1. Оп. 1-1892. Д. 67. Л. 1 — 1 об.).

12 февраля 1893 г. А.А. Иностранцев представил отчет о поездках в местность Коломцы близ Новгорода. Из отчета следовало, что обнаруженные предметы доисторического человека из камня, кости и глины в коллекции В.С. Передольского находятся в полном порядке. При этом отмечалось, что видное место в слое и в комплексе занимают раковины пресноводных моллюсков — *Unio lateralis*. Площадь стоянки была оценена в 70 кв. сажен,

Неолитический шурф в Коломцах, Новгородский уезд, раскопки В.С. Передольского, инспекция А.А. Иностранцева (экспликация рисунка: растительный слой, красноватая песчаная глина, культурный слой — раковинная прослойка, глинистый песок и ниже сизая глина) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 67. Л. 20)

ИНОСТРАНЦЕВ Александр Александрович (12.07.1843 — 31.12.1919) — геолог, естествоиспытатель, археолог, окончил в 1867 г. физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, исправлял обязанности хранителя минералогического кабинета. В 1868 г. переходит хранителем в геологический кабинет. В 1869 г. приват-доцент, в 1873 г. после защиты докторской диссертации избран экстраординарным, а в 1880 г. — ординарным профессором Петербургского университета. Создал уникальное собрание геологического музея Петербургского университета в результате ежегодных научных поездок: в 1872–1875 гг. на Север России и в Олонецкую губернию, в 1875 г. — в Крым, в 1878 г. — в Донецкий каменноугольный бассейн, в 1881 г. — в Орловскую и Гродненскую губернии, в 1890, 1891 и 1893 гг. — на Кавказ и в 1892 г. — на Урал. Член Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, с 1888 г. — председатель Русского антропологического общества, член-корреспондент Филладельфийской академии наук.

Осн. соч.: Петрографический очерк острова Валаама // Труды первого съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб., 1868. С. 52–62; Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882; Геология: Общий курс лекций. Т. 1–2. СПб., 1885–1887 (5-е изд. 1914); Через Главный Кавказский хребет. СПб., 1897; Воспоминания (Автобиография) / подготовка текста, вступ. ст. и ком. В.А. Прозоровского и И.Л. Тихонова. СПб., 1998.

Лит. о нем: Кузнецов С.С. Александр Александрович Иностранцев. Л., 1969; Соколов В.А. Александр Александрович Иностранцев, 1843–1919. М., 1981; Прозоровский В.А., Тихонов И.Л. Профессор А.А. Иностранцев // Вестник СПбГУ. 1995. Сер. геол., геогр. Вып. 3. С. 3–9; Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX в. СПб., 2010. С. 145–146.

(Фото: СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-И. Д. 11. Л. 1)

а сама стоянка — как «коренное место нахождения человека каменного века». А.А. Иностранцев обратился в ИАК с предложением выбрать сухое время для исследования памятника (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 67. Л. 5–20). К отчету был приложен стратиграфический чертёж археологического шурфа с необходимой экспликацией (см. также: Жервэ 1994: 59–60).

Таким образом, ИАК принимала непосредственное участие в исследовании Мстинской неолитической культуры с ее ямочно-гребенчатой керамикой, своеобразным кремневым инвентарем и шлифованными сланцевыми орудиями (рубеж IV–III — середина III тыс. до н.э.). Стоянка Коломцы

как раз относится к первому этапу этой культуры (Неолит... 1996: 195), хотя сам В.С. Передольский, видный приверженец идеи автохтонизма, полагал, что ведет изыскания о «начале новгородских Славяно-Руссов» (Передольский 1893; 1898). Вообще это была эпоха, когда изучение неолита на территории Новгородской губернии проходило свою активную фазу: именно тогда были открыты Бологовская стоянка и памятники озера Пирос (Путятин 1884; 1886; Рерих 1903; 1905: 160–171; Ефименко 1916. См. также: Торопова 2016: 108–116, 120–122).

Возможность систематических раскопок памятников первобытной археологии рассматривалась Комиссией и раньше, однако их изучение традиционно вписывалось в комплексное историко-археологическое исследование конкретного региона. Еще в 1886 г. В.Б. Антонович согласился произвести археологические исследования в юго-западных губерниях России «от имени Императорской археологической комиссии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 13. Л. 1 — 1 об.). При этом из разговора с Н.П. Кондаковым, который выразил ему свое частное мнение по поводу «доисторической славянской древности» (очевидно, крайне негативное), киевский профессор сделал вывод, что ради сотрудничества с Археологической комиссией ему придется «оставить первобытную археологию» и «расстаться с каменным веком». Из его писем известно, что он предполагал включить в исследование так называемые «ванны княгини Ольги» — уступы скальных пород, в которых он видел «ателье» каменного века (Там же. Л. 5). На самом деле речь шла о естественных порогах на р. Уж под Коростынем, которые сегодня затоплены.

То, что существовало взаимное непонимание, становится ясным из ответа А.А. Бобринского, направленного в Киев 2 марта 1887 г. Граф написал, что «относительно взглядов ИАК на раскопки... произошло недоразумение: Комиссия никогда не думала устанавливать для раскопок в Киевской области тех рамок, о которых Вы говорите (славянская историческая археология)». И далее: «Я всегда буду придавать существенное значение первобытной археологии. Исследование каменного века составляет точно так же, как и всякая другая область археологии, прямую задачу и обязанность Археологической комиссии. Поэтому я прошу вас не расставаться с каменным веком, а, наоборот, освещать эти отдаленные страницы прошлого вашими трудами... Изучение славянства на Киевщине составляет лишь часть программы Комиссии, нас вообще интересует археология края, а будут ли найдены древности славянские или раньше славян — это совершенно безразлично. Главное — научное исследование, научное определение и оценка древностей». В своем письме А.А. Бобринский выразил намерение издать всю «открытую первобытность» в трудах Комиссии, а заключительные фразы звучали как пламенный призыв к новой археологии: «Пора настала, когда каменному молоту и кремневой стрелке будут отведены почетные места наравне с золотым ожерельем и серебряной серьгой» (Там же. Л. 8 — 9 об.). Впоследствии (в 1893 г.) председатель Комиссии подготовил выступление «О значении первобытной археологии» (РО. Ф. 25. Д. 26. Л. 1 — 3 об.), где он решительно выступил против определения археологии как «науки о битых горшках» («C'est la science des petits

pots cassés»), указав на первобытные древности как основу, на которой произошло становление древнерусского искусства.

В результате этой переписки В.Б. Антонович включил в программу изучения края «точное описание стоянок, фабрик, гробниц, мегалитических сооружений (буде окажутся), чашечных камней, подробный перечень предметов каменного века, найденных в данной местности, и бытовых останков, сопровождающих их», которые должны быть приложены к описанию мест их нахождения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 13. Л. 14 об.). Этот подход воплотился в трудах профессора, вышедших в 1890–1900-х гг. уже после периода его активного сотрудничества с ИАК (Антонович 1901с: 141–147).

В начальный период «эпохи Бобринского» археология камня поддерживалась ИАК и в других регионах. Основное внимание было сосредоточено вокруг изучения неолита лесной зоны, в частности балахнинской культуры, первые сведения о которой были собраны В.В. Докучаевым в 1880-х гг. Ныне эта культура датируется различными исследователями в пределах середины IV — середины II тыс. н.э. (Неолит... 1996: 187). В 1888 г. Рязанская архивная комиссия обратилась в ИАК с просьбой разрешить А.В. Селиванову раскопки в с. Дубровичи Рязанского уезда, где были найдены каменные орудия, на что 3 августа был выдан не только Открытый лист, но и 390 руб. Часть этих средств должна была пойти именно на исследование древностей «каменного периода». Однако работы в том году проводились лишь в д. Рубцово и на Старом Ольговом городке, от которых сохранился дневник. В Дубровичах намеревался копать

В.А. Городцов за свой счет. Рязанская комиссия своевременно — 28 мая — ходатайствовала об этом в Петербург (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 45. Л. 37, 40–41, 55).

Несмотря на то, что неолит бассейна Оки изучался, прежде всего, трудами В.А. Городцова (Городцов 1897а; 1897б; 1905; 1909), Балахнинская стоянка, открытая в 1900 г., была опубликована ее исследователем при непосредственном участии ИАК (Спицын, Каменский 1905: 1–72). Исследования «новокаменного века» в этом регионе проводил и Н.И. Булычев, ставший в 1903 г. сверхштатным членом ИАК (Булычев 1899). В 1898 г. он запрашивает в ИАК Открытый лист на раскопки в Лихвинском и Перемышльском уездах Калужской губернии и по результатам исследований присылает в Петербург отчет, опись вещей и саму коллекцию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 86. Л. 5, 8–10, 13, 14). Примечательно, что неолитические находки из раскопок В.И. Каменского близ Балахны, а также коллекции П.А. Путьягина с верховьев Волги и оз. Бологое были представлены Комиссией на «Высочайшее воззрение» во время ежегодной выставки в 1904 г.: Комиссия не только рассматривала открытие неолита как собственное достижение, но и по праву гордилась этим открытием (Высочайшее посещение 1904: 1).

Исследования на Русском Севере, начатые еще П.И. Лерхом, были продолжены на средства ИАК учителем Ненокского приходского училища Константином Павловичем Рево. В сентябре 1892 г. архангельский губернатор переслал в Комиссию каменные вещи из Ненокского посада, которые были впоследствии переданы в Архангельский губернский статистический комитет. Губернатор также обратился

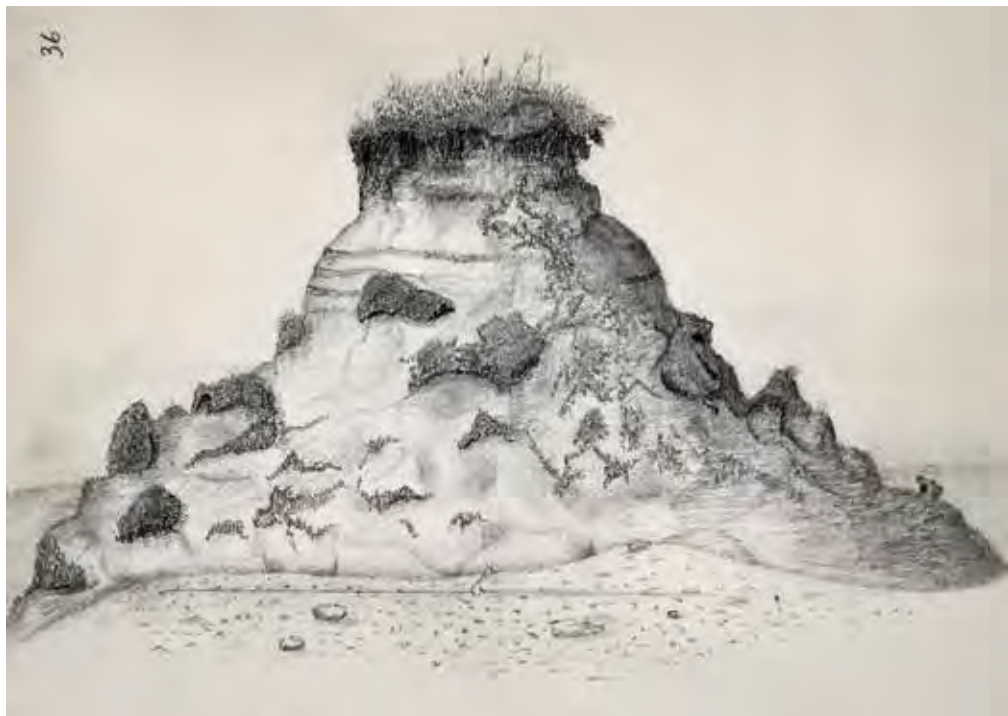
Каменный и керамический инвентарь, раскопки Н.И. Булычева, Калужская губерния
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 86. Л. 13)

Каменный и керамический инвентарь, раскопки Н. И. Булычева,
Калужская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 86. Л. 14)

Каменный инвентарь из раскопок К.П. Рево, Ненокский посад,
Архангельская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 167. Л. 2)

*Рисунок неолитической стоянки, исследованной К.П. Рево,
Ненокский посад, Архангельская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 167. Л. 36)*

к А.А. Бобринскому с просьбой выдать К.П. Рево разрешение на раскопки и поддержать его в этом начинании. В ноябре 1892 г. ИАК выделила на эти цели 50 руб. и в конце 1893 г. получила в свое распоряжение отчет и коллекцию, поступившую затем в РИМ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 167. Л. 2, 10, 19–37). Подобные исследования Рево проводил на средства ИАК и в 1896 г. в Холмогорском и Архангельском уездах, а полученные в результате исследований коллекции древностей были переданы в Архангельский городской публичный музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 84. Л. 39). В 1900 г. Константин Павлович на средства ИАК (39 руб. 20 коп.) предпринял исследования каменных лабиринтов на Терском берегу, близ с. Поной Александровского уезда Архангельской губернии (РО. Ф. 1.

Оп. 1-1900 г. Д. 162. Л. 14–23, 26, 27). Задача такого рода в отечественной археологии неолита была поставлена впервые, а сами лабиринты именовались «вавилонами». В 1907 г. К.П. Рево обратился в Комиссию за Открытым листом и поддержкой исследования каменных лабиринтов близ Кеми. Петербург выделил ему 20 руб. на исследования, которые хорошо описаны в дневнике раскопок 12–13 сентября 1907 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 55. Л. 17 — 20 об.). Памятники эпохи неолита раскапывались на средства ИАК и на территории Томска: в 1897 г. Комиссия выделила 50 руб. прозектору Томского университета С.М. Чугунову, который при участии профессора того же университета Н.Ф. Кашенко открыл памятники этой эпохи в урочище Городок при впадении р. Малой Киргизки в р. Томь

Каменный лабиринт, исследованный К. П. Рево, с. Поной, Александровский уезд, Архангельская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 162. Л. 24, 26)

(РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 133. Л. 7 — 7 об.; ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 80). За год до этого Н. Ф. Кащенко открыл палеолитическую стоянку с костями мамонта на территории г. Томска и произвел ее фотофиксацию. Этот памятник был раскопан им «широкой площадью».

Комиссии не всегда удавалось получить от исследователей материалы произведенных ими раскопок памятников каменного и раннего железного века. Так, 12 августа 1912 г. ИАК выдала Открытый лист полковнику С. С. Гамченко на исследования в пределах Ольгопольского и Балтского уездов Подольской губернии по его запросу. С. С. Гамченко провел раскопки у с. Ялонец Подольской губернии и предоставил краткий отчет, считая, что исследовал памятники эпохи неолита, энеолита и раннего железа (латена), упоминая при этом и о находках каменных орудий. Комиссия запросила у исследователя опись найденных вещей, однако к 1915 г. они так и не были сданы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 298. Л. 3, 7–10, 13).

Ряд сведений о памятниках и сами древности поступали в Комиссию в результате ее взаимоотношений с контрагентами на местах. Так, в 1865 г. Витебский статистический комитет препроводил в ИАК «каменный молоток» из кургана (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 5. Л. 2), очевидно, не имеющий отношения к собственно эпохе камня. Присылки подобного рода ясно характеризуют нечеткость представлений российского общества о «каменном веке». В 1908 г. при рытье карьера у Бронницкого холма Новгородской губернии были найдены 3 каменных «молотка» и фрагменты черепов из разрушенного могильника эпохи бронзы первой половины II тыс. до н. э. (Еремеев, Дзюба, Лисицына 2007: 224–225). Характерно, что на требование ИАК

немедленно прекратить работы вице-губернатор С. Н. Дирин сначала ответил отказом, указывая на то, что выемка песка имеет характер промышленный, и ИАК, которой поручены лишь научные изыскания, не должна вмешиваться в хозяйственную деятельность (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 126. Л. 6). Лишь после вторичного обращения 3 сентября 1908 г. работы были прекращены, но только в феврале следующего года. Тогда же ИАК выдала Открытый лист Новгородскому обществу любителей древности на исследование Бронницы, но раскопки так и не были проведены. Шлифованные топоры фатьяновской культуры и в дальнейшем неоднократно доставлялись в Комиссию, в частности, из Калужской и Могилевской губерний (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 286; РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 271; РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 229).

25 октября 1902 г. ИАК направила запрос в Ярославскую ученую архивную комиссию по поводу вещей из раскопок Великосельского могильника в Ярославской губернии, который может быть отнесен к культуре финно-угорских племен древнерусского времени. 20 ноября в Петербург поступил ответ, что губернской комиссии об этом ничего не известно. Впрочем, отдельной посылкой в столицу было отправлено несколько каменных предметов, случайно найденных на Черной Горе на р. Пра (ныне Клепиковский район Рязанской области), среди них 3 молота, 2 кремневых топора (тесла), 3 кремневых ножа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 221. Л. 8, 12 — 12 об., 13). 12 апреля 1903 г. вещи были отправлены обратно; 2 мая из Ярославля был получен ответ, подтверждавший факт получения. Однако при этом сообщалось, что вещи дошли «не в желательной сохранности»

вследствие несоответствующей упаковки: топор оказался разбит, а у тесла отбито лезвие. От имени Комиссии было предложено реставрировать эти вещи в Эрмитаже, но уже в конце мая ярославцам удалось склеить поврежденные предметы «домашними средствами» (Там же. Л. 20, 22, 24, 28). Сегодня неолитические слои Черной Горы исследователи датируют вторым этапом рязанской культуры (первая половина III тыс. до н.э.). Памятник является одним из ключевых для этого хронологического периода (Цветкова 1970: 97–153; Грехова, Попова, Раушенбах, Цветкова 1970: 240–241). При этом культурная принадлежность ряда погребений многослойного памятника Черная Гора является предметом дискуссии: некоторыми исследователями они относятся к неолиту (Цветкова 1959: 114–122; 1969: 284–292; 1985: 80–99; Уткин, Костылева 1994: 76–79). В историографической литературе традиционно указывается, что исследования памятников рязанской культуры связаны с работами В. А. Городцова 1895–1898 гг., материалы которых хранятся в фондах ГИМ. Первые систематические раскопки Черной Горы вообще относятся к 1963–1966 гг. Однако из приведенных выше сведений ясно, что ранние этапы изучения памятника все-таки нашли отражение и в деятельности ИАК.

Исследования Комиссии существенно стимулировали изучение различных типов местных древностей. Так, именно благодаря раскопкам ИАК в Херсонесе впервые удалось обобщить неолитические материалы, обнаруженные на Гераклейском полуострове в Крыму (Данилевич 1913: 235–249; Бороздин 1912: 171–172). По инициативе К. К. Косцюшко-Валюжинича, который «постоянно указывал на необходимость

систематизировать и описать неолитические находки на территории Херсонеса», приват-доцент Киевского университета В. Е. Данилевич в 1905 г. собрал, проанализировал, а впоследствии опубликовал коллекцию каменных орудий с городища из раскопок 1888–1905 гг.

Эти материалы отражали местную культуру «позднего неолита» и хранились в фондах Склада древностей ИАК. Основные находки были сосредоточены в восточной и центральной частях городища, в частности у скалистой подошвы на берегу моря недалеко от Уваровской базилики, а также на территории некрополя, раскопанного в 1891 г. Всего в коллекцию вошло 36 орудий и 9 каменных артефактов, связанных с неолитическим производством. В публикации подчеркивалось, что материалы «новокаменного века» с территории Херсонеса имеют сходство с инвентарем других неолитических стоянок Крыма. До этого единственная попытка проанализировать неолит Херсонеса была связана с именем профессора Казанского университета Н. Ф. Высоцкого, опубликовавшего в «Крымском вестнике» за 1897 г. заметку «Следы каменного века в Херсонесе». Впоследствии сведения о находках каменного века в пещерах Крыма поступили в ИАК от Таврической ученой архивной комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 224).

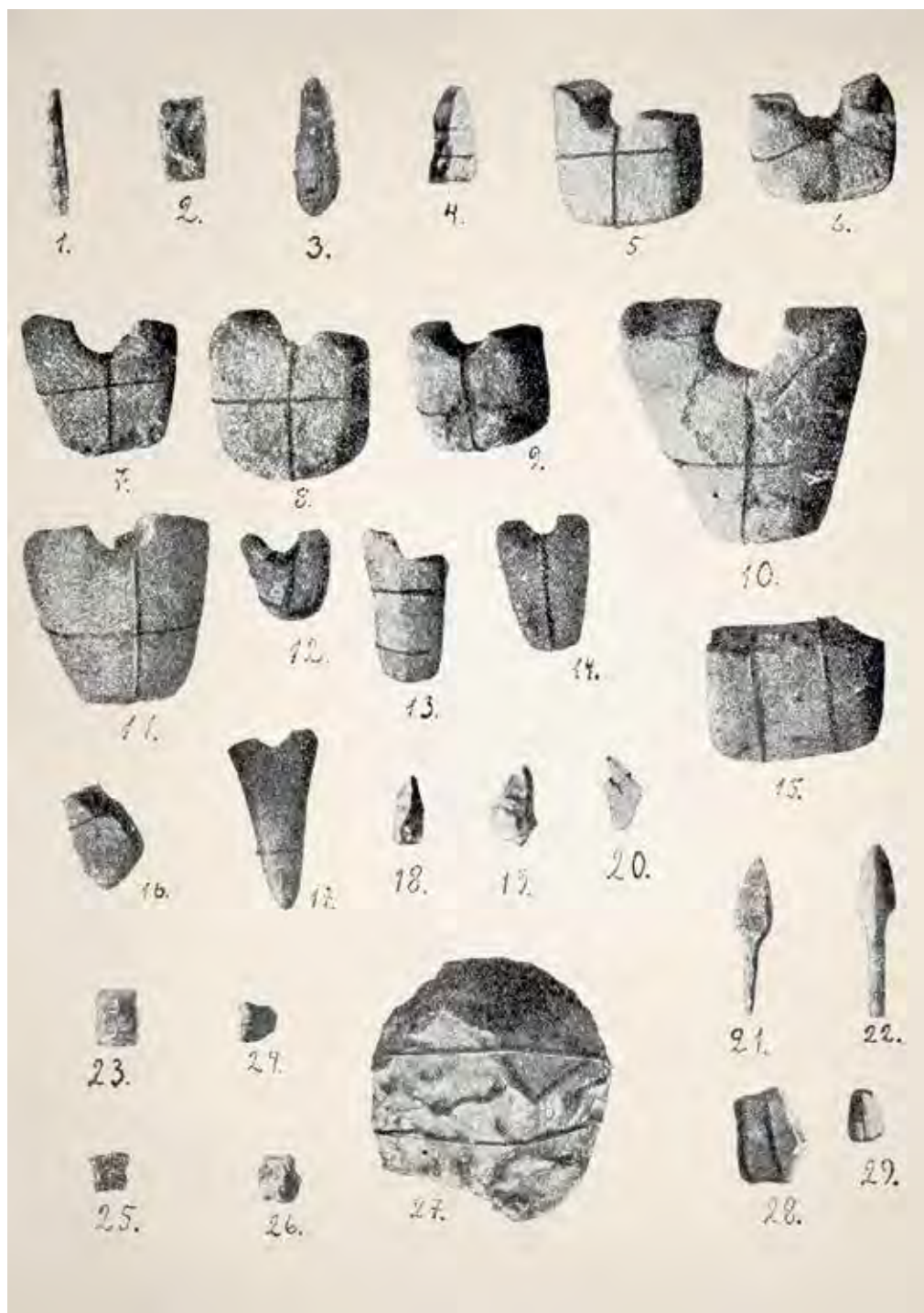
Интерес Комиссии и ее председателя к первобытной археологии и каменному веку нашел свое отражение и в общественной деятельности. 26 сентября 1886 г. граф А. А. Бобринской разослал правящим православным архиереям обращение, где духовные власти, как близко стоящие к народу, призывались к противодействию кладоискательству на церковных землях, дабы сохранить

Неолитический инвентарь, стоянка Черная Гора, Рязанская губерния
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 221. Л. 13)

отечественные древности от уничтожения. К этим древностям, помимо кладов, монет и драгоценностей, были отнесены железные, медные и *каменные* орудия (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 50. Л. 21–23), что в целом соответствовало симпатиям и интересу православного духовенства к первобытной археологии (Формозов 1986: 192–194).

Начальные этапы деятельности ИАК совпадают по времени с открытием первых следов палеолитического человека на территории Российской империи (1870-е — первая половина 1880-х гг.) (Васильев 2008: 9–20). В 1871 г. И.Д. Черский, А.Л. Чекановский и В.А. Бельцов обнаруживают в Иркутске каменные орудия, а также

Неолитическая коллекция Херсонеса из раскопок ИАК 1888–1905 гг.
(по: Данилевич 1911: 249)

изделия из бивня мамонта и обожженной глины — в сопровождении остатков плейстоценовой фауны. В 1873 г. Ф.И. Каминский и Г.С. Кирьяков открывают стоянку Гонцы на Полтавщине, позднее исследованную В.А. Городцовым. Через четыре года А.С. Уваров исследует Карачаровскую палеолитическую стоянку в своем имении на Оке. Почти одновременно, в 1879 г., И.С. Поляков открывает палеолит в Костенках, а К.С. Мережковский проводит первое обследование пещер Крыма, обнаружив там как поздний палеолит, так и памятник эпохи мустье. В 1883–1884 гг. И.Т. Савенков открывает стоянки на Афонтовой горе в Красноярске, а В.Б. Антонович — палеолит на Днестре (Там же).

В последующие десятилетия интенсивность исследований и открытий в области палеолита в России заметно ослабевает. Тем не менее они не прекращаются полностью. В 1894–1900 гг. В.В. Хвойка исследует Кирилловскую стоянку на киевском Подоле (Армашевский, Антонович 1895: VIII–IX; Вовк 1899а: 1–12; 1899б: 211–219; Хвойко 1904: 26–36). В 1908 г. Ф.К. Волков открывает Мезинскую стоянку, которую исследуют в дальнейшем его ученики (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 366; РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 154; ср.: Волков 1911: 263–270; Шовкопляс 1965; Руденко 2003: 363–364). Этот неизбежно неполный перечень имен и событий призван показать поступательное развитие науки о палеолите в России этого времени, что естественно сопровождалось становлением методов полевых исследований разных типов памятников, созданием классификаций найденных артефактов и реконструкций культуры первобытного общества, в частности, облика стоянок.

Характерно, что большинство этих открытий не нашло отражения ни в деятельности, ни в архивах ИАК. Их исследователи даже не запрашивали обязательных в этих случаях Открытых листов, что может иметь двоякое объяснение. Здесь могло сказаться принципиальное различие подходов к исторической и доисторической археологии, существовавших в науке того времени. Значительная часть ученых второй половины XIX — начала XX в. признавала каменный век сферой компетенции естествоведов, а не археологов. Впрочем, некоторые из исследователей могли иметь Открытые листы, выданные им местными археологическими обществами от имени Комиссии. Вообще, отношения ИАК и первооткрывателей российского палеолита складывались по-разному. Член МАО И.Т. Савенков в 1908 и 1914 гг. и лично, и через директора Музея антропологии и этнографии В.В. Радлова запрашивал в ИАК Открытый лист на раскопки в Ачинском, Красноярском и Минусинском уездах (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 85. Л. 1; Оп. 1-1914 г. Д. 322. Л. 1). Однако полевых отчетов первооткрыватель Афонтовой горы в Комиссию так и не представил. Аналогичная история имела место и ранее, в 1893 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 96).

Зато исследователь Кирилловской палеолитической стоянки на киевском Подоле В.В. Хвойка активно сотрудничал с ИАК именно в деле собирания сведений и изучения «древнекаменной эпохи». Еще летом 1896 г., будучи в Киеве, А.А. Бобринской предложил Хвойке представить свою коллекцию в Петербург для научного осмотра и Высочайшего воззрения. 28 октября 1896 г. из Киева было отправлено 5 ящиков. При этом он присовокупил к отправлению «записку о произведенных

Коллекция В. В. Хвойки, приобретенная ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 199. Л. 103)

раскопках» 1893–1896 гг. — по сути дела, полевой отчет, а также серию рисунков, иллюстрировавших представления автора о жизни пещерного человека, в надежде, что все это «понадобится» ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 199. Л. 14). Записка включала авторскую периодизацию раскопанного материала: «Человек палеолитического периода каменного века», быт которого был исследован на усадьбе В. Зивала на Кирилловской улице, 59, в Киеве; «Неолит. Человек, живущий в пещерах и землянках»; «Конец неолита» (Там же. Л. 36–116). А. А. Бобринской обратился к графу А. П. Игнатьеву с предложением приобрести всю коллекцию, включавшую и древнерусские, и античные, и трипольские материалы, в пользу государства за 8000 руб., однако в результате переговоров В. В. Хвойка уступил

свое собрание правительству «для будущего Киевского музея» за 4000 руб., что свершилось «к полной радости и удовлетворению» автора. 24 апреля 1897 г. кредит был выделен, а сама коллекция передана в Киеве В. Б. Антоновичу как члену Комиссии (ср.: Клейн 2014а: 506–507).

В целом, оценивая деятельность ИАК в области изучения первобытных древностей, нельзя не отметить отсутствие систематического и целенаправленного изучения памятников эпохи камня, прежде всего — палеолита. Попытки П. И. Лерха и В. Б. Антоновича не получили серьезного продолжения, а определенно выраженные интересы А. А. Бобринского не нашли своего воплощения на практике. Представляется, что объяснение этому феномену можно найти, если обратиться к оценке

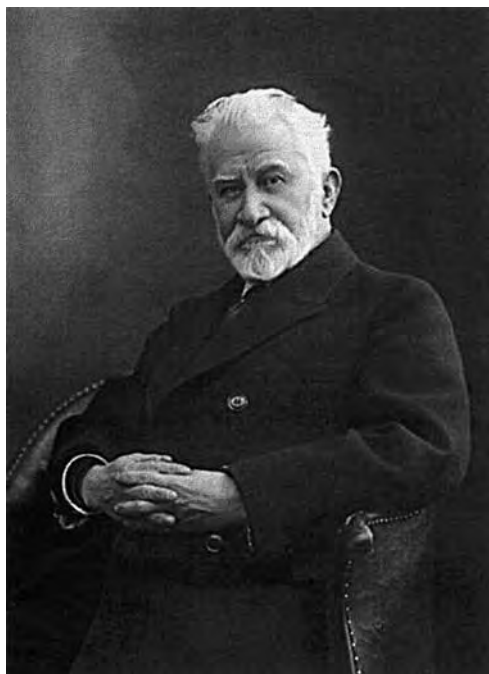

*Быт человека палеолитического периода каменного века, реконструкция В.В. Хвойки
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 199. Л. 93)*

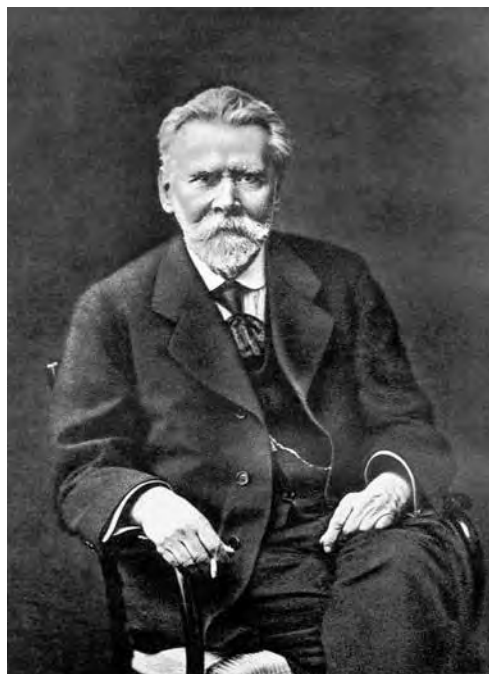
характера формирования археологии камня в России, которая существенно отличалась от истории становления других ветвей археологической науки.

Действительно, на начальном этапе исследований каменного века в России ведущую роль играли не Археологические общества или ИАК,

а Императорское русское географическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Императорская академия наук, позднее — Русское антропологическое общество при Санкт-Петербургском университете (подробнее см.: Формозов

*Дмитрий Николаевич Анучин
(СПбФ АРАН. Р.Х. Оп. 1а. Д. 21. Л. 1)*

*Федор Кондратьевич Волков
(ФО. Омн. О.1638-59)*

1983b; Васильев 2001/2002: 21–170; 2008; Платонова 2010а: 136–161).

При этом тон здесь задавали отнюдь не идеи К. М. Бэра, близкие членам ИАК, а связанное с французской школой палеоэтнологическое направление, у истоков которого в России стоял Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923). Он рассматривал доисторическую археологию (или палеоэтнологию) как составную часть антропологии в широком смысле слова, охватывающую также физическую антропологию и этнографию. При этом для Д. Н. Анучина антропология являлась частью естествознания, приложением принципов естественной истории к изучению человека (ср.: Клейн 2014а: 54, 111–112, 396–397, 399–401, 408). Эти представления, соответствующие современному пониманию общей антропологии в американской системе деления наук, разделяли многие видные

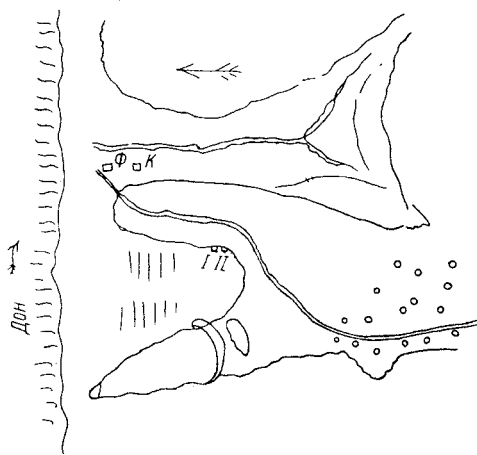
исследователи каменного века в России 1860–1880-х гг. (И. С. Поляков, К. С. Мережковский). Подобная направленность заметно расходилась с более распространенной в России точкой зрения, подчеркивавшей исторический характер археологии и единство всех ее областей, начиная с древнейшего раздела, что проявилось, в частности, в работах П. И. Лерха и А. С. Уварова, ориентированных на традиции изучения «национальных древностей» Скандинавии и Германии.

Разумеется, реальная ситуация была далека от простого прямолинейного противостояния. Так, сам Д. Н. Анучин активно взаимодействовал с МАО, регулярно, начиная с 1881 г., участвовал в работе Археологических съездов и даже был редактором журнала «Археологические известия и заметки». По иному складывалась

обстановка в Петербурге, где вернувшийся из эмиграции в 1906 г. Федор Кондратьевич Волков (укр. Вовк, 1847–1918) решительно дистанцировался от ИАК (ср.: Клейн 2014а: 113; 2014b: 13–27). Он трактовал палеоэтнологию (или доисторическую антропологию) как отрасль антропологической науки. В 1913 г. Волков резко выступил против «археологов» (явно подразумевая под ними сотрудников ИАК), которые никак не могут смириться со статусом палеоэтнологии как естественной, а не гуманитарной науки (Волков 1913b: 1–8). Превращение же ее в «археологию» означало для него утрату научного характера дисциплины, выраженного Габриелем де Мортилье в термине «палеоэтнология» (Волков 1915: 99–107; ср.: Платонова 2008b: 96–103).

Из всех членов ИАК только А. А. Спицын, в силу широты своих научных интересов, методической и преподавательской деятельности, реально работал с материалами палеолита (ср.: Клейн 2014а: 567, 575). Что касается методики полевых исследований, то он лишь кратко останавливался на вопросах изучения памятников каменного века. В принадлежащем ему перу руководстве по производству раскопок упомянуты только дюнные стоянки и пещеры. Стоит отметить: говоря о последних, А. А. Спицын писал о таких приемах изучения, как вычерчивание плана пещерной полости, послонные раскопки с регистрацией находок (Спицын 1895: 64–68). В пособии по методике разведочных работ он перечислил основные виды памятников, особо останавливаясь на характере стоянок открытого типа в речных долинах (Спицын 1908: 46–52).

Единственным научно значимым фактом участия ИАК в изучении памятников палеолита было случайное

Местоположение стоянки Боршево 1.

Полевая зарисовка А. А. Спицына.

Ф — изба Фролова, К — изба Кузнецова,
I и II — славянские городища (по: Векилова 1953:
рис. 2; РО. Ф. 5. Д. 90. Л. 4. об.)

открытие А. А. Спицыным в 1905 г. стоянки в с. Боршево (Борщеве) близ Костенок (Воронежская губерния). Проводя изучение Боршевского городища, А. А. Спицын обнаружил у подножия его кости мамонта. В поставленной здесь пробной траншее на глубине около 0,7 м показали осколки кремня, несущие признаки обработки человеком, определенные археологом палеолитическими (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 90; Спицын 1908b: 82–84). О своем открытии А. А. Спицын проинформировал В. А. Городцова, в ту пору — преподавателя Московского археологического института, надеясь, что тот продолжит изучение памятника. МАО поддержало заявку (см.: Протокол 1909: 124), но В. А. Городцов так и не начал исследования. В итоге «боршевский эпизод» остался без продолжения вплоть до 1920-х гг. (Векилова 1953: 111–136).

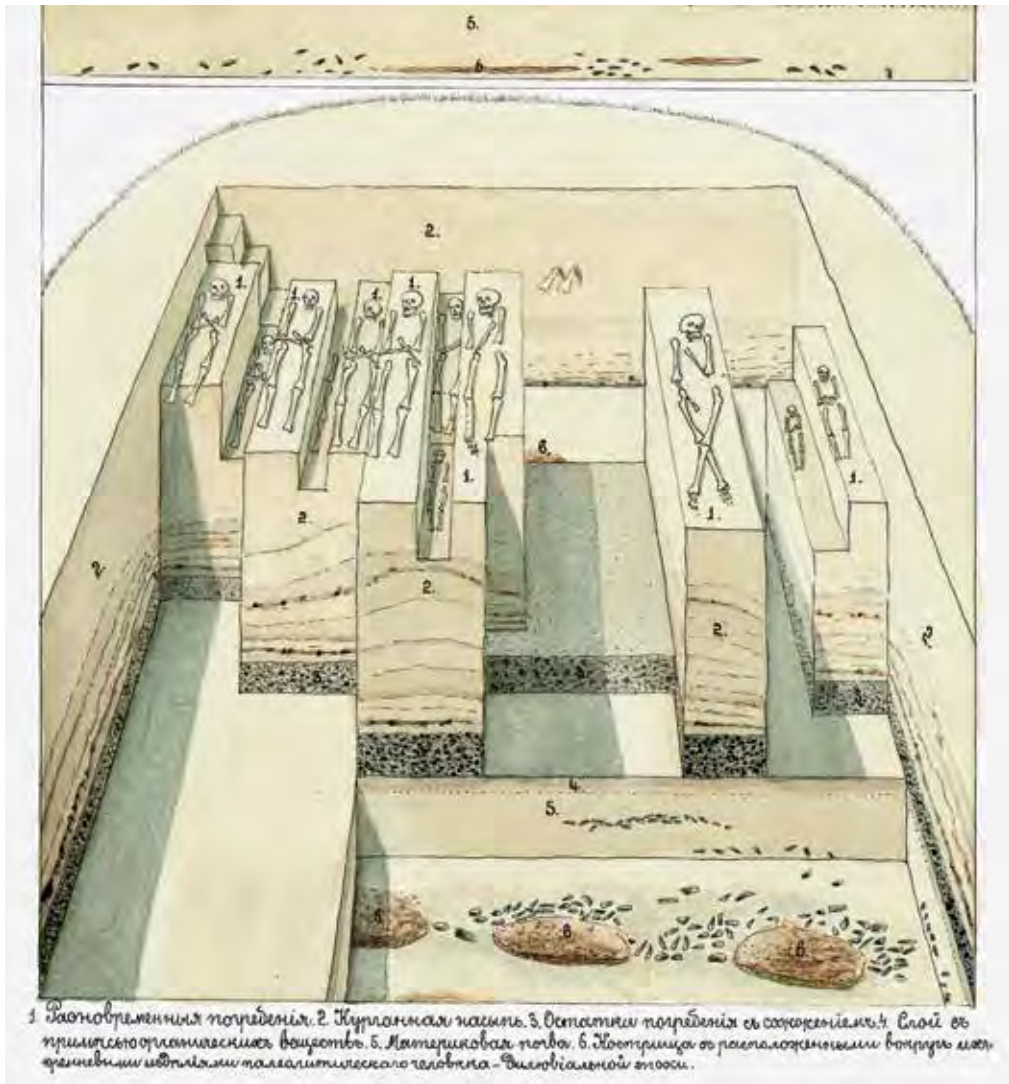
Столь же случайным было открытие и Коростынской (Искоростеньской) стоянки, в котором ИАК принимала организационное участие. 2 июля

Древнерусские погребения in situ и кремневый инвентарь из насыпи кургана, открытые для обозрения императору Николаю II. Ст. Искоростень. Раскопки В.В. Хвойки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 149. Л. 67)

1911 г. киевский генерал-губернатор Ф.Ф. Трепов-младший обратился к А.А. Бобринскому со следующим предложением: «По дороге от ст. Коростень до г. Овруч имеются несколько древних курганов, раскопки которых могли бы быть посещены Его Императорским Величеством при проезде в августе текущего года в г. Овруч ввиду особого интереса, проявляемого Государем Императором к памятникам старины». В связи с этим он просил оказать содействие в командировании кого-либо из лиц хорошо осведомленных в этом деле для обследования курганов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 149. Л. 8). Речь шла о нескольких курганных группах, относимых к погребениям

древлян, часть из которых уже исследовалась В.Б. Антоновичем. 10 июля А.А. Бобринский пишет в Петербург письмо с предложением командировать для раскопок в Овруч от ИАК Н.И. Репникова или Н.Е. Макаренко, причем последний даже изъявил свое согласие. Однако в результате совместной поездки Ф.Ф. Трепова и А.А. Бобринского выяснилось, что первый уже пригласил для проведения раскопок В.В. Хвойку, которому председатель ИАК и предписал выдать Открытый лист на Овручский уезд. Раскопки были осуществлены В.В. Хвойкой совместно с полковником С.Н. Крейтоном. Полевой отчет был предоставлен в ИАК 1 декабря 1911 г., однако уже 7 августа

Стратиграфическая реконструкция древнерусского кургана и палеолитической стоянки, открытая для обозрения императора Николая II. Ст. Искоростень. Раскопки В.В. Хвойки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 149. Л. 31)

адъютант киевского губернатора сообщал в Комиссию о раскопках трех групп курганов, причем насыпь одного из «крупных курганов», находящегося у церкви на террасе левого берега р. Уж, изобиловала «громдным количеством кремневых орудий и осколков древнейших типов». В основании кургана были обнаружены кострища и кремневый

инвентарь. В 1940 г. местонахождение было исследовано экспедицией Коростынского музея. Коллекция Искоростеньской стоянки хранится в Национальном музее истории Украины в Киеве и может быть отнесена к свидерской культуре и сменившей ее эпохе мезолита (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 149. Л. 2, 3, 4, 16 — 17 об., 28 — 30 об., 35, 61)

(Хвойко 1913: 7–8; Колесникова 2007: 44; 2008a; 2008b; Беленко, Радієвська 2010: 39–41; Радієвська, Беленко 2010: 102–103, 122; ср.: Левицький 1950: 156–162; Борисковский 1963, 148–151).

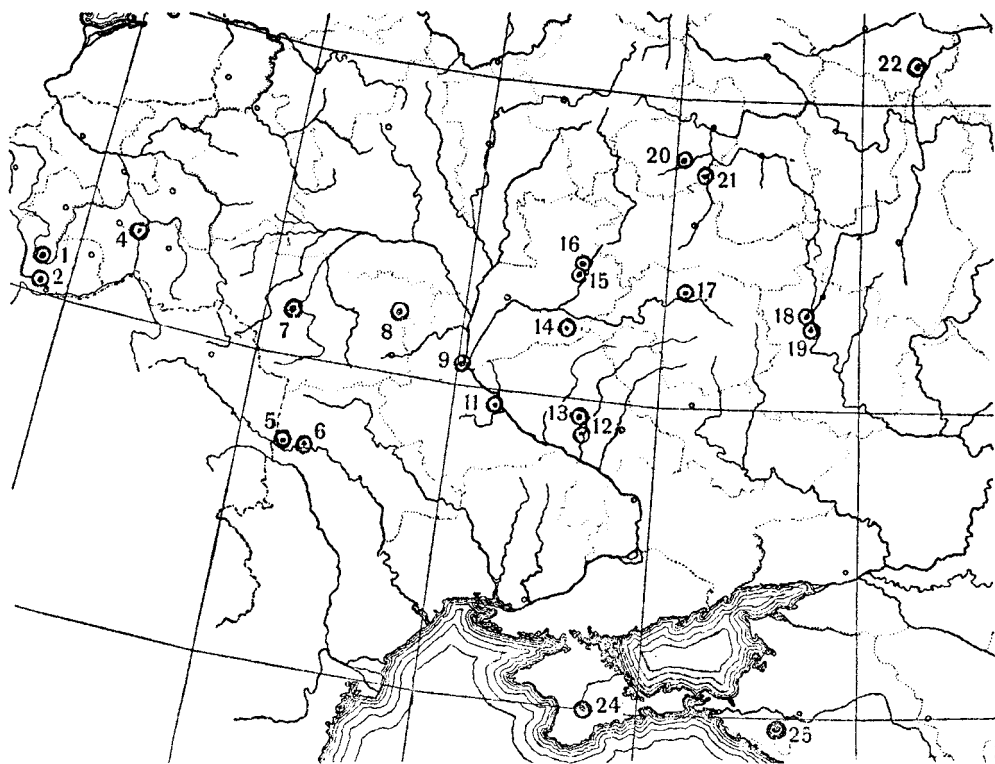
В 1915 г. А. А. Спицын в обширной статье «Русский палеолит», представлявшей собой один из его университетских курсов, обобщил имеющиеся сведения по древнекаменному веку, фактически подводя итог всему дореволюционному этапу развития доистории в России. Изложение материала предваряет небольшое теоретическое введение, в котором автор формулирует свой взгляд на специфику археологии палеолита. По его мнению, «палеолит есть особая специальная область археологии, столь близкая к естественным наукам, что еще долгое время она должна находиться в главном ведении натуралистов. Археологу доступно лишь изучение культурных остатков палеолитического периода, особенно изделий из кремня, но восстановление физических условий жизни этого времени, а также понимание геологических наслоений, в которых такие остатки встречены, находится вне его компетенции... Чем шире и глубже исследователь войдет в вопросы геологии, тем далее уйдет он от археологии. Чем успешнее подвинется он в археологии, тем более удалится от геологии. Дилемма палеолита решится в тот момент, к которому возмужают, идя параллельно в развитии, обе науки» (Спицын 1915: 133).

В целом А. А. Спицын рассматривал изучение палеолита как подразделение археологии, хотя и близкое естественным наукам, и сочетающее в себе черты геологии и археологии. В этом плане он стоял на тех же позициях, что

и П. И. Лерх, А. С. Уваров и В. А. Городцов. Конечно, сегодня рассуждения о «дилемме палеолита» и вероятном ее решении в будущем многим представляются наивными. Но, безусловно, исследователь был прав, предвидя все большее углубление специализации в области палеолитоведения.

При этом ученый подчеркивал особую сложность изучения палеолита. «Каждый археолог, вошедший в изучение палеолита деловым образом, убеждается, что имеющийся здесь материал требует продолжительных усилий для усвоения, а обработка его и добывание нового материала требует самого изысканного и специального внимания» (Там же: 134). Фраза звучит весьма актуально.

Перейдем к фактическому материалу. На прилагаемой к статье карте распространения памятников отмечено всего 25 пунктов (в тексте описано 29, включая сибирские и закавказские памятники), но лишь 16 местонахождений являются достаточно обследованными, а некоторые из отмеченных пунктов оказываются достаточно сомнительными. Описание памятников сопровождается графическими планами и разрезами, фотографиями, но таблиц находок нет. А. А. Спицын описывал палеолитические местонахождения, последовательно продвигаясь с запада на восток. Первыми следуют памятники Польши (пещера Скаржице, ныне известная как Окенник, Пекарская и Мамонтова пещеры, Новая Александрия или Гура Пулавска). Затем указаны пункты на Украине (Каменец-Подольский, Студеница, Городок, Искорость, Киево-Кирилловская стоянка, Протасов Яр в Киеве, Селище, Вязовка, Гонцы, Шаповаловка, Мезин, Дехтярево, Умрихино). Интересно, что Мезин по какой-то причине

Карта палеолитических памятников Европейской России (по: Спицын 1915)

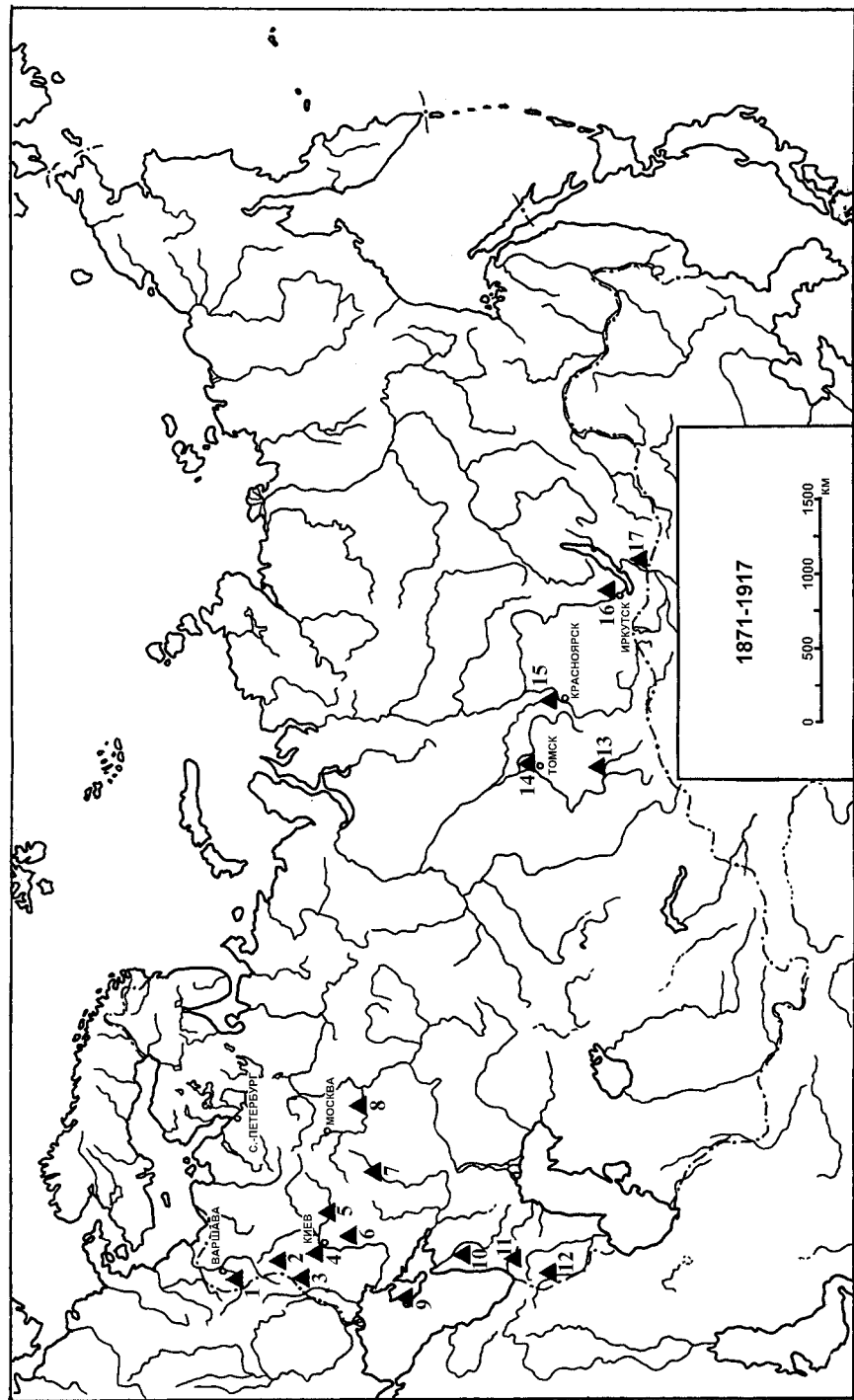
1 — Скаржице, 2 — Мамонтова пещера, 4 — Новая Александрия, 5 — Каменец-Подольск (Каменец-Подольский), 6 — Студеница, 7 — Городок, 8 — Искорость (Искоростень), 9 — Киев, 11 — Селище, 12 — Вязовка (Вязовка), 13 — Гонцы, 14 — Шаповаловка, 15 — Мезин, 16 — Дехтярево, 17 — Умрихино, 18 — Костенки, 19 — Боршево (Борщёво), 20 — Стенина, 21 — Мелтинова, 22 — Карачарово, 24 — Мазанка, 25 — Ильская

отнесен к стоянкам с переотложенными на склоне культурными остатками. На ошибочность такой трактовки справедливо указывал Н. М. Могилянский.

Далее следует описание палеолита в Костенках — этой, по образному выражению А. А. Спицына, «жемчужины русского палеолита», Боршевской стоянки, обнаруженной самим автором, а также местонахождений Стенино, Мелтиново, Карачарово. Предположительно палеолитические пункты в Волго-Уральском регионе оцениваются как сомнительные. Упомянуты мустьерские находки в Крыму (Волчий Грот) и на Кавказе (Ильская), а также сборы Жака де Моргана в Армении.

Что касается сибирской части, то, помимо находок в Томске и Иркутске, А. А. Спицын останавливается на материалах Афонтовой Горы. Примечательно, что вызывавшее много споров наличие в инвентаре этой стоянки массивных изделий нижнепалеолитического облика — скребел и чопперов (А. А. Спицын описывает их как шелльские формы орудий) связывалось исследователем с характером сырья, а не с хронологическим фактором. Автор отмечает наличие сходных типов среди находок из Батеней и горы Изых.

Описывая палеолитические стоянки, А. А. Спицын предложил своего рода типологию очагов, выделив

Карта основных центров изучения палеолита и стоянок, открытых в России до 1917 г.

1 — Окенник, Машницкая, Мамонтова, Гора Пулавска; 2 — Студенца I, Вороновица I, Врублевцы и др.; 3 — Городок I, II; 4 — Кирилловская, Прогасов Яр; 5 — Мезин; 6 — Гонцы; 7 — Костенки I, Боршево I; 8 — Карачарово; 9 — Волчий грот; Качинский навес, Стурень I, II; 10 — Ильская; 11 — Сакажия, Пещера Уварова, Пещера Бараташвили, Гварджилас-Клде; 12 — Арагац; 13 — Фоминское; 14 — Томская; 15 — Афонтова Гора I-IV, Ладейки, Переселенческий Пункт, Бирюса I; 16 — Верхоленская Гора I, Военный Госпиталь; 17 — Кяхта, Усть-Кяхта, Зарубино и др. Составлена С.А. Васильевым

среди стоянок долго- и кратковременные. Отметим, что под «очагами» исследователи того времени понимали не только собственно очажные пятна и конструкции, но и скопления насыщенного находками и окрашенного углем культурного слоя. Так, А. А. Спицын выделяет огромные по площади «очаги с костями» (нижний слой Киево-Кирилловской стоянки и, возможно, Костенки), малые очаги (Кирилловская), очаги из дерева (имеются в виду остатки палеогеновой растительности из Кирилловской стоянки, ошибочно принятые в то время за одновременные палеолитическому поселению) и «места пиршеств» древних охотников (Томская стоянка). Интересна его гипотеза о роли скоплений костей мамонта как запасов топлива, своего рода «кокса палеолита». Работа с таким названием так и не была опубликована, однако сохранилась в его архиве. Эту гипотезу исследователь попытался подкрепить результатами собственных экспериментов по сжиганию кости (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15). Описывая изделия из камня, А. А. Спицын применял смешанную и еще не вполне сложившуюся русскую терминологию. Наряду с общепринятыми терминами (нуклеусы, ножи, скребки, резцы, проколки) мы встречаем «пилы», «ланцеты», «заострения» (вместо острий).

Безусловно, основная типологическая работа в отечественной археологии палеолита была еще впереди, но уже здесь мы находим стремление к выделению типов орудий, специфических для материалов России. По мнению А. А. Спицына: «Поделки из камня в русском палеолите в общем не уклоняются от форм общеевропейских, да и не могут уклоняться, так как техника держится везде на одном материале и орудия

имеют везде одно и то же назначение. Но, во всяком случае, у нас должны быть и свои разновидности, и свои типы; особенно разность должна выразиться в изделиях из кости и их орнаменте. В Карачарове и Костенках встретились особые широкие клинья из кремня; орнамент мезинский своеобразен. Совпадая типологически с западным палеолитом, русский едва ли совпадает с ним хронологически и, во всяком случае, может не совпадать. Свой палеолит мы должны изучать самостоятельно, прибегая к западному лишь для сравнения» (Спицын 1915: 172).

Что касается периодизации отечественного палеолита, то А. А. Спицын высказывался по этому поводу с особой осторожностью: «Простой здравый смысл подсказывает, что русский палеолит не может быть простым повторением французского. Если с одной стороны несомненно, что схема Мортилье может выдержать какое угодно испытание и что она, по своей всеобщности, должна иметь применение и в России, то с другой стороны столь же очевидно, что схема эта неполна, так как она не прослеживает начала и конца культуры и, кроме того, между древним и новым периодом ее ощущается огромный пробел. В отдаленной России, а может быть особенно в Сибири, могут оказаться и искомые промежуточные формы. Во всяком случае здесь должны быть предполагаемы иные условия жизни, не может быть одного и того же на Роне и на Амуре» (Там же: 134).

А. А. Спицын отмечал мадленские типы в инвентаре верхнего слоя Кирилловской стоянки и сочетание мадленских изделий с солютрейскими остриями с боковой выемкой и ориньякскими формами в Мезине. Следует отметить,

что Костенковскую стоянку исследователь отделял от основной массы мадленских памятников, отнеся ее к более древнему периоду в пределах верхнего палеолита — возможно, более раннему, чем солютре.

Публикация А. А. Спицына была расценена палеоэтнологами как дерзкое вторжение «чужого» на свою территорию. Это вызвало незамедлительную реакцию со стороны одного из учеников Ф. К. Волкова — Н. М. Могилянского (Могилянский 1916: 328–336). Рассмотрение А. А. Спицыным геологических и археологических сторон палеолита отдельно было подвергнуто особенно жесткой критике. Адепты палеоэтнологического направления считали, что изучение палеолита обречено оставаться в русле антропологии как неотъемлемой части естествознания. Эта область исследования, по мнению Н. М. Могилянского, должна навсегда остаться за натуралистами.

Что касается других аспектов критики, то с современной точки зрения она кажется чрезмерной и местами явно несправедливой. Хотя А. А. Спицын и не был «палеолитчиком» в полном смысле слова, его обзор, за исключением мелких неточностей, содержит вполне квалифицированную характеристику основных известных памятников палеолита на научном уровне того времени. Что касается расположения материала по географическому, а не хронологическому принципу (этот момент был подвергнут критике со стороны рецензента), то подобная манера представления была, по сути, единственно возможной на том этапе изученности. На этом строились все основные до-революционные обобщающие труды по древнекаменному веку России (от А. С. Уварова до Ф. К. Волкова).

Отметим, что сам Ф. К. Волков, выступая в РАО в 1909 г., указывал в Российской империи всего «пять, по крайней мере, пунктов, в которых сделаны находки палеолитического периода, хотя и не древнейших эпох его». Давние находки К. С. Мережковского в Крыму он упоминал вскользь, приписывая их целиком и без должных оснований «турасской эпохе», т. е. мезолиту (Волков 1913а: 300). Несколько лет спустя, в обширном приложении Ф. К. Волкова к русскому изданию книги М. Гернеса можно прочесть то же самое: всего пять стоянок более-менее достоверных; все памятники хронологически очень поздние — «гораздо позже, чем в Западной Европе, где в это время мог уже начаться и неолит»; наличие «геометрических форм указывает на переход к более поздней турасской эпохе» (Волков 1914: 172–173). Между тем, как было указано выше, в публикации А. А. Спицына говорится не о 5, а о 25 стоянках на Русской равнине, а вместе с сибирскими и закавказскими памятниками их насчитывается уже 29.

Таким образом, опубликованная А. А. Спицыным сводка создавала ту источниковедческую основу, без которой любые дальнейшие суждения о памятниках выглядели поверхностными. Написанная без претензий на конечные истины, она тем не менее ясно свидетельствовала: инициатива планомерного изучения древнейшей эпохи на территории России уже в какой-то мере упущена Ф. К. Волковым и его окружением. Казалось бы, самая необходимая, простая и результативная операция — детальная сводка, описание и картографирование материалов — за истекшие годы так и не была выполнена ни им самим, ни его учениками. Представляется, что

за «сильными выражениями» рецензента на деле сквозили досада и недоумение: как же случилось, что такая работа оказалась проделана «чужим»?

Сводка А. А. Спицына подводила определенный итог полевым работам по палеолиту в дореволюционной России. По выражению С. Н. Замятина, то был «сигнал о бедственном состоянии этой отрасли археологического знания» (Замятин 1946: 13; Палеолит... 1984: 12–13). Однако данное утверждение стоит оценивать с необходимой поправкой на эпоху, в которую оно прозвучало.

Напомним, что первые опыты построения периодизации русского палеолита относятся к более позднему времени (труды В. А. Городцова и П. П. Ефименко 1920–1930-х гг.) (Городцов 1923; Ефименко 1928; 1938). Несмотря на прогресс в деле первичной аккумуляции фактических данных, русская археология первых десятилетий XX в. еще не вышла на уровень создания собственных схем периодизации палеолита.

Действительно, доисторическая проблематика в русской дореволюционной археологии занимала более чем скромное место по сравнению с изучением классических и славяно-русских древностей. В этом плане Россия отставала и по количеству известных местонахождений, и по степени их осмысления не только от Франции — основной «палеолитической державы» того времени, но и от Испании и Германии. Вполне возможно, что приоритетное развитие науки о палеолите в рамках палеоэтнологического направления трудами естественнонаучных учреждений и обществ отчасти способствовало тому, что ИАК «отказалась» от конкуренции в этой области.

Стоит отметить и другое. В отечественной науке уже с рубежа 1870–1880-х гг. довольно активно применяются термины «неолит» / «неолитическая эпоха» и «палеолит» / «палеолитическая эпоха» (Уваров 1881). Однако характерно, что еще в 1900-х гг. сотрудники ИАК, и даже А. А. Спицын, продолжают употреблять обобщающий термин «каменный век», переходя к дифференцированной терминологии лишь позднее. Представляется, что за этим стоит определенное концептуальное запаздывание. Лишь в проекте реорганизации Археологической комиссии в Академию истории материальной культуры в 1918–1919 гг., ввиду расширения научных интересов этой организации, притока в нее новых членов, а также общепризнанных успехов палеоэтнологии в изучении археологии камня, эта проблематика получает свое законное место в структуре нового учреждения. Так, согласно проекту, в этнологическом отделении РАИМК значатся разряд палеолита и разряд неолита и медного века (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 2. Л. 18). Еще ранее, летом–осенью 1918 г., планируя будущую научную деятельность РГАК, в частности, ее доисторического отдела, А. А. Спицын предполагал уделить приоритетное внимание изучению мадлена и сибирских стоянок этого периода, а также исследованию неолита в «районе северных озер», включая классификацию керамики (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 51).

Подводя итог развитию науки о древнекаменном веке, А. А. Спицын писал: «Материал по палеолиту в России должен быть по крайней мере немалый. Старый пример Костенок и новый Мезина показывают, что русский палеолит в действительности может

принять внушительные размеры. Уже теперь могут быть поставлены ясные задачи для исследований. Если бы можно было надеяться найти должные суммы на раскопки и преданных делу исследователей, то еще на наших глазах палеолит России, надо надеяться, занял бы в науке далеко не последнее место» (Спицын 1915: 134).

Этот прогноз А. А. Спицына оправдывается впоследствии, уже после революционных бурь и трансформации ИАК в ведущее учреждение археологической науки на пространстве бывшей Российской империи.

Вышеприведенный обзор, изобилующий громкими начинаниями, колоритными сюжетами и амбициозными планами, способен поколебать расхожее мнение об исключительном интересе ИАК к античным и скифским памятникам Северного Причерноморья. В сущности, на всех этапах своей

истории Археологическая комиссия рассматривала первобытные древности как подлежащие ее ведению. При этом она должна была соизмеряться с силами своего незначительного кадрового состава и соблюдать определенные приоритеты, налагавшиеся на нее как на учреждение Министерства двора. В ту эпоху, по крайней мере для ИАК, речь шла исключительно о накоплении археологического материала, которое не носило еще целенаправленного характера, но не о систематизации этого материала. Но, так или иначе, ИАК принимала участие и в изучении отдельных памятников каменного века, и в формировании источниковой базы, ставшей основой дальнейших широкомасштабных исследований археологов XX в.

Н. И. Платонова, А. Е. Мусин,
С. А. Васильев

ГЛАВА VII

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СИБИРИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Обширную территорию Сибири, простирающуюся от Уральских гор до Приморского края и вобравшую в себя многочисленные древности различных эпох, народов и культур, целесообразно рассматривать по условно выделенным регионам — Западная, Восточная и Южная Сибирь и Забайкалье. В административном отношении во второй половине XIX — начале XX в. эта территория подразделялась на четыре губернии и четыре области: Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, Забайкальская, Якутская, Амурская и Приморская области. Отделенный хребтами Западных и Восточных Саян Урянхайский край (ныне Республика Тыва) является северо-западной окраиной Центральной Азии.

Исследование древностей Сибири, находящейся за тысячи километров от культурных и научных центров европейской части России, происходило по другой «схеме», нежели изучение памятников на юге России или в Средней Азии, где работы проводили либо сами члены Археологической комиссии, либо направленные ею специалисты — историки, востоковеды или просто энтузиасты. В Сибири ИАК вступала в контакты с местными краеведами, преимущественно чиновниками, офицерами, учителями и политическими ссыльными, но также и художниками, писателями, крупными учеными

и простыми крестьянами, отчасти направляя и контролируя их работу и выдавая разрешение на исследования, сохраняя полученную ими историко-археологическую информацию в своем архиве, а иногда и финансируя их полевою деятельность и печатные труды (об этом см.: Длужневская 2011).

В археологическом отношении в середине XIX в. территория Сибири, несмотря на отдельные раскопки и приобретение случайно найденных древностей, начатые еще в петровскую эпоху, являлась в полном смысле terra incognita (Радлов 1888: приложения). Однако уже в 1860-х — начале 1870-х гг. в архив ИАК начали поступать материалы раскопок стоянок, курганов, могил и обследований иных видов памятников в разных уголках Сибири. В период с 1872 по 1881 г. в исследовании местных древностей наступает заметный спад — Открытые листы на раскопки в Сибири не запрашивались и не выдавались. В 1880-е гг. и вплоть до Гражданской войны в Южной Сибири наиболее активно работали А. В. Адрианов (1883–1904 гг.); Д. А. Клеменц (1888–1890 гг., 1898 г.); И. Т. Савенков (1884–1901 гг., 1912 г.) и И. П. Кузнецов-Красноярский (1907–1911 гг.). Раскопки в Западной Сибири осуществляли С. К. Кузнецов (1887, 1889, 1891 гг.); А. О. Гейкель (1893–1894 гг.); С. М. Чугунов

*Василий Васильевич Радлов. Фото 1900-х гг.
(ФО. Нег. I 124637)*

(1895–1897 гг., 1899 г.); Г. О. Оссовский (1895–1896 гг.), а также Н. Ф. Кашенко (1896 г.) и П. С. Проскураков (1897 г.). Ю. Д. Талько-Грынцевич (1897, 1899, 1900 гг.) и Б. Э. Петри (1913 г.) производили исследования в Забайкалье; С. Р. Минцлов (1914 г.) и А. В. Адрианов (1915–1916 гг.) — в Урянхайском крае.

Первым и наиболее значимым исследователем, которому ИАК поручила изучение сибирских древностей, был преподаватель Барнаульского горного окружного училища Василий Васильевич Радлов. С именем этого ученого, впоследствии крупнейшего языковеда, фольклориста, этнографа, археолога, связаны развитие отечественной и мировой тюркологии второй половины XIX — начала XX в., начало научного подхода к археологическим материалам и использование их в качестве исторического источника.

Известно, что В. В. Радлов (Фридрих Вильгельм Радлов) родился в Берлине и получил историко-филологическое образование в местном университете (см. главу I). В 1858 г., вскоре после окончания учебы, он защитил докторскую диссертацию по теме «О влиянии религии на народы Азии» и в том же году приехал в Петербург для занятий при Азиатском музее.

В его научной деятельности в России прежде всего следует выделить алтайский период (1859–1871 гг.), когда он служил учителем в Барнауле, занимался собиранием лингвистического, фольклорного и этнографического материала и начал сотрудничать с Императорской археологической комиссией.

В. В. Радлова к археологическим исследованиям подтолкнуло полное отсутствие письменных источников в области истории изучавшихся им народов. В начале 1862 г. он сообщил в ИАК о своем намерении заняться раскопками курганов в Киргизской степи. В ответ он получил письмо, подписанное С. Г. Строгановым: «Вполне одобряя Вашу мысль, так как результаты разрытия этих курганов, кроме других данных, послужат, может быть, к ближайшему указанию путей переселения финских племен из Азии в Европу, я готов содействовать Вам в выполнении Вашего намерения небольшими денежными средствами вверенной мне комиссии. На первый раз я полагал бы назначить Вам на этот предмет, т. е. на раскопки и разъезды Ваши, всего около 300 руб. Если Вы согласны на это предложение, то я прошу Вас сообщить мне дальнейшие соображения Ваши о раскопках курганов в Киргизской степи: т. е. где именно полагаете производить раскопки, когда Вам можно будет приступить к делу, не потребуется

ли Вам содействия со стороны местного начальства и т. п. Инструкция для производства Ваших изысканий будет мною доставлена Вам по получении означенных соображений» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 4. Л. 7 — 7 об.).

В 1860-е гг. он работал на обширной территории — от Енисея на востоке до Илийской долины на западе, в Енисейской и Тобольской губерниях, Монголии и Западном (Русском) Туркестане, хотя первоначально Кабинетом его величества, управлявшимся покровительствовавшим В. В. Радлову бароном П. К. Мейендорфом, В. В. Радлову было поручено проводить исследование Алтайского округа в естественно-историческом и этнографическом отношениях и совершать поездки в свободное от служебных занятий время, для чего ему было выделено ежегодное денежное пособие (до 700 руб. серебром). Средства вносились в Алтайские заводские сметы в течение 5 лет, затем финансирование было продлено еще на пять лет (Артюх 2003: 20; 2010).

Научные задачи, которые В. В. Радлов определил для себя, заключались в изучении языков тюркоязычного населения, собирании образцов фольклора и материалов по этнографии, что должно было сопровождаться особым вниманием к памятникам материальной культуры регионов исследования. К исполнению своего плана он приступил летом 1860 г., совершив поездку в Бийский округ, по долинам рек Чуя и Катунь, а весной 1861 г. — на Западный Алтай, к Телецкому оз. и в Урянхайский край, в район оз. Кара-Холь. В сентябре 1861 г. В. В. Радлов присутствовал при раскопках нескольких курганов близ Барнаула, проводившихся французской экспедицией доктора Г. Менье и барона Л. де Эйхталя (Там же).

По их окончании В. В. Радлов отослал в ИАК краткий очерк об исследованиях с рисунками найденных вещей. Именно тогда он убедился в необходимости «соединить археологические исследования с этнографическими и лингвистическими...», так как «единственными источниками для истории передвижения древних народов по Южной Сибири должны служить остатки самих этих народов, остатки и людей, и вещей, хранящиеся в курганах...» (цит. по: Там же), т. е. в необходимости изучения во взаимосвязи истории тюркских народов, этнографии, археологии и лингвистики. Таким образом, В. В. Радлов первым начал внедрять комплексный метод исследования на Алтае.

В контакте с Археологической комиссией В. В. Радлов работал с 1862 г. По ее поручению в первый год он исследовал два средневековых кургана в Кулундинской степи у с. Боровой Форпост, курган на левом берегу Иртыша, два кургана близ Терсакапского пикета, один — в долине р. Каркары. Все они носили «следы прежних раскопок» и были ограблены. В небольших курганах близ Барнаула были найдены: бронзовая пряжка, медное украшение, остатки пояса, кожи, обломок железного ножа, полуистлевший кусок резного дерева. Из 22 курганов, исследованных в окрестностях Копала, только один оказался «неразорненным», во всех остальных лежали разрозненные кости человеческих скелетов. В детской могиле была найдена золотая бляшка в виде четвероногого животного, являвшаяся украшением одежды. Раскопки 14 курганов близ Сергиополя показали, что они также не уцелели от прежних расхищений. Только в двух были найдены фрагменты грубо сделанных глиняных сосудов. Результаты своих

исследований В.В. Радлов признал неудачными, объясняя это ограбленностью погребений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 4; ОИАК за 1862 г. 1863: XIX–XXII; Радлов 1989: 452, 454). В 1863 г. по поручению российского правительства и на средства Горного управления он отправился на Восточный Алтай изучать быт «нерусского» населения. Тогда же Археологическая комиссия выделила ему средства на исследования в бассейне Абакана в Минусинских степях и у г. Красноярска, где В.В. Радлов раскопал около семидесяти археологических объектов, в том числе курганы эпохи бронзы и железного века (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 8. Л. 1, 7–9; Радлов 1989: 454; Вадецкая 1973: 108–110).

Необходимо отметить, что совместные исследования В.В. Радлова и ИАК предвосхитили идеи К.М. Бэра и П.И. Лерха, причем последнему удалось заинтересовать Комиссию своим проектом и получить финансовую поддержку для своих исследований в Олонечкой, Вологодской и Пермской губерниях (подробнее см. главу VI). Стоит напомнить, что в 1864 г. К.М. Бэр, придававший большое значение роли миграций в истории, в своей статье «Записка о снаряжении археолого-этнографических экспедиций в пределах Российского государства» указал на важность исследования археологических памятников Сибири для уточнения этой роли (Бэр 1864). Годом позже, еще не будучи сотрудником Комиссии, П.И. Лерх подает в ИАК свои «Соображения об археологической поездке в северо-восточные губернии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 15. Л. 1–14), предлагая начать исследование «рассеянных по северу Европейской России, равно как и за Уралом до Даурии, памятников древности, в особенности...

могил и городищ...». Ссылаясь на распространённую тогда гипотезу о «тождестве Чуди и Скифов», он отмечал, что «рассмотрение этого вопроса останется преждевременным, пока не будет систематическим образом исполнено обозрение Европейской России и Западной Сибири в археологическом отношении». Таким образом, параллельную деятельность В.В. Радлова и П.И. Лерха стоит рассматривать как двуединый замысел комплексного изучения первобытных древностей России и Сибири, который хоть и не получил официального выражения в документах Археологической комиссии, но несомненно был присущ деятельности ИАК «эпохи Строганова».

В 1865 г. В.В. Радлов произвел раскопки на р. Урсуле при Ангодайской (совр. Онгудайской), в Чуйской и Берельской степях, на берегах р. Катанды. На р. Урсуле он исследовал 7 курганов: два были ограблены ранее; в одном находилось погребение человека, у головы которого был помещен глиняный остроконечный сосуд; четыре оказались поминальными сооружениями, не содержащими могил. Из 8 курганов на р. Тобажок четыре содержали могилы, в которых только при одном погребенном был положен железный ножичек; во втором находился скелет лошади с удилами во рту; остальные три, по-видимому, «были насыпаны с иной целью» и не заключали в себе могил (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 8. Л. 15–17).

Около Катандинской деревни он обследовал два кладбища. В первом в качестве наиболее примечательных им были отмечены захоронение коня, под которым лежали завернутые в шубу брюки из грубой ткани и чулки из тонкого войлока; погребение женщины в истлевшем головном уборе

с медными украшениями, серьгами, серебряным кольцом, каменным кружком от веретена и бруском. В одном из мужских погребений были обнаружены железные и костяные наконечники стрел, нож, копье и обломки лука. На втором кладбище в 9 маленьких курганах В.В. Радловым были открыты четыре нетронутые могилы. В одной были зафиксированы кости лошади, железные витые удила с кольцами, пара стремян и пряжка. Ниже лежали останки человека, при котором находился прямой меч и 17 трехгранных железных и костяных стрел, в изголовье стоял серебряный сосуд с ручкой. Во второй могиле ниже костяка лошади был найден скелет человека с кресалом и несколькими железными стрелами. Еще две могилы имели такое же устройство, но с совершенно истлевшими скелетами. При одном находились обломки какого-то костяного предмета, 7 железных стрел, железный заступ, костяная пряжка от пояса; при другом только 5 железных стрел. Судя по устройству могильных ям и обнаруженным изделиям, это погребения древних тюрок, датируемые, вероятно, VIII–IX вв. (Р.О. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 8. Л. 17 — 18 об.)

В Берельской степи В.В. Радлов исследовал 7 курганов. Главный курган имел диаметр 28 м и высоту 5 м. Под каменным наземным сооружением находилась огромная яма, заваленная мерзлой землей, песком и крупными камнями, на дне которой был установлен деревянный сруб, покрытый с одной стороны тщательно отесанными досками, с другой — берестой, где по четыре в каждом ряду лежало 16 лошадей. На них находились деревянные и берестяные украшения и тонкие золотые узорчатые пластинки. С южной стороны оказалась прикрытая берестой

колода, по четырем углам которой находилось по одной вылитой из меди птице — с поднятыми и опущенными крыльями. За срубом шла простая яма, заполненная глиной и галькой; на самом дне ее лежали кости ног, рук и несколько ребер человека, около них — тонкие золотые украшения.

При раскопках трех курганов, расположенных поблизости от большого, были найдены погребения, аналогичные описанным выше древнетюркским; в одном были захоронены три лошади, с серебряными и костяными уздечными украшениями, при человеке найдены железный меч, два ножа, остатки панциря, следы серебряных пластинок, костяная пряжка и др.

В 2 км севернее В.В. Радлов исследовал еще несколько памятников — под одним было 3, под другим 5 скелетов лошадей, головы последних были украшены тонкими золотыми и серебряными пластинками, просверленными кабаньими клыками. Посредине ямы находились раздавленная глиняная посуда, половина скелета человека, золотые пластинки от украшения одежды, железные ножичек и кинжал, рукоятки которых обложены тонким листовым золотом (Там же. Л. 21 об. — 26 об.).

Для В.В. Радлова, производившего раскопки большого количества памятников, 1865 год ознаменовался открытием Большого Катандинского кургана, с вечной мерзлотой и уникальными по сохранности предметами искусства, одежды и утвари древних алтайских племен (Там же. Л. 65; ОИАК за 1865 г. 1866: XV–XIX; Радлов 1989: 442–451).

На правом берегу р. Оми В.В. Радлов обнаружил огромное кладбище, раскопки 20 маленьких и двух больших курганов не принесли особенных результатов, курганы были и граблеными,

*Остатки халатов. Большой Катандинский курган. Раскопки В.В. Радлова, 1865 г.
(ФО. Отп. Q 441-38)*

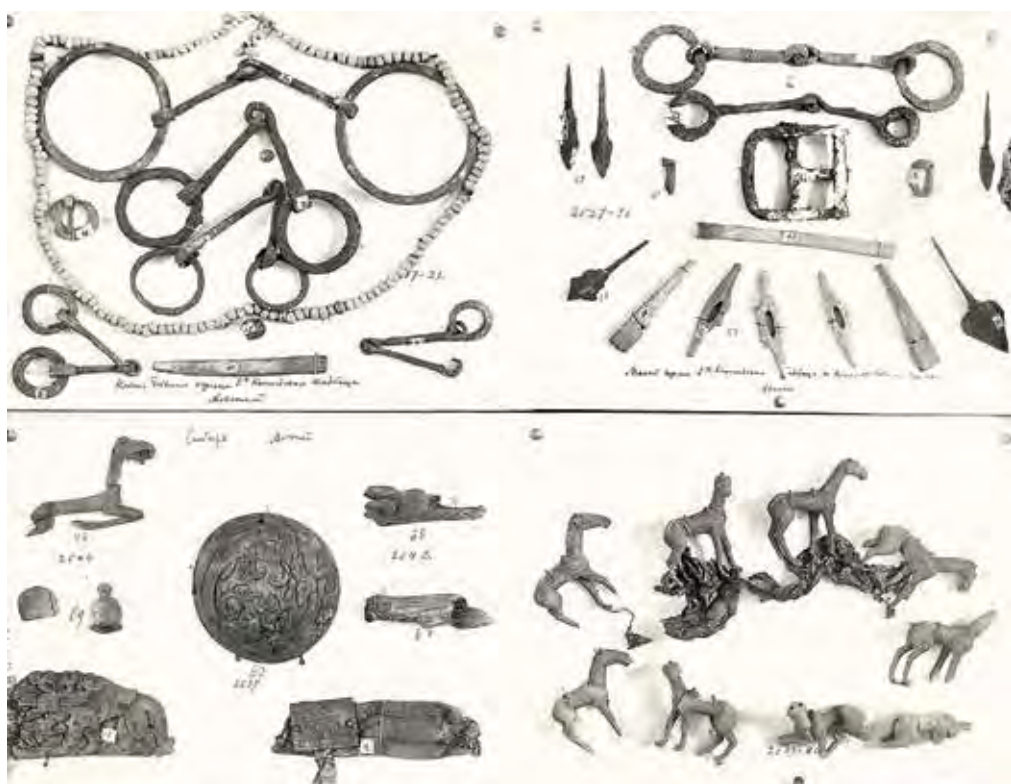
и изначально «малоимущими». На самом берегу Оми исследователь увидел местность, которую местные жители называли «крепостью». Заложив траншею, по всей длине ее он выявил обломки глиняных горшков с разными украшениями, формочки для отливки, множество древесного угля, жженые кирпичи и т. п. Скорее всего, это было городище, но по столь скудным данным определить его датировку В.В. Радлов не решился. В районе г. Павлодара и в Семипалатинске он раскопал ряд небольших «бугров». В курганах близ Павлодара умершие были похоронены с лошадьми с инвентарем из железа. В одном из погребений в Семипалатинске обнаружен скелет человека, лежавшего на спине, головой на запад, с яшмовыми бусами на шее и медным зеркалом на груди, по краям которого

нанесена китайская иероглифическая надпись. В ногах был железный котел с носиком. Датировка данного погребения не выходит за рамки эпохи средневековья.

В.В. Радлов побывал на Аблайкитских развалинах в 50 км от Усть-Каменогорска и исследовал остатки главного строения. Аблайкитские палаты, возведенные в эпоху средневековья из гранитных, довольно тщательно отесанных плит, стояли на земляном возвышении, обрамленном стеной из неотделанного плитняка, скрепленного цементом. Полы внутри были сделаны из утрамбованной земли (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 8. Л. 53 — 54 об.; ОИАК за 1866 г. 1868: XVI–XXV). В архиве Археологической комиссии не сохранилось фотографий Аблайкитских развалин, исполненных В.В. Радловым, но их общий

Фрагмент ткани. Большой Катандинский курган. Раскопки В.В. Радлова, 1865 г.
(ФО. Отп. Q 441-57)

Планшеты с находками из курганов древнетюркского времени, XVII–XVIII вв. и пазырыкских.
Катандинский могильник. Раскопки В.В. Радлова, 1865 г. (ФО. Отп. Q 441-39)

Развалины Аблайкет-Палат. Фото Л.К. Полторацкой, 1876 г. (ФО. Отп. Q 171-22)

вид зафиксирован на снимке 1876 г., сделанном фотографом Л.К. Полторацкой. Фотофиксация раскопок курганов в 1866 г. не производилась.

Тем не менее В.В. Радлову удалось собрать коллекцию рисунков и зарисовок металлических изделий из памятников Западной Сибири, исследованных в 1865–1870 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 8. Л. 56 — 59 об., 65), которые были опубликованы в одном из томов издаваемых ИАК «Сибирских древностей» (Радлов 1894).

На основе собственных исследований В.В. Радлов создал первую периодизацию археологических памятников, которая могла быть применена для обширной территории. Он подразделил их на четыре периода: к медному и бронзовому отнесены курганы с бронзовыми изделиями, без каких бы то ни было следов железа. Сюда были включены открытые им в долине

Абакана погребения эпохи бронзы, относимые сегодня к афанасьевской и карасукской культурам, а также некоторые писаницы (наскальные изображения) и горные выработки. К древнему железному периоду — курганы с бронзовыми и железными орудиями и оружием. К этому периоду он отнес впервые раскопанные им курганы пазырыкского типа; к новому железному веку — те из курганов, которые местное население считало «кыргызскими», хотя к историческим кыргызам эти памятники не имели непосредственного отношения. Он также выделил памятники позднейшего железного периода, охватывавшие курганы вплоть до этнографической современности.

В целом раскопки В.В. Радлова, которые он осуществил при поддержке Комиссии, были проведены на уровне, в ряде случаев превосходившем методику многих археологов тех лет.

Как видно из его отчетов, присланных в ИАК, он старался раскапывать курганы, полностью снимая наземное сооружение и целиком расчищая могилу; для фиксации материала составлял схематические чертежи, показывающие конструкцию кургана и положение погребенных. Однако исследователь не всегда строго придерживался принятой им методики. Большой Катандинский курган, например, был раскопан при помощи траншеи, что привело к тому, что конское захоронение, доисследованное почти 100 лет спустя А. А. Гавриловой, осталось им не замеченным (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 22 — 22 об.; Вайнштейн, Кляшторный 1972: 27–29).

Помимо значительных достижений В. В. Радлова в археологии результатом его ежегодных путешествий был постоянно накапливавшийся этнографический и лингвистический материал. Барнаульский музей, пополнявшийся находками экспедиций В. В. Радлова, принял участие в Общероссийской антропологической выставке, организованной в 1879 г. Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. За коллекцию древностей из Сибири, состоявшую из «чуждских вещей, костюмов, орудий, инструментов и разной утвари азиатских народов», Барнаульский музей получил серебряную медаль; часть предметов коллекции была оставлена в Москве (ГААК. Ф. 66. Оп. 1. Св. 8. Д. 34. Л. 30–68).

Научные результаты своих путешествий В. В. Радлов начал публиковать в годы пребывания на Алтае в виде как отдельных статей, так и отчетов, присланных им в Императорскую академию наук. Исследования наречий тюркских племен были оценены в Академии наук «как совершенно необходимые»

и «достойные напечатания». По инициативе Академии с 1866 г. началось издание его фундаментального сочинения «Образцы народной литературы тюркских племен», продолжавшееся до 1907 г. (СПб., 1866–1907). Не меньшее значение для науки имеют другие крупные работы В. В. Радлова, написанные по материалам алтайского периода: «Из Сибири» (Radloff 1884; Радлов 1989) и «Опыт словаря тюркских наречий» (Радлов 1893–1911) (Кононов 1972: 10). Лингвистическая работа В. В. Радлова — это один из первых опытов сравнительно-исторического исследования тюркских народов и введение в научный оборот нового фактического материала. В алтайский период своей деятельности В. В. Радлов сформировался как основатель комплексного метода исследований, в сферу интересов которого вошли история, археология, этнография, лингвистика и другие науки. В этот же период были проведены практически все его самостоятельные археологические работы.

Позднее, в казанский период (1871–1884 гг.), он занимал должность окружного инспектора магометанских школ, изучая приволжские и башкирские тюркские говоры, чувашский и черемисский языки. Петербургско-петроградский период деятельности длился с 1884 г. до кончины ученого в 1918 г. В это время В. В. Радлов стал не только организатором и председателем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА), начавшим изучение древностей Восточного (китайского) Туркестана, но и председателем правления Общества изучения Сибири и улучшения быта ее народов, руководителем многих научных археологических, этнографических и лингвистических экспедиций и поездок.

В 1891 г. В.В. Радлов организовал экспедицию Императорской академии наук для исследования древних памятников долины р. Орхон в Монголии, в 1898 г. — Турфанскую во главе с Д. А. Клеменцем. Сам он раскопочною деятельностью более не занимался. Одновременно с В. Томсеном, расшифровавшим древнее руническое письмо, Радлов работал над переводами Орхонских надписей (Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907; Ольденбург 1918: 1233–1236; Щербак 1972: 54–63).

Несмотря на то, что со временем интенсивность контактов В.В. Радлова с ИАК существенно снизилась, в 1886 г. он был утвержден членом-корреспондентом Комиссии, а в 1888 г. Комиссия издала первый выпуск его труда «Сибирские древности». Следующие выпуски «Материалов по археологии России», посвященные Сибири, были изданы в 1891, 1894 и 1902 гг. (Радлов 1888; 1891; 1894; 1902). Необходимо отметить, что сибирские древности стали первыми археологическими материалами, изданными ИАК после 15-летнего перерыва. Первые два выпуска МАР были посвящены Геродотовой Скифии и опубликованы в 1866 и 1872 гг. соответственно. Это свидетельствовало о существовании определенных приоритетов в издательской деятельности Комиссии в это время. Инициатива публикации принадлежала самому В.В. Радлову, и уже 17 октября 1883 г. ИАК выслала ему необходимые для издания материалы его раскопок 1862, 1865–1866 и 1870 гг., а также коллекцию древностей краеведа из Красноярска И.В. Александрова, собранную на правом берегу Енисея. Позднее, в 1886 г., ИАК обращалась в РИМ с просьбой предоставить для тех же целей коллекцию сибирских древностей

И.А. Лопатина (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 46. Л. 1 — 1 об., 6–7) (подробнее см. главу I).

Издание «Сибирских древностей» в середине 1880-х гг. ознаменовало начало новой исследовательской политики ИАК в отношении истории и культуры Сибири, что было связано с приходом в Комиссию нового председателя — графа А.А. Бобринского. Как и в случае со славяно-русскими древностями, памятниками Западного Кавказа и Прикубанья (см. главы I, IX, XI), для Сибири была намечена комплексная программа исследований края по отдельным регионам, которая, как и некоторые другие проекты Комиссии, так и осталась до конца не осуществленной. Известно, что ИАК активно поддерживала инициативу исследователей на местах. Так было и в случае с изучением Сибири.

В 1886 г. Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894), член-сотрудник Императорского Русского археологического общества, решил предпринять путешествие по Сибири и предложил А.А. Бобринскому «свои услуги по части собрания сведений об всех археологических коллекциях и работах в Западной и Восточной Сибири, а также различных древностях, памятниках и сохранившихся архивах» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 28. Л. 1). А.А. Бобринский ответил ему письмом от 12 мая, где было написано следующее:

«Императорская археологическая комиссия очень благодарна Вам за готовность Вашу оказать ей содействие при предстоящей Вам ныне поездке в Сибирь. <...> Императорская археологическая комиссия покорнейше просит Вас главным образом собрать возможно подробные сведения об археологических исследованиях, произведенных

в последние 25 лет в Западной и Восточной Сибири как частными лицами, так и равными правительственными учреждениями (за исключением раскопок В.В. Радлова, которые велись под ближайшим руководством самой Комиссии), равно как и о случайных археологических находках и об общественных и частных коллекциях местных древностей, которые имеются в разных сибирских городах, например: собрания в Тобольске (Знаменского), Омске (Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества), Тюмени (Словцовская), Томске (Адриановская и Университетская), Минусинске (Мартыановская), Красноярске (Александровская и Савенковская), Иркутске (Восточно-Сибирского отдела Географического общества) и другие.

Затем Археологическая комиссия была бы Вам, конечно, очень признательна за сообщение ей указаний хотя на главнейшие остатки древности (курганы, городища, пещеры, изваяния, надписи и пр.), которые Вы будете иметь случай или сами видеть при Ваших поездках или занести в Ваши дневники по указаниям других лиц» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 28. Л. 2, 2 об.).

Часть памятников в Минусинской степи Н.М. Ядринцеву показал Д.А. Клеменц. Пораженный их количеством Н.М. Ядринцев отметил, что «ничего подобного он нигде не видел» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 23. Л. 113).

В ноябре 1886 г. ИАК искренне благодарила Н.М. Ядринцева за приобретение в Сибири некоторых предметов и возместила их стоимость в размере 25 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 28. Л. 7). Приобретенные в с. Абаканском Минусинского округа бронзовые топорик и кинжал были переданы в Эрмитаж; приобретенные в Тобольской

губернии у татар серебряные подвеска и ажурной работы браслет — в Этнографический музей Императорской академии наук (Там же. Л. 11–14). Кроме того, Н.М. Ядринцев представил в ИАК от имени Д.А. Клеменца составленную последним археологическую карту Минусинского округа. ИАК предполагала издать ее в сборнике минусинских древностей, а ее составителю отправила в Томск 120 руб. «назначенных Комиссией за означенный труд» и просила в дальнейшем сообщать обо всех древностях, которые представляют научную ценность (Там же. Л. 15–16).

В 1889 г. под руководством Н.М. Ядринцева состоялась первая Орхонская экспедиция, организованная Восточно-Сибирским отделом ИРГО. Одна из целей экспедиции заключалась в точном определении местоположения Каракорума — столицы первых Чингисидов. В долине р. Орхон было осмотрено городище Карабалгасун и обнаружены остатки значительных погребальных сооружений с мраморными статуями людей и животных. Сенсационным открытием стала находка каменных стел с руническими и китайскими надписями. Экспедиция Н.М. Ядринцева скопировала только небольшую часть текстов. Однако в архив ИАК поступили снимки прорисовок тюркских и древнемонгольских надписей из Карабалгасуна и Кошо-Цайдама.

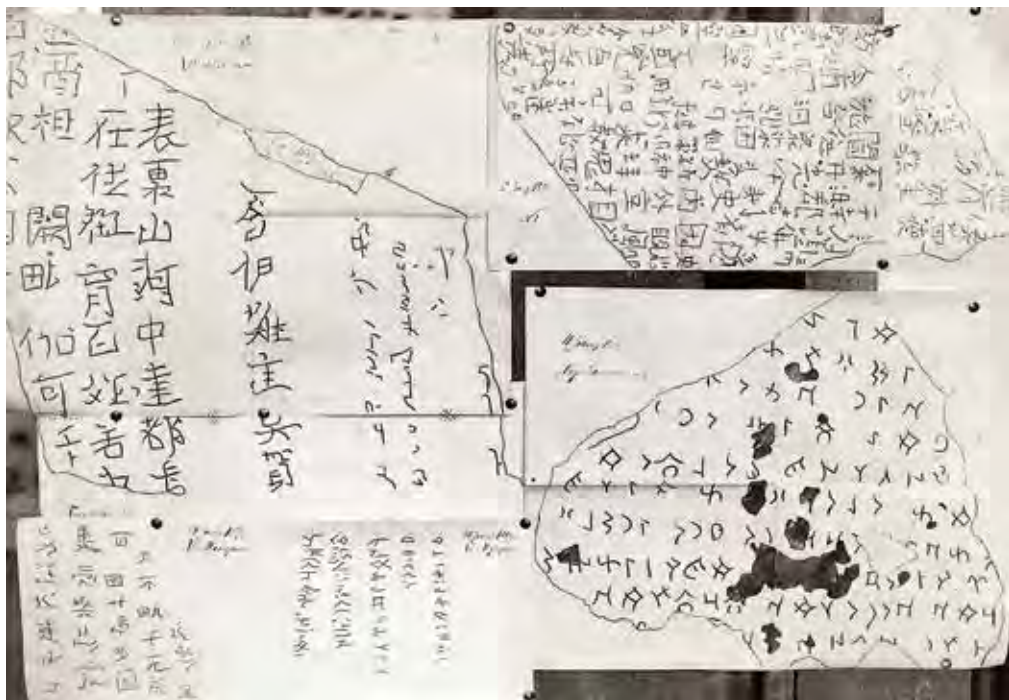
Через два года в Монголии развернулись работы Орхонской академической экспедиции под руководством В.В. Радлова. Экспедиция провела археологическое обследование всего комплекса орхонских памятников и сделала копии надписей. Результаты работ были опубликованы в четырех выпусках «Атласа древностей

Археологическая карта Минусинского округа, составленная Д. А. Клеменцем и доставленная в ИАК Н. М. Ядринцевым (РО. Р-1. Д. 1250. Л. 1)

Монголии» (Т. I–IV. СПб., 1892–1899). Естественно, ИАК была информирована об этих работах, тем более что участниками экспедиции были и ее представители в Сибири В. В. Радлов, и Н. М. Ядринцев, и Д. А. Клеменц.

Как было отмечено, одним из «проводников» Н. М. Ядринцева по сибирским древностям был Д. А. Клеменц, который также сотрудничал с ИАК и выполнял в Сибири различные научные поручения. Сосланный сюда в 1881 г.

Прорисовки древнетюркских и древнемонгольских надписей из разных мест. Экспедиция на Орхон в 1889 г. под руководством Н. М. Ядринцева. 1890 г. (ФО. Отп. Q 441-52)

за свою политическую деятельность, он почти 15 лет провел в Минусинске, Томске и Иркутске. Уже в 1883 г. он начал обследовать археологические памятники в верховьях рек Томь и Абакан, а в 1886 г. выпустил книгу «Древности Минусинского музея». С 1888 г. Д. А. Клеменц получал от Комиссии Открытые листы на право раскопок и средства на археологические исследования. В частности, в течение мая-июня 1888 г. он раскопал в Ачинском округе 6 курганов, три из которых были с насыпями, а три представляли собой каменные круги. Все оказались с могилами бронзового века, в инвентаре которых не было встречено железных орудий.

В сентябре 1888 г. Д. А. Клеменц писал в ИАК В. Г. Тизенгаузену, что в данное время не может прислать

полный отчет о произведенных раскопках, но находит необходимым в общих чертах уведомить ИАК о ходе своих занятий. Задержку с отправкой находок в Петербург он объяснял плохим состоянием сибирских дорог весной, что вынуждало его ждать становления зимнего пути, с одной стороны, и отсутствием упаковочного материала — с другой. Он также сообщал, что хотел бы отправить в Москву антропологу Д. Н. Анучину полученный во время раскопок костный материал для определения. Относительно приобретения вещей для Комиссии он писал, что «покупка древностей, благодаря обилию местных любителей, подвигается туго. Вещи, купленные до сих пор, крайне банальны. Ни одной интересной новинки приобрести не удалось» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 23. Л. 4-5).

Д.А. Клеменц и Н.С. Гуляев. 1913 г. (ФО. Отп. О.2511-1)

КЛЕМЕНЦ Дмитрий Александрович (15.12.1848 — 8.01.1914) — народник, этнограф, археолог. В 1867–1871 гг. учился в Казанском, а затем Петербургском университетах. Один из инициаторов «хождения в народ», член «Земли и воли». С конца 1878 — начала 1879 г. редактор журнала «Земля и воля». В 1879 г. арестован, в 1881 г. выслан в Восточную Сибирь. В Минусинске начал научную деятельность. Экспедиции Клеменца в Кузнецкий Алатау, Саяны, Урянхайский край, Монголию, Турфан внесли вклад в изучение географии, геологии, этнографии и археологии этих областей. В 1887 г. избирается членом-корреспондентом Московского географического общества, а позднее — действительным членом Общества любителей естествознания. В ходе экспедиций открыл развалины крепости Пор-Бажын на острове

посреди озера Тере-Холь в Туве. Участвовал в создании и деятельности Минусинского и Иркутского музеев. В середине 1890-х гг. вернулся в Петербург, работал в Музее антропологии и этнографии АН (до 1900 г.), затем организовал этнографический отдел Русского музея и руководил им до 1910 г.

Осн. соч.: Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск, 1886; Местные музеи и их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник. Иркутск, 1892. Вып. 2. С. 1–35; Путь из Минусинска на Бирюсу // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1890. Т. 21. № 1. С. 70–77. *Лит. о нем:* Дэвлет М. А. Д. А. Клеменц как археолог // СА. 1963. № 4. С. 3–9; Пигмалион музейного дела в России: К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца. СПб., 1998.

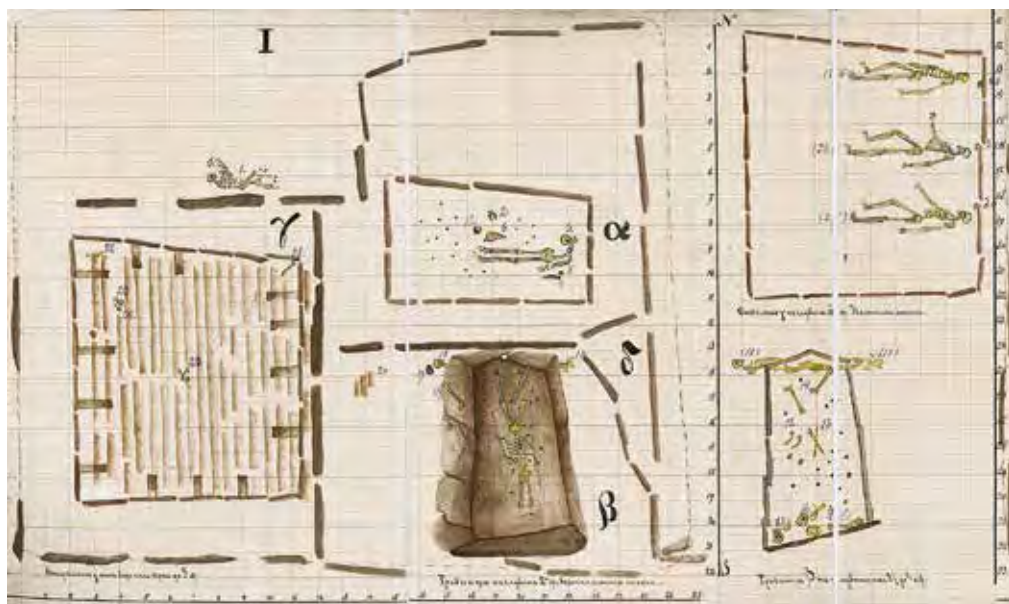
*Бронзовые изделия. Минусинский округ, Енисейская губерния, с. Назаровское.
Раскопки Д.А. Клеменца, 1886 г. (ФО. Отп. F 123-52)*

В конце сентября 1888 г. Д. А. Клеменц собирался посетить Чулым, где один из крестьян обещал указать ему необычные для Сибири и в особенности для Ачинского округа курганы. Он предполагал немедленно приняться за раскопки, если только снега и морозы не помешают. «В случае неблагоприятных условий для работы я не стану портить курганы: из мерзлой земли крайне трудно будет добывать мелкие вещи, многое и ускользнет от внимания» (Там же. Л. 5). В своей переписке с ИАК Д. А. Клеменц поднимает ряд вопросов, в том числе и касающихся ограниченности знаний сибирских археологов вследствие немногочисленности раскопанных памятников, единичности имеющихся фактов и, следовательно, отсутствия материалов для

сравнения, определения периодизации памятников и т. п.

Некоторые материалы (медные сосудики, различные украшения, железные стрелы и др.), добытые Д. А. Клеменцем в 1888–1889 гг. при исследованиях тагарских курганов, оград и таштыкского склепа на Тагарском острове в Ачинском округе и Минусинской котловине, были переданы в Эрмитаж (ФО. Нег. II 25742–25743; ОИАК за 1888 г. 1890: СССР–СССХIV); а кинжалы, чеканы, ножи, бляхи «с ушками» — в Исторический музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 23. Л. 8–35, 80–87, 226–253; ФО. Нег. III 6936–6939. Отп. F 123-52–55).

На раскопки кургана в 1890 г. в Джатасском могильнике в Минусинском округе, понимая важность этих

Планы и разрез кургана около с. Чебаки на Черном Июсе Агинского округа. Раскопки и чертеж Д. А. Клеменца, 1888 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 23. Л. 44)

исследований, ИАК выделила аванс в 300 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 23. Л. 119; РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 68; ОИАК за 1890 г. 1893: 70–72); в 1898 г. на р. Чулым в с. Назарово Ачинского округа он исследовал большие тагарские курганы. Кроме того, Д. А. Клеменц описал пещеры, средневековые крепости и наскальные изображения, обследованные им в ходе работ 1889–1890 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 23. Л. 227–255; ОИАК за 1889 г. 1892: 80–83; Вадецкая 1981: 31–35).

Д. А. Клеменц, как и практически все исследователи сибирских древностей конца XIX — начала XX в., не был археологом, но в одном из своих отчетов он писал, что «слишком любит археологию, чтобы отказаться от любимого дела» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 23. Л. 108 об.). ИАК и в первую очередь А. А. Бобринской и В. Г. Тизенгаузен высоко оценивали его работы, хотя и указывали на чрезмерную «длинноту»

отчета. Чертежи раскопанных им курганов сделаны профессионально и также отличаются огромным количеством мелких деталей. Во многих вопросах он, можно сказать, был первопроходцем, изучал новые, ранее не исследовавшиеся типы памятников, особенно в Минусинском и Ачинском округах, издал каталог древностей Минусинского музея (1886 г.); к 1885–1886 гг. собрал материал для археологической карты Минусинского округа и его окрестностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 23. Л. 122–142), а в 1888 г., поблагодарив ИАК за высокую оценку его «опыта археологической карты Минусинского округа и прилегающих к нему местностей», сообщил в Петербург, что будет продолжать эту работу и извещать ИАК о новых памятниках (Там же. Л. 199 — 203 об.).

В 1909 г., когда Д. А. Клеменц, заведовавший к этому времени Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III, подал прошение

об отставке, Русский музей обратился в ИАК с просьбой поддержать его ходатайство «авторитетным отзывом высокого научного учреждения о заслугах Д. А. Клеменца в области научного обследования нашего обширного отечества» (Там же. Л. 196 — 196 об.). В обращении отмечено обследование им в 1883 г. верховьев Томи, Матура и других рек; в 1884 г. — экспедиция в верховья р. Абакана — первое прохождение Абакана до верховьев. В 1885 г. — поездка в Урянхайскую землю (исследование р. Хемчик, переход вдоль Западного Саяна), в 1886 г. — экспедиция в Восточный Саян к соймам, спуск по Китайскому Енисею и переход по Малому Абакану. В 1888, 1889 и 1890 гг. Д. А. Клеменц по поручению ИАК занимался раскопками в Ачинском и Каинском округах Енисейской губернии и привел в порядок коллекции Минусинского музея. В Иркутске служил правителем дел Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ВСОИРГО). В 1886 г. сделал экскурсию к бурятам и произвел раскопки громаднейшего кургана переходной эпохи от бронзы к железу. Получив приглашение от академика В. В. Радлова принять участие в Орхонской экспедиции, он дошел до Орхона и потом совершил отдельное путешествие из Орхона в Минусинск. Также по поручению В. В. Радлова он за 5 лет проехал по Монголии до 15 тысяч верст. И, наконец, в 1898 г. состоялась экспедиция в Турфан, имевшая огромное значение как толчок для постановки интернациональной задачи изучения Азии в археологическом отношении (Там же. Л. 196 — 196 об.). ИАК немедленно откликнулась:

«ИАК со своей стороны считает долгом отметить полезную ученую

деятельность Дмитрия Александровича в области археологии. ИАК неоднократно обращалась к Д. А. Клеменцу с просьбой произвести в Сибири археологические раскопки, и всякий раз он с полной готовностью и редким бескорыстием отзывался на ее поручения. Более или менее крупные раскопки, возложенные на Д. А. Клеменца ИАК, исполнены им в 1888–1890 гг. в Енисейской губернии, причем все отчеты его отличаются подробным изложением и носят вполне научный характер.

ИАК, ценя ученую деятельность Д. А. Клеменца, признает вполне справедливым, чтобы было возбуждено ходатайство об обеспечении его средствами для безбедного существования» (Там же. Л. 197 — 197 об.). Уйдя в отставку, Д. А. Клеменц поселился в Москве и печатал свои воспоминания в газете «Русские ведомости». Скончался он в самом начале 1914 г.

В 1887–1889 гг. в Сибири работала экспедиция Финского археологического общества под руководством профессора Гельсингфорсского университета, историка, археолога и востоковеда Иоганна Рейнгольда Аспелина при участии археолога Отто Хельмана Апеельгрена-Кивало.

И. Р. Аспелину было также предоставлено право раскопать с научной целью и за собственный его счет несколько курганов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 10). В течение двух месяцев 1887 г. они обследовали разновременные памятники у улусов Орак, Ошколь, Подкамень, Большого и Малого озер, деревень Соленоозерная, Таргасуль, Сухая Ерба, с. Знаменское, Абакано-Перевозное, в округе с. Потрошилово, Асқыза, долины Камышты, в окрестностях Минусинска и другие, а также Сулекскую писаницу и гору Оглахты; произвели

АДРИАНОВ Александр Васильевич (7.11.1854 — 7.03.1920) — сибирский просветитель, этнограф, археолог, публицист. Родился в семье священника. В 1874 г. окончил Тобольскую гимназию. Учился в Петербургской медико-хирургической академии и Петербургском университете на физико-математическом факультете. Член ИРГО с 1879 г. В 1880-х гг. по поручению Общества совершил два путешествия в Кузнецкий Алатау, Восточный Алтай и за Саяны, собрав обширные коллекции по этнографии и археологии, затем на Васюган в Нарымском крае. В 1890-х гг. работал над изучением Минусинского края в археологическом отношении. Издал описание погребального ритуала у ранних обитателей Минусинского края, составленное на основании его собственных изысканий и раскопок, а также лучшее естественно-историческое и географическое описание Енисейской губы. С 1883 г. Адрианов — редактор «Сибирской газеты», а с 1884 по 1887 г. — и ее издатель. В 1887–1888 гг. секретарь Томского губернского статистического комитета. В марте 1917 г. становится

редактором «Сибирской жизни». В декабре 1919 г. арестован и в марте 1920 г. по приговору томской ЧК расстрелян.

Осн. соч.: Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А.В. Адриановым // Зап. Императорского Русского географического общества по общей географии. СПб., 1888. Т. 11. С. 147–422; Курганография Сибири. Томск, 1884; Томская старина. Томск, 1912; Об искусстве в Томске. Город Томск. Томск, 1912.

Лит. о нем: Крюков В.М. Мир рушился: из дневника А.В. Адрианова, 1919 г. // Сибирская старина. 1994. № 6. С. 31–33; Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов: к 150-летию со дня рождения. Кемерово, 2004; Беликова О.Б. Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск, 2014.

Фото В.Л. Лебова. 1909 г. (ФО. Отп. О.2515-127)

незначительные раскопочные работы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 39), копирование и фотосъемку писаниц. В 1888–1889 гг. были изучены и скопированы 32 рунические надписи в бассейне Енисея, в том числе сделаны эстампажи стел в Урянхайском крае. Однако после того как датский лингвист В. Томсен в 1893 г. расшифровал орхонские письмена и установил, что это руническая письменность древних тюрков, а не древних финнов, как считал И.Р. Аспелин, он потерял интерес к исследованиям в Сибири и больше не возвращался к изучению памятников в бассейне Енисея (История востоковедения 1997: 382–383; Кызласов 1969: 8–9; Матющенко 2001: 56–57).

Еще одним исследователем, с которым ИАК сотрудничала в Сибири в эти и последующие годы, был публицист, археолог и этнограф А.В. Адрианов, который внес огромный вклад в изучение древностей Южной и Западной Сибири и Урянхайского края. Его исследовательская деятельность продолжалась около 35 лет. В 1883 г. он раскопал 6 курганов: на Тагарском острове близ Минусинска и на р. Немире. В насыпи одного из курганов на Тагарском острове в деревянной погребальной камере он обнаружил многочисленные кучки пепла, 6 полных скелетов, разрозненные кости и 86 черепов, на некоторых сохранились таштыкские погребальные маски. Эти находки стали первыми археологическими коллекциями Минусинского музея, полученными из раскопок (ФО. Отп. О.698-42; Вадецкая 1981: 39–42).

Музей в Минусинске был создан в 1877 г. С музеем и его директором Н.М. Мартьяновым были тесно связаны А.В. Адрианов, Д.А. Клеменц, И.Т. Савенков, а также И.П. Кузнецов-Красноярский, И.С. Боголюбский и И.А. Лопатин — все они были археологами-любителями, но именно им принадлежит заслуга начала систематического исследования Минусинских котловин и проведения разведочных маршрутов для составления археологической карты региона. Н.М. Мартьянов сам раскопок не производил и как директор музея, получив от ИАК право на их осуществление, предложил провести исследования Д.А. Клеменцу и И.П. Кузнецову-Красноярскому.

В 1887 и 1889 гг. на берегу р. Томь близ Томска А.В. Адрианов открыл Томский могильник. Еще до раскопок были обнаружены остатки скелетов людей, шлифованный каменный топор,

фрагменты керамических сосудов и целые сосуды. В результате двухлетних работ, проводившихся с разрешения ИАК, но на собственные средства, он вскрыл около 430 кв. м площади и получил богатый археологический материал, начиная с эпохи неолита до раннего железного века. В этом же году А.В. Адрианова избрали членом Московского археологического общества. При последующих исследованиях Томского могильника А.В. Адрианов и член Восточного комитета МАО, археолог, профессор С. К. Кузнецов нашли орудия из камня и кремня, изделия из металла и кости. Присланные в ИАК находки были сфотографированы — ножи, зеркала, чеканы, украшения, керамические сосуды и каменные орудия (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 26; ФО. Отп. О.693, О.698; ОИАК за 1887 г. 1889: CLXXVII–CLXXX; ОИАК за 1889 г. 1892: 83–87). Начиная с 1890 и до 1903 г. А.В. Адрианов производил раскопки на средства ИАК и, соответственно, посылал отчеты в Петербург (дневник раскопок, фотографии и рисунки находок). Найденные сосуды оставались в Минусинском музее, а остальные вещи поступали по решению автора раскопок в МАО (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 68).

Во время исследования курганов в 1894 г. в Минусинском округе — на Тагарском острове и по долине р. Туба — А.В. Адрианов обнаружил и раскопал более 40 комплексов, в том числе карасукской культуры эпохи бронзы и тагарской скифского времени, в которых были найдены ножи, наконечники стрел, зеркала, бронзовые украшения, глиняные сосуды, отправленные затем в Эрмитаж и Исторический музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 34; ФО. Нег. III 6688–6694; ОИАК за 1894 г. 1896: 104–138). На следующий год в курганах

Глиняные маски. Минусинский округ. Улус Саргов. Раскопки А. В. Адрианова, 1903 г. (ФО. Отп. Q 680-23)

Деревянные изделия. Могилы 7 и 2. Минусинский округ. Улус Саргов. Раскопки А. В. Адрианова, 1903 г. (ФО. Отп. Q 680-32)

близ с. Думная Гора и на Тагарском оз. в могильниках тагарской культуры он обнаружил глиняные сосуды, костяные наконечники стрел, бронзовые фигурные пластины, поясные пряжки, ножи, кинжалы, украшения (бляхи в виде оленей, «коники» и др.); происходящие из средневековых могил орудия и оружие, конское снаряжение, золотые украшения, наконечники стрел переданы на хранение в Эрмитаж (ФО. Отп. Q 680-1-5; ОИАК за 1895 г. 1897: 141-151). У оз. Кызыл-Куль в Абаканской степи и в долине р. Уйбат он нашел тагарские костяные и медные орудия и оружие. В архив ИАК поступили отчет о раскопках, описи и фотографии находок, в том числе и изображений на плитах, а также план расположения курганов Чаатас по р. Ташебе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 72; ФО. Нег. II 25957-25969).

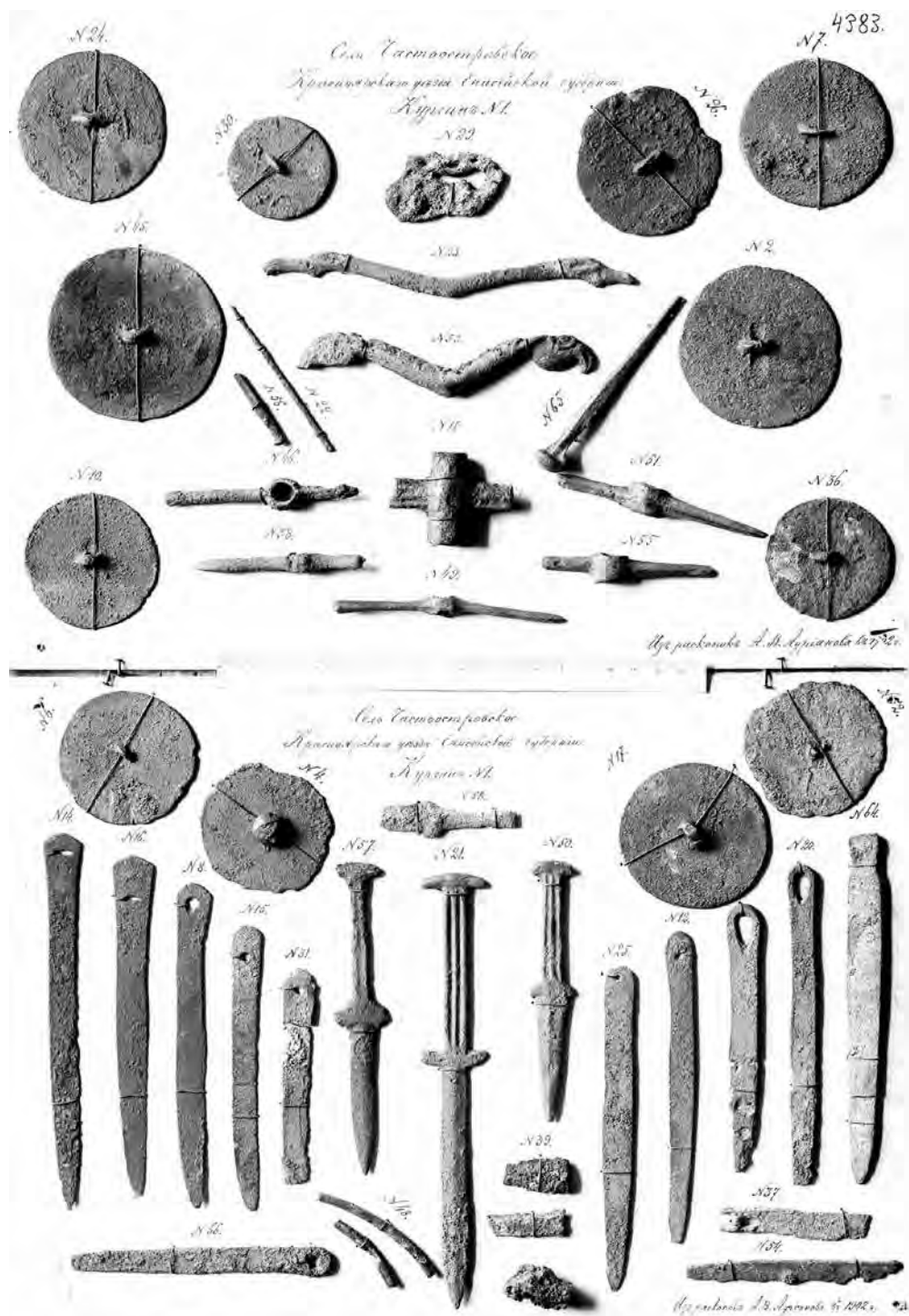
Материалы из раскопок А. В. Адрианова в 1896 г. в Абаканской степи у горы Самохвал, близ д. Малая Иня и в долине р. Туба — орудия и оружие, медные фигурные бляхи и проч. были отправлены в Исторический музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 64; ОИАК за 1896 г. 1898: 104), так же как и обнаруженные при раскопках большого кургана тесинского этапа тагарской культуры в котловине оз. Кызыл-Куль в Абаканской степи золотая бляшка с зернью, костяная пластинка в виде конской головы, бронзовые и железные орудия, серебряные и золотые пластины, костяные поделки, фрагменты глиняных сосудов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 43; ФО. Нег. III 7159, II 25997–26003; ОИАК за 1897 г. 1900: 54–56).

В 1898 г. он осуществил раскопки 23 курганов, хронологически относимых к подгорновскому этапу тагарской культуры, и несколько могил таштыкской культуры у Абаканской управы, по р. Абакан, у горы Самохвал и Чаатаса за р. Ташебой. При раскопках были найдены сосуды, орудия, оружие, зеркала и проч. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 74; ФО. Нег. III 7955–7959; ОИАК за 1898 г. 1901: 60–62). В следующем году он исследовал курганы за Абаканской управой. Зеркала, ножи, наконечники стрел, костяные поделки, гипсовые погребальные маски из раскопок отправлены в Исторический музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 85; ФО. Нег. III 7947–7949; ОИАК за 1899 г. 1902: 103–105). С этого года он параллельно с раскопками занимался изготовлением копий изображений на плитах, стоявших на курганах, и доставил ряд изваяний в Минусинский музей. В последующие годы А. В. Адрианов работал в г. Иркутске. Вернувшись в Красноярск в должности ревизора Управления акцизными

сборами, он возобновил связи с Археологической комиссией, но теперь его больше интересовало изучение писаниц — их поиск, копирование и фотографирование.

При раскопках двух курганов с коллективными погребениями у с. Частостровское Красноярского уезда в 1902 г. А. В. Адрианов нашел разнообразные орудия труда, оружие, зеркала, костяные и медные изделия (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 33; ФО. Нег. III 8768–8770; ОИАК за 1902 г. 1904: 117; Дэвлет 2004: 35–36). Раскопки близ улуса Саргова и Оглахты Минусинского округа А. В. Адрианов провел в 1903 г., из вскрытых могил 5 возможно отнести к афанасьевской энеолитической культуре, 10 — к подгорновскому этапу тагарской культуры, три кургана и две могилы — к сарагашенскому этапу той же культуры, три — к таштыкской культуре. На горе Оглахты им были открыты «гробницы» с остатками мумифицированных трупов в одежде и куклами из травы и кожи, изображавшими умерших. На лицах кукол и мумий находились гипсовые маски, аналогичные открытым ранее на Тагарском острове. Найденные деревянные и глиняные сосуды, ложки, иглы, фигурки «идолов», бронзовое оружие, орудия, зеркала, фигурные бляхи и пластины, глиняная маска, чучело из травы, кожи и ткани, часть костяка с сохранившимися кожей и мягкими тканями ныне хранятся в Историческом музее (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 33. Л. 20–23; ФО. Отп. Q 680, нег. III 9098–9116, 9388–9391; ОИАК за 1903 г. 1906: 128–131; Дэвлет 2004: рис. 9–11).

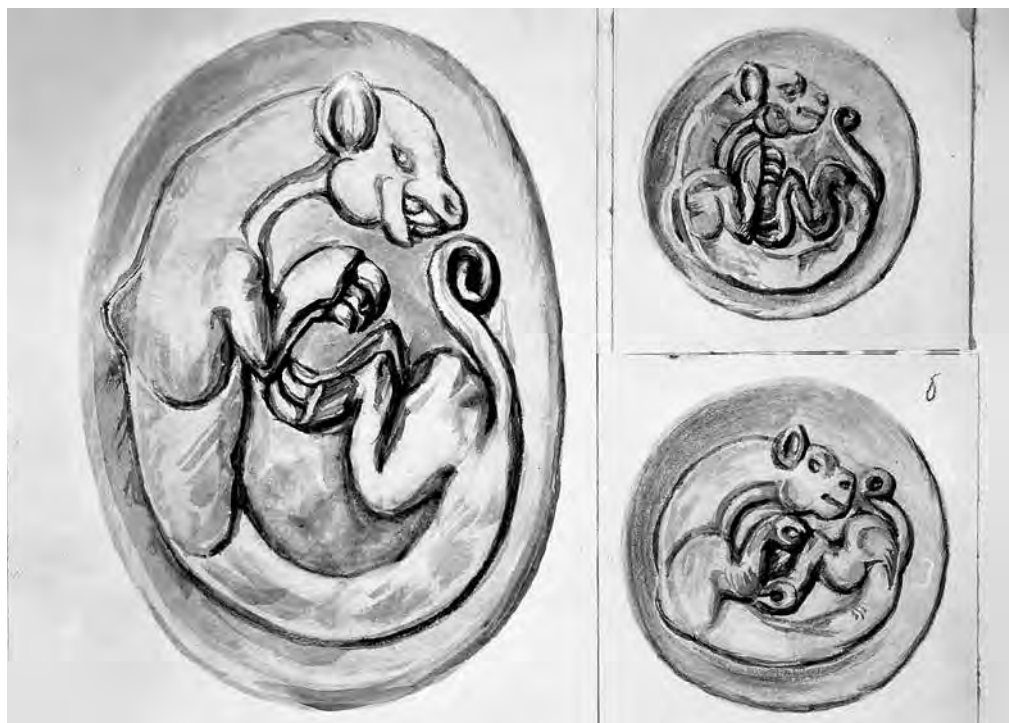
В 1902 г. по поручению ИАК А. В. Адрианов обследовал и зарисовал писаницы на утесах по течению р. Мана. В середине 1900-х гг.

Изделия из бронзы. Курган 1. Красноярский уезд Енисейской губернии, с. Частоостровское. Раскопки А. В. Адрианова, 1902 г. (ФО. Нег. III 8769)

Боярская писаница близ с. Копены с изображением древнего поселения
(ФО. Отп. Q 680-37)

*Золотые пластинки от конской упряжи. Западный Алтай, р. Майэмир.
Раскопки А.В. Адрианова, 1911 г. (ФО. Отп. О.2212-5)*

начинается новый этап в изучении памятников Сибири и Средней Азии: главную роль стал играть РКИСВА, и в 1904, 1907 и 1909 гг. А.В. Адрианов уже работает на средства Комитета. Им были осмотрены все известные к этому времени писаницы и найдены новые памятники на берегах Енисея, рек Белый и Черный Июс. Он копировал все изображения, считая своей целью тщательнейший сбор массового материала. Сделанные им эстампы ныне хранятся в МАЭ в Санкт-Петербурге, оставшаяся неизданной рукопись «Писаницы» — в Научном архиве ИИМК РАН (РО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12). Материалы обследования Боярской писаницы близ с. Копены, в частности, фотопанорама с изображением древнего поселения — отложилась в фонде Г.П. Сосновского (ФО. Отп. Q 680-37; Дэвлет 2004: 19).

В 1905 г. Академией наук А.В. Адрианову было поручено собирание и изготовление снимков с надписей в Восточной Сибири. В связи с этим он предполагал исследовать острова на Ангаре в пределах Иркутской губернии.

В 1911 г. на средства РКИСВА А.В. Адрианов осуществил раскопки курганов в Западном Алтае, однако исправно представлял отчеты и материалы исследований в Археологическую комиссию. Им было исследовано 14 ограбленных курганов в пяти различных местах, судя по всему — скифского времени, и поминальные оградки древних тюрок. Находки из разных курганов включали в себя бронзовые зеркала, нож, точила, костяные трубочки и пластинки, бусы; в захоронении коня — бронзовые уздечные украшения, удила с остатками ремней, две

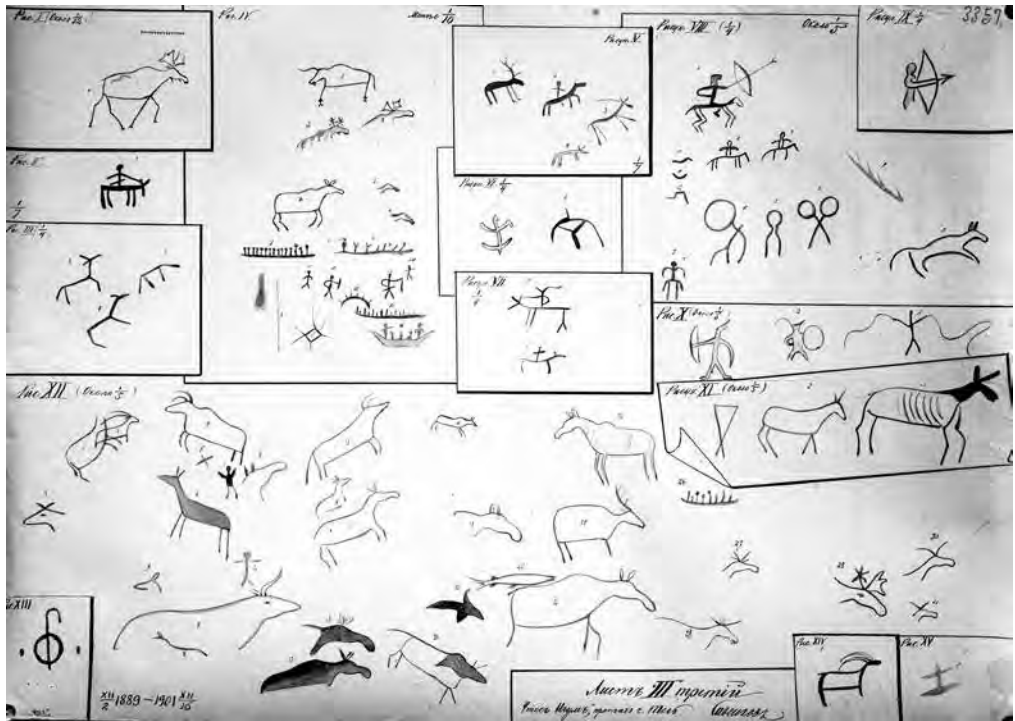
пряжки; бронзовые и костяные наконечники стрел, фигурное зеркало, остатки костяного гребня. Исследователем были сфотографированы только золотые пластинки от конской упряжи, возможно, составлявшие «клад». По рекам Майэмир, Солонечной и Бухтарме он раскопал восемь кольцеобразных сооружений из 7–9 камней и три каменные насыпи. Эти сооружения не являлись надмогильными и, как пишет А. В. Адрианов, «имели какое-то иное назначение, но какое именно, выяснить мне не удалось» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 157; Адрианов 1912: 107; 1916). В 1915–1916 гг. по заданию ИАК он работал в Урянхайском крае, когда состоялась его последняя экспедиция (см.: Беликова 2014). Его дневники ныне полностью опубликованы (Адрианов 2008).

В целом А. В. Адрианов исследовал около 150 курганов и множество отдельных могил, из которых происходит богатая вещевая коллекция. Несмотря на то, что он копал шурфами, добытые данные весьма ценны, так как представлены не только словесные описания могильников, но и их планы, подробнейшим образом отмечено все встреченное при раскопках, указано положение скелетов, длина костей и иные мелкие детали. Он видел свою задачу в добросовестном накоплении материала «для тех хорошо вооруженных знаниями археологов, которые используют этот материал. Зная твердо, что раскопкой я уничтожаю навсегда памятник древности, я старался вести подробный дневник и не упускать никакой мелочи, которая могла бы пригодиться в качестве материала» (Адрианов 1916).

В 1893 г. директор Красноярской учительской семинарии краевед И. Т. Савенков, который в 1884–1886 гг. в Енисейской губернии провел раскопки

ряда погребений неолитического могильника Базаиха, где были найдены орудия из камня, фигурки животных и изделия из кости (ФО. Отп. Q 393-1-4), получил Открытый лист от ИАК на раскопки в Минусинском и Красноярском округах Енисейской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 96. Л. 5).

Несколько ранее, в 1889–1901 гг., И. Т. Савенков начал копировать петроглифы на скалах у деревень Оглахты, Копены, Трифоново, Абаканской заставы на р. Туба — изображения животных, людей, всадников, в том числе с луками, «шаманов» с бубнами, отдельно бубнов, кыргызских тамг. Он попытался предварительно разделить их на хронологические периоды, следуя технике исполнения (Савенков 1886; 1910). В 1910–1911 гг. И. Т. Савенков исследовал тагарский курган у р. Бири. Фотограф Н. В. Федоров зафиксировал виды кургана и процесс раскопок (ФО. Отп. O.983-26-28); негативы этих фотографий хранятся в Минусинском музее им. Н. М. Мартыанова. Следует отметить, что И. Т. Савенков был первым исследователем, серьезно занимавшимся памятниками каменного века, придавал огромное значение антропологическому и остеологическому материалу и считал, что для составления археологической карты необходима более точная и обоснованная классификация курганов с точки зрения наземных сооружений, а в предложенных классификациях выделено недостаточное количество типов, характеристики их неопределенные, расплывчатые. Он, так же как и Д. А. Клеменц, составлял археологическую карту, которую выслал для публикации П. С. Уваровой в МАО. Через некоторое время он попросил вернуть ее для уточнения и думал отправить обратно вместе со всеми

Прорисовка петроглифов на скалах у д. Оглахты, Копены, Трифоново, Абаканской заставы и др. (ФО. Нег. III 8092)

остальными документами — дневниками, отчетами, чертежами, но все эти материалы исчезли (Вадецкая 1981: 46). Занимаясь изваяниями, он «увлеклся» их интерпретацией.

Материалы о древностях Сибири поступали в Комиссию и от наставника Красноярской учительской семинарии, позже — консерватора Красноярского краевого музея П. С. Проскуракова, который в 1895 г. провел раскопки курганов у деревень Карымской, Татарской и с. Ладейского Енисейской губернии и нашел бронзовые ножи, кинжалы, кельты и бляхи тагарской культуры скифского времени. На работы в 1896 г. в пределах Красноярского округа Енисейской губернии ИАК выделила ему 100 руб. 49 коп. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 75. Л. 8–9). Согласно требованиям ИАК П. С. Проскураков представил отчет о работах,

опись и фотографии находок, а также рисунки раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 140. Л. 8–9, 25–28, 32–39; РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 75. Л. 6, 11–15; ФО. Отп. Q 643-17–18; ОИАК за 1895 г. 1897: 152–157). В 1897 г. он работал в Айдашинской пещере, где обнаружил медные, железные и костяные наконечники стрел и копий, фигурные пластины и прорезные бляхи (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 187; РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 43; ФО. Нег. III 7064–7067; ОИАК за 1897 г. 1900: 52–54; ОИАК за 1899 г. 1902: 105). В 1905 г. П. С. Проскураков получил Открытый лист на раскопки в Змеиногорском уезде Томской губернии, но сведений о результатах работ в архиве Комиссии не сохранилось (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 112).

Член-сотрудник Петербургского археологического института, этнограф В. И. Анучин в 1902 г. произвел раскопки

*Вид кургана №1 в процессе раскопок. Хакасия, р. Биря. Раскопки И. Т. Савенкова, 1912 г.
Фото Н. В. Федорова, 1912 г. (ФО. Отп. О.983-26)*

в окрестностях Минусинска и Красноярска. По завершении работ он представил в ИАК отчет о поездке в Красноярский округ, рисунки, фотографии и опись находок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 116; РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 94). В 1903 г. он исследовал памятники у с. Сухобузимское Красноярского уезда. Обстоятельства находки материалов позволяют предположить, что здесь было поселение, хотя исследователь не составил об этом определенного мнения. Кроме того, В. И. Анучин раскопал курган с коллективным погребением (до 200 скелетов). Умершие были похоронены в разных позах, у некоторых имелись круглые отверстия в черепах. В яме находилось множество миниатюрных бронзовых поделок: секиры, ножички, разнообразные зеркальца и т. п. Добытые материалы:

ножи, кинжалы, наконечники, зеркала были присланы в ИАК, где их сфотографировали, после чего они были отправлены в Исторический музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 116; РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 94; ФО. Нег. III 9168–9170; ОИАК за 1902 г. 1904: 147, 157).

Получив Открытый лист на раскопки в Кольванском уезде Томской губернии в окрестностях железнодорожного моста через р. Обь, В. И. Анучин ограничился осмотром местности. Раскопки в 1904 г. не производились «по причине полного отсутствия рабочих рук — вся трудоспособная часть населения Енисейской губернии призвана в ряды действующей армии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 101. Л. 3–5). Еще любопытнее замечание относительно «раскопок» 1908 г. В деле сохранилось письмо енисейского губернатора,

из которого следует, что Анучину «иркутским генерал-губернатором воспрещено жительство в пределах генерал-губернаторства на все время военного положения, и поэтому появление его в пределы вверенной мне губернии в интересах охранения государственного порядка и общественного спокойствия я нахожу недопустимым» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 25. Л. 5).

В 1884 г. историк, археолог, член ВСОИРГО И.П. Кузнецов-Красноярский раскопал для Минусинского музея с разрешения ИАК 17 древних могил у с. Аскыз, в верховьях рек Немира и Узунжул. Раскопки отличались высоким качеством исполнения: землю из заполнения могил снимали послойно и дополнительно просеивали (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 37). В 1896 г. он получил Открытый лист на раскопки в Минусинском округе Енисейской губернии, но исследования не производил в связи с поздним получением листа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 16).

Известно, что в 1907–1911 и 1913 гг. по Открытым листам, выданным ему ИАК на производство раскопок в Минусинском и Ачинском уездах Енисейской губернии, исследователь провел работы в этих местностях и представил отчеты о раскопках, описи и фотографии находок и местностей, планы местности и погребения. К отчету прилагались также фотографии каменных баб и камней с рисунками, планы могильников близ с. Аскыз. Во время раскопок 1907 г. курганов у с. Синявино им было исследовано 6 карасукских могил и тагарская ограда на западном берегу оз. Шира. В 1908–1914 гг. он провел раскопки в Минусинском округе в долинах рек Аскыз, Черный Юос и Ниня и сфотографировал виды местностей, курганов, плиточных могил, писаницы,

каменную бабу и находки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 24; ФО. Отп. О.744-1–76, Q 475-3–13; ОИАК за 1908 г. 1912: 189). Кроме того, сохранился снимок рисунка И.П. Кузнецова-Красноярского каменного изваяния с р. Немира (ФО. Отп. Q 440-1).

И.П. Кузнецов-Красноярский одним из первых откликнулся на призыв Д.А. Клеменца собирать материал для археологической карты, так как ввиду значительного числа памятников в Минусинской котловине задача создания подобной карты не под силу одному исследователю. Д.А. Клеменц предложил заинтересованным лицам съехаться в Минусинске или списаться для того, чтобы каждый исследователь мог выбрать район исследований или определенную категорию памятников (Дэвлет 1963: 6). Тем не менее такая карта была составлена самим Д.А. Клеменцем, передана через Н.М. Ядринцева в ИАК и опубликована в томе «Сибирских древностей» (Радлов 1888). И.П. Кузнецов-Красноярский предложил свою классификацию памятников (Кузнецов-Красноярский 1889), часть рассмотренных им сооружений совпадает с типами, выделенными Д.А. Клеменцем, среди других отмечено значительно больше разновидностей и даны их точные описания. Кроме того, И.П. Кузнецов — один из наиболее крупных сибирских коллекционеров древностей, который начиная с 1876 г. отсылал в Петербург предметы из личного собрания (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 37. Л. 4–6, 9–13).

Характерно внимание к сибирским древностям исследователей из Великого княжества Финляндского, которое неизменно поддерживалось ИАК. Очевидно, такое внимание было связано с поисками «финно-угорской

*Жертвенные ямы в кургане с 8 плитами. Вид с юга. Минусинский уезд, оз. Шира.
Раскопки И.П. Кузнецова-Красноярского, 1910 г. (ФО. Отп. О.744-6)*

*Древности енисейских кыргызов из коллекции И.П. Кузнецова-Красноярского.
(ФО. Отп. О. 744-62)*

*Каменное изваяние на р. Немуре. Рисунок И. П. Кузнецова-Красноярского.
(ФО. Отп. Q 440-1)*

прародины» за Уралом, что в условиях становления национального самосознания в Финляндии представляется вполне закономерным. В 1889 г. член Финского археологического общества, доцент Гельсингфорского университета А. О. Гейкель получил от ИАК Открытый лист для проведения раскопок в Томской и Енисейской губерниях. По итогам исследований он представил в Комиссию отчет и опись фотографических снимков, сделанных им с коллекций Минусинского музея (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 39). В 1893 и 1894 гг. А. О. Гейкель произвел небольшие раскопки в Тобольской губернии у Ялуторовска и Кургана. Кроме того, он посетил ряд музеев, где фотографировал древности: в музее Восточно-Сибирского отдела ИРГО в г. Омске; в Екатеринбургском — изделия, найденные на Чортовом городище на оз. Исеть; в Тобольском — археологический и этнографический материал, происходящий из Тобольской губернии; в Тюменском — бронзовые предметы вооружения и украшения. Фотографии сибирских древностей, находящихся в Томском, Минусинском и Гельсингфорском музеях, были им присланы в ИАК в 1890 г. А. О. Гейкель также переснял рисунки из «Атласа М. С. Знаменского»: виды и планы городков в Сибири и сибирские древности, в том числе из раскопок М. С. Знаменского и А. И. Дмитриева-Мамонина в 1880-х гг. у мыса Чуваш (ФО. Отп. О.698-21-44; Q 452).

В 1895 г. по непосредственному поручению ИАК и на средства Комиссии состоялись раскопки антрополога, прозектора Императорского Томского университета С. М. Чугунова и члена Томского общества естествоиспытателей и врачей Г. О. Оссовского.

*Усть-Есинская каменная баба.
Минусинский округ Енисейской губернии.
Фото Долинина, 1892 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 37. Л. 28)*

С. М. Чугуновым в курганах в Томской губернии (с. Спасское, Тоянов городок и Усть-Тартасский могильник) обнаружены орудия, костяные наконечники стрел, бронзовые украшения и др. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 80; РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 71; ФО. Отп. Q 643-15, Q 642-8; ОИАК за 1895 г. 1897: 41-43, 138-140) (см. также главу VI).

С ИАК в деле изучения местных древностей в 1894-1895 гг. сотрудничал и Г. О. Оссовский. Он проводил исследования в районе оз. Мышайлы близ Красноярска и в Мариинской лесостепи. Им зафиксированы и частично исследованы курганы к северу от с. Зеркала, в окрестностях деревень Макарова, Новоподзорная, Обухово (Малое Пичугино), Усть-Барандата, к востоку и западу от с. Большой Барандат, по правому побережью р. Убиенки, между Большим Пичугино и Тамбаром, а также на юго-восток от Тамбара, в окрестностях деревень Кайчак, Третьяково, Дворниково, Тисуля, Колбы, Алчедата и Верхней Чебулы и у с. Вознесенское в Томской губернии. Из курганов скифского времени

на р. Убиенке происходят бронзовый чекан, котелок, пластина в виде оленя; приобретенные там изображение летящего журавля и ажурная пластина ныне хранятся в ГИМ (ОИАК за 1894 г. 1896: 139–147; ОИАК за 1895 г. 1897: 43–44; ОАК за 1896 г. 1898: 98–100; ср.: Герман 2013; Skrzyński 2018). Эти исследования позволили ему установить культурную близость данных памятников к минусинским «коллективным могилам», а его археологические материалы были включены в типологическую схему лесостепной тагарской культуры (VII–II вв. до н. э.) (Мартынов 1979).

В 1894 г. он получил на раскопки 300 руб., и ИАК просила его ограничиться работами на одном памятнике, для чего он избрал курганы на левом берегу Оби, вдоль русла р. Шагарки и ее притоков. Помимо отчета в архив ИАК поступила его научная статья о раскопанных им Михайловских курганах. В 1896 г. он получил Открытый лист и финансирование от ИАК на раскопки в Томской губернии и после завершения исследований прислал в Комиссию предварительный отчет и опись находок, которые затем были переданы в Исторический музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 41. Л. 3–7, 11–12, 28–37, 40–48; РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 63; ФО. Отп. Q 643-11–13). Отметим, что достижения Г. Оссовского не всегда признавались российской наукой, и честь первооткрывателя ряда археологических памятников иногда приписывалась иным исследователям (Кулемзин, Бородкин 1989: 96–101; ср.: Герман 2013: 118–119).

Исследования местных древностей библиотекарем Томского университета С.К. Кузнецовым также были непосредственно поддержаны Археологической комиссией. Еще в 1884 г. он изучал

курганы близ с. Асанского в долине р. Абакан и представил в ИАК описание раскопок, план расположения могильника, рисунки находок. В 1892 г. он получил от ИАК для производства раскопок разновременных курганов на р. Яя 200 руб., где было найдено медное оружие, а также бляхи с зооморфным орнаментом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 132. Л. 4, 7, 10, 15–27). Получив Открытый лист на дальнейшие работы на р. Яя, он не смог продолжить раскопки, но сообщил в Комиссию о своей экскурсии и прислал статьи «К вопросу об охране древностей от истребления» и «Хищники древностей» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 45).

Только в 1896 г. он вновь приступил к исследованию курганов близ Томска, для раскопок которых ему было выдано 400 руб. В телеграмме в ИАК он сообщает, что раскапывает «могильник конца бронзовой эпохи». Однако были изучены и средневековые погребения, вероятно, VIII–IX вв. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 53. Л. 34–39, 41).

Кроме железных изделий им найдено «до сотни бронзовых, две чаши, шесть поясных фигурных блях, идол, ножи, ножницы, булавки, бусы, пряжки, большой диск, оригинальные подвески. Хотя курганы тронуты хищниками, но находки сохранились в тайниках» (Там же. Л. 14). Находки из погребений: бронзовая бляха с тремя медвежьими головами, фигурные и стреловидные пластины с отверстиями были отправлены в Исторический музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 62; РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 53. Л. 44–49; ОИАК за 1892 г. 1894: 71–73; ФО. Нег. IV 186–195. Отп. Q 440-7).

Кроме того, в 1891, 1895 и 1896 гг. он открыл близ г. Томска шаманские погребения: первое — на Тояновом

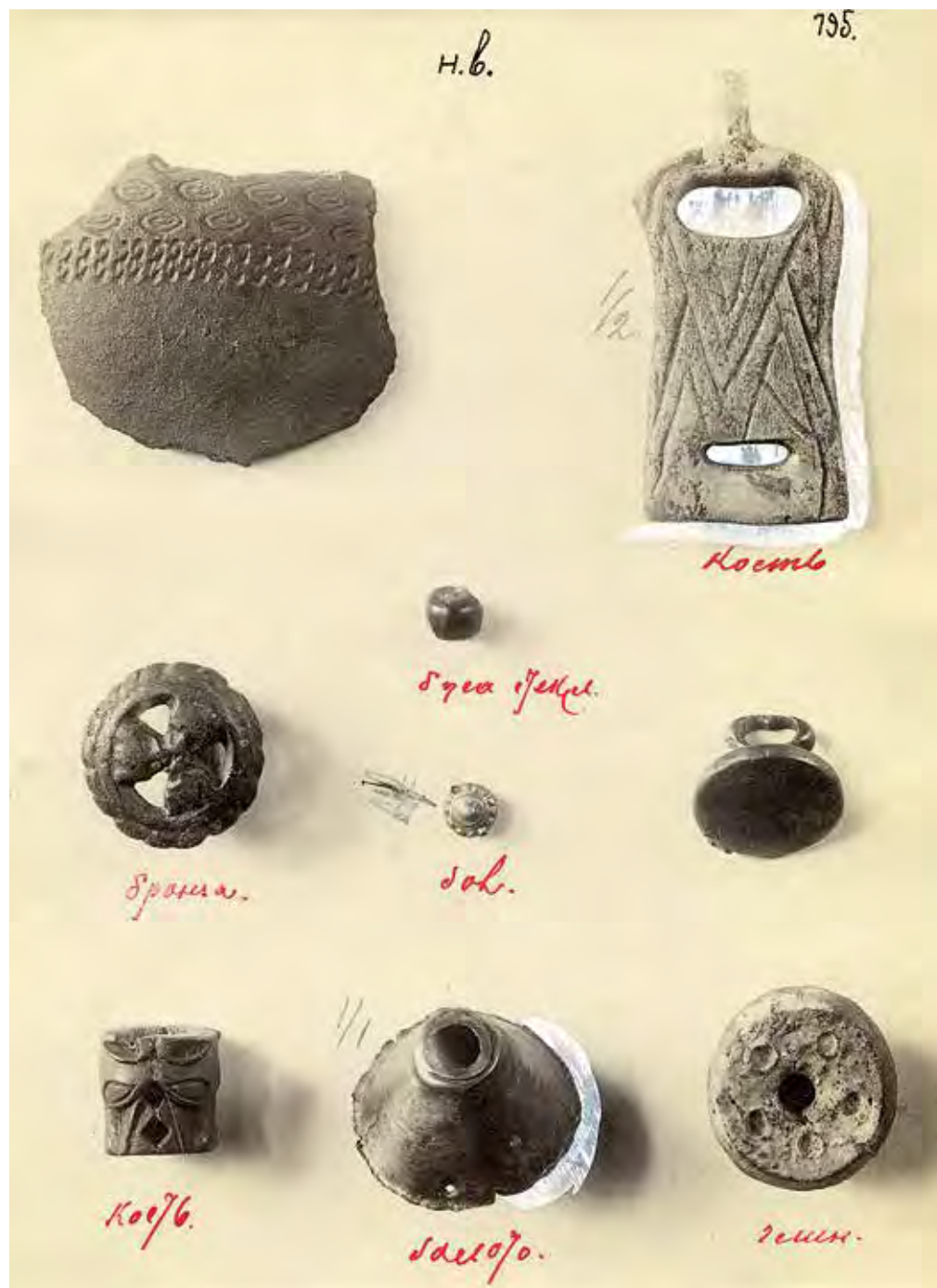
городке — относится к XVII в. и содержало остатки бубна, подвески, бусину из каменного угля; второе — в кургане на р. Басандайка — с остатками бубна с колотушками; в третьем он обнаружил два древних шаманских погребения VIII в. с крылатыми идолами и другими предметами. С. К. Кузнецов также сообщил о кладоискательских работах томича Е. Е. Белоусова, в 1901 г. служившего на Забайкальской железной дороге, и приобретенных у него предметов, составлявших шаманское облачение с множеством подвесок, бусин, раковин каури, остатков бубна и меча в истлевших деревянных ножнах (Известия ИАК. Вып. 10. Приб. 1904: 22–23).

В окрестностях Томска и в Каинском округе на средства ИАК проводил исследования прозектор Императорского Томского университета С. М. Чугунов (см. главу VI). В 1896 г. он произвел раскопки средневековых курганов, где в составе погребального инвентаря были найдены зеркало, поясной набор и глиняный сосуд. В архив Комиссии он прислал планы и разрезы Усть-Тартасского могильника, план местности с указанием курганов, опись и фотографии находок, дневник раскопок (ОИАК за 1896 г. 1898: 219–225; РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 71; ФО. Отп. Q 643-14, 16). Раскопки производились траншейным методом. В последующие годы он продолжил раскопки в с. Спасское и Тояновом городке, в том числе и стоянок каменного века, откуда происходят кремневые и костяные наконечники стрел и копий (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 71; РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 133; РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 85; ФО. Нег. III 7184, 6934, 6935, 7092. Отп. Q 647-28; ОИАК за 1896 г. 1898: 100–103; ОИАК за 1897 г. 1900: 51–52). В 1899 г. вместе со штатным смотрителем училищ

Каинского и Барнаульского округов А. А. Аргуновым он провел исследования древнетюркских курганов у с. Убинского в Томской губернии. В составе погребального инвентаря были обнаружены поясные украшения, железные стремена и др. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 39; РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 70. Л. 7–9, 13; ФО. Нег II 26235–26236; ОИАК за 1896 г. 1898: 98–100; ОИАК за 1899 г. 1902: 143).

Позднее памятники каменного века в Сибири изучал этнограф и археолог, сотрудник МАЭ, а позже профессор этнологии Иркутского университета Б. Э. Петри, на что Археологическая комиссия обратила свое внимание: информация об этих работах была опубликована в ее «Известиях». Материалы раскопок многослойной стоянки Улан-Хада в бухте Мухорского залива оз. Байкал — фрагменты керамики и каменные орудия, которые Б. Э. Петри произвел в 1913 г., ныне хранятся в МАЭ РАН. Исследователь провел раскопки на высоком для того времени методическом уровне и датировал стоянку эпохой неолита. Он вскрыл 11 слоев, в каждом из которых были найдены изделия, свидетельствующие о пребывании здесь древних людей. Чем выше он «поднимался» по археологическим слоям, тем изделия становились все более совершенными по форме и исполнению. В первую очередь это относится к фрагментам керамических сосудов. Б. Э. Петри предположил постепенное развитие культуры обитавших здесь некогда людей и смену одного поколения другим (Известия ИАК. Вып. 53. 1914: 139; Петри 1914; Свинин 1992: 111–133).

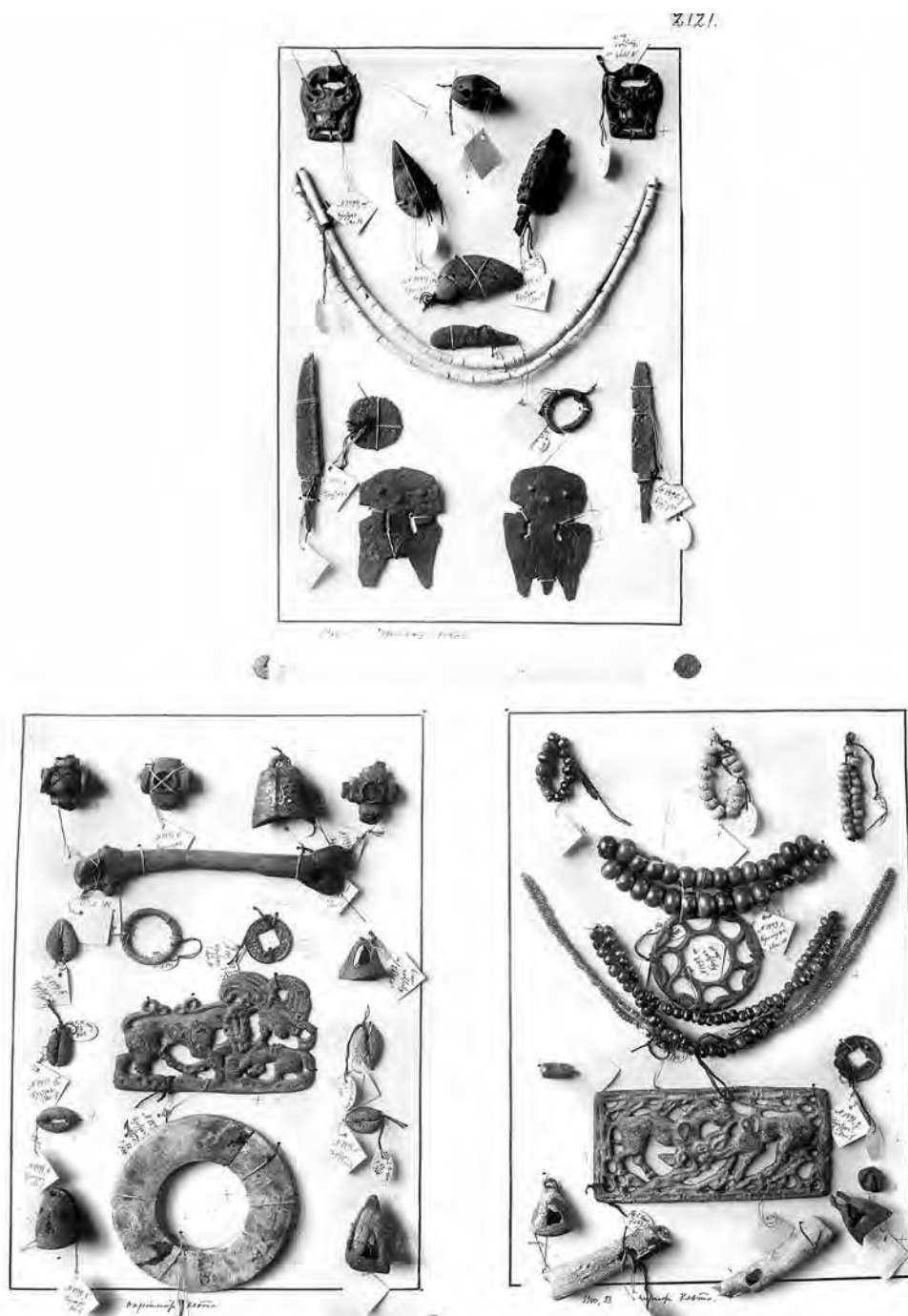
В исследовании древностей Забайкалья Археологическая комиссия сотрудничала с кяхтинским врачом, антропологом и краеведом, правителем

Находки из курганов близ с. Спасское. Томская губерния. Раскопки С.М. Чугунова, 1896 г.
(ФО. Отп. Q 643-16)

Находки из курганов. Суджинский могильник. Забайкальская область, Троицкий округ.
 Раскопки Ю.Д. Талько-Грынцевича, 1897 г. (ФО. Отп. Q 643-3)

Находки из курганов. Могильник Култук. Забайкальская область, близ Кяхты.
Раскопки Ю.Д. Талько-Грынцевича, 1900 г. (ФО. Нег. III 7711)

*Глиняный сосуд. Могильник Култук.
Забайкальская область, близ Кяхты.
Раскопки Ю.Д. Талько-Грынцевича, 1900 г.
(ФО. Отп. О.248-16)*

дел Кяхтинского музея Ю.Д. Талько-Грынцевичем, который обнаружил многочисленные могильники в долине р. Селенги и на ее притоках, часть которых он определил как памятники азиатских гуннов. В 1897 г. он исследовал Суджинский могильник в Троицкосавском округе Забайкальской области и нашел костяные и бронзовые изделия гуннской эпохи (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 31. Л. 6–49; ФО. Нег. III 7139–7141; ОИАК за 1897 г. 1900: 84).

В 1898–1900 гг. Ю.Д. Талько-Грынцевич изучал гуннские памятники в Верхнеудинском, Новоселенгинском и Троицкосавском округах, в которых были найдены глиняные сосуды, изделия из кости, бронзы и железа, железные наконечники стрел и копий, ножи, фрагмент зеркала, монеты, бляхи с львиными головами и с грифоном, нападающим на зверя, прорезные

бляхи со звериным орнаментом и др. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 97; РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 34. Л. 14–59; РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 53. Л. 6–8, 14–82; ФО. Нег. III 7888–7889, 7711–7712; ОИАК за 1898 г. 1901: 93; ОИАК 1899 г. 1902: 141; ОИАК за 1900 г. 1902: 118; Талько-Грынцевич 1928).

Захоронения поблизости Кяхты, в пади Царам были обнаружены Ю.Д. Талько-Грынцевичем в июне 1899 г. Он зафиксировал не менее 20 могил, «рассеянных по лесу». В 1900 и 1902 гг. Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества запросило в ИАК Открытые листы на раскопки в ряде округов Забайкальской области. Работы производил именно Ю.Д. Талько-Грынцевич. В 1902 г. он раскопал курганы в могильниках на Цараме подле п. Наушинского, в пади Аршан-Хундуй Троицкосавского уезда, в Шаманской пади подле с. Тамира Верхнеудинского уезда Забайкальской области (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 249; РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 257).

Пять курганов в пади Царам в июне 1903 г. Ю.Д. Талько-Грынцевич исследовал вместе с Я.С. Смолевым. Все могилы были ограблены, полученные находки оказались немногочисленными: железное шило с кольцеобразным навершием, фрагменты бронзовой накладки и нескольких сосудов. Тем не менее по особенностям внутримогильных конструкций исследователь отнес их к выделенному им типу «захоронений в срубках», интуитивно отождествленных с погребениями азиатских гуннов (ОИАК за 1903 г. 1906: 177; Талько-Грынцевич 1999: 93, 117–118).

В 1904 г. РКИСВА вплотную занялась исследованиями края и запросил

Открытый лист для Ю. Д. Талько-Грынцевича, но предполагавшиеся в Забайкальской области раскопки так и не производились (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 66; см. также: Blombergowa 1989; Эйльбарт 2003).

Отдельного очерка заслуживает изучение памятников в Урянхайском крае, которое началось в 1880-е гг. Первоначально оно носило характер этнографических и географических экспедиций, ИАК не принимала в этом непосредственного участия. Одним из первых в Туве в качестве исследователя побывал А. В. Адрианов в составе экспедиции Г. Н. Потанина, организованной в 1879 г. Императорским Русским географическим обществом (ИРГО). Путешественники вышли к р. Улуг-Хем — такое название носит Енисей в пределах Тувы — у священной горы Хайыракан и направились долиной Улуг-Хема вверх по его течению. В 1881 и 1883 гг. А. В. Адрианов совершил путешествия на Алтай и за Саяны по заданию того же ИРГО. В 1881 г. средства на поездку были выделены ИРГО, редакцией «Сибирской газеты» и минусинским купцом Г. П. Сафьяновым, который предложил взять на себя расходы для разъездов экспедиции «за Саянами» и возвращения ее в Минусинск. А. В. Адрианов спустился в долину р. Хемчик, где срисовал петроглифы и надписи на скалах Бижикиг-Хая и обследовал каменное изваяние, известное под названием «Чингисхан». В скале Бижикиг-Хая он осмотрел и описал буддийскую нишу: в естественной нише оказалось искусно нарисованное кистью изображение Будды, сидящего в окружении облаков, дракона и птиц, датированное имевшейся иероглифической надписью 1358 г. (Грач 1955: 31). Он также осмотрел и описал

буддийскую нишу Чурумал-Бурханнуг на горе Сюме на берегу р. Чаа-Холь:

«В отвесной скале... на высоте около 3 сажен от земли сделана ниша, имеющая в высоту около 1,5 аршин, а в ширину и глубину до одного аршина (высота 1 м, ширина 60 см и глубина 86 см. — *Авт.*). В глубине этой ниши на задней ее стенке рельефно высечены три божества; среднее изображено в весьма обыкновенной позе бурхана с поджатыми под себя ногами и напоминает распространенное изображение Шигемуни (Шакьямуни), а два боковых в стоячем положении. Снаружи перед входом в нишу по сторонам ее поставлены две статуэтки около аршина высотой, весьма хорошо и отчетливо отделанные; статуи парные и изображают воинов. <...> Группа эта пользуется большим почитанием лам и народа <...> на стенках ниши расклеены бумажные маленькие рисунки, изображающие корзины с плодами, букеты цветов, различных животных и проч.; а на дне валялись лоскутки бумаги также с рисунками, медные коробочки и т. д. На земле перед скалой протянуты на кольях бечевки, увешанные тысячами лент, по большей части бумажных, а также и матерчатых; целые вороха этого добра навязаны на бечевки и при малейшем дуновении ветра поднимают странный шум и шелест среди немых мест» (Адрианов 1888: 400–401).

На правом берегу Улуг-Хема на пути к р. Чинге А. В. Адрианов отметил на утесе около ручья Биделик изображения животных и какие-то загадочные знаки. Это было первое сообщение о петроглифах в данном районе (Дэвлет 2004). Кроме того, он открыл и описал ряд крупных местонахождений петроглифов и руноподобных надписей (скала Хая-Бажы на р. Хемчик, Баянкольчик

Буддийская ниша в горе Сюме (Чурумал-Бурхангыг-Хая). Фото С.Р. Минцлова, 1914 г. (ФО. Отп. Q 635-6)

на правом берегу Улуг-Хема близ совр. г. Кызыла). А.В. Адрианов оценил значение петроглифов как исторического источника, в котором нашла отражение жизнь давно ушедших поколений людей. Как и в других случаях, он не ставил перед собой задачи исторического анализа, видя свою миссию в сборе полевого материала, и отметил, что «много, много подобного материала разбросано по разным местам Алтая, Монголии и цепи Саян, нужно только собрать его и тогда, несомненно, историческое прошлое народа будет для нас яснее» (Адрианов 1888: 405).

А.В. Адрианов обратил особое внимание на почитание местным населением древних каменных изваяний, которые представляют «святыню и предмет поклонения. <...> все они одухотворяются в глазах язычника, который твердо верует в их силу и уверяет, что они могут принести ему пользу

или вред» (Там же: 381). «До тех пор, пока туземцы будут считать их своею святынею, эти памятники будут охранены самым надежным образом от истребления и расхищения, но как только цивилизация проникнет в эти страны, начнет производить постройки, сооружения, обработку земли, она уничтожит значительную часть памятников, постарается и из них извлечь пользу при постройках, как это было, например, в южной России» (Там же: 382).

В 1887–1889 гг. в Туве побывали экспедиции, занимавшиеся изучением сибирских древностей вообще: в частности, экспедиция Финского археологического общества под руководством И.Р. Аспелина при участии О.Х. Аппельгрена-Кивало, а также А.О. Гейкеля (см. выше). В 1891 г. некоторые тувинские стелы копировали Д.А. Клеменц и краевед В.А. Ошурков, направленный в 1892 г. от ВСОИРГО обследовать

известные памятники и разыскивать новые. Он сделал эстампажи ряда памятников и вывез один на плоту по Енисею в Минусинский музей; также в Минусинский музей этнографом П. Е. Островских в 1897 г. была доставлена еще одна стела (Кызласов 1969: 7–9).

В 1902–1903 гг. Минусинский музей организовал экспедицию в Туву, которую возглавил Ф. Я. Кон. Как и большинство исследователей, посещавших Туву до него, он был у буддийской ниши в горе Сюме и сфотографировал ее. Фотография хранится в музее в Иркутске. В 1906–1907 гг. финский географ И. Г. Гранэ побывал в Уюкской котловине, на р. Элегест и в районе Чаа-Холя, также сфотографировал стелы с надписями и одну из них вывез в Национальный музей в Хельсинки.

В 1907–1910 гг. инженер В. М. Родевич, занимаясь геодезическими работами в начальной части Саянского каньона, отметил Чингисханову дорогу, которую он увидел, сплавляясь по Улуг-Хему. Он писал: «Чингисханова дорога — старинное шоссе через Кемчикские (Хемчикские) горы и степь, длиной верст 100, от Джакуля (Чаа-Холя) на Кемчик». В каньоне она прослеживается от входа реки в Саянские горы до устья Хемчика. В. М. Родевич приводит предание, согласно которому она «сооружена кочевавшим на рубеже XII–XIII вв. Чингисханом, чтобы ездить ему на поклонение великой реке Кему с малой реки Кемчика, где он стоял». Интересно его замечание о наличии древних оросительных систем, т. е. остатков старых арыков (по-местному мочагов), подпорных стенок, высеченных в скале лотков по р. Иликему (Эйлиг-Хему) и Темир-Суку (Темир-Сугу). Недалеко от Джакуля (Чаа-Холя) он отметил в горах

левого берега полутемную пещеру с изображением Будды (Родевич 1912: 145–146). Кроме того, он видел на некоторых могильных плитах и кое-где на скалах знаки и надписи, язык которых преимущественно «древнекиргизский» (Там же: 46).

В 1913 г. по поручению Общества естествоиспытателей при Казанском университете экспедицию в Туву возглавил биолог С. А. Теплоухов. Экспедиция имела задачу обследовать регион в антропологическом, археологическом и этнографическом отношении. Упомянем данную экспедицию в связи с тем, что, успешно проработав два месяца, ее сотрудники отправились вниз по Енисею на плоту через Саянский каньон. Эта поездка внесла решительные изменения в судьбу С. А. Теплоухова: буквально за 10 лет он стал крупным археологом-сибиреведом, а созданная им для культур Минусинской котловины периодизация справедлива в целом и для Тувы.

В 1914 г. для ревизии деятельности заведующего устройством русского населения В. К. Габаева в Туву был направлен чиновник Главного управления земледелия и землеустройства С. Р. Минцлов. Будучи в Урянхайском крае, он произвел совершенно некачественные раскопки курганов: копал их шурфами, без какой-либо графической фиксации и дневниковых записей. Судя по всему, это были курганы скифского времени: умершие лежали на боку, около черепов располагались предметы домашнего обихода. Покойные были окружены срубом из лиственницы, который «при сгнивании обрушивался вниз», раздавливая скелеты. Многочисленные предметы из археологических раскопок весили почти 400 кг.

Оригинальна цель его изысканий — точное выяснение родины так называемой чуди. Предыдущие исследователи предполагали родину этого народа в Минусинском крае, но раскопки Минцлова «устанавливают родину чуди в Урянхайском крае, подтверждением чего служат многочисленные памятники их культуры». Затем «чудь ушла за Саяны в Минусинский уезд и оттуда в Русь; чудь жила в Урянхае только в бронзовом веке, следов перехода к железному — не найдено, они видны уже в Минусинском крае» (Известия ИАК. Вып. 58. 1915: 57–58). Вторая заметка совсем короткая, но содержит те же измышления: «Из Григорьевки сообщают, что археолог Минцлов, производя обследование Урянхайского края, нашел у подножия хребта Танну-олу (Танну-Ола) чудские рудники, плавильные печи — остатки поселений бронзового века. В курганах найдены длинноголовые черепа, предметы, тождественные с минусинскими, устанавливающие передвижение Чудского племени в Россию из Центральной Азии» (Там же: 55).

Фотографии каменных изваяний, наскальных рисунков, буддийской ниши Чурумал-Бурхангыг, каменных курганов с установленными рядом с ними каменными стелами, земляных курганов и другого, исполненные Минцловым, сохранились в Научном архиве ИИМК РАН (ФО. Отп. Q 635).

В том же 1914 г. англичанин Д. Каррутерс, побывавший в Урянхайском крае в 1910–1911 гг., писал, что между Джакульской (Чаа-Хольской) долиной и р. Хемчик он нашел «хорошо сооруженную большую дорогу шириной в шесть ярдов, поднятую над уровнем окружающей ее степи, с канавами по обеим ее сторонам. Полотно этой

дороги было так же ровно и так же хорошо укатано, как и на любой английской большой дороге, на поверхности ее нет никаких следов. <...> Назначение этой дороги остается для нас необъяснимым» (Каррутерс 1914: 120–121).

В 1914 г. Южнорусская земская переселенческая организация отправила в Урянхай еще одну экспедицию — под руководством О.Б. Згерского-Струмило, в состав которой входило семь человек, кроме проводников и рабочих. Цель экспедиции — всестороннее исследование края. Страна «будет исследована в геологическом, археологическом и этнографическом отношениях» (Известия ИАК. Вып. 58. 1915: 54–55), однако о результатах экспедиции неизвестно.

А.В. Адрианов смог вернуться к исследованиям в Туве только в 1915–1916 гг. По Открытому листу, выданному ИАК, он раскопал более 60 курганов разных исторических периодов. Собственно говоря, это были первые серьезные археологические исследования на территории Тувы. Проведя зиму в Туве, он осуществил разведки от долины р. Хемчик до Бий-Хема, открыл и сфотографировал ряд памятников. Коллекция материалов из раскопок хранится в Томске, в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета (кол. 6041), а отдельные фотографии раскопок, добытого материала и копий наскальных изображений попали в архив ИАК (РО. Ф. 42. Д. 259; РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 120; РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 240; РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 242; ФО. Отп. О.1775).

Таким образом, из древних памятников путешественники и исследователи, посещавшие Туву, в первую очередь описывали буддийскую нишу в горе Сюме на левом берегу

*Вид кладбища с могилами, окаймленными вертикально поставленными плитами. Урочище Саадак-Терек в степи на правом берегу р. Хемчик. Урянхайский край.
Фото С.Р. Минцлова, 1914 г. (ФО. Отп. Q 635-25)*

*Каменное изваяние. Долина р. Хемчик. Урянхайский край. Фото С.Р. Минцлова, 1914 г.
(ФО. Отп. Q 635-21)*

р. Чаа-Холь, отмечали монументальную кладку из плитняка вдоль левого берега Улуг-Хема на участке Саянского каньона выше устья р. Хемчик, дорогу Чингисхана, как образно назвал ее Г.Е. Грумм-Гржимайло — «несокрушенное временем шоссе», и, конечно, средневековые памятники рунической

письменности и каменные изваяния людей и животных. Можно прийти к заключению, что к активно развернувшимся в это время исследованиям тувинских древностей ИАК практически не имела отношения. Лишь в 1915–1916 гг. по заданию ИАК здесь работал А.В. Адрианов.

Результаты исследований в Сибири в период деятельности ИАК следует считать весьма значимыми. В первую очередь это обуславливалось тем, что здесь было раскопано значительное количество разновременных и разнотипных погребальных памятников, разработаны первые классификации курганных объектов, отразившие разнообразие сооружений и достаточно точное разделение их на памятники эпохи бронзы и железа. Постепенно совершенствовалась методика раскопок, которыми были охвачены районы Западной Сибири, Южной Сибири, Забайкалье. Археологические коллекции, представленные материалами из раскопок и случайными находками, пополнили фонды столичных и местных музеев. Результаты ряда исследований были опубликованы в «Отчетах» ИАК и отдельными изданиями. В фотографических материалах основную массу составляют снимки находок, поступавших «на обозрение» в ИАК и далее распределявшихся по музеям. Если право «первенства» на некоторые категории древностей и принадлежало Императорскому Эрмитажу и Историческому музею в Москве, то все же стоит отметить, что многие находки сразу оставались в местных музеях, при этом предпочтение отдавалось музеям при университетах. Роль ИАК в формировании

этих фондов очевидна: несмотря на отсутствие в тогдашней музейной и археологической практике принципа «единства и неделимости» коллекций, Комиссия, существующая в столице, прекрасно осознавала не только практическую невозможность доставки всех открытых древностей в Петербург, но и необходимость формирования собраний древностей в провинции.

К началу XX в. в Сибири было создано около полутора десятков музеев. Самым первым в 1840-х гг. при Главном управлении Восточной Сибири организован Иркутский музей, где в конце XIX в. работали И.Д. Черский, М.П. Овчинников, Н.И. Витковский, Б.Э. Петри и др. Тобольский музей, с археологической деятельностью которого были связаны краевед М.С. Знаменский и историк И.Я. Словоцков, открылся в 1870 г. С Омским музеем, основанным в 1877 г., сотрудничали Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, М.В. Певцов и др. Один из самых известных — Минусинский музей также существует с 1877 г. До конца своей жизни его возглавлял Н.М. Мартьянов. Томский университетский музей (этнолого-археологический) открыт в 1882 г. Возглавлял его В.М. Флоринский. В тесной связи с музеем работали сотрудники университета С.К. Кузнецов, Н.Ф. Кашенко, а также А.В. Адрианов, Г.Н. Потанин,

И.П. Кузнецов, антрополог С.М. Чугунов. Инициаторами создания музея Приенисейского края в Красноярске, открывшего двери в 1889 г., были И. А. и Ю.П. Матвеевы, директором в течение 20 лет — зоолог, орнитолог А. Я. Тугаринов. Сотрудниками музея являлись А.П. Ермолаев, И.Т. Савенков. В Якутске музей открылся в 1891 г., основание музеев в Нерчинске и Чите связано с именем А.К. Кузнецова (1845–1928), члена Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Музеи в Барнауле, Тюмени и Владивостоке заработали в один и тот же 1892 г., в Енисейске — в 1893 г., в Забайкальске — в 1895 г. Позже других были организованы музеи в Троицкосавске и Хабаровске — 1902 г.

Тогда же был основан Кяхтинский музей, с которым сотрудничали Ю.Д. Талько-Грынцевич, учитель А.П. Мостиц, местный житель, кожевник Н.Н. Агапитов, а также этнограф и священник И.А. Подгорбунский. П.С. Михно — самый активный участник создания Троицкосавского музея, подарил ему свои первые естественно-исторические коллекции. В годы советской власти П.С. Михно 15 лет возглавлял этот музей, обследовал археологические памятники юго-западного Забайкалья и Северной Монголии, Агинскую степь Восточного Забайкалья.

Исследовательская и просветительская деятельность музеев, часто единственных культурных центров в провинциальных городах, была чрезвычайно важна. Музеи организовывали и проводили экспедиции, нередко далеко за пределами своего региона. За разрешением на раскопки музеи обращались в ИАК. Директора музеев, например, минусинского Н.М. Мартъянов, томского университетского В.М. Флоринский,

сами раскопки не производили, поручая их сотрудникам, известным своим интересом к археологии. Музеи, постоянно пополнявшиеся новыми материалами, в том числе и через Комиссию, занимались созданием постоянных экспозиций и временных выставок, накоплением и сбором коллекций по разным направлениям науки — археологическим, этнографическим, антропологическим и т.п. Сотрудники музеев проводили научные исследования коллекций, их публикацию, введение в научный оборот. Издательская деятельность велась совместно с соответствующими отделами ИРГО. Основные итоги исследований по разным направлениям публиковались в ежегодниках, записках, докладах, но также и в изданиях ИАК (Матющенко 2001: 30–34).

Известно, что ИАК уделяла особое внимание «сохранению случайных находок древностей». Для поощрения к предоставлению в Археологическую комиссию находимых древних вещей выдавалось денежное вознаграждение, величина которого определялась не только ценой золота, серебра или иного вещества, из которого они были сделаны, но и их археологическим достоинством и редкостью. В «Положении» об ИАК отмечалось, что древности, представленные в Комиссию, но не приобретенные ею, возвращаются по принадлежности (§ 12) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 4 об. — 5). Поэтому археологические материалы из Сибири хранятся не только в Эрмитаже, Историческом или Румянцевском музеях, но и в Томском, Красноярском, Минусинском и др.

Случайные находки в Сибири, как и в других регионах, были сделаны в основном во второй половине

XIX — начале XX в., хотя, конечно, их открывали и раньше. В какой-то мере это было связано с активной сельскохозяйственной колонизацией края, а «приведение их в известность» можно объяснить деятельностью ИАК, хотя, как уже было отмечено, не все находки представлялись в Петербург — многие оседали в руках коллекционеров, другие изначально предназначались для передачи в определенный музей.

Известия о случайных находках в Сибири поступали в ИАК начиная с 1860 г. Так, из Красноярского уезда Енисейской губернии сообщили о находке железного кинжала (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 23). В 1877 г. для Императорского Эрмитажа у коллекционера Дзероминского приобрели древние серебряные вещи, найденные на Иртыше (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г. Д. 24). Средневековые китайские зеркала, орудия, оружие, украшения сбруи и седла; железная ажурная пластина от седла с изображением драконов были доставлены в ИАК Н.И. Булычевым, который в 1903 г. стал сверхштатным членом Комиссии (ФО. Нег. III 7708–7710). В разные годы у крестьянина С.С. Усова куплены разновременные древности из Тарского округа: каменные клинья, медные кельты, украшения, глиняные пряслица и грузила, поясная орнаментированная бляха, прорезная бляха в виде единорога и др. (ФО. Нег. III 11477–11478). В 1883 г. в ИАК поступило сообщение о монетах, найденных в г. Томске (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г., Д. 18), а через два года — о находке «пайдзе» в Енисейской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 15) и некоем бронзовом предмете, присланном в Комиссию на рассмотрение Ружинским из Тобольска (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 46). В 1888 г. в Томской

губернии случайно были найдены бронзовые сосуды (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 53), а в следующем году в Комиссию сообщили о древностях, которые были добыты крестьянами из кургана близ г. Красноярска (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 78). В 1891 г. в ИАК сообщили о древностях, приобретенных в г. Тобольске (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 146), и медной пластинке с орнаментом и китайскими надписями, принесенной в дар Комиссии И.А. Лопатиным, который уже в 1888 г. был избран членом-корреспондентом ИАК именно за передачу в Петербург большой коллекции древностей бронзового века из Южной Сибири, в особенности из Минусинского края (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 157). Он прислал опись древностей, доставленных им к этому времени в ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 201; РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 216; РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 253). В ИАК часто сообщали о находках монет — в Томской и Тобольской губерниях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 66; РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 48; РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 146), в Забайкалье (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 236).

Комиссия приобретала как отдельные вещи, так и целые коллекции, а в случае невозможности покупки производила их фотофиксацию для собственного архива. В Енисейской губернии были найдены железный шишак и кольчуга (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 82). Золотой спиральный браслет, обнаруженный в долине р. Хемчик в Урянхайском крае, был приобретен Комиссией в 1894 г. (ФО. Отп. О.687-6). Каменные орудия, средневековые железные плоские и трехлопастные с отверстиями в лопастях наконечники стрел, тагарские бронзовые ножи, кельты, железные наременные наконечники

Средневековые китайские зеркала, орудия, оружие, украшения сбруи и седла.
Доставлены в ИАК Н. И. Булычевым (ФО. Нег. III 7708–7710)

Золотой спиральный браслет из долины р. Хемчик (ФО. Отп. О.687-6)

и двусоставные удила были собраны в 1900 г. этнографом П.Е. Островских, в 1894–1907 гг. служившим податным инспектором Туруханского края. Они были найдены на Афонтовой горе, в с. Ладейском, близ Красноярска и в других местах Енисейской губернии (ФО. Нег. III 7795–7797). В том же году была приобретена собранная по р. Ангаре коллекция, включавшая ножи, кинжалы, кельты, топоры, подвесные чернильницы (ФО. Нег. III 7798). Древности из разных мест Енисейской губернии: ножи, кинжал, бронзовые кельты, удила, псалии, костяные фигурки животных и человека, в основном изделия тагарского периода, — составили коллекцию И. Т. Савенкова. После фотографирования в ИАК предметы были возвращены владельцу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 156; ФО. Нег. IV 1562, III 8284; ОИАК за 1892 г. 1894: 93).

Помимо разновременных случайных находок из Сибири происходит значительное количество изделий из серебра, многие из которых опубликованы специально занимавшимся

этим вопросом Я.И. Смирновым (см.: «Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи». СПб., 1909).

В Тобольской губернии обнаружены серебряный позолоченный кувшин на поддоне с гравированным фризом с бегом зверей, отдельными изображениями в медальонах и арабской надписью по краю, который был изготовлен в Северном Иране в XI в. (Смирнов 1909: № 316) (ФО. Нег. II 27541–27542), и серебряный ковш с длинной ручкой (Смирнов 1909: № 163). Из клада, найденного у р. Иртыш, происходят серебряный с позолотой поясной ковш с орнаментом в клеймах (Золотая Орда, XIII в.), серебряный кубок с орнаментом вокруг борта и изображением птицы в клейме (Там же: № 198) и браслет; из с. Истяжские Юрты — серебряное рельефное поясное изображение женщины; с. Пашкины Юрты — серебряное блюдо с изображением змеи (Там же: № 167) (ФО. Нег. III 7692, IV 290).

Серебряный кувшин с арабской надписью и гравированными изображениями животных на фризе и в медальонах. Тобольск (ФО. Нег. II 27541–27542)

Серебряный четырехугольный поднос с куфической надписью, с. Мужы, Березовский уезд, Тобольская губерния (ФО. Нег. II 25972)

Серебряный ковш с ручкой в виде фантастического зверя и изображением лисицы на дне. Клад 1893 г., д. Терехово, Тарский уезд, Тобольская губерния (ФО. Нег. II 26389–26390)

В с. Мужы Березовского уезда приобретена плоская серебряная чаша, с позолотой и чернью, и с изображением на дне всадника, стреляющего из лука, датируемая XII — началом XIII в. и, возможно, изготовленная в Волжской Болгарии (Смирнов 1909: № 155); у остяков — серебряный с чернью четырехугольный поднос с куфической надписью, вероятно, принадлежавший Исмаилу Алтунташу, правившему в Хорезме до 1041 г. (Там же: № 150) (ФО. Нег. II 25972), и бляха с изображением всадника с птицей в руке (Смирнов 1908: рис. 24). Серебряная бутылка с восточным орнаментом и куфическими надписями, найденная в Березовском уезде, датирована XI в. и происходит из Тохаристана (Там же: № 147).

В д. Терехово Тарского уезда в 1893 г. был найден клад, в состав

которого входили два золотоордынских (XIII в.) серебряных поясных ковши с ручкой в виде фантастического зверя и изображением лисицы на дне (Там же: № 237, 238) (ФО. Нег. II 26389–26390); две серебряные чаши, одна — с ручкой в виде головки грифона с кольцом и орнаментом по бортику (Смирнов 1909: № 240) и вторая — с растительным орнаментом по борту (Там же: № 239), а также 20 золотоордынских монет 1313–1362 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 192; ФО. Отп. Q 476-71–74, Q 663-21). Все предметы хранятся в Эрмитаже, куда были переданы через ИАК.

Кроме того, в атласе «Восточное серебро» опубликованы: фрагмент серебряного сосуда — дно с рельефным изображением двух грифонов, найденный в начале XIX в. в Барнаульском округе (Смирнов 1909: рис. 4); серебряная чаша на ножке, с рельефным пояском на стенках — в Гурьевском заводе (Там же: № 202).

Обнаруженная в XVIII в. в Сибири серебряная чашка с ручкой, украшенная каннелюрами (Там же: № 115) (ФО.

Серебряный подвесной флакончик с крышкой, украшенной розеткой (ФО. Нег. II 26642)

Золотая ваза с изображениями птиц, растительным орнаментом и двумя кольцеобразными ручками (ФО. Нег. III 7680)

Отп. О. 755-8), сохранилась только в рисунке. Кроме нее найдены серебряные статуэтки крылатых коней (Смирнов 1909: рис. 9 и 10), фигурка женщины с покрывалом в руках (Там же: рис. 3), пластина в виде рыбы (Там же: рис. 18), серебряный «дуршлаг» (Там же: № 165) (ФО. Нег. III 8005). Серебряный подвесной флакончик с крышкой, украшенной розеткой (Смирнов 1909: № 33) (ФО. Нег. II 26642), был доставлен Д. Г. Мессершмидтом. Золотая ваза с изображениями птиц, растительным орнаментом и двумя кольцеобразными ручками (Смирнов 1909: № 24) (ФО. Нег. III 7679–7681) — из числа вещей, посланных сибирским губернатором князем М. П. Гагариным.

На р. Большой Анзас в Минусинском округе найдена серебряная чашка (Смирнов 1909: № 319); в с. Нюкское Верхнеудинского округа Забайкальской области — серебряные сосуд с узким горлом (Там же: № 173); два блюда,

одно из них гладкое, во фрагментах (Там же: № 174, 175), и четыре гладкие чаши (Там же: № 177, 178, 179, 180). Три серебряных гладких кубка были обнаружены в д. Карымской Красноярского округа Енисейской губернии (Там же: № 207–209) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 198). Четыре случайно найденных средневековых серебряных сосуда были приобретены ИАК через П. С. Проскурякова для Исторического музея за 60 руб. (Там же. Д. 140. Л. 8–10, 43, 44). Происхождение и местонахождение двух золотых кубков с орнаментом вокруг борта (Смирнов 1909: № 195, 196) неизвестно.

Происхождение и местонахождение золотого подвесного флакончика с крышкой, украшенной розеткой (Там же: № 33), и двух золотых кубков с орнаментом вокруг борта (Там же: № 195, 196) неизвестно.

Таким образом, Императорская археологическая комиссия почти с самого начала ее создания работала

в контакте с сибирскими исследователями — краеведами, историками, художниками, инженерами и представителями других специальностей — любителями археологии. Контакты в основном были «заочными»: ИАК высылала инструкции, оказывала административную и финансовую помощь, требовала своевременного предоставления отчетов, рисунков вещей, описей и другой документации по раскопкам. Качество работ было разным, поскольку методика раскопок еще не была разработана.

Характер взаимоотношений ИАК с местными научными силами в Сибири хорошо виден из текста специальной «Инструкции», в которой изложены основные положения полевых исследований (см.: Спицын 1895). Подобные инструкции регулярно выдавались в 1890–1910-е гг., когда в условиях действия Высочайшего повеления 1889 г. Археологическая комиссия не только пришла к соглашению с учеными обществами, но и выработала единую практику регламентации полевых исследований и связанной с ними отчетности (подробнее см. главу I; см. также: РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 205–209). Основные требования и положения этого документа выдержали «испытание временем» и остаются неизменными и в наши дни.

Так, в 1903 г. Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отделения Русского географического общества намеревалось произвести раскопки в Забайкальской области и запросило в Петербурге Открытый лист (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 257. Л. 2–4). Одновременно с выдачей Открытого листа на производство раскопок ИАК уведомила об этом местное начальство «для оказания законного

содействия лицу, получившему такой лист». В инструкции, сопровождающей лист, были оговорены правила предоставления отчета и его содержание. По окончании раскопок и по приведении в порядок добытых коллекций исследователь должен был доставить в ИАК подробное описание памятников древности с точными указаниями на положение всех обнаруженных находок. Описание каждого погребения было необходимо сопроводить чертежами, представляющими устройство могил и могильных сооружений, а также расположение в могилах костяков и предметов: «доставление таких чертежей обязательно, равно как и доставление (хотя бы глазомерного) плана местности и могильника» (Там же; ср.: Спицын 1895).

Важным пособием при ведении журнала работ и при составлении отчета служил прилагаемый образец дневника с графическими изображениями скелета, на которых сохранившиеся части костяка должны были отмечаться с помощью затушевки, а их особенное положение — фиксироваться посредством соответствующей перерисовки. Приведенная в дневнике сетчатая схема была предназначена для нанесения профиля курганов и могил, круг — для зарисовки погребений и каменной кладки горизонтального разреза кургана. На круге должны были отмечаться части кургана, оставшиеся нераскопанными.

Сделанные находки вместе с журналом раскопок должны были быть доставлены не позже конца года для представления на Высочайшее воззрение, после чего, по указанию автора раскопок или лица, давшего средства на их производство, находки передавались в один из правительственных или общественных музеев; отдельные

предметы, имеющие выдающееся научное значение, по усмотрению ИАК, могли быть отданы для помещения в Императорском Эрмитаже или Императорском Российском историческом музее. Вещи должны были пересылаться в Комиссию «с перечневой описью и с нумерами на прикрепленных к вещам ярлычках». Громоздкие и ломкие предметы, с согласия Комиссии, могли не доставляться в Петербург.

Комиссия также обращалась к лицам, производящим раскопки, «не отказать в доставлении ей общих сведений о состоянии местных памятников древности, предположений о мерах к их охранению, указаний на применение при раскопках новых приемов, сведений о хищнических раскопках, о случайных находках, о местных археологических коллекциях и т. д.».

Заканчивая наш обзор, стоит подвести краткие итоги. Первые раскопки были проведены В.В. Радловым в 1860-е гг. Затем более 10 лет сибиряки не обращались в ИАК за листами. Новый виток изучения древних памятников начался в 1880-е гг. Он характеризуется значительным накоплением материала, созданием первых типологий памятников, первыми попытками их периодизации, однако никаких конкретных названий культурам не было присвоено — все это произойдет уже вне рамок деятельности ИАК.

В это же время попытки классификации памятников были сделаны В.В. Радловым, Д.А. Клеменцем, И.П. Кузнецовым-Красноярским,

активно сотрудничавшими с Комиссией. Некоторые из сибиряков стали членами-корреспондентами ИАК. В начале XX в. экспедиции проводятся реже, что обусловлено, конечно, общим положением России, сокращением финансирования археологических работ, трудностями с наймом рабочих и т. п. Тем не менее, работы понемногу продолжались до конца существования ИАК.

Большая роль в сотрудничестве с ИАК принадлежала сибирским музеям, которые активно включились в сбор материала, направляли его после экспедиций в Комиссию для обозрения и оценки, при этом обычно сопровождали посылки письмом с просьбой вернуть его обратно: для экспозиции и дальнейшей научной обработки. Естественно, материалы, назначенные ИАК к хранению в Эрмитаже и Историческом музее, передавались им — это были в основном предметы восточного серебра и оригинальные вещи, не имеющие аналогов или найденные в одном экземпляре. Из монетных кладов несколько экземпляров оставляли в Эрмитаже, другие отсылали в другие музеи, в том числе в Московский и Петербургский университеты.

То, что было сделано в период деятельности Императорской археологической комиссии, получило дальнейшее развитие при ее преемниках — археологических учреждениях СССР и современной России.

Г.В. Длужневская,
Н.А. Лазаревская

Научное издание

**Императорская археологическая комиссия (1859–1917):
история первого государственного учреждения
русской археологии от основания до реформы**

Коллективная монография в 2 т.

Т. 1.

Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева

Корректор М. А. Иванова
Цветокоррекция И. Н. Лицука
Оригинал-макет С. Г. Бочаровой
Дизайн обложки О. Д. Курты

Подписано в печать 04.12.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 72,15.

Тираж 1000 экз. Заказ № 714

Отпечатано в ООО «Невская Типография»,
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.

Тел. +7(812) 380-79-50

E-mail: spbcolor@mail.ru

ISBN 978-5-9072-9806-4

9 785907 298064